

Нацыянальная акадэмія навук Беларусі

Государственное научное учреждение
«Институт философии НАН Беларуси»

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
управление знаниями
в контексте задач
социально-экономической
модернизации**

Материалы Второй международной
научной конференции,
г. Минск, 12–13 ноября 2015 г.

Минск
«Право и экономика»
2016

УДК 101.1:316+130.2 (476)
ББК 87.3
И73

Редакционная коллегия:

А. А. Лазаревич, В. А. Максимович, И. Б. Михеева, А. В. Воскобович,
В. В. Демиров, М. Б. Завадский, Н. С. Ильющенко, С.А. Мякчило, Т. В. Чицова

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси Л. Ф. Евменов,
доктор философских наук, профессор П. В. Кикель

И73

Интеллектуальная культура Беларуси : управление знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации : мат. Второй междунар. науч. конф., г. Минск, 12–13 ноября 2015 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2016. – 465 с.

ISBN 978-985-552-532-6.

Сборник содержит доклады и тезисы докладов, сделанных в рамках Второй международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации», состоявшейся 12–13 ноября 2015 г. в Институте философии Национальной академии наук Беларуси.

Предназначен для исследователей и преподавателей социально-гуманитарного профиля, специалистов в области философии и методологии науки, теории и практики инновационного развития, социологии, политологии, педагогики и других дисциплин, работников органов государственной власти и управления, руководителей предприятий и организаций, а также аспирантов, магистрантов, студентов и всех, кто интересуется актуальными проблемами социально-экономической модернизации, постиндустриальных трансформаций общества и инновационной политики в опоре на новейшие производственные и социально-гуманитарные технологии.

УДК 101.1:316+130.2 (476)
ББК 87.3

ISBN 978-985-552-532-6

© Государственное научное учреждение «Институт философии НАН Беларуси», 2016
© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2016

Научное издание

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
управление знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации.
Материалы Второй международной научной конференции,
г. Минск, 12–13 ноября 2015 г.

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 25.11.2015 Формат 60x84_{1/16} Бумага офсетная
Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 29,7 Уч.изд.л. 47,7 Тираж 100 экз. Заказ № 2168
ИООО «Право и экономика» 220072 Минск Сурганова 1, корп. 2
Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66

E-mail: pravo-v@tut.by; pravo642@gmail.com Отпечатано на издательской системе

KONICA MINOLTA в ИООО «Право и экономика»

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное
Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.
в качестве издателя печатных изданий за № 1/185

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси <i>В. Г. Гусакова</i>	12
Приветственное слово академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси <i>А. А. Ковалени</i>	13
Послание Генерального директора ЮНЕСКО <i>Ирины Боковой</i> по случаю Всемирного дня философии 19 ноября 2015 года	14
1 ФИЛОСОФСКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	16
1.1 Интеллектуальная культура и интеллектуальный капитал социума как объект междисциплинарного исследования	16
<i>А. А. Лазаревич</i> . Республиканский центр фундаментальной и практической философии – перспективный кластер по изучению и развитию интеллектуальной культуры Беларуси	16
<i>В. А. Салеев</i> . Концепт "интеллект" в ареале культуры	19
<i>Т. И. Адуло</i> . Человеческий капитал и интеллектуальный капитал как агенты социальной динамики	22
<i>В. А. Ильганаева</i> . Интеллектуальный капитал в контексте расширения методологического поля исследований знания	26
<i>Е. А. Нестерук</i> . Интеллектуальный капитал как фактор реализации человеческого потенциала в современных научных знаниях	28
<i>И. О. Яблочникова, С. Л. Яблочников</i> . К вопросу оценки успешности действий по формированию интеллектуального капитала общества	30
<i>Cornelia Neagu</i> . Capitalul Intelctual: Realităi, Potenial, Perspective	31
<i>В. К. Степанюк</i> . Интеллектуальный потенциал субъектов и объектов управления современным обществом	34
<i>В. Н. Семёнова</i> . К вопросу о роли интеллектуального капитала в эпоху "нового Средневековья"	36
<i>Ю. В. Дедолко</i> . Комплементарное взаимодействие экономического, интеллектуального и социального капиталов как фактор научно-технического и социального прогресса	38
<i>В. А. Костенич</i> . Интеллектуальная культура и смысловые измерения духовных вертикалей	40
<i>А. Ю. Дудчик</i> . Понятия "трансфер" и "рецепция" в изучении интеллектуальной культуры	42
1.2 Философско-методологические аспекты динамики интеллектуальной культуры	44
<i>Д. И. Широканов</i> . Интеллектуальный потенциал синтеза категориальных структур	44
<i>Б. М. Лепешко</i> . Трансформация методологических систем: сущность и альтернативы	46
<i>В. И. Чуешов</i> . Аргументологическая диалектика и экспертиза	48
<i>В. Ф. Берков</i> . О критериях истинности в историографии	50
<i>И. Д. Денисенко</i> . Проблемное поле современных знаний: в поисках адекватных методологических оснований исследования	51
<i>А. В. Титов</i> . Проблема формализации знаний в задаче моделирования процессов управления и прогнозирования развития сложных объектов	53
<i>А. Н. Спасков</i> . Ключевая роль времени в решении фундаментальных проблем постнеклассической науки	55
<i>А. Е. Михайлов</i> . Принцип детерминизма в методологии глобального прогнозирования	57
<i>О. В. Новикова</i> . Конструктивный характер социальной реальности как проблема социальной эпистемологии	59

<i>Л. М. Злотникова. Невежество как предмет мультисциплинарного исследования</i>	61
1.3 Статус философии и социально-гуманитарного знания в интеллектуальной культуре современности	63
<i>А. И. Зеленков. Амбивалентный статус философии в культуре постсовременности</i>	63
<i>В. В. Позняков. Организационные структуры современной гуманитаристики</i>	65
<i>Р. С. Сартаева. О значении философских исследований в эпоху современных социокультурных трансформаций</i>	69
<i>Ю. П. Серeda. Социогуманитарное знание как стратегический ресурс развития интеллектуальной культуры: проблемы и перспективы</i>	71
<i>А. А. Карпенко. Противоречия специализации философского познания</i>	73
<i>Н. Г. Севостьянова. Освоение философских источников как образовательный ресурс управления знаниями</i>	75
<i>Н. С. Ильюшенко. Роль и функции практики философского консультирования в обществе, основанном на знании</i>	76
<i>М. Б. Завадский. "Философское кафе" как инструмент интеллектуальной культуры</i>	78
<i>Л. Е. Лойко. Традиции интеллектуальной культуры и преемственность научной деятельности</i>	81
<i>А. А. Спектор. Роль фундаментальной науки в современном мире</i>	82
1.4 Специфика интеллектуальной культуры в обществе, основанном на знании	84
<i>А. И. Сыкало. Переход к новому цивилизационному формату: утопия или реальность?</i>	84
<i>Е. В. Беляева. Что такое знание в "обществе, основанном на знаниях"</i>	86
<i>О. П. Пунченко. Современные информационные технологии как отражение конструктивной функции интеллекта</i>	88
<i>В. А. Еровенко. Философия искусственного интеллекта в контексте интеллектуальной компетентности и интеллектуально-математического творчества</i>	90
<i>С. Г. Новиков. Формирование ценностно-мировоззренческих ориентиров "общества знания" в России и Беларуси в контексте исторического опыта середины XX в.</i>	92
<i>Н. И. Мушинский. Развитие общества знания в Беларуси как этико-философская проблема справедливости</i>	94
<i>И. И. Дыдышко. Вехи раскрепощения технического интеллекта человечества</i>	96
<i>Т. М. Смоликова. Технологии и человек в симбиозе развития</i>	97
<i>Н. В. Коноваленко. Специфика информационно-коммуникативного аспекта развития современной философии управления как отрасли научного знания</i>	99
<i>И. Б. Михеева. Консультационно-экспертное знание в системе интеллектуальной культуры</i>	101
<i>М. А. Дедюлина. Popular Science и экспертное знание в мире технологий</i>	103
<i>В. А. Иноземцев, И. В. Иноземцев. Экспертное знание в системах искусственного интеллекта</i>	105
<i>Д. В. Сергеев. Теория прагмасемантического поведения как эпистемологическая основа изучения культурных текстов постиндустриального общества</i>	107
<i>И. И. Таркан. Медиафера в обществе знаний</i>	108
1.5 Социально-антропологическое измерение современной интеллектуальной культуры	110
<i>Я. С. Яскевич. Гибкость и креативность как интеллектуальный ресурс развития современного сетевого общества</i>	110
<i>S. Ciutac. The Human Potential of the Contemporary Society: Issues and Trends</i>	113
<i>В. А. Максимович. Личность как созидающий субъект культурной традиции</i>	114
<i>С. В. Воробьёва. Критическое мышление как моделирование личностной эпистемологии</i>	117

<i>С. А. Манилкина.</i> Феномен самоопределения личности как ресурс развития интеллектуальной культуры	118
<i>Н. Н. Струнина.</i> Ценностные приоритеты в контексте личностной идентичности.....	120
<i>Н. В. Михайлова.</i> Об интеллектуальном достоинстве в философских размышлениях Блеза Паскаля и сущности математического мышления	122
<i>О. А. Левко.</i> Фактор времени в развитии интеллектуальной культуры личности и его проявление в познании и образовании.....	124
<i>М. В. Анцыповіч.</i> Карэляцця гуманістычнага і інтэлектуальнага	127
<i>В. А. Карпиевич.</i> Человеческий ресурс и пути его формирования	130
<i>Г. И. Касперович.</i> Эмоциональный интеллект в системе современной интеллектуальной культуры	132
<i>С. М. Алейникова.</i> Конституционные ценности в интеллектуальной культуре государственных служащих Республики Беларусь	133
<i>И. В. Воробьёва.</i> Механизмы формирования профессиональной культуры специалистов сферы туризма и гостеприимства.....	136
2 УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ И ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	138
2.1 Управление знаниями: наука, технологии, практика	138
<i>Е. М. Бабосов.</i> Использование теории сложности в управлении знаниями.....	138
<i>В. В. Цепкало, В. П. Старжинский.</i> Интеллектуальный ресурс и модернизация	141
<i>Е. С. Лученкова.</i> Управление знаниями в условиях социально-экономической модернизации: акмеологические основания	143
<i>Е. А. Ротмирова.</i> Особенности освоения культуры управления познанием	144
<i>Л. А. Парфёнова.</i> Институционально-организационные принципы государственного управления знаниями как выражение интеллектуальной культуры страны.....	147
<i>В. С. Кулик, С. Б. Савелова.</i> Систематизация знаний – основа проектирования организационных систем менеджмента знаний	149
<i>Т. Е. Титовец.</i> Сущность и методы управления знаниями в организации	151
<i>А. В. Комаровский.</i> Интеллектуальный капитал потребителей как основа интеллектуального капитала современной фирмы	152
<i>В. Г. Реут, О. В. Семашко.</i> Управление знаниями в системе повышения квалификации руководящих кадров и переподготовки менеджеров в сфере образования.....	154
2.2 Инновационные императивы трансформации научно-технической сферы общества	156
<i>А. И. Лойко.</i> Институциональный эволюционизм управленческих практик в области науки.....	156
<i>Л. Н. Нехорошева, Е. Г. Милоста.</i> Методы оценки коммерческого потенциала научно-технических разработок	158
<i>В. К. Лукашевич.</i> Инновационное пространство как форма реализации праксеологического потенциала интеллектуальной культуры	160
<i>И. К. Русанду.</i> Инновация в структуре устойчивого развития	163
<i>Н. С. Щёкин.</i> "Новация" и "инновация" как социально-философский феномен.....	165
<i>Marius Bulearca.</i> Scientific Traditions and Innovative Measure in the Current Economic Studies	166
<i>О. А. Наумович.</i> Перспективные направления развития интеллектуального ресурса в инновационной экономике	169
<i>М. М. Урбан.</i> Инновационная деятельность в Республике Беларусь: кадры, финансирование, результативность	170
<i>В. Г. Циватый.</i> Новая роль институционального образования, науки и знаний в условиях глобализованного мира: политико-дипломатический и философский аспекты (взгляд из Украины)	172

<i>П. Г. Давидов.</i> Вызовы "общества знаний" для Украины: образование, наука и реформы	174
2.3 Интеллектуальный капитал белорусского общества в проекции на кадровый потенциал отечественной науки	176
<i>Е. В. Шухно.</i> Ценностный компонент организационной культуры научного учреждения как фактор роста интеллектуального капитала	176
<i>Прот. Александр Шимбалеv.</i> Духовно-нравственные основы научной деятельности	178
<i>С. А. Мякчило.</i> Кластерные приоритеты модернизации научной сферы в Республике Беларусь	180
<i>Э. М. Щурок.</i> Особенности подготовки научных кадров высшей квалификации в организациях НАН Беларуси	182
<i>С. А. Пушкевич.</i> Миграционная активность молодых ученых НАН Беларуси: социологический анализ	185
<i>Т. А. Антонова.</i> Женщины-ученые как составная часть интеллектуального капитала Беларуси	187
<i>А. П. Соловей.</i> Трудности и барьеры построения научной карьеры женщины как фактор сдерживания роста интеллектуального капитала науки.....	189
2.4 Модернизация общества как культурно-этический феномен	191
<i>Н. Н. Жоголь.</i> Духовно-нравственные ценности как основа гуманистического потенциала модернизации.....	191
<i>Л. В. Вонсович.</i> Духовно-нравственные ценности белорусского народа как основа модернизационных процессов в Республике Беларусь	193
<i>О. А. Павловская.</i> Проблема морального фактора в условиях становления информационной цивилизации.....	195
<i>И. Ф. Габрусь.</i> Внешний активизм и "внутреннее делание" (недоброкачественный перекоc современной культуры).....	199
<i>В. В. Богаченко.</i> Язык как интеллектуальный семиотический "мем" образования и ценностно-духовный ресурс современного общества	201
<i>К. О. Губич.</i> Трансформация семьи в эпоху глобализации и проблема сохранения духовно-нравственного потенциала национальных культурных традиций.....	203
<i>М. Я. Мацевич, В. В. Валейтёнок.</i> "Праздность" как онтическое свойство человека.....	205
<i>Л. И. Лукьянова.</i> Культура богатства и успешности как индикатор духовного неблагополучия современного общества.....	207
<i>Г. В. Косых.</i> Зарождение нравственности и морали в процессе первобытного общественного мироустройства	209
<i>С. П. Жукова.</i> Современная прикладная этика: предмет и структура	210
2.5 Социально-экологические аспекты модернизационного процесса	212
<i>П. А. Водопьянов.</i> Ноосферное будущее в условиях экологической нестабильности	212
<i>А. Д. Урсул, Т. А. Урсул.</i> Проблема социальной безопасности в ситуации неустойчивого развития	214
<i>Н. О. Сиротко.</i> Духовность в контексте устойчивого развития	215
<i>Н. Е. Захарова.</i> Национально-культурный и цивилизационный аспект социоприродной практики	217
<i>А. С. Червинский.</i> Философия и формирование концептуально-категориального аппарата социальной экологии	220
<i>А. Г. Злотников.</i> Интеллектуальный капитал в демографических процессах	221
<i>Д. Г. Доброродный.</i> Проблема взаимосвязи экологических и демографических факторов социально-экономической модернизации	224
<i>Marina Badileanu, Cristian Sima.</i> Complexitatea Cercetarilor Socioeconomice si Politice – Studiu de Caz: Rolul Energiei Regenerabile in Politica Energetica Europeana	226
<i>Н. А. Степаненко.</i> Становление биоэтики как важнейшее направление современной интеллектуальной культуры	229

<i>П. Ю. Молчанов. Ценностно-мировоззренческие основы трансгуманизма</i>	230
3 СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ – БАЗОВЫЙ ИНСТИТУТ ВОСПРОИЗВОДСТВА И РОСТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	233
3.1 Образование для общества XXI века: философская парадигма и перспективные модели	233
<i>А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов. Исторические стратегии образования и современность</i>	233
<i>Б. А. Медведев. XXI век: проблема просвещения в гуманитарном измерении.....</i>	235
<i>Н. Е. Шилина. Интеллектуализация высшего образования как новая парадигма XXI столетия.....</i>	237
<i>Л. С. Яковлев. Ориентация на требования экономики знаний как базовый принцип современной системы образования</i>	239
<i>В. И. Каравкин. Гуманистическая сущность и процесс образования в обществе, основанном на знаниях</i>	240
<i>С. А. Заветный, А. С. Пономарев. Нравственные аспекты философии образования в обществе знаний</i>	242
<i>А. И. Сытник. Человекоцентризм в философии образования: к постановке проблемы ...</i>	244
<i>А. В. Ляпанов. Модернизация общества через реформирование системы образования в России</i>	246
<i>Ю. Л. Загуменнов. Проблемы совершенствования образовательной политики в условиях международной интеграции</i>	248
<i>С. Г. Масько, П. С. Крючек. Парадигмы образования и модели профориентации: тенденции взаимосвязи.....</i>	250
<i>И. В. Чельшева. Тенденции и перспективы непрерывного образования средствами и на материале медиакультуры.....</i>	251
<i>Е. Ю. Гуртовая, А. А. Гуртовой. Тьюторское сопровождение и его роль в реализации принципа образования через всю жизнь</i>	253
3.2 Инновационное обеспечение высшего образования: теоретико- методологические аспекты.....	255
<i>В. А. Клименко, А. А. Клименко. Развитие университетского инновационного образования как основа формирования интеллектуального капитала общества</i>	255
<i>Н. И. Мицкевич. Квалиметрические характеристики высшего образования</i>	257
<i>В. В. Гуринович, М. С. Керимова. Инновационный подход к преподаванию в развитии интеллектуальных способностей студентов</i>	259
<i>Е. Ю. Микк. Теоретико-методологические аспекты модернизации и интеграционных процессов в области образования.....</i>	261
<i>Н. Ф. Гребень. К проблеме интеллектуального развития студенческой молодежи</i>	263
<i>В. И. Огородник, И. С. Огородник. Студенческая наука в системе высшего образования.....</i>	265
<i>Ф. И. Храмцова. Образовательный кластер "гимназия-вуз-наука" как механизм академической и социальной мобильности учащейся и студенческой молодежи.....</i>	266
<i>Н. Г. Кембровская, И. А. Капуцкая. Фундаментальные естественнонаучные концепции – необходимый элемент высшего образования</i>	268
<i>И. М. Ратникова. Компетентностный подход как методологическая основа современной образовательной модели высшей школы</i>	270
<i>Д. В. Полежаев. Философско-методологические основания компетентностно- ориентированного подхода: категориально-понятийный аспект.....</i>	271
<i>З. Г. Рудёнок. Культурная компетентность личности как социопсихологический конструкт</i>	274
<i>О. А. Велько, М. В. Мартон. Роль математического образования в формировании культуры мышления студентов социально-гуманитарных специальностей</i>	275

<i>В. А. Еровенко, Я. Д. Александрович.</i> Социальное и математическое интеллектуальное развитие в коммуникативном взаимодействии: феномен "встречи" преподавателя и студента.....	276
<i>Ф. С. Приходько.</i> О влиянии информационных технологий в образовательном процессе на формирование интеллектуальной культуры обучающихся.....	278
<i>Г. Ф. Вечорко.</i> Проблема управления самостоятельной работой студентов в процессе информатизации социально-гуманитарного образования	280
3.3 Судьбы социально-гуманитарного образования в трансформирующемся социуме.....	282
<i>И. Н. Воронович.</i> Реформирование гуманитарного образования: проблемы и перспективы.....	282
<i>А. Л. Айзенштадт.</i> Социально-гуманитарные дисциплины и Болонский процесс	284
<i>А. А. Легчилин, В. С. Сайганова.</i> Специфика научно-исследовательской работы студентов на факультете философии и социальных наук Белгосуниверситета	286
<i>В. Т. Новиков.</i> "Интегрированный модуль" как симулякр философского образования.....	289
<i>Е. В. Папченко.</i> Философский компонент современного образования: аксиологический аспект	291
<i>В. С. Щур, В. В. Ивчик.</i> Гуманитарное знание в развитии интеллектуальной культуры будущего специалиста-аграрника	292
3.4 Воспитательная деятельность как условие формирования ценностного каркаса интеллектуальной культуры	294
<i>И. В. Сабирзянова.</i> Ценностная составляющая в системе современного образования.....	294
<i>Т. В. Мамченко.</i> Интеллектуальная культура как показатель психологического здоровья семьи.....	296
<i>С. Ю. Шалова.</i> Влияние современных ценностей образования на формирование интеллектуальной культуры субъектов образовательного процесса.....	298
<i>О. В. Бессчетнова.</i> Духовно-нравственные ценности в системе образования современной молодежи в условиях социально-экономической модернизации	300
<i>Л. И. Кобышева.</i> Духовно-нравственное самоопределение личности в вузовском образовании	302
<i>И. А. Грошева, И. Л. Грошев, Л. И. Грошева.</i> Воспитательная работа как условие формирования интеллектуальной культуры молодежи	304
<i>М. Б. Горбунова.</i> Социально-личностное развитие учащихся в условиях образовательной среды: духовно-нравственный аспект	306
<i>М. А. Курилович.</i> Диалог как духовно-нравственная ценность и воспитательный ресурс модернизации образовательного процесса.....	308
<i>Е. А. Круподеря.</i> Идеи свободного воспитания в формировании гуманистических образовательных парадигм.....	309
<i>С. В. Кирпич.</i> Профессиональная подготовка специалистов и духовно-нравственное развитие личности в контексте интеллектуальной культуры.....	311
<i>М. С. Ковалевич.</i> Профессионально-ценностное самоопределение и самореализация студенческой молодежи как источник формирования ценностно-мировоззренческих ориентиров общества.....	313
<i>А. В. Калашиникова.</i> Организация культурно-досуговой деятельности: предпочтения студенческой молодежи	315
<i>О. Л. Лойко.</i> Культура здорового образа жизни в системе ценностей студентов педагогического университета.....	318
<i>О. Р. Чугрина.</i> Поликультурное образование как ресурс воспитания толерантности в межкультурном общении.....	319
<i>О. В. Шубаро.</i> Ценностные ориентации студентов БГУ	321

3.5 Начальное и среднее образование – фундамент интеллектуальной культуры	324
<i>А. В. Савинова.</i> Познавательная игра как средство формирования интеллектуальной культуры у детей.....	324
<i>М. Б. Полеицук.</i> Активизация познавательной деятельности учащихся на уроках обществоведения посредством тестовых заданий.....	326
<i>С. В. Шиманович.</i> Формирование умений решать тестовые задания в начальной школе.....	327
<i>В. Л. Горовец.</i> Использование аутентичных видеоматериалов как эффективное средство развития коммуникативной компетенции на уроках английского языка.....	329
<i>Е. К. Ситько.</i> Сочетание проблемного обучения и групповой формы работы на уроках биологии как эффективное средство формирования познавательного интереса учащихся.....	331
3.6 Личностные и профессиональные компетенции педагога средней и высшей школы	333
<i>М. И. Вишневецкий.</i> Об интеллектуальной культуре современного педагога–обществоведа.....	333
<i>А. С. Баранова.</i> Формирование интеллектуальной культуры будущего педагога.....	335
<i>А. И. Филиппов.</i> Теоретические аспекты социальной капитализации преподавателей высшего профессионального образования.....	337
<i>И. Б. Савелова.</i> Поликультурная компетентность педагога – условие полноценного диалога в системе непрерывного образования.....	339
<i>Н. И. Туровец.</i> Духовно-нравственный потенциал личности будущего учителя как фундамент национальной интеллектуальной культуры.....	341
<i>Ф. И. Храмцова, М. А. Ерофеева.</i> Профессиональная готовность студентов к гендерному воспитанию школьников в контексте парадигмы образования через всю жизнь.....	343
<i>В. И. Вязгина.</i> Профессиональная проба – эффективная форма осознанного выбора профессии.....	345
3.7 Роль художественного образования и воспитания в формировании интеллектуальной культуры	347
<i>Т. Д. Скуднова.</i> А. П. Чехов о духовно-нравственном воспитании человека.....	349
<i>У. Л. Аляксандраў.</i> Адукацыйная мадэль у творчасці Д. Андрэева.....	351
<i>М. Л. Кузьмінiч.</i> Цэласнасць сiстэмы музычнай адукацыi як умова эфектыўнасцi яе функцыянавання.....	353
<i>Е. А. Цымбалюк.</i> Природа учебной музыкальной деятельности в парадигме художественного образования через всю жизнь.....	355
<i>Т. В. Уколова.</i> Киноклуб как метод продвижения идеалов спорта и здорового образа жизни.....	357
4 НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИНАМИКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	358
4.1 Духовно-культурная традиция: сущность и социосозидающий потенциал	358
<i>А. И. Осипов.</i> Культурно-историческая традиция как легитимирующий фактор социальных трансформаций.....	358
<i>Э. И. Рудковский.</i> Культурный код нации как духовный ресурс модернизации.....	360
<i>И. Н. Колядко.</i> Интеллектуальная традиция в контексте социокультурных трансформаций.....	361
<i>А. И. Левко.</i> Рациональные и иррациональные составляющие интеллектуальной культуры белорусов и роль знаний в ее развитии.....	364
<i>В. В. Анохина.</i> Медиатизация интеллектуального поля национальных культур: вызовы глобализации.....	370

<i>А. П. Мядель.</i> Аксиологический потенциал национальной идентичности в контексте глобализации: проблема определения	372
<i>Г. Ж. Джуманова.</i> Укрепление национальной идентичности как воспитательный ресурс модернизации	374
<i>О. И. Давыдик.</i> Методологические аспекты модернизации национального самосознания: поиск парадигмальных оснований.....	376
<i>Бася Никифорова.</i> Параметры измерения культурного пространства литовско-белорусского пограничья	378
<i>М. А. Слемнев.</i> Ценностно-ориентирующие функции исторического сознания: контекст белорусско-российского приграничья	381
<i>А. М. Салимов, Ю. В. Пайгунова, Н. А. Пайгунов.</i> Историко-культурное наследие славянских народов как часть ментальности современной российской и сербской молодежи.....	383
<i>Анжелика Ленсмент.</i> Феномен этнокультурной идентичности и снижение пассионарности русского этноса в современном эстонском обществе	385
<i>О. К. Радова.</i> Исторические аспекты культурогенеза гагаузов.....	388
<i>Н. А. Никонович.</i> Современная культурная антропология: типология культур М. Мид ...	389
<i>Д. М. Зайцев.</i> К вопросу о значении знания и интеллекта в традиции паломничества.....	390
<i>А. С. Цмыг.</i> Комплексный подход в исследовании старообрядчества	393
<i>Р. А. Саберов, Р. В. Шиженский.</i> К вопросу о преемственности организации автохтонного религиозного культа мари в XVIII–XXI вв.	395
4.2 Интеллектуальная культура в зеркале истории философской мысли Запада и Востока	397
<i>А. В. Филиппович.</i> Мировоззренческие и социально-политические итоги Модерна	397
<i>А. В. Барковская.</i> Христианские ценности в контексте русского космизма	399
<i>Е. А. Тимощук.</i> Национальное в феноменологии культуры (на примере львовско-варшавской школы философии)	401
<i>Д. В. Малахов.</i> Аксиология "онтологической дифференции" Хайдеггера в свете диалектики категорий бытия и небытия	402
<i>Э. И. Чухрай.</i> Омнимическая природа термина "смысл жизни" (критический анализ концепции Теддеуса Метса).....	405
<i>И. Д. Кулаков.</i> Социальные воззрения сторонников марксизма XIX в. (к 195-летию со дня рождения Ф. Энгельса)	407
<i>Ю. О. Азарова.</i> Марксистские импликации критики капитализма в философии Ж. Делеза и Ф. Гваттари	409
<i>А. М. Цвер.</i> История национального военного образования как предмет научных исследований в современной Польше.....	411
<i>М. А. Сонгаль.</i> Осмысление альтернатив развития постсоветского пространства в социальной философии А. А. Зиновьева	413
4.3 Актуальные проблемы историко-философских исследований в Республике Беларусь	414
<i>А. А. Падалінская.</i> Метадалагічныя аспекты вывучэння праблемы рэцэпцыі філасофскіх ідэй Антычнасці ў пісьмовых крыніцах Вялікага княства Літоўскага.....	414
<i>С. І. Санько.</i> Слав. svěť 1) 'lux', 2) 'mundus' у святлеархаічныхуяўленняў аб прыродзезроку	416
<i>Д. А. Смалякоў.</i> Палеміка вакол пытання адукацыі ў палемічнай літаратуры Беларусі канца XVI – першай паловы XVII ст.....	419
<i>В. К. Игнатов.</i> Философская культура XVII столетия в Великом княжестве Литовском	421
<i>И. И. Лецинская.</i> Рецепция идей западноевропейского Просвещения в интеллектуальном пространстве Беларуси второй половины XVIII века.....	422
<i>Э. Л. Малиновская.</i> Формирование интеллигенции БССР в 1920–30-е гг. как исследовательская проблема: обзор белорусской историографии (1950–80-е гг.)	425

<i>В. В. Надольская.</i> Документы Национального архивного фонда Беларуси как составная часть интеллектуального капитала общества	427
4.4 Политико-правовые и экономические аспекты динамики интеллектуального капитала	429
<i>Ч. С. Кирвель.</i> Духовно-мировоззренческие основания социально-политических практик	429
<i>В. Н. Ватыль.</i> Политологическое знание как экспертно-аналитический ресурс модернизационной парадигмы государства: белорусский конференциальный дискурс	431
<i>Daniela Baleanu, Marina Badileanu.</i> Dinamica Integrării Europene: Cercetări Socio-Economice	436
<i>Victor Juc.</i> Applied Aspects of Resolving the Geopolitical Conflicts	439
<i>А. Б. Демидов.</i> Попытки применения понятия возможности в философии и теории права	442
<i>А. Н. Шуман.</i> Рефлексивная модель аргументирования в судебных процессах.....	444
<i>Victor Moraru.</i> Fenomenul de Politică ar fi Spectacol Media	445
<i>Т. А. Капитонова, В. А. Белокрылова, Ю. Ф. Никитина.</i> Историческая память: знания о прошлом в конструировании будущего	446
<i>Н. П. Шатохина.</i> Влияние социальных коммуникаций на свободу в современном обществе.....	448
<i>А. Л. Пушкин.</i> Гражданская идентичность как объект социологического исследования.....	450
<i>Ц. Ц. Чойропов, Т. Ц. Чойропова.</i> О становлении институциональной среды для развития социологических исследований (на примере Республики Бурятия).....	452
4.5 Эстетические основания и принципы современной интеллектуальной культуры.....	454
<i>М. У. Мікуліч.</i> Духоўна-сацыяльныя каштоўнасці беларусаў у паэзіі Максіма Танка.....	454
<i>Н. Л. Бахановіч.</i> Польскамоўная проза Беларусі XIX стагоддзя ў сучаснай навукова-адукацыйнай прасторы	456
<i>Т. П. Барысюк.</i> Наватарства ў сучасных беларускіх цвёрдых формах і відах верша.....	458
<i>И. Н. Нещерет.</i> Философия человеческого общения в контексте изучения афористических изо-текстовых композиций (по материалам белорусской художественной традиции)	460
<i>Е. В. Скалацкая.</i> Социально-философский анализ феномена моды: эвристический потенциал.....	464

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

**Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси В. Г. Гусакова
участникам Второй международной научной конференции «Интеллектуальная культура
Беларуси: управление знаниями в контексте задач социально-экономической
модернизации»**

Приветствую Вас от имени Национальной академии наук Беларуси и приглашаю к интересной, насыщенной научной работе в рамках Второй международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации».

Сегодняшний форум продолжает традицию ежегодных мероприятий НАН Беларуси, посвященных Всемирному дню философии под эгидой ЮНЕСКО. Эта памятная дата, учрежденная в 2002 году, органично вошла в календарь белорусской науки, демонстрируя свою значимость для ученых всех специальностей. Ведь философия – это не только древнейшая форма интеллектуального поиска, но и актуальное сегодня пространство диалога и синтеза исследовательских подходов, взаимодействия науки с мировоззрением, традициями и культурой общества. Это площадка, на которой вырабатываются интегральные подходы к научно-технической, образовательно-воспитательной и гражданско-патриотической деятельности.

Принципиально важно, что философия как никакая другая научная дисциплина существует одновременно в двух «мирах»: в сфере универсальных знаний, методологических принципов и ценностей и в пространстве национальной культуры, где она воплощает в себе духовный опыт и своеобразие взгляда на мир, присущие конкретному народу. С разговора о национальной философии следует начинать обсуждение структуры и динамики национальной культуры. И в особенности это правомерно в отношении ее смыслообразующего ядра – *национальной интеллектуальной культуры*.

Год назад в этих стенах прошла Первая международная научная конференция «Интеллектуальная культура Беларуси». Думается, ее проведение принесло пользу научному сообществу страны, а сформулированные идеи и догадки нашли отражение во многих монографиях и статьях, опубликованных за истекшее время. Но состоявшаяся дискуссия поставила и ряд новых проблем. Многие из них так или иначе касаются вопроса о том, как именно, в каких направлениях должна далее развиваться белорусская наука, прежде всего, социально-гуманитарная; как повысить ее эффективность в решении практических задач, стоящих перед экономикой и обществом. Президент нашей страны А. Г. Лукашенко на церемонии вручения дипломов доктора наук и аттестатов профессора в марте этого года обратился к ученым-гуманитариям: «В области ваших научных интересов – изучение закономерностей функционирования современного общества и экономической системы, сохранение историко-культурного наследия, приумножение духовных богатств народа. Сегодня на гуманитариев возложена особая миссия, и они должны ее выполнить».

Как видится, выполнение этой миссии сопряжено с двумя взаимосвязанными процессами: это, с одной стороны, актуализация тематики проводимых исследований и разработок, а с другой, упрочение отраслевых и межотраслевых связей, формирование новых кластерных структур в науке, способных реализовать полный цикл от возникновения научной идеи до ее реализации в конкретных технологиях, продуктах, экспертных услугах. Здесь нет принципиального различия между естественными, инженерно-техническими и гуманитарными науками: все они одинаково важны для гармоничного сбалансированного развития общества. Не зря виднейший мыслитель XX века, теоретик постиндустриального общества Дэниэл Белл писал, что технологии подобны искусству: и то, и другое рождается из возвышенного полета человеческого воображения.

Одно из важнейших на сегодняшний день направлений, по которым философско-методологическая наука может и должна принести очевидную пользу белорусскому обществу – это дисциплина, которая в мире получила название «управление знаниями». В самом общем смысле управление знаниями можно представить как процесс конвертации интеллектуального капитала общества в добавленную стоимость, превращения его в реальный источник общественного благосостояния, фактор глобальной конкурентоспособности отдельной организации, предприятия и государства в целом. Рациональное управление знаниями подразумевает стратегию воплощения интеллектуального потенциала нации, ее менталитета, трудолюбия, этических норм, традиций в конкретные экономические успехи и позитивный имидж государства, его инвестиционную привлекательность.

Как отмечал один из самых известных теоретиков менеджмента Питер Друкер, «общество знаний неизбежно станет намного более конкурентным, чем любое другое общество за всю историю человечества. Причина проста: после того как знания станут доступными для всех, уже не будет оправдания плохой работе. Не будет места “бедным” странам. Останутся только невежественные страны. То же самое будет относиться и к отдельным компаниям, отраслям и организациям... То же будет относиться и к отдельным людям».

Нельзя не согласиться с этими словами. Действительно, знание, которое не используется и не возрастает, в конечном счете, устаревает и становится бесполезным. Знание же, которое распространяется, вовлекается в экономический оборот, – напротив, активно генерирует новое знание, что является надежной гарантией от экономических потрясений. Именно поэтому нарабатываемые и эффективно используемые знания – это сегодня самый важный актив каждой организации, любого трудового коллектива, всей страны в целом.

Сказанное наглядно объясняет, почему вопросы развития интеллектуальной культуры, интеллектуального капитала и управления знаниями требуют нового осмысления в контексте непростых современных проблем. Становится ясно, почему так важен регулярный обмен мнениями по данным проблемам в широком кругу ученых, практиков сферы управления, специалистов по организационному развитию и бизнес-консультантов, представителей университетского сообщества и экспертных кругов.

Нельзя не отметить положительно тот факт, что в зале сегодня присутствуют многочисленные представители реального сектора экономики, руководители департаментов корпоративного обучения крупных инновационных предприятий, банков, а также делегации из России, Украины, Литвы, других стран. Хотелось бы верить, что ваше участие – это первый шаг на пути более тесного сотрудничества, предпосылка новых полезных контактов, совместных проектов и инициатив, основание для реализации межгосударственного сотрудничества в различных интеграционных форматах. Двери Национальной академии наук Беларуси всегда открыты для вас, уважаемые коллеги и друзья!

Уверен, что нынешняя конференция позволит ее участникам обогатить свою работу новым системным пониманием природы и динамики интеллектуальной культуры, интеллектуального капитала и управления знаниями. Желаю всем участникам конференции интересных встреч и самых лучших впечатлений от пребывания в Национальной академии наук Беларуси!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси А. А. Ковалени участникам Второй международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации»

Приветствую вас от имени Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси на Второй международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации».

Данное мероприятие приурочено к празднованию Всемирного дня философии, учрежденного ЮНЕСКО. Проведение конференции, с одной стороны, соответствует мировой практике организации в этот день круглых столов, дискуссий, встреч и лекций, способствующих повышению популярности и доступности философского знания, включению как можно большего числа людей в обсуждение проблем локального и глобального масштаба. С другой стороны, наш форум продолжает работу по рефлексивному осмыслению интеллектуальной культуры Беларуси как основания для выработки целостного понимания сущности, специфики и векторов социального, культурного, экономического развития страны.

Следует отметить, что такая сложная исследовательская задача может быть решена лишь благодаря плодотворному диалогу философов со специалистами других областей знания. Тематика конференции нынешнего года демонстрирует переход от обсуждения теоретических аспектов интеллектуальной культуры к анализу ее практического потенциала и капитала в современном белорусском обществе. С этой целью организаторы пригласили к участию в конференции и обмену мнениями в рамках единого коммуникативного пространства не только ученых и педагогов, но

также и практиков сферы управления знаниями, специалистов по организационному развитию, руководителей предприятий и организаций. Их совместная работа и обмен опытом позволит гармонично соединить теорию и практику для решения актуальных задач социально-экономического развития Республики Беларусь.

Глава белорусского государства А. Г. Лукашенко в своих выступлениях неоднократно указывал на необходимость проведения масштабной модернизации в ключевых сферах жизни страны. Эта работа требует системной теоретико-методологической поддержки, которая должна выработываться как в русле классических, имеющих богатые традиции социально-гуманитарных дисциплин, так и в рамках принципиально новых подходов, сформировавшихся в недавнее время. Один из таких подходов связан с теорией управления знаниями. Сегодня она находится в авангарде дисциплин, направленных на обоснование и внедрение принципов эффективной организационной деятельности на всех уровнях функционирования предприятий и учреждений. Особую роль в этом должно играть повышение качества человеческого капитала, развитие и совершенствование профессиональных компетенций руководителей и сотрудников.

Думается, что развитие сложившихся во время конференции профессиональных контактов принесет свои плоды в виде новых идей, будет способствовать обогащению существующих концепций и подходов к пониманию интеллектуальной культуры, приблизит к выработке эффективных способов управления знаниями в различных областях государственной и общественной жизни. Уверен, что в стенах Национальной академии наук Беларуси сегодня будут созданы все необходимые условия для плодотворной дискуссии, раскрытия различных точек зрения, коммуникативной проверки теорий и методов. Хочется верить, что обсуждение данных вопросов будет иметь продолжение, и в Институте философии будет развиваться устойчивая площадка для обмена опытом в сфере управления знаниями и компетенциями.

Разрешите пожелать всем участникам интересной и плодотворной работы.

ПОСЛАНИЕ

Генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой по случаю Всемирного дня философии 19 ноября 2015 года

Идея Всемирного дня философии основана на убежденности в том, что философия может внести важнейший вклад в благополучие человека, в решение встающих перед ним сложнейших вопросов и в укрепление мира.

Историк Генри Брук Адамс однажды пошутил: «Философия — это непонятные ответы на неразрешимые вопросы».

Исходя из этих представлений, ЮНЕСКО выдвигает философию на первый план как инструмент личного и коллективного освобождения. Ведь думать, одновременно размышляя о том, что означает мышление, — это и есть философия, и мы все постоянно занимаемся ею, движимые самым подлинным импульсом всех проявлений человеческой изобретательности, — удивлением.

Философия — это диалог на основе удивления, который пронизывает разные эпохи, охватывает искусство и литературу, дискуссии в обществе, вопросы политики; в нем участвуют все люди — без специальной подготовки, далеко за пределами учебных классов.

Именно таков смысл сегодняшнего послания ЮНЕСКО: мы должны как можно выше поднять флаг философии, чтобы приобщить к ней всех женщин и мужчин, и особенно всех девочек и мальчиков. Нам необходимо открывать удивительный мир философии для все более широкой аудитории, находя для этого новые подходы.

Такова цель новой кафедры ЮНЕСКО по философии для детей в Нантском университете (Франция), которая возникла в результате многолетнего сотрудничества ЮНЕСКО с сетями, объединяющими преподавателей философии.

Мы трудимся над тем, чтобы философия, самая древняя из наук, стала доступна более широкому кругу людей благодаря передовым технологиям, таким как средства онлайн-обучения, разработанные в соответствии с «Руководством по философии: перспектива Юг–Юг», которое было выпущено ЮНЕСКО в 2015 г.

В этом году все мероприятия в рамках празднования Всемирного дня философии впервые

делают акцент на использовании новых коммуникационных технологий для привлечения глобальной аудитории.

В сентябре мировые лидеры согласовали Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. В ней содержится новое видение человечества, процветания, мира и нашей планеты на ближайшие пятнадцать лет.

Осуществление этой повестки дня потребует применения всех навыков, которые развивает у человека философия, включая строгость мысли, креативность и критическое мышление. Устойчивое развитие требует от нас новых подходов к осмыслению самих себя и нашей планеты. Оно требует и новых моделей действия, производства и поведения. И здесь философии и всем гуманитарным наукам вновь отводится важнейшая роль.

ЮНЕСКО была создана семьдесят лет назад, когда мир восстанавливался после разрушительной войны; ее основатели руководствовались новым видением мира на основе интеллектуальной и нравственной солидарности народов. Философия всегда занимала центральное место в ее мандате, предоставляя мужчинам и женщинам ключи для самопознания, понимания других людей и происходящих изменений, чтобы направлять их на формирование лучшего будущего для всех.

Махатма Ганди однажды сказал: «Вся наша философия суха, как пыль, если не преобразовать ее незамедлительно в некие акты живого служения».

Именно в этом всегда состояло послание ЮНЕСКО, и оно никогда еще не было столь важным, как сейчас.

1 ФИЛОСОФСКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

1.1 Интеллектуальная культура и интеллектуальный капитал социума как объект междисциплинарного исследования

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ – ПЕРСПЕКТИВНЫЙ КЛАСТЕР ПО ИЗУЧЕНИЮ И РАЗВИТИЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

А. А. Лазаревич

Конференция «Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в условиях социально-экономической модернизации» – очередная в серии мероприятий Института философии, посвященных интеллектуальной культуре Беларуси и мира. У этого феномена множество измерений. Но в каком бы контексте мы ни говорили об интеллектуальной культуре общества, о ее природе, – мы так или иначе приходим к тематике *философского знания*. Философское мировоззрение и мышление – это системообразующая основа интеллектуальной культуры.

Говорить об этом можно по двум основаниям. Во-первых, философия – это *движущая сила* интеллектуальной культуры. Философское мышление воплощает в себе формы самопознания и самоконструирования личности, группы, общества в целом. Притом это самопознание в наиболее четких, насыщенных концептуальных формах. Во-вторых, философия – это еще и *рационально-критическое осмысление* интеллектуальной культуры. Только в рамках философского мировоззрения она предстает как *целостность*, как система с прямыми и обратными связями между различными формами человеческого освоения мира – научно-теоретической, практико-преобразовательной, эмоционально-художественной.

Вместе с тем, место философии в интеллектуальной культуре – не константное. В разное время на первый план выходит либо ее функция движущей силы, когда различные духовные практики «отталкиваются» от философии, черпая в ней эвристический потенциал, либо функция синтеза, нравственного опосредования продуктов интеллектуальной культуры.

Из этих двух функций – эвристической или ценностной – вытекают две ипостаси философии в интеллектуальной культуре.

В первой ипостаси она предстает как источник интеллектуальной деятельности, «прародитель» наук, стимул духовных исканий в литературе и искусстве, и даже «прародитель» религиозного сознания – здесь характерен пример буддизма, как и связь христианской доктрины с идеями Аристотеля, стоиков, неоплатоников.

Риск функционирования философии в рамках этой ипостаси в том, что она нередко воспринимается как «уходящая натура». В самые различные эпохи под воздействием то стремительно возросшего религиозного чувства, то успехов естественнонаучного познания, то возникновения специальных гуманитарных дисциплин, от психологии и структурной лингвистики до социологии и культурологии, – начинало казаться, что культура «переросла» и превзошла философию.

В конечном итоге, такой взгляд всегда оказывался ошибочным. Рано или поздно философия сама «превосходила» себя, на новом уровне реализуя *механизм устойчивости культуры*. Этот механизм включает в себя средства преодоления методологических неопределенностей, которые сопровождают рост научного знания; средства снятия нравственных противоречий, неотъемлемо связанных с развитием, переформатированием социальной среды с течением времени; и наконец, средства систематизации духовного опыта человечества.

Именно здесь актуализируется вторая ипостась. Философия помогает организовать духовную практику – все виды деятельности, связанной с анализом, проектированием, творчеством, – в единый *эпистемологический континуум*. Она выступает площадкой диалога научных, художественных, религиозных парадигм, оценивает возможности их синтеза, стимулирует *трандисциплинарные программы* научно-технической и социальной деятельности.

Эта ипостась в особенности характерна для современного общества, в том числе для наших постсоветских стран. Сегодня философия обнаруживает себя не столько в абстрактном «пространстве культуры», сколько в конкретном социальном поле, то есть в режиме деятельности научного или образовательного учреждения, сообщества мыслителей.

Каждое такое учреждение находится в треугольнике разнонаправленных сил. Это, во-первых, императив сохранения *философской школы*, преемственности традиций и воспроизводства профессиональных кадров. Вторая сила связана с необходимостью перестроить сам *исследовательский процесс* в философии, ориентируя его на решение конкретных задач социальной практики. А это задачи не столько исследовательские («обосновать», «осмыслить»), сколько экспертные («оценить», «дать прогноз»). Наконец, третий аттрактор – задача повышения *прикладной значимости философского знания* (вплоть до прямой коммерциализации), которая начинает рассматриваться как важнейший критерий успешности философской школы.

Конечно, и у этой ипостаси есть свои риски. Они связаны, прежде всего, с необходимостью выдержать равновесие между всеми этими силами притяжения. Так, философская традиция жизненно важна, но философский процесс не должен свестись к обсуждению собственной истории. Не менее важна привязка к реалиям общества, но философия, полностью ориентированная на социальный заказ, перестанет быть собой, став, в лучшем случае, «филиалом» своих же прежних дочерних дисциплин. Бесспорна и необходимость повышать социально-экономическую отдачу от философских исследований. Но важно не утратить при этом идеал научной объективности, критичности, строгости.

История показывает, что любому философскому и вообще научному учреждению приходится искать свой собственный равнодействующий вектор развития. Универсальных рецептов нет.

Для Республики Беларусь актуален тот путь, который связан с формированием *научно-практических кластеров*. Это форма внутри- и междисциплинарной интеграции научной деятельности, объединение коллективов ученых-теоретиков, методологов и практиков. Содержание работы кластера связано с реализацией полного технологического или полного методологического цикла: постановка проблемы – определение теоретического базиса и методологии ее решения – исследовательская работа либо адаптация ранее полученных научных данных – создание механизмов внедрения – экспертно-консультационное, образовательное, расчетное и т. п. сопровождение.

Кластер – гибкая целеориентированная структура: он и объединяет потенциал специалистов и школ, по-разному видящих свою социальную миссию: или в теоретическом, или в практическом ключе, – и одновременно защищает их суверенитет, подкрепляет их общественное реноме за счет причастности к общему «делу». Организации в кластере подбираются так, чтобы дополнять друг друга, не конкурируя, поскольку работают в смежных, но относительно самостоятельных пространствах. При этом каждая из них извлекает из этого имиджевые и экономические преимущества в рамках внешнего конкурентного рынка.

Важно, что кластер как таковой не может быть ни исключительно «научным», ни чисто производственным. Принцип работы кластера предполагает выпуск наукоемкой продукции, как и наукоемких услуг для образования, бизнеса, общества в целом. Переводя на язык научно-организационной деятельности, это органичная переориентация научного процесса с чисто исследовательской работы – на разработки и инжиниринг, с самого по себе теоретического продукта – на социальную услугу, с «кабинетной» замкнутой деятельности – на научно-практическое мероприятие, социальное партнерство.

В последние годы кластеризация является магистральным направлением развития белорусской науки. Она началась с академического сектора, но все шире захватывает другие сектора – и вузовский, и отраслевой. На экране – лишь несколько примеров кластерных структур, созданных на базе учреждений социально-гуманитарного профиля. Разумеется, не мог остаться в стороне и Институт философии. В нашем тесном взаимодействии с философскими кафедрами республики и общественными организациями, ведущими гуманитарную деятельность, вырастают компоненты ряда методологических циклов, значимых для всей белорусской науки, страны в целом. Замысел *философского кластера* в Беларуси связан с использованием наследия философской мысли и эвристики актуального философского знания для методологического обеспечения процессов социальной модернизации, выработки действенных социально-гуманитарных технологий в сфере науки, образования, патриотического воспитания, социальной работы, социализации и гуманизации информационных технологий.

Надо сказать, что Институт философии уже много лет демонстрирует то, что можно назвать «кластерной готовностью», выполняя функции по организации и координации научных исследований. Основные направления этой работы – это выполнение государственных программ научных исследований, проведение масштабных конференций, работа методологических семинаров, стажировки для преподавателей, обучение в аспирантуре и докторантуре и многое другое. По сути, мы уже вышли за рамки чистой научно-исследовательской деятельности и подошли к необходимости выстроить *республиканскую структуру научно-практического профиля*.

Актуальным направлением, которое быстро развивается в мире, является *практическая философия*. Это совокупность средств по превращению философского знания в действенный инструмент прогнозирования и управления жизнью общества. Примечательно, что на Западе практическая философия сегодня востребована, несмотря на существование мощных школ по прикладным аспектам гуманитарного знания – от маркетинга и логистики до политехнологий. У практической философии есть методологические преимущества: она выступает с позиций синтеза. Основная цель *Республиканского Центра фундаментальной и практической философии* видится именно в реализации на практике этих преимуществ для повышения качества жизни человека и общества.

Мы планируем выстроить Центр как организующее ядро общереспубликанской сети по разработке и апробации инструментов практической, практикоориентированной философии для белорусского общества. Сердцевиной Центра, безусловно, станет Институт философии. Планируется, что в институте будет создан *методический кабинет* Центра для планирования и контроля выполнения совместной деятельности, *научный совет* Центра из числа ученых института и вузов, а в перспективе и при наличии финансирования – специальное подразделение: дирекция Центра.

Мы будем использовать установившиеся связи с философскими кафедрами, с негосударственными экспертно-аналитическими центрами, а также с сообществом ученых, деятелей культуры и искусства. Предполагается, что проводящим звеном этой сети станет общественное объединение «Белорусское философское общество», которое существовало в советские годы и которое мы планируем возродить.

Задачи Центра фундаментальной и практической философии конкретизируются в основных направлениях работы.

Во-первых, продолжится *координация научных исследований по философским дисциплинам* в рамках государственного научного заказа. Несколько слов об этом будет сказано ниже

Во-вторых, будет развиваться работа в рамках *совместных кафедр, филиалов*. На сегодняшний день при институте функционируют структуры, созданные совместно с кафедрами философии и методологии науки, политологии БГУ, кафедрой философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, а также Институтом социально-гуманитарного образования БГЭУ. В планах – совместные подразделения с Институтом журналистики БГУ, БГУИР. Содержание этой работы многопланово. Это стажировки магистрантов, аспирантов в Институте философии, которые позволят им приобрести навыки не только преподавательской, но и экспертно-аналитической работы, работы с гражданами. Это оказание методической помощи диссертантам и деятельность научно-методических структур по апробации диссертационных исследований. Это работа с перспективной молодежью, в том числе в рамках «Школы юного философа», ранний рекрутинг кадров как для института, так и для кафедр. Разумеется, совместные научные и социальные мероприятия, акции. Этот список можно продолжать.

В-третьих, необходимо укреплять сеть *методологических семинаров*: для педагогических работников, для работников местных администраций, для преподавателей и тех, кто занимается исследовательским трудом.

В-четвертых, *выездная работа в регионах Беларуси*, на базе областных вузов: там планируются научно-практические конференции, обучающие и культурные мероприятия.

В-пятых, *издательская работа*, включая публикации в периодическом сборнике «Философские исследования».

В-шестых, работа по *подготовке научных кадров высшей квалификации* для всех организаций республики и деятельность Совета по защите диссертаций.

Подчеркну, что Республиканский центр фундаментальной и практической философии будет опираться на развитую сеть международных связей. Институтом философии на сегодняшний день заключено 28 соглашений о сотрудничестве с научными центрами СНГ, Европы и Азии. Центр призван выполнять функцию своего рода «биржи контактов» для всей республики.

Системной основой всего спектра деятельности Центра является выполнение заданий государственной программы научных исследований на очередную пятилетку. Сформирована Государственная программа «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг. Ее философский блок включает семь заданий. Каждое из них будет выполняться микроколлективом ученых Института философии в сотрудничестве с коллективами как минимум 2-х вузовских кафедр. В каждом задании есть теоретическая и практическая часть, предполагающая апробацию результатов в учебном процессе, в социально-экспертной деятельности. По сути, такая организация нашей работы и демонстрирует возможности кластерного подхода.

Каковы ожидаемые научно-практические результаты? Это, во-первых, новейшие *социогуманитарные технологии* и методики деятельности по следующим направлениям:

- идеологическая работа (методика «коммуникативной идеологии»);
- деятельность в сфере странового имиджа и инвестиционной привлекательности отраслей хозяйства (в т. ч. создание интернет-портала «Национальная философия и интеллектуальная культура» на иностранных языках);
- управление духовно-нравственным развитием и конфессиональными отношениями, предупреждение радикализма и экстремизма;
- работа с кадрами, воспитание креативности и инновационной готовности.

Во-вторых, *аналитические материалы*, программы и планы действий для органов власти и предприятий. В-третьих, новое поколение *учебно-методической литературы* по философии и смежным дисциплинам для средней и высшей школы, послевузовской подготовки и самообразования взрослых. В-четвертых, разработки *научно-практических мероприятий*: уже не только для ученых, но и для широких кругов населения.

Что хотелось бы выделить особо – набор *социальных услуг*: по экспертизе различных аспектов общественной и экономической жизни, а также аудитных, консультативных, тренинговых. В Институте разработан минимально перечень таких услуг, многие из которых были представлены на выставке-ярмарке белорусской академической науки 3–4 сентября 2015 года. Большой интерес вызвали наши предложения в сфере управления знаниями: это методики выявления и снятия системных ограничений в деятельности организации, повышения эффективности отраслевых цепочек, постановки циклов корпоративного обучения и др.

Управление знаниями – та инновационная область гуманитаристики, которая сегодня вызывает интерес как у самих ученых, так и у потребителей наукоемкой продукции. Именно этим была продиктована наша идея посвятить очередную конференцию из цикла «Интеллектуальная культура Беларуси» проблематике управления знаний и собрать здесь за одним столом ученых и практиков бизнеса. Думается, что это начало долгого пути сотрудничества, по которому практическая философия будет идти рука об руку с высокотехнологичной отраслью отечественной экономики.

КОНЦЕПТ «ИНТЕЛЛЕКТ» В АРЕАЛЕ КУЛЬТУРЫ

В. А. Салеев

Интеллектуальная культура, являющаяся необходимой частью культуры общества, представляет собой многосложное и неоднозначное явление. Оба эти качества, разумеется, прежде всего, связаны с многозначностью понятия «культура». Как известно, уже к концу XX века насчитывалось около полутысячи дефиниций культуры. Так, М. С. Каган отмечал, что только с конца 60-х в отечественной литературе употреблялось более 60 дефиниций культуры [1, с 5–17]. Более того, ныне наличествуют множество модификаций культуры, которые складываются в особые способы трактовки культуры. Так, социолог Л. Ионин, исходя из различающихся методологических принципов классификаций культуры, по которым строили свою систему известные американские исследователи А. Кребер и К. Клакхон, построил систематизацию (включающую в себя еще и определенную дифференциацию внутри групп) состоящую из шести разделов [2, с. 45–46].

Все эти исследовательские усилия обнажают тот очевидный факт, каким сверхсложным феноменом является культура. В раскрытии сущности этого феномена не могут удовлетворить и мак-

симально широкие философские абстракции по поводу онтологического статуса культуры (к такому мы относим и широко известную дефиницию культуры, данную В. С. Стёпиным, где культура определяется как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [3, с. 34], как и вытекающие из них усеченные определения культуры как реального способа связи природного и социального в человеческом бытии [1, с. 46].

И все-таки важнее всего представляется необходимость попытки хотя бы в общих чертах определить основополагающее содержание, объем и суверенность понятия культуры. В приведенных выше дефинициях отсутствует то, что называется «человеческим измерением». Между тем, общеизвестно, что именно человек (человечество) является творцом культуры (с другой стороны, он является и творением культуры). В расширенном понимании объем понятия «культура» вмещает в себя совокупность творческих достижений народа (этноса), общества, человечества. Эти достижения, как и формирование самого человека («возделывание» человека, если исходить из смысла первоначального латинского глагола «culturare»), не могут совершаться вне мира человеческой духовности. В силу этого, на первый план выходит присутствие (включенность) человеческого отношения к предметам и явлениям реального бытия человека. В свою очередь, такая позиция обуславливает необходимость присутствия (и проявления) аксиологического подхода в определении как частных феноменов культуры, так и ее сущностной природы. Поэтому в постижении культуры определяющим моментом, как верно пишет Н. Чавчавадзе выступает задача «раскрыть субъективно-человеческий смысл культуры как творчества и самотворчества человека, выявить ее значимость и ценность с точки зрения ее творцов и “потребителей”» [4, с. 11].

Разделяя понимание культуры как мира воплощенных ценностей (Н. Чавчавадзе), мы в то же время, корректируем современное понимание культуры с точки зрения неоксиологического подхода, существенной чертой которого является осмысливающее оценивание с точки зрения человеческого рода. Поэтому наша дефиниция культуры, включает на равных основаниях ценностную и оценочную стороны человеческого отношения к миру: «Культура являет собой совокупность духовных ценностей, процесс их создания, освоения и оценки как обществом, так и отдельным человеком» [5, с. 31].

Приступа к анализу столь узкой (инструментальной по своей сути) части культуры, каким является «интеллектуальная культура», следует еще раз подчеркнуть, что это рассмотрение может быть осуществлено лишь в ареале духовного (трактовка последнего должна быть элиминирована от религиозно-идеологических мотивов). При всей частоте употребления в публицистике понятия «интеллектуальная культура», замечает современный исследователь, «в научной и философской литературе практически не было попыток анализа данного понятия» [6, с. 112]. М. Гутенев обращается к исходному понятию «интеллект», указывая, что оно исследуется рядом наук, однако «основные принципы научного познания интеллекта все еще строятся на основе знаний из сфер психологии и философии» [6, с. 112].

Принимая во внимание определение современной психологии, которая под интеллектом понимает «психический механизм, который отвечает за переработку информации об окружающей действительности и ее воспроизведение в индивидуальном сознании», отмечаем недостаточность его для выявления сущностных качеств интеллекта. Философское же исследование сущности понятия так или иначе начинается с рассмотрения такого специфического человеческого свойства как ум. Однако уже в древнегреческую эпоху была осознана многозначность понятия «ум». Аристотель в одной из своих работ постулировал дифференциацию ума: ум деятельный философа мыслит понятиями и постигает истину, ум пассивный занят мышлением (это и есть движение ума). Показательно, что эта работа Аристотеля носит название «О душе», как бы порождая традицию сложного осмысления соотношения понятий «Дух» и «Душа».

В религиозной интерпретации, доминирующей в Средневековье, интеллектуальное начало относится к сфере духа (впоследствии Гегель выведет его в философскую сферу, постулировав тождество между Абсолютным духом и Абсолютной идеей). Под интеллектом, в средневековой философии понималось познавательное свойство души; причем познание при помощи интеллекта считалось низшим видом познания, поскольку познание высшего начала – Бога – было прерогативой веры.

Однако ближе к Новому времени обнаруживается многосторонность понимания рационального, которое наиболее ярко характеризует сущностную природу интеллекта. Для Р. Декарта понятие «интеллект» совпадает с понятием «рассудок», для Б. Спинозы оно тождественно понятию «разум».

Характерно, что и в этих философских доктринах не разрешается до конца дихотомия, связанная с природой интеллекта: он инструментарий познания или механизм мыслительных операций? Классик немецкой философии Иммануил Кант более точно строит гносеологическую антитезу: у него чувственность противостоит рассудку в процессе познания. По Канту, существуют «два основных ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного общего, но неизвестного нам корня, а именно чувственность и рассудок» [7, с. 123–124].

В первом случае созерцание наполняет, по Канту, познание содержанием. Рассудок же проявляется в способности мыслить. Кантовское понимание рассудка, весьма близко к современному пониманию интеллекта. Для Гегеля разум надындивидуален, он приобретает всемирный характер. Именно здесь, в панлогической доктрине Гегеля, рациональное начало находит свое высшее выражение в сфере духовного, как бы оно ни понималось (здесь, отчуждаясь от структуры, связанной с «Душой», дух за счет обладания самосознанием обеспечивает свое инобытие, опредмечивание, самополагание в форме объекта).

К XXI веку, когда принципы гносеологии в ее «классическом» прочтении перестают играть основополагающую роль в осмыслении интеллекта, философская интерпретация понятия «интеллект» все более склоняется к тому, чтобы видеть в качестве его сути «некое умственное начало человека, мыслительную способность, определяющую его деятельность» [6, с. 113]. Еще более точно, на наш взгляд, определяет интеллект Ю. Хрусталева: «Интеллект – это умственный потенциал, внутренний источник творчества, обогащенный научными знаниями и культурными ценностями» [8, с. 149]. Присоединяясь к этому определению, отметим, что интеллект – это гибкий ум, способность «разумения», поддержанная «снизу» эмоциональным миром личности. Различия в мышлении, как мы знаем, легли в основу понимания различающейся ментальности народов.

Интеллектуальная сфера – это высокодуховная сфера жизнедеятельности человека. Интеллектуальная культура зиждется на определенных творческих достижениях, главным основанием которых выступает деятельностное проявление креативного человеческого разума. Отсюда вытекают и ценности данной небольшой, но весьма важной части человеческой культуры, взятой целокупно. Ибо и познавательная, и мыслительная, и ментальная стороны человеческого бытия освещаются, осмысливаются и направляются вперед только обогащенным человеческим разумом. Он, гибкий человеческий разум, по сути, породил человека – «гомо сапиенс» – в его особенной спецификации. Он всегда выступал «защитником» общественного прогресса и он, на наш взгляд, всегда будет «последним прибежищем» человека в бесконечно меняющемся мире.

Литература и источники

1. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб., 1997.
2. Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. – М., 1996.
3. Степин, В. С. Культура / В. С. Степин // Новая философская энциклопедия. – 2010. – Т. 2.
4. Чавчавадзе, Н. З. Культура и ценности / Н. З. Чавчавадзе – Тбилиси, 1984.
5. Салеев, В. А. Введение в культурологию: в 2-х частях / В. А. Салеев. – Мозырь, 2004. – Ч. 1.
6. Гутенев, М. Ю. Философский аспект интеллектуальной культуры / М. Ю. Гутенев // Вестник ЮУрГУ. – 2011. – № 9.
7. Кант, И. Соч.: в 6 томах. – Т.3 / И. Кант.
8. Хрусталева, Ю. М. Интеллект / Ю. М. Хрусталева // «Человек». Философско-энциклопедический словарь – М., 2000.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК АГЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Т. И. Адуло

В начале данной статьи приведем дефиниции используемых в ней базовых понятий, что представляется необходимым, поскольку в литературе относительно их высказываются различные точки зрения.

«*Человеческий капитал*» (ЧК) – одно из фундаментальных понятий современной экономической литературы. На наш взгляд, под человеческим капиталом следует понимать народонаселение региона, государства, континента, земного шара, которое выступает в качестве субъекта производственного процесса (материального и духовного) и расценивается именно с этой позиции. В данном случае критериями оценки народонаселения выступает в первую очередь его трудоспособность – количество квалифицированных специалистов, техническая и технологическая составляющая производственного процесса, условия труда и другие факторы, непосредственно влияющие на конечные результаты труда.

«*Интеллектуальный капитал*» (ИК) по сравнению с «человеческим капиталом» – более узкое по объему, но при этом более ёмкое по своему содержанию понятие. Интеллектуальный капитал можно рассматривать в нескольких аспектах. *Во-первых*, как важнейший сегмент человеческого капитала, который обладает способностью создавать научные идеи и объективировать их, т.е. материализовать, внедрять их в наукоемкую продукцию. *Во-вторых*, как качественную характеристику всего человеческого капитала. *В-третьих*, как всю духовную сферу региона, нации, государства, мирового сообщества на протяжении их исторического существования.

Уровень развития ИК обычно «замеряют» посредством таких показателей, как количество лиц с высшим и средним специальным образованием, количество аспирантов и докторантов на 1 000 жителей государства, количество лиц, занятых научно-исследовательскими разработками и др. Но все-таки главным его показателем является количество научных открытий, изобретений, созданных наукоемких технологий, новых образцов продукции и т. п.

Степень включенности ИК в реальную жизнь конкретного государства определяется наукоемкостью ВВП.

Актуальная (реальная) интеллектуальная составляющая общества – это уровень развития и степень включенности интеллектуального капитала в реальную жизнь социума – коллектива, региона, государства, мирового сообщества в целом.

Потенциальная интеллектуальная составляющая общества есть не что иное, как те его духовно-культурные потенции, которые способны развиваться и при соответствующих условиях превратиться в ИК, т.е. из существования в форме возможности стать действительностью, из небытия стать бытием.

Характеризуя интеллектуальный капитал, придерживаюсь позиции социального реализма в процессе трактовки общества, т. е. исхожу из признания того, что общество не сводится к сумме отдельных индивидуумов, а представляет собой качественно новое социальное образование. Следовательно, и интеллектуальный капитал – это, отнюдь, не сумма интеллекта отдельных граждан, хотя эти разрозненные интеллекты, в конечном счете, и выступают в качестве его онтологического основания. Интеллектуальный капитал – это выступающий в *надьиндивидуальной форме* разум региона, нации, государства, всего человечества, существующий в различных формах общественного сознания, начиная с науки и заканчивая искусством, и в виде объективированного духа, т. е. в виде конкретных результатов разума, включенных в созданные человеком материальные объекты. На последнее хотелось бы обратить особое внимание. Многие исследователи интеллектуальный капитал сводят лишь к идеям, т. е. продуктам мыслительной деятельности человека. Безусловно, идеи – важнейший структурный элемент интеллектуального капитала. Но если идеи не объективированы, не воплощены в жизнь, они остаются лишь потенцией, лишь возможностью, не ставшей действительностью.

По своей структуре интеллектуальный капитал состоит из различных элементов, или же пластов. *Важнейшими структурными элементами* ИК являются: знания в конкретной области (высокая профессиональная культура); культура мышления, базирующаяся на диалектике как методе постижения сущности природного и социального бытия; социальные знания, позволяющие

прогнозировать ход истории, планировать свои действия, соизмерять их с возможными результатами; экологические знания и экологическая культура, что важно в плане сохранения окружающей среды; правовая, нравственная и эстетическая культура; психологические знания, способствующие на научном уровне организовывать производственный процесс, создавать здоровый моральный климат в трудовом коллективе; исторические знания как компонент выработки национальной стратегии и др.

Фундаментальный пласт интеллектуального капитала, или, лучше сказать, его основа – это сегмент науки, представляющий собой *высшую форму проявления человеческого разума*, одну из исторически сложившихся форм человеческой деятельности, результатом которой является система развивающихся знаний о природной и социальной действительности.

Интеллектуальный капитал является национальным достоянием и основой инновационного процесса, представляет собой его интеллектуальную составляющую. Он формируется в конкретных исторических условиях, и на его развитие оказывают влияние внешние и внутренние, объективные и субъективные факторы.

К *внешним факторам*, оказывающим воздействие на ИК, следует отнести географическую среду, исторически сложившиеся культурные и научные связи между конкретными государствами и др. *Внутренние факторы*, влияющие на развитие ИК, можно разделить на объективные и субъективные. К числу *объективных внутренних факторов* следует отнести в первую очередь общий уровень исторического развития региона, государства. По сравнению с ведущими европейскими странами, не говоря уже о США и Японии, Беларуси приходится вступать на инновационный путь развития с более низкой ступеньки. Отчасти по этой причине многие наши экономисты и предлагают выстраивать «догоняющую экономику». Но «догоняющая экономика», «догоняющая модель» никогда не сделают государство лидером. В этом плане главная задача – нацелить ученых и промышленников на создание собственного наукоемкого продукта, продукта, не имеющего аналогов в мире.

К объективным внутренним факторам, влияющим на развитие ИК, несомненно, следует отнести наличную производственную и технологическую базу, обеспеченность предприятий высококвалифицированными кадрами. К сожалению, Беларусь в технологическом плане значительно отстает от ведущих стран мира. С начала 1990-х годов из страны уехали за рубеж сотни подготовленных специалистов – ученых, программистов, инженеров, деятелей культуры.

Важнейший *субъективный внутренний фактор* ИК – уровень финансирования науки. Он в Беларуси совершенно недостаточный: внутренние затраты на научные исследования и разработки составили в 2013 г. 0,69% к ВВП [1]. Следовательно, и наукоемкость ВВП низкая.

К субъективным внутренним факторам, влияющим на развитие ИК, можно отнести заинтересованность государства и граждан в ИК, способ управления научной сферой, форму организации труда в научно-исследовательских коллективах, способы стимулирования работников умственного труда и др. Не секрет, что многие талантливые ученые уехали из стран СНГ за рубеж не только в силу материальных причин, но и потому, что в своем отечестве они не нашли должной поддержки. Им не были созданы для работы необходимые условия.

К субъективным факторам, влияющим на развитие ИК, следует отнести прогнозирование экономического и социального развития отдельных регионов и страны в целом. Оно не на должном уровне. Например, мы сталкиваемся с рассогласованностью поставленной задачи перевода национальной экономики на инновационный путь развития и системой подготовки кадров. Так, в разработанном и вынесенном на обсуждение проекте «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года» сделана ставка именно «на специализацию республики на рынках высокотехнологичной продукции – микроэлектроники, фотоники, оптоэлектроники, светодиодной техники, лазерных технологий, космической техники, тонкой химии, био- и нанотехнологий, продукции высокоточного машиностроения» [2]. Как отмечено в проекте, «это своего рода «драйверы» для перехода к инновационной экономике» [2]. Но для решения подобной стратегической задачи нужны соответствующие научные кадры. Их нет, и высшая школа пока не нацелена на их подготовку.

Роль ЧК в развитии социума не требует доказательства – она очевидна. Это аксиома. Поэтому деятельность аналитиков должна быть сориентирована не на «доказательство» важности и значимости ИК в современную историческую эпоху, а на раскрытие его динамики, а также прогно-

зирование хода человеческой истории, хотя бы на ближайшие десятилетия, с учетом тех изменений, которые постоянно происходят в ИК.

Один из актуальных вопросов – это вопрос о том, в какой мере отразится на ИК активно происходящие в нашу эпоху демографические изменения. Большинство исследователей пришли к выводу о том, что уже в ближайшие десятилетия, человечество, т. е. в нашем понимании ЧК, существенно изменится. И с этим нельзя не согласиться. Прежде всего, данный процесс затронет демографию – значительно увеличится продолжительность жизни, изменится соотношение трудоспособного и нетрудоспособного населения и т. д. Наряду с этим претерпят изменения характер труда, техническая и технологическая составляющие материального производства. Как это отразится на ИК и на ходе человеческой истории?

Отдельные ученые склоняются к пессимистическому прогнозу, считают, что «стремительное старение населения на Западе фактически обесценивает национальный капитал каждой из развитых стран» [2, с. 108]. В данном случае авторы цитируемой работы утверждают о снижении уровня ИК, поскольку, в отличие от нас, под ЧК они понимают «знания, навыки, умения и способности, воплощенные в людях, которые позволяют им создавать личное, социальное и экономическое благосостояние» [3, с. 107]. С этим выводом можно согласиться, но лишь отчасти. Даже пожилые люди способны активно приращивать ИК, генерировать новые научные идеи. Примеров тому достаточно. Старение населения в развитых европейских странах не приведет к деградации ИК, хотя такого рода опасения отдельными политиками высказываются, и по этой причине ведущие страны мира принимают энергичные меры для наращивания ИК, создавая для этого внутренние резервы, а также привлекая ИК из других стран. Здесь более важным является вопрос не о старении населения, а о механизмах сохранения и трансляции интеллектуального опыта от старших поколений к молодому поколению исследователей. С другой стороны, следует признать, что борьба за ИК в XXI веке станет более жесткой по сравнению с борьбой за сырьевые ресурсы и рынки сбыта продукции, характерной для XX века. И здесь уже не столь важен возраст мыслителя, ученого, конструктора, главное – это его интеллектуальный потенциал, накопленный за многие годы трудовой деятельности багаж знаний и опыта.

Не менее интересен вопрос о пространственной локализации ИК в XXI веке. В процессе анализа динамики ИК нельзя обойти стороной протекающие в настоящее время в мировом масштабе два процесса – глобализации и регионализации. Как в этом плане будет выглядеть ИК? Можно предположить, что в условиях глобализации, а, следовательно, в условиях разрушения всякого рода барьеров, отделяющих одно государство от другого, свободного перемещения товаров, финансов и трудовых ресурсов ИК, как и ЧК, не будут локализованы в каком-то одном государстве. Скорее всего, они будут *сосредоточены в развитых государствах* и по-прежнему обслуживать их интересы. Ядро останется ядром, периферия – периферией.

При дальнейшем развитии мирового сообщества по второму сценарию – регионализации – ЧК и ИК сосредоточатся в различных регионах, которые в настоящее время активно выстраиваются.

В этой связи актуализируется вопрос о национальном статусе ИК. Сохранится ли национальная принадлежность ИК? Думается, ИК все в большей степени станет обретать интернациональный характер. Но это, отнюдь не означает того, что он не в состоянии будет выражать и защищать национальные интересы, т. е. работать на конкретную нацию. Сильные государства, безусловно, будут обладать преимуществом по сравнению со слабыми государствами при использовании ИК, поскольку именно они формируют ТНК, задают мировой системе в целом вектор экономического развития. Вполне понятно, что они постараются заставить работать и свой, национальный, ИК и ИК других стран в интересах собственных государств.

Еще один вопрос, на котором следует заострить внимание, – это вопрос о характере и динамике взаимосвязи ЧК и ИК. Сторонники идеи постэкономического общества полагают, что ИК обладает тенденцией к индивидуализации (атомизации), т. е. в перспективе каждый интеллектуально развитый человек способен будет самостоятельно распоряжаться своими индивидуальным интеллектуальным капиталом, и, следовательно, исчезнет эксплуатация человека человеком. Думается, существующая в настоящее время устойчивая связь между ЧК и ИК постепенно будет ослабляться. ИК, произрастающий на базе ЧК, все активнее станет воспроизводиться на собственной базе. А в отдаленной перспективе возможно даже отчуждение ИК от ЧК. Став самостоятель-

ным субъектом, развивающимся на собственной основе, ИК окажется способным диктовать условия ЧК. Не следует исключать такой сценарий в отдаленном будущем.

Как отмечено выше, в настоящее время наряду с процессом глобализации набирает силу альтернативный процесс в форме регионализации. Поэтому и для Беларуси важно определиться с региональным вектором. При всех возможных геополитических сценариях очевидно одно: в одиночку наше государство не в состоянии развивать ИК, и уж тем более эффективно его использовать. Можно обозначить следующие перспективные сценарии дальнейшего развития ИК и национальной экономики:

1. Сделать ставку на научную разработку и производство собственного конечного продукта – национальных брендов в виде идеальных (теоретических) и материальных (промышленных) товаров, – полученного путем использования в основном национального ИК с частичным привлечением ИК из других государств. Такого рода продукт Беларусь уже имеет. Это большегрузные автомобили, беспилотники, наработки в области биотехнологий, оптики, атомной физики, программирования и др. Позитив такого сценария видится в том, что в данном случае само предприятие (или государственные институты) определяют вид продукции, его цену, рынки сбыта и т. д. Негатив же заключается в том, что предприятию самому (или же государственным институтам) придется решать все перечисленные выше непростые задачи, особенно проблему реализации продукции, причем в конкурентной борьбе с другими международными субъектами производственного процесса.

2. Войти в систему мирового производства путем создания на базе национальных ИК и наукоемких технологий отдельных узлов, комплектующих высокотехнологичных товаров. Положительная сторона данного сценария состоит в том, что такой способ производства является более надежным в плане финансового обеспечения наукоемкого производства и реализации полученного продукта.

3. Стать «сборочным цехом» известных брендов мировых компаний и субъектом их экспорта в другие страны.

Если рассматривать данные сценарии в плоскости дальнейшего активного развития национального ИК, то только первый сценарий в наибольшей степени отвечал бы решению этой задачи. Судя по планам и экономической стратегии, наше государство намерено сохранять и развивать дальше национальную науку, а также собственные высокотехнологичные предприятия, обладающие уже достаточно раскрученными брендами, быть сборочным цехом продукции известных международных компаний и активно включаться в систему мирового производства путем изготовления отдельных компонентов, узлов продукции, выпускаемой зарубежными компаниями.

Какие задачи предстоит решить в ближайшие годы в области национального ИК? К важнейшим из них можно отнести следующие.

1. Прежде всего, необходимо увеличить объем финансирования науки. В Республике Беларусь внутренние затраты на научные исследования и разработки составили в 2013 г. 0,69% к ВВП. В России эти цифры выглядят немного лучше – составили в 2011 г. 1,12% к ВВП. Но по сравнению с развитыми государствами – это мизер. В Израиле они составили 4,9% к ВВП, Дании – 3,9%, Германии – 2,84% [1]. Собственно, и ВВП нашего государства не столь велик, как Германии или России. И кто в таком случае будет создавать био- и нанотехнологии? Не менее важен вопрос о рациональном использовании выделяемых на науку средств.

2. Преодолеть негативную тенденцию «утечки интеллекта» за рубеж.

3. Создать необходимые условия для быстрого наращивания ИК в Беларуси и ЕАЭС на базе имеющихся вузов и научно-исследовательских центров.

4. Детально разобраться с системой подготовки специалистов с высшим образованием и специалистов высшей квалификации. По количеству вузов, лиц с высшим образованием, количеству кандидатов и докторов наук мы обогнали многие государства. Но при этом, порой, забываем о качестве этих дипломированных специалистов. А здесь много нерешенных проблем, начиная со средней школы и заканчивая аспирантурой и докторантурой.

5. Перевести на научную основу систему управления в государстве в целом и в сфере ИК в особенности. Важнейший сегмент национального ИК – это управленцы всех рангов, или, как их называют, чиновники. От их деятельности во многом зависит состояние науки, образования и культуры, воплощение в жизнь инновационных проектов. Этот сегмент ИП работает неудовлетворительно, не улавливает зачастую перспективы, а, следовательно, не работает на опережение.

6. Продвижение вперед нации не представляется возможным без великой цели, выступающей импульсом социальной активности, как больших масс людей, так и отдельного человека. Чаще всего мы говорим о материальном благополучии, о необходимости экономических и социальных преобразований для достижения именно этой цели. Но насколько адекватна эта, безусловно, важная, но, в то же время, чисто утилитарно-ориентированная цель духовным запросам столь высокого существа, каким является Человек? Не принижаем ли мы тем самым сущность человека? Вот главный вопрос, на который мы, гуманитарии, должны дать ответ. Как тут не напомнить рекомендации древних мыслителей, осуждавших чрезмерное увлечение материальными благами.

7. У интеллектуального капитала есть один опасный противник. Это ведущие борьбу с разумом разнообразные формы иррационального сознания. Поэтому и в профессиональной деятельности, и в повседневной жизни важно руководствоваться установками Разума, идеями и подвижничеством великих мыслителей, посвятивших свою жизнь интеллектуальному развитию человечества.

Литература и источники

- 1 Шестой технологический уклад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>. – Дата доступа: 08.01.2015.
- 2 Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. Проект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/actproject/act-list/ministerstvo-ekonomiki-vynosit-na-obschestvennoe-obsuzhdenie-proekt-natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2030-goda-nsur-2030_i_0000003115.html. – Дата доступа: 08.12.2014.
- 3 Гринин, Л. Е. Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев // Кондратьевские волны: наследие и современность: ежегодник. – Волгоград, 2015. – С. 107–132.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗНАНИЯ

В. А. Ильганаева

Успешность выбора и реализации инновационной стратегии государств в процессе адаптации к условиям общества знаний напрямую связаны с интеграционными тенденциями в науке, производственной и культурной практике социально-экономической модернизации глобального общества. Направлением осмысления явлений и фактов современной социальной жизни становится ноосферная концепция развития человеческой цивилизации. В соответствии с ней трансформируется система восприятия реальности, которая требует изменения фокуса и соразмерности/масштабности воспроизведения объектов/субъектов, попадающих в поле зрения современного наблюдателя/исследователя.

Бифуркационные состояния общества предопределены коэволюционным развитием систем биосоциальной природы, главным участником которого является человек. Осмысление происходящего в социально-экономическом дискурсе исследований общества знаний связано с определением содержания и действий в рамках социальных инвестиций, корпоративной и социальной ответственности, «социального бизнеса» и «социального предпринимательства». Интеллектуализация социальной сферы привела к включению человека в деятельностные и познавательные системы общества. При этом информационное насыщение экономико-производственной сферы выявило ограниченность факторов социально-экономического развития, таких как труд и капитал, дополнив их фактором человеческих отношений. Роль последних возрастает по мере усложнения коммуникативных систем в сетевом пространстве мира.

Внимание к понятию «интеллектуальный капитал» и его широкое использование в контексте экономической теории стало следствием становления и развития информационного общества. Появление методик работы со знанием в сфере бизнеса и организационного менеджмента было реакцией на необходимость упорядочения и повышения эффективности затрат на информацион-

ное обеспечение социальных структур и систем. По времени этот период совпадает с институционализацией аналитической подсистемы социальных коммуникаций, капитализацией и коммерциализацией информационного обеспечения деятельности, превращением интеллектуальных активов и методов в интеллектуальный капитал бизнеса [1]. Цели формирования и использования интеллектуальных ресурсов выразили намерение экономистов использовать информацию и знания для извлечения стоимости, которой обладают скрытые характеристики продуктов индивидуального интеллекта сотрудников организаций. При этом, уже на ранних этапах изучения и практического применения концепции управления знаниями, возникли противоречия в понимании, толковании и определении разных терминов, относящихся к сфере использования знаний в различных деятельностных процессах [2]. Однако наиболее существенным противоречием, с которым пришлось столкнуться специалистам и исследователям, явилось то, что, на наш взгляд, определяется методологической ограниченностью осмысления феномена знания. Имеется в виду его сущностная функциональность в процессах эволюции систем разной природы. Особенно остро это проявляется при отождествлении информации и знания, а также игнорировании их субстанциональности в процессе взаимодействия в системах разного уровня и природы. Отмеченные ограничения не позволяли связать информацию и знание в единстве трансформации форм и предметов взаимодействия по мере эволюционного развития систем, в том числе, целостной системы – человек [3]. Поэтому, считаем важным подойти к изучению интеллектуального капитала с учётом методологии процессуального подхода.

Важно подчеркнуть, что вся деятельность по управлению информационным капиталом в настоящее время направлена на капитализацию интеллектуальных ресурсов, которая сталкивается с качественной неопределённостью знания по сравнению с информацией. В контексте ноосферных представлений это является одним из направлений, требующих специального исследования. Важный аспект дальнейшего изучения знания в контексте экономических интерпретаций общественного блага определяется серьёзными издержками в социальной деятельности, связанными с «откладыванием действия» при бесконечном увеличении отбираемой для его обеспечения информации [2, с. 200–202]. Подразумеваются издержки на информационное обеспечение принятия решений (сбор, хранение, обработка, анализ информации и др.), а также социальные и психологические барьеры в коммуникационных отношениях (цели, мотивы, интересы, статусы и др.). Следует также учитывать момент причинно-следственной зависимости информации и знания как субстанциональных элементов универсального взаимодействия [4]. Этот момент требует новых подходов к оценке экономических качеств и товарности информации и знания, в качестве которых предлагается применение мир-системной методологии и коммуникационного подхода.

Практика применения информационного подхода к изучению интеллектуального капитала не даёт чётких ответов относительно того, как изменяется производство и распределение, когда знание включается в экономические отношения. Капитализация, рассматриваемая по законам теории прибавочной стоимости К. Маркса, не оправдывает ожидаемых результатов, поскольку не учитывает качественно отличающуюся субстанциональность знания и его роль в развитии социальных и общественных отношений, в том числе и в экономической сфере общества. Методологическим моментом реализации названных выше подходов является положение о том, что, знание не отчуждается от своего носителя и остаётся уникальным, но, в то же время, является малоэффективным, если не мультиплицируется в сознании многих. Это положение подтверждают различные варианты капитализации элементов взаимодействия, имеющих отношение к ментально-когнитивным характеристикам знания. К ним можно отнести представления об «этическом капитале», как элементе нового капитализма, не только создающего экономические ценности, но и формирующего эти ценности; о «символическом капитале», включённом в социально-экономические аспекты прогнозирования развития общества; об «эмоциональном капитале», который рассматривается как возможность повышения эффективности совместной деятельности людей. Особое значение символический капитал приобретает в рамках социальных отношений и поддержания отношений на уровне формирования и регулирования социально-экономической политики. При любых интерпретациях, главным в этих концепциях остаётся ориентация на повышение прибыли корпораций и организаций, которая противоречит коммуникационному идеалу общественного блага для всех.

Изучение интеллектуальной культуры современного общества требует включения коммуникационных аспектов в рассмотрение феномена интеллектуального капитала, который понимается как социальное знание на разных уровнях его существования. В настоящее время все субъекты

социального действия полностью зависят от сложившейся системы социального взаимодействия на основе мультимедийных технологий. Медиасистема современного общества является результатом развития способов отражения действительности в социальной памяти, как источника наследования достижений и ресурса человеческого разума.

Материал подготовлен в рамках изучения совместной темы «Экономические и другие знания в контексте трансформации международной социальной деятельности, управления и коммуникации» кафедры ЮНЕСКО «Философия человеческого общения» Харьковского национального технического университета сельского хозяйства им. П. Василенко (Украина) и педагогического факультета Университета в Градце-Краловем (Чехия).

Литература и источники

1. Букович, У., Вильямс, Р. Управление знаниями: руководство к действию / У. Букович, Р. Вильямс; пер. с англ. – М., 2002.
2. Чурсин, Н.Н. Понятие тезауруса в информационной картине мира: моногр. / Н. Н. Чурсин. – Луганск, 2010.
3. Ярославцева, Е. И. Коммуникативные стратегии человека в современном мире / Е. И. Ярославцева // Философские науки: научный образовательный просветительский журнал. – М., 2008. – № 7. – С. 79–97.
4. Лачинов, М., Поляков, А. Информодинамика или Путь к Миру открытых систем / М. Лачинов, А. Поляков. – СПб., 1999.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ЗНАНИЯХ

Е. А. Нестерук

Интеллектуальный капитал и человеческий потенциал являются взаимосвязанными экономическими категориями, одновременно являющимися частью друг друга, и в то же время самостоятельными.

Задача по определению категории «человеческий потенциал» весьма сложна, так как нет однозначного понимания этого термина в экономической литературе. Человеческий потенциал строится на оценке качества социальной жизни и существующих экономических условий для формирования и реализации потенциалов человека в трудовой или иной общественно-признаваемой деятельности [1]. Человеческий потенциал представляет собой систему качеств, включающую способности, которые обеспечивают жизнедеятельность и воспроизводство человека. При наличии определенного ресурса, человеческий потенциал реализуется в труде.

С одной стороны, это абстрактная категория, с другой стороны, человеческий потенциал позволяет спрогнозировать направления человеческого развития, разработать социально-экономические стратегии с учетом интересов и потребностей человека. В количественном плане человеческий потенциал стран может изменяться вследствие международной миграции. На качество человеческого потенциала в значительной степени может повлиять международная мобильность человека.

Индийский ученый А. Сен свел определение человеческого потенциала к концепции «человеческого развития». В основе этой концепции – возможности человека сделать один из выборов, которым он обладает. При этом экономический рост способствует развитию человеческого потенциала, не только при увеличении дохода на душу населения, но и при повышении государственных расходов на социальную сферу, справедливом распределении ресурсов в экономике [2].

Работы А. Сена получили широкое распространение в докладах ООН: доклад «О человеческом развитии 1990 г.» определяет человеческий потенциал как конечный критерий в развитии общественного прогресса. В связи с необходимостью расчета показателей человеческого потенциала, ПРООН было принято решение ввести категорию – Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) [3]. Этот индекс основан на трех количественно измеряемых параметрах:

- долголетие и здоровая жизнь;
- получение знаний/образования;
- поддержание достойного уровня жизни.

ИРЧП не является всеобъемлющим показателем, и лишь частично дает количественную оценку человеческому потенциалу. В связи с этим, хотелось бы отметить работу Иванова О. И. «Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование)», в которой автор предлагает пересмотреть показатели, используемые ООН и вводит «деятельностный» подход [4]. В качестве базовых элементов данного подхода он выделяет системы потребностей, способностей и готовности индивидов и общностей к выполнению социально-экономических, необходимых ролей и функций.

Человеческий капитал выступает одной из форм реализации человеческого потенциала и определяется совокупностью физиологических, интеллектуальных и психологических возможностей человека, реализуемых в трудовой деятельности. Процессы непрерывного обучения и накопления знаний, способностей и интеллекта позволяют получать доход и создавать в процессе труда более качественный продукт, что находит отражение в более широком понятии – интеллектуальный потенциал. Интеллектуальный потенциал представляет собой совокупность профессионально дифференцированных субъектов, самостоятельно действующих на основе собственного целеполагания, интересов, индивидуальных и коллективных стимулов. Формой капитализации интеллектуального потенциала выступает интеллектуальный капитал, под которым понимаются патенты, управленческие знания и навыки, механизмы, технологии, опыт, связи с потребителями и поставщиками и знания о них и другое.

Интеллектуальный капитал – это предмет интеллектуального труда, в основе которого информация и знания. Согласно определению, данному Докторовичем А. Б., «интеллектуальная составляющая трудового потенциала включает накопление знаний и опыта в различных областях жизнедеятельности, прежде всего в области науки и техники, экономики и культуры» (цит. по: [5]). Интеллектуальный капитал можно представить и в денежном выражении, посредством определения стоимости активов, приносящих прибыль, и конкурентных преимуществ предприятия.

Интеллектуальный капитал формируется под влиянием различных факторов: внешней среды (имидж предприятия, отношения с партнерами, уровень конкуренции на рынке и др.) и внутренней среды (финансово-экономические факторы, уровень деловой активности предприятия, уровень наукоемкости, уровень конфликтности в коллективе и др.) [6].

В современной экономической теории вводится новое понятие «информационный работник». По мнению Т. Стоуньера, новая профессиональная категория обладает особыми знаниями и специализированными навыками, отличается изобретательностью, предпочитает творческий подход к выполнению поставленных задач, не любит рутин [7].

Хотелось отметить работы Т. Стюарта, который внес в корпоративную практику понятие «интеллектуального капитала». Экономист выделяет в термине три основополагающие составляющие:

1. человеческий капитал (знания, их наличие, умение ими пользоваться, удовлетворение клиентов);
2. структурный капитал (виды, способы, структуры, которые позволяют выполнять действия по сбору, тестированию, организации, сохранению и распределению знания);
3. потребительский капитал (связи и устойчивые отношения, которые складываются с потребителями продукции) [8].

Важно отметить, что любые природные и приобретенные способности, становятся капиталом лишь в том случае, когда инвестиции в человеческий потенциал создают дополнительный доход, увеличивающий изначальные затраты [6]. Соответственно, человеческий потенциал более общее понятие, чем интеллектуальный капитал. Тем не менее, анализируя данные понятия в трудовой сфере, можно убедиться, что многие понятийные характеристики и признаки лежат в основе обоих категорий, поэтому данные понятия в то же время являются и гомогенными.

Процесс глобализации открывает возможности по реализации человеческого потенциала на основе опыта всего мирового сообщества, способствуя перераспределению в пользу экономически развитых стран, способных обеспечить более высокий уровень качества жизни человека. Раскрывая человеческий потенциал, компании должны стремиться обеспечить его наилучшую реализацию с целью повышения эффективности организации. Интеллектуальная составляющая человеческого потенциала будет увеличиваться, при условии, что в стране будут четко сформулированы и введены в действия системы по генерации, распределению, переводу и обмена кадрами на уровне предприятий, регионов страны, стран [5].

Современный мир взял курс на экономику знаний, где во главе переход от административного контроля и координации к прямой ответственности сотрудника, принципы труда и принятый решений с широким вовлечением сотрудников в рабочий процесс. Переход к интеллектуальной экономике – это не только улучшение внутренних задач и планов государства, но и возможность решения стратегических целей в мире.

Литература и источники

1. Афонин, Ю. А. Система управления персоналом как инструмент повышения конкурентоспособности предприятия / Ю. А. Афонин // Вестник, 2013. – С. 5–7.
2. Дятлов, С. А. Теория человеческого капитала / С. А. Дятлов. – СПб: Издательство СПбУЭФ, 1996.
3. Human Development Report 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/219/hdr_1990_en_complete_nostats.pdf. – Дата доступа: 24.10.2015.
4. Кузнецов, С. В. Альтернативный подход к трактовке человеческого потенциала и к системе его показателей / С.В. Кузнецов // Экономика и управление №3 (113) – СПб, 2015 – С. 64–65.
5. Докторович, А.Б. Парадигма соционновационного развития: человеческий потенциал и интеллектуальный капитал социально-экономических изменений / А. Б. Докторович // Пространство и время №1–2 (19–20) / 2015 – Москва, 2015. – С. 84–90.
6. Брукинг, Э. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатств организаций / Э. Брукинг. – СПб., 2001.
7. Стоуньер, Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики / Т. Стоуньер // Новая технократическая волна на Западе. – Москва, 1986. – С. 382–409.
8. Stewart, T. Your Company's most valuable asset: intellectual capital / T. Stewart // Fortune. – New York, 1997. – С. 68–74.

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ УСПЕШНОСТИ ДЕЙСТВИЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОБЩЕСТВА

И. О. Яблочникова, С. Л. Яблочников

Интеллектуальный капитал общества является продуктом коллективной деятельности отдельных его членов, имеющей информационный характер. Знания, носителями которых являются люди, – бесценное богатство, переоценить которое невозможно. Формирование совокупности знаний – одна из задач, стоящих перед образованием в целом и высшей школой в частности. Результативность работы образовательной сферы оценивается, в том числе, в зависимости от положительной динамики в деле формирования совокупного интеллектуального капитала.

Задача организации оптимального управления созданием и развитием такого капитала напрямую связана с близкой к ней задачей, о важности решения которой постоянно пишут в научной литературе и электронных средствах массовой информации философы, социологи, педагоги и психологи. Управление формированием знаний, их успешной передачей от одного поколения другому – бесспорно важное направление в современной науке.

В любой отрасли деятельности важен результат, а также оценка затрат различного рода ресурсов на обеспечение достижения желаемого результата или достаточно близкого к нему. Через оценку уровня обеспечения конечного результата, определяют степень достижения цели, которая, собственно говоря, и обуславливает совокупность определенных действий по ее достижению, а также оправдывает или не оправдывает инвестированные в соответствующую деятельность средства.

Вполне логичным, на наш взгляд, является утверждение, что успешность формирования интеллектуального капитала государства и общества имеет очень плотную корреляцию с результативностью и эффективностью осуществления управления образовательными процессами и образованием в целом. К сожалению, в данный момент отсутствуют методики и инструменты, с помощью которых можно было бы оценить и успех формирования интеллектуального капитала, и эффективность управления образовательной отраслью. Однако подобную оценку вполне возможно реализовать с помощью некоторых косвенных методов с последующим прогнозом их взаимного влияния и выявления определенных закономерностей.

Для этого нужно сначала понять, что же представляет собой упомянутый выше капитал, раскрыть его содержание и проанализировать структуру. В частности, в случае его трактовки только как некоторой философской категории, раскрываемой лишь на качественном уровне, реализовать какое-либо оценивание невозможно. Это в любом случае будет чисто субъективное мнение некоторых экспертов или определенной группы специалистов в некоторой узкой области знаний. С другой стороны, количественная оценка уровня интеллектуального капитала будет либо обязательно предполагать некоторое сравнение с неким эталоном, либо связана с выбором совокупности показателей, определение уровней которых и может ее заменить. А такой выбор также будет в большинстве случаев субъективным, что непременно приведет к аналогичным предыдущему случаю результатам. Таким образом, нужен либо определенный компромисс между качественной и количественной оценкой, либо некоторое нестандартное решение данной задачи.

Конечно, существуют и давно известны науке так называемые методы экспертных оценок, которые были разработаны в свое время специалистами естественных наук. Они не совсем понятны гуманитариям, однако достаточно широко и успешно применяются в тех случаях, когда однозначной трактовки той или иной ситуации достичь невозможно, а также когда в наличии имеется высокий уровень неопределенности (энтропии). Как утверждают основные принципы общей науки об управлении, энтропия может быть снижена только лишь за счет получения дополнительной информации об объекте.

Мы предлагаем, во-первых, оценивать не сам интеллектуальный потенциал, а его динамику (положительную или отрицательную) и при этом понимать сущность такого потенциала, а вернее скорость его изменения во времени посредством оценки динамики знаний отдельных членов общества и их групп. Слово потенциал имеет некоторый смысл, предполагающий наличие гипотезы или множества взаимосвязанных гипотез относительно возможности его успешного применения для решения определенного круга задач (проблем). С другой стороны, способность успешно решать соответствующие задачи в определенной сфере деятельности отдельно взятой личностью характеризует ее профессиональную компетентность (или совокупность ее компетенций), формирование которой через знания, умения и навыки – конечная цель функционирования образовательных учреждений.

Таким образом, через определение динамики успешности формирования профессиональных компетенций будущих профессионалов сферой образования можно оценивать изменение интеллектуального потенциала общества. С точки зрения математики, общая компетентность – это некоторая сложная функция от профессиональных компетенций специалистов отдельных отраслей социально-экономических отношений. Поэтому ее динамика, соотношенная к соответствующему промежутку времени, – полный дифференциал, элементами которого являются частными производными отдельных профессиональных компетенций.

Переход к численным показателям вполне возможно успешно закончить посредством оценки степени успешности решения профессиональных задач, как отдельными личностями, так и усредненные по некоторым группам. В самом простом случае для этого достаточно оценивать статистические вероятности результативности действий профессионалов в тех или иных условиях. Тогда вполне возможно определить не только основные показатели, но и выявить соответствующие закономерности, которые будут, по вполне понятным причинам, иметь стохастический характер.

В данном случае, авторы не претендуют на некий глобальный переворот в подходах к оценке интеллектуального потенциала общества, а лишь предлагают один из возможных подходов, который в случае его развития может дать весьма интересные результаты.

CAPITALUL INTELECTUAL: REALITĂȚI, POTENȚIAL, PERSPECTIVE

Cornelia Neagu

Noțiunea de capital intelectual, ca formă a unuia dintre cei trei factori de producție menționați de teoria economică clasică, reprezintă un termen folosit pentru a semnala existența unui alt tip de capital, diferit de capitalul fizic și cel financiar [3].

În literatura de specialitate au existat diferite încercări de definire, cât mai exactă, a acestui concept

complex, dată fiind natura intangibilă dar mai ales importanța acestuia în economia și societatea cunoașterii.

O definiție a capitalului intelectual a fost realizată de T. Stewart care îl consideră „material intelectual – cunoștințe, informații, proprietate intelectuală, experiență – care pot fi folosite pentru a crea bogăție” [4, p. XI] și Hugh Mac Donald care caracterizează capitalul intelectual drept „cunoștințe care există într-o organizație și care pot fi folosite pentru a crea avantaj competitiv” [4, p. 67]. Conform prof. Constantin Brătianu, capitalul intelectual reprezintă un potențial intelectual, constituit din cunoștințe în diferite forme, care are capacitatea de a se transforma în cadrul proceselor tehnologice și manageriale într-o serie de elemente operaționale, active, creatoare de valoare, care să fie integrate în produsele finale atât materiale, cât și imateriale ale unei companii [1].

O abordare mai pragmatică, utilă îndeosebi managerilor, a fost realizată de David Klein și Laurence Prusak, care consideră capitalul intelectual ca fiind „material intelectual care a fost formalizat, capturat și utilizat pentru a produce un activ de valoare mai mare” [4, p. 67].

Se pot desprinde astfel, din definițiile atribuite de diferiți autori, câteva caracteristici generale ale capitalului intelectual și anume: caracterul său intangibil, implicarea cunoștințelor existente într-o organizație, precum și scopul utilizării acestuia, acela de a crea un supliment de valoare.

Referitor la cea din urmă caracteristică, în condițiile economiei actuale, a efectelor crizei financiare, tot mai mulți manageri sunt preocupați de găsirea de soluții pentru creșterea valorii companiei, capitalul intelectual și componentele sale devenind de o importanță vitală, în acest sens, pentru anumite companii. De cele mai multe ori, capitalul intelectual este considerat o avere ascunsă a companiilor care, în ciuda faptului că nu apare în situațiile financiare ale acestora, oferă un plus de valoare pentru acestea.

Considerat ca una dintre cele mai sigure investiții, capitalul intelectual reprezintă garanția afacerilor de succes mai ales în noua eră a tehnologiilor moderne. Această investiție are o rată ridicată de recuperare, respectiv beneficii sub forma productivității sporite a muncii, a dezvoltării abilităților profesionale, a capacității de inovare, a mobilității sporite a lucrătorilor. Cu toate acestea, multe organizații încă văd programele de educație și instruire ale angajaților proprii ca pe un cost și nu ca pe investiție.

Punerea în aplicare a invențiilor și proiectarea de produse și tehnologii noi se dovedește a fi hotărâtoare pentru supraviețuirea și succesul firmelor deoarece influențează costurile de producție, competitivitatea și, în consecință, performanța economică a firmelor inovative. Comportamentul actorilor economici este puternic corelat astfel încât introducerea unor inovații tehnologice care permit asigurarea unui avantaj competitiv generează presiuni asupra tuturor firmelor să integreze aceste inovații. Din acest punct de vedere, se produce o accelerare puternică a ritmului de inovare care exercită presiuni asupra firmelor, dar și asupra angajaților care trebuie să asimileze noi competențe pentru a putea fi eficienți în activitatea desfășurată. Se produce astfel un fenomen cu două componente puternic corelate, primul dintre ele este introducerea noilor tehnologii, iar cel de-al doilea capacitatea personalului de a utiliza aceste tehnologii.

În ceea ce privește profilul ocupațional, două elemente esențiale pot fi evidențiate din perspectiva evoluției profilului angajatului în economie și a competențelor pe care acesta trebuie să le asimileze. Astfel:

– *Dezvoltarea ocupațiilor de „străpungere”*. Ocupațiile de "străpungere" se dezvoltă în domenii noi (pe nișe de piață), cu cerințe ridicate în ceea ce privește atât nivelul cât și calitatea competențelor necesare. Sunt caracterizate de ponderi mai ridicate ale lucrului cu program parțial sau cu contract pe perioadă determinată. Acestea reprezintă tendințe incipiente ale evoluției către o ocupare flexibilă, de calitate (cu precădere în zona serviciilor).

– *Relevanța modificărilor tehnologice*. Reprezentanții firmelor consideră din ce în ce mai importante modificările la nivel tehnologic. Ramurile în care această preocupare pentru investiții în tehnologie este evidentă sunt industria prelucrătoare, transport, depozitare și comunicații și industria extractivă. În același timp, în firmele din domeniul comerțului și cel al tranzacțiilor imobiliare s-a identificat în mai mică măsură o relevanță ridicată a schimbărilor tehnologice.

Competențele în domeniul tehnologiei informației și comunicațiilor (TIC) reprezintă forța conducătoare a dezvoltării tehnologice și creșterii economice. În sens general, instruirea în domeniul TIC și dobândirea competențelor de bază au devenit o parte integrantă a vieții moderne. În ciuda importanței sale, analizele competențelor TIC și ocupării la nivelul diferitelor țări au fost relativ puțin consistente, din cauza diferențelor în definirea, clasificarea și sursele de date ca și din cauza evoluțiilor lor rapide.

Competențele în domeniul TIC au devenit tot mai mult o cerință la locul de muncă. La nivel mondial, peste 5% din totalul ocupării îl reprezintă ocupațiile specializate TIC și în jur de 20% ocupațiile

utilizatoare de TIC, într-o mare varietate de sectoare. În plus, pentru specialiștii TIC, definirea locurilor de muncă pare să fie în evoluție, solicitând unele combinații de competențe specializate TIC cu alte competențe, de exemplu de business și marketing.

Recrutarea forței de muncă prin intermediul internetului și munca la distanță sunt două tendințe interesante care sunt legate strâns de difuzia largă a TIC în întreaga societate. Recrutarea prin internet pare să crească în importanță dar are un impact limitat în prezent. Munca la distanță este, deasemenea, în creștere ca importanță iar tot mai multe persoane sunt ocupate, cel puțin parțial, în afara firmei la care sunt angajate. În plus, dezvoltările tehnologice rapide în domeniul TIC, combinate cu liberalizarea comerțului și investițiilor în servicii, au făcut ca producția de servicii să devină mult mai atractivă astfel încât o gamă tot mai largă a acestora să poată fi furnizate din locații îndepărtate.

Analizele realizate pe plan mondial indică că peste 20% din nivelul ocupării este potențial influențat de delocalizarea TIC. Aceasta nu înseamnă că aceste locuri de muncă vor fi în mod necesar delocalizate, ci în jur de 20% din persoanele angajate desfășoară activități și funcțiuni care pot fi desfășurate în afara locației geografice, datorită dezvoltărilor ce au avut loc în domeniul TIC și creșterea comercializării serviciilor. Apare întrebarea dacă o potențială penurie de TIC și alte competențe în țările furnizoare poate constitui o barieră pentru delocalizarea serviciilor TIC.

În prezent, sunt disponibile diferite mijloace de furnizare a competențelor în domeniul TIC adresate diferitelor categorii de populație. Necesarul de cunoștințe de bază vor fi acoperite tot mai mult prin generalizarea răspândirii TIC și folosirea lor în școli. Se fac eforturi pentru îmbunătățirea accesului lucrătorilor vârstnici la competențele TIC prin programe speciale de pregătire adresate acestui segment de angajați. Deoarece necesitățile de competențe specializate TIC este posibil să se schimbe rapid, odată cu schimbările intervenite în nivelul tehnologiilor, este posibil ca sistemul de educare formală să nu poată oferi flexibilitate deplină în adaptarea curriculei la cerințele sectorului privat.

Politicile în domeniul TIC includ promovarea competențelor la nivel de bază prin utilizarea TIC în școli, ca de altfel pentru întreaga populație, precum și inițiative pentru promovarea instruirii în scopul dobândirii de competențe mai specializate, puse în practică de asociațiile industriale și corpurile profesionale, și îmbunătățirea informării pe piața muncii.

Având în vedere importanța crescută a TIC în desfășurarea muncii (în sectorul public și cel privat) și în viața de zi cu zi a oamenilor, mijloacele de furnizare a competențelor TIC au cerut o atenție crescută.

Competențele TIC de bază și competențele specializate TIC sunt furnizate în diferite moduri. Competențele de bază se extind în mod natural odată cu răspândirea TIC: oamenii au nevoie de utilizarea TIC de bază, au computere acasă, copiii folosesc computere la școală și acasă. Pentru competențele specializate TIC, există patru căi esențiale de oferire a acestora și întâlnire cu necesarul de competențe: prin educația formală, diferite forme de pregătire profesională, imigrarea persoanelor cu competențe corespunzătoare, și delocalizarea activităților pentru care necesarul de competențe nu sunt îndeplinite. Posibilitățile de sporire a lucrului la distanță ar putea determina o participare mai mare pe piața muncii pentru anumite grupuri, de exemplu femei și persoane din zone îndepărtate, cu condiția ca acestea să dețină competențele necesare. Atragerea a mai multor femei în educația și cariera TIC ar putea reduce o parte din presiunea asupra ofertei de muncă.

Pe ansamblu, mai puține femei decât bărbați tind să obțină calificări tehnologice și științifice și în special calificări TIC. Cu toate acestea, există convingerea că, calificările asociate TIC vor deveni tot mai multidisciplinare sub aspectul necesităților de competențe evaluate. Aceasta poate fi o cale pentru atragerea femeilor în mai multe profesii specializate asociate TIC. În același timp, este probabil ca, calificările non-TIC să aibă tot mai multe componente asociate TIC, având în vedere utilizarea pe scară largă a acestor tehnologii în multe domenii de studiu și în multe profesii. Femeile pot deveni, în acest mod, mult mai competente în domeniul TIC.

Capitalul intelectual, prin formele sale condiționează performanța organizației, iar relația existentă între capitalul intelectual și performanța organizației conduce la stabilirea unei noi traiectorii în evoluția carierei, bazată pe dobândirea unui portofoliu cât mai complet de competențe.

Bibliografie

1. Brătianu, C. (2006a). Un model de analiză a capitalului intelectual organizațional. *Management & Marketing*, 1(3), pp. 17-32.
2. Brătianu, C. (2006b). Knowledge welding. *Proceedings of the 1st South-East European Welding Congress*, pp. 5-15, May 24-26, Timișoara.

3. Peltoniemi M. (2006). Diversity of the Intellectual Capital of Firms within an Industry, eBRC Research Reports Tampere.
4. Stewart, T. (1999). Intellectual Capital- The New Wealth of Organizations. London: Nicholas Brealey Publishing House.
5. International Journal of Training and Development – Learning and skills formation in the new economy, ISSN 1360-3736.
6. New Skills for New Jobs – COM (2008) 868 – e-Skills for the 21st Century – COM (2007) 496 și Strategia Europa 2020.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБЪЕКТОВ И ОБЪЕКТОВ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ ОБЩЕСТВОМ

В. К. Степанюк

В настоящее время разрабатывается и вскоре начнет осуществляться концепция «Беларусь–2030» – экономический, социально-философский и культурологический проект. Это актуализирует такое перспективное направление фундаментальных исследований, каковым является всестороннее изучение человека как уникального природно-социального феномена. Возрастает значимость комплексных исследований созидательной роли человеческого капитала в развитии экономики и других сфер человеческой жизнедеятельности. «Человеческий капитал, – отмечает Е. М. Бабосов, – в наиболее обобщенном определении представляет собой интенсивный производительный фактор развития экономики, включающий образованную часть трудовых ресурсов, эффективную деятельность интеллектуального и управленческого труда, развитие предприимчивости, рост производительности труда, возрастание объема вложений в развитие здравоохранения, науки, повышение качества жизни и безопасности людей. Он составляет фундамент роста внутреннего валового продукта (ВВП) в органическом его соединении с инновациями и высокими технологиями, информационным обеспечением производства в современных условиях. Основную долю инвестиций в человеческий капитал осуществляет государство, в чем и проявляется одна из важнейших функций государственного регулирования экономики» [1, с. 4].

В результате комплексных исследований, объединяющих усилия экономистов, социологов, психологов, политологов, правоведов, философов, ключом к пониманию социальных механизмов модернизационных изменений трендов общественного развития является учет возрастающей роли в нем национального человеческого капитала. На основе обобщения результатов таких исследований в междисциплинарном теоретическом синтезе должны быть научно обоснованные рекомендации, направленные на обеспечение инновационной модернизации экономики и социально-политической системы Беларуси. Ключевой проблемой становится анализ и оценка состояния и динамики интеллектуального потенциала, поиск новых форм и методов его эффективного использования.

Существует множество подходов к исследованию данного явления. Например, российские исследователи И. П. Попова и А. Л. Темницкий определяют интеллектуальный потенциал как «совокупность знаний и умений работников, занятых в отраслях и секторах экономики, где применяется труд, требующий способностей к их освоению, а также продуцированию новых знаний, необходимых для функционирования и развития этих отраслей [2, с. 57]. Иными словами, эти работники осуществляют инновационную, творческую деятельность, основанную на специальной подготовке и научных знаниях, квалификации, позволяющих решать сложные задачи и реализовать функции, носящие комплексный характер.

Г. Ф. Кунгурцева исследует эту проблему с точки зрения развития субъекта, в процессе деятельности которого развивается внутренняя структура интеллектуального потенциала, что неизбежно при различных (в результате исторических изменений, политических, научно-технических, социальных революций и т. д.) преобразованиях этого феномена.

Субстанциальной основой, «внутренним» механизмом интеллектуального потенциала выступает интеллект, который предопределяет особенности поведения и деятельности индивидов, обеспечивающих возможность реализации их потенциалов. Индивид обретает возможность заниматься определенной деятельностью только в том случае, если обладает знаниями и интеллекту-

альными способностями, которые приобретает в ходе социализации. Потенциал субъекта социальной деятельности – это совокупность психических и социальных структур, параметров, наличие которых при определенных внешних условиях обуславливает возможность и готовность их реализации. Формирование интеллектуального потенциала человека происходит в процессе взаимодействия между людьми, социальными группами и общностями [3, с. 63–64].

В последние годы резко возрос интерес к изучению процессов интеллектуального развития, что связано с формированием и развитием общества знаний – новой социально-экономической формации, основной движущей силой и продуктом которой становится производство, распределение и эффективное использование научных знаний и технологий.

Индекс развития интеллектуального потенциала общества концептуально является важнейшим компонентом более общего показателя, получившего наименование индекса развития человеческого потенциала. По инициативе ООН с 1990 года ИЧРП исчисляется практически для всех стран мира. Для того чтобы выглядеть достойно в глобальном рейтинге человеческого потенциала, необходимо обратить внимание в первую очередь на причины смертности (работа здравоохранения, образ и качество жизни населения) и состояние умов в обществе (факторы интеллектуальной культуры). Выживание и дальнейшее устойчивое развитие современного белорусского общества сегодня напрямую зависит от интеллектуального состояния социума.

Главная особенность высокоразвитых стран состоит в том, что наука к концу XX века уже стала важнейшей производительной силой. Экономическая, финансовая, военная, политическая мощь развитых государств ныне напрямую зависит от состояния фундаментальной и прикладной науки, удельного веса наукоемкой продукции в общем объеме промышленного производства и валового национального продукта. Рост интеллектуального потенциала определяется возможностями двоякого рода. С одной стороны, возможностями обеспечивать науку современными, весьма капиталоемкими приборами, аппаратами и установками, которые сами по себе являются воплощением новейших достижений научной и технической мысли. С другой стороны, возможностями подготовки достаточного количества квалифицированных кадров ученых, инженеров, управленцев высокого уровня.

Так, В. К. Левашов понимает под интеллектуальным потенциалом общества «совокупность человеческих, материальных и финансовых ресурсов, которые задействованы в двух тесно связанных между собой ключевых областях духовной жизни общества – науке и образовании, и измеренная величина которых показывает созданную и накопленную в обществе способность к творческому созданию новых знаний, технологий, продуктов» [4, с. 27].

В обществе и экономике знаний две сферы жизнедеятельности, наука и образование, приобретают ключевое значение и становятся ведущими производительными силами. Социально масштабную производительную функцию приобретает не только наука, но и образование, которое становится непрерывным и осуществляет профессиональную подготовку и переподготовку интеллектуальных работников на протяжении всего экономически активного периода жизни граждан.

От качества высшего образования зависит и качество человеческого капитала. По убеждениям экспертов ЮНЕСКО, именно качество составляет суть образования. Оно определяет объем и степень усвоения учащимися получаемых знаний, от него также зависит достижение их личных и социальных целей. В политической повестке каждой из стран поставлена задача обеспечения высокого качества учебных результатов и приобретение учащимися навыков и ценностных установок, которые помогут им играть конструктивную роль в обществе [5].

В условиях общемировой тенденции перехода к инновационной модели развития особую актуальность приобретают умения специалиста самостоятельно добывать новые знания, его изыскательские, творческие, креативные способности, умение генерировать новшества и эффективно управлять инновациями. Инновационный менеджмент и инновационные методы обучения – это ключевые факторы устойчивого социально-экономического развития любой страны.

Литература и источники

1. Бабосов, Е. М. Взаимодействие философии, физики, космологии и генетики в истолковании человекомерности развития науки / Е. М. Бабосов // Социология. – 2015. – №1. – С. 3–13.
2. Попова, И. П. Интеллектуально-профессиональный потенциал: к проблеме структурных изменений / И. П. Попова, А. Л. Темницкий // Социологические исследования. – 2011. – № 1. – С. 56–67.

3. Кунгурцева, Г. Ф. Интеллектуальный потенциал социальной организации: проблема развития и использования / Г. Ф. Кунгурцева // Социологические исследования. – 2014. – №9. – С. 63–68.
4. Левашов, В. К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование / В. К. Левашов // Социологические исследования. – 2008. – №12. – С. 26–36.
5. Всемирный доклад по мониторингу ОДВ 2005: образование для всех: императив качества. – Париж, 2004.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ЭПОХУ «НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

В. Н. Семёнова

Широкое использование в гуманитарной науке начала XXI века понятий «новое средневековье», «новое варварство», «неофеодализм», «вьетнамизация территории», «бразилизация мира» и т. п. призвано отметить парадоксальную логику Пост-современности. На место достижений Модерна, сворачивание которых начинается с середины 70-х гг. прошлого века (в политической сфере – это неоконсервативный поворот, в экономической – неолиберальный) приходят две, на первый взгляд, противоречивые тенденции. С одной стороны, это процессы, связанные с развитием пост-индустриального и информационного обществ: информационная революция; «информация и знание» вместо «труда и капитала»; деидеологизация и формирование «общества потребления», выражающего интересы «среднего класса»; безработица как «обеспеченный досуг». В 60–70-х гг. XX века в программных произведениях Д. Белла, Д. Гэлбрейта, Э. Тоффлера, З. Бжезинского активно продвигались идеи построения нового «общества всеобщего благосостояния», что удачно коррелировало с мондиалистскими проектами «конца истории», всемирного правового государства, «нового мирового порядка». Данный сценарий подразумевал: исчезновение глобальных социальных конфликтов; универсализм принципов западной либеральной демократии; формирование достаточно широкого слоя представителей «среднего класса», своего рода новых «белых воротничков», при глобальном управлении ученых-технократов и профессиональных управленцев; акцент на «индустрию знаний» и «человеческий капитал».

Вторая тенденция, контуры которой были очерчены в работе Д. Гэлбрейта «Неофеодализм» (1961), проявила себя в 90-х гг. XX века и является оборотной стороной технократических утопий.

Говоря о социально-экономическом развитии в первой трети XXI века, в так называемое время «после либерализма», И. Валлерстайн, наряду с рядом других авторов левой направленности, например Н. Хомским, предсказывает «абсолютное и относительное снижение численности средних слоев в процессе производства, включая отрасли сферы услуг. Наряду с этим будет продолжаться нынешняя тенденция к сокращению государственных бюджетов, которая в конечном итоге несет самую большую угрозу средним слоям населения» [1, с. 39]. Представители так называемого среднего класса сегодня оказываются перед реальной угрозой быть деклассированными. До недавнего времени эта опасность существовала в основном для стран догоняющей модернизации, где процент среднего класса невысок и сохранять необходимые статусные показатели ему достаточно сложно. Однако с середины 70-х гг. XX века в развитых западных государствах (прежде всего, в США и Великобритании) в рамках неоконсервативного проекта начинается «демонтаж демократии», последствия которого становятся очевидными в 90-х гг. Так, например, деиндустриализация, проводимая в контексте ориентации на построение постиндустриального общества, фактически подрывает социальную базу у рабочего класса и среднего слоя. И в начале XXI века социальная структура, свойственная странам второго и третьего мира, начинает распространяться и на развитые страны Запада. Подтверждением данного тезиса является сокращение средних слоев населения, их неустойчивое положение; всеобщее распространение ненадежного наемного труда и социальной незащищенности; формирование общества «глобального риска» (У. Бек). Наиболее очевидным сценарием развития для стран догоняющей модернизации, а в перспективе и для развитых западных государств может оказаться «новое средневековье», «неофеодализм», удачно сочетающий анархо-капитализм с полицейскими методами внеэкономического принуждения.

Для неофеодализма характерна деградация крупных и сложных систем, свойственных индустриальной эпохе; появление автаркичных регионов с местными иерархиями; разрыв внешне-

экономических связей и создание новых полутоталитарных режимов; жесткое социальное расслоение: поддержание достаточно высокого уровня жизни для местной элиты и возможность ее потенциального инкорпорирования в элиты развитых стран и деградация основной массы населения в архаику.

В этой связи именно образовательный ресурс, индивидуальный «интеллектуальный капитал» может стать решающим фактором меритократического отбора, своеобразным пропуском в элиту для средних слоев населения, чье положение в современном мире является наиболее неустойчивым.

Широкое употребление в современной гуманитарной науке и философии образования понятий «образовательный процесс», «индустрия знаний», «экономика знаний», «управление знаниями», «интеллектуальный капитал», «интеллектуальный работник», выдают не только целенаправленное желание образования «встроиться» в логику современного капитализма, но одновременно демонстрируют сущностное единство современного образования с «обществом потребления».

Индивидуальный «интеллектуальный капитал» подразумевает набор знаний, умений и навыков, которые можно выгодно продать или «вложить» с перспективой получения прибыли. Причем, активное использование экономической терминологии для объяснения процессов, происходящих в духовной и интеллектуальной сферах, подразумевает получение такого результата, который может быть исчислен именно количественно, то есть материальной прибыли.

Современный политический и экономический заказ вынуждает образование следовать логике современного рынка: «глобальная тенденция современного рынка: капитал покидает продуктивную экономику ради спекулятивной, легальную – ради более прибыльной теневой, сферу массового спроса – ради удовлетворения нужд богатых и сверхбогатых» [2, с. 131].

Современный этап развития капитализма ориентируется на предельную эффективность и получение максимальной прибыли. Поэтому в сфере образования большое значение получают идеи эффективности и практикоориентированности. Оценка соотношения вложенных усилий и получаемого результата приводит к необходимости уничтожения экзистенциальной составляющей образования и резкого сокращения его теоретической нагруженности: «адепты рыночной пользы также склонны освобождать образовательную систему от рафинированных общекультурных и теоретических «излишеств» [2, с. 158]. Следствием данного процесса является не только дефундаментализация высшего образования, сужение его горизонтов и перспектив и существенное понижение его качества до уровня узкой профессиональной специализации, но и полная дегуманизация системы образования, а в перспективе и социума. Не случайно «героем» нашего времени становится новейший буржуа-нигилист, в которого мечтает превратиться каждый обыватель. Этот новый тип человека способен торговать абсолютно всем; в основном торгует, а не производит; это нигилист, ниспровергающий все ценности до основания; а также внедритель «всеобщей формы стоимости».

Еще одним следствием станет резкое сокращение возможности получения качественного доступного высшего образования для средних слоев населения, что подтверждается не только широким распространением принципа образования «по двум коридорам», но и в ближайшей перспективе резкой поляризацией общества. Сегодня стало общим местом отмечать, что элиты и массы входят в новый глобальный мир с неодинаковой скоростью: «чем больше пространство элит глобализируется, делаясь особо открытым и мобильным, тем больше пространство масс локализуется, сегментируется, «натурализируется», неожиданно удаляясь от модерна к архаике» [2, с. 147]. В перспективе «неофеодализма» будет наблюдаться резкий разрыв благосостояния и доступа к благам цивилизации между элитой и основной массой населения, чье существование грозит оказаться не только в плену бедности и нищеты, но и в плену нового варварства и невежества. Неустойчивое положение средних слоев населения заставит последние стремиться поддержать свой существующий status quo «обслуживающего персонала», прежде всего, за счет индивидуального «интеллектуального капитала».

Литература и источники

1. Валлерстайн, И. После либерализма / И. Валлерстайн. – М., 2003.
2. Панарин, А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма / А. С. Панарин. – М., 2005.

КОМПЛЕМЕНТАРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛОВ КАК ФАКТОР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

Ю. В. Дедолко

Понятие «капитал» за историю существования претерпело значительные трансформации в соответствии с развитием общественных отношений и в зависимости от уровня теоретического осмысления. Историко-философская реконструкция показывает его происхождение от латинского «caput» – «голова, главный», появившегося в Древнем Риме и трансформировавшегося в эпоху Средневековья в «capital», означавшее голову домашнего скота как источника и измерителя богатства той эпохи. Меркантилисты считали капиталом золото и серебро, выполнявшие роль денег и выступавшие средством накопления. Физиократ Ф. Кенэ понимал капитал как орудие производства и произвел деление капитала на «первоначальные авансы», задействованные в течение нескольких производственных циклов, и «ежегодные авансы», расходуемые в одном цикле. А. Смит считал капиталом часть запасов, от которой ожидается получение дохода, подразделив его на оборотный и основной. В последнем он отметил приобретенные и полезные способности людей, которые, являясь «основным капиталом» индивида становятся частью богатства общества. Они сокращают и облегчают труд, требуют расходов на приобретение, но возмещают их с прибылью. У К. Маркса капитал «дематериализуется» – это общественное, принадлежащее конкретной исторической формации общества производственное отношение, кристаллизующееся в вещи в виде прибавочной стоимости и придающее ей специфический общественный характер.

В результате кризиса индустриального западного общества и перехода к постиндустриальному этапу развития, активного развития социогуманитарных дисциплин понятие «капитал» стало также использоваться для характеристики личностных качеств и социальных взаимоотношений людей. Четкую демаркацию видов капитала произвел П. Бурдьё, выделивший экономический, культурный и социальный капиталы. Концепция человеческого капитала была разработана Г. Бэкером и коррелирует с концепцией культурного капитала П. Бурдьё. Человеческий и культурный капиталы (запас знаний, навыков и мотиваций) являются результатом воспитания и образования, нуждаются в инвестировании финансового капитала и являются источниками роста благосостояния как индивидов, так и всего общества. Вклад в формирование концепции социального капитала внесли А. Токвиль, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, М. Вебер, исследовавшие феномены социального взаимодействия: сплоченность, солидарность, доверие. В результате комплексного анализа современных исследований социального капитала (П. Бурдьё, Дж. Коулман, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма) его можно определить как ресурс социальных связей и отношений людей, основанных на институциональных формах взаимодействия (обязательства, ожидания, информационные каналы, нормы и санкции). Человеческий и социальный капиталы продуктивны, способствуют снижению издержек в процессе обращения всех видов капитала и увеличению отдачи в виде прибыли или пользы от использования ресурсов.

Взаимодействие различных видов капитала имело место на протяжении всей истории человечества, но не являлось предметом специальных исследований. Развитие интеллектуальной сферы жизнедеятельности общества и потребности управления общественно-экономическими процессами в эпоху постиндустриального развития стали факторами, выведшими феномен капитала и его разновидностей в авангард современных социогуманитарных наук. На современном этапе мирового развития ярким примером продуктивного взаимодействия форм капитала является история возникновения и функционирования глобальной информационной сети Интернет, описанная М. Кастельсом в работе «Галактика Интернет». Военное ведомство США, находившихся в состоянии «холодной войны» с СССР под влиянием успехов последнего в освоении космического пространства, инициировало своеобразный «мозговой штурм», подкрепленный масштабным финансированием, с расчетом на разработку новых технологий. Одной из задач было создание децентрализованной сетевой структуры, вычислительные ресурсы которой, распределенные по всем узлам сети, должны были иметь возможность резервирования сетевых функций для минимизации риска разрыва связи. Разработанный П. Бэрном механизм передачи информации между ЭВМ, ставший основой сети ARPANET, на базе которой в дальнейшем развивалась сеть Интернет, был отвергнут

Пентагоном, но стал предметом интереса ряда ведущих ученых и инженеров, образовавших в дальнейшем неформальное сообщество исследователей на базе МИТ, своеобразный «престижный клуб компьютерщиков». Сообщество находилось под протекторатом созданного Пентагоном ведомства ARPA, набиравшего штат сотрудников из ученых ведущих университетов и институтов, их друзей, студентов и аспирантов, вследствие чего сформировалась сеть прочных контактов в университетской среде и с другими научно-исследовательскими организациями. Результатом этой стратегии, сочетавшей в себе госфинансирование и академическую свободу в реализации творческого потенциала ученых стали научно-исследовательские проекты, породившие новые технологии, совокупность которых реализовалась в виде сети Интернет. Первоначально Интернет использовался университетами для обмена инновациями друг с другом и с различными контркультурными сетями, в рамках которых зародился феномен хакерства, что оказало значительное влияние на характер сети. Возможность оперативного обмена сообщениями в наиболее активной в плане научного поиска среде – аспирантской – способствовала формированию особого стиля неформального технического общения, основанного на ценностях свободы личности, независимости мышления и сотрудничества.

Отмечая, что сети, обладающие такими достоинствами как гибкость и адаптируемость, являются старыми формами материализации человеческой деятельности, главной особенностью самой масштабной сети современности – Интернета – М. Кастельс считает открытость, как с точки зрения технической архитектуры, так и социальной и институциональной организации. Открытость и децентрализованность Интернета порождает его способность к саморазвитию, т. к. пользователи обладают возможностями участия в дальнейшей разработке технологии, что подтверждается созданием открытых операционных систем UNIX и Linux, и становятся «творцами» Сети в целом, наполняя ее разнообразным контентом. Открытость и сотрудничество играют решающую роль также в функционировании институтов управления сетью, руководящие посты в которых занимают люди, имеющие безупречную репутацию, авторитет, уважение и доверие со стороны членов сообщества. Обращаясь к культуре сети Интернет, М. Кастельс резюмирует, что стандартные академические ценности, реализовавшись в формате глобальной информационной и коммуникационной сети стали целевым проектом, способным объединить компьютеры и людей в одно симбиотическое сообщество, которое будет экспоненциально развиваться на основе интерактивной связи. Эти идеи сегодня находят продолжение в футуристических прогнозах технического директора корпорации Google Р. Курцвейла, предрекшего к 2045 г. наступление эры технологической сингулярности, когда Земля превратится в один гигантский компьютер. Не вдаваясь в анализ данного прогноза, отметим основополагающие ценности техномеритократии, позволившие реализовать такой масштабный и претенциозный проект как «галактика Интернет»: открытие как высшая ценность; определение значимости и важности открытия, исходя из вклада в область исследования путем его оценки всеми членами сообщества, с учетом личного вклада ученого и его репутации; координация задач и проектов, контроль ресурсов авторитетными лицами, заслужившими уважение благодаря своей компетенции и пользующимися моральным доверием у своих соратников; руководство в научно-исследовательской деятельности официальными и неофициальными правилами сообщества и ограничение на использование общих ресурсов, в т. ч. знаний и должностей, вне контекста стремления к общему благу; открытый обмен программным обеспечением и результатами всех усовершенствований.

Если анализировать процесс создания сети Интернет с точки зрения взаимодействия видов капитала, то мы обнаруживаем, как инвестированный военным ведомством США экономический капитал, аплицированный к человеческому, точнее интеллектуальному капиталу, воплощенному в знаниях признанных и молодых ученых, независимых исследователей и программистов в условиях функционирования социального капитала: академической и творческой свободы, открытости исследований, неформальных объединениях исследователей и норм взаимодействия, основанных на авторитете, репутации, уважении, доверии, создали предпосылки к активному научному поиску и принесли весомые результаты в виде разработки ряда технических и технологических инноваций, имевшие ни с чем не сравнимые последствия для современной цивилизации. Сеть Интернет сегодня – это «коммуникационный медиум», благодаря которому мы вступили в новый мир – «галактику Интернет», структурирующую и оказывающую непосредственное влияние на все сферы жизнедеятельности современного человечества.

Литература и источники

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. – 2-е изд. – М., 2007.
2. Де Сото, Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Э. Де Сото; пер. с англ. Б. Пинскер, науч. ред. Р. Левита. – М., 2004.
3. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург, 2004.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СМЫСЛОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ДУХОВНЫХ ВЕРТИКАЛЕЙ

В. А. Костенич

Интеллектуальная культура общества представляет собой комплексное мировоззренческое образование. В него инкорпорированы и архетипы национальных ментальностей, и идеологические приоритеты массового сознания, и политические традиции диалогов о власти, и конституционные дискурсы правовых императивов, и духовные вертикали религиозных, эстетических, этических и философских культурологий Смысла. Невозможно препарировать интеллектуальную культуру в анатомической плоскости прагматических ориентиров. Она не поддается математическому операционализму. Ускользает от психоаналитических попыток редуцировать себя к «коллективному бессознательному» номенклатурных регламентов и какофонии инструктивных посланий. Интеллектуальная культура общества бытийно перпендикулярна к повседневному искушению «жить сегодняшним днем», нравственно взвинчена и граждански взволнована.

Говоря об интеллектуальной культуре общества, необходимо отыскивать индикаторы ее социальной идентификации, эксплицировать свидетельства экзистенциального присутствия и резонансные (ф)акты «исторических достижений». Одним из системообразующих генераторов социального бытия интеллектуальной культуры выступают институты образования. Именно здесь (во многом) свершаются повивальные драмы ее рождения и духовного пестования. Скажем ригористично: должны свершаться! Государственные стандарты образования, программная артикуляция профессиональных и мировоззренческих компетенций, дотошный менеджмент качества образовательных услуг, научно-практические форумы, посвященные инновационным технологиям преподавания, проникнуты праведным стремлением легализовать (аутентичные современности) социокультурные парадигмы и параметры «интеллектуальности».

Вне всякого сомнения, подобные кодификации и инициативы во многом оправданы и целесообразны. Они создают критическую массу тематических проблематизаций социального пространства и его футурологических перспектив. Способствуют известной кристаллизации интернациональных инвариантов интеллектуального общежития в практике национально ориентированных жизнедействий. Интеллектуальная культура белорусского общества эволюционно преодолевает свой «географический статус» и трансцендирует в синергетику макро и микровзаимодействий с инаковостями Иного. И все же наша система вузовского образования избыточно приватизирована различного рода западными модами тестовых «правил приема», жесткими формализациями «учебных программ» и «статистик успеваемости», фактическим отсутствием региональных заказов на определенный интеллектуальный продукт, чиновничьим и технократическим снобизмом в отношении гуманитарного измерения личностного бытия.

«Социальная мобильность» и «профессиональное кочевье», вкуче с гедонистической мифологией «жизненного успеха любой ценой», доминируют в общественном сознании, рикошетят в образовательный процесс, минируют гражданскую и персонифицированную самобытность. Мы рискуем воспроизводить «формально образованных» выпускников, эмиграционные потенциальности «космополитичного разлива», преуспевающих «дельцов», людей без патриотического пафоса и социального энтузиазма. Конъюнктурные рационализмы сиюминутности и постмодернистские фокусы плюралистической всеядности турбулентно комкают национальную плоть и личностную экзистенцию. «Все прогрессы реакционны если рушится Человек» (А. Вознесенский). Политизированное «глобальное» подменяет мировоззренчески «Всеобщее», а идеология утилитаризма торжествует над совестью подвижничества.

Философски фундированное мировоззрение отстаивает тот факт, что «идеальность» сознания как «субъективного образа», отражаемых и осмысливаемых им бытийных реальностей, непосредственно производна от «всеобщих схем» культурно-исторической практики человечества. Они улавливают в своих «опредмеченных сподручностях» некие «эталонные образцы (почти) Совершенства», изначально присущие самому бытию в его разнообразных «воплощениях». Идеальным смыслам сознания бытийно предшествуют «идеальные случаи» реального Совершенства природных закономерностей и социальных отношений. Человеческий интеллект лишь создает и конструирует для них свои мыслеобразные «двойники». Следовательно, в процессе гуманитарного познания должны мировоззренчески отслеживаться те «всеобщности Отдельного», посредством которых человеческий Разум (во всех областях своего бытийного присутствия) селективно аккумулирует их «совершенные формы» и утверждает их прогностичную человекоразмерность. Осуществляя интеллектуальный штурм многообразных воплощений человеческого духа, философское сознание подвергает эти события человеческого бытия мировоззренческой диагностике, критически осмысливает их «производственный потенциал» и гуманистические отложения.

Интеллектуальная культура общества – это не только и не столько виртуозное владение современными информационными технологиями и инязовская подкованность, сколько способность «общаться со Смыслами», обладать духовными навыками к герменевтике душевных озарений, подчинять свое существование усилиям к Добру и к хореографической пластике Прекрасного. Выражаясь гегелевским языком, историко-философская и проблемно-философская репродукции Мирового Разума, в его разнообразных социопредметных замыканиях, призваны и позволяют «причащать» к интеллектуальной культуре человечества; боготворят не «превращенным формам» идеологических aberrаций сознания, а мировоззренческим всеобщностям ищущего Духа, его смысловым сакральностям.

Однако, на деле, мы имеем сегодня то, что имеем. Гуманитарное знание под разными предлогами и социальными соусами выдавливается из приоритетов образовательного процесса, превращается в «дисциплинарное гетто», куда загнаны, волонтаристски совмещены и «интегрально отмодулированы» относительно пограничные, но, по сути, весьма самостоятельные векторы мировоззренческого дискурса.

У вузов и преподавателей изъяты академические свободы к творческому самоопределению. Учебные программы по базовым гуманитарным курсам зарегламентированы до предела. «Что и кого» читать, в какой технологической последовательности, сколько аудиторных часов, – все это дамокловым мечом нависает над профессиональной деятельностью гуманитарного сообщества. Вериги формуляров и ограничений стреножат индивидуальность и превращают преподавателей в «календарных рабочих», отрабатывающих свою скромную зарплату с оглядкой на административный окрик и «обиды» обленившейся аудитории. Доходит до смешного: согласно указаниям Министерства образования, количество билетов, выносимых на экзаменационный опрос, должно (обязательно) превышать количество обучающихся в соответствующих академических группах. В результате подобной «инициативы» экзаменационные вопросы неизбежно превращаются в такие «интеллектуальные построения», для ответа на которые студенту достаточно ограничиться одним-двумя предложениями. Разве это не профанация итоговых форм проверки качества знаний?

Что же делать в подобной ситуации, во многом обострившейся в результате экономических потрясений и дисбалансов? Можем ли мы опустить руки и скрыться в тумане подобных оправданий? Безусловно, нет! Необходимо (пере)осознать, что преподавание гуманитарных дисциплин имеет свою предметную специфику и зачетно-экзаменационную дискуссионность. Следует позволить преподавательскому корпусу гуманитарного блока выстраивать чтение своих курсов «по логике» профессиональной ответственности и мировоззренческой актуальности, а не по ассортименту директивных вкусов. В целях формирования интеллектуальной культуры общества, зачеты и экзамены по гуманитарным дисциплинам целесообразно проводить в творческой форме, совмещая тестовые и диалоговые режимы общения, ранжируя «знаниевые» и «герменевтические» ракурсы осмысливаемого материала. В обязательном порядке должны быть включены в учебные планы всех специальностей «курсовые работы» по гуманитарным отраслям человекознания, скоррелированные с соответствующими дисциплинарными специализациями. Рациональным выглядит и присутствие (именно на завершающей стадии образовательного процесса) неких *интегральных предметных композиций* гуманитарного знания в качестве либо «опросно-экзаменационных»,

либо «дипломно-научных» проектов, итожащих мировоззренческие компетенции выпускников вузов.

Интеллектуальная культура общества должна культивировать не «шоу-знатока», а духовного эрудита, предрасположенного мыслить «всечеловечески», жить национально сберегающе и этически спокойно!

ПОНЯТИЯ «ТРАНСФЕР» И «РЕЦЕПЦИЯ» В ИЗУЧЕНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

А. Ю. Дудчик

Понятие «трансфера», вероятно, может быть названо одним из наиболее быстро набирающих популярность в современном гуманитарном и социальном знании. В наиболее явном виде это понятие представлено в масштабной и междисциплинарной программе изучения «культурного трансфера», берущей своё начало в работах французских историков культуры М. Вернера и М. Эспана [1]. Данная программа обладает рядом достаточно эвристических методологических и концептуальных аспектов, что позволяет рассматривать её как некоторую общую исследовательскую стратегию для изучения культуры в её многообразии и динамике. Кроме этого, на наш взгляд, вполне уместно использовать понятие культурного трансфера (или, как вариант, просто трансфера) и общий подход к его изучению в конкретных областях изучения интеллектуальной культуры, и, в частности, истории философии.

Само понятие культурного трансфера является принципиально полисемантическим и активно используется в разных областях человеческой деятельности (от экономики до психоанализа), обозначая целый ряд процессов, связанных с феноменом перехода, переноса и перевода (в широком значении последнего). В оригинале используются термины *Transferts Culturels* (фр.) и *Kulturtransfer* (нем.) соответственно, в русском языке уже существует традиция перевода термина как «культурный трансфер» (хотя, видимо, возможны и другие варианты, например, «трансфер культуры»). Понятие активно используется в конкретных исследовательских проектах, охватывающих большое количество самых разных областей (культурный трансфер в различные исторические периоды, между национальными культурами, между цивилизациями и т. д.).

На наш взгляд, вполне уместным будет сравнение понятия трансфера с другим, весьма популярным в отечественной историко-философской традиции понятием – а именно, понятием рецепции, имеющим достаточно длительную и вполне успешную историю использования, в частности, в рамках изучения белорусской философской мысли (см. работы В. Ф. Шалькевича [2], А. А. Легчилина [3] и др.). Обычно это понятие используется для анализа определённого влияния идей, понятий, концепций и т. д. в рамках философских школ, национальных или региональных традиций мысли, авторских философских систем.

В этой связи интересно отметить, что анализ соотношения этих двух понятий осуществлялся и представителями подхода изучения «культурного трансфера». Так, в материалах общей дискуссии [5] одной из конференций, посвящённых процессам культурного трансфера в 16 в., затрагивается, наряду с другими, и вопрос о соотношении понятия культурного трансфера и более традиционного в гуманитарных науках понятия рецепции. Не отрицая важности и эвристической значимости понятия рецепции для изучения интеллектуальной культуры в целом, в ходе дискуссии был сформулирован и ряд отличий между двумя этими понятиями, что позволяет в некоторых случаях использовать понятие культурного трансфера как более удобное для исследования.

Так, во-первых, понятие культурного трансфера основывается на понимании характера взаимодействия между сторонами в процессе обмена как принципиально динамическом и разнонаправленном (используя популярный политический термин – многовекторном) по сравнению с понятием рецепции. Например, усвоение определённых идей, понятий, концепций предполагает не только их пассивное восприятие, но и достаточно активную деятельность по выбору, переводу, интерпретации и т. п. В этой ситуации более уместно вести речь, например, не просто о чтении, но о прочтении, не просто об усвоении, но и освоении и даже присвоении (в позитивном значении делания значимым для себя) и т. п.

Далее, во-вторых, понятие трансфера позволяет сделать акцент на процессуальной составляющей взаимодействия, избегая при этом проведения чётких границ (например, между субъектом и объектом, системой и средой, субъектами взаимодействия и т. д.) и не всегда оправданного гипостазирования отдельных элементов процесса. В рамках истории философии, в частности, это может проявляться в появлении таких сущностей как традиции, направления, течения и т. п. При этом весьма дискуссионным является вопрос о том, существуют ли они реально в культурно-социальной реальности либо же являются результатом деятельности исследователя. В рамках программы изучения «культурного трансфера» эти проблемы также сохраняются, однако, принимают не столь острый характер, поскольку исходное процессуально-динамическое видение изучаемой реальности не предполагает выделения чётких и непреодолимых по отношению друг к другу границ внутри изучаемой области.

В-третьих, использование понятия культурного трансфера основывается на широком понимании культуры (включая в это понятие не только сферу высокой интеллектуальной культуры, но и культуру материальную, повседневную жизнь, маргинальные сферы культуры и т. д.). Это, в свою очередь, предполагает включение в рассмотрение и широкого социально-культурного контекста: материальных артефактов, технических приспособлений, социальных институтов и практик и т. п. Конечно, это является весьма существенным расширением предметного поля исследования по сравнению с классическими представлениями об истории философии, что, однако, соответствует современным тенденциям в этой сфере. Следовательно, наряду с другими современными подходами (история идей, интеллектуальная история, социология знания и т. д.) изучение процессов культурного трансфера может стать хорошим дополнением к классическим методам и проблемам историко-философских исследований.

Таким образом, даже на основании данного краткого обзора аргументации сторонников программы изучения «культурного трансфера» можно сделать вывод, что использование данного понятия при исследовании интеллектуальной культуры, и, в частности, истории философии, имеет под собой определённые основания и в ряде случаев вполне оправдано. Тем не менее, на наш взгляд, не совсем корректно было бы противопоставлять понятие культурного трансфера уже вполне привычному и достаточно успешно используемому понятию рецепции. Можно предположить, что эти понятия не столько противоположны по своему содержанию и направленности, но, скорее, могут дополнять друг друга даже в рамках одного исследования. Так, понятие рецепции может использоваться для обозначения взаимодействия преимущественно в области идей, тогда как понятие культурного трансфера позволяет фиксировать более широкий социально-культурный контекст этого взаимодействия. С другой стороны, использование понятия культурного трансфера позволяет подчеркнуть процессуально-динамический характер взаимодействия, в то время как понятие рецепции может использоваться для обозначения результатов этого процесса взаимодействия в наличной форме.

Подведём краткие итоги. В рамках масштабной и междисциплинарной программе изучения «культурного трансфера» затрагивается, наряду с другими, и вопрос о соотношении понятия культурного трансфера и более традиционного в гуманитарных науках понятия рецепции. Сторонниками этого подхода указывается ряд различий между рассматриваемыми понятиями, и обосновывается оправданность и эвристическая значимость использования в ряде случаев понятия культурного трансфера. При этом, однако, можно предположить, что эти понятия не столько противоположны по своему содержанию и направленности, но, скорее, могут дополнять друг друга даже в рамках одного исследования интеллектуальной культуры, в том числе, и носящего историко-философский характер.

Литература и источники

1. Espagne, M. Der theoretische Stand der Kulturtransferforschung / M. Espagne // Kulturtransfer. Kulturelle Praxis im 16. Jahrhundert. Wien, 2003. – p. 63–75.
2. Шалькевич, В. Ф., Легчилин А. А. Рецепция философии И. Канта в Беларуси и Литве в первой трети XIX века / В. Ф. Шалькевич // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летия со дня рождения Иммануила Канта: Труды международного семинара и международной конференции: В 2 ч. / Под ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград, 2005. – Ч. I – С. 87–98.

3. Легчилин А. А. Рецепция немецкой философии в Беларуси и Литве в XIX веке / А. А. Легчилин // Историко-философские исследования в регионе Восточной Европы: опыт, задачи, социокультурное значение: мат. межд. науч. конф. Минск, 2013. – С. 68–77.
4. Ehalt, H. «Kulturtransfer» – Europäische Geschichte gegen den Strich nationaler Mythen (Podiumsdiskussion in den «Wiener Vorlesungen») / H. Ehalt, M. Espagne, M. Kaller-Dietrich, L. Musner, R. Piepe, W. Schmale // Kulturtransfer. Kulturelle Praxis im 16. Jahrhundert. Wien, 2003. – p. 9–40.

1.2 Философско-методологические аспекты динамики интеллектуальной культуры

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТЕЗА КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Д. И. Широканов

Исследование развития научного познания позволяет сделать вывод, что значение категорий как форм теоретического синтеза с прогрессом познания возрастает. При этом обнаруживается внутренняя связь между методами и категориями специальных наук и общим диалектическим методом и его категориями. Специальные методы и категории основываются на общем диалектическом методе и могут рассматриваться как его конкретизация в определенных областях исследования.

Категории философии позволяют с более широких позиций рассмотреть место и значение тех или иных специальных областей знания и соответствующих понятий в общей системе науки, глубже понять процесс познания в единстве различных его сторон, в частности единства исторического и логического, общего и специального. Тем самым категории диалектики способствуют дальнейшему развитию теоретических обобщений в специальных областях познания, они позволяют через призму обобщенного опыта познания с более широких позиций исследовать возможные решения узловых проблем науки. Более полно выявляется логика познания, более отчетливо раскрывается действительный смысл расширения одних принципов познания в той или иной его области и сужения либо же отрицания ими других принципов именно в историческом развитии.

Развитие категорий характеризуется особыми диалектическими противоречиями и не является простым зеркальным отражением развития общего хода познания. Этот процесс. Зависимость между уровнем теоретических обобщений и логическими категориями имеет сложный опосредованный характер. Как ступеньки выделения, категории связаны с развитием форм обобщений, которое, в свою очередь связано с абстрагированием, выделением предмета, тех или иных его свойств, отношений, сторон. В системе отношений, свойств абстракция на основе практики выделяет существенное, устойчивое, повторяющееся и тем самым позволяет зафиксировать это существенное в определенной связи явлений и предметов.

Природа абстракции и обобщения таковы, что, выделяя и абстрагируя какую-то связь, отношение, свойство из системы предметов, они (абстракция и обобщение) схематизируют, упрощают, делают целое неполным, односторонним. Поэтому то же самое свойство мышления, которое обеспечивает возможность научного познания, познания общего и существенного, таит в себе источник односторонности, неполноты отражения. Это противоречие между выделением существенного, общего и неполнотой отражения, отходом от чувственного, конкретного, целого разрешается в самом познании, в развитии его форм и, в частности, категорий.

В развитии и обогащения собственного содержания категории все отчетливее обнаруживают связь между собою и взаимные переходы.

Лучший способ воспроизведения объекта в системе понятий представляет собою метод познания на основе движения от абстрактного к конкретному. Он позволяет теоретически раскрыть отражаемый объект в его существенных моментах, внутренних отношениях, связях и переходах, выявляемых на основе практики. Чтобы отразить эти связи, категории также должны быть взаимосвязанными. Следовательно, взаимосвязь категорий, их отношения и взаимные переходы обусловлены, во-первых, диалектическим характером отражаемых ими отношений, связей, зависимостей в самой объективной действительности, во-вторых, диалектическим процессом развития самого познания.

Понятия – могучее средство теоретического обобщения опытных данных, практического овладения миром, познания сущности явлений. Однако они не даны человеку, его мышлению от природы, а являются результатом длительного развития человеческого познания на основе общественной практики. На современном уровне научное познание оперирует различными по общности и глубине абстракциями, и каждая из них как понятие играет свою роль в отражении объективной действительности. Некоторые из этих понятий конкретизируют более общие понятия или отражают новые, ранее неизвестные объекты познания. Одни отношения и связи имеют сравнительно небольшую историю своего развития; другие же существуют на протяжении длительной истории познания и потому претерпели более или менее существенные изменения, так что анализ их как форм отражения требует учитывать историю развития познания, становление и формирование их как диалектических форм отражения.

С категориями – основными и наиболее общими понятиями – связано становление и развитие научного познания как логически обоснованного знания о мире, его законах.

Исторически с прогрессом познания понятия развивались не только по своему содержанию, но также и по своему объему; расширялся круг охватываемых ими явлений; выявленные закономерности, отношения экстраполировались на новые области явлений. В ходе познания изменяется содержание, объем понятий и у наиболее широких, общих понятий.

С развитием содержания научного познания логические категории, например, охватывают все более широкий круг явлений, связей, различных, ранее не известных науке, уровней организации материи, обнаруживаются области перехода, развития одних понятий в другие. Объем понятия оказывается при этом не столь строго очерченным, как предполагалось раньше, а граница одного понятия, отделяющая его от другого, не столь жестко определенной.

Глубинное познание существенных, сущностных отношений и связей возможно на основе абстрактного мышления. Абстрагирование как существенная сторона процесса мышления – исторически развившееся свойство отражения человеком объективной действительности. Оно связано не только с развитием практики, но и фантазии. Выделяя отдельные свойства, отношения, формы предметов, человек создает абстракции, которые он объективирует и выделяет как своего рода идеальные объекты, или абстрактные предметы, отражаемые соответствующим понятием и фиксируемые определенным термином (вес, объем, субстрат, вид, добро, красота и т. п.).

Идеализация объекта позволяет с помощью абстрагирования, формализации отразить, воспроизвести в мышлении существенное в чистом виде, без скрывающих, затеняющих его внешних моментов. Будучи ограниченными определенным минимумом знаний о конкретных отношениях, операции обобщения в этот период сводились к рассмотрению родовидовых отношений. Достигнутые знания в области геометрии, астрономии, механики простейших тел вместе с определенным уровнем математических знаний позволили перейти к раскрытию количественных отношений. Выделение всеобщего как субстанции в логике Аристотеля на первых порах было связано с абсолютизацией одностороннего сведения одних свойств, отношений к другим. Например, пифагорейцы под воздействием разрабатывавшихся ими математических теорий в своих философских идеях пришли к абсолютизации числа и количественных отношений как основы, выражающей соотношение и меру всех явлений, абстрагированных от их материальной (вещной) основы.

Анализ одних свойств и связей в их отношениях к другим – важная ступень в познании явлений и развитии абстракции. С развитием познания односторонние экстраполяции и сведение одних свойств к другим преодолеваются. Но при абсолютизации экстраполяции, общего возможен отрыв понятий, абстракций от действительности, от отражаемой ими материальной основы. В этом случае происходит выхолащивание объективного содержания абстракций, переход к схоластике.

Расширение научной основы механической картины мира, систематизация изложения самой механики содействовали упрочению механистического представления о мире как о сложной механической системе. Предпринимаются попытки создания универсальной механистической теории природы. «Жестко детерминированный» стиль мышления, связанный с господством классической механики, опирается как раз на представления о независимом существовании тождественной самой себе частицы, которая в своем поведении определяется строго однозначными связями и определенной траекторией движения. Новые факты, не укладывавшиеся в эти представления (как в самой физике, так и особенно в биологии, химии, физиологии), естествоиспытатели, долгое время пытались согласовать, как-то примирить с механистическими представлениями. Однако даже в рамках классической механики выявлялись все более непримиримые противоречия, которые для

своего разрешения требовали выхода за узкомеханистические рамки. Противоречия между новыми фактами, удостоверявшими диалектику природы, и стремлением свести все отношения и свойства к механическим отношениям, как всеобщим, господствующим представлением о неизменности основных качеств, метафизическое разграничение различных областей природы выражали как раз одно из таких противоречий.

Категории философии, будучи формами теоретического синтеза, выполняют эту роль в процессах развития научных теорий, в тесном единстве с понятиями конкретных наук. В отличие от предшествующих античного и механистического периодов развития современное естественно научное познание отражает общие отношения, связи, формы на основе раскрытия переходов одних форм материи в другие, выявления их особенной и общей основы (субстанции), исследования более глубоких уровней организации материи. Это позволяет раскрыть те факторы, отношения, которые обуславливают целостность, материальное единство различных по форме и содержанию явлений, общность закономерностей, управляющих ими.

Синтез эмпирических знаний позволил найти основу, выявляющую существенные связи и зависимости. Только в системе взаимосвязи и взаимопроникновения и переходах категории выполняют свою роль форм, ступеней теоретического познания, только на основе диалектических категорий возможно научное решение и теоретическое объяснение открываемых современным естествознанием на глубинных уровнях организации материи новых явлений и фактов.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ: СУЩНОСТЬ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Б. М. Ленеуко

Первый вопрос можно сформулировать так: методологическое знание первично и оно определяет направления и характер гуманитарного научного поиска или наоборот: собственно развитие той или иной конкретной гуманитарной науки предопределяет развитие методологических систем, которые «обобщают» и «развивают» накопленный эмпирический материал? Однозначного ответа не существует. С одной стороны учёные утверждают, что главной движущей силой развития гуманитарной науки и смены методологических парадигм является развитие собственно науки [1, с. 4]. Жизнь, общественная практика первична, методологические системы, характер их трансформации вторичен. Отсюда понятно, что единой, универсальной методологии гуманитарных наук не существует. Более того, характер развития методологических систем определяется как динамический, диалектический, находящийся в постоянном и противоречивом развитии. Однако можно представить и иную точку зрения, связанную с констатацией того факта, что революции в естествознании, смена научных парадигм означает, одновременно, формирование новых методологических систем и именно эти методологические системы определяют ход и развитие методологического знания. Скажем, сторонники марксистской методологии науки утверждают приоритет революционных открытий классиков марксизма применительно к экономике, далее – к иным элементам надстройки и на этом основании можно утверждать направления и характер эмпирических исследований. Собственно, это относится не только к марксистским подходам, но и к методологии позитивистской, просветительской, неокантианской и иным вариантам знания.

Как альтернатива этим двум «монистическим» подходам выступают различные варианты интегративных методологий. Речь идёт о конвергенции методологических систем, а не об их дивергенции, то есть, разбегании. В целом интегративная тенденция чрезвычайно популярна в настоящее время. В качестве примера сошлёмся на теорию коммуникации Санкт-Петербургского юриста А. В. Полякова, разрабатывающего коммуникативно-феноменологическую модель правового знания именно на основе «многоединства» всех имеющихся теоретических подходов в праве [2]. Однако главный вопрос в этом контексте (характере связи между теорией и «практикой» науки) связан не столько с выбором той или иной позиции, сколько с тем, что большинство специалистов, работающих в различных отраслях гуманитарного знания, теоретические проблемы оставляют «на потом», ставя во главу угла конкретные исследования эмпирического характера. Другими словами, проблема не в том, что нет единого «гранд-нарратива», а в том, что сама необходимость этого

«гранд-нарратива» воспринимается скептически. Надо признать, что для этого есть основания: констатация непрерывных кризисов методологических систем и попытка «пересмотреть» накопленный эмпирический материал вызывают чувство теоретической, концептуальной неполноценности. Особенно это касается исторического знания.

Второй вопрос связан с пониманием характера научных связей между отраслями гуманитарного знания. Скажем, правоведы фиксируют острый интерес к проблемам семиотики, герменевтики, феноменологии, синергетики, отсюда известный посыл к новой парадигме знания, называемой постнеклассической и формирование соответствующего дискурса. Консервативная часть научного сообщества полагает, что здесь необходимо соблюдать высокую степень взвешенности и существуют мощные ресурсы использования классической парадигмы знания, причём обращение к достижениям смежных наук вовсе не отрицается. Но вопрос стоит резче и определённое: здесь можно фиксировать строгую дизъюнкцию в постановке проблемы. То есть, или классическая парадигма знания, или неклассическая, любые варианты «теоретической конвергенции» в этой сфере вряд ли возможны. И речь не только о том, что пересматриваются философские подходы (условно говоря, вместо Г. Ф. Гегеля и И. Канта – Г.-Г. Гадамер и П. Рикёр). В этом как раз нет ничего необычного (в историко-философском аспекте). Разговор и о том, что «новое гуманитарное знание стремится подорвать авторитет и привилегии канонического академического знания» [3, с. 226]. Так утверждают сторонники «перформативного переворота» в современном гуманитарном знании. Отсюда появление новых для гуманитарной эпистемологии терминов, вроде «эмпатическая эпистемология», «перформативный переворот», «сознательное конструирование мира Другого» и т. д. Новая (в данном случае – постнеклассическая) методологическая система «борется» за выживание, в том числе и путём «выдавливания» тех теоретических схем, которые адепты постмодернизма называют «академическими» и «привилегированными». То есть, при всей декларации важности «конвергенции» идей, сосуществования различных методологических систем достаточно определёнno пробивается иная доминанта, связанная с конкуренцией и отстаиванием собственных теоретических приоритетов. Эта логика понятна, непонятно иное: каким образом осуществлять интегративные концептуальные проекты (тогда, когда они формулируются), если на деле граница между различными системами методологического характера часто выглядит непроходимой.

Третий вопрос, на который хотелось бы обратить внимание, это важность этического поворота в гуманитарных исследованиях [4]. В ряде случаев «возвращение к этике» воспринимается как признак слабости гуманитарных наук. Это связано с «давлением» позитивистских концептов, достаточно вспомнить в этом контексте юридический позитивизм. Но важно не просто вспомнить детали старого теоретического спора, сколько отметить важность новых тенденций. Они связаны с пониманием неизбежности обращения к этике в условиях и конфронтационной логики мышления, и пониманием тех издержек, которые стали общепонятными в условиях кризиса методологического знания (в данном случае кризис марксизма вторичен). Плюсы «этического поворота» очевидны: это и возможность сотрудничества разных методологических систем, без всякой дизъюнкции. Это и реальное сотрудничество различных отраслей, жанров гуманитарного знания, связанное с наличием общей «этической базы» исследований. Это и сохранение «академических границ» классического знания, доступ к новациям знания постнеклассического при условии признания приоритета этических норм и канонов.

Литература и источники

1. Смоленский, Н. И. Теория и методология истории / Н. И. Смоленский. – М., 2007.
2. Поляков, А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. / А. В. Поляков. – ПБ., 2003.
3. Доманска, Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании / Э. Доманска // Способы постижения прошлого. – М., 2011. – С. 230–235.
4. Лепешко, Б. М. История и мораль: в поисках гармонии / Б. М. Лепешко. – Брест, 2012.

АРГУМЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА И ЭКСПЕРТИЗА

В. И. Чуешов

Понятие диалектики употреблялось в истории философии в разных значениях. Его изобретателями были Сократ, отождествлявший диалектику с майевтикой и Зенон Элейский, растворявший ее в знаменитых апориях о невозможности правильно помыслить движение.

Последователь Сократа Платон диалектику трансформировал в единое мировоззрение-метод, в частности, метод анализа и синтеза понятий, движения мысли от ее многообразных конкретных значений к идее. Ученик Платона Аристотель развивал диалектику, как метод критической дискуссии, искусство, которое по существу родственно с риторикой.

В наши дни, возникшее еще в Древнем мире различие во мнениях относительно природы диалектики сохраняется. Сегодня сосуществует, нередко даже не пересекаясь и оппонируя друг другу несколько диалектических традиций. Одна из них ретроспективно может быть названа гераклитовско-платоновской. Ее продолжение реализуется, например, в работах Гегеля, Маркса, которые считали диалектику и мировоззрением, и общей теорией развития, и методом его постижения.

Вторая традиция может быть названа сократовско-аристотелевской. В наши дни она поддерживается в аналитической философии, критическом рационализме К. Поппера, различных диалогических теориях аргументации. Отвлекаясь от исторических случайностей ее содержания и соединяя его с принципами социально-исторической философии теории и практики аргументации (доказательства, обоснования, убеждения, экспликации), или коротко аргументологии, можно получить *аргументологическую диалектику*.

Ее интеллектуальные предпосылки формировались, прежде всего, в сократовско-аристотелевской традиции. Они в наши дни развиваются прагма-диалектической теорией аргументации амстердамской школы, принципами Кооперации и теории импликатур П. Грайса, диалогизмом М. М. Бахтина, теориями диалога П. Лоренцена и К. Лоренца, Я. Хинтикки, Ч. Хэмблина и Д. Уолтона. Раскрывая отдельные стороны аргументологической диалектики Ч. Хэмблин, Д. Уолтон, Ф. ван Эмерен называли ее иногда новой диалектикой. Как нам представляется, в силу многозначности выражения «новая диалектика», оно является неудачным по сравнению с более строгим и предпочтительным понятием аргументологической диалектики.

Упомянутые выше версии новой диалектики, т. е. версии, ориентированные на аргументацию и диалог, уместно рассматривать в качестве ранних и (или) менее зрелых разновидностей аргументологической диалектики.

Зрелой в теоретическом отношении аргументологической диалектикой является таковая, в которой выявлен основной закон, а также сформулированы принципы и правила использования и оценки аргументации в диалоге. Зрелая аргументологическая диалектика по определению является философской диалектикой.

Прежде всего, потому, что в ней аргументация рассматривается *предельно широко*, как единство доказательства, обоснования, убеждения, экспликации, которые также «накрывают собой» *все многообразие* известных людям споров, полемик, прений, дискуссий, или, выражаясь коротко, диалога, как способа существования человека и общества. Что же такое аргументологическая диалектика, как единство принципов, закона, правил.

Основной закон аргументологической диалектики утверждает: чем меньше удельный вес аргументации в жизни общества, тем больше удельный вес в ней имеют насилие и (или) угрозы по его применению, а также непонимание людьми друг друга.

В формулировке данного закона учтено, что *высшей* формой диалога является *дискуссия*, целью которой является совместное, кооперативное отыскание истины.

Основной закон аргументологической диалектики конкретизируется ее принципами, которые характеризуют и демонстративные, связанные с доказательством, и конфирмативные, увязанные с обоснованием, и персуазивные, единые с убеждением, и экспликативные, выражающие экспликацию причин виды аргументации, или аргументацию *в целом*.

Первый аргументологический принцип утверждает, что всякий, кто стремится к достижению конечной цели дискуссии, должен быть в этом заинтересован.

Второй аргументологический принцип является продолжением и развитием первого, указывая на то, что участвующий в дискуссии должен всячески способствовать достижению ее конечной цели.

Третий аргументологический принцип ориентирует на то, что участники дискуссии должны быть всесторонне честными, объективными, экономными, точными аргументаторами.

Эти принципы в свою очередь могут быть конкретизированы с помощью пяти *правил* аргументологической диалектики. 1-ое правило: участники дискуссии свободны в выборе для аргументации любой точки зрения; 2-ое: обязанность защищать точку зрения лежит на том участнике дискуссии, который ее выдвинул; 3-е: точка зрения, аргументируемая в дискуссии должна ее участниками пониматься объективно и адекватно; 4-ое: используемые в дискуссии аргументы должны быть доказательными, обоснованными, убедительными, ясными; 5-ое: итогом аргументации точки зрения должен быть либо отказ участников дискуссии от сомнения в ней, либо в случае недостаточной аргументации, отказ от самой точки зрения.

Нарушение правил аргументологической диалектики ведет к деформации ее принципов, а также разрушению основного закона.

Систематическое изучение разнообразных нарушений закона, принципов и правил аргументологической диалектики называется *аргументологической экспертизой*.

Эскизно очерченное выше содержание аргументологической диалектики и аргументологической экспертизы позволяет четче выразить их отличие от уже известных в истории философии и науки аналогов.

Специальное сравнение диалектических идей Гераклита и Аристотеля, Гегеля-Маркса и Хэмблина, ван Эмерена, Д. Уолтона, аргументологической диалектики показывает, что, несмотря на их различия, они во многом не исключают, а *дополняют* друг друга. Например, аргументологическая диалектика имеет легко просматривающуюся благодаря своей социально-исторической аргументологической природе преемственную связь с диалектикой Гегеля-Маркса, общей теорией развития.

В отличие от новой диалектики Ч. Хэмблина, Ф. ван Эмерена, Д. Уолтона, которую можно рассматривать как раннюю форму аргументологической диалектики, зрелая аргументологическая диалектика формулирует не только правила (как Ф. ван Эмерен), но и основной закон, ориентирована не столько на изучение ошибок (как Ч. Хэмблин, Д. Уолтон), но на сознательное и ответственное использование закона, принципов и правил аргументации, а также аргументологической экспертизы.

В аргументологической диалектике, следовательно, преодолевается представленное в отечественной и зарубежной научной литературе противопоставление диалектики Сократа-Аристотеля, с одной стороны, и Гегеля-Маркса, с другой. В ней также отсутствует, характерное для концепции новой диалектики, как диалектики Гегеля-Маркса (К. Артура), и концепции систематической диалектики, или «нового гегельянского марксизма», отличной от диалектики советского диамата в духе Энгельса-Плеханова, или старой диалектики (Дж. Розенталя) неоправданное игнорирование роли аргументации и диалога в жизни человечества. Представленная выше аргументологическая диалектика также заметно отличается от новой диалектики канадского ученого Д. Уолтона, в которой подчеркивалось значение аргументологической экспертизы в жизни человека и общества. Действительно, такая экспертиза позволяет выявлять ошибки аргументации, что высоко ценил еще Аристотель. Вместе с тем, аргументологическую диалектику не следует ограничивать аргументологической экспертизой. Она имеет более широкое содержание, как система стандартов оценки аргументов, основной закон, а также принципы и правила аргументации в действии.

Косвенно с этим соглашался, разъясняя, например, отличие собственной новой диалектики от риторики, и сам Д. Уолтон. Особенно, когда акцентировал в своей диалектике не только роль норм оценки аргументации, но логики, вопросно-ответного комплекса, контекста аргументации и ее прагматики, что не вмещалось в узкие рамки аргументологической экспертизы.

В полноценной аргументологической экспертизе, полагаем, невозможно абстрагироваться от закономерностей, выявляемых в общей теории развития, и, наоборот. Рассматривая общую теорию развития, поэтому, не следует упускать из вида роль соглашений (acceptance) и обязательств (commitment) диалога. Следовательно, аргументологическая диалектика должна заниматься не только экспертизой, но и инновационным поиском условий взаимодействия демонстративной, кон-

фирмативной, персуазивной и экспликативной аргументации, а также механизмами их взаимодополнительности.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект «Формальные модели и когнитивные механизмы в праве», договор № Г15Р-025 от 04.05.2015 г.

О КРИТЕРИЯХ ИСТИННОСТИ В ИСТОРИОГРАФИИ

В. Ф. Берков

Едва ли не ключевой, но дискуссионный вопрос, который встал перед современной историографией, – это вопрос об истинности познавательных результатов. Он является, в частности, камнем преткновения у составителей школьных учебников по истории.

На базе позитивистских методологических установок результаты исторического познания предстают в виде конгломерата разных точек зрения. Не случайно существует суждение, что «у каждого своя правда», и в среде многих современных интеллектуалов оно принимается без всякого сомнения. В самом деле, рассуждают они, разве не свидетельствует война Алой и Белой роз о том, что своя правда была у Ланкастеров, своя – у Йорков, а в иной исторической ситуации – своя у кардинала Ришелье и у герцога Бекингема? Тем самым вопрос об истинности исторического знания снимается сам собой. Любая «правда», согласно сторонникам этой концепции, есть его истинность.

Но она, эта концепция, уязвима как с методологической, так и с фактологической стороны. Не исключено, например, что при оценке такой известной личности, как советский разведчик Рихард Зорге, найдутся авторы, которые охарактеризуют его по принципу: «с одной стороны», «с другой стороны». Скажут: с советской стороны, он – герой и заслуживает наград и славы, с японской же – шпион, и как таковой справедливо удостоился суровой кары. Следовательно, согласно такому подходу, обоснованны как советская, так и иная, противоположная точка зрения. Однако при мысленном «погружении» в конкретные обстоятельства обнаружим, что эти «правды» не равноценны. Первая связана с борьбой против человеконенавистнической политики фашистской Германии и её союзников, вторая есть олицетворение этой политики и потому заслуживает не только неприятия, но и осуждения (что и было сделано на Нюрнбергском процессе).

Тем самым намечается непосредственный, как бы лежащий на поверхности, критерий истинности отображения хода истории – совокупность ценностей, совпадающих с интересами и ожиданиями *всего* человечества в данную эпоху. Опосредованно, более глубоко за ними стоят факторы, имеющие основополагающее и решающее значение – движение общества по восходящей линии, открывающее возможности для раскрытия творческих, сущностных сил всех и каждого человека в отдельности. Только на этом пути возможна историография как действительная, не вульгаризированная наука, и только в контексте всей мировой истории возможно действительное отображение прошлого. Диалектике как методологии познания здесь принадлежит решающая роль.

Однако не все эрудиты, в том числе и в нашей стране, готовы принять эту истину. Некоторые, в частности, считают, что предыдущая историография представила прошлое белорусского народа в искаженном свете, и потому требуется ее коренное переосмысление. Якобы истину следует искать, освещая проблемы этногенеза белорусского этноса, становления и развития его государственности, культуры, взаимоотношений с соседями, освободительной борьбы не с общечеловеческой, а с *национальной точкой зрения* [1, с. 528]. При этом «национальная точка зрения» без всякой аргументации выдается за объективную.

Однако такой подход методологически не состоятелен. Диалектика учит, что интерпретация хода событий лишь с позиций отдельного, особенного, притом произвольно взятого, дает, как правило, одностороннее, искаженное отображение действительности. «Собственный» взгляд на исторические события *может* оказаться объективным, но лишь тогда, когда он совпадает с научной, то есть интересубъективной, независимой от мнений и пристрастий субъекта, методологией (кстати, такая методология существует; это методология, основу которой составляет концепция материалистического понимания истории и продуктивность которой блестяще продемонстриро-

вали К. Маркс и Ф. Энгельс в таких шедеврах исторической мысли, как «Капитал», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и пр.).

Первостепенную роль в получении адекватной информации о прошлой жизни играют, как известно, исторические первоисточники. Но известно также и то, что не всякое сообщение есть научный факт. Научный факт – это такое сообщение о единичном событии, которое выражает свой собственный *общий* тип. Известный философ Э. В. Ильенков писал: «Для научного познания важно не просто единичное как таковое, как нечто абсолютно неповторимое, однократное, то, что Гегель назвал «дурной единичностью» (скажем, цена отдельного на рынке для политической экономии или цвет волос государственного дебретеля для политики), а только такое единичное, в котором выражаются строение и развитие определенной конкретной действительности» [2, с. 103.]. Выделение и исследование такой единичности дает в ряде случаев больше, чем индуктивное обобщение множества эмпирических данных. Рабство, например, существовало и в Древнем Риме, и в Киевской Руси. Но для понимания этого феномена и в науке, и в преподавании берется Древний Рим, поскольку именно там, а не в Киевской Руси, рабство раскрылось во всей своей сущности, как всеобщее, в то время как в Киевской Руси оно существовало лишь в виде уклада, не приобрело классических черт и не стало основой производства.

Ориентация же на собственную национальную точку зрения, как и на ту или иную частную идеологию, не выражающую сути всеобщего, может привести лишь к вульгарным представлениям об историческом процессе и породить, в конечном счете, их польский, украинский, российский, белорусский или прочие варианты с далеко идущими последствиями, что, как показывают нынешние события в Украине, вовсе не безобидно.

В заключение отметим, что ключом для уяснения вопроса об исторических «правдах» (и о закономерностях духовного производства вообще) служит следующее высказывание К. Маркса: «Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне» [3, с. 42–43]. В современной герменевтике и, в частности, в историографии, ориентирующейся на использование герменевтических методов, это высказывание оказалось явно недооцененным.

Литература и источники

1. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. / М. П. Касцюк, У. Ф. Ісаенка, Г. В. Штыхаў і інш. – Ч.1. – Мінск, 1994.
2. Ильенков, Э. В. Единичное / Э. В. Ильенков // Философская энциклопедия. – М., 1962. – Т. 2.
3. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1968. – Т. 46. – Ч. 1.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ: В ПОИСКАХ АДЕКВАТНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Д. Денисенко

Анализ современной западной логико-философской литературы, посвященной исследованиям вопросов генезиса, динамики и роста теоретических знаний свидетельствует, что в качестве основных подходов, формирующих методологическую базу их изучения, представителями научного сообщества предлагается рассматривать диалектико-материалистический подход, кумулятивистско-неопозитивистский подход, прогрессивный фальсификантский подход К. Поппера, парадигмальный подход Т. Куна и методологию исследовательской программы И. Лакатоса.

Однако на практике, чаще всего, представители западной философии науки акцентируют свое внимание на эвристическом потенциале методологических положений трех последних вариантов концепции развития теоретических знаний.

В контексте так называемого «прогрессивного фальсификантского подхода» К. Поппера рост научного знания эксплицируется как процесс выдвижения смелых гипотез и осуществления их опровержений, позволяющий решать научные проблемы [1]. Рост теоретического знания предлагается фиксировать на основе критерия потенциальной прогрессивности, обосновывающего преимущество (или предпочтительность) одной теории перед другой. Предпочтительнее представляется теория, обладающая «большим количеством эмпирической информации» или «большим содержанием» [1, с. 363–364]. Предполагается, что отмеченные моменты позволяют новой теории не

только адекватнее объяснять и точнее предсказывать факты в отличие от старой концептуальной модели, но и демонстрировать более высокую степень проверяемости ее содержания. От теории, преходящей на смену старой теоретической конструкции, требуется: во-первых, обоснование некоторой новой, более эффективной, простой и единой позиции для анализа связей или отношений, которые до этого момента казались изолированными; во-вторых, существование других эмпирически проверяемых следствий; в-третьих, наличие способности разрабатывать новые, более эффективные предсказания относительно изучаемой действительности.

Разработка более совершенной научной теории и замещение ею предыдущей теоретической конструкции выступает результатом критической деятельности исследователей и может быть объяснена с позиции логики открытия. Рассматривая научные теории как исследовательские догадки, сопряженные с определенным уровнем вероятности возникновения, К. Поппер отказывается от анализа связи, существующей между конкурирующими теоретическими конструкциями, а также от моментов эволюционности в их развитии. Смена одной теории другой, более удовлетворительной, представляющая рост научного знания, согласно попперовским выводам, осуществляется на основе простого неоднократного «отбрасывания» старой конструкции новой.

С позиции методологических построений Т. Куна история развития науки интерпретируется как последовательное чередование ряда этапов: допарадигмального периода, связанного с конкуренцией различных школ и отсутствием общепринятых концепций и методов исследования; парадигмального периода (периода «нормальной науки»), которому свойственны создания специальных журналов, организация научных обществ, выделение специального курса в академическом образовании, то есть развитие и совершенствование научной традиции; периода парадигмального сдвига (кризиса «нормальной науки»), характеризующегося накоплением аномальных фактов, которые не поддаются объяснению с позиции положений данной парадигмы, поиском новых вариантов методов их адекватной интерпретации – основы формирования будущей парадигмы [2].

Содержание понятия «парадигма» эксплицируется через категориальную группу «дисциплинарная матрица»: «дисциплинарная потому, что она учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей, к определенной дисциплине; матрица – потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода», каждый из которых требует дальнейшей спецификации [2, с. 229]. Основными компонентами, составляющими «дисциплинарную матрицу» выступают: символические обобщения (законы и определения основных понятий теории); метафизические части парадигм (общепризнанные предписания, способные, с одной стороны, определить, «что должно быть принято в качестве решения конкретных задач (головоломок) и в качестве объяснения», а с другой, – уточнить, «перечень нерешенных головоломок» и значимость каждой из них [2, с. 232]); ценности (совместимые с другими, параллельно и независимо развитыми теориями), позволяющие формулировать и решать головоломки; общепринятые групповые образцы, интерпретирующие схему конкретного решения проблем как реальную методику производства и воспроизводства научных знаний.

В основе универсальной концепции развития теоретического знания И. Лакатоса находится идея конкурирующих научно-исследовательских программ [3]. Научно-исследовательская программа в лакатовской интерпретации выступает одновременно результатом и процессом функционирования ряда генетически связанных теорий (т. е. сформировавшихся на основе одной исходной концептуальной модели с помощью последовательного добавления вспомогательных гипотез), рациональное единство которых основано на онтологических и методологических принципах, определяющих их развитие. В ее структуре предлагается выделять «твердое ядро» (совокупность онтологических, концептуальных и методологических допущений, сохраняющихся без изменений во всех теориях программы), подвижный «предохранительный пояс» (совокупность вспомогательных гипотез, предохраняющих ядро от применения правила *modus tollens*, и изменяющихся от теории к теории) и стратегии развития (положительной и отрицательной эвристики). Согласно И. Лакатосу, «положительную эвристику» программы составляют методологические правила, определяющие выбор проблем, направления, последовательность и методы их разрешения; «отрицательную эвристику» – постулаты, ограничивающие множество возможных направлений в исследовании рассматриваемых вопросов. С позиции реализации выделенных стратегий в научно-исследовательской программе наблюдаются два этапа – прогрессивный и регрессивный. Прогресс программы, по И. Лакатосу, определяется прежде всего ростом ее прогностического потенциала, ре-

гресс – объяснительного. Если различные программы могут быть сопоставлены по своим объяснительным возможностям и прогностическому потенциалу, то предлагается говорить о конкуренции программ. Научно-исследовательская программа способная объяснить большее количество аномальных фактов, чем другая система теорий, и имеющая большее добавочное эмпирическое содержание, получившее к тому же хотя бы частичное подкрепление, заставляет представителей данной науки отказываться от использования конкурирующей исследовательской программы.

Очевидно, что, в целом, каждый из вышеперечисленных вариантов концепции реконструкции развития теоретического знания (прогрессивный фальсификантский К. Поппера, парадигмальный Т. Куна и программный И. Лакатоса) ориентируется, прежде всего, на момент «случайного возникновения» знания. Это автоматически ведет к явной неопределенности в интерпретации изменений, происходящих с теоретическими конструкциями (как в структурно-содержательном, так и функциональном аспектах), которые позволяют им более адекватно отражать общие свойства и закономерности развития их искомого предмета.

Из вышесказанного следует, что дальнейшие поиски адекватных методологических оснований для исследования проблем роста знаний о социальной реальности, выступающих основой нового типа общества, целесообразней осуществлять в таких направлениях как: уточнение структуры и содержания социальной теории как наиболее развитой формы организации научного знания о социальной реальности; возвращение к доминированию принципа о преемственности старых и новых знаний; утверждения плюрализма в подходах к исследованию социальных явлений; отказ от модернизации положений существующих концепций развития знаний в пользу разработки соответствующих новых аналитических схем и моделей.

Литература и источники

1. Поппер, К. Предположения и опровержения: Рост научного знания / К. Поппер; пер. с англ. А. Л. Никифорова, Г. А. Новичковой. – М., 2004.
2. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И. З. Налетова. – М., 1975.
3. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – М., 1995.

ПРОБЛЕМА ФОРМАЛИЗАЦИИ ЗНАНИЙ В ЗАДАЧЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СЛОЖНЫХ ОБЪЕКТОВ

А. В. Титов

Моделирование процессов управления сложными объектами и прогнозирование их развития сталкивается с трудностями связанными с тем, что в силу неполноты, некорректности, наличия факторов неопределенности в знаниях об объектах моделирования и их свойствах, признанные классическими методы формального моделирования не всегда эффективны при описании динамики развития таких объектов. Одной из причин такого положения является наличие неопределенности в знаниях о состоянии исследуемого объекта или некорректности этих знаний. В результате этого в реальной ситуации принятия управленческого решения вероятность нахождения ситуации управления в том или ином состоянии может быть не только неизвестна, но и сам вопрос о существовании этой вероятности может быть не корректным в связи, например, с ее уникальностью. В то же время сценарий развития ситуации зависит от того, в каком именно состоянии она находится на момент, принятый за начальный. В частности, если ситуация описывается аналитически уравнениями с переменными коэффициентами (параметрами), то различные диапазоны изменения коэффициентов могут приводить к различным решениям.

Проблемы, возникающие при моделировании процесса принятия решения при управлении сложными объектами и процессами и прогнозировании их развития привели к формированию множества, по большей части разрозненных и не взаимосвязанных методов моделирования, ориентированных на управление конкретными объектами с их уникальными особенностями, автоматическое перенесение этих методик на другие объекты, зачастую приводит к грубым просчетам. Отсюда множественные попытки обобщений методов моделирования. Некоторые из них, по мнению автора, обладающие значительной степенью общности, описаны ниже.

К способам повышения степени адекватности моделей сложных объектов и процессов, для которых не эффективно классическое «жесткое моделирование», можно отнести предложенное академиком В. И. Арнольдом «мягкое моделирование».

Мягкие модели могут оказаться полезным инструментом для моделирования сложных объектов, поскольку на основе использования мягких моделей, можно, делать выводы для целого ряда жестких моделей, получаемых с помощью исходной мягкой модели путем вариации значений коэффициентов модели, что, может отражать изменение степени весомости параметров влияющих на оценку состояния объекта описания. В частности, при изменении коэффициентов модели экспоненциальный рост может меняться в определенных «точках перегиба» на более медленный. Мягкие модели позволяют так же учитывать при описании сложных объектов некоторые «подводные камни» жестких моделей.

Эвристические модели применяются в задачах прогнозирования и управления развитием объектов при невозможности строгой формализации их описания и основаны на использовании интуитивных представлений специалистов-экспертов. Имеется множество примеров того, что на основе интуитивных, не поддающихся строгой формализации представлений принимались эффективные управленческие решения.

Эвристические модели основаны, в частности, на использовании интуитивно «ясного» критерия качества и правдоподобных рассуждениях о способах достижения его максимальных значений. В своей экстремальной (можно сказать и экстремистской) форме эвристики вообще отрицают необходимость математического моделирования.

Для описания динамики состояний сложных объектов и перехода их в новые фазовые состояния полезными могут оказаться фрактальные модели в их сочетании с нечеткими и эвристическими моделями. В частности параметры модели развития: $Z_{n+1} = K(t)Z_n + C(t)$ могут иметь не только сложную структуру и нечеткий характер, но и обладать динамическими свойствами как в «мягких» моделях В. И. Арнольда.

Суть описания динамики развития состояний объекта управления в их подобии некоему исходному эталонному образу, т. е. в описании процесса самоподобия и определения зоны его устойчивости.

Чтобы получить некоторое представление о специфике фрактальных моделей процессов развития, нужно обратиться к особенностям генетических теорий.

Значительным шагом в направлении систематизации типов формального представления знаний об объектах управления является сформулированная в работах профессора А. И. Субетто концепция Синтетической квалиметрии, которая по широте охвата проблемы может быть интерпретирована как общая теория оценки состояний объектов произвольной природы.

В рамках синтетической квалиметрии выделены так называемые специальные квалиметрии, в которых производится систематизация методов формализованного представления знаний об объектах управления в зависимости от особенностей и возможностей их описания. В частности описаны экспертная и нечеткая квалиметрии как средства формализации знаний об объектах, в описании которых присутствуют факторы нечеткости и неопределенности.

При моделировании состояний сложных объектов мы можем сталкиваться с ситуациями, в которых нарушаются законы классической формальной логики с законами исключенного третьего и противоречия. Следовательно, моделирование объектов сложной природы требует привлечения формальных методов моделирования основанных на разных типах логики. Адекватность выбранного метода формального моделирования во многом определяется пониманием взаимосвязи между формальными системами с различным типом логики.

Можно показать, что при определенных условиях тип логического исчисления связан со структурой, на которой принимает значение оценка формул этого исчисления [1, с. 303–306].

Подводя итог можно сделать вывод, что в настоящее время моделирование процессов управления качеством сложных объектов и процессов и прогнозирования их развития сталкивается с трудностями связанными с тем, что признанные классическими методы формального моделирования в условиях наличия факторов нечеткости и неопределенности, неполноты информации об основных факторах, влияющих на динамику развития объекта исследования, динамично изменяющейся внешней среды, зачастую не достаточно эффективны. Методы формального моделирования таких объектов и процессов не систематизированы, их применение не базируется на единой методологии, что снижает эффективность их применения. Поиск новых подходов требует, прежде

всего, тщательного анализа причин возникающих при моделировании состояний таких объектов. Не достаточно констатации факта низкой эффективности того или иного метода формального моделирования. Практика моделирования состояний сложных объектов в настоящее время часто нацелена на применение качественных, а не количественных оценок. Технически это осуществляется методами теории экспертных оценок и теории нечетких множеств, использующей лингвистические переменные, значения которых носят качественный характер. Однако эта техника не имеет достаточно надежной базы. Разработка такой базы могла бы осуществляться на основе синтеза концепций синтетической квалиметрии, системного подхода и использования новых математических методов, связанных с использованием и разработкой неклассических вариантов формальной логики и теории категорий.

Литература и источники

1. Титов, А. В. К проблеме математического моделирования задач управления и прогнозирования развитием сложных систем / А. В. Титов // Управление развитием крупномасштабных систем: труды шестой международной конференции. Том 2. – М., 2012. – С. 298–307.

КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ ВРЕМЕНИ В РЕШЕНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

А. Н. Спасков

Наше исследование посвящено одному из ключевых вопросов современной науки – объяснению природы времени. Автор исходит из недостаточности традиционной физической парадигмы для обоснования природы квантовых явлений и сознания. В качестве выхода из парадигмального тупика предлагается пересмотреть метафизические основания и ввести в научный оборот новые онтологические понятия.

Гипотеза о субстанциально-информационной природе времени, развиваемая в работе, основывается на принципиальной приверженности ее автора субстанциальной концепции пространства и времени, что противоречит доминирующей сейчас в физике релятивистской парадигме, но вполне соответствует духу постнеклассической науки. Радикальность этой гипотезы заключается в пересмотре фундаментальных оснований физической картины мира.

Вместо традиционных материалистических представлений, полагающих в основание мироздания понятия пустого пространства и движущихся в нем неделимых атомов, которые берут начало еще от Демокрита и Аристотеля, в данном подходе выстраивается принципиально новая иерархия фундаментальных сущностей, более соответствующая философской традиции Парменида и Платона. Согласно этой иерархии, основанием всего многообразия физических феноменов, доступных эмпирическому наблюдению, является действие субстанции. Это действие реализуется в хрональном континууме, как некоторые информационные процессы в виде детерминированных и воспроизводимых идеальных программ. И лишь затем происходит материализация этих паттернов в физическом пространстве-времени, на фоне которого и становится доступным их эмпирическое наблюдение в виде разнообразных феноменов.

Отсюда следует, что физическая Вселенная, со всеми наблюдаемыми феноменами и процессами – это иллюзия наших чувств, которые воспринимают манифестацию неподвижной и неделимой субстанции. Другими словами – то, что мы наблюдаем и измеряем физическими приборами во Вселенной – это вторичная или виртуальная реальность, которая генерируется невидимой и недоступной никаким эмпирическим измерениям субстанцией, записывается в пространственно-временном континууме *Голографической Вселенной* и воспринимается нами, благодаря субстанциальной природе нашего сознания. Это представление соответствует принципу психо-физического параллелизма, согласно которому между физическими и психическими явлениями существует изоморфизм. Мы же полагаем, что этот параллелизм возможен только при условии субстанциальной природы материи и психики. Такая картина мира соответствует также известному голографическому принципу, впервые сформулированному в виде гипотезы знаменитым физиком-теоретиком т'Хофтом, согласно которой, источник информации, содержащейся в виде голограммы в некоторой области пространства, находится на границе этой области.

Геометрическая модель хронального расслоения, используемая нами для наглядного представления внутреннего ненаблюдаемого времени основана на предположении о существовании фундаментальной временной протяженности, которая имеет статическую природу, подобную актуальному пространственному континууму, но существенно отличается от него своим потенциальным характером и способностью изменяться в результате физического действия. Т.е. эта протяженность может быть в двух квантовых состояниях: быть заполненной или пустой, откуда следует предельно глубокая *связь* физических и информационных процессов на самом фундаментальном уровне материального мира.

Представление хронального расслоения позволяет совместить платоновское понятие эйдоса, пребывающего в вечном мире идей и времени, как некоторого динамического образа вечности, движущегося в расслоении. Таким образом, преодолевается противоречие между неизменностью математических истин, постулируемых Платоном и временным характером их интуитивного восприятия и понимания.

В отличие от попыток элиминации времени из квантовой онтологии, мы считаем, что как раз на микромасштабах и можно ввести фундаментальное представление времени. Но при этом понятие времени нужно связывать не с механическими движениями, которые действительно не имеют смысла в микромире, а с информационными процессами. Согласно нашей модели, пространство имеет дискретно-непрерывную структуру. Никакого движения, понимаемого как перемещение элементарных объектов, в этом пространстве нет, о чем свидетельствуют, в частности, и безуспешные попытки логического разрешения антиномий Зенона Элейского, а трансляция микрообъектов из одной точки в другую происходит в форме мгновенного отображения информации о микрообъекте. При этом течение времени происходит в состояниях покоя, как стирание информации в хрональном слое одной точки и одновременная запись этой информации в другом хрональном слое.

По сути, расслоенное время – это двухмерный хрональный континуум, в котором нет выделенного направления и временного порядка. Другими словами – это потенциальное время, которое содержит в себе множество возможных временных траекторий и множество возможных способов временной упорядоченности. Согласно этой модели, все нереализованные состояния при редукции волновой функции сохраняются в виде статической записи квантовых состояний и остаются в хрональном слое, который переходит в разряд прошедшего времени, теряя при этом свои активные свойства и способность взаимодействовать.

Введенный нами в квантовомеханическое описание генератор действия переводит хрональный слой в состояние бытия, что эквивалентно действию оператора рождения на вакуумное состояние в квантовой теории поля или в обратное состояние небытия, что эквивалентно действию оператора уничтожения на частицеподобное состояние. Таким образом, генератор действия и порождает собственное фазовое время элементарного квантового объекта, которое проявляется в виде периодической последовательности событий рождения и уничтожения элементарной частицы, что соответствует регенеративной модели, впервые предложенной Френкелем.

В рамках субстанциально-информационной онтологии сформулирована гипотеза о существовании в реальности, помимо каузальных, других типов временных связей, природу которых мы еще не знаем. В отличие от линейных и локальных связей, которые формируют структуру вселенной на принципах близкодействия, эти связи должны иметь нелинейный и нелокальный характер. Мы полагаем, что между всеми хрональными слоями в физическом универсуме, какими бы промежутками статического диахронного времени они не были разделены, существует особая нелинейная и нелокальная информационная связь. Отсюда следует возможность мгновенного проникновения, как в прошлое, так и в будущее. Но это проникновение, однако, не противоречит принципу причинности, т.к. оно не производит никакого физического действия. А значит и не порождает в физическом мире никакой причины, что исключает возникновение замкнутой причинной цепи событий.

Таким образом, согласно новой парадигме, все многообразие физического Универсума, проявляется в процессах активного взаимодействия субъективного наблюдателя и объективного мира. Объективный мир – это значимая для нас информация, генерируемая субстанцией. Информация первична по отношению к физическому миру, но вторична по отношению к субстанции, которая генерирует все многообразие физических феноменов. В физической Вселенной информация – это мера разнообразия, производимая генератором физического действия и записываемая в

хрональном континууме.

Хрональный континуум имеет размерность физического времени или длительности, но сложную топологическую структуру, соответствующую модели многомерного и расслоенного времени. Он может быть в двух квантовых состояниях – «позитивном» и «негативном», образующих фундаментальный двоичный код, на основе которого можно ввести понятие кубита, как квантового состояния хронального слоя. Таким образом, можно математически обосновать знаменитый тезис Дж. Уилера «Все из бита» и реализовать его в виде модели квантового компьютера. Все многообразие и богатство физических свойств генерируется на основе единого информационного кода как первичная информационная структура, записываемая, хранимая и воспроизводимая в хрональных слоях.

Человек, в силу своей субстанциальной природы способен с помощью органов чувств воспринимать вторичную информацию, анализировать и перерабатывать ее в своем сознании и распознавать первообраз или первичную информационную структуру, генерируемую в хрональных слоях на основе универсального информационного кода. Таким образом, физическая Вселенная – это динамическое голографическое изображение первообраза, генерируемого субстанцией, записываемого, хранимого и воспроизводимого в хрональных слоях, а субстанция действует как абсолютный интеллект, творящий первичные квантовые программы или идеальные образцы-эйдосы, по которым происходит дальнейшая их материализация в виде объективной реальности.

ПРИНЦИП ДЕТЕРМИНИЗМА В МЕТОДОЛОГИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

А. Е. Михайлов

Производство знаний, их использование в процессе преобразования природы и общества не только открывают новые возможности, но и ставят человека перед не существовавшими прежде рисками и угрозами. «В зависимости от того, каков будет тип производства знаний, под влиянием чего или для чего будет создаваться тот или иной интеллектуальный продукт, будут зависеть контуры будущего» [1, с. 136]. В прогностическом направлении глобалистики исследуются возможные альтернативы на ближайшую и отдаленную перспективу в развитии человечества. Процессы, от которых зависит будущее, во многих отношениях характеризуются нелинейностью, неустойчивостью, неопределенностью, непредсказуемостью, что значительно осложняет разработку глобальных прогнозов.

В методологии исследования долгосрочных перспектив развития человечества ключевой является проблема детерминированности будущего историческим прошлым. Против историцистских социально-философских учений, в которых будущее человечества представлялось детерминированным (предопределенным) объективными законами, выступил К. Поппер с антитезисом: «Будущее зависит от нас, и над нами не довлеет никакая историческая необходимость». Представление о неразрывной связи науки и детерминизма он считал предрассудком, поскольку «ни одна разновидность детерминизма, выражается ли он в форме принципа единообразия природы или же закона всеобщей причинности, не может рассматриваться в качестве необходимой предпосылки научного метода» [2, с. 102]. Выступая против широкомасштабных долгосрочных исторических предсказаний (пророчеств), раскрывающих в основных чертах главные тенденции будущего развития общества, Поппер предлагал ограничиться «частными (piecemeal) решениями», «постепенными социальными преобразованиями». Но отказ от широкомасштабного и долгосрочного прогнозирования будущего делает невозможным исследование и поиск путей решения глобальных проблем, с которыми сталкивается человечество.

В своем философском анализе современного общества последователь попперовской концепции, известный финансист Джордж Сорос при рассмотрении истории, как процесса с открытым будущим, также придерживается позиции, которая противопоставляется детерминистской. Такой подход он обосновывает тем, что последовательность событий «соединяет факты с человеческими представлениями и представления с фактами» и для ее объяснения и предсказания недостаточно знания универсальных законов. «Такая неполнота соответствия делает субъективные представле-

ния участников источником исторической каузальности. Подверженность ошибкам, проявляющаяся в ошибках, недоразумениях и ложных представлениях, играет в исторических событиях ту же роль, какую генные мутации играют в событиях биологических. Она творит историю» [3, с. 143]. Непредсказуемость хода истории, согласно Соросу, не исключает возможность определения в историческом пространстве таких противостоящих друг другу ориентиров как закрытое и открытое общества.

В стремлении рационализировать существующее экономическое устройство, нежелании современного человека подчиняться иррациональной необходимости и непонятным для нас установлениям А. Ф. фон Хайек усматривал угрозу разрушения основ нашей цивилизации [4, с. 151]. В обществе, живущем по единому плану, действительные причины происходящих в нем изменений могут узнавать лишь немногие, но обычно реальная причина изменений в обществе остается недоступной для сознания индивида. Из этого следует, что как прошлое, так и перспективное развитие цивилизации может быть обеспечено только подчинением всех и каждого «безличным законам рынка», когда безличные силы координируют усилия множества индивидов. Однако Хайек допускал исключения для введения централизованного планирования и управления в периоды войн или катастроф, когда для достижения какой-либо одной доминирующей цели требуется мобилизация всех общественных сил и свобода личности может быть ограничена ради более прочной свободы в будущем.

Раскрывая природу новой волны глобализации, Б. Линдси критикует грубые иерархические структуры централизации в управлении, которые вытесняют творческую активность и умение людей действовать в соответствии с конкретными обстоятельствами, тем самым радикально упрощая структуру общества. Принципиальную непредсказуемость будущего Линдси объясняет тем, что рассредоточенное в обществе знание никогда не дойдет с достаточной степенью полноты до планирующих органов. Вслед за Хайеком, отмечавшим неспособность ума предвидеть собственные достижения, Линдси связывает непредсказуемость будущего с невозможностью знать то, что еще предстоит узнать. [5, с. 86] Конкуренция рассматривается им как инструмент, обеспечивающий открытость рынка по отношению к непредсказуемым новым идеям. Критика Линдси направлена не на отказ от планирования и централизации как таковых, а на их совершенствование с учетом неопределенности и непредсказуемости будущего.

Поскольку детерминизм на микроуровне отличается от детерминизма на макроуровне, то можно понимать необходимость того или иного масштабного исторического события, допуская при ретроспективной детализации возможность его совершенно иного осуществления. О социальном детерминизме имеет смысл говорить относительно событий на макроуровне. Развитие герменевтического направления способствовало преодолению позитивистской позиции в философии науки, то есть идеи унификации научного метода с ориентацией на естественнонаучный методологический стандарт, предполагавший высокий уровень математизации. Признание научного статуса гуманитарных наук в позитивистской традиции допускалось только в случае, когда «приблизительные истины, составляющие практическое знание человечества, можно было представить в качестве выводов, короллариев из тех всеобщих законов человеческой природы, на которых они основываются» [6, с. 687]. Но в герменевтических науках приходится учитывать такие детерминирующие факторы в истории и преобразовании общества как роль субъекта, интенциональность его поведения, ментальные аспекты.

Разработка глобальных прогнозов включает оценку состояния и развития науки. Наряду с уровнем развитости теории и ее практических приложений требуется учет совершенствования на научной основе системы управления обществом, а также того, насколько управляемым становится процесс развития самой науки. Роль науки раскрывается в прогнозировании через ее взаимосвязь со всеми составляющими прогностический фон условиями. Поскольку наука становится основой управления обществом, адекватная оценка будущих изменений комплекса материальных условий предполагает определение обратного воздействия развивающейся науки на этот комплекс. Результативность глобального прогнозирования в значительной степени обусловлена тем, насколько адекватно учитывается характер взаимосвязей и взаимодействий между материальными и духовными явлениями на данном этапе развития общества. В результатах прогностического поиска могут быть существенные различия в зависимости от лежащего в его основе мировоззренчески значимого варианта интерпретации социального детерминизма. Устойчивое развитие человечества

как глобальной системы может быть обеспечено лишь на основе долгосрочного глобального прогнозирования, в методологии которого учитывается специфика причинности и детерминизма в человекообразных системах. Такого рода прогнозы способствуют разработке стратегий, программ и планов, позволяющих координировать человеческую деятельность в повышении контроля над процессами, от которых зависит будущее человечества.

Литература и источники

1. Режабек, Е. Я. Траектория движения к обществу знания: Китай и Россия. Век глобализации / Е. Я. Режабек. – 2012. – Выпуск №1(9) – С. 131–144.
2. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2-х томах / К. Поппер. – М., 1992.
3. Сорос, Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Дж. Сорос. – М., 2001.
4. Хайек, Ф. А. Дорога к рабству / Ф. А. Хайек. – М., 1992.
5. Линдси, Б. Глобализация: повторение прошлого / Б. Линдси. – М., 2006.
6. Милль, Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Д. С. Милль. – М., 2011.

КОНСТРУКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

О. В. Новикова

Стратегия методологического индивидуализма, согласно которой социальные действия человека являются ключом для понимания общества, в котором он живет, характерна для ряда концепций социального конструктивизма. Обратим внимание на три концепции, разделяющие эту парадигму. Так, она свойственна возникшей в первой половине XX века концепции символического интеракционизма, создателя которой Дж. Г. Мида социологи иногда рассматривали как философа и психолога, а философы, в свою очередь, характеризовали в качестве профессионального социолога. Такая междисциплинарная квалификация связана с тем, что заметное влияние на него оказала европейская философская традиция, особенно философия Г. Гегеля, что нашло отражение в названии одной из работ Мида «Философия действия» (1938). Кроме того, в его творчестве заметно присутствие идей философии прагматизма У. Джеймса и Дж. Дьюи и особенно феноменологии Э. Гуссерля, что роднит методологические позиции американского социолога с феноменологической социологией А. Шюца и феноменологически ориентированной социологией науки П. Бергера и Т. Лукмана.

Согласно Дж. Г. Миду, если объективная реальность социума задана изначально и, родившись, человек застаёт ее уже существующей как данность и как пространство существования, к условиям и закономерностям которых он должен адаптироваться, то социальная реальность, социальное бытие непосредственно создаются самими людьми в процессе актов символических интерпретаций. Но в процессе существования люди не просто приспосабливаются к миру, а, реализуя собственные потребности и интересы и цели, выступают в роли акторов. При этом их действия, направленные на удовлетворение потребностей за счет представляющего интерес объекта и осуществляются с опорой на прошлый опыт – как собственный, так и опыт других людей, представленный в культурном наследии, и выстраиваются с учетом оценки перспективы и последствий предпринимаемого действия.

Однако избранный объект может представлять интерес и для другого человека, действия которого тоже связаны с актуализацией опыта и определением перспективы социального действия. В итоге возникает ситуация, объективно обуславливающая необходимость взаимодействия акторов с целью координации и согласования их действий, достижения взаимопонимания а, значит, предотвращения возможных конфликтов. Основанием для этого является факт использования этими людьми капитала общечеловеческой культуры – характерных для нее ценностей, норм, социальных идеалов. При этом Дж. Г. Мид особо выделяет тот факт, что взаимные социальные действия осуществляются на основе использования знаков и символов как вербального, так и невербального – жесты, мимика, интонации – характера. По этой причине речевые практики и другие

символические интеракции позволяют людям в процессе социальной коммуникации «разговаривать на одном языке», находя общие для них значения и интерпретации событий и явлений. Этому способствует принятие на себя роли Другого посредством достижения состояния эмпатии – «вхождения» в его образ, что дает возможность достичь, используя выражение Г.-Г. Гадамера, «слияния их горизонтов», а, значит, лучше понять действующему лицу своего визави.

Поскольку в обществе существует многообразие действующих и взаимодействующих людей, оно представляет своего рода сеть интерактивных взаимодействий, осуществляемых на основе использования обладающих значениями знаково-символических систем, а сами взаимодействия составляют то, что называется постоянно самоорганизующимся и динамичным обществом. Причем в этом многообразном обществе актер вступает, как правило, в прямые или опосредованные отношения со многими субъектами, в связи с чем он вынужден принимать роль контрагента «обобщенного другого», тем самым переводя процесс символической коммуникации из плоскости межличностных отношений в плоскость действительно обезличенных общественных отношений. По выражению Дж. Г. Мида, «установка обобщенного другого есть установка всего сообщества» [1, с. 228].

Тем самым, лейтмотив концепции символического интеракционизма в том, что социальная реальность имеет процессуальный характер и постоянно создается в ходе символических интерпретаций индивидами, которые с их помощью конструируют как само общество, так конструируют и утверждают себя в роли творцов этого общества. Получается, что чем насыщенней и обширней спектр межличностных коммуникаций, тем многогранней социальная реальность.

Конструктивная природа общества, которое хотя существует объективно, но, в то же время, есть человеческий продукт [2, с. 102], стала предметом рассмотрения также в школе современной «социологии знания», обращающей внимание на неправомочность абсолютизации роли объективных законов социодинамики. Подобная сциентистская интерпретация, по мнению создателей этой школы, придавала развитию социума обезличенный и фаталистический характер. Но если мы рассматриваем в качестве методологической установки тезис о том, что общество являет по своей сути не объективно-материальную, а объективно-субъективную реальность, то должны отдавать себе отчет в том, что социальная реальность действительно зависит от сознания, познания и знания людей. Эта реальность целенаправленно конструируется ими в их деятельности на основе определенных значений – иными словами, знания об обществе не просто отражают и репрезентируют реальность, а способны объективироваться и через материально-преобразующую деятельность изменять ее. Тем самым, созданная в рамках данной школы концепция общества является еще одной версией теоретико-методологического индивидуализма, для которой характерно понимание общества как объективно-субъективной реальности с артикуляцией креативной, творческой роли ее субъективной компоненты – сознательного индивида.

Показателен также конструктивистский подход в интерпретации этносоциальной структуры общества, и, прежде всего, происхождения и сущности нации, который возник сравнительно недавно – в конце 70-х–80-х годов XX века в работах Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона, В. А. Тишкова. Согласно ему, нации возникают в период становления и укрепления индустриального общества, причем их возникновение является не случайным, а закономерным явлением. Не игнорируя роль экономических и политических факторов генезиса нации, авторы данного теоретико-методологического подхода особое внимание уделяют этнокультурному развитию как решающему, базовому фактору этногенеза. Так согласно Э. Геллнеру, предложившему оригинальную концепцию нации и национализма, в возникновении нации в качестве ее объективной предпосылки важное значение имеет дифференциация культур различных этносов, народов, с характерными для каждого из них представлениями, обычаями, традициями.

На их основе, осознавая собственные властные интересы, интеллектуальная элита данного этноса – ученые, философы, писатели, публицисты – целенаправленно создают и оформляют начала национальной идеологии. Затем результаты этой работы с помощью средств популяризации и пропаганды (масс-медиа, литературных произведений, публицистики, сценического искусства, символики) тиражируются, внедряются в массовое сознание и распространяются среди членов данного этноса, способствуя осознанию их себя членами единой этносоциальной общности – нации. В итоге достигается эффект осознания людьми принадлежности к одной культуре и, более того, – к одной и той же нации – эффект национально-государственной идентификации.

Таким образом, как отмечает Э. Геллнер, нации, воплощая в себе человеческие убеждения,

пристрастия и склонности, тем не менее, не объективно заданы (заданы только их предпосылки), а конструируются элитой этноса, являются интеллектуальным конструктом. Это результат осуществления, говоря языком автора, «политики национализма», преследующей цель сформировать общность людей, политические и этнические границы существования которой, совпадали бы. Речь, следовательно, идет о формировании «нации-государства», которое в идеале должно быть этнокультурно единым и политически консолидированным.

Следовательно, в конструктивистском подходе социальная реальность в целом и нация, в частности, являются артефактами, в которых проявляется объективно-субъективная природа общественного бытия. Именно то обстоятельство, что становление нации определяется не только объективными социально-историческими закономерностями, но также существенным образом зависит от субъективного фактора, который способен активно влиять на ход социальной истории, артикулируется его сторонниками.

В заключение отметим, что рассмотрение эвристического потенциала и прерогатив конструктивной деятельности в современной методологии науки и социальной эпистемологии весьма актуально. Ведь теоретическое обществознание, также как и теоретическое естествознание, немислимо без использования идеализированных объектов и идеальных типов (в терминологии М. Вебера), и исследования отношений между ними, что позволяет рассматривать социальные явления в их «относительно чистом виде».

Литература и источники

1. Мид, Дж. От жеста к символу / Дж. Мид // Американская социологическая мысль: Тексты. – М., 1994.
2. Бергер, П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995.

НЕВЕЖЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ МУЛЬДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. М. Злотникова

В последние десятилетия общественных преобразований в лексике ученых, управленцев широко используются понятия «интеллектуальный капитал», «интеллектуальная культура», «инновационное развитие» и т. д. Многие публикации освещают положительные стороны процесса интеллектуализации производства. Интеллектуальный капитал в основном рассматривается как фундамент нового знания, использование которого позволит улучшить жизнедеятельность человека и повысить отдачу от вложенных средств.

В контексте заявленной проблемы хотим обратить внимание на противоречивость формирования и использования интеллектуального капитала. Невежество, к сожалению, занимает в его структуре не последнее место. Как предмет научного познания невежество имеет самую продолжительную историю, до настоящего времени оказывается слабо изученным и непобежденным. Рост актуальности к социально-экономическим, морально-нравственным и психологическим причинам невежества вызван многими причинами. Во-первых, противопоставлением невежества и образованности. Априори предполагается, что образование уничтожает невежество. Образование, основанное на механическом повторении чужих мыслей, неспособно уничтожить невежество. Во-вторых, многоликость и изменчивость форм выражения невежества осложняет процесс его распознавания. Мнение большинства и стереотипы тормозят его познание. Нередки случаи, когда стереотипы отождествляются с мудростью, а подчинение большинству как рациональное поведение. В-третьих, ускоренное развитие цивилизации, усиление роли интеллектуального труда, сохранение и диверсификация невежества во все сферы жизнедеятельности влекут за собой не только огромные экономические потери, снижение общей культуры, но и реальные войны, направленные на уничтожение инакомыслящих. В-четвертых, процессы глобализации, которые оцениваются как великое благо, на наш взгляд, способствуют продвижению невежества, делая его проблемой цивилизации.

Роджер Бэкон в XIII в. сформулировал четыре причины невежества, мешающие мудрости. Важнейшими назвал поклонение недостойным авторитетам, постоянные привычки, показную мудрость и использование мнения несведущей толпы. [1] Толпа и невежество – эта глубоко латентная

проблема философского познания культуры. Ярчайшее проявление – утилитарно-либеральные реформы, которые были начаты на основе веры либералов и их последователей в чудодейственную силу рыночных законов. В реальности действие объективных законов не отменяет конкретные условия, интересы, потребности и поведенческие факторы. Слепая вера в силу материального богатства, его прямого воздействия на сознание человека было положено либералами в основу так называемой свободной экономики. Идея глобальной либерализации в реальности сопровождается небывалым имущественным расслоением во всем мире.

В силу ограниченности формата акцентируем внимание лишь на некоторые аспекты проблемы невежества. В гуманитарной науке – это противоречия между общественным мнением и мнением толпы. Не отрицая значимости изучения общественного мнения, П. Сорокин неоднократно обращал внимание на то, что социологи часто увлекаются получением информации, которая известна до проведения исследований. Затраты интеллектуальных, материальных, финансовых ресурсов в условиях их ограниченности позволяют сформулировать проблему «эффективные и неэффективные действия», механизмы влияния на уровень невежества. Государственная политика эффективности науки всех отраслей научного знания сопровождается ростом бюрократического администрирования и необоснованного деления на нужные и ненужные знания. Р. Бэкон оценил такую ситуацию следующим образом: «самое истинное считают последней ложью, самое лучшее – лишенным цены, самое великое – не имеющим ни веса, ни ценности и, напротив того, прославляют все самое ложное, восхваляют самое худшее, превозносят самое низкое и, ослепленные, не видят подлинного сияния мудрости и отвергают то, чего могли бы с величайшей легкостью достичь. Из-за огромной глупости они прилагают величайшие усилия, тратят очень много времени и выбрасывают кучу денег на то, что не приносит никакой пользы или приносит ничтожную пользу и не обладает, по суждению мудрых, никакими достоинствами» [1].

При том, что очень важно вовремя распознать невежество, его современные формы постоянно видоизменяются. В обществе, где широко распространено отсутствие собственного достоинства, ответственности за принимаемые решения и поступки, невежество остается вне научного и эмпирического изучения. Основным институтом влияния на сознание, общую поведенческую культуру оказывает не наука, образование, а средства массовой коммуникации. Последние можно отнести к особо опасным видам социальной инфекции, которая стимулирует моральную, духовную деградацию. Анализ содержания общения в интернете говорит о том, что значительная группа участников не пользуется нормальной лексикой, лишена элементарных навыков культурного обращения. Отсутствие должного социального контроля сопровождается царствованием ток-шоу. Они демонстрируют образцы невежественного поведения, причем ведущие выступают своеобразными катализаторами тиражирования отсутствия элементарной культуры.

Государство, предпринимая попытки борьбы с нарушением нравственных норм, создало нормативную базу и правовые институты. Однако, ужесточение административной и уголовной ответственности за высшие проявления невежества в виде хамства, физической и моральной грубости не приносят ожидаемых результатов. Негативная оценка общественным мнением различных проявлений невежества, к сожалению, оказывается малоэффективной. Как показывают результаты различных медицинских исследований, невежество и стресс тесно связаны между собой. Постоянное присутствие в жизни человека вербальной агрессии приводит к патологическим изменениям в состоянии физического и психического здоровья, к снижению самооценки и равнодушию. Жизнедеятельность данной категории основа на вере в чудодейственные средства, всемогущих руководителей, различных проповедников, магов, гадалок и т. д. Ярким проявлением слепой веры в исцеление служат представители так называемой альтернативной медицины. Человек, не желающий понять и принять активное участие в процессе лечения, не получая мгновенного результата, отказывается от лечения, тратит время, денежные средства на чудо-лекарей. Сложно назвать количество тех, кто поплатился жизнью за собственное невежество.

Своевременное распознавание невежества, его меняющихся форм и механизмов реализации имеет теоретическое и практическое значение. Сложность проявления невежества настолько высока, что необходимо быть крайне осторожными в обобщениях и выводах. Невежество, как подавляющее большинство социальных явлений, не имеют четких границ и форм выражения. Гипотетически носители невежества оказывают латентное влияние на общественное мнение, соответственно, государственную политику в сфере образования, культуры, искусства и т. д. История цивилизации убедительно доказывает, что настойчивая последовательная борьба с невежеством не

всегда выгодна государственной бюрократии. В настоящее время серьезной преградой в борьбе с невежеством стоит экономика наслаждений.

Упрощенное толкование невежества часто сводилось к недостатку знаний или образования. Развитие общества опровергает наличие прямой зависимости между уровнем образования и невежеством. Для части общества праздное потребление стало принципом жизнедеятельности. Т. Веблен писал: «...праздный класс неизбежно и последовательно тормозит процесс приспособления к окружающей среде, который называется продвижением общества или социальным развитием». [3, с. 214] В завершении воспользуемся цитатой из работы П. Бергмана и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»: «...социология знания прежде всего, должна заниматься тем, что люди «знают» как «реальность» в их повседневной, не или до теоретической жизни, ... скорее повседневное знание, чем «идеи», должно быть главным фокусом социологии знания. Это именно то «знание», представляющее собой фабрику значений, без которого не может существовать ни одно общество». [2, с. 12].

Литература

1. Бэкон, Р. Избранное / Р. Бэкон. – М., 2005.
2. Бергер, П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности Трактат по социологии знания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://abolla.narod.ru/berger_1.pdf. – Дата доступа: 02.10.2015.
3. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М., 1984.

1.3 Статус философии и социально-гуманитарного знания в интеллектуальной культуре современности

АМБИВАЛЕНТНЫЙ СТАТУС ФИЛОСОФИИ В КУЛЬТУРЕ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

А. И. Зеленков

Одной из актуальных проблем современной гуманитаристики является широко обсуждаемый вопрос о судьбах философии в изменяющемся мире, о ее самоопределении в современной культуре. Существуют достаточные основания для того, чтобы предложить такую интерпретацию этой проблемы, в которой судьба философии во многом детерминируется ее амбивалентным статусом в культуре эпохи постмодерна.

Эту амбивалентность можно проранжировать по меньшей мере в 3-х основных измерениях.

1) Специфика функциональной природы самого философского сознания, соединяющего в себе две важнейшие интенции. Первая состоит в обобщении социокультурного опыта человечества, благодаря чему философия выступает духовной квинтэссенцией истории культуры или, как говорил Гегель, эпохой, выраженной в мысли. Вторая реализуется в установке на критическое и творческое мышление, переосмысление исторического опыта культуры и продуцирование социальных новаций. В современной ситуации именно философия позволяет достаточно органично соединять рациональное содержание классических идей и подходов с новыми ценностями и инновационными программами. Философский разум всегда был ориентирован на внимательное и уважительное отношение к традиции, вместе с тем, ему также была свойственна интенция на формирование творческого мышления, направленного на критическую рефлексии по поводу основополагающих вопросов жизни и познания. В этом смысле можно согласиться с К. Поппером, который считал, что «Главной задачей философии являются критические размышления об устройстве вселенной, о нашем месте в мире, а также о наших познавательных возможностях и способности творить добро и зло» [1, с. 135].

2) Специфика языка философии, историческая динамика ее выразительных средств. Известно, что первые успехи и триумф философии в эпоху «осевого времени» были основаны на великом открытии древних мудрецов, которые утверждали, что только с помощью разума можно постичь сущность вещей, уяснить предельные основания и причины бытия, сформулировать принципы, которыми должен руководствоваться человек в его жизнедеятельности. Философия явилась

той формой культуры, в которой впервые в истории человеческого общества стало оформляться и развиваться теоретическое мышление.

Она рационализирует складывающиеся в различных сферах духовной культуры образы мира и человека, выраженные в форме категорий, или универсалий культуры. В этом процессе формируется язык философии как совокупность предельно обобщенных категориальных форм, особых идеальных объектов. Благодаря этому философия в значительной мере преодолевает чувственно-эмоциональную конкретность, образность и синкретичность художественно-мифологического мышления, а также символизм и метафоричность языка религии, установок здравого смысла и максим обыденного сознания.

Как теоретически обоснованная quintэссенция конкретно-исторического типа культуры, философия выражает глубинные, фундаментальные основания человеческого бытия в природном и социальном мире, а также важнейшие характеристики духовной жизни и самосознания личности.

С первых шагов своего триумфального утверждения в качестве рационально-теоретического типа мировоззрения философия неизменно использовала выразительные средства образно-художественного языка культуры. Приобщая человека к миру высших ценностей и нравственных идеалов, она обращается к языку метафор, символов, аллегорий и парадоксов. Эта неизбежная амбивалентность философского сознания породила нескончаемый спор между мыслителями о том, что представляет собой философия, какова природа ее языка, в чем состоит ее предмет, каким образом выразить ее смысл и ценность в культуре. Существует достаточно обоснованное мнение, что этот критический диалог фиксирует важнейший аспект сущности самой философии, позволяет охарактеризовать ее как уникальный тип духовно-теоретической рефлексии над важнейшими основоположениями культуры во всем многообразии ее форм и проявлений.

Философия действительно уникальна в том смысле, что она перманентно проблематизирует свой предмет, и разные ее представители обосновывали различные интерпретации целей, задач, и выразительных средств философского познания. Это обстоятельство отмечается многими философами. Так, К. Ясперс пишет: «В то время как наука в сфере своей деятельности добилась строго определенных и признанных всеми результатов познания, философия, несмотря на тысячелетние усилия, не достигла этого. Действительно, в философии нет единодушия в определении того, что можно трактовать как окончательно познанное» [2, с. 224]. Философия многолика, и весьма непросто совместить разные ее образы и понимания. Причем такой плюрализм характерен как для профессиональной философской традиции, так и для массового сознания.

3) Еще одно существенное измерение амбивалентности философии обнаруживает себя в специфике двух дивергентных сфер ее бытия: в публичном пространстве социума и в академическом сообществе.

Говоря о месте и роли философии в публичном пространстве социума важно отметить, что в самой философии ответ на этот вопрос уже давно сформулирован. Философия возникает и становится жизненно необходимой именно там, где есть потребность в свободе как неотъемлемой характеристике личности, способной реализовать свое право на индивидуальное понимание, выбор и действие не только во имя собственного блага, но и блага общества в целом.

Это означает, что философия возникает и успешно развивается далеко не везде, не во всех культурах и типах социальной организации. Она становится подлинно востребованной там, где наряду с государством сформированы и успешно функционируют развитые формы и структуры гражданского общества. Там, где люди должны быть воспитаны как свободные граждане, а не как бездумные исполнители воли харизматического правителя или монарха.

Известно, что классическим примером такого общества, колыбелью философии является древнегреческая цивилизация. В Афинском полисе, свободное население которого насчитывало немногим более 200 тыс. человек, философия явилась органичной частью всей культурной надстройки, что позволило только за период VI–V веков до н. э. заложить духовные основы европейской цивилизации на многие грядущие столетия.

Этот взрыв культуротворчества, давший человечеству таких вечных его спутников, как Сократ, Платон, Эсхил, Софокл, Перикл, Аристофан и многие другие не случайно получил очень точное название «древнегреческого чуда». Однако пример Греции уникален. В большинстве древних обществ не существовало такого культа свободы, а значит, и в публичном пространстве этих обществ не было потребности в философии. Ее функции успешно заменяли мифология, религия, ис-

кусство, политика и т. д. Согласно А. Ф. Лосеву, русская культурная традиция (и восточнославянская в целом) не является классически философичной. Она выражена не столько в формах абстрактно-систематического мышления, сколько в интуитивно-образной, а зачастую в иррационально-религиозной форме. Может быть именно поэтому на Западе до сих пор наиболее популярными и известными русскими философами являются Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский.

Обращаясь ко второй ипостаси философии, в рамках которой проблема ее конституирования в качестве уникальной формы духовного опыта всегда рассматривалась как проблема профессиональной ответственности и компетенции академического сообщества ученых, философов, мыслителей, следует отметить, что здесь картина обретает гораздо более сложный и противоречивый характер. В своей академической деятельности философское сообщество традиционно опиралось на богатейший опыт развития науки, религии, искусства, других форм культуры и социальной практики. И все же наука не без оснований претендовала на особый статус и роль в развитии философии, определении ее судеб и перспектив. Дело в том, что в отличие от большинства формообразований культуры, которые по своей природе являются рефлексивными, наука представляет собой форму предметного сознания. А это означает, что она способна осуществлять универсализацию человека не только в духовном измерении, но и в системе практики, социальной реальности. Рефлексивные формообразования культуры (религия, мораль, искусство, обыденный опыт жизни и др.) непосредственно влияют на человека лишь посредством апелляции к его сознанию. Это обстоятельство становится решающим в условиях необходимости обоснования подлинно реалистичной и эффективной стратегии модернизации современного белорусского общества.

Литература и источники

1. Поппер, К. Какой мне видится философия / К. Поппер // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ; СПб., 2001.
2. Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс // Путь в философию. Антология. – М.; СПб., 2001.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ

В. В. Позняков

Прежде всего необходимо отметить отчетливо обозначившуюся тенденцию к сопряжению фундаментального философского знания и практики. Такое сопряжение осуществляется в форме свободного гуманитарного дискурса, что отвечает природе философствования как проявления свободы мыслящего субъекта. В данном контексте привлекают внимание инициативы Института философии НАН Беларуси, связанные с активным поиском точек приложения философского знания к решению проблем, теоретическая и особенно практическая значимость которых сегодня не поддается сомнению. Активное философское обсуждение содержательных направлений динамики нашей страны выступает как фактор осмысления, проектирования и прогнозирования процессов, помноженных на мировоззренческую и нравственную миссию философии.

Второе замечание предварительного характера касается демократизации философского дискурса. Мы определяем демократическое участие как многообразие взаимосвязанных элементов: свободного выбора тем и сюжетов, содержания обсуждаемых проблем, разнообразия форм представления подходов и точек зрения, их конструктивную направленность, богатства организационных форм трансляции концептуального знания, участия в обсуждениях как гуманитариев, так и представителей других научно-дисциплинарных направлений. Все это получает выражение в обозначившейся тенденции транс- и междисциплинарности программного и продуцируемого знания. Добавим к этому, что в философских обсуждениях в стенах Института философии НАН Беларуси господствует сотворческий поиск, реализуемый в широковекторном научном формате.

Обращение к теме демократизации гуманитарного дискурса фиксирует внимание к диалогической доминанте конференций, проводимых по инициативе и под эгидой Института философии. Данный опыт конкурентоспособен в сравнении с традициями подобных мероприятий на западноевропейских аналитических площадках. Он позволяет рассмотреть организационные формы и проблемно-содержательное разнообразие встреч интеллектуалов как относительно самостоя-

тельный вектор развития гуманитаристики в контекстах, имеющих самое непосредственное отношение к теме нашей конференции.

Если рассматривать современную гуманитаристику в параметрах относительно самостоятельной культурной целостности, то ее типобразующие признаки, оцениваемые нами как методологические основания дальнейшего анализа, по определению должны выражать структурно-содержательное богатство современного гуманитарного знания в единстве его проблематики и организационных форм трансляции. Разумеется, такое утверждение не отменяет потребность в конструктивно-критическом интересе к реальному опыту. Напротив, оно предполагает его уместность. Отсюда кажется вполне оправданным наше стремление рассмотреть состояние гуманитаристики через призму относительно конкретного фактора развития, обозначенного в названии публикации.

Сложилась традиция, которая все чаще дает о себе знать именно в наше время. В соответствии с ней гуманитаристику нередко концептуально и функционально синонимизируют с гуманитарным знанием. С этим следует согласиться лишь в той части, в которой гуманитарное знание рассматривается как существенная и важнейшая в своей сущности часть гуманитаристики. Подобно тому как знание, неся в себе образ культуры, еще не есть культура в ее системно-типологической определенности, гуманитарное знание еще не есть гуманитаристика, хотя и представляет одну из важнейших форм ее существования.

Мы рассматриваем ее с культурологических позиций, т. е. предполагаем, что, будучи явлением культуры, на уровне особенного гуманитаристика представляет культуру как всеобщее. В содержании, организации и формах трансляции гуманитарное знание становится достоянием современной культуры, эволюционируя в особый ее сегмент – гуманитаристику. Причем она своими средствами воспроизводит культуру в противоречиях содержания и функционирования – противоречиях, которые не могут не отразиться во всей инфраструктуре гуманитарной культуры. Таким образом, анализируя основные тенденции современной гуманитаристики как явления культуры, мы помещаем ее в координаты фундаментальных, базовых универсалий культуры и категорий, если под последними понимать понятия фундаментальной культурологии.

В структурном и содержательном отношении она воспроизводит (опять же, своими средствами) культуру как первоначало (наряду с природой) бытия человека в мире. Это касается прежде всего таких фундаментальных оснований культуры, как: 1) ее субъект, представленный на типологическом уровне гуманитаристики как область субъектов, поддерживающих ее функционирование и состояние; 2) ценностное содержание гуманитаристики, возвышающее структуру культуры до уровня ее ценностного содержания в богатстве ценностных отношений, идеалов, норм, оценок и ценностных ориентаций субъектов; 3) представление гуманитаристики в семиотических структурах при том ведущем понимании, что она не может существовать вне и в отрыве от текстов, в которых живет, развивается, обретает возможности и перспективы собственного развития; 4) организационно-транслирующие структуры культуры. Не следует забывать о ее пространственно-временном положении.

Для развития гуманитаристики существенно важна область организации, под которой понимаем взаимосвязь основных единиц («упорядоченностей») гуманитаристики как культурной реальности, обладающей признаками системной целостности. Если организация представляет собой особое системное отношение, в котором пребывают фундаментальные элементы данной культурной целостности, то свое содержание гуманитаристика приобретает благодаря внутренним и внешним связям образующих эту целостность элементов. Итак, организованность есть качественная определенность целостности под именем «гуманитаристика».

В структурном отношении гуманитаристика воспроизводит культуру и саму себя как структурную организацию, содержанием которой являются разнообразные и богатые как внутренние, так и внешние связи. Она несет в себе код культуры как универсальную метафизическую мифологию, дающую надежду людям в труднейшие кризисные периоды их истории. С позиций основных положений этого теоретического введения перейдем к предметному изложению практической организации гуманитаристики в конкретных условиях. За основу возьмем опыт Гренобльского университета во Франции*.

* Положения работы во многом отражают содержание научной командировки автора в университет г. Гренобля – один из крупнейших во Франции.

Предварительно следует заметить, что тенденции в организационных структурах гуманитаристики представлены нами, как минимум, в двух параметрах: во-первых, как ее содержание, упорядоченное в текстах; во-вторых, как иницилируемые субъектом формы организации. Последние должны быть адаптивны к современной социокультурной динамике по ряду обстоятельств факторного характера: соотношение текстов и контекстов, их содержательные параметры; организационные структуры производства знаний, их хранения, распространения и распределения; существующие и возникающие новые семиотические средства, в которых фиксируется опыт гуманитарной деятельности и ее виды, отмеченные тенденцией к расширению их спектра; формы актуализации и трансляции гуманитарного знания; мировые тренды в его развитии и функционировании. Проблема, с которой сталкивается гуманитаристика, состоит в том, чтобы получить ответ на вопрос: в каких оптимальных формах следует транслировать содержание с учетом того, что формы должны быть оптимальными не только с точки зрения функциональной, но и с позиций адекватности содержанию, которое они представляют. К указанным факторам присоединяются те, которые лежат за пределами гуманитаристики: финансовые, информационные, материально-технические и технологические.

В нашем выступлении мы бы хотели выйти из поля традиционного толкования гуманитаристики как трансляции гуманитарного знания в стенах учреждения образования. Кризисные потрясения затронули и положение западных интеллектуалов. В условиях усиления спроса на естественнонаучные ее кластеры знания и технологии им приходится постоянно доказывать необходимость гуманитарного академического образования и сохранения гуманитарного измерения жизни и культуры. Какие общие и особенные тенденции просматриваются в организационном облике гуманитаристики у наших французских коллег? Учитывая регламент выступления попытаемся ответить на вопрос в форме обобщенного знания. Такие тенденции суть следующие:

- расширение спектра гуманитарных знаний, которые по содержанию и формам организации носят транс- и междисциплинарный характер. Современное дисциплинарно организованное и междисциплинарное знание активно тяготеет к развитию метадисциплинарных потенциалов и напряженным усилиям по их методологической, методической и технологической актуализации. Практически все теоретически проработанные междисциплинарные образования являются фундаментальными комплексами. Например, теория и методология научного познания, культурология, семиология культуры и др.;

- диверсификация организационно-институциональных форм разработки проблем содержания и трансляции опыта гуманитарной культуры, в особенности гуманитарного знания. В частности, в Гренобле существуют три университета, два из них гуманитарные. В одном изучают языки и культуры народов, в другом классические гуманитарные дисциплины, в третьем преподают естественнонаучное и техническое знание. Деление это во многом условно, поговаривают о слиянии трех университетов в один;

- распределение организационных структур гуманитаристики по субкультурному, локальному, региональному, межрегиональному, национально-государственному признакам, что особенно отчетливо выражено в проблематике и организации региональных исследований;

- многообразие субъектов относительно узкой специализации – тенденция, которая по-своему выражает разветвление содержания и форм гуманитарного знания, его организационных структур, а также функциональные роли субъектов в массиве современной гуманитаристики;

- организационные формы финансирования инфраструктуры гуманитаристики. Междисциплинарный характер здесь коррелирует с разнообразием субъектов, проблемной, тематической многоплановостью содержания, источников финансирования и т. д.;

- динамика всех «единиц» гуманитаристики (тексты и контексты, организационные структуры производства знаний и их распространения, возникающие новые семиотические структуры и виды деятельности и др.); их соотношение по синхронии и диахронии культуры, а также скорости распространения и изменения;

Гуманитаристика в единстве взаимосвязанных компонентов – субъектов, семантики, знаковых форм ее представления и других образований (например, академических интеллектуальных локусов, научно-средовых пространств сотворческого поиска в сфере гуманитарного знания и его места в обществе) – предполагает организационно-содержательные формы своего образования, формирования, становления, развития и преобразования под влиянием как внешних, так и внут-

ренных факторов. Следовательно, гуманитаристика явлена как организационная структура, рассматриваемая в данном выступлении в особом, более частном случае как инфраструктура ее развития. Организационная структура, будучи связана с гуманитаристикой как культурной целостностью и рассматриваемая нами как ее элемент с неизбежностью будет представлять собой всю структурную организацию любой культурной целостности, но с поправкой на ее специфику. Таким образом, структурная организация гуманитаристики выглядит следующим образом:

1) организация знаниевого содержания в определенной мере отвечает сущности и структуре знания, актуализованного в конкретном регионе (области) контекстами его необходимости (если мы рассматриваем региональный аспект гуманитаристики). Так, например, в Гренобльском университете успешно развивается содержательная и инфраструктурная область, ориентированная на исследование региональной культуры Французских Альп, что, безусловно, не отрицает, а предполагает обращение к гуманитарной традиции Франции и достижениям мировой гуманитарной, в частности, культурологической мысли;

2) институциональная структура гуманитаристики коррелирует с региональными структурами культурного развития. Так, например, в указанном нами регионе Франции гуманитарные исследования представлены в богатстве институциональных форм, отвечающих прежде всего региональным возможностям и традициям. Таким формами являются: а) университетские программы; б) лаборатории, работающие на основе финансирования Национальным центром научных исследований; в) лаборатории, исследовательские проекты которых осуществляются по комплексному принципу поддержки, т. е. с привлечением средств из различных источников. В частности, помимо университета, в финансировании участвуют органы местного управления, заинтересованные в разработке конкретных проблем регионального значения, предприятия, организации, финансовые структуры, которые нередко выступают в роли спонсоров;

3) центры гуманитарного знания, занимающие промежуточное положение между Университетом с его ориентацией на фундаментальную науку и подготовку кадров высшей научной квалификации. Они ориентированы на трансляцию знаний, препарированных в соответствующих методических и адаптированных для студентов формах. Именно с таких позиций составлена программа деятельности уникального учреждения – «Дома наук о человеке» («Maison des Sciences de l'Homme – Alpes»). Его возглавляет доктор психологии, профессор Лоран Бег. Всего таких центров во Франции более двадцати. Они транслируют фундаментальные и специальные знания, поддерживая тесные связи с реальной и потенциальной аудиторией, среди которой нередко можно видеть молодых интеллектуалов и практиков, начинающих свой профессиональный путь в избранной области и формирующих запрос на научные знания определенной направленности. Заметим здесь, что в качестве таковых выступают фундаментальные знания, препарированные в соответствии с запросами аудитории;

4) совершенно особое место занимают такие научно-организационные структуры, как лаборатории, существующие при «Maison des Sciences de l'Homme – Alpes», подразделениях университета. Своеобразие их состоит в проведении исследований, отвечающих преимущественно потребностям локальных и региональной культур. Это получает выражение в демократической форме участия: небольшая группа ученых, опирающаяся на относительно представительную категорию «помощников» – тех, кто заинтересован в исследовании по роду будущей или актуальной профессиональной деятельности. На форумах, посвященных подведению промежуточных итогов исследований, профессиональный и научный спектр заинтересованных существенно расширяется;

5) своеобразной формой гуманитарного дискурса являются дебаты, «ярмарки идей» и «ярмарки знаний», «дни науки», конференции, встречи с философами, социологами (напр., с А. Туреном), артистами, художниками. Обычно они организуются в рамках различных фестивалей (например, фестиваля идей, посвященного изучению и решению проблем занятости). Площадками для гуманитарных встреч, помимо Университета, являются музеи, залы Центров по изучению человека, библиотеки, театры и др. Организационное сопровождение, как правило, коррелирует с потребностями регионов и запросами относительно самостоятельных профессиональных категорий специалистов, нуждающихся в обновлении своих знаний, притоке новой информации, знакомстве достижениями современного гуманитарного знания, стремящихся завязать контакты с учеными. Встречи нередко организуются по принципу «открытых дверей», что привлекает довольно широкий круг участников.

Что касается знаниевой структуры, то она обеспечивается сопряжением ожиданий и запросов публики (специалистов) и возможностями (не в последнюю очередь финансовыми) центров гуманитарного знания, лабораторий и других организационных структур. Общим для всех является принцип демократического участия, постоянства сотрудничества и диалога.

Литература и источники

1. Mode d'emploi. – 2015 16 –29 novembre.
2. Musselin, Chr. Les universitaires / Chr. Musselin. – Paris, 2008.
3. Rendez-vous avenue central en sciences humaines / Saison 2015–2016. – Grenoble, 2015.
4. Structure Fédérative de recherche INNOVACS: Innovation, Connaissances, Société. – Grenoble, 2015.
5. L'Universitaire française: une nouvelle autonomie, un nouveau management. – Presses universitaires de Grenoble, 2012.
6. Vogel, L. L'Université, une chance pour la France / L. Vogel – Paris, 2010.

О ЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Р. С. Сартаева

Основной конституирующей особенностью современного мира, как известно, являются процессы глобализации, представляющие собой феномен сжатия пространства и времени, выражающийся в качественных и количественных изменениях, ускорении и уплотнении событийного ряда. Поэтому сегодня, пожалуй, как никогда ранее, во всех сферах деятельности человека требуется философский подход к осмыслению современных социокультурных трансформаций как никогда ранее, актуальна философская рефлексия. Ведь специфика философии как формы знания состоит в том, что она (философия) является формой знания предельного охвата, формой знания, дающего глобальное мироощущение, которое, в свою очередь, позволяет увидеть следствия, перспективы развития мира.

Многие современные крупные исследователи отмечают, что сегодня наука вновь активно интересуется философией. Более того, философское мышление, дающее глобальное мироощущение, а также его носители, – философы, – стали, как писали американские социологи Д. Несбитт и П. Эбурдин в своей книге «Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000» (1992), «объектом охоты за мозгами» [1]. А известный российский философ В.Е. Давидович совершенно справедливо отмечает в своей работе «В зеркале философии» (1997) следующее: «В нынешнюю эпоху, на изломе истории, особенно важна «философизация» и теоретического, и массового сознания. Содрогающийся в конвульсиях кризиса мир как никогда нуждается в мыслителях предельного охвата, в философах» [2, с. 2].

Сегодня многократно возросла необходимость философского осмысления тех фундаментальных изменений в научно-философской картине мира, которые стали результатом научных открытий и формирования новых теорий в самых разных областях научного познания. Происходят серьезные изменения как в области философской методологии исследования человека, так и в тенденциях в развитии гуманитарного знания и конкретных наук о человеке. В развитии всего научного знания в целом, в философских исследованиях наблюдаются тенденции этизации и нарастающей антропологизации. Требования сегодняшнего дня в развитии философско-антропологического знания во многом связаны с синтезо-интеграционными тенденциями, с созданием методологии, опирающейся как на философские основоположения, так и на новейшие достижения в области наук о человеке. Современная наука раскрывает перед человеком парадоксальный мир Вселенной, в эволюции которой совершенно иначе, чем в ньютоновско-картезианской модели мироздания, определяется онтологический статус Человека, Разума, Духовности. Вместе с тем в философском осмыслении и мировоззренческой интерпретации сущности новых представлений о бытии, ученые открывают многозначительные параллели, совпадения, перекликивания выводов постнеклассической науки с оккультными, мистическими, эзотерическими учениями, системами. Формируется новый взгляд на метафизические концепции мира, человека, сознания, представленные в истории мировой философии, в разного рода мистических и эзотерических учениях.

В настоящее время в условиях глобализации, коренной трансформации мирового мега-социума формируется новая социокультурная реальность. Практически все серьезные исследователи отмечают феномен перехода современного планетарного мега-социума в качественно иное состояние, которое не может быть описано с помощью сегодняшних мировоззренческих универсалий (о человеке, о мире, о глобальной эволюции человека и общества). Такое качественно иное состояние общества разные исследователи называют по-разному: постиндустриальное, посткапиталистическое, постэкономическое, супериндустриальное, информационное, общество знаний и т. д. Феномен информации (наряду с феноменом знания) становится конституирующей особенностью нового постиндустриального этапа в развитии мирового мега-социума, для глубокого осмысления которого необходима философская рефлексия.

Как отмечают многие исследователи, понимание феномена информации как сведений о чем-либо (связанном, например, с управлением, сигналами в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик и т. д.) преобладало до середины прошлого столетия. Такой подход к пониманию феномена информации, наш взгляд, сохраняется и сегодня, хотя и делаются какие-то не совсем внятные попытки разделить понятия «информация» и «данные» (Н. Glaser). Так отмечается, что информацию можно определить как «данные, которые организованы и структурированы – то есть, помещены в контекст – и, таким образом, наделены смыслом» [3, с. 121–122]. Питер Друкер отмечает, что информация – это данные, прошедшие компьютерную обработку [4]. Некоторые исследователи считают, что информация «является лишь одной из специальных форм знания, а именно: путем и средством транспортировки знания» (Ю. Миттельштрасс) [3, с. 122]. Можно согласиться с Г. Бехманном, который утверждает, что «информация глубоко амбивалентна. ... Она содержит в себе собственную противоположность, в один и тот же момент репродуцируя и знание, и незнание» [3, с. 123]. В целом, понятие информации стало общенаучным, а «информационный подход, включающий в себя совокупность идей и комплекс математических средств, превратился в общенаучное средство исследования» [5, с. 217]. В связи с этим, как отмечают многие исследователи, появились ее мировоззренческие, философские интерпретации.

В контексте интегративного подхода, который допускает синтез разных точек зрения в пределах одной концепции, феномен информации можно рассматривать как фундаментальный в современной картине мира и имеющий в своей основе как трансцендентный (сверхъестественный), так и субъективный, а также материальный характер. Такое понимание информации не является просто конвенциональным, а обусловлено развитием и достижениями современной науки. Здесь необходимо отметить, в первую очередь, исследования британского астрофизика Леонарда Саскинга в области сохранения информации (о наших поступках и мыслях, которые влияют на наше настоящее, будущее и даже прошлое). Кроме того, необходимо отметить огромную роль так называемого холономно-голографического подхода в современном научном познании. Основу этого подхода составляет следующий базовый тезис: в любой самой малой части любой системы содержится информация обо всей системе. Причем такое понимание соотношения части и целого не противоречит явлению эмерджентности, согласно которому у системного целого утверждается наличие свойств, не присущих его подсистемам и блокам. В преодолении своего рода антиномичности вышеуказанной ситуации, на наш взгляд, важную роль играет введение в рамках холономно-голографического подхода понятий субстрата и информации, причем информация проявляется как сущность, а субстрат выступает как явление. Понятие информации в данном контексте несет в себе более глубокое (в отличие от обыденного понимания), «онтологическое» содержание, а именно: имеется в виду та общая база, что лежит в основе всех явлений окружающего нас мира.

Холономно-голографический подход способствует формированию нового понимания «целого», «целостности», соотношения части и целого, позволяет трансцендировать кажущееся непреодолимым различие между частью и целым [6]. Проблема целостности, «целого», части и целого является одной из ключевых в философии, поскольку несет в себе глубокий онтологический смысл. Поэтому можно сказать, что холономно-голографический подход способствует формированию новых мировоззренческих и концептуально-методологических подходов и в философии, а именно: позволяет объединить, «примирить» метафизику и диалектику, материализм и идеализм в рамках новой синтезирующей философии.

Литература и источники

1. Несбитт, Д., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-ые годы. Мегатенденции / Д. Несбитт, П. Эбурдин. – М., 2000.

2. Давидович, В. Е. В зеркале философии / В. Е. Давидович. – Ростов-на Дону, 1997.
3. Бехман, Г. Общество знания – краткий обзор теоретических поисков / Г. Бехман // Вопросы философии. – 2010. – №2. – С. 113–127.
4. Peter, F. Drucker. Knowledge Society // New Society, 1969, 13(343): 629–631.
5. Урсул, А. Д. Информация / А. Д. Урсул // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
6. Гроф, С. За пределами мозга / С. Гроф; пер. с англ. – М., 1993.

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю. П. Серёда

В современных национальных контекстах социогуманитарное знание характеризуется одновременно своей неопределенностью (методологической, институциональной), неудовлетворительной отрефлексированностью институциональных и символических рамок и комплексностью, выражающейся в следующем: во-первых, в формировании уже ничем немаскируемого разрыва между теорией (неутилитарное знание) и практикой (прагматическое знание); во-вторых, в усложнении процессов и форм производства и социального признания научного капитала; в-третьих, в конструировании новых социальных и интеллектуальных стратегий поведения гуманитариев. Последнее также связано с активизацией интеллектуальной миграции. Примечательно, что в дискуссиях последних лет, тематически связанных с проблемами сферы образования, вопросы пересмотра устаревших образовательных и воспитательных парадигм поднимаются лишь в декларативном ключе, а так называемые эффективные решения представляют собой лишь техническое переоснащение образовательных учреждений и попытки решения кадрового вопроса. При обращении к существующей Программе развития общего среднего образования в Республике Беларусь на 2007–2016 гг. [1] можно эксплицировать преимущественно формальный характер ее содержания, что не способствует разработке и принятию конструктивных мер по оптимизации как системы национального образования в целом, так и сферы социогуманитарного знания в частности. На практике вырисовывается другой вектор «модернизации» системы образования в Беларуси: наблюдается резкое сокращение социогуманитарного блока дисциплин, очевидна профильная ориентация обучения только на экономические и хозяйственные нужды государства, происходит стремительное снижение качества образования, падает уровень интеллектуальной культуры нации. Если предпринять попытки замерить уровень развития интеллектуального потенциала Беларуси, то по итогам исследований, проводимых в рамках Программы развития ООН в 2014 г., Беларусь занимает 50-е место среди 156 стран мира [2]. Для сравнения приведем следующие данные: Украина – 81-е место, Польша – 36-е, Литва – 35-е, Россия – 50-е, Казахстан – 56-е. Лидером среди стран уже несколько лет подряд признается Норвегия. Несомненно, на фоне многих стран позиция Беларуси более выигрышная, однако важно учитывать, что сегодняшние показатели – это результаты проведенной многолетней работы, в том числе в сфере образовательной и научной деятельности, и вероятность того, что завтра ситуация резко изменится крайне высока. Индекс человеческого развития является достаточно чувствительным фактором, незамедлительно реагирующим на сделанные управленческие просчеты и ошибки. Следовательно, если в современном белорусском обществе наблюдаются кризисные явления в структуре среднего и высшего образования, в процессах взаимодействия науки и бюрократических структур, то ожидать повышения интеллектуального потенциала не представляется возможным. Нарастающие тенденции тотальной коммерциализации этих сфер приведут к постепенной деградации учреждений, благодаря которым формируется, наращивается интеллектуальный (равно как и культурный, научный) потенциал страны. Именно поэтому сегодня ситуация с постановкой под вопрос прикладного значения гуманитаристики в социальной системе интерпретируется экспертами как кризисная.

Разрешение (или, скорее, прояснение) проблемы встраивания социогуманитарного знания в систему рыночных, сверхутилитарных отношений тесно связано с осмыслением возможных стратегий самолегитимации социогуманитарных дисциплин, т. е. с анализом вариативных форм их признания социальными субъектами. На наш взгляд, в контексте сегодняшнего амбивалентного

положения гуманитаристики возможными стратегиями, способными подтвердить ее значимый социальный и институциональный статус и обосновать важность ее функционирования в социуме, могут стать следующие: 1) историческая (или культурно-историческая); 2) методологическая; 3) социальная.

Историческая стратегия легитимации и институциональной поддержки гуманитарных дисциплин связана с существующей исторической связью между ними и культурными традициями, которые сложились еще во времена античности, когда образование человека, его социальные, политические практики как гражданина не мыслились без освоения им *arts liberales*. Наиболее явно данная стратегия проявляется в отношении современной западноевропейской философии, которая обладает фундаментальным историко-культурным капиталом, поскольку самоидентифицирует себя с классической античной культурой [3, с. 83]. Такая стратегия находит своё применение, например, во Франции и Германии, где деятельность величайших философов прошлого сформировала определенный культурно-исторический канон, национальный идентификационный культурный код. В этой связи процесс институционализации философского и общегуманитарного знания происходит в рамках этого канона и не подлежит пересмотру, поскольку он встроено в национальную культуру и является мощнейшим интеллектуальным ресурсом для её международного продвижения и общемирового признания.

Методологическая стратегия основывается на возможности выполнять с помощью социогуманитарного знания, его инструментария функции исключительно теоретико-методологического, эпистемологического плана, которые не могут быть активизированы без обращения к нему. Например, в Беларуси аспиранты всех научных специальностей должны освоить предмет «Философия и методология науки» и сдать по нему экзамен. Другими словами, гуманитарное знание представляется как действенная методологическая платформа для научного познания независимо от его специализации и деления на естественнонаучное или гуманитарное, что особенно сегодня является принципиальным моментом в условиях постоянно меняющихся и усложняющихся объектов исследования, их всё большего трансдисциплинарного характера. Примеры легитимации такого плана – «Cultural Studies» и «Science and Technology Studies» (STS), которые не имеют единого методологического подхода и являются междисциплинарным направлением современной гуманитаристики. Последние представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся областей социогуманитарных исследований не только на Западе, но и на постсоветском пространстве [4]. В частности, в России сегодня в этом ключе работает ряд институций: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская экономическая школа, Московская высшая школа социальных и экономических наук, институты РАН. Данное направление включает философию науки, социологию науки, социологию техники, антропологию науки, антропологию техники, историю науки и технологий.

В свою очередь, возможности социальной стратегии необходимо встроены в те социальные практики и отношения, которые могут привести конструктивные изменения в социальную систему. Иначе говоря, это социальный, интеллектуальный капитал социогуманитарного знания, реализация которого лежит в области общественной (публичной) активности. В настоящее время сами гуманитарии говорят о возможностях открытого формата своих дисциплин. Так, публичная социология призвана, с одной стороны, организовать эффективную коммуникацию в формате открытого диалога с конкретными социальными группами (правозащитными организациями, религиозными группами, местными объединениями и пр.) с целью «вывести их деятельность из замкнутой на себя сферы в публичное пространство, сделать их идеи и деятельность видимой» [5, с. 44]. С другой стороны, социологи могут самостоятельно создавать действующие группы для решения социальных проблем.

Примеры продуктивной реализации формата публичной истории есть в Германии, где эта тенденция сложилась еще в начале прошлого века. Цель публичной истории [6]: 1) медиальная репрезентация академического исторического знания для широкой общественности; 2) трансляция исторического знания для неспециалистов для выполнения коммерческих заказов (написание истории фирмы), организации выставок в музеях и т. д.

Формат публичной философии возможен на основании пересечения философского и политологического знания, где философия представляется в виде своеобразного медиатора между знанием и идеологией. «Вторжение» профессиональных философов в сферу публичных дискуссий предполагает, что такой философ способен к выполнению весьма сложной работы по соединению

академических поисков и достижений с поисками оптимального вектора развития страны через постоянные дискуссии с различными политическими силами страны» [5, с. 53]. В этом случае основания для так называемой «эффективности» философии в современных обществах, прежде всего, заложены в ее способности генерировать нетривиальное и релевантное меняющимся реалиям знание, поскольку процессы понимания мира и создания (социального конструирования) осмысленного мира не просто пересекаются, но принципиально взаимосвязаны.

Таким образом, на основании осмысления проблемного институционального и символического статуса социогуманитарного знания как ключевого стратегического ресурса развития интеллектуальной культуры в глобальном, региональном и белорусском контекстах можно сказать, что динамика его капитализации определяется как амбивалентная, поскольку на фоне крайне прагматического форматирования современной жизни наблюдается острый дефицит (само)рефлексии как принципиальной социальной практики. Сегодня официальная риторика управленцев, государственных чиновников сводится к задаче формирования класса менеджеров-технократов. Однако при этом во внимание не берется вопрос о качестве интеллектуального, человеческого капитала, которым должны обладать сегодняшние и будущие управленцы. В этой связи можно говорить о приоритетной роли всего блока социогуманитарных исследований и образовательных практик как необходимого компонента эффективного менеджмента современных социальных, экономических, культурных изменений. Инновативность современной гуманитаристики основывается на понимании ее как своеобразной мировоззренческой, концептуальной платформы, благодаря функционированию которой формируются возможности замерить, маркировать, интерпретировать происходящие процессы социодинамики, а, следовательно, своевременно внести необходимые корректировки, устранить последствия негативной инерции.

Литература и источники

1. Программа развития общего среднего образования в Республике Беларусь на 2007–2016 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.gov.by>. – Дата доступа: 10.10.2015.
2. Human Development Report 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/2015-report>. – Дата доступа: 5.10.2015.
3. Куренной, В. Общие места: стратегии легитимации философии в структуре университета / В. Куренной // Топос №1, 2012. – С. 74–86.
4. Касавин, И.Т. STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация? / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – Москва, 2014. – Т. 39, № 1. – С. 5–17.
5. Шевченко, В. Н. Публичная философия: между академической философией и идеологиями политических движений / В. Н. Шевченко // Философские науки. – №1. – 2014. – С. 42–57.
6. Аккерманн, Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история или публичное измерение прошлого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html>. – Дата доступа: 5.10.2015.

ПРОТИВОРЕЧИЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ

А. А. Карпенко

В поле современной научной мысли сосуществуют несколько институциональных позиций, с которых можно подходить к предмету, обозначенному как интеллектуальный капитал. Это и экономика, и менеджмент, и социология знаний, и педагогика, и, конечно, философия. Используя средства каждой из указанных дисциплин, можно выработать определения интеллектуального капитала, отношения между которыми будет сложно примирить рамками комплиментарности, они будут взаимно исключать друг друга. Все это свидетельствует о том, что в сфере производства знаний происходят значительные перемены, а общество порождает множество практик, чтобы совладать с ними. Но эти практики подвержены воздействию многих жестких структур – от инерции воспроизводства существующего порядка до реформаторских экспериментов. Идеальная природа мышления под воздействием грубых материальных структур власти и капитала вырождается в лучшем случае в техническую компетентность или пустую эрудицию, а в худшем – в носителей всевозможных степеней и званий.

Обострение кризисного состояния украинского общества коснулось и философского сообщества, перед которым очень конкретно был поставлен вопрос самоидентификации на рынке труда. Впервые за последние двадцать лет философский вопрос приобрел такое экзистенциальное звучание. Дискуссия, возникшая вокруг места философии в системе образования современной Украины, показала изолированность философского сообщества, которую можно с уверенностью считать симптомом дезинтеграции интеллектуалов как общественного класса. Эта дезинтеграция заставляет вернуться к противопоставлению науки и философии, характерному для научной мысли последних столетий, и спросить о способности науки, понятой в позитивистском ключе, к самокритике.

В поисках ответа на этот вопрос мы обратимся к характеристике и оценке современного состояния философии в американской научной среде, изложенным в монографии профессора философии Элайджи Милграма «Великое затемнение: философия для эпохи гиперспециализации» (2015). Еще со времен Маркса известно, что капиталистический рынок труда подчинен логике разделения и специализации, которая в нашу эпоху приобрела масштабы «гиперспециализации». Текст Э. Милграма интересен прежде всего тем, как аналитическая философия открывает для себя вещи, которые для континентальной традиции являются прописными истинами. А для тех, кто еще не полностью предал забвению ключевые идеи марксистской философии, звучат как очевидные трюизмы. По мнению Э. Милграма, «Великое Затемнение» - это современная инверсия «Великого Посвящения», тотальный общественный и культурный процесс фрагментации знаний под давлением все пребывающей массы информации. Отрасли знаний, отдаленные от прикладных решений и результатов, подвергаются особому воздействию этого прироста информации, которое и обозначается в качестве «сериальной гиперспециализации – приспособления к требованиям рынка труда: перемена профессии или приспособление самой профессии к новым условиям» [1, с. 273]. Аналитическому философу стоит больших усилий рассмотреть в этом не «характер, присущий самому философскому знанию, а воздействие внешних обстоятельств» [1, с. 276]. К сожалению, Э. Милграм видит преодоление этого тупика философского сообщества в «институционализации междисциплинарных полей научного знания и разработке специальных философских аналитик для этих интеллектуальных практик» [1, с. 277]. Философский сциентизм обречен на изживание именно целостного начала философского мышления. Это не плохо само по себе, поскольку это дробление познавательного подхода к действительности может быть, говоря хайдеггеровским языком, «судьбой мышления».

Примечательно, что дискурс о трансдисциплинарности остается по преимуществу философским. Специализированные поля научной деятельности проявляют значительно больший консерватизм, принимая гиперспециализацию как должное. Но стоит отметить, что односторонность трансдисциплинарных переносов только укрепляет позиции философии, которая успешно синтезирует, например, элементы исторического, лингвистического и социологического исследования и формирует новое направление познания – интеллектуальную историю. Именно эту дисциплину и можно определить в качестве пропедевтики современной теории интеллектуального капитала.

Уже сам терминологический выбор в пользу «интеллектуально капитала», а не труда (процесса производства), знания (результата), культуры (ценности) – указывает на то, что диалектика информации и знания требует нового осмысления. А опыт передовых направлений современного философствования не внушает оптимизма. Поэтому нужно сопровождать диалог с другими культурами основательной проработкой опыта отечественной науки, чтобы восстановить преемственность в горизонте недавней истории.

Литература и источники

1. Millgram, E. The great endarkenment: philosophy for an age of hyperspecialization / E. Millgram. – New York, 2015.

ОСВОЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ИСТОЧНИКОВ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ

Н. Г. Севостьянова

Перспективы развития современной науки и управление знаниями в условиях социально-экономической модернизации определяются социокультурными процессами глобализации и интеграции, внедрением ИТ во все сферы жизни общества, кризисным состоянием культуры, антропологическим измерением бытия, становлением нелинейных динамик познания, мировыми тенденциями высшего и постдипломного профессионального образования, мировоззренческой и философско-методологической подготовкой научно-педагогических кадров и молодых исследователей.

Так, общемировоззренческая и общеметодологическая подготовка аспирантов, магистрантов, соискателей обеспечивается в Республике Беларусь в строгом соответствии с Программой-минимум кандидатского экзамена по общеобразовательной дисциплине «Философия и методология науки», утвержденной Постановлением Министерства образования Республики Беларусь № 97 от 13.08.2012 г.

Ориентированный на философско-методологическое обеспечение будущей профессиональной педагогической и научно-исследовательской деятельности специалистов и обеспеченный базовыми учебно-методическими пособиями, данный курс содействует формированию рефлексивно-методологического, мировоззренческого и конструктивно-критического мышления молодых ученых, выступает важнейшим образовательным ресурсом управления знаниями в соответствии с потребностями трансформирующегося общества.

Освоение структурно-содержательной реконструкции лекционного курса «Философия и методология науки» и его практикума, в котором изучение философских источников и оригинальных текстов по проблемам современного познания, в данном случае гуманитарного познания, является нормативным, подготовка и написание научных рефератов для сдачи экзамена кандидатского минимума по названному курсу – все это способствует формированию научно-образовательного фундамента интеллектуальной культуры Республики Беларусь, ее интеллектуального капитала и потенциала.

«Одна из основных задач практических занятий с аспирантами состоит в том, чтобы обеспечить им возможность освоения наиболее референтных традиций и направлений развития философско-методологической мысли на основе работы с оригинальными текстами и произведениями, авторами которых являются известные зарубежные и отечественные представители философии и методологии науки» [1, с. 376].

Управление знаниями в ходе освоения философских источников выражается в их тщательном отборе из развернутого перечня основной литературы, рекомендованной для изучения ВАК Беларуси, в выделении репрезентативных фрагментов текстов источников, отражающих логику становления и развития современного философско-методологического познания, в постановке вопросов о существенном содержании авторских текстов, в формировании культуры их интерпретаций. Заданная в языке самоописания философии, рефлексивного и личностного знания, в особенностях языка и стиля представителей конкретных философских школ, в герменевтике смысла текстов, культура их интерпретаций представляет собой творческий и ответственный процесс поиска и накопления нового знания.

«Современный научный дух в принципе свободен от всякого догматизма уже в силу самого факта, что он постоянно обновляется... Мы находимся в такой стадии, когда провозглашается открытая наука. Любой человек, имеющий сегодня призвание к науке, может быть уверен, что существующая наука не оставит его без проблем» [2, с. 336].

Системное рассмотрение конкретной методологической проблемы, прописанной в философских источниках в контекстах современной антикумулятивной науки с высоким уровнем ее критического потенциала предполагает экспликацию ключевых тезисов в порядке *pro et contra, versus, als ob*. При изучении философских источников высокий познавательный интерес вызывают, к примеру, неоднозначные преемственные связи учений Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера в парадигме «учитель–ученик».

«С какой широтой обобщений современная наука осваивает специальные знания... разум переходит от вопросов типа «почему» к вопросам типа «а почему нет?». За прежней философией

«как» в сфере научной философии появляется философия «а почему бы и нет» [2, с. 32].

Тема типов научной рациональности, разнопланово представленная в зарубежных и отечественных философско-методологических разработках, базируется на изучении сборника трудов французского философа, методолога и историка науки, физика и химика Г. Башляра «Новый рационализм». При этом дидактические единицы образовательного стандарта содержатся в теории типов научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической), разработанной в отечественной философско-методологической школе [3, с. 610–636]. Более того, в русской философии являет себя инорациональность как методологический подход к осмыслению трансцендентных феноменов бытия.

«Следует заложить основы онтологии дополнительного, в диалектическом отношении менее жесткие, чем метафизика противоречивого» [2, с. 39], – утверждает Г. Башляр как основоположник неорационализма («прикладного рационализма и технического материализма»). Выступая за полифилософичность научного мышления и показывая, что «наука не имеет такой философии, которой она заслуживает», Г. Башляр подчеркивает важность разнообразия эвристических идей, а саму философию рассматривает как творческое мышление. «Научный мир есть наша верификация. По ту сторону субъекта, по эту сторону непосредственного объекта современная наука базируется на проекте. В научном мышлении рассуждение субъекта об объекте всегда принимает форму проекта» [2, с. 36].

Освоение философских источников как образовательный ресурс управления знаниями органично соединяет углубленную профессиональную подготовку и ее социокультурную адаптацию, отражает потребность не только овладевать конкретными методами эффективного решения актуальных научных проблем, но и определять их ценностное и антропологическое измерение, оценивать роль и значение новых научных идей для развития общества и его интеллектуальной культуры.

Литература и источники

1. Философия и методология науки: учеб. пособие для аспирантов и магистрантов / Под ред. А. И. Зеленкова. – Минск, 2011.
2. Башляр, Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – М., 1987.
3. Стёпин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Стёпин. – М., 2000.

РОЛЬ И ФУНКЦИИ ПРАКТИКИ ФИЛОСОФСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ, ОСНОВАННОМ НА ЗНАНИИ

Н. С. Ильюшенко

На протяжении нескольких последних лет ученые и исследователи для описания современного типа социальной жизни используют понятие «общество знания». Данный тип общества, согласно таким теоретикам как П. Дракер, Р. Хатчинс, Н. Штер, Б. Крингс, Д. Фрэнсис, Дж. Майер и др., является результатом прогресса в области информационных и коммуникативных технологий, повлекшего за собой сдвиг и переустройство ключевых структурных и функциональных составляющих всей социальной системы. Несмотря на то, что ряд авторов настаивают на отсутствии реальной необходимости введения понятий «общество знания» или «общество, основанное на знании» в дополнение к таким уже хорошо известным и устоявшимся категориям как «информационное общество» и «постиндустриальное общество», а также не разделяют принципиально сами понятия «знание» и «информация», о чем, в частности, свидетельствует позиция Г. С. Хромова, полагающего, что общество знания «является не более чем политическим лозунгом, провозглашенным на заседании Совета Европы в Лисабоне в 2000 г., ...не имеет ни экономической, ни социологической конкретности и провозглашает всего лишь готовность политиков Европейского союза поощрять в меру возможностей образование и науку в целях укрепления глобалистической конкурентоспособности объединенной Европы» [3, с. 180], тем не менее, на наш взгляд, данное разделение терминов имеет основания для своего существования, поскольку действительно фиксирует в себе ряд особенностей, характерных для современного типа социума.

Среди ключевых особенностей следует назвать принципиальную несводимость знания к

информации и простому ее накоплению [1]. Значимое отличие между двумя этими феноменами состоит в том, что знание представляет собой не просто некоторые данные или сведения о чем-либо, но всегда включает в себя понимание индивидом способов обращения с ними, умение найти способы их воплощения в конкретных видах практической деятельности. Знание является определенной технологией (работы, взаимодействия, коммуникации и др.), которая предполагает наличие у субъекта опыта по использованию информации, а значит, оно не может быть сведено к самой этой информации, взятой в «чистом виде». Помимо прочего, знание всегда содержит в себе ценностный компонент, который не в последнюю очередь обусловлен социально-культурным контекстом и жизненными обстоятельствами его носителя. Исходя из этих аргументов, можно заключить, что общество знания является обществом «нового уровня сложности коммуникативных процессов» [2, с. 6], где акцент с обладания информацией как ключевым ресурсом переносится на умение индивида эффективно распоряжаться им. Становится принципиально важным не столько добывать информацию, сколько продуцировать знание, ориентируясь во множестве информационных потоков и контекстах его употребления. Для продуцирования знаний, которые бы способствовали достижению поставленных целей, субъекту необходим набор компетенций, помогающих реализации знаний в практике. Ключевыми из этих компетенций становятся: умение отличать полезную информацию от бесполезной, критическое мышление, навыки аргументации. При этом отличием данных умений на новой стадии развития социума выступает требование непрерывного их совершенствования, повышения качества профессиональных и личностных компетенций индивида, включенного в производство знаний и их использование. Философское консультирование может выступить одним из эффективных средств развития данных компетенций в обществе, основанном на знании.

Философское консультирование является набирающим популярность во многих странах мира (Германия, Франция, Канада, США, Израиль и др.) направлением практической философии, ориентированным на оказание помощи клиенту в осмыслении и рефлексии над ситуациями мировоззренческого, личного, профессионального характера. В 1980 году С. Херш одним из первых использовал данный термин для обозначения конкретного вида деятельности и сравнил работу философа в данной области с тренерской работой. Описывая людей, которые обращались к нему за помощью, он указывал, что большинство из них склонны оценивать себя как «умных» инвесторов, которые хотят получить отдачу от своих инвестиций в жизнь [4, р. 32]. Таким образом, являясь разновидностью практической философии, философское консультирование имеет целью не оттачивание навыков ведения теоретических диспутов или исследования общих и абстрактных философских вопросов, но, в первую очередь, направлено на использование средств и методов философствования для решения конкретных практических задач по запросу клиента. Арсенал тех вопросов, ответы на которые должны и могут быть получены в рамках данного типа философской деятельности, разными философами-практиками определяется по-разному, что находит свое отражение в разнообразии подходов к трактовке феномена в целом. Не вдаваясь в терминологическую дискуссию, укажем на ряд задач, которые, могут быть решены в рамках философского консультирования в обществе, основанном на знании.

В частности, философское консультирование способно использовать методологический инструментарий философии для помощи клиентам в прояснении целей деятельности и ценностей, на которых данная деятельность основана. Такая задача может быть решена благодаря накопленному в философии в течение столетий массиву знаний и стратегий самопонимания, самопознания, самоопределения. Философское консультирование также может способствовать развитию критического мышления клиента, позволяя ему овладеть техниками принятия решений на рациональной основе. В процессе философских консультаций индивид может познакомиться с приемами развития креативного, инновационного и системного мышления, что особенно важно для принятия решений в ситуациях, когда анализу должно быть подвергнуто большое количество факторов или переменных. Услуги специалиста в области философского консультирования также будут востребованы лицами, заинтересованными в овладении приемами выстраивания эффективной коммуникации с другими людьми (родственниками, друзьями, коллегами, подчиненными) на основе диалога с учетом обратной связи. В условиях жизни в обществе, основанном на знании, особую значимость приобретает также владение такими компетенциями как умение использовать методики анализа высказываний, мнений, применение техник аргументации, анализа информации по различным критериям и др. Данные навыки являются незаменимыми в динамично меняющемся мире, где

ведущая роль принадлежит знанию и способам его получения, использования и трансляции, где все больше индивидов сталкиваются с потребностью повышения своей конкурентоспособности путем приобретения новых знаний, расширения социальных контактов, интенсификации коммуникации.

В заключение необходимо отметить, что применение методологических и идейных достижений философии в рамках философского консультирования сегодня является признанным и доказавшим свою эффективность направлением работы профессиональных философов во многих странах мира. Однако оно является новым и требует своего развития в Республике Беларусь.

Статья подготовлена при поддержке БРФФИ, договор гранта №Г14М-140 от 23.05.2014 г.

Литература и источники

1. Адлер, Ю. П. Знания и информация – это не одно и то же / Ю. П. Адлер, Е. А. Черных – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/533c6e62d7d361a1c3256d32003eca55> – Дата доступа: 15.01.2015.
2. Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. Д. В. Ефременко. – М., 2010.
3. Хромов, Г.С. Инновации и вокруг них // Научно-исследовательские исследования-2008: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям / Отв. ред. А. И. Ракитов. – М., 2008.
4. Hersh, S. The Counseling Philosopher / S. Hersh // The Humanist. – May, June 1980. – Vol. 40 – No. 3. – pp. 32-34.

«ФИЛОСОФСКОЕ КАФЕ» КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

М. Б. Завадский

Не вызывает сомнения, что ядром интеллектуальной культуры общества и личности является культура научная и философская. Несмотря на то, что между ними не проходит чёткая демаркационная линия, целесообразно фиксировать их своеобразие по линии расхождения философии и науки. В таком случае особенностями философской культуры будут выступать примат вопрошания над конкретными результатами познания, теоретической рефлексии над эмпирическим знанием, радикальный скептицизм как методическая установка, автономность и персонализация процесса мышления, стремление постичь явления в их целостности при посредстве предельных абстрактных понятий. При этом, пожалуй, ключевым условием формирования философской культуры является диалогичность, без которой философская мысль не может полноценно развиваться.

Традиционно трансляцию философской культуры производят университетское сообщество, профильные исследовательские институты. Помимо соответствующих публикаций, текстов, докладов, лекций, выступлений в масс-медиа, важна в этом отношении и просветительская, популяризаторская деятельность, ориентированная на широкую аудиторию. В связи с этим нельзя не обратить внимание на внеакадемические формы бытования философского знания в современном обществе. Одна из таких форм известна как «философское кафе». Под ним понимается определённая методика организации коммуникативного и физического публичного пространства, которая максимально способствует, с одной стороны, совместной реализации философских мыслительных практик, а с другой, непринуждённому обсуждению значимых для присутствующих проблем и понятий. Философское кафе сочетает элементы мозгового штурма, классического семинара, дискуссионного клуба, психотерапевтической сессии, дружеского диалога.

Формат «кафе» для этой методики важен тем, что обуславливает принципиально неформальные, симметричные отношения между участниками, непринуждённую, релаксирующую обстановку, благоприятную для сотворчества в форме со-мышления. Вполне естественно, методика философского кафе может применяться (и применяется) не только в кафе, но и в социальных, культурных центрах, учебных заведениях, библиотеках, книжных магазинах и т. п. В любом случае речь идёт о практике философствования в пространстве повседневной публичности.

Несмотря на сформированный сегодня в массовом сознании образ философа как одиночки,

«кабинетного учёного», во времена зарождения философии, в период ранней античности, устремлённый к мудрости мыслитель выступал нередко в качестве «экстравертного философа». Несомненно, такой масштаб задавала социально активная деятельность Сократа. Институционально его (масштаб) подкрепляла древнегреческая агора, рыночная площадь, где граждане полиса, помимо прочего, совместно подвергали рациональному обсуждению общие проблемы, оттачивали умение рассуждать, вопрошать, убеждать, аргументировать, обнаруживали сообща пути к истине, упражнялись в красноречии.

Философское кафе как методика групповой интеллектуальной беседы возникло недавно. Первое философское кафе в современном понимании появилось в Париже в 1992 г. Его основал французский философ Марк Соте (Marc Sautet). Вдохновлённый идеей философского праксиса, получившей распространение в Германии (Г. Ахенбах) и Голландии (А. Гугендик) в нач. 80-х гг., он открыл собственную частную практику философского консультирования, которую могли бы посещать люди, переживающие экзистенциальный или мировоззренческий кризис, но не желающие в силу неких причин обращаться к психотерапевтам или священникам [6]. По стечению обстоятельств в месте, где М. Соте встречался со своими коллегами для обсуждения идеи философского консультирования, – одном из парижских кафе – стали появляться другие люди, далёкие от профессиональной философии, но заинтересованные в философских встречах. Спонтанные, но регулярные дискуссии в кафе, натолкнули его на мысль о необходимости структурирования дебатов.

Как утверждает Ш. Шустер, Соте избрал типично французское местопребывание интеллектуальных бесед – кафе – по причине низкого интереса парижан к индивидуальным философским консультациям [5]. Действительно, то, что философское кафе получило начало во Франции едва ли является случайностью. По всей видимости, оно является органичным продолжением культурной традиции литературно-художественных салонов XVII–XVIII вв., встреч в парижских кафе художников, поэтов, писателей, интеллектуалов, политических активистов на протяжении XX в., французского секуляризма в целом. Опосредованное влияние могли оказать венская кофейная культура, немецкое понятие *Stammtisch*, дидактико-групповая форма сократического диалога, предложенная Л. Нельсоном в 1920-х гг.

По мысли М. Соте, философское кафе или сокращённо кафе-фило (*le café philosophique, café-filo*), должно стать свободной публичной площадкой, где каждый желающий может принять участие в философских диалогах, пробудить в себе интерес к философии, открыть или развить способности заниматься ею, отправиться в увлекательное, но непредсказуемое путешествие философской мысли. Предполагается, что участником философского кафе может стать любой человек, независимо от социального статуса, возраста, уровня эрудиции в философии, науке, искусстве. Философские дискуссии в кафе преследуют цель, состоящую в том, чтобы инициировать совместное мышление, критическую рефлексию над повседневными представлениями, мнениями и стереотипами, кооперативно проверить убедительность, жизнеспособность рассматриваемых понятий, идей, тезисов, осуществлять критическую рефлексию над повседневными представлениями, мнениями и стереотипами [7].

Необходимым условием проведения философских встреч в кафе является наличие модератора/фасилитатора, производящего координацию общего хода мышления, возвращающий дискуссию к избранной проблеме, отмечающий логические ошибки. Поэтому желательно, хотя и необязательно, чтобы им был человек с философским образованием.

В своём классическом виде, закреплённом Соте, философское кафе состоит из следующих этапов: выбор темы голосованием из круга предложенных присутствующими; последовательное выступление желающих (до 5–10 мин.) с размышлением по поводу заявленной темы на основании персонального опыта, критического восприятия высказанных положений; модератор делает предварительные и итоговые выводы дискуссии, которая длится обычно около 2-х часов. Распространена также «академическая» модель философского кафе: поводом для дискуссии является сообщение/доклад эксперта.

Работа философского кафе базируется на следующих принципах: нет готовых, априорных концептов, философем, которые бы изначально давали ответ на поставленные вопросы; осмысленность и рациональность ответов и решений определяется в процессе философской рефлексии и аргументации; философские дискуссии в кафе должны балансировать между крайностями, чтобы не превратиться, с одной стороны, в лекцию «профессора в университете», академическое выступление на конференции, а с другой, на бытовой разговор за чашкой чая [2]; коммуникация протекает

в рамках взаимоуважения (например, критикуется не личность, а высказанный тезис); философское кафе не пропагандирует конкретные философские течения, политические теории, религию [4].

Проект М. Соте был благоприятно воспринят французским обществом. Некоторые встречи философского кафе собирали до двухсот человек. Такие собрания стали проводить по всей Франции и в скором времени в Бельгии, Германии, Австрии, Великобритании, а также США, странах Латинской Америки, Японии и т. д. [3]. Пик моды этой методики неформальных образовательных практик пришёлся на к. 90-х – нач. 2000-х гг. Известно, в этот период функционировало не менее 300 философских кафе по всему миру [8].

В целом философское кафе является важным дополнением к институциональным исследовательским и образовательным практикам “производства” философского знания. Поскольку деятельность последних может создавать впечатление, что философия есть участь избранных, узкого круга учёных, получивших специальное образование. Вместе с тем, концепция философских кафе основывается на презумпции, что существующая в обществе дистанция между философией и широкой публикой является искусственной, её можно и стоит преодолевать. Философские рассуждения как «естественная склонность» в той или иной мере каждому человеку как разумному, духовному существу.

Основатель философского кафе в Санкт-Петербурге – первого, вероятно, не только в России, но и на постсоветском пространстве – А. Власов акцентирует два концептуальных аспекта философских кафе как интеллектуального движения. Во-первых, на индивидуальном уровне философские кафе предлагают путь и средства для проблематизации и прояснения экзистенциальной сферы существования современного человека, для которого проблемы смысла жизни, внутренней пустоты, хорошей и правильной жизни не менее, а возможно и более, злободневны, чем для предыдущих поколений. Во-вторых, кафе-фило как пример демократического дискурса «снизу» вносят вклад в установление легитимности социального консенсуса, реабилитацию публичной сферы, понимаемой в смысле Ю. Хабермаса как конституирование коммуникативной рациональности [1].

Хотя часто отмечают античные истоки концепта философского кафе, фактически оно является микросоциальной формой современного выражения просветительской установки. Одним из её элементов выступает понятие публичного применения разума, раскрытое И. Кантом. Оно предполагает свободное рассудочное выступление любого гражданина в качестве «учёного» перед читающей (читай — самостоятельно рассуждающей) публикой.

В социокультурных условиях позднего модерна или постмодерна, когда стало ясно, что универсальная, единственно верная картина мира, санкционируемая или религией, или наукой, или политикой, невозможна, рационально-критическая рефлексия, инициируемая в том числе такими методиками, как философское кафе, являет собой интеллектуальный ресурс для выстраивания способов ориентации человека в мире, намечает фарватер диалогического взаимодействия различных идеологий, ценностных систем, дискурсов, форм общественного сознания.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ договор № Г14М-140.

Литература и источники

1. Власов, А. Национальные особенности кафе-фило // Топос. Литературно-философский журнал [Электронный ресурс]. – 23.02.2004. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/2079>. – Дата доступа: 08.12.2015.
2. Власов, А. Экономика экзистенциального благоденствия // Топос. Литературно-философский журнал [Электронный ресурс]. – 24.11.2004. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/3040?page=1>. – Дата доступа: 03.12.2015.
3. Glenn, J. Steeped in Thought: The Philosophy Cafe Movement [Electronic resource]. – Mode of access: <http://dala-mar.fastmail.net/SteepedInThought.html>. – Date of access: 10.12.2015.
4. Les grands principes des Cafés Philo [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cafesphilo.org/qu-est-ce/les-grands-principes>. – Date of access: 10.12.2015.
5. Schuster, S. Philosophy Practices as Alternative Ways to Well-being // Journal Radical Psychology – 1999. – Issue 1 – Vol. 1 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.radpsynet.org/journal/vol1-1/Schuster.html>. – Date of access: 12.12.2015.
6. Simons, M. Thought for Food: Cafes offer Philosophy in France / M. Simons // The New York Times. – May 2. – 1998.
7. Sautet, M. Un café pour Socrate: Comment la philosophie peut nous aider à comprendre le monde d'aujourd'hui. – Paris, 1995.

ТРАДИЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л. Е. Лойко

Пространство интеллектуальной культуры Беларуси сформировалось в средние века на основе православной духовности благодаря усилиям К. Туровского и Е. Полоцкой. Была разработана программа образования из семи свободных искусств. Их преподавали в школах при монастырях. Благодаря высокому мастерству в преподавательской деятельности было положено начало формирования национальной интеллектуальной элиты.

В эпоху Возрождения успехи науки в Беларуси наиболее ярко проявились в практической направленности социальной тематики. Речь идет о технологиях и практиках книгоиздательской деятельности, юриспруденции, государственного строительства. В создание этих практик весомым был вклад Ф. Скорины, Л. Сапеги, Н. Гусовского. Образовательная компонента национального интеллектуального пространства Беларуси была интегрирована в европейскую культуру университетов. С этого времени ученый становится не только научным работником, но и культурным деятелем.

В XVII в. дисциплинарно оформились многие естественные науки: астрономия, физика, оптика, химия, геология, география, биология, математика. В частности, в математике были открыты таблицы логарифмов, интегральное и дифференциальное исчисление; в астрономии – строение Солнечной системы и законы движения планет; в физике – законы механического движения, явления магнетизма и электричества; в биологии – микроорганизмы и система кровообращения у человека. Не случайно, поэтому, XVII в. был назван «веком великих таблиц знания». Становление теоретического естествознания сопровождалось ростом количества технических изобретений: появились микроскоп, телескоп, воздушный насос. К. Семянович, Т. Костюшко, И. Копиевич внесли важный вклад в становление инженерных практик военного дела.

В XVIII в. расширились и формы обмена знаниями, появились дисциплинарно ориентированные объединения и журналы. В науку вошли национальные языки общения, что расширяло возможности доступа к научной информации широкого круга исследователей. Обмен информацией между научными сообществами приобрел более интенсивный и систематический характер. Важную роль начинает играть публикация статей в научных журналах. Статья не только фиксирует конкретный научный результат, но и закрепляет авторский приоритет ученого.

Постепенно сложилась система целенаправленной подготовки научных кадров. Если классические университеты Европы, возникшие XII–XIII вв. (Парижский, Оксфордский, Кембриджский, Падуанский, Неапольский) были ориентированы на гуманитарное образование, то новоевропейские университеты значительно расширили перечень учебных дисциплин. В учебные программы были включены естественные и технические предметы. В России первые университеты открылись в Санкт-Петербурге (1724) и Москве (1755). В XVIII в. появились специализированные вузы, например, Парижская политехническая школа (1795 г.). Систематизация знаний в процессе преподавания стала важным фактором дисциплинарного оформления научных дисциплин. Белорусская студенческая молодежь пользовалась возможностями получения образования в европейских университетах. Это способствовало развитию форм научной коммуникации в сообществе ученых.

В конце XIX – первой половине XX века наука приступила к исследованию сложных саморегулирующихся системных объектов, в том числе и объектов микромира. В этой ситуации научное исследование с необходимостью должно учитывать используемые средства познания (приборы, системы отсчета, способы описания и обоснования). Происходит сближение естественных и технических наук. Основы неклассической рациональности заложены в работах Н. Беккереля, Дж. Томпсона, М. Планка, Н. Бора, А. Эйнштейна. Ее потенциал реализовался в создании квантово-релятивистской картины мира. Возникли новые научные теории – кибернетика, теория информации, общая теория систем. В организации науки закрепился дисциплинарный принцип, активизировались процессы дифференциации наук. Это изменение стало основанием для формирования в Беларуси Национальной Академии Наук с соответствующей инфраструктурой исследовательских институтов.

В современной науке исследуются сложные саморазвивающиеся системные объекты (синергетика). Разрабатываются проблемы, связанные с биологией (генная инженерия), экологией, искусственным интеллектом. Осуществляется построение сценариев вероятностных линий эволюции системных объектов, что ведет к изменению стратегии эксперимента. Широко применяются методы исторической реконструкции объекта и компьютерное моделирование. Создаются конкурирующие теоретические описания; в содержание и структуру описания вводятся аксиологические факторы. Актуализируются проблемы этики науки и социальной экспертизы. Создается основа для глубокой интеграции естествознания, технических и социально-гуманитарных наук. Складывается междисциплинарный характер науки. Утверждается принцип глобального эволюционизма.

На уровне науки стал использоваться опыт международных исследовательских центров инновационной деятельности. На уровне образования началось внедрение единых международных стандартов образовательных услуг. Изменения призваны повысить результативность научной и образовательной деятельности. При этом сохраняют значимость традиции интеллектуального пространства Беларуси, берущие начало в духовной культуре.

Традицией стало подведение результатов деятельности в области методологической рефлексии. В Беларуси значимые результаты получены академиком Д. И. Широкановым [1] и академиком В.С. Степиным [2]. Они указывают на высокую динамику институциональной эволюции отечественной науки, рост ее международного признания, преемственность академических и образовательных традиций исследовательской деятельности.

Литература и источники

1. Философия. Методология. Познание: сборник научных трудов к 85-летию академика Д. И. Широканова. – Минск, 2014.
2. Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Степина. – Минск, 2014.

РОЛЬ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А. А. Спектор

История развития человека современного типа насчитывает несколько десятков тысяч лет, и только для нескольких последних столетий характерна техногенная цивилизация. Нет сомнений, что она является следствием тысячелетних тенденций, приведших в настоящее время к глобализации и невиданным ранее развитию науки и техники. Собственно говоря, современная наука также существует около четырехсот лет. За это время она прошла классический, неклассический этапы и находится сегодня на постнеклассическом этапе [1]. Социальные и культурные трансформации неизбежно приводят к неизбежным кризисам как в обществе, так и в науке. Кризисы в науке и научные революции неизбежны и закономерны и вызваны ее собственным развитием и накапливающимися изменениями. Поэтому претерпела существенные изменения и социокультурная ниша науки [2, с. 5]. Эволюция науки происходила вместе с эволюцией техники и технологии, между которыми есть определенное различие. Согласно В. Г. Горохову [3], технологию как комплекс организационных мер, операций и приемов можно рассматривать как частный случай техники — совокупности технических устройств и деятельности по их созданию. Поэтому наука не столько технологизирована, сколько технизирована [4, с. 99]. Технологии обязаны своим развитием фундаментальной науке, однако в настоящее время это влияние кажется опосредованным. Произошло это благодаря развитию техники и технических наук. Технические науки, в свою очередь явились результатом дифференцировки науки как таковой. Сама же наука тоже появилась в результате дифференцировки человеческого знания и деятельности по его приращению и применению, ведь мы не должны забывать, что в античности наука, точнее, протонаука, была слита с философией. Техника же тогда была неотделима от ремесла и других видов прикладной человеческой деятельности. Социокультурные ниши протонауки и техники были разными, и пересекались минимально. Однако формирование науки современного типа на ее классическом этапе требовали все большей и большей технизации. Появление технических наук было вызвано практической необходимостью. На заре промышленного переворота ремесленные знания и умения не могли больше обеспечивать нужды крупных фабрик и заводов, а изобретения и их внедрение требовали все более точных, научно обоснованных знаний.

Сама же фундаментальная наука требовала для дальнейших исследований точных приборов, сложных материалов, выдвигая ответные требования к производству и предоставляя ему новые возможности. Неудивительно, что уже в XIX в. оформилась философия позитивизма, которая была естественна для классического этапа. Однако в дальнейшем, на неклассическом и постнеклассическом этапе, потребовались новые философские концепции в отношении научной и технической деятельности. Происходило это на фоне изменения социокультурной ниши науки. Она продолжала быть способом приращения знания, однако применение этого знания все дальше смещало ее видимые цели. Из собственной ниши наука стала вытесняться техникой, ею же порожденная и ею же совершенствуемая. Прежде всего это произошло потому, что наша современная цивилизация развивается с большой скоростью, куда бы ни вело это развитие, и требует быстрой практической отдачи.

Так происходило во всех областях человеческой деятельности, однако не всегда равномерно. Например, физика раньше других наук слилась с техникой, вероятно, потому, что была больше всего математизирована и потому что знания, добытые ею, необходимы для разработки новых видов вооружений и средств связи. Биология последовала за ней, так как растущее население требовало новых эффективных средств лечения и все большее количество продуктов питания. Однако не следует забывать, что все новации в медицине и сельском хозяйстве основаны прежде всего на достижениях фундаментальной науки. Это можно сказать об антибиотиках, которые были настоящим чудом, спасшим жизни миллионов людей. Это же можно сказать о ДНК-диагностике. Выявление структуры ДНК произошло в 1953 г. благодаря достижениям биологии, химии и физики. Безусловно, это фундаментальное открытие. В 1980-х гг. была разработана полимеразная цепная реакция, позволяющая эффективно искать и находить мутации различных генов, что, несомненно, является достижением прикладной науки. Сегодня ДНК-диагностика стала рутинной работой во множестве медицинских достижений по всему миру. Прочитан геном человека и теперь возможно узнать нуклеотидную последовательность любого человека. Все это возможно благодаря давнему открытию, сделанному Дж. Уотсоном и Ф. Криком более шестидесяти лет назад. Эти рассуждения могут показаться тривиальными, однако именно они могут послужить аргументом в пользу фундаментальной науки. Более того, интенсификация фундаментальных исследований позволяет уменьшить временной интервал между переходом проекта в прикладную область. Однако информационный поток наших дней еще не означает возможность научных прорывов, несмотря на то, что количество, казалось бы, должно переходить в качество. Но так происходит далеко не во всех областях и «качество», то есть результат, может оказаться иным, полезным для другой области или даже бесполезным с первого взгляда. Однако информация, переработанная в знание, полезна всегда, так же, как полезен, например, вырожденный генетический код, оберегающий от вредных мутаций. Наследственная информация применяется в живом организме эффективно – нуклеотидные последовательности кодируют последовательность аминокислот в белке, определяя его функции. Однако и здесь возможны сбои. В человеческой деятельности, в отличие от природы, остро стоит проблема преобразования полученной информации в знания и их применения. Попытки ответа на этот вопрос связаны с рефлексией над наукой, то есть философии науки и к рефлексии в рамках самой науки. Рефлексия выводит нас за рамки конкретной дисциплины, способствует приращению междисциплинарного знания в рамках когнитивной парадигмы и принятию эффективного решения в рамках конструктивной парадигмы.

Результаты, полученные в рамках прикладной науки, в рамках определенных проектов, могут внедряться в технику быстро, в результате чего перед прикладной наукой ставятся такие же требования, как перед техникой и технологией. Но при этом подобные требования переносятся на фундаментальную науку, чьи практические результаты могут быть получены не так быстро и часто – опосредованно. Отсюда финансовые проблемы, стоящие перед фундаментальной наукой. Но именно научная картина мира есть неотъемлемая часть современной культуры. И только знание фундаментальных принципов и законов природы позволяет построить научное мировоззрение – основу нашей цивилизации. Еще А. Пуанкаре утверждал: «Уровень цивилизации зависит от науки и искусства» [5, с. 281]. Это утверждение справедливо и сегодня. Однако наука в наши дни крайне нуждается в разумной популяризации, или даже рекламе. Поскольку наука есть неотъемлемая часть культуры, ее популяризация дает людям культурный навык, и препятствует псевдонауке, ее негативному влиянию. Популяризация науки должна препятствовать отрыву фундаментальных знаний от техники, которая без них может оказаться ремеслом. В условиях цивилизационного кризиса наших дней роль науки и философии науки как никогда важна.

Литература и источники

1. Степин, В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. С. Степин. – М., 2006.
2. Кравец, А. С. Социокультурная ниша науки / А. С. Кравец // Физика в системе культуры. – М., 1996. – С. 5–20.
3. Степин, В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/Step/12.php. – Дата доступа: 26.10.2015.
4. Старжинский, В. П., Спектор А. А. Фундаментальная наука в социокультурном измерении / В. П. Старжинский, А. А. Спектор. // Ученые записки / УО «ВГУ им П. М. Машерова». – Витебск, 2012. – Т.13. – С. 95–102.
5. Пуанкаре, А. Ценность науки / А. Пуанкаре // О науке. – М., 1983.

1.4 Специфика интеллектуальной культуры в обществе, основанном на знании

ПЕРЕХОД К НОВОМУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ ФОРМАТУ: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

А. И. Сыкало

«... я убежден, что в нынешних условиях наступающего общепланетарного кризиса должна быть выработана некая общепланетарная идеология, цементирующая усилия планетарного сообщества, а также усилия, необходимые для его выживания, направленные на преодоление надвигающегося кризиса»

Никита Моисеев

Безуспешность попыток остановить движение современного общества к цивилизационной катастрофе породило попытки создания проектов новой цивилизации. Одним из таких проектов стала «Повестка на XXI век» принятая в 1992 году мировым сообществом и декларируемая во всех странах членах ООН. В основу этого проекта положена идея *устойчивого развития* на основе *экологического императива* как парадигмы эпохи. С момента провозглашения экологического императива (Стокгольм, 1978 год) прошло более 40 лет, но сегодня мы дальше от устойчивого развития на величину истраченных невозобновимых ресурсов и упущенного времени.

Академик Моисеев выдвинул идею рационального общества, способного реализовать коэволюцию природы и общества. К сожалению, он не успел вывести эти идеи на уровень научного проекта, не показал механизмов и условий его реализации и теперь сама идея встречает ряд критических замечаний. Широко разрекламирован в интернете и прессе проект Жака Фреско «Венера», не пошедший дальше эмоциональных оценок и благих пожеланий. В России широко обсуждается проект «Национальной технологической инициативы», не имеющий социального и психологического измерения, философского или методологического обоснования. Футурологических проектов такого рода и разного масштаба, выдвинутых в последние годы, можно насчитать десятки.

Вселенский масштаб надвигающейся катастрофы (не надо забывать, что Земля единственный *достоверно известный* очаг жизни во Вселенной, а человек и человечество единственный *достоверно известный* очаг Разума в ней) объясняет настойчивость попыток политиков, писателей, ученых и просто предприимчивых и думающих людей предотвратить гибель Жизни и Разума во Вселенной. Безуспешность этих попыток объясняют то конспирологически, как заговор мирового капитала («золотой миллиард»), то ссылками на апокрифические тексты мировых (и не только) религий, то утратой нравственных, моральных и ценностных ориентиров. В каждой из этих версий есть доля реальности, не позволяющая объяснить с единых позиций ни феноменологию цивилизационного кризиса, ни его причины, ни его механизмы. Не способны они и ответить на главный вопрос: *что и как* делать, чтобы предотвратить цивилизационную катастрофу?

Это, в свою очередь, означает, что в сложившейся научной картине мира (НКМ) отсутствуют представления, позволяющие науке адекватно ответить на вызовы эпохи. Попробуем скорректировать НКМ так, чтобы она позволяла дать ответ на все сформулированные выше вопросы.

Придадим понятию сингулярности не только физический и космогонический, но и системный смысл. До появления Жизни мир косной материи был сингулярным по отношению к ней и не мог манипулировать образами, адаптируя поведение дискретностей по отношению к среде обитания. До появления Разума Жизнь была сингулярностью по отношению к нему, освоившему манипуляцию понятиями (речь, возможность абстрактного мышления, письменность) – способность сжимать образ мира до сколь угодно малой величины в рамках научных теорий.

Подлежит системной коррекции и понятие континуума, не позволяющее в его канонической трактовке – «пространственно-временного» (А. Эйнштейн) описать биологическую и социальную форму движения материи и процессы самоорганизации. Необходимо ввести понятие, симметричного пространственно-временному, *энергетико-информационного* континуума. Диалектическое взаимодействие этих двух континуумов представляется необходимым и достаточным как для процессов самоорганизации материи и сознания, так и для их формализованного описания в рамках научной атрибутивной теории самоорганизации (АТС), суть которой излагается ниже.

Традиционное изложение законов диалектики декларирует описание развития на основе эмпирических примеров и основанных на них умозаключениях и не содержит теоретических (в духе естественнонаучных теорий) посылок с выводимыми из них следствиями. Коррекция представлений о диалектическом цикле развития предполагает введение еще одного закона диалектики – закона соотношения сложности объекта и среды, части и целого (ЗСС). Закон может быть сформулирован следующим образом: самоорганизация фундаментальное свойство открытых систем, реализуемое в дискретном пространстве при постоянном притоке в систему (пример – природные циклы, круговороты веществ) пространства и энергии. В результате взаимодействия *базовых атрибутов* материи и сознания (общих для сингулярной и дискретной форм материи и сознания), рождаются *производные атрибуты* – *время и информация*.

Базовые атрибуты – *дефицитные ресурсы*, за минимизацию использования которых, постоянно конкурируют открытые системы. Производные атрибуты, напротив, *образуются* в ходе самоорганизации и представляют собой *профицитные ресурсы*. Производные атрибуты постепенно вытесняют базовые из процессов самоорганизации, как в масштабе форм движения материи и сознания, так и в масштабе элементарных циклов в пределах одного уровня самоорганизации. Смещение свойств базовых и производных атрибутов лежит в основе распространенного заблуждения о возможности непрерывного (например, экономического) роста.

Свойства производных атрибутов отличаются не только взаимной симметрией, но и имеют системную структуру. Так системное время существует в количестве равном количеству иерархических уровней, формирующихся в процессах самоорганизации. В каждой системе оно может существовать в двух состояниях: *собственно системном* – в открытых системах, и *таймерном* – в закрытых системах. Системное время такой Вселенной, в современной НКМ может быть названо *абсолютным* (нет ни физических, ни космогонических, ни философских оснований для продления самоорганизации за атрибутивными пределами известной нам Вселенной). Стрела системного времени «летит» с ускорением сколь угодно долго при сохранении атрибутами системных свойств и соблюдении законов самоорганизации. Из этого следствия возможны не тривиальные выводы (космогонические и системные) для конкретных случаев самоорганизации.

В закрытых системах таймерное время не «стрела», а «бумеранг», «летающий» (в обратном отсчете) от точки превращения открытой системы в закрытую, до точки ее гибели при нарушении симметрии свойств и взаимодействий базовых и производных атрибутов. Коррекция условий и соблюдение объективных законов самоорганизации позволяет вернуть систему в открытое состояние. На траектории бумеранга таймерного времени есть «точка невозврата» когда истощившихся ресурсов самой системы не достаточно для возвращения к состоянию открытой системы. Сегодня человечество, нарушив системные требования самоорганизации на уровне планеты, стремительно скатывается к точке невозврата в развитии жизни и разума на Земле, неся гибель себе и всему живому.

Не меньше заблуждений в трактовке понятия «информация». Это не передача, хранение и переработка сведений от кого (чего) -либо к кому (чему) -либо, это мера устранения неопределен-

ности в открытых системах (или создания ее в закрытых) и мера создания в открытых (или разрушения в закрытых) системах системной иерархической неоднородности (сложности). *Объект самоорганизации* (ОС) и *пространство его самоорганизации* (ПС) развиваются асинхронно, что является условием самоорганизации и порождает феномен системной инверсии, когда опережающее развитие ОС придает ему статус ПС, а отставшее ПС приобретает статус ОС. Человек многие тысячелетия был в статусе ОС по отношению к природе – ПС. Начиная с индустриального общества, выживание человека все меньше зависит от управляющего воздействия природы и уже судьба живой природы стала зависеть от действий человека и общества.

Технологически современная цивилизация – «общество знания» – потенциально способна, но реально не в состоянии (как показала история последних тысячелетий), соблюсти экологический императив из-за ориентации на единственную выжившую «этическую» ценность «золотого тельца» - капитал. Нужен еще один *императив – этический*, основанный на объективных законах самоорганизации, где во главу угла поставлены не деньги и не рынок. И при соблюдении его человечество вновь сможет оседлать стрелу времени и получить для своего развития неограниченные и постоянно растущие профицитные ресурсы – времени и информации. Смена цивилизационного формата – утопия без этического императива и реальность при его соблюдении.

ЧТО ТАКОЕ ЗНАНИЕ В «ОБЩЕСТВЕ, ОСНОВАННОМ НА ЗНАНИЯХ»

Е. В. Беляева

Концепция «общества, основанного на знаниях» 30 лет назад расценивалась бы как буржуазная и разоблачалась как идеологически вредная. Теперь же мы предполагаем, что освоение западных идей будет способствовать достижению экономического благосостояния, подобного благосостоянию стран Запада и обретению достойного места в глобальной цивилизации. Между тем, не опасаясь обвинений в ретроградстве, можно указать на определенные теоретические и, главное, аксиологические трудности, связанные с концепцией «общества, основанного на знаниях». Разработка аксиологического аспекта проблемы позволит ответить на вопрос, является ли общество, основанное на знаниях, безусловным благом, к которому надо стремиться, или же его ценностные характеристики еще стоит прояснить. Поскольку социальные концепции становятся основой для принятия политических решений, следует ответить на вопрос, не могут ли информационные процессы в современном обществе быть осмыслены в рамках иной концепции; и не должны ли западные страны, принимая концепцию «общества, основанного на знаниях» за идеал социального развития, стремиться к созданию собственных версий этого проекта.

Главные недостатки концепции «общества, основанного на знаниях» обусловлены ее происхождением. Во-первых, она появилась в ходе развития концепции «информационного общества», в результате чего знание стало приравниваться к информации, а наработанные философией трактовки природы познавательного процесса – отсекаются. Во-вторых, истоком концепции стала так называемая «экономика знаний», в которой знание рассматривается как товар или как средство достижения экономических целей [1, с. 6]. Следствием такого техницистского и экономического подхода становится примитивизация понимания природы знания и пренебрежение многими важными его видами. Происходит сокращение тех областей знания, которые могут быть использованы в «обществе, основанном на знаниях». Востребованными оказываются технические и экономические знания, а из естественнонаучных и гуманитарных наук – по преимуществу прикладные их разделы.

Концепция «общества, основанного на знаниях» эксплуатирует сложившийся тысячелетиями пиетет по отношению к знанию. Владелец знаний в древности назывался мудрецом, что было связано не столько с его доступом к эксклюзивной информации, сколько с образом жизни, в контексте которого информация и становилась осмысленным знанием – знанием, имеющим личностный характер, соединяющим познающего субъекта с миром. Простое сообщение содержания знания тому, кто не прошел определенный путь, не осуществил собственных усилий по добыче знания, по преобразованию своего сознания, бесполезно. Профан ничего «знать» не может. Это особенно заметно в гуманитарных науках, где не информация, а ее смысл, играет ключевую роль. Нравственные истины сообщаются человеку в детстве, но осведомленность о них вовсе не означает

обладание знанием добра и зла, которое приходит по мере их самостоятельного выявления в мире и реализации на практике. «Историко-философское рассмотрение проблемы знания позволяет констатировать наличие все более усиливающейся тенденции отхода от традиционной концепции знания (знание как результат, итог познания в виде образа предмета познания) к концепции знания как понимания» [2, с. 6]. Информация как знаковая модель возможного знания никогда не станет реальным знанием без ее осмысления и понимания. Определение из «Новой философской энциклопедии» отражает глубину проблемы: «знание – форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания» [3].

Однако в концепции «общества, основанного на знаниях» трактовка знания существенно отличается от философской: знание увязывается не со смыслом, а с информацией. В политике Евросоюза, направленной на построение «общества, основанного на знаниях», главный упор делается на улучшении доступа к информации, но не о том, каким образом эта информация будет превращена в знания [4]. ЮНЕСКО определяет знание как умение человека эффективно использовать информацию, т.е. трактует его прагматически. Расхожее определение из Википедии сообщает, что «знание в узком смысле – обладание проверенной информацией (ответами на вопросы), позволяющей решать поставленную задачу» [5]. Получается, что знающий – это не тот, кто умеет задавать новые вопросы и ставить задачи, а как будто средненький школьник, который заучил ответы и решает задачи, поставленные не им. В результате в информационном обществе транслируется много информации и мало знания.

Невыполнение работы по производству знания как раскрытого смысла лишает человека главных человеческих определений, делает людей придатками информационных процессов. Последние образуют как будто самостоятельную и главную реальность, по отношению к которой люди – это прислуга, которая ремонтирует компьютеры, пишет для них программы и нажимает их кнопки. Люди способствуют перемещению информации, и все меньше задумываются над ее смыслом, пользуются не ими добытым знанием как готовым продуктом, не продумывая его самостоятельно. Происходит понижение статуса знания до уровня товара и превращение людей из существ, универсально развитых, в узко специализированных, которых надо переучивать каждые пять лет, что с гордостью именуется «образованием через всю жизнь». Энтузиасты концепции «общества, основанного на знаниях» пишут о том, что в таком типе общества преимущество получает тот, кто умеет ориентироваться в потоках информации, сопоставлять знания из различных областей и креативно решать принципиально новые задачи и, главное – тот, кто «умеет учиться». Однако фактическое функционирование информационного общества формирует совсем другого субъекта: ориентированного на перемещение информации с одного носителя на другой и принятия решений на основе первой поступившей информации. В результате чего в информационном пространстве множатся бесконечные банальности, стереотипы и шаблоны.

Опыт нашей страны показывает, что высокую способность к поиску и обработке информации, к постоянному самообучению имеют именно те люди, которые получили системное универсальное образование, закладывающее базу, к которой можно впоследствии пристыковать любые модули инноваций. Представление о людях «доцифровой эпохи» как неспособных и нежелающих осваивать новые знания и умения ничем не подкрепляется. Люди, обученные при советской власти, уже в 40–50-летнем возрасте освоили информационно-компьютерные технологии, иностранные языки, новые экономические стратегии. И наоборот: в эпоху широчайшего доступа к информации растет поколение, не способное всерьез учиться именно потому, что через пять лет нужно будет переучиваться; значит никакое знание не стоит усваивать глубоко, нет необходимости самому обладать знанием, так как его в любую минуту можно получить из информационного потока. Готовое знание заимствуется с целью конкретного применения и применяется без собственного осмысления.

Таким образом, возможности концепции «общества, основанного на знаниях» входят в противоречие с ее ограниченной трактовкой природы знания, его видов, процессов его возникновения и функционирования. Поэтому хочется солидаризироваться с Э. Агацци [1, с. 19]: общество, к которому стоит стремиться, должно быть основано на всей полноте человеческих знаний, на знании в действительном смысле слова.

Литература и источники

1. Агацци, Э. Идея общества, основанного на знаниях / Э. Агацци // Вопросы философии. – 2012. – №10. – С. 3–19.
2. Петров, М. А. О соотношении понятий «знание» и «информация»: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / М. А. Петров: Красноярск. гос. ун-т, 2005.
3. Касавин, И. Т. Знание / И. Т. Касавин // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1138.html>. – Дата доступа: 5.11.2013.
4. Смит, Б. Общество, основанное на знании: политика Европейского Союза / Б. Смит // Журнал «Информационное общество» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/bpa/43e35fec13788940c3256d5700409c63>. – Дата доступа: 5.11. 2013.
5. Знание // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5>. – Дата доступа: 5.11.2013.

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНСТРУКТИВНОЙ ФУНКЦИИ ИНТЕЛЛЕКТА

О. П. Пунченко

Современный этап цивилизационного развития характеризуется экспоненциальным ростом информационных технологий во всех сферах деятельности человечества. Информационные технологии как «совокупность» операций, выполняемых над информационными ресурсами с помощью современных технологических средств и методов для получения определенного информационного продукта (услуги) и решения поставленных задач» [1, с. 84–85], стали детерминирующей составляющей конвергентных (NBIC) технологий. Развитие информационных технологий характеризует как рост индивидуальной интеллектуальной деятельности субъекта, так и рост совокупного общественного интеллекта (термин А. И. Субетто). Отражением этой деятельности выступают: интеллектуальный потенциал; интеллектуальные новации и процесс их опредмечивания, посредством новейших информационных технологий.

Анализ информационных технологий как процесса абдуктивного отражения конструктивной функции интеллекта показывает, что каждая значительная концепция развития этих технологий и сущности интеллекта задает свою категориальную «геометрию» мышления, дополняя предшествующее в их содержании и вводя новые концепты под которыми в системно-параметрическом анализе понимаются исходная информация об объекте (А. И. Уемов). С помощью концепта мы фиксируем смыслы, соответствующие терминам, в нашем случае информационным технологиям и интеллекту. Исследование взаимосвязи этих технологий и интеллекта требует репрезентации: во-первых, традиционного философского понимания интеллекта в логико-гносеологическом аспекте; во-вторых, обоснование граней взаимопроникновения интеллекта и творчества, их, уникального союза в смысловом поле интеллектуальной деятельности.

Традиционное понимание интеллекта обосновано еще Аристотелем, где интеллект понимался как способность человека, которая обслуживает философское и научное познание. Уже тогда интеллект предстал как особая система, развивающаяся в конкретной исторической обстановке. Такое понимание интеллекта связано со способностями субъекта порождать, хранить и передавать информацию, знания и гибко реагировать на новые работы с ними, при этом учитывая в имплицитной форме их конструктивную функцию. В явном виде она фиксируется при понимании интеллекта как способности образовывать новые понятия и категориальные структуры, производить умозаключения, аргументацию и доказательства, корректировать гипотезы. Все эти логические операции – суть модели интеллекта самовыражения человека познающего, объективированного в гносеологические нормы и структуру познавательного процесса. В единстве эти операции, логико-гносеологические и методологические установки раскрывают движение интеллекта субъекта в процессе производства нового знания.

Логика и гносеология образуют тот комплекс знаний, в которых реализуется конструктивная функция интеллекта. Получаемые здесь результаты предстают в качестве концептуальной модели интеллектуальной деятельности на основе сформулированных правил. Степень реализации

этой модели, посредством конкретного инструментария, выступает в качестве критерия интеллектуальной культуры специалиста.

Исследование интеллекта раскрывает фундаментальную характеристику человека, заключающуюся в том, «что он экстернализирует свои мысленные процессы, воспроизводя их во вне в виде материальных символов и культурных идей. Этот процесс экстернализации психологической и мыслительной деятельности человека фундаментален для всех культур. Человека характеризует то, что он является творцом культуры» [2, с. 47]. Овеществление интеллекта в системе культуры – артефактов и знаний – процесс сложный и творческий. Здесь раскрываются грани взаимопроникновения интеллекта и творчества. Интеллект для творчества – это иппокрена, родник, источник творчества. Творчество же – это внутренний импульс субъекта творческого процесса к осмыслению и репрезентации, на основе суммирования и обобщения, имеющихся в распоряжении общества знаний и артефактов их реализации, новаций, ранее не имеющих места в системе общественных ценностей. Это новый тип жизни, конструирование новой реальности.

Одной из граней взаимосвязи интеллекта и творчества на современном этапе выступает развитие новых информационных технологий и вычислительной техники, резко усиливающих тенденции придания им качеств человеческого интеллекта. Такая интеллектуализация связана с необходимостью обеспечения максимального использования возможностей новых сложных средств деятельности человека и эффективного их сочетания с его творческими способностями.

Инновационно-творческая деятельность в сфере информационных технологий характеризуется формированием и реализацией таких технологий, которые не имеют себе аналогов. Использование инновационных технологий увеличило количество решаемых задач во всех сферах деятельности общества.

Информационные технологии, как результат союза интеллекта и творчества, выступают в качестве наиболее перспективного направления, влияющего на все сферы жизнедеятельности общества и повышению уровня комфорта каждому человеку. В качестве основных трендов в сфере информационных технологий можно выделить следующие. Это развитие сетей высокоскоростной передачи данных и увеличение уровня использования операционных систем, повышающих мобильность пользователя в решении конкретных задач. К новейшим информационным технологиям можно отнести: операционные системы Linux; Android; сотовые технологии; смартфоны, Айфон, ноутбуки, увеличивается использование новых типов мобильных устройств, таких как «умные» часы и браслеты, а также устройств виртуальной реальности. Они открывают новые перспективы – от мониторинга здоровья до широкого использования в отрасли коммуникаций и медиаиндустрии.

Информационные технологии mPOS-эквайринга являются одними из наиболее быстроразвивающихся на рынке технологических инноваций в финансовой сфере: ожидается, что в перспективе планшеты с подключением mPOS-терминалов полностью вытеснят контрольно-кассовые аппараты. Сегодня рынок mPOS-эквайринга имеет значительный потенциал, поскольку факторами его роста станут низкий уровень проникновения офлайн-эквайринга, большой объем выпускаемых банковских карт, высокий уровень развития сотовой связи.

Развитие информационных технологий существенно меняет ландшафт образования. В 2013 году число пользователей самых популярных интернет-сайтов, которые представляют услуги массового дистанционного обучения, «насчитывалось миллионами» – по 1,6 млн. у EdX и Udacity, 6,3 млн. – у Coursera [3]. Дистанционное обучение требует сильной мотивации со стороны студента и часть пользователей, которые «успешно заканчивают курс обучения, сегодня не превышает 7% от числа зарегистрированных на него» [3]. Тем не менее, данное направление, является очень перспективным, поскольку снимает много барьеров для получения как основного, так и второго образования. Эффективность онлайн-образования будет повышаться путем внедрения геймификации и кроссплатформных образовательных программ, расширения учебных материалов в цифровом формате.

Трудно перечислить все новые информационные технологии, возникшие уже в третьем тысячелетии, но сфера их проникновения в бытие социума постоянно расширяется. Эти технологии проникли и в частную сферу – сбор персональных данных в социальных сетях и на интернет-ресурсах, что вызывает недовольство среди населения, поскольку ими пользуется мобильная коммерция. Таким образом, в развитии информационных технологий мы имеем новые формы и структуры интеграции образования, науки и производства, что позволяет утверждать об эффективности

человеческого интеллекта и его производных – информационных технологий.

Литература и источники

1. Заренин, М. В. Информация: свойства, ресурсы, информационные технологии / М. В. Заренин. – Гомель, 2012.
2. Франкл, Д. Археология ума / Д. Франкл. – М., 2007.
3. Открытые инновации. Форум и шоу технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forinnovations.ru>. – Дата доступа: 29.09.2015 г.

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО- МАТЕМАТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

В. А. Еровенко

В конце прошлого века выдающийся американский математик, лауреат Филдсовской премии Стивен Смейл сформулировал восемнадцать нерешенных математических проблем. В лекции «Математические проблемы следующего столетия», прочитанной в 1997 году по случаю 60-летия В. И. Арнольда, он поставил перед математиками такой вопрос: «Каковы пределы интеллекта, как искусственного, так и человека?». В списке новых проблем эта задача об искусственном и естественном интеллекте сформулирована под номером 18. Но, чтобы избежать абстрактности, желательно сузить этот вопрос. В духе алгоритмических вычислений его можно переформулировать следующим образом: существует ли вообще механическая процедура для решения всех математических задач, принадлежащих некоторому определенному классу.

Человеческий интеллект давно находится в поле зрения философов, математиков и психологов, поскольку развитие искусственного интеллекта открывает новые возможности для понимания человеческого познания. Суть интеллекта хорошо проявляется в способности генерировать осмысленные рассуждения, неотличимые от естественного поведения реального человека. Считается, что сам термин «искусственный интеллект» в его современном понимании первым ввел в обиход американский программист Джон Маккарти в 1956 году на научной конференции в Дартмутском университете. Определение «искусственного интеллекта» в информационных системах «разумных» машин не было напрямую связано с пониманием человеческого интеллекта. Единого ответа на вопрос, чем занимается искусственный интеллект, не существует. Одной из проблем искусственного интеллекта в интересах образовательной практики является компьютерное решение когнитивных задач, имитирующих работу свойственную человеческому мозгу. Трудность этих задач объясняется тем, что их приходится решать в условиях неполноты и противоречивости знаний об объекте исследования. Кроме того, есть проблема определения, методологическая сила которого проявляется еще и в том, позволяет ли оно формулировать интересные вопросы, подводя к важным проблемам.

Важнейшей задачей исследований в области философии искусственного интеллекта является выявление способа имитирования различных аспектов деятельности человеческого интеллекта с помощью вычислительных машин. В качестве довольно успешного примера можно упомянуть компьютерные программы для игры в шахматы, успешно сражавшиеся с чемпионами мира по шахматам: в 1997 г. Г. К. Каспаров проиграл компьютерной программе «Deer Blue», а в 2002 г. В. Б. Крамник сыграл вничью с компьютерной программой «Deer Fritz». Если сравнивать эти выдающиеся компьютерные результаты с достижениями естественного интеллекта, то тогда можно задаться вопросом: «Обладает ли "интеллектуальная" компьютерная система интеллектуальной компетентностью? Можно ли говорить о компетентности компьютерной системы в решении проблем некоторой заданной области?» [1, с. 35]. Можно ли, наконец, считать столь изощренные компьютерные программы интеллектом в человеческом смысле? Важнейшее возражение состоит в том, что шахматную программу нельзя назвать искусственным интеллектом, так как кроме игры в шахматы она по существу пока ничего другого делать не умеет.

Можно также говорить и о компетенции компьютерной системы, но тогда сразу возникает следующий вопрос: а чья собственно это компетенция, то есть, это компетенция программного

продукта или компетенция пользователя, который не только запускает программу, но и задает те или иные ее параметры? Несмотря даже на то, что «самообучающиеся» программы уже демонстрируют «компетентность» в шахматной игре, довольно трудно отделить компетенцию от пользователя. Причина состоит, прежде всего, в том, что «компетентность», в отличие от «компетенции», непосредственно связана с индивидуумом и поэтому она субъективна. Можно даже предположить, что компетентность и компетенция пока не являются характеристиками систем искусственного интеллекта, поскольку гипотетически возможные философские интерпретации компетентности компьютера будут реально сводиться к различным вариантам «китайской комнаты» Джона Серла. В знаменитом мысленном эксперименте, названном «китайская комната», описана очень удачная схема, потенциально проходящая тест Тьюринга, которая внешне как-то осмысленно рассуждает, но при этом она не понимает значения входных и выходных данных, то есть она так и не обретает «субъективного понимания» происходящей беседы.

Если компьютерная программа определяется с помощью вычислительных операций на чисто формально определенных элементах, то в этой ситуации, манипулируя формальными символами и не придавая им какого-нибудь смысла, можно выдержать тест Тьюринга даже на понимание китайского языка, на самом деле ни слова не понимая по-китайски. Понимание человеком какого-либо текста характеризуется тем, что человек может дать ответ на косвенный вопрос, явной информации о котором в самом тексте нет. Но, согласно мнению французского математика Анри Пуанкаре, «искусственный интеллект все-таки способен к специфическому математическому творчеству, так как при заданной программе он будет способен выделить из множества решений наиболее “изящное”, отличающееся наибольшей простотой и структурированностью» (см.: [2, с. 140]). Следует признать, что с помощью специальных компьютерных программ, особо акцентированных на формальном оперировании символами, искусственный интеллект может создать иллюзию мыслительной деятельности, но, несмотря на колоссальные успехи в сфере информационных технологий, он, возможно, никогда не сможет достичь уровня человеческого сознания.

Разработка философии искусственного интеллекта с необходимостью связана с исследованием проблемы понимания естественного интеллекта, который наряду с когнитивными функциями включает в себя различные составляющие психических состояний, например, интуитивные, чувственные, эмоциональные и другие. Интеллект является многоаспектным и сложным понятием, относительно которого существует множество мнений даже в рамках системного подхода, поскольку интеллект можно интерпретировать как систему познавательных или когнитивных способностей индивида. Для естественного интеллекта «субъективная реальность», как говорят философы, является способом представленности информации и оперирования ею, однако, системе, связанной с «субъективной реальностью», то есть по сути обладающей сознанием, можно даже приписывать наличие «когнитивной компетенции» и разумности. А для чего собственно нам нужен искусственный интеллект? Искусственный интеллект призван решать либо плохо алгоритмизируемые задачи, либо очень сложно алгоритмизируемые задачи, решение которых сопровождает нашу жизнь. Но интеллектуально-математическое творчество и умственная деятельность в целом, по мнению Роджера Пенроуза, не может быть полностью описано при помощи только компьютерных моделей.

При решении задач, связанных с реализацией искусственного интеллекта, как «разумной» машины или программного продукта, приходится сталкиваться с выяснением вопроса о математической доказуемости возможности или невозможности искусственного интеллекта. Философско-методологическая неопределенность в ответе на этот вопрос проявляется в том, что у философов и математиков есть противоположные точки зрения на этот счет. Одни ученые считают математически доказанным, что компьютер может выполнить любую функцию, осуществляемую естественным интеллектом, а другие, ссылаясь на ограничительные результаты Курта Гёделя, указывают на проблемы, решаемые человеческим интеллектом, которые принципиально недоступны компьютеру. Хотя «высказываемое же нередко мнение, что известная теорема Гёделя о неполноте накладывает принципиальные ограничения на возможности машин, несостоятельно – эта теорема в той же степени ограничивает и возможности человека» [3, с. 50]. Несмотря на философскую проблематичность вопроса о возможности или невозможности создания искусственного интеллекта, в широком общественном сознании создание «разумной» машины давно прочно ассоциируется с технологией создания компьютерных программ.

Возвращаясь к проблеме, поставленной С. Смейлом, добавим, что он сам считал необходимым дальнейшее широкое изучение проблемы искусственного интеллекта, опирающееся на более глубокие «модели разума», для прояснения общего и отличия между искусственным и человеческим интеллектом.

Литература и источники

1. Ярыгин, О. Н. Искусственный интеллект и интеллектуальная компетентность / О. Н. Ярыгин, В. М. Рябова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2013. – № 1. – С. 34–36.
2. Рыжов, В. В. К вопросу о способности искусственного интеллекта к научному творчеству / В. В. Рыжов, В. Г. Сайфулин // Вестник Волгоградского университета. Серия 7. Философия. – 2011. – № 1. – С. 138–141.
3. Кублановский, С. И. Искусственный интеллект в математике – универсальный математический решатель / С. И. Кублановский, Ю. В. Матиясевич // Компьютерные инструменты в образовании. – 2003. – № 2. – С. 49–55.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ» В РОССИИ И БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА СЕРЕДИНЫ XX в.

С. Г. Новиков

В начале III тысячелетия Россия, Беларусь, другие постсоветские государства оказались в точке бифуркации, за которой могут реализоваться, как минимум, два сценария дальнейшей социокультурной эволюции. Один, крайне неприятный, – это скатывание в «гетто до-постиндустриального бытия» [1], движение в соответствии с билетом «на Поле Чудес в Стране Дураков, т. е. на помойку» [2]. Другой – более оптимистический – выход на новую траекторию развития, которая, с одной стороны, обеспечит сохранение инаковости отдельных обществ и, с другой, создаст возможности для раскрытия природного потенциала их граждан.

Этот второй вариант развития станет явью отнюдь не вследствие наращивания «военных мускулов» социокультурных организмов. Роль «динамо-машины социодвижения» в XXI в. сыграет не традиционный ресурс (природные богатства, вооружённые силы и т. п.), а *интеллект*, продуцирующий новое знание и технологии. Такая метаморфоза будет иметь серьёзные социальные последствия. Ведь приобретение интеллектом статуса силы, открывающей перед индивидом возможность вертикальной мобильности, неизбежно приведёт к новой стратификации общества – его сегментации, происходящей уже не по принципу материального богатства, но на базе получения качественного образования, доступа к институтам, продуцирующим и хранящим научную информацию. Опасность подобной сегрегации можно если не устранить, то ослабить посредством формирования у субъекта «общества знания» *постматериалистической* мотивации [3].

Условия для последней создаются, разумеется, собственно процессом интеллектуальной деятельности. Однако потребность в таковой мотивации следует всё же *целенаправленно воспитывать*. Иначе, вероятность её появления окажется наибольшей у тех лиц, которые с детства не знали материальных проблем. У выходцев же из небогатых слоёв населения, с детства нацеленных на материальных успех и обречённых «пробиваться в жизни», данная «привычка» может если не блокировать, то, по крайней мере, ослабить возможность прихода к постматериализму. А ведь именно такая мотивация позволяет индивиду культивировать у себя подлинно человеческие потребности, осознавать то, что священны не вещи и власть, а жизнь и всё, что «способствует её расцвету» [4, с. 185–437]. Иными словами, постматериалистическая мотивация способна *качественно* изменить его ценностную ориентацию, сделав модным не обладание «Мерседесом» или «Майбахом», не тусовки или погоню за брендами, а *самостроительство личности*. Такой переход от «апгрейда индивидуального жизненного пространства» к «апгрейду индивидуального разума» будет означать трансформацию всей *жизненной стратегии* личности.

Как видим, вопрос о формировании постматериалистической мотивации напрямую связан с проблемой *ценностно-мировоззренческих ориентиров* социального субъекта «общества знания». Рискнём утверждать, что фокусом данных ориентиров может быть исключительно *дуалистический*

нравственный идеал, заключающийся в побуждении индивида к такому *личностному* самоосуществлению, которое будет признавать право *других* людей на свободную самореализацию. Этот идеал воспитания не приемлет ни подавления интересов индивида интересами общества, ни принципа «Я-без границ».

Переводя проблему формирования дуалистического идеала в плоскость социальной практики, сформулируем ряд рекомендаций для государственно-общественной системы образования России и Беларуси. Эти рекомендации будут проистекать из анализа нашего общего опыта семи-десяти-восьмидесяти летней давности – опыта формирования субъекта индустриальной модернизации СССР. При всей своей неоднозначности, он представляет ценность сегодня, так как является продуктом *успешной* деятельности.

Что же представляется нам актуальным в данном опыте сегодня?

Во-первых, то, что воспитателям и воспитанникам была предложена *ясная концепция будущего*. Благодаря этому созидательной деятельности подрастающих поколений был придан *смысл*, позволивший аккумулировать энергию молодёжи в направлении модернизации страны.

Во-вторых, ценным для современности видится и то, что воспитание юношей и девушек было сориентировано не на «интересы», а на высокий нравственный *идеал*, как единственно возможный фундамент объединения подрастающих поколений вокруг *общей* задачи.

В-третьих, можно было бы заимствовать и такой сегмент опыта воспитания 20–40-х гг. минувшего века: воспитательная политика тогда носила тотальный характер, то есть не ограничивалась рамками образовательных и культурно-просветительных учреждений, а «растекалась» по всей социальной ткани.

В-четвёртых, под воспитательный проект, обеспечивающий продвижение к ясно очерченному будущему, осенённому высоким идеалом, создавались *общественные организации*. На их плечи ложилась ответственность за осуществление эффективного контроля и управления настоящим, которое становилось мостом в желаемое будущее.

В-пятых, воспитание, будучи органической частью как формального (общего, профессионального, дополнительного), так неформального образования, ориентировало *каждого* индивида на *подлинные* культурные ценности, на поиск лично значимых смыслов в процессе взаимодействия ответственных субъектов деятельности.

В-шестых, советское воспитание 20–40-х гг. XX в. опиралось на феномен, называемый современными социологами «законом У. Томаса»: «Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям». Иначе говоря, средством воспитания эпохи «бури и натиска» являлся сам духовно привлекательный *образ грядущего*.

Выделяя вышеперечисленные аспекты воспитательной практики, подчеркнём, что прекрасно знаем о трагедиях, разыгравшихся в ходе осуществления «советского эксперимента». И потому нам не приходится в голову оправдывать антигуманные акции системы, объявившей себя «социализмом». Не призывая слепо копировать опыт сталинской эпохи, тем не менее, полагаем целесообразным обратить внимание на *технологический* аспект воспитательной деятельности 20–40-х гг. XX в. Считаем важным также подчеркнуть, что и идеал, провозглашённый, но не осуществлённый тогда в должной мере, носил *гуманистический* характер – идеал не «человека жующего», но человека-творца, homo creator`а.

Подытожим сказанное.

Первое. Субъект «общества знания» должен обладать постматериалистической мотивацией.

Второе. Формирование такой мотивации возможно при фокусировании данного процесса на идеал, диалектически взаимоувязывающий интересы индивида и общества.

Третье. Реализация этого идеала требует системных и долгосрочных усилий всей государственно-общественной системы образования, не отвергающей исторический опыт воспитания, но критически их осмысляющей в интересах становления личности, отвергающей и крайний индивидуализм и обезличивающий (казарменный) коллективизм.

Литература и источники

1. Бугалин, А. В. Свободное развитие личности или плен вещной и личной зависимости (Россия в глобальной экономике знаний: контексты и альтернативы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alternativy.ru/ru/node/599>. – Дата доступа: 01.05.2008.

2. Фурсов, А. И. Корпорация-государство // Интелрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=124>. – Дата доступа: 12.12.2009.
3. Иноземцев, В. Л. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности / В. Л. Иноземцев // Российский химический журнал. – Т. XLIII. – 1999. – № 6. – С. 13–32.
4. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм // Величие и ограниченность теории Фрейда. – М., 2000.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ В БЕЛАРУСИ КАК ЭТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Н. И. Мушинский

В современных условиях проблема *справедливости* приобретает важное значение, обусловленное научно-техническим переворотом и процессами глобализации. Развитие средств коммуникации (транспорта и связи) ещё в конце 19 века придало технократической западной цивилизации глобальные характеристики; самые отдалённые регионы планеты были освоены, стали сферой чьих-либо интересов, ареной борьбы за сферы влияния. Процессы объединения человечества продолжаются на всём протяжении 20 в. и на рубеже третьего тысячелетия, с появлением радио, телевидения, сотовой связи, новейших информационных технологий они вступили в новую фазу. В наши дни ни для кого не составляет труда получить информацию об уровне и образе жизни на разных континентах. Развитая транспортная инфраструктура сделала возможными крупномасштабные миграции народонаселения, которые неоднократно происходили в эпоху мировых войн, социальных революций, распада советской системы, продолжают в настоящее время (средиземноморский кризис в Европе и т. п.). Очевидно, что действенным средством против подобных потрясений может стать только выравнивание уровня жизни в мировом масштабе, выработка единых общечеловеческих критериев *справедливости*.

К сожалению, объединившись научно-технически, в нравственном смысле человечество оказалось не готово к равноправному взаимовыгодному сотрудничеству на основе принципов *справедливости*. «Сильные» подчинили «слабых» и вступили в борьбу между собой: создание и распад колониальной системы, мировые войны и локальные конфликты в эпоху «холодной войны», появление практики международного терроризма – всё это яркие примеры роста конфронтации, которые усугубляются ухудшением экологии и глобальным потеплением климата. Периодически появляются возможности установления более *справедливого* миропорядка (Версальский мир, победа стран антигитлеровской коалиции, прекращение «холодной войны» и т. п.), однако человечество не спешит ими воспользоваться. В 90-е годы Россия пошла на беспрецедентные шаги: роспуск СССР и Варшавского договора, объединение Германии, сокращение армии и т. п. В результате вместо взаимовыгодного сотрудничества в «семье европейских народов», получила крах экономики (из которого с трудом выбирается на протяжении «нулевых» годов), блок НАТО у своих границ, кризис на Украине и режим санкций. Очевидно, что на мировой арене каждый трактует *«справедливость»* в свою пользу, а малейшие уступки воспринимает как проявление слабости, чем стремится воспользоваться.

Подобная разобщённость вовсе не способствует экономическому процветанию, в том числе – для небольших стран, таких как Республика Беларусь, напрямую не задействованных в вооружённых конфликтах. В сложной обстановке 2014–15 гг. нашей стране удалось сохранить нейтральную позицию, многовекторную модель внутренней и внешней политики (что, в частности, сделало возможными Минские мирные договорённости, упрочило её международное признание). Тем не менее, экономику затронули косвенные последствия конфликта: важнейшие экономические партнёры – Украина и Россия, переживают военную разруху и санкционный прессинг, не могут в прежних объёмах закупать продукцию крупных промышленных предприятий, машиностроения; падение цен на нефть вызывает упадок нефтеперерабатывающей отрасли, Европа столкнулась с «нашепствием» ближневосточных мигрантов, тоже снижает темпы экономического развития. В подобных условиях для Беларуси перспективным представляется поиск новых путей в соответствии с общечеловеческими критериями *справедливости*, в частности – построение *«общества знания»*.

Следует отметить, что многие ведущие представители современной этико-философской мысли пытаются осмыслить универсальные критерии понятия *«справедливости»*, предложив их

человечеству как альтернативу всеобщей конфронтации. Заслуживает внимания фундаментальная работа Дж. Ролза, обобщающая предшествующие концепции (от Аристотеля до Канта, английских утилитаристов и современного лингвистического анализа). В ней формулируются два принципа *справедливости*, одинаково пригодных как для индивида в рамках общественной системы, так и для отношений между государствами: 1) каждый моральный субъект должен иметь равные права в отношении основных общественных свобод (политических – голосовать и занимать выборную должность; слова и собраний; «совести» и мысли; собственности и др.); 2) если социальное неравенство существует, то оно должно быть структурировано в интересах всего общества (чтобы стремление отдельных субъектов к успеху стимулировало саморазвитие системы в целом), а также – избегать всякой закрытости и необоснованных привилегий, чтобы «доступ... был открыт всем» [1, с. 66]. Можно видеть, как человечество пытается двигаться в этом направлении, создавая «Декларацию прав человека» и коллективные органы управления (Лига наций, ООН). К сожалению, эти попытки не всегда действенны, поскольку в конкретных условиях военно-политического противостояния более успешны авторитарные режимы, ставящие все ресурсы под контроль государства, а с другими разговаривающие с позиции силы (это относится и к современным «западным демократиям»: последние скандалы с «прослушкой» политических лидеров и т. п.).

К «двум принципам» в работе Ролза примыкает этико-философская дефиниция *справедливости* как честности в выполнении негласного «общественного договора», согласно которому одни, исходя из общего интереса, готовы подчиняться, а другие принимают обязательства *справедливо* и беспристрастно разрешать противоречия между ними. «В справедливости как честности исходное положение равенства соответствует естественному состоянию и традиционной теории общественного договора» [1, с. 26]. Как сказано выше, человечество пытается на основе подобного «общественного договора» выработать коллективные органы управления мировым порядком, но не все страны ведут себя там «честно»: «сильные» часто игнорируют интересы других, либо, опираясь на страны-сателлиты, проводят решение в свою пользу.

Исходя из сказанного, *справедливость* у Ролза, в её универсальном выражении, предстаёт как рациональность, свобода и благо: «Остается еще показать, что в условиях вполне упорядоченного общества рациональный жизненный план... поддерживает и утверждает... чувство справедливости... Так... общество допускает автономность людей и объективность их суждений о... справедливости... Затем... справедливость в сочетании с идеалом социального единения умеряет склонность к зависти и злобе и определяет равновесие, при котором приоритет отдается свободе. Наконец... во вполне упорядоченном обществе эффективное чувство справедливости входит в благо человека» [1, с. 447]. Именно в этом контексте следует искать пути *социально-экономической модернизации* каждого отдельного государства.

Построение в Беларуси *общества знания* вполне отвечает этим требованиям. Прорыв в сфере информационных технологий, который произошёл в мире в последние десятилетия, открывает перед небольшими странами с гибкой экономикой широкие перспективы. Разрабатывая инновационный продукт в сфере компьютерного программирования, используется только собственный творческий интеллектуальный ресурс в открытой свободной конкуренции с другими аналогичными разработчиками (пользователь выберет наилучший вариант, который его устраивает). В отличие от традиционной промышленной индустрии, здесь не требуются заводские корпуса со сложным оборудованием; природные энергетические ресурсы, загрязняющие окружающую среду своими отходами, за которые при этом идёт борьба во всём мире; не вызывает затруднений реализация готовой продукции, которую обычно ограничивают квотами, договорами, торговыми пошлинами и т. п. В последнее десятилетие Беларусь достойно ответила на вызовы *модернизации*, в частности, был создан «Парк высоких технологий... Республики Беларусь – ... один из ведущих технопарков не только на пространстве СНГ, но и на Европейском континенте. Он включает в себя 106 компаний-резидентов, в которых работают более 12 тысяч высококвалифицированных специалистов» [2, с. 199]. Принципы *справедливости* требуют и дальше продвигаться в указанном направлении.

Анализируя положительные примеры, можно сделать вывод, что развитие *общества знания* в Беларуси в современных условиях социально-экономической *модернизации* в наибольшей степени соответствует этико-философским критериям и принципам *справедливости*, таким как равенство, честность, всеобщее благо, свобода, рациональность и экономическая эффективность.

Литература и источники

1. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж Ролз. – Новосибирск, 1995.
2. Старжинский, В. П., Цепкало, В. В. Динамика науки и инновационное развитие / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. – Минск, 2013.

ВЕХИ РАСКРЕПОЩЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

И. И. Дыдышко

Интеллект как особая составляющая человеческого бытия возникает со становлением культуры, формированием труда как целенаправленной, осознанной деятельности. Процесс развития технического интеллекта человека носил эволюционный характер, но при этом отличался значительной неравномерностью. Периоды застоя технического интеллекта достигали длительности жизни многих поколений. «Максимальные перспективы, – отмечает В. И. Вернадский, – достигали 500–1000 лет, но все же традиция не целиком прерывалась» [1, с. 303]. И только в археологическом слое, датированном давностью 14–18 тысяч лет (как утверждают и В. И. Вернадский, и Р. Осборн) обнаруживаются такие артефакты, которые отражают целенаправленную интеллектуальную технологию их производства. Среди формирующихся интеллектуальных качеств человека можно выделить потребность в труде и потребность к познанию. Деятельность (труд) и познание составляют особый сплав, благодаря которому человек целенаправленно создает артефакты, удовлетворяющие его потребности.

Исследование развития технического интеллекта прошлого дает нам определенную систему координат, посредством которой можно проследить процесс раскрепощения технического интеллекта человечества, перехода от обыденной узуальной передачи опыта по производству артефактов к более высокой – «техне», включающего в свое содержание и систему технического знания, и зарождающуюся научную мысль, и мастерство. Не зря В. И. Вернадский отмечал, что под влиянием зарождающейся «научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу» [1, с. 252].

Эволюция технического интеллекта человечества от эпохи становления традиционной цивилизации к информационному обществу раскрывает процесс не только расширения проблемного поля, но и раскрепощения технической мысли человечества. Вехами этого процесса выступили: формирование технического интеллекта человечества, оформление и развитие «техне»; «онаучивание «техне» со становлением техногенной цивилизации и необходимостью развития индустриального производства; становление технических наук; феномен научно-технической революции; наконец, информационно-компьютерная революция.

Движения технического интеллекта от одной вехи к другой требует обращения к исследованию «геометрии» мышления технического субъекта, логики этого процесса. «Геометрия мышления – это исходный смыслообразующий маркер технического творчества, пронизывающий все парадигмы цивилизационного развития. Отражая специфику технического творчества, делает упор на особенное, неповторимое, отдельное и даже уникальное в этом процессе.

На каждом этапе цивилизационного развития человечества «геометрия мышления» выражала мысль субъекта о реалиях конструируемых артефактов. «В этом плане она есть форма движения знания, момент развития познания, это элемент познания, – отмечает О. П. Пунченко, – слабое познания. Она может выступать... способом позитивных сомнений в истине» [2, с. 9].

Со становлением теоретического знания каждый этап в развитии познания человеком окружающего мира отражает движение его мысли, характерной чертой которой, по утверждению В. И. Вернадского, всегда было действие. Техническая мысль, техническое творчество и техническое знание «идут в гуще жизни, с которой они неразрывно связаны» [1, с. 287].

Обращение в техническом знании к процессу обоснования фрактальной и сущностной ипостасей исследуемой проблемы показывает несовпадение взглядов на ее решение в рамках конкретной научной среды. Что же лежит в основе разделения взглядов ученых, инженеров-практиков, научно-технических сообществ на сущность одной и той же проблемы и способы ее решения? Часто утверждают, что все зависит от мировоззрения. Но ведь и само мировоззрение обусловлено чем-то. Это «что-то» и есть «геометрия» их мышления, результатом которой

выступают выдвигаемые гипотезы, обосновываются проблемы и фрейм проблемы. Критерием же научности поливариантной «геометрии» мышления остается практика, посредством которой из множества предполагаемых конструкций устанавливается истинная.

Так что же такое «геометрия» мышления и как она формирует процесс познания инженера и научно-технической среды? Это одна из философских проблем, решение которой призвано пролить свет на единство мышления и познания, на сущность многомерного мышления. «Геометрия» мышления тесно связана со стилем научного мышления конкретной эпохи и выступает основой разработки принципиально новых мировоззренческих идей и перспектив развития. Она не является творением научной мысли XX века, выделившей в структуре рациональности такие ее типы как классическую, неклассическую и постнеклассическую. Она была присуща той разумной рациональности, которая формировала систему теоретического знания на заре его становления. На каждом этапе своего развития «геометрия» мышления отражала интеллектуальную культуру, достигнутые научные знания, разумное творчество субъекта, стиль его мышления.

«Геометрия» мышления – это опережающее, еще не подтвержденное практикой, видение смысла и сущности исследуемой проблемы. Она может быть обоснована в качестве абдукции, то есть «этапа познавательной деятельности, состоящего в формировании умозаключений на основе эмпирических фактов и предшествующий выдвижению объясняющей их гипотезы» [3, с. 76].

Логика формирования «геометрии» мышления в процессе производства концептов должна удовлетворять ряду требований.

Во-первых, экспликация смысла и дефинитивной корректности мышления, отражающего прозрачность смыслового значения научных и философских концептов. Концепт есть форма отражения смысла, а «смыслы задают измерение мысли... Главное назначение смысла состоит в том, что он создает определенные напряжения в множестве высказываний, соответствующих актуализированному контексту, что ведет к возникновению смещений в восприятии, – в итоге – к расширению воспринимаемого» [4, с. 174–175]. Эти смещения в восприятии смысла выступают основой расширения «геометрии» мышления познающего субъекта.

Во-вторых, когерентность, то есть совпадение, согласованность смыслового значения изучаемого фрагмента и выражения его с помощью языка.

В-третьих, корреляция между чувственными и языковыми механизмами и элементами эксплицируемого момента. Конкретно-чувственное отражение приводит субъекта к обоснованию смысла в терминах конкретно-чувственных образов. Язык является ответом системы переработки смыслов, (получаемой посредством информационных процессов) на потребность в коммуникации, а таковая нуждается в знаках.

Литература и источники

1. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – Минск, 2007.
2. Пунченко, О. П. Гносеологические основания философской критики / О. П. Пунченко. – Одесса, 2000.
3. Водопьянов, П. А. Философия и методология науки / П. А. Водопьянов, П. М. Бурак. – Минск, 2006.
4. На пути к многомерному мышлению / Под ред. проф. Л. Н. Богатой. – Одесса, 2010.

ТЕХНОЛОГИИ И ЧЕЛОВЕК В СИМБИОЗЕ РАЗВИТИЯ

Т. М. Смоликова

В истории человечества выделяются три революции – аграрная, индустриальная и информационная. Последняя в системе общественных отношений трансформировала предмет человеческого труда, индивидуальное и коллективное сознание, общественные отношения, спровоцировала дуалистический выбор между технологией и человечеством. Тема развития технологий и влияния их на эволюцию человека стала одной из самых популярных в последнее время.

Стремительное развитие технологий является закономерностью социального и научно-технического прогресса. Технологии признаны стать основанием кардинальной трансформации качества и уровня жизнедеятельности человека, всех общественных структур и отношений, каждой

страны и всего мирового сообщества. Вопрос заключается в том, что позитивного и негативного привносит современные технологии в бытие человека, какие условия формирует глобальное пространство для его самоопределения и самоидентификации; с чем сталкивается он в процессе становления и развития в условиях техногенной цивилизации?

Ответить на эти вопросы не так просто. Мир стремится к тому, что технологии не рассматриваются в противопоставлении человеку, это некий симбиоз – совокупность противоположностей, зависящих и нуждающихся друг в друге.

Японский архитектор и философ Кисё Курокава считал, что основа философии симбиоза заключается в симбиозе архитектуры и природы, человека и техники, различных культур, исторического прошлого и будущего, локального и глобального направлений в искусстве [1, с. 4]. Эпоху модернизма и XX столетие К. Курокава назвал «Веком машин», а XXI век – «Эпохой жизни», в основе которого будут заложены принципы симбиоза. «Жизнь – это создание значений. Жизнь индивидуума и разнообразие, которым обладает каждый вид, связаны с разнообразием всех человеческих культур, языков, традиций искусств, которые существуют на земле. В XXI в. идеал машинного века – универсальность – будет заменен на симбиоз различных культур, а дуалистическая философия постепенно заменится философией симбиоза» [2, с. 62].

Традиционно техника всегда воспринималась продолжением человека, тем, что существует и развивается вместе с ним. Однако специалисты и ученые обеспокоены тем, что общество стало более механизированным, а механизмы стали более совершенными, с высоким интеллектуальным уровнем. Не исключено, что через 25 лет искусственный интеллект станет в миллионы раз мощнее биологического и понятие «мы» будет подразумевать и машины. Этому свидетельствует наличие трех видов автоматических систем – программные, адаптивные, интеллектуальные.

В симбиозе технологий и человека, развитие техники является зеркальным отражением эволюции человека и его деятельности, а человек выступает здесь в роли субъекта воздействия. В таком симбиозе роль человека в эволюции технического прогресса очень велика, но современный мир испытывает кризис ответственности.

Известный британский физик Стивен Хокинг считает большой ошибкой в истории человечества недооценивать угрозы со стороны искусственного интеллекта [3]. Ряд современных исследователей – профессор компьютерных наук С. Рассел, физики – М. Тегмарк и Ф. Вильчек и др. указывают на некоторые достижения в области искусственного интеллекта, отмечая роль суперкомпьютеров, победивших человека в интеллектуальной игре, производство самоуправляемых автомобилей, нарастающую популярность голосовых помощников, осуществляющих управление смартфонами или систем транспортных средств (электричек, автомобилей, самолетов и т. д.) с помощью голоса, а также развитие робототехники, гуманоидов – роботов со специальной системой анализа, оснащенных видео камерами, лазерными сканерами и RFID – чипами.

Сегодня роботы обладают возможностями гораздо выше человеческих способностей. Они заменили человека уже не только на производстве, стали выполнять опасную и вредную работу вместо человека, но и проводить исследования в космосе (роботы-космонавты), выполнять сложнейшие хирургические операции (роботы-хирурги), исполнять музыку и писать картины, развлекать и быть партнером в игре.

Роботы последнего поколения, созданные в Массачусетском технологическом университете, в одном из самых престижных учебных заведений США и мира, способны оказывать долговременную эмоциональную и когнитивную поддержку людям. Например, робот для госпитализированных детей, который играет с ними, рассказывает истории и имеет полторы тысячи сенсоров [4].

Исследователи предостерегают, что в будущем может случиться так, что никто и ничто не сможет остановить машины с нечеловеческим интеллектом от самосовершенствования. В свою очередь это запустит процесс так называемой технологической сингулярности, график динамики развития которого станет практически вертикальным.

Эта концепция впервые была предложена американским математиком, писателем-фантастом Вернором Виджем [5]. Он предполагал, что если человечество сумело избежать гибели цивилизации до настоящего момента, то сингулярность произойдет из-за прогресса в области искусственного интеллекта, интеграции человека с компьютером или других методов увеличения разума. Усиление разума, по мнению В. Винджа, в какой-то момент должно привести к положительной обратной связи: более разумные системы могут создать ещё более разумные системы и сделать

это быстрее, чем первоначальные конструкторы-люди и мир преобразится больше, чем мы можем это представить. Внезапно окажется, что наше детерминированное пространство (реальное, виртуальное) населено сверхразумными созданиями, действия которых подчинено четкой регламентации.

Трудно и пока недоступно для нашего понимания, что такие технологии будут моделировать нелокальную природу окружающего мира, конструировать социальную реальность, превзойдут человека и начнут управлять финансовыми рынками, информационными потоками, научными исследованиями и, в конечном итоге, создадут ловушку – «рамочные» условия жизнедеятельности из которых, возможно, уже не вырвешься. «Техника дойдет до такого совершенства, что человек сможет обойтись без себя» – говорил польский философ и писатель Станислав Ежи Лец. Его точку зрения разделяет и американский предприниматель, общественный деятель, один из создателей крупнейшей компании «Microsoft» – Билл Гейтс: «Я в том лагере, который обеспокоен перспективой развития супер-интеллекта. Сначала машины будут выполнять большую часть работы за нас, однако не будут обладать супер-интеллектом. Это хорошо, если мы правильно будем этим управлять. Через несколько десятилетий искусственный интеллект станет достаточно развитым, чтобы стать причиной для беспокойства» [6].

Таким образом, современное пространство создается коллективным разумом и деятельностью всех людей, но сфера человеческой жизнедеятельности незаметно уже подчинена условиям, в которых доминируют технологии, являясь сегодня средствами и инструментами планирования, управления и контроля индивидуального алгоритма развития человечества и глобального мира. В симбиозе технологий и человека мы вынуждены признать прессинг техники, которая определяет настоящее и формирует будущее, но каким будет результат в этой совокупности противоположностей, развивающихся по правилам человека, не знает никто.

Литература и источники

1. Kurokawa, K. From the Age of the Machine to the Age of Life / K. Kurokawa // L'Arca. – Milan. – 2006. – № 219. – P. 3–9.
2. Бадлуева, В. М. Философия симбиоза Кисё Курокавы // Вестник Томского гос. ун-та. – 2009. – вып. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/329/image/329-061.pdf>. – Дата доступа: 12.10.2015.
3. Стивен Хокинг назвал искусственный интеллект величайшей ошибкой в истории // Новости высоких технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hi-news.ru/technology/stiven-xoking-nazval-iskusstvennyj-intellekt-velichajshej-oshibkoj-v-istorii.html>. – Дата доступа: 15.10.2015.
4. Археология будущего: 7 институтов, которые опережают время // Новый век [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://theoryandpractice.ru/posts/8449-future_institute. – Дата доступа: 21.09.2015.
5. Винддж, В. Технологическая сингулярность // Компьютер Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.computerra.ru/think/35636/>. – Дата доступа: 15.10.2015.
6. Билл Гейтс считает искусственный интеллект угрозой для человечества // новостной ресурс BELTA.BY [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/tech/Bill-Gejts-tozhe-schitaet-iskusstvennyj-intellekt-ugrozoj-dlja-chelovechestva_i_693391.html. – Дата доступа: 04.03.2015.

СПЕЦИФИКА ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОГО АСПЕКТА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ УПРАВЛЕНИЯ КАК ОТРАСЛИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Н. В. Коноваленко

Сегодняшнее сложное, разнообразное, динамичное время является эпохой формирования нового мировоззрения, изменения всех параметров социальной жизни людей разных культур, которые оказываются перед решением одних и тех же социальных проблем. Мир становится единым, с общей судьбой и общим будущим. Развитие современного общества осуществляется в условиях расширения социальных коммуникаций, повышения насыщенности информационного пространства, что приводит к пониманию феномена управления как процесса информационной коммуникации. Поэтому в структуре философии управления как отрасли научного знания чрезвычайно

большое значение уделяется именно информационной компоненте, исследованию ее закономерностей, роли в обеспечении успешного управленческого процесса, формировании информационной культуры личности и современного общества как основной формы существования и деятельности людей.

Активизация общего интереса к сущности феномена информационно-коммуникативной деятельности личности, ее роли в эффективном управлении социальными системами объясняется тем, что отношения между людьми связаны с характером, содержанием, способами получения, обработки, распределения, распространения и использования информации, что в значительной мере определяет политическую и социально-экономическую ситуацию в обществе, непосредственно влияет на его социальную структуру, распределение властных функций и полномочий, общественную динамику, активно формирует общественное мнение. Ведь от качества информации, которую получает современный человек, зависит и форма его социально-коммуникативной деятельности.

Глобальная коммуникация дает больше возможностей для саморазвития нашего мышления и нашей деятельной активности, поскольку предъясвляет нам гораздо больше вариантов возможного способа мышления и образа жизни, открывает простор для нашей собственной мысли и наших поступков. Здесь речь идет о культурном самопознании человека, включая и ценностное осознание индивидами самих себя, что является абсолютно необходимой предпосылкой существования человека вообще. При этом средства массовой информации призваны выполнять свои функции в соответствии с принципами свободного потока информации, свободы выражения мнений и соблюдения прав человека в информационном обществе.

Таким образом, разработка механизма оптимального информационного обеспечения современного социального управления требует выяснения, прежде всего, теоретических основ формирования информационно-коммуникативной деятельности управленца, выявления особенностей процесса социальной коммуникации, определения функций средств массовой информации в при изменении информационно-коммуникативного пространства.

В работах В. Г. Афанасьева, А. И. Берг, Глушкова, М. З. Згуровского, В. С. Михалевица, А. И. Радченко, А. Г. Спиркина, Ю. И. Черняка, В. А. Штоффа, В. Г. Кремня, С. М. Пазинича, О. С. Пономарева и других убедительно доказано, что информация приобретает исключительное значение для организации и практического осуществления процессов управления социальными системами, обеспечения эффективного функционирования и развития современного общества и основных его институтов. Однако, требуют дальнейшего изучения и философского обобщения такие вопросы, как природа и сущность управленческой информации, диалектика взаимоотношений между управлением и информацией, принципы формирования информационной культуры лидера-управленца и организации его эффективной информационно-коммуникативной деятельности.

Целью данного исследования является выяснение специфики информационно-коммуникативного аспекта развития современной философии управления.

Следует отметить, что философия управления выступает методологической основой определения эффективных методов управления социальными и природными системами, которые обеспечивают желаемое качество общественной жизни, стабильность, возможность членов социума жить в социальном пространстве уверенности и предсказуемости. Именно философия, занимаясь предельными и всеобщими основами человеческого бытия, производит наиболее емкие смыслы жизни человека и общества, а, значит, ее категориально-понятийный аппарат позволяет методологически корректировать частные и общие виды управления сложными системами – природа-общество, общество – общество личность [1, с. 125]. Ей присущ высокий интеллектуальный уровень абстрактного, нелинейного мышления, систематизации и объединения знаний, достигнутых другими научными дисциплинами, в структурно-системную целостность для восприятия и понимания сущности процесса управления.

Одной из наиболее важных особенностей феномена социального управления вообще и государственного управления в частности выступает существенная зависимость его эффективности от постоянного наличия у субъекта управления определенной информации, необходимой для рационального осуществления управленческого воздействия на объект управления, то есть информации своевременной, максимально полной и достоверной, которая формирует четкое представление руководителя о социальной системе, характере процессов, происходящих в этой системе, степени их соответствия определенным управленческим целям, о причинах изменения текущего состояния объекта управления, реальной возможности использования имеющихся ресурсов для подготовки и

реализации управленческих решений. Ценность и полезность информации заключается в возможности получения с ее помощью принципиально новых сведений об объекте управления для принятия и успешной реализации наиболее целесообразного управленческого решения, особенно, в условиях проблемной ситуации. Соответственно, современная философия управления на основе философской рефлексии должна сформировать новое информационное мировоззрение руководителя, идеалы, убеждения, этические принципы управленческой деятельности, связанные с обработкой, использованием и распространением информации. Именно философия управления как отрасль современного научного знания способствует формированию информационного менталитета, информационного стиля мышления управленца, умения видеть явление во всей его полноте и целостности, включая причины и следствия; адекватно реагировать на информацию, поступающую из различных источников. Информационно-коммуникативная деятельность, в основе которой лежит ориентация на принципы социального бытия, предполагает моральную ориентацию личности, ускоряет процесс интеграции культурного и духовного развития общества.

Специфика информационно-коммуникативного аспекта развития философии управления проявляется в том, что природа главных связей между субъектом и объектом управления является по своей сути именно информационной, ведь на непрерывной переработке информации и основывается функционирование любой системы управления. Соответственно, субъект управления на основании информации о результатах управленческих воздействий может анализировать их эффективность и вносить необходимые коррективы в предыдущие решения или принимать новые.

Проведенное исследование показало, что рассмотренные аспекты взаимосвязи информации и управления с точки зрения философии управления не только свидетельствуют о существенной взаимообусловленности этих феноменов, но и ставят специфические вопросы относительно современного понимания такой характеристики, как профессионализм руководителя. В частности, речь идет о необходимости разработки механизма формирования информационной культуры в процессе профессиональной подготовки руководителей - лидеров новой формации.

Вполне понятно, что философская постановка подобных проблем мировоззренческого характера имеет не только важное методологическое значение, но и сугубо практическую направленность, поскольку от способа и характера их решения напрямую зависит выбор направления дальнейших фундаментальных и прикладных исследований в области социального управления и использования их результатов в практике информационно – управленческой деятельности.

Литература и источники

1. Пазиніч, С. М. Філософія в системі наукового знання та управління / С. М. Пазиніч, О. С. Пономарьов // Вісник Харківської Державної Академії дизайну і мистецтв. – 2008. – №3. – С. 124–129.

КОНСУЛЬТАЦИОННО-ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

И. Б. Михеева

Для современного этапа общественного развития характерно совершенствование отношений между социальными институтами и, прежде всего, государственными структурами, общественными организациями, политическими партиями и группами интересов. Реализация специфических интересов и выполнение функциональных задач осуществляется социальными общностями в самых различных формах, в том числе и посредством консультационно-экспертной системы. Консультационно-экспертные институты в современном мире становятся не только независимыми посредниками во взаимодействии государственных и общественных структур, но и играют все возрастающую роль в подготовке квалифицированных прогнозов и выборе оптимальных решений самого различного уровня. Несмотря на обычно рекомендательный характер своих решений, они оказывают непосредственное влияние на принятие квалифицированных решений государственными органами и в целом, безусловно, содействуют повышению эффективности управления и работы всего государственного аппарата [1]. В связи с этим представляется целесообразным проведение мониторинга и серьезного исследования консультационно-экспертной среды в различных странах и регионах с целью изучения наиболее эффективных моделей работы экспертных структур.

Раскрывая проблему особенностей изучения консультационно-экспертных институтов в европейской и белорусской гуманитаристике, следует, в первую очередь, обратить внимание на предлагаемый исследователями обзор существующей практики их формирования и функционирования в определенных странах, классификацию экспертных сообществ в соответствующей аналитической и методической литературе, а также на возможный перечень документов и информационных материалов, отражающих специфику их формирования в том или ином регионе. К настоящему моменту в отечественной и зарубежной науке по данной проблематике проделана достаточно обширная работа, а именно специалистами проведены отдельные исследования в данной области, направленные на целостную реконструкцию процессов оформления и функционирования экспертных сообществ на постсоветском пространстве; изданы статьи и проведены научные конференции; налажено международное сотрудничество в данной исследовательской сфере. Вместе с тем, проблема экспертного участия в виде общественных и экспертных советов (и их аналогов) является сравнительно новой для белорусской науки, поскольку исследования, осуществленные представителями третьего сектора, являются практически единственными в Беларуси [2] [3]. При этом в данных исследованиях проблема институционализации и деятельности собственно экспертных сообществ была затронута лишь поверхностно, в комплексе исследования общественных советов в целом. Кроме того, к нерешенным задачам в данной области необходимо отнести недостаточную изученность и систематизацию документального и библиографического материала по теме, непроясненность соответствующего понятийно-категориального аппарата, а также отсутствие специальных междисциплинарных исследований, посвященных проблематике оформления и функционирования экспертных сообществ на постсоветском пространстве, включая Беларусь.

Если говорить о структурной организации консультационно-экспертной среды, то для своего эффективного функционирования она должна быть представлена максимальным разнообразием различных объединений с участием представителей общественности. При этом такие объединения должны иметь внутреннюю формализованную структуру, а также закрепленные государственными органами определенные полномочия. Именно с так организованными объединениями возможны серьезные консультации по вопросам принятия и исполнения государственных решений.

При этом важно отметить, что если традиционные научно-исследовательские организации – это независимые от политики академические структуры, которые производят фундаментальные научные исследования и разработки, обладающие рядом признаков (академичность, долговременная актуальность, специализация, монодисциплинарность), то эксперты, или эксперты-аналитики – это преимущественно специалисты, постоянно занимающиеся не только теоретическими, но и прикладными исследованиями в области социально-политических, экономических и прочих общественных процессов. Эксперты объединяются в аналитические сообщества, для которых характерно наличие общего коммуникационного пространства. Такие сообщества бывают как структурированные, например, общественные советы, аналитические структуры при органах власти, независимые экспертные центры и т. д., так и неструктурированные, например, экспертные площадки.

Поскольку экспертные сообщества отличаются большей мобильностью и действуют менее бюрократично, нежели официальные структуры и академические институты, есть возможность получения весьма оперативной обратной связи. При этом очевидно, что экспертные сообщества не могут и не должны подменять собой существующие аналитические структуры Академии наук или системы образования, но наряду с ними выступают важным элементом интеллектуальной инфраструктуры страны, несмотря на порой ограниченные возможности отдельных его членов.

Проблемы формирующихся сегодня консультационно-экспертных структур в Беларуси во многом повторяют ситуацию на постсоветском пространстве в целом и, хотя являются многочисленными, однако успешно решаемыми при условии наличия политической воли и выполнения комплекса мер. Можно обозначить наиболее актуальные из последних [4].

Во-первых, следует отметить очевидный недостаток устойчивого финансирования консультационно-экспертных структур, что делает их зависимыми от «главных заказчиков» в лице руководства государственных органов, к которым они «прописаны», а это, в свою очередь, сказывается на уровне доверия к ним со стороны ключевых групп интересов. Во-вторых, имеет место довольно низкий уровень взаимного признания и доверия к ним и результатам их работы в самом профессиональном сообществе, поскольку в нем сложилось скептическое к ним отношение как к специфич-

ческому «громоотводу» или средству для сброса «давления пара», а не для выявления и согласования интересов при принятии решений. В-третьих, нельзя не отметить недостаточность оказываемого ими влияния на процесс принятия решений, а иногда – неприкрытую ангажированность его членов, включение в составы различных экспертных структур известных и влиятельных персон, а не профессионалов, что делает невозможной эффективную работу данных органов. Наконец, в-четвертых, экспертные сообщества неравномерно представлены на республиканском, местном и отраслевом уровнях, что приводит к распылению ресурсов между множеством объединений.

Очевидно, что создание и активное развитие экспертных сообществ в различных сферах весьма востребовано и перспективно, поскольку позволяет обеспечивать необходимое взаимодействие, в том числе и на конфиденциальной основе, между экспертами, государственными служащими, профессиональными объединениями, представителями научных кругов и бизнес-сообществ. В этом контексте предельно актуализируется задача дальнейшего углубленного изучения процессов оформления и функционирования экспертных структур и институтов на постсоветском пространстве вообще и в Беларуси в частности. С этой целью в научном плане представляется целесообразным сопоставление специфики национальной консультационно-экспертной среды с международным контекстом, разработка научных критериев эффективности функционирования ее структурных элементов, подготовка научно-методического обеспечения комплекса образовательных программ повышения квалификации для специалистов сферы управления различными процессами в Беларуси.

Литература и источники

1. Целютина, Т. В. Консультационно-экспертные институты в управлении общественными процессами: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.08 / Т. В. Целютина. – Белгород, 2007.
2. Боржелли, Наталья, Брайт Виктория. Общественные советы как механизм консультаций государства с общественностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawtrend.org/ru/content/nko/research/>. – Дата доступа: 29.09.2015.
- 3 Государство и гражданское общество: практика эффективного взаимодействия. Международный опыт: сб. ст. и док. / Е. Б. Тонкачева, Г. Б. Черепок. – Минск, 2009.
4. Брусникин, Н. Широкое вовлечение экспертов и представителей общественности в систему принятия решений само нуждается в общественном обсуждении и профессиональной экспертизе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80abeamcuufxbhgound0h9cl.xn--p1ai/blogs/post/1996/>. – Дата доступа: 29.09.2015.

POPULAR SCIENCE И ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ В МИРЕ ТЕХНОЛОГИЙ

М. А. Дедюлина

Общество XXI века показало, что одной из существенных его характеристик является экспертное знание. Если еще в начале века мы чаще всего понимали под экспертизой научную экспертизу, то сегодня экспертом можно назвать любого, кто может аргументировано доказать, что он эксперт в той или иной сфере.

В современном социуме научные знания очень быстро обесцениваются, так же быстро, как появляются новые открытия в сфере технологий. В связи с этим значимость экспертизы и институтов экспертизы возрастает. Так, сертифицированные эксперты опираются в проведении экспертизы на теоретическое знание, а практические эксперты оперируют знанием в процессе практики. Главная их задача заключается в том, чтобы определить важность и эффективность открытий в области высоких технологий. Фактически, данная экспертиза является нормой дополнительного контроля.

Цель эксперта – привлечь внимание различных групп, убедить их в том, что их интересы совпадают с его интересами, обосновывая тем самым полезность собственных знаний. Активное использование публичной экспертизы привело к укреплению фундамента экспертного знания и значимости его использования. Основные ее сферы: телевидение, радио, Интернет, компьютерные игры и т. д.

Современный человек сегодня не представляет себя вне технологий. Технологии становятся

средой обитания. Социум ненасытно ждет от науки и ученых новых технологий. Иногда даже не задумываясь, принесут они ему пользу, либо вред.

Целое поколение людей XXI века себя не представляет без мира компьютерных и мобильных технологий. В сложившихся условиях наука и технологии часто отождествляются. В СМИ очень часто можно увидеть что то, что является технологией, определяют как науку и наоборот. Как верно указывает У. Эко, «технология — это когда предлагается все и сразу, а наука движется постепенно» [1, с. 7].

Сегодня недостаточно, чтобы только журналисты занимались популяризацией науки. Ученые сами должны научиться популяризировать свои достижения. По утверждению французского социолога П. Бурдьё современные СМИ позволяют ученому познакомить социум с результатами своих исследований, но пока они не позволяют оценить важность этих исследований для общества. Когда-то российский ученый С. П. Капица сказал, что популярная наука это невидимый мост между обществом и наукой.

Современная наука в мире повседневности занимает лидирующие позиции, хотя об этом мы не задумываемся. Профессиональный успех, здоровое питание, планирование рождения детей, лечение болезней и т. д. зависит от тех исследований, которые проводятся учеными.

Чаще всего мы сталкиваемся с тем, что мы можем прочитать о достижениях в тех или иных областях научного знания из научных журналов, но никогда не увидим результаты экспериментов. В связи с этим практически все европейские страны, США и Россия полагают, что эту ситуацию можно изменить, если сделать Popular Science обязательной частью научных изысканий ученых.

В данном докладе под Popular Science будем понимать коммуникативные процессы с применением разных литературных жанров транслируемых книгами, журналами, СМИ и Интернетом, с целью ознакомления научных достижений и открытий реципиентами.

Исторически, как показывают исследования Б. Бенсауд-Винсент, науку начинают популяризировать еще со времен Г. Галлилея, а популяризация науки появляется только в XIX веке, чаще всего в качестве рекламы продукта с последующим его использованием в различных сферах производства [2, с. 99–100].

Можно согласиться Т. Феррисом, что «цель популяризации науки отчасти состоит в том, чтобы помочь людям познакомиться с их собственной развивающейся культурой..., но ничто не может быть более естественной, чем наука, ибо ничто с такой ясностью не показывает нам, как в действительности устроен мир» [3, с. 94].

Предварительные исследования по данной проблеме показали, что традиционно Popular Science осуществлялась в двух формах: организационно-событийной и медийной. Современные информационно-коммуникативные технологии создают новые формы восприятия Popular Science: научно-популярные каналы, научно-популярные сайты, компьютерные программы, компьютерные игры и т. д.

Так, в 1985 году в Великобритании даже опубликовали руководство, посвященное тому, как исследователю нужно делиться с социумом своими научными изысканиями. Хотя сегодня не все ученые готовы выходить в СМИ с освещением своих научных результатов, однако, в мире имеются вузы, которые обязывают сотрудников продвигать свои научные изыскания в прессе. Например, у ученых из Стэнфордского университета об этом даже написано в трудовых контрактах.

Г. Рейнгольд [4, с. 101–115] еще недавно писал, что скоро ученые будут добиваться научных результатов с помощью обычных пользователей Интернета и пиринговых технологий. Исследователи стремятся забыть, что создание подобных технологий было бы немыслимо, если бы не бескорыстное сотрудничество. Ведь рискованный капитал никогда бы не почтил своим вниманием Всемирную паутину, если бы миллионы людей не завели там свои странички, поскольку это было «клеевое дело» [4, с. 102].

Например, ученые долго изо всех сил пытались предсказать трехмерные структуры биологических молекул, названных белками. Эти структуры важны для исследования роли белков в фундаментальных клеточных процессах, но предсказание их нелегкая задача, в этой связи ученые решили обратиться за помощью к дилетантам, любителям компьютерных игр.

В 2000-х, профессор биохимии Вашингтонского университета Дэвид Бейкер запустил проект под названием Rosetta@Home на аутсорсинг – критическую научную работу предсказания структуры белка. Ученые разработали интерфейс, который позволял пользователям перемещать аминокислоты щелчком мыши, манипулировать встроенными инструментами с такими именами

как «покачиваться» и «встряхнуть»), которые могли бы регулировать целые регионы белка сразу. Результатом была игра «Foldit», которая давала возможность непрофессионалам попробовать свои силы в понимании структуры белка, которые загнаны в угол суперкомпьютером. В 2008 году разработчики выпустили компьютерную игру и пригласили рядовых пользователей играть.

Таким образом, мобильные технологии теперь соединяют больше людей, чем когда-либо прежде, показывают, как ученые и рядовые пользователи взаимодействуют.

Сегодня зарождается новая форма Popular Science, когда ученые могут работать сообща с маленькими группами любителей-пользователей Интернета и мобильных телефонов в полевых экспериментах и добиваться вместе значительных продвижений в тех или иных отраслях научного знания. Один главный вопрос, стоящий перед учеными – вопрос авторского права. Не принимая во внимание вопросы авторства и интеллектуальной собственности, любительские вклады в науку имеют тенденцию быть узко ограниченными. Однако новый социальный контракт между наукой и общественностью должен быть создан и осуществлен.

Литература и источники

1. Эко, У. Наука, технология и магия / У. Эко // Экология и жизнь. – 2008. – № 4. – С. 4–10.
2. Bensaude-Vincent, B. A Genealogy of the Increasing Gap between Science and the Public / B. Bensaude-Vincent // Public Understanding of Science. – 2001 – № 10. – С. 99–113.
3. Феррис, Т. Несколько слов о популяризации науки / Т. Феррис // Будущее пространства-времени. – СПб., 2009. – С. 177–198.
4. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд; пер. с англ. А. Гарькавого. – М., 2006.

ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ В СИСТЕМАХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В. А. Иноземцев, И. В. Иноземцев

Эпистемологическое содержание искусственного интеллекта (ИИ) раскрывается, в том числе, и в концепциях компьютерного приобретения знаний (или инженерии знаний в узком смысле слова), которые являются различными вариантами решения проблемы с тем же названием. Концепции компьютерного приобретения знаний представляют собой совокупности методов и процедур, с помощью которых происходит наполнение конкретным содержанием структур компьютерной репрезентации знания, входящих в состав баз знаний интеллектуальных систем. В процессе приобретения знаний особую роль играет деятельность так называемых инженеров по знаниям, то есть специалистов, основная задача которых – наполнение баз знаний знаниями о предметных областях. Инженеры по знаниям разрабатывают методики оценки компетентности экспертов, отбирают наиболее сведущих из них и извлекают знания от этих экспертов. На основе полученной от экспертов информации инженеры по знаниям проектируют и конструируют экспертные системы, являющиеся разновидностью интеллектуальных систем, важнейшим предназначением которых является получение (извлечение) знаний от экспертов.

В качестве источников знаний в процессе приобретения знаний в системах ИИ используются, во-первых, отчуждённые от своего носителя, вербализованные и стандартизированные знания. Иногда их называют пассивными знаниями. Эти знания являются общедоступными знаниями, которые выражаются в виде готовых текстов. К этому виду приобретаемых знаний относится содержание книг, статей, энциклопедий, официальных документов, инструкций, справочников, архивов, баз знаний, информации из Интернета. К стандартизированным знаниям относятся также результаты экспериментальных данных.

Во-вторых, источниками знаний в интеллектуальных системах выступают специальные профессиональные (экспертные) знания, которыми обладают эксперты в определённых предметных областях. Такого рода знания могут не фиксироваться в текстах, а иногда даже не быть вербализованными и стандартизированными знаниями. Отчуждение таких знаний от их носителей-экспертов невозможно без непосредственного контакта с этими носителями. По отношению к экспертным знаниям употребляют наименование «активные знания». Инженеры по знаниям с помощью специальных психологических методик и инструментальных средств, используя диалог, получают

(извлекают) от экспертов необходимые профессиональные знания.

Полученные от экспертов знания инженеры по знаниям оценивают с позиции их соответствия той информации, которая ранее накоплена в интеллектуальных системах. Кроме того, перед введением в базы знаний приобретённые знания формализуются в соответствии с требованиями избранной модели компьютерной репрезентации знания. Наконец, полученные от экспертов знания, необходимо согласовать между собой. Возможны ситуации, когда такие знания могут оказаться несовместимыми и противоречивыми. Задача инженеров по знаниям в этом случае заключается в том, чтобы путём опроса экспертов устранить возникшие реальные или мнимые противоречия.

В случае, когда инженеры по знаниям работают с активными знаниями, то есть происходит получение (извлечение) знаний от экспертов, инженерам по знаниям приходится иметь дело с нестандартизированными знаниями. Эти знания опираются на жизненный опыт, интуицию, случайную информацию, такой пласт знаний, который обычно называют здравым смыслом. В его состав входит также общекультурная информация, этносоциальные ценности, исторический опыт многих поколений.

Создатели экспертных систем исходят из эмпирического факта существования двух качественно различающихся видов знания: общезначимого, внеличного, объективированного и личностных неявных, субъективированных знаний отдельных индивидов. Длительное господство «безсубъектной» и абстрактно-субъектной эпистемологий, не рассматривающих знания субъектов-индивидов, обуславливает разрыв между аппаратами философской методологии и методологией экспертных систем. В ходе разработки экспертных систем их создателями используется собственный категориальный аппарат, существенно различающийся у разных авторов, и с методологической точки зрения не отличающийся точностью и имплицитным (то есть связанным с результатами предшествующей философской рефлексии над категорией знания) богатством содержания.

Принципиальное отличие экспертных систем от других интеллектуальных систем заключается в том, что они включают в себя не внеличное объективированное знание, которое содержится в базах данных «доэкспертных» традиционных интеллектуальных систем, а личностные субъективированные знания экспертов в определённых предметных областях, входящие в состав баз знаний экспертных систем.

Осмысливая феномен приобретения знаний интеллектуальными компьютерными системами с философской точки зрения, можно сделать вывод о том, что приобретение знаний представляет собой форму технологического отчуждения знаний. В последние полвека происходит отделение знаний от человеческого носителя (мозга), и реализация знаний на компьютерах. Вместе с тем, рассматривая эволюцию способов существования знаний в исторической ретроспективе, следует отметить, что процесс отчуждения знаний начинается еще в первобытную эпоху. Первоначально в эту эпоху знания являются личностными, хранятся в памяти носителей знаний и транслируются устно. Создание письменности приводит к фиксации отчужденных от людей знаний в различных текстах, которые подвергаются многообразному прочтению и относительно свободной трансляции. Такие знания начинают анализироваться, интерпретироваться, реконструироваться и дополняться не только субъектами-творцами знаний, но и субъектами, которые приобретают эти знания. Данный эффект невероятно усиливается в результате изобретения книгопечатания. С этого момента можно говорить о генезисе мира объективированных форм знаний.

Информационно-компьютерная революция открывает качественно новый этап в эволюции способов существования отчуждённых знаний. Выявить экспертные знания можно было до появления компьютеров, однако, просмотреть и проанализировать множество правил (десятки тысяч), входящих в состав экспертных систем, проверить их на совместимость, привести в соответствие с меняющейся ситуацией, становится возможным только с развитием интеллектуальных технологий.

Экспертные системы – это не только отчуждённые знания профессионалов в определенных предметных областях, но и системы, способные обрабатывать гигантские массивы компьютерных данных и знаний, которые применяются для принятия решений. С одной стороны, компьютерные знания являются способом объективирования и отчуждения знания, в значительной степени сходным с его фиксацией в виде письменных источников. Компьютеры становятся хранилищами цифровых, графических и естественно-языковых текстов. С другой стороны, компьютерные знания

превращаются в знания активные, подвижные и способные к самопреобразованию. Информационно-компьютерная революция, таким образом, оживляет и одухотворяет застывший и безжизненный мир объективированного и отчуждённого знания.

Важную особенность экспертных систем, в состав которых входят компьютерные системы приобретения знаний, составляет заложенная в них способность к объяснению своих действий. Экспертные системы объясняют пользователям, почему и на каком основании они приходят к некоторым решениям, диагнозам, рекомендациям, результатам. Отчуждение человеческих знаний выявляет их многослойность. Оболочки экспертных систем представляют собой каркасы гигантских интеллектуальных компьютеров, имеющих иерархическое строение. Такие оболочки, взятые в обобщенном виде, являются динамическими функционирующими моделями экспертных знаний. В процессе приобретения знаний и создания экспертных систем открываются невиданные ранее возможности и создаются инструменты для исследования когнитивных механизмов человеческого разума, которые демонстрируют свою сложнейшую, но вместе с тем информационно-компьютерную основу.

ТЕОРИЯ ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТЕКСТОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Д. В. Сергеев

Современная эпоха отличается интенсификацией отношений во всех областях общественного бытия. В частности, увеличение потоков информации, упрощение коммуникативного и семиотического кода требуют соответствующих по структуре и функциям культурных текстов. Одновременно происходят значительные изменения в поведенческих практиках в семантической сфере общества, появление новых форм выражения, трансляции культурных смыслов.

Указанные характеристики и тенденции трансформации информационно-коммуникативной сферы общества выступают контекстом протекания современных социальных процессов и одновременно поиска адекватных средств социального познания.

Можно предложить эпистемологические разработки в области семантического похода, способствующего социально-философскому познанию происходящих в постиндустриальном обществе процессов. Предметом анализа в этом случае выступают основные положения теории прагмасемантического поведения. Авторское понятие «прагмасемантическое поведение» определяется как комплекс социокультурных практик, регулирующих использование культурных текстов человеком. Данные практики представляют собой широкий ряд паттернов, моделей и стратегий социального поведения, реализуемых человеком с текстами: чтение, хранение, интерпретация, издание или изготовление, запрет, система запоминания, социокультурные условия актуализации смыслов текста и пр. К прагмасемантическому поведению также относятся эмоции, телесные и психологические практики, влияющие на смысл культурного текста. Прагмасемантическое поведение выступает средством онтологизации смысла, репрезентированного в культурных текстах.

В рамках предложенной концепции становится возможным раскрыть специфику (интенсификация, спецификация, модульность, стандартизация, вариативность) социальных процессов через анализ трансформации смысла как социокультурно обусловленной связи между субъектом и обществом. Будучи частью социального поведения, прагмасемантическое поведение обладает теми же характеристиками. Выделение данного сегмента социокультурных отношений – обращение человека с культурными текстами – необходимо для более детального анализа социокультурной реальности на микроуровне, выявления факторов формирования тех или иных паттернов поведения. Социокультурная основа прагмасемантического поведения проявляется в конвенциональности правил, им управляющих. Эти правила могут быть осознаны и легко объяснены членами общества или неосознанны и функционировать как поведенческие автоматизмы. Это необходимо предполагает, что человек уже владеет правилами обращения с культурными текстами до того, как он к ним обратился.

Эпистемологическая ценность теории прагмасемантического поведения заключается в воз-

возможности представить принципы обращения с культурными текстами как целостную систему социальных действий, эмотивных состояний, телесных практик, обусловленных социокультурными особенностями конкретного общества. Теория позволяет раскрыть разнообразие политических, идеологических и других средств контроля за поведением человека в отношении пользования культурными текстами и порождения смыслов.

Наиболее ценным является рассмотрение прагматического поведения в историко-генетическом аспекте, с точки зрения способности общества порождать новые практики и правила, регулирующие использование культурных текстов человеком.

МЕДИАСФЕРА В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ

И. И. Таркан

Медиа (англ. media, от лат. medium – посредник) – совокупность средств массовой информации и коммуникации: прессы, радио, телевидения, фотографии, видео, кино, сотовой связи, Интернет. В силу отсутствия в русском языке равноценного аналога английскому слову «медиа», в литературе используется термин «медиа» в разных вариантах в зависимости от контекста исследуемого материала, как то: «средство массовой информации (СМИ)», «средство массовой коммуникации (СМК)», «медиа», «медиафера».

Термин «медиа» был введен в оборот в XX в. первоначально для обозначения любого проявления феномена массовой культуры. Благодаря бурному развитию массмедиа современное общество часто называют не только информационным, но и «медиаизированным», что свидетельствует о формировании медиа как нового социального института. Известный специалист по медиа Н. Луман отмечает, что понятием «массмедиа должны быть охвачены все общественные учреждения, использующие технические средства для распространения сообщений» [1, с. 8]. И далее он замечает: «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа» [2, с. 9].

Возникновение и развитие медиаферы связано с цифровизацией и растущим влиянием коммуникационных технологий (медиа в широком смысле слова) на общество. Более того, в настоящее время речь идет не столько о влиянии, сколько о включенности медиа в повседневную жизнь, общественные процессы и институты, которые уже невозможно рассматривать без медиальных компонентов – они медиаизированы. Мы живем в обществе, наполненном технологиями, связывающими людей опосредованными коммуникациями и «пропитанном» смыслами, которые ежедневно и ежесекундно создаются и потребляются с помощью современных медиа.

Категория медиаферы позволяет выявлять и описывать процессы новой цифровой реальности, объяснять связь явлений в обществе знаний с учетом технологических достижений и определяемых ими социально-коммуникативными практиками. Исследования медиаферы сегодня выходят на философский уровень. Так российский автор В. В. Савчук формулирует предмет новой медиафилософии: «Предметом медиафилософии ... является медиареальность, заданная новыми технологиями, и включающая человека как условие, средство и цель коммуникации» [3, с. 206]. По мнению автора, медиафилософия – это философия эпохи нового медиа, новая парадигма гуманитарного знания и рефлексии.

Методологической основой осмысления медиа и медиаферы являются исследования таких видных теоретиков масс-медиа, как М. Маклюэн, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр, Р. Барт, Н. Луман и др.

На наш взгляд концептуальное видение медиаферы, которая является сложным феноменом не поддающимся однозначному определению, возможно с учетом исследования следующих факторов: 1) становления информационного общества; 2) развития современных информационно-коммуникативных технологий; 3) динамики структуры медиапотребления.

1) Информационное общество – концепция постиндустриального общества; новая историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания. В исследование медийного аспекта развития этого общества большой вклад внесли представители постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Г. Дебор и др.). Они отмечали возрастание в информационном обществе возможностей контроля над личностью и манипулирования ее при помощи СМИ.

2) Развитие современных информационно-коммуникативных технологий. Сегодня Интернет рассматривается как глобальная совокупность виртуальных коммуникационных возможностей и новая информационная реальность, способная оказывать существенное влияние на механизмы получения знаний и управления сознанием. Информационная среда интернет-пространства расширяется на основе смены технологических этапов коммуникационного развития, а именно: от технологий Web 1.0 к технологиям Web 2.0 и Web 3.0. Современные технологии Web 3.0 позволяют пользователю не только генерировать контент, но и привлекать единомышленников в социальных сетях к производству новых идей и социальных инициатив. Появились новые социальные технологии астротурфинга и краудсорсинга. Суть краудсорсинга состоит в привлечении пользователей Интернета к генерированию идей и решений. Например, политическая партия может запустить проект, предполагающий сбор мнений, предложений, пожеланий пользователей Сети о программных принципах политической платформы данной организации. Специальные модераторы организуют дискуссии, обсуждение точек зрения, выработку совместных предложений и т. д. В итоге такой коллективной работы, во-первых, выясняется востребованность в обществе тех или иных идей и политических предпочтений; во-вторых, высказываются конструктивные предложения, которые можно учесть при разработке предвыборной программы партии; в-третьих, вовлечение в обсуждение создает предпосылки для формирования более глубокой мотивации поддержки участниками дискуссии данной политической партии.

Будущее технологических и технических преобразований в медиасфере фокусируется по следующим направлениям:

а) развитие персональных электронных устройств в виде одного взаимодополняющего комплекса в центре которого находится смартфон. Согласно прогнозам, к концу 2015 года более чем у половины взрослого населения Земли будут смартфоны и люди станут еще более зависимы от их коммуникационных функций;

б) мессенджеры (приложения для обмена сообщениями) становятся новыми социальными медиа. Человек общества знаний все больше времени тратит в мобильных приложениях. Эта тенденция наиболее ярко проявилась в США. Крупнейшие медиакомпании не просто копируют свой контент в мобильные приложения, но смотрят на них как на совершенно особый вид взаимодействия с аудиторией: так появились мобильные приложения The New York Times Now, Economist Espresso и Yahoo News Digest;

в) визуализация контента. Всё больше информации представляется в ярких интерактивных мультимедиа;

г) бурное развитие «чисто цифровых» медиа. Цифровые медиа-компании становятся глобальными и уже составляют конкуренцию для традиционных брендов СМИ.

3) Изменение структуры медиапотребления. В обществе знаний медиапотребление превращается в доминирующий социальный процесс. Цифровая среда не только меняет привычки аудитории и характер потребления информации, но и предъявляет новые требования к институту знаний.

Конечно, развитие медиасферы меняет и социальный контекст общества знаний и порой не в лучшую сторону. Информационное общество – общество эклектики, предметной и лексической неопределённости, размывания понятий. Большинство терминов и понятий заимствовано из терминологии бизнеса, компьютерных технологий и интернет-коммуникации. Академические словари уже не очень помогают, поскольку новые слова отражаются в них далеко не сразу, а спустя достаточно длительное время. Образовательный горизонт современного человека зачастую ограничивается знаниями из «Википедии».

Заметна и другая тенденция – отсутствие вопрошания, постановки проблем. Образовательное пространство превращается в формализованную среду, в которой сужено поле философских поисков и проблематизации бытия. Человек общества знаний хочет все знать, но не понимать. Для понимания проблем современности необходимы интеллектуальные усилия, внутренняя сосредоточенность, мужество в поисках истины.

Литература и источники

1. Луман, Н. Реальность медиа / Никлас Луман. – Москва, 2012.
2. Савчук, В. В. Медиафилософия / В. В. Савчук. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург, 2014.

ГИБКОСТЬ И КРЕАТИВНОСТЬ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Я. С. Яскевич

Переломный момент человеческой эволюции демонстрирует сегодня необходимость реального исторического выбора: станет нынешнее поколение последним в истории или первым на новом этапе развития, способным принимать адекватные решения по сохранению человечества и обеспечению его благополучного развития в будущем. В точках исторической бифуркации, когда мировая социально-экономическая и политическая система дестабилизирована, близка к потере равновесия, возможна реализация сценариев хаотизации общества, наступления трагического бытия «на изломе», ибо «когда сложные открытые системы достигают критической нестабильности, для них наступает момент истины: они либо трансформируются, либо разрушаются» [1, с. 9–12].

Казалось бы, чем выше человек восходит в своем историческом развитии по ступеням цивилизации, тем больше он поднимается над уровнем доминирования врожденных (биологических) программ и стимулов, управляющих отношениями с другими людьми. Социальные связи, нравственные нормы, правовые регулятивы надстраиваются над биологическим базисом, во многом трансформируют его. Всякая культура, экономика, политика реализуется только благодаря такому своему источнику, средству и результату, в качестве которого выступает личность.

Вместе с тем, современное рискованное общество далеко от воплощения «радужных» сценариев будущего. Возникают вопросы о том, что происходит с личностью в условиях глобализации, виртуализации социального пространства, массовизации культуры, процессов, проблематизирующих национальную идентификацию человека, размывающих очертания свободы и границы личности. Человеческое «Я» все больше превращается в точку бифуркационной сборки, нелинейную волну свободы и ответственности, своего рода странника в стихиях возможного бытия. В соответствии с новыми вызовами современности, предпосылками которых служат социально-экономические и технологические трансформации, можно говорить о становлении транснациональной социально-политической картины мира.

В качестве оснований этого процесса следует назвать формирующиеся представления о сетевом обществе, сетевом человеке, его проектно-брендовой идентификации, корпоративной культуре, креативности, гибкости и своеобразной «неуловимости» в условиях виртуального пространства. Жизнь в сети» или жизнь в рамках «проектного града» способствует созданию особого дискурса менеджмента, новой идеологической конфигурации «интуитивного менеджера». При этом жесткая иерархия заменяется гибкими новаторскими субъектами управления, которые выступают в роли «вдохновителей», «координаторов команд» – лидеров, способных без применения силы обеспечить вовлеченность работников в процесс труда и наделить труд каждого определенным смыслом. Вместо иерархии разрабатывается система «доверия», вкладываются средства в развитие «корпоративной культуры» и «командного духа» с установкой на достижение гибкости и ухода от авторитаризма.

Чтобы научиться «жить в сети», необходимо собрать воедино самые разнообразные компетенции, научиться самосовершенствоваться через множество проектов под девизом «гибкость», «креативность», «реактивность». Новые методы организации «жизни в сети» ведут к разрушению бюрократической структуры, позволяют работать с людьми, находящимися на другом конце мира, с другими культурами, предприятиями. Подвижный и гибкий мир, образованный из многочисленных проектов, исследователи называют «проектным градом», в котором личность во все большей степени предстает как проект или даже серия проектов. Проектно-брендовой идентификации личности способствуют условия информационного общества, массовой культуры и рыночной экономики. Одновременно в искусстве, политике мы имеем дело с нарастанием личностных автопроектов, в том числе построенных на преодолении расовых, гендерных, возрастных, и даже просто человеческих характеристик идентификации.

Наряду с новыми функциями и пониманием «жизни в сети» важное место в формировании

транснациональной картины социально-гуманитарной реальности занимает социо-экономическая динамика современного общества. По мнению М. Кастельса, в конце XX в. сложилась «информационная» (поскольку конкурентоспособность любого субъекта экономики фирмы, региона, нации зависят от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию) или «глобальная» (потому что основные виды экономической деятельности – производство, потребление, циркуляция товаров и услуг, а также капитал, труд, сырье, управление, технология, рынки организуются в глобальном масштабе с использованием разветвлённой сети) экономика нового типа [2, с. 81].

Новые информационные технологии почти мгновенно охватывают пространство всей планеты, в результате чего есть опасность или угроза исключения целых национальных или континентальных экономик (например, Африки) из мировой информационной системы, а значит, из мировой системы разделения труда. Кроме экономических процессов, происходит серьезная трансформация публичной сферы и идейно-символического пространства под воздействием Интернета. Развитие пространства Интернета приводит к становлению так называемой «сетевой философии», которая базируется на принципах свободы информации и отличается ярким индивидуализмом, приматом формального над неформальным, а иногда даже внесударственностью. Она включает в себя такие течения, как хакерство, киберанархизм и сетевое либертарианство. Так, «Манифест Киберпанка» К. Кирчева адресован людям, живущим в киберпространстве и не ведающим границ, борющимся с «Системой», нормами права и устоявшимся стилем жизни. «Декларация независимости киберпространства» Дж. Барлоу с такими положениями, как индивидуализм, гражданин мира, свобода слова, сетевое самоуправление на основе не правовых, а этических норм, также выражает дух и настроение киберпространства.

В рамках подобных поворотов современного человечества осуществляется резкая критика национальной парадигмы, национального государства, и в особенности, национализма. Если отдельная культура замыкается в себе самой и стремится исключительно к защите собственного своеобразия, она становится потенциально воинствующей, отвергающей позицию диалога культур, признание гуманистического плюрализма и взаимодействия с другими культурами. Именно «националистический взгляд» на общество и политику, закон, справедливость и историю господствует порою над политическим и социологическим воображением. Сторонники национализма неспособны противостоять соблазну абсолютизации культурной и этнической обособленности. Чтобы установить равенство народов и их культур необходимо препятствовать возведению отдельных культур в ранг нормы, эталона ценностей и всеобщего прогресса [3, с. 139].

В мире риска национализм становится врагом нации, считают некоторые исследователи. Отсюда космополитизация рассматривается как исследовательская перспектива, политическая реальность, критическая теория нашего времени [4, с. 57–65].

Если под политической картиной мира понимать систему связанных образов и представлений о власти, ее механизмах и конфигурации в окружающей среде, то транснациональный тип политической картины мира раскрывается через такие понятия, как множественная идентичность, мультикультурализм, динамический взаимообмен символами и практиками, создающими новые социальные формы (креолизация), диалог культур народов, религий. Формирующееся в рамках сетевой коммуникации транснациональное означает наличие множественных связей и взаимодействий, соединяющих людей или институты сквозь границы национальных государств [5, с. 104–119]. Современные сложные интеграционные процессы отражают реальные социально-политические взаимодействия отдельных государств и, по сути, призваны обеспечивать социально-политическую и экономическую стабильность национальных государств как их структурных компонентов.

Интеграционно-сетевые связи, с одной стороны, имеют объективный характер, реализуясь в виде международных объединений, образованных в силу продвижения геополитических и геоэкономических национальных интересов государств на основе их исторической и социокультурной общности, пространственной близости, ценностных и ментальных ориентаций (европейское, трансатлантическое, евразийское и др. сообщества). С другой стороны, наднациональные интеграционные объединения могут иметь и субъективный характер, возникая как международные союзы, блоки, структуры, образованные в результате частичного удовлетворения национальных интересов, ограниченных по времени их действия, балансу, расстановке сил и т. д. Понятно, что конкури-

рующие интеграционные структуры могут существовать на одном и том же геопространстве, представляя разнообразные стратегии и национальные интересы конкретных государств.

Безусловно, стремление к реализации интеграционной политики отдельных государств в условиях открытости и сетевой коммуникации должно исходить из стратегических целей национальной политики, поливариантности, многомерности, преодоления эгоистичных и изоляционистских настроений в отрыве от глобальных процессов. Интеграционный выбор национальных государств в качестве категорического императива при этом должен опираться на такие ценностные приоритеты, как коллективная ответственность, межконфессиональный, межкультурный диалог, межнациональное согласие и толерантность. Толерантность, т. е. терпимость, в более широком современном смысле слова, погружаясь в сетевое пространство, предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие, выражение внутренней и внешней свободы, способность к продуманному выбору между альтернативными точками зрения и способами поведения. Насколько полно в интеграционных процессах сегодня реализуется такое понимание толерантности – это открытый вопрос. Очевидным фактом является то, что современному миру явно не хватает согласия и толерантности, и это выражается в постоянном повышении «градуса» и расширения пространства конфликтно-бифуркационных ситуаций на нашей планете.

Имеющиеся возможности сетевого общества могут как способствовать формированию столь необходимых для выживания человечества ценностей, так и служить платформой для разжигания этнической и религиозной неприязни, национальных и глобальных конфликтов и кризисов. Важно, чтобы концептуальные подходы отдельных государств в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений при «реактивных» возможностях сетевого общества выступали основой для политической и экономической интеграции, обеспечивая социокультурное единство, толерантность и согласие. Если в перспективе, как отметил министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров относительно Евразийского экономического союза, будет создано единое экономическое и гуманитарное пространство от Атлантики до Тихого океана, где могли бы сосуществовать и взаимно сотрудничать все страны Европейского союза, будущие участники евразийского интеграционного процесса, расположенные на этом пространстве, тогда бы не было ненужной конкуренции и разделительных линий, навязанного ложного выбора «либо с нами – либо против нас» [6, с. 5–20].

Из-за недальновидной национальной политики страна может стать испытательным полигоном для крупных государств и использования ее для упрочения своих позиций в геополитическом балансе сил. Национальные правительства сегодня должны действовать взвешенно и твердо, отстаивая свои законные государственные интересы, опираясь на принципы самодостаточности, независимости, прагматизма, открытости, многовекторности и диалога с любыми странами, готовыми к сотрудничеству на основе равноправия и взаимной выгоды. Противоречивая и конфликтная модель современного социально-политического развития постулирует сегодня формирование нового мироустройства, ориентированного на моральный императив, спецификацию новой риск-стратегии национальных государств.

Интеграционные интенции государств сегодня во многом направлены на нейтрализацию негативного потенциала сетевого общества к возрастанию геополитических рисков, таких их последствий, как аннексия или распад государства под воздействием внешних сил, по меньшей мере, снижение его суверенитета – его способности отстаивать свои интересы на международной арене [7, с. 454].

Сетевые и геополитические технологии, как мы видим сегодня, опираются как на способы преобразования географических регионов в явления политические: государства, союзы, буферные зоны и т.п., – так и на методы низведения политических образований до уровня «чистой географии», наподобие переработки государств в «населенные территории», «проблемные зоны». Это приводит к тому, что сохранение самодостаточности национальных государств, традиционных ценностей, своего образа жизни, культурных и религиозных приоритетов, несовместимых с глобализмом, массовой культурой, подвергается реальному риску. Об этом свидетельствуют региональные конфликты в Корею, Вьетнаме, вооруженные интервенции США под эгидой НАТО в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, «цветные революции» и подобные сценарии «смены режимов» в Грузии, Кыргызстане, Украине, события во время «Арабской весны», в ходе протестных движений в Венесуэле, Аргентине и т.д.

В поисках новых геополитических сценариев развития сетевого общества актуализируются

задачи преодоления негативных тенденций современной цивилизации, в частности тех, что вытекают из стратегии однополярного мира. Осуществляется обоснование путей гуманизации мира и человека, предпринимаются попытки объединения усилий общественности в предотвращении третьей мировой войны, прекращении национальных распрей, сохранении окружающей среды и человеческой личности.

Литература и источники

1. Ласло, Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения / Э. Ласло // Куда движется век глобализации? / Под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. – Волгоград, 2014.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000.
3. Кастийо, М. Понятие плюрализма и этика коммуникации / М. Кастийо // Философские науки. – 2013. – № 11. – С. 134–144.
4. Бек, У. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот / У. Бек // Вестник Института Кеннана в России. – Вып. 22. – М., 2012. – С. 57–65.
5. Акопов, С. В. Транснациональное измерение современности / С. В. Акопов // Философские науки. – 2015. – № 3. – С. 104–119.
6. Лавров, С. Выступление на Первом форуме молодых дипломатов. Москва, 25 апреля 2014 года // Международная жизнь. – 2014. – май. – С. 5–20.
7. Яскевич, Я. С. Философия и наука: время диалога, ответственности и надежды: изб. труды / Я. С. Яскевич. – Минск, 2014.

THE HUMAN POTENTIAL OF THE CONTEMPORARY SOCIETY: ISSUES AND TRENDS

S. Ciurac

The human potential represents a benchmark for evaluation of the social-economic policies promoted by the state, it identifies the competitiveness and efficiency of the economic development. In the Republic of Moldova the human potential is severely affected by the physical, social degradation and poverty issues confronted by the society.

The transformation processes at the beginning of the transition towards market economy focused on financial stability while the social aspect was ignored.

This has greatly diminished the living standards of the population accompanied by a decline in the areas of culture, demography, education and health. Since our country, deducing from the above mentioned four factors (the human, the material, the capital, and information/technologic factors) has basically only one of them, by analysing the quantitative and quality aspects of the human factor allows the appraisal of the social and social protection costs in this context of economic growth. A characteristic of major importance for the human potential is the social-demographic aspect, which is determined by the structure of the population, the average life expectancy, birth rate and death rate, marriages and divorces, education, health and other aspects regarding the area.

Even more, the social-demographic aspect of the human potential is affected by other destabilizing factors, such as, the inability of the government to assure general human rights for the population, a narrow framework for the economic development, social unrest, the psychological state caused by poverty, criminality and social inequity. The body of these vices happened altogether with the job cancellations, the rise of the prices in all areas, the cleavage between the salary and the minimum required budget.

As a result, the most of the population able to work has opted for emigration to ensure a decent living standard. This phenomenon has been attributed with both advantages and disadvantages, however, in our opinion the disadvantages overweigh by much. And is there will be no measures to counter the negative effects the country will face severe social and economic issues.

The advantages and disadvantages can not be measured as if of equal consequence, since the advantages, meaning the income from emigration lasts for a short period of time and the negative consequences brought upon the human potential of the country last longer and are irreversible.

However, the counterbalance comes from the negative indexes, especially the one showing the lack of qualification for the work force of our country who seek employment abroad of jobs requiring an even lower job qualification with no regard to their superior education; or taking jobs with of an entirely different

area (ex.: from education or medicine to construction). Another economic and social issue is that the positive effects are temporary and last shortly, yet with great negative effects for the future. Because of this the population does not live thinking of the far future, thus they do not make currency deposits or any kind of future investment living only with the present and the near future. This is why we consider that the Republic of Moldova will feel the consequences after several decades, when the emigrants will return and will be economically dependent, being in the category of the retired leading to high death rates.

The transfer towards the exterior of the work force has conditioned a transfer of capital towards the interior which led to an intensification of the commerce but did not help by much the investments. The emigration of the active population has led to certain modification to the social protection area, with an increase of the economic dependency, a fact that may become more severe, taking into consideration that over 30% of the migrants are over 40 years, who have not contributed to the social insurance, additionally the current birth rate will not cover the generations of population currently active.

Bibliography

1. The Republic of Moldova on the path of transformation: socio-humanistic aspects. – Chisinau, Sirius, 2011.
2. The Yearly Statistics of the Republic of Moldova, 2004–2012, Chisinau.
3. Moraru, V. Republica Moldova: provocările migrației / V. Moraru. – Chișinău, Știința, 2012.
4. Timuș, A. Dezvoltarea umană: realizări, tendințe, perspective / A. Timuș. – Chișinău, Print-Caro, 2010.

ЛИЧНОСТЬ КАК СОЗИДАЮЩИЙ СУБЪЕКТ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В. А. Максимович

В последнее время исследователи все чаще, и не без оснований, делают акцент на раскрытии внутренней сущности личности, тесно увязывая ее с когнитивными структурами сознания, способностью задавать и формировать ценностные ориентиры, выстраивать довольно разветвленную систему отношений в пространственно-временном континууме. «Человек как субъект, – отмечает А. В. Брушлинский, – это высшая системная целостность всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств, его сознательного и бессознательного. Будучи изначально активным, человеческий индивид, однако, не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов активности» [2, с. 31]. Именно от человека – конкретного носителя, воспроизводителя и интерпретатора – зависит адекватная, полноформатная передача и сохранение всего универсума культуры с бесконечным разнообразием его уровней, форм, видов и т. д. Сам акт трансляции (= трансмиссии) культурной традиции понимается не только как передача, усвоение социального опыта, знаний, представлений, верований, норм, аккумулированного фонда «культурных артефактов», системы оценочно-интерпретативных суждений о мире, которые можно отнести в разряд эмпирических категорий, имеющих явно выраженную интегральную социальную интенцию. Существует, на наш взгляд, необходимость более дифференцированного, системного подхода к определению механизма субстанцирования традиции, непосредственно связанного с субъективным фактором, а именно человеком как сознательным создающим существом и субъектом познания и действия. Иначе говоря, объективированное, предметно-объектное содержание традиции с необходимостью дополняется фактором человекоразмерным, становясь в итоге духовно и личностно значимым, что дает основание говорить о традиции как о многоуровневой, многоступенчатой, сложно организованной, многопланово дифференцированной целостности, имеющей социоантропогенную направленность. Именно с личностью как носителем живой активности и субъектом осознанной деятельности связана перманентно воссоздаваемая, возобновляемая сущность традиции. Благодаря этому и происходит «превращение “костной материи” в *деятельность*, которая не исчерпывается ни предположенными свойствами предмета, ни той формой движения, которую они обуславливают. Должен вмешаться субъект, способный обратить материальные предпосылки действия в объект своей целенаправленной деятельности, чтобы раскрыть во внешнем предмете свойства, присутствующие в нем лишь в виде возможности» [5, с. 25].

Человек в силу своей осознанной и целеполагающей деятельности становится субъектом социокультурного действия, носителем особой культуротворческой интенции, придавая традиции особый

антропологический статус. Наиболее всего это проявляется в процессе коммуникации, в связи со спецификой деятельности человека, в которую он включен, с учетом его определенно выраженной профессиональной, религиозной, культурной, национальной и иных идентификаций. Антропологический характер традиции может проявляться в самых незначительных, почти не заметных и вербально трудно передаваемых моментах общения, говорения или проговаривания. Даже обычная пауза, умолчание могут приобретать ситуационно насыщенную смысловую, символическую коннотацию на уровне ментальных структур. Этот момент дает основание говорить о существовании некоего невидимого энергетического поля традиции, фиксируемого органами чувств адресата взаимодействия. Именно информационно-коммуникационный акт помогает сформировать определенный механизм узнавания и самоузнавания, выделить отличительные черты *своего, генетически родственного мира* как органически приемлемой среды существования, способствующей присвоению, освоению и воспроизводству традиционных форм общежития. «Человек традиции, – в этой связи замечает В. В. Мальявин, – никогда не индивид, но всегда как бы сверхиндивидуальная сущность двух лиц: учителя и ученика, предшественника и последователя, отца и сына. <...> Наследуется в традиции, разумеется, не только некое предметное содержание опыта, не идеи или понятия, не образы или ощущения, но самое качество переживания, опыт “жизни поверх жизни”, “жизни изобильной”... извечно оживляемой и всегда другой» [3, с. 30]. И это лишний раз подтверждает тот факт, что человек является центральным звеном в духовной трансмиссии социокультурного опыта, в системе и общественных, и межличностных отношений.

Живая, непосредственная коммуникация позволяет воспринимающему субъекту испробовать себя во все новых коммуникационных позициях и ситуациях, приобрести и укрепить навыки не только межличностного общения, но и сформировать свой устойчивый стереотип мироощущения и миропонимания, позволяющий безошибочно ориентироваться в разных культурно- и традициомерных проекциях. Другими словами, личностный модус, родово-генетическое измерение открывает возможность самообнаружения и самопозиционирования себя не только в рамках идентификационно близкого сообщества, но и вне его, в иных социальных микросистемах и сетях. Именно в личности, носителе традиции как самобытной культурной парадигмы происходит накапливание и кристаллизация (= материализация) духовного опыта в его различных стереотипных и модельно-программных формах и проявлениях. Речь идет не просто о факте формального «родового» наследования, преемственности, но о наследовании самой модели смыслопостижения, смыслодействия, смыслоразличения через призму нациоангажированного конструкта. «Костная (= генная) материя» традиции как бы формирует собственно алгоритм внутреннего действия, деятельности и развертывания системно значимых связей, отношений, открывающих пути для раскрытия потенциальных возможностей личности.

Традиция способствует организации духовного пространство человека, делая его более структурно упорядоченным, уравновешенным, позволяющим жить в согласном взаимодействии с окружающей средой. При этом она подспудно сдерживает, сбавляет спонтанные, трудно контролируемые инстинкты, желания, агрессию, тем самым внутренне дисциплинируя человека, способствует сохранению душевной цельности и полноты, взвешенному контролю действия и поступка. Невзирая на это, традицию никак нельзя отнести в разряд некоего директивного предписания, нормы, «закона», регламентирующих отношения человека и общества и предписывающих целых ряд ограничений, допущений, рекомендаций, которыми он должен руководствоваться. Традиции чуждо декларирование, императивность, ограничивающие свободу выбора и волеизъявления в силу того, что это – по своей глубинной сути – *духовный инструмент*, позволяющий поддерживать генетическую программу саморазвития, самоусовершенствования. Национальный традиционный тезаурус помогает обустроить духовное пространство, способствуя формированию ценностных и мировоззренческих доминант, служит гармонизации, упорядочиванию, согласованности разных органов единой живой системы – личного и сверхличного, единичного и всеобщего, выступает в качестве действенного условия для подлинного взаимопонимания личностей, их консубстанциальности. Кроме того, он способствует восприятию сферы чувственности «другого» (сенсорных полей), т. е. осуществлению своеобразного синергетического сближения (= соработничества). Это незаменимый фактор внутреннего роста, способный вывести человека на иную, качественно более высокую ступень самопознания, саморазвития, открыть путь к познанию глубинной сущности вещей, ощутить подлинную радость от осознания своего живого участия в жизни – радость человеческого общения.

На уровне идеального сознания традиция как бы латентно, имманентно содержит в себе «просветительскую» целевую программу, содержащую определенный реестр навыков, знаний и представлений, включая социокультурные установки и ментальные архетипы. Все они актуализируются, проявляют себя прежде всего на уровне личностного восприятия, переживания, «вчувствования» (Э. Гуссерль). Главное, чтобы эти связи не заменялись формальной коммуникацией, не виртуализировались, не профанировались. Иными словами, чтобы общение не приобретало механистический характер, а было тесно связано с психолого-суггестивными, релаксационными стратегиями.

В этом контексте новое методологическое значение обретает теория архетипов коллективного бессознательного К.-Г. Юнга. Именно архетипы, проявляющие и обнаруживающие себя на уровне бессознательного, формируют содержания наследования, усвоения и трансмиссии жизнеприобретенного опыта. Благодаря этому у людей появляется возможность сохранять и укреплять свою идентичность, самоидентичность на протяжении исторически продолжительного отрезка времени. С архетипами связана и восстановительная способность культуры, ее генеративный потенциал. В данном случае не имеется в виду собственно процесс механического замещения, возобновления недостающих элементов, утраченных или ослабивших свое значение в ходе культурно-исторической редукции. Подобная регенерация предполагает и в известной степени модернизацию элементов, символов и моделей традиции с учетом ее социально-динамической природы, возможности адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам.

Известный русский философ П. А. Флоренский неспроста уделял большое внимание «генеалогическим отношениям», «концепции родословия». И в данном случае важна роль главы рода – охранителя и транслятора традиции, обладающего строго организованной конституцией, соответствующими личностными характеристиками, что в наибольшей степени влияет на степень полноты охвата транслируемого материала, подлинной традиции. «Комментатор, – подчеркивает В. С. Семенов, – передает ученику не абстрактную («объективную»), а живую, личностную истину; вместе с истиной учитель передает ученику самого себя» [5, с. 116]. В данном случае важна природная, внутренняя сущность учителя как передающего, вещающего субъекта, образующего возле себя особый – ментальнозначимый мир – мир отношений, ориентированный на возможность осознать себя его органической, неразрывной частью. Степень усвоения во многом обусловлена моментом эмпатии (сопереживания, вчувствования), что делает традицию как бы непосредственно осязаемой, живой.

При этом не каждое частное проявление «родовой» коммуникации можно отнести в разряд традициозначимого. «Отдельный стереотип, для того чтобы его можно было назвать традиционным, – отмечает В. Аверьянов, – должен нести ответственность за свой сегмент всеобщего смысла. <...> Одно удачно подобранное слово становится той “последней каплей”, которая наполняет чашу понимания традиции, делает традицию живой. В конечном счете традицию как полную систему несет в себе весь язык образов и стереотипов, но несет и каждое слово этого языка в масштабе, соразмерном этому слову» [1, с. 50]. Именно присутствие личности учителя, наставника, предводителя рода позволяет усваивать и воспроизводить глубинную, системную сущность традиции, осознавать ее телеологическую и эсхатологическую сущность, быть уверенным в ее несокрушимости. Это методологически важный момент, потенциально способный создать эксклюзивную личностно-эмоциональную, духовную ситуацию, которая как нельзя лучше призвана служить усвоению и регенерации культурных символов и архетипов, поведенческих (адаптационных) и ценностно-мировоззренческих структур, позволяющих ориентироваться в исторически изменяющемся, динамически развивающемся обществе.

Литература

1. Аверьянов, В. В. Традиция и динамический консерватизм. (Издательская серия ИДК) / В. В. Аверьянов. – М., 2012.
2. Брушлинский, А. В. Проблемы психологии субъекта / А. В. Брушлинский. – М., 1994.
3. Малявин, В. В. Молния в сердце / В. В. Малявин. – М., 1997.
4. Сайко, Э. В. Субъект и субъектная составляющая в становлении и культурно-историческом выполнении пространственно-временного континуума социума / Э. В. Сайко // Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э. В. Сайко. – М., 2002.
5. Семенов, В. С. Бхагавадгита в традиции и современной научной критике / В. С. Семенов. – М., 1985.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

С. В. Воробьева

В рамках парадигмы критического мышления разработаны средства моделирования личностной эпистемологии. Это является основанием для методологических сдвигов в преподавании философии и логики, причиной для переосмысления стандартов образования, для построения общества, основанного на знаниях.

Эпистемология как индивидуальный способ организации знаний о мире воспроизводится в логических паттернах естественного языка, отображающих когнитивные схемы как личный опыт взаимодействия с окружающим миром. Поэтому методология критического мышления включает вопросы: Как человек упорядочивает окружающий мир посредством языковых паттернов? Каким образом они способствуют или препятствуют превращению знаний и желаний в эффективное операционное поведение? Насколько эти языковые паттерны в критическом контексте способны приблизиться к таким точным формальным системам как логика, алгебра или язык программирования C++, которые представляют собой «очищенные, разъясненные части другого, более всестороннего кода, называемого естественным языком» [1, с. 27].

Аналитическая стадия критического мышления фиксирует границы личностной эпистемологии, связывая три базовых эпистемологических элемента: «Проблема ↔ (Резоны → Заключение (Решение))», или в сокращенном виде: «Проблема ↔ Аргументация». Например, в автоэпистемической логике Р. Мура зафиксировано положение «об идеальном субъекте, обладающем способностью к неограниченной интроспекции» пропозиционального содержания и его проблемно-аргументационного структурирования [2, с. 463]. Критерием развития подобной способности выступает осознание того факта, что мышление порождается структурами языка и без обращения к опыту, т.е. эпистемологией.

С точки зрения эпистемологии личностный опыт и мышление представляют собой лингвистические отображения, имеющие ресурсные пределы. Если человек говорит «следует» или «значит», – действительно ли следует или значит? Логические функторы не просто связывают одну идею с другой, а отображают личностные схемы интерпретации. В частности, функторы «но» и «даже» обозначают разные интенции в решении проблемы. Например: «Я беспристрастен в критике, [но <...>] или [даже если <...>]». Личностная эпистемология конструирует определенную логику событий, которую можно отследить, выявляя отношения между событийными элементами: *следовательно* или *чтобы; после того, как* или *несмотря; в то время как* или *подобно тому как*. «Нам нужна наука, называемая эпистемологией, – как мы узнаем то, что мы знаем? <...> Какие искажения и упущения поступившей информации происходят?» [1, с. 120]. Каким образом поступить с обнаруженными ошибками?

Критическое понимание предусматривает реконструкцию ценностных и дескриптивных предпосылок, обусловленную структурами, например, «жизненного мира» (Э. Гуссерль), поля значений (А. Шюц) или феноменального поля сознания (А. Бек). В этих структурах необходимо различать три группы факторов: формально-логические отношения внутри языка; неформально-логические (эпистемологические) – между элементами человеческого опыта (языком) и реальностью; когнитивные схемы, определяющие интерпретацию событий. Коррелятом реконструкции являются условия приемлемости аргументов (терминологические границы), за пределами которых заключение по проблеме перестает быть ее решением, а резоны теряют свою силу.

Эпистемологические и когнитивные факторы понимания обусловлены процессом именования, который структурирует поток внешних воздействий на дискретные единицы – категории. Имена лежат в основе функционирования когнитивных структур сознания, поэтому логические операции с ними определяют процедуры категоризации – вычленение из информации значимых для субъекта категорий, позволяющих конструировать прототипы (экземплификации), а также схематизировать (например, структурировать события в виде скриптов) и строить эвристики.

Структура критической оценки как эпистемологического инструмента включает формальную и содержательную валидизацию имен, составляющих проблему, и имен, репрезентирующих ее решение и его резоны. Формальная валидность имени заключается в обозначении того, что необходимо обозначить. Содержательная валидность – в точной фиксации признаков, свойственных

предмету, явлению или процессу, обозначаемому именем. Нарушение принципа валидности имен приводит к некорректной формулировке проблемы. Допустим, псевдопроблемы возникают в тех случаях, когда один словарь описывается в терминах другого или когда имена применяются в неверном контексте.

Механизмы оценки зависят от связей между константными и переменными структурами в отношении «Проблема ↔ Аргументация» (между проблемой и заключением по ней, между заключением и резонами, а также между резонами). Манипуляции с независимыми переменными – аргументами и резонами – раскрывают возможности и пределы личностной эпистемологии как пространства построения рассуждений, которые доказуемы или опровержимы. Условия опровержения заключаются в установлении факторов, выполнение которых отменило бы, во-первых, заключение как ложное или как несоответствующее проблеме, во-вторых, резоны как формальное, строгое или релевантное условие заключения [3, с. 79–83]. Эпистемологический контроль над неизбежными подсознательными процессами языка предполагает поиск контрпримера, а не примера, подтверждающего паттерн. Согласно эпистемологическому принципу фальсифицируемости К. Поппера, на основе контрпримеров следует создавать «новые переживания мира», в котором «вы знаете, что вы не знаете, о чем вы говорите» [1, с. 204]. В противном случае – доказательстве правильности на множестве подтверждающих примеров – генерируется множество непродуктивных дискуссий и конфликтов.

Критическая коррекция и модификация структуры «Проблема ↔ Аргументация» включает поиск возможных ошибок. Основные причины их появления – это, во-первых, неправильное восприятие (наблюдение), во-вторых, некорректная регистрация и обработка поступившей информации. Они препятствуют получению устойчивых выборочных характеристик (робастному оцениванию). Логика робастного оценивания предусматривает два подхода, обеспечивающих эпистемологический контроль. Первый – отбрасывание ошибок из выборки данных и переход к точечной оценке неизвестных параметров. Второй – замену грубых ошибок на модифицированные значения с устраненными или уменьшенными ошибками и дальнейшее нахождение устойчивых оценок неизвестных параметров.

Таким образом, критическое мышление – это моделирование личностной эпистемологии, являющееся одновременно дискретным и континуальным (аналоговым) процессом. Моделирование обусловлено двумя факторами: 1) пошаговым движением в организации знаний в соответствии со стадиями анализа, понимания, оценки и корригирования; 2) компетенциями носителя языка производить контексты, в котором они оказываются приемлемыми во взаимодействии с окружающим миром.

Литература и источники

1. Гриндер, Дж. Черепахи до самого низа. НЛП нового поколения. Мастер-класс гениальности / Дж. Гриндер, Дж. Делозье. – СПб., 2007.
2. Символическая логика / Под ред. Я. А. Слинина, Э. Ф. Караваева, А. И. Мигунова. – СПб., 2005.
3. Воробьева, С. В. Логика и коммуникация: пособие / С. В. Воробьева. – Минск, 2010.

ФЕНОМЕН САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С. А. Манилкина

Современный мир стоит на пороге интеллектуальных преобразований, интеллектуальная культура является составной частью общей культуры, определяющим вектором развития личности и общества. Интеллектуальная культура – это процесс создания субъективно нового, основанный на способности субъекта деятельности порождать продуктивные оригинальные идеи и выходить за пределы стандартных требований деятельности. Она создается благодаря людям, которые концентрируют в себе высокие интеллектуальные и творческие способности. По мнению исследователей данной проблемы, снижение числа людей – носителей интеллектуальной культуры, ведет к стагнации и деградации общества [1, с. 112]. Одним из условий развития интеллектуальной куль-

туры личности является способность человека к определению своей позиции в пространстве культуры, во времени истории и в сфере личностного бытия. Рассмотрим данную проблему в контексте феномена самоопределения личности.

Самоопределение личности – сложная научная проблема, имеющая междисциплинарный статус. Данная проблема исследовалась в трудах философов: С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, М. М. Бахтина, Е. А. Латухи; психологов: Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Э. Фромма, К. А. Альбухановой-Славской, В. Ф. Сафина, М. Р. Гинзбурга, В. И. Слободчикова; социологов: Ю. А. Левада, Н. Ф. Наумова, В. А. Ядова, А. В. Петровского, Н. В. Галаниной и др.

В философии проблема самоопределения личности рассматривается в контексте философских категорий сущность человека, мировоззрение, смысл жизни, свобода воли, идеал, ценность, творчество. Методологической основой исследования процесса самоопределения является философское понимание сущности человека как активного субъекта, познающего и преобразующего мир и самого себя в процессе деятельности. Проблема самоопределения включает в себя определенную интерпретацию человеческой сущности, рассматривается как самоопределение себя в сущем. Самоопределение направлено на определение своего статуса в мире, на поиск ответов на кантовские вопросы: «Что я могу знать?», «На что я смею надеяться?», «Что я должен делать?».

Потребность в самоопределении фиксирует потребность человека к поиску экзистенциальных смыслов. В философских трудах подчеркивается, что именно потребность в самоопределении является для философа и начальным мотивом его философствования, и завершающим этапом. Аналогичный путь совершает и обычный человек, не философ, но его путь самоопределения чаще всего зависит от внешнего выбора адекватной характеру его мировоззрения смысловой ориентации на определенные идеологические, религиозные и философские системы.

С. Н. Булгаков называл философское самоопределение человека его личной религией. «По моему убеждению, определяющей силой в духовной жизни человека является его религия – не только в узком, но и в широком смысле слова, т. е. те высшие и последние ценности, которые признает человек над собой и выше себя, но и то практическое отношение, в которое он ставится по отношению к этим ценностям [2, с. 24].

Для понимания проблемы самоопределения в контексте философии важно выделить две идеи, развиваемые М. М. Бахтиным: первая – о том, что субъективная целостность личности является смысловой целостностью, и вторая – о функциональности пространства и времени. Функциональность понимается следующим образом – для человека пространство и время, а тем самым и его действия, которые разворачиваются в пространстве и времени, являются средством реализации его смысловой организации. М. М. Бахтин пишет об ответственности человека за эту реализацию. Он утверждает наличие в жизни человека пространственно-временных и содержательно-смысловых аспектов, соотносительность смысловых и пространственно-временных аспектов существования рассматривается как соотносительность смысла и действительности.

В связи с тем, что на человеке лежит ответственность за формирование собственного смыслового единства и за его реализацию, становление человека обретает форму определения себя в мире – самоопределения. М. М. Бахтин отмечает как важную характеристику самоопределения его ориентированность в будущее. Причем, он проводит различие между временным и смысловым будущим, которое имеет важнейшее значение для самоопределения: «...осознать самого себя активно – значит освящать себя предстоящим смыслом; вне его нет для меня себя самого» [3, с. 105]. Смысловое будущее выступает для человека как идеальное проецирование себя в будущее, как область ценностно мотивирующая личностное развитие. Таким образом, смысловое будущее играет первостепенную роль в личностном самоопределении.

Смысловое проецирование предполагает активную интеллектуальную работу человека со смыслами, ценностями и целями. Е. А. Латуха рассматривает понятие самоопределение личности как соотношение своего образа Я с ценностями и ролями [4, с. 11]. В своих трудах она выделяет две формы самоопределения личности – ролевое и ценностное. Проблема ценностного самоопределения актуализируется в условиях кризиса традиционных форм культуры, поведения и деятельности. Ценностная форма самоопределения характеризует процесс соотношения личностью ценностей общества, культуры с ее собственными ценностями. Результатом данного типа самоопределения является формирование ценностного поля – репертуара ценностей, который значим для данной личности.

В. И. Слободчиков на основании различий статуса и позиции личности выделяет статусное

и позиционное самоопределение. Статусное самоопределение детерминировано социальными нормами, в соответствии с социальным статусом и социальной ролью, которую человек выполняет. Позиционное самоопределение выстраивается на основании личных ценностей человека, в соответствии с его социальным опытом и жизненными ориентациями. Позиционное самоопределение определяет и дополняет статусное [5]. Характеристики статусного и позиционного самоопределения личности отражены в Таблице 1.

Таблица 1. Статусное и позиционное самоопределение личности

Самоопределение		
Тип	Статусное	Позиционное
Характер	Нормативное	Свободное
Цель	Социализация	Индивидуализация
Обусловленность	Статусом человека в социальной структуре	Ценностными ориентациями и целями человека,
Содержание	Выполнение нормативного ролевого поведения и деятельности	Смыслообразование и реализация личных идей и планов в личной, социальной и культурной сферах
Результат	Закрепление человеком своего социального статуса	Развитие человека как субъекта бытия и культуры

Существенным признаком самоопределения личности выступает смыслообразование как интеллектуальная способность личности. Личность - это субъект, свободно определившийся, сформировавший свою позицию в пространстве культуры и времени истории. Поэтому важно понимать личностные контексты и культурные ориентиры субъектов деятельности как значимые составляющие коммуникаций в интеллектуальной среде.

Таким образом, феномен самоопределения личности является не только механизмом созидания личности, но и потенциалом развития интеллектуальной культуры общества.

Литература и источники

1. Гутенев, М. Ю. Философский аспект интеллектуальной культуры / М. Ю. Гутенев // Вестн. Южно-Урал. Гос. уни-та. Сер.: Соц.-гум. науки. – 2011. – № 9 (226). – С. 112–114.
2. Булгаков, С. Н. Христианство и социальный вопрос / С. Н. Булгаков. СПб., 1997.
3. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия социология науки и техники. Ежегодник. 2005. – М., 2005. – С. 80–160.
4. Латуха, Е. А. Формы, механизмы и социальные пространства самоопределения личности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Е. А. Латуха; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филос. и права. – М., 1999.
5. Слободчиков, В. И. Психология человека: Введение в психологию субъективности: Учебное пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М., 1995.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Н. Струнина

Одним из наиболее проблемных вопросов культурной компетентности является соотношение инклюзивного и эксклюзивного характера мультикультурализма. Ряд специалистов считает, что включение в понятие мультикультурализма сексуальной ориентации, способностей, пола и др. может нивелировать понимание важности этнической принадлежности как мощного фактора человеческого существования. Такая позиция не отрицает важность человеческой идентичности, но и уходит от включения только расовых и этнических, а не других социально-демографических различий. Невключение расово-этнических различий переключает диалог в плоскость половых, социально-экономических и религиозных различий. Следовательно, развернутое понимание культурной компетентности – это включение в понятие как социально-политических и расовых аспектов, так и групповой и этнической идентичности, а также принадлежность к социальному классу, полу, сексуальная ориентация. Таким образом, необходим постоянный баланс между этими понятиями.

Для изучения и понимания формирования личностной идентичности приемлемой является

трехсторонняя схема, которую можно представить в виде трех концентрических окружностей, обозначающих универсальный, групповой и индивидуальный уровни личностной идентичности.

Универсальный уровень можно охарактеризовать следующим образом «Все люди в какой-то степени похожи друг на друга, потому что мы члены человеческого общества и относимся к виду гомо сапиенс». Универсальными для сходства являются: биологические и физические черты; общий жизненный опыт (рождение, смерть, любовь, грусть и др.); самосознание; способность использовать символы, такие как язык.

Уровень групповой идентичности лучше всего иллюстрируется следующим заявлением: «Все люди в некоторых аспектах похожи друг на друга». «Все мы рождаемся в культурной матрице убеждений, ценностей, правил и социальных практик. В силу социальных культурных и политических различий в нашем обществе, членство в определенной группе оказывает мощное влияние на восприятие групп обществом и на то, кем ее члены считают себя и других [1, с. 198–200].

Некоторые групповые маркеры являются фиксированными и неизменными (раса, пол, возраст, способности, инвалидность). Некоторые являются относительно подвижными (образование, социально-экономический статус, семейное положение, географическое положение).

Хотя культура и этническая принадлежность является относительно стабильными, некоторые исследователи утверждают, что она также может быть подвижной. В любом случае членство в группе приводит к взаимообогащению характеристиками группы индивида. Эти референтные группы – мощный рычаг, который необходимо учитывать в образовании. Человек может принадлежать к нескольким группам, но некоторые из них могут быть более заметны, чем другие (раса, религиозная ориентация). Индивидуальные характерные особенности личности могут переходить друг к другу в зависимости от ситуации, среди которых также находятся и ценностные ориентации. Ценностные приоритеты индивидов представляют центральные цели, которые связаны со всеми аспектами их поведения. С одной стороны, ценностные приоритеты, преобладающие в обществе – это ключевой элемент в культуре. С другой стороны, ценности испытывают прямое влияние повседневного опыта в изменяющемся экологическом и социально-политическом контексте. Поэтому ценности могут быть положены в основу изучения различий между социальными культурами и субкультурами, которые появляются по мере того, как социальные общности развиваются в определенных направлениях в результате их уникального опыта [2, с. 2].

Индивидуальный уровень идентичности можно сформулировать следующим высказыванием: «Люди в некоторых отношениях уникальны и не похожи друг на друга». Наш генотип гарантирует, что нет двух одинаковых людей. Даже близнецы, имеющие одинаковый генофонд, выросшие в одной семье и пережившие одинаковые ситуации качественно не идентичны. Взаимоотношения со сверстниками в школе, с родителями делают их уникальными по отношению друг к другу. Исследования показывают, что конкретные ситуации влияют на психологическую характеристику ребенка больше, чем чей-то опыт, рассказанный ребенку [3, с. 126–127].

Целостный подход к пониманию личностных потребностей включает в себя 3 уровня: индивидуальный (уникальность, неповторимость), групповой (общие культурные ценности и убеждения) и универсальный (общие черты человеческого бытия). Это приводит к более точному представлению о человеческой психологии. Если это не учитывать, то это может исказить результаты исследований и привести к смещению выводов о человеческом поведении, которое связано с культурой, классом, полом. Концентрические круги не разграничивают строго уровни идентичности. Их следует рассматривать как проницаемые и постоянно меняющиеся. Кроме того, даже в пределах идентичности могут быть изменения.

К сожалению больше внимания специалистами уделяется 1 и 3 уровню идентичности и придается меньшее значение 2 уровню. Это обусловлено следующими причинами:

1) Наше общество возникло из понятия индивидуализм, и мы традиционно ценим автономию и уникальность. В нашей культуре существует убеждение, что индивиды – кирпичики нашего общества. Так как работники образования, психологи являются носителями этих ценностей, то формирование таких ценностей становится приоритетным [4, с. 119–121].

2) Универсальный уровень согласуется с традицией научного исследования, поиском универсальных фактов, принципов, законов в объяснении человеческого поведения. Поэтому зачастую научные исследования не учитывали контекст происхождения человеческого поведения. Таким образом, результаты исследований не могут быть валидными.

3) Историческое пренебрежение к изучению группового уровня по социально-политическим и нормативным причинам. Вопросы пола, расы, сексуальной ориентации и инвалидности болезненны и щепетильны для каждого из нас, зависят от личных пристрастий и могут обернуться вопросами угнетения. Кроме того, расовые и этнические различия часто интерпретируются с точки зрения дефицита и приравниваются к ненормальным и патологическим [5, p. 15–16].

Таким образом, в процессе изучения личностной идентичности необходимо учитывать каждый из вышеописанных уровней, поскольку внимание к этнической принадлежности и проявлениям культуры является одним из фундаментальных условий в объяснении человеческого поведения. Данный подход затрагивает проблему реализации воспитательного ресурса в процессе модернизации общества.

Литература и источники

1. Atkinson, D. R. *Counseling American minorities* / D. R. Atkinson. – Boston, 1998.
2. Карандашев, В. Н. *Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство* / В. Н. Карандашев. – СПб., 2004.
3. Rutter, M. *Nature, nurture, and psychopathology: A new look at an old topic* / M. Rutter // *Developmental Psychopathology*. – 1991. – №3. – P. 125–136.
4. Samuda, R. J. *Psychological testing of American minorities* / R. J. Samuda. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.
5. Sue, D. W. *Creating conditions for a constructive dialogue on «race»: Taking individual and institutional responsibility* / D. W. Sue // *Cultural diversity: Curriculum, classroom, & climate*. – Chicago, 1999. – P. 15–20

ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДОСТОИНСТВЕ В ФИЛОСОФСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ БЛЕЗА ПАСКАЛЯ И СУЩНОСТИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Н. В. Михайлова

Великие произведения духовной культуры, как художественные, так и научные, нельзя объяснить только эпохой их создания, поскольку они подготавливаются веками длительного и сложного процесса вызревания. Математические науки уникальны как сферы культуры и существенно отличаются от других сфер интеллектуальной деятельности. Один из самых знаменитых мыслителей в истории человечества французский математик, физик и философ Блез Паскаль (19.06.1623–19.08.1662) полагал, что надо характеризовать человека, например, не как математика или оратора, а в первую очередь как «честного человека», поскольку практически невозможно свести человека к его профессиональному функционированию. Нужно «познать самого себя», считал он, но если это не поможет найти истину, то, по крайней мере, поможет хорошо и правильно направить свою жизнь. Говоря об истинах, доступных нашему пониманию, Паскаль даже считал, что «ум и сердце – это как бы врата», сквозь которые, по его мнению, «истины проникают в душу» и что не много истин она получает посредством ума, а их часть проникает через «безрассудную волю», которая не советуется с рассуждением.

Важнейшая мысль Блеза Паскаля о человеке – это мысль о его величии, которая согласуется с его пророческим предупреждением чистым математикам не превращать человека в теорему. «Человек – всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает» [1, с. 77]. Различные переводы «Мыслей» Блеза Паскаля предлагают также другие метафорические сравнения человека, очень близкие по содержанию. Например, «Человек не что иное, как тростник, очень слабый по природе, но этот тростник мыслит», «Человек самая ничтожная былинка в природе, но былинка мыслящая», «В сравнении с окружающим его миром человек – не более как слабый тростник; но он – тростник, одаренный разумением». Человек, как объект исследова-

дования, не подчиняется общепринятому порядку изучения. Но, признаки интеллектуального достоинства и философского «величия», по Паскалю, заключаются в следующем: онтологический признак – это осознание человеком бесконечности вселенной, а гносеологический признак проявляется в том, что познание человека беспрестанно совершенствуется.

Паскаль справедливо укорял нас за то, что мы не дорожим нашим настоящим, а слишком уж «торопим будущее», словно оно опаздывает, или наоборот, «призываем прошлое», цепляясь за него так, словно оно слишком рано ушло. Он поставил человека выше науки и технического прогресса, как бы предчувствуя возможную ситуацию, в которой мы в итоге оказались в новом третьем тысячелетии. В способности человека признавать существование множества не постижимых умом явлений Паскаль считал наивысшее проявление духа и «силы разума». Но если человек этого не понимает, то он все еще интеллектуально слаб, поскольку «дурному уму» недоступна не только сущность математического мышления, но и непосредственное познание. Для понимания сущности математического мышления немалую методологическую роль играет то, что Паскаль в своих «Сображениях относительно геометрии» называл «искусством убеждать», которое состоит в проведении «методичных и совершенных доказательств», а также в понимании и соблюдении условий или правил для определений, аксиом и доказательств, состоящих из трех необходимых частей. Во-первых, считал он, необходимо обязательно определять выражения, которыми в дальнейшем придется пользоваться, с помощью явных дефиниций. Во-вторых, для доказательства того, о чем идет в математическом утверждении речь, выдвигать интуитивно очевидные аксиомы или принципы. В-третьих, в процессе доказательства просто необходимо постоянно мысленно ставить на место определяемого его определение.

Паскаль жил в эпоху всеобщего преклонения перед наукой, особенно перед математикой. Поэтому тем более надо отдать должное его проницательности, когда он предвидел как отдаленные и блестящие перспективы любимой им математики, так и ограниченную сферу ее применения, обусловленную самим ее совершенством, а именно, объективностью, строгостью и четкостью ее методов и приемов достижения истины. Именно последовательное проведение в исследованиях рационалистических принципов математического мышления приводит Паскаля к пониманию того, что логико-математическое размышление исходит из некоторого набора начальных утверждений – аксиом, исходных принципов, постулатов, – которые не имеют и не могут иметь строгого математического обоснования. «Такие исходные положения человек принимает не “умом”, а “сердцем”, верой. “У сердца есть свои основания, которых разум не знает”, – говорил французский мыслитель. Сердце ведает всем в человеке, что выходит за пределы его разума, логики, сознания. Иначе говоря, в гносеологическом плане “сердце” избавляет разум от “дурной бесконечности” определений и доказательств, которые, как водится, сплошь и рядом противоречат одно другому» [2, с. 61]. Последнее, безусловно, не относится к математическим доказательствам, если математические теории рассматривать в процессе их самоорганизации как согласованного взаимодействия внутренних компонентов сложной системы философского обоснования математики.

В большинстве своем люди обладают способностью не думать о том, о чем они не хотят думать. Но есть и такие люди, которые «просто не способны не думать», а напротив того, чем больше им запрещают, тем больше они думают. Блез Паскаль говорил, что наше интеллектуальное достоинство «заключено в мысли». В этом «наше величие», считал он, а не в пространстве и времени, которые мы не можем заполнить. Исчезновение «безумных бессребреников» приведет к тому, что стремление «неутомимых прагматиков» к сверхприбыли перестанет «оплодотворяться мыслью», но тогда, со временем, может стать неэффективной и реальная практика жизни. «Постараемся же мыслить как должно» – это принцип нравственности и интеллектуального достоинства человека, завещанный нам Блезом Паскалем. Уместно также отметить, что творцы европейского рационализма не являлись «чистыми рационалистами». Так жизненный идеал Декарт сводил к рациональному идеалу математического познания, однако, все успехи «отвлеченных наук», с грустью замечал Паскаль, не сделали пока людей счастливее. Осуждая крайности, Блез Паскаль, вообще говоря, не являлся ни рационалистом, ни иррационалистом. Но ход истории философии и науки оказался таким, что, несмотря на восхищение Паскалем, за ним не пошли, а отцом новой философии стал Рене Декарт. Но за Паскалем история философии должна признать несомненную заслугу, состоящую в том, что он ставил свои философские вопросы искреннее и талантливее, чем большинство людей, писавших на такие же философские темы.

Рационализм как философское направление основой познания, источником и критерием

знания признает разум. Однако Блез Паскаль не только не старался преуменьшить возможности и силу разума, а напротив, очень высоко ценил достоинства человеческого интеллекта. «Убедительно обосновывая свой тезис о непрестанности прогресса человеческих знаний, связанного с тем, что каждое поколение усваивает, исправляет и дополняет то, что было достигнуто до него, великий французский ученый и мыслитель вместе с тем показывает принципиальную невозможность достижения нами окончательного, абсолютно верного, исчерпывающе полного знания о чем бы то ни было...» [3, с. 117]. Когда он соприкоснулся с наукой о человеке, то был поражен относительной скудостью и недостоверностью сведений, которыми она располагала. В ней не было привычного для него строгого порядка, которым отличалась его любимая математика, которая со всей своей глубиной была бесполезна здесь, поскольку вопросы, относящиеся к изучению и объяснению человека, довольно трудно систематизировать с помощью абстрактно-аксиоматического метода. Мы теперь уже знаем очень и очень много, в том числе множество ненужных подробностей сомнительного интеллектуального достоинства, но еще больше знаем вещей большой практической значимости. Однако с каждой решенной фундаментальной математической проблемой мы одновременно открываем для себя новые нерешенные философские проблемы математического знания и образования даже там, где все казалось прочным и надежным.

Литература и источники

1. Паскаль, Блез. Мысли / Блез Паскаль; перевод с французского и комментариями Ю. Гинзбург. – М., 2009.
2. Гонгало, В. М. Блез Паскаль – мистик, «философ человека» и «философ сердца» / В.М. Гонгало // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 1. – С. 58–63.
3. Богуславский, В. М. Паскаль о достоверности наших знаний / В. М. Богуславский // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 111–120.

ФАКТОР ВРЕМЕНИ В РАЗВИТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В ПОЗНАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

О. А. Левко

Проблема социального времени и его роли в познании и образовании относится к числу наиболее актуальных и наименее исследованных философских проблем. Что представляют собой человеческое мышление, познание и образование? Какова их природа? Имеют они непосредственный или опосредованный характер? И что значит – быть субъектом своего времени? Ответы на эти вопросы сразу же определяют своеобразный водораздел между психолого-педагогическим и социально-философским видением проблемы. Для психолого-педагогической науки человеческое мышление это свойство отдельно взятого индивида, его мозга, природа которого определяется психолого-физиологическими процессами организма и, соответственно, развивать мышление возможно лишь через непосредственное воздействие на данные процессы, благодаря познанию возрастных и других естественных закономерностей их развития. Быть субъектом здесь значит быть носителем человеческого мышления или индивидом, независимо от того социального пространства и времени, в которых он находится. Обращение гносеологии к субъекту, как отмечал один из основоположников феноменологической социологии знания немецкий философ К. Манхейм, способствовало возникновению психологии, использовавшей все более точные методы, в частности, психологическое мышление. Однако, чем больше точности достигала эта эмпирическая психология, чем более высокую оценку получали возможности эмпирического наблюдения, тем более очевидным становилось, что субъект ни в коей мере не является столь надежной отправной точкой для создания новой концепции мира, как предполагалось раньше. В известном смысле внутренний опыт дал нам, конечно, более непосредственно, чем внешний, и внутренняя связь между данными опыта может быть определена с большей уверенностью, если помимо всего прочего, обладать способностью систематического понимания мотивов, вызывающих отдельные действия. «Вместе с

тем стало очевидным, что полностью избежать риска, связанного с психическим анализом невозможно. Психика со всеми ее непосредственно воспринимаемыми внутренними переживаниями есть только сегмент реальности. И знания об этих переживаниях предполагает теории реальности, онтологию» [1, с. 20].

Для социальной философии мышление и связанные с ним процессы познания и образования, – это социально-культурные процессы, развитие которых опосредовано речью или языком соответствующего народа, его образом жизни и национальными образами мира, ценностями, смыслами и нормам его культуры. Быть субъектом своего времени здесь значит быть носителем этой культуры и взаимодействовать с другими людьми в соответствии с исторически изменяющимися образцами, нормами и смыслами этой культуры. Развитие мышления индивида в данном случае не сводится к неизменным естественным процессам его индивидуальной жизни, а наполняется социальным и духовным содержанием, обретает пространственно-временную форму социального творчества и социального проектирования действительности. Мышление при данном философском подходе – особая сложноорганизованная работа, сопряженная с пониманием. Понимание же – это не ясность и отчетливость образа. Оно не дается непосредственно, а является результатом особой работы – понимания, понимающая работа требует понимательных (герменевтических) средств. «Мышление – это движимое реальными силами, постоянно контролирующей и корректирующей себя процесс» [1, с. 92].

Таким образом, поставленные выше вопросы и ответы на них определяют не только различие между психолого-педагогической наукой и социальной философией. При более углубленном анализе выявляется, что и сама психолого-педагогическая наука как таковая невозможна без соответствующего философского мировоззрения.

На первый взгляд может показаться, что проектируемые педагогические системы – это дидактические системы, отражающие лишь «социальный заказ общества», с одной стороны, и опыт и знания самого педагога, с другой. А педагогическая наука имеет дело лишь с постижением закономерностей развития отдельно взятого человека как биосоциального существа и закономерности эти никак не связаны с философским мировоззрением. На самом же деле, осуществляемые в рамках общей педагогики естественнонаучные изыскания и разработка антропологических концепций есть лишь частный случай выражения натуралистической философии и философской антропологии. «Новые педагогические системы создавались и вводились философами-профессионалами: Я. А. Коменским, Дж. Дьюи, Конфуцием. В основе педагогики Я. А. Коменского лежат сенсуализм и эмпиризм. В основе педагогики Дж. Дьюи – прагматизм и инструментализм. В основе советской педагогики лежит философия диалектического материализма.

Речь, следовательно, идет о различных философских методах познания и их роли в образовании. В соответствии с этими методами и принципами по-разному осмысливаются и интерпретируются сами процессы познания и образования с позитивистской точки зрения, с точки зрения философии жизни, философии неокантианства, философской феноменологии, экзистенциализма, объективного идеализма, диалектического материализма и т. д. В одних философских системах факторам социального пространства и социального времени не придается существенного значения. В других же они выдвигаются в качестве определяющих философских категорий. По-разному понимается здесь и сущность самого времени и пространства. И то, что нередко представляется выражением самой сущности психолого-педагогической науки, на самом деле является выражением философского позитивизма и прагматизма, которые по ряду исторических причин долгое время являлись доминирующими в этой области социальной практики. Культура во всем ее содержании, то есть нормы, образцы, прототипы и эталоны, которая представлена в плане трансляции, многообразна и огромна, почти бесконечна. По отношению к реализации культуры в какой-то частной ситуации нельзя требовать реализации всех норм, всего содержания культуры. Вопрос о том, что именно из содержания культуры необходимо реализовывать в конкретной ситуации, необходимо решать каждый раз конкретно. Сущность человека, как отмечал в свое время Мартин Хайдеггер, находится не в нем самом. «Чтобы ее познать, необходимо отвернуться от человека. Человек – одна из самых главных категорий мировой философии, религии и науки. Всякое мышление полагает человека через ту антологическую картину мира, на которой оно базируется.

В то же время видеть в интеллектуальной культуре и ее зависимости от творчества человека лишь антропологическое и экономическое содержание также неправомерно. Познать самого себя

оказывается сложнее, чем познать внешний мир. Научное уяснение роли рационального и иррационального в нас самих намного сложнее естественнонаучных проблем. Не случайно поэтому, поставленные еще И. Кантом вопросы: «Кто я?», «Что я могу?», «На что смею надеяться?» – также актуальны сегодня, как и два столетия назад.

И совсем не случайно то, что наиболее глубокой онтологической формулой понятия человека до сегодняшнего дня является христианская: человек создан по образу и подобию Божьему.

Если мы вдумаемся в эту формулу, то обнаружим несколько удивительных вещей:

1. Человек создан. Он есть нечто тварное. Но ведь именно представление о тварности человека открывает место и возможность существования образования и педагогики. Представление о тварности человека не предполагает никаких мистических категорий типа влияния среды, неизвестно откуда взявшихся способностей и талантов и т. д.

2. Человек не просто создан – он создан по образу и подобию. Соответствие этому образу, подобие ему и составляет сущность человека. Вопрос заключается только в том, насколько педагогика и субъект образования правильно понимают суть этого образа. Поэтому основой христианской педагогики является теология, а не антропология или антропософия. А сильной стороной христианской, в первую очередь католической, педагогики является воспитание свободного человека, поскольку создаваемый по образу Бога-Творца, он наделяется свободой воли. Этого нет в протестантской педагогике с ее концепцией предопределения, этого нет в православной педагогике в силу ее зависимости от светской власти и политической конъюнктуры».

3. Вопрос о том, кто создает человека, в христианской формуле остается открытым. Это тоже очень продуктивно, поскольку акт творения полагается объективным, а не субъективным. Человека творит Бог, но руками самого человека.

Сущность человека задается онтологиями деятельности и мышления. Базовые схемы этих онтологий – схема воспроизводства деятельности и традиции культуры и схема мышледеятельности. При этом человек не задается и не определяется как нечто постоянное и статичное. Он изменяется в соответствии с развитием деятельности и мышления. При таком подходе тварность человека понимается не только как уже сотворенное в человеке, но и как то, что он постоянно сотворяется, продолжает твориться. Насколько процесс творения человека поспевает за развитием деятельности и мышления, определяет меру человеческого в человеке и меру нравственности. Творение человека не закончено и не закончится никогда [2, с. 56–57].

С позиции традиционной философской гносеологии и экспериментальной психологии осознать социально-культурную обусловленность познания и деятельности человека, определить его духовно-нравственную природу и роль религии в ее формировании невозможно. Общей чертой гносеологического и психического подходов изучения культурных феноменов является то, что оба они пытаются выводить смысловое значение из их генетических корней в субъекте.

Начиная с Ф. Бэкона западноевропейская и, в частности, английская философия в основу учения о знании положила не разум и разумную деятельность, а *опыт* и *эмпирику*. Это другая категория, другая основа. Постепенно в работах философов – от Бэкона до Локка и его последователей, епископа Беркли, Дж. Толанда, Дж. Пристли, Дж. Милля, Дж. Ст. Милля – выкристаллизовывался английский эмпиризм и его трактовка в духе психологизма. У Локка, например, тенденция к психологизму, если говорить о знании, присутствует уже почти в чистом виде. Для описания сознания английские эмпиристы использовали модель чистой доски – *tabula rasa*. Между чистой доской и миром происходит определенный обмен, который представляет пространство опыта. По-другому принцип опосредования выражался в схоластической традиции через введение сознания, где акцент ставился на разум и разумную деятельность. Однако логика мышления в данном случае никак не увязывается с реальным социальным пространством и временем, с особенностями интеллектуальной культуры того или иного народа. Да это и понятно.

Проблема форм времени не могла найти свою научную разработку до тех пор, пока не были созданы биологические и социальные теории. Как известно, это случилось лишь во второй половине XX века. С этого периода резко возрастает интерес к проблеме форм времени; ее исследуют и от имени философии, и от имени биологических и социальных наук. Однако результативность данного исследования напрямую связана с философией неакантианства, неогегелианства и феноменологии. Именно с позиции данных методологических подходов происходит рассмотрение социального времени как основного феномена образования. С точки зрения, например, философской феноменологии обсуждать культуру и образование, основываясь только на объектах измеряемого

мира, нельзя вообще. В этом случае категории культуры, образования и многие другие просто не имеют содержания. Пространство культуры умпостигаемо. Через процесс реализации объекты и явления культуры переносятся из пространства умпостигаемого в пространство измеряемого, или пространство социальной реализации. Содержанием отношений трансляции и реализации культуры являются нормы, образцы, прототипы и эталоны. Эти нормы, образцы, прототипы и эталоны в конкретных контекстах или условиях могут выступать как понятия или правила, как средства или натуральные объекты. Благодаря этому трансцендентные идеальные объекты умпостигаемого мира дают нам возможность построить любое понятие, но они никак не связаны с тем, что нас волнует и заботит.

Целесообразность нашей деятельности определяется ценностями и нормами культуры, имеющими вполне конкретное пространственно-временное содержание, позволяющее усматривать интеллектуальную проблему там, где в других условиях точно такое же стечение обстоятельств проблемой не является.

Фактор времени в развитии интеллектуальной культуры личности играет определяющую роль и особенно активно он проявляется в познании и образовании.

Литература и источники

1. Манхем, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М., 1994.
2. Мацкевич, В. М. Об образовании: полемические этюды / В. М. Мацкевич – Минск, 2008.

КАРЭЛЯЦЫЯ ГУМАНІСТЫЧНАГА І ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАГА

М. В. Анцыповіч

Сітуацыя з інтэлектуальным станам чалавецтва робіцца асабліва цяжкай таму, што большасці людзей падаецца нібыта тут увогуле няма ніякіх праблем, нібыта праблемы развязаюцца па ступені іх узнікнення, а лік развязаных ўжо і не пералічыць. Усемагчымымі адкрыццямі займаюцца міліёны кваліфікаваных спецыялістаў, выдаткоўваюцца і асвойваюцца агромністыя сродкі, ідзе неперапынная плынь інфармацыі, адкрыццяў, вынаходніцтваў, але, негледзячы на гэта, праблем у чалавецтва не змяншаецца. Менавіта перабор такога інтэлекта, ўзрастанне яго практычнай магутнасці, празмернае загрузшчванне ім жыццёвай прасторы чалавека, яго неўнікненне вычварэнства і нават, наадварот, яго пашырэння, зрабіліся магутнай сацыяльнай асновай пераканаўчага прыніжэння сумарнага ўзроўню чалавечага інтэлекту, татальнага абдурманьвання вялізарных мас людзей. Ліхарадка навізны ўспрымаецца за дух прагрэса. Сучасны чалавек успрымае свае жыццёвыя сілы як інвестыцыю, якая павінна прыносіць яму прыбытак. Людзі ў грамадстве багаццяў і спажывання ачолены не столькі іншымі людзьмі, колькі аб'ектамі спажывання.

Гісторыя філасофіі зрабілася стартавым пунктам для шматлікіх даследчыкаў, якія выбіралі розныя канцэпцыі разумення моманту часу, інтэрвала, перыяда, перахода і г. д. Парменід, Платон, Арыстоць у сваіх працах часта звярталі ўвагу на фармаванне новага стылю жыцця і новага вобраза грамадства, і што на гэты працэс расходуюцца нямала энэргіі, менавіта гэта і спараджае ў свеце пэўны хаос. Хаатычныя змяненні ў грамадстве, якое трансфармуецца, дэтэрмінуюцца патэнцыйна закладзенымі ў іх рознымі кампанентамі, што стварае магчымасці для дастаткова незвычайных іх варыянтаў. У дыялектыцы Геракліта ўстойлівасць і зменлівасць прадстаўлены як раўнаважлікія вымярэнні быцця. Сёння навука пераходзіць ад аналізу ўстойлівасці як стану да асэнсавання ўстойлівасці як працэса. Такая ўстойлівасць забяспечваецца дынамічнымі сістэмамі, якія развіваюцца. Зменлівасць такіх сістэм з'яўляецца неабходнай умовай іх зберажэння. Толькі прысутнасць у складаных сістэмах безперапынных змяненняў стварае ўмовы да падтрымання сваёй арганізаванасці. Гэтым жа па сутнасці тлумачацца і пастаянныя няўдачы розных скараспелых спроб хуткай рэалізацыі ідэалаў на зямлі безадносна да стану агульнай іерархічнай сістэмы ідэалаў і іх палажэння па сінусаідальнай крывой развіцця. Як адзначаў Крукоўскі, “але, як ні спакуслівай здавалася мара стварэння раю на зямлі *his et nuns*, мара тая заўсёды канчалася пеклам, калі не ўлічваўся кантэкст гісторыі не толькі грамадства, але і цэлага сусвету” [1, с. 179].

Тую ж самую карціну можна назіраць і ва ўзаемадзеянні біялагічнага і сацыяльнага

ўзроўняў структуры свету. Тут гэтае супрацьстаянне адчуваецца надзвычай востра яшчэ і таму, што мяжа паміж абодвума структурнымі пластамі праходзіць праз чалавека, дзелячы яго самога на вядомыя ўжо Арыстоцелю сацыяльную і жывёльную часткі. “І ў чалавеку заключана як бы дзве самастойныя праграмы дзейнасці (вядомы ўкраінскі ўрач – кібернетык М. Амосаў увогулле акрэсліваў чалавека як такую менавіта дзвухпраграмную істоту)” [1, с. 146]. Феербахавыя анёл і звер у чалавеку не толькі не ўжываюцца, але і нешчадна варагуюць паміж сабой. Яшчэ апостал Павел скардзіўся рымлянам, што ў членах сваіх ён бачыць іншы закон, чым у розуме сваім. Закон, які прымушае яго рабіць тое, што ён не хоча, і не рабіць, што хоча.

Быццё навукі ўсебакова ўбудавана ў культурны і грамадскі кантэкст, а па гэтаму не можа заставацца ў баку ад масавых працэсаў сучаснасці, ці масавізацыі, як працэса фармавання масавага грамадства і масавай культуры і іх узростаючае ўздзеянне на ўсе сферы соцыўма. Класічны элітарны культурны вобраз з цягам часу істотна трансфармаваўся на хвалі масавых сацыякультурных працэсаў. Поруч з гэтым у грамадскай, так і ў навуковай і філасофскай свядомасці, працягвае існаваць феномен навукі, як адназначнай сферы элітарнай культуры, што і захінае крытычна і ўсебакова заўважыць глыбінныя асновы сучаснай навукі як такой. Навука, знітаваная з масавым сацыякультурным кантэкстам, зменьваецца разам з ім. Феномен масафікацыі – феномен ў першую чаргу культурна – гістарычны, які адкрыў сабой новую эпоху ў развіцці глабальнага сацыякультурнага ўніверсума – эпоху духоўнай ідэнтычнасці, адзінакавасці, трафарэтнасці.

Масафікацыя паступова ўніфікуе людзей духоўна, надзяляючы масу новымі якасцям: імкненнем да бязмежнага спажывання, творчай апатыяй, пасіўнай жыццёвай пазіцыяй. У шчыльна знітаванай масе складана быць стваральнікам чагосці прынцыпова новага: маса ці не разумее і ігнаруе навацыі і іх стваральнікаў, ці жорстка падаўляе іх. Як і дапасавальна да ўсяго соцыўма, амасаўленне навукі, якое пачалося ў 20 ст., было заканамерным працэсам, які быў абумоўлены неабходнасцю задавальнення пастаянна растуць патрэбаў індустрыяльных дзяржаў у новых навуковых ведах, тэхналогіях і распрацоўках.

Галоўнымі крыніцамі экстрамасафікацыі робяцца, як правіла, ці пэўны сацыяльны заказ, ці незадаволенасць матэрыяльнымі патрэбамі даследчыка, які імкнецца выправіць дадзеную сітуацыю стварэннем запатрабаваных масавым грамадствам навуковага прадукта, ці то кампутарная праграма, мабільны тэлефон і г. д. Пры гэтым абсалютна не абавязкова, што дадзеныя тавары будуць ніжэйшай якасці.

Інтрамасафікацыя (intro з лац. – у сярэдзіне) працэс асабістага спасціжэння, засваення і прыняцця навукоўцамі каштоўнасцей, норм, імператываў, патрэбаў масавай культуры, ў выніку чаго ён з чалавека па перавазе аддадзенага высокім ідэалам навукі ператварацца ў аднамернага, спажывецка – арыентаванага чалавека. У рамках інтрамасафікацыі навука не знікае як вобласць ведання, сфера дзейнасці ці асобны сацыяльны інстытут, але яна сур’ёзна рызыкуе страціць не меней важны, пачатковы свой кампанент – бескарыслівае імкненне да аб’ектыўна – ісцінага ведання, якое здзяйснялася праз розум і якое гістарычна ляжала ля вытокаў навуковага быцця. Значыць, навуковай дзейнасці ўласціва ўсебаковая залежнасць ад масавага грамадства, якое выступае галоўным стымулятарам, матэрыяльнай асновай і крыніцай яе дынамічнага развіцця. Праўленнем масафікацыі навуковай дзейнасці выступаюць, галоўным чынам, яе дынамічная камерцыяналізацыя, якая падмяняе мэты навукі амаль цалкам выключна асабістымі інтарэсамі яе прадстаўнікоў, знешняй імітацыяй сапраўднай навуковай актыўнасці. Па гэтаму праблема сучаснай навукі ў тым, што яна заахочвае не столькі канкурэнцыю ідэй, колькі спаборніцтва людзей. І калі першае на словах абвешчаецца самай важнай яе задачай і нават самамэтай, то другая ўладарыць у рэальнасці. У сучасны момант ад навукі патрабуюць не проста ведаў, але такіх, якія лёгка можна было б манетызаваць, пажадана з выгадай. І як вынік, навукоўцы пачынаюць займацца не тым, што ім цікава, хоць гэта і не абавязкова так, а тым, што прыносіць грошы. “Пры такіх умовах памылкі непазбежныя. Яны іманентна належаць самому працэсу спасціжэння” [2, с. 47].

Свет навукоўцаў – гэта, ў тым ліку, і руцінныя аперацыі па падтрыманню самога працэса пазнання, ўключэнне ў сябе і трывіяльную патрэбу ў харчаванні, і пэўную арганізацыю працоўнай прасторы, і яшчэ вельмі шмат іншага. У навуцы не бывае важнага і другароднага. Ёсць ці тое, што справядліва і аб’ектыўна апісвае рэальнасць, ці тое, што робіць гэта памылкова. Справа ў тым, што свет вакол нас вельмі разнастайны і шматвоблічны, па гэтаму любыя знаходкі і адкрыцці, якімі б незначнымі яны не здаваліся б, з нагоды таго, як ён уладкаваны, аднолькава карысныя і

неабходныя. Натуральна, справядліва і іншае: навука аб прыродзе з'яўляецца гісторыяй аднаго адкрыцця, назапашваннем думак для пастаяннага ўдакладнення, ісцінасць якіх болей ці меней канчаткова ўстаноўлена, а адкрыццё каштоўнасці ці маралі не падобна на адкрыццё навуковай ісціны. Адпаведнасць эксперыменту, верыфікацыя тут зусім адсутнічае. Пагэтану “гісторыя думкі, сама гісторыя палітычнай рэальнасці дазваляе з улікам розніцы фармальных правіл і інстытуцыянальных шматстайнасцей выпрацаваць агульнасць каштоўнасцей” [3, с. 167].

Сацыяльная дзейнасць інтэлектуала мае індывідуальна, гістарычна, нацыянальна і культурна абумоўленую скіраванасць. Да метадаў інтэлектуальнай творчасці адносяцца выкарыстанне інтэлектуаламі аўтабіяграфічна спавядальнага кантэкста сваіх твораў, тэмы ўласнага жыцця як універсальнага павествавальнага матыва мастацкіх абагульненняў і як выражэння індывідуальнага характара творчай рэфлексіі. Чалавецтва дасягнула высокага ўзроўня прагрэса ў навуцы і тэхніцы, але далёка не заўсёды чалавек адчувае сябе ўпэўненым у заўтрашнім дні. Узростае колькасць лакальных канфліктаў, ёсць рызыка перараджэння іх у канфлікты глабальныя. Навука павінна адказаць на два важнейшыя пытанні: у чым прычына прысутнасці антыгуманнасці ў грамадскіх адносінах, і якія ўмовы неабходны для гуманізацыі грамадства? У вузкім значэнні гуманізм – культурная з'ява эпохі Адраджэння, якое агалошвала свабодамысленнасць і індывідуалізм. У шырокім значэнні – гістарычна сфармаваныя тры асноўныя тыпы грамадскіх адносін ў залежнасці ад спецыфікі адносін паміж чалавекам і грамадствам, і месца ў іх гуманнасці: а) альтруістычны – што чалавек існуе для грамадства; б) эгаістычны – што грамадства існуе для чалавека; в) гуманістычны, заснаваны на прызнанні таго, што як грамадства існуе для чалавека, так і чалавек існуе для грамадства.

Развіццё навукі і тэхнікі прывялі да ўзнікнення такіх плыняў, як трансгуманізм і постгуманізм. Трансгуманізм абгрунтоўвае неабходнасць перахода ад сучаснага чалавека да чалавека будучага; постгуманізм апісвае магчымы вынік гэтага перахода, калі новы чалавек (постчалавек) ужо ўзнік. Трансгуманісты дапускаюць, што нанатэхналогіі і генэтыка, стварэнне робатаў і штучнага інтэлекта спрыяюць атрыманню кантроля над далейшымі эвалюцыяй чалавека як віда *homo sapiens*, надзялення чалавека звышчалавечымі здольнасцямі, ператварэнне яго ў трансчалавека, ці постчалавека. Супраціўнікі трансгуманізма не ўспрымаюць яго гуманным, так як “паляпшаючы” сябе, чалавек можа ператварыцца ў страшыдла, не ведаючага меры, і які не прыпільноўваецца метадаў дазволенага ў вобласці культуры, рэлігіі, маралі і права. У такім разе чалавек ўжо перастае быць чалавекам у традыцыйным разуменні гэтага слова. Паводле Р. Арона, “філосафы разыходзяцца адносна сэнса, якім напоўнены фармальныя прынцыпы ў пэўную эпоху, так і таго вечнага сэнса, які ім можна прыдаць. Тым не меней, філасофская дыскусія аб суадносінах гістарычнага і ўсеагульнага не прайшлі марна. Яна робіць перасцярогу супраць абагуленых дагматызмаў. Яна і ёсць сапраўдны метада палітычнага і маральнага пошука” [3, с. 167].

Сацыякультурная поле – гэта дынамічная прастора, ў якой культура знаходзіць выражэнне ў сацыяльным (культурныя ўзоры, ўяўленні, значэнні – ў сацыяльных практыках, інстытутах), а сацыяльныя практыкі і працэсы лігітуюцца і замацоўваюцца ў той ці іншай форме ў культуры. Сацыякультурнае рэгуляванне – адзін з найважнейшых элементаў функцыянавання грамадства і дзяржавы. Яно здзяйсняецца з дапамогай дакладных грамадскіх інстытутаў і скіравана на падтрыманне ўнутранага парадку. Сацыякультурнае рэгуляванне шчыльна злучана з выканаўчасцю ўлады і ўзнаўленнем сацыяльнага парадку, а ў гэтым працэсе галоўную роль выконвае эліта. Эліта – правячая сацыяльная група, якая надзелена стратэгічным капіталам – перад усім, палітычным, і як вынік іншымі відамі капітала. А таксама здзяйсняе ўладу над грамадствам. Сюды адносяцца на агульнадзяржаўным узроўні палітыкі, чыноўнікі, бізнэсоўцы. Правячая эліта шчыльна злучана з сімвалічнай элітай (інтэлектуальная, творчая, культурная эліта – знакамітыя навукоўцы, пісьменнікі, паэты, дойдлы, акторы, журналісты, музыкі). Гэты капітал уяўляе цікаўнасць для правячай эліты з падыходу яго выкарыстання: правячая эліта надзелена палітычнай уладай, сімвалічная субэліта – культурным капіталам для здзяйснення сацыякультурнага рэгулявання.

Літаратура і крыніцы

1. Крукоўскі, М. І. Бляск і трагедыя ідэалу. (Філасофскі роздум пра ідэалы, дэмакратыю і суверэнітэт) / М. І. Крукоўскі. – Мінск, 2007.
2. Борзых, С. В. Критика знания / С. В. Борзых. – М., 2015.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РЕСУРС И ПУТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

В. А. Карпиевич

В последнее время в организациях все больше внимания уделяется вопросам управления человеческими ресурсами и их подготовкой. Здесь следует указать на различия между управлением персоналом и управлением человеческими ресурсами. Управление персоналом – это вид деятельности, направленный, прежде всего, на работников, не являющихся руководителями, а управление человеческими ресурсами представляется более сложным, многогранным явлением. Мы исходим из того, что управление человеческими ресурсами – ориентация на людей с акцентом на максимальное использование их таланта, повышение качества жизни.

Проблема управления человеческими ресурсами характерна для всех сторон общественных отношений. В целом тенденции управления человеческими ресурсами имеют глобальный характер и отражают поиски передовых компаний в создании высокоэффективных систем реализации творческого и производительного потенциала. Глобализация международных производственных отношений, общая тенденция развития мировой экономики, макроэкономические процессы внутри страны, придали качественно новую ценность человеческому ресурсу, заставили коренным образом пересмотреть его роль в производственных отношениях.

В зарубежной науке, в противовес технократическим, механистическим взглядам на трудовой процесс, разработанным в трудах Ф. Тейлора и Г. Форда, в последние десятилетия утвердился методологический подход, согласно которому человеческий фактор выступает на первое место при определении потенциала эффективности современного производства. Согласно новому подходу, механические производственные навыки уступили место умению работника использовать информационные потоки, т. е. даже для рядовых рабочих физические параметры работоспособности уступили место ее интеллектуальным характеристикам [1].

В связи с этим в ряде западных странах утвердилась стратегия управления человеческими ресурсами, согласно которой каждое преуспевающее и активно развивающееся предприятие не столько приобретает человеческий ресурс на общем рынке труда по мере технологической необходимости, сколько заранее готовит себе кадровый резерв путем обучения, подготовки потенциальных работников с учетом не только специфики конкретного вида производства, но и конкретного предприятия или производственного комплекса предприятий [2].

Известный специалист в области управления человеческим ресурсом М. Армстронг определяет управление человеческими ресурсами как «стратегический и логически последовательный подход к управлению наиболее ценным активом предприятия: работающими там людьми, которые коллективно и индивидуально вносят вклад в решение задач предприятия» [3, с. 20].

Основная цель управления человеческим ресурсом – это обеспечить достижение успеха данной организации с помощью людей. Одной из важнейших задач для организаций на современном этапе является стремление полностью обеспечить себя кадрами высокого качества, за счет этого добиться высоких результатов деятельности. Известно, отрасли, связанные с новыми направлениями научно-технического прогресса, предъявляют значительно более высокие требования к качеству используемого персонала. Поэтому данная стратегия предполагает дополнительные вложения не только в подготовку и развитие рабочей силы, но и в создание необходимых условий для более полного ее использования. Это, в свою очередь, создает заинтересованность в сокращении текучести, закреплении работников в штате организации. Отсюда и следует тенденция к существенному расширению и перестройке работы с кадрами.

Условия функционирования органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям (ОПЧС) Республики Беларусь предъявляют повышенные требования к функциональным качествам человеческого ресурса, поскольку любая аварийная ситуация на объекте влечет ощутимые потери для населенных пунктов, нарушает работу целых промышленных комплексов, создает угрозу для безопасности проживающих на близлежащих территориях граждан. При крупных авариях на объектах в зону поражения попадают достаточно большие территории, нарушение экономического функционирования которых способно подчас отражаться как на экономике страны в целом, так и

на жизни большого числа граждан.

Развитие человеческих ресурсов занимается обеспечением возможностей получения образования, развития и профессионального обучения для того, чтобы повысить показатели отдельных работников, команды и работы организации в целом. Развитие человеческих ресурсов по своей сути является ориентированным на предприятие подходом к развитию людей в соответствии со стратегическим направлением.

Активизация человеческого ресурса с помощью личной и коллективной заинтересованности требует весьма значительных финансовых вложений в социальную сферу и сферу образования. К сожалению, возможность финансирования мероприятий, связанных с подбором и подготовкой кадров, в годы кризиса стала весьма ограниченной.

Политика, стратегия и практика развития человеческих ресурсов организации должны направляться теми задачами, которые приходится решать в повседневной деятельности, и потребностями предприятия в человеческих ресурсах. Отправной точкой должны служить подходы, обеспечивающие возможности для обучения и развития. Это касается и системы подготовки и переподготовки кадров для аварийно-спасательной службы. Для этого в Республике Беларусь существует целостная система, которая позволяет не только готовить специалистов для ОПЧС, но и адекватно реагировать на изменения во внешней среде путем подготовки специалистов по новым направлениям. Однако и в сложных экономических условиях деятельность ОПЧС не может быть успешной без сохранения и повышения качества человеческого ресурса.

Политика развития человеческих ресурсов для ОПЧС должна исходить из того, что развитие человеческих ресурсов вносит основной вклад в успешное достижение организационных целей, и что инвестирование в это развитие выгодно для всех заинтересованных лиц организации; развитие человеческих ресурсов всегда должно быть связано с показателями работы, нацелено на улучшение командных и индивидуальных показателей работы, и должно вносить основной вклад в достижение окончательных результатов; каждому работнику должна быть предоставлена возможность развивать свои навыки и знания до максимально возможного уровня; признана необходимость инвестиций в обучение и развитие, а также необходимость предоставлять соответствующие возможности и средства обучения для саморазвития.

В наше время на рынке труда происходят значительные изменения, что требует серьезных корректив в отношении к работникам, политике их привлечения, удержания и мотивации. Поэтому управление человеческими ресурсами становится мощным инструментом в профессиональной работе с кадрами, что способствует росту конкурентоспособности и эффективности организации. И хотя ОПЧС Республики Беларусь, по сути, являются монополистом в области оказания услуг по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, это не должно быть основанием для самоуспокоения. Каждый руководитель ОПЧС должен осознавать необходимость постоянной работы по формированию человеческого ресурса для своего подразделения.

Создание системы управления человеческими ресурсами в ОПЧС является довольно длительным по времени этапом. Важно, чтобы основные элементы изменений, проводимых в ОПЧС, были доведены до всех работников. Это способствует формированию соответствующей организационной культуры, устранению неоправданных трудовых конфликтов, помогает снять у работников беспокойство, преодолеть сопротивление изменениям. Отсутствие же информации может привести к затягиванию процесса внедрения системы, негативной реакции персонала и сильно ухудшить ситуацию в коллективе.

Литература и источники

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999.
2. Вильховченко, Э. Социально-профессиональное развитие человека в производстве передовых стран / Э. Вильховченко // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8. – С. 45–53.
3. Армстронг, М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг. – СПб., 2009.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. И. Касперович

Становление в современной Беларуси информационного общества актуализирует необходимость философского осмысления системной природы, особенностей и динамики интеллектуальной культуры белорусского социума в его сопряженности с инновационной деятельностью и инновационным менеджментом.

Интеллектуальная культура в ее современном философском истолковании в контексте задачи построения общества, основанного на знаниях, предстает как культура мышления и речи, воплощенная в креативном сознании и деятельности. Качество и предметное содержание интеллектуальной культуры можно рассматривать как базовую характеристику современного общества, показатель его устойчивости в эпоху трансформаций и залог успешного функционирования в системе глобальных отношений. Интеллектуальная культура – многокомпонентный и сложно структурированный социальный феномен. Ее структурную архитектуру можно схематично изобразить в виде многоступенчатой лестницы движения от знания к инновационному действию, как это предложено Е.М. Бабосовым в его работе «Интеллектуальная культура – альфа и омега инновационной системы» [1].

Сегодня становится очевидным, что традиционная интеллектуальная культура, опирающаяся на принципы линейного мышления и сложившиеся традиционно формы и методы социального управления, особенно в части, касающейся отношений государства и гражданского общества, не выдерживают стремительно нарастающей нагрузки кризисными событиями и находятся в состоянии кризиса, угрожающего далеко не локальными социальными катастрофами.

Анализ происходящих процессов и научный поиск решения этой сложной проблемы до последнего времени осуществлялись и продолжают чаще всего осуществляться в рамках классической детерминистской парадигмы линейного мышления, базирующейся на представлении о мире как системе, стремящейся к равновесию. Линейное измерение природных и социальных процессов создавало иллюзию возможности целенаправленного проектирования будущего и получения запланированных результатов. На этой основе формировалась практика жесткого управления, в том числе социального («управление обществом»).

Управление представляет собой продукт сознания и воли людей, и оно является таковым, каковы сознание, мышление и воля тех, кто управляет и тех, кто воспринимает управление. Обусловленность управления сознанием и типом мышления предполагает необходимость формирования интеллектуальной культуры управленца, адекватной запросам социальной реальности своего времени.

Преодоление линейного мышления и освоение принципов нелинейной парадигмы является важным условием формирования современной интеллектуальной культуры и принципиальной возможности использования инновационных принципов в такой крайне нелинейной управленческой деятельности.

Сегодня говорят о том, что необходим креативный менеджмент. Прежде всего, речь идет о таком качестве, требующемся для современных менеджеров, как их умения воспринимать, подхватывать и стимулировать социальные инновации, т.е. об их готовности к восприятию и пониманию нового и даже неожиданного. Современный менеджер должен быть, как говорится, *open-minded*, т.е. иметь открытый, восприимчивый ум. Кроме того, креативный менеджмент означает развитие творческих способностей самих менеджеров.

Успешный управленец (лидер, менеджер) характеризуется особым типом интеллекта, отличающимся от интеллекта ученого. Этот тип интеллекта называют эмоциональным (способным убедить, вдохновить).

Если раньше вообще не учитывали иррациональных составляющих в принятии управленческих решений, преувеличивая роль логических постулатов, то сегодня развитый эмоциональный интеллект является в современном мире инструментом, ресурсом, способным повысить эффективность и ценность управления, оптимизировать модели управления.

Успех человека напрямую зависит от его эмоционального интеллекта (EQ). Впервые эту идею озвучил Дэниел Гоулман в одноименной книге «Эмоциональный интеллект» [2].

Существует много определений эмоционального интеллекта. Самое общее: эмоциональный интеллект – это навык понимания своих чувств и эмоций. Многие называют эмоциональный интеллект другими словами, но суть от этого не меняется: управление состоянием (“statemanagement”) у Тони Роббинса и принятие (“acceptance”), о котором так много пишет Стив Павлина (популярный американский автор статей по развитию личности и lifemanagement) [3], приводят к той же идее: понимание своих эмоций и своих скрытых мотивов для эффективного взаимодействия с окружающим миром.

Эмоциональный интеллект (ЭИ) – это способность человека оперировать эмоциональной информацией, то есть той, которую получаем или передаем с помощью эмоций. Понятие эмоционального интеллекта сравнительно новое и необщепринятое, однозначного понимания того, чем является ЭИ, ещё не сложилось. Эмоции несут в себе информацию. Возникновение и изменение эмоций имеют логические закономерности. Эмоции появляются и исчезают, развиваются в пространстве (от одного к другому), нарастают и исчезают, имеют свои причины и последствия. Главное – эмоции влияют на наше мышление и участвуют в процессе принятия решения.

Уровень эмоционального интеллекта можно сравнить со шкалой уровней сознания:

– Подавленность эмоциями, низкая самооценка, вина и депрессия показывают на низкий эмоциональный интеллект. Человек не может разобраться в себе и в причине своих чувств. У него портится настроение, и он становится не в состоянии эффективно взаимодействовать с внешним миром. Это означает полный личный неуспех (недоволен собой) и социальный неуспех (ничего не достиг).

– Управление эмоциями. Дисциплина показывает на развитый эмоциональный интеллект. Здесь человек понимает часть своих скрытых мотивов и учится управлять своим состоянием, временем, мотивировать себя. Такой подход позволяет эффективно взаимодействовать с внешним миром, достигать некоторых целей и добиваться некоторых успехов.

– Наблюдение за эмоциями – (рефлексия). Просветление означает наивысший эмоциональный интеллект. Человек перестаёт быть рабом своих эмоций (но продолжает их испытывать). Здесь больше нет скрытых мотивов, зато есть чёткое понимание себя и своих намерений. Сомнения больше не встают на пути. Высокий эмоциональный интеллект означает отсутствие “внутренних тормозов” для самовыражения, а, следовательно, успех становится логичным следствием любых поступков человека.

– Развитый эмоциональный интеллект – это комплекс навыков, включающий в себя: управление эмоциями, способность сопереживать другим; смелость в принятии трудных решений; предвидение скрытых препятствий; влияние на направленность действий других: умение объединить и направить усилия разных людей и создать команду – ведущий к личной эффективности. Это сплав эмоций с логическим анализом: понимание себя; понимание других людей; эффективное взаимодействие с другими; умение принимать решение.

Литература и источники

1. Бабосов, Е. М. Интеллектуальная культура – альфа и омега инновационной системы // Материалы Международной научной конференции «Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры. К 80-летию Института философии Национальной академии наук Беларуси». – Минск, 2011. – С. 132–139.
2. Гоулман, Дэниел. Эмоциональный интеллект = Emotional Intelligence / Д. Гоулман. – М., 2009.
3. Павлина, Стив. Лифт саморазвития. Как не застрять между этажами / С. Павлина. – Изд-во/производитель: Весь, 2014.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. М. Алейникова

Любая системная модернизация любого общества невозможна без модернизации сознания – в первую очередь, лиц, воплощающих в жизнь государственную политику: руководителей, государственных служащих. Выявлению места конституционных ценностей в мотивационной системе

и интеллектуальной культуре государственных служащих было посвящено социологическое исследование, основными методами которого выступили анкетный опрос и ассоциативный эксперимент. Целевыми группами респондентов стали государственные служащие – слушатели Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Государственные служащие – слушатели Академии управления высоко оценивают суверенитет и независимость Республики Беларусь, самобытность национального менталитета, являющихся для них безусловной ценностью. Основу же белорусского менталитета, по мнению респондентов, составляют такие качества как: терпимость (62,7%), трудолюбие (52%) и толерантность (45,6%). Около трети слушателей в числе важнейших качеств белорусского менталитета отметили коллективизм. Подобное структурирование государственных служащими национального самосознания во многом обусловлено их восприятием истории страны, выбором модели прошлого.

Однако, говоря об исторической преемственности, решающими факторами в формировании национального менталитета респонденты считают исключительно обретение в 1991 г. Республикой Беларусь независимости, советский период и эпоху перестройки. Периоды пребывания белорусских земель в составе Киевской Руси и Российской Империи, а также ВКЛ значимыми для белорусской государственности считают лишь 13,9 и 8,8% соответственно, что дает основание предположить достаточно поверхностное отношение государственных служащих как к генезису белорусской государственности, так и к значимости указанных факторов для современного этапа развития страны.

Главными условиями политического развития Республики Беларусь большинство опрошенных назвали демократию, проявляющуюся в выборности органов государственной власти, а также соблюдение прав человека, которые воспринимаются как универсальная ценность и реальный инструмент защиты прав и интересов гражданина. В то же время принцип приоритета норм международного права занял по оценкам одно из последних мест.

В числе основных векторов развития Республики Беларусь также указывается построение социального государства. Приведенный перечень приоритетов (демократия, права человека, социальный характер государства) в полной мере соответствует стратегической направленности развития белорусской государственности, закреплённой в ч. 1 ст. 1 Конституции Республики Беларусь: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство».

Внешнеполитические ориентации государственных служащих однозначны – 71% главным направлением развития внешней политики Республики Беларусь считают развитие и укрепление связей с Россией. Однако, помимо общей культуры двух славянских народов, связывается это направление с экономической целесообразностью: зависимостью белорусской экономики от российских энергоресурсов, единым торгово-экономическим пространством и перспективными рынками сбыта. Такие социокультурные факторы, как общий государственный язык, общие история, христианские ценности и т. п. являются для респондентов малозначимыми, выявляя тем самым, с одной стороны, жесткий прагматизм государственных служащих, с другой – в некоторой степени их традиционализм.

Около трети респондентов высказалось за равное партнерство со всеми странами и регионами, включая Азию (Китай, Индия и др.) и Ближний Восток (Иран, Пакистан, ОАЭ, Саудовская Аравия и др.). Возможность сотрудничества с НАТО и США, по крайней мере, в ближайшее время респондентами не рассматривается. Основной же причиной, препятствующей, по мнению респондентов, расширению связей Республики Беларусь с США, ЕС и НАТО, является «искусственная внешнеполитическая изоляция Республики Беларусь». «Осознание своей независимости и самобытности» граничит с «внешнеполитической экономической зависимостью от России», что выявляет некоторое противоречие в мировоззренческой позиции слушателей. Учитываются также и личные предпочтения руководства страны. Обращает на себя внимание и тот факт, что осознание единства с восточнославянским миром отметили только 4,7%.

Отдельный блок вопросов был посвящен изучению восприятия идеологии «Русского мира» – интеграционного геополитического культурно-цивилизационного проекта, активно продвигаемого российскими политическими и религиозными лидерами. Если на момент оформления и «раскрутки» в 2009–2011 гг. идеи «Русского мира» воспринимались на постсоветском пространстве в целом позитивно, то после начала военных действий на Украине, а также участия Беларуси в мирных переговорных процессах, стали оцениваться указанными сторонами крайне неоднозначно. В

этой связи актуальным стало выявление отношения государственных служащих к данному интеграционному проекту.

В отличие от студенческой молодежи, оценившей перспективу «Русского мира» как утопию и утрату Республикой Беларусь независимости и суверенитета, государственные служащие позитивно оценивают потенциал данного проекта: 64% считают его перспективным направлением внешнеполитического развития страны и возможной альтернативой другим внешнеполитическим направлениям (ЕС, НАТО и др.).

Подтверждением готовности к позитивному восприятию и реализации идеи «Русского мира» в коллективном сознании руководителей выступают и данные ассоциативного эксперимента, характеризующиеся множественностью разрозненных ассоциаций при наличии четко выраженного ассоциативного ряда (наиболее часто встречающихся ассоциаций). Его составляют «Беларусь»–«Россия»–«Украина»–«СССР»–«славяне»–«союз», что выявляет выстроенность, последовательность и непротиворечивость ассоциации. Для сравнения можно привести «студенческий» ассоциативный ряд, также представленный множественными и абстрактными, хотя в целом позитивными ассоциациями («единство», «дружба», «сила», «правильный», «союз»). Однако у студентов присутствуют и такие негативные ассоциации, как «сказка», «отсталость», «разобщение».

Таким образом, проведенный анализ полученных в результате проведенных исследований данных позволяет сделать следующие выводы:

1. Республика Беларусь как демократическое, правовое и социальное государство является главной ценностью и сформированным представлением, и соответственно – ориентиром профессиональной деятельности государственных служащих. В то же время отсылки к историческому прошлому, социокультурным и государственным традициям не являются значимыми в их мотивационной системе. Выбор конкретной модели прошлого в большей степени обусловлен жизненным опытом и личностным восприятием управленцев.

2. В оценках перспектив внешнеполитического развития Республики Беларусь у управленцев преобладает целерациональный подход: прагматичность и ориентированность на получение конкретного результата, т. е. эффективность деятельности. Приоритет отдается стратегическим партнерам и направлениям исходя не из субъективных оценок и личностных предпочтений, обусловленных стремлением к власти или получением потенциальных материальных выгод, а объективной экономической и геополитической целесообразности (наличие сырьевых и энергетических ресурсов, перспективных рынков сбыта и т. п.).

3. Конкретные знания и значимые ценности не являются взаимообусловленными и практически не пересекаются в интеллектуальной культуре государственных служащих. Респонденты обладают необходимыми знаниями в области истории, культуры белорусского общества, права и социально-экономических аспектов, однако эти знания, как правило, не сформированы в виде ценностей-стимулов их деятельности.

«Советский» менталитет – одна из основных черт интеллектуальной культуры современного государственного служащего, что необходимо учитывать как при работе с данной категорией слушателей, так и, прежде всего, в подготовке нового поколения будущих управленцев, мировоззрение которых формировалось уже в постсоветский период – период обретения Республикой Беларусь независимости.

Выявленные аспекты требуют проведения дальнейших исследований, необходимых для качественного роста и эффективного управления знаниями в условиях социально-экономической модернизации белорусского общества.

Исследование проводилось в рамках НИР «Совершенствование системы оценки деятельности государственных служащих в условиях модернизации государственного управления», № гос. рег. 20150635.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА

И. В. Воробьева

Сфера туризма и гостеприимства на отечественном пространстве стала развиваться сравнительно недавно. Соответственно, при отсутствии спроса на специалистов в данной области не было и необходимости готовить специалистов для этой сферы в широком масштабе. В настоящее время, когда конкуренция возрастает, качественная профессиональная подготовка является обязательным условием при трудоустройстве специалистов сферы туризма и гостеприимства.

Современному специалисту сферы туризма и гостеприимства необходимо владеть не только экономическими и управленческими знаниями и умениями, несколькими иностранными языками, пониманием туристической отрасли, специализированной подготовкой по одному или нескольким типам рекреационной деятельности, но и навыками культуры общения, межличностного взаимодействия, готовностью соблюдать нормы и правила этикета, работать в условиях профессионального стресса и конфликтных ситуациях, обладать рядом профессионально важных личностных качеств (ответственность, вежливость, стрессоустойчивость, позитивное мышление и т. д.); что определяет уровень профессиональной и личной культуры специалиста [1]. Профессиональная культура специалиста формируется в процессе приобретения теоретических знаний, практических умений и навыков, воспитании личностных и деловых качеств, расширения культурного кругозора (в т.ч. и связанного с туризмом), формирования личного опыта в процессе теоретического обучения и практикоориентированной подготовки (тренинги, деловые игры, практика, стажировка и т. п.).

Профессиональная этика является важным компонентом профессиональной культуры любого специалиста и представляет собой совокупность моральных норм и правил, определяющих отношение человека к своему профессиональному долгу; к людям, с которыми он связан в силу характера своей профессии. Профессиональная этика всегда выстраивает свои отношения на общих, морально-этических нормах и ценностях общества, но при этом определяет профессионально значимые приоритеты, целевые установки для конкретной профессиональной деятельности. В основе профессиональной этики в сфере туризма и гостеприимства, по нашему мнению, лежит направленность на удовлетворение человеческих потребностей, уважение к человеку, его профессии, стилю и образу жизни.

Важной особенностью туристического продукта, отличающей его, прежде всего от промышленных товаров, является широкое участие людей в производственном процессе. Человеческий фактор оказывает сильное влияние на его качество. Персонал в индустрии туризма и гостеприимства является одним из основных ресурсов и конкурентных преимуществ организации, а качество обслуживания в туристических организациях зависит от мастерства и сознательности их служащих. Удовлетворение клиента в сфере обслуживания достигается профессионализмом, а также вежливостью и отзывчивостью персонала. Эффективности делового общения способствует владение нормами этикета. В цивилизованном мире деловой этикет считается экономической категорией.

В сфере оказания туристических услуг важность этических норм ощущается не только во взаимодействии сотрудников с потребителями туристических услуг, но и работников между собой в рамках трудового коллектива. Если все сотрудники соблюдают деловой этикет, придерживаются высоких стандартов поведения, то в коллективе создается позитивная атмосфера, улучшается микроклимат, меньше конфликтов и депрессивных состояний, выше производительность труда качество принимаемых решений, рациональнее используется рабочее время.

В мировой практике выработаны следующие механизмы внедрения этических норм в деятельность организации [6]:

- формирование корпоративной культуры организации;
- этические кодексы (в рамках корпоративной культуры);
- проведение этических тренингов;
- социальные аудиты.

Корпоративная культура представляет собой весьма действенный элемент управления пер-

соналом туристического предприятия, объединяет членов трудового коллектива на основе определённого набора ценностей для совместной деятельности, а также указывает на желательное поведение сотрудников внутри организации и во внешней среде, создаёт общую шкалу ценностей для оценки деятельности персонала.

Одним из действенных регуляторов корпоративной культуры, влияющих на идентичность в организации, является этический кодекс – свод правил и норм поведения, содержащий, прежде всего, идеологическую составляющую, в которой очерчены приоритетные ценности и принципы работы компании. Это своего рода камертон, настраивающий сотрудников на базовые принципы организации труда. Цель создания корпоративных кодексов – в регламентации производственных отношений, установлении приоритетов для целевых групп, а также разрешении этических проблем, первопричина которых в мире бизнеса – противоречия в интересах групп. Безусловно, невозможно охарактеризовать и рассмотреть в кодексе любую этическую проблему, с которой могут столкнуться сотрудники. Вместе с тем письменные инструкции могут помочь разрешению этических вопросов, встречающихся наиболее часто. Они представляют собой более обоснованные, собранные воедино «путеводители» к правильному поведению, способствующие корпоративной идентификации сотрудников туристической организации; дают общий ориентир в тех ситуациях, когда трудно однозначно определить, что этично, а что неэтично в действиях менеджмента компании, т.е. когда в противоречие приходят универсальная этика и профессиональная этика. А также этические кодексы могут помочь контролировать власть тех менеджеров, которые иногда просят, даже приказывают своим подчиненным совершать не только неэтичные, но даже незаконные поступки.

Управленческий этический тренинг является еще одной возможностью внедрения этических принципов в деятельность организации. Работники, с одной стороны, знакомятся с этикой бизнеса, что повышает их восприимчивость к этическим проблемам. С другой стороны, в рамках данных тренингов менеджеры создают упражнения, моделирующие ключевые моменты деятельности организации, где акцент делается именно на этическую сторону поведения сотрудников. В форме игры группа проходит через серию этических "испытаний", в ходе которых выявляются и оцениваются моральные качества сотрудников. Также в рамках этического тренинга менеджерами могут предлагаться наборы готовых этических норм, которые включаются в общую программу подготовки менеджеров низового и среднего звена, представляются готовые решения, укладываемые в рамки этических требований, тем самым способствует практическому внедрению этических принципов в структуру принятия корпоративных решений.

Подводя итог и обобщая сказанное необходимо еще раз отметить и подчеркнуть значимость этической составляющей туристического бизнеса. Владение нормами этикета и нравственными принципами каждым сотрудником туристического предприятия влияет на имидж компании в целом, является основой для успешного и плодотворного сотрудничества с партнерами, а также способствует достижению конечной цели – получению прибыли.

Литература и источники

1. Аванесова, Г. А. Сервисная деятельность: Историческая и современная практика, предпринимательство, менеджмент / Г. А. Аванесова. – М., 2004.
2. Ботавина, Р. Н. Этика менеджмента: Учебное пособие для студентов вузов / Р. Н. Ботавина – М., 2001.
3. Власова, Т. И., Данилова М. М., Шарухин А. П. Профессиональное и деловое общение в сфере туризма: учебное пособие / Т. И. Власова, М. М. Данилова, А. П. Шарухин. – СПб, 2005.
4. Воробьева, И. В. Этические аспекты функционирования организации в условиях современного информационного общества / И. В. Воробьева // Научные труды Государственного института управления и социальных технологий БГУ / [редкол.: П. И. Бригадин и др.]. – Минск, 2004. – С. 92–108.
5. Кузнецов, И. Н. Корпоративная культура: Учебное пособие для студентов вузов. / И. Н. Кузнецов. – М., 2006.
6. Петрунин, Ю. Ю., Борисов В. К. Этика бизнеса: учебное пособие / Ю. Ю. Петрунин, В. К. Борисов. – М., 2010.

2 УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ И ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

2.1 Управление знаниями: наука, технологии, практика

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРИИ СЛОЖНОСТИ В УПРАВЛЕНИИ ЗНАНИЯМИ

Е. М. Бабосов

В пространственно-темпоральных изменениях в современном обществе, резко ускорившихся и усложнившихся на протяжении последних лет, перед пытливым философским умом возникают новые задачи, которые требуют столь же новых, нестандартных решений. Такие решения, соответствующие вызовам стремительно и нелинейно развивающегося мира в XXI веке, могут быть поняты и реализованы на основе быстрого обновления знаний и эффективного управления ими. Стремительно и зачастую непредсказуемо изменяющаяся совокупность современных знаний представляет собой сложную многокомпонентную, полиструктурную и динамично самосовершенствующуюся систему. Поэтому одним из наиболее предпочтительных вариантов обеспечения эффективного управления знаниями становится использование теории сложности, модифицированной с учетом знаниевой специфики.

Особенно актуальным такой управленческий ракурс становится в связи с тем, что в январе 2016 г на Давосском форуме политических лидеров, предпринимателей и ученых было констатировано, что в современный мир, как в цунами, втягивающие все в свой круговорот, грядет четвертая промышленная революция. Если в центре третьей промышленной революции, начавшейся в середине XX века, находились электроника и информационные технологии, автоматизирующие производства, то четвертая революция базируется, как подчеркивает швейцарский профессор К. Шваб, на комбинации знаний о физическом, цифровом, биологическом и социальном мирах, которая изменяет не только то, что делает человек, но и самого человека, его идентичность. Она изменяет целые системы, в том числе и систему знаний, приводит к замене вертикально выстроенных схем управления на горизонтальные, способствует их оптимизации. Все это вызывает к жизни новое синтетическое мировосприятие, в центре которого оказывается человек, созидаящий все более сложные и мощные технологии практического преобразования мира, основанные на управлении, комбинировании и применении знаний.

Возникает вопрос: как все это соединить с методологическими основаниями теории сложности?

В многоаспектных вариантах математически истолкованной теории сложности широко используются теория чисел, комбинаторика, теория алгоритмов, аксиоматическая теория множеств, теория вероятностей, теория многомерных пространств, теория динамических систем, исследование операций, каузальных нелинейных систем и др. В одном ряду с ними находят крупномасштабное применение ставшие общенаучными общая теория систем, разработанная Л. фон Берталанфи, принципы кибернетики – науки об управлении в сложных системах, связанной с именем Н. Винера, теория системной динамики Дж. Форрестора, теория взаимодействия хаоса и порядка, странных аттракторов, бифуркаций и фракталов И. Пригожина, а также концепция коэволюции биосферы и социальных систем академика Н. Н. Моисеева.

Теоретико-методологическим каркасом теории сложности являются шесть взаимосвязанных позиций: 1) чувствительность к первоначальным условиям возникновения и развития системы; 2) самоидентичность системы на всех этапах ее эволюции; 3) саморазвитие и самовоспроизводство системы; 4) самоорганизация системы; 5) постоянное взаимодействие системы с окружающей средой, в процессе развертывания которого непредсказуемый хаос превращается в более или менее стабильный системный порядок; 6) тот факт, что в становлении и развитии Вселенной от первоначального «большого взрыва» и до настоящего времени действует антропный принцип, приводящий к формированию и развитию мыслящего и преобразующего окружающий

мир человека. В процессе перехода от фиксации конкретных проявлений сложности к их объяснению и истолкованию мы неизбежно делаем вывод, согласно которому важными атрибутами теоретического осмысления сложных явлений и процессов являются многозначность, рациональность, применение теоретико-вероятностных методов, построение сложных математических и имитационных моделей, доказательность и верифицируемость эксплицирующих их особенности теоретических конструкций.

С учетом изложенного сложная система может быть определена как многомерный, иерархически структурированный и сложноорганизованный социальный феномен, состоящий из множества взаимообусловленных компонентов, взаимодействия которых ведут к качественным состояниям системы, отсутствующим на подсистемном уровне и не выводимым из свойств отдельных компонентов. Характерная особенность сложной системы заключается в том, что совместимость элементов и их интегративное взаимодействие создает мощный резонансный эффект – силу, значительно превышающую сумму сил, производимых элементами по отдельности. Следовательно, важной отличительной чертой сложной системы является *эмерджентность* ее качественных состояний, являющаяся результатом взаимоусиливающего действия элементов и процессов, в которые она вовлечена. А это означает необходимость в процессе теоретического осмысления и экспликации сложных систем сфокусировать внимание не на действиях составляющих их частей, а на их взаимодействии. Такие системы взаимодействуют с внешней средой не только в пределах целесообразного или приспособленческого поведения, но и по всем возможным направлениям жизнедеятельности человека, составляющего их сущностное ядро. Следовательно, правильно понять сложную систему можно только в том случае, если мы представим в качестве ее системообразующего стержня большое число человековзаимосвязанных и динамически развивающихся элементов.

Применение теории сложности в социологических исследованиях имеет несколько наиболее актуальных направлений. Первое из них связано с управленческой деятельностью в сфере политических и экономических отношений. Лауреат Нобелевской премии Г.А. Саймон выдвинул известную теорию «органической рациональности», согласно которой в условиях нелинейного, противоречивого и зачастую непредсказуемого экономического и социально-политического развития складываются ситуации, когда человек, принимающий решения, руководствуется уровнем устремлений, который он считает для себя не максимально рациональным, а удовлетворительным. Он первым включил психологические факторы в теорию принятия решений. В своей нобелевской лекции Г. Саймон говорил: «Если лица, принимающие решения, рациональны настолько, насколько позволяют им их ограниченные способности к вычислениям и несовершенная (неполная) информация, тогда, между нормативной и дескриптивной теориями принятия решений возникает тесная взаимосвязь», вследствие чего они концентрируют свои действия «в поиске удовлетворительных, а не оптимальных решений» [1, с. 331–334].

Выстраивая альтернативу классической доктрине абсолютной рациональности Г. Саймон подчеркивал, что рациональные формы человеческого поведения не исчерпываются небольшим числом инвариантов, а «процесс принятия деловых решений больше соответствует предположениям ограниченной, нежели полной (или совершенной) абсолютной рациональности». Поэтому в условиях возрастающей неопределенности и неполноты информации «в недалеком будущем теории ограниченной информации» займут одно из центральных мест в господствующем направлении экономической мысли» [1, с. 339].

Лауреат Нобелевской премии Дж. Е. Стиглиц развил новое направление в теории управления экономическими системами, которые он назвал *информационной политической экономикой*. Ее отличительной особенностью является признание приоритетной роли информации в политических процессах, в принятии коллективных решений. Он полагает, что «существует асимметрия информации между управляющими и управляемыми». Поэтому «необходимо искать способы, которые могли бы сократить масштаб информационной асимметрии в политических процессах и минимизировать ее последствия».

Конкретизируя данную позицию, Дж. Стиглиц в своей публикации «Человеческое лицо глобализации» подчеркнул необходимость энергично развивать «глобализацию знаний», отметив, что настоятельно требуется «новая инициатива и новый тип мышления». Все это опирается в расширение и повышение уровня образования. Он приводит такие данные: повышение продолжительности образования США на один год ведет к увеличению ВВП на 5–15% (не плохо было бы об этом подумать нашему министерству образования). Конечно же, все эти нововведения, считает

Дж. Стиглиц должны сопровождаться совершенствованием институциональной инфраструктуры, включающей правовую систему решения проблем корпоративного управления, ориентированного на формирование «богатого человеческого капитала, особенно человеческого и научного» [2].

Чтобы выяснить, в чем состоит сущность и роль управления знаниями как сложной системой, необходимо прежде всего определить, что представляет собой знание. Определение можно сформулировать следующим образом: знание – это сложная многокомпонентная, многоуровневая, иерархизированная, полифункциональная система создания, развития систематизации и практического применения результатов познавательной деятельности. Система знаний обладает сложной структурой: существуют ненаучные и научные, явные и скрытые, интериоризованные (усвоенные личностью) и не воспринимаемые (неусвоенные) знания, практические и теоретические знания, базовые, структурированные, личные, новаторские знания, а также знания экстериоризованные (превращенные и скрытые в явную форму), материализованные знания, воплощенные в наукоемких товарах и услугах, организационное знание, используемые в управленческой деятельности.

В структурном системном единстве этих компонентов знание предстает как идеальная форма всякой деятельности и общения, ориентированная на выработку смыслов и их истолкования и тем самым составляет предпосылку расширения горизонтов человеческого бытия. Вследствие этого человек – это такая сущность, которая, как подчеркивал М. Хайдеггер, постоянно ускользает за пределы своей повседневной экзистенции и, опираясь на углубляющиеся знания, неизменно движется вперед и выше.

Над этой сложной структурой настраивается несколько взаимосвязанных функций знания: а) генерирование новых знаний; б) применение знаний при принятии решений; в) передача существующих знаний от одних субъектов деятельности к другим; г) систематизация, координация и идентификация знаний; д) обеспечение доступа к знаниям и их освоение в процессе обучения и воспитания; е) поддержание целостности знаний в их систематизированном виде; ж) защита знаний от некомпетентных воздействий; з) противодействие всяким видам псевдознания и лжезнания. Важную практикоориентированную роль выполняют формализованные знания, которые объективируются знаковыми средствами языка, могут быть поэтому сообщены другим людям и использованы ими. Знания могут быть формализованы: в повседневном общении между людьми, например, в процессе обучения и воспитания, в документах, в персональных компьютерах, в Интернете, в базах данных, в экспертных системах.

Для эффективного управления знаниями необходимо принимать во внимание охарактеризованные сущность, структуру, функции, сложные системы знания, способы реализации знаний в различных сферах деятельности. Но прежде всего уточним в чем состоит управление знаниями. Его можно определить таким образом: управление знаниями представляет собой систематическое воздействие субъектов управления на процессы генерирования, экстернализации, накопления, хранения, передачи, распространения и практического использования знания, позволяющего в своей совокупности создавать и применять интеллектуальный капитал, необходимы для принятия и реализации решений и трансформации интеллектуальных активов во всех видах человеческой деятельности.

В философии и социологии обычно выделяют несколько уровней управления знаниями: академический, конституционно-правовой, экономический, технологический, учебно-воспитательный, управленческо-распорядительный.

На всех этих уровнях управление знаниями должно акцентировать основное внимание на творческое саморазвитие человека, на формирование у него не только знаний, но также умений и навыков в практической деятельности. Кроме того, важное место в управлении знаниями в информационном обществе должно занимать прогнозирование резонансных явлений, которые бывают незапланированными, непредвиденными и даже маловероятными.

В организации и осуществлении управления знаниями необходимо принимать во внимание одну из примечательных особенностей развивающегося знания – его способность к самовозрастанию. Характеризуя ее, известный американский экономист, профессор Стенфордского университета П. М. Ромер отмечает: «Чем больше мы узнаем, тем лучше становится наша способность открывать новое». Регулирующее воздействие на этот процесс требует хорошего механизма управления [3, с. 21, 32].

В зарубежных публикациях выделяется еще один важный аспект управления знаниями. Японский специалист в области менеджмента И. Нонака говорит о том, что «новое знание всегда

начинается с личности. Блестящий исследователь обладает видением, которое воплощается в новом знании... Неявное знание является в высшей степени личностным». Артикуляция (превращение неявного знания в явное) и интернализация (использование явного знания для расширения неявного) являются «критически важными аспектами спирали знания». Он говорит и о другом аспекте человекомерности управления знаниями: «Это управление будет наиболее эффективным в том случае, когда оно добивается претворения действительность лозунга: "Максимум человеку – минимум машине"» [3, с. 68–73].

Поскольку знания являются важным стратегическим ресурсом в развитии производства и всех других сфер деятельности, постольку возрастающее значение в информационном обществе приобретает разработка и эффективное применение знаниевой стратегии. Калифорнийский специалист в области менеджмента М. Х. Зак утверждает, что применяемая в процессах управления стратегия «подразумевает идею об основанной на знаниях... конкурентной стратегии, построенной вокруг интеллектуальных ресурсов и способностей фирмы». А органично связанные с ней «стратегии управления знаниями направляет и определяет процесс и инфраструктуру (органическую и технологическую) управления знаниями» [3, с. 192–193].

Все изложенное дает основание для утверждения, согласно которому формирование и развитие знаний является многокомпонентным и сущности своей креативным процессом, поэтому и управление данным процессом должно быть креативным, т.е. непрестанно совершенствующимся. Процесс управления знаниями сам должен быть стратегически – новаторским, создавать благоприятные возможности для возникновения, развития и практической реализации знаний в контексте достижения главной стратегической цели развития Республики Беларусь на период 2030 года – повышение уровня и качества жизни человека, всего населения страны.

Литература и источники

1. Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов. Т. V. Книга 1. – М: «Мысль», 2004.
2. Стиглиц, Дж. Человеческое лицо глобализации». Критика реформ. Экономика России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library.by/portalus/modules/ruseconomics/readme.php?subaction=showfull&id=1130409940&archive=1446114990&ucat=12>. – Дата доступа: 05.04.2016.
3. Управление знаниями. – СПб.: Изд. «Высшая школа менеджмента», 2010.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС И МОДЕРНИЗАЦИЯ

В. В. Ценкало, В. П. Старжинский

Экономика знаний – это, прежде всего новая экономическая модель народнохозяйственного комплекса, основными факторами динамики которого выступает человек и его интеллектуальный ресурс. Техногенное общество, которое приходит на смену индустриальному, для которого характерна производственно-экономическая деятельность сырьевого или перерабатывающего типа, сопровождается изменением устоявшихся и общепринятых способов решения основных проблем, базовых ценностей. Ценностные трансформации охватывают не только экономику, но и все сферы общественной жизни, включая модернизацию науки, образования, управления, социальных институтов. В условиях, когда старая модель перерабатывающей экономики постепенно теряет свою эффективность, экономика знаний может стать локомотивом технологических и социальных преобразований, основой построения конкурентоспособного общества. Именно управление знаниями становятся в ней движущей силой развития экономического базиса общества и социокультурной среды в целом.

Тогда как сырьевая экономика работает с ограниченными и не возобновляемыми источниками природных ресурсов, в экономике знаний постоянно происходит регенерация, обновление знаний, благодаря чему предприятия имеют возможность перманентно наращивать свою капитализацию. В первом случае происходит исчерпание природных ископаемых и обесценивание активов традиционных отраслей промышленности, во втором – мультипликация и тиражирование интеллектуального ресурса. Сегодня именно с этим связаны глобальные тренды экономического успеха на международных рынках.

Итак знания, интеллектуальный капитал становятся решающими факторами экономического развития. Однако следует понимать, что интеллектуальный капитал не существует сам по себе и может успешно функционировать только в инновационной среде. Именно создание такой среды становится главной задачей на современном этапе. Процесс создания инновационной среды, а более точно, формирование национальной инновационной системы (НИС) – приоритетная задача государства.

Принципы проектирования и построения НИС разнообразны, однако концентрируются вокруг ключевого понятия «инновация». Как известно, инновация развивается в рамках цикла: от осознания проблемы и ее формулирования в виде совокупности задач к поиску ресурсов как материального, так и интеллектуального характера (идей), составлению и реализации проектов, коммерциализации полученных результатов.

С формальных позиций как традиционная, так и инновационная экономическая деятельность осуществляются одинаковым образом. В самом деле, всякая деятельность включает в себя объект, воздействие на него и полученный результат. Экономика знаний содержит те же компоненты, однако ее принципиальное отличие в том, что «материалы» и «идеи» меняются местами. Экономика производит новые знания, которые превращаются в инновации и затем в капитал (самовозрастающую стоимость), а все другие факторы производства становятся сопутствующими условиями. В этой интеллектуальной трансформации производства особую роль начинает играть инновационная инфраструктура, функция которой отнюдь не сводится к вспомогательным, обслуживающим ресурсам. В экономике знаний инновационная инфраструктура становится неотъемлемой частью самого производства. Чтобы подчеркнуть эту органическую связь инновационного цикла и инновационной инфраструктуры, экономисты ввели понятие «инновационная экосистема».

Тем самым, построение экономики знаний зависит не только от наличия знания, интеллектуального ресурса, но и от готовности общества превратить его в инновации, от создания условий и возможностей для инновационного развития. Возращение инновационной экосистемы подразумевает, прежде всего, создание механизмов поддержки начинающих компаний, которые получили название «стартапов»: от бизнес-инкубирования до венчурного финансирования. Аналогично обстоит дело с построением своеобразной интеллектуальной экосистемы, включающей в себя преобразование в учреждениях системы образования в направлении большей практической ориентированности.

Если в стране получается создать правильно выстроенную инновационную экосистему, начинают срабатывать идеи и проекты, появляются успешные инновационные компании. Именно курс на инновационное развитие даст возможность в дальнейшем создавать продукты с глобальным рыночным потенциалом.

Наша страна, кроме ставки на традиционное промышленное производство, постепенно строит и основы новой экономики знаний. Об этом свидетельствует развитие Парка высоких технологий, которому в 2016 году исполняется десять лет и который стал ведущим кластером ИТ-индустрии в Европе. Некоторые созданные в Республике Беларусь продукты и бизнес-модели стали известными во всем мире. Это позволяет сделать вывод о значительном потенциале нашей страны в направлении развития экономики знаний.

Для разработки оптимальной стратегии модернизации и перехода на рельсы экономики знания очень важным является вопрос о соотношении традиционных укладов промышленной экономики и инновационной. Санкционная политика со стороны лидеров экономического развития по отношению к странам ЕАЭС, в том числе к нашей стране, поднимают вопросы национальной безопасности, показывают, что не следует безоглядно отказываться от промышленной индустрии и переходить к развитию только высоких, и частности информационных технологий. Без промышленного производства, без реального сектора экономики не может успешно существовать и развиваться ни одно государство. Все дело в том, что применение высоких технологий к традиционным отраслям промышленности повышает их эффективность, делает продукцию конкурентоспособной на мировых рынках. Инновационное развитие экономики сегодня напрямую зависит от наукоемкости и высокой технологической оснащенности производства.

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Е. С. Лученкова

Анализ опыта ведущих стран в области высшего образования определил основные тенденции развития мировой образовательной системы, которую можно обозначить как создание многоуровневой системы подготовки специалистов, отвечающей принципу диверсификации в образовании и позволяющий регулировать соотношение спроса и предложений на рынке труда.

Растущие требования к уровню профессионализма специалистов на рынке труда выдвигают новые требования к личности специалиста.

Одним из оснований формирования личности специалиста является такой уровень знаний, который помогает ориентироваться в любой новой среде, адаптироваться в условиях быстрой смены технологий. Система высшего образования должна предоставлять возможность междисциплинарного многопрофильного обучения и использование новых технологий обучения, которые и будут фундаментом многоуровневой системы подготовки.

По содержанию и структуре система непрерывного образования предусматривает два основных вида подготовки: фундаментальную (общетеоретическую) и прикладную (по специальности), что отражается в содержании и структуре обучения.

Анализ педагогических, социологических, социально-философских источников, нормативных документов показывает, что для подготовки специалистов новой формации национальная высшая школа должна отвечать определенным требованиям:

1. образовательная система должна быть мобильной и открытой, учитывать индивидуальные особенности личности;
2. содержание подготовки должно ориентироваться на обеспечение фундаментального образования, которое должно опираться на такие знания, которые не устаревают с течением времени, помогают ориентироваться в любой новой среде;
3. этап профессионального образования является «доводкой» до уровня специалиста и первой ступенью адаптации к будущей деятельности.

Исходя из изложенного, очевидным становится акмеологический подход к формированию личности специалиста.

Акмеология – знание теоретико-практического типа, современная комплексная наука, взаимодействующая с гуманитарными, естественными, социальными, техническими науками; изучает специфические закономерности психического развития человека на этапе зрелости.

Акмеология выявляет особенности специализации становления психических функций в ходе профессионализации человека; рассматривает личностную и профессиональную зрелость как высшие ступени социализации и профессионализации человека.

Невостребованность личностных качеств специалиста была реальностью до возникновения акмеологии. В науке существует много трактовок личности и личностных качеств человека, но до появления акмеологии они были все односторонними. Например, в философии личность сводится к сознанию; в психологии к устойчивости и индивидуальной специфичности психического склада человека; в социальной психологии – к временно-пространственному континууму определения личности – жизненный путь и его «кванты» – события. В акмеологии личность рассматривается с функционального аспекта личностной организации. Центральным понятием выступает личность как субъект деятельности и жизненного пути; а основным критерием считается оптимальность.

В этой связи имеет смысл рассмотреть оптимальные композиции личностных свойств, необходимых в системе образования: эффективность деятельности; максимальная самореализация личности; и как следствие достижение наивысшего уровня развития. Достижение такого уровня невозможно без творческих оснований в структуре личности.

С философской точки зрения любая деятельность человека представляет собой творческий акт, так как и субъект и объект выходят из акта деятельности иным.

Творческой называется деятельность, которая приводит к получению нового результата, нового продукта, новизны процесса, с помощью которого этот продукт был получен.

Процесс или результат мышления называют творческим только в том случае, если он не мог состояться в результате простого логического вывода или действия по алгоритму. Творческое

мышление связывают обычно не столько с решением уже поставленной кем-то задачи, сколько со способностью самостоятельно увидеть и сформулировать проблему.

Выделяют четыре фазы любого творческого решения: сбор материала, накопление знаний; созревание или инкубация; озарение или инсайт. Однако не каждый человек способен к творчеству. Прямого обучения творчеству нет, но возможно косвенное за счет условий, стимулирующих или тормозящих творческую деятельность.

Различают два вида факторов, отрицательно влияющих на течение творческой деятельности: ситуативные и личностные.

К ситуативным факторам относят: лимит времени; состояние стресса; состояние повышенной тревожности; желание быстро найти решение; слишком сильная или слишком слабая мотивация; наличие фиксированной установки на конкретный способ решения; повышенная самоцензура и др.

К личностным факторам относятся: конформизм; неуверенность в себе, а также слишком сильная уверенность; эмоциональная подавленность и устойчивое доминирование отрицательных эмоций; избегание рискованного поведения; доминирование мотивации избегания неудачи над мотивацией стремление к успеху.

Среди личностных черт благоприятствующих творческому мышлению выделяют следующие: уверенность в своих силах; формирование эмоций радости и даже определенная доля агрессивности; склонность к риску; отсутствие боязни показаться странным и необычным; любовь к фантазированию и построение планов на будущее и т. п.

Многочисленные исследования личностей пытались сформулировать главное качество любой творческой личности: творческая личность – это свободная личность, а свободная личность – это личность, способная быть самой собой, имеющая своё «я».

Главным качеством творческой личности часто называют чувство самоидентичности. Творческий человек должен ценить свою уникальную и неповторимую личность.

Для развития творческих способностей используют тренинги, прежде всего уверенности в себе; тренинг самомотивации; тренинг позитивного мышления и др.

Особый интерес представляет тренинг позитивного мышления.

Тема позитивного мышления сейчас очень популярна, особенно с точки зрения саногенного (оздоравливающего) мышления (Ю. М. Орлов). Главной задачей данного тренинга является: повышение качества жизни и развитие творческих способностей тренирующихся.

Ключевой характеристикой саногенного мышления является концентрация на преимуществах, возможностях ситуации, поиск позитива. Для усиления иллюстрации саногенного мышления имеет смысл провести сравнение двух видов мышления (патогенного и саногенного). Для патогенного мышления характерно: поиск мотива; ригидность, стереотипность, эскалация стресса; ощущение себя жертвой обстоятельств; конфликты и разрушение отношений, неудовлетворенность жизнью.

Саногенное мышление основано на поиске позитива, сознательном управлении мыслью; гибкости оригинальности мысли; выделение перспектив; удовлетворенности жизнью.

Современный специалист, попавший на рынок труда, будет конкурентоспособным только при условии определенного уровня знаний, позволяющих ориентироваться в любой новой среде и обладающий саногенным мышлением.

ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ ПОЗНАНИЕМ

Е. А. Ротмирова

Глубокий смысл в XXI веке приобретает эффективная практика решения задач развития интеллектуальной культуры относительно общекультурных трансформаций целостного мирового сообщества. Накопление, углубление, обогащение знаний, рост образованности общества привели к появлению культурологической функции познания, связанного с представлениями о Вселенной, человеке, искусстве, обнаруживая прагматическую и культурологическую тенденции, которые определили направления в отборе содержания образования в различных культурах и цивилизациях [3].

На современном этапе ведущим требованием, узаконивающим культуру развития образования, является построение культурно ориентированного образовательного процесса, позволяющего объективно оценивать общий уровень достижений обучающегося с учётом его опыта. Поэтому необходима разработка новых, адекватных задач будущего культурных механизмов, направленных на вовлечение потребителей образования в принятие стратегических и тактических решений, предъявление нового содержания, позволяющего строить культурно-ориентированный, продуктивный познавательный процесс, обеспечивающих демократизацию всех сфер управления школьной жизнью [1].

С позиции М. А. Гусаковского, образование – это практика культуропорождения, соответственно которой образовательная система есть социокультурный проект, в основе которого идея фиксации актуальной потребности, конструктивная способность, производительность и эффективность; процесс, который работает с практиками идентификации (отождествления, разотождествления) [2]. Только в условиях культуротворческой среды освоения, включённой в целостную культурно-образовательную среду, обучающиеся смогут обрести необходимый творческий опыт культуры самоуправления познавательной деятельностью. Где, ссылаясь на позицию В. С. Стёпина, ценность творчества становится новой традицией культуры, а «инновации, даже адресованные отдалённому будущему, могут быть востребованы культурой, если они не разрушают сами основы человеческой социальности, общечеловеческие и нравственные ориентиры, которые конкретизируются по-разному в различных культурах» [4].

В качестве продуктивной культурной практики управления познанием выступит проектирование, позволяющее удовлетворение потребностей в развитии проектировочных опыта и позиций через реализацию алгоритма, функций, уровней, средств этой деятельности. Процесс проектирования как культурная управленческая практика обеспечит кооперацию, соуправление педагога и обучающихся. Образ культуротворческой как внутренней образовательной среды, а также проблемное поле проектных идей призвана определять внешняя социокультурная среда. При этом процесс освоения в системе познания предстанет как взаимодействие субъектов с социальным и предметным окружением. В итоге культуротворческая среда процесса освоения, обладая развивающим характером, обеспечивая своё ресурсное обогащение и преобразование, гарантирует разнообразие форм приложения проектирования. При учёте её компонентов в рамках интеллектуально ориентированной деятельности это даст возможность гарантировать продуктивную реализацию всех познавательных действий.

Структуру культуротворческой среды освоения проектирования как эффективной практики самоуправления познанием можно рассмотреть через составляющие её ярусы. Полагаем, что субъектный ярус обеспечат педагог и обучающиеся, участвующие в процессе познания как партнёры, создающие вокруг себя управляемые, комфортные и творческие условия, кооперативные отношения. Предметно-пространственный ярус определяют внешние продукты познавательной деятельности. В организованных предметно-пространственных условиях, в ситуациях выполнения, упорядочения объектов познания проектирование позволит самовыражение всех субъектов. Учитывая, что субъективное состояние всегда имеет непосредственную связь с окружающей обстановкой, возможность его обогащения через внешние продукты проектных работ выступает как одно из требований, призванных способствовать интеллектуальному развитию. Дидактический ярус характеризуют совокупность культурных ситуаций, реализуемых в определённый учебный период (цикл), диктующих особый культурно-проектировочный стиль познавательного процесса, узакониваемые компонентами (мотивационно-ценностный, образно-целевой, проблемно-содержательный, нормативно-созидательный, культурно-управленческий, презентационно-продуктивный).

Особого внимания заслуживают проблемно-содержательный, культурно-управленческий и презентационно-продуктивный компоненты. В соответствии с требованиями проблемно-содержательного компонента управляемый познавательный процесс призван способствовать развитию учеников и сам зависеть от степени их развития. Это возможно в ходе самостоятельной культурной практики и через содеятельность как организационно-управленческое взаимодействие педагога и обучающихся. Обучающийся как проектировщик, находящийся в знакомой ситуации, проектирует с чьей-то помощью. На уровне проектных заданий (упражнений и задач) он развивает начальный проектировочный опыт, а далее - проектирует совместно и самостоятельно на уровне оргпроекта по образцу-аналогу, проявляя позицию самоорганизующего субъекта. Проектируя на уровне поис-

кового оргпроекта, постепенно переходя на уровень реализации поисковых проектов, обучающемуся предоставляется возможность выйти в позицию саморегулирующего деятельностью субъекта. На последующих этапах осваивается практика управления на уровне авторских оргпроектов при развитии позиции самоуправляющего деятельностью субъекта.

Особенность проблемно-содержательного освоения культурной практики управления в том, что на первом этапе этот процесс осуществляется в рамках блочно-модульной адаптивной системы организации, как мотивированный и узаконивающий процедуру совмещения этапов развития проекта и его авторов. На втором этапе реализуются ситуации последовательного процесса освоения, обеспечиваемого методическим инструментарием через содержание подблоков, модулей, гарантированное на предоставление детям возможностей и прав, создание и преобразование ими личной микросреды. На третьем этапе освоение обучающимися проектной деятельности, обусловленное задачами продуктивного планирования, содержанием учебного блока «Проектирование», обеспечиваемого разработанной методикой, реализует цели и ценности субъектов.

Содержание культурно-управленческого компонента дидактического яруса позволяет узаконить ситуации соуправления педагогом и обучающимися. Обучающийся выступит как субъект, имеющий свой индивидуальный опыт, способный к управлению деятельностью, в условиях культурного баланса сотрудничества и соревновательности, при равномерном несении рисков и получении выгод, обретая ценности и личностные смыслы познания и жизни. На первом этапе обучающиеся активно привлекаются к организации, в процедуры анализа, совместного и самообеспечения информационно-знаниевого процесса в позиции самоорганизующих субъектов. На втором - реализуется регулируемое с помощью своевременно применяемых процедур рефлексии и экспертизы освоение проектной деятельности с установкой на эмоционально волевое самообогащение учащихся как саморегулирующих субъектов, а на третьем этапе - осваивают процедуры управления своей деятельностью. Тем самым осуществляется осмысленный, продуктивный процесс, реализуемый через соотношение новых идей, выдвигаемых обучающимися, с духовно-значимым эталоном, подвижность проектировочных позиций самоуправляющих системой познания субъектов.

Организация в процессе освоения культурных акций предъявления образцов действий и продуктов проектирования возможна в ситуациях соблюдения установок презентационно-продуктивного компонента. Процесс освоения проектирования должен быть направлен на продуктивность, на соблюдение и развитие культуры презентации продуктов познавательной деятельности. Именно внутренние (проектировочные: опыт (субъектно-смысловой, содержательно-деятельностный ресурс), возможности, позиции) и внешние продукты, предъявляемые через процедуры презентации, рассматриваются как показатели эффективности освоения проектирования. В таком случае, обучающийся, освоивший проектирование как культурную практику управления собственной познавательной деятельностью, выступит как субъект, способный самостоятельно, творчески и продуктивно решать интеллектуально значимые задачи через выполнение и предъявление результатов проектных работ. Особенность этого процесса в том, что на первом этапе осваиваются культурные акции рекламы и презентации проектных продуктов, выполненных на уровнях проектных заданий и проектов по образцу-аналогу. Далее – осваиваются способы рекламирования и презентации проектных продуктов, созданных на уровнях поисковых проектов. На завершающем этапе осуществляется реализация управляемых процессов рекламы, презентации и транслирования продуктов, разработанных на уровнях авторских проектов.

Таким образом, процесс управления познанием выступит как культурная акция, интегрирующая деятельность субъектов познания с деятельностью внешней социокультурной среды, направленной на преобразование образовательной действительности посредством собственного ценностно-эмоционального самоопределения, изменения авторских смыслов познания деятельности и формирующая авторскую управленческую позицию. Проектирование как ведущая технология современного познавательного процесса, как культурная практика управления познавательной деятельностью будет реализовываться педагогом и обучающимися через обращённость их к взаимному миропониманию и сотрудничеству.

Литература и источники

1. Бочкарёв, В. И. Теория и практика демократизации управления общим образованием в России: монография / В. И. Бочкарёв. – Челябинск, 2007.

2. Живая педагогика: Открытость. Культура. Наука. Образование: материалы круглого стола «Отечественная педагогика сегодня – диалог концепций». – М., 2004.
3. Слостенин, В. А. Теоретические предпосылки инновационной деятельности учителя / В. А. Слостенин // Сибирский педагогический журнал. – 2006. – № 2. – С. 3–27.
4. Стёпин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб., 2011.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СТРАНЫ

Л. А. Парфёнова

Государственное управление знаниями осуществляется с помощью выработки соответствующей идеологии и политики. Выработка этой политики и идеологии основывается на соответствующих принципах теоретического и практического мышления. Принцип в данном случае предстает как руководящая идея или основное правило, которого придерживается система государственного управления. В соответствии с этим принципом сама политика и идеология представляются принципиально по-разному. В одном случае они трактуются как результат теоретической деятельности, связанной с выработкой стратегии и тактики образования. Такое теоретико-методологическое видение политических проблем характерно, например, для марксистско-ленинской философии. Во втором, – как выражение практического мышления народа, его менталитета и ценностей. Данная позиция присуща главным образом для феноменологической философии и социологии. В третьем, как некое единство теоретического, или идеального, и социально-психологического или практического начал. Подобный интеграционный подход присущ в основном для идеологов постнеклассической рациональности. Первый принцип, по мнению Эриха Фромма можно представить как принцип «иметь», а второй, как принцип «быть». В одном случае ставка делается на достижение идеала, во втором – на реальное бытие. Представители интеграционного подхода стремятся сочетать и то, и другое как единое целое. Реализация этих принципов в воспитательной и образовательной практике создает совершенно различное образовательное пространство и среду воспитания, а, следовательно, и определяет различную мотивацию учебной деятельности.

В то же время, каждый из этих принципов нельзя противопоставлять друг другу, поскольку идеальное и реальное начала в социальной жизни не существуют в отрыве друг от друга. Такая позиция выступает исходным пунктом неклассической и постнеклассической рациональности. А поскольку, на сегодняшний день, в философии и науке по-прежнему доминирует классическая рациональность, основанная на противопоставлении объективного и субъективного, материального и идеального, сознательного и бессознательного, то и результаты управления знаниями проявляются чаще всего в диаметрально противоположных ценностно-нормативных позициях организаторов образования и самих учащихся или позициях «иметь» и «быть». Ориентация лишь на идеал, желаемое будущее, порождает стремление к обладанию, достижению поставленной цели и улучшению своего материального благополучия. Ориентация на традицию, сохранение существующей национальной и народной культуры порождает с одной стороны некий консерватизм мышления, а с другой стремление изменить свое бытие благодаря улучшению или совершенствованию уже существующего образа жизни.

В зависимости от институциональных и социально-культурных принципов государственного управления происходит не только передача от поколения к поколению знаний и опыта, но и конструирование различных социальных институтов, в том числе и школы.

Наиболее распространенным в государственном управлении является принцип идеального проектирования и конструирования социальной реальности. В соответствии с этим институционально-организационным принципом, идеология и политика образования фактически тождественны *стратегии и тактике* государственного регулирования образовательным процессом. *Стратегия в данном случае* предстает в виде крупномасштабных решений и намеченных направлений деятельности в виде ее этапов, рефлексии, мотиваций, совокупности приемов, а *тактика* – формы политической, образовательной и других ее видов, направленных на достижение того или

иного этапа стратегии. Определяющая роль при этом отводится теоретическому мышлению, основными свойствами которого являются анализ и рефлексия.

Целеполагание при выработке идеологии и политики на этом уровне осуществляется благодаря прогнозированию. Рефлексия в данном случае становится основой проектирования или конструирования образования как социального института. Образование как социальный институт предстает в виде *организационно-технической среды* целенаправленного воспитания личности учащегося или специального учреждения призванного удовлетворять потребности общества и личности в образовательных услугах. В этом качестве образование выступает как совокупность различных форм организации и регулирования общественных отношений, специальных учреждений, системы норм, социальных ролей, обеспечивающих реализацию функций, необходимых для существования и развития, как социальных общностей, так и всего общества в целом. Основным показателем жизнедеятельности человека на уровне его организационно-технической среды является ограничение свободы действия и поведения. Следствием такого целеполагания является доминирование административной педагогики или педагогики насилия. Это становится неизбежным в силу того, что существующая социальная реальность подменяется идеальной моделью этой реальности в виде своеобразного свода норм и правил. Созданное таким образом учебное заведение обретает черты социальной организации закрытого типа подобно институту благородных девиц или военному училищу. Эффективность воспитательной деятельности такого института образования определяется степенью его изолированности от внешнего мира. Форма здесь становится важнее содержания. В качестве такой формы в данном случае выступают соответствующие образцы и нормы поведения, знания в виде готовых истин, которые надлежит лишь загрузить в память и затем извлечь из нее на экзамене. Учащийся усваивает понятия, а фактическое богатство живой жизни, еще им не осмысленное, при этом используется лишь как огромная кладовая «наглядных примеров», лишь подтверждающих готовые, бессмысленно заученные прописные истины. Такого человека интересует лишь то, что сказал или написал другой, но его не интересует сама вещь или факт. Образование, получаемое таким образом, является формальным образованием. Оторванность от реальной социальной жизни становится важнейшей сущностной чертой системы образования такого типа. И эта оторванность института образования от реальной жизни, во, многом сохраняется по сей день. И сегодня на первый план, считает Г.П. Щедровицкий, выдвигаются вопросы методов и форм организаций ситуаций, в которых возможна активизация, а вопросы содержания обучения и подготовки отходят на второй план.

Содержание образования, считает П. Г. Щедровицкий, должно рассматриваться с точки зрения процессов освоения и усвоения структур человеческой культурно-исторической деятельности. Необходимо двигаться от законов усвоения и развития ребенка. То есть учебные заведения закрытого типа должны уступить место учебным заведениям «открытого типа». А для этого требуется совершенно другая политика образования, основывающаяся не на умозрительных философских концепциях, а на анализе реального положения дел в обществе. Реальное же положение дел определяется не столько организационно-техническими средствами, в том числе и педагогическими, сколько требованиями времени, уровнем социально-экономического и социально-культурного развития общества. Является ли образование и знания величайшей ценностью данного общества или нет, и имеют ли они для каждого учащегося личный смысл, зависит не только от педагогического мастерства учителя. Гораздо больше это зависит от культуры народа, его образа и стиля жизни, менталитета, от государственной идеологии и политики. Экономическая и социальная отдача системы образования не могут быть достигнуты только за счет внутренних, собственно педагогических ресурсов, работы педагогических коллективов, учителей и преподавателей. Все эти факторы, безусловно, важны, но отнюдь не меньшее значение имеет реальный общественный статус образовательно- педагогической деятельности, и то внимание, которое уделяется ей законодательной и исполнительной властью, средствами массовой информации, научно-техническими, производственно-технологическими и социокультурными организациями, выступающими в качестве потребителей «продукции» учебных заведений разного типа.

Политика в области образования – одно из наиболее приоритетных направлений долговременной стратегии экономического и социального развития любого цивилизованного государства. Несмотря на то, что социальная политика в области образования имеет свою специфику в различных социальных системах и на различных этапах исторического процесса, в ней все же можно выделить сущностное ядро: во-первых, это использование системы образования для удовлетворения

потребностей в определенной социально-профессиональной структуре, во-вторых, для передачи знаний и социального опыта от поколения к поколению. В этом плане политику образования возможно рассматривать через призму общецивилизационного развития в контексте глобализации.

Однако характер и степень такой интеграционной политики всегда ограничен особенностями национальной культуры. Любое образовательное учреждение предстает не только в виде организационно-технической среды и системы управления, но и в виде социальной общины, определенной национальной, регионально-территориальной, поселенческой, половозрастной и других видов культуры. При государственном регулировании образовательных процессов приходится учитывать и сформировавшуюся повседневную среду социальной жизнедеятельности в различных природно-климатических условиях, а также национальные образы мира и обыденного сознания, в частности, национальный менталитет, национальный характер т. д., проявляемые на бессознательном уровне.

Литература и источники

1. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм; пер. с англ. – 2-ое дополн. изд. – М., 1990.
2. Щедровицкий, Г. П. Очерки по философии образования / Г. П. Щедровицкий. – М., 1993.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ – ОСНОВА ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СИСТЕМ МЕНЕДЖМЕНТА ЗНАНИЙ

В. С. Кулик, С. Б. Савелова

Современные подходы к управлению знаниями основываются на том, что знания не существуют в готовом виде. Фактически, они непрерывно производятся в процессе обработки знаний при их использовании в различных бизнес-процессах (knowledge processing).

Использование знаний в бизнес-процессах «проверяет» качество имеющегося знания и людей, и организации в целом, помогает выявить новые проблемы, формируя спрос на новые знания и его удовлетворение. С этих позиций в организации система управления знаниями представляется как управление качественными свойствами и характеристиками самой организации как социокультурного феномена. По существу, система менеджмента знаний есть система менеджмента организации, в которой знание является *основным объектом управления*, а традиционно конституирующие систему управления элементы (процессы, структура, техника и технология, люди) являются *производными (подчиненными)* знанию как системообразующему элементу организационной системы.

Как объект управления, знания характеризуются высокой разнообразностью и динамичностью, что детерминирует необходимость их систематизации. В генерализированном виде можно выделить два основных подхода к систематизации знаний в организационных системах менеджмента знаний (СМЗ).

Основанием для структуризации знаний в организации в первом подходе могут быть технологии и среды работы со знанием, состоящие из совокупности аппаратных и программных компонентов, обеспечивающих, в конечном счете, эффективное взаимодействие специалистов как в процессе решения производственных задач, так и в процессе расширенного воспроизводства знаний. СМЗ в таком случае рассматривается как некоторая надстройка над современной информационной системой организации [1, с. 194].

Система управления знаниями в организации при таком подходе к систематизации знаний – это комплекс деятельности по управлению процессами расширения знаниевого потенциала людей, организации работы людей со знанием и использования знания для организации бизнес-процессов. В такой СМЗ специалист в организации рассматривается как основной источник знаний, которому она обязана оказывать помощь в предоставлении недостающих знаний, в использовании имеющихся знаний в процессе генерации идей и решении задач, а также в создании новых знаний [1, с. 192]. В таких условиях СМЗ предоставляет работникам широкий набор средств и эффективную среду для профессионального общения на более высоком уровне – на уровне моделирования

бизнес-процессов с помощью теорий, концепций, достоверных знаниевых утверждений и представлений.

В основу второго подхода к систематизации знаний в организационных СМЗ положена целевое и функциональное назначение знаний в системе деятельности организации: само по себе знание становится базой для проектирования осуществляемых в организации процессов, описания их, установления связей между ними и выделения на этой основе элементов организационной структуры. При таком подходе в организации, прежде всего, предполагается выбор критериев для структуризации знаний, задающих основания, по которым организация сможет построить работу по управлению знаниями и бизнес-процессами.

В исследованиях систем менеджмента знаний отмечается особое значение трех критериев систематизации знаний, которые в наибольшей степени отражают их специфику как объектов управления в организации: эпистемологический, онтологический, формальный.

Эпистемологический критерий, согласно которому выделяют два вида знания: явное и неявное [2]. Под явным понимают то знание, которое может быть выражено словами и цифрами, относительно легко изложено и распространено в виде чисел, формул, алгоритмизированных процессов и всеобщих принципов. Оно характеризуется как определенное и точное, что создает возможности для записи и сохранения его содержания. Явное знание можно кодифицировать и формализовать, поэтому его также называют кодифицированным/формализованным знанием.

К неявному относится знание, которое, существуя в сознании людей, труднее передавать другим людям: извлечь и передать словами, а также сохранить. Оно плохо поддается кодификации и формализации, поэтому его нередко называют некодифицированным/неформализованным знанием. Такое знание базируется на личном опыте, полученном в определенном контексте, и привязано к конкретному лицу и ситуации. Персональный характер этого знания затрудняет коммуникации его доноров и реципиентов, что делает порой невозможным использование его всеми, кроме самого владельца знаний. Между тем, неявное знание, существующее в форме предположений, умений и навыков, о которых их владелец нередко не имеет четкого представления, может быть объективировано в виде интеллектуальных моделей (например, схем, парадигм, подходов, убеждений и точек зрения).

Онтологический критерий, в основу которого положена онтология знания, относящаяся к уровням его создания. В соответствии с ним знания подразделяются на индивидуальные, групповые, организационные и межорганизационные [2]:

индивидуальные знания (персональные, личные), как правило, формируются в процессах образования и социального взаимодействия людей в обществе и являются исходными составляющими для формирования остальных видов знаний;

групповое знание лежит в основе устойчивых моделей коллективных реакций и внутренних взаимодействий локальных объединений (групп) людей в организации;

организационные знания определяются как разделяемая совокупность принципов, фактов, умений, правил, которыми руководствуются при принятии решений, выработке поведения и в деятельности. Создание организационного знания происходит посредством социального взаимодействия явного/формализованного и неявного/неформализованного знания;

межорганизационное знание определяется как общее знание нескольких организаций, свободно «перетекающее» из одной организации в другую и обеспечивающее дополнительное конкурентное преимущество каждой из них, а также знание организации о потребителях и знание потребителей об организации.

Формальный критерий отражает формы существования знаний в организациях. Он предложен Ф. Блэклером, который классифицировал формы знаний следующим образом [3]: *включенные в технологии*, нормы и организационные процедуры; *включенные в культуру* в качестве общих соглашений, историй, ценностей и убеждений; *воплощенные в практических*, основанных на деятельности компетенциях и навыках членов организации (практические знания или «ноу-хау»); *понимание и когнитивные навыки* ключевых членов организации (понятийные знания или ноу-хау).

Каждый из этих критериев определяет одну из качественных характеристик знания как объекта управления, которые находятся между собой в отношениях детерминированности и взаимопроникновения. При проектировании организационных СМЗ следует принимать во внимание все три критерия в комплексе, что позволит обеспечить и инновационное развитие основной деятельности организации, и развитие ее организационной структуры.

Таким образом, выбор подхода к систематизации знаний становится или базой обеспечения эффективности функционирования организации, или основанием для становления и развития самой организации в целом.

Литература и источники

1. Тузовский, А. Ф. Системы управления знаниями (методы и технологии) / А. Ф. Тузовский, С. В. Чириков. В. З. Ямпольский; под общ. ред. В. З. Ямпольского. – Томск, 2005.
2. Нонака, И. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах / И. Нонака, Х. Такеучи. – М., 2011.
3. Салихов, Б. В. Управление знаниями [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bv-salikhov.ru/sistema-upravleniya-znaniyami.html> – Дата доступа: 26.09.2015.

СУЩНОСТЬ И МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИИ

Т. Е. Титовец

Проблема наращивания интеллектуального капитала организации с целью повышения ее производительности и конкурентоспособности входит в число актуальных научных исследований социальной сферы. Ключевым понятием в разработке методологических основ решения данной проблемы выступает менеджмент знаний – процесс создания, сохранения и передачи нужного знания (или источника знаний) нужным пользователям в нужное время и во благо развития системы, частью которой они являются.

Существует множество подходов к типологии методов менеджмента знаний, практикуемых в социальной практике. Наиболее эффективным, с нашей точки зрения, является выбор оснований для типологизации исходя из структуры менеджмента знаний. Цикл управления знаниями включает в себя последовательное прохождение следующих этапов: распознавание (обнаружение) ценных знаний, их категоризацию, процессы трансляции знаний, воспроизведение в новых условиях (или новым лицом). На каждом из этапов могут использоваться специфические для него методы менеджмента знаний. Рассмотрим каждую из групп этих методов подробнее.

Знание, продуцированное внутри организации, может успешно использоваться ее сотрудниками в целях собственного профессионального роста и повышения жизнеспособности самой организации. Но прежде чем это знание станет достоянием многих членов организации, оно должно быть кем-то отобрано и оценено, как знание важное и необходимое для освоения. Существуют разные количественные и качественные методы распознавания ценного знания, накопленного за историю существования организации. К ним относятся: индивидуальное и групповое интервьюирование, организация работы фокусных групп, опросники, анализ сетевой структуры, включенное наблюдение. Для выявления паттернов статистического характера могут использоваться информационные технологии. В зарубежной практике управления знаниями с целью распознавания ценного знания наиболее продуктивных сотрудников просят описать алгоритмы своей работы и логику решения профессиональных проблем (при этом выдвигаются особые требования к терминологии, используемой для презентации личного профессионального опыта).

Степень ценности того или иного знания для организации определяется двумя критериями: эффективностью (незаменимостью) этого знания для решения стратегических задач организации и шириной распространения этого знания среди сотрудников. Чем меньшее число экспертов владеет каким-либо родом знаний и чем ближе эти эксперты к пенсионному возрасту, тем более ценным считается их знание и тем острее осознается необходимость перевода их знания на общедоступный уровень (до того как они уволятся с организации).

Этап категоризации является также важным звеном менеджмента знаний: знание будет успешно транслироваться от одного лица к другому только в том случае, если оно обработано и переведено в доступную форму для усвоения и не вызывает недопонимания со стороны пользователя. Иными словами, оно должно быть представлено на уровне понятий и категорий, единых для всех сотрудников организации. Несомненную помощь в категоризации знания оказывают информационные технологии, обеспечивающие доступ к иерархическим базам данных и электронным библиотекам со встроенной системой навигации по категориям.

На этапе трансляции знаний внутри организации первостепенная роль принадлежит локальным сетям и интранету, сайтам и системам управления содержимого. Все вышеперечисленные автоматизированные системы управления знаниями позволяют не только своевременно «выкладывать» необходимую информацию для общего изучения и ознакомления, но и отслеживать целевую аудиторию, у которой данная информация пользуется повышенным спросом. Такой мониторинг позволяет вносить коррективы в базу данных, уточнять адресатов (потенциальных пользователей) для того или иного рода профессионального знания, делать внутрикорпоративную систему обучения более гибкой, разноуровневой, индивидуализированной. На данном этапе важно не допускать излишней информационной и терминологической перегрузки в процессе презентации нового знания членам организации.

Наряду с веб-технологиями трансляцию внутрикорпоративных знаний также успешно реализуют так называемые неформальные социальные сети – команды сотрудников, сформированные самостоятельно, спонтанно, без помощи руководства. Формированию таких команд способствует установка на решение нестандартной профессиональной проблемы силами самих членов организации в их произвольном составе и самоуправлении (в случае успешного выполнения задачи материально поощряются все члены команды). В процессе совместной работы над сложной проблемой происходит взаимобмен профессиональным опытом, который зачастую превосходит по своей эффективности компьютеризированные формы трансляции профессиональных знаний.

Процесс воспроизведения знаний в новых условиях является наиболее сложным в цикле менеджмента знаний. Трудность использования нового знания в своей профессиональной деятельности объясняется тем, что при слепом копировании чужого опыта высока вероятность игнорирования так называемого контекстного знания – знания о том, почему в предыдущей ситуации была использована именно та, а не иная стратегия решения, и принципиально ли отличается текущая ситуация (в которой планируется повторение опыта) от предыдущей. Формирование контекстного знания является неотъемлемой частью овладения новым опытом, однако оно требует организации специального обучения – менторства и коучинга.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАК ОСНОВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФИРМЫ

А. В. Комаровский

Традиционные представления о фирме описывают ее как выделенную и четко отграниченную от среды (рынка) организацию. В первую очередь традиционная фирма стремится четко отграничиться не только от конкурентов, но и от потребителей. В конечном счете данная выделенность обеспечивается не только удобством такого формата организованности для создания, контроля и защиты прав собственности, но и непреложным фактом разделения труда – т. е. большой дистанцией между профессиональными, корпоративными знаниями сотрудников и «непрофессиональными знаниями обывателей по ту сторону фирмы, просто потребляющих ее продукты (товары, услуги). Поэтому при оценке интеллектуального капитала традиционной фирмы обычно пренебрегают интеллектуальным капиталом ее клиентов, поскольку в строгом смысле слова они не являются ее активом (только в превращенной, отчужденной форме «доходов» от покупки продуктов или практически так же понимаемой лояльности клиентов).

Современные реалии значительно трансформируют данную картину и ведут к необходимости включения в интеллектуальный капитал фирмы такого, уже ключевого его элемента как интеллектуальный капитал ее клиентов (текущих, ушедших и потенциальных). К условиям, обеспечивающим данную ситуацию, относятся ряд последовательных и взаимосвязанных сдвигов:

- Рост уровня информатизации, автоматизации, виртуализации в современной экономике (как в «техническом», так и в «гуманитарном» компоненте).
- Рост доли и значимости нематериального («знаниевого») компонента в экономической деятельности фирмы (управление, коммуникации, маркетинг, продажи и сервис).
- Переход к менее бюрократизированным, «плоским» (сетевым) иерархиям в управлении фирмой (т.е. минимизация асимметрии во владении интеллектуальным капиталом *внутри* фирмы).
- Сокращение асимметрии между уровнем интеллектуального капитала сотрудников

фирмы и ее клиентов (за счет изъятия из деятельности через автоматизацию высокоспециализированных процессов, с одной стороны, и роста потребительской компетентности клиентов, выступающей основой и компетентности сотрудников, с другой).

– Вовлечение клиентов прямо или косвенно в активности, функционально эквивалентные типовым рабочим процессам и/или должностям внутри фирмы (т. н. empowerment, оснащение и «усиление» клиентов).

Таким образом, по мере роста роботизации, автоматизации и информатизации экономики растет осознание того, что, в конечном итоге, любая компания – это знаниевая «машина», собирающая и перерабатывающая разрозненную во внешней бизнес-среде информацию в структурированные, работающие знания (инновации, стратегии и т. д.). Данный факт влечет за собой важные изменения в современных способах и условиях ведения бизнеса, погружающегося (вынужденно или сознательно) в реалии цифровой, информационной экономики и социума.

С одной стороны, это тренд клиентоцентричности – когда компании (1) все активнее следят за качеством потребительского опыта клиентов (своих и конкурентов), (2) за состоянием их представлений и обсуждений бренда (деловой репутацией), а также (3) инвестируют в интеллектуальный капитал клиентов (их потребительскую компетентность). Компании понимают, что прозрачная работа с «умным», надежным (предсказуемым) клиентом выгоднее, чем поддержка и наращивание оборотов на основе импульсивных покупок (доходы от «глупых» клиентов). Для этого нужно производить продукты, которые сознательно востребованы потребителями, а не которые «хочется» или «получается» произвести или продать.

С другой стороны, это тренд «больших данных» (Big Data) – когда современные «интеллектуальные» ИТ-системы (CRM, ERP, BI и т.п.) замещают линейный персонал (автоматизируют их опыт и знания), требуя небольшого количества высококлассных, сверхквалифицированных менеджеров, способных в командной работе обеспечить управляемость этих систем (сегодня все чаще аутсорс-систем или команд) и непрерывный, опережающий рынок клиентоцентричный (!) R&D-процесс (в формате краудсорсинг-платформ), в котором сами потребители как участники клиентского сообщества играют ключевую, созидательную роль.

Переработкой информации в знания постоянно занимаются и сами потребители, принимая активное, массовое участие в опытной «аттестации» и «переаттестации» множества используемых продуктов и брендов. Многочисленные кейсы репутационных кризисов в социальных медиа последних лет показали, что классические методы контроля потребительских рынков перестают работать и что сам контроль все больше смещается на сторону потребителей. Так, еще 20 лет назад проблема отдельного клиента чаще всего оставалась его личной проблемой (не выходила за рамки круга его семьи / родных), а сегодня каждый индивидуальный «кейс» может стать достоянием широкой общественности в считанные дни (часы), нанося ощутимый ущерб репутации и доходам компании.

От «мирной войны» или простого обслуживания клиентов компании сегодня переходят к системно организованному сотрудничеству с клиентом. Компетентные (или обученные) потребители вовлекаются в процессы продаж, поддержки и разработки продуктов как полноправные участники, чьи действия – благодаря стремительному развитию ИТ и «социального интернета» – функционально все чаще практически эквиваленты работам внутренних сотрудников. Деятельность таких «внешних сотрудников» позволяет не только сэкономить ресурсы (за счет самообслуживания клиентов), но и получить прибыль, нарастить клиентский портфель (за счет предоставления рекомендаций бренда, а также ценных идей для разработки) – без или с минимальными затратами на стороне самой компании. Разумное перекалывание части «работы» и ответственности за бренд на плечи клиентов (т.е. признание их вклада в бренд и, таким образом, определенных «прав» на бренд) способно давать бизнесу глобальный, устойчивый к волатильной рыночной конъюнктуре позитивный экономический эффект.

Таким образом, сохраняя сегодня модель «система – внешняя среда» для описания фирмы, мы должны расширить границу, включая в «систему» (фирму) ее клиентов, а в «среду» – фирмы-конкуренты и ее клиентов. Как результат, мы можем заключить, что современная фирма – это организация, «созданная» и поддерживаемая потребителями для со-производства и удовлетворения своих потребностей в товарах и услугах.

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ МЕНЕДЖЕРОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В. Г. Реут, О. В. Семашко

*«Три пути ведут к знанию: путь размышлений – это путь самый благородный, путь подражания – это путь самый лёгкий и путь опыта – это путь самый горький»
Конфуций*

Знания являются самым важным активом эффективного функционирования, развития и повышения конкурентоспособности организации – это давно признанный факт. Остаётся актуальным вопрос создания системы знаний, отвечающей запросам отдельно взятой организации и управление ею. Знания это нечто большее, чем информация или полученные данные в результате исследования и анализа деятельности учреждения образования. Согласно К. Джанетто и Э. Уилеру [1], к знаниям также относятся: убеждения и моральные ценности; идеи и изобретения; суждения; навыки и профессиональные познания; теории; правила; отношения; мнения; понятия; прошлый опыт.

С точки зрения простого обывателя, система образования является основным производителем знания, и проблемы управления знаниями вообще не актуальны, но это далеко от истины. Важна не столько формальная ретрансляция специалистами образования в рамках разработанных программ обучения, накопленной обществом информации, сколько способность накопления знаний, необходимых для собственного самообразования и перехода на систему «самообучающейся» организации. Управление знаниями – процесс, с помощью которого организации удастся получить конкурентное преимущество из имеющегося объема знаний. Сегодня уместно говорить скорее о том, что эти тенденции только начинают формироваться на различных уровнях отечественной системы образования.

В первую очередь актуальной является готовность менеджеров к организации к управлению такой системой с учётом целей стратегического развития учреждения образования. Обобщая стратегии управления знаниями, предлагаемые на сегодняшний момент исследователями, можно отметить следующие ориентации:

на человеческий капитал (система обмена знаниями между работниками с целью развития их компетенций);

на организационный капитал (информационные системы, базы данных, оргструктуры, авторские права, патенты, ноу-хау, лицензии);

на капитал отношений (формирование и использование знаний для использования во внешних связях организации);

на взаимодействие человеческого капитала и капитала отношений (приёмы и методы взаимодействия с группами потребителей, обратная связь с потребителем, передача компетенций от сотрудников организации во внешние организации (публикации книг, консалтинг, обучающие семинары, мастер-классы), бенчмаркинг (выявление организаций с эффективными моделями деятельности и заимствование опыта), повышение индивидуальных компетенций работников организации);

на взаимодействие человеческого капитала и организационного капитала (позволяет ответить на вопрос: «Как индивидуальная компетенция сотрудников содействует построению внутренней структуры организации, или, как можно повысить индивидуальную компетентность персонала, используя элементы внутренней среды?»);

на продуктивное взаимодействие капитала отношений и организационного капитала (перенос знаний из сферы внешних взаимодействий во внутрикорпоративные системы, с целью широкого использования сотрудниками (результаты маркетинговых, социологических исследований)).

В управлении знаниями можно выделить следующие процессы: создание и приобретение знаний; хранение и передача знаний; избирательное использование знаний, а также контроль над их качеством; создание среды, способствующей распространению знаний; овладение знанием как

собственным, его развитие и приумножение.

Современная система управления организацией в сфере образования характеризуется постоянным увеличением объёма знаний и информации, которая необходима для принятия управленческих решений, активным использованием информационных технологий и возможностей сети Интернет, разработкой и внедрением большого количества новых материалов и технологий. При этом следует отметить, что менеджеры всё чаще сталкиваются с опасностью снижения эффективности в результате роста получаемого объёма знаний и информации извне, компьютерные технологии все еще не могут обеспечить информацию, которая бы соответствовала актуальным потребностям, была бы достаточно разносторонней и в то же время относящейся к делу. Для того чтобы извлечь пользу из источников знаний и информации, количество которых увеличилось, менеджерам необходимо развивать интеллектуальную способность комбинировать широту видения со способностью концентрировать внимание на особо важных вопросах. Несмотря на то, что широта видения и концентрация внимания – противоположные свойства, современному менеджеру необходимо научиться их сочетать. Менеджеры должны уметь расширять границы своего сознания, чтобы попытаться вобрать в себя максимум доступной информации по какому-либо вопросу, в то же время широта видения не измеряется только объемом данных, которые человек может воспринять, важно развивать способности интегрировать, абстрагироваться, мыслить независимо при использовании разнообразных источников знаний и информации в управленческой практике.

В процессе повышения квалификации руководящих работников и переподготовки менеджеров в сфере образования мы часто сталкиваемся с пониманием того, что реальная практика и знания в области менеджмента это неравнозначные категории. Мнения по поводу того, насколько преподавание дисциплин менеджмента способствует формированию эффективных менеджеров, весьма противоречивы. Одни специалисты считают достаточным традиционное преподавание дисциплин менеджмента. Другие, придерживаются мнения, что для улучшения работы и укрепления карьеры менеджеры больше всего нуждаются в новых технологиях и навыках их использования, способных придать образовательной организации гибкость (например, управление качеством, формирование новых организационных структур, связанных с изменением бюрократических структур на демократические). Пытаются на занятиях использовать различные формы и методы обучения, ориентированные на развитие стилей мышления слушателей.

Определенный процент руководителей, которые уверовали в собственную незаменимость и гениальность в вопросах обеспечения функционирования учреждения образования, которым руководят, считают, что дополнительное обучение в области менеджмента им ни к чему. Поэтому в организации процесса повышения квалификации (в условиях перехода на недельные курсы) основным является не столько усваивание руководителем полученных знаний, сколько определенное переосмысление задач, которые эти знания помогают решать, а также своей (руководящей) роли в данном процессе. В какой-то степени компенсировать знания в области менеджмента со временем смогут дистанционные курсы, при условии обеспечения соответствующего содержания.

Те менеджеры, которые осознают нехватку системы знаний в области менеджмента, принимают решение о необходимости пройти обучение на переподготовке по специальности менеджер в сфере образования. Организация процесса переподготовки подразумевает передачу некоего ценного знания в области, которой слушатель решил себя посвятить. Ориентирование на индивидуальные запросы слушателей переподготовки позволяет получать желаемые знания в сочетании с ясными перспективами их пополнения. Образование – это не просто накопление фактов или данных ради них самих. Прежде всего, оно связано с концептуальным планом, принципы которого слушатель понимает и может объяснить, что проявляется в способности в случае необходимости вписать полученные, конкретные или специальные знания в более широкий контекст. В любом случае образование и обучение всегда означают изменение самого обучающегося, причем не только в том, что касается его поведения. И последнее, но не менее важное: с точки зрения обучающегося, процесс образования в идеале должен строиться вокруг его личной готовности и желания обучаться на основе полной свободы мысли и действий. С точки зрения управления знаниями организации содержание переподготовки строить так, что может помочь менеджеру на практике разрабатывать и реализовывать стратегии управления знаниями в организации с целью обеспечения эффективности её деятельности и конкурентоспособности на рынке образовательных услуг. Руководитель, который не только стремится получать новые знания, но и умеет ими управлять – незаменим.

Литература и источники

1. Джанетто, К., Уилер Э. Управление знаниями. Руководство по разработке и внедрению корпоративной стратегии и управлению знаниями / К. Джанетто, Э. Уилер. – М., 2005.
2. Фитц, Роджер Думаи как менеджер / Р. Фитц; пер. с англ. – Ростов-на Дону, 2005.

2.2 Инновационные императивы трансформации научно-технической сферы общества

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК В ОБЛАСТИ НАУКИ

А. И. Лойко

Созданная в Беларуси инновационная инфраструктура решила задачи первого этапа, связанные с сохранением человеческого капитала в условиях распада интеллектуального пространства СССР. На втором этапе необходимы институциональные реформы, которые снимут препятствия, существующие в теперешнем виде инновационной сферы. Одно из них связано со стремлением предприятий в условиях жесткого контроля к минимизации рисков. Поэтому одни из них остановились на методологии модификации существующих у них образцов техники, технологическом обновлении за счет импортного оборудования. Другие предприятия сделали акцент на разработках собственных конструкторских бюро, адаптированных к возможностям данных производств. Остальные участники инновационного процесса демонстрируют больше намерений, чем возможностей. Из-за жестких показателей экспортной деятельности предприятия не хотят рисковать. Их отпугивают неопределенные сроки окупаемости разработок. Сдерживающим фактором является нехватка финансовых средств, кадровых, информационных ресурсов, материально-технической базы. Разрозненность требует большей опоры на кооперацию головных и дочерних предприятий, банковских структур. Пока необходимой интересам государства динамики формирования кластеров в промышленной сфере деятельности нет. Это может свидетельствовать лишь о том, что сама по себе методология кластерного подхода слабо представлена в ориентированной на практику профессиональной среде. Поэтому так важна задача мировоззренческого и методологического образования отечественной технократии и меритократии в данном контексте деятельности, тем более что есть все основания говорить о том, что учеными наработан необходимый теоретический материал. Еще более важным является то, что изучение физических и химических состояний кластерного типа ученые стали сочетать с совершенствованием собственной научной методологии инновационной деятельности. В рамках этой методологии они сформулировали понятие инновационного кластера, которое спроецировали на научные направления собственной деятельности.

Белорусское государство может перейти к новому этапу модернизации экономики, связанному с институциональной деятельностью, на основе методологии институционального эволюционизма [1]. Предприятиям необходимо помочь найти условия для генерирования дополнительных ресурсов на стыке исследований, разработок, производства, логистики. Территориальный принцип в наибольшей степени подходит для таких поисков. Дело в том, что крупные промышленные центры Беларуси в советское время насыщались необходимыми для кластерных структур элементами. Речь идет о промышленных предприятиях, сырьевых зонах, научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях, средних специальных учебных заведениях. Это видно на примере Гомеля, Витебска, Могилева. В меньшей степени Бобруйска, Орши, Борисова. Многие предприятия создавались без учета местной сырьевой базы. Во внимание брались транзитные преимущества, связанные с близостью Европы, стран, входивших в Совет экономической взаимопомощи. Для таких производств в Беларуси есть основания и в настоящий, постсоветский период истории, поскольку отсутствие сырьевой базы может компенсироваться наличием высококвалифицированного человеческого капитала. Так, японские компании для массового производства технических устройств и систем закупают большие объемы материалов и энергоносителей. Положительное сальдо в их деятельности создают высокотехнологичные инновации, которые позволяют производить конкурентоспособную продукцию и доминировать на мировом рынке в отдельных сегментах деятельности. По аналогичному пути идет Китай, потребность в энергоносителях со стороны которого постоянно растет. В отличие от государств второй

волны индустриализации, Беларусь располагает необходимыми составляющими инновационного потенциала. Речь идет об исследовательском, конструкторском, проектном, технологическом потенциале. Однако он функционирует раздробленно и неэффективно. Для государства такое использование ресурсов нежелательно.

Интенсивные процессы глобализации, региональной кооперации актуализировали проблему национальной экономической идентичности, связанную со способностью производственных структур находить новые формы интеграции с целью сохранения и умножения их финансовых, материальных ресурсов, конкурентных возможностей [2, с. 23–33]. В случае региональной кооперации речь идет не о механических слияниях производственных структур по отраслевому и межотраслевому признаку, а об организационных структурах, в рамках которых национальные компоненты деятельности играют важную роль. Интерференция в данном случае не допускается. В случае постсоветских государств речь идет о конструктивной роли механизмов региональной кооперации в формировании их национальных экономических идентичностей. Региональная стратегия развития общества обусловлена необходимостью решения социальных вопросов, обеспечения стабильности и устойчивости государств, их безопасности. Особая роль в этой стратегии отводится новшествам и их эффективному использованию на индустриальной стадии развития общества [3, с. 115]. В конце девяностых годов XX века стало очевидным, что понятие оптимизации применимо и к самой инновационной деятельности. В рамках решения этой задачи был реализован системотехнический подход к техногенной реальности, который позволяет повысить эффективность существующих институтов инновационной деятельности. Объектом методологического анализа стал полный и неполный инновационный цикл.

В инновационном цикле есть этапы создания интеллектуальной собственности и ее капитализации в виде патентной базы, использования разработок в технологических процессах и артефактной продукции, реализации инновационной продукции на рынке с целью получения необходимых для развития оборотных средств. Полный инновационный цикл предполагает содержание значительной научно-исследовательской, инжиниринговой инфраструктуры, наличие внутренней кооперации между разработчиками и производителями и, как следствие, права на продукты деятельности, которые формируют условия для прибыли не только на стадии производства и реализации, но и лицензионной деятельности. Неполный инновационный цикл предполагает, что разработчик закладывает принцип кооперации с внешними поставщиками и, таким образом, делится прибылью с этими поставщиками, а также рабочими местами. Производство на основе неполного инновационного цикла является также неполным, поскольку оно оказывается в зависимости от материалов и комплектующих производителей, работающих в условиях долларовой зоны. Следовательно, для того, чтобы устойчиво работать в подобных условиях, необходимо постоянно присутствовать в долларовой зоне для того, чтобы вовремя рассчитываться с участниками кооперации, для того, чтобы окупить импортное оборудование. Кроме денежного аспекта, связанного с делением прибыли, важную роль играет фактор национальной безопасности. Он указывает на то, что неполный инновационный цикл ставит производителя в зависимость от разработчиков материалов и комплектующих. В ситуации нестабильности на рынке энерго-ресурсов, материалов, комплектующих, трансферта технологий сборочным производствам остается не самая большая часть суммарной прибыли. Следовательно, для того, чтобы эту часть увеличить необходимо использовать потенциал национальной кооперации производителей, разработчиков, исследователей. Для этой кооперации в развитых государствах есть необходимые участники и инфраструктура. Необходима только методология. Она связывается с механизмами кластеризации инновационной деятельности через ее локализацию. Базовую основу этой локализации формируют университеты и крупные производственные холдинги в пределах компактной территории, что усиливает эффект кооперации. Потребности производственных структур формируют конкретные направления исследовательской и инжиниринговой деятельности университетов, увязывают подготовку инженеров, других специалистов с реальными структурами деятельности. Опытные производственники участвуют в учебном процессе, а профессора, доценты становятся частью инновационного цикла. Чтобы эта эффективная система заработала, необходимы институциональные решения, которые инициирует государство. В Беларуси есть все необходимые элементы для формирования и функционирования территориальных кластерных структур как многофункциональных, так и профильных. В центральном регионе с большим основанием можно говорить о многофункциональных кластерах. На приграничных территориях о профильных экспортно ориентированных кластерах, специализирующихся на строительной индустрии, нефтепереработке, горнохимической продукции.

Литература и источники

1. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М., 1997.
2. Карабушенко, П. А. Российская научная элита: современный потенциал и проблемы развития / П. А. Карабушенко, А. А. Вартумян // Философские традиции и современность. – 2015. – №1.
3. Бекманн, Г. Общество знания – краткий обзор теоретических поисков / Г. Бекманн // Вопросы философии. – 2010. – №2.

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ КОММЕРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК

Л. Н. Нехорошева, Е. Г. Милоста

На сегодняшний день уровень инновационного развития государства является основным фактором, определяющим его положение на международной арене. Инновационное развитие признано основополагающим источником качественного роста и развития экономики.

Инновационный потенциал Республики Беларусь в недостаточной мере реализуется на практике, что связано с наличием ряда проблем в сфере создания и коммерциализации результатов научно-технической деятельности. В стране недостаточно развита система управления интеллектуальной собственностью на государственном, отраслевом и корпоративном уровнях, требует доработки и совершенствования нормативно-правовая база в сфере интеллектуальной собственности, отсутствуют экономические стимулы для введения результатов научно-технической деятельности в хозяйственный оборот. В связи с перечисленными проблемами накопленный в стране научно-технический потенциал не всегда удаётся эффективно вовлечь в гражданский оборот. Неиспользование или неэффективное использование научных разработок также связано с неспособностью своевременно и грамотно определить их коммерческий потенциал. Для эффективного введения результатов интеллектуальной деятельности в хозяйственный оборот, в том числе их реализации на рынке интеллектуальной собственности, необходима разработка методов отбора и предварительной оценки данных результатов.

По данным экспертов доля используемых в народном хозяйстве Беларуси изобретений не превышает 10% от количества патентов, выданных национальным заявителям. Показатели по другим объектам (промышленные образцы, полезные модели) ещё ниже, что мало способствует глубокой модернизации и технологическому обновлению производственной сферы экономики. В целях эффективной коммерциализации будущих объектов интеллектуальной собственности необходимо ещё до начала проведения научных исследований провести предварительную оценку конкурентоспособности разработок на основе комплекса маркетинговых и патентных исследований [1, с. 38]. На основе анализа возможностей по реализации инновационной продукции, конкурентной среды, научно-технического уровня потенциальной разработки, патентоспособности нового продукта и других факторов в конечном итоге принимается решение о целесообразности осуществления исследований. Таким образом, уже на этапе возникновения идеи при помощи правильного проведения маркетинговых и патентных исследований можно дать оценку коммерческого потенциала будущей научно-технической разработки. Маркетинговые и патентные исследования необходимо проводить и в дальнейшем на всех последующих этапах инновационного цикла.

Обратный подход к организации инновационного процесса, применяемый на отечественных предприятиях со времён советского периода, характеризуется тем, что вначале проводится весь комплекс научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, затем организуется пилотное производство, образцы и прототипы поступают на стадию промышленного производства, и только после этого разрабатывается комплекс маркетинга для нового продукта. Такой подход характеризуется большим количеством рисков, поэтому немногие разработки достигают рыночного воплощения.

Первой стадией инновационного процесса, осуществляемого в условиях рыночной экономики, должны быть не научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, а предварительная оценка рынка, предварительная техническая оценка новой идеи, оценка возможностей по реализации новой продукции, анализ финансовых затрат по её разработке и выводу на рынок. Только после следует приступать к научно-исследовательским работам.

В результате проведения НИОКР на предприятиях и организациях формируется перечень собственных научно-технических разработок. Полученный перечень разработок подлежит дальнейшему

анализу для отбора тех, которые имеют наибольший коммерческий потенциал.

Существуют различные методики и инструменты оценки потенциала коммерциализации научно-технических разработок. Наиболее целесообразным и подробно описанным в научной литературе методом предварительной оценки коммерческой значимости результатов НИОКР является метод экспертных (балльных) оценок [2, с. 219]. Порядок проведения оценки того или иного научно-технического достижения с использованием метода экспертных оценок включает в себя:

- формулирование цели оценки;
- выбор системы критериев оценки и определение их приоритетности в выбранной системе;
- определение набора показателей, характеризующих каждый из критериев оценки;
- выполнение экспертных оценок в выбранной системе критериев и наборе показателей;
- обработка и представление результатов оценки.

При использовании экспертно-балльного метода важно наиболее полно и широко охватить все критерии, позволяющие оценить коммерческую ценность разработки. В качестве критериев оценки могут выступать: новизна постановки задачи, полученных результатов; вклад в развитие той отрасли науки, к которой относится оцениваемая разработка; вклад в развитие методологии той отрасли науки, к которой относится разработка и др. При этом необходимо учитывать субъективность оценок и привлекать экспертов из разных областей инновационной деятельности, включая представителей научных организаций, правительственных структур, консалтинговых организаций, образовательных учреждений.

Зарубежными странами накоплен богатый опыт в сфере оценки научно-технических разработок и инновационных проектов и отбора наиболее перспективных из них.

Методика LIFT (Linking Innovation Finance and Technology) разработана в рамках 5-ой рамочной программы Европейской Комиссии при участии корпорации INBIS (Великобритания) для определения степени коммерциализуемости инновационных технологий и, по сути, является методом отбора проектов коммерциализации для финансирования. Оценка проектов, как правило, проводится командой из трёх экспертов, которые являются специалистами по коммерциализации технологий, по работе с интеллектуальной собственностью и по экономике инноваций. Методика строится по модульному принципу и состоит из разделов, позволяющих оценивать различные стороны инновационного проекта.

Методология оценки перспектив коммерциализации TAME (Technology and Market Evaluation) разработана компанией Lambic Innovation Ltd с целью обеспечения чётко структурированного подхода к оценке технологии и рынка для её коммерциализации. Методика применяется в качестве системной оценки объектов интеллектуальной собственности и их коммерческого потенциала.

Американская система критериев оценки технологий ориентирована прежде всего на потребности рынка и содержит такие показатели, как тенденции спроса, инвестиционные затраты, время окупаемости затрат, прибыльность, социальный и экологический эффект [3, с. 42].

Решение проблемы выбора методов оценки коммерческого потенциала научно-технических разработок отечественных организаций является одним из элементов совершенствования системы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в нашей стране. При проведении НИОКР необходимо ориентироваться на рыночные запросы, стимулировать создание и введение в гражданский оборот потенциально перспективных объектов интеллектуальной собственности.

Литература и источники

1. Нечепуренко, Ю. В. Коммерциализация результатов научно-технической деятельности: научно-практическое пособие / Ю. В. Нечепуренко. – Минск, 2012.
2. Теория и практика экономики и управления инновациями: учебно-методическое пособие / Л. Н. Нехорошева [и др.]; под ред. Л. Н. Нехорошевой. – Минск, 2013.
3. Евстафьев, В. Ф. Методические подходы к вовлечению результатов интеллектуальной деятельности в хозяйственный оборот / В.Ф. Евстафьев, Е. С. Климович, Л. Н. Хитрова. – Москва, 2006.

ИННОВАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В. К. Лукашевич

Интеллектуальная культура любого социума наряду с элементами когнитивного и аксиологического характера необходимо включает праксеологические ориентации и схемы. Это обусловлено природой культуры в целом, как основного механизма регуляции поведения и деятельности людей, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни. Очевидно, наиболее наглядным подтверждением этого являются ориентации Новоевропейской культуры-цивилизации на познание и на этой основе преобразование окружающей человека природной реальности и социальных условий жизнедеятельности. Праксеологические ориентации на уровне универсалий культуры конкретизируются в сводах нормативных установок профессионального, нравственно-этического и правового характера в русле определенных сфер деятельности, в виде специфических конструктов, фундирующих их ключевые параметры и др., которые можно квалифицировать как формы реализации праксеологического потенциала интеллектуальной культуры. Одной из такого рода форм является инновационное пространство, как ключевой конструкт в сфере инновационной деятельности.

Исходя из релятивистского понимания природы социального пространства [1] [2] и того, что инновационное пространство является его разновидностью, инновационное пространство можно определить как совокупность социальных отношений и связей, воспроизведенных на определенном множестве объектов, непосредственно вовлеченных в инновационную деятельность. Инновационное пространство в свою очередь включает: 1) пространство функционирующих инноваций как объектов, явлений, процессов, с их отношениями и связями, представляющих собой альтернативы тому, что ранее выполняло определенные функции в конкретной сфере жизнедеятельности социума (появление альтернативы не всегда ведет к устранению прежнего механизма, поскольку инновация может и не прижиться); 2) пространство инновационного поиска, охватывающее ресурсы (факторы), обеспечивающее создание инноваций. Первую составляющую инновационного пространства можно квалифицировать как «физическую» (онтологическую), вторую – как праксеологическую. Уместно также использование терминов «реальное» и «виртуальное» пространство, но тем самым добавляются не столько эвристически значимые характеристики исследуемой реальности, т. е. инновационного пространства и направления ее анализа, сколько фиксируется ее новый модус существования. В данном случае как чего-то существующего в возможности.

Определенные механизмы реализации праксеологического потенциала интеллектуальной культуры в русле инновационного поиска воспроизведены в модели тройной спирали, разработанной профессором Стэнфордского университета Генри Ицковицем. В ней автор акцентирует значение науки (университетов), бизнеса и власти с их ресурсами как двигателей инновационных преобразований в целом, и в частности, как акторов, формирующих инновационное пространство. Ключевое значение в этом плане имеют: 1) знания (линейная модель инноваций), 2) потребности общества (обратная модель инноваций), 3) специфические инновационные механизмы, соединяющие обе части (инкубаторы, технопарки, исследовательские центры и др.) – элементы «сдвоенной стремянки» [3].

Однако, во-первых, она охватывает не все ресурсы (факторы), составляющие пространство инновационного поиска. Во всяком случае в явном виде не отмечены социально-культурные и социально-психологические. Во-вторых, на наш взгляд, следует акцентировать значимость процесса рутинизации инноваций. Это факт, свидетельствующий о динамике пространства функционирующих инноваций, которая влияет на динамику пространства инновационного поиска, в частности, на то, насколько активно используются или исключаются прежние направления инновационного поиска. Например, в свое время элементы компьютерных систем, разработанные специалистами по физике твердого тела в СССР (сегнетоэлектрики, магнетоэлектрики, ферромагнетики и др.), были оценены как малоперспективные. Тем не менее, западноевропейские исследователи, далее развивая это направление, добились впечатляющих результатов.

В более общем контексте анализ процесса рутинизации инноваций (незаслуженно отодвинутый исследователями инновационной деятельности на один из самых дальних планов) позволяет выделить основные каналы влияния праксеологического потенциала инновационной культуры на динамику инновационного пространства и инновационной деятельности в целом. Позитивные качественные изменения

инновационного пространства имеют место тогда, когда создаваемые в ходе инновационных преобразований новые объекты, их отношения и связи, во-первых, органично и достаточно масштабно ассимилируются социумом в виде условий его жизнедеятельности; во-вторых, когда скорость процессов внедрения инноваций, т. е. рост инновационных путей и средств удовлетворения социальных потребностей (выполнения социальных заказов) превышает скорость их рутинизации (превращения в традиционные пути и средства). В определенном интервале времени это можно проиллюстрировать следующей схемой.

Схема 1. Основные показатели позитивной динамики инновационного пространства

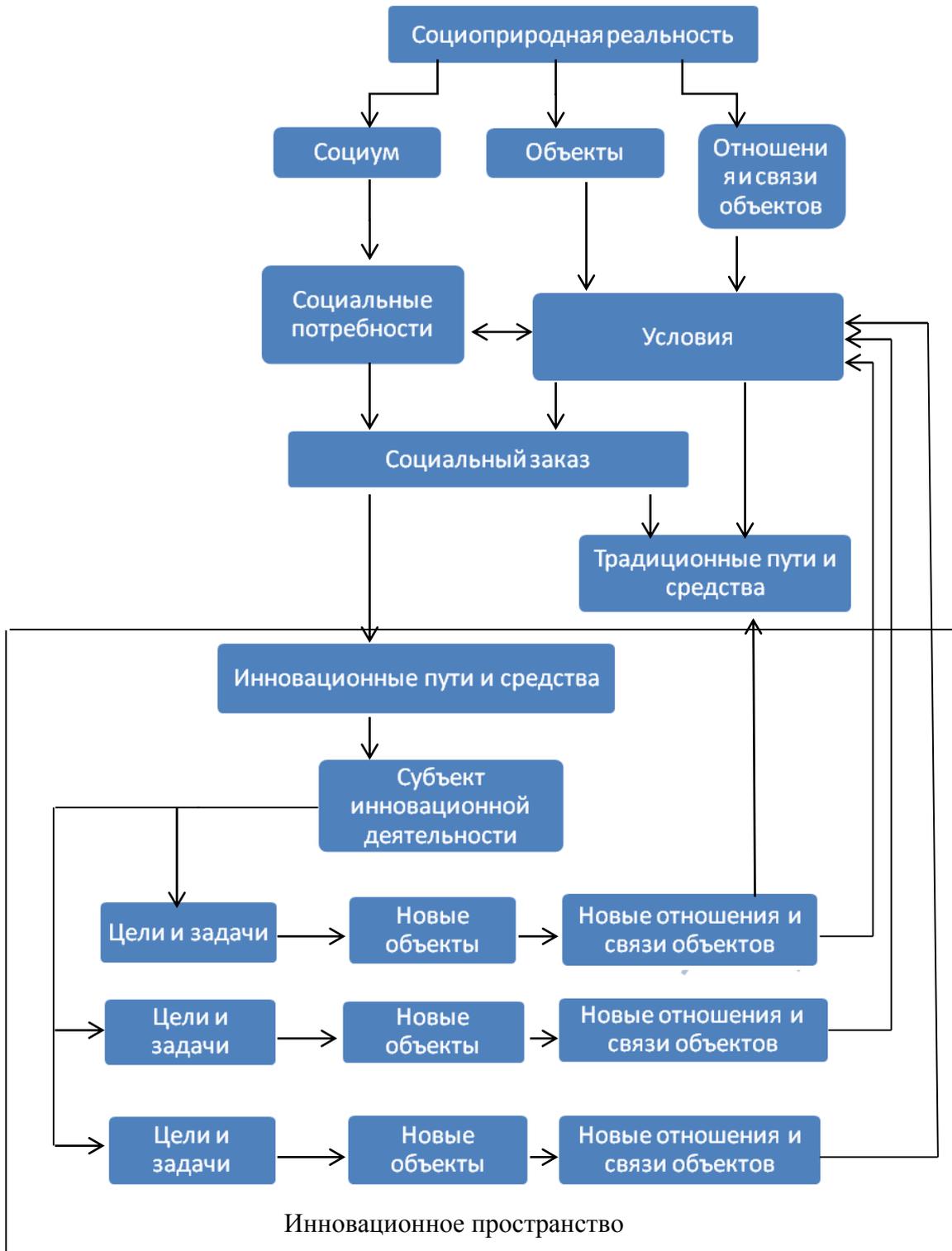

Схема иллюстрирует прагматическую природу инновационного пространства как конструкта, имеющего смысл и значение в русле практикоориентированной активности, направленной

на создание новых путей и средств удовлетворения социальных потребностей. Уровень интеллектуальной культуры в ее праксеологическом измерении определяет диапазон параметров социального заказа, коррелирующего с потребностями, а также целевые и инструментальные характеристики инновационной деятельности. Механизм такой детерминации нередко имеет много опосредствующих звеньев, но это не может поставить под сомнение ключевое значение уровня интеллектуальной культуры социума как фактора, определяющего облик его инновационного пространства и инновационной деятельности в целом. Периодически возникающие претензии и критика по отношению к этой форме человеческой активности (упреки в индуцировании и заинтересованной мультипликации искусственных, авангардных, завышенных и т. п. потребностей; отвлечение оцутимого объема людских, материальных, интеллектуальных и финансовых ресурсов; малоэффективное дублирование определенных функций традиционных научно-технических структур и др. [4] фактически подтверждают отмеченную связь, в русле которой в настоящее время на первый план выходят проблемы культуры потребностей и ассимиляции социумом научной ментальности [5], в одинаковой степени важные и трудные для решения.

Изложенные сведения о влиянии праксеологического потенциала интеллектуальной культуры на характер и динамику инновационного пространства можно конкретизировать в практико-ориентированной полиморфной модели развития инновационного пространства, в частности, наиболее приемлемой для Республики Беларусь. Концептуальную основу этой модели составляют праксеологический принцип генерации разнообразия и понятие полиморфности инновационного пространства как его способности под действием культурно-праксеологических и сферных факторов принимать многообразные формы (структуры) за счет наличия в них различных по степени сложности объектов, непосредственно вовлекаемых в инновационные преобразования, а также направленно устанавливаемых разнокачественных и разноинтенсивных отношений и связей между ними.

В этом плане Республика Беларусь располагает богатыми возможностями. Во-первых, нашими учеными и инженерами разработано немалое количество перспективных инновационных проектов, чье содержание коррелирует с впечатляющим перечнем инноваций (в виде объектов и процессов), которые либо уже существуют, либо могут быть созданы в соответствии с имеющимися научно-техническими разработками. В частности, сложившееся инновационное пространство позволяет интенсифицировать практику открывающих ретроинноваций за счет использования высоких технологий оборонного сектора промышленности в ее других отраслях. Во-вторых, в стране имеются предпосылки для реализации рационально обоснованных процессов кластерной организации инновационных преобразований, в русле которых может быть найдено оптимальное сочетание вертикальных и горизонтальных отношений и связей между их участниками, в частности, представляющими наукоемкий малый и средний бизнес в составе крупных кластерных организаций. Необходимо стимулировать крупные государственные предприятия к использованию услуг малых и средних фирм по вспомогательным производствам и сервисным видам работ.

Базирующаяся на праксеологическом принципе генерации разнообразия модель полиморфного инновационного пространства обозначает перспективный вектор его развития в Республике Беларусь, ориентируя на радикальное усиление интернационализации инновационной деятельности в нашем государстве. Основные направления этой работы:

- во-первых, развитие научных и производственных контактов с организациями (предприятиями, фирмами и др.) любой формы и масштаба, проявляющими успешную активность в сфере инноваций;
- во-вторых, установление максимально возможных информационных, творческих, маркетинговых и иных связей с ведущими технопарками зарубежных государств;
- в-третьих, создание студентам, магистрантам, аспирантам и молодым специалистам дополнительных условий для расширения возможностей участия в международных инновационных форумах, программах и проектах.

Результаты усилий по обозначенным направлениям позволяют выработать механизм адаптации инновационной деятельности в Республике Беларусь к существенно меняющимся в короткое время условиям, более точно определить ее эффективность и реально возможные перспективы, а также наиболее приемлемые варианты интеграции инновационного пространства Республики Беларусь в региональные и мировое инновационные пространства [6] [7].

Концептуальная схема модели полиморфного инновационного пространства позволяет более определенно сориентироваться относительно путей решения проблемы интерактивного соотношения «точек роста» инновационного пространства и создания социоразмерного «расслоенного пространства», то есть направлений и форм работы по выбору и реализации «прорывных» сферно-конъюнктурных инновационных проектов, с одной стороны, и по сознанию региональных и национального инновационных пространств, обеспечивающих стабильное функционирование целостного инновационного комплекса государства, с другой. Вторая составляющая генерирует ряд вопросов, решение которых оказывается делом более сложным и трудоемким, чем работа по первому направлению. Поэтому необходимо ориентироваться на представленность в определенном регионе подобно успешно функционирующему полноценному технопарку всех его составляющих (начиная от научных учреждений, ведущих фундаментальные исследования, кончая маркетинговыми сетями).

В этом контексте актуальность исследования инновационного пространства состоит, во-первых, в выявлении путей и способов обеспечения его необходимого качества за счет направленной динамики определенных параметров соответственно целям и задачам инновационной деятельности, декларируемым в документах государственного уровня, определяемым в бизнес-планах и др. Здесь уместно исходить из регулярно наблюдаемых фактов, что усилия по разработке и реализации инновационных проектов, как правило, включают действия по повышению системного качества инновационного пространства. Это характерно даже для развитых стран, где инновационное пространство обрело устойчивые параметры, и тем более для Республики Беларусь, где усилия по формированию надлежащего инновационного пространства с переменной интенсивностью наращиваются. Во-вторых, в любом случае следует ориентироваться на выявление в идеале всей совокупности условий и ресурсов инновационной деятельности в конкретных условиях. Инновационное пространство их ассимилирует по определению (как наиболее масштабное измерение инновационной деятельности) и соответственно задает адекватный контекст исследования. В-третьих, изучение параметров и динамики инновационного пространства имеет основополагающее значение для адекватного осмысления общей направленности инновационной деятельности и определенности инновационной политики в рамках целостного прагматического представления о положении дел в конкретных сферах жизнедеятельности социума (страны), взаимодействия в них традиционных и инновационных путей и средств решения ключевых проблем развития.

Литература и источники

1. Бурдые, П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / П. Бурдые; пер. с франц. Н. А. Шматко // Социология политики. – М., 1993. – С. 33–52.
2. Ло, Дж. Объекты и пространства / Дж. Ло // Социологическое обозрение. – 2006. – №1. – С. 31–42.
3. Ицковиц, Генри. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Генри Ицковиц; пер. с англ. Под ред. А. Ф. Уварова. – Томск, 2010.
4. Коршунов, А. Н. О недостающих элементах национальной инновационной системы / А. Н. Коршунов // Социология. – 2015. – № 2. – С. 103–109.
5. Лукашевич, В. К. Наука в современном ментальном пространстве / В. К. Лукашевич // Социология. – 2015. – №2. – С. 48–58.
6. Богдан, И. Н. Инновационная динамика: глобальные тенденции и перспективы Беларуси / И. Н. Богдан. – М., 2012.
7. Шугуров, Марк. Глобальный инновационный разрыв / Марк Шугуров // Международные процессы. – 2012. – №2.

ИННОВАЦИЯ В СТРУКТУРЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

И. К. Русанду

Говоря об инновационном характере устойчивого развития, следует обратить внимание на необходимость более широкого понимания понятия «инновация». Это понятие утрачивает свой чисто социальный смысл и становится принципиально социоприродным понятием, когда появле-

ние нового видится не просто в социальной системе координат, а в социоприродной системе (социоэкосистеме). То есть новое (инновация) вносится человеком не только в социум (экономику, социальную сферу и т. д.), но и в природу. Это следует из самого понимания устойчивого развития как социоприродного процесса, из того, что новое вносится не только из человеческого сознания, но также из природы (за счет которой живет человек и человечество) и в природу.

Появление нового в обществе и природе – это эволюционный процесс, и инновации следует рассматривать именно в системе «общество – природа», а не просто в обществе, как это сплошь и рядом видится авторам, пишущим на «инновационные» темы. Такое социоприродное видение инноваций диктуется синергетикой и экологией, поскольку элементарной системой развития является именно экосистема, в данном случае – социоэкосистема, а не изолированное от природы общество. Социоприродное видение инновационных процессов – это особенность интерпретации обсуждаемой здесь проблемы устойчивого развития.

Представление об устойчивом развитии как о безопасной форме развития выделяет из всех форм и видов развития все нерегрессивные формы. К ним относятся прогрессивные и нейтральные (одноплоскостные) формы развития, в ходе которых сохраняется эволюционирующая система и, прежде всего, ее качество и генетическая идентичность. Такое широкое понимание устойчивого развития означает, что к этому типу развития может быть отнесено не только экологически ориентированное развитие, но и все другие виды развития, в ходе которых не уменьшается уровень сложности и организации системы.

Разумеется, среди нерегрессивных форм развития наиболее ценным и с точки зрения эволюционирующей системы представляется прогрессивное развитие, в процессе которого происходит увеличение сложности и уровня организации системы. С позиций синергетики такое увеличение одновременно ведет и к росту «запаса устойчивости» системы, поскольку в прогрессивно развивающихся системах происходит как развитие через усложнение, так и одновременное обеспечение безопасности. Однако при таком типе развития существует определенное оптимальное соотношение (мера) между прогрессом (как изменением) и обеспечением безопасности (как сохранением) системы. Слишком быстрое усложнение системы не оставляет возможностей (энергии) для обеспечения безопасности, а отвлечение усилий (средств, энергии и т. д.) на обеспечение безопасности замедляет прогрессивное развитие. Оптимальное соотношение между обеспечением безопасности и прогрессом определяется для каждой отдельной эволюционирующей системы с учетом ее специфики и условий.

В случае же другого типа безопасного развития – нейтрально-одноплоскостного – имеет место сохранение сложности и уровня организации системы в ходе трансформаций и тем самым ее качества и идентичности. Однако во временном плане подобный тип развития, хотя он также будет считаться устойчивым, не может долго существовать в силу могущих нарушить эту «хрупкую» устойчивость флуктуаций и притяжений аттракторов внешней среды.

Сохранение одного и того же уровня сложности в конце концов может привести либо к дальнейшему усложнению, либо, что чаще, к деградации системы. Поэтому в природе хотя и существует этот тип развития, однако он относительно редок и недолговечен. Преобладают же другие формы (направления) развития – прогрессивное и регрессивное, которые между собой тесно сопряжены в силу синергетических принципов. Итак, устойчивое развитие в широком смысле слова следует считать безопасным, т. е. нерегрессивными формами развития и это главный концептуально-методологический вывод, который был получен в ходе последних исследований новой цивилизационной парадигмы.

Однако содержание широкого понимания устойчивого развития включает в себя те аспекты, которые связаны с ролью старого (традиционного) и нового (инноваций). Сам эволюционный процесс на его главной линии – супермагистральной универсальной эволюции может быть представлен в качестве двух взаимно дополняющих процессов, выражающихся в принципах эволюционного консерватизма и принципа эволюционных изменений (инноваций), который часто называют усложнением, повышением организации и т. д. Принцип эволюционного консерватизма заключается в том, что в процессах прогрессивного развития, если они длятся долго (либо очень долго), как универсальная эволюция, действует преемственность. Преемственность (эволюционный консерватизм) выражается в том, что накопленное системой содержание (прежде всего информационное) включается в новые более высокие по уровню развития структуры, тем самым канализируя эволюционный процесс. Это делает реальный эволюционный процесс в большей степени

комбинаторно-направленным, нежели случайным.

Инновационный принцип выражает неизбежность появления нового в эволюционирующей системе, увеличение информационного содержания системы, усложнение заключенного в ней разнообразия. В системе появляется нечто новое, и это нововведение усложняет систему, делает ее более организованной, если появляются связи между старыми и новыми элементами и частями. Появление нового в эволюционирующей системе ведет к росту разнообразия, и согласно закону необходимого разнообразия У. Р. Эшби (сформулированному им для кибернетических систем), к увеличению устойчивости такой более сложной системы. Рост устойчивости в этом случае происходит за счет увеличения сложности, уровня организации или, если следовать информационному вектору эволюции, за счет роста информационного содержания системы.

Сочетание эволюционного консерватизма и инновационного усложнения в процессе прогрессивного развития создает возможность перманентной восходящей эволюции и повышения степени устойчивости системы, причем наибольшая эффективность достигается за счет оптимального соотношения (мерой) между упомянутыми принципами (характеристиками) универсальной эволюции, которые одновременно выступают и глубинными принципами устойчивого развития.

«НОВАЦИЯ» И «ИННОВАЦИЯ» КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ФЕНОМЕН

Н. С. Щёкин

Под инновацией в экономическом плане понимается введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связей предприятия. Продукт, процесс, метод маркетинга или организации считается инновационным, если он является новым для практики данной фирмы, всей промышленной отрасли, мирового производства или рынка в целом. Инновацией считается только внедренное новшество. Новые производственные процессы, методы маркетинга или организации считаются внедренными, когда они стали реально использоваться в деятельности предприятия.

Новация в широком смысле означает любое новшество, которое не было ранее, а именно: новое теоретическое знание, новый метод, принцип. Новация в мировоззрении и идеологии, в формировании новых отраслей и новых направлений связана с надломом стереотипов мышления, подготовкой новых специалистов, сменой кадрового состава. Поэтому новация объективно является основой научно-технической и социальной революций.

Следует подчеркнуть, что категории «новация» и «инновация» в социально-философской науке еще не получили своих общепризнанных определений. Более того, зачастую эти категории не различаются, а иногда подменяют друг друга. Так, О. А. Сергеева определяет инновацию как «любое открытие, которое осуществляется на индивидуально-личностном уровне, но в дальнейшем достигает некоторого уровня принятия социумом, конкретным обществом» [1, с. 190]. Мы видим, что данное определение смешивает два понятия. Ведь ясно, что инновация – это не любое открытие, а лишь только такое открытие, которое внедрено в общественную практику, т. е. принято конкретным социумом.

В Большом толковом словаре по культурологии инновация определяется как «действие, которое всегда является результатом сугубо индивидуального решения собственной, глубоко личной, экзистенциальной задачи или проблемы. Мобилизируются все ресурсы и культурные возможности, а не просто по-новому истолковываются традиция или канон, политическая цель или технологическое решение» [2, с. 158]. В этом определении проблема новации и инновации, на наш взгляд, всего лишь окрашивается в личностный цвет. Но при таком подходе можно утверждать, что вся человеческая деятельность как деятельность исторического развития пронизана индивидуально-личностным аспектом. Данный подход не раскрывает сущность новаций и инноваций, а камуфлирует его.

Вообще в социально-философской науке понятия «новация» и «инновация» пытаются раскрыть через призму личностной креативности. Разумеется креативность – это несомненный признак инновационной деятельности. Но то, что мы достигаем с помощью философской рефлексии,

есть прежде всего личностное непосредственное убеждение. В этом и заключается принципиальное отличие философского мышления от частнонаучных типов мышления. Первое работает по принципу абсолютной полноты, безусловности. Именно поэтому идеи Конфуция, Платона, Аристотеля и сегодня так же актуальны и востребованы, т. е. инновационны, как и двадцать пять веков тому назад. Второй тип мышления (частнонаучный) движется в русле непрерывной эволюционности, прогресса, никогда не приобретая своей завершенности. Думается, что проблема новаций и инноваций больше относится к сфере частнонаучного знания, чем к философии.

В то же время зачастую и инновация понимается как нечто новое, чего не было ранее. В «Большом энциклопедическом словаре философии, социологии, религии, эзотеризма и политэкономии» инновация определяется как «явление культуры, которого не было на предшествующих стадиях ее развития, но которое появлялось на данной стадии и получило в ней признание» [3, с. 311]. Исходя из данного определения, инновация по сути ничем не отличается от творчества. В действительности же для новаций и инноваций общественная значимость является одним из атрибутивных признаков, практическая направленность – одним из неперенных условий. Таким образом, понятия «новация» и «инновация» по своему содержанию априори отличаются от уже известных понятий «творчество» и «креативность».

Говоря о социально-философском анализе понятий «новация» и «инновация», важно осознавать, что сущность этих феноменов должна быть раскрыта не только с точки зрения экономики и техники, но и с позиции наук о человеке. Поэтому необходимо абстрагироваться от привычного восприятия новации и инновации как сугубо экономического фактора, только движущей силы мировых экономических процессов. Дело не только в том, что инновация несет потенциал для развития общества, но и в том, что она выступает неперенным условием самореализации личности. Понятно, что необходимо отчетливо различать рутинную деятельность человека и творческую деятельность в интересах саморазвития. Любая инновация подразумевает способность увидеть предметы с новой, еще не прочитанной стороны, определить проблему и сформулировать задачу, а также способность решить эту задачу. Суть саморазвития человека и общества как таковых – именно в способности подходить к решению любой проблемы инновационно.

Вот почему «новация» и «инновация» должны стать не просто терминами понятиями для обозначения процессов в образовании, здравоохранении, экономике, политике, культуре. Важно понять и осмыслить, что каждый человек, у которого на личностном уровне рождается новация, должен иметь возможность воплотить ее в жизнь, сделать ее инновацией пусть даже на уровне собственного окружения, то есть иметь возможность практически применять и культивировать возникшую новацию, придать ей характер воспроизводимой формы. Именно эта возможность дает личности необходимый потенциал для дальнейшего развития.

Литература и источники

1. Сергеева, О. А. Соотношение новаций и традиций в цивилизационном процессе / О. А. Сергеева // Философия и общество. – 1999. – № 2.
2. Кононенко, Б. И. Большой толковый словарь по Культурологии / Б. И. Кононенко. – М., 2003.
3. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Составитель С. Ю. Солодовников. – Минск, 2002.

SCIENTIFIC TRADITIONS AND INNOVATIVE MEASURE IN THE CURRENT ECONOMIC STUDIES

Marius Bulearca

Introduction

For over fifty years, governments have funded research and development (R&D) because of the impact (or outcome) it has – or we think it has – on society. Although scientific policy has for a time been driven by the “policy for science” philosophy or ideology, there has never been any doubt in the minds of policy-makers that the ultimate aim for funding science and technology was socio-economic goals such as national security, economic development, welfare and the environment.

The socio-economic goals of public funding were so pronounced that, from the beginning, academic researchers and statistical offices measuring science and technology discussed how to measure output and outcome of scientific research and developed several indicators to this end. Now, one has historical series of output indicators on patents, technological balance of payments and high-technology trade, for example. We also have multiple studies linking science and technology to productivity and economic growth. OECD countries have also adopted a standard classification to measure and break down public R&D expenditures by socio-economic objectives.

Despite these efforts, however, we still know very little about the impact of science. First, most studies and indicators are concerned with economic impact. While economic impact is important and, above all, non negligible, it represents only a small fraction of the whole which extends to the social, organizational, and cultural spheres of society. Second, the few discussions and measurements that go beyond the economic dimension concentrate on indirect rather than ultimate impact. We still have, forty years after the first demands for impact indicators, to rely on case studies to quantify, very imperfectly, dimensions other than the economic one.

This paper provides a framework to assess the contribution of science to society. It is divided into two parts. The first part develops a typology of impact covering eleven dimensions. Beyond the economic dimension, the typology concentrates on more intangible ones. The second part discusses the challenges confronting social scientists and statisticians interested in measuring the impact of science.

1. A Multi-Dimensional View of Science

Economic studies during the past several decades have concluded that technology innovation (and related capital and human investment) contributes nearly half of the nation's productivity, economic growth and standard of living. It is thus imperative that government and business leadership pay the utmost attention to the role of innovation in each country growth, competitiveness and quality of life. One explanation for the policy attention deficit is the lack of metrics that adequately describe the nation's innovation ecosystem and the relationships of various attributes – from knowledge inputs to transforming processes to ultimate outcomes. Sound policy analysis and decision-making requires credible, timely and relevant measurements. "What you get is what you measure." Bad metrics can lead to bad diagnosis which in turn results in bad or poorly designed policies with unintended consequences.

In the literature, most if not all measured impact of science concentrates on the economic dimension. In the 1950's, economists began integrating science and technology into their models, and focused on the impact R-D had on economic growth and productivity. Solow's (1957) approach has been the dominant methodology for linking R-D to productivity. He was the first to formalize accounting growth (decomposing GDP into capital and labor), and equated the residual in his equation with science and technology – although he included more than just science and technology. Denison (1962; 1967) and Jorgenson and Grilliches (1967), among others, later improved on Solow's approach.

The impact on technological innovation has also received a lot attention from researchers (Gibbons and Johnston, 1974; Mansfield, 1991; 1998; Rosenberg and Nelson, 1996). For instance, several authors, among them E. Mansfield, have illustrated the importance of academic research to the advance of industrial innovation. They argued that a large proportion of firms would not have developed products and processes in the absence of academic research.

To sum up the previous discussion, it appears that most measures of the impact of science are concerned with the economic impact such as economic growth, productivity, profits, job creation, market share, spin-offs – and there are very few indicators as such that link science and technology directly to these economic pay-offs. Systematic measurements and indicators on impact on the social, cultural, political, and organizational dimensions are almost totally absent from the literature.

In order to better identify the scope of impact, we constructed a typology with eleven dimensions corresponding to as many categories of impact of science on society.

The first three dimensions are the most well known. *The first concerns scientific impact.* The research results (at time 1) have an effect on the subsequent progress of knowledge (at time 2) – theories, methodologies, models and facts -, the formation and development of specialties and disciplines, and training. They can also have an effect on the development of research activities themselves: interdisciplinarity, intersectionality, and internationalisation.

The second dimension refers to the technological impact. Product, process and service innovations as well as technical know-how are types of impact that we owe partly to research activities. Beyond patents,

however, there are actually very few indicators to properly assess this dimension. The innovation survey, for example, measures innovation activities rather than output (counting innovations) and impact.

The third dimension is the most well known: economic. It refers to the impact on an organization's budgetary situation (operating costs, revenue, profits, the sale price of products), sources of finance (action capital, risk capital, contracts), investments (human capital – hiring and training, physical capital – infrastructure and material, operating and expansion), production activities (types of goods and service products) and the development of markets (diversification and export).

The other eight dimensions are somewhat new for statisticians, for they are often less tangible. The impact on culture refers to what people frequently call public understanding of science, but above all to the four following types of knowledge: know what, know why, know how, and know who (Lundvall and Johnson, 1994). More specifically, it refers to the impact on an individual's knowledge and understanding of ideas and reality. It also includes intellectual and practical skills, the attitudes and interests (on science in general, scientific institutions, scientific and technological controversies, scientific news and culture in general) and values and beliefs (Godin and Gingras, 2000).

2. Challenges

At least three challenges must be met before one conducts any measurement of the types of impact presented above. One is to distinguish conceptually between output and impact (or outcome). The second is to identify specifically the transfer mechanisms by which science translates into impact. The last is to develop appropriate and reliable instruments and indicators.

Distinguishing Output and Impact. Output and impact are frequently dealt with under the same term – output. In fact, output is often understood to mean impact. There has always been confusion between the two. Some clarification is necessary. While output is the direct result or product of science – production or mere volume of output as economists call it – impact is the effects that this output has on society and the economy. Patents are real output indicators, for example, but other so-called output indicators from the OECD are in fact measures of impact (or outcome) of science and technology: technological balance of payments, high-technology trade.

Integrating Transfer Mechanisms. The linear or input-output model does not really allow one to link science to impact because between the two lie transfer mechanisms and activities that are usually considered a black-box, and because direct and indirect impact is rarely distinguished.

Measuring and Developing Indicators. Surveys on impacts need to have certain characteristics as follows. Firstly, a definition of impacts: an impact is measured by a changed situation. Generally, one measures the presence or the existence of a change by a nominal type indicator. The second methodological point of order concerns the interpretation of the measurement of impact. The consideration and inclusion of questions on transfer are necessary to explain the presence or absence of measured impact in an inquiry to this end, and go beyond mere statistical correlations.

3. Conclusions and recommendations

There is a huge demand for quantitative studies and indicators on the impact of science. This demand not only comes from governments that need to evaluate the performance of their investments, but also from researchers for theoretical purposes: what is the scope of science's impact on society? By what mechanisms does research transfer to society?

Answering such questions requires that surveys on specific types of impact be conducted. Actually most quantitative studies on the impact of science are based on econometric models that correlate R&D expenditures to economic variables such as GDP. Social scientists have rarely entered the field with their own methodologies. Most seem to follow NSF's early statement that "the returns [of science] are so large that it is hardly necessary to justify or evaluate the investment" (NSF, 1957: 61).

This paper has suggested several dimensions of society, beyond the economic one, on which science has an impact. It has also identified three areas for further work if one wants to properly measure and evaluate the impact of science on society. The measurement of impact is actually at the stage where the measurement of R&D was in the early 1960s: data have to be constructed from scratch. Certainly, challenges are numerous, and adequate solutions still have to be developed to properly address the methodological issues. But actually it seems as if most researchers have given up without really trying. S Cozzens was right when she suggested: "We need to link back more to fundamental social problems and issues, rather than focusing narrowly on immediate payoffs from a particular program or activity" (Cozzens, 2002:75).

References

1. Cozzens, S. Evaluating the Distributional Consequences of Science and Technology Policies and Programs / S. Cozzens // Research Evaluation. – 2002. – №11 (2). – P. 101–107.
2. Cozzens, S. 2002. Research Assessment: What's Next / S. Cozzens // Research Evaluation. – 2002. – №11 (2). – P. 65–79.
3. Denison, E. F. The Sources of Economic Growth in the United States and the Alternatives Before Us / E. F. Denison; Committee for Economic Development. – New York, 1962.
4. Denison, E. F. 1967. Why Growth Rates Differ / E. F. Denison. – Washington: Brookings Institution, 1967.
5. Feller, I., Ailes C.P. and Roessner D. Impacts of Research University on Technological Innovation in Industry: Evidence from Engineering Research Centers / I. Feller, C. P. Ailes, D. Roessner // Research Policy. – 2002. – Vol. 31. – P. 457–474.
6. Gibbons, M. and Johnston, R. The Roles of Science in Technological Innovation / M. Gibbons, R. Johnston // Research Policy. – 1974. – Vol. 3. – P. 220–242.
7. Godin, B. et Y. Gingras. What is Scientific Culture and How to Measure It: A Multidimensional Model / B. Godin, Y. Gingras // Public Understanding of Science, 2000. – №9. – P. 43–58.
8. Jorgenson, D. W. and Grilliches, Z. The Explanation of Productivity Change / D. W. Jorgenson, Z. Grilliches // Review of Economic Studies. – 1967. – 34 (3). – P. 249–283.
9. Lundvall Bengt-Ake and Bjork Johnson. The Learning Economy / Lundvall Bengt-Ake and Bjork Johnson // Journal of Industry Studies. – 1994. – December. – Vol. 1 (2).
10. Mansfield, E. Academic Research and Industrial Innovation / E. Mansfield // Research Policy. – 1991. – Vol. 20, 1.
11. Mansfield, E. 1998. Academic research and industrial innovation: An update of empirical findings / E. Mansfield // Research Policy. – 1998. – Vol. 26. – P. 773–776.
12. National Science Foundation. Basic Research: A National Resource. – Washington, 1957. – P. 61.
13. Rosenberg, N. and Nelson R.R. The Roles of Universities in the Advance of Industrial Technology / N. Rosenberg, R. R. Nelson // Engines of Innovation: US Industrial Research at the End of an Era / R. S. Rosenbloom and W. J. Spencer. – Boston: Harvard Business School Press, 1996.
14. Solow, R. 1957. Technical Change and the Aggregate Production Function / R. Solow // Review of Economics and Statistics. – 1957. – 39, August. – P. 312–320.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РЕСУРСА В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

О. А. Наумович

Современное состояние экономики характеризуется информационной революцией, пронизывающей производство, экономику, науку, сферу услуг. Все сферы приобретают новую систему взаимодействия. Свое развитие получают информационные услуги. Республика Беларусь обладает всеми предпосылками для инновационного развития – развитая система образования, высокая культура научных исследований. Поскольку страна обладает хорошим кадровым потенциалом, возникает необходимость его использования в развитии индустрии программного обеспечения или информационных технологий. Благодаря имеющимся специалистам, при условии создания необходимых экономических, организационно-институциональных и правовых условий, возможно создание совершенно новых технологий и на их основе – высокотехнологичной продукции.

Экономическое развитие характеризуется постоянной сменой производственных отношений на более совершенные. Прогресс в одних отношениях может сопровождаться регрессом в других. «Старый» уклад играет роль сырьевого придатка нового. Удержать свои конкурентные преимущества возможно путем постоянной разработки новых и передовых продуктов. Страны с развитыми экономиками могут повышать производительность путем внедрения уже существующих технологий.

Модернизация производства предполагает формирование и удовлетворение все более высоких и многообразных потребностей работающих. Рост и обогащение их потребностей являются неременной предпосылкой увеличения заинтересованности работников в результатах производства, побуждающей их реализовывать в полной мере свои способности. Рост потребностей служит

одним из основных факторов, стимулирующих трансформационные процессы в производстве и в экономике. Для того, чтобы рост потребностей сопровождался стремлением к производительному труду, необходим соответствующий социально-экономический механизм удовлетворения потребностей, позволяющий синхронно с их ростом потребностей расширять возможности работающих повышать свои доходы путем умножения усилий как в производственной сфере, так и в сфере услуг.

Как известно, в основе выделения той или иной социальной структуры лежит функциональная или причинная связь взаимодействующих индивидов. Совокупность субъектных отношений в обществе в каждый конкретный момент времени предопределяется и одновременно формирует баланс экономических интересов; в зависимости от степени совпадения, не совпадения или противоположности экономических интересов, необходима группировка субъектов в рамках теоретического исследования в определенные блоки. Столкновение интересов представителей данных группировок, их социально-экономический, институциональный и правовой потенциалы, способность их реализовать на практике будут предопределять динамику экономической системы общества (национальной модели развития). Место, роль и возможности названных субъектов будут, прежде всего, зависеть от места в трудовых отношениях, а также трансформации технологических отношений.

Главное конкурентное преимущество в настоящем и будущем – это интеллектуальный потенциал страны, формирование которого должно рассматриваться как приоритетная задача. Совершенствование механизма продвижения наиболее талантливых представителей всех слоев общества в управленческую и интеллектуальную элиту предполагает ввод в нее не только новых людей, но и новых идей, поскольку «высокий инновационный потенциал становится <...> важнейшим фактором конкурентной борьбы...» [1].

Стремление к обладанию новыми благами стимулирует экономический рост. В то же время чрезмерная насыщенность товарами и услугами может порождать чувство пресыщенности, вести к утрате нравственных ориентиров, т. е. выступать предпосылкой общества всеобщего потребления. Рост умственного труда становится естественной потребностью человека. Одной из главных задач производителей является не только удовлетворение все возрастающих потребительских желаний, но и предотвращение чувства пресыщения. Глобальный финансовый кризис 1998 г. продемонстрировал необходимость перехода к иному пути развития, с переориентацией человеческих потребностей на личностные, культурные приоритеты, т. е. взаимодействие материальной сферы с нематериальной. На стадии своего роста новый уклад набирает силу, привлекает капитал для перехода на новый уровень производства. На стадии спада мы можем наблюдать расцвет его ведущих отраслей, распространение их во все сферы жизни, происходит перелив капитала в новые ниши. В 90-е годы XX века начался процесс перераспределения капитала в передовые отрасли нового технологического уклада, это, прежде всего, nano-, био-, информационные, космические технологии. Результаты будут отражаться в росте новых производств, компенсирующих замену устаревших.

Литература и источники

1. Глазьев, С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М., 2010.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: КАДРЫ, ФИНАНСИРОВАНИЕ, РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ

М. М. Урбан

Главная предпосылка инновационной деятельности – поиск и реализация новшеств в виде новых технологий, видов продукции и услуг, новых форм организации производства и труда, обслуживания и управления, обеспечивающих качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованных рынком. Практика показывает: ничто так не заставляет руководителя сосредоточиться на инновационной идее, как осознание того, что производимый продукт уже в ближайшем будущем окажется устаревшим.

Согласно докладу ООН «Глобальный инновационный индекс 2015 года», Беларусь в этом рейтинге заняла 53-е место, что на 5 пунктов выше уровня предыдущего года. Однако в инновационной деятельности нашей страны существует ряд проблем, коррелирующих с основными ее показателями.

Основу инновационной деятельности обеспечивают организации, выполняющие научные исследования, и высококвалифицированные кадры при условии их постоянного наращивания. В Беларуси за период 2000-2014 гг. число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, увеличилось в полтора раза (457 против 307); при этом численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, уменьшилась и составила 27,2 тыс. человек, или 84,5% от 2000 г.; численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в расчете на 10 000 человек, занятых в экономике, в 2014 г. уменьшилось на 12,7% по сравнению с 2005 г. (в Германии в этой сфере задействовано 579,2 тыс. человек). Уменьшение численности затронуло в разной степени все сектора деятельности: государственный – 62,4%, коммерческий – 93,7% и высшего образования – 90,9% к 2000 г. Численность исследователей на конец периода составила 88,2%, техников – 72,0%; докторов наук – 81,9%, кандидатов наук – 74,5% к 2000 г. Подобная тенденция свойственна всем областям наук [1, с. 381–382].

Инновации во всех секторах экономики требуют наращивания финансовых вложений: чем выше уровень успеха, на который рассчитывает предприниматель в будущем, тем выше затраты, к которым он должен быть готов в настоящем. Динамика расходов республиканского бюджета на научную, научно-техническую и инновационную деятельность за период 2000-2014 гг. изменилась от 0,39% до 0,25% от ВВП (валового внутреннего продукта), внутренних затрат на научные исследования и разработки – от 0,72% до 0,52% от ВВП (в Германии – 2,92% ВВП, в Израиле – 3,93% ВВП, в Финляндии – 3,55%).

Результативность исследований и разработок в Республике Беларусь характеризуется следующими показателями. Численность поданных заявок на патентование изобретений в 2000 г. составила 1198, в 2014 г. – 757, или 63,2% от 2000 г. На конец анализируемого периода действует 3913 патентов против 2213 в 2000 г. Научоемкость ВВП в 2014 г. составила 0,52% против 0,69% в 2010 г. Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции в 2014 г. составил 13,9% против 15,2% в 2005 г.; удельный вес инновационной продукции, связанной с нанотехнологиями, в общем объеме отгруженной инновационной продукции составил 0,02% в 2014 г. против 0,1% в 2011 г.

Уменьшается доля малых и средних предприятий, внедряющих продуктовые или процессные инновации: 2014 г. – 3,07%, 2012 г. – 4,21%. Удельный вес экспорта в общем объеме отгруженной инновационной продукции за пределы Республики Беларусь организациями промышленности составил: 2005 г. – 83,0%, 2014 г. – 59,7%; из него в страны СНГ: 2005 г. – 25,4%, 2014 г. – 39,3% [2, с. 60–62].

Приоритетным механизмом мировой практики финансирования инноваций является венчурное инвестирование, позволяющее обеспечить ускорение процессов качественных трансформаций в экономике. Создание благоприятных условий для развития этого механизма служит важным приоритетом инновационной политики большинства развитых стран. Но венчурный капитал – это специфический механизм, успешная деятельность которого требует сложного набора условий и институтов. Венчурный капитал инвестируется в основном в радикальные инновации (т.е. основанные на результатах фундаментальных исследований и имеющие потенциально высокую норму прибыли). В Беларуси венчурный капитал пока рассматривается в качестве дополнения к существующей системе механизмов финансирования, хотя он обладает широкими возможностями решения существующих проблем финансовой поддержки инноваций. Для эффективного функционирования рынок венчурных инвестиций нуждается в «поддержке со стороны государства самых рискованных этапов реализации проектов; эффективной защите прав на интеллектуальную собственность; корректировке законодательства для создания благоприятных условий развития венчурной индустрии; предпринимательских инициативах, направленных на поддержку и культивирование венчурных проектов; грамотных менеджерах, умеющих брать на себя высокие риски и управлять ими» [3].

Литература и источники

1. Статистический ежегодник. – Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015.

2. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Статистический сборник. – Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015.

3. Малашенкова, О. Человеческий капитал: Венчурные проекты в Беларуси – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belinstitute.eu/ru/node/1538>. – Дата доступа 01.02.15.

НОВАЯ РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРОВАННОГО МИРА: ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ (ВЗГЛЯД ИЗ УКРАИНЫ)

В. Г. Циватый

Политико-институциональное развитие мировой цивилизации на рубеже XX и XXI веков привело к ряду серьёзных трансформаций, позволяющих говорить о её новой стадии. Широко признано её название – информационное общество. Имеется в виду тот важный и новый факт, что сегодня в экономически развитых странах производство, распространение и использование информации становится не только определяющим в экономической сфере, но и влияющим на все остальные области социальной деятельности: политику, дипломатию, культуру, науку и образование. Имеется в виду также, и распространение новых информационных технологий (телекоммуникации, Интернет и др.), которые не только радикально меняют возможности получения информации, но и влияют на среду обитания человека, на его жизненный мир, на его образование и на самого человека, создавая, таким образом, предпосылки для нового научно-образовательного фундамента интеллектуальной культуры новой личности XXI века.

Информационное общество – это и есть цивилизация знаний, науки и образования, это такое общество, в котором именно обладание знаниями рассматривается в качестве показателя богатства. Цивилизация знаний и связанные с ней новые информационные технологии создают новые возможности для каждого человека. В связи с этим происходят существенные изменения в науках, изучающих политику, общество и человека, а также существенно меняются задачи образования и цели институциональной модели образования [1, с. 36–46].

Главной задачей образования становится не просто приобретение знаний, а овладение способами приобретения и использования знаний, т.е. способами творческого, креативного и критического мышления. В этой ситуации образование должно менять свой характер и институциональную модель: превращаться из простого обучения готовым знаниям, навыкам и умениям в обучение способам самостоятельной познавательной деятельности. Ускоряющийся научно-технический прогресс XXI века выявил неизбежные и имманентные пределы, связанные с ограниченностью природных ресурсов, политической нестабильностью, социальными конфронтациями, растущей неустойчивостью человеческой психики.

Философия науки и науковедение рисуют многомерный, исторический, институциональный, социально и антропологически нагруженный образ науки и образования, в котором главное место отводится анализу взаимодействия когнитивных, психологических, культурных и космологических факторов её развития [2, с. 399–416].

Современный эпистемологический анализ практического, практически-духовного и обыденного типов опыта показывает их связь с определённым этапом в развитии научного знания и институционального образования. И хотя структуры жизненного мира функционируют во многом неререфлексивно, их содержательное различие столь велико, что уже не обеспечивает беспрепятственного понимания людей разных культур, институционально-образовательных систем и эпох. Одновременно в жизненном мире стираются те различия (национальные, языковые, сословные), которые ранее препятствовали пониманию, и обеспечиваются определённые условия диалога культур и моделей дипломатии. Так, в техногенной цивилизации происходит онаучивание жизненного мира и антропологизация науки и образования; мир науки и образования и жизненный мир человека, утрачивающего черты *Homo sapiens*, разводятся в системе координат. Это координаты, между которыми осуществляется постоянный обмен смыслами; это координаты, существование которых обеспечивает как динамику культуры и дипломатии (мягкая сила дипломатии/*softpower*), так и напряжённость философского дискурса.

Для многих областей философского знания – для эпистемологии, философской антропологии, социальной философии, политической философии – новые представления о продолжающейся когнитивной эволюции человеческих популяций имеют первостепенное значение. Философия должна способствовать синтезу и трансляции этих представлений в другие области духовной культуры. В перспективе это приведёт к радикальным изменениям в наших традиционных воззрениях на факторы, влияющие на когнитивный, социальный, политико-дипломатический и культурный прогресс человечества. Философский компонент образования в обществе, основанном на знаниях, это достижение традиционных целей посредством реализации инновационных задач.

Всестороннее изучение института образования привлекает все большее внимание исследователей, в связи с возрастанием той роли, которую он играет в современном обществе и, как прогнозируется, станет играть в будущем. Думается, образование подобно той точке опоры, о которой говорил Архимед: именно благодаря образованию можно изменить мир и достойно войти в новую полицентричную политико-дипломатическую систему. Что, собственно, и демонстрируют страны, как, например – Беларусь, Украина, Россия – реально делающие эту сферу приоритетной и формируют новую интеллектуальную культуру своих государств. Образование содержит в себе огромный ресурс для движения государства к достойному будущему.

Компаративный анализ экспертных оценок и обобщение реального опыта управления знаниями, компетенциями и интеллектуальным капиталом в странах на постсоветского пространства, в частности – Беларуси, Украины и России – свидетельствуют о позитивном оценивании перспектив непрерывного гуманитарного образования. Кроме того, подавляющее большинство экспертов отметило, что непрерывное гуманитарное образование будет в перспективе одной из важных институциональных составных частей системы образования в целом. Социально-гуманитарные знания в современном мире приобретают особенно большое значение, что вызвано спецификой нынешнего этапа развития постсоветских стран, и прежде всего – Украины, Беларуси и России [3, с. 8–13] [4, с. 20–29].

В XXI веке институционализация, интенсификация и модернизация высшего образования требует внедрения таких инновационных технологий, для которых главная цель – это творческое воспитание личности в интеллектуальном и эмоциональном измерении. Такими инновационными технологиями являются: развивающее обучение, проектирование, проблемное обучение, уровневая дифференциация, тестовая система, игровое обучение, погружение в иноязычную культуру, обучение в сотрудничестве, самовоспитание и автономия, интеграция [5, с. 175–185] [6, с. 74–75].

Одним из важных направлений обучения межкультурной коммуникации является важным и возможным использование одного из эффективных методов обучения профессиональным компетентностям в условиях современных требований – ролевой игры (переговорный процесс, дипломатический приём, урегулирование конфликта или кризиса, модель ООН, модель поведения дипломата в любой практической ситуации в стране пребывания и т. д.). Моделирование реальной аутентичной среды (модель поведения) посредством привлечения Интернет-ресурсов также служит не только более успешному освоению знаний и формированию профессиональных компетентностей, но и позволяет постичь глубинный закон единства и многообразия культур и моделей дипломатии.

Таким образом, современная цивилизация колоссально усиливает требования к отдельному индивиду, его образованию и знаниям, который уже не может спрятаться за анонимным решением безликого коллектива, а должен действовать на свой страх и риск. Как следствие этого – повышение роли индивида в социальной жизни, рост индивидуализации и повышение личной ответственности, а также укрепление научно-образовательного фундамента. Научно-образовательный фундамент должен институционализироваться через учебную деятельность в парадигме образования через всю жизнь.

В современных условиях, когда ключевыми факторами развития цивилизации становятся знания и высокие технологии, интеллектуальный потенциал и культура нации, неоспоримым является тезис о том, что важнейшую роль в развитии общества играет человеческий потенциал. При таком подходе показателем национального богатства в значительной степени выступают не только и не столько запасы сырья или динамика производства, сколько образованные люди. Вот почему передовые страны, в т. ч. – Беларусь, Украина, Россия, сегодня осуществляют на практике в качестве базового принципа государственного строительства, а также концепций и стратегий обеспечения национальной безопасности и развития общества, принцип реальной приоритетности наук, образования, культуры и дипломатии.

Процессы глобализации превращают науку и образование в один из важнейших элементов социальной инфраструктуры государств. Новая модель модернизации образования и науки, преобразования в современном мире, выдвигают непростые задачи, и эти задачи неизбежно связаны с функционированием института образования. Тем самым образование в современном общественном развитии выступает одним из основных институтов и инструментов повышения конкурентоспособности как страны в целом, так и каждого человека в отдельности.

Литература и источники

1. Вища освіта, наука, виробництво: теорія і практика інтеграції у сфері фінансів: Монографія / За заг. ред. д.е.н. М. А. Коваленка. – Херсон, 2015.
2. Циватий, В. Г. Інституціональна модель та інформаційні технології в підготовці дипломата ХХІ століття [Текст] / В. Г. Циватий // Україна дипломатична. Науковий щорічник' 2010. – Вип. ХІ. – Київ, 2010. – С. 399–416.
3. Іванов, С. В. Парадигма неперервної гуманітарної освіти: методичні аспекти становлення у вищій школі [Текст] / С. В. Іванов, П. С. Борсук, С. І. Дичковський // Гуманітарні науки: Науково-практичний журнал. – 2003. – № 1. – С. 8–13.
4. Дичковський, С. І. Неперервна гуманітарна освіта – новий етап педагогічного мислення [Текст] / С. І. Дичковський // Гуманітарні науки: Науково-практичний журнал. – 2004. – № 2. – С. 20–29.
5. Циватий, В. Г. Языковая картина мира и национальные менталитеты в контексте европейских дипломатических практик: исторические традиции и новации [Текст] / В. Г. Циватий // Молодёжь и наука: слово, текст, личность. Сборник научных статей. – Ульяновск, 2015. – С. 175–185.
6. Фетисова, Л. Ю. Ролевая игра как существенное дидактическое средство обучения иностранным языкам [Текст] / Л. Ю. Фетисова // Молодой ученый. – 2015. – № 15.2. – С. 74–75.

ВЫЗОВЫ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ» ДЛЯ УКРАИНЫ: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА И РЕФОРМЫ

П. Г. Давидов

Сегодня становится понятным, что образование является не частным делом, не результатом личных предпочтений, а социальной технологией воспроизводства человека, его способностей и умений. Существенной чертой новой экономики является получение и использование новых знаний. Сегодня знания, и вообще образование, выступает не только в качестве «товара» но и фактором социального развития, как отдельной личности, так и общества в целом. Стоит отметить, что еще в 80–90-х годах ХХ века многие американские и европейские исследователи акцентировали внимание на роли и значении не столько информации, сколько знаний. Это привело к новому определению современного общества как «knowledge society» (общество знаний). Однако и сегодня еще не существует достаточно аргументированной теории, которая бы всесторонне описывала все аспекты нового исторического феномена.

Научное определение понятия «общество знаний» ввел в 1996 году П. Друкер, по его мнению именно знания и определяют тип экономики, играя в нем ведущую роль, а их производство и является источником экономического развития. Однако процесс переоценки движущих сил экономики начался еще в 70-х годах ХХ века. Именно тогда человеческий фактор выдвинулся на первый план среди других факторов производства. В это время американский экономист Г. Беккер разработывал теорию человеческого капитала, в которой речь шла о том, что вложение (инвестиции) в человеческий капитал дает значительные по объему, длительные по времени, интегральные по характеру экономические и социальные эффекты.

Ключевую роль знаний в экономических процессах признавал и основатель современной неоклассической экономики А. Маршал, а Й. Шумпетер подчеркивал, что появление новых товаров, методов производства, рынков, материалов и организаций – это результат новых «комбинаций» знания. На специфику знаний как определяющего фактора развития указывает М. Кастельс: «В новом, информационном средстве развития источник производственной активности заключается в технологии генерирования знаний, обработке информации и символической коммуникации. Безусловно, знания и информация являются критически важными элементами во всех средствах

развития, так как процесс производства всегда основан на определенном уровне знаний и на обработке информации. Однако специфическим для информационного средства развития влияние знания на само знание как главный источник производственной активности». [1, с. 205]. Интересным является и вывод Д. Нейсбита о том, что «впервые в истории ключевой ресурс экономики не только обновляемый, но и самовостанавливаемый. Нет проблемы, что он иссякнет, – есть проблема, что он нас затопит» [2, с. 29].

Поэтому сегодня в системе движущих сил развития общества важнейшим становится звено «информация – интеллект – нация – инновационное общество» [1]. То есть, в таких условиях важным в формировании высококвалифицированного кадрового потенциала становится как раз интеллектуальная составляющая. Об этом свидетельствует и мировая практика: инвестиции в человеческий капитал в экономически развитых странах обеспечивают до 75% прироста национального богатства. В частности, по оценке Всемирного банка, сегодня физический капитал в современной экономике формирует 16% общего богатства каждой страны, естественный – 20%, а человеческий – 64%. В таких странах как Япония и Германия судьба человеческого капитала составляет до 80% национального богатства [3, с. 10].

По оценкам Всемирного банка, Индекс экономики знаний, рассчитываемый из показателей развития инновационной системы, образования и человеческих ресурсов, информационно-коммуникационных технологий, экономического режима и государственного управления, для Украины составляет 5,55. Для ведущих стран мира он превышает 8,21 (Швеция, США, Финляндия, Ирландия, Великобритания, Канада, Франция, Германия, Япония и Нидерланды). Доля же Украины на мировом рынке наукоемкой продукции меньше 0,1%, удельный вес объема выполненных научно-технических работ составляет около 1% ВВП Украины, инновационная активность промышленных предприятий остается чрезвычайно низкой, обновление основных средств не превышает 5% в год, материально-техническая база научных организаций очень быстро стареет. Как следствие, по данным глобального индекса конкурентоспособности среди 131 стран, Украина занимает по уровню высшего образования и профессиональной подготовки 53 место, по уровню технологического развития она заняла 93 место, а по инновациям – 65 место. То есть в качестве главной проблемы современности выступает изменение парадигмы образования и развитие новой философии образовательного пространства – мирового, интегрированного пространства знаний [3, с. 116].

Таким образом, наиболее эффективной формой накопления сегодня становится развитие людьми собственных способностей, а выгодными инвестициями – инвестиции в человека, его знания и таланты. В 2005 году ЮНЕСКО подготовила «Всемирный доклад 2005 года: На пути к обществу знаний», в котором обосновывалась необходимость и значение перехода от концепции информационного общества к концепции общества знания. В нем обращалось внимание на то, что возможности и ресурсы глобальной информатизации лишь в незначительной степени используются в процессе выработки и распространения знания – большая их часть способствует расцвету явлений, которые ничего общего с обществом знаний не имеют: бессодержательные «чаты», «шопинг» и тому подобное. Поэтому общество знаний само по себе из информационного общества не сформируется, поскольку увеличение объема информации не обязательно приводит к приращению знаний. Надо, чтобы средства отбора, обработки, осмысления и использования этой информации также были адекватными задаче выработки и использования знаний для развития человеческого общества как в духовной, так и материальной сферах.

Каждое общество имеет собственные преимущества в сфере знания. Поэтому надо стремиться обеспечить сочетание знаний, которыми уже обладают те или иные общества, с новыми формами создания, приобретения и распространения знаний, которые используются в рамках модели экономики знания. Понятие «информационное общество» определяется достижениями технологии. Понятие «общество знаний» предполагает более широкие социальные, психологические, этические, аксиологические и другие параметры. Поэтому ЮНЕСКО рекомендует употреблять термин «общество знаний» вместо термина «информационное общество».

В украинском обществе есть понимание того, что сегодня необходимо сделать решительные шаги в направлении формирования общества знаний. Основные акценты должны быть перенесены на задачи ускорения инновационного развития, перехода к стратегии экономики, основанной на знаниях. В ее основе лежат интеллектуальные ресурсы, интеллектуальный капитал, наука, процессы трансфера результатов творческой деятельности в производстве материальных и духов-

ных благ. Поэтому образовательная стратегия должна быть ориентирована на обеспечение перехода к инновационной модели, которая предусматривает опережающий характер развития системы образования для того, чтобы подготовить человека к жизни в обществе знаний, где определяющую роль играют интеллектуальные ресурсы и инновации.

Таким образом можно сделать вывод, что без серьезной поддержки государства в реформировании системы образования решить эту проблему невозможно. Поэтому необходимо поэтапное плановое реформирование системы образования в единой концепции государственного строительства. Без концепции реформирования экономического базиса государства, реформирования социальной структуры, в которую входит и образовательная отрасль, построение общества знаний невозможно. Однако следует отметить, что образовательные и научные ресурсы у нас еще есть, следует не терять времени в производстве реформ.

Литература и источники

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000.
2. Нейсбит, Д. Мегатренды / Д. Нейсбит. – М., 2003.
3. Сучасні концепції менеджменту / За ред. д-ра екон. наук. проф. Л. І. Федулової. – К., 2007.

2.3 Интеллектуальный капитал белорусского общества в проекции на кадровый потенциал отечественной науки

ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАУЧНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КАК ФАКТОР РОСТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Е. В. Шухно

Организационная культура представляет собой важный компонент существования любой организации, продуктивности и эффективности ее деятельности. Культурные образцы, принятые, усвоенные и культивируемые в организации, оказывают значительное влияние на различные стороны деятельности членов организации и, в частности, на властные отношения и отношения контроля; отношение к трудовой деятельности; межличностные отношения внутри групп; межгрупповые отношения; отношения с внешним окружением, а также на мотивацию и удовлетворенность трудом и т. д. Кроме того, культура определяет процессы интеграции сотрудников и структурных подразделений, а также адаптации организации к условиям внешней среды.

Ценностный аспект организационной культуры является одним из приоритетных направлений изучения рассматриваемого явления как в социологии управления, так и в менеджменте. Социология обладает значительным исследовательским потенциалом в данной сфере ввиду ее полипарадигмальности, многообразия существующих теоретико-методологических подходов, а также ввиду наличия высокоразвитого комплекса методов социологического исследования.

Изучение ценностей организационной культуры научной организации представляет собой важный практический интерес, так как, зная реально существующие ценности научного учреждения, возможна корректировка формализованных ценностей, таким образом, чтобы ликвидировать разбежку между последними и реально разделяемыми ценностями коллектива. Ценности занимают значительное место в структуре организационной культуры, они образуют своего рода фундамент, на основе которого строится весь поверхностный наблюдаемый уровень. Именно на ценностном уровне заложены значительные возможности по улучшению эффективности функционирования организации.

Наибольшая эффективность организации достигается при совпадении провозглашаемых официальных ценностей и ценностей, разделяемых коллективом, в этом случае организация как единство руководства и коллектива движется слаженно в одном направлении. В случае же неподдержания работниками провозглашенных ценностей, последние так и остаются лишь официальными «писаными» ценностями, но реально не работающими, в лучшем случае сотрудники такие

«квазиценности» игнорируют. В худшем же случае эти ценности вступают в конфликт с разделяемыми ценностями коллектива и могут оказывать серьезное негативное влияние на деятельность организации. Изучение и последующая корректировка ценностной компоненты культуры научной организации может выступать фактором роста интеллектуального капитала самой научной организации и науки в целом как социального института.

Вопросы организационной культуры научной организации недостаточно разработаны как в современном менеджменте, так и в социологии управления и социологии науки. Исследования организационной культуры, как правило, охватывают изучение коммерческих организаций, тогда как научная организация представляет собой отличный от них тип и обладает рядом специфических особенностей, что, в свою очередь, накладывает свой отпечаток на ее организационную культуру и ее ценностный компонент. Культура научной организации содержит значительный потенциал по совершенствованию деятельности научной организации и повышению ее эффективности. Последнее особенно важно в настоящий период продолжающегося экономического кризиса и реформирования и оптимизации белорусской науки в целом, и ее ведущей исследовательской организации – Национальной академии наук.

Культура научной организации – это система ценностей, норм, правил, предписаний, обычаев, мнений и предпосылок, которые существуют (доминируют) в научной организации, а также основывающиеся на данной системе модели организационного поведения, организационный стиль и устройство организационного пространства.

Ценности личности научного сотрудника и научной организации в целом в значительной степени детерминирует трудовой процесс и его результаты как для отдельного работника, так и для организации в целом. От места организационных ценностей в ценностных ориентациях научного сотрудника много зависит и его отношение к труду, которое находит свое непосредственное выражение и в трудовом поведении, и в мотивации, и в удовлетворенности трудом. При этом, как отмечалось выше, немаловажно и положение ценностей в рамках организационной культуры: зачастую декларируемые ценности не находят реальной поддержки среди сотрудников, не определяют их практики, а иногда и противоречат их ценностям, в этом случае не представляется возможным говорить об эффективности деятельности организации.

Рассматривая культуру научной организации необходимо указать на фактор, детерминирующий и конституирующий ценностный компонент ее организационной культуры, а через него и саму организационную культуру. Таким фактором является «научный этос», сформулированный Р. Мертоном в 1942 году и идентифицирующий сами нормы науки среди других социальных институтов. *Этос науки* по Мертону – это «эмоционально воспринимаемый комплекс правил, предписаний, обычаев, мнений, ценностей и предпосылок, которыми руководствуется ученый» [1, с. 1050]. Иными словами этос ученого и есть суть организационной культуры научной организации, составляющий ее глубинный уровень. Сформулированный Мертоном этос включал четыре нормы, обозначенные как «универсализм», «коллективизм», «бескорыстность» и «организованный скептицизм» (позднее Б. Барбер добавил еще «рационализм» и «эмоциональную нейтральность») [2, с. 97].

Императив *универсализма* порождается внеличным характером научного знания. Поскольку утверждения науки относятся к объективно существующим явлениям и взаимосвязям, то они универсальны и в том смысле, что они справедливы везде, где имеются аналогичные условия, и в том смысле, что их истинность не зависит от того, кем они высказаны. Универсализм проявляет себя в провозглашении равных прав на занятия наукой и на научную карьеру для людей любой национальности и любого общественного положения. *Коллективизм* предписывает ученому незамедлительно передавать плоды своих трудов в общее пользование, то есть сообщать свои открытия другим ученым тотчас после проверки, свободно и без предпочтений. *Бескорыстность* предписывает ученому строить свою деятельность так, как будто кроме постижения истины у него нет никаких других интересов. В общем императив бескорыстности утверждает, что для ученого недопустимо приспособлять свою профессиональную деятельность к целям личной выгоды. *Организованный скептицизм* требует по отношению к любому предмету детального объективного анализа и исключает возможность некритического принятия. Норма скептицизма предписывает ученому подвергать сомнению как свои, так и чужие открытия и выступать с публичной критикой любой работы, если он обнаружил ее ошибочность [3].

В дополнение к нормам этоса Мертон ввел еще девять пар взаимно противоположных нормативных принципов, описывающих реальное поведение ученых. Данные нормативные принципы, в сущности, являются формализацией ценностного аспекта организационной культуры, определяя должное и одобряемое поведение ученого и определяя неприемлемое и неодобряемое поведение. Таким образом, научный этос (а также девять пар нормативных принципов) является ценностным основанием, которое, в узком смысле, обуславливает специфику ценностной компоненты культуры научной организации, а в широком – обуславливает своеобразие всей организационной культуры научной организации. Именно совпадение реально существующих ценностей организационной культуры научной организации с ценностями научного этоса способствует росту эффективности функционирования отдельной научной организации, а следовательно, и росту интеллектуального капитала науки в целом.

Литература и источники

1. Бабосов, Е. М. Социология науки / Е. М. Бабосов // Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов. – Минск, 2003. – С. 1045–1051.
2. Бабосов, Е. М. Социология науки / Е. М. Бабосов. – Минск, 2009.
3. Мирская, Е. З. Р. Мертон и этос классической науки / Е. З. Мирская // Философия науки. – Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. – М., 2005.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Прот. Александр Шимбалев

Христианство возвышает человека над остальным миром. Книга Бытие свидетельствует нам, что человек сотворен по образу и подобию Божию: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1, 26-27). Святые Отцы обращают внимание на тот факт, что творение по образу Божию отличается от творения вещественного мира. Весь животный мир создается актом Божьего всемогущества, через повеление Божье земле: «Да произведет земля душу живую по роду ее...» (Быт. 1, 24). Однако человека Бог творит иначе, не производит из уже существующей материи, но созидает по «образу Нашему и по подобию».

Сотворенный человек выделяется из всего творения. Прот. Сергей Булгаков пишет: «Человек имеет в себе образ Божий как онтологическую основу своего существования, причем этот образ не ограничивается какой-либо одной стороной его или свойством, но проникает во всю его жизнь. Человек имеет образ Божий как в своей душе, так и в своей природе, и в своем отношении к миру» [1, с. 164]. Творец так возлюбил свое творение, что наделил его присущими Себе чертами.

Человек сочетает в себе два мира – духовный и телесный, являясь причастным всем сферам тварной вселенной. Максим Исповедник говорит, что «в него, как в горнило, стекается все созданное Богом, и в нем из разных природ, как из разных звуков, слагается в единую гармонию» [2, с. 165]. По учению святого Максима Исповедника, первый человек был призван воссоединить в себе всю полноту тварного бытия, т. е. должен был одновременно достигнуть совершенного единения с Богом и сообщить состояние обожения всей твари.

Уже в самом начале своего существования человек начинает заниматься научной деятельностью. Книга Бытие повествует, что «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт. 2, 19-20).

Стремление изучить и понять весь мир сопровождает человека всю его историю. Зарождается научная деятельность. Она появляется потому что, несмотря на то, что Вселенная познаваема, человек не воспринимает сразу доступную пониманию структуру мироздания. Череду фактов должна быть проанализирована и осмыслена. На определенном этапе развития человечества появ-

ляется теоретическое обоснование. Эта особенность к теоретическому мышлению появилась в христианской цивилизации благодаря богословскому осмыслению природы. Апостол Павел в послании к Римлянам говорит: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1:20). Эти слова побуждали многих и многих христиан заниматься изучением мира для того, чтобы познать Творца.

Начала науки развились в древнегреческом мире. Греки рассматривали природу как живой организм, наделенный божественными свойствами. Многие греческие мыслители учили, что Природа вечна и не является результатом творения. Смысл деятельности человека виделся в постижении ее причин и божественных целей. Это была прерогатива умственной деятельности, которая порождала интуитивные аксиомы и принципы. Частное знание выводилось путем дедукции. Поэтому были важны авторитеты, которые сумели прикоснуться к «божественным идеям», такие, как Платон, Аристотель и др.

По этой причине чувственный опыт не имел большого значения в научной деятельности. Античная наука не смогла преодолеть некий барьер, который бы позволил ей стать экспериментальной. Особенностью новоевропейской науки является переход от умозрительного знания к эксперименту, контролирующему теорию, и обратно – от эксперимента к теории. В конце эпохи Средневековья было переосмыслено древнегреческое представление о природе с точки зрения учения о творении. Природа стала пониматься тварной, что приблизило ее к возможности опытного постижения.

Известный американский философ Лорен Айзли писал, что происхождение современной науки было связано с «убеждением веры, что вселенная обладает порядком, который может быть истолкован рационально... Экспериментальная наука начала свои открытия, полагаясь на веру в то, что она имеет дело с рациональной вселенной, управляемой Творцом, Который ничего не делает просто по прихоти и не мешает тому, что действует по Его замыслу. Экспериментальный метод превзошел самые смелые мечты человека, но вера, которая была его предпосылкой, есть результат христианской концепции природы Бога» [3, р. 62]. Ученые Нового времени понимали, что мир, созданный по воле Творца, не обязательно соответствует нашим догадкам и априорным суждениям. Большое внимание они уделили именно эксперименту, чувственному постижению реальности, для получения нового знания.

Развитие науки позволило человеку познать многие уровни устройства Вселенной. Однако, мир все еще остается загадочным и до конца непознанным. Человек использует свои творческие способности, чтобы постичь замысел Творца. Но познавательная активность постоянно приводит к морально-нравственным вопросам. Человек осознает свою ответственность по отношению к миру. Он понимает, что будущее планеты уже почти в его руках. У научного сообщества пробуждается чувство коллективной ответственности по отношению ко всему человечеству.

С другой стороны, наблюдается противоположная тенденция в научном сообществе – стремление создать цельную и замкнутую систему, в которой была бы проявлена полнота знания. Узкая специализация часто приводит к стремлению истолкования мира с точки зрения определенной парадигмы, выражающаяся, например, в физикализме, что мешает понять сложность мира и отсекает многие стороны деятельности человечества. Такой подход может привести к ограничению или отсутствию восприимчивости по отношению ко всему, что не соответствует некоторым позитивистским критериям рациональности и может стать ограничением для развития духовной жизни человека.

Научная деятельность человека заключается в постижении мира во всех его проявлениях, так же, как и понимание человеческой природы во всех ее составляющих. Наиболее полное развитие человека происходит при одновременном увеличении знания о Вселенной и духовном преображении его души.

Христианское богословие учит, что по своей природе человек связан со всем миром. Он был сотворен в последний день для того, чтобы войти во вселенную как царь в свои чертоги, и апостол Павел свидетельствует о том, что вся тварь с надеждою ожидает будущей славы, которая должна открыться в сынах Божиих: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас. Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне» (Рим. 8, 18-22).

Человек по мере своего соединения с Богом не отрекается от твари, но собирает весь раздробленный в результате грехопадения космос в своей любви, чтобы в конце времен преобразить его благодатью. Он, следуя по установленному Богом пути, стяжав дары Святого Духа, становится носителем и сосудом благодати. В этом духовном делании исполняется воля Божия, создавшая тварь из небытия для принятия в Свое общение. В твари должен совершиться процесс восхождения к Богу. В Церкви, являющей собой единство Бога, мира и человека, восстанавливается в своей полноте и спасается тварь.

Литература и источники

1. Булгаков, С. прот. Агнец Божий. О Богочеловечестве / прот. С. Булгаков. – Париж, 1933. – Ч. 1.
2. Лосский, В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви / В. Н. Лосский – М., 1991.
3. Easley, Loren. Darwin's Century: Evolution and the men who discovered it / Loren Easley – New York, 1961.

КЛАСТЕРНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ НАУЧНОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С. А. Мякчило

В системе мероприятий социально-экономической модернизации, реализуемой на постсоветском пространстве, особое место занимает модернизация научно-образовательного потенциала. Обоснование приоритетов этой деятельности напрямую связано с формированием методологически цельного понимания природы инновационной науки и инновационного образования. В современном обществе они опираются на своего рода «социальный научный заказ», а также на организационную и материальную поддержку бизнеса, который инвестирует в исследования, приносящие прибыль, и формы образования, стратегически важные для прогресса лидирующих отраслей. «Для развития новых технологий требуются не только краткосрочные исследования, направленные на решение специальных задач, – пишет В. Г. Горохов, – но и широкая долговременная программа фундаментальных исследований. . . Для современного этапа научно-технического развития характерно использование методов фундаментальных исследований для решения прикладных проблем. Прикладные исследования и разработки все более и более часто выполняются людьми с первоначальной подготовкой в области фундаментальной науки» [1, с. 995].

В нынешних условиях перед всеми секторами науки стоит задача действенного участия в процессах общественной модернизации и наращивания на этой почве своего социального капитала. Для этого наука все чаще выбирает путь выработки коллективных исследовательских стратегий, или «профилей», которые способствуют перераспределению и концентрации ресурсов в определенных проблемных полях. Как отмечают авторы исследования «Реконфигурация производства знаний», именно недостаток взаимосвязи и взаимозависимости задач различных исследований является фактором «когнитивной аномии» многих социально-гуманитарных дисциплин, в особенности в сравнении с естественными [2, р. 235]. В интересах ее преодоления в сфере естественно-технического знания выработаны рецепты, связанные с реализацией идеи полного *научно-инновационного цикла*. Он охватывает период от возникновения научной идеи к ее технологической проработке, освоению в производстве и инжиниринговому сопровождению. Наличие одного или таких циклов в определенной отрасли науки делает фундаментальные исследования более «понятными» обществу, способствует аккумуляции финансового (в виде грантов, инвестиций) и социального (в частности, в виде интереса перспективных молодых кадров) капитала. По словам Н. М. Лебедевой и Е. Г. Ясина, «инновационный процесс невозможен без определенного взаимодействия подразделений и организаций, обучения и переподготовки специалистов, планирования, разработки систем мотивации, преодоления нежелательных последствий. В него. . . обязательно входят организационно-экономические и социокультурные условия нововведения. Однако для того, чтобы заработала инновационная экономика, должны быть изменены и ценностные приоритеты, созданы новые социально-экономические институты» [3, с. 18].

Стратегия инновационного переустройства научной сферы предусматривает интеграцию социально-гуманитарных дисциплин в общую канву инновационного процесса. Несмотря на то, что описанный здесь цикл в социогуманитарной отрасли реализовать сложно, его коррелятом здесь может вы-

ступить *методологический цикл*: постановка проблемы – определение теоретического базиса и методологии ее решения – исследовательская работа либо адаптация ранее полученных научных данных – создание механизмов внедрения – экспертно-консультационное, образовательное, расчетное и тому подобное сопровождение. Термин «методологический» здесь не следует трактовать слишком узко: компонентами его разработки являются как знания из области логики и методологии научно-инженерного процесса, так и совокупность социологических, психологических, эстетических, организационно-правовых знаний, характеризующих все аспекты функционирования сложной социоантропотехнологической системы. «В первую очередь, – отмечают представители традиции Московского методологического кружка М. В. Рац и С. И. Котельников, – нам нужны исследования не разного рода "объектов", неважно, принадлежащих к первой или второй природе, идеальных или материальных (так называемые НИР-1), а "живого" человеческого мышления и деятельности (НИР-2). Тем более что вторые неизмеримо дешевле первых и для реализации этой идеи нужны не столько деньги, сколько понимание сути дела и политическая воля» [4, с. 61].

Разумеется, и естественнонаучное, и социогуманитарное, и техническое знание должно не только обосновывать инновационные и методологические циклы, но и демонстрировать их эффективность на собственном организационном материале. Его актуальным задачам соответствует формат «фабрики мысли» – сообщества ученых и экспертов, которые не только имеют различную специализацию, но и демонстрируют различные стили работы, чтобы в совокупности обеспечить полный методологический цикл. Одним из возможных вариантов реализации модели «фабрики мысли» является *научно-инновационная кластеризация*.

Понятие «кластер», имеющее физико-математические дисциплинарные «корни», вошло в науковедческий обиход через теорию организации и размещения производства. Его новое осмысление связано с именем М. Портера, в работах которого дано представление о кластере как о новом уровне системности в территориально-сетевой организации хозяйствующих субъектов различных отраслей. Взаимодействуя (в режиме «комбинации соперничества и сотрудничества»), они получают доступ к материальным, логистическим, организационным, коммуникативным, символическим ресурсам друг друга, т.е. включаются в крупномасштабную среду развития бизнеса и сами формируют эту среду, которая постепенно становится значимым фактором прогресса региона в целом (см.: [5] [6]).

В научной сфере кластер может представлять собой объединение исследовательских и учебно-исследовательских подразделений, инжиниринговых и производственных структур, ориентированных на решение конкретной научно-практической задачи под устойчивые потребности рынка в полном инновационном или методологическом цикле Программа совершенствования научной сферы Беларуси оперирует понятием «*научно-технологический кластер*», отличительными чертами которого являются: целеориентированность (создание для решения конкретной задачи, оформленной коммерческим контрактом, инвестиционной программой, заказом государства, учреждения, предприятия); надпрограммный и, по возможности, метапарадигмальный (учитывающий особенности различных научных и социальных парадигм) характер; высокая гибкость и управляемость; реализация принципа научного лидерства (кластер создается по инициативе и под руководством лидирующей организации и персонально – научного лидера, обладающего международным авторитетом); конкурсный отбор организаций и коллективов для вхождения в кластер на основании тендера по научным и экономическим показателям; наконец, закрепление технологического превосходства страны в определенной области знания и работа на инвестиционную привлекательность национальной науки (будучи ориентированным на выпуск научной, наукоемкой продукции и услуг под единым «брендом», кластер интегрирует возможности различных учреждений для создания деловой репутации всей научной сферы).

Помимо научно-технологических кластеров перспективным представляется создание *кластеров научно-экспертного профиля*, ориентированных на выпуск аналитического продукта, концепций и программ деятельности, планов управления для различных сфер экономики и общественной жизни, в т.ч. для поддержки экспертной работы органов государственной власти. Содержанием их деятельности может стать разработка и инжиниринговое сопровождение методологических циклов, внедрение социально-гуманитарных технологий.

Специфика развития научной сферы Беларуси показывает, что в обозримом будущем сохранится дуализм требований к научным организациям по параметрам академической эффективности (авторитета, престижа) и эффективности хозяйственной (контрактной, экспортной) деятельности. В этой связи актуализируется потребность функциональной дифференциации подразделений и отдельных сотрудников; встает задача перераспределения сотрудников между подразделениями фундаментальной

и внедренческой (экспертной, социотехнологической) направленности, обязательной стажировки вновь принятых на работу молодых исследователей в подразделениях, осуществляющих взаимодействие с реальным сектором. Эта работа имеет самое прямое отношение к формированию социально-инновационного потенциала науки, который следует рассматривать отдельно (и на более высоком уровне значимости) от ее технологического потенциала. Как отмечает В.Г. Горохов, «мы обладаем сегодня все большими "системными" (дисциплинарными или междисциплинарными), но у нас недостаточно "трансформационных знаний" (или, иначе говоря, трансдисциплинарных знаний), т. е. знаний о том, как перевести первые знания в конкретные действия... преобладает пока лишь доминирование технологических решений проблем. Поддержка инновационной деятельности понимается... как поддержка технологических инноваций, хотя социальные инновации почти совсем не исследованы» [Горохов 2010, с. 995]. В этой связи должны быть приняты меры, направленные на повышение инновационной готовности специалистов и, прежде всего, руководителей научных организаций, формирование у них компетенций управления знаниями. В особую сферу должна быть выделена деятельность по формированию компетенций в области взаимодействия с органами власти и управления, предприятиями реального сектора как потенциальными заказчиками научно-технологического продукта.

Внедрение кластерного подхода ориентирует на такой режим воспроизводства научно-инновационного потенциала страны, который позволил бы сохранить десятилетиями складывавшиеся научные школы, секторное строение научной сферы (академическая, вузовская, отраслевая и частная наука) и одновременно придал бы научной сфере требуемую гибкость, целеориентированность, технологичность. Кластерный подход, разумеется, не должен рассматриваться как панацея и, по большому счету, является лишь одним из вариантов его развития. Но его безусловным достоинством является переориентация научного процесса на задачи экспертной деятельности, реализацию методологических циклов, выработку наукоемких социально-гуманитарных технологий в интересах устойчивого развития всей социокультурной системы.

Литература и источники

1. Горохов, В. Г. Роль фундаментальных (в том числе социально-гуманитарных) исследований в развитии новейших технологий // *Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии* / ред. Гусейнов А.А., Никольский С.А., Степанова Г.Б. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 994–1009.
2. Whitley, R., Gläser J., Engwall L. *Reconfiguring Knowledge Production: Changing Authority Relationships in the Sciences and their Consequences for Intellectual Innovation*. – Oxford : Oxford University Press, 2010.
3. Лебедева, Н. М., Ясин Е. Г. Культура и инновации. К постановке проблемы // *Форсайт*. – 2009. – № 2. – С. 16–26.
4. Рац, М. В., Котельников С. И. Наука реформирования и реформа РАН // *Эпистемология и философия науки*. – 2013. – Т. XXXVIII. – №4. – С. 55–61.
5. Портер, М. *Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран*. – М.: Международные отношения, 1993.
6. Портер, М. *Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов* / пер. с англ. И. Минервина. – М.: «Альпина Паблицер», 2011.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ НАН БЕЛАРУСИ

Э. М. Щурок

Развитие приоритетных направлений всех отраслей науки и дальнейшее внедрение научных разработок в экономику страны требует большое количество высококвалифицированных научных кадров, которые будут не только основой для выполнения исследований на высоком научном уровне, но и гарантией их эффективного внедрения в различные сферы функционирования общества.

Национальная академия наук Беларуси является структурой, концентрирующей в себе основную научно-технический потенциал страны, направленный на решение наиболее важных общенациональных задач в рамках государственных приоритетов научно-технической и научной дея-

тельности. Но в тоже время анализ деятельности организаций, осуществляющих подготовку кадров высшей квалификации в НАН Беларуси, показывает существенные проблемы в системе воспроизводства высококвалифицированных научных кадров.

Одной из острых проблем развития аспирантуры НАН Беларуси после 2004 года явилось уменьшение численности аспирантов, свидетельствующее о снижении привлекательности аспирантуры среди талантливых молодых ученых и студентов. Так, за период с 2004 по 2014 гг. численность аспирантов в научных организациях НАН Беларуси уменьшилась с 816 чел. до 522 чел., или на 36,0%. Соответственно уменьшился и прием в аспирантуру – с 206 чел. в 2004 г. до 145 чел. в 2014 г.

Динамика развития отраслевой структуры аспирантуры НАН Беларуси также вызывает тревогу. За период 2004–2014 гг. численность аспирантов по таким приоритетным научным направлениям и областям науки, как естественные и физико-технические науки значительно сократилась. Например, если в 2004 г. численность аспирантов научных организаций Отделения физики, математики и информатики составляла 111 чел., то в 2014 г. – всего 35 чел., включая соискателей. Подобная картина по этому показателю деятельности аспирантуры сложилась и в научных организациях Отделения биологических наук. Так, если в 2004 г. численность аспирантов в научных организациях этого отделения наук составляла 108 чел., то в 2014 г. – 65 чел., включая соискателей. Таблица 1.

Значительное уменьшение численности аспирантов наблюдается и в других отделениях наук. В Отделении гуманитарных наук и искусств численность аспирантов уменьшилась на 40,4% и составила в 2014 году 124 человек.

Таблица 1. Динамика численности аспирантов НАН Беларуси за период 2004–2014 гг.

Отделения наук	Численность аспирантов, чел.		Изменение численности в 2014 г. по сравнению с 2004 г.	
	2004 г.	2014 г.	чел.	%
Отделение физики, математики и информатики	111	35	-76	-68,5%
Отделение физико-технических наук	96	86	-10	-10,4%
Отделение химии и наук о Земле	41	43	2	4,9%
Отделение биологических наук	108	65	-43	-39,8%
Отделение медицинских наук	22	13	-9	-40,9%
Отделение гуманитарных наук и искусств	208	124	-84	-40,4%
Отделение аграрных наук	230	155	-75	-32,6%
Всего по НАН Беларуси	816	522	-294	-36,0%

* численность аспирантов, включая соискателей

К сожалению, не можем говорить и об эффективности деятельности академических аспирантур по таким показателям, как защита диссертаций в срок обучения и выпуск аспирантов с предварительной экспертизой диссертации. Таблица 2.

Таблица 2. Эффективность деятельности аспирантур научных организаций НАН Беларуси по показателю защит диссертаций в срок обучения и с предварительной экспертизой диссертации в 2014 г.

Отделения наук	Численность аспирантов-выпускников, включая соискателей				
	всего	из них с предварительной экспертизой диссертации		в том числе с защитой диссертации	
		чел.	чел.	%	чел.
Отделение физики, математики и информатики	22	6	27,3	2	9,1
Отделение физико-технических наук	31	1	3,2	3	9,7
Отделение химии и наук о Земле	11	–	–	–	–
Отделение биологических наук	21	–	–	2	9,5
Отделение медицинских наук	3	–	–	–	–
Отделение гуманитарных наук и искусств	37	2	5,4	–	–
Отделение аграрных наук	51	–	–	3	5,9
всего по НАН Беларуси	176	9	5,1	10	5,7

На первом месте по эффективности аспирантуры по показателю выпуск с защитой диссертации стоит в Отделении биологических наук (выпуск 21 чел. из них 2 с защитой диссертации – 9,5%) и в Отделении физики, математики и информатики (выпуск 22 чел. из них 2 чел. с защитой диссертации – 9,1%). Значительно хуже с эффективностью аспирантуры обстоят дела в научных организациях в Отделении аграрных наук – из 51 выпускника только 3 чел. (или 5,9%) вышли с защитой диссертации. В Отделении гуманитарных наук и искусств из 37 аспирантов-выпускников не было выпускников с защитой диссертации.

Наиболее остро с результативностью аспирантуры обстоят дела в научных организациях Отделения медицинских наук и Отделение химии и наук о Земле, где в 2014 г. нет лиц, закончивших обучение в аспирантуре с предварительной экспертизой или с защитой диссертации.

Имеющиеся проблемы в деятельности академической аспирантуры отчетливо прослеживаются, если сравнить динамику изменений по такому показателю, как соотношение численности исследователей и аспирантов за период 2004–2014 гг. В 2004 году в целом по НАН Беларуси соотношение численности аспирантов и исследователей составило 1:6,9, что являлось тогда достаточно оптимальным показателем. Таблица 3.

Таблица 3. Соотношение численности исследователей и аспирантов в НАН Беларуси в 2004 г. и 2014 г.

Отделения наук	Исследователи, чел.		Аспиранты, чел.		Соотношение численности аспирантов и исследователей	
	2004	2014	2004	2014*	2004	2014
Отделение физики, математики и информатики	903	721	111	35	1:8,1	1:20,6
Отделение физико-технических наук	1207	1576	96	86	1:12,6	1:18,3
Отделение химии и наук о Земле	607	599	41	43	1:14,8	1:13,9
Отделение биологических наук	823	607	108	65	1:7,6	1:9,3
Отделение медицинских наук	171	156	22	13	1:7,8	1:12,0
Отделение гуманитарных наук и искусств	479	487	208	124	1:2,3	1:3,9
Отделение аграрных наук	1476	1305	230	155	1:6,4	1:8,4
Всего по НАН Беларуси	5666	5451	816	522	1:6,9	1:10,4

* численность аспирантов, включая соискателей

Согласно данным таблицы 3, в 2004 г. наиболее оптимальный показатель соотношения численности исследователей и аспирантов был в Отделении гуманитарных наук и искусств – 1:2,3; в Отделении аграрных наук (1:6,4); в Отделении физики, математики и информатики (1:8,1); в Отделении биологических наук (1:7,6). Немного похуже этот показатель был в Отделении химии и наук о Земле – 1:14,8.

Однако в 2014 году соотношение численности исследователей и аспирантов по Отделениям наук, как и в целом по Академии, изменилось кардинально. Особенно негативно это проявилось в Отделении физики, математики и информатики, где этот показатель в 2014 г. составил 1:20,6. Все это явилось следствием уменьшения численности аспирантов в научных организациях Отделения физики, математики и информатики со 111 чел. в 2004 г. до 35 чел. в 2014 г., т. е. более чем в 3 раза. Последнее говорит о недостаточном внимании к системе планирования и формирования контингента аспирантов в этом Отделении наук. В Отделении физико-технических наук рассматриваемый показатель также высок и достиг соотношения 1:18,3.

Проведенный анализ деятельности академической аспирантуры свидетельствует о необходимости принятия мер по расширению подготовки аспирантов по специальностям, обеспечивающим развитие приоритетных научных направлений, обеспечивающих развитие высокотехнологичных производств.

Литература и источники

1. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2014 году. – Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2015. – С. 226–232.
2. Справаздача аб дзейнасці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ў 2004 годзе. – Мінск: Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, 2005. - С. 218–236.

МИГРАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ НАН БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С. А. Пушкевич

Потеря даже небольшой части национальной научной и технологической элиты может иметь негативные последствия для интеллектуального потенциала страны и нанести ей невосполнимый урон. Поэтому так важно исследовать социологическими методами процесс формирования миграционных настроений ученых НАН Беларуси, особенно молодых ученых – будущей национальной научной элиты.

По результатам социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2012 году, твердо решили уехать за границу на постоянное место жительства всего 0,2% респондентов. Значительно больше этот вариант решения накопившихся проблем выбрали молодые ученые (в возрасте до 30 лет) – 0,8%. Думают о выезде на постоянное место жительства за рубеж 3,4% респондентов, а среди молодежи – 7,6%.

Согласно полученным данным, планы на выезд за границу у ученых НАН Беларуси в основном связаны с временной работой в зарубежных организациях: 5,1% планируют выехать за рубеж для временной научной работы, но пока никаких действий не предпринимают, в то время как 2,0% уже определились и твердо решили выехать за рубеж для временной научной работы и имеют реальную возможность осуществления этого шага (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Собираетесь ли Вы в ближайшее время выехать за границу?» по возрастным категориям респондентов, % от ответивших

Варианты ответа	До 30 лет	30–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	Итого
Таких планов у меня нет	60,3%	74,9%	86,5%	94,1%	75,7%
Думаю о переезде на постоянное место жительства за рубеж	7,6%	2,7%	1,1%	–	3,4%
Твердо решил уехать за границу на постоянное место жительства	0,8%	–	–	–	0,2%
Планирую выехать за рубеж для временной научной работы, но пока никаких действий не предпринимаю	11,5%	4,6%	1,1%	–	5,1%
Твердо намерен выехать за рубеж для временной научной работы и имею реальную возможность осуществления этого шага	5,3%	0,9%	–	1,5%	2,0%
Затрудняюсь ответить	14,5%	16,9%	11,2%	4,4%	13,6%

Те ученые, кто решил выехать за границу на постоянное место жительства, основными причинами своего выбора назвали низкий престиж научной деятельности в Беларуси (23,1%), низкий уровень финансирования научных исследований (23,1%) и хорошее предложение работы за границей (23,1%). При этом ученые возрастной категории 30–49 лет основными причинами своего решения выехать за границу назвали: получили хорошее предложение работы за границей (57,1%), низкий престиж научной деятельности в Беларуси и низкий уровень финансирования научных исследований (по 42,9% каждая позиция). Значимым является также желание респондентов в полной мере реализовать свой научный потенциал (28,6%). Для ученых старшего возраста (50–59 лет) важнее всего при принятии решения уехать были – низкий престиж научной деятельности в Беларуси (50,0%) и низкий уровень финансирования научных исследований (50,0%) (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Если вы твердо решили уехать на постоянное место жительства, то каковы основные причины этого выбора?», %*

Варианты ответа	До 30 лет	30–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	Итого
Желание в полной мере реализовать свой научный потенциал	16,7%	28,6%	–	–	11,5%
Личные материальные трудности	33,3%	14,3%	25,0%	11,1%	19,2%
Невозможность заниматься полноценной научной деятельностью в интересующей меня области науки в Беларуси	–	–	25,0%	–	3,8%
Низкий престиж научной деятельности в Беларуси	–	42,9%	50,0%	11,1%	23,1%
Низкий уровень финансирования научных исследований	–	42,9%	50,0%	11,1%	23,1%
Отсутствие возможности решить жилищную проблему	16,7%	14,3%	25,0%	–	11,5%
Отсутствие перспектив научной карьеры	–	14,3%	–	–	3,8%
Семейные обстоятельства	50,0%	–	–	–	11,5%
Углубляющийся экономический и финансовый кризис	16,7%	–	–	–	3,8%
Хорошее предложение работы за границей	–	57,1%	–	22,2%	23,1%
Другое	33,3%	–	25,0%	66,7%	34,6%

*респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа

Наиболее значимой причиной желая выехать за рубеж для временной работы у респондентов являются повышение своего профессионального уровня (42,9%), налаживание сотрудничества с зарубежными коллегами (42,9%) и желание поработать на современном научном оборудовании (35,7%). Определяющим для решения ученых возрастной категории 30–49 лет выехать за границу для временной научной работы является возможность поработать на современном оборудовании (50,0% ответивших); научная молодежь (ученые до 30 лет) более всего желает при помощи зарубежных командировок повысить свой профессиональный уровень и наладить сотрудничество с зарубежными коллегами (62,5%). Ученые старшего возраста (50–59 лет) наряду с налаживанием сотрудничества с зарубежными коллегами (33,3% ответивших) желают улучшить свое материальное положение (33,3%) (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Если Вы твердо намерены выехать за рубеж для временной научной работы, то каковы основные причины этого желания?», %*

Варианты ответа	До 30 лет	30–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	Итого
Других посмотреть и себя показать	12,5%	25,0%	–	–	10,7%
Наладить сотрудничество с зарубежными коллегами	62,5%	37,5%	33,3%	33,3%	42,9%
Повысить свой профессиональный уровень	100,0%	25,0%	16,7%	16,7%	42,9%
Подготовить почву для возможной эмиграции в будущем	25,0%	–	–	–	7,1%
Поработать на современном оборудовании	37,5%	50,0%	16,7%	33,3%	35,7%
Реализовать свои идеи	12,5%	25,0%	16,7%	16,7%	17,9%
Улучшить свое материальное положение	37,5%	25,0%	33,3%	16,7%	28,6%
Другое	–	–	33,3%	50,0%	17,9%

*респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа

Исследование показало, что проблема интеллектуальной миграции затрагивает различные аспекты экономической, социальной и научной политики государства. В последнее десятилетие проблема «утечки мозгов» постепенно трансформируется в проблему «утечки молодых умов», молодой научной элиты. Это подтверждают и данные проведенного социологического исследования. Основными причинами принятия решения молодыми учеными об эмиграции являются низкий престиж научной деятельности в Беларуси, низкий уровень финансирования научных исследований, возможность повысить свой профессиональный уровень и поработать на современном оборудовании, наладить сотрудничество с зарубежными коллегами. В этой связи необходимо решить вопрос о принятии специальной государственной программы «Молодежь в науке», в которой поставить задачи создания необходимых социально-экономических условий для полноценной научной деятельности молодых ученых и возможности успешной научной карьеры.

ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА БЕЛАРУСИ

Т. А. Антонова

Мировая практика показывает, что без увеличения интеллектуального капитала и повышения эффективности его использования невозможно обеспечение качественного роста и устойчивого развития государства. Для этого необходимо интенсивное развитие научно-технической и инновационной сфер, которым принадлежит ведущая роль в создании и наращивании интеллектуального и творческого потенциала общества.

Сегодня как никогда очевидным является все возрастающее значение сферы научной и инновационной деятельности в обеспечении поступательного развития белорусской экономики, при этом существенную роль в решении задач, стоящих перед наукой Беларуси, играют женщины, удельный вес которых среди исследователей составляет более 40%. Надо отметить, что доля женщин-учёных велика за счёт практически всех областей науки, в том числе в области сельскохозяйственных, социально-экономических и общественных наук она превышает 50%, а в области медицинских и гуманитарных наук – 60% [1, с. 39].

Тем не менее, численность женщин-исследователей с учеными степенями кандидата и доктора наук, а также занимающих руководящие должности в сфере науки существенно уступает численности мужчин, что, если можно так выразиться, говорит о недостаточно «качественной» работе женщин в науке. Так, доля женщин среди директоров академических институтов и научно-производственных центров, а также академиков НАН Беларуси составляет всего один процент; общая численность женщин-докторов наук в 5,6 раза уступает численности мужчин, женщин-кандидатов наук – в 2,5 раза; женщин-профессоров в составе кафедр вузов – в 3,9 раза [1, с. 37] [2, с. 129].

В значительной мере, эта ситуация объясняется тем, что для науки Беларуси, также как и ряда других стран мира, характерна тенденция, которую можно назвать «течь в трубу». Это значит, что молодые женщины успешно заканчивают вузы, магистратуру, аспирантуру, защищают кандидатские диссертации, а затем либо уходят из науки, либо, оставаясь в этой сфере занятости, перестают профессионально расти и делать карьеру. Почему это происходит? Что мешает женщинам-ученым совершенствоваться в профессии и делать научную карьеру, наращивая тем самым интеллектуальный потенциал своих стран?

По мнению зарубежных ученых, главная проблема, с которой сталкивается молодая женщина в науке, связана с рядом существующих до сих пор во всем мире стереотипов и предвзятостей в отношении женского пола. По данным опроса Американской ассоциации содействия развитию науки (AAAS), 52% женщин-обладателей PhD сталкивались в своей научной карьере с проявлениями дискриминации по полу, тогда как среди мужчин так ответили всего 2%.

Хотя в сфере белорусской науки также присутствуют элементы вертикальной и горизонтальной сегрегации (т. е. неравномерное распределение мужчин и женщин на различных позициях в профессиональной иерархии и по областям науки), а квалификационное и должностное распределение ученых показывают, что женщины, в подавляющем большинстве, выступают как «рядовые» науки, по нашему мнению, их невысокий статус объясняется не столько дискриминационным подходом, сколько трудностью совмещения научной деятельности с традиционными женскими ролями.

Как показали социологические исследования, проведенные Институтом социологии, большинство женщин-исследователей Беларуси отрицают факт существования дискриминации по признаку пола в науке, тем не менее, многие из них считают, что принадлежность к женскому полу все же мешает реализации научной карьеры. В первую очередь, это объясняется традиционностью взглядов на место женщины в белорусском обществе. Так как помимо профессии, женщине продолжают активно вменяться роли матери, жены, домашней хозяйки и т. п., для большинства работающих женщин актуальным является вопрос совмещения всех этих ролей. Так как материнство, забота о семье и доме транслируются как преимущественно женские обязанности, женщины обладают меньшими, по сравнению с мужчинами, временными ресурсами и «силами», чтобы заниматься научной деятельностью.

По нашему мнению, и это подтверждают данные социологических исследований, гендерные стереотипы о роли женщины в обществе не оказывают тормозящего воздействия на научную карьеру женщины в том случае, если она четко ориентирована на построение карьеры в науке и умеет эффективно распределять свое время. В целом, главным условием эффективной научно-исследовательской работы и профессионального роста ученых в настоящее время являются улучшение финансирования и материально-технической базы фундаментальной науки, а также востребованность ее результатов прикладной наукой. Для того, чтобы активизировать процесс инновационной деятельности, необходимо, в первую очередь, обеспечить развитие экспериментальной базы, соответствующей мировому уровню; разработать более совершенный механизм материального поощрения всех ученых, которые успешно осуществляют внедрение научных разработок в практику, независимо от пола; создать более благоприятные условия для развития международного сотруд-

ничества в сфере научно-технической и инновационной деятельности. Кроме того, решение материальных и бытовых проблем, в частности, повышение уровня социальной защищенности и оплаты труда научных работников, а также решение жилищных проблем позволили бы создать равные для мужчин и женщин возможности реализации научной карьеры.

Литература и источники

1. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: стат. сб. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015.
2. Женщины и мужчины Республики Беларусь: стат. сб. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013.

ТРУДНОСТИ И БАРЬЕРЫ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ ЖЕНЩИНЫ КАК ФАКТОР СДЕРЖИВАНИЯ РОСТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА НАУКИ

А. П. Соловей

Женщины-ученые существовали в каждой культуре на протяжении всей истории развития общества, однако успеха они могли добиваться только в той среде, где позитивно относились к научным занятиям как в целом, так и к научной деятельности конкретно женщин, в частности. Пока женщины не получили доступ к формальному образованию, знания они получали в процессе самообразования, а также от своих братьев, отцов, мужей, при этом нередко сотрудничая с ними в их исследованиях. В настоящее время доля женщин в белорусской науке составляет 41,2% от общей численности работников, занятых научными исследованиями и разработками. Доля женщин кандидатов наук составляет 32,0%, а докторов наук – 17,7% [3, с. 37]. Можно говорить о достаточно высоком уровне феминизации белорусской науки. Однако следует отметить, что, несмотря на продолжающуюся качественную феминизацию (увеличение доли женщин среди кандидатов и докторов наук), все еще рано говорить о феминизации научной элиты (доктора, члены-корреспонденты, академики), скорее уместен тезис о присутствии женщин в данном сегменте.

Женщины-ученые в Беларуси, как и всего мира, проделали сложный путь в борьбе с дискриминацией, однако, и сегодня женщины сталкиваются с трудностями в карьерном росте. Научная карьера женщины складывается намного медленнее и требует больших временных затрат, чем аналогичная карьера мужчины. Продвижению по карьерной лестнице препятствует так называемый «стеклянный потолок», а также многочисленные препятствия, связанные с гендерными стереотипами. Эти стереотипы порождают скрытую дискриминацию женщин, которая проявляется в искусственном замедлении профессионального продвижения, отказе в научном признании и соответствующем поощрении. В большинстве своем женщины сконцентрированы на нижних профессиональных уровнях науки, занимаясь при этом нетворческими видами работы. Стереотипное убеждение в том, что женщины менее компетентны и не способны заниматься наукой, порождает представление о науке как мужской сфере деятельности, что в свою очередь порождает превалирование мужчин в руководстве наукой. Одним из препятствий в научной карьере женщин является стереотипное представление о «мужских» и «женских» психологических характеристиках и типах поведения. «Женская» модель поведения приводит к заниженности притязаний на успех в научной сфере. Влияние оказывает и распространенный стереотип о том, что женщины склонны только к гуманитарным и социальным наукам, интеллектуальные качества женщин не позволяют заниматься точными и техническими науками [4].

На профессиональную деятельность женщины-ученого влияет такой фактор, как необходимость временного перерыва академической карьеры в связи с рождением и воспитанием детей. За это время знания, которыми обладает женщина-ученый, в определенной степени устаревают. В связи с этим рождение и воспитание детей ведет к сужению перспектив академической карьеры, потере заработка и необходимости дополнительных затрат времени по восстановлению профессиональной компетентности. Величина такого рода издержек колеблется в зависимости от скорости старения знания в различных областях и по-разному отражается на профессиональной ориентации женщин-ученых.

В связи с этим, Дж. М. Макдауэл выдвигает гипотезу, согласно которой перспектива перерыва в академической карьере вынуждает женщин научных работников выбирать такие ее варианты, для которых устойчивость знаний будет наиболее высокой, а усилия по поддержанию необходимой профессиональной компетенции минимальными. Данная гипотеза проверяется с помощью таких показателей как скорость старения знаний в различных научных дисциплинах или областях исследований, а также публикаций научных работников различных половозрастных категорий. Следует отметить, что в естественных науках накопление и расходование научного багажа происходит постепенно, на протяжении всей академической карьеры, в то время как в гуманитарных областях эти явления дифференцированы во времени и преобладают, соответственно, на ранних и поздних ее стадиях. Таким образом, данное обстоятельство, по мнению автора, в значительной степени определяет различия в профессиональной ориентации женщин научных работников, которые допускают вероятность перерыва академической карьеры в связи с рождением и воспитанием детей [2, с. 177–178]. Тем самым на лицо противоречие между социальной ролью женщины (матери, жены, домашней хозяйки) и ее профессией.

К препятствиям в академической карьере женщины следует отнести преобладание вертикальной сегрегации, которая выражается в доминировании мужчин на более высоких должностях, где больше властных полномочий и выше заработная плата. Барьером оказывается и стигматизация образа женщины, занимающейся наукой (по типу «серая мышь» или «синий чулок»). Влияние оказывают и особенности социализации мужчин и женщин, когда мужчин в большей мере ориентируют в процессе воспитания и обучения на самореализацию и научную деятельность, в то время как девочкам отводятся больше роли матерей, жен и домашних хозяек. Результатом такой социализации становится разделяемая многими женщинами установка, что наука не «женское дело».

Проблема изучения женщин в академической науке, их социального и профессионального статуса представляет научный интерес, как для зарубежных, так и для отечественных исследователей. Положение женщин в академической сфере зарубежных стран представлено в многочисленных работах зарубежных авторов. Первые работы о женщинах, гендере и науке появились в начале 1970-х гг. в Америке (к примеру, обзорная работа Салли Г. Кольштедт и Хелен Лонгино «Женщины, гендер и научный вопрос»). К концу 1970-х гг. был накоплен значительный материал, позволяющий оценить роль и место женщин в науке, который послужил стимулом к развитию критических исследований, направленных на выявление дискриминационных механизмов, действующих в структуре научных институтов. Данные исследования доказывали маргинальность положения женщин-ученых, описывали явления запаздывания женской карьеры, влияние «стеклянного потолка» на построение женщинами научной карьеры. «Социологи исходят из тезиса о том, что именно научная среда, а не индивидуальные способности или установки женщин-ученых обуславливают их позицию в научном сообществе и поэтому, чтобы объяснить социальный порядок института науки, они изучают инкорпорированные в него механизмы воспроизводства и конструирования гендерных различий» [1, с. 25].

В результате феминистских и гендерных исследований науки наиболее важным достижением явилось раскрытие многообразных стратегий, способствующих воспроизводству маскулинности в науке. Гендерная асимметрия в структуре научных кадров – феномен резкого уменьшения доли женщин с каждым более высоким уровнем профессионально-должностной иерархии – сохраняется не столько потому, что женщины дискриминируются в процессе карьерного продвижения, сколько потому, что в самом научном сообществе устойчиво воспроизводятся представления, символы и мифы, маркирующие женщину в науке как «другого».

Однако, в настоящее время остается слабо изученным вопрос о положении женщины в академической науке, в том числе особенности самой женщины, обусловленные ее природой, ее ценностные ориентации и мотивационные установки. Не изучены до конца теоретические основы карьеры женщины в науке. Открытым остается и вопрос о трудностях, барьерах и препятствиях, с которыми сталкиваются женщины в процессе научной карьеры, и которые являются одним из сдерживающих факторов роста интеллектуального капитала науки.

Литература и источники

1. Ведерникова, Е. Феминистские исследования науки: позиции и аргументы / Е. Ведерникова // Гендерное устройство: социальные институты и практики. Сборник статей / Под ред. Ж. В. Черновой. – СПб., 2005. – С. 23–40.

2. Макдауэл, Дж. М. Зависимость профессиональной ориентации женщин-ученых от возможного перерыва в академической карьере / Дж. М. Макдауэл // РЖ. Общественные науки за рубежом. – Серия 8: Науковедение. – 1983. – №6. – С. 176–179.
3. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Стат. Сб. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015.
4. Чикалова, И. Р. Социальная идентичность ученых-белорусок / И. Р. Чикалова // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – Вильнюс. – 2006. – № 3–4. – С. 159–174.

2.4 Модернизация общества как культурно-этический феномен

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОДЕРНИЗАЦИИ

Н. Н. Жоголь

В современных условиях модернизация переживает качественно новый этап – постиндустриальный, этап формирования общества знаний, информационного общества, что предъявляет особые требования к моральному потенциалу личности и социума. Благополучие страны, ее авторитет и конкурентоспособность на мировой арене зависят от уровня цивилизованности всех сфер общественной жизни, что определяется, в первую очередь, становлением человека как свободного гражданина, степенью развитости гражданского общества, успехами в решении экологических проблем. «При этом о формировании гражданского общества уместно лишь тогда говорить, когда человек-подданный (зависимый) уступает место человеку-гражданину (свободному), готовому нести ответственность за все решения, принимаемые властью, избранной большинством народа в условиях реальной демократии. Такая ответственность должна включать в себя не только согласие с принятыми решениями, но и активное, открытое проявление своего несогласия (включая и противодействие) всеми законными способами... А мировоззренческой основой права должна быть соответствующая мораль... когда наивысшей ценностью признается личность, её неотъемлемые права и приоритетное положение человека-гражданина в отношениях с государством» [1, с. 4].

Пересмотр взаимосвязи человека, общества и государства в сравнении с социалистическим вариантом не должен демонстрировать «переход из крайности в крайность»: необходимо учитывать амбивалентность человеческой природы, наличие в ней индивидуалистических и коллективистских начал. Формирование гражданского общества, правового государства являются важным условием поиска меры в соотношении интересов личности и общества в процессе модернизации, что предполагает тесную связь морали и права, с помощью которой открывается возможность сокращения дистанции между моральными ценностями как ориентирами в поведении и реальной практикой человеческих отношений.

Рассматривая процесс модернизации через взаимосвязь морали и права, нужно обратить особое внимание на такую моральную ценность, как справедливость, которая тоже нуждается в пересмотре в сравнении с недалеким прошлым, когда на первый план выдвигалась идея уравнительности. В современных условиях акцент смещается на обеспечение справедливости через равенство всех перед законом, через взаимность прав и обязанностей индивидов, гражданского общества и государства, через согласие на общую для всех мораль, что дает возможность обеспечить социальный порядок не через насилие, а путем компромиссов в достижении баланса интересов. Если модернизация осуществляется насильственно, значит, неправильно понята её сущность. Вариант радикального переустройства общества, когда отдавалось предпочтение общему перед частным, уступает сегодня место умеренному реформированию, когда приоритет принадлежит правам личности по отношению к обществу, что, как предполагается, даст возможность достижения более справедливого общественного устройства. «Технологии, имеющие дело с информацией, открывают путь для ненасильственных отношений, формируют новый тип рациональности... В мире, который стал сетью межинтеллектуальных взаимодействий, эффективным становится не господство, а сотрудничество» [2, с. 33].

В связи с этим необходимо отметить, что в современных условиях происходит смена об-

щекультурной мировоззренческой парадигмы, связанной с выходом на передний план принципа диалогизма в качестве важнейшего проявления человеческой экзистенции. Диалог по своей внутренней природе является духовной деятельностью, направленной на со-бытие, со-творчество, достижение гармонии в отношениях между людьми, между культурами. Ведущими культурными императивами диалогичной духовной ситуации являются свобода, терпимость, взаимопонимание.

Пытаясь преодолеть абсолютизацию практик несвободы, важно удержаться от абсолютизации практик свободы, выйти на срединный путь в их взаимоотношениях. Погоня за очередной исторической модернизацией, стремление любой ценой «прорваться» в новое измерение истории чреваты потерей идентичности, возникновением культурно расщепленного пространства с дезориентированным самосознанием как личности, так и общества. Отрицание традиций инициирует процессы распада коллективной памяти, разрушает временное единство между прошлым, настоящим и будущим. Дискредитация прошлого лишает опоры в будущем, приводит к социальной апатии, отходу от позиции ответственного гражданства, к инфантилизму, индивидуализму.

В деле культивирования идентичности как основания в системе ценностей зачастую приходится сталкиваться с феноменом «изобретения традиций» (Э. Хобсбаум), к которому причастна молодежь. Нормы, которых она может придерживаться, на поверхности похожи на традицию, а на самом деле являются новацией, переодетой в традицию. Межпоколенная передача опыта может подвергаться искажениям, а то и сознательной селекции, в результате мы можем иметь дело с «воображаемым прошлым» (П. Нора) [3, с. 47].

На постсоветском пространстве проблемы инновационной модернизации связаны не столько с влиянием культурных традиций, сколько с недостатком самоорганизации и самоуправления, участия в государственных делах, несмотря на то, что опыт 1991–1994 гг. иллюстрирует небывалый в мировой истории рост инициативы в сфере частного предпринимательства. Практика показывает, что хотя традиции в сфере деловой активности ещё не достаточно сформированы, доля лиц, готовых к риску и инновациям достаточно велика. Правда, эта инициативность достаточно анархична, низкий уровень уважения к правилам и нормам, а так же дефицит взаимного доверия и ожиданий позитивного. Это неудивительно, поскольку воспроизводство «модели вертикальной, верхушечной модернизации приводит к воссозданию одного и того же типа социально-культурных отношений в обществе: отчужденности, правового нигилизма и тотального недоверия... жестковертикальная система управления – скорее причина, чем следствие низкого правосознания людей и низкого взаимного доверия в обществе» [3, с. 52]. Поэтому необходимо возвращать традиции модернизации на стыке остатков традиционной культуры и новых ценностей, которые должны приобрести легитимный характер.

Центром формирования идентичности в развитых странах стало потребление и потребительская культура, которая вынуждена будет трансформироваться, включая в процесс идентификации отношение к окружающей среде, поэтому неоправданна концентрация внимания экономики на экономическом росте. Необходимо искать компромисс между экономическим и социальным развитием и сохранением окружающей среды, спасением планеты от гибели, перед угрозой которой человечество обретет ещё один аспект своей идентичности, понимание «смысла себя» и желаемого единства.

Постиндустриальная экономика исключает возможность упрощения технологий в целях адаптации к локальным традиционным культурам, поэтому она очень требовательна к качеству трудовых ресурсов, к управлению в экономике и политике. Здесь возрастают требования к творческому потенциалу работника, к его индивидуальной активности не только в сфере экономики, но и в сфере принятия политических решений. Опыт перехода ряда стран (Япония, Южная Корея, Бразилия и др.) к инновационному этапу модернизации подтверждает наличие параллельного процесса демократизации.

Модернизация требует поиска новых стратегий и в культурной политике. Многообразие в культуре нужно рассматривать не как самоцель, а как средство реализации индивидуальной свободы и культурного выбора. Переход от общества потребления к обществу знания означает становление кардинально нового типа культуры, в основе которого лежит постнеклассическая парадигма, требующая от философии быть релятивной субъекту, для того чтобы способствовать формированию инфомира. Для него характерен субъект, который свободно выбирает сферу приложения своих сил в рамках ограниченной рациональности, где имеют место интуитивные, импульсив-

ные факторы, неявные знания, факторы риска, накопленный опыт, личная эвристика. Это мыслитель, деятель, творец культуры, он свободно сотрудничает с другими субъектами творчества, готов к самотрансформации в движении к гуманистическим ценностям.

Литература и источники

1. Чумаков, А. Н. Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире / А. Н. Чумаков // Вопросы философии. – 2013. – № 1.
2. Марков, Б. В. Образ человека в постантропологическую эпоху / Б. В. Марков // Вопросы философии. – 2011. – № 2.
3. Паин, Э. А. Волновая природа традиционализма на рубеже XX–XXI веков / Э. А. Паин // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Л. В. Вонсович

Современная Беларусь, осуществляя процессы модернизации различных сфер общественной жизни, уверенно идет по пути построения постиндустриального (информационного) общества. Оно в свою очередь должно дать своим членам возможность достижения высокого уровня благосостояния, гарантию для каждого свободы и прав человека, социальную защиту, доступность образования, наработку интеллектуального и технологического потенциала, обеспечивающего дальнейшее экономическое движение, экологически здоровую среду обитания. В постиндустриальном (информационном) обществе общественное богатство все больше понимается как обладание информацией, знаниями. Производство ориентировано не на объем, а на качество продукции, на запросы потребителя; сфера услуг преобладает над сферой производства. Возникает огромный спрос на работников, обладающих способностями к более разнообразной деятельности. Происходят перемены в культуре, сфере образования и воспитания молодого поколения. Общественно признанным становится статус человека, способного увлечь других своими действиями или идеями. При этом важным является, чтобы эти действия и идеи не противоречили менталитету, национальному характеру и духовно-нравственным ценностям белорусского народа.

Беларусь находится на перекрестке культур, цивилизаций, политических центров силы. В условиях глобализации это усиливает внешнее воздействие на национальную культуру, размывает ее границы, уничтожает отдельные черты. Духовно-нравственные ценности и установки белорусского народа проходят настоящую проверку на прочность. Именно поэтому в качестве одной из важнейших задач, которые стоят перед Республикой Беларусь, является задача сохранения национального духовного наследия белорусского народа. Без понимания себя, национальной культуры, особенностей менталитета и характера невозможно найти собственный путь развития в современном мире. В менталитете молодых граждан Беларуси следует планомерно укреплять идею созидания сильной и процветающей Беларуси. Именно в этой идее воплощается историческое стремление белорусов к свободе, самостоятельности и благосостоянию, к сохранению и развитию своей культуры, к гражданской ответственности за судьбу своей собственной страны.

Одним из приоритетных направлений развития Республики Беларусь на современном этапе является воспитание молодого поколения на традиционных для белорусов духовно-нравственных ценностях. В них сконцентрировано, закреплено и передается из поколения в поколение все то, что было собрано народом за всю историю его существования, выдержало испытание временем, составляет духовный оплот общественного сознания страны и индивидуального сознания и самосознания каждого гражданина. Эти, ценности, выступают в качестве мировоззренческого мобилизующего начала, являются одним из наиболее существенных элементов идеологической системы государства. Они не только отражают опыт исторического прошлого народа, но и отображают социальную реальность, а также моделируют возможное будущее.

Духовно-нравственные ценности белорусов формировались в контексте восточнославянского менталитета, испытывая трудности существования между Западом и Востоком и осуществ-

ляя поиск собственного пути развития. Белорусская ментальность впитала в себя особенности миропонимания православия и католицизма, склонность к компромиссам униатской веры, строгую воздержанность и индивидуализм протестантизма. Белорусы миролюбивы, для них не характерно чувство национального превосходства над другими народами. Они доброжелательны, рассудительны, нацелены на поиск справедливости без насилия, о чем свидетельствует роль Беларуси в разрешении конфликта в современной Украине. Белорусы терпимы, уважительно относятся к людям с иным миропониманием и стилем мышления.

Среди фундаментальных традиционных ценностей белорусского народа несомненным приоритетом обладает Ценность Родины. Любовь к Родине мобилизует людей, направляет их деятельность, способствует защите ее целостности и независимости. Привязанность к родной земле является одним из определяющих факторов белорусской самоидентификации. Ценность Родины у белорусов неразрывно связана с патриотизмом – нравственным и политическим принципом, основывающимся на любви к своему Отечеству, преданности ему, гордости за его прошлое и настоящее, стремлении защищать интересы родной земли. Настоящий патриотизм исключает грубый национализм, абсолютизирующий собственную национальную исключительность с одновременным недоверием к другим этническим общностям, а в крайних проявлениях – отказом им в праве на существование. Несовместим патриотизм также и с сепаратизмом, шовинизмом, экстремизмом. Он предполагает гармоничное единство чувств, идей и действий, почитание места своего рождения и места постоянного проживания как своей Родины, уважение своих национальных и местных традиций, знание и уважительное отношение к родному языку, знание истории, обычаев своего народа.

На современном этапе развития Республики Беларусь патриотизм приобрел особую значимость и приоритетность. Реализация этого принципа требует объединения всех прогрессивных сил страны в особое народное движение по решению задач демократического реформирования государства, построения гражданского общества, возрождения и обогащения национальных традиций, упрочения многообразных отношений и связей с другими странами и народами. Служение и преданность гражданам Родине, своему государству консолидирует общество, служит фундаментом государственности, является гарантией национальной безопасности. Долгом нынешних и будущих поколений белорусов является сохранение независимости, целостности, безопасности государства, укрепление его стабильности, умножение его богатств, преодоление стереотипа, существующего в мире о Беларуси, как о второсортной, низко развитой стране.

Одной из важных традиционных ценностей белорусского народа является толерантность, которая проявляется в уважительном отношении к людям с отличающимся от нашего темпераментом, миропониманием, религиозными убеждениями, складом мышления, образом жизни. Толерантность настраивает на доброжелательные отношения с другими народами, исповедующими отличную от нас систему ценностей, на признание и уважение их права на собственную самобытность, на развитие их национальной культуры, языка и т. д. Белорусы тяготеют к справедливости, к предсказуемому будущему и гарантированно стабильному настоящему. Они всегда будут поддерживать ту власть, которая не допустит крайностей в политике и даст им возможность самим решать свои проблемы и определять свой жизненный путь. По мнению целого ряда ученых, данная черта характера белорусов предопределяется особым положением Беларуси в европейском культурно-цивилизационном пространстве. Находясь на перекрестке восточной и западной цивилизаций, белорусский народ на протяжении всего своего исторического пути вынужден был впитывать и соединять в своей культуре, в своем отношении к миру, в своем характере различные ценностные системы, ориентиры, идеалы, проповедуемые как Западом, так и Востоком, что возможно и определило терпимое отношение белорусов к окружающему миру в целом.

Воспитание молодого поколения граждан Беларуси осуществляется сегодня на основе национальной идеи, которую белорусы ассоциируют с сильным и процветающим государством, способным обеспечить благополучие, независимость, достойный уровень жизни. Эта идея базируется на непреходящих ценностях народа, зафиксированных в его генетическом коде: воспроизводство исторического процесса в контексте гармоничного взаимодействия традиций и новаций; ориентация на правду жизни; принцип справедливости, означающий, что все люди должны жить по совести; трудолюбие; принципиальное неприятие насилия, житейская мудрость, природная добродетель, умеренность и т. д. В основе государственного курса Республики Беларусь – верность исторической памяти народа и последовательная политика по сохранению и развитию культурного

наследия белорусов, белорусского национального характера.

Таким образом, воспитание граждан Беларуси на основе духовно-нравственных ценностей народа – это начало и результат, смысл и основной ресурс социального и экономического прогресса общества. Модернизация страны начинается с воспитания личности, способной ее осуществить. Но сама модернизация нужна для повышения качества жизни в стране, т. е. создания максимально благоприятных (по мировым стандартам) условий для развития личности. Таким образом, воспитание гражданина и модернизация Беларуси есть две стороны одного процесса, который приближенно можно назвать прогрессом общества. Соответственно, национальный воспитательный идеал и цель современного образования не могут быть осуществлены одной только системой образования. Их реализация требует, применительно к образованию, консолидации сил, согласования полномочий и ответственности важнейших субъектов национальной жизни личности, общества и государства.

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО ФАКТОРА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

О. А. Павловская

Информационное общество, по мнению многих специалистов, является ведущим перспективным направлением социально-исторического развития. Приоритетное развитие научно-технической сферы, разработка и освоение новейших технологий, распространение и практическое использование современного информационного ресурса становятся ведущей целью социально-экономического и социокультурного развития, кардинально меняет ментальные структуры, стимулирует поиск новых форм и способов общественного и индивидуального бытия.

Большой резонанс в научных кругах вызывает теория постэкономического общества, разработанная известным российским ученым В. Л. Иноземцевым. Постэкономическое общество трактуется им как «такой тип социального устройства, где хозяйственная деятельность человека становится все более интенсивной и комплексной, однако не определяется более его материальными интересами, не задается традиционно понимаемой экономической целесообразностью» [1]. В концепте постэкономического общества могут быть соединены в единое целое фундаментальные положения о научно-техническом прогрессе как объективном основании будущего общественного развития и знания о человеческой природе как выражении субъективных сил этого процесса. «Предпосылки формирования нового общества, – отмечает В. Л. Иноземцев, – вызревают по мере того, как технологический и хозяйственный прогресс начинает воплощаться не столько в наращивании объемов и разнообразия производимых материальных благ, сколько в изменяющемся отношении человека к самому себе и своему месту в окружающем мире. Материальный прогресс выступает *необходимым* условием становления постэкономического порядка; однако *достаточным* условием его формирования служит изменение ценностных ориентиров человека, приводящее к тому, что главным мотивом его деятельности становится совершенствование своего личностного потенциала» [1]. Такой подход позволяет вывести на передний план проблему субъективного фактора как основного источника постэкономической трансформации. И, конечно же, логически следует постановка вопроса о месте морального компонента в структуре субъективного фактора. Вот, как об этом говорит В. Л. Иноземцев: «Хотя объективная и субъективная стороны постэкономической трансформации взаимообусловлены, главный источник прогресса постэкономического общества кроется в его субъективных факторах, в характеристиках составляющих его индивидов. Его перспективы зависят в большей мере от индивидуального нравственного и интеллектуального развития личности, чем от изменения отдельных параметров общества как совокупности людей» [1]. Что касается реальных перспектив осуществления постэкономической трансформации, то автор считает, что этот процесс может растянуться на несколько столетий, а первые признаки его мы можем видеть уже в ходе становления постиндустриального общества.

Рассматривая вопрос о соотношении формационного развития социума и его культурно-цивилизационного развития, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на следующую особенность: если ранее в ходе истории однозначно первичным и определяющим был экономический базис и он строго детерминировал формирование различных культурно-цивилизационных форм,

то с вступлением на путь информационного развития перед человечеством открываются реальные возможности для усиления воздействия субъективного фактора на ход стихийных социально-экономических процессов, что получит свое отражение как в формировании глобальной информационной цивилизации, так и в творчестве различных форм культуры.

Открыть в человеке истинно человеческое, сделать его добрее и гуманнее – эти проблемы во все времена волновали умы и сердца людей, находились в центре внимания выдающихся мыслителей, государственных и общественных деятелей, представителей науки и культуры. Но именно в условиях перехода на информационный путь развития данного рода проблемы приобретают первостепенное, жизненно определяющее значение: их недооценка и игнорирование на фоне широко-масштабного внедрения достижений современного научно-технического прогрессе объективно будут способствовать появлению различного рода катастрофических по своей сути последствий для существования самой человеческой цивилизации.

Большое значение для духовно-нравственного развития человека имеют общие, цивилизационные, основания, посредством которых устанавливаются определенные глубинные связи индивидов с качеством культурной среды, отражающим уровень освоения и закрепления материальных и духовных ценностей в структурах общественного бытия. Как уже известные исторические формы цивилизаций, представляющие собой своеобразные сплавы культурного развития стран и народов, так и новая, формирующаяся информационная цивилизация, целостно выражающая качественное состояние глобального мира, хотя и являются относительно самостоятельными пластами, вынуждены одновременно сосуществовать, время от времени соприкасаясь, пересекаясь, а то и сталкиваясь между собой. Сегодня напряженным полем такого перекрещивания цивилизационных потоков является не что иное, как внутренний мир человека. Причем следует особо подчеркнуть, что соприкосновение этих двух цивилизационных потоков – это по существу взаимодействие старого, культурного прошлого и нового, культурного будущего внутри человека, а не «столкновение цивилизаций» как застывших историко-культурных форм определенных стран и народов.

Переход к информационному обществу осуществляется в недрах существующего индустриального общества, и поэтому естественно сопровождается резким столкновением нового со старым как в социально-экономическом, политическом, так и духовно-культурном плане. Подчеркивая драматизм реального положения человека в современном мире, Э. Тоффлер отмечает: «Крушение цивилизации Второй волны приводит к эпидемии кризиса личности. Сегодня мы наблюдаем миллионы людей, безнадежно ищущих свои тени, поглощающих кинофильмы, пьесы, романы и книги по психологии в надежде с их помощью установить свою идентификацию» [2, с. 214].

Столь безысходное, удручающее положение должно быть, по Тоффлеру, преодолено в ходе формирования цивилизации Третьей волны, которая «может стать более здоровой, благоразумной и устойчивой, более пристойной и более демократичной, чем любая из известных нам до сих пор» [2, с. 23]. Он пишет: «Остальная наша жизнь проходит под знаком наступающей Третьей волны. Если нам удастся сгладить переход от старой, умирающей цивилизации к новой, обретающей форму, если мы сохраним собственную личность и сможем в обстановке усиливающихся кризисов управлять своей жизнью (курсив наш – О. П.), мы будем в состоянии обнаружить и способствовать установлению нововведений Третьей волны. Ибо, если мы посмотрим вокруг себя, мы найдем под покровом несостоятельности и разрушений первые признаки роста и новые возможности» [2, с. 216].

О каких же «первых признаках роста и новых возможностях» информационной цивилизации можно говорить уже и сегодня?

На наших глазах происходит переоценка ценностей, начинают складываться новые приоритеты и ценностно-нормативные координаты жизнедеятельности человека и общества. Для формирующейся в настоящее время информационной цивилизации весьма актуальным является создание характерной для нее парадигмы, в которой целостно будут представлены ведущие мировоззренческие основания, определяющие параметры сознания, стереотипы поведения, механизмы социальной регуляции.

Очевидно, что главной отличительной чертой информационной цивилизации является развитие, активное вовлечение и использование в различных областях социальной и индивидуальной жизни интеллектуального потенциала человека. Человек знающий, образованный, владеющий информацией становится одной из ведущих ценностей современной жизни. И, соответственно, пере-

ход к информационному обществу выводит на передний план рационализм как основной мировоззренческий принцип, интеллектуальную деятельность творческого, новаторского характера, сферу науки и образования.

Но развитие интеллектуального капитала не может быть самоцелью. Естественно возникает вопрос: на что он должен быть направлен, на благо или во вред человеческому сообществу и самому человеку он может служить? Материальные стимулы трудовой деятельности, уступая свои лидирующие позиции в мотивационной структуре, будут ли должным образом заменены на моральные мотивы? То есть в условиях формирующегося информационного общества по-новому начинают звучать проблемы морального характера: добра и зла, свободы и вседозволенности, ответственности и безответственности, истины и лжи, справедливости и насилия, преданности и предательства, уважения и пренебрежения, дружбы и вражды, любви и ненависти, солидарности и разобщенности и др.

Особо следует подчеркнуть, что в настоящее время быстрые темпы освоения современных научно-технических достижений сопровождаются значительно более медленными темпами духовных преобразований. Новые информационные технологии предоставляют широкие возможности для развития коммуникации, образования, профессиональной деятельности, сферы развлечений, но вот решение проблем духовно-нравственного характера остается прерогативой самого человека. Улучшая условия жизни людей, облегчая их деятельность, могут ли эти технологии сделать человека счастливее, добрее, гуманнее? Как справедливо заметил Адам Шэфф: «Общество информатики автоматически не гарантирует наступление рая на Земле» [3, с. 328]. Как никогда ранее, в условиях информационного общества духовное обогащение человеческих взаимоотношений всецело будет зависеть от каждого конкретного человека. Очень важно, чтобы человек полноценно развивался в духовно-нравственном плане, плодотворно общался с другими людьми в реальном мире, а не ограничивал свою роль только функциями обслуживающего персонала новой техники, пользователя информационными ресурсами, игрока в виртуальном игровом пространстве.

Стремительно нарастающий поток новой научно-технической продукции вызывает повышенный интерес у населения, стимулирует желание разбираться в новинках, их приобретать. В центре внимания общественного и индивидуального сознания, наряду с политической, находится научно-техническая информация. Это способствует вытеснению на задний план проблем духовно-нравственного характера, причем, их решение зачастую связывается не с научно обоснованной информацией, образовательно-воспитательной практикой, а с религиозными верованиями, мистическими учениями, эзотерическим опытом. Необходимо признать, что недооценка и даже игнорирование проблем морального характера ведет к одностороннему развитию человека: обладая комплексом научно-технических знаний, он в то же время может иметь неразвитые нравственные чувства и желания, ограниченные смысло-жизненные представления и ценностные ориентации. Это обедняет личную жизнь человека, его отношения с близкими людьми, негативным образом сказывается на формировании его гражданской позиции.

Особую остроту проблемы духовно-нравственного характера получают сегодня с расширением пространства Интернета, с активным внедрением IT-технологий в повседневную жизнь людей. При этом наблюдается постепенное смещение в сторону виртуального мира, с его иллюзорным и символическим отражением действительности, а реальный мир все более и более теряет свою значимость, его очертания размываются, он психологически отдален. «Виртуальное взаимодействие, с одной стороны, решает проблему одиночества человека, сближает его с Другими, позволяет расширить опыт общения. С другой стороны, в реальной сфере человек остается по сути своей одиноким ... Утратив потребность реально дружить и любить, испытывая эти чувства лишь посредством симуляции и своего воображения, человек оказывается лишенным важнейших социальных оснований, что усиливает «экзистенциальный вакуум», состояние «одиночества в Сети», интернет-зависимость, вплоть до эскапизма, бегства из мира реальности в мир виртуальных отношений» [44].

Виртуальность как новая социальная реальность в морально-психологическом отношении содержит в себе значительный разрушительный потенциал традиционных культурных связей и в то же время актуализирует проблему поиска новых, отвечающих духу времени, императивов поведения в Сети. Так, в частности, стало известно, что для пользователей был предложен своеобразный кодекс, содержащий «десять основных правил “нетикета” (этикета, для живущих в мировой

Паутине): 1. Помните, что Вы говорите с человеком; 2. Придерживайтесь тех же стандартов поведения, что и в реальной жизни; 3. Помните, где Вы находитесь в киберпространстве; 4. Уважайте время и возможности других; 5. Сохраняйте лицо; 6. Помогайте другим там, где Вы это можете делать; 7. Не ввязывайтесь в конфликты и не допускайте их; 8. Уважайте право на частную переписку; 9. Не злоупотребляйте своими возможностями; 10. Учитесь прощать другим их ошибки» [4]. Но вполне понятно и то, что любые попытки внести этический элемент в виртуальное пространство, только тогда могут иметь положительный результат, если в своей реальной жизни пользователи будут обладать достаточно высоким уровнем нравственной культуры.

Переход к информационному обществу демонстрирует существенные изменения в характере социальных связей в процессе совместного труда людей в рамках определенных предприятий. На место традиционной (адаптивной) системы взаимосвязей в рамках производственных коллективов, характерной для индустриальной стадии, приходит корпоративная (креативная) система взаимодействий, для которой свойственна ориентация на развитие и реализацию личностного потенциала работников, раскрытие их творческого потенциала в совместных делах, что и является важным основанием для создания принципиально нового вида производственной общности людей – корпорации. Среди факторов эффективного функционирования корпорации на передний план выходят этические ценности двоякого характера: с одной стороны, персоналистические, направленные на достойную самореализацию и саморазвитие личности в деятельности корпорации, с другой – коллективистские, способствующие формированию особого командного духа данной организации. «В результате происходит совпадение ценностей корпорации и персонала в пределах трудового процесса: продуктивная деятельность становится важным источником развития личности и связана с максимизацией качественного улучшения деятельности организации в целом» [5, с. 305].

В контексте социально-исторической перспективы, связанной с переходом к информационному обществу, актуальной становится проблема соотношения информационной *цивилизации*, являющейся новым социокультурным пространством с ярко выраженными духовно-нравственными параметрами, и *цивилизованности* личности как особого реально проявляющегося на практике свойства, отражающего конкретный уровень ее духовно-культурного развития.

Весьма актуально звучат сегодня слова И. Канта: «Благодаря искусству и науке мы достигли высокой ступени культуры. Мы чересчур цивилизованы в смысле всякой учтивости и вежливости в общении друг с другом. Но нам еще многого недостает, чтобы считать нас *нравственно совершенными*. В самом деле, идея моральности относится к культуре; однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в любви к чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию» [6, т. 6, с. 18]. Да, действительно, достижения науки и культуры в настоящее время масштабны, но это то, что находится на виду. А вот, что в нравственном отношении происходит внутри нас, каков уровень развития личной культуры человека? Следует признать, что с этой точки зрения в обществе накопилось огромное количество проблем. Даже то, что для Канта в свое время было в порядке вещей: «учтивость и вежливость в общении друг с другом» – для нашего общества во многом является проблематичным.

В контексте современных социальных трансформаций по-новому начинает звучать проблема культуры, содержание которой в той или иной мере фокусируется на морально-аксиологическом компоненте. Особую актуальность приобретает проблема формирования духовно-нравственной культуры, которая позволяет наиболее целостно представить и качественно выразить процесс личностного развития человека, зафиксировать характер и результаты взаимодействия его структурных частей (потребностей, чувств, взглядов, ценностных ориентаций, убеждений, мотивов, поступков и др.) и механизмов саморегуляции (чувства стыда, совести, долга, чести, достоинства и др.), определить степень соотношения между собой индивидуально-личностных и социально-групповых параметров духовно-культурного развития. Трудно даже представить, каких чудовищных последствий может достичь современный научно-технический прогресс в гуманитарном плане, если не будет осуществляться совместно с повышением уровня общей культуры личности. Но не менее опасно недооценка и даже игнорирование проблем нравственного характера. Акцент только на развитии человеческого интеллекта может привести, в конце концов, к появлению «интеллектуальных роботов», лишенных человеческих чувств и желаний.

Вступление мирового сообщества на путь информационного развития – это по существу рубеж, который демонстрирует, с одной стороны, открывающиеся перспективы для практической

реализации творческих, эвристических возможностей человеческого интеллекта, с другой – приближающийся тупик для раскрытия человеческой природы как таковой, если не будет задействован его духовно-нравственный потенциал. Новая информационная цивилизация обретет свой реальный статус именно тогда, когда второе состояние будет последовательно и неуклонно преодолеваться, и это уже становится настоятельной жизненной необходимостью.

Литература и источники

1. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев. – М., 2000.
2. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М., 2002.
3. Шафф, А. Куда идет дорога? / А. Шафф // Философия истории. Антология. – М., 1995. – С. 311–331.
4. Баева, Л. В. Электронная культура как опыт философского анализа / Л. В. Баева // Вопросы философии. – 2013. – № 5. – С. 75–83.
5. Капитонов, Э. А. Корпоративная культура и PR / Э. А. Капитонов, А. Э. Капитонов. – М.; Ростов-н/Д, 2003.
6. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – М., 1963–1966.

ВНЕШНИЙ АКТИВИЗМ И «ВНУТРЕННЕЕ ДЕЛАНИЕ» (НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕКОС СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ)

И. Ф. Габрусь

Современная культура больна внешним активизмом. Сегодняшнее лицо русской народной песни, непоседливая и юркая как ртуть Надежда Бабкина просто медлительная улитка в сравнении с общепризнанным королем западной эстрады Майклом Джексонем, приводившим в состояние невменяемости и помешательства и себя самого и зрителя своими пронзительными визгом и воплями, эпилептически судорожными вихляниями и безудержным метанием по сцене. Эту болезнь скачкообразно усилила и великое приобретение техногенной цивилизации – ЭВМ и порожденные ею общепланетарные процессы компьютеризации, интернетизации, нетоизации, виртуализации реальности. Электронная культура теснит и выдавливает субъекта из его собственной родной стихии. Современность вторглась во внутреннее и потеснила, обокрала его айтивиртуалистикой, которая обезкровливает внутреннее измерение, эндопсихику человека. Компьютерная игра – новая разновидность внешнего активизма, внедренного как раз в пространство эндопсихики. У геймера, компьютерного игрока задействованы, вовлечены в действие вся сенсорика и все когнитивные способности, весь он внимание и собранность, руки его (основные прородные инструменты действия) просто в бешеном двигательном ритме, да в азарте игры он и вообще дрожит каждой клеточкой своего существа, – и при всем том он лишь пассивный (хотя и максимально расторопный) исполнитель запрограммированного авторами и хозяевами кибер-игры алгоритма деятельности. Налицо деревативная, лишенная идентичной подлинности квазиэндоактивность компьютерного игрока. Вопрос: какой процент геймеров – уже игроманы, уже на крючке киберзависимости – открыт, но тот факт, что в условиях экономического кризиса и почти всеобщей стагнации мирового производства процветает лишь игровой бизнес, говорит о многом. Увлеченность, скажем мягко, кибер-игрой – явление не локального характера, а настоящая эпидемия, поражающая почти поголовно все поколения детей компьютерного века. Впрочем, если бы игромания и киберзависимость были бичом только еще несформировавшегося ребенка и подростка! Интернет может и наполнять душу, и опустошать ее. Это подлинное чудо современной науки и техники – несомненно великое благо для человека увлеченного, ангажированного, погруженного с головой в ту или иную проблемную область, т. е. для уже сложившегося или только складывающегося профессионала, для индивида же с неопределившейся и еще не устоявшейся интенциональностью (это, прежде всего, дети и молодежь) интернет – гибельное болото, которое засасывает свою жертву целиком, почти не оставляя ей никаких шансов на спасение. Человек утрачивает свой статус субъекта, генератора собственных смыслов, а превращается лишь в пассивного транслятора навязанной извне когнитивной информации или чьих-то эмоций. Такой транслятор уже не субъект, а проходной двор, через который непрерывным потоком идет произведенная кем-то и где-то информация, всевозможные не самим порожденные когнитивные и эмоциональные образования.

Однако, растет культура и обогащается внутренним деланием, напряженной работой духа, вырабатывающего в трудном поиске новые смыслы, идеи и ценности, да и просто адекватное понимание все более сложной и динамичной действительности. А это не бывает без внутренней сосредоточенности, возможности «уйти в себя», отвлечься от бесчисленного множества внутренних и внешних раздражителей, вторгающихся в эту тонкую область и очень хрупкий процесс, говоря словами Гуссерля, процесс смыслоконституирования, порождения смысла. Все что-нибудь значимое и важное вовне, в пространстве человеческой социальности есть всегда проекция и объективация глубины и значимости, и полноты, и напряженности внутреннего потенциала личности. Хорошо ведь сказано: «от полноты сердца говорят уста». Зарождение и формирование «внутреннего человека» не совпадает обязательно и не тождественно формированию и становлению человека социального. Очень часто развитая социальность человека может сочетаться с неразвитостью, а то и убожеством «человека внутреннего». Идет цинично лукавая эксплуатация всем присущей (а молодежи в первую очередь) установки, ориентированности на объективный видимый мир, стремлении самоутвердиться в нем, найти свое место в реальности. Но для этого обязательно необходимо нарастить внутренний потенциал. Есть такой потенциал, - место под солнцем тебе обеспечено. А без него ты неизбежно окажешься лишним на таком ярком и к себе влекущем (буквально зазывающим) жизненном пиру. А как еще назвать насаждаемый современными «хозяевами дискурса» культ потребительства, легкой жизни, глянцевого гламура? Роковое, губительное противоречие современной культуры «европейского человечества» (термин Гуссерля): ориентирует человека безоглядно вовне, а в этой внешней реальности более менее комфортных мест всем нет, и не будет никогда. Внешний индивиду мир, внешняя реальность переполнены лишними людьми. То потребительское эльдорадо, в которое так настойчиво зовут и влекут обывателя, – не для всех, а только для избранных. Это в рамках красного проекта открывались перспективы сменить горизонтальный, основанный на частнособственническом эгоизме вектор исторического развития на движение по аксиологической вертикали, открывающей индивиду и обществу горизонты неограниченного духовного подъема.

В основе безудержного активизма современной культуры ложный онтологический посыл, что реальность – это исключительно и только мир видимых, чувственно воспринимаемых вещей и предметов. В действительности же это лишь узкий сегмент совокупной социальной реальности, которая по своей природе, вспомним Маркса, «чувственно-сверхчувственная», причем сверхчувственная ее составляющая неизмеримо богаче и многообразнее области чувственно воспринимаемого. Тут – вещество и все из него производное, там – отношение между вещами, процессами, индивидами и их сообществами плюс смыслы, символы, идеи, неисчислимы миры духовного производства и опять же отношения между ними, недоступные чувственному восприятию и составляющие необозримый ареал сверхчувственного.

Внешний активизм хорош и желателен и просто обязателен для крепкого профессионала своего дела, живущего в режиме «смыслоконституирующей активности» трансцендентального субъекта гуссерлевской феноменологии, а именно легко и непринужденно продуцирующего из себя вовне предметные, ноэматические смысловые объективации. Новое – трудно, готовое – легко. Путь до «мнящей интенции» как исходной структуры гуссерлевского смыслоконституирующего сознания не легок и не скор, а требует больших, и напряженных, и долгих усилий, прежде чем у человека прорежется та же интеллектуальная интуиция, схватывающая на лету и сходу всевозможные абстрактные теоретические сущности, математические и логические в том числе. «Математические сущности, – убежден Гуссерль, – можно видеть так же отчетливо и ясно, как и предметы чувственного опыта». Конечно, можно, да только до этого надо, как говорится, не одни штаны протереть за конспектом и книгой. Студент – это альпинист – труженик, непрерывно осваивающий все новые и новые интеллектуальные высоты, карабкающийся по крутым склонам всех, предусмотренных программой научных дисциплин, и у кого повернется язык сказать, что учеба – легкое дело? А оно, это дело, вершится почти сплошь в пространстве внутреннего делания. Социальная психология и психология личности, чтобы адекватно описывать живую диалектику внутреннего и внешнего в жизни индивида, должна взять (вслед за современной физикой микромира) на вооружение принцип накачки, целенаправленного накопления, непрерывного собирания, максимальной концентрации определенного когнитивного материала. Интериоризация воистину плодотворна, когда протекает в режиме свободного выбора, а еще лучше – увлеченности и уж совсем хорошо –

в режиме познавательной страсти. И одно дело, когда накачку когнитивного или ценностного материала в эндопсихику производит сам ее носитель, и совсем другое дело – интериоризация насильственная, в основе которой угроза, насилие, страх или же изоциренные современные технологии манипуляции сознанием и контроля над психикой индивида, захват его внимания и накачка в его эндопсихику нужных хозяевам навязываемого дискурса когнитивных и ценностных смысловых образований.

Пробуждать и возвращать внутренний потенциал человека было всегда важнейшей функцией культуры. Характерная повадка современной культуры – снимать сливки. Это ее любимое дело и любимое занятие. Она делает ставку на готовый результат, ей нужен готовый профессионал своего дела. Но легко ли сформироваться ему под напором настырно насаждаемой внешнеориентированной системы ценностей сугубо горизонтальной интенциональности, да еще и самого что ни на есть низкого пошиба, смыслов и ценностей прямо разрушительной для их потребителя энергетики?

ЯЗЫК КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ «МЕМ» ОБРАЗОВАНИЯ И ЦЕННОСТНО-ДУХОВНЫЙ РЕСУРС СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В. В. Богаченко

Язык как маркер социокультурного измерения интеллекта несет в себе самобытность, традиционность исторического и культурного развития и в тоже время – динамичные преобразования современности. Он развивается вместе с социокультурной системой и является атрибутом бытия социума, который без своего родного языка немислим. Язык – это «мем» социокультурной общности, а без информационного «кванта», смыслообразующая информационная система перестает существовать. Мощным механизмом коммуникации и передачи знаний, информации, историко-культурного опыта, интеллектуальных наработок социума во всех сферах познания и индикатор его морально-духовной составляющей выступает институт образования, функционирование которого без «мема» (языка), невозможно. Исследуя язык как основной канал общения и трансляции знаний О. П. Пунченко отмечает: «Язык – основное средство образовательного акта, он держится на связи с сознанием и здесь прежде всего раскрывается его общественная ценность» [1, с. 366]. То есть, язык является не только носителем информации, он есть инструмент преобразования духовной и культурной жизни общества. Система образования может рассматриваться как ценностно-духовное и семиотико-знаковое поле социокультурной системы, которое реализуется посредством языка и является показателем устойчивости любой социальной системы. В этом аспекте образование представляет собой интеллектуальную прогрессивную систему передачи информации, основным коммуникационным средством которой выступает язык, как «мем» процесса самоидентификации обучаемого субъекта, которая происходит в полиморфных информационных потоках и составляет структурные элементы образовательной среды.

В качестве основного функционального модуля образования семиотическая система предстает как генератор и транслятор информации. Использование тезариуса нового научного направления – меметики (Р. Докинз) помогает подчеркнуть корпускулярное, ячеечное строение информационно-виртуальной среды, которая становится основанием интерсубъективного мира поликультурного нелинейного современного социума как открытой системы.

«Мемы» являются флуктуационными детерминантами, этиологическими компонентами процесса самоидентификации субъекта социального действия. Они в данном контексте эксплицируются как единица, составной элемент социокультурной памяти общественной мегасистемы, основной канал трансляции которого – образование.

В образовательном пространстве происходит самоатрибуция «знака-мема» как такового, анализирование процесса реификации, т. е. потенциала, способности создавать символ и включаться в культурно-исторический и научно-образовательный обмен. Эти процессы в современной информационной нелинейной социокультурной среде, как правило, сопровождаются эмансипацией знака, нивелированием его предметно-смысловой связки. Образовательный институт является системой перекодирования, верификации семиотических «мемов» и способом придания им не

только новой смысловой нагруженности, но и системой формирования и трансляция новых духовно-культурная парадигм развития социума. Так, оперируя «симулякрами» Ж. Бодрийяр раскрыл сущность эмансипации знака, смысловая подмена которого заключается в том, что сами знаки несут смысловую связку не с определенной вещью, которая онтологически породила его, а указывают на образование нового знака, несущего смысловое поле нагруженности без первоосновы предметного начала, что способствует виртуализации современного общественного пространства.

Современные исследователи развития международных систем в лоне глобального развития (О. В. Соснин, В. Г. Воронкова, О. Е. Постол) репрезентируют такой феномен как создание нового типа социальных субъектов, субстанциональным началом воплощения которых выступают информационно-виртуальные системы. Изучая этот феномен, они отмечают, что «современная социальная система с помощью невидимых технологий, манипуляции образует новые, искусственные типы личностей и разлад одновременно: человек-сенсатор, синтетический нарциссизм, редуцированный к социальным функциям класса «белых воротничков» – и симулятивное общество наполняется людьми-симулякрами» [2, с. 278]. То есть человек представляется как «автономный симулякр», порожденный виртуально-коммуникативным пространством. Его реальные экзистенции и духовные ценности часто подменяются искусственными виртуальными и в перспективе могут стать альтернативой социокультурной ценностно-духовной конъюнктуры.

Возращение знакам их первородных смыслов, избавление от симулякров, а также возвращение человека к себе, и является основной задачей современного образовательно-семиотического поля. Образование раскрывает основные ценностно-языковой парадигмы социальной среды и помогает им репрезентировать себя в новом восприятии виртуально-информационной среды. «Социальная детерминация языковых форм и систем реализуется, прежде всего, через условия развития языка, существования и функционирования его как семиотического канала образования» [1, с. 359].

Так как в ходе виртуальной коммуникации происходит порождение новой вариативной семиотическо-символьной системы, которая часто может выходить за рамки лингвистического измерения языка и преодолевать культурные, этнические, пространственные преграды, то в этом вопросе актуальна проблема регулирования вопроса легитимности использования виртуальных «мемов». А. А. Лазаревич, указывая на риски взаимодействия виртуальных технологий и современного субъекта общественных коммуникаций, поднимает вопрос «о формировании и развитии информационной культуры личности, причем в рамках решения более общей актуальной задачи – обеспечения информационной безопасности человека и общества» [3, с. 189]. В первую очередь в контексте образования нас интересует вопрос психологически-личностной безопасности. И в соответствии с этим, можно определить одну из современных функций образования как коммуникативной структуры системы «субъект-социум» – обеспечение данного вида безопасности и создание ценностно-языковой системы «мемов», которые смогут обеспечить безопасное функционирование человека в виртуально-информационных системах как неотъемлемой части современной социальной реальности.

Основным языком взаимопонимания такого диалога могут стать лишь обновленные ценностные формы самоидентификации личности, новообразованные знаково-семиотические системы, которые позволят субъекту социального действия «погрузиться» в интерсубъективную образовательную среду и стать ее полноценным функционирующим элементом. Интерсубъективная среда выступает как основная функциональная составляющая духовного бытия общества, позволяющая реализоваться самоидентичности личности и саморазвитию ее духовного потенциала. И институт образования выступает основным модусом функционирования и критерием жизнедеятельности интерсубъективного измерения любого социума.

Следовательно, основным ориентиром субъекта социального действия являлись и являются ценности, связанные с необходимостью обогащения интерсубъективного пространства альтернативными духовными ценностями. А. В. Худенко отмечает: «Простор и перспектива – возможность следования во вперед себя навстречу – является основополагающей ценностью человека. Шествуя в просторе перспективы, человеческое существо становится собственно человеком» [4, с. 17]. Развитие и динамика субъекта социального действия, его деятельный аспект – основная мотивационная ценность субъекта социального. Она реализуется в процессе саморазвития, самосовершенствования и творчества. И так как образовательное измерение является первичным институтом реализации этой активности, оно посредством семиотических «мемов», языко-культурных внешних их

проявлений, может формировать новый сценарий самоидентификации субъекта социального действия. Таким образом, определяется одна из основных задач современного образования – репрезентировать более гибкий пластичный нелинейный вариант развития личностного внутреннего потенциала субъекта, позволяющий ему гармонично существовать в современном виртуально-информационном социуме.

Литература и источники

1. Пунченко, О. П. Образование в системе философских ценностей / О. П. Пунченко, Н. О. Пунченко. – Одесса, 2010.
2. Соснін, О. В. Сучасні міжнародні системи та глобальний розвиток // О. В. Соснін, В. Г. Воронкова О. Є. – Постол. – Київ, 2015.
3. Лазаревич, А. А. Глобальное коммуникационное общество / А. А. Лазаревич. – Минск, 2008.
4. Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного / Н. А. Победа, В. М. Онищук, Э. А. Гансова и др.; Одесск. нац. ун-т им. И. И. Мечникова. Каф. Социологии. – Одесса, 2013.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЬИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

К. О. Губич

Сегодня много пишут о противоречивом воздействии глобализации на культуру и социальное пространство современных обществ. Глобализация увеличивает неопределенность будущего, порождает новые риски, изменяет социальную структуру и конфигурацию социальных отношений. Отдельной темой амбивалентных воздействий глобализации на нашу жизнь можно считать процессы трансформации современной семьи и связанные с этим изменения в первичной социализации подрастающего поколения, которая начинается в семье. Семья, как базовый социальный институт общества, была и остается хранительницей человеческих ценностей, обеспечивая нравственное воспитание личности, ее приобщение к национальной культуре и традициям народа, а также культурно-историческую преемственность поколений [3].

Социализация – это процесс и результат включения индивида в социальные отношения. Она осуществляется путем усвоения человеком социального опыта и воспроизведения его в своей деятельности. В процессе социализации индивид становится личностью и приобретает необходимые знания, умения, навыки, т. е., способность общаться и взаимодействовать с другими людьми в рамках конкретной культуры и конкретного типа социальной организации [1, с. 17]. Другими словами, семья представляет собой ту первичную социокультурную среду, в которой, с одной стороны, воспроизводится характерный для национальной культуры тип личности с ее неповторимой ментальностью и способами этнокультурной идентификации. С другой стороны, в семье закладывается фундамент социального характера человека, его отношение к миру, другим людям, к труду, природе, а также формируется представление о совокупности социальных ролей и функций, которые человек выполняет или может выполнять в обществе.

Если накопленные в культуре знания, социальный опыт деятельности, различные профессиональные навыки, помимо семьи, могут воспроизводиться в системе школьного и профессионального образования, то важнейшая роль семьи в подготовке человека к успешному взаимодействию с другими людьми и выполнению различных видов деятельности заключается в том, чтобы сформировать у личности систему потребностей и ценностных ориентаций, направленных на продуктивное, творческое развитие, солидарность и взаимопомощь, способность работать совместно с другими людьми для достижения общих целей. Таким образом, одним из важнейших аспектов первичной социализации индивида в семье является освоение человеком социальных ролей и ценностей, позволяющих ему, обретая собственную идентичность, обладать также умением жить в обществе и развивать дальше свои знания, умения и способности, принося пользу не только своим родным и близким, но всему человечеству [5, с. 13].

Кроме сознательного, целенаправленного воспитания, которое дают ребенку родители, на него воздействует вся внутрисемейная атмосфера, причем эффект этого воздействия накапливается

с возрастом, преломляясь в структуре личности. Как ни много времени проводят люди у «голубых экранов», они смотрят не все подряд, а их реакция на увиденное и услышанное сильно зависит от установок, господствующих в их первичных группах. Например, мы жалуемся, что информационные перегрузки подавляют творческое мышление молодежи. Но об этом еще в прошлом веке писал В. О. Ключевский: «...Ум современного молодого человека рано изнашивается усвоением чужих мыслей и теряет способность к самостоятельности и самостоятельности» [2, с. 334]. Это существенно усложняет задачи социального контроля. Во вторых, сама массовость прессы и телевидения делает их в чем-то ограниченными, вызывая быструю стандартизацию и, как следствие этого, эмоциональную инфляцию форм, в которые облечена сообщаемая информация, и даже самих идеологических символов. В третьих существует угроза избыточного, всеядного потребления телевизионной и прочей массовой культуры, отрицательно сказывающегося на развитии творческих позиций, индивидуальности и социальной активности личности [1, с. 20].

Среди основных влияний глобализации на институт семьи следует выделить:

1. тенденцию к сокращению количества детей в связи с пониманием семьи как партнерских отношений, творческого союза личностей, а не ячейки воспроизводства населения;
2. унификация форм семьи в различных культурах, стирание этнических и национальных различий;
3. потеря связи семейного воспитания с культурными традициями народа, разрыв вертикальных коммуникаций между поколениями;
4. доминирование ценностей потребления, консьюмеризма в ущерб нравственному здоровью семьи;
5. атомизация индивидов в семье, возникающая под воздействием общего омассовления общественной жизни в условиях урбанизации, что приводит к утрате теплоты и эмоциональной близости в отношениях между ближайшими родственниками;
6. стрессовый характер современной жизни с ее ритмами и информационными перегрузками изменяет характер родительских функций, снижая глубину и уровень общения между старшими и младшими, родителями и детьми;
7. радикальное переосмысление гендерной структуры семьи и ее половой дифференциации под влиянием мультикультурализма и альтернативных ценностей, привносимых различными культурными меньшинствами. Все эти изменения способствуют нарастанию аномий в развитии семейных отношений.

Анализ изменения статуса семьи в глобализирующихся обществах показал, что система первичной социализации сегодня подвержена очень большому количеству рисков. От успешной выработки механизмов защиты семьи от негативных тенденций будет во многом зависеть семейные формы будущего. В этом контексте существенное значение приобретает взаимодействие семьи с другими институтами первичной социализации, такими, как церковь [4, с. 223], гражданская община, которые позволяют компенсировать риски утраты традиционных ценностей и духовно-нравственных ориентиров, разрушения этнокультурной идентичности за счет создания особой социокультурной среды, сохраняющей и воспроизводящей культурно-цивилизационные достижения и ценностно-символические основания жизни белорусского народа.

Литература и источники

1. Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. – М., 1989.
2. Ключевский, В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский. – М., 1968.
3. Степанов, А. Д. Культ семьи – национальная идея Беларуси / А. Д. Степанов // Проблемы семьи и брака [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dal.by/news/99/19-05-13-3/>. – Дата доступа: 21.10.2015.
4. Хомич, С. С. Расширенное Вероучение Объединённой Церкви ХВЕ в Республике Беларусь / С. С. Хомич; Под ред. С. С. Хомич, С. С. Поднюк – Минск, 2012.
5. Щербаков, С. А. Семья и личность / С. А. Щербаков // Проблемы теории и практики управления: мат-лы конф., г. Минск, 14 мая 2007 г. – Минск, 2007.

«ПРАЗДНОСТЬ» КАК ОНТИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО ЧЕЛОВЕКА

М. Я. Мацевич, В. В. Валейтёнок

В интеллектуальных кругах широко известным является риторическое высказывание Т. Адорно «Как возможна теология после Освенцима?», и эстетический образ белоруса-труженника, в свое время великолепно выписанный Н. А. Некрасовым. В «Генеалогии морали» Ф. Ницше, а ныне современным итальянским философом Д. Агамбеном отмечается важный аспект, что почти все категории, которыми мы пользуемся в области морали или религии, в какой-то мере заражены правом. Следовательно, при использовании этих понятий требуется особая внимательность.

Практически во всех своих текстах Агамбен подчеркивает, что интеллектуальная, нравственная ответственность не означают ничего благородного, а лишь «связывают» индивида, предполагая в дальнейшем некую абстрактную выплату долга. Плюс, как таковая, ответственность всегда тесно связана с понятием вины, которое в широком смысле означает ответственность за ущерб (поэтому-то древние римляне и были «безответственными»). Агамбен во всех своих последних книгах и публичных выступлениях эксплицирует, как в традиции Запада происходит присвоение неприсваемого – «праздности». Ибо в этом плане власть и оказывается ничем иным как тайной изначального присвоения.

Аристотель в «Никомаховой этике» рассуждал о предназначении человека. Ясно, что, если человек занимается определенным родом деятельности, вроде бы и его назначение должно соответствовать этому роду. Но есть ли назначение у человека как такового? Не является ли изначально, по своей природе человек все-таки «бездельником», не имеющим никакого определенного дела? Ведь еще ницшеанская переоценка всех ценностей повлекла за собой делегитимацию любого вида деятельности, выводя на свет фигуру «человека праздного», безработного, бездеятельного, бомжа. Политическая мысль Агамбена пытается предложить альтернативу современной нигилистической биополитике через радикальное утверждение бездеятельности человека как изначального атрибута социальной практики.

На территории Республики Беларусь любовь к своей земле, к своему «мястэчку» укоренялась в национальную почву столетиями созидательной и культурной работы, и перемены в условиях нашего существования сегодня, новый мир вокруг нас, еще раз демонстрируют важность сохранения традиций. Мы были бы гораздо беднее без сел, деревней, хуторов – беднее на какую-то очень важную часть культуры и красоты, особой логики, особой мудрости. Логика городской жизни должна стать одухотворенной, должна быть не логикой иллюзий, макетов, а истинной мыслью, логикой присутствия.

Именно система ценностей, основанная на «полезности», прагматическом использовании человека, его возможностей и способностей обществом, в соответствии с которой мы и оцениваем не только других людей, но и самих себя, определяет сегодня значимость индивида в белорусском обществе, а также тот «капитал», которым мы пытаемся завоевать признание и любовь. Политики, юристы, философы и простые обыватели в наши дни подчеркивают ценность человеческой жизни, исходя из пропагандирования приоритетов гуманизма, человеколюбия, гражданского долга, забывая о том, что жизнь ценна сама по себе, а также и потому, что человек смертен.

Логика жизни белорусского крестьянского быта показывает, что бытие мудрее нас. Логические законы сельской деревенской жизни демонстрируют духовный опыт перерастания себя самого, приобщение к опыту становления Богочеловеком, выросшего уже за пределы той меры, которой он мог бы достичь своими собственными усилиями. Логика послушания крестьянина земле – это, прежде всего, умение слушать и слышать не только умом, не только ухом, но всем существом, открытым сердцем, благоговейным созерцанием духовной тайны другого человека.

Насколько всецелая живая истина непостижимо выше информации – настолько «бытование», призванное к истинствованию жизни, возвышеннее рассудка и материального практицизма. Внутреннее противостояние, искренняя попытка дистанцирования является одной из основных черт белорусского искусства, культуры в целом. Наш народ представляет собой самобытный культурно-исторический тип со своей принципиально своеобразной провинциальной «смуткуючай» (грустящей) поэтизацией жизни и мысли, стремлением все омузыкалить, осентиментальить (славянско-белорусский «орфизм»). Только от нас зависело и продолжает зависеть, станем ли мы просто

продолжателями индустриальных, информационных технологий, или ознаменуем поворот гуманитарного, трансцендентально-экзистенциального типа, касающийся не столько средств производства, сколько самих наших ценностей, смыслов жизни, приоритетов и идеалов.

Состояние скуки приходит как изнутри, так и извне, и не может быть однозначно определено, хотя чаще всего скука принадлежит именно к особенностям «внутренней жизни». Полностью анонимная, она не имеет видимых причин. Скука есть «заклинивание горизонта времени» (М. Хайдеггер).

Благодаря расширению сферы досуга и всеобщей грамотности, скука становится вполне прозаическим недугом, поражающим большую часть всего прогрессивного человечества. Если М. Хайдеггер предлагал вести отсчет времени по степени скуки, то для Ж. Деррида экспериментальным коррелятом времени являются те значения, которые пронизывают его. Жизнь имеет смысл и временной ритм лишь в зависимости от работы «смыслозначения», которая сопровождает ее, точнее, является ею. Французский социолог Ж. Бодрийяр также подчеркивал, что в мире «симуляции» подлинными остаются только скука и «за мороженность», «за мороженность» уже неотделима от скуки, а скука больше не вызывает тоски, скука сегодня сродни холодному восхищению, заледеневшему изумлению. А наш современник Дж. Агамбен посредством обращения к понятию скуки констатирует «профанность» нынешней культуры, осознание себя как мутировавшего животного, не могущего примириться с собственной открытостью, стыдящегося собственной мутации и собственного неприличного состояния открытости.

Скука является состоянием, отличающим человека от животного, придающим очарование и значимость его существованию. Благодаря скуке, как и смерти, человек способен осознавать себя как живой организм. Именно через скуку, «праздность» он пробуждается к жизни, к смыслу своего существования. Именно в этом приостановлении и состоит выход из плена чужих знаний, мнений, вкусов. Посредством бездеятельности, скуки, меланхолии и праздности «высшему» млекопитающему, человеку, становится ужасно страшно от своей бесконечной обреченности, бесконечной свободы быть включенными в подобные процессы. Праздность – это то, что отделяет нас от животных, праздность, бездеятельность как состояния, не имеющие образцов, аналогов, как состояния абсолютно неповторимые, чтобы занять нас, лишены всякого занудства, позволяющие нам немного забыть, насколько мы обременены нашими привычками, инстинктами и социальными ролями.

Агамбен предполагает, что принципиальная разница, бинарная оппозиция «человек-животное» на самом деле не имеет никакого отношения к знаниям. Глядя на знания, с абсолютно безучастной, абсолютно безпредпосылочной позиции, человек уходит от своей «нано-разумности», исключительности. Ибо, по существу, правильный режим человеческого существования попадает в царство невежества.

Хайдеггер пытался связать вопрос о человеке, присутствии с Бытием. Убивая в себе животное, человек становится человеком, оставаясь извне определенного бытия, в то время как Агамбен переориентирует вопрос о человеке к проблематике жизни. При этом, как для Агамбена, так и для Хайдеггера, цивилизация и технологии являются парадигмами машины, которая должна быть приостановлена. Человек определяется через самого себя, он должен сам «различиться» через «Иное». Посредством разности, бездеятельности он как бы приостанавливает собственное знакомое человеческое существование. Отсюда человек должен искать в себе нечеловеческое, чтобы найти и понять человеческое. Для Агамбена, человек – пустое место, «открытое», человек отсутствует у самого себя.

И здесь для итальянского мыслителя важен статус отрицания. Появление постистории выступает как порог между человеком и животным. То есть антропологическая машина является машиной по производству истории. Конец истории для Агамбена – это конец тоталитарных режимов. Этим бездеятельности позволяет избавиться от ориентированного на труд представления о человеке и открыть человеческое существование свободному времяпровождению вне координат какого-либо исторического проекта. Быть человеком – рисковать безразличием человека и животного.

КУЛЬТУРА БОГАТСТВА И УСПЕШНОСТИ КАК ИНДИКАТОР ДУХОВНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Л. И. Лукьянова

Опасные тенденции повышения уровня насилия, агрессии, рост прагматизма и бездуховности не могут не настораживать общество думающих людей. Если оценить реальную ситуацию в формировании культуры богатства и успешности, то в последние годы эта установка стала усиленно раскручиваться в обществе, что проявляется в вызывающей демонстрации богатства и успеха, а также в агрессивном противопоставлении богатых и успешных – бедным неудачникам. Поскольку количество богатых в государствах постсоветского пространства, да и в целом мире, не является преобладающим, то в обществе сложился дискурс неравенства, порождающий чувство несправедливости современного мироустройства. Так, например, до распада СССР наблюдалась определенная гомогенность общества, отсутствие глубокой поляризации на богатых и бедных и действовал известный принцип, заимствованный из Библии – «Кто не работает, тот не ест».

Отметим, что проблема деления общества на богатых и бедных в сущности не нова. При рассмотрении феномена богатства и успешности расхожим было утверждение, что бедность выступает некой добродетелью («у кого есть совесть, у того нет денег», «не в деньгах счастье» и т. п.), в то время как богатство – это нечто весьма сомнительное, противостоящее христианской аскезе, утвердившейся в культуре славянского мира («от трудов праведных не наживешь палат каменных», «богатством ума не наживешь» и т. п.). В исторической памяти различных народов бывшего СССР сохранились представления и воспоминания о меценатской, филантропической деятельности богатых сословий – дворянства, духовенства, купечества, которые интерпретировались в символах нравственной добродетели и общей пользы. Добавим, что непременной составляющей словного богатства тогда была соответствующая каждому сословию этикетная культура.

Поскольку в государствах бывшего СССР отсутствует наличие материальных состояний, связанных с кастово-сословным делением общества, то вполне естественно, что это место заняли так называемые «новые богатые», появившиеся практически на «пустом месте» как в социальном, так и в культурном смысле. Если в советское время «вещизм» и погоня за деньгами морально осуждались обществом, то культура постсоветского общества возводит деньги в культ успеха и руководствуется американским принципом протестантской этики, утверждающей ее главное кредо: человек – богоподобное существо тогда, когда он зарабатывает деньги. Отсюда максима протестантизма, выраженная в повседневном принципе: «Если ты такой умный, то почему такой бедный!». Агрессивная демонстрация материального превосходства, и, как следствие, отрицание таких повседневных норм морали, как скромность, альтруизм, самопожертвование становятся главным целевым вектором значительной части населения. Отметим в этой связи, что демонстрации культуры богатства, по П. Веблену, предполагают демонстративное потребление, демонстративную праздность, «денежные каноны вкуса», «денежный уровень доходов», ниже которого опускаться недопустимо [1, с. 142–143].

Важнейшим направлением в этой области является демонстрация богатства и успеха, причем нередко в весьма вызывающей форме, способствующей формированию чувства несправедливости существующего уклада. Углубляющееся социальное неравенство – характерная черта и главная проблема государств постсоветского пространства. Агрессивная демонстрация богатства стала универсальным критерием достоинства личности, ее успешности, эффективности и состоятельности. При этом демонстративная вседозволенность «новых богатых», нуворишей, родилась в государствах постсоветского пространства практически на пустом месте как в социальном, так и в культурном смысле.

Демонстрация богатства как составная часть культуры нового класса предполагает акцент на собственном превосходстве перед другими группами населения, подчеркивание своей исключительности, формирование системы символов, определяющих принадлежность к высшим слоям общества. Кредо в поведении нуворишей – неумеренное престижное потребление, экстравагантность поведения, демонстрация самодовольства и подчеркивание своей исключительности заведомо запрещенными или нравственно осуждаемыми поступками.

Следствием разделением общества на богатых и бедных стали отдельные кварталы в рамках крупных городов. В Москве, например, Рублевка – для богатых, Бирюлево – для бедных. Автор

этих строк, получивший образование в Москве, остро ощущает эту атмосферу разделения, когда, например, идешь по Тверской. Дресс-код и фейс-контроль не позволяет, например, зайти в ювелирный, где на ступеньках магазина стоит охрана и внимательно следит за проходящими. Так, например, однокурсник рассказал историю о том, как он, будучи одетым в джинсы и майку и решив купить украшение для своей матери к юбилею, был задержан охраной того самого ювелирного магазина на Тверской. Ему было предложено покинуть помещение магазина. Но когда он вынул кошелек и показал наличие в нем значительной денежной суммы, перед ним извинились, и предложили выбрать товар. Но интерес к продукции магазина у клиента был уже потерян. Богатым и бедным почти невозможно быть вместе в ресторанах, кафе, магазинах, соответствующих рангу богатых.

И так, мы отметили здесь лишь одну тенденцию – богатство как критерий успешности с точки зрения материального положения.

Но есть и другая сторона этого процесса – нравственная. В общественном сознании все более утверждается мысль о разрыве нравственности и успешности. Все более часто под успешностью понимается безнравственная успешность, т. е. успешное бесстыдство и к этому проявлению успешности нередко относят аморального чиновника, вора в законе, разного рода авантюристов.

Самое интересное, что такого рода успешность рекламируется радио, телевидением, многочисленными сериалами и т. н. «успех – шоу». Если выявить «моральное» кредо бесстыдной успешности, то оно сводится к принципу: ничего не бояться, никого не стесняться. Люди все чаще обращаются к «низким» развлекательным видам культурного потребления. Культура повсеместно становится разновидностью бизнеса в то время, как раньше главная функция культуры состояла в том, чтобы умножать образовательный, нравственный, эстетический потенциал граждан. Многие исследователи отмечают, что, несмотря на то, что количество газет, журналов, тираж выпускаемых книг растет, а число читательской аудитории падает.

Соответственно меняется и отношение к трудовой деятельности. У всякого нормально мыслящего человека успех ассоциируется с колоссальным трудом, талантом, высокой образованностью, креативным мышлением. Думается, что многие посетившие Москву в последние годы, не могли не заметить рекламный щит: «Хватит работать, пора зарабатывать!» и тут же рядом рекомендация: «Я зарабатываю на разнице курсов валют» и дан адрес и телефон, где Вас этому научат. После этого начинаешь приглядываться к рекламным щитам своего родного Гродно. Около магазина, в котором продают оконные шторы, видим еще одно подтверждение этой рекламной тенденции: «Купите новые шторы и Вам будут завидовать». Первая – московская реклама – призывает зарабатывать, не работая; вторая – гродненская – призывает забыть о семи смертных грехах – где зависть – является одним из них.

Благодаря общепризнанной тенденции признания богатства как всеобщей ценности, когда материальное выступает безусловным стимулом и побудительным мотивом многих видов деятельности, в том числе и противозаконных, становится привлекательной любая работа, превращая все в предмет купли-продажи. Поэтому только с экономической точки зрения оценивать богатство невозможно. Прав в этом смысле Г. Зиммель, который подчеркивал, что развитие интеллекта идет параллельно с развитием денежного хозяйства [2, с. 15]. Согласно философского подхода к культуре богатства, афишируемой в современном глобальном мире, следует помнить, что «мерой всех вещей» всегда остается человек».

Несмотря на то, что современная культура, как отмечают ряд исследователей, находится не в состоянии кризиса, а катастрофы, хочется закончить размышления на эту тему оптимистическими словами профессора, доктора философских наук Бойкова Д. Э., который на «круглом столе», посвященном проблеме духовной культуры в современном обществе, подчеркивал: ... «Чувство прекрасного, духовность, культура неистребимы и уничтожить их можно только вместе с человеком» [3, с. 146].

Литература и источники

1. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М., 1984.
2. Simmel, G. The Philosophy of money / G. Simmel. – N.Y., 1995.
3. Духовная культура современного российского общества. Состояние и тенденции формирования // Социологические исследования. – 2005. – №10.

ЗАРОЖДЕНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ И МОРАЛИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Г. В. Косых

«Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместилище и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее. И если вы прожили один-единственный день, вы видели уже все. Каждый день таков же, как все прочие дни. Нет ни другого света, ни другой тьмы. Это солнце, эта луна, эти звезды, это устройство вселенной – все это то же, от чего вкусили пращурьы ваши, и что взрастит ваших потомков»

М. Монтень [1, с. 24]

На протяжении веков для человека самым интересным, удивительным и привлекательным объектом для изучения был и остается он сам. Вся история мироздания занимает сознание человека лишь в тех границах, в которых он сам в ней присутствует. Этика (греч. ἠθικός, от др.-греч. ἦθος – этос, «нрав, обычай») – представляет собой исследование морали и нравственности, включающие в себя проблемы критериев: добра и зла; смысла жизни и предназначения человека; справедливости и угнетенности; добровольного (как свободного волеизъявления) и должного. Первоначально смыслом слова этика были правила, порождённые совместным общежитием, нормы, сплачивающие этнос, преодоление индивидуализма и агрессивности. По мере развития общества к этому смыслу добавляется изучение совести, морали, сострадания, дружбы, смысла жизни, самопожертвования нравственной основы поступка и т. д. В узком значении понятие «этика» применяется для обозначения системы моральных и нравственных норм определённой социальной группы. Гуманитарное научное знание не противоречит, а наоборот, глубоко созвучно нравственному чувству людей о том, что человеческая жизнь имеет непреходящий, высший смысл, не сводимый к случайностям его (человека) личного существования. Например, рассматривая философию как науку, можно сказать, что философия есть особая мировоззренческая форма сознания. И, несмотря на ее историчность, преемственность и новые открытия в каждый последующий естественноисторический период развития человечества, которые отражают научно-теоретические знания различных эпох. Естествознание, психология, философия как науки – это одновременно все-таки и мысли о вечном.

Человек познает окружающий его мир и самого себя в нем, но знания его ограничены и субъективны, а для постижения частного необходимо уметь соотносить его с общими законами – объективными *логосами*. И здесь Гераклит считает, что человеческий субъективный логос имеет все возможности отражать объективный логос и быть с ним в согласии [2].

Итак, будь то первобытный или современный человек, он воспринимает и постигает окружающий его мир через образы и передает свои знания посредством символов. Символика становится многозначной, когда символ превращается в миф и закрепляется в сознании людей как нечто непреложное – существующее всегда и никогда не прекращающее своего существования. Миф отличается и от метафоры и от символа тем, что все те образы, аллегории и метафоры, которые входят в символ начинают трактоваться (человеком) как нечто совершенно реальное, существующее субъектно и совершенно независимо от человека и его представления об этом явлении. Миф – это реальность, не требующая доказательств. Миф – это действительность насыщенная действительными событиями. Если поэт говорит, что солнце поднимается или опускается, заря загорается над горизонтом, то мы понимаем, что это символ, метафора. Но когда древний грек говорит, что солнце, не солнце, а сам бог Гелиос, который на своей огненной колеснице поднимается на востоке, царит в зените, опускается на западе и ночью совершает свое круговое путешествие под землей, с тем, чтобы на другой день опять появиться на востоке, то это уже не метафора и не аллегория и даже не символ – это *миф*. И древний грек верит именно в то, что говорит.

Первобытный человек давал имя предметам, и оно становилось их символом. Это имя начало жить самостоятельной жизнью, вступая в отношения и образуя связи с другими подобными

именами. Оно постепенно влияло на отношение к обозначаемому им предмету, на объяснение его происхождения, на отношение к другим предметам, приводя, в конечном итоге к мифическому образу происходящего, к самому мифу, как к сути связи всех вещей. Определяя на свой лад суть именованного и происходящего, человек тем самым определял и свою собственную суть. Такова исходная точка любой культуры и составляющей ее этики – морали и нравственности.

В культуре современного общества цивилизованный слой достаточно тонок, и в критических ситуациях, таких как насилие, голод, влечение, страх, деградация или массовый психоз, через слой этики, легко прорываются могущественные фантомы первобытного сознания. Тридцать тысяч лет архаичной культуры не могли исчезнуть бесследно, они с нами и они внутри нас.

Литература и источники

1. Монтень, М. Опыты / М. Монтень. – М., 1992.
2. Спиркин, А. Г. Философия / А. Г. Спиркин. – М., 2001.

СОВРЕМЕННАЯ ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА: ПРЕДМЕТ И СТРУКТУРА

С. П. Жукова

На рубеже XX–XXI вв. прикладное этическое знание утверждается в качестве особого, в достаточной степени самостоятельного компонента социально-гуманитарного знания, репрезентируется как значимый культурный феномен. Современные морально-этические коллизии, определяемые социальными трансформациями, развитием современных технологий, актуализируют «проектное» прикладное этическое знание. Сегодня в прикладных этических исследованиях наиболее распространены работы дескриптивного характера, репрезентирующие эмпирический материал, отражающие дискуссии, постановку отдельных проблем, а также работы, исследующие определенные виды прикладной этики. Но прикладная этика в целом также становится предметом философско-этической, методологической рефлексии. Дискутируются предмет и специфика, структурирование прикладного этического знания, особенности формирования проектов прикладной этики.

Основные концептуальные подходы к интерпретации предмета современной прикладной этики были сформулированы В. И. Бакштановским и Ю. В. Согомоновым на основании постсоветской этической литературы и опыта западных исследований [1]. Эти концепции используются и в настоящее время, в том числе, в этическом образовании. В так называемой «практико-ориентированной этике» предмет сводится к морально-этическим аспектам определенных видов человеческой деятельности. «Аппликативная этика» определяет свой предмет как морально-этическое разрешение «частных ситуаций» с помощью релевантных философско-этических концепций (утилитаристской, деонтологической, др.). В «этике открытых проблем» предметом являются «моральные дилеммы» с их специфическими характеристиками, имеющие «предельное» социокультурное значение. «Организационная этика» в качестве своего предмета утверждает социально-нравственное обеспечение социально-профессиональной, деловой коммуникации внутри и вне организации. Концептуальный подход, осуществленный В. И. Бакштановским и Ю. В. Согомоновым, рассматривает прикладную этику как «проектно-ориентированную», представляющую собой единство «нормативно-ценностных подсистем («малых систем»), конкретизирующих мораль (этика бизнеса, журналистская этика, биоэтика... и т. п.)» и «теории конкретизации морали, проектно-ориентированного знания, фронестических технологий приложения» [1, с. 14]. Если 1-й и 2-й концептуальные подходы представляются близкими классической этике с ее казуистикой, изучением истории нравов, то в 3-м и 4-м подходах фиксируются социально-нравственные реалии, сформировавшиеся в новейшее время, предпринимается попытка определить принципиально новый предмет, особое знание, возникшее в истории этической мысли.

Можно предложить обобщающую дефиницию предмета современной прикладной этики. Итак, предметной областью современной прикладной этики является «современная общественная мораль», включающая нравственные отношения, модели поведения, ценностно-нормативные системы и коррелирующие с ними этические институты (кодексы, организации), формирующиеся в процессе социально-публичного взаимодействия различных моральных субъектов (личностей,

групп, организаций, др.). Проблемное поле, задаваемое таким предметом, центрируется моральными коллизиями (моральными дилеммами), возникающими в различных видах современной социальной деятельности (от экономики до научного творчества) в связи с решением задач, определяемых технико-технологическим потенциалом современной цивилизации, и потенцирующими как изменения индивидуального нравственного существования, так и глубинные преобразования в нравственной культуре социума. Непосредственно в социальной реальности подобные моральные коллизии реализуются как социально-профессиональные проблемы, требующие интеграции различных научных подходов и формирования институтов и механизмов практического решения. (Примером может быть дилемма инфоэтики, предполагающая одновременное обеспечение и ограничение информационных прав, как одна из наиболее актуальных в профессиональной деятельности субъектов различных социальных коммуникаций: научной, педагогической, маркетинговой, др.). Такая интерпретация предмета предполагает целостность и сложное «устройство» феномена прикладной этики.

Прикладная этика осуществляется как нерасторжимое единство «внутри себя многообразной области знания и общественной практики», единство, в котором «теория морали прямо смыкается с нравственной практикой общества» [2, с. 389]. Взаимопроникновение социально-нравственной практики и морально-этической рефлексии, теоретического познания, включая философско-этический уровень, реализуется благодаря идее фронезиса, содержащей теоретико-методологический и регулятивный смыслы. Фронезис трактуется В. И. Бакштановским и Ю. В. Согомоновым как «знание-умение в сфере морали, сущностно ориентированное на индивидуальность приложения» [3, с. 7]. По сути, идея фронезиса предполагает социально-нравственное творчество, осуществляемое в коммуникации различных моральных субъектов по поводу ситуативно конкретного и социально значимого предмета, воплощаемое посредством этических технологий, которые, в свою очередь, поддерживаются особыми институтами. Прикладная этика строится таким образом, чтобы не только эксплицировать сущностные характеристики определенного предмета («малой» социально-нравственной системы, например, конкретной корпоративной этики, определенных коллизий в отношениях моральных субъектов), но способствовать преобразованию социально-нравственной системы, ее ценностно-нормативной компоненты ради эффективного функционирования этой «малой системы» релевантно исторически-ситуативной конкретике, социальным закономерностям, общественному благу. В настоящее время можно привести достаточно длинный перечень прикладных этических (фронестических) технологий, с помощью которых непосредственно осуществляется развитие, преобразование конкретных социально-нравственных систем: проектирование, экспертиза и консультирование, кейс-стади, деловая игра, др. Представляется важным еще раз подчеркнуть не только различие познания и практики в прикладной этике, но и их взаимопроникновение. Игнорирование одной из сторон в функционировании прикладной этики приведет либо к «менторски» отстраненной позиции «специалиста-этика» по отношению к коллизиям «малых систем», а значит, бесплодности этической работы, либо к «самодеятельному творчеству», производству многочисленных кодексов, тренингов и т. п., в лучшем случае лишь украшающих «фасад» организации.

Началом прикладной этики остается личностный моральный выбор. Но прикладная этика реализуется в повседневности в технологически правильном функционировании «малых систем», конкретных прикладных этик (прикладных моралей), с их системами отношений, ценностей и норм, организаций и технологий. В контексте повседневного существования человека можно выделить еще один вариант структурирования прикладной этики: ее мировоззренчески-рефлексивный и институциональный уровни. Мировоззренчески-рефлексивный уровень реализуется в переживании, осмыслении субъектом определенной прикладной этики ее смысла (может быть, миссии), системы ценностей, норм, правил, конвенций, других компонентов прикладной этики в корреляции со смыслами универсальной морали, корреляции смысложизненного и прикладного этического выбора, и т. д. Так, решение мировоззренческого вопроса о смысле предпринимательской деятельности (максимизация прибыли? самореализация? общественное благо? что-то другое?) оказывается и личностно, и экономически значимым. С помощью институционального уровня, включающего определенную совокупность социально-этических институтов (кодексов, деклараций, конвенций, организаций, др.) и этических технологий, обеспечивается реализация мировоззренческих решений, вообще непосредственное функционирование системы прикладной этики. Институциональность задается, прежде всего, локализацией коллизий современной прикладной этики в

публичной сфере социума, публичным характером принятия решений. Для того чтобы согласовать позиции различных, многочисленных субъектов (личностей и общностей, корпораций, профессионалов и непрофессионалов, гражданских и государственных структур, др.), обеспечить непосредственно практическое решение и контроль исполнения, необходим определенный инструментарий, который представлен институтами прикладной этики.

Сегодня прикладная этика позиционируется как феномен, посредством которого стал возможен действительный, исторически востребованный переход от этической теории к повседневной практике. Современная прикладная этика как «особая стадия» этического развития, интегрируя актуальные сегменты социально-нравственной практики, сложно дифференцированное, технологичное знание, морально-этическую рефлексию философского уровня, фундирует качество и перспективы развития современной нравственной культуры. Таким образом, современная прикладная этика может позиционироваться как необходимый и эффективный компонент интеллектуальной культуры социума.

Литература и источники

1. Парадигмы прикладной этики: Ведомости. – Вып. 35, специальный / Под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. – Тюмень, 2009.
2. Гусейнов, А. А. Прикладная этика / А. А. Гусейнов // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – М., 2001. – С. 388–389.
3. Бакштановский, В. И. Прикладная этика: идея, основания, способ существования / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов // Вопросы философии. – 2007. – № 9. – С. 37–49.

2.5 Социально-экологические аспекты модернизационного процесса

НООСФЕРНОЕ БУДУЩЕЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

П. А. Водопьянов

Достижение безопасного будущего – одна из приоритетных задач современной науки, ориентированной на разработку основных направлений социально-экономического развития мирового сообщества. Актуальность решения этой задачи продиктована необходимостью преодоления реально существующих вызовов и рисков в жизни социума. К числу такого рода рисков следует отнести кризисные явления в политической, экономической, экологической, социальной и духовной сферах жизни современного общества.

Особую тревогу вызывает глобальный антропологический кризис, который представляет собой не завтрашний день, как полагают некоторые ученые и политические деятели, а феномен сегодняшнего дня, выступающий угрозой для нормальной жизнедеятельности людей.

К сожалению, экологический кризис разворачивается все более и более быстрыми темпами, что проявляется в возникновении различного рода новых заболеваний и их распространении на все более молодых людей, изменении состава и структуры земной поверхности, увеличении числа землетрясений, природных катаклизмов и других неблагоприятных явлений. К рискам глобального характера относятся всевозрастающее загрязнение окружающей среды, ведущее к изменению климатических условий, уничтожение биологического разнообразия, ресурсные ограничения, связанные с недостатком энергии, продовольствия, воды и многое другое.

Ввиду этой реальной опасности, угрожающей ближайшему будущему человечества, крайне важно выявить основные причины глобального кризиса и принять меры к его устранению. Основными причинами глобального кризиса выступают: рост населения на планете, достигшего на сегодняшний день порога 7,5 млрд. чел. при ежегодном приросте около 1% в год; рост материального потребления в развитой части мира при продовольственном дефиците в бедных странах; истощение природных ресурсов (минеральных, энергетических и продовольственных, в особенности водных), дефицит которых уже ощущается для 1/3 населения); нарастающее загрязнение окружающей среды, промышленные отходы.

Преодоление этих и других негативных явлений в жизни современного общества требует поиска новых путей развития, ориентированных на сохранение окружающей среды и природно-ресурсного потенциала – необходимых условий обеспечения нормальной жизнедеятельности людей. Помимо этого, особую тревогу вызывают два вида рисков – это неравенство между бедными и богатыми, и неэффективность управления процессами экономического развития. Глобальный экономический кризис, начавшийся в 2008 году и возобновивший свое шествие в настоящее время, имеет не структурный, а системный характер и связан с тем, что управление глобальными рисками оказалось на достаточно низком уровне.

Приходится признать, что коллизии во взаимоотношениях человека и природы порождены самим человеком, его стремлением освободиться от зависимости от природы и обеспечить высокий уровень жизни за счет достижений научно-технического прогресса. Это сопровождается разрушением и деградацией природных экосистем, снижением качества окружающей среды. Именно поэтому в настоящее время столь существенное значение имеет поиск новых путей социально-экономического развития, ориентированных на снижение индустриального давления на биосферу. В производственной сфере крайне важна новая модернизация, ориентированная на создание производств, вписывающихся в структуру циклов биосферы. Речь идет о создании технологий экологизированного типа, существенно снижающих загрязнение окружающей среды и ориентированных на повышение эффективности использования ресурсов. Именно поэтому особую значимость приобретают такие направления науки, которые ориентированы на поддержание и сохранение качества окружающей среды, создание благоприятных условий для жизнедеятельности людей. И хотя применение достижений науки и техники имеет существенное значение для преодоления экологических затруднений, оно является лишь одним из необходимых условий достижения стабильного будущего. Помимо этого, особое значение имеет принятие ряда политических мер, установление тесного международного сотрудничества в области окружающей среды, разработка основных направлений оптимальной экологической политики, ориентированных на утверждение новых мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и природы.

Утверждение новых ценностных ориентаций тесно связано с формированием ноосферного сознания, направленного на изменение сложившихся, традиционных форм природопользования, Ноосферное сознание, как впрочем и сама ноосфера, как отмечает П. Г. Никитенко, пока еще находится за пределами осознанного включения в производственные отношения и не рассматривается в качестве главного экономического фактора. Это не позволяет учитывать роль и влияние разума в процессе общественного воспроизводства, хотя рост наукоемкости ВВП, развитие новых технологических укладов является сутью ноосферной экономики [1].

Не менее важную роль в реализации этой цели играет и формирование новой нравственности людей, отвечающей требованиям в сфере оптимального природопользования. Складывание нравственности нового типа, основанной на глубоком понимании места человека в биосфере, немислимо без широкой образованности людей, их отношения к природе как особой ценности, от которой зависит нормальная жизнедеятельность и здоровье.

Особое значение в достижении безопасного будущего имеет утверждение биоантропоцентристской ориентации, призванной изменить характер отношения человека к природе, поскольку сугубо количественная ориентация на экономические показатели привела к тому, что объемы потребления природных ресурсов уже превысили допустимые нормы и во многих случаях приводят к разрушению и деградации окружающей среды в различных регионах мира. Необходимо добиваться того, чтобы объемы использования невозобновимых ресурсов компенсировались их искусственными заменителями. Это касается и возобновимых ресурсов, объемы, использования которых должны компенсироваться их естественным воспроизводством.

Разумное самоограничение, самодостаточность, необходимость сохранения пригодной для обитания среды – наиболее характерные черты нового экологического мышления, основанного на осознании взаимосвязанности и взаимозависимости процессов, протекающих в биосфере.

Утверждение экологического мышления тесно связано со становлением нового гуманизма, ориентированного на формирование мировоззрения и образа жизни, которые утверждают приоритетную ценность человека, не только по отношению к самому себе и другим людям, но и осознание ценности всех живых существ как необходимого условия сохранения природы. Особую роль в решении этой задачи играет высокий уровень образования, который в состоянии устранить угрозу

уничтожения человеческого вида. Для предотвращения собственной гибели, – отмечает Э. Тоффлер в книге «Шок будущего» – человечество должно получить ответ на главный вопрос: как предотвратить глобальные угрозы и риски своего выживания в стремительно изменяющемся мире [2]. Можно без преувеличения сказать, что последние десятилетия после выхода книги показали, что это не случайная, а вполне реальная угроза для людей.

Литература и источники

1. Никитенко, П. Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития. – Минск: «Белорусская наука», 2006.
2. Тоффлер, Э. Шок будущего. – М.: Изд-во АСТ, 2002.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИТУАЦИИ НЕУСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А. Д. Урсул, Т. А. Урсул

Общество и государство не могут обеспечить долговременную стабильность и безопасность без перехода на путь устойчивого развития. Однако к стабильности и безопасности также необходимо стремиться и в рамках модели неустойчивого развития.

Первичной и наиболее фундаментальной для смены типа дальнейшего развития страны и цивилизации в целом является проблема безопасности. Степень и принципы ее обеспечения зависят от типа развития материальной системы (от социально-экономического развития). К устойчивым достижениям в других областях относятся многие позитивные политические и социально-экономические преобразования и реформы: укрепление государственности, усиление институтов гражданского общества, переход национального законодательства на качественно новый уровень, особенно в сфере защиты конституционных прав человека, укрепление национальной обороны, а также общественной и государственной безопасности, устранение угроз информационной безопасности, создание возможностей более быстрого развития высокотехнологичных отраслей экономики и складывание реальных условий перехода на инновационные механизмы развития.

В условиях современного мирового финансово-экономического кризиса обострились негативные тенденции, которые можно квалифицировать как угрозы на пути устойчивого развития. Растет безработица, идет снижение темпов экономического развития, в сложных условиях функционирует банковская система, все больше появляется очагов социальной напряженности, усиливается инфляция, и впервые за многие годы принимается дефицитный бюджет страны. Экологические проблемы, приоритетные для прогресса по пути устойчивого развития для развитых государств, в настоящий период времени не оказываются таковыми для многих других государств (в частности, для постсоветских), перед которыми стоят другие стратегические приоритеты. Нужно иметь в виду, что незначительные результаты в экологической области пока вполне могут компенсироваться другими позитивными эффектами на пути к устойчивости.

Смысл грядущего инновационно-стратегического поворота истории заключается в том, чтобы оградить человечество от угрожающих ему в условиях глобализации кризисов и катастроф планетарного масштаба, вызванных не столько внешними причинами, сколько самим предыдущим и нынешним опасно-неустойчивым развитием цивилизации. В самом этом все менее безопасном развитии кроется «механизм», ведущий к быстрой деградации, а по сути, к форсированному либо медленному самоуничтожению человечества. Новая философия и политика в области безопасности акцентирует внимание на соединении обеспечения безопасности с поступательным развитием (без катаклизмов и катастроф), причем не через экономоцентрическое конкурентно-экстенсивное, а через инновационно-устойчивое сбалансированное развитие, минимизирующее количественные и максимизирующие качественные параметры, факторы и источники развития, использующее коэволюционно-консенсусные формы взаимодействия как с природой, так и внутри социума.

И хотя существуют различные в философском плане типы развития (например, деградирующие и разрушительные процессы вполне укладываются в широкое философское понимание развития, отображая его регрессивную ветвь), в этом случае речь идет не о них. Как правило, имеются

в виду все те реальные и возможные типы развития, которые ведут к поступательному прогрессивному развитию того или иного объекта. Когда речь идет о развитии применительно к обществу, то чаще всего в него вкладывают именно это последнее значение. Безопасными сегодня можно считать те общества и государства, которые придерживаются ценностей и практики демократического развития как на национальном, так и на международном уровнях. Опасными – те общества и государства, которые ориентируются на узко-прагматичные цели, провоцирующие нарушение устойчивости существующих систем.

Литература и источники

1. Урсул, А. Д. Безопасность и устойчивое развитие: От концепций к научным дисциплинам / А. Д. Урсул // Безопасность России. Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии. - М., 1998.
2. Урсул, А. Д. Путь в ноосферу. 1993 / А. Д. Урсул, Т. А. Урсул и др. // Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез. – М., 2008.
3. Урсул, А. Д. Концепции современного естествознания / А. Д. Урсул, В. А. Лось. – М., 2005.
4. Курилов, В. А. Теория счастья / В. А. Курилов. – М., 2006.
5. Урсул, А. Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие / А. Д. Урсул // Безопасность Евразии. – 2001. – № 1.
6. Урсул, А. Д. Безопасность и развитие / А. Д. Урсул // Безопасность Евразии. – 2007. – № 1.
7. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1994.

ДУХОВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Н. О. Сиротко

Духовность раскрывается в совокупности ценностей, на которые ориентируется человек в процессе жизнедеятельности. Сейчас, когда на первый план выходит проблема выживания, необходимость перехода к устойчивому развитию, цели и приоритет ценностей должны быть пересмотрены. Главной целью необходимо сделать сохранение высшей общечеловеческой ценности – Жизни на Земле. Она должна основываться на реализации единства духовных ценностей истины, добра и красоты, поиске механизма духовной регуляции практической жизни вообще и в освоении природы в частности. Это позволило бы объединить науку и ценностные формы общественного сознания в достижении целей устойчивого развития.

Идеи устойчивого развития, предполагающие экологически безопасную модель социально-экономического развития, содержат условия, которые в той или иной мере упираются в духовные нормы деятельности человека, мобилизуют его интеллектуальный и нравственный потенциал. Устойчивое развитие не должно ставить под угрозу природные системы, от которых зависит жизнь на планете. Соображения устойчивости требуют, чтобы задолго до достижения предельно допустимых запасов природных ресурсов наука обеспечила бы их оценку, а этические ценности способствовали бы уменьшению интенсивности их использования. Рост экономики должен обеспечить оптимальный уровень жизни каждого, не разрушая его духовность и не развивая чрезмерные претензии на потребление. Поскольку все страны находятся во взаимозависимом положении, необходимо признание всеми общих интересов и осуществление сотрудничества на основе гуманных принципов справедливости и равенства [1, с. 218].

Если устойчивость подразумевает обязательство вести себя так, чтобы сегодня будущие поколения не были лишены нашими действиями своей части природных и социальных благ, то устойчивость – это принципиально этическое понятие, обязанность. Соотношение духовности и устойчивости будет поэтому зависеть от наличия или отсутствия этики, духовной основы. Важно отметить, что нет никаких оснований сводить к будущим поколениям, которым мы обязаны, лишь человечество. Если мы сегодня должны животным, растениям, в общем самой природе, то, конечно, мы должны принять аналогичные обязательства перед будущими поколениями всех форм жизни. В этом случае, духовной основой этики может предстать наше отношение к природе, а не только наше отношение друг к другу.

Такой отход от принципа главенствования человека подразумевает, что, например, сохранение миллиона существующих видов животных и растений важнее появления на свет дополнительного миллиона людей. Но здесь может возникнуть проблема: если справедливость или несправедливость, полезность и разрушительность возможных действий определять, исходя из эгоцентрических принципов о необходимости сохранения целостности, стабильности и красоты природного сообщества, то может показаться допустимым принести в жертву ради блага сообщества не только представителей животного и растительного мира, но и самого человека.

Разница в подходах антропоцентристов и эко- или биоцентристов к проблеме исчезающих видов, как видим, носит фундаментальный характер. Согласно концепции устойчивого развития, основывающейся на этике антропоцентризма, мы обязаны охранять исчезающие виды не ради самих видов, а ради будущих поколений. Мы обязаны сохранять эти виды в силу их значимости для нас. Опасность такого подхода к проблеме исчезающих видов, согласно неантропоцентристам, состоит в том, что человек может посчитать некоторые виды бесполезными для людей. Мы можем ошибиться в расчетах и сделать вывод об отсутствии необходимости защищать определенные виды.

Бытие духовными определяет наше направление к каждому другому существу, Вселенной, и нам самим. Чем больше мы живем в духовности, тем больше мы становимся сознательными и более наша духовность развивается. Это связано с устойчивостью, потому что, в конечном счете, духовный подход становится устойчивым подходом. Как только человек начинает жить по-настоящему внимательно, с уважением, состраданием и этически, он определяет последовательность своих действий, их краткосрочные и долгосрочные последствия, устойчивость становится неизбежной; мы приходим к балансу и гармонии с нашим природным миром, в котором мы – лишь составная одна часть.

«Духовность есть такой модус сознания, в котором мы чувствуем свою связь с окружающей природной и социальной средой, со всем космосом. Отсюда следует, что экологическое осознание духовно в глубинной своей сути», – говорит В. В. Мантатов и Л. В. Мантатова [2].

Смысл духовности включает в себя такие понятия, как связь, открытость, единство, смирение, сострадание, смысл святости, справедливость, трансцендентность, отражение и, возможно, даже любовь, поиски истины; это личная ответственность и обязанность; воспитание, энергия и действие [3].

Устойчивость и духовность – оба призывы к действию, но очень разного рода действия. Искусство жить по законам природы, простая жизнь может иметь свою собственную духовность. Важными здесь являются вопросы: является ли устойчивость просто еще одним способом жизни духовным образом, есть ли это необходимый способ жить духовно, можем ли мы провозглашать себя последователями духовной традиции, если мы не живем устойчиво.

Майкл Пикард, в свою очередь, отвергает идею о том, что духовность необходима для устойчивого развития, или, что кто-то не является духовным, если он не живет устойчиво. «Мы видим здесь попытку навязать понятие устойчивого развития другим, вмешиваясь в духовную свободу совести других. Я лишь хочу сказать, что поиск понимания, с верой в эту необходимую связь духовности и устойчивости, может привести к неприятным последствиям. Устойчивость является политической целью. Поэтому она не может быть отмечена в сторону без социальных дискуссий и диалога, без мобилизации граждан и групп по интересам, без давления лиц, принимающих решения. Требования этих политических целей потенциально подрывает духовность, которая используется текущей властью. Я не хочу в это верить, я лишь доказываю это!» – заключает исследователь [3].

Духовность – это опыт глубокой взаимосвязанности со всеми вещами, общее осознание того, что каждый участвует во всем. Это буквально осознание самоотверженности. Из этого понимания приходит сострадание друг к другу. Для реализации нашего общего бытия нами должен двигаться общий интерес. Поэтому идея этой устойчивости включает в себя сотрудничество для общей цели. Существование общности является метафизической основой обязательств перед природой и всеми формами жизни, с которыми мы находимся в единении. Это обязательство всеобщего блага является основой этических ограничений природных существ, таких как мы, которые в состоянии идентифицировать себя с будущим и природой, и, следовательно, служить ей. Так, по мнению М. Пикарда, «этика является результатом фактической взаимосвязанности нас, что на практике ори-

ентирует нас на благо. Этика это результат духовности, тогда как сострадание является результатом мудрости» [3].

Литература и источники

1. Черкасова, Ж. П. Духовные нормы деятельности человека как условие устойчивого развития общества / Ж. П. Черкасова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 7 (21): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 217–219.
2. Мантатов, В. В., Мантатова Л. В. Устойчивое развитие: духовные основы и нравственные перспективы // Информационный портал – Байкал-Lake [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=1720>. – Дата доступа: 15.10.2015.
3. Spirituality and Sustainable Development: Who Cares? // Community Research Connections [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.crcresearch.org/files-crcresearch/File/Spirituality_and_SustDev_Jun_2002.pdf. – Date of access: 12.10.2015.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ СОЦИОПРИРОДНОЙ ПРАКТИКИ

Н. Е. Захарова

Для белорусской действительности в настоящий момент характерны поиски условий инновационного экологически сбалансированного развития, эффективного ресурсосбережения в производстве и потреблении. Взят курс на импортозамещение в товарной сфере. Но в сфере идей, в философии и социальной экологии мы по-прежнему пытаемся руководствоваться некими общими расплывчатыми понятиями экологической этики, экологической ответственности, уважения к жизни. Сейчас наша общественная мысль пытается определить логику социоприродного развития, не столько опираясь на собственную систему ценностей, сколько заимствуя западноевропейские формы права и морали, находясь в рамках западноевропейских гносеологических схем трактовки экологии, политики и экономики. А следовало бы адекватно воспринимать наши собственные культурно-генетические годы и природно-исторические условия, сформировавшие собственную систему ценностей, имманентно присущую белорусскому менталитету. Поэтому по-прежнему актуальны поиски ответа на вопрос: на какой системе ценностей будет формироваться экологическая идея как национальная? Какова сама ценностная система, ее структура, иерархия и приоритеты и какими должны быть адекватные ей социокультурные механизмы?

Важно не только выяснить, существуют ли в нашем обществе определяющие западноевропейскую систему взаимодействия общества с природой, свойственные ей инициативность и прагматизм, уважение к праву, к примеру, а какие они занимают места в иерархии ценностей. Если наша система ценностей не включает на первых местах такие черты как конкуренция, напор, агрессивность – то нельзя прогнозировать и развитие рынка, опираясь на них. Если подчинение и контроль не стоят в такой иерархии впереди, то апеллировать к экологическому праву как достаточной форме ответственности неверно. В таком случае должный уровень экологического мышления не будет достигнут, а собственная культурно-экологическая идентичность может быть утеряна. Дело не в том, что для белорусов не существует понятия ответственности и прагматизма, а в том, какое место эти понятия занимают в белорусской системе ценностей и в этом смысле являются понятиями экоэтическими и гуманными. Развитие человеческих культурных качеств невозможно на чуждой системе ценностей. Социальные и социоприродные стратегии общества должны лежать в плоскости адаптации чужих идей и ценностей национальным ценностям, а не наоборот, только в этом случае страна способна адекватно реагировать на вызовы времени. В русле этих поисков лежит и определение культурно-цивилизационной идентичности социально-экологических стратегий белорусского общества и государства.

В рамках цивилизационного подхода также идет поиск научных моделей, адекватных новому состоянию мира, возникшему в результате модернизационных и глобализационных вызовов. Проблема глобализации с позиций цивилизационного подхода связана с тем, что впервые в истории внешняя экспансия одной из цивилизаций – западной – стала всемирной, т. е. локальные цивили-

лизационные пространства оказались включенными в единую сеть. С учетом эволюции этого понятия можно сказать, что цивилизации – это большие, длительно существующие самодостаточные сообщества стран и народов, выделенных по социокультурному основанию, своеобразие которых обусловлено в конечном счете естественными, объективными условиями жизни, в том числе способом производства. [1, с. 190].

И. Валлерстайн замечает, что культура «предполагает, что не всякое «развитие» благо, а только то, которое как-то поддерживает, возможно, даже насильственно возобновляет определенные местные культурные ценности, которые мы считаем позитивными и чье сохранение является большим плюсом не только для местного населения, но и для мира в целом» [2, с. 98]. Если западные общества модернизируются, то они не должны отказываться при этом от своих культур и перенимать целиком западные ценности, институты и практику. Модернизация, напротив, должна укреплять национальные культуры, которые становятся более современными и менее западными.

Говоря о базовых ценностях общерусской цивилизации, имеются в виду не столько ценности, присущие типичному русскому человеку, сколько, скорее, общую систему ценностей, которая, подобно одной общей культуре или общему языку, создавалась народом на протяжении столетий и пронизывает все сферы его жизни: национальная терпимость, основанная на византийские принципах полиэтничности славянской цивилизации, веротерпимость и толерантность, духовность, совесть, сострадание. Базовыми ценностями, выражающими фундаментальные ориентиры и нормы поведения, принятые в обществах русской цивилизации, можно считать: патриотизм, любовь и одухотворение природы, семью, соборность, забота об общем, забота о ближних и слабых, взаимопомощь, справедливость [3, с. 467]. Содержание базовых ценностей русской цивилизации меняется под влиянием множества факторов. Еще Э. Дюркгейм, отвечая на вопрос о механизме выработки ценностей, пришел к выводу о том, что ими являются идеалы человека [4].

Обращаясь к истокам архетипов экологического сознания, доминирующих на пространстве восточнославянской, общерусской цивилизационной целостности, мы видим, что речь идет о целостной и исторически инвариантной системе экологических ценностей и представлений. Принятие в эпоху правления князя Владимира православного канона и утверждаемых в нем норм морали было органичным для восточных славян, поскольку они привыкли к постоянному противопоставлению добра и зла, сопровождающему их жизнь в повседневной земледельческой практике и военных противостояниях с враждебными набегами. Тем самым естественным образом ассимилировалось представление о фундаментальных мировоззренческих константах, которые способствовали впоследствии формированию идеи о неразрывном единстве человека и природы, в которую он изначально погружен. Эта идея синтетического мировосприятия, специфически преломленная в принципе соборности, оказалась весьма созвучной исконным языческим представлениям восточнославянских племен. Выбор православного вероучения в этом измерении оказывается неслучайным, ибо совместимость его фундаментальных ценностей и архетипов славянского сознания предстала удивительно естественной и органичной.

Времена года и месяцы получили свои названия от характерных признаков: белорусские «снежань», «студзень», «пюты», «сакавик», «красавик», «верасень», «листапад»; украинские «сичень», «березень», «квітень», «травень». Выдающийся русский философ Н. О. Лосский отмечал такую черту русского характера, как доброта к окружающему миру природы. «У русских и у всех славян высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще. Это выражается в обилии уменьшительных, увеличительных, уничижительных имен». Для романских и германских языков не характерны такие обращения как «реченька», «полюшко», «водица», «землица», «зимушка» и т. д. [5, с. 19].

Российские философы (И. К. Лисеев, М. Б. Конашев, Э. В. Гирусов, Б. Г. Юдин) полагают, что эволюция человека и его человечности по отношению к себе подобным и к природе бесконечна, как бесконечна эволюция этого мира. Возможно, ее результатом будет появление совершенно нового явления, даже отдельные черты которого в настоящее время предугадать совершенно невозможно, ибо оно будет таким же «преодолением», «снятием» человечности, каким ранее в ходе эволюции оказалось «снятие» дочеловечности человека и создаваемого им мира. [6, с. 322]. В свою очередь это явление преобразует и цивилизационные формы и присущие им культурно-экологические ценности, но и на этой новой эволюционной стадии сохранится связь этой преобразованной эволюционной культуры с ее культурно-историческими истоками.

Эти же онтологические основания должны лежать и в исследовании тесно связанных между

собой категорий прав, свобод и экологической безопасности человека. В социоприродной системе человек находится в совершенно иной ситуации, чем когда речь идет о правах и свободах человека: здесь у него совсем другие права, свободы, обязанности и проблемы с безопасностью.

Эта зависимость предопределена тем, что человек сам является природным созданием, неотъемлемой частью биосферы. Как таковой, он от рождения имеет естественно обусловленное право на жизнь и на обеспечение ее средствами существования: на чистый воздух, на чистую воду в достаточном объеме, на здоровую пищу, на нормальные экологические и климатические условия жизнедеятельности. Лишенный хотя бы одного из этих условий, человек становится несвободным субъектом, его естественные права так или иначе, в той или иной мере ущемляются, и он не может чувствовать себя в полной безопасности. В то же время он не может по своему желанию вечно жить, не в состоянии превратить земную жизнь в рай, не может свободно летать как птица, вольготно жить без воздуха, пищи и воды сверх ограниченного времени, полностью избавиться от болезней или иметь тот рост, цвет кожи и глаз, какие ему нравятся.

По существу, коридор возможностей, в том числе и социальных, в природных рамках чрезвычайно узок. Жесткие правила природы напоминают режим заключенного. Каждый индивидуум свободен только в установленных природой пределах и лишь настолько, насколько она позволит ему быть свободным: человек в любой момент может заболеть, вынужден постоянно заботиться о наличии свежего воздуха для дыхания, о наличии чистой воды и пищи для поддержания жизнедеятельности. С другой стороны, природа настолько прекрасна и гармонична, в ней столько чудесных явлений, что поневоле возникает мысль: не в раю ли мы живем?

Права и свободы человека в социоприродной системе также должны быть строго регламентированы, и механизмы этой регламентации должны быть обусловлены культурно-историческими и цивилизационными онтологическими основаниями.

Одним из главных источников права у славян всегда был обычай, или устойчивые правила поведения, которые сформировались формируются уже на этапе догосударственного развития, в условиях родоплеменных отношений [7]. Когда часть обычаев превращается в норму поведения и общины или их старейшины начинают принуждать к исполнению этих норм своих нерадивых или выбывающихся каким-либо другим образом из общинной жизни сочленов, можно говорить о появлении обычного права [8, с. 15]. На Руси долго считали, что поступать по старине, значит поступать по праву. «Что старее, то правее», – говорит пословица.

Однако в середине XI в., через полвека после принятия христианства митрополит Иларион пишет свою знаменитую проповедь «Слово о законе и благодати». Оно нацелено против закона именно в защиту благодати. Его «Слово» переплетается с законами Моисея, как они сформулированы в Библии, но на самом деле Иларион толкует понятие закона намного шире, и оно предстает олицетворением всего, что включает в себе внешние предписания. С рождением Иисуса Христа, утверждал Иларион, время законов прошло и наступило время благодати, ниспосылаемой человеку свыше. Закон – это что-то внешнее и гнетущее. В этом первом памятнике русской правовой (а точнее, не правовой а этической) мысли вполне ясно выразилось и пренебрежение к закону как таковому, и нетерпеливое желание в одночасье провозгласить и достигнуть божественной благодати, пренебрегая законом как необходимой стадией благодати.

И далее мы видим, что в осуществлении пролетарской революции право и закон – всего лишь атрибуты пройденного этапа развития человечества, от которых чем скорее отказаться, тем лучше (писал В. И. Ленин в работе «Государство и революция»). В последних своих статьях Ленин писал о необходимости перемены «всей точки зрения нашей на социализм», но рассчитывал не на правовой механизм, а на людей, «за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести...» [9, с. 376].

Если существуют явно сходные по сути высказывания, сделанные совершенно разными по своему происхождению, образованию и убеждениям людьми, жившими в различных социально-экономических формациях, разделенных тысячами лет, то, стало быть, есть в этих людях нечто общее. Определяется оно, прежде всего, национально-цивилизационными особенностями характера. Именно национальный характер формирует экономическую структуру общества, его идеи и идеалы, выживая из всего многообразия форм те, которые его устраивают. Не экономика и политика создают его, а он создает экономический уклад и политическое устройство. Национальный характер проявляется как в поведении большинства представителей данной нации, так и в их мышлении. Причем в мышлении сходство обнаруживается не в поверхностном слое, а в глубинных структурах

духа.

Говоря о русской душе, Н. О. Лосский замечал, что «не дорожа средней областью культуры» [5, с. 55], русское общество склонно видеть крайности во всем – и в разрушении, и в созидании. Национальный характер Н. О. Лосский называет невыработанным, незавершенным, потому приверженным не середине, как скажем в китайской системе ценностей, а крайностям – в добре и зле, в разрушении и созидании.

Это следует учитывать, разрабатывая национальные стратегии устойчивого социоэкологического развития для обществ общерусской культуры. Видимо, не столько апелляция к праву и уважение к закону в виде ограничений, регламентов и штрафов будет решающей в формировании принципов ненарушающего социоприродного развития, а обращение к системе духовно-нравственных ценностей, категориям добра и зла – к морали в обществе.

Литература и источники

1. Философия истории: учеб. пособие / Под ред. проф. А. С. Панарина. – М., 1999.
2. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Иммануэль Валлерстайн. – М., 2003.
3. Русская Православная Церковь и современное российское общество: XX Рождественские православно-философские чтения. – Н. Новгород, 2011.
4. Дюркгейм, Э. Социология / Эмиль Дюркгейм. – М., 1995.
5. Лосский, Н. О. Характер Русского народа / Н. О. Лосский. – Париж, 1957.
6. Конашев, М. Б. Эволюционная теории и эволюционная культура / М. Б. Конашев // Идея эволюции в биологии и культуре. – М., 2011. – С. 321–330.
7. Юшков, С. В. Русская правда / С. В. Юшков. – М., 1950; 2-е изд. – М.: 2009.
8. Белковец, Л. П., Белковец В. В. История государства и права России. Курс лекций / Л. П. Белковец, В. В. Белковец. – Новосибирск, 2000.
9. Ленин, В. И. Полн. собр.соч. / В. И. Ленин. – Т.45.

ФИЛОСОФИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ

А. С. Червинский

Техногенные изменения природной среды обитания приводят к появлению принципиально нового уровня взаимодействия человека и природы, характеризующегося структурно-функциональной взаимоопределенностью природных и социальных факторов, и к возникновению искусственных экологических систем, в которых детерминация протекания природных процессов носит выраженный антропогенный характер. Все это требует нового подхода к формированию понятийного аппарата социальной экологии как научной дисциплины.

Эффективным вариантом решения проблемы является реализация методологического потенциала философии в контексте адаптации понятийной структуры социальной экологии к нормам, традициям и регламентационным критериям философии. Как прикладная научная дисциплина, экологии не имеет пока достаточного понятийного базиса для адекватного описания сложных процессов реализации социоприродных противоречий, и традиционным недостатком таких исследований является оперирование условным, не имеющим должного концептуального завершения, понятийным рядом. Это обстоятельство обуславливает необходимость разработки понятийного аппарата, способного описать динамику антропогенной экспансии в биосферные системные образования. Такой подход позволит обогатить понятийную структуру социальной экологии путем конкретизации терминов «антропогенное влияние», «антропогенное воздействие», «антропогенное преобразование», а в практическом отношении значительно расширит перспективы оценочной нормативности ее основных понятий.

В экологических исследованиях понятия «антропогенное влияние» и «антропогенное воздействие» часто смешиваются. Отсутствие единства мнений среди исследователей относительно того, какой смысл следует вкладывать в эти понятия, призванные отразить сущностные характери-

стики процесса взаимодействия человека и природы, осложняет решение конкретных теоретических и практических задач по дальнейшей рационализации природопользования. Это обстоятельство актуализирует выявление общего и специфического как в понятиях, так и в отражаемых процессах.

Отождествлять понятия «антропогенное воздействие» и «антропогенное влияние» неправомерно, так как они отражают разные уровни причинно-следственных связей между социальной деятельностью и возникновением энтропийных процессов в природной среде. Антропогенное воздействие предполагает практическую активность человека, осуществление деятельных актов по отношению к природной среде и выступает, таким образом, как процесс порождения факторов-причин. Антропогенное влияние, основываясь на практическом деятельном воздействии на природу, одновременно включает его последствия. В случае, когда порожденный социальной деятельностью фактор выступает как условие, антропогенная детерминация природных изменений носит косвенный, опосредованный характер и может быть выражена понятием «антропогенное влияние».

Качественный переход к «новому» предполагает формирование иной системы связей объекта с реальным миром, не имевшей аналога на предыдущих стадиях развития. Исходя из этого, историческая смена биомов в процессе сукцессии (как первичной, так и вторичной) не может быть определена как процесс качественных изменений биосферы, так как появляющиеся природные комплексы не являются принципиально новыми в биосфере. Качественными в полном смысле слова можно считать только те изменения, в результате которых происходит появление принципиально новых состояний природной среды, никогда ранее не имевшихся в биосфере.

Концептуальное оперирование философской категорией «взаимодействие» в социальной экологии имплицитно предполагает деятельный характер субъектно-объектных отношений, и специфика термина «социоприродное взаимодействие» не выводит понятийную ситуацию за рамки этого требования. На уровне системы «человек-природа» взаимодействие может реализоваться только деятельным образом, и понятие «социоприродное взаимодействие» призвано отражать процесс функционального взаимодействия двух активных сторон.

Методологическое исследование содержания понятия «качество окружающей среды» имеет практическую значимость в контексте методологического обеспечения процессов оптимизации социоприродных взаимодействий и, в первую очередь, той ее части, которая относится к проблеме формирования развитого понятийного аппарата и приобретения социальной экологией дисциплинарного характера. Концепт «качество среды» не может быть фиксированным в той же мере, как не могут быть статичными связи человека с окружающей его природной средой, поскольку понятие, отражающее функциональные социоприродные связи, в каждом конкретном случае наполняется определенным специфическим содержанием. Оптимальное, позитивное в одном отношении практически всегда ущербно, вредно в другом, а множественность связей в социоприродном взаимодействии выступает лишь аспектом многокачественности материальных объектов. Имея это обстоятельство в виду, можно сделать вывод о внутренне противоречивом характере самого термина «качество окружающей среды». При этом задаче устранения отмеченной особенности в естественнонаучной интерпретации термина служит его конкретизация через близкие по содержанию понятия «оптимальность», «полезность» и т. д.

Изложенный подход опирается на мощные традиции философского анализа понятийных структур, содержащие в концентрированном виде аккумулированный опыт, достигнутый наукой на протяжении исторически длительного периода, и в этом плане выступает в роли средства, обеспечивающего эффективность естественнонаучного исследования.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

А. Г. Злотников

Воздействие интеллектуального капитала на социально-экономические процессы и многогранно, и неоднозначно. Рассмотрим его взаимосвязь с основными демографическими сферами: рождаемостью, брачностью, продолжительностью жизни и миграцией.

1. Еще А. Маршалл, считая образование как основу интеллектуального капитала, своеоб-

разной национальной инвестицией и долгом родителей, сокрушался, что «некоторая часть наиболее способных и наиболее развитых представителей рабочего класса стала обнаруживать признаки нежелания иметь большие семьи, а это уже представляет собой источник опасности» [1, с. 278]. Более подробно его концепция в отношении связи интеллектуального капитала и демографических процессов нами рассмотрена в монографии «Демографические идеи и концепции» [2, с. 125–131].

Анализ влияния уровня образования на тенденции рождаемости в Беларуси выявляет его негативную роль. Более образованный регион страны – столица – имеет один из самых низких уровней рождаемости. Так, для столицы, где сосредоточена система высшего образования Республики Беларусь, характерна устойчивая тенденция перекачки населения областей в г. Минск. В этой связи столица имеет в населении самый высокий удельный вес женщин активного демографического возраста (около 27%). Однако среди регионов Беларуси она имеет самый низкий уровень рождаемости (12%), что не способствует росту рождаемости в целом по стране (См.: табл. 1).

Таблица 1. Соотношение уровня рождаемости и удельных весов населения активного репродуктивного возраста областей и г. Минска в 2013–2014 г. [3, с. 53–72, 142–149]

Регионы	Коэффициент рождаемости, %		Уд. вес населения активного репродуктивного (20–34 года) в населении региона, %		Уд. вес женщин активного репродуктивного возраста (20–34 года) в женском населении региона, %	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014
Беларусь	12,5	12,5	23,0	16,0	21,1	20,8
в т. ч.:						
Брестская	13,2	13,4	21,2	20,9	19,4	19,1
Витебская	11,1	11,4	21,8	21,6	19,8	19,6
Гомельская	12,8	12,8	22,9	21,9	20,5	20,0
Гродненская	12,8	12,6	21,2	21,0	19,4	19,1
Минская	13,3	13,2	21,2	20,9	18,8	18,5
Могилевская	12,2	12,4	22,0	21,6	19,7	19,3
г. Минск	12,0	12,1	28,5	28,1	26,9	26,6

Уровень рождаемости, а также репродуктивные установки высоко образованных женщин характеризуются меньшим количеством детей. Среди них в большей степени распространено и желание не иметь вообще детей, «аргументируя» нежеланием превращать женщину в детородную машину. Также среди образованного населения распространена забота дать своим детям более высокое качество жизни (прежде всего, состояние здоровья и уровень образования). Эта тенденция отражена демографической концепцией нобелевского лауреата 1992 г. по экономике Г.С. Беккера, объясняющего этими факторами сокращение уровня рождаемости в индустриально развитых странах [4].

2. Массовое распространение высшего образования ведет и к более позднему началу сроков реализации демовоспроизводительной функции. Если в 1990 г. средний возраст женщин, вступивших в первый брак, составлял 22,5 года, а средний возраст матери при рождении первого ребенка – 22,9 года, то ныне эти показатели стали соответственно 25,3 и 25,7 лет [3, с. 223, 275]. Превращение знаний в особого рода социальный капитал увеличивает срок обучения, что и вовлекло в процесс получения высшего и среднего специального образования большую численность женщин, чем мужчин. При анализе социокультурных факторов функционирования современного института брака и семьи важным является изменение положения женщины в обществе, выразившееся прежде всего в их вовлечении в общественное производство, прежде всего в отрасли экономики, где требуется высшее или среднее специальное образование. Так, преобладающая часть женщин занята в отраслях сферы обслуживания (непроизводительной сферы): в здравоохранении и предоставлении социальных услуг – 85,3%, образовании – 82,3%, общественном питании – 76,4%, финансовой деятельности – 74,9%, торговле – 70,8%, государственном управлении – 56,3%, операциях с недвижимостью – 53,9%. Эта тенденция одновременно сопровождается ростом уровня образования женщин (а в современных условиях даже опережающими темпами, чем у мужчин). Так, в экономике Беларуси удельный вес мужчин, имеющих высшее образование, в 2012 г. составил 23,0% (20,1% –

в 2005 г.), а женщин – 31,1% (25,3% – в 2005 г.); удельный вес мужчин, имеющих среднее специальное образование – 17,4%, а женщин – 26,8% [5, с. 99, 130].

Доля женщин среди студентов вузов и колледжей Беларуси колеблется в пределах 60–65%, мужчин – соответственно 35–40%. В результате экономическая функция трудового потенциала женщин приходит в противоречие с ее демовоспроизводственной функцией, что отразилось на снижении уровня рождаемости. Эта гендерная образовательная диспропорция означает, что каждая вторая представительница женского пола имеет более высокий образовательный статус, и в связи с этим испытывает трудности в возможности «заполучить» в супруги партнера с соответствующим образовательным статусом. А это различный не только образовательный, но и вообще социальный статус, что сказывается на функционировании института семьи и брака. В результате в половине-трети семей объективно существуют проблемы совместимости ценностных ориентаций, жизненных интересов и жизненного поведения, что не только грозит, но и является причиной многих разводов. В результате это, во-первых, накладывает существенный отпечаток на отношения супругов с различным социальным статусом, в том числе и по количеству детей. И, во-вторых, не способствует созданию семьи у значительной части женщин, не «нашедших» мужчину с таким же, как у них, социальным статусом. Это влияет на распространенность внебрачных союзов, рост численности детей, рождающихся вне брака, и в результате – на распространение малодетности.

3. В демографическом плане самый главный положительный социальный эффект образования характеризуется ростом продолжительности жизни более образованных людей по сравнению с менее образованными. Так, материалы национальной переписи населения 2009 года выявляют, что соотношение коэффициентов высшего образования и продолжительности жизни женского и мужского населения в целом по Беларуси составляет 1,13:1,18 [3, с. 178; 6, с. 8], среди городского населения – 1,13:1,16 [3, с. 178] [6, с. 25], а среди сельского населения это соотношение составило 1,12:1,23 [3, с. 178] [6, с. 39]. Это означает, что более высокий уровень образования населения способствует более высокой продолжительности жизни.

4. И наконец – миграция и образование. Хотя текущий статистический учет миграции говорит о положительном сальдо миграции для Беларуси, но национальные переписи 1999 и 2009 гг. свидетельствуют о росте убыли населения страны за счет миграции. Кроме общих потерь населения за счет миграции в миграционном обмене существует ряд проблем, негативно сказывающихся на демографическом развитии Беларуси. Таким явлением стало нарушение в возрастной структуре миграционного движения населения Беларуси половозрастной эластичности: Беларусь преимущественно покидает молодое население. Причем, среди женского населения Беларусь в возрастной группе 25–29 лет, т. е. в возрасте потенциальных невест и матерей, отрицательное сальдо миграции выше, чем среди мужского населения данной возрастной группы.

Росту миграции молодежи способствуют и ограничительные меры в белорусской системе образования 2012–2014 гг., приведшие к некоторому сужению образовательного рынка в стране. Особенно негативно это сказалось на мужской части абитуриентов, усугубив гендерную образовательную диспропорцию.

Таким образом, процессы, происходящие в образовательном социальном институте, свидетельствуют, что демографическая политика становится центром пересечения интересов личности и общества, глобальных и повседневно-бытовых процессов, национальных забот и интересов других государств, экономики и семьи, социальной и биологической природы человека, истории и современности, сегодняшних проблем и перспектив развития, менталитета, финансовых трудностей, отношений мужчин и женщин, возможностей государства решить демографические проблемы и подходов в этом решении.

Сложившиеся депопуляционные процессы требуют системного подхода в осуществлении демографической политики. Важнейшими стратегическими задачами должно быть решение проблем качественного развития демографического потенциала: повышение уровня образования, сохранение здоровья, развитие передовых технологий в системе занятости населения, обеспечение достойной оплаты труда как социально-экономического фактора реализации расширенного демовоспроизводства, обеспечение длительной активной трудовой деятельности. Они являются основой увеличения продолжительности жизни и повышения качества демографического потенциала.

Литература и источники

1. Маршалл, А. Принципы политической экономии: в 3-х т. / А. Маршалл. – М., 1983. – Т.1.

2. Злотников, А. Г. Демографические идеи и концепции / А. Г. Злотников. – Минск, 2014. – (Серия «Гуманитарные науки»).
3. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник. 2015. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015.
4. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные произведения по экономической теории / Г. С. Беккер. – М., 2003.
5. Труд и занятость в Республике Беларусь. 2009–2013. Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2014.
6. Перепись населения. 2009. Образовательный уровень населения Республики Беларусь. Том IV. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Д. Г. Доброродный

Глобальная нестабильность современного мира во многом обусловлена многочисленными противоречиями, существующими в системе отношений «человек – общество – природа». Экологические катастрофы, экономические и политические кризисы, проблемы международной безопасности и социальных отношений выявляют критические рубежи социально-экономической модернизации отдельных стран, регионов и мира в целом [2] [3]. Проект социально-экономической модернизации, реализовывавшийся в странах Южной и Юго-Восточной Азии, спровоцировал бурный демографический рост и обострение экологических проблем в регионе. Это заставило многих исследователей усомниться в положительных перспективах самой модели «вторичной» или «догоняющей» модернизации. Однако, общества Южной и Юго-Восточной Азии прошли неодинаковый путь развития, демографическая динамика и экологическая ситуация в них также отличается. Поэтому для обоснования тезиса о тесной взаимосвязи ускоренного социально-экономического развития с демографической динамикой и социально-экологической нестабильностью переходных обществ целесообразно рассмотреть примеры конкретных стран, например, Индии, Бангладеш, Малайзии и Сингапура. В Бангладеш наблюдается наиболее тяжелая и мало предсказуемая ситуация с негативным сочетанием региональных и глобальных факторов. Индустриализация охватила только часть территории страны и населения (текстильная промышленность в крупных городах) и не смогла обеспечить материальными условиями быстро растущее население. В основной массе население страны бедное, безграмотное, занятое в сельском хозяйстве (примитивном натуральном производстве), вынужденное истощать земли, вырубать леса и загрязнять воду. В результате, демографический рост подавляет экономику страны и разрушает природную среду. К этому добавляется высокая подверженность стихийным бедствиям (наводнения, засухи), в том числе, спровоцированными внешними по отношению к Бангладеш антропогенными факторами (экология Индии, глобальное изменение климата и повышение уровня мирового океана) [5].

Индия в настоящий момент демонстрирует высокие темпы роста экономики, она успешно осуществила индустриализацию и развивает все основные сферы производства от тяжелой добывающей и перерабатывающей промышленности до атомной энергетики, космонавтики и современных информационных технологий. Это развитие было обеспечено за счет внутренних (эксплуатации природных ресурсов и дешевой рабочей силы) и внешних источников (инвестиции развитых стран). При этом большая часть населения по-прежнему занята в сельском хозяйстве, проживает в деревне и ведет традиционный образ жизни. Главная проблема Индии заключается в том, что быстрый рост экономики, не обеспеченный высокоэффективными и экологически чистыми технологиями, в совокупности с демографическим ростом требует колоссальных ресурсов, потребление которых разрушает экосистему страны, а нормы экологической безопасности не обеспечиваются из-за недостаточного финансирования, отсутствия политической воли и эффективного правоприменения. Страна не может отказаться от модели экономического роста, так как стремится повысить уровень жизни населения, четверть которого живет в нищете. Этот экономический рост не может «догнать» рост демографический, но намного превышает возможности экосистемы к самовосстановлению,

что ведет страну к непредсказуемым последствиям. Пример Индии показателен в том, что развитие страны по пути «догоняющей» модернизации может привести к повышению региональной нестабильности, которая, учитывая масштабы государства, «стимулирует» нестабильность глобальную [1, с. 7–8]. Малайзия, как и Индия, провела достаточно успешную индустриализацию, но при этом испытывает нехватку трудовых ресурсов, поэтому стимулирует демографический рост. Однако, несмотря на отсутствие демографического давления, интенсивная урбанизация и модернизация сопровождается разрушением естественных экосистем (вырубка лесов, загрязнение внутренних и прибрежных вод, воздуха), что повышает социально-экологическую нестабильность в регионе [5]. Наконец, город-государство Сингапур представляет собой современное постиндустриальное общество с высокотехнологичным производством и жесткими стандартами экологической безопасности. Сингапур практически полностью контролирует демографическую ситуацию, развивает самые современные «зеленые» и биотехнологии производства, достиг больших успехов в переработке отходов. Однако Сингапур – это совсем небольшой участок территории, благополучие которого достигнуто, в том числе за счет эксплуатации других стран и их ресурсов, он не определяет экологическую ситуацию на региональном и тем более глобальном уровне [9]. Анализ развития названных стран позволяет выделить основные экологические риски ускоренной социально-экономической модернизации. К ним относятся: – научно-техническая отсталость, использование старого оборудования и технологий приводят к большому количеству выбросов в атмосферу и гидросферу; – высокая материалоемкость и энергоемкость производства, потребляющего значительное количество ресурсов и оставляющего массу отходов; – несовершенные сельскохозяйственные методы (в том числе применение дешевых, но экологически небезопасных химикатов для борьбы с вредителями растений или для повышения урожайности), ведущие к быстрому истощению почв, опустыниванию, эрозии, а как следствие, сокращению естественных ландшафтов; – напряженная демографическая ситуация, связанная с высокой рождаемостью, способствует быстрому истощению природных ресурсов; – недофинансирование экологических программ; – неэффективность экологического законодательства; – низкий уровень образования и благосостояния населения препятствует осознанию значимости экологических проблем и их решению. Можно согласиться с утверждением: «развивающиеся страны, встав на путь индустриализации, по большей мере переняли от развитых не имеющиеся у них экологические стратегии, а совершенные ими просчеты. На фоне экономической отсталости и роста населения последствия от подобных ошибок более серьезны. На современном этапе экологическая политика развивающихся стран не в состоянии контролировать нарастание экологических рисков форсированной индустриализации» [6, с. 117]. Подводя итог, можно сделать вывод о принципиальной недостаточности модели «вторичной» модернизации для обеспечения гармоничного существования системы «человек – общество – природа». Следует еще раз признать значимость концепции устойчивого развития в качестве «идеологической основы» социально-экономического развития современных развитых и развивающихся стран. Концепция устойчивого развития учитывает не только социально-экономические интересы, но и необходимость сохранения окружающей среды и природно-ресурсного потенциала планеты. Социально-экономическое и экологическое благополучие общества при устойчивом развитии должно быть основано не столько на увеличении объема ресурсных циклов, сколько на росте инноваций в области информационных технологий, совершенствовании личностных качеств человека, реализации его творческих возможностей [4]. В условиях глобальной социально-экологической нестабильности актуализируется необходимость совершенствования механизмов управления глобальными процессами со стороны международных структур и организаций, повышается значимость научного и философского знания, предлагающего комплексное видение сложившейся ситуации, обоснованное прогнозирование ее развития и конструктивные пути выхода из кризиса. Глобальная ситуация, сложившаяся в начале третьего тысячелетия, требует от человечества особой ответственности и беспрецедентных практических действий, как в сфере социоприродного взаимодействия, так и в отношениях между представителями различных культур с целью устойчивого развития цивилизации в будущем

Литература и источники

1. Аннаев, А. Экология: подводные камни экономического развития Индии / А. Аннаев // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 4. – С. 54–55.

2. Доброродный, Д. Г. Демографическая динамика как фактор обострения социально-экологической нестабильности: глобальный и локальный аспекты / Д. Г. Доброродный, О. Г. Шаврова // *Философия и социальные науки*. – 2014. – № 2. – С. 12–16.
3. Доброродный, Д. Г. Проблема взаимосвязи антропологических и экологических рисков / Д. Г. Доброродный // *Философия и ценности современной культуры: материалы Международной научной конференции*, Минск, 10–11 окт., 2013 / Белорус. Госуд. Ун-т. – Минск, 2013. – С. 302–306.
4. Зеленков, А. И. Устойчивое развитие и социально-экологические параметры качества жизни / А. И. Зеленков, В. В. Анохина, Н. А. Антонович, А. Н. Витченко, Д. Г. Доброродный, В. Е. Лизгаро, Е. В. Хомич. – Минск, 2011. – Деп. В ГУ «БелИСА» 31.05.2011 г., № Д201113.
5. Иванова, И. С. Социально-экономическая география зарубежной Азии. Юго-Восточная Азия / И. С. Иванова. – М., 2005.
6. Рогожина, Н. Г. Ресурсно-экологический аспект миросистемного развития / Н. Г. Рогожина // *Международные процессы*. – 2004. – Т. 2. – № 2. – С. 116–123.
7. Руденко, Е. И. Индия: модернизация и устойчивое развитие / Е. И. Руденко // *НИТ. Электронный информационный журнал [Электронный ресурс]*. – 2011. – № 1. – Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_9/3022-rudenko.html. – Дата доступа: 12.08.2013.
8. Anderson, D. Modeling the Environment: the Production and Use of Energy / D. Anderson // *Twenty-First Century India: Population, Economy, Human Development and the Environment*. – New Delhi, 2004. – P. 254–291.
9. Central Intelligence Agency. The World Factbook [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html>. – Дата доступа: 08.08.2015.

COMPLEXITATEA CERCETARILOR SOCIOECONOMICE SI POLITICE – STUDIU DE CAZ: ROLUL ENERGIEI REGENERABILE IN POLITICA ENERGETICA EUROPEANA

Marina Badileanu, Cristian Sima

Restructurarea capacităților de producție din industria energetică și deciziile privind retragerea din funcțiune a unor capacități cu durată de viață depășită, cu eficiență redusă și construirea de noi unități energetice trebuie să țină seama de dinamica structurii și cerințelor economiei.

În prezent, deciziile investiționale de pe piața energiei se iau avându-se în vedere formarea Pieței Unice și cu respectarea cerințelor privind protecția mediului definite prin politica energetică a Uniunii Europene. Capacitățile de generare a electricității trebuie să se încadreze în prevederile Directivei 2010/75/UE privind emisiile industriale. *Perspectiva energetică 2050 și Foaia de parcurs pentru trecerea la o economie competitivă cu emisii scăzute de CO₂ până în 2050* a fost elaborată având la bază o serie de scenarii care prevăd că emisiile de gaze cu efect de seră (GES) generate de Uniunea Europeană ar trebui reduse cu 40% față de nivelurile din 1990 pentru a îndeplini obiectivul stabilit la nivel internațional de a limita încălzirea globală la două grade Celsius. În acest context se impune creșterea ponderii energiei din surse regenerabile.

Obiectivele noii politici energetice a Uniunii Europene se referă, de asemenea, la îmbunătățirea randamentului energetic al tehnologiilor existente prin re tehnologizare/ modernizare, dezvoltarea de tehnologii noi, îndeosebi tehnologii menite să conducă la creșterea eficienței energetice și utilizarea surselor regenerabile, folosirea de tehnologii energetice cu emisii reduse de GES.

Politica Uniunii Europene are ca obiectiv dezvoltarea unei economii caracterizate de un consum redus de energie, mai sigură, mai competitivă și durabilă și urmărește garantarea unei funcționări competitive a pieței interne de energie, a securității aprovizionării strategice, a reducerii emisiilor de GES, respectiv: – reducerea cu 20% a emisiilor de GES față de nivelul anului 1990; -o pondere de 20% a energiei din surse regenerabile din energia consumată;-economisirea a 20% din energia consumată în anul 1990.

În anul 2001, Directiva europeană privind electricitatea din surse regenerabile (2001/77/CE) pune bazele dezvoltării rapide a instalațiilor de producere a energiei electrice din surse eoliene. La sfârșitul anului 2000, Europa dispunea de o capacitate instalată de 13 GW, în marea sa majoritate formată din turbine eoliene cu puteri cuprinse între 1–2 MW; cele de 4–5 MW erau în fază demonstrativă evidențind potențialul inovativ din domeniu.

Deși se prevedeau reduceri considerabile ale costurilor, pentru atingerea obiectivelor stabilite, sectorul energiei eoliene avea nevoie urgentă de o creștere a ratei inovării, de un accelerator al acesteia, de un

catalizator care să stabilească direcțiile viitoare ale C&D și să asigure transferul rapid al noilor tehnologii pe piață. Toate acestea au fost puse în practică printr-o inițiativă a companiilor din industria eoliană, sprijinită de Comisia Europeană, și intitulată Rețeaua Tematică a Energiei Eoliene (Wind Energy Thematic Network – WEN).

În urma unui proces extensiv de consultare, prin proiectul WEN au fost identificate domeniile prioritare de inovare și formulate recomandări de abordare a problemei scăderii resurselor de finanțare a cercetării în domeniu. Pentru prima dată, în contextul strategiei de la Lisabona, inovarea din domeniul energiei eoliene a fost prezentată și recunoscută ca posibil factor motor al competitivității europene. În 2005, partenerii WEN au publicat o strategie a inovării – prima Agendă Strategică de Cercetare pentru sectorul energiei eoliene. Acest document a fost folosit ca bază pentru crearea Platformei Tehnologice Europene pentru Energie Eoliană. Bugetul alocat pentru C&D va se ridica la 6 miliarde euro până în anul 2020.

Creată mai recent, Alianța Europeană pentru Cercetare în Energie (European Energy Research Alliance - EERA) continuă demersurile precedente punând un și mai mare accent pe cercetarea pe termen lung. Principalii catalizatori ai C&D din domeniu sunt în prezent Academia Europeană a Energiei Eoliene (European Academy of Wind Energy – EAWE) și Asociația Europeană pentru Energie Eoliană (European Wind Energy Association – EWEA), unul dintre principalele obiective fiind stabilirea unui nivel de 3% din PIB pentru cheltuielile de C&D la nivelul Uniunii Europene.

Pentru următorii 10 ani, obiectivele principale ale strategiei de C&D din domeniul energiei eoliene prevăd ca tehnologia *onshore* să devină cea mai competitivă sursă de energie până în anul 2020, iar cea *offshore* până în anul 2030.

O parte semnificativă a capacităților eoliene va fi instalată *offshore*. Întrucât cercetările actuale se axează îndeosebi pe instalațiile *onshore*, pentru cele *offshore* este nevoie de noi tehnologii și know how care nu sunt disponibile în prezent. Capacitățile *offshore* implică nu numai tehnologii noi dar și creșterea dimensiunilor turbinelor, a capacității parcurilor eoliene și a unei infrastructuri specifice energiei electrice care nu există la ora actuală. Nevoia de redimensionare a turbinelor își are originea în structura costurilor instalațiilor *offshore*.

În fapt, toate activitățile de C&D se axează pe reducerea costurilor energiei produse din surse eoliene. Cercetarea în domeniu urmează două direcții principale: *inovarea incrementală* care urmărește reducerea costurilor prin creșterea economiilor de scară ce rezultă din sporirea ponderii pe piață a capacităților eoliene, dublată de o îmbunătățire continuă a produselor industriei eoliene și a metodelor de instalare a capacităților; *inovarea de străpungere*: crearea de produse inovative, inclusiv de turbine de mare capacitate (*offshore*).

Piața energiei trebuie să aibă o anumită flexibilitate, care să permită generarea de electricitate din surse convenționale concomitent cu funcționarea de noi capacități de producție pe surse regenerabile, luând în considerare raportul cerere-ofertă, prețul electricității în raport cu sursa de energie folosită, limitarea emisiilor de GES, estimările privind taxele și impozitele precum și schemele de sprijin preconizate, evoluțiile politicilor de mediu la nivelul UE, impactul evoluțiilor noilor tehnologii, respectiv evoluția preconizată a sistemului de comercializare a emisiilor.

O analiză a capacității de generare a energiei din UE indică necesitatea creșterii capacității totale disponibile în aproape toate statele membre, multe dintre noile capacități generând energia electrică din surse regenerabile.

Angajamentul pentru dezvoltarea energiilor regenerabile la nivelul Uniunii Europene a fost reafirmat în 2007, când Comisia a transmis Consiliului European și Parlamentului European o comunicare privind „O politică energetică pentru Europa”. Documentul prezintă o analiză strategică a situației energetice europene precum și pachetul integrat de măsuri ce definește politica energetică europeană, care are în vedere reducerea emisiilor de GES, securitatea aprovizionării, reducerea dependenței față de importuri, dezvoltarea tehnologiilor energetice viabile, sustenabilitatea respectiv competitivitatea și funcționarea eficientă a pieței interne de energie. Ulterior, prin Directiva 2009/28/CE a fost stabilit ca obiectiv obligatoriu ca 20% din energia raportată la consumul final brut de energie al Comunității să fie produsă din surse regenerabile până în 2020.

Acest obiectiv a fost individualizat pentru fiecare stat comunitar ținând seama de resursele energetice existente și potențialul de surse regenerabile disponibile, astfel că țintele preconizate să fi atinse în 2020 diferă de la un stat la altul și înseamnă, de exemplu 10% pentru Malta și 49% pentru Suedia.

Pentru atingerea acestor obiective, statele membre au libertatea să decidă asupra surselor regenerabile pe care le folosesc, a schemelor de sprijin pe care le utilizează (subvenții, sistem de cote, stimulente

fiscale etc.) și să opteze pentru un anumit mix din surse regenerabile de energie. De asemenea statele membre pot coopera grație comerțului de credite regenerabile.

Directiile dezvoltării sectorului energetic din Romania pentru perioada 2012-2020 coincid cu cele stabilite la nivelul Uniunii Europene, și anume: siguranța energetică, dezvoltarea durabilă, protecția mediului și limitarea schimbărilor climatice. Pentru realizarea acestora se au în vedere:

- dezvoltarea producției de energie electrică pe baza surselor regenerabile, astfel încât ponderea energiei din aceste surse în totalul consumului brut de energie electrică să fie de 20% în anul 2020;
- realizarea investițiilor de mediu necesare pentru respectarea prevederilor Directivei 2001/80/CE cu privire la limitarea emisiilor în aer ale anumitor poluanți (SO₂, NO_x și pulberi) proveniți din instalațiile mari de ardere și ale Directivei 1999/31/CE privind depozitarea deșeurilor;
- reducerea consumului global de energie primară cu 20% până în anul 2020;
- reducerea emisiilor de gaze cu efect de seră (GES), în special CO₂, cu 20% până în anul 2020, pentru încadrarea în cotele de certificate de emisii de GES alocate prin Planul Național de Alocare și a Politicii Energetice Europene;
- promovarea unui sistem integrat de management al mediului, în vederea controlului permanent al calității aerului, apei și solului.

În România, politica națională de reducere a emisiilor de gaze cu efect de seră urmărește abordarea europeană, pe de o parte, prin implementarea schemei comunitare și pe de altă parte prin adoptarea unor politici și măsuri la nivel sectorial, în așa fel încât, la nivel național, emisiile de GES să se încadreze în nivelurile anuale alocate în baza prevederilor Deciziei nr.406/2009 CE. La nivel național limitarea și reducerea emisiilor se realizează prin aplicarea Schemei de Comercializare a Certificatelor de Emisii de GES, obiectivul stabilit la nivel european pentru România fiind de minim 21% în anul 2020, comparativ cu nivelul emisiilor din anul 2005.

Bibliografie

1. The Advisory Council of the European Wind Energy Technology Platform, Wind Energy A Vision for Europe 2030 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.ec.europa.eu>. – Date of acces: 25.08.2015.
2. Comisia Europeana. Foaițe de parcurs pentru trecerea la o economie competitivă cu emisii scăzute de dioxid de carbon până în 2050, COM (2011) 112 final, Bruxelles, 2011.
3. Commission of the European Communities // An European strategy for sustainable, competitive and secure energy. European Communities, COM (2006) 105 final, Brussels, 2006.
4. Communication from the Commission. Energy Efficiency: delivering the 20% target, COM (2008) 772 final, Brussels, 13.11.2008.
5. Council of European Energy Regulators, Response to the European Commission Consultation Paper on generation adequacy, capacity mechanisms and the internal market in electricity [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.eur-lex.europa.eu> > EUROPA > EUR-Lex Home. – Date of acces: 25.08.2015.
6. Directiva 2001/77/EC a Parlamentului European și a Consiliului din 27 Septembrie 2001 privind promovarea electricității produse din surse regenerabile [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.eur-lex.europa.eu> > EUROPA > EUR-Lex Home. – Date of acces: 25.08.2015.
7. Directiva 2009/28/CE a Parlamentului European și a Consiliului din 23 aprilie 2009 privind promovarea utilizării energiei din surse regenerabile.
8. Decizia nr. 406/2009/CE a Parlamentului European și a Consiliului din 23 aprilie 2009 privind efortul statelor membre de a reduce emisiile de gaze cu efect de seră, astfel încât să respecte angajamentele Comunității de reducere a emisiilor de gaze cu efect de seră până în 2020
9. Directiva 2010/75/UE a Parlamentului European și a Consiliului privind emisiile industriale [Electronic resource]. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do>. – Date of acces: 25.08.2015.
10. European Commission // A 2030 Frame Work for Climate and Energy Policies, COM (2013) 169 final, Brussels, 2013.
11. Strategia energetică a României pentru perioada 2007–2020, HG nr. 1069/2007, publicată în Monitorul Oficial nr. 781 din 19.11.2007

СТАНОВЛЕНИЕ БИОЭТИКИ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. А. Степаненко

Социокультурная динамика обусловлена имманентными изменениями, происходящими в обществе на уровне ценностных установок, которые выступают предметом изучения биоэтики. Аксиологическая ориентация в биоэтическом контексте предполагает выявление ценностных приоритетов на фоне трансформации социокультурных традиций.

Биоэтика, являясь синтетической теорией, содержит комплексный, разноплановый анализ не только данных биомедицинских и экологических наук, но и регулятивный опыт различных социокультурных традиций с целью интеграции этих знаний в систему аксиологических установок социальной деятельности. На наш взгляд, до возникновения современной биоэтики как междисциплинарной области знаний, охватывающей моральные проблемы биомедицины и экологии, биоэтика имманентно существовала в человеческой культуре на уровне протонауки.

Становление биоэтики правомерно рассматривать как многоэтапный исторический процесс, связанный с изменениями социокультурных традиций, которые, в свою очередь, определяются нравственно-духовной ситуацией конкретного социального региона в каждом историческом периоде. Развитие биоэтики послужило импульсом выдвижения перед человечеством определенных – биофильных – ценностей, а нормы биоэтики, воплощая в себе элементы культурного наследия и их актуализацию в новых социальных условиях, выступают, с одной стороны, своеобразной формой исторической преемственности в трансформации социокультурных традиций, с другой стороны, своим содержанием не только отражают, но и задают нравственную динамику социальных процессов.

Биоэтика, эксплицируя противоречия социокультурной динамики, решая различные нравственные проблемы, опирается на анализ всего многообразия культурных и научных ориентиров и задает оптимальные направления человеческого поведения и научно-технического развития. При этом самым важным вопросом биоэтики остается вопрос морального отношения к жизни.

В основе разных ценностных подходов к феномену жизни (соответствующих представлений о качестве жизни определенной социокультурной данности), лежат различные типы понимания и трактовки нравственности как особого социального регулятора, его значения в общественной жизни. Каждый из этих типов определяет парадигму, образец и принцип (смысловую модель) как принятия моральных норм, так и ценностного отношения к жизни.

Среди множества исторически сложившихся моральных учений можно выделить три основных типа понимания биоэтической проблематики:

- *деонтологический* – рассматривающий проблемы долга и вообще должного;
- *утилитаристский* – считающий принцип полезности основой нравственности и критерием человеческих поступков;
- *релятивистский* – признающий и абсолютизирующий относительность и условность всех моральных предписаний.

Этика долга – этика строгих ограничений и универсальной любви – предполагает одинаковое отношение к разным людям безотносительно к их достижениям в практической жизни. Одним из способов обоснования данного положения является универсализм. Исходя из того, что человек рассматривается как ценность «сама по себе» [1, с. 260] [2, с. 151] независимо от его социальных функций, добро приобретает абсолютный характер. «Долг – это всегда принуждение: или я должен заставлять себя сам, или же меня принуждают другие. Высшей среди обязанностей является глубокое уважение права других людей. Наш долг состоит в том, чтобы глубоко уважать право других и как святыню ценить его», – отмечал И. Кант [3, с. 306].

В сформулированном И. Кантом нравственном законе (категорическом императиве) моральное поведение индивида детерминировано родовым единством всего человечества: «...Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [1, с. 260]. Иная формулировка данного нравственного императива гласит: «...Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [1, с. 270]. И. Кант, таким образом, признает, что понятие долга должно основываться на понятии

добра.

В этике И. Канта обязанность делать добро основано на общественной жизнедеятельности и является требованием, которое вытекает из априорного морального закона: «Разумное существо причисляет себя в качестве мыслящего существа к умопостигаемому миру, и только как принадлежащая к этому миру действующая причина оно называет свою причинность волей» [2, с. 151]. Долг человека, по Канту, в конечном итоге основывается на требовании осуществлять то, что является благом для людей. В процессе общественных отношений, в своем служении обществу каждый индивид должен не просто исходить из своего собственного понимания добра, а основываться на тех нормах и принципах, которые вырабатываются в русле социокультурных традиций.

Перспективность данного подхода становится очевидной на фоне анализа трансформации этических тенденций в ходе исторического развития общества. Идеи, предложенные И. Кантом, находят свою интерпретацию в современных моральных теориях.

Согласно представлениям известного Нобелевского лауреата за достижения в области медицины К. Лоренца, генезис морали – это своеобразный компенсаторный механизм, появившийся в человеческом обществе в результате исчезновения биологического механизма запрета на внутривидовое убийство. С точки зрения К. Лоренца, категорический императив Канта возникает, как и звездное небо, естественным путем, апостериори, а не априори [4, с. 232].

Кантовский абсолютизм, по мнению известного российского ученого А. А. Гусейнова, коррелирует с реальной исторической тенденцией функционирования морали, которая заключается в том, что последняя освобождается от случайных, закреплённых отдельными традициями элементов и оттачивает именно всеобщие (общечеловеческие) принципы отношения людей друг к другу [5, с. 58–62]. Кантовская этика долга с ее универсальным пониманием добра и блага как выполнения должного, наряду со строгими запретами на использование человека только в качестве средства, признает ценность индивидуального бытия и самореализации, утверждение индивидуальности на базе активности, ориентированной на общезначимые социальные ценности.

Выступая продолжением этико-философской мысли, биоэтика основывается на различных теоретических моделях, которые являются базисными для формирования современных духовно-нравственных представлений. Сегодня во всем мире идеи биоэтики получили признание и соответствующий философский резонанс. В биоэтике нашли свое отражение особенности и тенденции глобальных изменений в современном мире и соответствующие им поиски новой системы нравственных ориентиров и смыслов производства и использования научного знания. При этом духовная реформация будущего связывается с возрождением этикоцентричных и биофильных традиций мировой культуры, с биоэтическим поиском оптимального варианта решения проблем сохранения жизни, на основе изменения мировоззренческих доминант современного человека.

Литература и источники

1. Кант, И. Соч.: в 6-ти т. / И. Кант. – М., 1965. – Т.4(1).
2. Кант, И. Сочинения: в 6-ти т. / И. Кант; общ. ред. В. Ф. Асмуса и др. – М., 1964. – Т. 3.
3. Кант, И. Лекции по этике / И. Кант // О нравственном воспитании. Сб. ст. – СПб., 1995.
4. Лоренц, К. Агрессия (так называемое “зло”) / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М., 1994.
5. Гусейнов, А. А. Обоснование морали как проблема / А. А. Гусейнов // Мораль и рациональность. – М., 1995.

ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРАНСГУМАНИЗМА

П. Ю. Молчанов

Формирование общества знаний в конце XX – начале XXI века обусловлено беспрецедентным темпом развития науки и техники. Успехи в области генетики, нанотехнологий, робототехники открывают перед учеными перспективы сознательного изменения биопсихических свойств человеческого организма и создания «нового» человека. Вокруг этих идей на рубеже веков сформировалось особое движение общественной, философской и научной мысли – трансгуманизм. Однако претенциозная задача создания постчеловека порождает ряд дискуссионных проблем духовно-нравственного и социально-практического характера. Причем наиболее острые дебаты в

научной среде разворачиваются вокруг этической составляющей данной проблематики. В этой связи возникает необходимость социально-философского анализа ценностно-мировоззренческих основ движения трансгуманизма с целью определения возможных последствий реализации его идей для развития человечества.

Трансгуманизм (от лат. trans – сквозь, через, за и homo – человек) – это рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека» [1, с. 347].

Современные трансгуманисты объединяются в рамках определенных движений, инициативных групп, имеют свои сайты и печатные издания. В структуре данного идейного течения условно можно выделить умеренное и радикальное крыло в зависимости от масштабов предлагаемых изменений биопсихических констант человеческого организма. На основании анализа содержания этих изменений специалисты выделяют следующие варианты постчеловека: генетически модифицированный человек (Homogenetically transformed), нанокиборгизированный человек (Nanocybernetichomoorganism) и виртуально-цифровой человек (HomoVirtualis) [2, с. 47]. Несмотря на свои отличия по форме, данные варианты объединены общим содержательным концептом «постчеловек».

Философские основания этого концепта заключаются в идее о перманентном становлении человека, принципиально незавершенном и самообновляющемся характере его развития как биоментального существа. Достижение не только духовного, но и физического бессмертия постчеловека средствами науки и техники провозглашается трансгуманистами одной из главных задач.

Подобная мировоззренческая установка обосновывается доводами о том, что научно-технический прогресс не остановить, поскольку потенциал человеческого творчества безграничен. Известный российский философ А. П. Назаретян в этой связи ссылается на общий принцип теории систем – принцип равных возможностей, согласно которому все потенциально возможные события непременно происходят [2, с. 17]. Такую мировоззренческую позицию в ее наиболее радикальном варианте можно охарактеризовать как сознательный переход от существующей сегодня биопсихической человеческой константности и жизни к неопределенной «постчеловечности» и не-жизни согласно интенциям творческой природы человека.

Однако само наличие возможности перехода к постчеловеку не содержит в себе указания на ценность, значимость и последствия такого перехода для человечества в целом. А именно эти вопросы революционизируют трансгуманизм в глазах специалистов и широкой общественности. Можно ли ответить на них в рамках данного движения? Мнения специалистов на этот счет значительно расходятся.

Приверженцы трансгуманизма, такие как Р. Курцвейль, Н. Бостром и др., обосновывают свою программу высоким нравственным стремлением избавить человека от болезней и смерти, изменить современное бездуховное потребительское общество. Например, рассуждая о причинах современного антропоэкологического кризиса, активист трансгуманистического Движения «Россия 2045» Д. И. Ицков отмечает, что «Не потребительское общество, не революции и войны, а эволюция человека путем постепенного преобразования его биосоциальной природы: в ней коренятся глубинные основания неудержимого потребительства, эгоистического своеволия и агрессивности – причины разрушения живой природы и самого социума» [2, с. 8–9]. При этом в качестве конечной цели этих преобразований автор видит «перенос личности на альтернативный носитель... Мы хотим создать новый – небелковый, но живой – организм, способный в дальнейшем развиваться» [2, с. 13].

Далее, при перечислении средств достижения поставленной цели, Д. И. Ицков утверждает следующее: «В нашем обществе невозможна смена технологического уклада без вмешательства бизнес-сообщества, заинтересованного в получении прибыли. И в рамках нашего Движения должны появиться люди, способные использовать силу потребительского рынка в интересах развития профильных технологий и на благо человека» [2, с. 13]. То есть фактически автор обосновывает необходимость сохранения рыночных отношений, стремления людей к получению прибыли, что является атрибутом потребительского общества, которое он подверг критике в своих предыдущих утверждениях.

Такая непоследовательность авторской позиции весьма симптоматична для трансгуманистического дискурса в целом. Это объясняется попытками трансгуманистов дать обоснование своему проекту постчеловека и постобщества исходя из категорий, присущих современному человеку. При этом игнорируется тот факт, что изменение физических констант и основ социокультурного бытия с необходимостью приведут к изменению ценностно-мировоззренческих основ человеческого сознания, в результате чего духовно-нравственные категории могут стать излишними. Например, рассуждая о возможности бессмертия, В. А. Кутырев отмечает, что «...согласившись с возможностью бессмертия, мы сразу сталкиваемся с тем, что это будет сущностно другое существо, или «вещество-техщество» другой природы... Это полная потеря идентичности *Homo vitalesa-riens* и его превращение в роботообразное, у которого ничего человеческого не остается» [1, с. 66].

Исходя из вышесказанного, рассуждать о нравственных основах трансгуманизма весьма затруднительно. Экстраполяция традиционных категорий морали на принципиально новый субъект, именуемый постчеловеком, по меньшей мере логически противоречива. В свою очередь, без аксиологической оценки возможных последствий своей реализации, радикальные трансгуманистические проекты становятся потенциально опасными для развития человечества. Историческими примерами этому могут служить возникновение евгеники, изобретение оружия массового уничтожения в XX веке.

Поэтому в современном социально-философском дискурсе по проблемам трансгуманизма преобладает консервативная позиция, в рамках которой авторы отстаивают идею сохранения базовых биопсихических констант *Homo sapiens*. Например, рассуждая о возможностях и пределах геной инженерии, А. П. Чумаков отмечает: «Задача медицины – избавлять людей от болезней, но не подменять функции Бога. Если мы научимся исправлять «испорченные» гены и искоренять их из генофонда, человек и так будет воплощением совершенства» [1, с. 116]. Такие консервативно-оптимистические взгляды на перспективы использования новейших технологий характерны для большинства исследователей данных проблем [1].

Таким образом, рассмотрев ценностно-мировоззренческие основы трансгуманизма, можно заключить, что представители этого идейного течения ставят перед обществом проблему сознательного изменения биопсихической константности вида *Homo sapiens* с целью перехода к иной форме существования в виде различных вариантов постчеловека. Оценить последствия такого перехода в рамках традиционных, «человеческих» понятий и категорий весьма проблематично ввиду принципиальной новизны предлагаемого социального субъекта. Поэтому встает вопрос о самой возможности существования в будущем современной системы ценностей в условиях кардинального изменения основ жизнедеятельности людей, а также нашей готовности принять эти изменения.

Литература и источники

1. Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова; предисл. Г. Л. Белкиной, С. Н. Корсакова. – М., 2012.
2. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11–12 апреля 2013 г. / Под ред. Д. И. Дубровского, С. М. Климовой. – М., 2014.

3 СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ – БАЗОВЫЙ ИНСТИТУТ ВОСПРОИЗВОДСТВА И РОСТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

3.1 Образование для общества XXI века: философская парадигма и перспективные модели

ИСТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов

Как известно, образование в широком смысле этого слова является системой воспроизводства социально-культурной матрицы определенного исторического типа общества. Если культура является своеобразным социокодом поведения и деятельности в обществе, то образование есть ничто иное как воспроизводство этого социокода в новых поколениях людей. Поэтому определенный тип образования и его стратегии зависят, во-первых, от исторического типа того или иного общества и, во-вторых, от системы социального знания (парадигмы), через которую общество понимает самого себя и ставит определенные задачи перед своим функционированием и развитием.

В архаическом обществе, согласно концепции коэволюции природы и общества, где происходит становление самого общества и человека как социального существа, процессы социализации и образования, по сути дела, совпадают. Для того чтобы стать полноправным членом первобытного рода, каждый представитель нового поколения должен пройти не только достаточно трудную систему физических испытаний (инициацию), но и усвоить мифологию этого рода.

Как известно, в первобытном мифе в нерасчлененном (синкретическом) виде содержались и эмпирические знания о мире, которые первобытный человек приобретал в процессе своего взаимодействия с окружающей природной средой, и этические нормы поведения отдельного индивида в обществе, и определенные верования в сверхъестественные силы, и, наконец, некоторые эстетические ценности (образцы прекрасного). Таким образом, мифологическое сказание выполняло в духовной жизни первобытного общества все те функции, которые выполняет в современном обществе наука, мораль, религия и искусство. Поэтому каждый человек архаического общества, овладевая мифом, тем самым фактически овладевал всей духовной культурой этого общества.

Необходимо также помнить, что миф в первобытном обществе выполнял функцию духовного и социального единства рода, солидарности всех членов этого общества, без которых первобытный человеческий коллектив не смог бы выжить перед лицом вызовов окружающей природной среды. Овладевая мифом своего рода, отдельный человеческий индивид овладевал, таким образом, и идеями архаической солидарности и взаимопомощи.

Формирование аграрно-традиционного общества, связанного с социализацией, превращением энергии биосферы Земли в производительные силы общества (возникновение земледелия и скотоводства), с появлением производящего хозяйства и прибавочного продукта, влечет за собой образование первых цивилизаций, а также появление социального неравенства и сословно-кастовой социальной структуры общества. Именно на этом этапе развития происходит четкое разграничение образования и социализации. Даже в XVII в. выдающийся философ и реформатор педагогики Д. Локк считал, что ни монарх, ни низшие слои тогдашнего английского общества не нуждаются в образовании, поскольку уже условиями своей повседневной жизни они получают необходимую квалификацию для личной трудовой деятельности. Но образование жизненно необходимо для джентльменов (представителей среднего класса), которым предстоит в будущем осуществлять многообразные функции по управлению обществом.

Итак, появление социального неравенства, различных форм эксплуатации, распада общества на благородных и худородных, богатых и бедных, управляющих и управляемых приводило к тому, что образование становилось необходимым именно для тех из высших социальных слоев, кто должен был управлять обществом и поддерживать его стабильность при отсутствии солидарности. Поскольку этому обществу ввиду доминирования аграрного производства был присущ циклический характер его функционирования, то в его духовной жизни преобладали традиции – по-

вторяющиеся от поколения к поколению нормы и ценности духовной жизни и социального поведения. Поэтому образование в этом обществе было нацелено на воспроизводство этих норм и ценностей, комментарии к священным текстам, в которых были заложены вечные и неизменные истины.

С формированием и развитием техногенного общества – с XVII в. в Европе, а с XIX в. во всем мире – изменяется и роль образования в социальной жизни, а также форма и содержание образовательного процесса. Техногенное общество характеризуется социализацией, превращением космических сил природы в производительные силы общества (пар, электричество, химические реакции, ядерная энергия и др.). В этом обществе происходит резкое ускорение всех процессов социально-экономического развития. Постоянно возникают и исчезают всё новые социально-классовые, социально-этнические и профессиональные группы населения развитых в техногенном плане стран. В мировоззрении этого общества начинает доминировать наука. В социальном знании доминируют естественно-правовая (натуралистическая) и культурно-историческая парадигмы. Человек овладевает вначале теоретически (наука), а затем практически (техника) всё новыми космическими силами природы.

Техногенный тип общества характеризуется великими проектами модернизации, к которым можно отнести Реформацию, Просвещение и марксизм. В условиях ускоренного развития общества постоянно трансформируется и система образования. Прежде всего, наряду с демократизацией всего общества происходит и демократизация системы образования. Поскольку развитие техногенного общества требует притока в систему производства всё более подготовленных людей для обслуживания постоянно обновляющейся техники, то в развитых странах начальное, среднее и высшее образование (современная Япония) становятся обязательными формами образования для всего подрастающего поколения, формируется как особая социальная группа молодежь со своей специфической субкультурой. В содержании образовательного процесса естественнонаучный и технический комплексы дисциплин постепенно вытесняют на периферию социально-гуманитарные дисциплины.

Однако современная техногенная цивилизация переживает глубочайший кризис. В настоящее время речь идет уже не о том, в каком направлении будет развиваться эта цивилизация, а о самом существовании человека на Земле. Симптомами этого кризиса являются так называемые глобальные проблемы современности. Чтобы переломить создавшуюся ситуацию и совершить, по словам М. Хайдеггера, поворот в цивилизационном развитии, необходимо в первую очередь изменить ту систему понятий и ценностей, с помощью которой мы понимаем и оцениваем существующую социальную реальность, или, другими словами, изменить парадигму социального знания.

В работах современных философов, социологов, представителей других обществоведческих дисциплин уже обозначены отдельные характеристики этой новой парадигмы социального знания, которую условно можно назвать эколого-футурологической парадигмой. Характеристики формирующейся парадигмы социального знания – философия как критическая рефлексия над универсалиями культуры техногенного общества, антропокосмизм как новая концепция бытия, постнеклассическая наука как современная форма научного мировоззрения, футуросинергетика как метод социального познания, глобальная социальная демократия как принцип социально-экономического и политического прогресса, диалог культур как основа духовного развития современного общества – предполагают друг друга и образуют систему социального знания, в рамках которой, на наш взгляд, можно искать ответы на насущные вопросы развития современного человечества.

Поскольку парадигма социального знания определяет теоретико-методологический фундамент всех социально-гуманитарных дисциплин, то из данных характеристик эколого-футурологической парадигмы вытекают следующие главные задачи современного образования:

– если ранее в методологических основах педагогики и образования господствовали антропоцентрические представления о человеке как хозяине мира, преобразователе природы и т.п., то в наше время в основе образования должны доминировать представления о человеке как «пастухе бытия», а также принципы экологической этики;

– если с середины XIX в. под влиянием сциентистского позитивизма была утрачена взаимосвязь философии и педагогики, в результате чего к концу XX в. образование утратило цели своего развития, то в настоящее время через философию образования происходит новый синтез критической философии и педагогики, без которого немислимо решение проблемы определения целей образования в XXI в.;

– если ранее в основе образования лежали принципы сциентизма, в которых классическое и неклассическое естественнонаучное познание рассматривалось как образец для всех обществоведческих дисциплин, то в наше время в области образования должны доминировать принципы постнеклассической науки, в которых гуманистические ценности рассматриваются как основа естественнонаучного познания;

– если ранее в образовании господствовал социальный оптимизм, надежда на автоматизм общественного прогресса, то в наше время нужно учить социальному реализму и ответственности каждого человека за то, что может произойти с человечеством в будущем;

– если ранее в образовании господствовал европоцентризм – представления о ценностях европейской культуры как высших достижениях всего человечества, то в настоящее время должна доминировать идея диалога культур, без которого невозможно достижение единства человечества перед лицом глобальных вызовов;

– если в современном образовании господствует дух личного успеха, повышение индивидуальной конкурентоспособности на рынке труда, то в системе образования будущего должны господствовать принципы человеческой солидарности;

– если ранее образование было нацелено главным образом на процесс трансляции ценностей реально существующей культуры, то в настоящее время его задача заключается в формировании новых ценностей культуры.

XXI ВЕК: ПРОБЛЕМА ПРОСВЕЩЕНИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Б. А. Медведев

XXI век: Техногенная цивилизация на наших глазах превращается в миф прогресса и благополучия. Мир в эпицентре духовного кризиса. Словами Луи де Бройля: «...как нам пережить свои собственные открытия»? Каким образом, «переместить» просвещение из плоскости социума без морали в пространство с осями не только власти и знания, но и этики?

В связи с этим нам представляется, что проблема формирования этической парадигмы просвещения, его миссии и принципов, противостоящим глобальным вызовам современности, должны обсуждаться в контексте гамлетовского вопроса, обращенного к нашей цивилизации. Миссия просвещения в XXI веке – в выступлении против апокалипсиса смысла, в инициировании дискуссии под знаком смысла жизни – дискуссии по предельным вопросам человеческого бытия, восходящего в гносеологии к метафизике нравственных понятий. «Кто мы?». . . И «куда мы идем?». В этом контексте мы постулируем следующие принципы просвещения [1] [2]:

1. Принцип просвещения языком искусства: Рациональность сужает наше представление о реальности, выраженной только в виде логических структур. Жизнь чуждается логических форм. Эстетическое восприятие мира определяет высоту научного поиска. Возможно поэтому, художественность космического восприятия мироздания Платоном и Пифагором на двадцать веков предшествовала времени возникновения западноевропейской науки. Словами Э. А. По есть «Некий бессмертный инстинкт, гнездящийся глубоко в человеческом духе, – это, попросту говоря чувство прекрасного» По этой причине, художественное познание ближе к постижению истины. Просвещение языком искусства с нравственным императивом художественного познания мира – в средстве выражения мысли через образ, способный донести истину до чувства, в сентенциях М. Хайдеггера «Красота есть судьба истины. . .» и Ф. М. Достоевского «Красота спасет мир».

2. Принцип неопределенности в познании: Будущее время притягательно для креативной личности в силу индетерминированности его событий. Индетерминизм физики микро- и мега мира и, отмечаемая Хайдеггером принципиальная неточность познания, присущего наукам о человеке сближают естественнонаучное и гуманитарное знание. Картина мира, таким образом, не может быть естественнонаучной или художественной. Она может быть только их единством – миром эмоционального интеллекта, для которого размышление есть лишь метаморфоза переживания. Конструкция законов природы не может быть жёсткой. Детерминация любого явления является искусственной. Природа ищет выхода из лабиринта своих собственных законов, и в этом – её непрерываемое творчество. И можно утверждать, что бытие не только противится завершенности, но и его образам в нашем мышлении. *Чем ближе к сущности, тем дальше она от дефиниций...* Принцип

неопределенности познания может быть сформулирован и в виде соотношения неопределенностей между сущностью и существованием, являясь отражением идей и принципов У. Оккама, Н. Кузанского и Г. Лейбница.

3. *Принцип культуры познания:* В XXI веке нет ничего более актуального для человечества, чем быть осторожным в применении практического разума. И действительно, если креативность есть свобода давать бытие, то она есть риск. В условиях глобального духовного кризиса креативность есть риск стихии необузданных открытий. И здесь актуален вопрос о мере познания. Соблазн познания *всего* есть безумная попытка лишить бытия его потаенности. И в этом контексте великое, «Познай самого себя» отбрасывает тень соблазна лишить жизнь её тайны. В безудержности познания – необузданность человеческих страстей. Словами Плиния Старшего «может ли мерить вещи тот, у кого нет мерки даже для себя»? Но если метафизическое по своей природе нравственное сознание, или совесть есть моральное самоограничение, то разве это не должно касаться, как мышления, так и самого познания? Постулируем: *культура познания – в мере его самоограничения*. Но здесь, вновь возникают вопросы: «Является ли корректным говорить о пределах познания? Очевидно, ограничения практического применения разума могут и должны носить только моральный характер и определяться категорическим императивом И. Канта или этикой в определении А. Швейцера.

4. *Принцип сохранения в просвещении феномена культурной памяти:* Суть просвещения, как и искусства – в одухотворении, или в творческом изменении протяжённости человеческой души. Просвещение – в расширении границ рационального мышления, в дополнении «Я» – концепции, отнесенной к психологии креативной личности, принятием тезиса [3]: «Я» – расширяющаяся вселенная, как образ, расширяющегося сознания ребенка. «Я» – расширяющаяся вселенная, как отражение расширяющейся вселенной Фридмана и Хаббла. «Я» – расширяющаяся вселенная, как интериоризация космоса в соответствии с представлениями Плотина о душе. Но для познающего субъекта время – запрет вечности на совершенство. И согласно Мамардашвили «Человек никогда не дан в полноте своего существа». Тем не менее, если следовать феномену культурной памяти и принципу непрерывности, можно утверждать: прошлое и будущее сообитают друг с другом, иначе не было бы и времени настоящего. Сохранение культурной памяти – в устойчивости психологической структуры «Я», корнящейся в коллективном бессознательном К. Г. Юнга. Просвещение одухотворяет прошлое и будущее время. Возьмём же, в кавычки слова Прошлое и Будущее: они не имеют к природе никакого отношения. Природу не поразить стрелой времени. Разбегающаяся вселенная притягивается к «Я». Но, не является ли тогда заблуждением приписывать прошлому времени пассивность? Разве память не требовательна? Разве она не взывает? Но, если вечность есть тайна Мнемозины о том, что было, есть и будет, то для тленного человека всё не может быть пережито и все не может быть осмысленно. Поэтому, прошлое не является застывшим. Оно модифицируется нашим многократным возвращением к нему, влияя тем самым на будущее. Мышление обязано припоминанию, как память – сердцу. Мышление по Хайдеггеру есть благодарность и, следовательно, мышление есть ответственность перед былым и грядущим. Под картиной мира – подпись выдающихся представителей человечества. Рассматривая феномен культурной памяти, в контексте интерпретации категории присутствия М. Хайдеггера можно говорить о присутствии отсутствующих, как о сопричастности прошлого и будущего к настоящему. И, искусство напоминает: Нам не двадцать не тридцать, не сорок, нам – бесконечность плюс двадцать, плюс тридцать, плюс сорок. Мы все в Афинской школе Рафаэля. Мы все в соавторстве с ушедшими и с теми, кто придёт. «Мы – воздухоплаватели ума» /Ф. Ницше/.

Заключение: Позитивный ответ на гамлетовский вопрос, обращенный к техногенной цивилизации на пороге антропологической катастрофы, заключается для каждого человека, для гражданина только в одном – «в мужестве быть» по Паулю Тиллиху, в мужестве, говоря словами М. Фуко, «работы с нашими собственными пределами – терпеливого труда, придающего форму нетерпению свободы». Обращаясь к представлениям в «Исповеди» Августина о настоящем прошлом и настоящем будущем времени, можно сказать: Просвещение – в мужестве переживания человеком настоящего прошлого, как памяти и в мужестве преодоления настоящего будущего, как апокалиптического ожидания. Отождествляя смысл жизни с творчеством, можно сказать: Просвещение есть страсть утверждения нашего существования под знаком смысла жизни, доказательства нашего присутствия, как события, которое может быть только проявлением любви и творчества.

Литература и источники

1. Медведев, Б. А. XXI век: Проблема этической парадигмы просвещения / Б. А. Медведев // Интеллект. Культура. Образование: материалы 5-ой Международной конференции с элементами научной школы для молодежи, Новосибирск, 10–16 сентября 2012г. – Новосибирск, 2012. – С. 13–16
2. Медведев, Б. А. XXI век: Просвещение в противостоянии антропологической катастрофе / Б. А. Медведев // *Философия в современном мире: диалог мировоззрений*: в 3 томах: материалы VI Российского философского конгресса, Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. – Н. Новгород, 2012. – Т.2. – С. 191–192.
3. Медведев, Б. А. Философские проблемы образования ума и сердца / Б. А. Медведев // *Национальная философия в контексте современных глобальных процессов: материалы международной научной конференции*, Минск, 16–17 декабря 2010 / Науч. ред. совет: А. А. Лазаревич и др; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т Философии. – Минск, 2011. – С. 592–594.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА XXI СТОЛЕТИЯ

Н. Е. Шилина

Стремительное восхождение современного общества к новому технологическому и информационно-коммуникационному уровню потребовало глубокого интеллектуального переосмысления концептуальных основ системы высшего профессионального образования и особой роли новейших интеллектуальных и информационных технологий в процессе её обновления. Отличительной особенностью новой парадигмы современного образования становится ориентация на человека будущего, на новый подход к интеграции и систематизации научного знания.

Современный мир представляет собой лавину информации, которая отнюдь не отличается структурированностью, логичностью и полнотой. Скорее её можно охарактеризовать как уникальную, самобытную и чрезвычайно динамичную. Всевозрастающие потоки качественно новой информации, её распространение и доступность приводят к значительным изменениям в методах работы и требуют не только автоматизации процессов обработки и анализа данных, но также и интеллектуализации информационных и организационных процессов, построения и внедрения эффективных методов и интеллектуальных технологий.

Интеллектуальные информационные технологии – это информационные технологии, помогающие человеку ускорить анализ политической, экономической, социальной и технической ситуации, а также синтез управленческих решений.

Интеллектуальные информационные технологии формируются при создании информационных систем и информационных технологий для повышения эффективности принятия решений в условиях, связанных с возникновением проблемных ситуаций. В этом случае любая жизненная или деловая ситуация – от выбора партнера по жизни до социального конфликта – описывается в виде некоторой познавательной модели (когнитивной схемы, архетипа, фрейма и пр.), которая впоследствии используется в качестве основания для построения и проведения моделирования, в том числе компьютерного.

При этом используемые методы и интеллектуальные технологии не обязательно должны быть логически непротиворечивы или копировать процессы человеческого мышления. Использование новых методов и технологий предполагает принципиально отличный от прежнего тип мышления человека. Современный мир предъявляет новые требования к уровню развития человеческого интеллекта, заставляя пересматривать старые способы взаимодействия с информационным пространством. Сегодняшний человек – это человек с высоким интеллектуальным уровнем, гибким мышлением, способный перестраиваться под постоянно меняющиеся требования, осознающий динамику мира и свою собственную динамику, стремящийся к постоянному развитию и совершенствованию способов и методов взаимодействия с окружающим пространством. Современному индивиду необходимо владение всеми средствами работы со скоростными информационными потоками: владение навыками поиска информации, тщательной её переработки, задействование критического анализа, отфильтровывания устаревших либо искажённых содержаний, умение видеть целое в части и т. д. А для этого необходим процесс усовершенствования логического

аппарата мышления, развитие интеллектуальной сферы как одной из основных базисных ценностей в становлении личности, формирующей настоящий и будущий социум.

Ещё в середине прошлого столетия на мощное воздействие человека на окружающую среду обратил внимание В. И. Вернадский. Именно человек постепенно, в процессе эволюции, трансформирует современную биосферу Земли, образуя её новую форму – ноосферу. То есть эволюция биосферы идет в направлении развития сознания, разумной мысли, которая материально преобразовывает планету, способствует созданию единого общепланетарного разума. Одним из условий перехода биосферы в ноосферу В. И. Вернадский назвал резкое преобразование средств связи и обмена между странами [1].

С ростом популярности и распространения Интернета, появлением и стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий, мы моментально узнаём о событиях в любой точке земного шара. Средства коммуникации постоянно совершенствуются, ускоряются, появляются новые возможности, и это также было предсказано В. И. Вернадским, который связывал переход биосферы в ноосферу «со скоростью сношений, с успехами техники передвижения, с возможностью мгновенной передачи мысли, её одновременного обсуждения на всей планете».

Информатизация органично вошла во все сферы жизни современного общества и, бесспорно, стала неотъемлемой частью и неизбежным процессом в развитии человеческой цивилизации, коренным образом изменила характер труда, вызывая всестороннее и всеобщее повышение интеллектуального уровня человека.

Похожие идеи можно увидеть и среди современных учёных-философов. Так, Андриенко О. В. и Максименко С. Д. утверждают и доказывают возможность существования такого мышления, которое качественно отличается от мышления человека. Это так называемый коллективный разум, который мы никогда не сможем заметить в силу индивидуальной программы построения личности каждого человека, однако который, в свою очередь, также обладает сознанием. Сознание коллективного разума, по словам авторов, «имеет только одно состояние – это состояние рассеянного сознания...» [2, с. 433]. Это сознание коллективного разума имеет неограниченные возможности и может создавать любую форму вещества. Российский философ, специалист по социальной философии, философии науки и философии техники Александр Иванович Субетто в своей философской концепции рассматривает интеллектуализацию как некий закон, «оразумление» космоса, который сопровождает прогрессивную космическую эволюцию в нашем универсуме и привёл закономерно к появлению жизни на Земле, а затем и к зарождению и совершенствованию человеческого разума. Термин интеллектуализация в понимании автора тесно связан с понятием интеллекта как рычагом управления будущим [3].

Таким образом, роль интеллектуализации, креативизации и ноосферизации в образовательных процессах современного общества очевидна на всех этапах движения социальной эволюции: от осознания и принятия коллективного разума, а также создания и обоснования теоретического аппарата общественного мышления – через практику внедрения новой парадигмальной модели в систему образования – до развития интеллектуальности, осознанности каждого человека в отдельности с целью реализации его уникальной природы, создающей новую движущую силу общества – человека будущего.

Литература и источники

1. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский; под ред. А. Л. Яншина. – М., 1991.
2. Андриенко, О. В. Теория разума / О. В. Андриенко, С. Д. Максименко. – К., 2010.
3. Субетто, А. И. Интеллектуализация образования как проблема XXI века / А. И. Субетто // «Академия Тринитаризма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trinitas.ru /rus/doc /0012/ 001a/ 00120061.htm>. – Дата доступа: 29.09.2015.

ОРИЕНТАЦИЯ НА ТРЕБОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Л. С. Яковлев

Проблема обновления парадигмы системы образования достаточно интенсивно разрабатывается в науке [1]. Акцентируется сложность этого обновления [2], перспектива развивающего обучения [3]. Как центральное, осмысливается соотношение науки и образования [4].

Для многих наших современников текущее состояние системы образования представляется критическим, вызывая настроения, близкие к эсхатологическим. В публицистике доминируют суждения о крахе школы, фрагментации вузовской системы, утрате и обучаемыми, и обучающими, фундаментального знания. Между тем, нам следовало бы быть благодарными обстоятельствам за возможность еще раз вернуться к обсуждению фундаментальных принципов образования. Несмотря на перманентное реформирование его системы, базовый набор конструктов, адекватных обществу модерна, под сомнение не ставился на протяжении почти двух столетий. Сегодня в дискурсе образования равноправными выглядят позиции, воспринимавшиеся, еще пару десятков лет назад, как маргинальные, от близких руссоизму (И. А. Колесникова), или эзотерическим доктринам, до крайних технократических; от акцентирующих принцип идеологизации, до возрождающих классическую феноменологию.

Нам представляется, что именно в резкости позиционирования моделей заключена возможность синтеза. Все они присутствовали в дискурсе образования и раньше, но имплицитно. Магистральным оставался подход, основывающийся на доктрине Просвещения. Выделяемые В. С. Кукушиным основные парадигмы образования – традиционалистско-консервативная, рационалистическая, феноменологическая (дополняемые технократической, бихевиористской [5, с. 25], неинституциональной, обучения «через совершение открытий» (Джером Бруннер) – парадоксальным образом сосуществовали, объединяемые общим принципом, диктуемым просветительским истолкованием мира, как проекта. Эксплицирование парадигм создает условия для переосмысления роли института образования в целом.

Модерн унаследовал от Просвещения простую схему, согласно которой наука дает рациональные основания программы переустройства мира, система образования обеспечивает подготовку людей к участию в этом преобразовании, то есть к производственной и общественной деятельности. При этом, связь науки и образования представлялась самоочевидной. В действительности, осмысление этой связи предполагает ряд вопросов, относящихся к тому, как средняя и высшая школа готовят людей к научной деятельности, как соотносятся принципы этой деятельности с деятельностью учебной и преподавательской, насколько глубоко должна быть интегрирована философия науки в образование.

Академизм в образовании понимается сегодня как набор формальных принципов, не исчерпывающих даже академической культуры, по сути, сводясь к энциклопедизму, как стилистике. На ограниченность образовательного академизма указывали П. Бурдьё, М. Янг, Б. Бернстайн. П. Бурдьё отделяет формальную педагогику от практического владения знаниями [6, с. 202]. Проблема, при этом, не сводится к формализации образования: речь идет об одной из форм выявленного М. Уитцелем, М. Желены противопоставления знания и информации. «Видимая» школа (Б. Бернстайн) транслирует информацию, помещая ее в идеологические модусы. Формализм здесь – не причина, а следствие. Не ориентированное практически знание и может быть только формальным.

В аспекте образовательных технологий следствием такого положения вещей является устойчивость системы в отношении попыток реформирования: установки на практическую ориентированность обучения формализуются, в результате чего их реализация не приносит реального эффекта. В плане методологическом происходит подмена процесса познания узнаванием. Научное мышление предполагает алгоритм, включающий: анализ фактов, построение теории (с опорой на смежные метатеории), применение полученного теоретического знания для объяснения, предсказания, проектирования изменений реальности. Академизм утверждает абсолютизацию дедуктивного, выводного знания. Однако, поскольку непосредственное соотнесение общих теорий с повседневными задачами оказывается затруднительным, знания превращаются в схоластические, радикально отделяются от практик, в которых люди руководствуются принципом аналогии, или внерациональными схемами интерпретации реальности.

Выпускники вузов в абсолютном большинстве используют, в качестве основной стратегии, обыденное мышление, поскольку научное мышление у них не сформировано. В результате имеет место не только разрыв теории с практикой, но и фундаментальный мировоззренческий конфликт. Формально не ставя под сомнение просветительскую доктрину, общество, на уровне стратегий повседневности, возвращается к средневековой апологии рутинных практик. Происходит это, однако, на фоне стремительного развития технологий в ряде ключевых сфер. Возникает когнитивный диссонанс, особенно остро переживаемый представителями естественнонаучных сообществ, артикулирующих факты утраты большинством населения стремления к пониманию научных основ непосредственно связанных с их деятельностью технологий. С другой стороны, гуманитариями фиксируется дегуманизация образования. При этом понятно, что реализовать сумму претензий отраслевых научных сообществ невозможно: учебные программы всех уровней и так перегружены.

Существование проблемы, однако, в другом. Наполнение школьных и вузовских программ дополнительными знаниями не только не обеспечит утверждения научного мышления, но напротив, усугубит отрыв теории от практики. Нужны не знания, а метод. Лишь практическая интеграция различного уровня сложности исследовательских задач в процесс обучения может обеспечить соответствие образования общественной потребности.

Литература и источники

1. Днепров, Т. П., Фадеичева М. А. Инверсия педагогических парадигм в российском образовании / Т. П. Днепров, М. А. Фадеичева // *Философия образования*. – 2013. – № 6 (51). – С. 137–143.
2. Подлинный, О. Л., Морнов К. А. Борьба парадигм в современном образовании / О. Л. Подлинный, К. А. Морнов // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2013. – № 1. – С. 118–124.
3. Коновалова, Г. В. Философия современного образования: понимающая педагогика как новая парадигма образования / Г. В. Коновалова // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. – 2013. – № 30. – С. 71–75.
4. Шелковникова, Л. Ф. К вопросу о знаниевой парадигме в образовании / Л. Ф. Шелковникова // *Преподаватель XXI век*. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 47–54.
5. Кукушин, В. С. Теория и методика обучения / В. С. Кукушин. – Ростов н/Д., 2005.
6. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё; отв. ред. Н. А. Шматко. - СПб.; М., 2001.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ, ОСНОВАННОМ НА ЗНАНИЯХ

В. И. Каравкин

В погоне за высокими практическими результатами в области хозяйственно-экономической деятельности порой отказывают образованию в гуманистической составляющей; декларируют, что сущность его сводится к процессу удовлетворения потребностей, связанных с развитием науки и техники, со всеми вытекающими последствиями практики обучения и воспитания. Результат такого отношения – «это дегуманизация образования, примитивизация общественного воспитания, самоизоляция национальных общин с гипертрофией этнической и религиозной идентификации как последних «якорей спасения» локальных популяций», как пишет Г. Ю. Беляев, создавая эскиз пессимистического сценария будущего [1, с. 48–49]. Дегуманизация образования, в конечном итоге, ведет к деградации человека. По смысловому значению понятие образования включает в себя гуманистический аспект.

Убедиться в этом и лучше осознать, в чем заключается сущность образования, дает возможность философское наследие Макса Шелера. Заметим, критическая составляющая философской мысли в целом способствует тому, что позитивные компоненты теорий мыслителей отступают на второй план. Пришло время коренным образом исправить данное положение дел. Достижений в области философии не меньше, чем в области естествознания, и следует фундировать на них дальнейшие построения, как на выверенных математических формулах.

Под образованием, на наш взгляд, чтобы не утратить его гуманистической направленности в сознании своем, следует понимать то, что Цицерон определил в качестве философии: «Как пло-

дородное поле без возделывания не даст урожая, так и душа. Возделывание души – это и есть философия; она выпалывает в душе пороки, prepares душу к принятию посева и вверяет ей – сеет, так сказать, – только те семена, которые, вызрев, приносят обильнейший урожай» [2, с. 252]. Именно как «*cultura animi*» и понимается образование Шелером. Оно нацелено на душевный мир человека, вернее, неразрывно связано с душевностью, что, опять-таки, согласуется с философским, шире, гуманитарным наследием отношения и к образованию, и к душе как таковой. В данной связи Шелер и пишет: ««Душа человека – это в известном смысле все», – гласит знаменитое изречение Аристотеля, на усвоении и истолковании которого выросла великая историческая традиция идеи «микрокосма» от Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Джордано Бруно через Лейбница к Гете» [3, с. 21]. Образование, следовательно, представляет собой связующее звено между человеком – «микрокосм» – и макрокосмосом. Человек оказывается «*сущностно идентичен ему*!» Вместе с тем, когда речь идет об образовании имеется в виду один человек, личность, в которой «универсальное» – «*целостность* мира» – как бы обретает индивидуальную форму. «В этом смысле Платон, Данте, Гете, Кант – каждый имел свой «мир»» [3, с. 21]. Из сказанного логически вытекает вывод: «*Итак, образование есть категория бытия, а не знания и переживания*» [3, с. 21].

Но пессимистический сценарий будущего, на который мы сослались выше, как раз и может воплотиться в жизнь, когда под образованием, со всеми вытекающими культурными последствиями, понимают, в одном случае, – сумму знаний; в другом, – комплекс проецируемых вовне, в широком смысле слова, «переживаний».

В форме знания образование можно представить конгломератом теоретических дисциплин, который предполагается освоить в масштабе общества для дальнейшего развития науки (гносеологический аспект) и техники (цивилизационный аспект). Усиление акцента на гносеологическом аспекте ведет к поощрению развития фундаментальных наук; выдвигание на передний план благ цивилизации – прикладных. Заметим, и в том и в другом случае, игнорируется гуманистический, т. е. основной, исходный, сущностный аспект образования. Оно отрывается от того, что принято обозначать понятиями «воспитанность» и «мудрость». Быть образованным, в таком случае, означает не более чем широкую эрудицию.

Если образование в форме знания по сути своей объективно, то как «переживание» оно обретает субъективный статус. Отрицание объективного характера образования способствует силовому навязыванию некоего одного комплекса идей, со всеми известными следствиями, влекущими за собой в полифоническом мире культур и цивилизаций конфликты разной степени интенсивности. Признание образования не субъективным феноменом переживания, а объективным феноменом духовного бытия человека, дает возможность постигать великое многообразие мира, осознавая себя его частью, и вместе с тем, не отказываться от индивидуально-личностных притязаний. Речь идет об образовании, которое не ограничивается субъективной привязанностью, скажем, к мудрости суфиев или буддистов, и вследствие этого подавляющим иные предпочтения, а об образовании, составной частью которого является как, например, учение суфизма или буддизма, так и иные формы постижения сущего.

Образование следует, на наш взгляд, представить *со-определяющим бытие человека феноменом*. Со-определяющим, так как бытие включает в себя образование, но не ограничено им. Быть человеком значит быть образованным. «Быть» – глагол, значение которого, в целом, предполагает становление, изменение, динамику. Другими словами, все то, чем наделяется со времен еще древнегреческих мыслителей сущность, обладающая онтологическим статусом. Учитывая это можно сказать: *становление бытия гуманности есть образование*. Оно – процесс, а «не «учебная подготовка к чему-то», к профессии, специальности, ко всякого рода производительности, и уж тем более образование существует *не ради* такой учебной подготовки», – пишет в данной связи Шелер [3, с. 31]. Процесс образования сопряжен со знаниями, как мы помним, имеющими объективный характер. Знания, следовательно, *формируют* индивидов, группы людей, общество в целом. Знания, фигурально, есть «естественный кожный покров, а не готовый костюм» [3, с. 36]. Формирование или, по Шелеру, структурообразование, охватывает не только интеллибельные и сенсительные, но, и это главное, *душевные качества человека*. В этом особенность образования как процесса, в аспекте его соотношения со знанием. В привычных для педагогики терминах, речь идет об общечеловеческих принципах нравственного воспитания как неотъемлемой составной части образования.

Шелер аккумулирует в свою философию идею Паскаля о существовании особой логики –

«логики сердца». Согласно знаменитой формуле Паскаля: «*le Coeur a ses raisons*» («у сердца свои доводы») [4, с. 145–264]. Концентрировать внимание следует на термины «*ses*» и «*raisons*» – «свои» «доводы», к которым рассудок «так же «слеп», как слепой – к цвету, как глухой – к звуку» [3, с. 359]. Эта очевидность сердца – «*ordo du coeur*», «*logique du coeur*» (Паскаль) – есть «исторически изменчивая и все-таки по отношению к случайному опыту строго *априорная форма структуры душевных актов*, способ возникновения которой существенно не отличается от способа возникновения форм рассудка», – считает Шелер [3, с. 38].

Концепция мыслителя позволяет сделать вывод о том, что образование, сущностью которого является становление бытия гуманности, как *процесс* непосредственно связано с душевно-сердечным миром человека! Другими словами, определенные виды и формы знания воздействуют на душевно-сердечный мир людей, что способствует становлению бытия гуманности, в чем и заключается сущность образования.

«Человек, – пишет Шелер, – способен к *трем видам знания*: к знанию ради *господства* или ради достижений, к *сущностному*, или образовательному знанию, и к *метафизическому* знанию, или знанию ради спасения» [3, с. 5]. Первое представляет собой сумму позитивных наук, направленных на овладение природой, обществом, историей. Второе – это, по сути, философское знание. «Метафизическое знание или знание ради спасения» направлено на душевно-сердечный мир человека, на то, что Паскалем называлось «логикой сердца», на то, что самим Шелером определено, как «*ordo amoris*» – «*порядок любви*» [3, с. 339–377]. Односторонняя направленность образования ведет к тому, что Шелер называет «научно-систематически фундированным варварством», «самым ужасным из всех мыслимых варварств» [3, с. 47]. И естественнонаучное, и философское знание должны «подчиниться идее *спасительного* знания и в конечном счете служить *ей*» [3, с. 47].

Таким образом, образование призвано способствовать явлению душевно-сердечного потенциала личности. Это – фундамент перманентного становления и утверждения бытия гуманности.

Литература и источники

1. Беляев, Г. Ю. Эволюция образования и воспитания в контекстах мутации философской традиции в XXI веке (видение весьма возможного будущего) / Г. Ю. Беляев // Вестник Российского философского общества. – 2015. – № 3. – С. 48–51.
2. Цицерон, М. Т. Избранные сочинения / М. Т. Цицерон. – М., 1975.
3. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – М., 1994.
4. Паскаль, Б. Из «Мыслей» / Б. Паскаль // Суждения и афоризмы / Ф. Ларошфуко, Б. Паскаль, Ж. Лабрюйер – М., 1990. – С. 145–264.

ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ

С. А. Заветный, А. С. Пономарев

На историческом рубеже тысячелетий человечество вступила в новый для себя этап развития цивилизации. Его принципиальной особенностью выступает существенное возрастание роли и значения знаний и образования. Характерно при этом, что, во-первых, объем знаний стремительно возрастает, во-вторых, заметно ускорился цикл их трансформации в технологии, и в-третьих, сами эти технологии быстро устаревают, как и знания, на которых они основываются, и сменяются новыми, более совершенными. Эти сложные процессы порождают множество различных проблем, требующих для своего разрешения глубокого философского осмысления.

Прежде всего, непременным условием успешного функционирования и развития общества знаний (K-society) является повышение общекультурного, образовательного, интеллектуального и нравственного уровня, если не всех, то, по крайней мере, большинства его членов. Более того, динамичный характер реалий современности обуславливает необходимость постоянного обновления и повышения этого уровня. Для поддержания необходимой профессиональной и социальной компетентности и высокой конкурентоспособности на рынке рабочей силы человеку требуется постоянное самообучение, самовоспитание и самосовершенствование на протяжении всей активной трудовой деятельности.

Следовательно, перед системой образования встает такая совокупность сложных, важных и

ответственных задач. Во-первых, она должна обеспечить не только высокий уровень подготовки будущего специалиста к успешной профессиональной деятельности, но и помочь ему осознать, что это только базовая подготовка, и что ему придется самостоятельно и с помощью различных форм последипломного образования постоянно пополнять и обновлять свой багаж знаний. Во-вторых, система образования должна выявить творческий потенциал, помочь ему раскрыть и развить творческие способности студента. В-третьих, процессы глобализации, развития рыночной экономики и информационно-коммуникационных технологий способствуют ощутимой атомизации общества, что ставит в повестку дня задачи образования, усиления внимания, социализации учащихся и студентов.

В-четвертых, разработка и все более широкое и интенсивное применение перспективных высоких технологий требует глубокого понимания пользователями их сущности, возможностей, ограничений и потенциальных угроз, что обуславливает необходимость перехода от традиционной парадигмы образования, ориентированной на знания, к парадигме понимания. В-пятых, общее усложнение общественной жизни, характера и целей взаимодействия и межличностного общения порождает необходимость пересмотра содержания, целей и характера воспитательной составляющей образования, направлений личностного развития учащихся и студентов. Речь идет прежде всего о формировании и развитии их общей и профессиональной культуры, духовности и чувства личной ответственности за свои решения и действия, за их результаты и возможные отдаленные последствия.

Такие изменения в спектре целей и задач образования обуславливают и соответствующую эволюцию философии образования. Прежде всего, следует подчеркнуть необходимость глубокого осмысления онтологических проблем образования как специфического социального феномена, проблем бытия его участников в образовательном пространстве и его культурном контексте. Требуется своего анализа совокупность противоречий, связанных с гносеологией образования. Среди них отметим такие три. Во-первых, феномен образования, с одной стороны, представляет собой объект познания, а с другой же стороны он одновременно выступает инструментом познания. Эта интересная коллизия еще ждет своего исследователя. Во-вторых, система образования дает в готовом систематизированном виде такой объем информации учащимся и студентам, который бы самостоятельно не смогли бы освоить в течение всей жизни. Но при этом они утрачивают возможность и даже способность непосредственного познания объективной реальности и самих себя. В результате возникает ситуация, когда, например, вода представляется им, как пишет Бертран Рассел, «не тем, что может нас намочить, а H_2O . Что же касается водорода и кислорода, то они получили вербальные определения, которые должны быть выучены наизусть, причем не имеет значения, понимаете вы их или нет» [1, с. 15–16]. И практически все содержание образования сведено к подобным формализациям.

В-третьих, учащиеся и студенты, воспринимая учебную информацию от педагогов или из учебников, ориентируются на ее усвоение и поэтому не учатся критически ее оценивать, подвергать сомнению. В результате они перестают думать, теряют интерес к учению. Известный американский философ, педагог и теоретик современного менеджмента Рассел Л. Акофф вполне справедливо пишет, что «заставлять ребенка учиться – значит лишить его удовольствия от процесса обучения, что принесет гораздо больший вред, чем неумение выучить какой-то конкретный предмет». Учений специально подчеркивает при этом, что «общепризнанно что хорошо запоминается то, что мы стремимся выучить; и наоборот, плохо усваивается то, что нам не интересно» [2, с. 193].

Сегодня нового подхода к пониманию философии образования требуют ее аксиологические и морально-этические аспекты. Их существенная роль в успешном достижении целей образования и в обеспечении его качества выводит понимание ценности знаний и образования и их общей нравственной направленности на уровень важнейших задач современного общества. С одной стороны, это должно способствовать восстановлению высокого авторитета образования в общественном сознании, а с другой стороны, формированию и развитию богатого духовного мира учащихся и студентов, их ответственности за то, как они будут распоряжаться полученными знаниями. Ведь, как справедливо в свое время отмечал И. А. Ильин, бездуховный человек, вооруженный знаниями является потенциально опасным. А сегодня такого человека небезосновательно сравнивают с шимпанзе с атомной бомбой в руках.

Важным нравственным аспектом самого образования и его философии в обществе знаний

является обеспечение понимания того, что не человек призван служить технике, а техника – человеку. Создателям новой техники и технологий следует ориентироваться на их природосберегающий характер, поскольку хозяйственная деятельность человека привела среду его обитания на грань глобальной катастрофы. А техносфера как совокупность артефактов выходит из-под контроля своего творца и функционирует в соответствии со своими собственными законами. Поэтому одним из основных векторов нравственного воспитания подрастающих поколений становится восстановление и сохранение гармонии отношений в системе «человек – общество – природа – техносфера».

Еще одной проблемой философии образования, вновь выводящей нас на пересечение его нравственных и ценностных аспектов, выступает массовый характер образования, его нивелирование и ориентация на «среднего» ученика и студента. Отказ от элитарности высшего образования важен в социальном плане, но он не должен сопровождаться снижением требований к его соискателям, к уровню их подготовки. Все более отчетливая же тенденция усреднения требований нивелирует индивидуальность, ослабляет творческий потенциал личности и снижает общий уровень образованности и культуры. Это приносит ощутимый вред, как самим студентам, так и обществу. Действительно, слабый студент, прикрываясь дипломом, демонстрирует высокий уровень притязаний, не соответствующий его реальной компетентности. Сильный же студент в этой ситуации утрачивает стимулы для глубокого овладения знаниями. Общество, в свою очередь, получает массу полубразованных «специалистов», которые не обеспечивают надлежащего функционирования и тем более развития соответствующих сфер общественного производства.

Не случайно Хосе Ортега-и-Гассет писал о восстании масс, а известный немецкий философ Карл Ясперс, анализируя духовно-нравственные аспекты образования, решительно осуждал эту тенденцию. Он с тревогой отмечал, что «в существовании массового порядка всеобщее образование приближается к *требованиям среднего человека*. Духовность гибнет, распространяясь в массе, рационализация, доведенная до грубой моментальной доступности рассудку, привносит в каждую область знания процесс обеднения». Ученый подчеркивал, что «с нивелирующим массовым порядком *исчезает тот образованный слой*, который на основе постоянного обучения приобрел дисциплину мыслей и чувств и способен откликаться на духовные творения» [3, с. 159].

Таким образом, интеллектуальная культура может развиваться за счет не только эффективного управления знаниями, но и системного нравственного воспитания молодежи, формирования и развития ее духовного мира и привития ей чувства ответственности за свои действия, за будущее своей страны.

Литература и источники

1. Рассел, Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / Б. Рассел; пер. с англ. – К., 2001.
2. Акофф, Р. Акофф о менеджменте / Р. Акофф; пер. с англ. – СПб., 2002.
3. Ясперс, К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс; пер. с нем. – М., 2013.

ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЗМ В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. И. Сьитник

Философское обоснование проблем образования привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей. В развернувшихся дискуссиях затрагиваются вопросы поддержания национальной системы образования как стратегически важной сферы жизни общества, отмечается повышение ценности образования. Даже краткий перечень круга вопросов показывает, что проблемы образования приобрели широкое социальное звучание. Но при этом выяснилось, что имеющиеся уровень и масштабы их философской разработки для современных условий явно недостаточны, а подходы частных наук (педагогике, социологии образования, психологии образования и других), ограничены спецификой частнонаучной методологии, не достигают необходимого уровня обобщения и глубины исследования концептуальных вопросов. Преимущество философского подхода к образованию состоит в том, что философия поднимает целый ряд вопросов: в какой форме должно осуществляться образование, чтобы оно было признано наилучшим? Каково

взаимодействие культуры и образования? Какое знание имеет высшую ценность? Ответ на эти и другие вопросы, связан с областью философских проблем образования.

Дифференциация научного знания об образовании получила настолько выраженный характер, что оказалась вполне естественной обратной реакцией – возник интерес к интеграции отраслей науки, занимающейся исследованием образования.

В первую очередь речь пойдёт о философском подходе к образованию, оформившемся в границах особой отрасли знания – философии образования.

В современных условиях сложилось три подхода к определению статуса философии образования. Первый из них считает философию образования прикладной философией. Прикладной – в том смысле, что общие принципы и положения философии применяются (прикладываются) для анализа самых различных сторон образования, рассматриваемых и как система, и как процесс, и как деятельность, и как ценность, и как социальный институт (Н. Г. Алексеев, П. Г. Щедровицкий и др.).

Второй подход к философии образования отрицает её статус как особой отрасли знания. Сторонники её утверждают, что содержание философии образования в основном совпадает с теоретико-методологической проблематикой педагогической науки. Если приверженцами прикладного характера философии образования являются преимущественно представители философской науки, то сторонниками второй позиции оказываются учёные-педагоги (В. В. Раевский, Г. М. Филонов, Б. Л. Вульфсон, В. В. Кумарин).

Третий подход принципиально отличается от двух предыдущих. Согласно этому подходу, философия образования выступает как самостоятельная область научных знаний, предметом которой являются закономерности функционирования и развития сферы образования во всех её аспектах – ценностно-целевых, системных, процессуальных и результативных. Общефилософские знания сами по себе останутся абстрактной схемой, если они не будут обогащены знаниями политологии, педагогики, этики и т. д. [1, с. 646].

Философия образования – это интегрированная наука, которая определяет политику в сфере образования и которая даёт междисциплинарные знания о сущности объектов целенаправленного изучения и управления в данной сфере, об оптимальных путях достижения общественно и лично-необходимых целей образовательной деятельности, о перспективе развития системы образования в целом и отдельных её составляющих.

Современная философия пытается преодолеть субъект-объектную дихотомию человека, вернуть ему целостность, соединяя это с философским принципом толерантного отношения к «другому». В условиях нарастания разнообразности толерантность, ориентация на взаимопонимание и взаимоуважение обуславливает необходимость формирования полилогической культуры и становится едва ли не единственным условием нейтрализации нарастания тотальной конфронтации индивидов, социальных групп, конфессий, стран, культур, цивилизаций.

Принцип толерантности логично соответствует такой философско-методологической установке, как интерпретация. В современной философской практике всё нагляднее выступает тенденция перехода от «законодательного» типа мышления к его «интерпретирующему» типу. Именно интерпретирующий способ философствования «снимает» проблему методологических оппозиций, трансформирует её в проблемы дискурса [2, с. 110]. Образование выступает механизмом воспроизведения человеческой жизнедеятельности на индивидуально-личностном и общественном уровнях. Если индивидуальное в личности, как правило, есть неповторимым и уникальным, то общественное – тем, которое делегируется в образование как требование конкретного исторического типа культуры.

Возрастание роли знания, роли человека и его творческой деятельности в общественной жизни определяют глубину изменений характера и структуры образования. Содержание образования, его структура и методология должны отвечать характеру общества, а поскольку человек есть основой современного общества, антропологическое содержание образования приобретает определяющий характер.

Антропологическое содержание идеи человекоцентризма сводится прежде всего к раскрытию творческого в индивиде, того, что определяется как личностное начало в человеке. Современный субъект образовательного процесса должен иметь возможность выборочно получать знания на основе только ему присущих мотивационных стратегий.

Образование следует рассматривать как способ становления, реализации нового человека,

развитие которого базируется на всеобщности, многогранности, богатстве всех его способностей, возможностей, талантов, ресурсов и потенциалов. Творение нового человека есть одновременно и творением нового общества.

Построение идеальной модели будущего человека базируется на выполненном анализе перспектив развития общества в целом и требований, которые оно будет ставить перед человеком. Обобщая, можно назвать черты так называемого «идеального образа» человека, которые должно сформировать образование: открытость экспериментам, инновациям и изменениям; умение находить и обрабатывать информацию; способность критически мыслить и принимать самостоятельные решения; умение планировать будущие действия для достижения прогнозируемых целей, как в общественной, так и в личной жизни; хорошо сформированные качества коммуникации; нематериальная мотивация. Это идеальная модель современного образованного человека есть критерием, за которым формируется содержание, организационная система и методология образования.

Антропологическое содержание образования включает всестороннее развитие активной, направленной на самореализацию личности. Человек должен быть целью, а не средством – этот императив ещё не стал нормой. И именно образованию следует внедрять его в жизнь, формируя самодостаточного человека, который признает другого человека равным себе и самодостаточным.

Как метафизическое и мировоззренческое мышление человекоцентризм имеет дело с более глубоким фундаментальным предметом, чем гуманизм или антропология. Если философия есть проявлением человекоцентризма, то человекоцентризм – проявлением жизни человека. Поэтому предметом философии человекоцентризма есть жизнь индивида, взятое как целостность материальных, сознательных и неосознанных, конечных и бесконечных, общих и национальных явлений. В мировоззренческом плане философия человекоцентризма выступает как главное средство осознания сущности личности.

С точки зрения философии образование есть трансформацией «духа эпохи» в структуру сознания, мировоззрения, культуру. Трансформированный образованием «дух эпохи» становится базовой основой личности, определяет соразмерность человека с эпохой. Через образование он задаёт общественно-определённые параметры личности.

Философия образования определяет, во-первых, общественное качество и значение образовательного идеала, который содержит в себе «дух эпохи», во-вторых, эффективность его реализации педагогическими мероприятиями в условиях определённого типа культуры, в-третьих, соответствие цивилизационным магистралям развития человечества в общеисторическом аспекте.

Литература и источники

1. Педагогика: Большая современная энциклопедия / Сост. Е. С. Рапацевич. – Минск. – 2005.
2. Горбунова, Л. С. Предметне поле філософії освіти: крок до визначення / Л. С. Горбунова // Вища освіта України. – 2001. – №1. – С. 108–112.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

А. В. Ляпанов

В нашей работе мы предлагаем рассматривать модернизацию как необходимый целенаправленный, широкий по охвату процесс обеспечения конкурентоспособности России и, следовательно, ее успешного выживания в долгосрочной стратегической перспективе. Это собирательный термин, который включает в себя и социальные и экономические, и политические, и прочие аспекты.

В самом общем виде модернизацию можно представить как – совокупность технологических, экономических, социальных, культурных, политических перемен, направленных на совершенствование общественной системы в целом. Вслед за современными социологами можно выделить два вида модернизации: органическую и неорганическую. Органическая модернизация является моментом собственного развития страны и подготовлена всем ходом предшествующего развития. Такая модернизация начинается не с экономики и политики, а с культуры, и с изменения общественного сознания.

Неорганическая модернизация происходит как ответ на внешний вызов со стороны более развитых стран. Она представляет собой способ «догоняющего» развития, предпринимаемый правящими кругами той или иной страны. Неорганическая модернизация начинается не с культуры, а с экономики и политики. Неорганическая модернизация совершается путем заимствования зарубежного опыта, приобретения передовой техники и технологии, приглашения специалистов, обучения за рубежом, перестройки форм государственного управления и норм культурной жизни по образцу передовых стран. Чтобы эта политика привела к положительным результатам, она должна получить поддержку широких слоев населения.

Курс на модернизацию в России имеет давнюю историю. Что общего в прошлом и нынешнем этапе, что нового мы предлагаем сегодня? Всегда мы стремились кого-то догнать, всегда это происходило за счет народа, всегда инициатива исходила сверху и реализовывалась через чиновничий аппарат. Возможно, нашим новаторством должно стать осознание того факта, что модернизацию необходимо начинать с основ: с культуры и образования.

Системы образования, в отличие от обычных системных объектов, являются в широком смысле исторически изменяющимися, зависящими от конкретного этапа развития общества. В соответствии с этими этапами периодически происходит переориентация их целей, функций, приоритетных направлений развития, появление новых образовательных структур и соответствующих социальных институтов.

На данный момент уже можно оценивать уровень реализации принципов Болонского процесса в России. К сожалению, многие проблемы, наметившиеся в начале пути не удалось в полной мере решить и до сегодняшнего момента. Так еще в докладе, подготовленном группой экспертов по анализу условий реализации Болонских принципов в России в 2005 году, были отмечены следующие проблемы:

- проблема формирования эффективной системы аккредитации;
- инерционность восприятия рынком труда степени бакалавра;
- неготовность части российской высшей школы выступать равноправным партнером в программах мобильности (недостаточное финансирование, слабое знание иностранных языков);
- излишняя регламентация недостаточная гибкость, адаптивность учебных программ;
- неготовность многих вузов к формированию новых компетенций выпускников, направленных на мобильность в рынке труда [1].

Наряду с перечисленными проблемами по содержанию и качеству образования существуют и трудности, связанные с ресурсным и социальным обеспечением интеграции:

- недостаточность научно-методического, кадрового, материально-технического обеспечения для реализации положений Болонской Декларации;
- недостаточность уровня применения информационных технологий в образовательном процессе и менеджменте;
- отток высококвалифицированных специалистов [2, с. 31].

Говоря о результатах включения России в Болонский процесс, на данный момент мы можем говорить только о начале создания адаптивной системы образования, однако, уже сегодня намечены основные ориентиры будущей системы образования в России. Речь идет о положениях зафиксированных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [3]. В ней ставится задача модернизации системы образования, которая является основой динамичного экономического роста и социального развития общества, фактором благополучия граждан и безопасности страны.

Стратегическая цель государственной политики в области образования – повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина.

Возвращаясь к проблеме социального планирования в сфере образования, обратим внимание на такое важное направление, как обеспечение потребностей рынка труда в специалистах соответствующей квалификации.

Сегодня, как отмечается в Стратегии социально-экономического развития регионов, в большинстве субъектов РФ система профессионального образования развернута под уже не существующие советские территориально-производственные комплексы и не справляется с задачей обеспечения достаточной квалификации населения. В силу этого складывается ситуация, во-первых, мас-

совой депрофессионализации населения; во-вторых, утраты выгоды от ранее сделанных образовательных инвестиций; в-третьих, общего снижения качества профессионального образования, ориентированного на потребности предыдущего этапа развития регионального хозяйства или, в лучшем случае, текущего момента; в-четвертых, временных, но массовых потерь рынка труда, когда большая часть населения тратит время на малоперспективное переобучение. Во многих регионах (а особенно с высокими темпами экономического роста) наблюдается одинаковая картина на рынке труда: не хватает квалифицированных рабочих, существует переизбыток специалистов с высшим образованием (зачастую гуманитарных специальностей) и в то же время недостаток квалифицированных специалистов как технических, так и гуманитарных направлений (но с опытом работы или наличием второго, управленческого, образования). При этом образовательная система не сможет восполнить существующие проблемы на рынке труда [4].

Современные рыночные условия создали диспропорцию между образованием и рынком труда.

Ориентация образовательных услуг на соответствие потребностям рынка труда важное, но не единственное направление стратегического планирования в сфере образования. Еще одна важная проблема - это качество образовательных услуг [5, с. 34–37].

Правильно выстроенная и хорошо отлаженная система высшего образования должна способствовать модернизации российского общества, стать основой динамичного экономического роста, фактором благополучия граждан и безопасности страны. Все это возможно только при условии применения научно-обоснованных принципов социального планирования.

Литература и источники

1. Екимова, Т. Этапы большого пути. Болонский процесс в России / Т. Екимова, Ю. Краснова, Д. Харитонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru-ects.csu.ru/ru/node/11>. – Дата доступа: 22.01.2015.
2. Афанасьев, Ю. Роль инновационных образовательных программ в реализации принципов Болонского процесса / Ю. Афанасьев // Материалы семинара по Болонскому процессу // Высшее образование в России. – 2006. – №3.
3. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» / Собрание законодательства РФ, 24.11.2008, N 47, ст. 5489.
4. Градировский, С. Н. Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.archipelag.ru. – Дата доступа: 22.01.2015.
5. Поляков, В. Качество образования – стратегический ресурс российской экономики / В. Поляков // Управление качеством. – 2010. – № 8. – С. 34–37.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ю. Л. Загуменнов

Поставив задачу создать конкурентоспособную экономику и обеспечить высокий уровень жизни граждан, Республика Беларусь не может находиться в стороне от процессов, позволяющих странам сравнивать результаты образовательной деятельности с общеевропейскими и мировыми и соответствующим образом оперативно реагировать и корректировать курс по изменениям национальных систем образования.

В связи с этим следует приветствовать недавние шаги белорусского государства в этом направлении, а именно, решение об участии Республики Беларусь, начиная с 2018 года, в международной системе оценки качества образования PISA, в рамках которой оцениваются достижения 15-летних школьников (именно в этом возрасте в большинстве стран заканчивается получение базового школьного образования).

Исследование PISA проводится Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и включает 2 основных параметра качества образования:

1. Функциональную грамотность: владение ключевыми компетенциями, которыми должен

обладать каждый выпускник школы, такими, как математическая, естественнонаучная, технологическая компетенции; способность эффективно общаться на родном и иностранных языках; использовать информационно-коммуникативные технологии, конструктивно мыслить; брать на себя ответственность, взаимодействовать, сотрудничать, работать в команде; непрерывно учиться; позитивно относиться к себе и окружающему миру.

2. Инклюзивное образование: реализация принципа равенства возможностей, в том числе, отсутствие разрыва между достижениями сильных и слабых школьников.

Очевидно, что для того, чтобы занять достойное место в рейтинге стран по качеству образования, Республике Беларусь, где в школах и вузах по-прежнему преобладает «энциклопедический» подход в содержании образования, а инклюзия трактуется в узком значении этого понятия, т.е. как интеграция учащихся с особенностями психофизического развития в обычные учебные заведения, предстоит сместить акценты в своей образовательной политике.

Действительно, в современном мире владение учащимися энциклопедическими знаниями не является показателем качества системы образования. Не являются всеобъемлющим показателем качества образования и победы одаренных учащихся в международных предметных олимпиадах, т. к. в данном случае речь идет об успехах только 1–2% учащихся.

Пока же содержание образования в Беларуси по-прежнему перегружено информацией энциклопедического характера, которую учащиеся обязаны запомнить. Однако такое традиционное предметное «энциклопедическое» содержание не охватывает полный диапазон результатов образования, необходимых для самореализации человека, социально-экономического, политического и духовного развития общества. В мире, где объем информации увеличивается в геометрической прогрессии, невозможно достичь нового качества образования за счёт увеличения объёма знаний или изменения содержания по отдельным предметам путем удаления устаревших и последующего добавления новых разделов и тем. Важно привить интерес к образованию и научить детей учиться на протяжении всей жизни. Что касается школьных предметов, которые непосредственно направлены на формирование ключевых компетенций, таких, например, как математика, то здесь в белорусских школьных программах пока отсутствуют именно те разделы, которые сегодня в первую очередь востребованы наукой и практикой и результаты изучения которых оцениваются международными исследованиями [1].

В Беларуси, благодаря усилиям Общественно-консультативного совета при Администрации Президента, членом которого являлся автор данной статьи, компетентностный подход, наконец, получил официальное признание и рассматривается в Кодексе об образовании Республики Беларусь в качестве одного из основных принципов, что дает основание для соответствующего анализа существующих учебно-методических комплексов, внесения необходимых изменений в содержание образования, выстраивания его вокруг ключевых и проблемно-ориентированных компетенций, освобождения содержания образования от излишней информации, которую при необходимости учащиеся, обладая соответствующими компетенциями, могут добывать сами, в том числе, используя современные компьютерные технологии.

Вторым важнейшим показателем качества школьного образования в соответствии с международной системой оценки качества, является его инклюзивность, в том числе, отсутствие значительного разрыва между достижениями «сильных» и «слабых» учащихся [2]. Дети должны учиться вместе, и что не менее важно, учиться жить вместе, так как без инклюзивного образования невозможно создать инклюзивное общество.

Развитые страны мира уже отказались от деления детей на группы по «уму». Исследования европейских ученых показали, что на практике селекция и сегрегация детей осуществлялась на основе социального статуса семей учащихся и вела к неравенству возможностей в получении качественного образования для значительного количества детей. В то же время, исследования убедительно доказали, что в начальной и базовой школах одаренные дети, которые учились в обычных классах, достигали тех же успехов, как и те, кто учился в специально отобранных классах для «умных» детей, при этом в обычных классах умные дети положительно влияли на результаты обучения своих одноклассников [3].

Базовая школа обязана принимать и учить качественно всех детей, а не только одаренных, здоровых и из семей с высоким социально-экономическим статусом. Тем более, что в мире существуют эффективные модели дифференциации обучения в базовой и на старшей ступени школы,

основанные на мультипрофильном подходе, гибкой организации учебного процесса, обеспечивающие качественное образование каждого ребенка с учетом его интересов и способностей, без нарушения принципа равенства возможностей.

Именно мультипрофильная система организации школы позволяет реализовать инклюзивный подход в образовании учащихся, обеспечить равные возможности каждому ученику в получении качественного образования, необходимого для успешной личной и профессиональной жизни, избежать сегрегации учащихся на основе социально-экономического статуса родителей, психофизических, языковых, культурных, этнических, религиозных и других различий.

Литература и источники

1. Загумённов, Ю. Л. Развитие компетентностного подхода в образовании / Ю. Л. Загумённов // Стратегический курс столицы в развитии системы образования Республики Беларусь: компетентностный подход: материалы симпозиума науч.-практ. конф., 7–8 апр. 2009 г., г. Минск / редкол.: Н. Д. Алексеев [и др.]. – Минск, 2009. – С. 127–128.
2. Загумённов, Ю. Л. Инклюзивное образование: сущность, проблемы, перспективы / Ю. Л. Загумённов // Адукацыя і выхаванне. – 2009. – № 2. – С. 71–77.
3. Скоу, Л. Р. Подходы, опыт и задачи диверсификации образования в Дании / Л. Р. Скоу // Материалы межд. конф.: Профильное обучение: состояние, проблемы, перспективы. – Минск, 2007. – С. 39–51.

ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И МОДЕЛИ ПРОФОРИЕНТАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОСВЯЗИ

С. Г. Масько, П. С. Крючек

Процессы, происходящие в современном обществе, характеризуются целым рядом зависимостей, зачастую противоречащих друг другу. Так, нельзя отрицать очевидную глобализацию социума, но, с другой стороны, темпы развития экономик отдельных государств, а, значит, и уровня жизни граждан существенно отличаются друг от друга. И эти различия продолжают усиливаться.

При объяснении причин дифференциации этносов, социологи, философы и другие группы учёных выдвигают разные основания. Это и различные стартовые исторические условия, и разная степень обладания природными ресурсами, и многое другое.

Не отрицая подобных подходов, тем не менее, можно выделить то общее, что характерно для человеческого сообщества в целом. Это, прежде всего, то, что мы относим себя к виду «*homo sapiens*», т. е. воспринимаем внешний мир, самих себя и себе подобных в этом мире исключительно и обязательно в рамках осознанных законов логики.

Эта идея позволила сформулировать и разработать те парадигмы образования, в рамках которых создаются конкурентные механизмы трансформации социального и иного опыта от индивида к индивиду и от поколения к поколению, в т. ч. по вопросам профориентации. Одной из исторически первой является антропоцентрическая. Её исходной идеей является утверждение об уникальности и неповторимости каждого человека с момента его рождения. Как следствие, в процессе социализации (в т. ч. образования и воспитания) этот потенциальный индивидуальный талант необходимо обязательно раскрыть и, по возможности, развить.

Всякая индивидуальность может проявить себя только относительно другой индивидуальности (как вариант – иной «групповой» системы социума, но обязательно «иной»). Как следствие, выразить себя она может только в диалоге с этим «иным».

Подобный подход к формированию индивида неминуемо вёл к механизму «парной педагогики», т. е. общению учителя с учеником. Именно поэтому, основателем антропоцентризма в педагогике совершенно справедливо считают древнегреческого Сократа. В своих беседах с учениками он так грамотно ставил вопросы, что слушатели самостоятельно, по их мнению, приходили к ответам, которые от них хотел услышать Сократ. Подобная система подготовки самостоятельно мыслящего индивида нашла своё наиболее последовательное выражение в американской педагогике.

В рамках разработанной концепции «индивидуальной одарённости» американские школь-

ники на последних двух или трёх годах обучения могут выбрать три варианта профиля: академический, общий и профессиональный. Каждый из них предполагает своё направление предпрофильной подготовки. Вариативность обеспечивается за счёт расширенного спектра различных дисциплин по выбору. Существенно учитывается мнение родителей, их финансовые возможности, семейные традиции и т. д.

Американская модель стимулирует школьника к социальному росту, самореализации и самообразованию. Тезис об «американской мечте», понимаемой как желание быть первым и лучшим, определяющий ментальность среднестатистического гражданина страны, органически закладывается ещё в школе и реализуется затем в течение всей последующей жизни.

Диаметрально противоположной антропологической, в некотором смысле, является концепция социоцентризма. Основоположителем её является Аристотель. Именно он впервые выдвинул идею об универсальности этапов социализации личности человека, независимых от его индивидуальных характеристик. За исходную позицию выступает идея о главенстве социальных потребностей, а значит, и тех черт, которыми должны обладать строители данного общества. Личностные особенности могут иметь значение только в том случае, если они не противоречат ранее заданным социальным. В противном случае, личность уничтожается, в т. ч. и физически.

В бывших советских республиках, в т. ч. и Республике Беларусь модель образования сложилась в процессе становления и укрепления сталинского правления и соответствующего политического режима. Для неё характерны: единые требования к содержанию учебных программ (во многом формализованное) невозможность для учащегося иметь своё «иное» мнение за счёт жёсткого подчинения авторитарному учителю, который мог высказывать суждения в виде «истины в конечной инстанции» и т. д.

В настоящее время в ходе обновления средней и высшей школы в РБ, в т. ч. в процессе вхождения нашего государства в Болонский процесс, открываются возможности для создания системы образования, реально отвечающей потребностям развития белорусского социума. Внешние вызовы с неумолимостью требуют создания таких управленческих и образовательных систем, в т. ч. профориентационных, которые обеспечат национальную безопасность и устойчивое развитие республики. При этом необходимо обеспечить гармонию в экономическом развитии и профессиональной подготовке трудящихся. А, учитывая, что образовательная среда формируется на парадигмальных, т. е. теоретических построениях, можно утверждать, что она должна развиваться с опережением потребностей сегодняшнего дня, ориентируясь на будущее поколение.

Литература и источники

1. Анюшкина, В. Л. Образование. Инновация. Будущее / В. Л. Анюшкина, С. В. Резванов. – Москва, 2001.
2. Алексеев, Н. А. Личностно-ориентированное обучение в школе / Н. А. Алексеев. – Ростов на Дону, 2006.
3. Балюк, А. Д. Проблема социализации и профессиональной ориентации личности в современных условиях: теоретические и методологические подходы исследования / А. Д. Балюк // Гуманитарные и социально-экономические науки. Социология. – 2012. – № 5. – С. 110–115.
4. Гриншпун, С. С. Профессиональная ориентация школьников в США / С. С. Гриншпун // Педагогика. – 2005. – № 9. – С. 65–72.
5. Кузнецов, Ю. В. Социально-философские концепции социализации личности / Ю. В. Кузнецов, В. А. Кравцов, А. И. Кибиткин // Вестник МГТУ. – 2012. – № 1. – С. 118–212.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДСТВАМИ И НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

И. В. Чельшева

Последние годы XX века и начало XXI столетия ознаменовали собой значительные трансформации в государственной, социокультурной, образовательной областях. Как известно, «образование отдельного человека складывается и растет в ходе взаимодействия личности с культурой сообщества» [1, с. 66], важным сегментом которой выступают произведения медиакультуры.

Произведения медиакультуры обладают значительным потенциалом для непрерывного образования. «С развитием информационной революции «поток» с экрана усиливается и становится

все более разнообразным. Индивидуальная культура перестает быть общей для всех людей даже одной страны. Она уже теперь состоит из групп, объединенных общими интересами, увлечениями, профессией, религией, политическими предпочтениями и т. д.» [2, с. 13].

По справедливому мнению А.В. Минбалеева, необходимость модернизационных процессов отечественного образования, включая использование потенциала медиапедагогики (образования средствами и на материале произведений медиакультуры), подкреплена и сменой парадигмы общественно-государственной жизни, потребовавшей от образования, «как ведущего фактора трансформации и развития общества, радикального обновления ценностных ориентиров и построения образовательной системы, в том числе с учетом принципов информативности и дистанционного образования, обязательности использования новых информационно-телекоммуникативных технологий, снижения затратности образования за счет ускорения доступа к информации» [3, с. 267].

Можно утверждать, что современные тенденции развития медиаобразования вполне созвучны мировой практике. Актуальными в этом плане выступают рекомендации ЮНЕСКО, принятые в Париже в 2007 г. Данные рекомендации способствуют выполнению четырех основных актуальных положений Грюнвальдской Декларации: 1) разработка всесторонних программ по медиаобразованию на всех образовательных уровнях; 2) подготовка педагогов в области медиаобразования и рост информированности о медиаграмотности всех заинтересованных лиц и организаций в социальной сфере; 3) проведение исследований в области медиаобразования и распространение их результатов с помощью сетевого вещания; 4) международное сотрудничество в области медиаобразования.

В Рекомендациях подчеркивается, что медиаобразование не может получить широкого распространения без принятия усилий по увеличению информированности людей и мобилизации всех заинтересованных, в частности политиков высокого уровня, ответственных за принятие решений во всех странах мира. Актуальность реализации данных рекомендаций очевидна. В настоящее время медиаобразование осуществляется лишь в ряде российских высших педагогических учебных заведений (Москва, Воронеж, Таганрог, Курган и др.), тогда как в мировой практике (например, в Канаде, Великобритании и др. странах) важной тенденцией выступает непрерывное медиаобразование, развитие медиаграмотности (медиакомпетентности) всех возрастных и социальных групп.

Научно-теоретические исследования и апробация основных направлений медиапедагогики осуществляются сегодня целым рядом отечественных научно-образовательных центров, занимающихся проблемами внедрения медиаобразования в образовательный процесс. Примером здесь может служить Научно-образовательный центр «Медиаобразование и медиакомпетентность» (руководитель центра – А.В. Федоров).

Функции Научно-образовательного центра «Медиаобразование и медиакомпетентность» реализуются в развитии инновационных направлений научно-исследовательских разработок в области медиаобразования и медиакомпетентности; интеграции учебного потенциала вуза и научно-образовательного центра в области медиаобразования; создании условий для интеграции в российское и международное научно-исследовательское пространство и установление партнерских отношений с ведущими российскими и зарубежными научно-образовательными центрами в области медиаобразования и медиакомпетентности.

Основной целью НОЦ «Медиаобразование и медиакомпетентность» в работе со школьниками, студентами, учителями школ и преподавателями вузов направлена на развитие медиакомпетентности личности, под которой понимается «совокупность ее мотивов, знаний, умений, способностей (показатели: мотивационный, контактный, информационный, перцептивный, интерпретационный/оценочный, практико-деятельностный, креативный), способствующих выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медиатекстов в различных видах, формах и жанрах, анализу сложных процессов функционирования медиа в социуме» [4, с. 54]. Участниками Научно-образовательного центра «Медиаобразование и медиакомпетентность» разработан ряд учебных программ для школьников, студентов и педагогов, накоплен обширный объем методических материалов по тематике медиаобразования, имеющих большое значение для практической реализации медиаобразования.

Подготовка медиакомпетентных бакалавров и магистрантов, способных полноценно использовать медиа в своей профессиональной деятельности, осуществляется в Таганрогском институте имени А. П. Чехова с 2002 года.

В результате изучения курсов медиаобразовательной тематики аудитория не только приобретает необходимые теоретические знания, но и учится использовать эти знания в процессе педагогической практики; разрабатывают и апробируют циклы занятий кино- или видеоклубов, юнкорских кружков, факультативов по медиаобразованию для всех - словесных, наглядных, репродуктивных, исследовательских, эвристических, проблемных, игровых.

Важным сегментом непрерывного медиаобразования становится обсуждение эстетических, нравственных, философских проблем медиапроизведений; выполнение групповых и индивидуальных творческих заданий; свободное общение; диспуты; анкетирования; письменные работы (рецензирование, отзывы, сочинения на тему просмотренных фильмов и т. д.).

В процессе изучения и анализа произведений медиакультуры различных видов и жанров аудитория разрабатывает сценарии медиатекстов на материале телевидения, Интернета, кинематографа, прессы для школьной и молодежной аудитории; проводит анализ аудиовизуальных медиатекстов, в том числе – и педагогической направленности и т. д. Как свидетельствует практика работы, такие виды занятий способствуют развитию критического мышления и умения аргументированно оценивать медиаинформацию, активизируют познавательный потенциал, позволяют развивать эстетические и художественные медиапредпочтения, способствовать более полноценному медиавосприятию, формированию эстетического вкуса аудитории [5, с. 70].

Полученные знания и приобретенные в процессе прохождения педпрактики умения и навыки работы на материале произведений медиакультуры могут демонстрироваться в ходе конкурсных презентаций медиаобразовательных проектов различной тематики, представлении наиболее перспективных медиаобразовательных моделей и направлений для реализации в условиях современного непрерывного образования, а также максимального использования потенциальных возможностей произведений медиакультуры в организации различных досуговых и социально-педагогических проектов, акций, конкурсов, игровых программ и т. д.

Литература и источники

1. Гусинский, Э. Н., Турчанинова Ю. И. Введение в философию образования / Э. Н. Гусинский, Ю. И. Турчанинова. – М., 2001.
2. Разлогов, К. Э. Экранный гипертекст / К. Э. Разлогов // Экранная культура в современном медиапространстве: методология, технологии, практики. – М.; Екатеринбург, 2006. – С. 8–14.
3. Минбалеев, А. В. Роль медиаобразования в формировании информационно-правовой культуры современной молодежи / А. В. Минбалеев // Экранная культура в современном медиапространстве: методология, технологии, практики / Под ред. Н. Б. Кирилловой, К. Э. Разлогова и др. – М.; Екатеринбург, 2006. – С. 265–270.
4. Федоров, А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогических вузов / А. В. Федоров. – М., 2007.
5. Чельшева, И. В. Научно-образовательный центр «Медиаобразование и медиакомпетентность»: работа со школьными учителями и преподавателями вузов / И. В. Чельшева. – Таганрог, 2011.

Тьюторское сопровождение и его роль в реализации принципа образования через всю жизнь

Е. Ю. Гуртовая, А. А. Гуртовой

Развитие «экономики знаний», повлекшее за собой не только изменение приоритетов и ценностных ориентиров современного общества, но и изменения рынка труда, требует от современного специалиста учиться в течение всей жизни. Вхождение Республики Беларусь в Европейское пространство высшего образования (ЕПВО) предполагает проведение структурных реформ в образовании в соответствии с дорожной картой и согласно ценностям, принципам и целям ЕПВО. Это, прежде всего, приоритет непрерывного образования и обеспечение каждому человеку возможности формирования индивидуальной образовательной траектории, профессионального, карьерного и личностного роста, организации профессиональной педагогической поддержки. Сложившаяся сегодня в системе педагогического образования республики традиционная форма психолого-педагогического сопровождения студентов, имеющих академические проблемы, препятствующие их профессиональному развитию, не соответствует парадигме образования через всю жизнь.

Это актуализирует введение института тьюторства в белорусских учреждениях высшего образования.

Тьюторская деятельность – это деятельность по индивидуализации образования, направленная на прояснение образовательных мотивов и интересов обучающегося, поиск образовательных ресурсов для создания индивидуальной образовательной программы, работа с образовательным заказом семьи, формирование учебной и образовательной рефлексии обучающегося [1, с. 35]. Главный инструмент обучения, воспитания и базовая функциональная обязанность тьютора – создание индивидуальной образовательной программы, которая постоянно уточняется и корректируется в зависимости от совместного анализа успехов и продвижения тьюторанта на пути освоения знаний.

Понятие «тьютор» как участник университетского процесса образования сложилось ещё в XIV веке в классических английских университетах – Оксфорде и Кембридже. В то время в университетах не существовало строго регламентированных и унифицированных требований к студентам в плане выбора определенных занятий, выполнения заданий. В образовательном пространстве одновременно присутствовали множество школ, авторитетов, учителей, как авторов своего курса. Студент должен был сам определить путь достижения знаний, необходимых для получения степени, что требовало от обучающегося, постоянного самоопределения и выстраивания своей образовательной траектории. Именно в процессе достижения этого результата студенту и помогал тьютор [2]. «Тьютор и был фигурой, помогающей выстраивать эти траектории, и выполнял функции поддержки процесса самоопределения» [3]. Таким образом, одной из основных причин, делающих тьюторство реально востребованным в образовательном пространстве, стала его открытость и вариативность.

Для высшего образования стран постсоветского пространства тьюторство – явление достаточно новое, но достаточно востребованное, в связи с вхождением в единое европейское образовательное пространство. Так, в России официальный статус должности «тьютор» с 2008 года закреплён на государственном уровне в числе должностей работников общего, высшего и дополнительного профессионального образования. Тьютор рассматривается как помощник, консультант, организатор учебной деятельности и среды, осуществляющий персональное сопровождение в образовательном пространстве, выстраивание индивидуальной траектории обучения для каждого обучающегося, в соответствии с его познавательными интересами и поставленными целями. Кроме того, тьютор оказывает психологическую и педагогическую поддержку обучающимся, способствует наиболее полной реализации творческого потенциала и познавательной активности тьюторанта.

Деятельность тьютора основывается на антропологическом подходе, суть которого состоит в необходимости учета человеческой природы и ее изучения. Стержневым понятием здесь выступает уникальность человеческой личности, ее предназначения (в том числе и профессионального).

Тьюторская практика сопровождения индивидуальной образовательной программы, осуществляется с целью сопровождения всего процесса проектирования и построения подопечным своей образовательной траектории, начиная от работы с его первичным познавательным интересом, углублением этого интереса за счет образовательных исследований или проектов, специальной работы по формированию этого проекта, как образовательного, и до тьюторского консультирования в области профессиональных образовательных программ [1, с. 75].

Понятие «тьюторство» в практике работы белорусских университетов достаточно новое. Однако, понимание важности личностного развития для непрерывного образования, образования в течение всей жизни, приводит к повышению значимости раскрытия потенциальных возможностей и способностей каждого.

Главное отличие тьюторства от других методов в том, что обучающийся с самого начала привыкает работать самостоятельно: решать творческие и профессиональные задачи, проводить собственные исследования. Вследствие этого вырабатываются такие качества, как ответственность, стремление к постоянному самообразованию, адаптивность.

Тьютор не учитель, не преподаватель, а сопровождающий наставник, помогающий своему тьюторанту добиться желаемого результата при помощи использования эффективных методов учения, создания образовательной среды, позволяющей обучающемуся не только получать знания и навыки, но и решать реальные проблемы в своей деятельности, обучаясь в удобном для него режиме. При этом тьютор помогает максимально эффективно использовать все доступные ресурсы: учебные материалы, интернет-источники, практический опыт других обучающихся. В процессе обучения тьютор использует как очные, так и виртуальные формы обучения.

Работа тьютора – это ежедневное педагогическое творчество, так как нет единой технологии сопровождения, которая будет приносить одинаковый эффект с каждым студентом, по каждому предмету, в любой среде, поскольку каждый ученик уникален, и, таким образом, одни методы получения знания будут предпочтительны именно для него. Несмотря на это, есть несколько общих правил в работе тьютора, связанных с созданием максимального психологического комфорта для работы его подопечного.

Необходимо удостовериться в том, что тьюторант чувствует себя спокойно и непринужденно. Для эффективного сопровождения индивидуальной образовательной траектории тьютору необходимо установить доверительные отношения с тьюторантом. Только расслабленный и спокойный он может полностью сосредоточиться на задаче. Поэтому тьютор при первой встрече не должен сразу приступать к постановке задач, а вначале рассказывает о себе, своих интересах и просит обучающегося ответить тем же, стараясь создать атмосферу дружелюбия и приятия.

Важно оценивать текущий уровень продвижения ученика по его образовательной траектории. Тьютору важно получить определенную информацию о месте учебы его подопечного, наблюдать его на занятиях, чтобы выявить возможные причины учебных затруднений и наиболее результативные способы их устранения.

Для каждого тьюториала, безусловно, должен быть составлен план его проведения, который может корректироваться в процессе занятия. План должен предусматривать разные аспекты деятельности, поскольку однообразие приводит к быстрой утомляемости. Тьютор должен уточнять, какие именно части учебной программы нуждаются, по мнению студентов в проработке, но при этом нужно учитывать тот факт, что некоторым людям свойственно избегать наиболее сложных для себя областей, поэтому поиск этих проблемных мест составляет часть работы тьютора и фактор ее эффективности.

Тьютор учитывает и использует для достижения учебных целей даже внеучебные интересы своих обучающихся в качестве увлекательных примеров из близкой им области.

Таким образом, тьютору в его миссии необходимо уважение к ученику, осознание важности своей роли в его будущем. Причем значимость тьюторской поддержки проявляется не только в продвижении тьюторанта к получению высокой оценки и успешной образовательной деятельности в ближайшем будущем, но и в том, что, обладая мощными социализирующими возможностями воздействия на личность, человек развивает навыки необходимые для образования в течение всей жизни.

Литература и источники

1. Ковалева, Т. М. Профессия «тьютор» / Т. М. Ковалева [и др.]. – М.; Тверь, 2012.
2. Ковалева, Т. М. Открытые образовательные технологии как ресурс тьюторской деятельности в современном образовании / Т. М. Ковалева // Тьюторское сопровождение и открытые образовательные технологии: сб. статей. – М., 2008. – С. 8–16.
3. Абрамовских, Н. В. Тьюторство: история и современность / Н. В. Абрамовских, Е. А. Казаева – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2013/2013-3-31.pdf>. – Дата доступа: 01.02.2015.

3.2 Инновационное обеспечение высшего образования: теоретико-методологические аспекты

РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОБЩЕСТВА

В. А. Клименко, А. А. Клименко

Современная инновационная экономика основана на развитии четвертичного (информационного) сектора экономики и производств шестого технологического уклада (нано-, био-, IT-технологии).

В 2017–2018 гг. ожидается начало нового подъема мировой экономики, после системного кризиса, вызванного сменой действующего (пятого) технологического уклада. В 2020–2040 гг., по мнению экспертов, ключевую роль для конкурентоспособности будут играть технологии шестого технологического уклада – NBICS (nano, bio, info, cogno, socio) -технологии. Их развитие в Беларуси только начинается. В тоже время в настоящее время в США доля технологий VI технологического уклада составляет 5%, V – 60%. В России доля V уклада составляет 10%, IV – 50%.

Инновационная экономика характеризуется также концентрацией занятого населения в четвертичном секторе экономики (ИТ-сфера, финансовые, маркетинговые и консалтинговые услуги, наукоемкие производства) и в меньшей степени в третичном секторе, сфере услуг. В данной ситуации, структурная перестройка в экономике сопровождается уменьшением доли материальных затрат в промышленности, общим снижением ресурсоемкости за счет новых и высоких технологий, создания благоприятной обстановки для привлечения зарубежных инвестиций и увеличения доли оплаты труда работников до уровня развитых стран. В соответствии с этим перед белорусской экономикой стоит задача развития четвертичного сектора экономики, а со стороны системы образования – подготовка и переподготовка кадров необходимого уровня квалификации, обладающих мотивацией и компетенциями самостоятельного повышения квалификации (самообразования).

В тоже время, данные государственной статистики и социологического мониторинга (в период 2008–2015 гг.) свидетельствуют, что для белорусской экономики характерна концентрация занятого населения во вторичном и, в особенности, третичном секторах (в его непроизводственном сегменте). Аналогичная ситуация наблюдается и в Российской Федерации, где в третичном секторе сконцентрировано 3/5 занятого населения, в первичном – 1/10, вторичном – 1/4, в четвертичном – лишь 2%.

При переходе мирового сообщества к шестому технологическому укладу наблюдается рост интеллектуализации производства (нанотехнологии, IT-технологии, лазерные технологии), а также переход к непрерывному инновационному процессу в производстве и образовании. В то же время, происходит изменение структуры потребления, доминирующие позиции займут информация, образование и медицина. Именно в период становления нового технологического уклада современный работник (новатор, инициатор, лидер и др.) является ключевым звеном освоения и адаптации актуальных, жизнеспособных и перспективных в данном обществе новаций.

В современных условиях, когда происходит переход от индустриального к информационному обществу, выступают интеллектуальные кадры, у которых главным ресурсом являются знание и информация. В постиндустриальных обществах, по утверждению Д. Белла, именно знание становится «осевым принципом» общества, являясь источником всех инноваций. Осевой принцип изменяет, в свою очередь, классовую структуру общества и способствует преобладанию в ней специфического класса профессионалов. При этом новый интеллектуальный класс – профессионалы оказывает основное воздействие на принятие решений во всех сферах общества – экономической, политической и социальной [1, с. 231].

Интеллектуальный класс обладает особыми характеристиками. Академик Е. М. Бабосов выделяет следующие основные социальные особенности интеллектуальной элиты: 1) в ее состав входят люди творческих профессий (научные работники, писатели, художники, журналисты, адвокаты, архитекторы и т. д.), которые обладают неотчуждаемой собственностью на знания, информацию и творческие инновации, применяемые в различных сферах деятельности; 2) ей присущи высокие стандарты образования, нижним пределом которого является высшее образование, а желательным уровнем – ученая степень и звание; 3) все расширяющиеся востребованности деятельности ее представителей в качестве экспертов, консультантов, советников в различных сферах общественной жизни и высоких уровнях социальной иерархии; 4) производимый деятельностью интеллектуального класса конечный продукт – новые знания и информация – в процессе передачи новым людям не расходуется и не уменьшается, а возрастает; 5) высокий уровень ее материальной обеспеченности, что особенно типично для развитых стран (США, Германия, Япония, Франция, Швейцария, Канада и др.); 6) представители интеллектуальной элиты в значительно большей степени ориентируются не на материальные блага, а на постматериальные ценности (в самореализации, самовыражении, самоактуализации, достижении своего «акме») [2, с. 254–256].

В целом деятельность интеллектуальной элиты, как одного из основных стратифицирующих слоев современного общества, направлена на создание и использование новых знаний и информации, новых стилей в культуре, политике, социальной сфере, обеспечение их трансляции на уровень массового сознания и поведения. При этом следует отметить, что без этого социального слоя невозможно

совершить переход к постиндустриальной ноосферной стадии социально-экономического развития белорусского общества [2, с. 258].

Ведущая роль в формировании интеллектуальной элиты отводится университетскому образованию, так как современный университет представляет собой не только образовательный (учебный), но и научный и культурный центр, в котором осуществляется подготовка интеллектуала (человека интеллектуальной профессии). Данная подготовка представляет собой синхронный процесс трех составляющих: подготовка специалиста – профессионала (специально-профессиональное обучение); подготовка исследователя (гуманитарная подготовка); формирование высокообразованного и культурного человека (исследовательская подготовка) [3, с. 64]. Как подчеркивает К. Ясперс, «в самой идее университета три аспекта его деятельности представлены в неразрывном единстве. Ни один из них нельзя изъять, не нарушив интеллектуальную атмосферу, присущую университету, и одновременно не нанеся ущерба самой выделяемой функции. Все три аспекта – составляющие элементы живого целого. Если их изолировать друг от друга, то будет утрачен сам дух университетского образования» [4, с. 87]. Более того, в современных условиях университет выступает не только как учебный, научный и культурный центр, но и как важный социальный институт, который оказывает различные социальные услуги (коммерческие и благотворительные), а также вокруг которого организовываются различные общественные организации и т. д. В целом, следует подчеркнуть, современный университет реализует в своей деятельности как профессиональные цели (формирование специальных знаний, умений и навыков), так и гуманитарные (формирование гражданского сознания, убеждений, ценностных ориентаций, подготовка к участию в общественной жизни, к освоению культурных ценностей и др.) и научно-исследовательские (развитие интеллекта, творческих способностей, формирование исследовательских навыков).

Литература и источники

1. Аберкромби, М. Социологический словарь / М. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; пер. с англ. – Казань, 1997.
2. Бабосов, Е. М. Социально-стратификационная панорама современной Беларуси / Е. М. Бабосов. – Минск, 2002.
3. Костюкевич, С. В. Университетское образование как обучение интеллектуальной профессии / С. В. Костюкевич // Наука и образование на пороге III тысячелетия: тез. докл. Межд. Конгресса; г. Минск, 3–6 октября 2005г. – В 2-х книгах. – Минск, 2000.
4. Мишед, Л. Идея университета / Л. Мишед // Вестник высшей школы. – 1991. – № 9.

КВАЛИМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. И. Мицкевич

Проблемы квалиметрии качества высшего образования в Республике Беларусь стали предметом научного исследования в последнее десятилетие. В практике высшего образования прошлых лет речь велась о качестве знаний студента, об уровне их профессиональной готовности, но в научной литературе тех времен не существовало понятие «качество образования».

В конце 90-х годов XX столетия начали создаваться Государственные стандарты образования, разрабатывались и утверждались типовые программы по каждой читаемой в вузе дисциплине. В последние годы усиливается тенденция интеграции высшего образования в мировое пространство. В связи с этим еще острее стала проблема оценки качества высшего образования. Среди шести положений Болонской декларации, обуславливающих проведение преобразований в национальных системах высшего образования и являющихся для подписавших ее стран обязательствами, проблема качества представлена необходимостью разработки сопоставимых критериев и методологий. Остальные положения Декларации по существу предписывают основные механизмы ее решения.

Каждый образовательный процесс может быть качественно исследован только на основании целостного подхода. Целостный подход предполагает сбор и анализ фактов, их соединение в группы, обобщение, формулировку правил и закономерностей, создание научных теорий, охватывающих все переменные.

Исследуя дидактическую систему учреждения высшего образования как теоретический феномен и реальную практику, мы пришли к необходимости теоретического обоснования *измерений*

как метода отражения объективной реальности.

Рассмотрим *квалиметрию высшего образования как самостоятельный научный феномен*. В его толковании будем исходить из определения, которое утверждает, что «квалиметрия (лат. «*qualis* – какой, какого качества + ... метрия) – область науки, объединяющая методы количественной оценки качества продукции». Важнейшей методологической основой квалиметрии является типология и структура деятельности. Особое место занимает «социальный круговорот» качеств деятельности. Будем считать, что *качество – фиксируемая различными методами определенность предмета исследования*. Выполненный анализ качества на основании его пространственно-временных параметров есть уже не качество как таковое, а качественно-определенное количество. Будем понимать «*количество*» как *объективную определенность качественно однородных явлений, т. е. их меру*.

Квалиметрическая составляющая каждого исследования синтезирует и обобщает все его этапы с позиции методологии оценки и измерения качества «процессов» и «результатов». Предлагаемая структура этой составляющей включает в себя общую квалиметрию как методологическую базу и квалиметрию образования, ее главное прикладное направление. Наше утверждение о самостоятельности квалиметрии высшего образования (КВО) подтвердим герменевтическими выводами о том, что существует самостоятельная система понятий данного научного направления.

1. КВО содержит самостоятельные методы оценки уровня профессиональной компетенции профессорско-преподавательского состава; требования к уровням профессиональной компетентности специалиста с высшим образованием, которые отражены в Государственном стандарте, профессиональной программе и акмеограмме (каждый из этих уровней может применяться на конкретном образовательном этапе).

2. Основой для выбора показателей КВО является формирование и развитие профессиональных запросов студентов-будущих специалистов. Для квалиметрии социальных процессов важен такой показатель, который будет личностно-ориентирован и отражать запрос отрасли на выпускника данного учебного заведения.

3. Эталонном специалистом каждой отрасли является акмеограмма, позволяющая судить об уровне достижения выпускником вершины профессионализма.

4. Каждый показатель КВО основывается на уровневом подходе (иерархичен), применяется поэтапно и имеет перспективную направленность. Все показатели КВО представляют собой одномерные величины, характеризующие процесс и результат. Каждый показатель оценивания имеет, как минимум, два параметра: уровень и вес в ряду аналогичных.

5. Сумма весовых показателей одного иерархического уровня – величина постоянная.

6. Комплексные показатели процесса и результата независимы от иерархии этапов и адекватны уровню профессиональной готовности обучающихся.

7. Показатели качества конкретного образовательного процесса имеют как суммарный характер, так и рассматриваются самостоятельно в сравнительно-временном аспекте. Последнее предполагает сравнение на каждом этапе профессиональной подготовки показателей «на входе», «в процессе» и «на выходе».

8. Комплексные показатели количественной оценки качества всегда содержат постоянный набор составляющих и предполагают их полное применение при каждом измерении.

9. Показатели КВО ориентированы на определение уровня выполнения конкретным учебным заведением всех своих функций.

Заметим, что в КВО существует парадокс самооценки: измеряя качества образовательных процессов, эксперт в определенном смысле измеряет конкретные свойства самого себя. А.И. Субетто назвал это «принципом измерительной реверсивности субъективных измерений качества». Сущность его состоит в том, что преподаватель (если он выступает в роли эксперта) не является просто контролером, а всегда активно взаимодействует с измеряемым объектом, т.к. он одновременно анализирует собственные качества личности, которые находит в оценках обучающихся.

Названный выше парадокс тесно связан с особыми свойствами феномена «качество». В *первую* очередь – это отражение качества процессов в качестве результатов. *Во-вторых*, развитием указанного свойства является «принцип жизненного цикла», который характеризует особенности применения квалиметрии в зависимости от «профессиональной зрелости» человека или той группы, в которую он включен при обучении. *Третье* свойство – двоякая (внешне-внутренняя) обусловленности качества, в которой реализуется взаимосвязь управления деятельностью и сама деятельность.

Рассматривая квалиметрию высшего образования, мы считаем, что при моделировании измерений, надо учитывать следующие подходы: онтологический, включающий экономические, социальные, технические и экологические аспекты; методологический, содержащий различные основания (базу) и способы (методы); аксиологический – синтез ценностей студентов, преподавателей и организаторов образовательного процесса; прагматический, направленный на определение специфики измерений конкретных результатов деятельности.

Важным методологической проблемой КВО является необходимость определения подходов к целям и базе оценивания с позиции «системы сравнений» и «системы оценок». Данная проблема может быть решена на уровне «политики образования», а, если более широко, – на уровне Образовательной Доктрины Государства. Практическое применение квалиметрических процедур связано с необходимостью определить те доминирующие факторы, которые являются актуальными для динамики образовательного процесса конкретного учебного заведения.

Заметим, что каждое учебное заведение высшего профессионального образования имеет свое «образовательное пространство», в котором обучение специалистов не заканчивается удовлетворением запросов отрасли на них, а включает в себя цели опережающего развития качеств человека и качеств общественного интеллекта. Такая постановка вопроса выдвигает на первое место необходимость определения меры профессионального мастерства и свободы действий по его оцениванию. Это предполагает, что измерения будут вестись в следующих плоскостях: способность специалиста выполнять конкретную социальную роль (социальная норма, стандарт, эталон); понимание стандарта этой роли как образца условий, которые могут быть созданы для развития человека в направлениях, позволяющих ему фиксировать методом самооценки необходимый уровень развития для занятия соответствующей социальной ниши; возможность саморазвития в космопланетарном направлении как человека, чувствующего себя не только индивидуальностью, но и субъектом социума, биосферы, Космоса.

Организация и осуществление образовательного процесса на факультете на основе холистического подхода, путем интеграции между целями, задачами, содержанием и понятийным аппаратом, а также установлением адекватности соответствия форм, методов, приемов и средств образовательного процесса, позволяет установить квалиметрическую взаимосвязь между критериями и показателями успешности достижений обучаемых. Результатами такого обучения будут: ценностные переориентации относительно своей профессиональной деятельности; активное участие их в экспериментально преобразовательных процессах внутри своих групп; успешное прохождение аттестации; потребность дальнейшего саморазвития в полифункциональных направлениях.

Литература и источники

1. Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры. – Париж, 2010, 5–9 окт.
2. Реформа и развитие высшего образования. Программный документ. – Париж, 2012.
3. The European Higher Education Area. – Joint Declaration of the Ministers of Education. – Bologna, 1999. – 19 June.
4. Memorandum of Higher Education in the European Community // Commission of the European Communities. – Brussels, 1991.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ В РАЗВИТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

В. В. Гуринович, М. С. Керимова

С распадом Советского Союза наша страна вошла в эпоху рыночных отношений, что вызвало пересмотр жизненных идеалов и духовных ценностей у нескольких поколений. Именно на качественных изменениях уровня и образа жизни после 1991 года формировались моральные ценности сегодняшней молодёжи. Эмпирические исследования, проведенные в 1991–1998 гг., показывают, что у молодежи того периода не сформирована готовность самостоятельно решать свою судьбу, выбирать и реализовывать профессиональную карьеру; снижаются социальная активность, мотивация достижения, растет безынициативность. Выпускники школы попадают в категорию повышенного риска: у них нет трудового опыта, низка или отсутствует профессиональная квалификация, не сформирована готовность к труду и к самостоятельной оценке обстановки на рынке

труда, реальная потребность различных секторов и отраслей экономики [1, с. 156].

Необходимо отметить, что одним из ведущих стратегических приоритетов развития является формирование национальной инновационной системы, основанной на интеллектуальном потенциале молодёжи. Интеллектуальный потенциал студентов представляет собой результат их духовной, мыслительной, интеллектуальной деятельности и включает творческие способности, образовательную и профессионально-квалификационную подготовку, отличающуюся новизной, оригинальностью и уникальностью.

Развитию интеллектуального потенциала студентов способствуют, прежде всего, практические и семинарские занятия, а также их самостоятельная работа. Именно в рамках данных видов работы проявляются разносторонние способности и умения студентов, в том числе их интеллектуальный уровень, работоспособность, работа в группе, креативность, генерирование идей и т. д.

Перед преподавателем каждой учебной дисциплины в вузе ставится задача, максимально используя особенности предмета, помочь студенту наиболее эффективно организовать свою учебно-познавательную деятельность, рационально планировать и осуществлять самостоятельную работу, а также обеспечивать формирование общих умений и навыков самостоятельной деятельности.

К основным характеристикам преподавателей вуза можно отнести: уровень развития системы познавательных процессов, творческую интеллектуальную деятельность, умение применять нестандартные подходы к ситуациям, поиск наиболее перспективных направлений в их решении; открытость к инновациям. Кроме того преподаватель вуза должен обладать особыми коммуникативными способностями: уважение человеческого достоинства; умение вести спор, диалог, дискуссию; умение слушать; тактичность в общении с коллегами, студентами.

Основными факторами способности преподавателя вуза передавать знания являются интегральные профессиональные, педагогические и психологические знания и умения. Сюда можно отнести уровень знания предмета, отслеживание открытий и новизны в своей области, собственную исследовательскую работу, публикации научных трудов и методических пособий, постоянное участие в работе конференций, симпозиумов, съездов, профессиональное и компьютерное повышение квалификации и уровня профессиональной подготовки. Кроме этого, особое внимание следует уделить методам преподавания, а именно: поиску различных способов подачи учебного материала, нацеленного на глубокое усвоение знаний студентами, стимулируя при этом индивидуальную мотивацию к обучению. Особая роль преподавателя заключается в способности к инновационной деятельности, где важное значение имеет применение интерактивных методов обучения студентов, новых технологий и эффективных методик, а также дифференцированный подход к каждому в отдельности.

Наиболее результативными факторами педагогического процесса являются: приобретение устойчивых знаний студентов согласно их способностям, желание принимать участие в предметных олимпиадах, конкурсах, конференциях, осуществлять научную работу.

Не следует умилять роль авторитарных способностей преподавателя, среди которых особое место занимает эмоционально-волевое влияние на студентов, выдержка, настойчивость, требовательность, решительность, ответственность за их обучение и воспитание. Кроме того преподаватель должен обладать способностью ясно и четко выражать свои мысли, убедительно, понятно и доступно заинтересовать излагаемым материалом студентов, с привлечением эмоциональной окраски и чувства юмора [2].

Важной составляющей педагогического опыта работы преподавателя является понимание психологической незащищенности студентов. Его роль состоит в том, чтобы ни один из них не чувствовал своей обособленности и непричастности. Для этого активно используются методы, способствующие активизации инициативы и творческого самовыражения студентов; сотрудничество студента и преподавателя; умеренное поощрение; целесообразная смена деятельности, форм и методов обучения во избежание переутомления и потери интереса; систематическое содействие для наличия у студентов мотивации к учебной деятельности; создание ситуаций успешности, принятия решений, стимулирования к самостоятельным суждениям; темп проведения занятия; использование уместных шуток, поговорок, афоризмов с комментариями; способствование преодолению психологических барьеров.

В отличие от традиционного подхода, основанного на передаче и воспроизводстве знаний

преподавателем студентам с использованием упрощенных примеров и схем, инновационный подход основан на самостоятельном усвоении знаний при поддержке преподавателя и развитии навыков анализа и решения реальных проблем. Центральной фигурой в данном случае является студент, который стремится осознать реальные приоритетные проблемы, выбирает способы их решения. Преподаватель здесь является организатором и консультантом. Инновационный подход изменяет структуру учебных программ и учебных курсов, а также время обучения. Модульная динамичная учебная программа должна базироваться на выделении базисных проблем. Время обучения определяется творческими способностями студентов. Средствами обучения становятся мультимедийные учебники и базы данных в глобальном информационном пространстве. Основными формами обучения и формирования интеллектуальных способностей студентов являются самостоятельное изучение источников, подготовка докладов и рефератов, проблемные лекции, творческие семинары и дискуссии, виртуальные конференции. Наиболее эффективным методом, применяемым на семинарских и практических занятиях, является метод дискуссии. Существует множество разновидностей семинарских занятий:

- семинар с элементами проблемности;
- семинар с использованием «сократовского» метода обучения;
- семинар с использованием метода «мозговой атаки»;
- семинар с использованием метода «круглого стола»;
- семинар с использованием метода анализа конкретных ситуаций.

Следовательно, перед современной молодёжью сегодня открыты пути в жизни. Именно за этим поколением стоит задача сделать Республику Беларусь сильной державой с образованным и материально обеспеченным населением.

Литература и источники

1. Забродин, Ю. М. Психология личности и управление человеческими ресурсами / Под ред. А. Ф. Зубковой. – Москва, 2002.
2. Остапенко, И. Н. Интеллектуальный потенциал вуза через призму повышения уровня усвоения знаний / И. Н. Остапенко, Е. Н. Кинторяк // Теория и методика изучения фундаментальных дисциплин в высшей школе: материалы IX международной научно-практической конференции. – Кривой Рог, 2011. – С. 115–123.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Е. Ю. Микк

Обретение независимости, политические, экономические и социокультурные изменения в Донецком регионе обусловили необходимость проведения преобразований во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в системе образования. Инструментом разработки и системной реализации государственной политики по поддержке интеграционных процессов в области образования является межгосударственная программа формирования единого образовательного пространства в рамках Российской Федерации [1].

Теоретико-методологическую основу исследования составили философские положения об образовании как факторе социально-экономического и исторического развития общества; основные методологические принципы истории педагогики: объективности, диалектический принцип учета непрерывного изменения, развития, единства логического и исторического; концептуального единства в истолковании, оценке всех явлений и событий; системный подход, дающий целостное представление о любом развивающемся явлении, которое происходит через этапы своего развития такие, как зарождение, становление, зрелость, преобразование, а также позволяющий изучить все этапы, объекты и субъекты интеграции в их связи и взаимообусловленности.

Формирование единого образовательного пространства в рамках Российской Федерации, предусматривающее его правовое, организационное, финансовое, материально-техническое, кадровое, научно-методическое и информационное обеспечение с соответствующей их унификацией и обновлением в связи с требованием времени стало реально необходимо [2].

В условиях интенсивного развития науки и перехода к информационному обществу требуется усиление внимания к тенденциям, обуславливающим процессы модернизации компонентов образовательных систем.

Исходя из этого, предполагается осуществление интеграции образовательного пространства Донецкого региона в рамках союзного государства России на основе реализации принципов: гуманизма (отражает свободу выбора каждого человека на самоопределение в вопросах выбора путей интеграции), демократизма (предполагает равные права и возможности в образовании вне зависимости от расы, нации, социального происхождения), мобильности (отражает многообразие средств, способов, форм интеграции, ее гибкость, готовность к быстрой перестройке систем образования), опережения (требует предвидения возможных вариантов и результатов), открытости (ориентирует расширение сферы образования, привлечение в образовательную сферу новых специалистов, расширение перечня специальностей и специализаций), непрерывности (утверждает необходимость непрерывного протекания интеграционных процессов), поэтапности (фиксирует наличие определенных и согласованных на всех уровнях этапов интеграции), системности (обозначает, что интеграционные процессы протекают направленно и системно), равенства (предоставляет каждой стороне-участнице интеграционного процесса равные условия), единства в многообразии (закрепляет осуществление интеграционных процессов с учетом национальных особенностей) [4].

Для осуществления интеграционных процессов в области образования с целью модернизации необходимо осуществить следующие мероприятия:

- установление единых стандартов качества образования (создание единых документов, регламентирующих подходы и критерии качества образования, а также единых аттестационных центров и комиссий, выработки единых подходов к качеству образования с ориентиром на постоянное совершенствование);

- согласование единой системы степеней и уровней образования (принятие в республике аналогичных Российской Федерации нормативных документов, регламентирующих присвоение квалификаций, степеней, званий, а также определяющих содержание образования, требования к уровню знаний и компетенции по окончании обучения, возможность профессиональной деятельности);

- переход к единой системе учета учебной и исследовательской работы студентов, преподавателей (позволит сочетать модульную, рейтинговую системы, действующие в данных странах);

- обеспечение академической мобильности (принятие соответствующих законодательных актов, направленных на упрощение перемещения студентов и преподавателей через границы стран, имеющих общее образовательное пространство возможно при осуществлении международных целевых программ, участия в международных образовательных проектах и программах, устранении препятствий к свободному перемещению внутри образовательного пространства студентов, преподавателей и исследователей);

- создание единой системы исследований (организация исследований по единым стандартам, их фиксирования и регистрации результатов, подписания актов, регламентирующих отношения между странами, научно-исследовательскими и учебными заведениями в области научно-исследовательской деятельности);

- разработка единого информационного пространства между образовательными организациями (направлено на объединение локальных университетских, институтских, школьных и общеобразовательных информационных сетей в единую глобальную информационную сеть с целью обеспечения всеобщего доступа к образовательным информационным ресурсам).

Исследование образовательного пространства Российской Федерации позволило определить такие теоретико-методологические аспекты модернизации интеграционных процессов в области образования Донецкого региона:

- единство целей (перед началом интеграции республиканской системы образования в образовательное пространство Российской Федерации необходимо выработать единые подходы к проблеме целеполагания);

- сотрудничество (понимание и адекватная оценка существующих на данном этапе взаимосвязей между республиканской системой образования и образовательным пространством Российской Федерации, межличностное взаимодействие сторон, установление контактов и атмосферы дружелюбия и доверия и реализация системного взаимовлияния и связей);

- конструктивность (взаимодействие республиканской системой образования и образова-

тельного пространства Российской Федерации должно быть направлено на взаимосвязь и совершенствование способов координации);

– гибкость (ориентация на реальную конкретику ситуации, сам процесс взаимодействия образовательных систем).

Таким образом, изучение, анализ, отбор и обобщение значительного числа фактов, положений и сопоставление полученных выводов с фактами и материалами, характеризующими современные процессы образовательного пространства Российской Федерации, предоставило возможность раскрыть теоретико-методологические аспекты модернизации интеграционных процессов в области образования, происходящие в Донецком регионе.

Литература и источники

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. (Принята 11 октября 2012 года на заседании Правительства Российской Федерации). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://минобрнауки.рф/документы/3409/файл/2228/13.05.15-Госпрограмма-Развитие_образования_2013-2020.pdf. – Дата доступа: 15.10.2014.
2. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 163-р). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070647/>. – Дата доступа: 15.10.2014.
3. Московская школа управления СКОЛКОВО. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/brochures/SKOLKOVO_Rus.pdf. – Дата доступа: 29.10.2014.
4. Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm. – Дата доступа: 29.10.2014.
5. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/pro/fgos/vpo>. – Дата доступа: 28.07.2011.
6. Центр образовательных разработок СКОЛКОВО (SEDeC). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.skolkovo.ru/public/ru/research/sedec/>. – Дата доступа: 29.10.2014.

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н. Ф. Гребень

В современном мире интеллект рассматривается как важнейший ресурс развития общества, ценность и качество образования. Интеллектуальные возможности личности, являясь необходимым условием внутренней свободы и ментального здоровья, способствуют адаптации человека к меняющимся социально-экономическим условиям, противостоят регрессивным тенденциям в развитии общества. Поэтому центральной задачей существующей образовательной системы государства становится интеллектуальное развитие и воспитание личности подрастающего поколения.

Исследования, посвященные интеллектуальному развитию человека, имеют более чем 100-летнюю историю. Теории интеллекта разрабатывались параллельно с развитием экспериментальной психологии и психодиагностики.

В современной психологической науке интеллект рассматривается как достаточно сложное неоднородное психическое или, скорее даже, психологическое явление. В психологическом словаре сообщается, что «интеллект – это понятие определяется достаточно разнородно, но в общем виде имеются в виду индивидуальные особенности, относимые к сфере познавательной, прежде всего – к мышлению, памяти, восприятию, вниманию и пр. Подразумевается определенный уровень развития мыслительной деятельности личности, обеспечивающий возможность приобретать все новые знания и эффективно использовать их в ходе жизнедеятельности» [1, с. 196].

Среди преподавателей высшей школы сегодня нередко можно слышать нарекания о снижении интеллектуального развития студентов, о разного рода трудностях, которые испытывают молодые люди в процессе обучения. Насколько оправданы такого рода нарекания мы попытались выяснить, перейдя от слов к цифрам. С этой целью нами было проведено исследование уровня и особенностей интеллекта у учащихся второго курса вуза.

В исследовании была задействована методика «Школьный тест умственного развития

(ШТУР)» [2], разработанная советскими психологами в конце 80-ых годов XX ст. и предназначенная для диагностики умственного развития учащихся подросткового и юношеского возраста, контроля за процессами умственного развития в период школьного обучения. Специфика методики заключалась в том, что при ее создании, авторы базировались на знаниях, заложенных в программе общеобразовательной школы от первого до девятого класса.

Всего в нашем исследовании было задействовано 50 студентов 2-ых курсов, чьи возрастные границы соответствуют юношескому возрасту.

Результаты исследования показали, что средний уровень IQ по выборке у диагностированных нами студентов составил 85,6 балла из 138 возможных. При этом минимальное значение составило 60 баллов, а максимальное 114 баллов.

Частотный анализ данных показал, что наиболее часто у юношей и девушек наблюдается средний уровень развития IQ, что характерно для 68% опрошенных. У 20% студентов был зафиксирован уровень IQ ниже среднего, и у 12% – IQ выше среднего. Низкий и высокий уровни развития IQ не были выявлены ни у одного респондента из нашей выборки.

С одной стороны, позитивен тот факт, что нами не было выявлено ни одного показателя низкого IQ, что вполне закономерно, т.к. исследование проводилось у студентов вузов. Но, в целом, при распределении показателей психометрического интеллекта у юношей и девушек, четко обозначилась тенденция сдвига уровня развития IQ в сторону к низким значениям. И это при том, что тест «ШТУР» ориентирован на школьную программу до 8–9 классов, правда, еще советского школьника.

Анализ структуры умственного развития студентов показал, что наиболее развитым структурным компонентом психометрического интеллекта у юношей и девушек является «Осведомленность». Это значит, что отвечая на вопросы, касающиеся неких общих знаний по основным предметам школьной программы, молодые люди более чем в 80% случаев дают верные решения. В целом, развитость уровня осведомленности студентов соответствует уровню выше среднего.

Следующую по развитости позицию у юношей и девушек занимает такой компонент психометрического интеллекта и соответственно субтест «Классификации», который предполагает мыслительное объединение предметов и явлений в классы по сходству. А далее следует субтест «Числовые ряды», который предполагает умение решать математические задачи, основанные на логике и предполагающий развитость таких операций мышления как анализ и синтез. Их уровни развития в исследуемой выборке соответствуют средним значениям.

Хуже всего студенты справились с такими субтестами как «Аналогии» и «Обобщения». Это значит, что юноши и девушки испытывают определенные затруднения при мысленном установлении сходства в каком-нибудь отношении между явлениями, предметами и понятиями, а также при мысленном объединении предметов и явлений действительности, имеющих те или иные общие свойства.

Более детальный и качественный анализ указанных субтестов, показал, что юноши и девушки испытывают затруднения при установлении аналогий или при обобщении в силу того, что они просто не усвоили ряд понятий, которые в большей степени касаются таких школьных предметов как география, история, биология и отчасти литература.

Приведенный анализ результатов исследования умственного развития студентов вузов показал, что, действительно, общий интеллектуальный уровень учащихся невысокий. При этом наиболее слабым звеном в интеллектуальном развитии юношей и девушек является абстрактно-логическое мышление. Учитывая тот факт, что в целом программа среднего образования не претерпела значительных изменений, можно заключить, что современная школа формирует учащегося знающего, нежели понимающего. Однако и содержание знаний учащихся также меняется: осведомленность в науках уступает место осведомленности в технике, возможностях Интернета, жизни популярных знаменитостей и т.п.

И как, следствие, современный студент с невысоким уровнем развития абстрактно-логического мышления, обречен испытывать трудности при обучении в вузе, в особенности, при изучении теоретического материала. А с учетом того, что социогуманитарный блок в системе высшего образования сегодня значительно сократился, «на выходе» качество образования молодого специалиста и его интеллектуальная культура оставляют желать лучшего. В данном контексте уместно сослаться на то, что система высшего образования сегодня пытается переориентироваться на практическую подготовку специалистов, но проблема материально-технического оснащения вузов по-

прежнему остается актуальной.

В свое время Н. С. Лейтес писал, что психическое развитие детей происходит неодинаково в различных общественно-исторических условиях, оно зависит от обучения и воспитания, от характера жизненного опыта [3, с. 5]. Очевидно, изменения, произошедшие в жизни белорусского общества за последние 20–25 лет – повышение качества жизни, снижение значимости трудового воспитания, информационная насыщенность жизни, смена ценностей и пр., определенным образом влияют и на особенности интеллектуального развития подрастающего поколения. Возможно, поэтому приоритет умственного развития уступает свои позиции социальному развитию, которое куда более значимо в плане приспособления человека к окружающей его действительности.

Литература и источники

1. Словарь практического психолога / Сост. С. Ю. Головин. – Минск, 1998.
2. Психологические тесты для профессионалов / Авт.-сост. Н. Ф. Гребень. – Минск, 2007.
3. Лейтес, Н. С. Умственные способности и возраст / Н. С. Лейтес. – М., 1971.

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. И. Огородник, И. С. Огородник

Важнейшей составляющей интеллектуальной культуры общества является, безусловно, образование и наука. Единство образования и науки реализовано в системе высшего образования. Но если наука имеет интернациональный по содержанию, характер, и говорить о национальной науке можно лишь в значении особенностей ее организации и функционирования, то образование является органической составляющей национальной культуры в целом и интеллектуальной культуры в частности. И если в науке относительно безболезненно можно внедрять зарубежный опыт: структурные элементы, формы и методы организации, – то в системе образования к этому следует относиться более чем осторожно. В системе национального образования сложились свои традиции, методы, формы, которые органически вплетены в национальную культуру и ей соответствуют.

Последнее отнюдь не значит, что не следует изучать и перенимать лучшее из зарубежного опыта. Однако бездумное пересаживание на почву национальной системы образования западных стандартов и технологий привело к падению качества самого образования – как среднего, так и высшего. Как заметил один из преподавателей технического вуза, вместо того, чтобы учить будущих инженеров делать правильно расчеты, их учат делать презентации – по сути, набор картинок.

Система образования «начальное – среднее – высшее» должна представлять как целостность: иметь единую логику развития и единую конечную цель. Ведь сегодняшние студенты вуза – это вчерашние школьники и будущие ученые. А наука – это вторая важнейшая составляющая интеллектуальной культуры общества и ее будущие кадры начинают формироваться именно в вузе.

Традиционно подготовка будущих научных кадров начинается с привлечения студентов к научной деятельности через работу в СНО (студенческом научном обществе). Основным видом такой деятельности является участие в студенческих научных конференциях. В каждом вузе есть план научных студенческих конференций, каждый преподаватель обязательно планирует в своем индивидуальном плане работы на учебный год определенное количество студентов, которых он должен подготовить для участия в таком мероприятии. Каждый вуз отчитывается перед министерством о количестве студентов, привлеченных к научной работе. Чем больше – тем лучше. В результате мы имеем большое количество студентов, участвующих в научной деятельности, при стремящейся к нулю эффективности самой этой деятельности. По сути, студенческая наука существует, в основном, ради галочки в отчете вуза и индивидуальном плане преподавателя.

Причин несколько. Во-первых, вуз – это все же, в первую очередь, образовательное, а не научное учреждение, и далеко не в каждом вузе имеется необходимая материально-техническая база для научных исследований. Да и основная масса преподавателей в вузе – это прежде всего именно преподаватели, а не ученые в собственном смысле. К тому же лишь в небольшом количестве вузов сложилась собственная научная школа, наличие которой само по себе является огромным стимулом для занятия наукой. Во-вторых, студенческой науке противопоказана массовость:

заниматься ею должна, в лучшем смысле этого понятия, студенческая элита вуза. Именно эти студенты должны иметь неоспоримое преимущество при зачислении в магистратуру и, тем более, в аспирантуру вуза. Еще хуже положение с социально-гуманитарными дисциплинами. В подавляющем большинстве вузов они не являются профильными, преподаются как общеобразовательные. Однако кафедры, организующие преподавание этих дисциплин, на равных условиях обязуют проводить студенческие конференции. Преподаватель вынужден буквально «заманивать» студентов участвовать в таких конференциях: как правило, обещанием высокой оценки на экзамене или на зачете. К тому же, и преподаются эти «общеобразовательные» дисциплины обычно на начальных курсах, когда у еще вчерашних школьников не успел сформироваться научный интерес, да и само понятие научной работы. В-третьих, обращает на себя внимание сам подход к студенческой научной работе. Хорошей считается работа с большим количеством использованной литературы, желательно самой новой (само по себе требование справедливое), авторитетными цитатами и, самое главное, понятная членам жюри, т. е. соответствующая их пониманию данной научной проблемы. Задача преподавателя (научного руководителя) в данном случае сводится к правильному подбору литературы и расположению цитат в тексте.

На наш взгляд, такой подход не соответствует самому духу студенческой науки. Ведь основная ее задача – это привнесение новых идей, подходов, методов решения, нового взгляда на научную проблему. Другими словами, основным критерием оценки научной работы студента должны быть оригинальность, креативность, нетривиальность подхода к научной проблеме. Разумеется, студент должен опираться на весь массив уже полученных знаний, а не просто «оригинальничать». Задача научного руководителя состоит в том, чтобы, во-первых, студент не «изобретал велосипед», т. е. не «открывал» уже открытое и известное, а во-вторых, не нарушал требований логики как в процессе исследовательской работы, так и в изложении научного материала.

По нашему мнению, формирование будущей интеллектуальной элиты в вузе должно состоять из двух этапов: на начальных (младших) курсах – воспитание интереса к научно-исследовательской работе и выявление из числа студентов тех, кто не только хочет, но и способен к такому сложному виду деятельности, как наука. На втором этапе (на старших курсах) – активное привлечение таких студентов к научной работе кафедры, по которой студент специализируется, с дальнейшим повышением его научной квалификации через учебу в магистратуре и аспирантуре.

Задача воспитания будущей интеллектуальной элиты общества не ограничивается, разумеется, вышеизложенными проблемами студенческой науки в вузе и представляет собой намного более сложную проблему. Но это те проблемы, с которыми студент сталкивается впервые и непосредственно и которые, с большой вероятностью, могут сформировать его отношение к науке на многие годы вперед. Без воспитания своей национальной интеллектуальной элиты – общество (нация, государство) не имеют шансов на развитие в современную эпоху.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР «ГИМНАЗИЯ-ВУЗ-НАУКА» КАК МЕХАНИЗМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ф. И. Храмова

Инновационное развитие общества сегодня невозможно без эффективной системы воспроизводства научно-исследовательского потенциала молодежи, в основе которой инфраструктура академической преемственности и социальной мобильности. Как показывает теоретический анализ, апробация разработанных подходов, решение проблемы связано с внедрением кластерных механизмов образовательного процесса в вузе и общеобразовательном учреждении под руководством учреждений науки. В этой связи актуальна разработка научных основ развития образовательного кластера вуза, гимназии в условиях модернизации системы образования в Республике Беларусь. Проведенный анализ трудов М. Портера, Г. В. Мухаметзяновой, А. В. Смирнова, Д. Ю. Трушниковой и В. И. Трушниковой, А. А. Шехонина, В. А. Ясвина, О. Е. Яворского, других авторов дает основание для разработки генеративной модели образовательного кластера «гимназия-вуз-наука» (на примере партнерства в рамках НИР – ГУО «Гродненская городская гимназия», Филиала Рос-

сийского государственного социального университета в г. Минске (далее – Филиал РГСУ в г. Минске) и ГНУ «Институт социологии» НАН Беларуси).

Общеизвестно, создателем кластерной теории в сфере экономической деятельности является американский ученый М. Портер, изложивший свои взгляды в труде «Конкуренция» (1998 г.). Кластер разработан как регионально структурированное, относительно самостоятельное объединение, институционально регламентированной деятельности на уровне региональных нормативных актов, в русле действующего национального законодательства. Кластер отличается единством целей, общностью по географическому, профессионально-отраслевому признаку. Его назначение состоит в развитии новых форм партнерства родственных секторов, интеграции субъектов экономической деятельности во *взаимодействии со сферой «индустрии знаний»*: с научными организациями, университетами для совместной разработки новых направлений в условиях конкуренции. Особенности кластерных образований выступают: 1) наличие кластерного ядра, субъекта управления; 2) регламентация функций, прав, обязанностей субъектов кластеров; 3) устойчивость кооперационных отношений; информационный обмен в создании кластерных продуктов; 4) технологичность кластерного цикла, идентичной инновационному процессу (от целеполагания деятельности до генерирования идеи и полной технологии создания и массового тиражирования). В этой теории выделены типы кластеров: экономические; политические; исследовательские; финансовые; образовательные.

Специфика образовательного кластера состоит в развитии социального партнерства учреждений образования различного типа и научных организаций отраслевой, научно-квалификационной направленности. При этом центром кластера выступает университет как генератор инновационных технологий профессиональной подготовки кадров мультипликативного типа, способных «творчески умножать» эффект приобретаемых компетенций путем реального участия в научно-исследовательской деятельности.

Так, А. М. Аблажей подчеркивает: воспроизводство исследовательского потенциала студентов сопряжено с решением проблемы интеграции науки и высшего образования путем объединения заинтересованных субъектов. Эффективность такой интеграции невозможна без трансформации имеющихся форм и создания новых инфраструктур. По мнению автора, решение проблемы следует осуществлять путем развития науки на базе вузов, исходя из опыта европейских стран. Необходимо использовать лабораторные базы научных учреждений для учебных занятий, проведения научных исследований профессорско-преподавательского состава с участием студентов, коррекции учебных планов и программ [1, с. 52]. Наряду с этим ряд авторов разрабатывают проблемы академической и социальной мобильности студентов. В частности, Е. В. Гусякова, А. Л. Демчук, И. Г. Телешова подчеркивают, что в рамках Болонского процесса, Европейской системы переноса и накопления зачетных единиц (ECTS) важной задачей является развитие академической и социальной мобильности студентов путем создания инфраструктуры в целях мотивации инновационной деятельности в вузе [2, с. 7]. Среди направлений деятельности создаваемых инфраструктур инновационной среды вуза авторы выделяют задачи: 1) выполнение нестандартных заказов на целевое консультирование организаций, органов управления, включая научно-методическую поддержку; 2) экспертиза проектов, нормативных актов, инновационных продуктов; 3) организация, проведение информационно-аналитических сессий, научно-методических семинаров, конференций, круглых столов, курсов повышения квалификации; 4) организация социального и гендерного измерения образовательной среды учреждения высшего образования (на предмет обеспечения прав и возможностей доступа обучающимся к образовательным услугам); 5) обратной связи эффективности реализуемых форм, новых направлений деятельности в рамках Болонского процесса [2, с. 4–5].

Научный интерес для разработки проблемы представляет позиция Г. И. Лазарева и Т. В. Терентьевой, которые исследовали инновационные подходы к реализации управленческой стратегии: синхронизация научной деятельности и образовательного процесса; ориентация научно-исследовательской деятельности в вузе на обеспечение практической востребованности научных результатов; преобразование академической работы в вузе в научно-ориентированную путем вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу в рамках изучаемых дисциплин и профилей обучения [3, с. 5].

Таким образом, *принципами организации образовательного кластера являются*: институционализация инфраструктуры; интеграция учебного и научного процессов с целью генерирования

новых научных знаний, вооружения ими студентами для будущей профессиональной деятельности; трансформация традиционных функций преподавателей в полифункциональные роли: лектора, ученого-исследователя, методиста-практика, координатора, консультанта, призванного интегрировать студента в научно-исследовательскую деятельность; системный подход к исследовательской и проектной деятельности преподавателей по созданию новых научно-методических продуктов; комплексное внедрение результатов НИР в практику образовательного процесса; расширение научно-исследовательской компоненты индивидуальных маршрутов образовательной деятельности студентов через участие в таких формах, как НИР, инновационные проекты, формы производственной практики, научные и методические публикации, научные мероприятия, научно-методический консалтинг, другие. *Структура образовательного кластера вуза* включает ресурсный, информационный, консалтинговый, финансовый центры; лаборатории научных организаций; структура управления. Под *кластерной организацией высшего учебного заведения* понимается относительно самостоятельный, динамичный организационно-технологический комплекс, направленный на обеспечение эффективности системы профессиональной подготовки будущих специалистов мультипликативного типа.

Литература и источники

1. Аблажей, А. М. Интеграция науки и высшего образования: старые проблемы и новые подходы / А. М. Аблажей // Высшее образование в России. – 2014. – №10. – С. 53–59.
2. Гусякова, Е. В., Демчук А. Л., Телешова И. Г. Вхождение системы высшего образования Российской Федерации в Европейское пространство высшего образования: проблемы и задачи / Е. В. Гусякова, А. Л. Демчук, И. Г. Телешова // Высшее образование в России. – 2014. – №10. – С. 5–10.
3. Лазарев, Г. И., Терентьева Т. В. Инновационные подходы к управлению научно-исследовательской деятельностью в условиях новой государственной политики / Г. И. Лазарев, Т. В. Терентьева // Высшее образование в России. – 2014. – №10. – С. 10–18.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ – НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. Г. Кембровская, И. А. Капуцкая

Будущее общества во многом определяется образованием и воспитанием молодого поколения, которое является носителем стиля мышления эпохи – сложной упорядоченной системы принципов, образов интеллектуальной деятельности.

Рост научного знания выступает в качестве одного из важнейших факторов динамизма современной цивилизации, технологические инновации открывают новые возможности в самых разных сферах человеческой деятельности.

Концептуальные положения современного естествознания являются одной из высших общекультурных ценностей. Важнейшие достижения естествознания составляют фундаментальную базу современных наукоемких технологий и соответственно влияют на образ жизни общества.

Сегодня остро стоит проблема сохранения фундаментальной компоненты в вузовском образовании. Мы имеем дело с поколением, «у которого сложился особый стиль мышления, ... основанный на современном стиле жизни с доминантой в нем массовой культуры, которая основана на “клиповом” восприятии мира» [1, с. 371], формирующимся под влиянием современного телевидения с обилием рекламы, сетями Интернета, огромным количеством различных компьютерных развлечений.

К сожалению, реформы, как среднего, так и высшего образования привели к сокращению учебных часов, отведенных для изучения фундаментальных наук: математики, физики, а также естественнонаучных дисциплин в сочетании с элементами гуманитарного цикла, «при изучении которых усваиваются не только конкретные знания, но и формируются особые логические программы мышления» [1, с. 372].

Чрезвычайную остроту приобретает вопрос о сочетании комплекса гуманитарных и естественных дисциплин в системе университетского образования. При этом на первый план выдвигаются, наряду с технологическими, ценностные и нравственные аспекты науки.

Сегодня преподавание основных физико-математических дисциплин строится с ориентацией на узкоспециальное использование, но при этом остаются вне поля зрения именно те аспекты, которые связаны с включенностью точных наук в общую систему культуры. Между тем понимание характера и специфики возникающих здесь проблем, требует знакомства с историей возникновения, становления и развития физических идей, а также с представлениями о структуре теоретического знания и его соотношения с физической реальностью.

Изложение материала в классических учебных пособиях по курсу истории физики страдает рядом недостатков. Основной упор делается на фактографическую сторону, в ущерб анализу процесса становления физических идей и концепций в общем контексте развития культуры. Попытки удовлетворить потребность в информации по истории физики путем включения соответствующих сведений непосредственно в учебные пособия по общей физике нередко приводят к искаженному представлению об отдельных ключевых эпизодах реальной истории науки («подразумеваемая история науки» по образному выражению Дж. Холтона). Разумеется, эффективное обучение методам физического исследования можно осуществить и без какого-либо обращения к реальной истории физики. Но оно необходимо для понимания структуры, способов построения и тенденций развития физической науки в целом, и особенно на современном этапе.

Принятое изложение основ философских знаний в высшей школе не редко носит односторонний характер, когда физике традиционно отводится скромная роль источника конкретных примеров, иллюстрирующих философские положения, по существу, без обращения к современной методологии науки.

Курс «История физических идей», предназначенный для ознакомления студентов физического факультета с эволюцией процесса генезиса и становления основных физических понятий, идей и теорий, а также со структурой и динамикой развития дисциплинарно организованного физического знания в контексте общечеловеческой культуры – необходимый элемент высшего физико-математического образования.

Владение современными компьютерными технологиями, позволяет использовать на занятиях существующие научно-популярные и архивные видеоматериалы, что может способствовать достоверной реконструкции процесса развития основных идей в их хронологической последовательности. Возможность доступа к электронной библиотеке позволяет ознакомиться как с оригинальными текстами работ классиков физической науки, сыгравших выдающуюся роль в истории науки, так и с личностно-биографическими, историко-научными и научно-популярными материалами.

Еще в середине XX в. наметилась тенденция к «поляризации культуры» – появлению естественнонаучного и гуманитарного полюсов. В этой связи следует отметить английского физика и писателя Ч. Сноу, который первым указал на такую «поляризацию» в своей знаменитой лекции «Две культуры и научная революция», прочитанной в Кембриджском университете в 1959 г. [2].

Возрастающая специализация научной деятельности привела к тому, что значительно выросло количество не только специалистов, занятых в собственно научных исследованиях, но и тех, задача которых – внедрение научных разработок в производство, создание новых эффективных промышленных и компьютерных технологий.

В подобной ситуации актуальность приобретает проблема конструктивного расширения междисциплинарных связей, формирование общественного понимания науки и ее места в системе общекультурных ценностей.

Цель дисциплины «Основы современного естествознания» [3], еще недавно входившей в программу обучения студентов БГУ гуманитарного и социально-экономического профиля, включает изложение базисных идей естественных наук: физики, химии, биологии, наук о Земле и создаваемой этими отраслями науки единой картины мира. Стремление к охвату максимально возможного количества тем определялось исключительной ролью естествознания в процессе формирования научной картины мира, общей методологической культуры.

Вместе с тем в культуре техногенного общества постоянно возникают различные ненаучные концепции, претендующие на статус нового научного знания. Претенденты на «открытия» обращаются через СМИ к широкому общественному мнению, минуя профессионалов, способных осуществить научную экспертизу, и даже апеллируют к власти. Распространение подобных антинаучных концепций не только негативно влияет на общественное понимание науки, но может наносить и прямой экономический ущерб.

Сохранение в программе высшего университетского образования курсов «История физических идей» и «Основы современного естествознания» способствовало бы формированию у выпускников БГУ адекватного представления о генезисе и структуре научного знания, методах его построения, а также о специфике его места и взаимосвязей в общей системе культуры.

«Без системного мышления не будет не только науки и высоких технологий, но и может произойти вырождение элит, способных грамотно и эффективно управлять страной» [1, с. 373].

Вслед за физиком-теоретиком С. Хокингом хочется верить, что «...все мы, философы, ученые и просто обычные люди, сможем принять участие в дискуссии о том, почему так произошло, что существуем мы и существует Вселенная» [4, с. 238].

Литература и источники

1. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб., 2011.
2. Сноу, Ч. П. Две культуры и научная революция / Ч. П. Сноу // Портреты и размышления / Пер. с англ. Д. Урнова. – М., 1985. – С. 195–226.
3. Буров, Л. И. Основы современного естествознания / Л. И. Буров, И. А. Капуцкая. – Минск, 2012.
4. Хокинг, С. Краткая история времени: От большого взрыва до черных дыр / С. Хокинг; пер. с англ. Н. Смодинской. – СПб., 2001.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

И. М. Ратникова

Присоединение Республики Беларусь к единому Европейскому пространству высшего образования актуализирует необходимость реформирования отечественной системы высшего образования в соответствии с целями и ценностями европейской образовательной модели. С формальной позиции, это, прежде всего, введение двухэтапной системы обучения, внедрение модульно-кредитной системы, повышение уровня мобильности студентов и преподавателей и ряд других. Содержательно же, это смена парадигм образования: переход от квалификационной к компетентностной модели образования.

Квалификационная образовательная стратегия предполагает реализацию такого подхода, согласно которому студента учат (teaching). Результатом выступает получение студентом предметных знаний, навыков и умений, применяемых преимущественно в профессиональной области («знаю, что»). В то время как компетентностный подход предполагает создание такой образовательной среды, при которой студент учит (learning). Результатом выступает формирование у студента комплекса компетенций, т.е. взаимосвязанной системы личностных качеств, позволяющей максимально эффективно реализовывать квалификационные знания, навыки и умения («знаю, как»).

Так, доктор психологических наук, академик РАО И. А. Зимняя выделяет следующие компетенции [1, с. 23–25]:

1. Компетенции, имеющие отношение к человеку как личности, субъекту деятельности и общения:

– компетенции здоровьесбережения: знание и соблюдение норм здорового образа жизни, правил личной гигиены, физическая культура человека;

– компетенции ценностно-смысловой ориентации в мире: смысло-жизненные ориентиры, ценности материальной и духовной культуры, знание исторического опыта собственной и других стран;

– компетенции интеграции: систематизация и структурирование знаний, расширение и приращение накопленных знаний;

– компетенции гражданственности: знания и соблюдение прав и обязанностей гражданина, знание и гордость за государственную символику;

– компетенции самосовершенствования и саморазвития: личностная и предметная рефлексия, профессиональное развитие, развитие речевой культуры, владение иностранным языком.

2. Компетенции, относящиеся к взаимодействию человека и общества:

– компетенции социального взаимодействия: с обществом, коллективом, семьей, толерантность, уважение и принятие Другого (раса, национальность, религия, статус, роль, пол), социальная мобильность;

– компетенции в общении: устная и письменная речь, чтение, межкультурная коммуникация, знание и соблюдение традиций, ритуала, этикета.

3. Компетенции, относящиеся к деятельности человека:

– компетенция познавательной деятельности: постановка и решение познавательных задач, проблемные ситуации и нестандартные решения, продуктивное и репродуктивное познание;

– компетенции деятельности: игра, учение, труд, планирование, моделирование и прогнозирование деятельности, ориентация в разных видах деятельности;

– компетенции информационных технологий: прием и переработка информации, преобразование информации, компьютерная грамотность, владение мультимедийными, интернет и другими технологиями.

Таким образом, компетентностный подход позволяет решить фундаментальную задачу современной системы высшего образования РФ, а именно: подготовить конкурентоспособного специалиста на рынке труда, обладающего не только высокими предметными знаниями, но и высокой степенью адаптивности к быстроменяющимся устремлениям современного мира, способностью к самообразованию, саморазвитию и самокоррекции (концепция «непрерывного образования»).

Более того, компетентностный подход как методологическая база современной образовательной парадигмы актуализирует значимость дисциплин социально-гуманитарного цикла. Предметные компетенции, вырабатываемые в процессе освоения профильных дисциплин, дополняются компетенциями, которые формируются посредством изучения социально-гуманитарных наук. Так, приобщение студентов к опыту мировой философии развивает мировоззренческую и интеллектуальную культуру, формирует смысложизненные ценности и ориентиры, развивает рефлексивные и критические компетенции, воспитывает толерантность и свободомыслие, развивает речевую культуру, создает предпосылки для кросс-культурного диалога и т. д.

Литература и источники

1. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия / И. А. Зимняя. – Москва, 2004.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА: КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЙ АСПЕКТ

Д. В. Полежаев

В ситуации «знаниевого» подхода к образованию более не имеет смысла говорить об улучшении качества образования, нужно ставить вопрос о смене его качества [3, с. 519–522]. Определив качество образования как соотношение между запросом и степенью его удовлетворения, мы должны учитывать, что по-своему формируют запрос к системе образования индивид, общество и, наконец, государство. При этом заказ касается в первую очередь новых универсальных способностей личности и поведенческих моделей, но не требований к конкретным знаниям. Идея компетентностно-ориентированного образования – один из ответов системы образования на социальный заказ.

Понимание компетенций как рабочего понятия затрудняется тем, что категория компетенции является следствием новой экономики и нового подхода к человеческим ресурсам, оно возникло из потребности в адаптации человека к слишком часто меняющимся условиям и не соотносится с системой понятий дидактики. Поэтому понятия «компетентность», «компетенции», «ключевые компетенции» имеют множество определений и трактовок. Общим во всех подходах к определению компетенций является представление о том, что они формируются и проявляются в практической деятельности. Не случайно многие классификации «компетенций» и «ключевых компетенций» связываются именно с различными видами человеческой деятельности: социальные компетенции, практические компетенции, коммуникативные компетенции и т. д.

Компетентность можно рассматривать как способность (умение) действовать на основе полученных знаний. В отличие от ЗУНов (предполагающих действие по аналогии с образцом) компетентность предполагает опыт самостоятельной деятельности на основе универсальных знаний. Таким образом, новая цель образования – создание условий для приобретения учащимися системы компетенций на выходе из школы (или из школьных ступеней).

Содержание образования своим ядром имеет представление об основных дидактических средствах, переводящих культурные объекты в образовательные. Знание порождается в культуре и науке, воссоздается оно в обучении (разными дидактическими средствами). Но есть еще один очень важный процесс – процесс употребления знаний в социальной практике. Русский педагог и философ С. И. Гессен замечает, что критическая дидактика должна учитывать противоречивую природу знания, которое порождается по одним принципам, а употребляется по другим [1]. Употребление и использование знаний в форме продукта – основание для формирования компетенций. Компетентность – это существование знаний и умений в виде социальных практик. Компетенции связаны с базовыми социальными способностями и умениями. Идея компетентности появляется тогда, когда к результатам работы образования предъявляются социокультурные общественные требования.

Компетентностно-ориентированное образование можно обсуждать с разных точек зрения. В контексте образовательной политики необходимо рассмотреть компетентностный подход в связи с общественным (социальным) заказом на образование. Процесс изменения содержания образования перешагнул границы отрасли образования и принял масштабы общенационального интереса (на уровне стратегических документов).

Компетенции отражают способность индивида к мобильности – профессиональной, социальной, личностной, политической и т.п. В таком случае необходим отказ от односторонней оценки того или иного качества или свойства личности, что весьма проблематично [5]. Например, предприимчивость (как абстрактная ценность) в конкретных условиях советского социума имела однозначно негативный смысл, сегодня – преимущественно позитивный. Компетентностный подход означает, на наш взгляд, прежде всего отказ от традиционализма, а значит, отказ и от традиционной системы ценностей. А это не вполне убедительно с точки зрения принципа национального характера образования как одного из философско-методологических оснований любой образовательной системы. Поэтому справедливо предположить, что ценностный подход (мы его рассматриваем как конкретный, ментально-ценностный) не принимает абстрактных компетенций, «встраивая» их в систему устойчивых социально-индивидуальных норм, ориентиров, императивов, запретов.

Главные задачи государственной образовательной политики – создать условия для достижения нового качества образования в соответствии с актуальными и перспективными потребностями современной жизни, обеспечить доступность образования для всех детей [4, с. 252–255]. Такие глобальные задачи не могут решаться без содержательной и финансовой поддержки общества. Трансформация образовательной модели (экономические механизмы, подготовка и повышение квалификации кадров, нормативная база и т. п.) не может осуществляться и без государственного решения.

Введение ключевых компетенций в обиход научного знания и образовательной практики – это, конечно, не панацея от всех бед, но способ прагматизировать систему образования в соответствии с теми задачами, которые ставит социальное окружение. Важен вопрос о том, стоит ли обращать внимание на открытость системы, наличие заказа. Когда государство было единственным заказчиком образовательных услуг и рынка труда, любая директива, фактически, отражала этот заказ. Сейчас появился целый конгломерат запросов. Ситуация такова, что запросы идут от большой разнородной группы заказчиков, а финансирование от государства. Насколько государство может проанализировать многоголосый заказ и вычленил те его аспекты, которые оно должно финансировать? Образование – не только социальная, но и экономическая структура; это ресурс экономики. Формирование компетенций – это не смена содержания, это смена технологий, смена обстоятельств.

Известно, что в истории возник некоторый тип мышления – естественнонаучной рациональности. Жизнь показывает, что он перестал срабатывать, то есть он не справляется с жизненными проблемами, а лишь всё больше порождает их. Триумф данного типа мышления и основанного на нем определенного типа рациональности (наука конца XIX века) был бесспорен, и понадобилось сто лет, чтобы увидеть, что вслед за этим типом мышления будет что-то другое.

Многие образовательные вопросы являются общими для различных стран, и сводятся они к тому, что уровень навыков сегодняшних выпускников недостаточно высок для условий современной

жизни. Разные страны по-разному организуют свои образовательные системы. Поэтому, прежде всего, необходимо анализировать и обрисовывать в общих чертах образовательный процесс, в контексте которого необходимые компетенции развиваются. Проблема философско-методологического, теоретического осмысления проблемы ключевых компетенций, их сущности, обоснованности и особенностей реализации в социально-культурном пространстве остаётся настоятельной необходимостью в социально-гуманитарном знании.

Универсальная закономерность взаимодействия личности и социума проявляется в целом спектре специфических законов формирования личности. Необходимо выделение двух уровней при анализе духовного потенциала личности, в том числе и системы жизненных установок, ментальности индивида: относительно-феноменологический и категориально-аналитический. На первом уровне профессиональная ментальность характеризуется, прежде всего, «набором» нравственно-психологических чувств. На втором она выступает как социально-рассудочный феномен, базирующийся на соответствующих чувствах и настроении. Единство, взаимосвязь чувственного и рационального и определяет динамику системы установок личности, выступает своеобразным истоком социальной направленности деятельности индивида.

Всякий вид труда складывается из особых комбинаций присущих ему реакций. Отличие различных профессий между собой состоит не в общем характере своего психологического состава, но в качестве и последовательности отдельных входящих в данную профессию реакций. Поэтому возможно разложить всякий труд на некоторые первоначальные составляющие элементы, то есть свести всю трудовую деятельность к ряду реакций известных типов и к их соединению. В основу такого рода профессиональной «стратификации» может быть положен компетентностно-ориентированный субъектный подход.

Не последнюю роль в утверждении ключевых компетенций как качественно нового основания образования играют материальные условия модернизации. В случае недостаточной финансово-экономической поддержки перехода образования на европейские рельсы (в связи с присоединением к Болонскому процессу) предполагающийся паритетный диалог может превратиться в поглощение одной системы другой [6, с. 24–28]. Тогда ментальные механизмы защиты социума могут и должны рассматривать как важный механизм сохранения национальной самобытности, защиты школы от чуждого внешнего воздействия.

Проблема философско-методологической детерминации различных аспектов компетентностно-ориентированного подхода к вопросам образования и современного общества вообще нуждается в продолжительном углубленном осмыслении специалистами в сфере социально-гуманитарного знания.

Литература и источники

- 1 Гессен, С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен. – М., 1995.
- 2 Полежаев, Д. В. Менталитет современного общества и коммуникативная компетентность личности (социально-философский аспект) / Д. В. Полежаев // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве XXI века: Человек и его дискурс – 3и / НОУ ВИБ; Ин-т языкознания РАН. – М.; Волгоград, 2007. – С. 22–36.
- 3 Полежаев, Д. В. Качество образования: проблемы понимания / Д. В. Полежаев // Наука, образование, инновации: тез. выступлений участников I Всерос. конф., 10–12 нояб. 2008 г. / сост.: А. И. Ракитов, В. М. Кондратьев, М. Н. Русецкая, А. Э. Анисимова. – М., 2008. – С. 519–522.
- 4 Полежаев, Д. В. Качество образовательных инноваций: проблема измерения в рамках субъектного подхода / Д. В. Полежаев // Социология инноватики: социальные и культурные условия модернизации: матер. IV Межд. науч. конф., 24–25 нояб. 2011 г. / ИНИОН РАН; РАЕН; РГАИС. – М., 2012. – С. 252–255.
- 5 Сорокин, П. А. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин. – М., 1994.
- 6 Султанова, Л. Ю. Качество образования в исторической динамике: условия и особенности развития / Л. Ю. Султанова, Д. В. Полежаев // Феномен исторической памяти в контексте духовно-нравственного образования и развития личности обучающихся на уроках истории: матер. Межд. науч.-практ. конф., 23 апреля 2013 г., г. Волгоград / Редкол.: Д. В. Полежаев (отв. ред.) и др. – М., 2013. – С. 24–28.

КУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

З. Г. Рудёнок

Новая парадигма образования – «образование через всю жизнь» – базируется на компетентностном подходе. Такой подход предусматривает эффективную деятельность специалиста в постоянно меняющихся условиях. Обобщая взгляды различных авторов на эту парадигму, можно сделать вывод, что в понятие «компетентность» входят универсальные личностные характеристики и поведенческие модели. Компетентностный подход, в свою очередь, предполагает включение категорий, образов, обобщений, которыми человек овладел в процессе жизни.

Опасность при внедрении компетентностного подхода в практику образования заключается в том, что компетенции порой противопоставляются знаниям, которые на самом деле являются основой компетенции. В то же время компетентностный подход предполагает не просто описание изменений в системе образования на новом языке, но и практическую реализацию личностно-ориентированной парадигмы образования, связанной с реальным социально-экономическим контекстом. Это находит отражение в образовательных стандартах и учебных программах, предполагающих выделение блока социально-личностных компетенций, которые соотносятся с общей культурой человека.

Для более глубокого понимания заявленной парадигмы, необходимо рассмотреть такие понятия, как «культура» и «компетентность».

Понятие компетентности рассматривается такими авторами как А. В. Хуторской, И. А. Зимняя, Л. Хьел и Д. Зиглер и другими. Обобщая их взгляды, можно отметить, что в понятие «компетентность» входят универсальные личностные характеристики и поведенческие модели. Компетентностный подход, в свою очередь, предполагает включение категорий, образов, обобщений, которыми человек овладел в процессе жизни. Этот подход не является абсолютно новым. Его истоки прослеживаются в работах М. Н. Скаткина, И. Я. Лернера, В. В. Краевского, Г. П. Щедровицкого, В. В. Давыдова и их последователей.

В. А. Янчук вводит понятие культурной компетентности, которую рассматривает как конструкт, представляющий аутентичное владение конфигурацией понятий, категорий, образов, обобщений, представлений, ценностей, норм и других символических элементов, наборами когнитивной и поведенческой активности, широко разделяемых и применяемых членами конкретного общества или социальной группы, задающими своеобразие отношения, интерпретации, координации и санкционирования наблюдаемого и актуализируемого поведения. Автор акцентирует внимание на аспекте владения содержанием собственной культуры, определяющим своеобразие само- и миропонимания и эффективности его актуализации во взаимодействии с социальным и природным окружением [1, с. 63].

Культура, в понимании философа Г. Зиммеля, – это путь от замкнутого единства через развитое многообразие к развитому единству [2, с. 137]. В определении Ральфа Линтона «культура есть конфигурация выученного поведения, результаты и которого, компонентные элементы которого сообща разделяются и передаются членами отдельного общества» [3, р. 32].

Перспективным направлением современного образования должно стать формирование культурной компетентности, которую мы рассматриваем как социопсихологический конструкт. Структурное определение культурной компетентности включает в себя язык, знание норм, ценности, активность. В ней можно выделить целый ряд составляющих, например, таких, как когнитивный компонент, ценностный, поведенческий, нормативный, аффективный и другие. Культурная компетентность относится к субъективному элементу культуры.

Учитывая то, что образование по своей сути представляет процесс окультуривания подрастающего поколения (и не только), вопрос формирования культурного пространства становится особенно актуальным в связи с тем, что именно его развитость и определяет искомый результат.

Литература и источники

1. Янчук, В. А. Экокультурная образовательная среда: формирование и развитие. Часть 2: От культурной к межкультурной компетентности / В. А. Янчук // Адукацыя і выхаванне. – 2013. – №7. – С. 60–67.
2. Зиммель, Г. Избранное: в 2 т.–Т. 1: Философия культуры [пер. с нем.]. – Москва, 1996.
3. Linton, R. The Cultural Background of Personality / R. Linton. – New York, 1945.

РОЛЬ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

О. А. Велько, М. В. Мартон

Математическое образование является частью общечеловеческой культуры. Любому человеку, в том числе и гуманитария, необходима культура мышления, способность к самостоятельной интеллектуальной деятельности. Чертами культуры мышления являются точность, строгость, последовательность, обоснованность, логичность, доказательность. Математика является мощным средством развития культуры мышления.

Процесс модернизации социально-экономических систем создаёт потребность исследования отдельных явлений, таких как анализ их динамики, прогнозирования, установления взаимосвязи между различными явлениями и т. д. Несомненно, что непрерывный и самостоятельный поиск актуального знания об общественных процессах является требованием времени. В связи с этим готовность осуществлять исследовательские действия в профессиональной сфере определяет, как профессиональную успешность, так и личностный рост будущего специалиста социально-гуманитарной сферы. В статье [1] анализируется роль математической составляющей в образовании студентов-социологов.

Специфика творческой математической деятельности проявляется как сплав интуиции и логики. Изучение математики студентами социально-гуманитарных специальностей пополняет не только логическую, но и философскую составляющие образования. Следует также отметить, что математика является базой, которая обеспечивает готовность человека к самообразованию и овладению другими дисциплинами, например, статистикой.

В математике мышление – это инструмент исследования, а в социальных науках – и инструмент, и объект исследования. Как любая наука, социология использует характерные только для неё методы исследования социальной реальности. Отличительной особенностью практической социологии является применение крупномасштабных опросов населения, различные типы анкетирования. При обработке анкет широко используются методы, разработанные в математической статистике. На основе вышесказанного создаётся впечатление, что математика предназначена для изучения природы социального, и в этом есть доля истины, так как многие прикладные разделы математики появились «из желания отразить ситуацию, возникшую перед учеными, изучающими общество» [2, с. 388–389]. А изучение некоторых характеристик социального процесса, таких как тренд, локализованные прогнозные состояния, вообще не представляется возможным без математического моделирования.

Возможность применения математики возникает тогда, когда исследователь абстрагируется от многих конкретных черт изучаемого объекта и предполагает адекватной сути решаемой задачи определённую формализацию рассматриваемого явления. Чем же занимается социология как наука? Социология решает следующие задачи:

- анализирует данные, то есть объясняет результаты опросов или других исследований, представленных в виде массивов числовых данных, используя при этом кластерный анализ, компонентный анализ, факторный анализ, регрессионный анализ;

- описывает социальные явления, строя при этом модели явлений, в том числе и математические;

- объясняет социальные явления;

- предсказывает социальные явления, используя методы математического моделирования.

Без применения математического аппарата трудно обойтись при решении практически любой социологической задачи. Заметим, что главной целью анализа данных является выделение статистических закономерностей, то для социологов наиболее важным разделом математики будет математическая статистика и лежащая в её основе теория вероятностей. Для того чтобы эффективно пользоваться этим разделом, необходимо понимать, что лежащие в основе математической статистики положения отражают нечто важное для социолога. И давать себе отчет в том, как, в каком виде соответствующее отражение осуществляется. То есть прежде чем осуществлять какой бы то ни было математический анализ данных необходимо сформировать определённое представление о том, каков характер подлежащего изучению явления.

Хотя математический аппарат довольно широко используется в социологии, все еще в среде

социологов бытует мнение, что математика имеет косвенное отношение к социологическим исследованиям, поскольку ее методы разработаны в основном для естественных наук, не учитывающих специфику социологического характера. Те, кто при поиске социальных закономерностей делают акцент на понимании, отделяя его от аргументации и объяснения, что как раз характеризует доказательное математическое рассуждение, вполне могут обойтись без математики. Но это не означает, что некоторые математические теории так уж далеки от того, чем занимается теоретическая социология. Связь между математикой и социологией гораздо глубже, чем это принято считать. Однако изучением этой связи наша наука практически не занималась. Но, уже тот факт, что ученые-социологи начинают выделять в работах великих предшественников «математические аспекты» их деятельности, говорит об изменении представлений о роли математики в социологических исследованиях.

Математическое образование социологов должно помогать формированию отвечающих современным требованиям компетенций. В этой связи при подборе учебного материала к занятиям по математическим дисциплинам для студентов социально-гуманитарных специальностей целесообразно использовать задачи, составленные на основе реальных статистических данных, которые отражают те или иные социально-экономические и психологические закономерности или явления.

Таким образом, социально-гуманитарные специальности являются дисциплинами, основанными на исследованиях данных, и статистика является частью их повседневного языка. Чтобы освоить этот язык, специалисты должны быть хорошо подготовлены математически. В связи с потребностями развития, как теории социологии, так и её экспериментальных и прикладных направлений возрастает интерес к использованию математических методов для описания и анализа тех явлений, которые она изучает. Проникновение математических методов в социально-гуманитарные направления, связано, прежде всего, с развитием экспериментальных и прикладных исследований, оказывает достаточно сильное влияние на их развитие. В этой связи при подборе учебного материала для занятий целесообразно использовать задачи, составленные на основе реальных статистических данных, которые отражают те или иные социально-экономические и психологические закономерности или явления.

Выпускник вуза должен уметь решать различные исследовательские задачи в профессиональной деятельности различными методами, в том числе и математическими. В заключение заметим, что лишь некоторая часть учебного материала по математике непосредственно потребует выпускникам социально-гуманитарных специальностей, в их практической деятельности. Однако жизненный и профессиональный успех большинства из них будет зависеть от степени развития их умственных способностей, культуры мышления, умения применять знания в нестандартных ситуациях, самостоятельной творческой деятельности.

Литература и источники

1. Ерошенко, В. А. «Парадокс Кондорсе», или математическая социология как методическая проблема конструктивного взаимодействия / В. А. Ерошенко, О. А. Велько // Высшая школа. – 2012. – № 3. – С. 47–50.
2. Толстова, Ю. Н. Сущность математики в преломлении к потребностям социологии: уроки истории / Ю. Н. Толстова // Математическое моделирование социальных процессов: сб. науч. Трудов ежегод. семинара / МГУ им. М. В. Ломоносова. Социологический ф-т. – М., 2009. – С. 376–422.

СОЦИАЛЬНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В КОММУНИКАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: ФЕНОМЕН «ВСТРЕЧИ» ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА

В. А. Ерошенко, Я. Д. Александрович

Специфика коммуникативного взаимодействия преподавателя и студента при изучении математических дисциплин проявляется в освоении новых методологических инструментов общения. Связанные с этим затруднения во многом обусловлены неопределенностью системы современных представлений об «онтологии сложности» мультимедийных технологий в математическом образовании. За довольно короткий период времени возникла глобальная сеть сохранения, обработки и передачи учебной информации, которая приобретает характерные свойства социально-

коммуникационной информационно-управляющей среды.

Основной принцип «коммуникативной онтологии» образовательного процесса заключается в ценностном восприятии действительности, способствующем развитию способности математического мышления с позиций понимания и прояснения сущего. Благодаря рефлексивной активности студенты-математики создают «островки стабильности» в сфере коммуникаций. Но, несмотря на актуальность и методологическую важность проблем современного математического образования, мы хотим обратить акцентированное внимание на социально-математические проблемы, связанные с общением преподавателя и студента.

В современной информационной среде этот аспект не всегда становился предметом рефлексии университетского преподавателя, которая способствовала бы самоанализу педагогических действий, избавлению от поведенческих стереотипов. Заметим, что общение преподавателя и студента не тождественно коммуникации: последняя в учебной аудитории предполагает обмен предметной информацией, тогда как общение включает в себя развитие интеллектуальной связи между людьми, в результате которой реализуются межличностные отношения, предполагающие, кроме прочего, способность к пониманию как проявление «социального интеллекта». «Социальный интеллект является когнитивной основой для реализации межличностного общения, поскольку, в отличие от социального мышления, выступает основой не только прогнозирования коммуникативного взаимодействия, но и формирования и развития межличностных отношений [1, с. 897]. Психологи уже выяснили, что межличностные отношения включают следующие три основных компонента: во-первых, когнитивный или информационный; во-вторых, аффективный или эмоциональный; наконец, в-третьих, поведенческий или регулятивный.

Деятельностным свойством образовательного процесса при изложении математического материала, важного в мировоззренческом плане, является порождение особых социальных феноменов, которые характеризуют ценности педагогического диалога преподавателя и студента. К ним можно отнести открытость к духовному миру другого и толерантность как эмоциональное принятие партнера по педагогическому общению. Если в основе личностного общения преподавателя и студента лежит не только потребность в изучении математики или передачи дополнительных знаний, но также внимание и искренний интерес к мнению другого в стремлении наладить плодотворный контакт, то реальная заинтересованность в «обратной связи» будет благоприятствовать как усвоению учебной дисциплины, так и пониманию того, что является наиболее успешным в таком социально выраженном партнерстве.

Поскольку за истинность математической теории в немалой мере на строго рациональном уровне познания отвечает математический интеллект, с помощью которого осуществляется математическое познание, то его вполне естественно рассматривать еще и как первичную фундаментальную структуру естественного интеллекта, представляющего собой интеллект, связанный с человеческим мышлением. Базовыми элементами математического интеллекта являются основания математики, к которым традиционно относят ее основные понятия и аксиоматические теории. Так философ математики Л. Б. Султанова считает: «с точки зрения философии математики представляется, что прежде всего в структуре естественного интеллекта усматриваются фундаментальные элементы интеллекта математического, а также интеллекта логического» [2, с. 65]. Но логический интеллект, ориентирующийся на структуры мышления человека, которые обеспечивают интеллектуальные навыки логического вывода, вообще говоря, структурно проще математического интеллекта, так как последний не охватывается исключительно вычислительными процедурами и поэтому не подлежит полной алгоритмизации. В частности, такое понимание приходит при осмыслении направлений обоснования математики.

В социокультурном аспекте взаимодействия преподавателя математики и студента немаловажную роль играет «эмоциональный интеллект», связанный с искусством общения, воплощающим ценности педагога и представления о нормах и идеалах его деятельности. Возникновение чувства значимости и ценности происходящего обозначают в философии как «феномен встречи», который имеет место при непосредственном общении преподавателя и студента и иногда определяет направление личностного развития. Эффективность «встречи» зависит от педагогического артистизма преподавателя в духе «театральной педагогики», обострения внимания и особой сосредоточенности. Наиболее значимым такой феномен является для тех студентов, которые педагогическое общение воспринимают не как нечто ординарное и даже проходящее, а как осознание уникальности момента знаковой встречи.

Постановка вопросов коммуникативного взаимодействия в образовательной среде, подобных указанным здесь, вызывает неоднозначную реакцию. Основные возражения сводятся к тому, что студент еще только учится, и социально-математическое развитие во многом зависит от успешной работы преподавателя, поэтому о партнерстве как о симметричных отношениях преподавателя и студента едва ли может идти речь. Высказываются даже такие мнения, что несимметричные отношения в образовательном процессе «онтологически естественны» и привычны. «Если говорить о социальных выгодах, то для зависимого человека это отсутствие опасности, связанной с принятием решения и необходимостью нести ответственность, ощущение защищенности: кто-то другой берет на себя риски за деятельность» [3, с. 35].

Тем не менее, негативная составляющая несимметричных отношений преподавателя и студента также очевидна. Она связана с недостатком свободы в социально-коммуникативных отношениях. Высокий уровень эффективности взаимодействия преподавателя и студента достигается тогда, когда они оба испытывают потребность не только в сугубо деловых, но и в неформальных составляющих общения.

Позитивное общение преподавателя и студента позволяет выстраивать более благоприятную для образовательного процесса атмосферу взаимного интереса, доверия и уважения. Партнерское взаимодействие повышает доверие студента к профессору, что помогает ему раскрепоститься, делает его естественным и открытым, помогая ему раскрыть «подлинную прелесть математической речи». Проявление таких отношений носит ярко выраженную экзистенциальную окраску. Характер эмоционально-коммуникативных взаимных отношений создает не только комфортный фон общения преподавателя и студентов, но в отдельных случаях определяет успешность их совместной деятельности.

Литература и источники

1. Щербаков, С. В. Социальный интеллект и комплементарность взаимоотношений студентов и преподавателей / С. В. Щербаков // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. – № 3. – С. 896–901.
2. Султанова, Л. Б. Математический интеллект в когнитивных исследованиях / Л. Б. Султанова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 2. – С. 64–71.
3. Ворожцова, И. Б. Партнерские отношения преподавателя и студента в обучении: за и против / И. Б. Ворожцова // Вестник Удмуртского университета. Психология и педагогика. – 2006. – № 9. – С. 33–44.

О ВЛИЯНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Ф. С. Приходько

Современный период развития общества характеризует процесс информатизации. Одним из его важнейших направлений является информатизация образования, характеризующаяся внедрением в эту сферу информационных и коммуникационных технологий, программных, программно-аппаратных и технических средств, устройств, функционирующих на базе микропроцессорной, вычислительной техники, а также современных средств и систем транслирования информации, информационного обмена, обеспечивающие операции по сбору, продуцированию, накоплению, хранению, обработке, передаче информации и возможность доступа к информационным ресурсам компьютерных сетей (в том числе глобальных).

Однако отношение в научном сообществе к названным технологиям неоднозначное – от эйфории до серьезных сомнений. В настоящее время принято считать, что использование информационных компьютерных технологий (ИКТ) в системе образования является безусловной добродетелью. Их внедрение в учебный процесс рассматривается как одно из важнейших направлений развития образования. Много написано и сказано о роли ИКТ в дистанционном образовании, о компьютерном тестировании как эффективном методе контроля знаний, об электронных учебных материалах и т. д. Так, утверждается, что информатизация общества способствует ускорению научно-технического прогресса, интеллектуализации всех видов человеческой деятельности, со-

здает качественно новую информационную среду социума, обеспечивающую развитие творческого потенциала личности. Новые технологические условия, аппаратные и программные средства, телекоммуникационные системы, обеспечивают эффективное функционирование сферы образования. Результатом использования информационных технологий в образовательном процессе является дистанционное обучение, которое делает образование более доступным для разных слоев общества. В условиях широкого распространения Интернета и ускоренного развития глобализационных процессов в образовательной и научной сферах бурно развивается институт открытого образования, в организации которого огромна роль развивающихся электронных библиотек как средств международного обмена опытом и знаниями. Современные электронные коммуникативные средства, широко используемые сферой образования, являются ныне важными факторами формирования интеллектуальной культуры информационного общества [1].

Многонаписано и сказано о компьютерном тестировании как эффективном методе контроля знаний, об электронных учебных материалах и т. д. Утверждается даже, что современное образование «имеет своей целью не столько обучить традиционным алгоритмам в мышлении и практике, сколько умению выбрать необходимую информацию, осмыслить ее, привести обработанную информацию в соответствие со своими потребностями. Действия, основанные не на традиции, а на информации – определяющая черта современного человека» [2, с. 178].

Однако роль компьютерных технологий в развитии интеллектуальной культуры и профессиональной подготовки подрастающего поколения в целом столь восторженно оценивают далеко не все исследователи. Информация образования, бесспорно, имеет множество позитивных сторон, достоинств, перспективных тенденций. В то же время очевидно наличие у этого процесса значительного количества негативных проявлений, которым необходимо реально противодействовать. Указывают на негативное влияние, которое выражается «прежде всего, в том, что у учащейся (и не только) молодежи благодаря современным информационным технологиям интенсивно и массово формируется клиповое мышление, «мышление в картинках», что на деле, как это ни парадоксально, означает масштабный регресс в мыслительной сфере: возврат к допонятийному, мифологически-образному мышлению, господствовавшему в архаические эпохи, «доосевое» время. Такого рода последствия применения компьютерных технологий в образовании позволяют многим исследователям говорить о наступлении своего рода эпохи новой иррациональности, о возвращении к дорациональным формам мироощущения, о ренессансе неомифологизма и мистицизма, о переходе от логоцентрического отражения мира к его восприятию в визуальных образах» [3, с. 76].

Однако есть еще один аспект применения информационных компьютерных технологий в учебном процессе, о котором в настоящее время мало говорится. Нередко они используются для обмана в учебном процессе и в так называемой научно-исследовательской работе, который становится все более изощренным и массовым. Речь идет в первую очередь о скачиваемых студентами, магистрантами и аспирантами из сети Интернет рефератах, курсовых, докладах на студенческие научные конференции и выдаваемых за результаты своих научных изысканий. Обман также проявляется в списывании, использовании шпаргалок. При этом современные шпаргалки куда большее зло, нежели традиционные. Большинство современных шпаргалок – это распечатки лекций, иных пособий, материал из Интернета. Написанные же от руки – большая редкость. Это немало важно: когда студент сам, от руки, готовит «шпаргалку», он пропускает учебный материал через свое сознание, вынужден его осмысливать, выбирая, на его взгляд, самое важное, этим самым фактически составляет конспект по данному предмету, что объективно облегчает запоминание материала и снижает необходимость в использовании на экзамене заветных листиков. Увы, современные технологии облегчают изготовление шпаргалок, но сводят к минимуму полезный эффект от их приготовления. Используется и современная аудиотехника: в ухе – маленькая горошина-микрофон, в соседней комнате – помощник с учебником и передатчиком. Эти явления не столь безобидны, как может показаться на первый взгляд. Пройдя подобную «школу», они во «взрослую» жизнь, будучи специалистами и руководителями, принесут готовность к припискам, очковтирательству, другим нарушениям нормативно-правовых и морально-этических норм и правил. В борьбе со списыванием есть два основных пути: ужесточать внешний контроль со стороны преподавателей и организаторов экзаменов; усиливать внутренний контроль со стороны самих учащихся, которые бы сигнализировали преподавателям о мошеннических действиях своих однокурсников. Первый путь относительно проще, но усилий одних преподавателей недостаточно. Встает

вопрос: почему студенты, сами не практикующие списывание, не пытаются пресечь обман со стороны своих сокурсников, которые таким образом получив высокие оценки, могут их обойти при распределении? Этому есть много причин, например, нежелание портить отношения с сокурсниками, но одна из важнейших – это отсутствие конкуренции и стимулов в образовательном процессе. К сожалению, невелика мотивация приобретения глубоких знаний. В нашем обществе в различных его сферах, исключая, может, магистратуру и аспирантуру, отличники учебы фактически не востребованы. При приеме на работу молодого специалиста мало кто из работодателей заглядывает в приложение к диплому. Не потому ли отношение к учебе многих студентов производит удручающее впечатление?

Таким образом, «чрезмерное насаждение современных информационных технологий в образовательную сферу оборачивается игнорированием личностного начала в образовании, ведет к обезличиванию преподавания, отдаляет учителя от ученика» [3, с. 77]. Поэтому в использовании информационных компьютерных технологий (ИКТ) надо соблюдать принцип разумной достаточности. «Закономерный вопрос, – задает И. Минералова и дает на него ответ, – где заканчивается разумность и начинается ИКТ-безумство, во-первых, и кто и как определяет «меру», во-вторых? Вот тут-то и педагог-практик, и ученый-методист должны руководствоваться единственно целесообразностью, поскольку и в методике и технологиях все определяется ею» [4].

Литература и источники

1. Рудко, Е. А. К вопросу об интеллектуальной культуре в информационном обществе / Е. А. Рудко // Интеллектуальная культура Беларуси: истоки, традиции, методология исследования: мат-лы Первой междунар. науч. конф., г. Минск, 13–14 ноября 2014 г. – Минск, 2015. – С. 179–182.
2. Никулина, Ю. В. Интеллектуальный капитал в информационном обществе / Ю. В. Никулина // Интеллектуальная культура Беларуси: истоки, традиции, методология исследования: мат-лы Первой междунар. науч. конф., г. Минск, 13–14 ноября 2014 г. – Минск, 2015. – С. 176–179.
3. Кирвель, Ч. С. Компьютеризация и образование / Ч. С. Кирвель, И. В. Бусько // Беларуская думка. – 2015. – №3. – С. 74–80.
4. Минералова, И. Прогресс подлинный и мнимый / И. Минералова // Литературная газета. – 2014. – № 6.

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г. Ф. Вечорко

В процессе модернизации высшего социально-гуманитарного образования у нас можно выделить два особенно актуальных направления. Это оптимизация его содержания и информатизация. В соответствии с «Концепцией оптимизации содержания, структуры и объёма социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования», утверждённой Министерством образования Республики Беларусь, не так давно проведена не только корректировка структуры цикла СГД, но и корректировка соотношения часов аудиторной и самостоятельной работы студентов.

С переносом акцента с аудиторной работы под руководством преподавателя на самостоятельную учебно-исследовательскую работу естественно возникла проблема управления значительно возросшего объёма самостоятельной работы студентов. Анализируя публикации по рассматриваемой проблеме, можно выделить несколько подходов к управлению самостоятельной работой студентов. Это «*поэтапный подход*», «*компетентностный подход*», «*интегративный подход*» и «*индивидуально-типологический подход*». Однако, с позиций теории управления или педагогического менеджмента представляется целесообразным применение в данном случае *функционального подхода* [1]. Это позволит преодолеть тот разрыв, отсутствие согласованности, правильного соподчинения понятия «управление» и его функций: планирования, организации, координации, мотивации и контроля. А то ведь сплошь и рядом читаем: «*правила и механизмы адаптации процессов организации, управления и контроля УСРС к условиям отдельного вуза*» [2, с. 63] и т. п.

Планирование управляемой самостоятельной работой (УСР) преподавателем связано с

определением целей учебно-познавательной деятельности студентов, путей и средств их достижения. В зависимости от наличия и доступности курса лекций, учебника или электронного УМК планируется объём и тематика УСР, а также различной формы и сложности задания для студентов для последующего утверждения на кафедре.

Организация УСР преподавателем направлена на создание оптимальных условий для своевременного выполнения всеми студентами запланированных работ с необходимым уровнем качества. Для этого он разрабатывает учебные задания различного уровня сложности так, чтобы по своему объёму и сложности они органично вписывались в разрабатываемые план – графики. На первом аудиторном занятии эти план – графики и задания преподаватель доводит до студентов, включая предстоящие формы и сроки отчётности и контроля, а также методические указания по рациональному выполнению заданий.

Коррекция УСР проводится в целях устранения проблем, затруднений, испытываемых студентами при её выполнении. Причины этих затруднений могут быть выяснены в ходе анализа результатов промежуточного контроля, а также в ходе проводимых коллоквиумов, общих и индивидуальных консультаций, бесед со студентами.

Мотивация предполагает действия преподавателя, направленные на активизацию УСР, на раскрытие её ценностно-смыслового значения для студентов, которых нужно на деле убедить, что УСР – это специфически вузовская форма обучения в отличие от школьной или даже аудиторной формы обучения в вузе, где обучающимся традиционно предлагается педагогически адаптированный (готовый к запоминанию) учебный материал. Функция мотивации в подобных случаях сводится к формированию потребностей, убеждений, интересов и желаний студентов. В связи с этим важным фактором мотивации является также систематический контроль и внедрение балльно-рейтинговой системы оценки учебных достижений студентов,

Контроль УСР позволят преподавателю измерять и оценивать выполнение студентами запланированных заданий, получить информацию для своевременного выявления недостатков и выработки корректирующих действий. Видами и формами контроля УСР могут быть контрольные работы, тесты, коллоквиумы, защиты учебных заданий и т. д. Важным условием эффективного контроля должно стать также использование компьютерных обучающее – контролирующих программ, позволяющих студентам самостоятельно контролировать уровень усвоения учебного материала.

В результате проводимой на нашей кафедре НИР по теме «Электронные информационные ресурсы по социально-гуманитарным дисциплинам: моделирование и интеграция в образовательный процесс» мы пришли к выводу, что новые факторы эффективного управления самостоятельной работой студентов естественно следуют из необходимости применения в этом процессе именно функционального подхода, реализация которого в современных условиях неизбежно предполагает информатизацию всех его основных функций. В связи с этим электронные учебно-методические комплексы (ЭУМК) могут быть весьма эффективным средством управления самостоятельной работой студентов. Заметим, что это особенно важно для заочной или дистанционной форм обучения. К настоящему времени на кафедре разработаны ЭУМК по 34 учебным дисциплинам, что составляет 75% от общего числа учебных дисциплин. Все они созданы в соответствии с требованиями и на основе современных информационно-коммуникационных технологий. При этом теоретические исследования, практика создания и системного применения ЭУМК показали, что наиболее оптимальной его структурой представляется модульная [3, с. 24]. Примером такого комплекса является разработанный нами ЭУМК по дисциплине «Педагогика и психология высшей школы», включающий *нормативный, теоретический, практический, справочно-информационный и контрольно-диагностический модули.*

Нормативный модуль здесь содержит документы, регламентирующие образовательный процесс на II ступени высшего образования, учебные программы, план и учебно-методические рекомендации для семинарских занятий, критерии оценки учебных достижений магистрантов. *Теоретический модуль* этого комплекса содержит тексты лекций согласно рабочей учебной программе. В теоретическом модуле содержатся также электронные варианты двух учебников по изучаемой дисциплине. *Практический модуль* включает планы семинарских занятий, а также организационно-методические рекомендации по самоорганизации учебной работы студента, по использованию электронных ресурсов. *Справочно-информационный модуль* содержит тезаурус, словарь

гlossарий, список литературы по дисциплине и хрестоматию. *Контрольно-диагностический модуль* содержит вопросы к экзамену или зачёту в зависимости от специальности магистрантов, а также комплексы тестовых заданий по каждой изучаемой теме, общей численностью 279 заданий. Каждый из тестовых комплексов содержит 31 задание разного уровня сложности, в том числе: 24 задания на выбор одного правильного ответа из четырёх предложенных вариантов; 2 задания на установление правильной последовательности, 2 задания на установления правильного соответствия между двумя множествами и 3 задания на правильное завершение предложений. Все девять комплексов тестовых заданий снабжены соответствующими ключами.

Таким образом, решение проблемы управления самостоятельной работой студентов находится на пути реализации функционального подхода посредством создания и системного применения электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК) в соответствии с требованиями информационно-коммуникационных технологий.

Литература и источники

1. Вечорко, Г. Ф. Управление самостоятельной работой студентов в условиях модернизации высшего образования / Г. Ф. Вечорко // *Вышэйшая школа*. – 2014. – №4. – С. 3–7.
2. Макаров, А. В. Инвариантная и вариативные модели управляемой самостоятельной работы студентов / Г. И. Бабко, Н. В. Дроздова, О. Л. Жук, А. П. Лобанов, В. В. Сергеевкова, А. Ф. Оськин // *Вышэйшая школа*. – 2007. – №1. – С. 57–64.
3. Лозицкий, В. Л. Электронный учебно-методический комплекс по дисциплинам социально-гуманитарного цикла. Научно-методические основы создания и системного применения / В. Л. Лозицкий. – Минск, 2012.

3.3 Судьбы социально-гуманитарного образования в трансформирующемся социуме

РЕФОРМИРОВАНИЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И. Н. Воронович

Реформирование образовательной системы, в частности гуманитарной, на современном этапе истории человечества достаточно актуально. Предполагается своеобразная корректировка методологической составляющей и переход на более эффективные образовательные технологии. Изменения в процессе образования невозможны без гуманитарного контекста, который обеспечивает духовную преемственность общества, формирует личностную культуру и способствует успешности человека в узкоспециальной сфере. Именно поэтому гуманитарное образование рассматривается своеобразной «основой основ» духовной жизни человека и позволяет реализовать свой внутренний потенциал в любой сфере профессиональной деятельности (А. Запесоцкий).

Представление о феномене современного образования базируется на основе единства классических педагогических теорий, психологии и интегративных системах знания – философской-антропологической и культурологической. В свою очередь последние формируют идеал человека, представляющий собой единство духовного, социального и физического. В процессе образования субъект является формирующейся личностью, а в каком направлении он получает свое развитие зависит от общественных идеалов, ценностей культуры, которые требуют от образования наличия условий личностного становления, саморазвития [1, с. 84]. А имеющиеся традиционные образовательные концепции теряют свою эффективность и не всегда отвечают запросам молодого поколения. Последние нацелены на информационный и творческий фактор в профессиональной деятельности; гибкие краткосрочные проекты; работу в различных организациях и предприятиях; персонализацию профессионализма и «нестандартность» мышления; «размытость» границ профессий; динамику и глобализацию профессий и т. п. [2].

Оценка профессиональных качеств сотрудников переходит с содержания образования на результаты обучения. Таким образом, реализация себя как специалиста в любой сфере деятельно-

сти возможна только при постоянном росте, предусматривающем непрерывные процессы самообразования. В таком случае люди, умеющие самостоятельно работать с постоянно возрастающим потоком информации, могут рассчитывать на успех реализации своих врожденных задатков и способностей. Новое понимание целей и задач образования, основанное на гуманистическом подходе, снимает рассмотрение образования как технологию передачи готового знания.

Гуманистический подход в профессиональном становлении выводит на первые позиции создание условий для развития творческой индивидуальности, приближает образование к глубинным запросам личности, ее психологическим и нравственным установкам. Гуманизация образования, а именно введение в курс обучения гуманитарных наук, помогает личности адаптироваться в социокультурном пространстве. Гуманитарные установки помогают формировать основы целостного и масштабного мировоззрения и инновационного мышления, нацеливают на процесс самоактуализации, самореализации и самоопределения, а также формируют мировоззренческие, общекультурные, духовные и интеллектуальные характеристики развития личности [1, с. 86].

Знание духовных основ, культуры в целом как отдельных этносов, так и своего позволит специалисту нового поколения устремиться к поиску нового, формированию целостной личности, подразумевающей многосторонность «с широким горизонтом мышления, умением жить в альтернативном мире» [3, с. 151]. В этой связи, новая система образования призвана ориентироваться не только на профессиональную грамотность специалистов и компетентность, но и на нравственно-этические характеристики, которые формируют ответственность за результаты своей деятельности.

Российский ученый А.С. Запесоцкий выделил два основных направления в гуманитарном образовании: профессиональная подготовка специалистов гуманитарных профессий (культурологов, социологов, филологов, историков, философов, искусствоведов и др.) и общегуманитарное образование, охватывающее технические и другие негуманитарные вузы [4, с. 305]. То есть, овладение гуманитарными знаниями обогащают внутренний мир человека, расширяют кругозор и способствуют раскрытию его талантов вне зависимости от получаемой специальности.

Другой российский ученый И. В. Бестужев-Лада выделяет условия гуманизации образования: дифференциация образования в соответствии с потребностями и способностями учащихся, осуществляемая довузовской профориентацией; демократизация образования с целью создания условий для самовыражения и признания студента как полноценного и самостоятельного участника образовательного процесса под руководством педагога; разработка и внедрение щадящих технологий обучения, без сверхнапряжения и без унижения личности; оптимизация процесса обучения с целью достижения максимальных результатов при минимуме затрат времени и сил [5, с. 172]. Акцент непосредственно делается на образование с учетом индивидуальных характеристик человека, уважении его достоинств и способствовании раскрытию внутреннего потенциала, а не формированию «комплекса неполноценности».

В качестве проблем видится необходимым отметить недостаточный синтез теоретической базы с практической. Выпускники вузов зачастую сталкиваются с проблемой практической реализации полученных теоретических знаний в организациях. Среди проблем можно назвать еще и падение престижа специалистов гуманитарных профилей, дефицит бюджетного финансирования, несоответствие перечня имеющихся специальностей требованиям современного общества и др.

В этой связи реформирование гуманитарного образования достаточно сложная задача, поскольку единого подхода не существует. Ученые отмечают ряд проблем в системе образования, но методы и подходы к их решению не всегда совпадают. Однако, факт осознания гуманитарного образования не только как социального института, формирующего личность к профессиональной деятельности, но и социально-культурной парадигмы, влияющей на всесторонне развитую личность, ее самоутверждение в обществе и самоактуализацию очевиден. Более того, А. Запесоцкий предлагает гуманитарный вуз рассматривать как «форму трансляции и расширенного воспроизводства культурных норм, ценностей, идей, как пространство генерирования общественной идеологии, которая вместе с ее носителями «врастет» и «прорастет» в культуре, как способ подготовки человека к оптимальному существованию в социуме и культуре [4, с. 311].

Современность расширила границы свободного выбора и ответственности индивида, в то же время обусловила «отказ от единообразия, стандартизации и унификации в пользу многообразия» [6, с. 27]. Последнее возможно рассматривать как свидетельство распространения системы

Болонского процесса (процесс сближения и гармонизации систем высшего образования европейских стран). Образовательные модели разных стран объединяются во многоуровневую систему подготовки качества специалиста, результаты которых проявляются компетенциями, а именно динамичной совокупностью знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств, необходимых для дальнейшего трудоустройства.

Перспективы развития образования в Беларуси на ближайшие годы определяются переходом на Болонский процесс. К особенностям последнего можно отнести компетентностный подход, модульное построение процесса обучения и объемом учебной нагрузки, исчисляемым в зачетных единицах (кредитах). В этой связи полноценное вхождение в данный процесс требует от нашей страны реформирования всей системы профессионального образования. Необходима разработка образовательных программ и стандартов, совместимых с европейскими, а их реализация подразумевает соответствующую трансформацию вузовских структур.

На сегодняшний день в вузах РБ отмечается создание нового поколения образовательных стандартов на основе базовых принципов Болонского процесса, в том числе с учетом потребностей местного (регионального) рынка труда, научных и образовательных традиций, собственных методических наработок, инноваций и др. Поскольку социальная система современного общества требует, как компетентного специалиста, так и человека, умеющего самостоятельно решать профессиональные проблемы, а также способного к непрерывному образованию в процессе своей деятельности.

Литература и источники

1. Воронович, И. Н. Гуманитарное образование и его роль в самоактуализации личности / И. Н. Воронович // Весн. Брэсц. дзярж. ун-та. – 2009. – №1(36). – С. 83–89.
2. Болонский процесс и реформа российской системы образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bstu.ru/about/important/vpo/reform>. – Дата доступа: 10.10.2015.
3. Лисовский, В. Т. Мифы и реальность: (Духовный мир человека) / В. Т. Лисовский // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: материалы конф., Санкт-Петербург, 23–24 мая 1996 г. / ФНПР; отв. ред. В. Е. Триодин. – СПб, 1996.
4. Запесоцкий, А. Образование: философия, культурология, политика / А. Запесоцкий; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М., 2003.
5. Бестужев-Лада, И. В. Четыре условия гуманизации образования / И. В. Бестужев-Лада // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: материалы конф., Санкт-Петербург, 23–24 мая 1996 г. / ФНПР; отв. ред. В. Е. Триодин. – СПб., 1996.
6. Зборовский, Г. Е. Социология: учебник / Г. Е. Зборовский, Г. П. Орлов. – М., 1995.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ И БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС

А. Л. Айзенштадт

Социально-гуманитарные дисциплины занимают важное место в подготовке специалистов высшей квалификации, так как они формируют нелинейное мышление, креативность, коммуникабельность, демократичность, толерантность, социальную ответственность.

Реализация образовательных и воспитательных функций социально-гуманитарных дисциплин наталкивается на целый ряд нерешенных задач и противоречий:

– между необходимостью формирования личности студента, его мировоззрения, нравственных качеств и ценностных ориентаций и состоянием размытости норм, ценностей и идеалов, свойственных современному обществу;

– между различными (часто противоположными) требованиями, предъявляемыми студентам вузом, семьей, юношеской субкультурой, СМИ, т. е. между направленной и стихийной социализацией;

– между ценностными ориентациями молодежи (студенчества) и менталитетом более старшего поколения (преподавателей);

– между высокими нравственными нормами, культивируемыми в вузе на теоретическом уровне и несправедливостями реальной жизни;

– между наличием у каждого преподавателя собственного мировоззрения и необходимостью исходить из множественности теорий, концепций, взглядов, которые могут в равной мере претендовать на истинность;

– между формальным признанием студента субъектом образовательной деятельности и сохранением в основном прежней логики обучения, рассчитанной на пассивного объекта, реципиента информации;

– между сохранением директивной модели организации занятий и насущной потребностью в более гибкой модели, ориентированной на самостоятельность студентов;

– между значимостью для многих студентов диплома как такового и нежеланием многих из них развиваться в личностном и профессиональном плане;

– между формальной престижностью высшего образования в обществе и фактической невостребованностью многих выпускников вузов;

– между заинтересованностью вузов в каждом студенте в условиях все большей распространенности платности образования и необходимостью предъявлять высокие требования к уровню знаний и воспитанности студентов;

– между декларированной значимостью социально-гуманитарных дисциплин и постоянным уменьшением часов, отводимых на их изучение в высшей школе.

Можно отметить и такие недостатки современной высшей школы, как:

– нежелание многих студентов развиваться в личностном и профессиональном плане, слабая мотивированность на достижение успеха;

– низкий уровень знаний студентов, полученных в средней школе, отсутствие навыков исследовательского, творческого, заинтересованного учебного труда;

– преобладание монологических форм обучения, ориентация на репродуцирование уже готового учебного материала в ущерб поисковой и критической мыслительной деятельности;

– ориентация на среднего студента и отсутствие индивидуальной работы с сильными и слабоуспевающими учащимися;

– устаревшая во многом материально-техническая база высшего образования [1, с. 138–139].

Может ли решить эти проблемы и устранить эти недостатки Болонский процесс?

Болонский процесс, как известно – это процесс сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования.

Основные направления Болонского процесса: принятие системы общепонятных, сравнимых квалификаций (степеней); внедрение двухступенчатой системы высшего образования (бакалавриат – магистратура); применение системы зачётных единиц (академических кредитов), количество которых зависит от объема часов по дисциплине; развитие академической мобильности студентов, преподавателей и административно-управленческого персонала; взаимное признание квалификаций и соответствующих документов в области высшего образования; обеспечение автономности вузов; развитие европейского сотрудничества в области обеспечения качества высшего образования; обучение в течение всей жизни; усиление европейской составляющей в системе высшего образования Европы; введение докторантуры в общую систему высшего образования (в качестве третьего уровня); объединение Европейского пространства высшего образования и Европейского пространства научных исследований [2].

Высказывается целый ряд аргументов в поддержку присоединения Беларуси к Болонскому процессу:

– система образования Республики Беларусь имеет европейские корни, в связи с этим логичным представляется учет изменений той системы, которая исторически послужила моделью-прототипом для системы отечественной;

– на Евросоюз приходится значительная часть отечественной внешней торговли и иных внешнеэкономических связей. Если высшее образование людей, реализующих эти связи, сопоставимо, то и связи налаживать и поддерживать легче;

– взаимодействие системы образования Республики Беларусь с единым образовательным пространством Европы предполагает общепринятые правила, и, находясь «внутри» процесса, значительно легче влиять на принятие решений, которыми и определяются общепринятые правила;

– формирование общего образовательного пространства в рамках Союзного государства,

Евразийского экономического пространства и СНГ, часть участников которых реформировали национальные системы образования на основе Болонских принципов, так или иначе вынуждают Республику Беларусь в процессе построения общего образовательного пространства реформировать отечественную систему образования на тех же принципах;

– присоединение к Болонскому процессу позволяет нам повысить привлекательность и конкурентоспособность национального высшего образования [3].

Достоинства Болонской системы для студентов:

– возможность получения образования в различных вузах и странах;

– индивидуализация образовательного процесса, свободный выбор студентами дисциплин для изучения;

– возможность накапливать определенное количество кредитов, приостанавливать свою учебу и возобновлять ее по желанию – то есть, фактически, учиться на протяжении всей жизни;

– облегчение трудоустройства за рубежом [4].

Вместе с тем, нельзя не отметить и потенциально негативные последствия присоединения к Болонскому процессу:

– «утечка умов» за пределы страны;

– утрата национальных традиций в системе образования;

– ослабление отечественного высшего образования ввиду его недостаточной конкурентоспособности.

Таким образом, дальнейшая интернационализация высшего образования является объективным, неизбежным и необходимым процессом, способным решить ряд проблем белорусского высшего образования, повысить мотивацию студентов, в том числе и в области изучения социально-гуманитарных дисциплин. Необходимо, однако, реформируя систему высшего образования, соблюдать осторожность, учитывая интересы отечественной экономики, национальные традиции.

Литература и источники

1. Айзенштадт, А. Л. Современные образовательные технологии в социально-гуманитарной подготовке специалистов / А. Л. Айзенштадт // Ad jubilaem: к 70-летию создания исторического факультета: сборник научных статей: в 2 ч. – Гомель, 2015. – С. 138–144.
2. Magna Charta Universitatum. Bologna, Italy – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bologna.spbu.ru/documents/141-2012-07-10-10-56-08>. – Дата доступа: 21.10.2015.
3. Болонский процесс – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.interstudy.by/index.php?id=53&Itemid=61&option=com_content&view=article. – Дата доступа: 22.10.2015.
4. Болонский процесс в Беларуси: формальность или глобальная перестройка системы образования? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ale.by/news/3774> – Дата доступа: 23.10.2015.

СПЕЦИФИКА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК БЕЛГОСУНИВЕРСИТЕТА

А. А. Легчилин, В. С. Сайганова

Современный период развития общества характеризуется быстрыми темпами социально-экономических преобразований, сменой ценностных ориентаций в социальной среде, увеличивающимся объёмом информации и другими изменениями, которые затрагивают все сферы жизнедеятельности человека. В этом контексте особую практическую значимость приобретают умения специалиста адекватно воспринимать сложные ситуации жизни, правильно их оценивать, быстро адаптироваться к новым познавательным задачам, целенаправленно перерабатывать имеющуюся информацию, искать и дополнять её недостающей, знать закономерности её оптимального использования, прогнозировать результаты деятельности, используя свой интеллектуальный и творческий потенциал.

Современный специалист должен владеть не только необходимой суммой фундаментальных и специальных знаний, но и определёнными навыками творческого решения практических задач, постоянно повышать свою квалификацию, быстро адаптироваться к изменяющимся условиям.

Все эти качества необходимо формировать в вузе. Воспитываются они через активное участие студентов в научно-исследовательской работе, которая на современном этапе приобретает все большее значение и превращается в один из основных компонентов профессиональной подготовки будущего специалиста. Подготовка студентов к научно-исследовательской деятельности является обязательной составной частью модели специалиста высшего образования [1, с. 3–8].

Научно-исследовательская работа студентов позволяет в полной мере реализовать полученные знания, проявить индивидуальность и творческие способности, готовность к самореализации.

В связи с этим формы и методы привлечения студентов к научному творчеству можно разделить на научно-исследовательскую работу, включенную в учебный процесс и, следовательно, проводимую в учебное время в соответствии с учебными планами и рабочими программами (специальные лекционные курсы по основам научных исследований, различного вида учебные занятия с элементами научных исследований, учебно-исследовательская работа студентов), а также на научно-исследовательскую работу, выполняемую студентами во внеучебное время.

На практике принято выделять два основных вида научно-исследовательской работы студентов.

Учебная НИРС. Она предусмотрена действующими учебными планами. К этому виду можно отнести рефераты, доклады, сообщения, курсовые, дипломную и магистерскую работы. Во время выполнения перечисленных работ студент делает первые шаги к самостоятельному научному творчеству: он учится работать с научной литературой и первоисточниками, приобретает навыки критического отбора и анализа необходимой информации. Постепенное повышение уровня требований к курсовой работе способствует развитию студента, как исследователя, а выполнение дипломной и магистерской работ направлено на закрепление и расширение теоретических знаний, полученных за время обучения в вузе.

Внеучебная НИРС. Это деятельность сверх тех требований, которые предъявляются учебными планами.

Исследователями отмечено, что именно такая форма научного творчества является наиболее эффективной для развития исследовательских и научных способностей у студентов. За счет свободного времени студент готов заниматься дополнительным изучением дисциплины, проявлять интерес в области ее последних достижений. Совместная научно-исследовательская работа преподавателя и студента является ключевым моментом образовательного процесса и направлена на углубление теоретических знаний, совершенствование навыков в конкретной области деятельности и подготовку эрудированного специалиста, владеющего большим запасом информации, способного квалифицированно решать профессиональные задачи.

Для активизации научно-исследовательской работы студентов необходимы следующие условия: увеличение практической значимости студенческих работ, предоставление возможности публикации результатов исследований в научных журналах и сборниках, установление регулярных контактов со студентами и профессорами научных центров и вузов, отбор наиболее способных студентов для научной деятельности, моральное стимулирование студентов. Научная деятельность дает возможность самореализации, способствует интеллектуальному и творческому развитию, повышает престиж студента в глазах сокурсников.

Проблема активизации НИРС связана с правильностью выбора формы научно-исследовательской деятельности. Преподавателю необходимо грамотно сопоставлять возможности и интересы студентов с требованиями учебного плана или целями НИР. Поставленная задача будет решена правильно, если студенты проявят заинтересованность и активность, а результат будет выражен в виде доклада или реферата. Базис познавательной активности студентов закладывается преподавателем в ходе лекций и семинарских занятий, включающий в себя развитие чувства удовлетворения от расширения и обновления знаний.

Все о чем сказано выше своеобразный идеал, т. е. как должно быть. Однако опыт работы в вузе показывает, что в последние годы, значительная часть студенческого контингента отошла от активного участия в научной работе, поэтому у многих из них за время обучения не сформированы умения исследовательской деятельности. У большего числа студентов представления о научно-исследовательской деятельности неполные, а умения, соответствующие научно-исследовательской деятельности, практически отсутствуют.

Кроме того, у студентов достаточно низкий уровень готовности к научно-исследователь-

ской деятельности: недостаточные представления о научно-исследовательской деятельности, неумение видеть проблему, выделять противоречие, неспособность самостоятельно выстроить логику исследования, сделать системный анализ, вести диалог и др. В то же время, важность проблемы формирования исследовательских умений у будущих специалистов, включенных затем в решение актуальных профессиональных задач, одно из требований времени.

Активизация научной работы студентов связана не только с использованием различных методов обучения, но и политикой вуза в области НИРС. Процесс подготовки студентов к научной работе будет результативным, если студенты будут вовлечены в разнообразные формы научно-исследовательской деятельности. Большое значение придается проведению вузовских предметных олимпиад и конкурсов. Их цель проверить уровень знаний и способности решать нестандартные задачи профессиональной направленности. Широкое признание получают научные семинары, руководят которыми ведущие специалисты и ученые. Семинары выступают достойной школой подготовки аспирантов и студентов к научно-исследовательской работе. Собранные материалы в ходе изучения и анализа научной литературы по избранной проблеме, отработка методики и технологии исследования создают основу для участия студентов в научных конференциях. Обсуждение результатов работ на заседаниях научного студенческого кружка развивает у студентов умение вести дискуссию, высказывать свое мнение по проблеме, отстаивать свою точку зрения.

Результативность научной работы в подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности во многом определяется своевременным стимулированием (моральным и материальным).

Объединение студентов в рамках студенческого научного общества, активно занимающихся научно-исследовательской работой, создает группу единомышленников и формирует положительный имидж студенческой науки в университете.

Организация научно-исследовательской работы студентов на факультете философии и социальных наук имеет свою специфику, которая определяется несколькими основными факторами. С одной стороны в перечне приоритетных направлений для фундаментальных прикладных научных исследований в Республике Беларусь, в сравнении с естественными и техническими науками, гуманитарная сфера характеризуется значительно меньшим количеством направлений для реализации научно-исследовательского потенциала молодых ученых гуманитарного профиля. С другой стороны, наблюдается снижение притока молодых кадров в сферу деятельности социальных наук, что обусловлено объективными показателями, такими как уменьшение количества абитуриентов, увеличение оплаты за обучение, популярность заочного образования и др.

В условиях действия данных факторов особое значение имеет целенаправленная работа, проводимая на факультете философии и социальных наук по оптимизации и активизации научно-исследовательской деятельности студентов. Эффективная работа администрации факультета, профессорско-преподавательского состава основных кафедр направлена на актуализацию студенческой активности для поддержания и развития научно-исследовательского потенциала факультета на университетском и республиканском уровне.

В качестве основных этапов данного вида работы на факультете можно выделить следующие:

- популяризация всех видов специальностей факультета философии и социальных наук среди абитуриентов, с целью выявления наиболее талантливых, имеющих склонность и интерес к социально-гуманитарному знанию;

- организация учебно-исследовательской работы студентов (начиная с первых курсов) и магистрантов, предусмотренная действующими учебными планами и рабочими программами факультета;

- создание оптимальных условий для функционирования всех форм организации и проведения НИРСА факультетского, университетского, республиканского и международного статуса.

Среди форм организации и проведения научно-исследовательской работы студентов и аспирантов факультета философии и социальных наук перспективное значение имеют: ежегодные университетские научные конференции, международные, республиканские и межвузовские научно-практические конференции и научные сессии; конкурсы научных работ, межвузовские и международные олимпиады; участие в исследовательских грантах, проектах; деятельность студенческой научно-исследовательской лаборатории, студенческого научного сообщества ФФСН, школы юных философов, студенческого философского клуба, студии психологических практик и

других объединений.

Положительными аспектами на пути активизации научно-исследовательской работы студентов факультета является наполнение факультетского сайта, наличие инициативы основных кафедр с расширением системы мероприятий НИРС на факультете, совершенствованием информационного и методического их обеспечения. Среди положительных моментов также можно выделить информирование студентов заочной формы обучения об основных видах НИРС на факультете, в результате тщательной координации учебно-исследовательской работы на заочном отделении, как базовой предпосылки для формирования научных интересов студентов заочников. Как следствие этих процессов, можно отметить общее увеличение активности студентов заочников в научной жизни факультета.

В целом, научно-исследовательская работа на факультете философии и социальных наук опирается на систему НИРС БГУ (включающую в себе календарь мероприятий, нормативно-методические документы, ряд положений и инструкций) которая призвана отвечать мировым стандартам в области высшего образования.

Таким образом, в свете современных требований к оптимизации учебной деятельности студентов, вовлечение их в среду научно-исследовательских работ является важным элементом формирования их профессиональных компетенций. Будущий специалист, несомненно, должен быть готов к осуществлению научно-исследовательской деятельности, что позволит, в дальнейшем, в его профессиональной работе и на научном уровне, используя исследовательские методы, решать возникающие задачи.

Литература и источники

1. Система научно-исследовательской работы студентов БГУ / А. Г. Захаров [и др.]. – Минск, 2013.

«ИНТЕГРИРОВАННЫЙ МОДУЛЬ» КАК СИМУЛЯКР ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. Т. Новиков

Сокращение сроков обучения студентов в высших учебных заведениях Беларуси, являющееся одним из требований модернизации системы подготовки специалистов, сделало актуальным вопрос о существенном, но оптимальном обновлении системы преподавания социально-гуманитарных дисциплин. То, что преподавание цикла этих дисциплин нуждается в конструктивном реформировании – несомненно. Но, как хорошо известно из опыта «перестройки» в Советском Союзе, реформирование реформированию – рознь. Это касается, в первую очередь, преподавания интегрированного модуля «Философия».

Его преподавание осуществляется согласно учебной программе интегрированного модуля «Философия», действующей в вузах Беларуси с 2013–2014 учебного года и имеет экспериментальный характер. При этом, как отмечается в пояснительной записке к ней, «отличительной особенностью данной экспериментальной учебной программы является ее интегрированный характер. Содержание учебной дисциплины «Основы психологии и педагогики» реализует тесные междисциплинарные связи с учебной дисциплиной «Философия». При этом содержание модулей курса «Основы психологии» логично и последовательно дополняется соответствующими прикладными педагогическими аспектами, включенными в содержание курса «Основы педагогики». В итоге в количественном выражении изучение дисциплины «Философия» рассчитано на 84 учебных часа, из них 42 (сорок два) аудиторных часа, а изучение дисциплины «Основы психологии и педагогики» рассчитано на 68 часов, из них 34 (тридцать четыре) аудиторных часа.

Как видно, добрая доля аудиторных часов приходится на изучение курса «Основы психологии и педагогики», хотя интегрированный модуль именуется «Философия». Учитывая, что данная экспериментальная программа продолжает действовать в качестве нормативного документа и поныне и во многом определяет качество философского образования в стране, отмечу, что она имеет ряд существенных недостатков. Более того, представляется, что она не является содержа-

тельно и методически обоснованной и приемлемой для использования в учебном процессе преподавания цикла социально-гуманитарных дисциплин», поскольку носит *маргинальный* характер и выступает, используя терминологию известного философа Ж. Бодрийера своеобразным симулякрот философского образования. Каковы основания для такой констатации? Приведу основные аргументы.

1. Экспериментальная учебная программа интегрированного модуля «Философия» имеет *маргинальный характер* в том смысле, что, она представляет собой попытку соединить курс философии с курсом «Основ педагогики и психологии». В итоге, сугубо механически (основания и принципы этого соединения не прописаны), возникает модуль-кентавр вместо модуля-курса философии (которая, как известно, является мировоззренческой и методологической основой социально-гуманитарных и естественных наук в целом) и технологически ориентированных конкретно-научных дисциплин. Мало того, что данный модуль имеет отчетливо выраженный искусственный и эклектический характер, он дезориентирует студентов в понимании предмета, задач и проблемного поля философии, поскольку интегрированный модуль именуется «Философией».

Более того, преподавание в рамках одного модуля трех учебных курсов – «Философия», «Основы психологии» и «Основы педагогики» (объединение последних в одну дисциплину «Основы психологии и педагогики» проблемы не решает) в объеме отводимых на их освоение часов, уменьшает учебно-дидактические возможности преподавания каждого из трех данных курсов. Это не позволяет преподавателям этих дисциплин в достаточной мере раскрыть их тематическое содержание.

2. *Маргинальным* является также экзамен по дисциплине «Философия», поскольку он предполагает проверку знаний, как по курсу «Философия», так и по курсу «Основы педагогики и психологии». В итоге сопоставления оценок по этим двум совершенно разным курсам (а фактически по трём разным предметам – философии, психологии и педагогики) требуется выставить итоговую оценку по экзамену интегрированного модуля «Философия». Насколько объективной будет эта оценка, если (что естественно) преподаватели – педагоги и психологи, на своих занятиях о философии могут вообще не упоминать, но, тем не менее, в зачетке будет стоять оценка именно по философии?

Арифметическое выведение итоговой оценки путем сложения оценок по двум названным курсам ещё более усугубляет положение. Так, если по курсу «Основы педагогики и психологии» выставляется оценка 10 (десять) баллов, а по курсу «Философия» 4 (четыре) балла, итоговую оценку в ведомости и зачетной книжке придется квалифицировать как 7 (семь) баллов. Получается, что студент, еле-еле освоивший курс философии получает хорошую оценку. А ведь возможна и обратная ситуация. Какая уж тут объективность в оценке знаний, а значит и социальная справедливость? Не получается ли так, что обучая студента, мы его не только не воспитываем в духе лучших отечественных и мировых педагогических традиций, а дискредитируем этот опыт?

3. Экспериментальная учебная программа интегрированного модуля «Философия» имеет *маргинальный характер* также в том смысле, что она содержит ориентацию на знания и, шире, – на образование «по краям» – на «полузнание» и, соответственно, на то, что принято называть «образованщиной».

Так, если исходить из «Примерного тематического плана дисциплины «Философия», проблемным выглядит как объем отводимого на ее изучение аудиторного времени, так и структура его распределения. После редукиции утвержденной Министерством образования Республики Беларусь типовой учебной программы по дисциплине «Философия» к «Содержанию учебной дисциплины «Философия» в интегрированном модуле, учебной дисциплине «Философия» более соответствует название «Основы философии».

В частности, на освоение Раздела II. Основные проблемы современной философии предусмотрено всего 18 аудиторных часов – обратим внимание – на изучение *проблем современной философии*. Причем в это количество входят как лекционные, так и практические занятия. Что же касается предусмотренного в этом разделе модуля № 8 – темы «Социальная философия», то его рекомендуется освоить за 4 (четыре) аудиторных часа (2 часа лекционных и 2 часа практических занятий).

Возникает естественный вопрос: насколько реальной является задача изучить, осмыслить и обсудить проблемы устройства, закономерностей и особенностей развития общества, а также рассмотреть философские аспекты экономических, политических, правовых, социально-культурных

процессов современной общественной жизни, и возможно ли акцентировать внимание на мировоззренческих и идеологических аспектах развития белорусского общества и мира в целом? Вопрос конечно, риторический. А ведь в пояснительной записке к типовой учебной программы по дисциплине «Философия» отмечается, что «философия как учебная дисциплина занимает особое место в системе социально-гуманитарного образования, являясь его концептуальной основой. Во взаимосвязи с другими социально-гуманитарными дисциплинами она вносит весомый вклад в развитие мировоззрения будущего специалиста, способствует становлению его активной гражданской позиции, помогает ему адекватно оценивать особенности и процессы развития современного общества»!

4. Наконец, странными, претендующими если не на *маргинальность*, то, по крайней мере, на оригинальность и даже эпатажность суждений являются некоторые квалификации положений тематических разделов учебной дисциплины «Философия». Например, вызывает недоумение отнесение к Модулю № 2. «Исторические типы классической философии» вопроса «Истоки и основные черты философии К.Маркса», а к Модулю № 3. «Становление и основные направления неклассической философии» вопроса «Философские идеи синергетики».

В целом же при анализе экспериментальной учебной программы интегрированного модуля «Философия» вспоминаются бессмертные слова В.С. Черномырдина: «Мы хотели как лучше, а получилось как всегда». В качестве основной задачи преодоления отмеченных недостатков, учитывая мировоззренческий и общеметодологический статус философии, является возврат к практике изучения дисциплины «Философия» в статусе самостоятельного курса, а также более внимательная и квалифицированная редакция его структуры и тематического содержания.

ФИЛОСОФСКИЙ КОМПОНЕНТ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. В. Папченко

О полезности философии М. Монтень говорил, что «душа, ставшая вместилищем философии, непременно наполнит здоровьем и телом» [1, с. 139], а Д. Дьюи отмечал, что «если философская теория безразлично относится к воспитанию, она не жизненна. ... Успех философии не мыслим вне воспитывающего влияния на поведение в смысле того, что надо и не надо делать. Философия с помощью воспитания может также создавать методы использования человеческой энергии в соответствии с продуманными взглядами на жизнь» [2]. Современный китайский философ Фэн Юлань называет философией «систематическое и рефлексивное мышление о жизни. Каждый человек ... находится в жизни. Но тех, кто способен рефлексивно размышлять о ней, не так уж много» [3, с. 21]. В структуре подготовки компетентного специалиста формирование рефлексивности является немаловажным элементом культуры специалиста. Процесс изучения дисциплины «Философия» направлен на формирование ряда компетенций, в том числе и такой общекультурной компетенции, как способность владеть культурой мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения. Ведь под профессиональной компетентностью понимается характеристика личности специалиста, выраженная в единстве его теоретических знаний, практической подготовленности, способности осуществлять все виды профессиональной деятельности [4, с. 125].

Исследуя мир и место человека в нём, философия выступает и как теоретическая основа мировоззрения, предлагающая систему категорий, выражающих фундаментальные принципы бытия, в том числе и специфику существования человека. В силу выраженного мировоззренческого характера воспитательный эффект философии заключается в том, что она помогает ориентироваться в сложных общественных проблемах, порождаемых современностью; формирует нравственную позицию человека; способствует духовному освоению мира, осуществляет мысленное его преобразование в сознании, в ходе которого вырабатывается определённая картина мира, нормы, ценности, идеалы и другие компоненты мировоззрения, определяющие отношение человека к миру и выступающие в качестве ориентиров и регуляторов его поведения. Причём смысл философского исследования, как указывает В. С. Стёпин, всегда состоял в том, чтобы не только прояснить те мировоззренческие структуры, которые определяют образ мира и образ жизни людей

в ту или иную историческую эпоху, но и, рефлектируя над этими глубинными структурами, спрогнозировать инварианты новых жизненных смыслов и новых ценностей [5, с. 10]. При этом для рефлексирующего разума важно понять соотношение знания и информации, в особенности, если ставится вопрос о переходе от общества, опирающегося на информацию, к обществу, основанному на знаниях [6, с. 16].

В докладе Совету при Президенте Российской Федерации по науке и образованию «Философия в публичном пространстве современной России: институциональные аспекты» указывается на то, что в обществе знаний значительно повышается необходимость глубокого анализа происходящих изменений в самом обществе, для которого инновации, научные знания и технологии становятся средой, в которой обитает современный человек и общество в целом [7, с. 28]. В данном контексте «философия соединяет начальные основы сущего, которые открываются в познании, с конечными целями человеческого существования, которые формулируются в качестве нормативной программы. Философия выступает рефлексией над мировоззренческими универсалиями, базисными ценностями культуры» [7, с. 30].

Таким образом, развитие рефлексивного мышления у студентов, позволяет сформировать специалиста, обладающего как профессиональными компетенциями, так и общекультурными, что дает возможность реагировать на быстрые изменения современной цивилизации, сопровождающиеся обострением глобальных кризисов; проводить критический анализ ценностей и жизненных смыслов, представленных мировоззренческими универсалиями современной техногенной культуры. Ведь «в условиях возникающего "общества знания" и интенсивного взаимодействия разных культур рефлексивное и критическое рациональное мышление всё больше становится условием повседневной жизни» [8, с. 23].

Литература и источники

1. Монтень, М. Опыты / М. Монтень. – М., 2009.
2. Дьюи, Дж. Введение в философию воспитания / Дж. Дьюи. – М., 1921.
3. Фэн, Ю-лань. Краткая история китайской философии / Ю-лань, Фэн. – СПб., 1998.
4. Никитина, Л. Технология формирования профессиональной компетентности / Л. Никитина, Ф. Шагеева, В. Иванов // Высшее образование в России. – 2006. – № 9. – С. 125–127.
5. Степин, В.С. Философия и образы будущего // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 10–21.
6. Делокаров, К. Х. Является ли «общество, основанное на знаниях», новым типом общества? / К. Х. Делокаров // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Д. В. Ефременко. – М., 2010. – С. 11–38.
7. Доклад Совету при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. Философия в публичном пространстве современной России: институциональные аспекты // Философия в публичном пространстве современной России. Сборник материалов. – М., – 2015. – С. 20–65.
8. Лекторский, В. А. Рациональность как культурная ценность / В. А. Лекторский // Вестник Российского философского общества. – 2013. № 3(67). – С. 19–23.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В РАЗВИТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА-АГРАРНИКА

В. С. Щур, В. В. Ивчик

На рубеже XX–XXI вв. стало очевидным, что главным богатством социума является интеллектуальный капитал. На нем базируется общество знания, переход к которому во многих странах очерчен в программах развития современной интеллектуальной культуры, а также в особой образовательной стратегии «образование на протяжении жизни» (lifelong learning). Не остается в стороне от этого процесса и наша республика. Важнейшая трансформация в этом направлении осуществлена в ходе реформы всех уровней отечественной системы образования.

Интеллектуальная культура включает в себя, прежде всего, комплекс знаний и умений в области умственного труда: умение определять цели познавательной и практической деятельности,

планировать ее, выполнять познавательные операции различными способами, работать с информационными источниками. Интеллектуальная культура зависит от соответствующего развития интеллектуальной сферы общества, а также от умственных и аналитических способностей каждой конкретной личности. Скрепом интеллектуальной культуры личности являются знания, полученные на протяжении всей ее жизни: общенаучные, естественнонаучные, технические, социально-гуманитарные. Высокий уровень интеллектуальной культуры обуславливает усиление человеческого интеллекта, обеспечивающего прогресс общества, решение жизненно важных проблем во всех его сферах.

Интеллектуальная подготовка специалиста, в том числе и специалиста-аграрника, является неотъемлемой частью интеллектуализации всего белорусского общества. Формирование интеллектуальной культуры специалиста в вузе происходит через мировоззренческую, общенаучную, методологическую подготовку. Общая цель этих направлений – овладение студентами методологией познания и технологией получения и селекции знаний, формирование культуры мышления и умения коммуницировать.

В мировоззренческой подготовке будущего специалиста с высшим образованием ведущую роль играют социально-гуманитарные дисциплины, преподаваемые в вузе. Основной же целью социально-гуманитарной подготовки студентов является развитие диалектического мышления, формирование социальных и общекультурных качеств и компетенций, обеспечивающих решение и исполнение ими гражданских, социально-профессиональных, личностных задач и функций.

Для выяснения влияния преподаваемых социально-гуманитарных дисциплин на развитие различных компонентов интеллектуальной культуры будущих специалистов лабораторией социологических исследований БГСХА в 2012 г. был проведен анкетный опрос в четырех аграрных вузах Беларуси (n=1065).

Что же дало респондентам изучение дисциплин социально-гуманитарного цикла? Ответы показывают, что в результате их изучения значительно увеличился объем знаний по социально-гуманитарной проблематике и расширился общий кругозор (62,3% по всему массиву). Следующая позиция по количеству выборов за вариантом «научился высказывать и отстаивать свою точку зрения по различным проблемам» (44,3%). Существенным является то, что опрошенные студенты в результате изучения данных дисциплин приобрели психолого-педагогические знания и умения, необходимые для управления трудовым коллективом и межличностного общения (37,2%).

Преподаватели-гуманитарии прилагают немало усилий для углубления у обучающихся знаний в области национальной культуры и народных традиций, на это указали 33,7% респондентов. Научились адекватно оценивать социально-политические события – 33,4% опрошенных студентов. У 30,8% – развились творческие способности и критическое мышление 23,4% – научились отстаивать свою жизненную позицию с учетом идеологии белорусского государства, у 22,7% – развилось самосознание гражданина и патриота, 21,9% – стали строже соблюдать нравственные нормы и культуру речи, а стали сторонником здорового образа жизни.

Из ответов видно, что респонденты на себе прочувствовали эффект от изучения социально-гуманитарных дисциплин и позитивно оценили их влияние на свое культурное и профессиональное развитие. Гуманитарная компонента вузовской подготовки позволяет решать задачу формирования у будущих специалистов-аграрников ценностно-смысловых, социальных, идейно-политических, гражданских, духовно-нравственных и других качеств. Тем самым создаются когнитивные, мировоззренческо-аксиологические и рефлексивные составляющие самосознания и духовного мира личности, становящиеся предпосылкой и условием успешной ориентации в социальных процессах и жизненных ситуациях, ответственной реализации личностного потенциала в различных областях жизнедеятельности – от профессиональной до семейно-бытовой, от экономической до политической, и др.

Качество гуманитарного образования непосредственно зависит от качества преподавания соответствующих учебных дисциплин. Учебные занятия являются тем познавательно-коммуникативным пространством, где в ходе их проведения устанавливается обратная связь, реализуется педагогика сотрудничества, раскрывается и взаимодополняется интеллектуальный потенциал как педагога, так и обучающегося. Результативность формирования интеллектуальной культуры студентов в решающей степени зависит от профессиональных, психолого-педагогических, личностных и иных качеств педагогов, в частности педагогов-новаторов. Педагоги-новаторы – это не только генераторы научных идей, но и генераторы педагогических инновационных технологий, а также

люди, у которых отчетливо выражены гуманистические и демократические начала в общении со студентами, развиты чувства гражданственности и патриотизма.

Преподаватели не только должны обладать глубокими знаниями, но и уметь квалифицированно применять различные методики, приемы, способы и технологии, которые бы побуждали обучающихся к активизации познавательной деятельности, развитию продуктивного мышления, заинтересованной работе на семинарских занятиях и самостоятельному поиску знаний. Результаты социологического опроса показали, что активные методы и формы, которые позволяют обучающимся реализовать свои знания, выражать и аргументировано отстаивать свою точку зрения, применяются большинством педагогов. Так, на проведение семинаров в форме дискуссий указали 30,6% опрошенных. На компьютерное тестирование – 19,1%; пресс-конференции – 10,1%; психолого-педагогические тренинги – 9,7%; деловые игры – 7,0%; мозговую атаку, блиц-турниры, викторины – 3,4%.

Поскольку в процессе изучения дисциплин социально-гуманитарного цикла у студентов в значительной степени углубились знания, развились мировоззренческий потенциал, творческие способности, позитивно-критическое мышление и обогатился духовно-нравственный мир в целом, то в ходе опроса уточнялось, изучение каких же конкретно дисциплин содействовало этому в наибольшей степени. По их мнению, такую роль сыграли (% ответивших): философия – 53,9; основы психологии и педагогики – 36,2; история Беларуси – 31,9; политология – 29,2; социология – 28,6; культурология – 28,5; Основы идеологии белорусского государства – 26,0; иностранный язык – 25,4; экономическая теория – 23,0; основы права – 20,2; логика – 8,3. этика и эстетика – 27,6. Заметим, что на момент опроса еще не было объединения в обязательные интегрированные модули некоторых из вышеперечисленных дисциплин. В нынешней ситуации, когда часть предметов выведена из прежнего списка обязательных, преподаватели-гуманитарии получили компенсирующую возможность предлагать спецкурсы в формате специализированных модулей по выбору студентов, что они активно делают и тем самым расширяют гуманитарную подготовку студентов.

В нынешних реалиях высокообразованный, с достаточным уровнем интеллектуальной культуры специалист должен обладать широким кругозором, быть способным к творчеству и выдвижению инновационных идей, уметь прогнозировать на перспективу и принимать адекватные и своевременные организационно-управленческие решения. Он должен быть подготовлен к системному познанию мира, уметь анализировать и адекватно отбирать нужную информацию в постоянно нарастающем ее потоке, без чего невозможно поддержание на должном уровне профессионально-творческого и социального потенциала, профессиональной и гражданской мобильности. А гуманитарное знание, являясь своеобразным компасом, позволяет ориентироваться в интеллектуальном культурном пространстве так, чтобы профессиональная деятельность, собственная карьера, личная жизнь и общественные дела самооценивались и корректировались в соответствии с критериями гуманизма и социальной ответственности.

3.4 Воспитательная деятельность как условие формирования ценностного каркаса интеллектуальной культуры

ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И. В. Сабирзянова

Одной из особенностей современного социально-философского дискурса является возвращение в плоскость философской рефлексии ценностного подхода к реальности как способу постижения бытия человеком. Аксиологическая проблематика, непосредственно связанная с процессами социализации личности, является одновременно составляющей экономической, политической, образовательной и иных видов деятельности человека, так как по сути своей не свободна от размышлений о сущем, а значит и ценностном. Безусловно, ценности предстают центральными атрибутами экзистенции, ибо вся доступная человеческому праксису реальность может быть охарактеризована и предстает как ценностно-смысловое пространство.

Постановка вопроса о методологическом обеспечении теории и практики современного социального управления нам видится как своевременной, равно так и необходимой, ибо именно здесь коренится тот широкий спектр проблем, обусловленных достаточно сложной ситуацией, сложившейся на границе влияний социальной философии и теории и практики управления, как в обеспечении подготовки специалистов-управленцев в вузах, так и в повседневном функционировании общества, претерпевающего на себе влияние диктата управления во всех формах и проявлениях.

Исходя из тезиса о многоаспектном характере управленческой деятельности, которая по своей сути является проекцией отношений между людьми, отношения «человек-мир» вообще, считаем оправданным перенесение наших рассуждений в плоскость социетальную, где поиск социально необходимой формы управления предусмотрен наличием сознательных биологических систем и организаций, а это, в свою очередь, позволяет расширять методологическую базу теории управления через идею акцентуации антропо-аксиологических проявлений современных социально-философских и управленческих парадигм.

В работах зарубежных и отечественных авторов П. Рикера, М. Шеллера, А. Гелена, М. Розина, М. Кагана, В. Сержантова, С. Тернера, В. Шохина, С. Крымского, В. Малахова и др. отмечено, что понятие ценности имманентно вошло в логику и аналитические процедуры философско-антропологической и социально-философской проблематики, в исследования этико-правовых, культурологических и политологических проблем. Вместе с тем, аксиологическая проблематика в её сущностном, глубинном проявлении остается не достаточно разработанной, требует дополнительных работ и исследований, применительно тех или иных сфер общественного бытия.

Современная философия, интерпретируя основной вопрос как единство мышления и бытия, формирует представление о ценностно-смысловом универсуме, как предметном поле фундаментальной философской проблематики. Именно здесь может быть решен вопрос об идентификации той части природы, которая была задействована в процессе возникновения жизни, человека, сознания, следовательно, ценностно-смысловой универсум не может быть сведен только лишь к культуре, а необходимо включает в себя три подструктуры: природу, в аспекте ее информационных возможностей, репрезентированных в ноосфере; цивилизацию в аспекте культурных потенций и практических реализаций; единичное бытие в аспекте ценностно-смысловой деятельности индивидуального (этноса или личности) [1, с. 14]. На всех уровнях ценностно-смысловой универсум предполагает человеческое присутствие в бытии.

Мы же под ценностями будем понимать не только должное, но и сущее, перенеся ценность в плоскость субъект-объектных отношений, что позволяет мыслить содержание данного понятия как актуальную значимость предмета или явления для человека, его способность не только удовлетворять человеческие материальные и духовные потребности, но и одновременно являться целью (идеалом достижения). Выделение значимости и смысла в качестве структурных элементов ценности, указывает не столько на познавательную, сколько на мировоззренческую и регулятивную природу ценностей, на культурное происхождение этого феномена, возникающего как результат осознанного социального освоения бытия человеком. Следует так же указать, что основные трудности решения ценностных проблем в том и заключаются, что в способах своего бытия ценности имеют сложный, многоуровневый характер проявления. Одно несомненно, ценности существуют и функционируют объективно в виде идей и вещей в практике реальных социальных отношений и субъективно осознаются как их значимость и личностный смысл для индивида. Определим ценность, как значимое или необходимое (норма, идеал), как объект всякого интереса, способного объективно удовлетворять потребности субъекта – индивида или общества в целом – и связанного с индивидом или обществом определенной смысловой связью. Ибо, согласно утверждению М. Бахтина, то, что не отвечает ни на какой вопрос, лишено для нас всякого смысла [2, с. 297–298]. Содержание этой существенной связи детерминировано культурным контекстом, культурой определенного общества, народа или личности. Специфика этой связи необходимо должна быть определена в программах воспитания и национальных образовательных стандартах.

Культура как ценностно-смысловая реальность, определенное «аксиологическое пространство» – культурный континуум бытия человека и людских сообществ. Передаваясь из поколения в поколение, эта культура как единство материальных вещей и их идеального содержания, по мнению В.Сержантова, и являла собой иерархическую систему символов, которые обеспечивают регуляторную, мотивационную и генерализирующую практический опыт систему «социальности» [3, с. 78–80].

Историческая эволюция рода *Homo sapiens* некоторые символы закрепляла в памяти поколений, придавая им статус абсолютных ценностей человеческого бытия. Они институализировались в качестве принципов культуры – ценностных универсалий, аккумулирующих гранично значимый социальный опыт адаптации в освоении человеком мира.

Итак, одним из условий успешной социализации личности становится поиск оптимальных взаимоотношений с окружающим миром, и это – личностная проблема постоянного выбора ценностей индивидом. Каким будет этот выбор, какие будут сформированы системы ценностей, определенным образом зависит от всей системы образования, вузовского в частности, ибо какие ценности будут заложены в фундамент личности будущего специалиста-управленца, такую систему социального управления мы получим в экономическом, политическом и социальном контекстах. В социально-философском аспекте решение выше обозначенной проблемы может осуществляться путем моделирования возможных состояний системы «личность-социум» в виде сопоставления ценностей конкретно-исторических и личностных как систем аксиологических функций. Наличие установок «смысла жизни», «любви», «воли» как безусловных рефлексов на уровне архетипических психологических образований может многое нам сказать о социальной генетике индивида, а, следовательно, позволит не только формировать, но и реорганизовывать стратегии воспитания и образования, социализации вообще. В условиях возрастающих потребностей рыночных отношений вопрос подготовки конкурентоспособной личности менеджера признается сегодня центральным для вузов, обеспечивающих подготовку подобных кадров.

Литература и источники

1. Кримський, С. Б. Під сигнатурою Софії / С. Б. Кримський – К., 2008.
2. Бахтин, М. М. К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М., 1986. – С. 281–393.
3. Сержантов, В. Ф. Феномен человека (Христианская и научная концепции природы человека) / В. Ф. Сержантов, Г. В. Гребеньков – К., 1997.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СЕМЬИ

Т. В. Мамченко

Проблемы формирования здорового общества во все времена были актуальны. А так как важнейшим социальным институтом является семья, то можно предположить, что здоровье общества напрямую зависит от здоровья семьи. Человек является частью социума и, как существо социальное, формируется как личность в процессе общения. В первую очередь, в процессе общения в семье.

В педагогическом словаре семья определяется как основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью [1, с. 257].

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что ученые рассматривают семью как важнейший фактор социализации человека. Она представляет собой персональную среду жизни и развития детей, подростков, юношей и девушек, качество которой определяется несколькими уровнями:

- социально-культурный (зависит от образованности родителей и их жизненной позиции);
- социально-экономический (зависит от имущественных характеристик и занятости родителей на работе);
- технико-гигиенический (зависит от условий проживания, оборудованности жилища, особенностей образа жизни);
- демографический (определяется структурой семьи) [2, с. 120].

Социальный институт семьи оказывает непосредственное влияние на человека в течение всей его жизни. Семья – это самый первый коллектив, в который попадает человек. Именно здесь происходит первое столкновение интересов, получение навыков бесконфликтного общения, закла-

дываются генетические и биологические основы здоровья, привычки поведения, установки, основы общения и отношения к старшим и младшим. Именно здесь воспитывается эстетический вкус, задается уровень моральных и этических норм и ценностей, формируется уровень доверия к окружающему миру. Именно в семье происходит приобщение к обычаям, традициям, культуре своей семьи и народа, а также приобретаются навыки трудовой деятельности, как совместной, так и индивидуальной. И именно здесь человек должен чувствовать себя наиболее защищённым. Эти основы, заложенные в самом раннем детстве, и станут основой будущей личности. Это и есть первичная социализация. На базе которой и формируются более сложные черты личности, проявляется её развитость и многогранность мировосприятия. Именно то, что получит человек в процессе социализации в семье, то и будет транслировать далее в окружающий его мир, воспроизводя накопленный опыт отношений уже в новой семье, которую создал сам.

Нам представляется очень важным подчеркнуть, что качество накопленного опыта, в том числе и уровень интеллектуальной культуры напрямую зависит от психологического здоровья семьи.

Психологическое здоровье семьи – комфортное, эмоционально окрашенное состояние функционирования семьи. У каждой семьи есть область жизнедеятельности, где она свободна от дезорганизующей внутрисемейной психологической напряженности и конфликтов, не ощущает дискомфорта супружеских отношений, не лишается перспектив и не распадается под воздействием незначительных трудностей [3, с. 10].

Только в психологически здоровой семье может сформироваться всесторонне гармонично развитая личность. Родители в таких семьях, как правило, обладают высоким уровнем развития интеллектуальной культуры, что позволяет им взять на себя колоссальную ответственность не только за себя, но и за своих детей, а, следовательно, и за город, страну и будущее в целом.

В нашем исследовании мы исходим из того, что *интеллектуальная культура* – это уровень развития личности, характеризующийся мерой освоения духовного богатства и представляющий собой совокупность образованности, самостоятельности мышления, понимания приоритета общечеловеческих ценностей, видения явлений в противоречиях и умения оценивать их, активного стремления и умения учиться и пополнять знания, творческого подхода к любому делу [4].

Все вышеперечисленные характеристики интеллектуальной культуры в полной мере предполагают важную роль семьи в воспитании личности и соответствуют целям семьи:

1. Приобщение к духовным традициям и эстетическое воспитание.
2. Формирование у детей таких важных личностных качеств как: ответственность, открытость, отзывчивость, контактность.
3. Приобщение детей к духовной культуре, воспитание всесторонне развитой личности, помощь в преодолении личных недостатков путём творческой активности.
4. Создание благоприятной атмосферы для обучения детей.
5. Физическое развитие и оздоровление.

В свою очередь качество сформированных у ребёнка навыков и их дальнейшее развитие напрямую зависит от уровня психологического здоровья семьи. Если уровень психологического здоровья семьи достаточно высокий, то и уровень интеллектуальной культуры соответствующий. Каждый член семьи обладает необходимыми духовно-нравственными качествами, способен оценить своё поведение, стремится к развитию, как в знаниях, так и в творчестве. Если же уровень психологического здоровья семьи средний, то следует уточнить что является причиной этого состояния. Может это стабильное условие жизнедеятельности семьи, и тогда можно говорить о недостаточном развитии интеллектуальной культуры и необходимости работы специалистов по организации комплексной помощи семье. А может это временные затруднения в семейных отношениях, и семья может самостоятельно или при незначительной помощи специалиста справиться с трудностями. Если же уровень психологического здоровья семьи низкий, то уровень интеллектуального развития будет соответствующий. Дети, воспитывающиеся в таких семьях, как правило, не получают достаточного внимания и участия со стороны родителей, в которых остро нуждаются. В данной ситуации работа специалистов с семьёй необходима.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что для воспитания человека с высоким уровнем духовно-нравственных ценностей, с хорошо развитым эстетическим вкусом, стремящегося к знаниям и саморазвитию необходима комфортная среда, в роли которой выступает психологически здоровая семья.

Литература и источники

1. Бим-Бад, Б. М. Педагогический энциклопедический словарь / Б. М. Бим-Бад. – М., 2002.
2. Мудрик, А. В. Социализация человека: учебник для студентов высших педагогических учебных заведений. 2-е издание исправленное и дополненное / А. В. Мудрик. – М., 2006.
3. Горохтий, В. С. Психология социальной работы с семьей / В. С. Горохтий. – М., 1996.
4. Вишнякова, С. М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / С. М. Вишнякова. – М., 1999.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

С. Ю. Шалова

Качество и предметное содержание интеллектуальной культуры можно рассматривать, с одной стороны, как базовую характеристику социума, с другой – как интегративную характеристику личности. Исходя из анализа понятия культуры, *интеллектуальная культура* личности может быть представлена и как определенные способы, приемы, процедуры осуществления интеллектуальной деятельности; и как совокупность ценностей, регулирующих интеллектуальную деятельность; и как сферу проявления творческих сил человека.

Важным для нашего исследования является положение о единстве культуры и ценностей. Еще И. Кант отмечал, что культура состоит в общественной ценности человека. На это указывали и отечественные ученые (Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Г. Г. Шпет и др.). Л. П. Карсавин, например, писал, что культура не просто сумма ценностей и даже не система их, но их органическое единство, всегда предполагающее существование некоторого субъекта, который их создает, хранит и развивает, который сам в них, и только в них, развивается [1, с. 175].

Методологической основой нашего исследования является системно-ориентационный подход, который разрабатывается З. И. Васильевой и ее учениками в исследованиях, раскрывающих нравственно-ценностные аспекты ориентации на образование, труд, общение, профессию. (И. А. Колесникова, В. Б. Ежелевко, Г. К. Нургалиева, Е. И. Казакова, Н. В. Седова, В. В. Тарасов и др.).

Исходные положения исследований З. И. Васильева связывает с тем, что «современная социокультурная ситуация в отечественном образовании детерминирует необходимость обращения к историко-педагогическому опыту развития отечественной культуры как синтеза образования и воспитания с ориентацией на гуманистические ценности, сущностную основу которых составляет духовно-нравственное воспитание людей как носителей гуманистических идей, с ориентацией на признание человека высшей ценностью...» [2, с. 6].

Ядро культуры составляют общечеловеческие ценности, но на каждом этапе развития общества, для различных наций и народов, для людей различных профессий могут быть выделены специфические ценности, которые определяют особенности сознания, поведения и деятельности людей.

Современное информационное общество, характеризующееся появлением новых информационных технологий и их широким применением во всех сферах жизни – это не только новые условия жизни, но и другие проблемы образования.

Анализируя современную социокультурную ситуацию в России, мы выделили некоторые ее особенности, обуславливающие новые ценности образования. Во-первых, в информационном обществе знания очень быстро устаревают. По современным оценкам 80% тех, кто сегодня заканчивает институты, должны будут еще дважды за свою жизнь переучиваться и менять профессию. Эти проблемы предъявляют дополнительные требования к образованию и требуют, чтобы оно было непрерывным. Т. о., само образование становится ценностью, как с позиции государства, так и с позиции отдельного человека. С точки зрения государства образование является сегодня одним из главных факторов развития общества, условием повышения его интеллектуального потенциала. В большинстве стран наблюдается тенденция к повышению общего образовательного уровня насе-

ления. С точки зрения личности образование (чаще всего высшее) стало необходимым для трудоустройства, т. к. оно повышает конкурентоспособность на рынке труда.

Следует заметить, что в ориентации учащихся на качественное образование, а, следовательно, в формировании у них интеллектуальной культуры, важна роль педагогов, работающих с детьми непосредственно, а значит, имеющих на них серьезное влияние. Особое значение имеет пример учителя, уровень его образования, профессиональная компетентность и уважительное отношение к знаниям. По нашему мнению, следует говорить о повышении требований к учителю, а не о снижении его роли в информационном обществе.

Во-вторых, современная социокультурная ситуация характеризуется нестабильностью общественных процессов; высокими темпами изменений, происходящих в культуре, во всех ее сферах (науке, профессиональной деятельности, искусстве и т. д.). Постоянно появляются новые знания, новые технические приборы, новые профессии, изменяется и соотношение в профессиональной структуре трудовых ресурсов, изменяется привлекательность и престижность разных профессий. Это обстоятельство требует постоянного изменения (самосовершенствования) самого человека. И в связи с этим особой ценностью становится творчество, которое позволяет человеку гибко реагировать на любые изменения.

Каждый человек в жизни и в профессиональной деятельности сталкивается с большим объемом разной по назначению и содержанию информации, которую нужно осмыслить, сравнить, оценить и по возможности использовать. Тем самым несколько снижается значимость знания, более важными становятся творческий характер мышления, позволяющий знания эффективно использовать.

В-третьих, широкое применение техники во всех сферах жизнедеятельности меняет образ мира, он становится, с одной стороны, более комфортным, а с другой, более сложным. В связи с этим отсутствие у многих людей умения рационально использовать современную технику усложняет процесс адаптации человека. Все более углубляется разрыв между достижениями науки и осознанием обществом этих достижений. Это относится и к образованию. С одной стороны, расширяются возможности использования информационных технологий и ресурсов сети Интернет. Преимущества электронных образовательных ресурсов заключаются в их широкой доступности и скорости обновления информации. Кроме того, они гораздо более экономичны и сокращают время поиска нужного материала. А, с другой стороны, как показывает практика, не все ученики и учителя могут использовать в учебном процессе компьютерную технику, возможности сети Интернет, телекоммуникационные технологии.

Вполне закономерно в этой ситуации предположить, что именно низкий уровень компетентности в вопросах использования информационных ресурсов часто и вызывает проблемы, как в учебной деятельности, так и во взаимодействии с преподавателями или другими участниками образовательного процесса. Эти обстоятельства обуславливают повышение требований к образованию, обеспечивающему формирование необходимых навыков. Использование в педагогическом процессе новых информационных технологий, конечно, не является самоцелью, но может рассматриваться как одна из инструментальных ценностей, позволяющая реализовать поставленные образовательные цели, в том числе и формирование интеллектуальной культуры личности.

Не претендуя на составление исчерпывающего списка ценностей современного образования, а тем более на определение некой ценностной системы, мы попытались обозначить именно те ценности, которые оказывают серьезное влияние на формирование интеллектуальной культуры субъектов образовательного процесса.

Литература и источники

1. Карсавин, Л. П. Основы политики / Л. П. Карсавин // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. – М., 1993.
2. Гуманистические ценности образования и воспитания (90-е годы XX в. Россия): Педагогическое исследование. Научная школа З. И. Васильевой. – СПб., 2003.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

О. В. Бессчетнова

Культура представляет собой сложное динамическое образование, имеющее социальную природу и выражающееся в социальных отношениях, направленных на создание, усвоение, сохранение и распространение предметов, идей, представлений и т. д. Она выражает специфику уклада жизни, поведение отдельных народов, их особый способ мировосприятия, отражающийся в мифах, легендах, системе религиозных верований и ценностных ориентациях, придавая смысл существованию человека [1, с. 9].

Оригинальная трактовка культуры и цивилизации отражена в работах О. Шпенглера, Н. Я. Данилевского. Особое значение культуре как детерминанте социальных изменений придавали сторонники социокультурной школы – П. А. Сорокин, М. Вебер. Изучение культуры с позиции философского анализа раскрыто в работах А. П. Бабушкина, А. Вежбицкой, В. Г. Воркачева, В. В. Красных, Д. С. Лихачева, Н. К. Рябцевой, Ю. С. Степанова; анализ сущности и особенностей этнокультурного менталитета осуществлено в трудах Н. А. Бердяева, А. Я. Гуревича, И. В. Кондакова, В. В. Лысенко; рассмотрению роли культурно-исторической модернизации в трансформации образов культуры посвящены работы А. Н. Афанасьева, Н. А. Бердяева, А. Кузьмина, Л. Уайта, А. В. Юдина; осмысление понятия «интеллектуальная культура» находит свое отражение в работах А. А. Брудного, У. Гудинафа, Л. Н. Когана, В. М. Розина, М. А. Холодной, Г. П. Щедровицкого и многих других ученых.

Национальная культура аккумулирует в себе многовековой социокультурный опыт человечества. Изменения, произошедшие в российском обществе в конце XX в., повлияли на смену системы морально-нравственных, духовных, семейных и других общественно значимых ценностей у значительной части населения страны. Это обусловлено рядом факторов: с одной стороны, произошло возникновение новых форм бытия, вариативности в сфере образования, здравоохранения, политической и экономической жизни; развитие нового мышления; появление широкого спектра возможностей для развития человеческого потенциала. С другой стороны, наблюдается тенденция к нарастанию источников ранней деградации общества, проявляющаяся в алкоголизации, наркотизации, нездоровом образе жизни, особенно у представителей подрастающего поколения. Под воздействием негативных образцов западной культуры (пропаганда насилия, жестокости, индивидуализма, гедонизма) происходит отход от национальных культурных ценностей, норм и образцов поведения, изменение морально-нравственного облика детей и молодежи, утрата «точек соприкосновения» между поколениями.

Современное состояние нравственности в жизни нашего общества, особенно в молодежной среде, можно обозначить как глубокий нравственный кризис, который усугубляется отсутствием у многих молодых людей идеала для подражания при реализации своих жизненных и творческих планов. Так, по данным исследований З. А. Хубиевой, И. А. Бокачева и др., в 1990-е гг. 78% школьников 8–11 классов считали своим идеалом героев гражданской и отечественной войны, космонавтов, героев мирных и военных лет, своих учителей и родителей. Спустя 10 лет опрос показал, что для 26% российских школьников идеалом стали «герои» западной киноиндустрии; 15,5% респондентов отдали свое предпочтение звездам театра и кино; идеал 43% – это то, что «хотелось бы иметь»; более 15% затруднились ответить на поставленный вопрос [2].

Анализ результатов опроса ВЦИОМ на тему «Российская молодежь: какой она представляется самой себе – и какой ее видит старшее поколение», проведенный на общероссийской выборке в 2014 году, показал, что основными отрицательными чертами современной молодежи являются ориентация на материальные ценности (76% – люди до 35 лет и 75% – представители старшего поколения); лень (54% и 58% соответственно); пренебрежение собственным здоровьем (51–56% соответственно). Согласно опросу, у 57% современных молодых людей нет человека, который мог бы быть примером для подражания; остальные респонденты в качестве своего идеала называют родителей или родственников – 9%; представителей шоу-бизнеса – 9%; исторических личностей – 4%; спортсменов – 3%; политиков – 2% [3].

Сравнительный анализ полученных данных свидетельствует о том, что идеалы во многом

зависимы от характера развития общества, господствующей идеологии, условий деятельности человека как личности. В связи с этим, правомерно утверждение У. Гудинафа о том, что интеллектуальная культура представляет собой систему знаний из всего того, что должно знать и во что должно верить для того, чтобы поступать приемлемым ... образом [4, с. 9]. Незнание и нежелание знать свою историю и культуру, отсутствие интереса к другим национальным культурам, недостаток информации, планомерного, а не разового приобщения молодежи к национальным ценностям порождают такие социальные проблемы, как ксенофобия, конфликты на межнациональной почве, непонимание и неприятие, скрытую вражду и открытую агрессию. Только благодаря утверждению в сознании каждого человека этих ценностей, можно исключить из нашей социальной действительности деление на «своих» и «чужих», устранить проявление вражды и отчужденности между людьми.

Большая роль в связи с этим принадлежит системе образования как важнейшему транслятору национальной и мировой культуры, поскольку именно в учебно-воспитательном процессе происходит приобретение и усвоение индивидом системы духовных и культурных ценностей, приобщение к национальным традициям, фольклору, верованиям, образу жизни, стереотипам поведения конкретного этноса. Согласно исследованиям Левада-Центра, в 2011 г. 3% респондентов оценили состояние системы образования в России как отличное, 24% – хорошее и 48% – посредственное, 21% – не удовлетворительное. Вместе с тем, 32% респондентов не исключают возможности получения качественного образования их детьми и внуками в России [5].

Разрушение многопоколенного интерфейса, децентрализация школы, ориентация на множественность культурных практиков и эталонов, отказ от изучения «классических» культурных образцов приводит к дезориентации молодого поколения, незнанию им своего прошлого, пренебрежению национальным достоянием в сфере русского языка, литературы, истории, живописи, архитектуры и т. д. В связи с чем, возникают трудности в разработке федеральных образовательных стандартов, необходимости модернизации отечественной педагогической науки и экспериментальной практики. В системе высшего профессионального образования также существует множество проблем, требующих планомерного решения: несоответствие структуры ВПО и рынка труда; изменение устаревшего механизма финансирования вузов; повышение качества образовательных услуг, конкурентоспособности специалистов; предоставление возможности обучения, повышения квалификации в независимых учебных центрах; повышение доступности высшего образования для детей из малоимущих семей и другие [6].

В условиях модернизации российского общества появляется насущная необходимость во внедрении новых подходов в систему образования для повышения интеллектуальной культуры подрастающего поколения, его научных, технических и гуманитарных знаний. Среди прочих следует назвать повышение заработной платы преподавателей в среднем на уровне удвоенной зарплаты по региону; развитие прикладного бакалавриата и программ прикладных квалификаций; обеспечение прозрачности образовательных учреждений на основе мониторинга трудоустройства выпускников; развитие кредитования на образовательные цели; создание сети исследовательских университетов как источника инновационных технологий и инноваторов.

Литература и источники

1. Белик, А. А. Культурология. Антропологические теории культур / А. А. Белик. – М., 1999.
2. Хубиева, З. А. Духовно-нравственные ценности и их роль в жизнедеятельности человека / З. А. Хубиева // Вестник СевКавГТУ. – 2004. – № 1(11). – С. 23–27.
3. Российская молодежь: какой она представляется самой себе – и какой ее видит старшее поколение. ВЦИОМ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114879>. – Дата доступа: 25.10.2015.
4. Goodenough, W. H. Cultural Anthropology and Linguistics / W. H. Goodenough // Report of the Seventh Annual Round table Meeting on Linguistics and Language Study. – Washington, D. C.: Georgetown University, 1957.
5. Общественное мнение – 2011. – М., 2012.
6. Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1 / Под научн. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьмина. – М., 2013.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Л. И. Кобышева

В настоящее время вопросы модернизации высшего образования находятся в центре внимания отечественной педагогической науки. Предлагаются различные подходы к организации системы образования, но главная цель – создание системы обучения, ориентированной на развитие личности будущего специалиста.

Мы полагаем, что один из возможных путей достижения этой цели – создание условий (образовательной среды), способствующих духовно-нравственному самоопределению студентов.

Духовно-нравственное самоопределение личности особенно активно осуществляется в юношеском возрасте (Л. И. Божович). В работах Л. И. Божович показано, что наибольшее значение для духовно-нравственного становления в этом возрасте приобретают идеалы, которые выбираются сознательно с точки зрения уже имеющейся системы моральных.

По утверждению А. Б. Купрейченко, структура духовно-нравственного самоопределения имеет уровневое строение, представленное в виде «ценностно-нравственного стержня» и «оболочки». В достаточный минимум элементов самоопределения А. Е. Воробьева относит представления о нравственности, морали, нравственные ориентации, нравственные стратегии и оценку явлений окружающего мира.

Важнейшей предпосылкой формирования духовно-нравственных качеств С. Л. Рубинштейн и К. А. Абульханова-Славская считают воздействие одного человека на другого, т. е. центральным моментом духовно-нравственного самоопределения является самодетерминация, собственная активность, осознанное стремление занять определенную позицию.

Резюмируя, можно отметить, что духовно-нравственное самоопределение связано с ценностями, с потребностью формирования смысловой системы, в которой центральное место занимает проблема смысла жизни, с ориентацией на будущее.

В юношеском возрасте требуется психологическая поддержка в умении сделать правильный выбор, что связано с рядом ограничений свободы выбора в самой социальной ситуации, особенно в связи с проникновением в жизнь современной молодежи рыночных отношений [1].

Реализация психологической поддержки студентов представляется наиболее эффективной через образовательный процесс.

В своем исследовании мы исходим из того, что духовно-нравственное самоопределение – это осознание и переживание студентами общественной и личной значимости нравственных норм, актуализация нравственно-ценных потребностей, которые мотивируют наше поведение и деятельность и программируют будущее. Педагогические способы приобщения студентов к духовно-нравственным ценностям педагога и других обучающихся, способы совместного поиска духовно-нравственных ценностей педагогом и студентами должны быть основаны на диалогическом принципе.

Духовно-нравственное самоопределение целесообразно рассматривать в качестве ведущего направления учебно-педагогической деятельности на факультете социальной педагогики, как системообразующую цель в сочетании с ориентациями на профессию социального педагога, а также на другие ценности (познание, труд, творчество, общение и т. д.).

В связи с этим требуется определить учебно-воспитательные действия, необходимые для успешной учебы, программу их выполнения на конкретном учебном материале и четкую организацию по их формированию.

Наше исследование включало в себя три этапа. Рассмотрим их более подробно.

С целью актуализации духовно-нравственных знаний в процессе изучения педагогических дисциплин на первом этапе нами были введены такие формы учебно-педагогической деятельности по курсам «Общие основы педагогики», «Введение в педагогическую профессию» как:

- составление планов по самовоспитанию и работа с ними;
- создать образ идеального человека, используя художественную литературу;
- просмотр кинофильмов и сочинения по кинофильмам;
- сочинение сказок;
- подбор басен И. А. Крылова, которые можно использовать для воспитания у детей определенных нравственных качеств.

На втором этапе по курсу «История педагогики» использовались материалы книги В. А. Сухомлинского «Как воспитатель настоящего человека». В книге рассматривались главные вопросы этики и пути формирования подрастающего поколения духовно-нравственного сознания и поведения, их единства.

На первом и втором этапах ориентации на духовно-нравственные ценности реализовывались такие педагогические условия, как:

- гарантия права студентов на свободный выбор духовно-нравственных ориентиров;
- приобщение студентов к духовно-нравственным ценностям в условиях диалога и взаимодействия педагога и студента при изучении педагогических курсов («Общие основы педагогики», «История педагогики»).

На третьем этапе вводится новое условие: ориентация на духовно-нравственные ценности в социальной сфере.

В основе диалога и взаимодействия студентов факультета психологии и социальной педагогики была учебно-педагогическая деятельность. Диалог и взаимодействие были показателем и одновременно средством приобщения студентов к духовно-нравственным ценностям.

В программу опытно-экспериментальной работы входило прохождение студентами педагогической практики. С этой целью нами были сконструированы этические ситуации по приобщению студентов и воспитанников детских домов к духовно-нравственным ценностям. Забота о детях, со стороны студентов, выражалась не только участием в воспитательном процессе, но и оказании элементарной помощи в таких делах, как подготовка к прогулке (одевание), совместная с детьми уборка игровых помещений, площадок и др.

В качестве эффективной формы взаимодействия и общения с целью обмена духовно-нравственными ценностями мы использовали студенческие научно-практические конференции.

В ходе анализа и оценки поступков, взаимоотношений на основе духовно-нравственных критериев студенты выражали не только отношение к поступкам и взаимоотношениям, но и отношение к нравственным ценностям, их значимости для доказательности своих суждений.

Например, на вопрос: «Чем Вы руководствовались при выборе профессии социальный педагог (работник)?», часть студентов отвечала следующим образом: «Меня беспокоит будущее наших детей. Я хочу воспитывать детей духовно-нравственными».

Другая часть студентов высказывала другое мнение, например: «Тревога за подрастающее поколение, желание помочь им стать на истинный путь».

Третья часть студентов ответили так: «В выборе профессии я руководствуюсь тем, что хочу помочь нашей стране воспитать побольше нравственных людей, людей, которым не безразлично, что творится у нас в стране и вообще в мире» или «Я хочу быть нужной людям, хочу, чтобы жизнь моя не прошла бесследно. Быть может, что-то я смогу изменить в жизни» и др.

В результате поэтапного построения опытно-экспериментальной работы удалось реализовать задачу исследования – выявить, как образовательная среда влияет на духовно-нравственное самоопределение студентов. Основным замысел исследования состоял в организации совместной деятельности студентов и педагогов.

Мы шли от изучения и анализа внутренних возможностей и резервов субъектов учебно-воспитательного процесса на каждом этапе развития ценностных ориентаций к методике, технологии единства обучения и воспитания, опираясь на достигнутые и ожидаемые результаты. Ценностное отношение к познанию мотивировалось самосознанием студентов потребности к активной социальной позиции, проявлялось в степени удовлетворения не только ходом и результатами работы, но и самим собой. Это показатель внутреннего и внешнего диалога в самых различных ситуациях.

Таким образом, как показала практика, результатом включения студентов в социально-активную учебно-педагогическую деятельность, организованную как процесс формирования духовно-нравственного самоопределения, является не только овладение духовно-нравственными ценностями, определение смысла своего существования, но и развитие профессионального самоопределения студентов.

Литература и источники

1. Чернышев, А. С. Социально-одаренные дети: путь к лидерству / А. С. Чернышев, Ю. Л. Лобков, С. В. Сарычев, В. И. Скурятин. – Воронеж, 2007.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

И. А. Грошева, И. Л. Грошев, Л. И. Грошева

Образовательное учреждение выступает основным социальным институтом, обеспечивающим воспитательный процесс и реальную интеграцию различных субъектов воспитания. В связи с тем, что в последнее время усиливается влияние негативных внешних и внутренних факторов, вызывающих целый ряд рисков общественного, социально-политического, ценностного характера, необычайно актуализировалась проблема организации воспитательной работы, направленной на формирование высоконравственной, конкурентоспособной, эрудированной личности. В данном контексте особое значение приобретает обновление содержания и организационных форм воспитания, разрабатываемых на основе принципов системности, практико-ориентированности, научной обоснованности.

В Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» отмечается, что стратегическим приоритетом выступает создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся. «Ключевой задачей является воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения...» [1].

В декабре 2014 г. по заданию Департамента образования и науки Тюменской области с целью осуществления комплексной оценки эффективности организации воспитательной работы в государственных автономных профессиональных образовательных учебных заведениях г. Тюмени и юга Тюменской области авторами статьи был проведён экспертный опрос специалистов по воспитательной работе в учебных заведениях в гг. Тюмень, Ишим, Тобольск, Ялуторовск, Заводоуковск, сёлах Гольшманово и Нижняя Тавда (N= 120). Социологическое исследование осуществлялось методом формализованного интервью. Информация получена от специалистов, имеющих непосредственное отношение к воспитательной работе в учебном заведении. При этом исследователи получили реальную возможность изучения тех проблем, которые не отражались в иных документальных источниках и не были доступны прямому наблюдению. Формализация опросного метода позволила подвергнуть полученную информацию количественной обработке. Анкета эксперта содержала 74 вопроса по пяти блокам. Наибольший интерес в рамках настоящей статьи представил третий блок «Современные методики организации воспитательной работы (по направлениям)».

В анкете эксперты оценили по пятибалльной шкале результативность организации воспитания и социализации учащихся, осуществляемых в учебных заведениях по следующим направлениям: гражданско-патриотическое, нравственное и духовное, воспитание положительного отношения к труду и творчеству, интеллектуальное воспитание, здоровьесберегающее, социокультурное и медиакультурное воспитание, культуротворческое и эстетическое, правовое воспитание и культура безопасности, формирование семейных ценностей, коммуникативной культуры, экологическое воспитание. В целом была дана высокая оценка большинству из названных направлений. Однако некоторые из них требуют особого внимания в условиях современных социальных вызовов и рисков.

Нравственное и духовное воспитание получило оценку «хорошо» (45,4%) и «отлично» (42,9%). Среди экспертов 11,8% поставили оценку реализации этого направления «удовлетворительно». Следовательно, формирование у обучающихся: ценностных представлений о морали, об основных понятиях этики; комплексного мировоззрения, опирающегося на представления о ценностях активной жизненной позиции и нравственной ответственности личности; набора компетенций, связанных с усвоением ценности многообразия и разнообразия культур, философских представлений и религиозных традиций, с понятиями свободы совести и вероисповедания, с восприятием ценности терпимости и партнёрства в процессе освоения и формирования единого культурного пространства и др.

Интеллектуальное и экологическое воспитание получили 21,8% и 21,2% отличных оценок соответственно. Работу по интеллектуальному воспитанию чуть больше половины экспертов

(62,2%) оценили на «хорошо», а экологическому такую оценку поставили лишь треть участников опроса. Удовлетворительным интеллектуальное направление посчитали 14,3% участников опроса, экологическое – 30,5%.

Авторы статьи пришли к выводу о том, что особое внимание в учреждениях среднего профессионального образования следует уделять формированию у обучающихся общеобразовательных учреждений представлений о возможностях интеллектуальной деятельности и направлениях интеллектуального развития личности (например, в рамках деятельности детских и юношеских научных сообществ, центров и кружков, специализирующихся в сфере интеллектуального развития детей и подростков, в процессе работы с одарёнными детьми, в ходе проведения предметных олимпиад, интеллектуальных марафонов и игр, научных форумов и т. д.). Актуально будет проведение специальных занятий по информационной безопасности обучающихся, по развитию навыков работы с научной информацией, по стимулированию научно-исследовательской деятельности учащихся и т. д.

Необходимо также активизировать усилия по формированию условий для развития опыта многомерного взаимодействия учащихся общеобразовательных учреждений в процессах, направленных на сохранение окружающей среды; формированию ответственного и компетентного отношения к результатам производственной и непроизводственной деятельности человека, затрагивающей и изменяющей экологическую ситуацию на локальном и глобальном уровнях; формирование экологической культуры, навыков безопасного поведения в природной и техногенной среде; формирование ценностного отношения к природе, к окружающей среде, бережного отношения к процессу освоения природных ресурсов региона, страны, планеты.

В основу критериев отбора методики организации воспитательной работы в учебных заведениях, по мнению опрошенных педагогов, заложен такой показатель как результативность воспитательной работы (47,5%). 21,7% выбрали уклончивый вариант «используется множество методик, и для каждой есть свои критерии». 12,5% указали на такой критерий отбора как «адекватность специфике учебного заведения», а 10% выбрали вариант ответа «отбора не было, всё выполняется на основе инструктивных документов, положений». В ходе ответов на поставленный открытый вопрос об использовании современных методик воспитательной работы было выявлено, что в образовательных учреждениях имеется слабое представление о них. Практически не различимы в ответах понятия «методика», «методы», «формы», «технология». Возникает насущная необходимость в дополнительных обучающих семинарах специалистов по воспитательной работе.

Методика организации воспитательной работы – это не рутинный, а творческий процесс. Поэтому должна рассматриваться не как комплекс мероприятий, оформленных в виде программ и отчётных документов, а как отбор и селекция наиболее адекватных подходов с учётом контингента обучаемых и специфики социального окружения. В этом случае необходимо соблюдать следующие принципы: а) информационной открытости; б) профессионализма воспитателей; в) отлаженной работы по целеполаганию. Следует осуществлять регулярный обмен опытом между учебными заведениями, проведение единых курсов повышения квалификации для педагогов, воспитателей и администраций учебных заведений, мониторинговые исследования независимыми службами, привлечение к воспитательной работе потенциальных работодателей (с соответствующим финансово-экономическим сопровождением). Так или иначе, но высказанные экспертами предложения касаются лишь фрагментарных актов воспитательной работы, т. е. являются попыткой через количество проводимых акций увеличить число «вовлечённых в процесс» обучаемых, когда речь должна идти о системном и непрерывном воздействии на сознание обучаемого в каждый момент его жизни.

Стратегия развития воспитательной работы должна строиться с учётом современных позитивных тенденций и требований времени, сложившихся условий: модернизации системы высшего профессионального образования Российской Федерации, с одной стороны, в сочетании с принципом преемственности и сохранения ранее достигнутого – с другой.

Литература и источники

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/>. – Дата доступа: 28.01.2014.

СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ: ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

М. Б. Горбунова

В стратегических для системы образования Республики Беларусь государственных документах – Кодексе Республики Беларусь об образовании и Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи – отмечается особая значимость процесса воспитания подрастающего поколения. Целью воспитания является формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося [1] [2]. В числе основных направлений воспитательного процесса выделяются: обеспечение успешной социализации личности в обществе; содействие ее саморазвитию, самовоспитанию, самообразованию; формирование готовности к принятию ответственных решений. Таким образом, задача социально-личностного развития обучающихся признается в Республике Беларусь приоритетной и общественно значимой.

Особенностью процессов социализации и личностного развития является их перманентный характер. Эти процессы «запускаются» с момента рождения человека и продолжаются в течение жизни. Человек в ходе взросления учится межличностному взаимодействию, продуктивному сотрудничеству, работе в команде, разрешению и предупреждению конфликтных ситуаций.

На протяжении всех этапов взросления процессы социализации и личностного развития находятся в поле зрения учреждений образования различного типа (дошкольного, общего среднего, профессионально-технического и др.). К примеру, среди установленных требований к организации воспитательной работы в учреждениях дошкольного образования отмечается направленность на создание условий для ранней социализации и саморазвития личности воспитанника. В целях обеспечения преемственности между ступенями образования эту «эстафету» принимает I ступень общего среднего образования. На этом образовательном этапе основные усилия направляются на развитие сферы представлений о себе как о личности, расширение социальных представлений и ценностей, развитие творческих способностей. На последующих образовательных ступенях воспитательные усилия центрируются на личностном и ценностно-смысловом самоопределении и саморазвитии учащихся, преодолении кризиса подросткового возраста, построении жизненных и профессиональных планов и другом. Каждому возрастному этапу присущи свои потенции социально-личностного развития, что находит закономерное отражение в воспитательных задачах на каждой образовательной ступени.

Процесс социально-личностного развития может осуществляться системно, затрагивая как урочную, так и внеурочную деятельность. Вместе с тем, несмотря на многообразие форм организации образовательного процесса, очевидно, что успешность социально-личностного становления учащихся находится в прямой зависимости от той системы ценностей, которой придерживаются субъекты образовательного процесса. В приобщении учащихся к социальному опыту, общекультурному наследию первостепенное значение приобретают духовно-нравственные ценности: добро, любовь, ответственность. Эти ценности образуют ядро духовно-нравственной культуры, а потому являются важным элементом процессов интериоризации и экстериоризации социально-культурного опыта.

В чем же заключается смысл данных ценностей, и какие возможные формы выражения они имеют в реальной жизни?

Добро является важнейшим смысло-жизненным понятием; в рамках морального освоения мира оно играет такую же роль, как в рамках научного познания играет истина, а в рамках художественного – красота [3, с. 163–164]. Как этическая категория добро – это все положительное, хорошее, полезное; это безусловное требование человечности.

В социальной среде добро является своеобразным противовесом для всякого рода разрушений. Оно нормализует отношения между людьми, способствует гармонизации отношений человека с природой; изменяет, облагораживает самого человека. Важный аспект: добро – это не всегда созидание; это и предотвращение разрушения, недопущение нового зла. То есть в основе известной заповеди «Не навреди!» лежит именно эта идея – идея служения добру.

Направленность вектора добра разнообразна. Добро может быть обращено к социуму, а может иметь личностную направленность. Проявление интереса к своему внутреннему миру и своему потенциалу, принятие необходимости собственного развития – это проявления добра к самому

себе. Если человек желает себе добра, то не губит себя, не растрчивает свои творческие силы и здоровье, а концентрируется на самообнаружении, самопроявлении и самореализации. В отношении к обществу добро предупреждает общественные конфликты, способствует мирной жизнедеятельности, единению человечества. Таким образом, добро – это главный нравственный «рычаг», обеспечивающий регуляцию социальных отношений и одновременно являющийся важным фактором личностного становления и развития.

Любовь – следующая фундаментальная составляющая ценностной основы социально-личностного становления индивида. Любить и быть любимыми – человеческая потребность, и она вполне естественна. Ощущение себя любимым улучшает внутреннее состояние человека, придает ему чувство защищенности в человеческом сообществе, укрепляет личностные позиции. Однако «быть любимым» – позиция, главным образом, потребительская. Гораздо сложнее любить другого, отдавать себя другому. Как утверждает Э. Фромм, «каждое человеческое существо обладает способностью любить, но вот осуществить эту способность, реализовать ее – одна из труднейших задач» [4, с. 492]. Вслед за известным философом мы придерживаемся мысли, что любовь – это деятельность и ее истинная сущность заключается в плодотворности – заботе о другом, знании и уважении другого.

Вместе с тем, чтобы «возлюбить ближнего» («возлюбить ближнего как самого себя»), надо уметь любить себя. То есть, способность дарить любовь другим начинается с проявления этой любви к самому себе. Она заключается в любви к жизни, которая дана, вере в собственные силы и возможности, нахождении и сохранении внутренней гармонии. Испытывая такого рода любовь, чувствуя собственную важность, уникальность и незаменимость, человек оказывается способным испытывать такое чувство к окружающим, к Родине, к природе, к труду... То, на что направлена любовь человека, во многом характеризует его самого. Отвечая на вопрос «Что я люблю?», человек обнаруживает, прежде всего, себя – кто он такой и на что способен.

Ответственность как ценность – еще одно условие социализации и самосовершенствования человека. Ответственность отражает «особое социальное и морально-правовое отношение личности к другим людям, к обществу (человечеству в целом), которое характеризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм» [3, с. 403].

Практическая деятельность всегда сопряжена с преодолением определенных трудностей и этот факт должен быть осмыслен подрастающим поколением на как можно более раннем жизненном этапе. В планетарном масштабе безответственное отношение человека к себе, своим обязанностям является причиной войн, техногенных, экологических катастроф; приводит к несвоевременному, запоздалому реагированию на природные катаклизмы, что неуклонно влечет за собой потерю человеческих жизней.

Нести ответственность нелегко, так как при этом необходимо лично отвечать за деятельность, непрерывно осуществлять контроль за соответствие ее нравственным нормам. Способность отвечать подразумевает наличие разных навыков: планирования, прогнозирования, анализа, произведения выводов, что является необходимым для успешного выполнения любой работы. Принятие ответственности дает человеку серьезный повод уважать себя как личность, укрепляет характер, открывает новые возможности социального и личностного развития.

Перечень духовно-нравственных ценностей может быть дополнен, однако первостепенными все же остаются добро, любовь и ответственность. От того, в какой степени разделяют данные ценности участники образовательного процесса, зависит успех социального и личностного развития учащихся.

Литература и источники

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск, – 2011.
2. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.gov.by/ru/main.aspx?guid=14301>. – Дата доступа: 10.09.2015.
3. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М., 2001.
4. Фромм, Э. Бегство от свободы; Человек для себя: [перевод с английского] / Э. Фромм. – Минск, 1998.

ДИАЛОГ КАК ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

М. А. Курилович

Проблематика диалога занимает одно из центральных мест в структуре психолого-педагогического знания, являясь давней и традиционной темой теоретических и экспериментальных исследований. Диалогический подход в образовательном процессе имеет огромное значение, так как диалог является теоретической основой построения педагогического процесса и определяет его качество и эффективность.

Доминирующая сегодня образовательная модель, сложившаяся в эпоху становления индустриального общества и опирающаяся на модернистскую, картезианскую онтологию и эпистемологию с доминированием естественнонаучной картины мира уже не может удовлетворять запросам изменяющегося общества. От профессионала сегодня требуется эффективное освоение новой информации, умение адаптироваться к гибко меняющимся условиям и формам производства, способность к позиционированию и самоактуализации. Намечается переход от модели образования, направленной на формирование профессионала, владеющего определенным багажом знаний и умеющим его применять, к модели образования, направленной на формирование личности, способной к критической рефлексивной организации собственной деятельности и активному творческому поиску решений в ситуации неопределенности [4]. Это и составляет сущность воспитательного ресурса диалога в образовательном процессе.

Через диалог можно эффективно осмыслить реальный ход педагогического процесса, рассматривая его как текст, требующий прочтения преподавателем и студентами, постоянно сверяющими и сравнивающими свои записи прочитанного. Выстроенное таким образом взаимодействие преподавателя-студента является отношением сотрудничества, и процесс образования начинается не с момента постановки проблемы, а с момента, когда «читатели» текста приходят к его общему пониманию [1].

Педагогически грамотная интерпретация деятельности в сфере образования предполагает не только умение педагога профессионально выстраивать ее на технологическом (механизмы, пути, средства) и содержательном уровнях, но и осмысление на методологическом уровне (принципы, подходы), встраивание в концептуальный контекст, предвидение «эффектов» педагогической деятельности. Такая многоуровневость требует соответствующей интеграции знаний, умения мыслить концептуально, стратегически, технологически [2].

Сегодняшняя реальность требует прояснения места диалога в контексте современных образовательных тенденций, анализа его педагогического потенциала. Это обусловлено актуальностью психологического осмысления и развития педагогического сотрудничества, всестороннего изучения различных сторон, аспектов и условий управления эффективным взаимодействием в образовательном процессе.

В работах отечественных авторов, таких как А. А. Бодалев, Г. А. Ковалев, указывается на то, что диалогическое общение представляет собой тот оптимальный психологический фон организации контактов, к которому должны стремиться и который при адекватной внешней репрезентации и внутреннем принятии приводит к подлинному взаимораскрытию, взаимопроникновению, личностному взаимообогащению взаимодействующих на этом уровне людей, фон, который создает условия для прогресса саморазвития и самосовершенствования [3].

Создание диалогических постигающих взаимосвязей по отношению к миру и к себе становится центральной образовательной задачей, обеспечивающей развитие духовного потенциала личности. Выработка уникальных личностных, духовных ценностей невозможна без соприкосновения с миром других людей, без обмена ценностями [2].

Следуя вышесказанному, духовное развитие личности основывается на диалогическом взаимодействии равноправных партнеров, позиции которых не всегда равнозначны по смыслу и содержанию, но заведомо имеют равное право на существование.

Таким образом, диалогом можно назвать такое взаимодействие личностей, которое характеризуется особым отношением между партнерами, благожелательным стремлением пойти на встречу, пониманием, отношением коммуникативного сотрудничества, которое может не исключать при этом противоположных личностных позиций партнеров.

Известно, что сложившаяся традиционная система образования не всегда обеспечивает высокое качество подготовки. Недостаточная профессиональная подготовка приводит к стрессовым ситуациям, снижению интереса к совместной деятельности в целом. Объясняется это не столько низким уровнем знаний, сколько их недостаточной психологической и технологической подготовкой к реализации диалогического взаимодействия в процессе профессионального обучения и деятельности. Учитывая современную тенденцию практико-ориентированности, на сегодня отсутствует специально разработанная технология диалогического взаимодействия, что приводит к обострению противоречия между необходимостью получить компетентного специалиста и недостаточной разработанностью этой проблемы в теории и практике образовательного процесса [4].

Человек живет в условиях множественности культур, он должен не просто научиться уважать другие точки зрения, но сформировать свою духовно-неповторимую, обогатив ее пониманием других духовных миров в процессе диалогического общения. Важность и актуальность данного процесса обусловлены самой образовательной практикой и потребностями общественного развития. Сам образовательный процесс как единый педагогический процесс представляется в своей сути как формирующий жизненно важные ценности, глубоко осмысленные и позитивные отношения, личностные установки на жизнь во всем ее многообразии. Наиболее актуальны, на наш взгляд, положения о сопереживании, соучастии, сочувствии, взаимопонимании как основе развития духовной личности [1].

Учитывая все вышесказанное, мы предлагаем рассматривать диалог как духовно-нравственную ценность личности. Таким образом, задача образования должна быть, по нашему мнению, не в создании и культивировании монологических представлений о цельной, непротиворечивой, стабильной, устойчивой личности, а в развитии взгляда на личность как подвижную, диалогически-грамотную, открытую множеству других субъективных миров [2].

Подводя итог, отметим, роль диалога в образовательном процессе по-прежнему требует серьезного осмысления, т.к. зачастую диалог оборачивается монологом с отсутствием подлинных духовных позиций участников, невозможностью их развития, отсутствием настоящего переживания, способствующего порождению нового духовного содержания.

Литература и источники

1. Краевский, В. В. Предметное и общепредметное в образовательных стандартах / В. В. Краевский, А. В. Хуторской // Педагогика. – 2006. – № 3. – С. 3–10.
2. Лекторский, В. А. Идеалы и реальность гуманизма / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 23–34.
3. Хуторской, А. В. Дидактическая эвристика: Теория и технология креативного обучения / А. В. Хуторской. – М., 2005.
4. Янчук, В. А. Перспективы и оценка образовательных инноваций / В. А. Янчук // Управление в образовании. – 2005. – №4. – С. 11–25.

ИДЕИ СВОБОДНОГО ВОСПИТАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

Е. А. Круподеря

В современных условиях сложной социокультурной ситуации, динамично меняющегося и глобализирующегося мира проблемы воспитания нового поколения, обеспечения социальной адаптированности молодых людей в сочетании с их всесторонним личностным развитием и способностями к преобразовательной, креативной деятельности приобретают особое значение. На этом фоне актуализируется обращение к моделям образования и воспитания, в которых воспитание и обучение понимаются как уникальные творческие процессы, обеспечивающие условия для саморазвития, самообразования, самовоспитания личности ребенка, личность педагога и личность ученика при этом выступают в позиции равноправных соучастников этих процессов с равной ответственностью за их организацию и конечный результат. Одним из наиболее ярких примеров воплощения этих принципов в истории педагогической мысли являются концепции свободного воспитания и свободного образования личности.

Эти идеи и в настоящее время значимы своим гуманистическим и гуманитарным потенциалом, провозглашая человека высшей ценностью общества, предлагая пути и принципы, созидающие личность, способную к активной творческой деятельности, саморазвитию и самосовершенствованию, отдавая приоритет самоопределению детей и утверждая призыв к защите ребенка, и человека вообще, от любых проявлений насилия.

Рубеж XIX–XX вв. стал временем своеобразной методологической революции в педагогике, положившей начало формированию научно-педагогических парадигм, которые стали определять характер образования в европейских странах на протяжении последующего столетия. Реформаторское движение, возникшее почти одновременно в нескольких европейских странах, при всей своей неоднородности было в целом направлено против господствовавшего представления, согласно которому задача школы сводилась к передаче ученикам определенного набора знаний, в основном теоретических. Философы образования и педагоги новой волны, напротив, видели свою цель в формировании зрелого человека, способного к самостоятельному мышлению и развитию, рассматривали образование как механизм, долженствующий способствовать преодолению негативных черт индустриальной цивилизации, помогать человеку в реализации своей природы и индивидуальности. Усиливалась критика гербартианской «школы учебы» с присущими ей авторитаризмом, вербальными методами обучения, жесткой регламентацией педагогического процесса, стремлением сформировать личность ребенка исключительно через развитие его интеллекта, далеко не в полной мере учитывая активный характер природы человека, новые грани которой открывались в свете достижений психологии [1]. В результате в различных странах возник целый ряд школ, провозгласивших необходимость реформы существующей системы обучения и воспитания и вводивших новые принципы в образовательную практику. Таким образом, гуманистические педагогические концепции предшествующих эпох, в том числе идеи свободного воспитания, получили институциональное оформление в виде нового течения в педагогической теории и практике, названного *реформаторской педагогией (педагогией свободного воспитания, альтернативной педагогией)*.

Манифестом движения свободного воспитания называют книгу шведского педагога Эллен Кей «Век ребенка» (1900 г.), где предлагался основополагающий принцип новой педагогики – формула *Vom Kinde aus* – «исходя из ребенка». Э. Кей, рассматривая общественный прогресс не в социально-экономическом, а в антропологическом ракурсе, соотносила его не столько с совершенствованием социальных структур и институтов, сколько с изменениями отношения к человеку, сфокусированными на осознании «святости будущих поколений». В связи с этим важнейшее место в ее творчестве занимала проблематика семейного воспитания, а в общественной деятельности – борьба за признание социальной важности материнских функций. Одной из наиболее актуальных задач современного общества она считала создание нового поколения образованных матерей, способных уберечь своих детей от обезличивания, приносимого регламентированной системой воспитания. По ее мнению, только домашнее воспитание дает простор индивидуальности ребенка и закладывает основу для гармоничного и полного развития его способностей. Соответственно, школа должна строить обучение и воспитание, обеспечивая преемственную связь с домашним воспитанием и исходя из индивидуальности каждого ученика. Проповедуемые Эллен Кей идеалы школы и воспитания предполагали естественное раскрытие личности ученика, раннюю специализацию обучения для детей с ярко выраженными индивидуальными наклонностями, широкую самостоятельность и творческий процесс, связь с реальным жизненным опытом.

В качестве примера более практико-ориентированной деятельности можно привести программу еще одного известного педагога начала XX в. и сторонника свободного воспитания – Людвига Гурлитта, который подверг острой критике организацию народного образования в Германии, особенно в средней школе (гимназиях), с господством авторитаризма, догматизма, традиционным акцентом обучения на древних языках и религии. Он обосновывал идею того, что воспитание должно преимущественно развивать все силы и активность детей, поэтому традиционное содержание учебных программ немецких школ предлагал заменить широко трактуемым эстетическим воспитанием, беседами и занятиями спортом, играми, различными видами ручной деятельности.

Философско-мировоззренческой основой новых движений в педагогике стали также идеи экзистенциалистов. В их ракурсе образование начинается не с изучения природы, а с постижения человеческой сущности, не с освоения отчужденного знания, но с раскрытия нравственного «Я».

Дети рассматриваются как активные и сознательные существа, пришедшие в мир с полной свободой строить себя, и их безнравственно приводить в соответствие с неким априорным знанием о том, какими они должны стать. Долг учителя же состоит в такой организации свободы учебного процесса, «чтобы каждый ученик мог ощутить три основные ценности в жизни: я - существо выбирающее, и мне не избежать выбора собственного пути по жизни; я – человек свободный, абсолютно свободный в определении целей моей собственной жизни; я - человек, несущий личную ответственность за каждый совершаемый мною акт выбора» [2, с. 151]. Соответственно, в образовательных учреждениях не должно быть иерархии власти, доминирования педагогов над учащимися, внешних стандартов успеха, и их показателей в виде тестов и оценок. Центром учебного процесса является фокусация на самоопределении ученика, которому дают возможность свободного исследования в насыщенной образовательной среде, с открытым доступом к различным необходимым инструментам и материалам и равноправным диалогом с учителем, предлагающим каждому ученику найти свое собственное уникальное решение. Ценность предметного содержания образования для экзистенциализма состоит лишь в том, что оно предоставляет ученикам средства самореализации и саморазвития, в нем главное – значение и смысл его для ученика. Поскольку личность и ее поведение исключительно индивидуальны, задача школы – поддержать, развить творческое начало этой индивидуальности, «создать условия, чтобы ученик нашел самого себя, обнаружил бы смысл и способ своего существования в сложном мире, свойства своей неповторимой личности» [3].

На практике это выразилось в деятельности в 1-й половине XX в. ряда образовательных учреждений, являвших собой примеры школ свободного воспитания (М. Монтессори, А. Ферьера, Р. Штайнера, А. Нейлла и др.). В 60–80-е гг. их традиции продолжили сторонники «гуманистической педагогики» (К. Роджерс, Р. Барт).

Таким образом, реформаторская педагогика как альтернатива ортодоксальной образовательной модели, опирающейся на идеи авторитарной педагогической традиции, актуальна для современного общества тем, что, провозглашая ценность индивидуальности каждого ученика, ставит во главу угла воспитание гармонично развитой, свободной, но социально ответственной личности, способной к творческой самореализации и определению своего места в динамично меняющемся мире. Педагогика свободного воспитания является весьма значимым и ярким феноменом педагогической теории и практики, в силу следующих достоинств: она обладает сильным гуманистическим потенциалом, накопленным в ходе историко-культурного развития западной цивилизации, начиная с периода Античности; признает уникальную природу, уважает достоинство, индивидуальные жизненные цели, запросы и интересы каждого отдельного ребенка; предлагает конкретные пути реализации принципа свободы в воспитании, обеспечивает благоприятные условия для самоопределения, самореализации и самодвижения личности в развитии, способствует наиболее полному проявлению творческой индивидуальности; является гибкой, подвижной, вариативной, развивающейся, не признающей временных, национальных и культурных границ и детерминирующей возникновение новых гуманистических концепций образования.

Литература и источники

- 1 Корнетов, Г. Б. Восхождение к ребенку: педагогика в поиске гуманистической парадигмы / Г. Б. Корнетов // Социальная педагогика: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. – Калининград, 2000.
2. Гусинский, Э. Н., Турчанинова Ю. И. Введение в философию образования / Э. Н. Гусинский, Ю. И. Турчанинова. – М., 2003.
- 3 Воронов, В. В. Педагогика школы в двух словах / В. В. Воронов. – М., 2002.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С. В. Куртич

Социально-экономические реалии сегодня тесно связаны с инновационной парадигмой раз-

вития, которая утверждает приоритетные роли образования, исследований, производства (технологий), интеграция которых позволяет создавать конкурентоспособные товары (услуги).

Сегодня в странах с развитой экономикой именно инновационные разработки вносят основной вклад в обеспечение экономического роста. Тенденция увеличения доли наукоемких и высокотехнологичных производств в обеспечении прироста валового внутреннего продукта ведет к возрастанию спроса на высококвалифицированные кадры. Иными словами, человеческий капитал становится мощным фактором экономического роста и стратегическим ресурсом в современной инновационной модели социально-экономического развития.

Важнейшей составляющей интеграционных процессов в современной экономике является человеческий потенциал, который, наряду с производственным (технологическим) и инвестиционным потенциалом, призван обеспечивать конкурентоспособность субъектов рынка. Повышение эффективности человеческого фактора в инновационной экономике сегодня осуществляется на основе компетентностного подхода в обучении.

Повышение внимания к компетентностному подходу связано с несколькими причинами, прежде всего с тем, что в условиях инновационного развития необходимо преодолевать растущее несоответствие между академическими знаниями и их практическим использованием [1].

Современное образование позволяет находить эффективные подходы для реализации многих социально-экономических задач в симбиозе с научными исследованиями, формировать (определять) необходимые условия для обучения (чему учить и как учить) и способствовать обеспечению конкурентоспособных производств и продуктов.

Решение задач современного развития невозможно без системы образования, соответствующей масштабам и амбициям субъектов экономической деятельности. Образование становится важнейшим фактором инновационного развития.

Современные приоритеты в образовательной сфере реализуются на основе компетентностного подхода, в основе которого лежит совокупность компетенций, которыми должен овладеть обучающийся (выпускник) для успешной профессиональной и социальной адаптации.

Современная система высшего образования формирует новые приоритеты (например, компетентностный подход к образованию), развивает стратегию обеспечения профессионального уровня подготовки специалистов, включая их знания, умения, навыки, компетенции, которые обеспечивали бы их востребованность и конкурентоспособность [1].

Для обеспечения конкурентоспособности предприятий, регионов и отраслей национальной экономики необходима соответствующая подготовка главной составляющей, главного агента инновационного развития – конкурентоспособного специалиста.

Образование в инновационной экономике остается приоритетной сферой и её роль будет возрастать, компетентностный подход будет приоритетным в образовательном процессе, что позволит редуцировать дисбаланс между ограниченными возможностями системы образования и возрастающими потребностями рынка, а запланированные программы развития образования в инновационной сфере будут способствовать формированию нового поколения конкурентоспособных кадров в развивающейся инновационной экономике.

В контексте интеллектуальной культуры духовно-нравственная составляющая образования представляется важнейшей составляющей не только компетентности специалиста, но и жизнеспособности личности. Это способствует повышению самосознания и духовно-нравственной целостности, актуализирует духовно-нравственное измерение всех аспектов деятельности человека.

Учебные программы различного назначения могли бы обращать внимание на присутствие духовно-нравственной компоненты, чтобы содействовать развитию социальных ценностей и смыслов, обеспечению жизнеспособности, безопасности и благополучия человека в обществе. Нравственность рекомендуется рассматривать как «базовый критерий жизнеспособности человека» [2, с. 102].

В различных концепциях постулируется и обосновывается взаимосвязь жизнедеятельности человека и его духовно-нравственных ценностей. Речь идет о том, что если общество перестает осознавать необходимость развития духовной сферы и не направляет свои усилия в этом направлении на развитие каждого члена общества, то, достаточно быстро формируется ситуация, когда потери смыслообразующих установок людей ведут к несогласованности целей развития общества и тех средств, которые оно предлагает для достижения целей. Вышесказанное относится также к

ценностям и смыслам всех участников образовательного процесса, прежде всего обучающихся. Таким образом, нравственность (духовно-нравственные ценности) обучающегося и профессионала становятся залогом его профессионального развития [2, с. 105].

Отсюда становится более ясной необходимость включения духовно-нравственных составляющих развития человека и общества в образовательные программы (различных форматов и направлений / специальностей). Это позволит стать более подготовленными к преодолению неизбежных кризисных явлений в жизни обучающегося / профессионала и общества в целом, которое как никогда ранее подвержено социальным вызовам, которые сегодня подвергают ревизии ключевые жизненные ценности и смыслы, относящиеся к духовной природе человека.

Литература и источники

1. Кирпич, С. В. Особенности подготовки конкурентоспособного специалиста для инновационной сферы / С. В. Кирпич // Инновационные технологии в инженерном образовании: матер. Междунар. науч.-практ. конф.; Минск, 27–28 апр. 2011 г.; под ред. Б. М. Хрусталева и В. Л. Соломахо. – Минск, 2011. – С. 86–89.
2. Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М., 2014.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО- МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ ОБЩЕСТВА

М. С. Ковалевич

Белорусская высшая школа находится сегодня в сложном положении. С одной стороны, демографическая ситуация ведет к сокращению численности выпускников средних школ, общепризнано снижение качества их подготовки, что объективно затрудняет возможности вузов по отбору подготовленной молодежи. С другой стороны, планы инновационного развития экономики требуют и расширения, и кардинального повышения качества подготовки специалистов с высшим образованием.

Документы европейских саммитов и коллегий Министерства образования РБ заключают, что образовательные системы должны приспособиться к новым реалиям XXI-го века и непрерывное образование должно стать главной политической программой гражданского общества, социального единства и занятости. Сформулированы *две главные цели* непрерывного образования: активная гражданская позиция и конкурентоспособность на рынке труда. Определены его *ключевые факторы*: личная мотивация к учению и наличие разнообразных образовательных ресурсов и структур. Сформулированы *ключевые принципы* непрерывного образования, в их числе: образовательные системы должны уметь гибко адаптироваться к современным условиям, учитывать динамику реального сектора экономики, перспективы развития современных технологий, производств и всей общественной жизни и ориентироваться на них в своем развитии. Поэтому ценностно-смысловое содержание образования является важнейшим в личностном самоопределении. Характер ценностей определяет представления юношей и девушек о собственном профессиональном будущем. Учитывая, что значительная часть студентов высших учебных заведений не имеет положительной профессиональной мотивации со всеми вытекающими отсюда последствиями: отсутствием интереса к учению, постоянными сомнениями и неудовлетворенностью выбранной профессией, стремлением после вуза избежать работы в школе, есть необходимость организации системной профориентационной деятельности и в вузе, направленной на социальную и психолого-педагогическую поддержку профессионально-ценностного самоопределения и самореализации студенческой молодежи [1]. *Педагог должен влиять на выбор молодым человеком жизненных перспектив.* Без этого невозможно решить не только проблему профориентации, но и многие другие проблемы в нашем вузе и обществе в целом.

Моделируя профориентационные процессы в современном ВУЗе, мы исходим из того, что в обществе ведущую роль начинают отыгрывать не вчерашние знания, а *способы мышления*, которые рождают новые знания, приемы их использования в нестандартных ситуациях. От прагматических целей образования как совокупности ЗУНов для осуществления профессиональной деятельности высшая школа переходит к гуманистическим целям личностного

развития и саморазвития. На первый план выходят ценности развития, творчества, гуманизма. Философы отмечают губительное влияние на самооценку человека экологического кризиса, кризиса культурной идентичности [2]. В такой ситуации отстаивать ценность человеческой жизни и здоровья представители гуманитарной сферы обязаны. Воплощение идей гуманизма требует от ученых и практиков образования особой ответственности.

Доказано, что студенческий возраст является самым ответственным и с точки зрения социальной адаптации, социальной и социально-психологической зрелости личности, и с точки зрения ее нравственных, человеческих качеств. Психологи отмечают, что опасными следствиями искусственного ограничения становления личности студента усвоением знаний, оторванных от будущих профессиональных задач, становятся социальный инфантилизм, а иногда – полная исключенность из студенческой жизни.

Возникает *проблема*: при каких педагогических условиях социальная и психолого-педагогическая поддержка профессионально-ценностного самоопределения и самореализации студенческой молодежи будет эффективной? Каков методический инструментарий трансформации существующих социокультурных ценностей в личностные, общественных задач в индивидуальные основы профессионального выбора? При каких условиях возможен переход личности через точку бифуркации – на благоприятную для личностного и профессионального роста траекторию развития?

В рамках реализации Программы развития БрГУ имени А. С. Пушкина в учебно-воспитательной, экономической и социальной сферах руководителем Центра «Профориентир» разработан проект «Социальная и психолого-педагогическая поддержка профессионально-ценностного самоопределения личности в университетском образовании». Экспериментальный проект направлен на реализацию Закона Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики»; Концепции профессиональной ориентации молодежи в Республике Беларусь, Программы «Мое профессиональное будущее».

Результаты исследования

Впервые разработана концепция профессионально-ценностного самоопределения личности в университетском образовании, преобразующая понимание сущности профессионально-ценностного самоопределения личности. Оно представлено как процесс нелинейного вероятностного профессионального становления личности, который охватывает длительный период онтогенеза человека с начала развития профессионально ориентированных интересов и склонностей, проходит через всю жизнь и завершается с прекращением профессиональной деятельности.

– *Обоснован механизм профессионально-ценностного самоопределения личности* в классическом университетском образовании, реализующий концепцию ценностного самоопределения студентов и преподавателей в современных вариативных условиях.

– *Дополнены условия профессионально-ценностного самоопределения личности* в университетском образовании, позволяющие ей обрести устойчивость в современном динамичном мире профессий, среди которых аксиологизация образовательной среды университета, наполнение процесса взаимодействия с самоопределяющейся личностью ценностным содержанием, ориентированным на высшие ценности общечеловеческой культуры: человек, жизнь, природа, труд, познание, общение; пропаганда новой аксиологии, в основе которой принцип техногуманитарного баланса, обнаруживающий корреляции между уровнем научно-технической мощи общества и состоянием его культурных регулятивных механизмов; перенос акцента с диагностики интересов, склонностей и способностей на подходы, в основе которых приоритет морально-волевой готовности к реализации собственных жизненных и профессиональных сценариев; формирование прогностического мышления как путевода будущего специалиста, смыслового стержня профориентационной деятельности; переориентация содержания образования в контексте культурологического подхода на трансляцию культуры, на развитие личности; управление формированием ценностных ориентаций у студентов педагогических специальностей, развитие у них необходимой ценностно-мотивационной основы ориентации на педагогическую деятельность.

Разработана технология, дополнен и систематизирован методический инструментарий социальной и психолого-педагогической поддержки профессионально-ценностного самоопределения личности в университетском образовании. Разработанные концепция и технологии, в отличие от традиционных технологий являются интерактивными технологиями открытого образования и

допускают творчество и педагога, и учащихся. Это активизирующие, проблемно-ориентированные, коррекционно-формирующие, личностно-ориентированные, инновационные технологии.

Практическая значимость проекта

Внедрение положений Концепции организации системной профориентационной деятельности в университете будет способствовать отбору наиболее подготовленных и профессионально сориентированных абитуриентов; созданию условий для оптимальной социальной и психолого-педагогической поддержки профессионально-ценностного самоопределения и самореализации студенческой молодежи.

Литература и источники

1. Ковалевич, М. С. Молодая интеллектуальная элита в условиях инновационного развития страны / М. С. Ковалевич // Народная асвета. – 2015. – № 2. – С. 3–6.
2. Гарсия, Д. О понятиях «культура» и «цивилизация» / Д. Гарсия // Вопросы философии. – 2002. – № 12 – С. 24–32.

ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. В. Калашикова

Отличительной чертой организации культурно-досуговой деятельности (далее – КДД) студентов Белорусского государственного университета культуры и искусств (далее – БГУКИ) является включение студентов в различные виды общественно значимой деятельности, поощрение студенческого творчества с целью обеспечения возможностей самореализации, самоутверждения и социализации молодых людей в условиях высшего учебного заведения. В университете для студентов кафедры менеджмента социально-культурной деятельности (далее – СКД) созданы условия для раскрытия, в первую очередь, лидерского потенциала будущих менеджеров СКД, повышения их уровня профессиональной подготовки посредством активного участия в общественной жизни, которая имеет собственные традиции, свою структуру и атрибуты. Творчески одаренные студенты имеют возможности для самореализации: многочисленные студии (Театр-студия «7-паверх» – рук. З. М. Пасютина, интерактивный «Психологический театр» – рук. В.Р. Коляда), кружки (студенческий оркестр «Арт-диссонанс» – рук. Т.Н. Бабич) и другие творческие клубные формирования, например, клуб любителей поэзии «Букет», материалы которого регулярно печатаются в студенческой газете БГУКИ «Алма перага» и на сайте университета.

Студенты-менеджеры являются постоянными участниками традиционных университетских мероприятий: День первокурсника, День матери, День работника культуры, День студента, Новый год, День защитника Отечества, Международный женский день, День Победы, Бал выпускников, Студенческий фестиваль искусств «Арт-мажор» и др. Для тех, кто живет в студенческих общежитиях, созданы необходимые условия для организации досуга, проведения различных культурных и спортивных мероприятий. В распоряжении студентов имеются комнаты отдыха, комнаты для занятий, спортивные комнаты, оснащенные необходимым оборудованием и инвентарем.

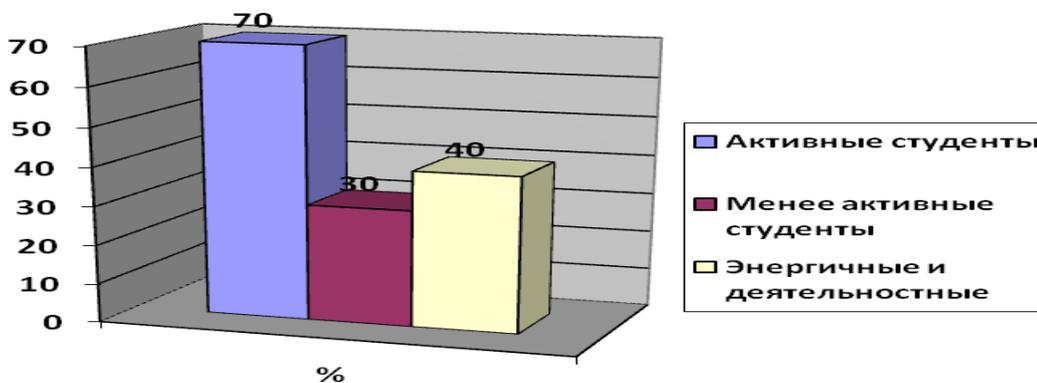
Общественные организации, структуры студенческого самоуправления принимают активное участие в реализации молодежных, воспитательных и социальных программ университета, занимаются вторичной занятостью студентов, их досугом, социальной защитой, выступают инициаторами многих интересных дел и начинаний (например, проекты «Проявление», «Сто вопросов ректору» и др.).

Будущие специалисты-менеджеры в сфере культуры должны хорошо разбираться в себе и быть в состоянии оценить степень своей активности, а также проявлять ее в соответствии с собственным потенциалом. Поэтому на базе кафедры менеджмента СКД было проведено исследование, которое состояло из двух диагностических методик по темам: «Активный ли вы человек» и «Готовность студентов к проявлению инициативы в КДД» (общее число опрошенных составило 44 человека). Студентам первого курса было предложено ответить на несколько вопросов, чтобы

определить их личностную активность. Вторая анкета по теме «Готовность студентов к проявлению инициативы в КДД» была направлена на определение уровня активности студентов в КДД, оценки созданных в университете условий для успешного развития КДД. При анализе полученных результатов мы получили следующие данные:

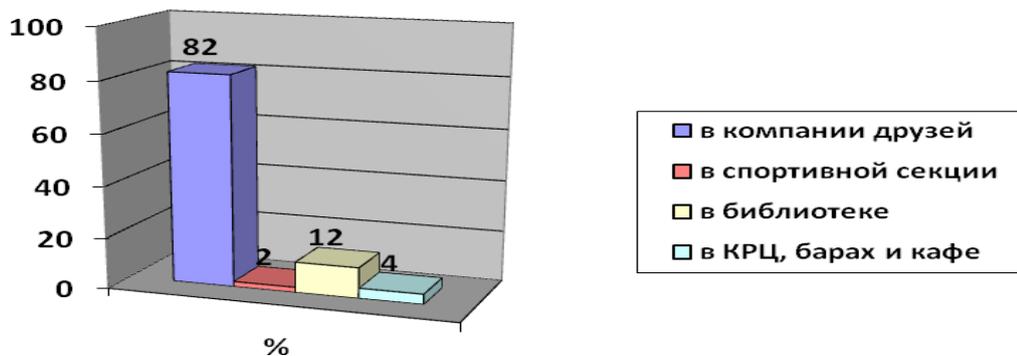
На основании первой анкеты было выявлено, что поступившие студенты-менеджеры считают себя вполне динамичными и активными людьми (более 70%). У 40% в характере есть черты руководителя, они энергичны и деятельны (рисунок 2.1):

Рисунок 1. Уровень активности студентов-менеджеров СКД

При анализе анкеты «Готовность студентов к проявлению инициативы в КДД» было получено представление о проведении свободного времени будущих менеджеров. Большинство студентов имеют высокую степень самоорганизации (личный тайм-менеджмент) и имеют вполне достаточно свободного от учебы времени (61%). Третьей части всех студентов-менеджеров свободного времени очень мало (31%) и немногим его не хватает (7%). Большая часть студентов отдыхает в компании друзей (82%) (рисунок 2.2):

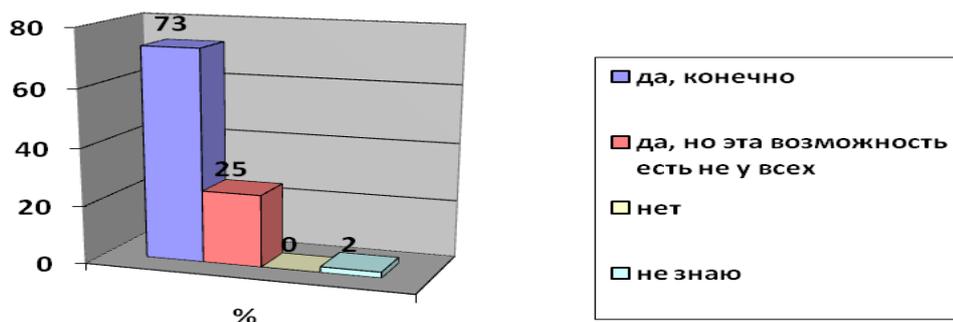
Рисунок 2. Организация досуга студентов-менеджеров СКД

Половина студентов имеет представление о различных проектах и объединениях БГУКИ (56%), однако активное участие в них принимает только четвертая часть от общего количества студентов (25%). Особой популярностью в вузе пользуются студенческие капустники и концертные мероприятия с участием самих студентов-менеджеров.

Однако, о студенческих организациях и клубах по интересам им известно значительно меньше. Отметим, что в университете созданы возможности для занятий разнообразной КДД (рисунок 2.3):

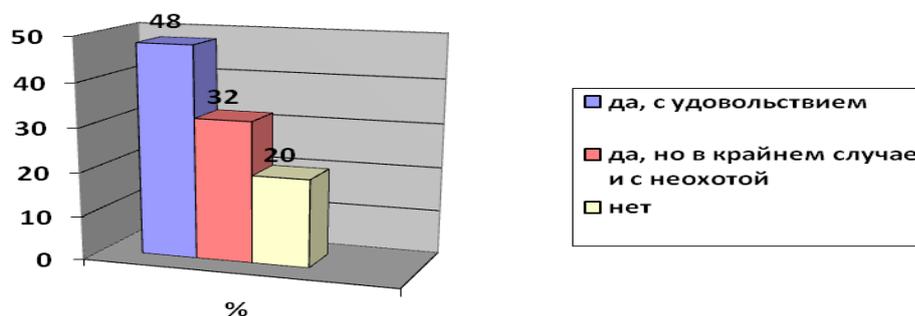
Рисунок 3. Возможность заниматься КДД в университете

Почти половина опрошенных студентов участвуют в КДД (43%), однако утверждать, что эта деятельность их полностью вдохновляет и интересует, нельзя (32%). Треть опрошенных студентов (35%) никогда не были осведомлены о деятельности студенческих организаций вуза, 20% относятся к ним безразлично.

По результатам анкетирования был сделан вывод, что студенты-первокурсники не имеют достаточного представления о деятельности студенческих организаций БГУКИ. Они понимают, что поиском информации и организацией своего досуга в условиях вуза они должны заниматься сами, но часть склонны *перекладывать свою ответственность* на плечи других. Так же была выявлена степень готовности студентов-менеджеров к проявлению инициативы в организации своего свободного времени. 20% студентов к концу первого семестра обучения в вузе еще *никогда не проявляли активность* в общественной и досуговой деятельности университета. Однако 30% из них хотели бы организовать *новую студенческую организацию* на их факультете. 32% участвуют в мероприятиях вуза только в случае крайней необходимости (традиционные вузовские мероприятия) (рисунок 2.4):

Рисунок 4. Участие студентов в культурно-досуговых мероприятиях

Таким образом, проанализировав и изучив некоторые аспекты становления КДД деятельности студентов первого курса кафедры менеджмента СКД, был определен *уровень активности, как средний*, но стремящийся к высшему уровню. Это значит, что опрошенные студенты-менеджеры СКД активно включаются в творческую деятельность, предполагающую самостоятельность в выполнении заданий и выдвижении *собственных* инициатив. В КДД студентов-первокурсников в начале обучения наблюдается высокое стремление к инициативно-творческой деятельности, к самореализации и самокоррекции. Вместе с тем, *студенческим организациям БГУКИ необходимо лучше информировать* первокурсников о своей деятельности для более активного их вовлечения в социально-культурную жизнь университета и *более оперативно поддерживать новые студенческие инициативы*.

КУЛЬТУРА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

О. Л. Лойко

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки научного осмысления феномена культуры здорового образа жизни (культуры ЗОЖ), ее сущности и содержания. Причем, следует отметить, что в чистом виде рассматриваемое понятие встречается редко. Чаще можно встретить синонимы культуры ЗОЖ – валеологическая культура (Н. А. Тригуб, И. А. Лавричева, Л. В. Мещерякова, Е. Р. Маргиева) и культура здоровья (И. А. Яковлева, С. В. Шенделева, Н. Н. Малярчук, И. Г. Комарова, С. В. Скляр). А в последние десятилетия в педагогической науке наряду с термином «культура ЗОЖ» широко используются интегрированные понятия, такие как «профессионально-педагогическая культура здоровья», «культура профессионального здоровья учителя», «валеологическая культура» (Е. А. Багнетова, Н. В. Гончарова).

Анализ дефиниций показал значительные разночтения в трактовке понятия «культура ЗОЖ»: одни исследователи видят в культуре ЗОЖ интегративное качество личности (А. Ф. Георгиевский [2], В. В. Клинов [3, с. 122]), другие – область или непрерывно трансформирующуюся систему знаний (Н. Н. Малярчук [4, с. 56]), третьи – результат валеологического образования (В. А. Митяева [5, с. 105]), четвертые – динамический стереотип поведения (В. В. Колбанов [6, с. 38]), пятые – элемент нового педагогического мышления (В. А. Магин [7]).

Студенческая молодежь рассматривается как социальная группа населения, которая имеет свои отличия в образе жизни, свои ценностные установки, мотивы своей деятельности. Эта группа требует дифференцированного подхода при определении форм и методов сохранения и укрепления здоровья. Поэтому в университете необходимо обеспечить сознательный выбор личностью общественных ценностей здорового образа жизни и формировать на их основе устойчивую индивидуальную систему ценностных ориентаций, способную обеспечить саморегуляцию личности, мотивацию ее поведения и деятельности.

Для того чтобы получить информацию об индивидуальном понимании студентами категории «культура ЗОЖ» мы использовали анкетирование. В анкете мы попросили студентов завершить фразу «*Культура ЗОЖ для меня – это...*» и получили следующие варианты ответов: «отсутствие вредных привычек; умение и знание о правильной заботе о своем здоровье, умение студента поддерживать физическую форму, следить за здоровьем; хорошее стабильное состояние здоровья, активность, хорошее настроение, духовное состояние человека, хорошее настроение, сохранение и поддержание здоровья, поддержание тонуса, спортивной формы и настроения, состояние души, стремление быть здоровым не только физически, но и духовно; важная для студентов информация; правильный распорядок дня, грамотное распределение нагрузки, правильное питание и здоровый сон, занятие спортом, совокупность жизненных тенденций, установок на занятие спортом» и другое.

Таким образом, в ответах студентов по определению культуры ЗОЖ наметились следующие тенденции: 15% испытуемых считают, что культура ЗОЖ – это отсутствие вредных привычек; 20% – духовное состояние человека, поддержание здоровья и тонуса, спортивной формы и настроения, стремление быть здоровым не только физически, но и духовно. Большинство же современных студентов (около 55%) ставят знак равенства между понятиями «здоровый образ жизни» и «культура здорового образа жизни», характеризуя культуру ЗОЖ как соблюдение правил и норм ЗОЖ, хотя второе понятие шире, чем первое, и формирование ЗОЖ является одной из составляющих культуры ЗОЖ.

В ходе исследования студентам было предложено дать определение такому понятию как «организация здоровьесберегающей среды в университете». После обработки результатов определились направления ответов, соответствующие представлениям респондентов о здоровьесберегающей среде в университете, которые нами были определены в четыре группы: 1. организация спортивных и физкультурно-оздоровительных мероприятий через спортивные секции (соревнования, олимпиады), а также мероприятия, организованных на свежем воздухе (культпоходы, экскурсии, ориентация на местности в лесу); 2. организация такой среды в вузе, в которой у студентов формируются основные знания, умения и навыки ведения ЗОЖ (через специальные курсы здоровьесберегающей направленности, чтения лекций и проведения тренингов по ЗОЖ); 3. пропаганда ЗОЖ

через специальные акции, организованные БРСМ; 4. медицинская помощь и профилактическое обследование студентов.

Особого внимания заслуживают и такие ответы студентов, как: «нормальная физкультурная база; хорошее расписание, правильная нагрузка, как в физическом, так и в интеллектуальном плане; создание баланса между учебой и отдыхом; активная работа преподавателей и работников вуза по формированию ЗОЖ студентов; запрет курения на территории вуза; комплекс услуг, обеспечивающих поддержание здоровьесбережения».

Необходимо отметить, что для поддержания своего здоровья около 61% респондентов исключают вредные привычки; 42% – придерживаются оптимистической жизненной позиции; 40,5% – занимаются физическими упражнениями (утренняя зарядка, бег трусцой); 31,5% – соблюдают режим труда и отдыха; 25,5% – посещают спортивные секции (тренажерный зал, бассейн и т. д.); 17% – посещают врача с профилактической целью; 6,5% – закаляются; 5% – занимаются профессиональным спортом; 2,5% – практикуют специальные оздоровительные системы и 1,5% – ничего не делают для поддержания своего здоровья. Анализ ответов студентов показал, что они придают большое значение этому вопросу.

Сами студенты понимают тот факт, что от состояния здоровья зависит успех в их учебной и будущей профессиональной деятельности. Насколько важен ЗОЖ для будущей профессии студентов, иллюстрируют следующие данные. Около 60,2% респондентов считают, что ЗОЖ принесет определенную пользу в будущей профессии, 28,2% ЗОЖ просто необходим в профессиональной деятельности; 11,6% отметили, что без ЗОЖ можно и обойтись.

Таким образом, принимая во внимание полученные результаты, мы пришли к заключению, что в педагогическом университете возможно создание всех необходимых условий для качественного формирования основных профессиональных умений и навыков у студентов в области культуры ЗОЖ в сочетании с индивидуальным стилем творческой профессиональной деятельности педагога. Использование в учебном процессе современных интерактивных технологий обучения ЗОЖ позволяет создать дополнительные возможности для получения профессиональных знаний, умений и навыков в области здорового образа жизни студентами и значительно расширить круг их профессиональных интересов. Основная задача преподавателя университета при формировании культуры ЗОЖ студентов сводится к повышению образовательную активности и мотивации студентов в области здорового образа жизни, осознанию ими своих целей и возможностей, а также приобщению студентов к здоровьесберегающей деятельности, укреплению в сознании ценности здоровья, как в личном, так и в общественном плане.

Литература и источники

1. Валеология человека. Здоровье – Любовь – Красота: в 5 томах. – Т.5: Гармония чувств и образа жизни. – СПб., 1997.
2. Георгиевский, А. Ф. Формирование культуры здорового образа жизни младших подростков в общеобразовательных учреждениях: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / А. Ф. Георгиевский. – Москва, 2009.
3. Клинов, В. В. Теоретические основы культуры здорового образа жизни старшеклассников / В. В. Клинов // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2008. – № 3. – С. 122–126.
4. Малярчук, Н. Н. Здоровьесозидающая деятельность педагогов / Н. Н. Малярчук // Педагогика. – 2009. – № 1. – С. 55–59
5. Митяева, А. М. Здоровьесберегающие педагогические технологии / А. М. Митяева. – М., 2008.
6. Колбанов, В. В. Валеология / В. В. Колбанова. – СПб., 1998.
7. Магин, В. А. Формирование культуры здоровья личности будущего учителя в процессе его профессиональной подготовки: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / В. А. Магин. – Ставрополь, 1999.

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК РЕСУРС ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ

О. Р. Чугрина

Качество интеллектуальной культуры и ее предметное содержание невозможно рассматривать в отрыве от духовно-нравственных ценностей личности и социума. Воспитание личности

современной цивилизации предполагает формирование у человека возможности усваивать как общечеловеческое, так и национальное в культуре, а также самоидентифицироваться по отношению к ним, сохраняя и закрепляя при этом свою уникальную личность, свое «Я».

В условиях социальной трансформации под влиянием глобализационных и интеграционных процессов все более актуальной становится проблема поликультурного образования и воспитания молодежи. В некоторых странах поликультурное образование и воспитание возведено в ранг национальной политики, государственной цели, созданы научные ассоциации, которые регулярно проводят национальные и международные форумы по проблемам культурного плюрализма. Стало нормой включать в уставы и положения школ, университетов принцип поликультурности.

Поэтому сейчас система образования активно изучает и адаптирует к отечественным условиям прогрессивные достижения зарубежных коллег в сфере поликультурного образования молодежи. Именно поликультурное образование и воспитание решает проблемы гуманизации отношений между людьми, принадлежащими к одной этнической группе и к различным социокультурным группам.

Базовой идеей концепции поликультурного образования и воспитания является осознание разнообразия, мультикультурализма мира и его целостности, взаимосвязи, взаимозависимости, взаимодействия культур. В полиэтническом обществе важно утвердить принцип, что другая культура не является угрозой или барьером для развития собственной культуры. Наоборот – это средство обогащения как культуры своего этноса, так и культуры общества в целом. То есть, поликультурное образование и воспитание ориентированы на освоение культурно-образовательных ценностей, взаимодействие разных культур в ситуации плюралистической культурной среды, на адаптацию к другим культурным ценностям [1, с. 20].

В современных условиях значительных изменений и трансформаций, образование как инструмент развития социальных ориентаций становится важным и одним из наиболее эффективных средств формирования новых межэтнических отношений и норм поведения, в основу которых должен быть положен принцип толерантности.

Современные трактовки понятия «толерантность» незначительно отличаются и имеют социальную окраску. Многие авторы предлагают рассматривать толерантность как социальную установку, как отношение личности к себе, к людям, как свойство личности, ее ценностную ориентацию и мировоззрение. То есть, толерантность можно рассматривать как проявление социальной зрелости человеческой личности [2, с. 27]. Многие исследователи утверждают, что толерантность может и должна быть воспитана, но для этого должны быть созданы специальные педагогические условия. Основным содержанием понятия «толерантность» является принятие многомерности общественной жизни, уважение человеческой личности, терпимое отношение к взглядам, вере, традициям и культуре других людей, отказ от агрессии, насилия и т. д.

Наиболее высокие показатели толерантности отмечены в скандинавских странах, Швейцарии, Великобритании, где с 1960-х гг. ведется целенаправленная работа по воспитанию дружественного отношения к другим культурам и развитию различных форм межкультурного обмена (однако надо отметить, что степень терпимости напрямую связана с уровнем личного благосостояния и межличностного доверия).

С практической точки зрения могут быть применены следующие основные способы формирования толерантности. А именно: формирование адекватных представлений о личности и поведении человека; обучение свободному от предубеждений и предрассудков общению; точное и полное информирование людей с целью снижения интолерантности к неопределенности; создание условий для тесного и взаимовыгодного взаимодействия межэтнических групп и другие.

Сегодня необходимо такое образование, которое предоставляло бы молодежи максимальный опыт интеллектуального познания других культур, опыт эмоциональной поддержки и эмпатии. Особенно это необходимо для студенческой среды как одной из наиболее интенсивных зон межэтнических контактов. В условиях повышения студенческой мобильности, наличии в постсоветских странах большого контингента студентов из разных стран (в основном из стран Ближнего Востока, Африки и Азии) насущной необходимостью становится повышение роли поликультурного образования, которое должно сформировать у студенческой молодежи принципы толерантности и терпимости к представителям других этносов.

Методика формирования межкультурной толерантности должна интегрировать учебную

деятельность студентов в процессе изучения дисциплин гуманитарного цикла; научно-исследовательскую работу; участие в деятельности национально-культурных обществ, культурных центров общественных организаций национальных меньшинств, землячеств; совместной деятельности во внеаудиторное время, общение в неформальной обстановке и т. д. [3, с. 220].

Подводя итоги нужно отметить, что образование как инструмент целенаправленного развития социальных процессов становится одним из наиболее эффективных способов формирования межэтнических отношений. В условиях существования полиэтничного сообщества необходимо воспитывать в молодежи осознание важности культурного разнообразия для самореализации личности, положительного отношения к представителям других культур, способствовать развитию толерантности как социальной установки.

Литература и источники

1. Редькина, Л. И. Концептуально-теоретические основы полиэтничного воспитания молодежи / Л. И. Редькина // Развитие освіти в умовах поліетнічного регіону: матеріали міжнар. наук.-практ. конференції, м. Ялта, 5–7 квітня 2007 р. – Зб. статей: Ч. 2. – Ялта, 2007. – С. 19–26.
2. Саакова, Ж. Л. Актуальні проблеми формування толерантності в поліетнічному освітньому середовищі / Ж. Л. Саакова // Развитие освіти в умовах поліетнічного регіону: матеріали міжнар. наук.-практ. конференції, м. Ялта, 5–7 квітня 2007 р. – Зб. статей: Ч. 2. – Ялта, 2007. – С. 26–31.
3. Юр'єва, К. А. Спрямованість на міжкультурну толерантність як складова полікультурної компетентності педагога / К. А. Юр'єва // Професіоналізм педагога в контексті Європейського вибору України: матеріали міжнар. наук.-практ. конференції, м. Ялта, 20–22 вересня 2007 р. – Зб. статей: Ч. 2. – Ялта, 2007. – С. 218–222.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ БГУ

О. В. Шубаро

Проблема формирования ценностного отношения к духовно-нравственному воспитанию молодежи в настоящее время является особенно актуальной. Это объясняется несколькими причинами, а именно, для современного этапа социодинамики характерно переосмысление сущности духовно-нравственного развития как общества, так и отдельного человека. Следствием чего, становится существенное изменение шкалы ценностей. В этих условиях одной из насущных проблем высшей школы является проблема сохранения и передачи профессиональных традиций вместе с духовно-нравственной составляющей. В связи с этим воспитание, ориентированное на формирование духовно-нравственной культуры студентов, под которой понимают качественные характеристики сознания и самосознания, отражающие целостность и гармонию внутреннего мира личности, выступает в качестве одной из приоритетных целей современной системы воспитания в высшем учебном заведении. Поскольку фундаментом культуры являются ценностные ориентации, то большое значение представляет исследование ценностных ориентаций студенчества, так как именно студенчество – наиболее динамичная и социально перспективная группа общества, его стратегический ресурс. Получение информации о ценностных ориентациях студентов позволит оценить и спрогнозировать перспективы развития общества в целом.

Общеизвестно, что установки человека определяют его поведение. Ценностные ориентации рассматриваются также как установка на ценности, являющиеся доминантным фактором формирования личности. Классическим для данного понимания ценностных ориентаций можно считать определение А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова: «Под ценностными ориентациями мы понимаем установку личности на те или иные ценности материальной или духовной культуры» [1, с. 197]. Центральным понятием концепции В. А. Ядова выступает понятие диспозиции как определенной предрасположенности или предуготовленности человека к восприятию условий деятельности, его поведенческой готовности, которая фиксируется в личностной структуре в результате онтогенеза [2]. Диспозиции личности образуют определенную иерархию, в которой высший уровень диспозиционной иерархии образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей, что проявляется в регуляции поведения как сознательного в определенных социальных условиях. В этом контексте поступок определяется актуальной диспозицией,

а роль ведущего принимает на себя тот уровень системы, который наиболее полно соответствует данным условиям и цели деятельности.

Следует также отметить, что в условиях ценностно-смысловой дезориентации одна из форм адаптации человека в обществе связана с религиозной верой. Подобная тенденция представляет собой своеобразную реакцию компенсации и состоит в обращении к традиционным ценностям и смыслам, в частности к ценностям религиозным. Эта тенденция – сущностная попытка некоторой общности людей обрести устойчивый смысл жизни, определить систему ценностных ориентиров.

Мы провели исследование ценностных ориентаций и уровня религиозности студентов Белорусского государственного университета (май 2015 г.) Общий план исследования предполагал изучение особенностей ценностных ориентаций студентов; определение степени выраженности у них религиозной ценностной ориентации; выявление специфики ценностных предпочтений. Данное исследование опиралось на использование модифицированного опросника Г. Е. Леевика «Ценностные ориентации личности», выявляющего базовые ценностные ориентации. В исследовании приняли участие студенты II курса факультета международных отношений БГУ (30 человек в возрасте от 19 до 23 лет). Данная методика включает утверждения, касающиеся девяти базовых ценностных ориентаций. Первые пять ориентаций являются *целями жизни*. Остальные – *средствами достижения целей жизни*. Религиозная ценностная ориентация, выделенная в отдельную группу, должна выявить значимость для личности различных составляющих религиозного опыта. Вопросы по религиозной ценностной ориентации построены таким образом, чтобы соответствовать фундаментальным составляющим внутреннего мира личности – сфере отношений, эмоциональной, смысловой сфере личности и самосознанию. Утверждения, характеризующие религиозную ценностную ориентацию, исследовались также по 7-балльной шкале.

Таблица 1. Ценностные ориентации студентов БГУ (в процентах)

Ценностные ориентации	Высокие показатели	Средние показатели	Низкие показатели
1. ЦО на труд	20	70	10
2. ЦО на общение	20	73	7
3. ЦО на познание	27	67	6
4. ЦО на ОПД	17	63	20
5. ЦО на материальные ценности	50	43	7
6. ЦО на развитие нравственности	17	67	16
7. ЦО на развитие деловых качеств	20	63	17
8. ЦО на развитие волевых качеств	27	56	17
9. ЦО на развитие духовных качеств	27	60	13
10. Религиозная ЦО	20	60	20

Таким образом, достаточно высокими являются ценностные ориентации студентов *на материальные ценности (50%)*. Эти студенты ориентированы на достижение материальной обеспеченности, а именно: высокую заработную плату, собственное жилье, личный автомобиль, возможность красиво и со вкусом одеваться. В их представлении быть материально обеспеченным означает также продвижение по службе и хорошие взаимоотношения с «нужными» людьми.

Студентов с низким показателем ориентированности на материальные ценности в нашей выборке оказалось 7%. Для этих студентов материальная обеспеченность оказалась не столь значима. Эти студенты также не разделяют людей на «нужных» и «ненужных» для собственного продвижения по службе, т. е. не рассматривают людей как *средство* достижения чего-либо.

Для студентов университета также достаточно важны ценностные ориентации *на познание (27%)*. Такой же показатель характерен и для ценностных ориентаций *на развитие волевых и ду-*

ховных качеств (27%). Ценностные ориентации на познание свидетельствуют о стремлении студентов к самосовершенствованию, расширению своего кругозора, образованию, а ценностные ориентации на развитие волевых и духовных качеств отражают доминирование таких свойств, как настойчивость и упорство при преодолении препятствий, целеустремленность, а также скромность, бескорыстие, чувство собственного достоинства.

В нашей выборке оказались студенты с низкой ориентацией на познание (6%) и на общение (7%). Это означает, что большинство студентов все-таки заинтересовано в приобретении знаний, расширении кругозора, а также в удовлетворении потребности в общении, информированности. Для них характерно наличие таких свойств характера, которые способствуют общению: жизнерадостность, чувство юмора. Ориентация на общение предполагает также хорошие отношения с товарищами по работе или учебе. Но у 6% студентов отмечен низкий показатель ориентации на познание, учение. Это может объясняться разными факторами: неправильным выбором специальности, особенностями психического развития (рассеянность, повышенная отвлекаемость), низкой мотивацией (отсутствием интереса к предмету, его значимостью для личности) и др.

Низкий показатель ориентации на общение (7%) свидетельствует о том, что в группу испытуемых могут входить индивиды с разными ориентациями на общение, что может объясняться особенностями темперамента, характера, половыми и возрастными отличиями, эмоциональным состоянием (притяжение/отталкивание), численностью группы и иными причинами.

Относительно *религиозной ценностной ориентации* можно сделать вывод, что в группе есть студенты с высоким и с низким показателем. Такой результат закономерен, так как идейно-мировоззренческая среда светского учебного заведения достаточно разнородна в плане ценностных ориентаций, и в ней одновременно могут существовать ориентации, прямо противоположные по своему ценностному наполнению. Это объясняется отсутствием ярко выраженной религиозной, атеистической или какой-либо иной идеологии, а также мировоззренческим плюрализмом.

Результаты исследования утверждений, характеризующих религиозную ценностную ориентацию, показали, что у студентов БГУ наибольшую значимость имеет утверждение «*Стремиться к духовной чистоте, соблюдать заповеди Бога*» (4,16 балла), а наименьшую значимость – «*Совершать поступки во имя Бога*» (деятельность) (2,53 балла). Это означает, что для студентов университета важна такая форма реализации отношений с Богом, которая осуществляется посредством их нравственного совершенствования. Нравственное совершенствование – это одно из приоритетных направлений жизни человека. Поскольку студенты светского вуза, как правило, люди невоцерковленные, они понимают соблюдение заповедей Бога и стремление к духовной чистоте, прежде всего, в нравственном контексте – как индивидуальное совершенствование, что означает любовь к людям, уважение их, чуткость и искренность по отношению к ним, умение прощать их ошибки, а также способность прочувствовать чужую беду и помочь. В то же время студенты, как правило, не рассматривают свое стремление к нравственной чистоте как праведность в религиозном смысле, т. е. как следование конкретным заповедям Бога. Соответственно, сфера деятельности, понимаемая как служение Богу, имеет 2,53 балла.

Таким образом, ценностная ориентация личности тесно связана с ее смысловым наполнением, что детерминируют определенный образ жизни и определенные модели поведения.

Результаты исследования показали, что высокий показатель ориентации на материальные ценности находится в некотором противоречии с ориентациями на развитие волевых и духовных качеств. Это противоречие свидетельствует о рациональной направленности студентов. Современное студенчество, как и общество в целом, находится на стадии формирования нового типа культуры – культуры потребления, основными чертами которого являются многоаспектность, противоречивость и неустойчивость. В результате становления рыночных отношений появились новые модели поведения. Главной доминантой выступает рациональный подход к окружающему миру и духовным ценностям. Однако ядром этого подхода служит опора на традиционные духовные ценности и смысложизненные установки. Современное студенчество становится более практичным, прагматичным, демонстрирует рациональный стиль мышления и поведения, что все же не позволяет рассматривать его как абсолютно гомогенную группу. При общем векторе рационализации необходимо отметить наличие и иных ценностных ориентаций.

Литература и источники

1. Здравомыслов, А. Г., Ядов В. А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов // Социология в СССР: В 2 т. – Т.2. – М., 1966. – С. 187–207.
2. Ядов, В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / В. А. Ядов; отв. ред. Е. В. Шорохова. – М., 1975. – С. 89–105.

3.5 Начальное и среднее образование – фундамент интеллектуальной культуры

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ У ДЕТЕЙ

А. В. Савинова

На современном этапе развития общества важнейшими требованиями к человеку являются творческое мышление, самостоятельность и критичность ума, а также способность к усвоению больших объемов информации, меняющейся в кратчайшие сроки. В связи с этим педагоги в процессе обучения вынуждены особое внимание уделять формированию и развитию интеллектуальной культуры школьников. Одной из важнейших задач современной педагогики является не только передача знаний и умений, но и формирование способов активной познавательной деятельности как компонента интеллектуальной культуры.

В настоящий момент, четкого определения термина «интеллектуальная культура» не существует, поскольку данная область знания находится в процессе становления. В психолого-педагогическом аспекте мы будем понимать данный термин через ключевые компоненты, а именно – интеллектуальная культура включает в себя: готовность к непрерывному образованию, умение ставить цель познавательной (или учебной) деятельности, определять задачи этой деятельности, выбирать подходящие познавательные методы и операции, реализовывать их различными способами, а также производить корректировку и последующий анализ полученных результатов.

В формировании интеллектуальной культуры необходимо учитывать не только интеллектуальную среду, но и характер, особенности деятельности, в которой будет реализовываться и развиваться интеллектуальная культура. В рамках заявленной темы нами была поставлена задача: определить возможности познавательной игры в формировании интеллектуальной культуры учащихся.

Игра являлась неотъемлемой частью жизни человека во все времена. В процессе эволюционного развития человечества она претерпевала ряд изменений и совершенствовалась. В каждый исторический период игра использовалась по-разному и её цели различались, но она выполняла важную задачу – развитие у детей физических и умственных способностей.

Исследованием проблем детской игры занимались многие отечественные и зарубежные педагоги и психологи, такие как: К. Д. Ушинский, Л. С. Выготский, В. А. Сухомлинский, Ф. Рабле, Э. Роттердамский, Я. А. Коменский, Дж. Селли, К. Бюлер, В. Штерн, К. Гросс и др.

Представления об игре, отношение к ней и определение ее места в образовании всегда зависят от представлений о детстве в конкретной культурно-исторической эпохе. Она является естественным элементом человеческой культуры, закономерным результатом ее эволюции, творящим самого человека. Именно это свойство игры позволяет отнести ее к числу значимых и эффективных средств воспитания человека, его социализации, освоения им смыслов и ценностей культуры.

В психолого-педагогической литературе понятие «игра» чаще всего рассматривается, как традиционный, признанный метод воспитания детей. Игра способствует развитию детской личности. Она создает благоприятные условия для формирования значимых сторон психики, от которых напрямую будет зависеть успешность ребенка в области коммуникаций, а также в учебной и трудовой деятельности.

Существует множество классификаций игр, но наиболее развернутую предлагает Д. Б. Эльконин, он исходит из соотношения сюжетно-ролевого содержания и правил: первая группа – ими-

тационно-процессуальные игры и элементарные игры-упражнения, вторая группа – драматизированные игры по определенному сюжету, третья группа – игры с несложными правилами по сюжету, четвертая группа – игры с правилами без сюжета, пятая группа – спортивные игры и игры-упражнения с ориентировкой на определенные достижения [3, с. 187]. Игру можно и нужно рассматривать как один из методов обучения, где ребенок является равноправным партнером.

Анализ игровой деятельности позволил выделить ее особенности:

1. Наличие системы правил, которым необходимо подчиняться.
2. Поэтапность игровых действий.
3. Наличие определенной роли.
4. Наличие выигрыша и поражения.
5. Наличие оценочных действий.

Формирование интеллектуальной культуры предполагает развитие умственных способностей ребенка, т. е. его интеллекта. Для решения конкретной задачи наиболее подходящим видом игры является – познавательная (в некоторых источниках – интеллектуальная) игра. Игры данного типа рассчитаны на расширение представлений ребенка об окружающем мире, они учат его наблюдать, выделять основные признаки предметов, проводить мыслительные операции (такие как: анализ, синтез, сравнение, обобщение и т. д.), а также позволяют применять полученные знания на практике.

По своей структуре познавательная игра представляет собой специально созданные ситуации (задачи), которые требуют от участников максимального использования эмоциональных и умственных сил.

Ведущую роль в развитии интеллекта играет мышление – познавательный процесс, характеризующийся абстрактным, обобщенным отражением действительности, которое в свою очередь связано с другими познавательными процессами: вниманием, памятью, восприятием, воображением, ощущением.

Желание выиграть (азарт), выступая в качестве одного из основных компонентов, способствует актуализации мыслительной деятельности играющих. Что в свою очередь, в определенной степени способствует развитию интеллектуальной культуры у детей.

Процесс формирования и развития интеллектуальной культуры у детей наиболее успешно будет происходить в условиях совместной деятельности с педагогом (воспитателем) и группой сверстников в процессе познавательных игр, когда у ребенка появится необходимость сравнения и анализа собственных достижений на фоне общей результативности класса.

Таким образом, можно сделать вывод, что влияние познавательных игр на развитие интеллектуальной культуры детей обусловлено такими их особенностями:

– наличие стремления к победе, что присуще каждой игре (в том числе и познавательной), является лучшим стимулом для актуализации мыслительной деятельности играющих, а значит, играет ведущую роль в развитии интеллекта детей;

– одной из немаловажных особенностей, оказывающих влияние на развитие интеллектуальной культуры, является возможность коллективного взаимодействия в процессе познавательных игр;

– познавательная игра, как один из видов игр, благодаря своей структуре и многофункциональности, оказывает наиболее интенсивное влияние на развитие мыслительных процессов детей, что в свою очередь способствует развитию интеллектуальной культуры.

Однако, как показал анализ литературы, на сегодняшний день еще не существует готовых методик для определения уровня развития интеллектуальной культуры, что может заметно усложнить работу педагога по ее формированию. Данный факт позволяет заметно расширить область изучения выделенной нами проблемы.

Литература и источники

1. Иванова, В. П. Феноменология интеллектуальной культуры: общие характеристики / В. П. Иванова. – Томск, 2010.
2. Репринцева, Е. А. Педагогика игры: теория, история, практика / Е. А. Репринцева. Курск, 2005.
3. Эльконин, Д. Б. Психология игры / Д. Б. Эльконин. – М., 1999.

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ

М. Б. Полещук

В современном образовании, как никогда раньше, остро стоит вопрос эффективности и результативности процесса обучения. Как организовать проверку и оценку результатов обучения, чтобы получить объективную информацию о состоянии и качестве учебных достижений старшеклассников, спрогнозировать дальнейшую учебно-познавательную деятельность, провести коррекцию знаний? Эти вопросы волнуют каждого педагога, стремящегося получить достоверные сведения об усвоении школьниками учебного материала, о сформированности у них практических умений и навыков, о способности применять полученные знания в различных ситуациях.

Наряду с традиционными методиками сегодня все шире используется тестовые формы обучения и контроля знаний. Постепенно учителями начинает осознаваться явный приоритет тестовых технологий. Использование тестов делает обучение более эффективным, способствует индивидуализации обучения, активизирует познавательную деятельность, повышает мотивацию обучения, обеспечивает объективность и оперативность контроля знаний.

Согласно определению В.С.Аванесова, педагогический тест – это «система параллельных заданий равномерно возрастающей трудности и специфической формы, позволяющая оценить структуру и качественно измерить уровень подготовленности испытуемых» [1, с. 148]. По мнению многих авторов, занимающихся проблемами использования тестовых заданий в учебной деятельности (Басова Н. В., Беспалько В. П., Шамова Т. И., Чернова Ю. К. и др.), на сегодняшний день именно тестовые формы работы ближе всего соответствуют всем требованиям, предъявляемым к процессу обучения и контролю результатов учебной деятельности учащихся. Это их действенность, надежность и эффективность [2, с. 122].

Действенность теста подразумевает его результативность как при использовании с обучающей целью, так и с целью обобщения, закрепления и контроля знаний. На уроках обществоведения в 9–11 классах учитель может использовать тестовые задания во всех перечисленных направлениях, так как это помогает активизировать познавательную деятельность учащихся, создать определенное сотрудничество ученика и учителя в процессе освоения новых знаний, правильно организовать коррекционную работу по устранению пробелов знаний и достижения необходимого уровня успешности.

Надежность теста зависит от сложности их выполнения, которая определяется по количеству правильных и неправильных ответов на тестовые вопросы. Наибольшую практическую ценность имеют задания, на которые правильно отвечают 45–80% учащихся. В 10–11 классах, где уже присутствуют хорошо отработанные навыки работы с тестами, как правило, 80–90 % учащихся достаточно успешно справляются с различными видами тестовых заданий. Даже слабые ученики демонстрируют более высокие результаты при тестовых формах контроля, чем при традиционном опросе учебного материала в классе.

Эффективность теста – результат выполнения тестовых заданий учитель может проверить очень быстро с минимальными временными затратами как непосредственно сам, так и организовав для этого группу учащихся-экспертов или используя форму самопроверки знаний по предложенным ключам. Использование самих учащихся для взаимопроверки и самопроверки знаний, полученных на уроках, позволяет активизировать их познавательную деятельность, повышая их мотивацию и чувство ответственности.

Для того чтобы тесты отвечали всем предъявляемым к ним требованиям и оправдывали те надежды, которые на них возлагают, необходимо планомерное, систематическое использование тестов как на уроках по изучению нового материала, так и на уроках по обобщению и закреплению полученных знаний.

Начиная изучения обществоведения в 9-х классах, можно использовать на уроках обучающие тесты при работе с новым учебным материалом, которые помогут выработать у учащихся определенные навыки работы с различными типами тестовых заданий и вместе с тем, позволят наиболее эффективным способом изучить новый учебный материал. Можно также предложить учащимся в качестве домашнего задания самим составить тестовые задания и использовать их при проверке домашнего задания на следующем уроке или включить в тематический контроль знаний.

Обучающие тесты можно использовать и для актуализации знаний учащихся перед изучением новой темы. Данный вид работы станет тем связующим мостиком, который поможет учителю перейти к следующему этапу урока, активизируя познавательную деятельность ребят, настраивая их на изучение новой темы [3, с. 140].

Например, изучая тему «Основы семейного права» в 11 классе, с помощью таких тестовых заданий можно вспомнить, что такое брак, семья, функции семьи – все те знания, которые были получены учащимися в 10 классе при изучении темы «Семья в современном обществе».

Разрабатывая обобщающие уроки по обществоведению в 9–11 кл. с целью повторения и закрепления полученных знаний, лучше использовать тестовые задания открытого типа (или как их еще называют перспективные тесты). Они предполагают определенное творчество, рассчитаны на самостоятельность учащегося, позволяют разнообразить проверку знаний в содержательном плане, и способствует качественной оценке уровня подготовленности учащегося. К наиболее творческим заданиям такого типа относится группа заданий по заполнению и составлению схем, таблиц с имеющимися вариантами ответов либо без вариантов ответа, составление кроссвордов. Данный вид тестовых заданий создает деятельностную ситуацию, позволяющую учащемуся «выдать» максимальный объем своих знаний.

Кроме обучающих тестов широко используются и тестовые формы контроля знаний учащихся. По временному признаку тестовые формы контроля подразделяются на текущий контроль знаний и умений, тематический и итоговый контроль. *Текущий* контроль необходим для диагностирования хода образовательного процесса, сопоставления реально достигнутых на отдельных этапах результатов с предполагаемыми. Целью данного вида контроля является также своевременное определение пробелов в усвоении материала, стимулирование учебно-познавательной деятельности учащихся. Например, при изучении раздела «Экономическая жизнь общества» в 10 классе целесообразно использовать текущий контроль по темам «Деньги», «Собственность и доходы», «Рынок и рыночная экономика», которые содержат большое количество понятий, содержательных характеристик, документального материала.

Тематический контроль направлен не только на проверку усвоения отдельных элементов, но и на понимание системы, объединяющей эти элементы, т. е. всей изученной темы. Системность тематического контроля по обществоведению в 9, 10, 11 классах позволяет добиться качественных знаний и умения их активно применять.

Итоговый контроль осуществляется в конце изучения всего учебного материала. Его целью является обобщение и систематизация знаний, полученных учащимися по курсу обществоведения в 9, 10, 11 классах.

Работа с тестовыми заданиями на уроках обществоведения на протяжении 9–11 классов позволяет выработать необходимые знания, умения и навыки, которые активно используются учащимися не только на уроках, но и на предметных олимпиадах, централизованном тестировании.

Использование в едином комплексе тестовых форм работы и традиционных методов повторения и коррекции знаний позволят осуществлять преподавание наиболее оптимально.

Литература и источники

1. Аванесов, В. С. Применение заданий в тестовой форме в новых образовательных технологиях / В. С. Аванесов // Школьные технологии. – 2007. – №3. – С. 146–163.
2. Аванесов, В. С. Формы тестовых заданий: учебное пособие / В. С. Аванесов. – М., 2005.
3. Беспалько, В. П. Педагогический анализ некоторых популярных тестовых систем / В. П. Беспалько // Школьные технологии. – 2006. – №3. – С. 126–140.

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ РЕШАТЬ ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

С. В. Шиманович

Одной из важнейших проблем обучения математике является формирование умения решать текстовые задачи. И это естественно, так как решение задач – это продукт творческий, требующий

продуктивной деятельности. Велика роль задач в развитии мышления, памяти, внимания, творческого воображения, наблюдательности, последовательности рассуждения и его доказательности; развитии умения кратко, чётко и правильно излагать свои мысли; в формировании у детей умений и навыков в практических применениях математики.

Текстовая задача – это связанный лаконичный рассказ, в котором введены значения некоторых величин и предлагается отыскать другие неизвестные значения величин, зависящие от данных и связанные с ними определёнными отношениями, указанными в условии. Каждая задача – это единство условия и вопроса. Если нет одного из компонентов, то нет и задачи [1, с. 77].

Научить детей решать задачи – значит научить их устанавливать связи между данными и искомым, и в соответствии с этим выбрать арифметические действия. Чтобы добиться этого, учитель должен предусмотреть такие ступени:

1. Подготовительная работа к решению задач. На этой ступени учащиеся должны усвоить знание связей, на основе которых выбираются арифметические действия, знание объектов и жизненных ситуаций, о которых говорится в задаче. Кроме того ученики должны усвоить понятия и термины, относящиеся к самой задаче и её решению (задача, условие задачи, вопрос, решение, ответ). При работе над каждым видом задач требуется своя специальная подготовительная работа.

2. Ознакомление с решением задач. На этой ступени дети учатся устанавливать связи между данными и искомыми и на этой основе выбирать арифметические действия, то есть учатся переходить от конкретной ситуации к выбору арифметического действия. В результате такой работы учащиеся знакомятся со способом решения задач.

На этой ступени выделяются следующие этапы:

1 этап – ознакомление с содержанием задачи. Это значит прочитать задачу, делая ударения на числовых данных и на словах, которые определяют выбор действий, выделить интонацией вопрос. Если встречаются непонятные слова, их надо пояснить.

2 этап – поиск решения. Ученики должны выделить величины, установить связи между ними и выбрать на этой основе арифметические действия. Поиск решения осуществляется с помощью моделирования задачи, что позволяет сделать каждую задачу развивающей, нестандартной, многогранной. Модель даёт наглядное представление о задаче и создаёт благоприятные условия для её анализа.

3 этап – решение задачи. Это выполнение арифметических действий, выбранных при анализе задачи. При этом обязательны пояснения, что находим, выполняя каждое действие. Запись решения может быть в виде отдельных действий или выражения.

4 этап – проверка решения задач. Это значит установить, что оно правильно или ошибочно. Используются такие способы проверки как составление и решение обратной задачи, решение задачи другим способом [2, с. 20].

Для правильного обобщения умения решать задачи большое значение имеет система подбора и расположения задач. Прежде всего, задачи должны постепенно усложняться. Ещё одним важным условием является решение достаточного количества задач. Упражнения по составлению и преобразованию задач является чрезвычайно эффективным для обобщения способа их решения. Следует подчеркнуть, что в реальном процессе решения задачи отмеченные ступени и этапы не имеют чётких границ и не всегда выполняются одинаково полно. Это зависит от степени изученности задачи данного вида.

Существует очень много видов дополнительной работы над задачей. Целью этой работы может быть выявление особенностей способа решения задач, обучение элементам исследования задачи, обучение умению обосновывать правильность решения задачи. Назовем некоторые виды дополнительной работы над задачей.

1. Измени условие задачи так, чтобы она решалась другим действием.
2. Постановка вопросов, ответы на которые ещё можно найти по данному условию.
3. Сравнение содержаний задач.
4. Изменение числовых данных так, чтобы появился новый способ решения или, наоборот, чтобы один из способов решения стал невозможен.
5. Исследование решения. (Сколько способов? При каких условиях?)
6. Пояснение готовых способов решения.
7. Соотнесения пояснения с решением.
8. Продолжение начатого способа решения.

9. Установление соответствия между содержанием задачи и рисунком или наоборот.
10. Нахождение ошибок в рисунке, чертеже, таблице, решении.
11. Классификация простых задач по действиям.
12. Выбор задач, ответ на вопрос которых может быть найден заданной последовательностью действий.
13. Выбор задач, при решении которых необходимо применить данные вычислительные приёмы.
14. Исключение из текста задачи лишних данных, лишних условий.
15. Дополнение содержания задачи недостающими данным или отношениями.
16. Составление задач самими учащимися [3, с. 26].

Перечисленные виды работы можно дополнять. Нам же хотелось обратить внимание на многообразие видов и форм работы с задачей, использование которых сделает встречу учащихся с задачами интересной и увлекательной. В результате проводимой работы по решению задач у детей значительно повышается общая математическая культура, активность, а также возрастает интерес к математике.

Литература и источники

1. Артемов, А. К. Теоретико-методические особенности поиска способов решения математических задач / А. К. Артемов // Начальная школа. – 1998. – № 11. – С. 74–81.
2. Вычужанина, О. В. Решать задачи стало интересно / О. В. Вычужанина // Начальная школа. – 1999. – № 9. – С. 19–22.
3. Артемов, А. К. Формирование обобщенных умений решать задачи / А. К. Артемов // Начальная школа. – 1992. – № 2. – С. 25–28.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В. Л. Горовец

Аутентичные видеоматериалы обладают большими потенциальными возможностями для решения учебных, образовательных задач при правильно организованном занятии педагогом. Обладая большой информативностью материала, видеофрагменты создают атмосферу реальной языковой коммуникации и способны обеспечить успешное восприятие обучающимися иноязычной речи, повысить мотивацию к изучению иностранного языка

Следует отметить психологические преимущества использования видеофильмов. Зрение воспринимает больший объём информации, чем другие органы чувств. По данным ученых более 60% информации поступает к нам через зрение и слух, которые являются самыми мощными и эффективными каналами передачи и приема информации. Видеофрагменты дают возможность продемонстрировать не только звуковую сторону речи, но также её экстралингвистические компоненты и паралингвистические явления (жесты, мимику, телодвижения) несущих соответствующую информационную нагрузку в речевом отношении, отсутствие которых делает речь искусственной, механической. Помимо преимуществ необходимо принимать во внимание сложности, с которыми можно столкнуться при использовании видео. К ним относятся: материально-техническое обеспечение, трудоемкий процесс подготовки, требующий больших затрат времени. Особо следует отметить, что работа с видеосюжетами предъявляет высокие требования к преподавателю, предполагая гибкость его мышления, нестандартное поведение, быструю реакцию на возникновение незапланированных ситуаций на занятии [1, с. 33].

При выборе видеоматериала следует руководствоваться следующими критериями:

1. содержание ролика должно соответствовать требованиям содержания учебной программы;
2. речь персонажей или диктора должна быть четкой и не слишком быстрой, хорошо прослушиваться;

3. язык должен быть современным, соответствующим требованиям и нормам литературного языка, с наличием естественных пауз между высказываниями; сам текст не должен быть перегружен новыми словами, выражениями и незнакомыми жестами;

4. изображение фильма должно быть четким и качественным;

5. длина видео ролика не должна быть длиннее 10 минут, а его сюжет обязательно должен быть законченным.

При использовании видеосюжетов так же необходимо соблюдать ряд условий:

1. применяемый видеоматериал должен соответствовать уровню знаний учащихся;

2. просмотр должен быть организован таким образом, чтобы все учащиеся могли хорошо видеть демонстрируемый видеоматериал;

3. детально продумывать пояснения, даваемые в ходе демонстрации видеоматериала;

4. задания к видеосюжету должны быть разработаны таким образом, чтобы пробудить интерес к фильму, облегчить его понимание и избежать пассивности во время просмотра демонстрируемого материала [2, с. 33].

Эффективность работы так же зависит от рационально организованной структуры видеозанятия. Выделяют три основных этапа работы с видеотекстами:

1. преддемонстрационный этап;

2. демонстрационный этап;

3. последемонстрационный этап.

Целью преддемонстрационного этапа является снятие возможных языковых и лингвострановедческих трудностей, мотивация и подготовка учащихся к успешному выполнению последующих заданий. Преддемонстрационный этап может включать языковой и смысловой уровни. Языковой уровень связан со снятием лексических и грамматических трудностей, смысловой – с прогнозированием и структурированием содержания. Работу на преддемонстрационном этапе следует начинать с создания мотива к просмотру видеосюжета. Это можно сделать за счет краткого введения учащихся в проблематику, указав на ее значимость и актуальность таким образом, чтобы вызвать интерес у обучающихся, уточнив ее роль и место как в жизни общества, так и для них самих, что будет стимулировать активизацию личного опыта учащихся, их знаний и умений на присущем им уровне. Выявление и активизация личного опыта, знаний и умений может достигаться за счет умения прогнозирования или предположения о содержании текста [3, с. 15]. Задания на антиципацию содержания могут быть основаны на обобщении ранее полученных знаний по теме, особенностях заголовка, беглом просмотре части фильма без звука, списке новых слов с дефинициями, предъявляемом до текста, содержании вопросов или правильных/ложных утверждений. Поскольку мы имеем дело с аутентичным неадаптированным видеосюжетом, необходимо брать во внимание то, что он предполагает некоторое количество нового лексического материала. Работу по семантизации незнакомого слова можно начинать с упражнений, направленных на развитие языковой догадки, и здесь уместно использовать упражнения на предположение его значения из контекста. Так же можно использовать анализ слова по словообразовательным элементам, различные графические, языковые и смысловые опоры.

Основная цель демонстрационного этапа – обеспечить дальнейшее развитие языковой, речевой или социокультурной компетенций учащихся с учетом их реальных возможностей иноязычного общения. В случае неоднократного просмотра после первой демонстрации проводится первый контроль понимания отдельных слов, фраз. Видеозапись дает возможность использовать кнопку «пауза» и перемотку видеозаписи в обратную сторону, что позволяет добиться адекватного понимания и выполнения поставленных коммуникативных задач. Во время вторичного просмотра учитель добивается детального понимания содержания видеотекста. Следует учитывать, что такие задания как: «верные и неверные утверждения» либо «выберите один правильный вариант из предложенных» являются наиболее простым способом проверки понимания, однако, не развивают умения говорить. В то время как ответы на вопросы, предложенные до просмотра, позволяют организовать беседу, либо дискуссию по содержанию видеофрагмента. Демонстрация фильма сопровождается активной учебной деятельностью учащихся, во время которой происходит параллельная работа над различными типами заданий, например: ответьте на вопросы; прослушайте фрагмент текста и найдите место его пропуска в соответствующем графическом тексте; расставьте номера в соответствии с логической последовательностью повествования видеотекста [4, с. 12].

Целью последемонстрационного этапа является контроль понимания содержания видеофрагмента и развития навыка говорения на основе данного видеосюжета. Данный этап может включать репродуктивные упражнения, которые целесообразно предложить учащимся с низким и средним уровнем языковой компетенции, например: какие из следующих высказываний не соответствуют содержанию видеосюжета; ответьте на следующие вопросы. Учитель сначала может предложить общие, разделительные вопросы, после которых могут следовать альтернативные и специальные вопросы. Обучающимся с высоким уровнем языковой компетенции могут быть предложены продуктивные упражнения, направленные на организацию речевой творческой деятельности. К этому виду заданий относятся пересказ текста (сжатый, выборочный или дифференцированный); обсуждение проблем видеосюжета; преобразование материала (например, просмотр отрывка теленовостей, после которого делается его письменное представление, на основе которого впоследствии составляется рассказ); решение проблемных задач (отбор информации с определенной целью, анализ, аргументация, опровержение, доказательство, выделение главного); проектные задания; дебаты; драматизация; озвучивание просмотренного видеосюжета. Данные упражнения предполагают неподготовленную речь, которая осуществляется в индивидуальном, парном или /и групповом режимах, где содержание видеофрагмента служит смысловой опорой и стимулом к говорению. Просмотренный сюжетный видеофильм становится отправной точкой для самостоятельных творческих высказываний учащихся. Видео может также служить основой для развития письменной речи. После просмотра видеофрагмента учащимся можно предложить написать письменный пересказ, используя свои записи как опору, дать письменную характеристику героям, описывать место и время действия.

Из всего сказанного выше, можно сделать вывод, что аудиовизуальные средства обучения позволяют приспособить процесс обучения к индивидуальным особенностям учащихся, повышают эффективность усвоения материала учащимися, поскольку позволяют предъявлять учащимся устную речь во всех её формах и проявлениях одновременно с динамическим изображением тех жизненных ситуаций, в которых она функционирует. Так же создаются благоприятные условия для реализации «проблемности» обучения, активизации познавательной деятельности, повышения интеллектуального уровня и расширения кругозора учащихся.

Литература и источники

1. Мятова, М. И. Использование видеофильма в обучении иностранному языку в средней общеобразовательной школе / М. И. Мятова // Иностранные языки в школе. – 2006. – №6. – С. 31–39.
2. Верисокин, Ю. И. Видеофильм как средство мотивации школьников при обучении иностранному языку / Ю. И. Верисокин // Иностранные языки в школе. – 2003. – №5. – С. 31–34.
3. Барменкова, О. И. Видеозанятия в системе обучения иностранной речи / О. И. Барменкова // Иностранные языки в школе. – 2003. – №3. – С. 13–19.
4. Смирнов, И. Б. Развитие устной речи учащихся на основе аутентичного художественного фильма / И. Б. Смирнов // Иностранные языки в школе. – 2006. – №4. – С. 11–14.

СОЧЕТАНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ И ГРУППОВОЙ ФОРМЫ РАБОТЫ НА УРОКАХ БИОЛОГИИ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА УЧАЩИХСЯ

Е. К. Ситько

Проблемное обучение – организованный преподавателем способ активного взаимодействия ученика с проблемно-представленным содержанием обучения. [1, с. 11]. В основу проблемного обучения легли идеи американского психолога, философа и педагога Дж. Дьюи. В разработке принципиальных положений концепции проблемного обучения в разное время активное участие принимали: Т. В. Кудрявцев, И. Я. Лернер, А. М. Матюшкин, М. И. Махмутов, М. Н. Скаткин и другие. Проблемное обучение основано на психологии мышления. А именно: мышление не сводится лишь к функционированию готовых знаний. Само мышление – это процесс непрерывного взаимодействия человека с объектом познания и включает анализ и синтез, абстрагирование и обобщение [2, с. 17]. Столкнувшись с проблемной ситуацией – интеллектуальным затруднением

человека, когда он не находит объяснения какому-то факту, явлению, процессу, а известные способы действия не обеспечивают достижения цели, человек начинает искать новые. Таким образом, проблемная ситуация – это ситуация конфликта между знаниями как прошлым опытом и незнанием того, как объяснить новые явления. Это затруднение и является условием возникновения познавательной потребности. Психологи признают, что начало и источник творческого мышления – это проблемная ситуация. В организации проблемного обучения на своих уроках нами используются проблемные вопросы, задачи, задания.

Проблемный вопрос – это вопрос, на который у ученика нет заранее готового ответа, этот ответ ученик ищет самостоятельно. В отличие от обычного, проблемный вопрос не предполагает простого вспоминания и воспроизведения знаний. Здесь важно не допустить ошибку. Зачастую проблемным считают любой вопрос, вызывающий хоть какое-то затруднение у школьников, но это не так. Например, при изучении темы «Сенсорные системы» сначала учащиеся знакомятся с различными классификациями рецепторов (по положению, функциям). Затем ученикам предлагается объяснить, почему терморепцепторы кожи не называют органом чувств, а глаз или ухо можно так назвать. На первый взгляд, очень простое задание, но после нескольких высказываний ребята приходят к выводу, что для объяснения им не хватает точного определения понятию «орган чувств». Вот этот вопрос о сути понятия “орган чувств” и является проблемным. Он отражает внутреннее субъективное противоречие между тем объемом знаний, которые имеются у ребят и недостаточностью этих знаний для объяснения предложенного факта. Возникает необходимость в поиске дополнительного знания – познавательная мотивация.

Проблемная задача – это форма организации учебного материала с заранее заданными условиями и неизвестными данными. Поиск этих данных предполагает от учащихся активную мыслительную деятельность, анализ фактов, выяснение причин происхождения объектов и их причинно-следственных связей. Решение такой задачи может быть в форме словесного рассуждения, математических расчетов, поисковой лабораторной работы. Проблемная задача имеет поисковый характер, иногда – оригинальное решение; для ее решения нет образцов или алгоритмов.

Проблемное задание – это элемент учебного процесса, дающий учащимся указания, которые предлагаются для их самостоятельной поисково-познавательной деятельности. Проблемные задания выполняются в формах поиска, сочинительства, изобретательства, эксперимента, моделирования и других формах. Например, изучение зоологии происходит по блокам: земноводные, пресмыкающиеся, млекопитающие и т. п. После изучения очередного блока я предлагала ученикам следующее: «Вы хорошо изучили скелет, кровеносную систему и прочие системы земноводных, вы знаете, что первые пресмыкающиеся произошли от земноводных, давайте представим, как изменились системы органов этих животных в процессе эволюции. Измените рисунок скелета (кровеносной системы) земноводного, превратив его в пресмыкающееся». Вновь возникает противоречие между тем объемом знаний, которые имеются у ребят и недостаточностью этих знаний для выполнения задания. Возникает необходимость в поиске дополнительного знания – познавательная мотивация.

На наш взгляд, в технологию проблемного обучения, как ни в какую другую, вписывается *групповая форма работы*. Ведь, решая проблему, необходимо её обсуждать. Как известно, «в споре рождается истина». Но, важно не допустить типичных ошибок в применении данной формы работы в школе. Важно помнить, группа – не компания людей, весело сидящих рядом. У группы должно быть четкое задание, цель, учебно-проблемная задача, сформулированная либо педагогом, либо, что в идеале, детьми. Должен быть план деятельности. В группе должны быть распределены роли, поначалу это может делать педагог, особенно в младших классах, но, желательно, – сами участники. Деятельность группы должна иметь выход, т. е. быть представлена классу – выступление у доски, отчеты, выход учеников из одной группы в другую с объяснением, иллюстрацией деятельности. Все участники группы должны быть задействованы в презентации своей деятельности. Могут вводиться ограничения, один участник группы – один ответ, выступление от группы.

Групповая форма работы идеальна на уроках – для обобщения и ознакомления с новым, где создается проблемная ситуация. При обучении старшеклассников используются такие формы групповой деятельности по постановке и решению проблемы, как: «малые группы (альтернативы)» «мозговой штурм» и прочие.

Проблемное обучение в групповой деятельности учит мыслить логично, диалектически,

творчески, развивает самостоятельность, ответственность, критичность и самокритичность, инициативность, нестандартность мышления, осторожность и решительность, ряд коммуникативных навыков, более эмоционально вызывает глубокие интеллектуальные чувства, в том числе чувство радостного удовлетворения, чувство уверенности в своих возможностях и силах, чувства ответственности за товарища, за коллектив, увлекает школьников, формирует серьезный интерес учащихся к научному знанию; самостоятельно, в ходе спора, дискуссии «открытые» истины запоминаются надолго [3, с. 45].

Вместе с тем проблемное обучение в групповой деятельности имеет и ряд недостатков. На осмысление и поиски путей решения проблемы, обсуждение ее в группе уходит значительно больше времени, чем при традиционном обучении. Такая работа требует и от преподавателя много времени, большой подготовки, переосмысления материала. Подходит данная технология и формы работы далеко не ко всем темам. Но системность применения проблемного обучения совсем не означает, что его должно быть как можно больше. По нашему мнению, работать ежеурочно с одной технологией, одной формой работы невозможно и неинтересно, однообразие портит даже самое прекрасное, должна сохраняться интрига, тогда и преподавание будет успешным.

Литература и источники

1. Кудрявцев, В. Т. Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы / В. Т. Кудрявцев. – М., 1991.
2. Брушлинский, А. В. Психология мышления и проблемное обучение / А. В. Брушлинский. – М., 1983.
3. Матюшкин, А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении / А. М. Матюшкин. – М., 1972.

3.6 Личностные и профессиональные компетенции педагога средней и высшей школы

ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА– ОБЩЕСТВОВЕДА

М. И. Вишневецкий

Современный педагог выступает не просто учителем-предметником, а прежде всего полномочным представителем культуры общества, и это налагает на него высокую ответственность в плане его собственной интеллектуальной культуры. Обособление и последующее относительно самостоятельное развитие различных наук об обществе и о человеке, других форм специализированной деятельности ставит перед системой образования в целом и в первую очередь перед педагогами задачу конструктивной интеграции передаваемых новым поколениям людей знаний и социально значимого опыта.

Связать воедино на уровне, доступном школьникам, различные формы социального и личностного опыта, представленного соответствующими знаниями, способами деятельности, опытом творчества, эмоционального переживания бытия и оценки происходящего, призван преподаваемый в Беларуси учебный предмет «Обществоведение». На этапе получения высшего образования соответствующую задачу решает цикл социально-гуманитарных дисциплин, ключевым, системообразующим компонентом которого призвана быть философия.

В современной философии все более широкое распространение получают интегративные подходы, имеющие преимущественно прикладной характер и преодолевающие барьеры между альтернативными или просто разнородными теоретико-мировоззренческими позициями. Это может быть истолковано как поэтапное сближение теоретической в своих основаниях философской мысли и жизненно-практических исканий, пронизывающих мир повседневности и способствующих усилению инновационной направленности мировоззрения людей. Для формирования готовности к инновациям важно, прежде всего, расшатать стереотипы, ослабить познавательные барьеры, понять условность разделительных линий между разными областями человеческой деятельности. Инновация всегда есть творческий синтез, предполагающий и создание новых элементов, и связывание в новую целостность элементов, уже наличествовавших ранее. Требования, предъявляемые жизнью к педагогам-обществоведам в этом плане, особенно высоки. Их призвание состоит в

том, чтобы готовить людей, получающих образование, к творческому созиданию новых форм жизни на основе осознанного и ответственного отношения к социальной действительности, понимания не только ближайших, но и отдаленных последствий осуществляемых действий.

Обретение определенной самостоятельности экономическими, политическими, правовыми и социальными науками, а также педагогикой, психологией, культурологией, религиоведением и др. путем выделения, как правило, из философии произошло, по историческим меркам, сравнительно недавно. Обособившись, эти науки стали формировать свои специфические картины социальной действительности. Стимулы развития каждая из этих наук черпает как из связей с соответствующей областью социальной практики, так и из внутренней логики выдвижения и решения исследовательских задач, многие из которых весьма широки и междисциплинарны. Современная наука имеет, конечно, отчетливо выраженную дисциплинарную организацию. Это во многом связано с внутринаучными потребностями, которые диктуют формирование отраслевых профессиональных сообществ, выработку парадигмальных и организационных основ работы ученых и их коммуникации, использование определенных критериев оценки и признания результативности научного труда, наконец, формирование и функционирование сложного социально-культурного механизма подготовки новых кадров исследователей.

Специалисты вправе сделать вывод о том, что обособление конкретных социально-гуманитарных наук было во многом весьма результативным; однако оно привело также к возникновению целого ряда проблем, имеющих важное мировоззренческое и образовательное измерение. Связаны эти проблемы прежде всего с необычайно возросшей сложностью и, так сказать, мозаичностью, неоднородностью картины общественной жизни, складывающейся на такой основе в сознании не только специалистов-обществоведов, но и любого образованного человека.

В ответ на возникающую опасность «не разглядеть за деревьями леса» в социально-гуманитарном познании стали формироваться многочисленные переходные, пограничные отрасли исследования. Нередко им соответствуют интегральные формы практической деятельности (политическая социология и экономическая социология – с одной стороны, социальная политика и экономическая политика – с другой; аналогично педагогическая психология, психология управления, экономика образования и т. д.). Подобные междисциплинарные отрасли базируются на материалах, которые хотя и близки между собой, однако не вполне совпадают по характеру и способам их получения. Все эти сравнительно новые отрасли вместе с традиционными, ранее сложившимися науками об обществе и человеке дают, так сказать, особые познавательные срезы социального бытия, не исчерпывающие, однако, даже взятые в совокупности, его целостность. Из них еще надо уметь (и стремиться) составить интегральную картину жизни общества и человека.

Вместе с тем, в системе высшего образования специализация социально-гуманитарных дисциплин пустила глубокие корни и породила прочные традиции кафедральной организации научной и педагогической деятельности. В последние десятилетия расширился перечень изучаемых социально-гуманитарных дисциплин; цикл данных дисциплин значительно разросся, и неизбежно встал вопрос о его коррекции. Происходит она в наши дни в условиях, когда по многим специальностям срок обучения на первой ступени высшего образования сокращен на год. Уменьшилось и количество аудиторных занятий, отводимых эти дисциплины. Не только внутренняя логика развития научного познания, но и внешние обстоятельства, задающие, так сказать, рамки образовательной деятельности на уровне высшей школы, побуждают двигаться по пути осуществления междисциплинарного синтеза в сфере социально-гуманитарного образования.

По существу речь идет о том, чтобы концептуально выразить или хотя бы осветить в качестве первоочередной проблемы реальную интегративность феноменов общественного и индивидуального бытия, взаимопроникновение различных его сторон, которые так усердно изучаются в их разрозненности или даже искусственной обособленности. И здесь ключевое значение приобретает качество философского образования современных специалистов, в том числе и, может быть, в первую очередь педагогов-обществоведов. Ведь именно в философии нормой жизни являются непрестанные дискуссии между сторонниками разнородных по своим основоположениям теоретико-мировоззренческих концепций, которые создают, вместе с тем, убеждение в некоем глубинном взаимодополнении этих противоположных воззрений [1]. Неотъемлемым элементом интеллектуальной культуры современного гуманитария, ученого и педагога, является навык и стремление к ведению плодотворного мировоззренческого диалога, основанного на уважении к позиции оппонента, внимании к его рациональным доводам.

В сфере социально-гуманитарного образования возникают, конечно, и проблемы идеологического характера. Известно высказывание о том, что если бы геометрия непосредственно затрагивала интересы людей, то в ней не было бы ни одной теоремы, доказательство которой всеми признавалось бы правильным. Интересы людей концентрированно и обобщенно выражаются в соответствующих идеологиях. Ни экономическая теория, ни социология, ни политология и науки о праве, ни культурологические и иные, родственные им дисциплины не могут быть полностью идеологически нейтральными. Поэтому трудно надеяться на то, что в общественных науках удастся достичь такого же парадигмального согласия, которое устанавливается в естественных или технических науках в период их «нормального» развития. Борьба идеологий как столкновение интересов, имеющее место не только в политике, но и в других сферах жизни, не должна, однако, деформировать жизни высшей, а тем более общеобразовательной школы. И здесь мы вновь должны констатировать актуальность проблемы формирования зрелого диалогического мышления ученых и педагогов как существенного компонента их интеллектуальной культуры.

В заключение отметим, что обособление социально-гуманитарных наук от философии никогда не было полным и безоговорочным. У действительных профессионалов, занимающихся их разработкой, сохраняется ощущение и понимание того, что особые области их деятельности – это всего лишь части совокупного пространства культуры, в котором не должно быть разрывов и осмыслением которого в целом призвана заниматься философия.

Литература и источники

1. Вишневский, М. И. Философский синтез как мировоззренческая основа образования / М. И. Вишневский. – Могилев, 1999.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

А. С. Баранова

На современном этапе весьма актуальной является проблема интеллектуального развития личности, формирования интеллектуальной культуры педагога, призванного решать задачи сохранения и совершенствования интеллектуального потенциала общества.

Существуют различные трактовки проблемы интеллекта. В современных условиях особенно актуальна точка зрения В. Штерна, который определял интеллект как общую способность индивидуума осознанно настраивать своё мышление на возникшие требования, как общую умственную приспособляемость к новым задачам и условиям деятельности. Современная парадигма образования требует усиления интеллектуальных навыков (прогностических навыков проектирования, моделирования образования, его верификации), а также психодидактических способностей: самоисследования, исследования способностей других, выбора личностно-ориентированной модели и индивидуальной траектории обучения, развития стратегического и ситуативного мышления. Владение новой гуманистической парадигмой предполагает переосмысление имеющихся знаний, представлений с учётом вариабельности взглядов на проблему. Например, наличие и дальнейшее совершенствование интеллектуальной культуры поможет усовершенствовать положительные стороны экзистенциального подхода в образовании, проработать и осмыслить собственную экзистенцию, охранять экзистенцию учащихся, студентов. Развитие интеллектуальных инициатив учащихся, студентов осуществляется в результате развития собственной интеллектуальной инициативы.

Интеллектуальная культура предполагает модификацию своего образования с учётом своих интеллектуальных потребностей и с целью индивидуализации творчества. Формирование интеллектуальной культуры будущего педагога предполагает развитие исследовательских навыков, знание психологии творческой деятельности в условиях сложившейся социокультурной ситуации, углубление самопознания, изучение личностных характеристик обучаемого, поиск соответствия применяемой технологии обучения индивидуальным особенностям учащихся и студентов, разработку стратегии личностного роста.

В настоящее время возникла проблема регресса интеллекта: поисковый интеллект развивается в ущерб аналитическому. В связи с этим особую актуальность приобретают интеллектуальная

гибкость, мобильность, логичность, ассоциативность мышления, позволяющие установить причинно-следственные связи, обосновать модели определённых явлений, предвидеть последствия, создать новые конструкты, идеи. Возникла также проблема виртуального интеллекта, который моделирует мир по своему желанию, что упрощает процесс решения возникающих задач. Реальная действительность гораздо богаче, сложнее, имеет элемент непредсказуемости. Сегодня нужны специалисты, способные решать проблемы как виртуального, так и реального мира. Педагогическая осведомлённость способствует формированию интеллектуальной культуры и выступает как педагогический конструкт, который включает знание новой педагогической терминологии, развитие психических способностей (внимание, память, мышление), умение рефлексировать (фиксировать и закреплять удачные формы работы, избавляться от неудачных), поиск новых форм и методов обучения и воспитания. Открытость новому педагогическому опыту требует развития интеллектуальных умений, навыков, способностей, инициатив. Это необходимо и в связи с тем, что замкнутая педагогическая система отдельного педагога может подвергнуться разрушению, этому всемирному закону замкнутых систем.

В современных условиях необходимо овладение интеллектуальными навыками разумного ограничения с целью выработки конкретного и точного мышления (отбор и выбор учебного, исследовательского, опытно-экспериментального материала по определённой теме), навыками типизации (выбор типичного в обучении, исследовании), стандартизации, разумной унификации (единообразие) учебных программ, дипломов в связи с проблемой их эквивалентности, признания в различных странах.

Формирование интеллектуальной культуры будущего педагога предполагает развитие системного мышления, овладение методологией системно-деятельностного подхода, который выражается в интеллектуальном умении видеть явление в системе и в действии.

Развитию интеллектуальной культуры будущего педагога способствуют интерактивные лекции, предполагающие блоки осмысления определённой дозы информации посредством установок – вопросов типа «да, но проблема в том...», «это удивительно, потому что...», «что бы это означало в ином плане?», «что это даёт для моего интеллектуального роста?». Необходимо развитие альтернативного мышления с помощью вопросов и заданий, предполагающих альтернативные ответы, пути, способы решения проблемы.

Формирование интеллектуальной культуры предполагает овладение проблемно-задачной технологией, знание особенностей психолого-педагогических, социально-экономических, инженерно-технических (изобретательских, конструкторских, исследовательских) задач. Оригинальное, нестандартное мышление необходимо сочетать с конструктивным сотрудничеством, навыками межкультурной и поликультурной коммуникации. Это актуально в связи с тем, что наиболее динамично развивающимся сектором мировой экономики является рынок телекоммуникаций.

Совершенство интеллектуальной культуры проявляется в умении мыслить самостоятельно, критически и творчески, анализировать и оценивать нестандартные ситуации, принимать нужные решения, в обладании эвристическими способностями.

Вместе с тем сегодня существует реальная угроза фальсификации образования, следовательно, интеллектуальному развитию личности. В условиях использования Интернета, информационных технологий, мобильной связи, электронных справочников, карманных компьютеров усложняются способы формирования интеллектуальной культуры учащихся, студентов, умения думать самостоятельно, творчески. Обилие получаемой информации, готовых решений, материалов не всегда сочетается с их осмыслением, поиском самостоятельных ответов на поставленные вопросы.

Уровень интеллекта определяется умением принимать решения при дефиците или недостатке информации. В условиях лавинообразного потока информации на фоне стремительного развития информационных и коммуникационных технологий, биотехнологий, роботизации, чипизации людей необходимы специфические формы развития интеллекта, умения видеть проблемы, находить способы их решения. В связи с развитием новой интеллектуальной техники, изучением сложных систем усиливаются такие интеллектуальные действия, как предвидение, символизация, алгоритмизация, моделирование. Интеллектуальные процессы познания, преобразования, оценивания, коммуникации становятся достаточно специфическими.

Интеллектуальная культура будущего педагога предполагает наличие интеллектуальной гибкости – способности быстро и легко переходить от одного класса явлений к другому, умения

найти способ конструктивного решения проблемы. Развитие интеллектуальной гибкости способствует преодолению стереотипности, авторитарности, ригидности мышления. В результате повышается эффективность педагогической деятельности, улучшается взаимопонимание педагога и учащихся. Интеллектуальная гибкость преподавателя формирует интеллектуальную гибкость учащихся, студентов. Развитие интеллектуальной гибкости создаёт индивидуальный «интеллектуальный» стиль. Для составления индивидуальной программы развития интеллектуальной гибкости необходимо продиагностировать уровень интеллектуального развития личности в тесной связи с типом ВНД (сильный, слабый, средний), типом темперамента, мышления, подвижностью нервных процессов, уровнем самооценки, отношением к прогрессу, прочностью границ психики.

Формирование интеллектуальной культуры, для которой характерны мобильность, гибкость, открытость мышления, необходимо для овладения новой образовательной парадигмой – открытым образованием. Системы открытого образования характеризуются гибкостью, мобильностью, хорошей адаптацией к быстрым изменениям внешних условий и требуют соответствующего интеллектуального уровня педагогов.

Литература и источники

1. Информационные сетевые технологии – образовательная среда XXI века. – Минск, 2003.
2. Проблемы и перспективы повышения квалификации научно-педагогических кадров: методологические аспекты. – Минск, 2004.
3. Современные технологии последиplomного образования: проблемы и перспективы: материалы Республиканской научно-методической конференции, Минск, 25–26 марта 2004 г. – Минск, 2004.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. И. Филиппов

Перед современным высшим профессиональным образованием стоят задачи, решение которых затруднительно без мобилизации усилий, капитализации социального капитала всех субъектов социального пространства образовательных организаций. Социальный капитал образовательных организаций, в основе которого лежат тесные индивидуальные связи, взаимоотношения доверия и уважения, а также общность корпоративной культуры, становится важным конкурентным преимуществом, которое способно не только реализовать потенциал образовательной организации, но и помочь обществу в решении насущных социальных проблем [1].

Результат изучения научной литературы показывает, что социальная эффективность человека в большей мере определяется объемом его социального капитала, включающего в себя совокупность возможностей [2], обусловленных его принадлежностью к «горизонтальной» сети неформальных межличностных отношений, построенных на доверии, нормах взаимности и реципрокном обмене капиталами и ресурсами; доступностью и эффективностью «вертикальных» (формальных, иерархически организованных) отношений; принадлежностью к (не)формальной общности.

Высшее профессиональное образование страны характеризуется такими проблемами: слабая практическая ориентированность и низкая научно-исследовательская активность обучающихся, малая востребованность научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, формализм в решении образовательных задач. Существенным для данных проблем выступает недостаток социального капитала образовательных организаций: невостребованность преподавателей существующей системой управления.

В настоящее время преодоление указанных проблем происходит большей частью на уровне администраций образовательных организаций путем директив. Следствием минимизации использования социального капитала высшего профессионального образования является разрыв между управленческими структурами и профессорско-преподавательским составом, индивидуализацией профессиональных и социальных практик участников научно-образовательного процесса, замкнутостью их сетей отношений, что снижает модернизационный потенциал образовательной организации. Недостаточность «управленческого» способа решения указанных проблем требует исследо-

вания механизмов инкорпорации ресурсов «исполнительной сферы образовательной организации», в числе которых находится социальный капитал профессорско-преподавательского состава высшего профессионального образования.

По данным научных источников, понятие социальный капитал введено Л. Дж. Ханифаном, который определял его через солидарность и социальные связи между теми, кто образует социальную группу. В современных интерпретациях социальный капитал рассматриваются как возможности, обусловленные включенностью индивида в те или иные виды отношений, построенные на доверии (уверенности), соблюдении норм взаимности и реципрокном обмене. Такое понимание социального капитала обусловило тот факт, что теоретической основой его исследования выступают как собственно концепции социального капитала, так и теории социального доверия, обмена, социально-сетевой подход и др. Феномены социального капитала, по-разному соподчиняясь друг с другом, образуют тесную взаимосвязь, которая фигурирует в большинстве определений социального капитала [3].

Анализ научных исследований позволил определить социальную капитализацию как: социальные сети и нормы; отношения в группе; потенциал взаимного доверия и взаимопомощи (целерационально формируемый в межличностных отношениях, обязательства); информационные каналы; структура знакомств (которая определяет доступ человека к товарам и информации); ожидания относительно социального действия в рамках организации, влияющие на поведение её членов; особенность переживаний, присущих индивиду.

Влияние теории обмена на интерпретацию социального капитала выражается в ресурсном подходе. Поэтому, социальная капитализация рассматривается как сознательно устанавливаемые социальными субъектами отношения, которые могут составлять для них полезный ресурс; способность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определенной социальной сети или в более широкой социальной структуре; ресурсы, которые субъекты получают из специфических социальных структур и используют, исходя из своих интересов; дружеские контакты, обеспечивающие доступ и наращивание финансового и человеческого капитала; функция, определяемая размером сети, силы отношений между субъектами, а также ресурсами, которыми обладают члены сети; ресурсы, находящиеся в социальных сетях.

Возможность исследования социальной капитализации образовательных организаций как индивидуального и организационного ресурса обусловлена традицией выделения микро - и макроуровня её анализа.

На микроуровне речь идет об индивидуальном социальном капитале, характеризующем возможности, которые имеет индивид (преподаватель, обучающийся, сотрудник) вследствие принадлежности к той или иной социально-сетевой или формальной структуре образовательной организации. Макроуровневая трактовка предполагает рассматривать социальный капитал как характеристику группы, обеспечивающую социальную синергию в достижении общественно значимых (организационных) целей в результате актуализации потенциала разноуровневых горизонтальных и вертикальных социальных связей и отношений; это то, что позволяет мобилизовать дополнительные ресурсы отношений на основе доверия людей друг к другу. Индикатором данного уровня является ответ на вопрос о том, кто получает прибыль – группа или индивид. В выражении Д. Юма. «Твой хлеб созрел, а мой созреет завтра. Нам обоим выгодно, чтобы сегодня я работал с тобой и чтобы завтра ты помогал мне. Я не питаю никаких сантиментов в отношении тебя и знаю: у тебя их не больше в отношении меня. ...Но из-за отсутствия взаимного доверия и уверенности в безопасности мы оба потеряем свой урожай» раскрыта сущность данного индикатора.

Научное представление о социальной капитализации связано с горизонтальными межличностными отношениями, где составляющей выводятся возможности иерархически организованных формализованных отношений [4]. Центральным отличием между горизонтальными и вертикальными сетями является характер доверия. В вертикальных сетях доверие сфокусировано на источнике власти, а в горизонтальных – доверие взаимно.

В качестве источника социальной капитализации выделяют: уважительное отношение руководства к сотрудникам, создание действенной системы нефинансового стимулирования сотрудников, а также применение харизматической и экспертной моделей лидерства на всех уровнях управления; соответствующая ценностная ориентация социальных субъектов; индивидуальное социальное взаимодействие, основанное на реципрокном обмене; ограниченная солидарность.

Таким образом, социальная капитализация преподавателей высшего профессионального

образования определяется как совокупность потенциальных и реальных возможностей, обусловленных включенностью их в разноразличные «горизонтальные» и «вертикальные» отношения, основанные на общности норм и ценностей, и реципрокном обмене. В этой связи немалозначимы отношения в социальном пространстве образовательного учреждения и за его пределами, обеспечивающими успешное решение задач на индивидуальном уровне и на уровне высшего профессионального образования.

Литература и источники

1. Бодункова, А. Г. Социальный капитал ВУЗа: измерения, проблемы и направления инвестирования в новых условиях / А. Г. Бодункова // Креативная экономика. – 2010. – №1 (37). – С. 89–94.
2. Козырева, П. М. Межличностное доверие в процессе формирования социального капитала / П. М. Козырева // Социологические исследования. – 2009. – №1. – С. 43–54.
3. Неклесса, А. И. Феномен капитализации. Новое прочтение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.shkr.ru/lib/archive/methodologies/kapital/2003/2003_Palanga_rasshifrovki.zip. – Дата доступа: 14.03.2014.
4. Фиценс, Ж. Человеческий капитал: как изменить и увеличить его стоимость. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iteam.ru/publications/human/section_44/article_3000. – Дата доступа: 14.03.2014.

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА – УСЛОВИЕ ПОЛНОЦЕННОГО ДИАЛОГА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И. Б. Савелова

Современный мир характеризуется как «трудный контрапункт самостоятельных Разумов» [1], что для не умеющего читать и исполнять сложную партитуру современной действительности сопровождается дезориентацией человека в пространстве жизнедеятельности. В силу культурного многообразия, очень сложно сформировать свою тему, успешно проводить ее в содружестве с другими голосами и создавать при этом общую канву произведения. Появляется необходимость новых знаний, другого вида компетентности, которые дают возможность «осваивать» современный мир, вести диалог в пространстве культуры. Такой новой формой компетентности, на наш взгляд, является поликультурная компетентность каждого человека, принимающего участия в жизни общества. «Сила моего действия на вещи – не во мне самом, не в моей неповторимости и даже не в моей образованности, а в моей способности (лучше сказать – в моем способе) применять всеобщую силу общественного субъекта, в моей способности быть точкой приложения и опоры некоего всеобщего объективного движения» [1]. Для успешного процесса жизнедеятельности людского сообщества важно, чтобы именно в процессе образования каждый педагог ощущал себя тем человеком, вокруг которого создается культурное пространство, за которое он несет персональную ответственность. Поэтому так важно приобретение педагогом поликультурной компетентности.

В понимании места человека в пространстве современной культуры необходим диалогический подход в процессе образования, основанный на идеях открытости, диалога культур, культурного плюрализма. Суть этого подхода заключается в рассмотрении поликультурного образования как способа приобщения субъектов образования к различным культурам с целью формирования сознания, позволяющего вести диалог в пространстве мировой культуры. Одним из основных достоинств теории «диалога культур» является ее принципиальный отказ от монологичности в мышлении. С монологом закономерно связываются авторитарность, директивность, нетерпимость к чужому слову и мнению. Именно возможность рассмотреть проблемы человека с многих сторон позволяют воссоздать ту многогранность и понять структуру цельности человеческой личности, которая может претендовать на роль «человека культуры» (В. С. Библер).

Основной принцип формирования поликультурной компетентности – принцип динамического равновесия: с одной стороны – освоение культурного многообразия мира, с другой стороны – сохранение и развитие собственного «зерна» в каждой отдельной культуре.

Процесс формирования поликультурной компетентности складывается из освоения кодов (языков) культуры (К. Рапай) [5], культурных универсалий; структурирования «множественного я»

(Р. Уилсон) [6]; создание проективных культурных схем «я-образа» из собственной духовно-культурной практики.

Освоение языков других культур происходит путем повторения (подражания) и постижения внутреннего смысла. Для становления «человека культуры» необходима на протяжении всей жизни органическая последовательность познания. С детства мы овладеваем культурой речи: сначала слышим слово, потом воспроизводим голосом, а затем постигаем полноту смысла. Так и постижение языков культур должно происходить как повторения культурного текста, где переменными являются культурные универсалии, а в роли первичного «культурный текст» – выступает фольклор, ибо именно он является «зерном» культурных смыслов, смысл раскрывается через стремление проникнуть в сущностную область образа. Овладение языком культуры через осмысление культурных универсалий второго порядка, таких как вера, надежда, любовь, ответственность, доверие, совесть, позволяет личности найти в себе различные оттенки и применять свои Я-образы в соответствии с найденными образцами. В процессе освоения языка культуры с личностью происходит формирование целостной системы, или, другими словами, она приобретает «единство высшего порядка» [2, с. 328]. Эта личность оказывается способной не только воспроизводить чужие культурные схемы, действовать по шаблону, но и появляются элементы поликультурной компетентности, т. е. этап создания своих культурных схем, как образцов в принятии решений и деятельности.

Средствами формирования поликультурной компетентности педагогов являются:

– культурные универсалии (освоение понятий и работа с ними). Понятие (лат. *universalis* – общий) – основополагающие значения, черты, законы, категории, способы осмысления мира, общие для всех национальных культур мира;

– освоение художественного опыта, как процесса «скольжения от неизвестного к известному» (Ж. Батай). На базе постижения смысла понятия архитектоники художественного произведения (М.М. Бахтин) начинается процесс создания архитектоники своего Я;

– творческое Я как способ осмысления культурной деятельности, визуализации и вербализации Я-образа, как результата структурирования множественного «я», и создание собственных культурных схем (Р. Палмер).

Значимым (с точки зрения человека и культуры) языком в сообществе людей является художественный язык. «Изучение художественного языка произведений искусства не только дает нам некую индивидуальную норму эстетического общения, но и воспроизводит модель мира в ее самых общих очертаниях» [3].

Следующим этапом в формировании поликультурной компетентности является формирование «художественного Я» личности средствами искусства. Еще в начале XX века «вслед за Шопенгауэром и Ницше А. Блок, а вместе с ним весь русский символизм видит спасение человечества от деформаций цивилизации в «артизации действительности, в проникновении художественного начала (подлинно-естественного, гармонически-мистического) в духовный мир человека. А. Блок полагал, что только «человек-артист» (т. е. человек со «множественным Я») будет способен «жизненно жить и действовать в эпоху вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество» [4]. Поэтому актуальным является умение человека культуры понимать и визуализировать художественное «Я» и создавать «Я – художественный образ».

В статье, посвященной проблеме парадигмального сдвига в концепции поликультурного образования, профессор университета Висконсина Глория Лэдсон-Биллингс находит удачное сравнение явления поликультурности с джазовой музыкой [7]. Джаз является сплавом элементов музыкальных культур мира и классической музыки с основополагающим способом изложения музыки, называемым импровизация, т. е. ведения «художественным Я» музыканта диалога с другими музыкантами и слушателями «здесь и сейчас». Такие же свойства имеет поликультурная компетентность – это выработанная человеком культуры на базе освоения основ языка других культур способность действовать, используя собственные культурные схемы, создавая при этом свой индивидуальный стиль поведения, свою собственную программу деяния. Поликультурная личность способна вступать в диалог или полилог с Другими, не разрушая чужие образы, а дополняя их и создавая все новые оттенки и нюансы в картинах мира и поведении человека.

Таким образом, формирование поликультурной компетентности состоит из трех взаимопроницающих этапов:

1. Выявление своего «я» во «множественном я»;

2. Освоение языка культуры, или кодов культуры (Клотер Рапай)

3. Создание собственных культурных схем, архитектоники своего «Я-образа», как системы ценностей.

Целью процесса формирования поликультурной компетентности педагогов, который возможно осуществлять в процессе повышения квалификации, должно стать появление третьего смысла, превышающего или отличного от первичных, поиск гармонии в собственном множественном Я, создание собственной культурной схемы с приматом концепции ненасилия, создание культурного паттерна нового типа – Доверие.

Литература и источники

1. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры (два философских введения в двадцать первый век) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/bibl/bibler.html>. – Дата доступа: 15.01.2015.
2. Выготский, Л. С. К вопросу о психологии творчества актера / Л. С. Выготский. – 1932.
3. Лотман, Ю. Структура художественного текста. Искусство как язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_01.php. – Дата доступа: 15.01.2015.
4. Никитина, Н. Н. Духовные искания русской культуры начала XX века // Библиотека антропософского движения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudolf-steiner.ru/50000201/1519.html>. – Дата доступа: 15.01.2015.
5. Рапай, Клотер Культурный код [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bzbook.ru/business/kuljturnyj-kod.html>. – Дата доступа: 15.01.2015.
6. Уилсон, Роберт Антон, Квантовая психология / Роберт Антон Уилсон; перевод с англ.; под ред. Я. Невструева. – К., 1998.
7. Ladson-Billings, G. New directions in multicultural educations: Complexities, Boundaries, and Critical Race Theory // WILEY Knowledge for Generation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://media.wiley.com/product_data/excerpt/54/07879591/0787959154.pdf. – Дата доступа: 15.01.2015.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ КАК ФУНДАМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. И. Туровец

Подготовка педагогических кадров с высоким уровнем профессионально-нравственных качеств является важнейшим условием формирования и развития национальной интеллектуальной культуры. Формирование данной культуры неразрывно связано с неуклонным ростом духовно-нравственного потенциала личности будущего учителя. Обеспечение данного процесса в условиях различных образовательных учреждений и прежде всего в условиях педагогических университетов требует значительных усилий со стороны как философов и методологов образования, так и педагогов-предметников и прежде всего педагогов социально-гуманитарных дисциплин. Задача осложняется тем, что в условиях современного постиндустриального общества наблюдается сложная динамика падения престижа профессии учителя и смена общественных приоритетов, что отражается на нравственном облике педагога. Одной из негативных тенденций, свойственной данному типу общества, является коммерциализация отношений между людьми в различных сферах социального устройства. Современная молодёжь, в большей степени, заинтересована не в возможности состояться, в профессиональном отношении, а получить доход или доступ к власти (как средство дохода) быстро и любыми путями. Современное образование, со своей стороны, учитывая данную негативную тенденцию, обязано перестроиться, учитывать условия, которые диктует новый тип общества, и продолжить качественную подготовку нового поколения.

В этом плане особая роль отводится лично и практико-ориентированной педагогике, способной осуществить компетентностный подход при профессиональной подготовке специалистов соответствующего профиля. Становится все более очевидным, что ни одна педагогическая технология, какой бы совершенной она ни была, сама по себе не в состоянии обеспечить конечный результат учебно-воспитательной работы без заинтересованности в нем самого обучающегося. Научиться чему-либо, обрести соответствующее профессиональное мастерство может лишь сам

учащийся, обладающий неким исходным духовно-нравственным потенциалом, при соответствующей педагогической поддержке со стороны профессиональных педагогов. При этом само педагогическое сопровождение предстает как соответствующая форма педагогического сотворчества в процессе учебно-воспитательного процесса как стратегии деятельности педагога и педагогического сообщества, обеспечиваемая теми или иными педагогическими методами и технологиями. Одним словом, по существу речь идет о возрождении в условиях постиндустриального общества педагогики самодеятельности, предложенной в свое время известным швейцарским педагогом Генри Пестолоцци. Возрождение же это, как нам представляется вполне возможно в рамках широко рекламируемого сегодня компетентностного подхода к подготовке специалистов социально-гуманитарного профиля. Однако в трактовке данного понятия все еще дает о себе знать стремление осмыслить компетенции и компетентность с позиции классической рациональности, т. е. не как социально-культурные феномены, а как естественно развиваемые психолого-педагогические качества личности. Сама же личность с позиции методологии психолого-педагогической науки и с позиции методологии системной мыследеятельности трактуется по-разному. В одном случае акцент делается на аккультурируемых природных задатках индивида, в другом – на приобретаемых и социально-конструируемых качествах личности. Поэтому и в анализируемые понятия вкладывается различный смысл. В одном случае это по существу социальное животное, имеющее биосоциальную природу, развиваемую с помощью педагогических и других технологий, в другом – индивидуальное проявление соответствующих социально-культурных требований и реализация через образование соответствующего культурного проекта.

Профессиональную компетентность, на наш взгляд, можно представить как социально-культурную характеристику специалиста в той или иной области, характеризующую успешность осуществляемой им трудовой деятельности с позиции ценностей и норм определенного профессионального сообщества и организационных принципов, предъявляемых к профессии как к социальному институту. По своему существу – это социологическая категория, выражающая социально-культурную модель профессиональной деятельности, присущую для данного социального времени, отраженную в самосознании специалиста соответствующего профиля и неразрывно связана с усвоением им профессиональных ценностей и норм, его идентификацией с профессиональной культурой и процессом самореализации и самоутверждения в рамках этой культуры.

Сама по себе профессиональная деятельность имеет безличностный характер, а сама степень профессионализма выражается понятием «компетенции». Однако обрести профессиональную компетентность может только личность как система характеристик и свойств, выработанных в ходе общественной жизни.

Важнейшие характеристики реального бытия самого общества, обретение которых отдельным индивидом возможно лишь в результате социализации или приобщения к достижениям мировой и национальной культуры предстают как выражение отражательной, познавательной способности отдельно взятого индивида. Иное дело, что сегодня еще достаточно часто игнорируется тот факт, что знания, в отличие от информации, и квалификацию, в отличие от образования, возможно обрести лишь в деятельности, в сотворчестве, благодаря которым информация обретает определенное общественное значение и личностный смысл, а квалификация характеризуется соответствующими умениями, демонстрирующими конкретное проявление ума и творческих возможностей специалиста. Иными словами и знания и квалификация специалиста имеют социально-культурную природу, не укладывающуюся лишь в рамки человеческой антропологии. Их обретение, так или иначе, связано, с совершенствованием форм и методов социального взаимодействия. Компетентностный подход к образованию потребовал соответствующие педагогические технологии, основанные на принципах педагогического сотворчества.

При разработке этих технологий необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в большинстве своём современные школьники уже мыслят категориями не «я должен» или «мы должны» (лозунги императивной педагогики), а категорией «я могу» (лозунг экзистенциальной педагогики). В связи с этим в настоящее время перед системой образования стоит неотложная задача поиска новых моделей педагогической деятельности и подходов к подготовке учителей и в первую очередь учителей истории и обществоведения, имеющих устойчивую профессионально-нравственную позицию, способных достигнуть высоких успехов в формировании мировоззренческой культуры учеников, их гражданско-патриотических качеств. Одной из таких моделей может стать мо-

дель педагогического сопровождения профессионально-нравственного становления личности будущего учителя социально-гуманитарных дисциплин в условиях педагогического ВУЗа. Педагогическое сопровождение направлено на придание первоочередной роли процесса саморазвития, имеет непрерывный характер и способствует устранению фрагментарности в организации подготовки учителей социально-гуманитарных наук.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ К ГЕНДЕРНОМУ ВОСПИТАНИЮ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

Ф. И. Храпцова, М. А. Ерофеева

В условиях модернизации российской системы профессионального образования актуальны инновационные подходы к профессиональной подготовке студентов педагогических специальностей к гендерному воспитанию школьников, в основе которых учет рефлексивной природы феномена гендер и связанных с ним процессов гендерной социализации, гендерного воспитания как актуального содержания профессионального педагогического образования в контексте парадигмы образования через всю жизнь. Такая постановка проблемы отвечает требованиям федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование» Министерства образования и науки Российской Федерации. В этом документе регламентированы изучение и учет интересов, потребностей обучающихся, организация образовательного процесса в вузе с использованием новейших технологий мотивации профессионального гендерного самообразования и саморазвития будущих педагогов.

Исходя из этого, гендерно-интегративные требования к усвоению студентами гендерного аспекта рабочих образовательных программ в контексте парадигмы знаний через всю жизнь состоят в сформированных компетенциях у студентов анализировать мировоззренческие, социальные, лично значимые философские проблемы; руководствоваться в профессиональной деятельности современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества; толерантно воспринимать социальные и культурные различия, особенности людей; уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям; осуществлять педагогическое сопровождение процесса гендерной социализации обучающихся, сотрудничество, межкультурное общение. Требования государственного образовательного стандарта среднего общего образования (2012) Министерства образования и науки Российской Федерации как социального заказа для системы высшего профессионального образования определяют не только ведущий методологический принцип образования через всю жизнь, но и мета-методологический принцип человекомерности подготовки специалистов педагогических специальностей [1, с. 19]. Принцип человекомерности известен в образовательной науке и практике термином «гендерный подход в организации образовательного процесса» и в данной работе трактуется как: 1) учет индивидуальных, половозрастных, физиологических, психологических особенностей обучающихся, их социального статуса, ситуации социального развития, фундаментальной основой которой является биологический пол как первопричина гендерных различий (Б. Г. Ананьев, Е. П. Ильин). Все выше обозначенное означает закономерность образовательного процесса в вузе, которая состоит в активизации *рефлексивных механизмов профессиональной готовности на уровне составных компонентов: гендерной компетентности, гендерной рефлексивности, гендерной конгруэнтности*. Интегративно-комплексный подход в структурировании компонентов готовности студентов определяется научной методологией структуры личности на уровне когнитивного, аффективного, конативного начал. Исходя из этого, нами аргументируется методико-технологическая детерминация профессиональной готовности, которая состоит в разработке и необходимости применения образовательных технологий формирования профессиональной гендерной компетентности, гендерной рефлексивности, гендерной конгруэнтности студентов. Разработка технологий такого типа исходит из понимания профессиональной готовности будущих педагогов как многокомпонентной индивидуальной характеристики, включающей знания студентами проблем, закономерностей взаимоотношений полов в контексте историко-культурных, духовно-нравственных, социально-экономических, социально-

политических аспектов развития семьи, человека, общества, государства. Профессиональная готовность отражает определенный уровень профессиональных потребностей, интересов, мотивов в сфере гендерного развития личности; уровень сознания этноэгалитарного типа; эффективность гендерносензитивной педагогической деятельности в сфере воспитания школьников. Разработанные образовательные технологии формирования профессиональной готовности содержат новые, не разработанные в научном отношении подходы к решению столь актуальной проблемы педагогической науки и воспитательной практики. Новизна таких технологий состоит в оптимизации мотивационных механизмов управления образовательным процессом как сензитивно-направленного перевода гендерологических знаний студентов в систему убеждений с целью формирования мышления конвергентно-дивергентного типа, т. е. преобразовательного типа, национальной идентичности студента как зрелой формы профессиональной готовности к гендерному воспитанию школьников. Методологические основания таких технологий составляют положения парадигмы образования через всю жизнь, гендерной реконструкции общества, цивилизационно-глобализационного развития, концепции социокультурной детерминации; этноэгалитарной концепции, теорий полового диморфизма, гендерной социализации. Образовательные технологии нами смоделированы, исходя из понимания образовательного процесса как особой системы педагогического управления профессиональным развитием личности студента – субъекта гендерной идентичности на основе нравственных и семейных ценностей, традиций общества в сфере гендерных отношений.

Вместе с тем, ведущим понятием исследуемой проблемы является инновационная образовательная технология, которая разработана на основе анализа трудов Ю. К. Бабанского, В. П. Беспалько, М. В. Кларина, Г. М. Коджаспировой, С. В. Кульневича, Б. Т. Лихачева, В. М. Шепеля и других ученых. Опираясь на классическое определение образовательной технологии С. Сполдинга, актуален тезис о взаимодействии субъектов образовательного процесса, который обеспечивается технологией, т. е. «научной дисциплиной, которая предметом исследования имеет педагогическое взаимодействие, содержание составляют закономерности образовательных, воспитательных воздействий человека на другого человека, а также – взаимодействие между ними» [2, с. 138]. С. Сполдинг уточняет: «... настоящая технология обучения включает целостный процесс постановки целей, постоянное обновление учебных планов и программ, тестирование альтернативных стратегий и учебных материалов, оценивание педагогических систем в целом и установление целей заново, как только становится известной новая информация об эффективности системы» [2, с. 217]. Все это подтверждает приоритетность критерия инновационной технологии образования как научно обоснованного подхода. Согласно определению В. П. Беспалько, «любая деятельность может быть либо технологией, либо искусством. Искусство основано на интуиции, технология – на науке. С искусства все начинается, технологией заканчивается, чтобы затем все началось сначала. Пока технология не создана, господствует индивидуальное мастерство. Но рано или поздно оно уступает место «коллективному мастерству», концентрированным выражением которого и является технология» [1, с. 6]. Наряду с указанными аспектами, ключевое значение для понимания сущности образовательной технологии имеет мета-человеческий фактор. По определению американской ассоциации по педагогическим коммуникациям и технологиям, образовательная технология рассматривается (по Б. Стоу, Л. Гамингсу) как «комплексный, интегративный процесс, включающий людей, идеи, средства, способы организации деятельности для анализа проблем, планирования, обеспечения, оценивания и управления процессом решения проблем, охватывающих все аспекты усвоения знаний» [3, с. 93].

Исходя из этого, ведущими принципами образовательной технологии формирования профессиональной готовности студентов к гендерному воспитанию школьников в контексте парадигмы образования через всю жизнь являются признаки: дифференциация компонентов профессиональной готовности студентов к гендерному воспитанию – гендерной компетентности, гендерной рефлексивности, гендерной конгруэнтности; учет гендерных закономерностей профессионального обучения и воспитания студентов в условиях образовательной среды вуза; целостность, системность, вариабельность системы подготовки будущих педагогов; прогнозирование результатов профессионального обучения в контексте норм, ценностей, традиций гендерной системы общества.

Литература и источники

1. Храмцова, Ф. И. Гендерная методология подготовки специалистов социальной сферы: метапарадигмальный аспект / Ф. И. Храмцова. – Минск, 2012.

2. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М., 1989.
3. Spaulding, S. C. Technological Devices in Education / S. C. Spaulding // The Encyclopedia of Educational Media...
4. Staw, B. M., Cummings L. L. Research in organization behavior (Vol.4) / B. M. Staw. –Yrenwich, 1982.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРОБА – ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА ОСОЗНАННОГО ВЫБОРА ПРОФЕССИИ

В. И. Вязгина

Выбор профессии, и связанной с ним работы, обеспечивающей материальный достаток и профессиональный рост – всегда волновали каждого человека, а старшего подростка в особенности. Профессия определяет положение человека в обществе, его социальную роль. Выбирая профессию, подросток выбирает себе и определённые нормы жизни, и ценности, и специфику образа жизни. Понятие профессия происходит от латинского *professio* – объявляю своим делом и немецкого *profession* – публичное заявление, собственное официальное заявление о своём звании, занятии. В Толковом словаре С. И. Ожегова понятие «профессия» – это основной род занятий, трудовой деятельности [1]. В научной литературе существуют различные трактовки понятия «профессия»: общность людей, занятых данным видом труда (Е. А. Климов); длительно существующий комплекс трудовых обязанностей (К. М. Гуревич). Мы согласны с определением С. В. Паниной и Т. А. Макаренко, профессия – вид трудовой деятельности человека, который требует определённого уровня знаний, специальных умений, подготовки человека и при этом служит источником дохода [2]. Правильный, осознанный выбор профессии – это одно из важнейших слагаемых условий человеческого счастья, так как народная мудрость гласит, что счастлив тот человек, который с удовольствием идёт на работу и с удовольствием возвращается с неё домой.

В современной школе предварительный (или основной) выбор профессии приходится делать уже в девятом классе, учащемуся предстоит выбрать или профиль обучения, или специальность, по которой он будет обучаться (в колледже, училище, и т. д.). Многие учащиеся не в состоянии самостоятельно справиться с данной проблемой, не могут остановить свой выбор на чем-то определенном, так как они часто теряются в огромном мире профессий.

Чтобы определиться с выбором профессии и в соответствии с этим выстроить свою образовательную траекторию, подросток должен иметь информацию о мире профессий и знания об особенностях предпочитаемой профессии.

Мы с педагогами и учащимися 8–9 классов в ГУО «Гимназия №3 г. Молодечно», ГУО «Городейская средняя школа №2» использовали (по Е. А. Климову) следующий путь действий для решения данной проблемы:

- 1) составили для себя общую ориентировку в мире профессий и определили совокупность личных качеств, важных при выборе профессии;
- 2) выяснили потребность района, города, области в кадрах;
- 3) использовали разнообразные источники для получения знаний о профессиях: встречи с людьми разных профессий, книги, телевидение, кино, экскурсии на предприятия интернет и др.;
- 4) сделали заключение о наиболее подходящем для себя виде профессии, и группе специальностей;
- 5) сделали первый шаг на пути освоения избранной профессии, прошли ролевую практику (профессиональную пробу) [3].

Профессиональная проба является одной из эффективных ролевых форм практико-ориентированной деятельности в ситуации выбора профессии, так как в процессе ее прохождения подросток «пробует себя» в определённом виде труда. Её цель – знакомство учащихся с особенностями выбираемой профессии и испытание себя на соответствие склонностей, способностей, возможностей в процессе практической апробации к конкретной профессиональной деятельности.

Основные задачи профессиональных проб – получение подростками информации о родственных или смежных профессиях и их особенностях; знакомство с содержанием, характером и условиями труда людей в этих профессиях; получение элементарных знаний, умений, навыков и опыта практической деятельности.

Проводились профессиональные пробы в несколько этапов:

1 этап – подготовительный (справочно-информационный). Он направлен на приобретение учащимися основных сведений о профессиях и их особенностях, входящих в данную сферу профессиональной деятельности, на составление технологических, медицинских и психологических характеристик данной профессиональной деятельности. На этом этапе педагоги подбирали литературу, показывали фильмы, организовывали экскурсии на предприятия, встречи со специалистами, и т. д.;

2 этап – диагностический. На этом этапе выявляли готовность к выбору профессии и наличие профессионально важных качеств, необходимых для выполнения работы в определённых профессиях. Для этого предлагались задания с целью диагностики и самодиагностики способностей и склонностей к данной сфере профессиональной деятельности;

3 этап – практический, позволяющий непосредственно испытать себя в выбранной профессиональной деятельности. На этом этапе осуществлялся комплекс теоретических и практических заданий, моделирующих элементы конкретной профессиональной деятельности. В качестве заданий были использованы: краткое изложение теоретических сведений, связанных с технологией выполнения заданий, правилами безопасности труда; упражнения с инструментами; работа с инструкциями, технологическими картами; показ правильных приемов, при выполнении простейших технологических операций, видов работ; планирование и осуществление действий для решения конкретных задач; определение направлений деятельности в организации дел и др.

4 этап – рефлексивный, завершающий профессиональные пробы подведением итогов. В ходе рефлексии выясняли следующее: соответствует ли характер данной деятельности способностям, склонностям, предпочтениям и установкам подростков? Изменились ли профессиональные намерения каждого из учащихся? Какие трудности и сомнения каждый из них испытывал при выполнении пробы? Какие индивидуальные черты характера не позволили, или позволили ему выполнить задание на требуемом уровне?

Таким образом, сущность профессиональной пробы заключается в получении подростками объективных знаний и практического опыта для сознательного выявления и утверждения своей позиции при выстраивании собственной образовательной траектории, в формировании у них способностей к успешной реализации себя в будущей профессии и самостоятельному профессиональному выбору. Осознание подростком того, что «я – сам» выбрал профессию, является условием успешного развития его воли в планировании и проектировании собственной деятельности для достижения цели. Согласно мнению Е. А. Климова здесь и начинается профессиональный путь: «Правильнее думать не о единственном выборе профессии, а об очень интересной, увлекательной активности по постоянному проектированию и реальному построению своего профессионального, трудового пути...» [4]. Активное использование профессиональной пробы, как практической формы испытания подростком себя в различных сферах и видах профессиональной деятельности, помогает ему получить опыт различных эмоциональных переживаний. Реальная проба в определённой профессиональной деятельности позволяет подростку получить более полное, осознанное представление о конкретной профессии, глубже узнать свои возможности, определить, нравится ему определённая работа или нет, сможет ли он выполнять все ее требования.

Эффективность проведения профессиональных проб в ситуации выбора профессии доказывают результаты опроса вышеназванных учащихся (319 человек) в конце учебного года. На вопрос: «Какие мероприятия, проводимые в школе, помогли тебе определиться в выборе будущей профессии?» подростки ответили следующее: 8% – тематические классные часы, литературно-художественные вечера, 13% – профориентационные беседы с психологом, 15% – конференции, семинары, конкурсы, олимпиады, предметные недели, диспуты, 12%, занятия по интересам, факультативы, 18% – экскурсии, встречи с людьми различных профессий, выставки, видеофильмы, а 34% – профессиональные пробы.

Таким образом, профессиональная проба, это эффективная форма осознанного выбора профессии подростками и развития у них интереса к конкретной профессиональной деятельности. Правильно выбранная профессия дает учащемуся возможность максимально проявлять творчество, возможность эмоционального подъёма, хорошего настроения, осуществления своих жизненных планов.

Литература и источники

1. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1993.
2. Панина, С. В. Самоопределение и профессиональная ориентация учащихся: учебник и практикум для академического бакалавриата / С. В. Панина, Т. А. Макаренко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2014.
3. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высш. учебн. завед. / Е. А. Климов. – М., 2004.
4. Климов, Е. А. Психология профессионала / Е. А. Климов. – М., 1996.

3.7 Роль художественного образования и воспитания в формировании интеллектуальной культуры

А. П. ЧЕХОВ О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Т. Д. Скуднова

Резкие изменения в социокультурной, экономической, политической, духовной жизни России породили целый ряд новых проблем в области образования и воспитания детей и молодежи. Всплеск интереса к человеку в нашем стремительно трансформирующемся социуме не случаен. В современной философии образования намечен «антропологический поворот», переход к «человекоразмерной» парадигме. Фундаментальной задачей образования становится приобщение растущего человека к «живому знанию» (В. П. Зинченко), которое связывается с глубинной сущностью человека, с развитием его духовной культуры [1]. В связи с этим обращение к живому источнику творческого наследия нашего замечательного земляка А. П. Чехова чрезвычайно актуально.

Сегодня мы говорим и пишем об А. П. Чехове как о живом Человеке, тонком психологе человеческой души, образце нравственности и духовности. Размышляя об актуальности и жизненности его творческого наследия, можно утверждать, что во все времена люди были и остаются похожими на чеховских героев своими душевными качествами. В этом Чехов – гуманист ближе и созвучнее нам многих других писателей.

Во времена жизни А. П. Чехова еще не существовало психологии как целостной науки о человеке, его темпераменте, сознании, способностях, памяти, мышлении и т. д., и эти понятия шли рядом с психиатрическим диагнозом. При этом Чехов осуществил в своем творчестве попытку объяснить ряд психиатрических феноменов на языке философии. На рубеже 19–20 вв. русская интеллигенция проявляла огромный интерес к зарубежной философии, понимающей проблематику человеческого бытия, смысла жизни. Еще не были созданы фундаментальные работы по экзистенциальной философии М. Хайдеггера, С. Кьеркегора, Э. Гуссерля, А. Камю, Ж. Сартра, В. Франкла, но ведущие умы в сфере науки и культуры уже размышляли над этими вопросами. Близка экзистенциальная проблематика, озвученная А.П. Чеховым в ряде его произведений и Э. Фромму («Иметь или быть», «Искусство любить», «Здоровое общество»). В драматургии А. Чехова философия человеческого бытия, психология персонажей была более значимым фактором, чем цепь драматических перипетий.

А. П. Чехов – постоянно рефлексировавший автор. Его глубоко философское творчество проникнуто идеей создания «структуры – рисунка» души и внутренних переживаний человека, отражающих проблемы экзистенциальной философии: смысла жизни, любви, веры, совести, и т. д. Именно поэтому в его произведениях звучат мотивы совести, а проблемы «рабской», «мещанской» психологии становятся предметом сатирического обличения чиновничества, угодничества, отсутствия чувства собственного достоинства («Голстый и тонкий»). Сам писатель прошел большую жизненную школу и сумел победить в себе раба. Будучи одним из высоконравственных людей своего времени, писатель искренне ненавидел лесть, ханжество, чиновничество, раболепство. Философ и тонкий психолог, писатель Чехов предвосхитил появление современной психологической науки, рисуя свои персонажи как акцентированные личности.

В наши дни сохраняет актуальность и злободневность проблема «футлярной психологии» человека. Через образ Беликова – главного героя произведения «Человек в футляре» – А. П. Чехов пытался передать «футлярность» всего общества. Футляр пуст. Что скрывает и прячет человек и общество

в целом – душу? Говорить о внутреннем мире и духовности «футлярного» человека попросту бессмысленно. Консервативность, боязнь всего нового, свежих мыслей, самостоятельности, постоянное «как бы чего не вышло», психология доносительства, шпионажа, сплетен – все это делает «человека в футляре» страшной фигурой. Своеобразие чеховского реализма в умении показать за внешним благообразием мещан внутреннее уродство и обнаружить за внешней обыденностью внутреннюю красоту, благородство, творчество.

Гуманизм Чехова проявился не только в изображении мещанской и рабской психологии, унижения человеческого достоинства, но и в умении обнаружить в обыкновенных людях высокую человечность. Во имя любви к человеку он высмеивал чиновническую, рабскую психологию людей, самоунижение, лакейство. Прекрасный, благородный человек, Чехов мечтал, чтобы люди были красивы, свободны, счастливы и совестливы. «За дверью счастливого человека должен стоять кто-нибудь с молоточком и постоянно стучать и напоминать, что есть несчастье». Пока молоды, сильны, бодр, не уставайте делать добро, призывал он. Истинная мудрость великого человека проявляется в утверждении доброты как основы нравственности и душевности.

Литературные образы А. П. Чехова посвящены проблеме поиска новой системы ценностно-нравственной ориентации человека. Духовные искания автора перекликаются с вопросами воспитания человека. Как всякий педагог по призванию, жаждущий облагородить себя и других, Чехов оптимистически верил в чудотворную силу педагогики. Он горячо верил, что воспитание сильнее наследственности, что воспитанием человек может победить даже дегенеративные качества психики.

В письме к брату он формулирует восемь качеств воспитанного человека: «Воспитанные люди, по моему мнению, удовлетворяют следующим условиям:

1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилье посторонних...

2. Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и оттого, что не увидишь простым глазом...

3. Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4. Они чистосердечны и боятся лжи, как огня.

5. Они не унижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие.

6. Они не суетны... Истинные таланты всегда сидят в потемках в толпе.

7. Если они имеют в себе талант, то уважают его... Они горды своим талантом.

8. Они воспитывают в себе эстетику... Ибо им нужна menssanaincorporesano (здоровый дух в здоровом теле – лат.) И т. д. Таковы воспитанные... Чтобы воспитываться, и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только «Пиквика» и вызубрить монолог из «Фауста»... Тут нужен непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...» [2]. В этом послании как прожектором освещен удивительный педагогический метод самовоспитания, при помощи которого писатель сам воспитывал себя. Человеком быть трудно, но стать человеком – великий труд, большая внутренняя работа.

Хорошее воспитание, по мнению А. П. Чехова, состоит не в том, что ты «не прольешь соуса на скатерть, а, чтобы не заметить, если это сделает кто-нибудь другой». В этих словах профессионально точно отражается понимание культуры отношений как главного критерия воспитанности и культуры человека. Свет, исходящий из глубины таланта нашего великого соотечественника, его мысли о воспитании остаются для нас неиссякаемым источником нравственного совершенствования. Его цитата «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» – программа-манифест воспитания и самовоспитания молодого поколения [3]. Поистине, у человека должна быть высокая жизненная цель, а когда она ничтожна, то человек становится маленьким. «Берегите в себе человека!» восклицает мудрый и добрый А. П. Чехов. Эти слова живут в нас уже более столетия и заставляют читателя стать сильнее, мудрее, гуманнее.

Литература и источники

1. Зинченко, В. П. Живое знание / В. П. Зинченко. – М., 1991.
2. Чехов, А. П. Собрание соч.: в 12 томах / А. П. Чехов. – М., 1956. – Т.11.
3. Скуднова, Т. Д., Еговцова Е. И. Человековедение / Т. Д. Скуднова, Е. И. Еговцова. – Таганрог, 2004.

АДУКАЦЫЙНАЯ МАДЭЛЬ У ТВОРЧАСЦІ Д. АНДРЭЕВА

У. Л. Аляксандраў

Шматгранная творчасць мысляра і паэта Данііла Андрэева сваёй арганічнай часткай мае мадэль адукацыі, якая, па яго перакананні, будзе запатрабаваная ў новых сацыяльных і культурных умовах. Выкладзеная больш за паўстагоддзі таму на старонках яго галоўнай працы “Ружа свету”, а таксама ў паэтычных творах і ліставанні, гэта мадэль ужо знайшла сваё фактычнае ўвасабленне ў педагогічнай практыцы многіх краін, прытым што тэарэтычнае абгрунтаванне гэтых навацый абапіраецца на самыя розныя філасофскія, рэлігійныя, культурныя крыніцы.

Асновы педагогічнай сістэмы самога Д. Андрэева вынікалі з яго агульных светапоглядных прынцыпаў: 1) неабходнасці негвалтоўнага суіснавання розных культур і народаў у межах непазбежнай глабалізацыі (сучасныя праблемы мультыкультуралізму і талерантнасці); 2) магчымасці фарміравання асобы, якая, рэалізуючы свае здольнасці ў пэўнай галіне, здольная да пладатворнага сінтэзу як унутры адпаведнай сферы грамадства (мастацтва, рэлігія, навука, палітыка, эканоміка), так і на скрыжаванні гэтых сфер; 3) магчымасці дыялектычнага вырашэння вядомых бінарных апазіцый жыцця чалавека: асабістае / грамадскае, нацыянальнае/агульначалавечае, свецкае/царкоўнае, матэрыяльнае / духоўнае і інш.

Працы Д. Андрэева, цудам створаныя ва ўмовах турэмнага заключэння і цудам ацалелыя, не маглі быць надрукаваныя пры яго жыцці і знайшлі сваіх чытачоў толькі напрыканцы існавання СССР. Але адразу яны атрымалі шэраг ярлыкоў («эзатэрыка», «тэасофія», «містыка»), якія перашкодзілі іх сур’ёзнаму навуковаму і філасофскаму аналізу. І хаця за апошнія два дзесяцігоддзі былі абароненыя больш за дзесятак дысертацый адносна яго творчасці, прычым у розных галінах – філалогіі, культуралогіі, паліталогіі, філасофіі (навуковыя працы Дз. К. Ахтырскага, І. В. Чындзіна, В. А. Дашэўскай, А. П. Рашчэўскай, А. М. Гібралтарскай, С. У. Кручыніна, Т. І. Шуран, А. В. Арловай, Т. В. Мельнікавай, Е. У. Часаўскіх і інш.), імя Д. Андрэева застаецца несправядліва маргіналізаваным. Несправядлівасць такой ацэнкі можна давесці рознымі спосабамі. Адзін з іх – пералік прагнозаў з розных сфераў жыцця, якія ўжо спраўдзіліся, прычым многія з іх на той момант – 50-я гады ХХ стагоддзя – здаваліся неверагоднымі і не сустракаліся практычна нідзе (напрыклад, у палітычнай сферы – прагноз распаду сацыялістычнага лагера [2, с. 236] і нават Савецкага Саюза [1, с. 229], аб’яднання ўсёй Еўропы [1, с. 261]; у квантавай фізіцы – прадбачанне дзялімасці пратона [1, с. 270], пры тым што гіпотэза кваркаў была высунута пасля яго смерці ў 1964 годзе; у астраноміі – прадбачанне паняцця «антыматэрыі» (названай фізікамі «цёмнай») [2, с. 44] якая складае большую частку «нябачнай» масы Сусвету, адкрыта ў 1970-я гады астраномам Верай Рубін).

Некаторыя з тых прагнозаў, якія можна лічыць ужо часткова ці цалкам спраўджанымі, тычацца менавіта сферы адукацыі. Гэта адносіцца, па-першае, да арганізацыйных і метадычных аспектаў навучання і выхавання: павелічэнне працягласці навучання ў сярэдняй школе; увядзенне трох паглыбленых ухілаў – гуманітарнага, прыродазнаўчага і тэхнічнага – у старэйшых класах; выкарыстанне, як іх зараз называюць, мультымедычных і іншых інавацыйных сродкаў, а таксама метадаў унутранай псіхалагічнай працы (медытацыі і інш.); глабалізацыя як спалучэнне транснацыянальных стандартаў з нацыянальна-культурным зместам; практыкаарыентаванасць і кампетэнтнасны падыход (паводле якога галоўнае – не веды як самамэта, а ўменні – жыць, працаваць, адпачываць, ствараць, мець зносіны); індывідуальны падыход; неформальная і дадатковая адукацыя; междысцыплінарасць і шырокая агульнакультурная падрыхтоўка ў спалучэнні з глыбокімі прафесіянальнымі ведамі; гадавое навучанне студэнтаў у іншых краінах; стварэнне моладзева-турыстычных агенстваў, дзяржаўных і недзяржаўных фондаў для арганізацыі падарожжаў з адукацыйнымі мэтамі і дзеля культурнага абмену [2, с. 240, 244, 245]. Сфармуляваныя ў сталінскіх засценках, у часы «жалезнай заслоны» і амаль поўнай закрытасці краіны, гэтыя мары маглі лічыцца адарванымі ад жыцця фантазіямі альбо трызненнем. У частцы зместу адукацыі адбылося ўвядзенне экалагічнага навучання і выхавання (найперш у еўрапейскіх краінах і ў некаторых краінах Азіі), адкрыццё такіх дысцыплін і спецыяльнасцяў, як “рэлігіязнаўства”, “гісторыя рэлігій”, “культуралогія”, “мастацкая культура” (замест пануючых у той час “навуковага атэізму” і “навуковага камунізму”) [2, с. 246].

Антрапалагічным падмуркам адукацыйнай мадэлі Д. Андрэева з’яўляецца вобраз чалавека,

рысы якога можна знайсці ў розных філасофскіх і педагогічных сістэмах, у ідэалах розных эпох. Адно з яго любімых паняццяў – сінтэз – можа быць ужыта да апісання такой асобы. Паводле Д. Андрэева, інтэлектуальнае аблічча “чалавека авысакароджанага вобразу” характарызуецца бесперапынна пашыраемай эрудыцыяй (як зараз кажучь, “адукацыя праз усё жыццё”), самастойнасцю і незалежнасцю (“крытычнасцю”) мыслення; эстэтычнае аблічча характарызуецца глыбокай патрэбнасцю мастацкіх уражанняў і патрэбнасцю ва ўласнай, няхай і сціплай, мастацкай творчасці, шырокімі ведамі ў галіне культуры; маральнае аблічча – дзейнаснай, актыўнай, але не паказной дабрынёй, пачуццём спагады, спачування (узгадаем шырокі распаўсюд зараз дабрачынных, валанцёрскіх арганізацый, гуманітарных праектаў); рэлігійнае аблічча характарызуецца шырокай верацярпімасцю, адсутнасцю фанатызму, дагматызму, здольнасцю са-вераваць пры захаванні сваёй канфесіянальнай ідэнтычнасці, унутранай патрэбнасцю ў рэлігійнай творчасці і ў працы над раскрыццём органаў духоўнага ўспрымання рэчаіснасці [2, с. 242].

Часткова гэты вобраз чалавека карэлюе з антрапалагічнымі ідэаламі эпохі Адраджэння і эпохі Асветніцтва. Але пасля трагедыі XX стагоддзя, сусветных войнаў і масавых рэпрэсій таталітарных рэжымаў, любыя спробы зноў будаваць утапічныя мадэлі чалавека і грамадства сустракаюць справядлівую насцярожанасць, скепсіс, іронію. Д. Андрэеў, сам стаўшы адной з ахвяраў камуністычнага эксперыменту і адносячыся да савецкай улады з неверагоднай для таго часу бескампраміснасцю (маючы 25-гадовы тэрмін зняволення, ён, ужо цяжка хворы, адмовіўся пісаць прашэнне аб памілаванні), не мог не бачыць гэтых асацыяцый. Аднак яго вера ў чалавека, грунтаваная на ўласным духоўным досведзе (выражаным лейбніцаўскім паняццем “манада” у значэнні – “найвышэйшае несмяротнае богастворанае Я”), была непакіснай.

Ёсць у канцэпцыі Д. Андрэева тэма, якая істотна адрознівае яго педагогічныя погляды ад амаль усіх сістэм папярэдніх часоў. Размова пра яго погляды на прыроду, якія можна было б назваць унікальнымі, калі не ўлічваць, што яны ў значнай ступені былі ўласцівыя для чалавецтва старажытных эпох, а для ўсходніх культур – і ў пазнейшыя часы. Гэта нават не погляды, а глыбокае асабістае адчуванне, перажыванне, усведамленне прыроды як жывой рэчаіснасці, да якой можна і трэба ставіцца з чалавечымі пачуццямі любові, сяброўства, спагады, спачування, сурадавання. На старонках “Ружы свету”, у сваіх вершах і паэмах Д. Андрэеў неаднаразова звяртаецца да гэтай тэмы. Як мысляр ён вылучае 4 фазы ў гісторыі эвалюцыі стасункаў чалавека і прыроды: на першай “чалавек не ўсведамляе прыроду як нешта, што знаходзіцца па-за ім і не супрацьпастаўляе сябе ёй” [2, с. 37]. Другую стадыю ён называе “прыродаборчай”, лічачы, што карані яе – не ў навуцы, а ў монатэістычных рэлігіях, якія альбо ігнаравалі прыроду, альбо былі ёй варожыя. Гэта прыродаборчая тэндэнцыя “знішчыла прыродныя культы германскага і славянскага паганства і панавала да канца сярэднявечча” [2, с. 37]. Для трэцяй фазы “прырода ёсць аб’ект разумовага (навуковага) даследвання” і “сонмішча бяздушных сіл, якія трэба скарыць на патрэбы чалавека” [2, с. 37]. Арыгінальным з’яўляецца сцверджанне Д. Андрэева, што “найбольшага супрацьпастаўлення сябе прыродзе чалавецтва дасягнула не ў XX стагоддзі, як гэта магло б здавацца, а ў XVII, XVIII і напачатку XIX стагоддзя” [2, с. 37]. Прычыну гэтага ён бачыць у крайнасцях хрысціянскага аскетызму, на змену якому прыйшоў снабізм навуковай, рацыяналістычнай эпохі. Чацвёртая стадыя, якую Д. Андрэеў называе інстынктыўна-фізіялагічнай, характарызуецца абуджэннем нейкага смутку, тугі па прыродзе (выкліканых наступствамі ўрбанізацыі, механізацыі, тэхнізацыі жыцця) і якая праяўляецца ў паэзіі і жывапісу пэўных кірункаў, развіцці спорту, турызму, пляжнага адпачынку, эвалюцыі моды ў бок адкрытасці і лёгкасці [2, с. 38]. Пры гэтым Д. Андрэеў прагназуе надыход наступнай стадыі, на якой “магчыма і неабходна, захоўваючы старыя адценні любові да прыроды, за выключэннем, канечне, амаральна-утылітарнага стаўлення да яе, бязмежна ўзбагаціць гэта стаўленне сэнсам этычным і рэлігійным” [2, с. 38]. Ён падкрэслівае, што гаворка ідзе не пра агульнапантэістычнае пачуццё “еднасці з прыродай” ці “замілаванне яе прыгажосцю”, а пра стаўленне, “заснаванае на досведзе перажывання шматлікіх стыхій прыроды і зносінах з імі на ўзроўні любові, сяброўства, сумеснай творчасці” [2, с. 39]. Асаблівую значнасць ён, падобна Альберту Швейцару, надае неабходнасці пабудовы этычных стасункаў з жывёльным светам, прадбачыўшы ўзнікненне адпаведных грамадскіх рухаў і арганізацый. Вядома, для людзей як артадаксальна рэлігійных, так і навукова-матэрыялістычных поглядаў, дзіўна ці дзіка гучыць сцверджанне пра адухоўленасць і нават разумнасць кветак і рэк, гор і дрэваў. Д. Андрэеў насуперак гэтаму скепсісу ці абурэнню перакананы, што ў падмурку старажытных вераванняў, якія пазней пагардліва назвалі паганствам, ляжаць пэўныя ісціны, колькі б скажэнняў і прымітывізму ў іх не

ўтрымлівалася (антрапамарфізм, ахвярапрынашэнні і да т. п.). Як лічыць Д. Андрэеў, новае “стаўленне да прыроды спалучае паганскую жыццярэдасць, монатэістычную адухоўленасць і шырокасць ведаў навуковай эры, усе гэтыя элементы ператвараючы ў вышэйшае адзінства ўласным духоўным досведам” [2, с. 39]. Гэтымі мэтамі і будзе на яго думку вызначацца экалагічнае выхаванне і навучанне.

Літаратура і крыніцы

1. Андреев, Д. Л. Железная мистерия: Поэма / Д. Л. Андреев. – М., 1990.
2. Андреев, Д. Л. Роза мира. Метафилософия истории / Д. Л. Андреев. – М., 1991.

ЦЭЛАСНАСЦЬ СІСТЭМЫ МУЗЫЧНАЙ АДУКАЦЫІ ЯК УМОВА ЭФЕКТЫЎНАСЦІ ЯЕ ФУНКЦЫЯНАВАННЯ

М. Л. Кузьмініч

У філасофскай літаратуры цэласнасць разглядаецца ў якасці абагульненай характарыстыкі аб’ектаў, якія валодаюць складанай унутранай структурай, і трактуецца як “унутранае адзінства аб’екта, яго аддыферэнцыраванасць ад навакольнага асяроддзя, а таксама сам аб’ект, які валодае такімі ўласцівасцямі” [1, с. 533]. Пры гэтым цэласнасць аб’екта не зводзіцца да сумы складаючых яго частак: “Цэлае характарызуецца новымі якасцямі і ўласцівасцямі, якія адсутнічаюць у асобных частках, але ўзнікаюць у выніку іх узаемадзеяння ў пэўнай сістэме сувязей” [2, с. 475]. Такім чынам, цэласнасць праяўляецца як унутраная ўзаемасувязь і адпаведнасць усіх элементаў сістэмы, як сукупнасць усіх вонкавых сувязей з ёй, як гарманічная адпаведнасць унутраных і вонкавых адносін. Цэласнасць выступае, з аднаго боку, “як паўната, як усебаковы ахоп усіх уласцівасцей, бакоў і сувязей аб’екта”, а з другога – “як унутраная абумоўленасць аб’екта, тое, што вызначае спецыфіку, унікальнасць” [1, с. 533].

У педагогіцы паняцце “музычная адукацыя” шырока выкарыстоўваецца для абазначэння суб’ектаў адукацыйных адносін, якія здзяйсняюць адукацыйную дзейнасць і ўступаюць у грамадскія адносіны на прадмет вырашэння музычна-адукацыйных задач. Грамадскія адносіны ў сферы адукацыі Беларусі рэгулююцца Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь, іншымі заканадаўчымі актамі, а таксама Кодэксам Рэспублікі Беларусь аб адукацыі (далей Кодэкс) [3].

Музычная адукацыя ўяўляе сабой складаную сістэму, элементы якой цесна ўзаемазвязаны паміж сабой. Імкненне аптымізаваць (мадэрнізаваць) яе без уліку гэтых сувязей (напрыклад, распрацаваць канцэпцыю развіцця адукацыі ў галіне толькі прафесійнага музычнага мастацтва безадносна да мадэрнізацыі агульнай музычнай адукацыі) парушае аб’ектыўна існуючую цэласнасць сістэмы і не толькі не дазваляе пераадолець наяўныя супярэчнасці ў яе функцыянаванні, але і стварае новыя складанасці, якія разбураюць гэтую цэласнасць і зводзяць на нішто намаганні грамадскасці.

Сістэмаўтвараючым кампанентам сістэмы музычнай адукацыі выступае мэта, накіраванасць усіх яе частак на фарміраванне музычнай культуры асобы як складніка яе духоўнай культуры (Д. Б. Кабалеўскі). Ступень сфарміраванасці якасцей музычнай культуры чалавека дазваляе казаць пра яе агульны і(ці) прафесійны ўзроўні. Адпаведна, вельмі распаўсюджанай у навуковых даследаваннях стала тэндэнцыя да расчляннення цэласнай сістэмы музычнай адукацыі на ўстановы, якія забяспечваюць фарміраванне толькі агульнай музычнай адукацыі, і ўстановы, якія забяспечваюць фарміраванне прафесійнай музычнай адукацыі. Гэтая тэндэнцыя часта разбурае ўяўленне пра музычную адукацыю як цэласную сістэму. Цэласны падыход да разгляду гэтага феномена дазволіць пераадоліць названыя супярэчнасці. Разгледзім асаблівасці структурнай пабудовы сістэмы музычнай адукацыі.

Сістэма музычнай адукацыі з’яўляецца часткай агульнадзяржаўнай сістэмы адукацыі, якая падраздзяляецца на асноўную, дадатковую і спецыяльную. Кожная з іх рэалізуе адукацыйныя праграмы, адпаведна, асноўнай, дадатковай і спецыяльнай (для асоб з асаблівасцямі псіхафізічнага развіцця) адукацыі. Асноўная адукацыя ўключае ў сябе ўзроўні дашкольнай, агульнай сярэдняй, прафесійна-тэхнічнай, сярэдняй спецыяльнай, вышэйшай і паслявузаўскай адукацыі. Дадатковая

адукацыя падраздзяляецца на два віды: дадатковая адукацыя дзяцей і моладзі і дадатковая адукацыя дарослых (Кодэкс, арт. 12, 13).

Адукацыйныя праграмы *агульнай* музычнай адукацыі рэалізуюцца ва ўстановах дадатковай і спецыяльнай адукацыі, а таксама ва ўстановах асноўнай адукацыі на дашкольным, агульным сярэднім, прафесійна-тэхнічным, а таксама сярэднім спецыяльным, вышэйшым ўзроўнях не мастацкага профілю. Адукацыйныя праграмы *прафесійнай* музычнай адукацыі рэалізуюцца ва ўстановах асноўнай адукацыі музычнага профілю на ўзроўнях сярэдняй спецыяльнай і вышэйшай адукацыі.

Музычна-адукацыйныя праграмы рэалізуюцца (могуць рэалізоўвацца) на ўсіх узроўнях асноўнай і спецыяльнай адукацыі і ў розных відах дадатковай адукацыі мастацкага профілю. Іх рэалізацыя дазваляе атрымаць асабе музычную адукацыю на агульным (абавязковым для ўсіх, але не прафесійным, аматарскім) і (ці) прафесійным узроўнях. Таму ў залежнасці ад рэалізуемых задач у сістэме музычнай адукацыі вылучаюць падсістэму агульнай (не прафесійнай, аматарскай) музычнай адукацыі і падсістэму прафесійнай музычнай адукацыі.

У *прафесійнай* музычнай адукацыі мы вылучаем наступныя ўзроўні: 1) пачатковай (перадпрафесійнай) музычнай адукацыі, 2) сярэдняй спецыяльнай музычнай адукацыі, 3) вышэйшай музычнай адукацыі і 4) паслявузаўскай музычнай адукацыі, а таксама 5) ўзровень павышэння кваліфікацыі (“адукацыя праз ўсё жыццё”). Засваенне адукацыйных праграм першай ступені прафесійнай музычнай адукацыі не дае права асабе займацца мастацкай дзейнасцю на прафесійнай аснове. Але вылучэнне такой ступені з’яўляецца мэтазгодным з пункту гледжання рэалізацыі мастацкіх патрэб асобы, мэты і зместу адпаведных музычна-адукацыйных праграм Дзіцячых школ мастацтваў (далей ДШМ), арыентаваных, з аднаго боку, на агульнае музычна-эстэтычнае выхаванне аматара, а з другога – на прафесійную музычную адукацыю навучэнцаў, якія рыхтуюцца да засваення адукацыйных праграм сярэдняй спецыяльнай адукацыі і наступнай музычна-прафесійнай дзейнасці. У сістэме агульнай сярэдняй адукацыі таксама дзейнічаюць вучэбна-педагагічныя комплексы “школа–гімназія–каледж мастацтваў” і забяспечваецца рэалізацыя адукацыйных праграм *агульнага* музычна-эстэтычнага выхавання і *прафесійна арыентаванага* музычнага навучання.

Засваенне адукацыйных праграм другой і трэцяй ступеняў прафесійнай музычнай адукацыі дае права асабе займацца музычнай дзейнасцю на прафесійнай аснове. Засваенне адукацыйных праграм чацвёртай ступені дае асабе права займацца даследчай дзейнасцю ў галіне мастацтва на прафесійнай аснове.

У сістэме музычнай адукацыі функцыянуюць таксама арганізацыі, дзейнасць якіх накіравана на забеспячэнне эфектыўнага функцыянавання ўсёй сістэмы мастацкай адукацыі (бібліятэкі, музеі, навуковыя і іншыя арганізацыі).

У адпаведнасці з Кодэксам у Беларусі дзейнічаюць установы дадатковай адукацыі дзяцей і моладзі - цэнтры (палацы) і ДШМ. Музычна-адукацыйная праграма дадатковай адукацыі дзяцей і моладзі можа рэалізоўвацца не толькі ва ўстановах дадатковай адукацыі, але і ва ўстановах агульнай сярэдняй, прафесійна-тэхнічнай, сярэдняй спецыяльнай, вышэйшай адукацыі.

Падсістэма *прафесійнай* музычнай адукацыі Беларусі прадстаўлена некалькімі ўзроўнямі. Адукацыйныя праграмы *пачатковай* (перадпрафесійнай) музычнай адукацыі рэалізуюцца ў наступных ўстановах: ДШМ, вучэбна-педагагічныя комплексы “школа–каледж мастацтваў” і “гімназія–каледж мастацтваў”, прафесійна арыентаваныя аб’яднанні па інтарэсах музычнага профілю ў цэнтрах (палацах) – студыі, музычныя калектывы народнай творчасці і інш. Вывучэнне музычных прадметаў на павышаным узроўні, а таксама рэалізацыя адукацыйнай праграмы дадатковай адукацыі дзяцей і моладзі музычнага профілю здзяйсняецца ў вучэбна-педагагічных комплексах “базавая школа–каледж мастацтваў”; “сярэдняя школа–каледж мастацтваў”; “гімназія–каледж мастацтваў”. Адукацыйныя праграмы пачатковай (перадпрафесійнай) музычнай адукацыі могуць рэалізоўвацца ў студыях і школах пры прадзюсерскіх цэнтрах, прафесійных музычных калектывах.

Музычна-адукацыйныя праграмы на ўзроўні *сярэдняй спецыяльнай* адукацыі рэалізуюцца ў гімназіях–каледжах мастацтваў, базавых школах–каледжах мастацтваў, сярэдніх школах–каледжах мастацтваў, а таксама ў музычных і педагагічных каледжах, каледжах культуры і мастацтваў. У названых і ўсіх іншых установах сярэдняй спецыяльнай адукацыі рэалізуюцца таксама адукацыйная праграма дадатковай адукацыі музычнага профілю дзяцей і моладзі (Кодэкс, арт. 186).

Музычная адукацыя на ўзроўні *вышэйшай* адукацыі накіравана на развіццё асобы студэнтаў, іх інтэлектуальных і творчых здольнасцей, атрыманне імі тэарэтычнай і практычнай падрыхтоўкі, якая завяршаецца прысваеннем кваліфікацыі спецыяліста з вышэйшай адукацыяй, ступені магістра” (Кодэкс, арт. 202).

Адукацыя ў сістэме *дадатковай адукацыі дарослых* накіравана на “профессиональное развитие слушателя, стажера и удовлетворение их познавательных потребностей” (Кодэкс, арт. 240). Сістэма забяспечвае рэалізацыю адукацыйных праграм, у прыватнасці, павышэння кваліфікацыі кіруючых работнікаў і спецыялістаў; адукацыйнай праграмы стажыроўкі кіруючых работнікаў і спецыялістаў; адукацыйнай праграмы ўдасканалення магчымасцей і здольнасцей асобы і іншыя (Кодэкс, арт. 242).

Музычная адукацыя на ўзроўні *паслявузаўскай адукацыі* накіравана на развіццё асобы аспіранта, дактаранта, суіскальніка і рэалізацыю іх інтэлектуальнага і творчага патэнцыяла, фарміраванне прафесійных навыкаў арганізацыі і правядзення навуковых даследаванняў з прысваеннем навуковай кваліфікацыі “Даследчык” (Кодэкс, арт. 218).

Установы агульнай і прафесійнай музычнай адукацыі ў сваёй дзейнасці могуць спалучаць рэалізацыю музычна-адукацыйных праграм агульнай і прафесійнай, асноўнай і дадатковай, пачатковай, сярэдняй спецыяльнай, вышэйшай і паслявузаўскай (у розных варыянтах) адукацыі. У той жа час кожная з іх мае сваю, уласціваю толькі ёй дамінуючую функцыю ў падрыхтоўцы музыкантаў.

Такім чынам, сістэма музычнай адукацыі Беларусі ёсць цэласнае адзінства ўстаноў і арганізацый агульнай і прафесійнай музычнай адукацыі. Прафесійная музычная адукацыя Беларусі апіраецца на сетку ўстаноў агульнай музычнай адукацыі. Існуюць разнастайныя варыянты музычнай прафесіяналізацыі. Сярод шляхоў забеспячэння цэласнасці сістэмы музычнай адукацыі назавем наступныя. Гэта ўзгодненасць: адукацыйных праграм агульнай і прафесійнай музычнай адукацыі; дзейнасці ўстаноў, узроўняў і ступеняў падсістэмы агульнай музычнай адукацыі (пераемнасць, непарыўнасць, адсутнасць “тупіковасці” асобных узроўняў, ступеняў, устаноў); дзейнасці ўстаноў і ўзроўняў падсістэмы прафесійнай музычнай адукацыі (пераемнасць, непарыўнасць); дзейнасці ўстаноў асноўнай і дадатковай адукацыі; інстытуцыянальных і неінстытуцыянальных форм атрымання музычнай адукацыі ў грамадстве; класных, пазакласных (у тым ліку факультатыўных) і пазашкольных, вочных, завочных і дыстанцыйных форм атрымання адукацыі.

Літаратура і крыніцы

1. Целостность // Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М., 1981.
2. Блауберг, И. Часть и целое / И. Блауберг // Филос. Энцикл. – Т. 5. – М., 1970. – С. 474–476.
3. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З. – Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2011.

ПРИРОДА УЧЕБНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПАРАДИГМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

Е. А. Цымбалюк

*Знание смиряет великого, удивляет обыкновенного
и раздувает маленького человека*

Л. Н. Толстой

Успешность общего художественного музыкального образования невозможна вне серьезного внимания к категории учебной деятельности. Последняя, как известно, является ведущей в гуманитарном знании в целом и в системе наук о музыкальном искусстве в частности, что объясняется:

- динамичным характером данного феномена, отражающим взаимодействие личности с окружающим миром;
- присутствием учебной деятельности в саморазвитии человека на протяжении всей его жизни;

– наличием в деятельности обязательного мотивационного начала, серьезно влияющего на процесс формирования личности в разнообразных ситуациях присвоения теоретического, практического, духовного, художественно-образного опыта.

Собственно учебная музыкальная деятельность детерминирована многоплановостью предлагаемого художественного материала [1, с. 15], спецификой деятельности музыканта-любителя, имеющей в большинстве случаев экстрамузыкальный характер и субъективную художественную значимость [2, с. 170], механизмом интонирования как предтечи в понимании языка музыки и принципов формообразования в произведении [3, с. 210]. Таким образом учебную музыкальную деятельность можно трактовать как процесс интонационного постижения музыки, в основе которого лежит комплексное умение «поддаться» объединяющему влиянию музыкального произведения, настроиться на соответствующий эмоциональный лад, понять музыку как потребность выразить свое отношение к миру интонационно.

Предметно учебная музыкальная деятельность экстраполируется в решение ряда учебных музыкальных задач – учебной задачи как прообраза исполнительской деятельности, учебной задачи как прообраза композиторской деятельности, учебной задачи как прообраза слушательско-аналитической деятельности. Следовательно, учебную музыкальную задачу целесообразно понимать как специфический вид учебной задачи, представляющей собой прообраз отдельных сторон объективного процесса постижения человеком музыки и направленной на моделирование одной из трех ведущих позиций по отношению к музыкальному искусству – позиции композитора, исполнителя либо слушателя.

Как основная единица деятельности в музыкальном образовании, учебная музыкальная задача отвечает ряду общедидактических требований и специфических музыкальных характеристик. К первым относится ориентация на изменение субъекта учебной деятельности – ученика, наличие в задаче предметной области, требований задачи и ее оператора, обеспечение в процессе решения задачи ориентировочных, контрольных и исполнительских способов действий [4, с. 10]. Ко вторым следует причислить:

– опору учебной музыкальной задачи на художественный вкус педагога в условиях объективного отсутствия строго определенных эталонов оценки учебных действий в искусстве и широкого профессионального контроля за эффективностью музыкального развития учащихся средней школы;

– необходимость адекватно оценить качество «решения» учебной музыкальной задачи в ситуации: неповторимого и единичного характера восприятия музыки каждым воспитанником, «смещения» предмета задачи с ее начала на процесс ее решения, отсутствия строгих эталонов в решении задачи;

– необходимость за конкретными учебными целями задачи видеть ее основное предназначение – научить ребенка свободно вступать в художественный диалог с автором музыки.

Отличаясь структурными особенностями, характером роли, принятой на себя учеником, соотношением «данного» и «искомого», учебные музыкальные задачи имеют и ряд общих позиций – преследуют обучающие, развивающие и воспитательные цели в их единстве, фокусируются на образном языке музыкального искусства, содержат в качестве генеральной идеи обеспечение диалога между художником и любителем музыки, характеризуются индивидуальностью «прочтения» и «решения».

Последний аспект определяет специфику оценочных критериев в отношении обозначенных задач. Содержание таких критериев должно помочь:

– выяснить адекватность постижения воспитанниками художественного музыкального образа;

– оценить меру сформированности исполнительских и аналитических музыкальных знаний, умений и навыков, и, как следствие, проследить процесс формирования исполнительской и слушательской культуры учащихся;

– стимулировать процесс развития у школьников базовых музыкальных способностей – музыкального слуха, ритмического чувства, музыкальной памяти;

– направлять и корректировать процесс становления музыкально-познавательного интереса;

– фиксировать развитие способности и потребности воспитанников самостоятельно оперировать элементами музыкальной речи, моделировать посредством музыкальных красок отдельные

эмоциональные состояния, миниатюры, развернутые сюжеты.

Обогащение личности опытом «решения» учебных музыкальных задач и соответственно опытом овладения учебной музыкальной деятельностью еще на школьной скамье позволит ей в будущем самостоятельно воспринимать и эмпативно анализировать ранее неизвестные музыкальные явления, находиться в «канве» современной музыкальной культуры и, при необходимости, самостоятельно оперировать элементами музыкальной речи.

По нашему мнению, дальнейшая разработка концепции учебной музыкальной деятельности должна опираться на следующие принципы:

– принцип адаптивности, предполагающий применение концепции в школах разных регионов Беларуси, отличающихся этнокультурными традициями, понятийными и художественными особенностями языка, нюансами взаимоотношений субъектов образовательного процесса, региональными особенностями развития музыкальной культуры;

– принцип мобильности, обеспечивающий практическое использование концепции на разных этапах общего художественного образования;

– принцип рефлексивной направленности как целенаправленное стимулирование у школьника потребности в оценке собственного музыкального творчества и результатов личной познавательной деятельности.

Литература и источники

1. Ражников, В. Г. Диалоги о музыкальной педагогике / В. Г. Ражников. – М., 1994.
2. Психология музыкальной деятельности: Теория и практика: Учеб. пособие для студ. муз. фак. высш. пед. учеб. заведений / Д. К. Кирнарская, Н. И. Киященко, К. В. Тарасова [и др.]; под ред. Г. М. Цыпина. – М., 2003.
3. Асафьев, Б. В. Музыкальная форма как процесс: в 2 кн. / Б. В. Асафьев. – Изд. 2-е. – Л., 1971.
4. Балл, Г. А. Теория учебных задач: психолого-педагогический аспект / Г. А. Балл. – М., 1990.

КИНОКЛУБ КАК МЕТОД ПРОДВИЖЕНИЯ ИДЕАЛОВ СПОРТА И ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Т. В. Уколова

Под словосочетанием «здоровый образ жизни» принято понимать «образ жизни, основанный на принципах нравственности, рационально организованный, активный, трудовой, закаляющий и, в то же время, защищающий от неблагоприятных воздействий окружающей среды, позволяющий до глубокой старости сохранять нравственное, психическое и физическое здоровье» [1].

Здоровый образ жизни, занятия различными формами физической активности являются сегодня не только средствами развития молодежи, но и укреплением здоровья, возможностью для общения и проявления социальной активности молодежи, формой досуга, влияют на авторитет и положение в обществе, трудовую деятельность, развитие личности молодого человека, его картины мира, нравственных идеалов и ценностных ориентации.

Учитель физической культуры О. В. Долтенкова считает, что неотъемлемой частью здорового образа жизни являются высокие моральные, нравственные и этические ценности человека [1].

Продвижение физической культуры в подростковой и молодежной среде подразумевает целенаправленную деятельность по распространению знаний в области физической культуры и спорта. Большой потенциал в этой работе, на наш взгляд, имеет киноискусство. Фильмы спортивной тематики наглядно показывают, какие безграничные возможности предлагает спорт молодому человеку для развития своего потенциала, возможностей, будущего. Таким образом, через досуг, просмотр фильма подростки, молодежь осознают привлекательность спорта и его альтернативу пагубному влиянию вредных привычек.

Эффективной моделью продвижения идеалов спорта и здорового образа жизни является кино клуб, который можно организовать на базе школы, учреждения дополнительного образования, ссуза или вуза. Чаще всего в современной школе кино появляется через интеграцию в учебный процесс факультативных (элективных, специальных) курсов, через привнесение соответствующего содержания в деятельность структур дополнительного образования: кружков, студий, других

детских объединений и, как правило, базируется на принципах отечественных традиций кинообразования и теории медиаобразования.

Формы занятий в киноклубе могут быть различны: лекция, беседа, дискуссия. Возможны и практические занятия по обучению написанию статей и рецензий и выездные занятия с посещением спортивных и оздоровительных мероприятий, кинофестивалей спортивной тематики.

Для качественного показа в кабинете или актовом зале школы, ссуза, вуза, дома культуры, центра дополнительного образования необходимо следующее оборудование: компьютер с DVD приводом; стереофонические колонки; экран (стационарный или переносной); мультимедиапроектор; коллекция фильмов на DVD или другом носителе.

Желательно также установить в помещении удобные и создать условия затемнения на время просмотра. Необходимо также собрать собственную коллекцию фильмов на DVD согласно учебно-тематическому плану, ядром которой могут быть лучшие произведения мирового художественного кинематографа, затрагивающие тему спорта и продвижения идеалов здорового образа жизни.

Среди самых популярных фильмов на тему спорта, которые наверняка вызовут интерес у подростков, можно назвать такие картины как «Легенда № 17», «Малышка на миллион», «Рокко и его братья», «Али», «Рокки», «Кто-то там наверху любит меня», «Матч», «Вспоминая Титанов», «Гол!» и другие.

Еще в СССР кино становится значимым акцентом в пропаганде здорового образа жизни, который признается важнейшим условием для поддержания здоровья населения. Широкое распространения получают научно-популярные фильмы и киножурналы просветительской направленности, информирующие население о правильном питании, необходимости профилактических медицинских обследований, соблюдении сбалансированного режима работы и отдыха.

Тема спорта в СССР была настолько популярна и масштабна, снималось огромное количество как документальных, так и художественных фильмов на разные тематики.

Среди большого количества таких фильмов можно выделить следующие: «Вертикаль» с Владимиром Высоцким в главной роли об альпинизме, «Восьмое чудо света» о баскетболе, «Выше радуги» о прыжках в высоту с шестом, «Укротители велосипедов» о велогонках, «Путь к медалям» о волейболе, «Мигу удачи» и «Сын чемпиона» о горных лыжах, «Фаворит», «Ипподром» о конном спорте, «Я буду ждать» о дзюдо, «Королевская регата» и «Легкая вода» о гребле, «Фантазия на тему любви» о фигурном катании, «Вратарь», «Третий тайм», «Удар! Еще удар!» о футболе, «Капабланка», «Гроссмейстер», «Белый снег России» о шахматах, «Куколка» о гимнастике, фильм общей спортивной тематики «Спорт, спорт, спорт» и многие другие. Часть этих фильмов можно включать для показа и сегодня.

Довольно популярными в молодежной среде являются фильмы о великих и выдающихся спортсменах, в частности боксерах, футболистах, хоккеистах, автогонщиках, шахматистах – Пеле, Марадоне, Айртоне Сенна, Мохаммеде Али, Бобби Фишере, Валерии Харламове и других.

После успешного проведения Зимних Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 года в России большой потенциал есть у фильмов о сочинской Олимпиаде, Олимпиаде 80 в Москве. Такие фильмы могут не только вдохновить ребят на занятие физической культурой, но и развить чувство патриотизма, гордости за свою страну.

Большой потенциал в этой связи принадлежит документальному кино, картинам о становлении спортсменов, их непростой судьбе и трудностям, закалившим характер, фильмам о паралимпийцах и людях с инвалидностью, которые, несмотря на сопутствующие сложности, занимаются спортом.

Важным моментом в работе киноклуба является обсуждение фильма. Важно, чтобы ребята имели возможность высказать свое мнение о фильме, поделиться впечатлениями и эмоциями, учились слушать и слышать других. На таких обсуждениях они имеют возможность высказаться не только о просмотренном фильме, но и поделиться своими успехами на спортивном поприще.

Одной из перспективных форм работы киноклуба может стать съемка фильмов о развитии того или иного вида спорта в регионе (городе, поселке, области/крае), о спортсмене, учителе физической культуры или тренере. Весьма популярными в молодежной среде являются ролики и клипы о пагубном влиянии вредных привычек, снятые в юмористическом ключе. Ролики можно распространять через социальные сети, видеопорталы, показывать в школах, ссузах, вузах, отправлять для участия в различных конкурсах. Снятый силами подростков и молодежи, такой ролик быстрее найдет отклик в среде своих ровесников.

Опыт работы школьного киноклуба в области продвижения спорта и развития патриотизма среди подростков и молодежи необходимо привносить в воспитательную и общественную работу российских школ и вузов. Представляется целесообразным, перенять этот опыт школам Беларуси, а также других стран СНГ.

Литература и источники

1. Долотенкова, О. В. Психологические особенности здорового образа жизни (ЗОЖ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/628392/>. – Дата доступа: 26.10.2015.
2. Федеральный закон о физической культуре и спорте в РФ / Принят Государственной Думой 16 ноября 2007 г. Одобрен Советом Федерации 23 ноября 2007 г. // Москва, Кремль, 4 декабря 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/12/08/sport-doc.html>. – Дата доступа: 26.10.2015.

4 НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИНАМИКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

4.1 Духовно-культурная традиция: сущность и социосозидающий потенциал

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ЛЕГИТИМИРУЮЩИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

А. И. Осипов

Процессы социально-экономической и политической трансформации на постсоветском пространстве глубинным образом зависят от культурной традиции, которая выступает как духовная легитимирующая инстанция. Культурная традиция может или санкционировать, освящать социально-экономические и политические новации, или тормозить их, а то и вовсе отторгать, если последние не соответствуют ее «генетическому коду». Культурная легитимация, в отличие от политико-правовой, носит неинституциональный, неявный, неформальный характер, что совсем не означает, что такой легитимацией можно пренебречь.

Культурно-историческая традиция – это своеобразная «память народа», необходимый способ фиксации, закрепления и селективного сохранения определенных значимых элементов социального опыта, прошедших отбор, выдержавших проверку временем. Это универсальный механизм трансляции внутренне структурированного и аксиологически нормированного опыта, который обеспечивает генетическую связь, устойчивую преемственность в культурно-историческом процессе, приобщение к которому – необходимое условие национальной, групповой и персональной идентичности.

Отказ от культурно-исторических традиций народа ведет к разрыву преемственности, дестабилизации, дезинтеграции, кризису идентичности. Другая крайность – абсолютизация всех сложившихся социально-культурных форм жизнедеятельности народа. Поэтому необходимо как сохранение традиций, так и творческое развитие накопленного опыта. Сохранение означает не консервацию, а бережное отношение к традиции, которое не исключает творческих новаций. Это дает возможность открытого продуктивного межкультурного диалога, результатом которого должно стать взаимообогащение, а не культурная колонизация, уничтожение, растворение, поглощение. Консервация же контрпродуктивна, закрыта для диалога, ведет к изоляционизму, отсталости, выпадению из мирового культурно-цивилизационного процесса. Консервация – неадекватная защитная реакция на перемены, ведущая к напряженности, конфликтам, фундаментализму.

Как бы ни пытались апологеты постмодернизма доказать торжество ценностей глобализации и неолиберализма, необходимо признать, что уважение к нравственности и великим духовным ценностям были и останутся незыблемым условием любых позитивных программ реформирования общества и успешного преодоления периодов кризиса и растерянности духа. [1, с. 10].

Как отмечает В. М. Межуев, можно говорить о наличии иных приоритетов и ценностей, отличных от западных. В самом общем виде они заключаются, видимо, в утверждении особого типа человеческой солидарности, не сводимой лишь к политико-правовым и экономическим связям и отношениям. Единственно достойная человека перспектива развития предполагает не отказ от гражданского общества и правового государства, а эволюционирование в сторону более всеобщих связей и отношений, лежащих в плоскости духовного, культурного и, прежде всего, морального бытия человека. [3, с. 11–13].

Логика развития техногенной цивилизации привела к постепенной секуляризации культуры, доминированию научной, а затем и технической рациональности (принципы технологичности, функциональности, инструментальности). Это, в свою очередь, привело к массовому производству, росту производительности труда и уровня жизни, господству потребительских стандартов и ориентаций. Все это вместе взятое предопределило «выдавливание» духовности из образа жизни западного общества. Цивилизация стала «поглощать» культуру. Дело в том, что технологичность

может быть в лучшем случае нейтральной по отношению к духовно-нравственной сфере, а в худшем – подавлять ее.

Духовность – «материя» тонкая и хрупкая. Гедонизм, потребительство, сытость – антиподы духовности. Именно сытость, а не материальная обеспеченность. Последняя вполне может быть совместима с высокими устремлениями человека. А вот нищие, голодные, озлобленные люди вряд ли будут носителями духовности. Духовность в ее светском понимании – это устремленность человека к светлому и возвышенному, к тому, что лежит за пределами его витальных потребностей. Духовность – это выход человека за рамки своей животной природы, своего эгоизма и ограниченности. Иными словами, это выход из сферы быта в сферу бытия, прорыв из узко-эмпирического, ограниченного мирка суетливой, повседневной событийности в бескрайние экзистенциальные горизонты человеческой бытийности, наполненной глубинными смысложизненными вопросами и ценностями.

Своеобразие восточнославянского менталитета в наибольшей степени проявилось именно в этой жажде духовности, устремленности к высоким идеалам нравственной правды, справедливости, социального служения, которые основывались на фундаменте Православия. Культурообразующая роль Православия – факт исторический, который в настоящее время нашел выражение в законодательстве России и Беларуси.

Религиозный ренессанс, который имеет место в постсоветских странах, свидетельствует о том, что есть некие неистребимые глубинные экзистенциальные потребности человеческой души. «Тяга» к религии в качестве своеобразного ответа на проблемы и противоречия техногенной цивилизации связана со стремлением преодолеть фрагментарность и раздробленность личности, столь характерной для «индустриального человека», с желанием обрести, таким образом, определенную целостность бытия. В возрастающем интересе к религии проявляется реакция на «холодную безличность научного знания», на жестокость технологического императива и экономического расчета, на абсолютизацию технократического сознания, в котором средства часто преобладают над целью, цель – над общечеловеческими ценностями, где укоренился инструментальный взгляд на человека как на программируемый, обучаемый компонент системы и объект разнообразных манипуляций. [5, с. 41].

Многие люди, погруженные в водоворот повседневных будничных забот, вдруг обнаруживают свою несамодостаточность, уязвимость, незащищенность и начинают испытывать острую потребность обретения «онтологической безопасности» в единении с Абсолютом. Как отмечает Г. Я. Миненков, религия имеет дело с «вечным в человеке» и именно поэтому всегда присутствует в обществе и истории. Религия бессмертна, потому что говорит человеку о самом важном: о Боге, смерти, вечной жизни, смыслах, которые по ту сторону обыденности и прагматики временного существования. Религия не особая функция духовной жизни человека, а то, что задает глубину всех ее функций. [4, с. 38].

Историческая воплощенность, реализованность в прошлом потенциала православных традиций и ценностей в образе жизни и менталитете русского и белорусского народов – факт бесспорный. Но может возникнуть сомнение относительно того, насколько востребован этот потенциал в настоящее время. Нужно ли его актуализировать сейчас, в эпоху глобализации? Не будет ли такая актуализация помехой, препятствием для построения цивилизованного общества в постсоветских странах, стремящихся занять достойное место в мировом сообществе? Апологеты глобализации как раз и пытаются доказать, что культурно-исторические и религиозные традиции – это анахронизм, помеха от которой нужно как можно быстрее и без сожаления избавиться. На это можно ответить следующее. Да, действительно, культурно-исторические и религиозные традиции являются помехой на пути культурной унификации, которой чревата безудержная глобализация, понимаемая как вестернизация, а точнее, как американизация. «Глобальная система массовых коммуникаций выступает мощным фактором нивелирования культурных различий. Ответом... является запрос на идентичность (национальную, религиозную, социально-групповую, личностную) [2, с. 13].

Приобщение к традициям своего народа является необходимым условием сохранения национально-культурной самобытности, потеря которой равнозначна культурной катастрофе. Поэтому для сохранения своего лица, обретения идентичности, мы должны не отказываться от своего культурного и религиозного наследия, а актуализировать его.

Литература и источники

1. Глобальный мир перед новыми вызовами. – Минск, 2002.
2. Захаров, А. В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ / А. В. Захаров // Вопросы философии. – 2003. – № 9.
3. Межуев, В. М. О национальной идее / В. М. Межуев // Вопросы философии. – 1997. – № 12.
4. Проблема религиозно-культурной идентичности в русской мысли XIX–XX веков / Составитель Г. Я. Миненков. – Минск, 2003.
5. Суперфин, Л. Религия в индустриальном и постиндустриальном мире / Л. Суперфин // Вопросы экономики. – 1993. – № 8.

КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ КАК ДУХОВНЫЙ РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ

Э. И. Рудковский

Реформирование общества, его модернизация не может ограничиваться лишь сферой экономических отношений, какими бы важными они ни были. Нельзя стоять на позициях экономического детерминизма. В обществе все диалектически взаимосвязано. Важную роль играют политические и социокультурные факторы, к числу последних относится культурный код нации.

Википедия определяет культурный код как «уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков; это закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это – культурное бессознательное – не то, что говорится или что осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках. Культурный код нации помогает понять ее поведенческие реакции, определяет народную психологию» [1].

Американский психоаналитик К. Рапай отмечает, что культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо понятием в нашем сознании, Смысл образов в разных культурах не совпадает и скрыт от нашего понимания [2]. Можно согласиться с тем, что в разных культурах существуют свои смысловые образы. Но если культурный код – это сфера бессознательного, то почему образы культурного кода связаны с каким-либо понятием? Понятия, как известно, – это форма рационального познания, мышления. Некоторые авторы, отмечая, что культурный код относится к «коллективному подсознательному», «культурному подсознательному», указывают на то, что культурное наследие наших предков оказывает большое влияние на формирование человека и создает ориентиры деятельности, развития любого социума. К примеру, Т. Жирикова отмечает: «Традиции не могут передаваться по воздуху, как грипп, для их передачи нужны институты, выступающие носителями, хранителями и контролерами соблюдения традиций» [3]. Культурный код, по мнению автора, следует беречь – это задача любой науки. Огромная роль здесь принадлежит образованию, воспитанию, искусству. С этим нельзя не согласиться. Однако как рациональная по преимуществу образовательно-воспитательная деятельность может укреплять, формировать, поддерживать то, что относится к культурному бессознательному? Самоидентификация представителей тех или иных наций и этносов в целом во многом определяется культурным кодом, который делает нас теми, кто мы на самом деле есть. Но, в то же время, она связана с рациональным осмыслением своего места в мире. Культурный код включает бессознательное, но не сводится к нему, его нельзя сводить к национальной психологии.

Культурный код выступает как необходимое условие сохранения, преемственности и устойчивости человеческого бытия. Он основывается на определенных ценностях, которые определяют суть нации, ее особенности.

Развал СССР затронул все стороны жизни, включая и культуру. Произошел пересмотр многих базовых ценностей советского общества. В изменившихся исторических условиях стала формироваться новая гражданская и культурная идентичность, в которой в соответствии с принципом диалектического отрицания взаимодействуют традиционные советские и современные ценности, идеалы и смыслы бытия.

Этот процесс носит во многом стихийный характер. В настоящее время стоит задача перейти на новый уровень культурной идентичности. Без этого невозможно обустройство нашего общего дома. Речь идет о мобилизации всего того, чем было сильно славянство.

Прежде всего, следует выделить такие духовные ценности восточного славянства как коллективизм, служение обществу, стойкость к жизненным невзгодам, твердость душевной ориентации, патриотизм, готовность к самопожертвованию.

Духовные ценности белорусов складывались в тесной связи с восточнославянской культурой. Вместе с тем, особенности культурного кода белорусов определили тесные связи с другими народами, «пограничный» характер духовной жизни народа, который на протяжении всего своего существования испытывал влияние других культур.

Культурный код белорусов ярко представлен в многочисленных произведениях классиков белорусской литературы: Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, В. Короткевича и др. К числу духовных ценностей белорусского народа многие исследователи относят: миролюбие, толерантность, дружелюбие («памяркоўнасць»), стремление к разумному компромиссу, хозяйственность, трудолюбие, бережливость, стойкость перед вызовами времени. Е. М. Бабосов отмечает: «... как бы ни изменялся мир, какие бы перемены ни происходили в сознании и поведении людей, в нашем обществе существуют и не утрачивают своей непреходящей значимости традиционные ценности... Они-то и составляют фундамент той идеологии, которая коренится в самосознании и житейской мудрости белорусского народа. Именно они всегда были и всегда будут востребованы при любых социальных переменах» [4]. Опора на данные качества – условие стабильности социума, плодотворного приграничного сотрудничества. Наши народы всегда выручала культура как общая память. Вот почему в практике многообразных региональных связей следует опираться на их традиционные ценности.

В то же время, следует учитывать стремительную динамику процессов в духовной сфере. Современное общество пока во многом опирается на потенциал старшего поколения, советской духовной культуры. Но активным субъектом общественной жизни становится то поколение, которое выросло в постсоветское время. Многие из представителей данного поколения оказались без руля и ветрил, четких духовных ориентиров. Денежная мотивация жизни стала определяющей, а духовность стала уходить из многих сфер жизнедеятельности общества. Важно не потерять память о своих предках, сохранить их духовное наследие, помнить о своем происхождении и предназначении в этом мире.

Культурный код может трансформироваться в процессе развития общества (упрощаться, усложняться, менять знаковую и символическую систему), но очень важно не замыкаться в сфере иррационального, бессознательного и строить культурную политику на основе четких вербальных выражений, осознанных ясных представлений.

Только общество с четкими нравственными ориентирами может обратить экономическое развитие и научно-технический прогресс во благо, а не во вред человеку. Современное общество меняется стремительно и радикально, но остается непреходящим значение таких ценностей как трудолюбие, честь, совесть, достоинство, доброта, толерантность, патриотизм.

Литература и источники

1. Культурный код [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wikipedia.org/wiki/%CA>. – Дата доступа: 29.06.2015.
2. Рапай, К. Культурный код [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxpork.comm./community/8/content/2030180#diskurs>. – Дата доступа: 5.08.2015.
3. Жирикова, Т. Русский культурный код [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxpork.comm./community/8/content/2030180>. – Дата доступа: 22.06.2015.
4. Бабосов, Е. М. О современном характере идеологии / Е. М. Бабосов // *Беларуская думка*. – 2003. – №6.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

И. Н. Колядко

Исследование процессов социокультурных трансформаций и динамики перехода в их связи с феноменом интеллектуальной традиции является важным для понимания содержания и направленности модернизации государств постсоветского пространства. Противоречивый характер

трансформационных процессов, связанный с радикальной переориентацией «культурного проекта» в условиях смены исторических парадигм и глобальных вызовов цивилизации, реализуясь в социальной практике, часто приводит к «моральному коллапсу» (И. Валлерстайн) и кризису. Среди характерных признаков «кризисного состояния общества», понимаемого как «переходное состояние, сопровождающееся распадом существующих ценностей и одновременно поиском новых жизненных ориентиров, не имеющих аналогов», отмечаются такие как: 1) угроза традиционным, базовым ценностям; 2) весьма ограниченное время для принятия решения в условиях кризисной ситуации; 3) высокий уровень неопределенности [1, с. 177].

В свою очередь, интеллектуальная традиция, понимаемая как квинтэссенция культуры, её смысловое ядро, является условием любых качественных изменений, необходимым фактором совершенствования структурно-функциональной организации социума в целом. А находящаяся в недрах интеллектуальной традиции и выступающая ее основанием философия, которую именуют «живой душой культуры» (К. Маркс), «самосознанием культуры» (В. С. Стёпин), является важной консолидирующей силой. В ее предметном поле осуществляется обоснование и интеграция происходящих в культуре преобразований в практику социального действия и коммуникации.

Специфика происходящих на постсоветском пространстве социокультурных трансформаций во многом обусловлена ускоренными процессами модернизации во всех сферах жизни и острой необходимостью разработки концептуальной стратегии национальной идентичности, позволившей бы органично интегрироваться в мировое сообщество и выстраивать, исходя из принципов самобытной интеллектуальной традиции, конструктивный диалог с различными субъектами культуры. Кроме того, решение вопроса о роли интеллектуальной традиции в процессах социокультурных трансформаций является принципиальным для выработки локальных стратегий управления социальным развитием в целях поддержания устойчивого баланса в глобальном аспекте.

Насущной задачей остается обоснование взаимосвязи интеллектуальной традиции и кризисных процессов, связанных со сменой ведущих ориентиров развития социума, а также выявление роли интеллектуальной традиции в формировании новой культурной реальности в условиях смены мировоззренческих парадигм.

В понятиях «интеллектуальная традиция», «национальная интеллектуальная культура», которые получили широкое распространение в гуманитарных науках, заключается представление о специфике познавательной и творческой деятельности, характерной для той или иной цивилизации, культуры, детерминированное социально-историческим контекстом и конкретными вызовами, задачами, стоящими перед обществом. Сформированные в рамках определенной культуры мировоззренческие универсалии, критически проанализированные в предметном поле философии как стержне интеллектуальной традиции, содержат в себе не только уже реализованные в конкретном историческом контексте проекты развития, но и задают направление социодинамики в целом.

Вместе с тем, «в развитии общества, – как отмечает В. С. Стёпин, – периодически возникают кризисные эпохи, когда прежняя исторически сложившаяся и закреплённая традицией «категориальная модель мира» перестает обеспечивать трансляцию нового опыта, сцепление и взаимодействие необходимых обществу видов деятельности. В такие эпохи традиционные смыслы универсалий культуры утрачивают функцию мировоззренческих ориентиров для массового сознания» [2, с. 209]. В эпохи кардинальных перемен и преобразований политико-институциональных, социально-экономических и культурных оснований социума прежде сложившиеся «картины мира» и системы аксиологических доминант утрачивают соответствие потребностям общества в конституировании новых способов организации жизнедеятельности. «Социальные кризисы, – отмечает А. И. Извеков, – характеризуются разрушающим воздействием на ментальность, в результате которого исчезает ее сплачивающе-унифицирующая роль, что в итоге чревато разрушением самой социальной общности. Не поддающийся сиюминутному осмыслению поток новейших ценностно-смысловых открытий провоцирует состояние социальной аномии» [3, с. 82]. В том случае, если в лоне интеллектуальной традиции произошедшие перемены не получают должного концептуально-теоретического осмысления, а возникшие разрывы и противоречия в целостной системе социальной деятельности приводят к нарастающей энтропии и несоответствию приоритетам общественного развития, наступает «период разрушительно-созидательного хаоса, в недрах которого происходит распад прежнего порядка, и пробиваются новые аттрактивные идеи, задающие векторы формирования нового порядка» [4, с. 1496]. Разработка проектов новой культурной матрицы («куль-

турной парадигмы») происходит в сфере философской рефлексии как мировоззренческом основании социума, «краеугольном камне» интеллектуальной традиции.

Такого рода «поворотные пункты» (перевод др.-греч. κρίσις), переходы от одного типа развития к другому: от традиционного общества к техногенной цивилизации в эпоху Возрождения (В. С. Стёпин), от преמודерна к модерну (эпоха Нового времени) и постмодерну в конце XX столетия (А. Г. Дугин) и ряд других, – позволяют говорить о том, что исторической смене этапов развития всегда предшествовало преобразование смысложизненных установок и оформление новых мировоззренческих ориентиров в пространстве интеллектуальной традиции того или иного цивилизационного региона. В такие периоды, по мысли А. Ф. Лосева, оформлялся определенный тип «мифологии как выражение наиболее цельное и формулировка наиболее разносторонняя – того мира, который открывается людям и культуре, исповедующим ту или иную мифологию», поскольку «... в основе каждой культуры лежат те или другие мифы, разработкой и проведением которых в жизнь и является каждая данная культура» [5, с. 263]. Таким образом, представители интеллектуальной традиции являются творцами новых парадигм социокультурного развития, которые можно интерпретировать в терминах «мифа» (А. Ф. Лосев), «концептуальных установок» (Я. Хинтиikka), «эпистем» (М. Фуко), учитывая возможности их адаптации к потенциальным вызовам локального и глобального характеров, предсказуемости поведения социальной системы в периоды «цивилизационных макродвигов» (Э. Ласло) и кризисов.

Восточнославянский культурный и цивилизационный регион в постсоветскую эпоху часто определяют как «переходное общество», «модернизирующееся общество». Однако, как отмечает С. В. Голубев, «“переход”, “трансформация”, – это всегда программа социокультурной перекодировки, смены ценностных ориентаций» [6, с. 168], поэтому «не мифический и невозможный “переход-модернизация”, а осознание своих ценностей, формирование своего взгляда на мир, четкого представления своих интересов, своей идеологии, сильное государство и собственный проект строительства консолидирующий общество, востребующий его творческий потенциал и сильные стороны, – вот что нам сегодня нужно» [6, с. 170].

Сильная интеллектуальная традиция как пространство, в котором происходит формирование приоритетов социокультурного развития и выработка средств их воплощения в социальной практике (в форме национально-государственной идеологии, программ общественно-экономических преобразований, в публицистических дискурсах и т. п.) является залогом самообретения духовной идентичности, фундаментом государственного и культурного строительства, преодолевающего кризис социальной аномии. В процессе оформления новой культурной матрицы знаково-символические (смысловые, нормативно-регулятивные, коммуникативные) структуры как инструменты упорядочивания социокультурной сферы получают обоснование в недрах определенной интеллектуальной традиции, которая носит для них безусловный характер.

Таким образом, интеллектуальная традиция выступает своего рода воплощением принципов преемственности, устойчивости в условиях кризиса сложившихся форм социокультурного бытия. Вместе с тем, интеллектуальная традиция как средоточие инвариантов и социокультурных кодов той или иной цивилизационной общности является, благодаря потенциалу к совершенствованию транслируемого содержания, источником новых идей, образов, проектов и решений, так необходимых культуре в кризисные периоды ее развития.

Литература и источники

1. Гончарова, Н. П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия / Н. П. Гончарова // Известия Алтайского государственного университета. Философия, социология и культурология. – 2010. – № 1–2. – С. 177–181.
2. Стёпин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Стёпин. – СПб., 2011.
3. Извеков, А. И. Кризисные состояния в культуре: проблема типологизации / А. И. Извеков // Грамота. – 2014. – № 9 (47): в 2 ч. Ч. 1. – С. 80–85.
4. Яркова, Е. Н. Постмодернизм как культура межцивилизационной эпохи / Е. Н. Яркова // Философия и культура. – 2014. – № 10 (82). – С. 1495–1505.
5. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – М., 2009.
6. Голубев, С. В. Основания государственности: социально-философский анализ / С. В. Голубев. – Минск, 2005.

РАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУСОВ И РОЛЬ ЗНАНИЙ В ЕЕ РАЗВИТИИ

А. И. Левко

Интеллектуальная культура любого народа определяется как рациональными, в том числе и проектно-логическими, так и иррациональными (ментальными, эмоционально-чувственными и ценностно-нормативными) ее началами. И особая роль в ее развитии принадлежит, мифологическим, религиозным, философским, научным, обыденным и другим знаниям. При этом сознательно регулируемому, логическому началу, лежащему в основе общественного сознания той или иной страны, принадлежит здесь отнюдь не определяющая роль. Самосознание народа и его интеллектуальные способности, как бы интуитивно, регулируется и направляется глубинными слоями подсознательного, его менталитетом, национальным характером и т. д. Это обстоятельство и позволило в свое время Ф. Ницше заявить: «Мы, немцы, все является гегелианцами не по логике вещей, а по национальному духу, основой которого выступает рациональность». Исходя из этих же убеждений, известный русский философ и богослов Сергей Булгаков в своей фундаментальной работе «Философия хозяйствования» критикует марксизм за абсолютизацию рационального начала трудовой деятельности и фактическое игнорирование ее иррациональных составляющих. Другой, не менее известный русский философ Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» достаточно убедительно доказывает наличие внутренней взаимосвязи между научными достижениями народов, в частности, английского и французского, и их национальным менталитетом.

Научные и другие знания не сводятся лишь к семантической и другой знаковой информации, усвоению определенных дефиниций или философских категорий и формально-логическим правилам оперирования ими. Бессмысленных знаний не бывает. Содержащееся в них ценностно-нормативное, смысловое начало и определяет целесообразность человеческой деятельности. В связи с этим сознательная логика индивидуального мышления, как утверждал в свое время известный французский социолог и криминалист Габриэль Тард, всегда определяется и направляется бессознательной социальной логикой того или иного народа.

Научные знания – это не только знания законов механики и мироздания в целом, но и знания, определяемого философской рефлексией и народной мудростью, его историческим опытом и менталитетом, неразрывно связанным с мифологическим, религиозным и обыденным сознанием. В связи с этим, порой, достаточно сложно провести различие между наукой и идеологией, идеологией и утопией, философскими концепциями и мифологией, ибо идеология – это не только выражение классовых интересов, но и лежащая в основе научного сознания идеализация или некая виртуальная реальность, способная опредмечиваться и обретать форму соответствующей социальной реальности. Утопия, по сравнению с идеологией, по мнению К. Манхейма, такой способностью не обладает. В этом и заключается их различие. Управление знаниями в данном случае вне государственной идеологии невозможно. Оно предстает в форме социального проектирования в контексте задач социально-экономической модернизации. Однако, было бы ошибкой приписывать современному модернизму и постмодернизму магические способности управления знаниями, обеспечивающее переход к знаниевой экономике, а в развитии этих знаний абсолютизировать лишь роль самой личности творца. Развитие личности, в том числе и ее характера, согласно, например, марксизму, есть результат объективно складывающихся общественных отношений. «Характер личности, – утверждал Г. В. Плеханов, – является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» [4, с. 322].

Не думаю, что этим тезисом сегодня можно просто пренебречь. В онтологическом плане культура, действительно есть, прежде всего, конструктивный мир – все то, что эти предметности порождает, что их структурирует и конституирует. Однако конструирует существующую реальность она не произвольно, не в зависимости от воли отдельных индивидов, а в соответствии с требованиями времени и объективных обстоятельств. Любая мыследеятельность имеет дело с анализом современности и ее требованиями. «Идеей времени человек обязан обществу. Ведь время немислимо без последовательности. Все, что в душе, в сознании индивида превосходит его собственную ограниченность и конечность, так или иначе, имеет своим источником общество... Современный индивид рационалистически расчетлив, но может ли он о каждой своей идее сказать,

что она принадлежит именно ему?» [5, с. 44].

Кроме индивидуального «Я» существует коллективное групповое «Мы». «Сам» значит отдельный. «Я сам» в устах ребенка выражает самоутверждение. «Я» всегда подразумевает выделение, противопоставление себя чему-то или кому-то другому. «Рассмотрение “Я” в контексте отношений с другими лицами предполагает потенциальное взаимодействие» [2, с. 14]. Вне социального взаимодействия личность не формируется.

Первоосновой познания является общественная практика. Для того чтобы определить и преобразовать в нужном направлении педагогический опыт, наука должна использовать все богатство человеческой культуры, общественной практики, социального опыта в целом и отражение этого опыта в научном знании. Человек стремится к абсолюту. Его духовно-практический компонент отражает параметры своего времени. Образование от науки переходит к культуре, в котором наука – всего лишь один вид культурного опыта.

Постмодернистское видение сущности и механизмов развития интеллектуальной культуры прямо противоположно естественнонаучному видению. Интеллектуальная культура предстает здесь как ценностно-нормативное конструирование реальности или современности на основе мыследеятельности. Идеальное представление в данном случае отрывается от материальных, естественных источников развития, превращая тем самым идеологию в основной источник социальных преобразований и реформ. «Модерн» – современность – понятие, превратившееся в идеологию и потому ставшее «модер-измом» [3, с. 135]»

Возникнув в архитектуре и живописи конца XIX начала XX века, модернизм охватил все искусство, культуру, и теперь это ключевое слово в спорах о новой онтологии, и ее перспективах. Модернизм стал олицетворением нормы. Это своеобразный поворот от описания реальности «как она есть», открытия и репрезентации натуры к ее преобразованию, переделке в соответствии с целями субъекта. Постмодернизм означает отрицание науки, ее замену мыследеятельностью, технологизацию. Это дало толчок новому витку субъективизма или субъективизации сущего. В центре внимания здесь оказывается противоречие между действительностью и возможностью, между миром естественного и действительным. И основным условием разрешения этого противоречия выступает здесь логика или логицентризм как форма системной мыследеятельности.

В гипермодернизме, если брать его в качестве идеального типа, выражается процесс возникновения бесприродного техногенного мира, искусственной реальности как новой среды обитания людей. Оно творится человеком и по мере накопления сотворенного отпадает от него, развиваясь самостоятельно, по законам не менее объективным и повелительным, нежели законы природы или божий промысел. Первоначально появляясь как острова или пятна, эта среда, непрерывно наступая из будущего, окружает природу извне и выхолащивает изнутри...» [3, с. 138]

Вершиной творчества искусственного стало появление компьютерной реальности, субстанция которой – не вещи, а отношения. Человек здесь присутствует лишь идеально.

Информация перестала быть «информацией о, то есть отражением, сведениями о чем-то. Она превратилась в самостоятельную сущность, наряду с веществом и энергией. Иногда ее соотносят или прямо ставят на место материи. В виртуально-компьютерном мире она – действительно «материя». Эти процессы можно назвать «креалистической революцией»... Информация и техника из средства деятельности человека превращаются в среду его обитания. Они «бытийствуют». Одной из разновидностей такого бытия выступает коммуникативная реальность, как основа развития особого типа интеллекта – «коммуникативной рациональности».

Смещение акцентов с естественнонаучного на субъективный фактор развития привело к соответствующим мировоззренческим сдвигам относительно понимания самой культуры и в, частности, к смене идеи развития идеями трансформации и реформ. *И если до этого сама культура представлялась как естественный процесс, выращиваемый, культивируемый из национальной и другой традиции, из опыта жизни, природных задатков индивидов и т. п., то теперь как искусственно создаваемый, конструируемый, проектируемый процесс и результат, направляемый соответствующей государственной или иной идеологией.* Идея научно-технического прогресса как одно из выражений развития постепенно сменяется идеей социальной инженерии и социального управления. Идея социальной закономерности идеями социального консенсуса и партнерских отношений. Менеджмент стал представляться как важнейшее условие реализации государственной и межгосударственной стратегии, политической, хозяйственной интеграции и культурной интеграции. Ин-

теллектуальная культура Беларуси стала представляться как воплощение общечеловеческих ценностей и научно-технического прогресса в контексте процесса глобализации и интеграции. Управление же знаниями считается возможным лишь в контексте задач социально-экономической модернизации. В многообразии возникающих на этой основе философских концепций вымысел часто сложно отличить от подлинных теоретико-методологических изысканий. И это обстоятельство имеет свои объяснения.

Философия и наука, как считает, например Л. Г. Ионин, отнюдь не порывают с мифологией и религиозной верой. В ней просто начинают поклоняться совершенно иным ценностям. В качестве наглядного примера такого мифотворчества он приводит современную теорию модернизма. Модернизм, по его мнению, это – особый вид мировоззрения, в основе которого лежат несколько тесно взаимосвязанных друг с другом мифов.

1) *Миф об однолинейном развитии мира.* Это значит, что человечество идет по одному пути, проходя через одни и те же этапы, формы социального, культурного развития. Одни страны ушли дальше, другие слегка отстали, третьи вообще плетутся в хвосте и нуждаются в руководстве первых. На этом мифе строилась политика и идеология колониализма и неоколониализма, империализма в их политических, экономических и культурных формах.

Основная задача состояла в том, чтобы помочь «культурно отсталым народам» усвоить «передовую» европейскую культуру, поскорее забывая свою традиционную. Это осуществлялось посредством захвата рынков сбыта, которые наполнялись продукцией массового производства из Европы и Северной Америки при поддержке силы оружия и посредством создания колониальных и полуколониальных режимов. В результате образцы европейского и американского потребления превращались в образцы для всего остального приотставшего человечества. Жизнь Запада, а США особенно, представлялась как будущее остального мира, к которому можно прийти, следуя уже испытанным путем. Запад конструировался самим Западом посредством своей экономической и пропагандистской мощи как своего рода референтная (эталонная) цивилизация для всего остального мира.

В СССР этот миф имел своеобразную форму при сохранении общего содержания. Здесь носителем «передовой культуры» являлся «великий русский народ». Через него шла европеизация большинства народов советской Азии, Кавказа, внутренних районов Российской Федерации. Русская культура, русские модели городского потребления тиражировались по всей стране как образцовые. Русский народ предлагался как дальше всего ушедший по пути «строительства коммунизма», который был «светлым будущим всего человечества».

2) *Миф о «светлом будущем».* Суть его состояла в том, что по мере продвижения народа по пути прогресса он приближается к идеальному обществу, в котором будут ликвидированы все проблемы массового недопотребления и открыты все возможности для счастья. В рамках буржуазной и коммунистической идеологии этот миф имел разную окраску, что не мешало ему иметь общее содержание: рвущихся вперед ждет счастливое общество.

Этот миф имел серьезные последствия для повседневной жизни людей. На нем строилась мораль самоограничения и ограничения сегодня во имя счастья в будущем. С одной стороны, государство стремилось, увеличивая накопления за счет ограничения потребления, побыстрее толкнуть общество вперед, с другой стороны, и на уровне сознания индивидов культивировалась идея жертвенности во имя будущего – как своего, так и особенно детей. Эта идея жертвенности питалась идеологиями разной формы, начиная от религиозного аскетизма и кончая коммунистическим романтизмом. Накопление сегодня (личное или коллективное) во имя потребления завтра (личного, семейного или общественного) – это ядро модернистской морали. Составной частью мифа о светлом будущем являлась не только официальная идеология, но и личная вера в то, что «завтра будет лучше, чем вчера».

3) *Миф о прогрессе.* Согласно этому мифу человечество, отдельная страна идут от этапа к этапу вверх по ступеням прогресса. Старое, отжившее отмирает, вытесняется новым, более прогрессивным. Отсюда вера в то, что новое всегда лучше старого, отсюда пренебрежительное отношение к старому на всех уровнях во всех формах. Проявлением этой культуры было разрушение старых памятников архитектуры для строительства новых, модных сооружений. Такая градостроительная политика характерна отнюдь не только для Советского Союза. Немало примеров ее и на Западе. На уровне личного потребления этот миф о прогрессе, пропитавший сознание людей, про-

являлся в стремлении к новым моделям одежды, мебели, которые уже в силу своей новизны признавались как лучшие по сравнению со старыми. Из домов выбрасывали как «старомодную» мебель, старую утварь.

Для модернистского мировоззрения характерен культурный разрыв, а то и конфликт между поколениями. Каждое из них создавало свою субкультуру, отвергавшую субкультуру другого поколения. Еще в 1950-60-е гг. в нашей стране одежда людей 30–40-летнего возраста резко отличалась от одежды молодежи, люди этих поколений слушали совершенно разные песни, танцевали разные танцы и т. д. Молодежь свысока смотрела на старомодных "стариков", которые не могли бежать в своих вкусах в ногу со временем, с изменчивой модой.

4) *Миф о единообразии мира.* Из него вытекало понимание национального разнообразия как проявления отсталости, неразвитости, которые будут преодолеваются по пути продвижения вслед за эталонными культурами. Развитие рассматривалось как путь к единообразию. Отсюда тенденция превращения английского языка в мировой и англицизация всех остальных языков посредством массированного заимствования слов, выражений без попыток их перевода. В СССР это проявлялось в превращении русского языка в язык межнационального общения с катастрофическими последствиями для многих языков малых народов, приверженность к которым рассматривалась как проявление отсталости, национализма, деревенщины. Из этих же корней вырастает тенденция к стремительному уничтожению традиционной культуры, в том числе национальной одежды, народной музыки, промыслов, унификация быта, одежды и т. д. В основе этой модернистской тенденции в развитии культуры лежало господство массового промышленного производства, для которого единообразие производимой продукции – это снижение издержек, цены и соответственно повышение доходности.

Одной из сторон мифа о единообразии мира являлась вера в то, что есть единые для всех людей, возрастных и социальных групп, народов, эпох эталоны красоты, справедливости, добра и зла и т. д. Отсюда – тенденция к единообразию в потреблении одежды, жилья, музыки, книг и т. д. Все, что отклоняется от этого единообразия, считается нелепым, старомодным, некрасивым. Для модернистского мировоззрения характерно понимание моды как жесткой нормы, не терпящей отклонений, которые однозначно читались как признаки несовременности.

5) *Миф о познаваемости мира.* Природа, общество считались объектами, открытыми научному познанию. Предполагалось, что наука не сегодня, так завтра в состоянии дать ответы на все тайны природы, дать рецепты устранения всех язв общества, всех человеческих болезней. Для модернистского сознания характерен безусловный оптимизм. Отсюда – высокий статус науки, престижность образования.

6) *Миф об управляемости мира.* Он вытекал из мифа о полной познаваемости природы и общества. Познание открывало пути, давало право управлять в соответствии с открытыми научными закономерностями. Поскольку в познании этих закономерностей одни вырывались вперед (более «культурные» нации, более образованные классы, эксперты, чиновники и т. д.), а другие отставали, не понимая, как лучше идти к собственному счастью, то насилие, принуждение в научном исправлении последних считалось вполне правомерным. В годы гражданской войны в России появился лозунг «Железной рукой загоним человечество в счастье!».

Субъектом, познавшим истину и путь к счастью всех людей, считалось, прежде всего, государство. Отсюда тенденция, проявлявшаяся в разных странах в разной степени и разных формах, к усилению регулирующей роли государства, в том числе в повседневной жизни. Особенно сильно это проявлялось в обществе государственного социализма, где открыто декларировалось, что «Коммунистическая партия (читай: государство) – ум, честь и совесть нашей эпохи», что «Коммунистическая партия – руководящая сила всего советского общества» и т. д. Здесь партийно-государственный контроль глубоко проникал в сферу повседневной жизни, личного потребления. Государство присваивало себе право решать, что нужно народу, что полезно, что вредно. В соответствии с этими «познанными» истинами принимались решения, какие фасоны одежды соответствуют духу времени и содействуют воспитанию людей, а какие отражают буржуазные нравы; решалось, какие дома строить в массовом масштабе, какова должна быть планировка квартир, в какую сторону должен изменяться быт и т. д. Личное потребление выступало как объект государственного регулирования в самых тонких своих деталях.

Интеллектуальная, как и правовая, национальная и т. п. культуры белорусов отнюдь не яв-

ляются лишь результатом модернизации, основанной исключительно на социальном моделировании и разработке образовательных и других проектов, хотя их роль в ее развитии, несомненно, возрастает. Культура Беларуси – своеобразный итог исторического развития ее народа, отразившего в себе этнические, региональные, конфессиональные, поселенческие и другие различия, бессознательную логику социального развития с позиции самых различных ценностей и норм. Эти ценности и нормы в эпоху Великого Литовского княжества, Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза и суверенного белорусского государства существенно различаются, как и менталитет современных жителей Центральной Беларуси, Поозерья, Понемонья, Восточного и Западного белорусского Полесья. То есть, формирование интеллектуальной культуры белорусов включает в себя как спонтанный, так и управляемый процесс. И то, что проекты формирования этой культуры в различных государственных образованиях, в которые входила территория современной Беларуси и проживавший на ней народ, носили порой прямо противоположный характер по своей направленности, несомненно, нашло отражение в ее специфике, в частности, в степени его самостоятельности и творчества, отношении к социальным переменам и инновациям. Иными словами процесс развития интеллектуальной культуры белорусов носил отнюдь не линейный, хотя далеко не всегда спонтанный характер. Вместе с тем само географическое расположение Беларуси, ее земельные и водные ресурсы, плодородие почвы и природные ископаемые во все времена объективно вынуждали ее народ ориентироваться главным образом на развитие интеллектуального и нравственного потенциала. Знаниям и образованию в их развитии всегда отводилась определяющая роль. Институт образования на данной территории сложился гораздо раньше, чем у восточных соседей, а конфессиональное разнообразие господствующего здесь христианства не только способствовало рационализации иррациональной по своей сути языческой культуры, но и неуклонно формировали толерантность как черту национального характера белорусов. Открытой борьбы с иноверцами, как это имело место в Западной Европе, здесь никогда не было.

Таким образом, весьма сомнительным представляется утверждение, согласно которому «можно выделить непосредственный, лежащий на поверхности критерий истинности отображения хода истории – совокупность ценностей, совпадающих с интересами и ожиданиями всего человечества в данную эпоху». Что яко бы «опосредованно, более глубоко за ними стоят факторы, имеющие основополагающее и решающее значение – движение общества по восходящей линии, открывающее возможности для раскрытия творческих, сущностных сил всех и каждого человека в отдельности. Только на этом пути, – как утверждает известный белорусский философ В. Ф. Берков, – возможна историография как действительная, невульгаризированная наука». [1, с. 102]

В действительности же линейное и циклическое время в развитии интеллектуальной культуры народа и каждой отдельно взятой личности образуют некое нерасчлененное целое. Одним из вопросов формирования интеллектуальной культуры и интеллектуального развития является вопрос о том, как соотносятся между собой индивидуальная мыследеятельность и интеллектуальная культура общества, личная духовно-нравственная мотивация и социальный менталитет как феномен исторического развития. Ответ на поставленный вопрос ведется с позиции различных парадигм.

Так представители психолого-педагогической науки и методологии системной мыследеятельности придерживаются в вопросе цивилизационного развития одной и той же парадигмы, унаследованной еще от марксизма-ленинизма, которую можно обозначить как парадигму социального прогресса. Они полагают, что взаимодействие между отдельно взятым индивидом осуществляется через адаптацию к существующей природной и социально-культурной среде и освоение норм и ценностей этой среды или социализацию. И происходит это в виде возрастных психолого-физиологических изменений, эволюции организма или прогрессивных изменений во времени, понимаемом как хронометрический, линейный процесс движения от настоящего к будущему или бесконечного приближения к идеалу с помощью реформирования социально-культурных систем или целенаправленного их проектирования в соответствии с теми или иными ценностями и нормами. *Линейный тип* социальных изменений рассматривает всю историю человечества как единый и главное – направленный процесс. Линейный тип социальной динамики проявляется в идее эволюционизма. Он направлен в будущее, воспринимается как движение вперед во времени и пространстве. Особенность линейной динамики заключается в том, что каждый этап общественного прогресса, каждый этап движения выступает моментом генетического продолжения предшествующего этапа.

Линейные процессы частично поглощают в себя свойства предшествующих, обогащают и развивают их.

Однако такое представление о развитии интеллектуальной культуры в строгом соответствии с общечеловеческой логикой исторического развития, вопреки национальной и государственной идеологии, не соответствует действительности. Свою национальную и народную принадлежность, как и родителей не выбирают по своему усмотрению. Они являются результатом социального наследования. И это наследование предстает в форме исторического наследования. Историческое же наследование в отличие от психо-физиологической, в частности генетической, преемственности не имеет форму объективного или закономерного эволюционного процесса. Оно имеет форму свободы выбора информации, ценностно-нормативных и иных образов и идеалов в виде своеобразного личностного самоопределения. И это самоопределение имеет циклический характер. Ребенок не может из мира детства непосредственно включиться во взрослую жизнь, минуя предшествующие этапы физического и социального взросления. В то же время он не может с одной стороны игнорировать ценности и нормы жизнедеятельности своего социального времени, а с другой – ограничиваться только ними, не возвращаясь к анализу уже исторически пройденных этапов развития общества и не планируя свою будущую жизнь.

Циклический тип социальных изменений означает повторение тенденций прошлого, но с некоторыми новыми вариациями. Каждый из циклических процессов означает повторение тенденций между повторяющимися состояниями системы, количеством повторений в цикле. Циклы различаются количеством фаз, ритмикой, ускорением или замедлением интервалов. Циклическость придает ритм общественным процессам, является способом существования и сохранения общества.

Жизнь человека в обществе, как и жизнь всей живой природы в отличие от простой физической реальности предстает не как линейный, а циклический процесс. То есть не только дискретный, но и повторяющийся характер. Однако в отличие от природных циклов циклы социальной жизни имеют ценностно-нормативную или социально-культурную природу. А это значит, что социально-культурное развитие имеет характер сменяющихся друг друга циклов, но и эти циклы постоянно повторяются в жизнедеятельности каждого нового поколения. Детство сменяется, юностью, отрочеством, молодостью, средним, пожилым, преклонным возрастом. И это происходит подобно тому, как поры года, а также суточное время: утро, полдень, вечер и ночь последовательно сменяют друг друга. В основе этой смены лежат не физиолого-психологические и другие естественные процессы, а изменения ценностей и норм, смысла жизни. Эти ценности, нормы, смыслы есть порождение определенного социального времени и являются, как правило, общими для современников. Однако личность, согласно циклической парадигме, не привязана жестко к существующим общественным отношениям и нынешнему времени. Она может, как бы возвышаться над этими отношениями, осваивая ценности и нормы иных культур, в том числе и культур прошлого, и следуя соответствующим идеалам, проектировать будущее. Социальное время, в отличие от физического или биохронометрического, имеет не линейный характер прогрессивного развития, а циклический характер повторения уже пройденных этапов, возвращения к первоистокам развития сознания и самосознания человека.

Таким образом, рациональные и иррациональные составляющие интеллектуальной культуры белорусов, как и других народов, имеют равнозначное значение и требуют неукоснительного учета при выработке политики реформирования общества и его отдельных социальных институтов. Управлению знаниями в этом контексте принадлежит определяющая роль. Однако то, в каком направлении оно будет развиваться, во многом будет зависеть от выбора научных парадигм и философского мировоззрения. Дискуссии по этому поводу в перспективе будут лишь усиливаться. Много будет зависеть и от того на каких теоретико-методологических принципах будет базироваться реформирование существующей системы образования, как будут поняты причины его кризиса и какие способы выхода из него будут предприняты.

Литература и источники

1. Берков, В. Ф. Воздействие идеологии на науку / В. Ф. Берков // Социология. – 2015. – №2. – С. 97–102.
2. Кон, И. С. В поисках себя / И. С. Кон. – М., 1984.
3. Кутырев, В. А. Пост-пред-гипер-контр модернизм: концы и начала / В. А. Кутырев // ВФ. – 1999. – №3. – С. 135–143.

4. Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории / Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения: в 5-ти томах, Т.2. – С. 300–334.

5. Филиппов, А. Ф. Ясность, беспокойство и рефлексия: социологическая характеристика современности / А. Ф. Филиппов // Вопросы философии. – 1998. – №8.

МЕДИАТИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР: ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. В. Анохина

Начиная со второй половины XX века в философии и социально-гуманитарном познании приобретает особую актуальность проблема деформирующего влияния системы массовых коммуникаций на сознание индивидов и культуру современных обществ. Постепенно из узкопрофессионального понимания медиа как средств коммуникации складывается более широкая и многоплановая трактовка медиатизации как комплексного социокультурного процесса, обусловленного информационной революцией, и оказывающего системное воздействие на все сферы общественной жизни (Д. Бенигер, Э. Бернейс, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, М. Кастельс, П. Лазарсфельд, Н. Луман, Г. Мак-Люэн, Дж. Томпсон, Э. Тоффлер, Ю. Хабермас и др.).

Осуществляя реконструкцию философского и социально-гуманитарного анализа медиатизации, следует отметить, что, во-1-х, сущность медиатизации определяется не столько характером технологий передачи информации, сколько особенностью функций, которые медиа выполняют в обществе; и во-2-х, характер технологий приобретает решающее значение для функционирования медиа лишь тогда, когда благодаря технологическим новациям изменяется сам принцип коммуникации – от одностороннего вещания различных каналов в направлении неопределенного массового потребителя к интерактивному взаимодействию источника и адресата в условиях развития Интернета и связанных с ним сетевых структур.

В рамках первой проекции выясняется, что одной из важных функций современных медиа является функция презентации для широкой публики ранее закрытых сфер деятельности, открытие для «непосвященных», или массовой аудитории, особых зон функционирования социума, в том числе таких его социальных институтов, как государство, право, армия, церковь, наука, здравоохранение, образование и др. В этом смысле медиатизация есть «создание зон пересечений медиадискурса с различными социальными феноменами (политикой, культурой, религией и т. п.) и придание им публичности» [11, с. 66].

Социальные эффекты медиатизации, связанные с приданием публичности различным институтам и сферам деятельности современного общества, имеют как негативные, так и позитивные стороны. Согласно Н.И. Клушиной, распространенная в современной науке демонизация СМИ в эпоху глобализации часто вытесняет из поля зрения исследователей другую сторону медали. Качественные медиа, по ее мнению, не только порождают ценный интеллектуальный продукт, создавая публичное пространство дискуссий, в которых принимают участие различные эксперты, политики, представители общественности, деятели культуры, но и формируют национальный стиль медиадискурса, способствуя утверждению этнокультурной идентичности в глобальном информационном поле [11, с. 66–67].

Однако противоречивая сущность медиатизации быстро обнаруживает свою теневую сторону, когда принцип, движущий современными медиа – повышение рейтинга, вторгается в иные, не массовые и не публичные социокультурные поля. Одним из таких интеллектуальных полей можно считать науку, основанную на специализированных видах деятельности, требующих особой и многоступенчатой подготовки субъекта научного познания, его, так называемой, элитарной социализации. Негативную сторону медиатизации науки прекрасно подметил и проанализировал известный французский социолог Пьер Бурдьё, который указывал на усиление власти медиа и журналистского поля, подчиняющего другие социальные поля логике коммерческого успеха. Призывая поддерживать границы духовно-символических полей культуры, он отмечал, что иначе «могут оказаться в опасности достижения, ставшие возможными благодаря независимости поля и его способности сопротивляться светскому спросу, символом которого в настоящее время является рей-

тинг, и против которого выступали писатели прошлого века, восставая против идеи того, что искусство (можно то же сказать и о науке) может подчиняться вердикту всеобщего голосования» [5].

Противоречивые эффекты медиатизации, помимо вызываемых ими омассовления культуры, консьюмеризации принципов отбора и подачи информации, ориентация на усредненного потребителя, манипуляции сознанием реципиентов и ведения скрытых информационных войн, связаны со способностью СМИ играть роль медиаторов в процессах передачи культурной информации последующим поколениям, быть средством конструирования социальной реальности, или, выражаясь словами немецкого социолога Н. Лумана, выполнять функцию воспроизводства будущего [12, с. 160], которое преформирует жизненные стратегии индивидов.

Философский анализ медиатизации позволил существенно углубить понимание роли медиа в динамике глобализирующихся обществ. Так, постулируемый Ю. Хабермасом тезис о «колонизации жизненного мира» современными медиадискурсами породил целую серию мультипарадигмальных исследований медиа как специфического механизма трансформации социальной реальности и гибридизации традиционных практик. В них медиация трактуется как «проявление преобразующей функции СМИ, которые в процессе сбора, обработки («фильтрации») и передачи информационных данных о фактах реальности способны их видоизменять (или исказить), придавая им свои медиатированные значения (*mediated meanings*), возникающие в ходе фабрикации мнимых образов (событий) реальности» [8, с. 84].

В результате сложилось новое определение медиатизации, под которой стали понимать коммуникативный процесс массового производства и распространения медийных сообщений, культурных кодов и символических форм, дополняемый столь же массовым процессом их смысловой реинтерпретации, конституирования и укоренения в различных социальных контекстах.

Обращаясь ко второй проекции медиатизации, следует отметить, что для характеристики статуса и роли медиа в современной культуре важно различать типы технических средств, лежащие в основе медиации. С одной стороны, можно выделить печатные и электронные медиа (газеты, журналы, радио и телевидение), а с другой стороны – сетевые компьютерные мультимедиа, построенные на основе конвергенции цифрового телевидения, Интернета и его разнообразных сетевых компонентов.

Мгновенность обмена сообщениями, предоставленная Интернетом, стала для многих исследователей поводом утверждать, что современные технологии коммуникации приводят к аннигиляции пространства (З. Бауман, Т. Фридман и др.), порождая феномен «конца географии» (Ричард О'Брайен) [3] [13] [1]. Интернет, согласно М. Кастельсу, знаменуют собой становление новых критериев дифференциации социального пространства, которые можно рассматривать, исходя из трех точек зрения: (1) «техническая география Интернета», (2) «пространственное распределение его пользователей» и (3) «экономическая география Интернет-производства» [9]. Инфраструктура сети, будучи глобальной по охвату, является неоднородной с точки зрения пропускной способности. Подвижная геометрия информационных потоков, их концентрация в определенных местах (столицы и глобальные города, мегаполисы, связанные друг с другом плотными линиями коммуникаций), децентрализация самой сети, определяющая невозможность создания политически закрытых социальных пространств, новые, транснациональные формы интеграции участников сети – все это вместе порождает новую, «сетевую» социальную и экономическую географию. Узловыми, системообразующими осями этого нового, постсовременного социального пространства становятся глобальные города, интегрирующие вокруг себя креативную научно-технологическую, социально-экономическую и культурную инфраструктуры мира.

Другой аспект рассмотрения проблемы медиатизации культуры связан с качественным изменением в ней отношений «локальное / глобальное». Медиатизация способствует последовательному «вымыванию» локальной специфики культурных семиосфер, трансформируя социокультурную идентичность, основанную на фундаменте культурной традиции. Медиатизированное сознание постсовременности существует и развивается в межсемиотическом пространстве, проникая в различные семиосферы и смешивая их семиотические образования самым причудливым образом. Это сознание, зачастую маргинальное и поверхностное, подобно, по меткой метафоре А. Моля, беспорядочно спрессованным нитям войлока, но продуцирует большое количество гибридных форм, унифицированных относительно стандартов массового потребления.

Медиатизация радикально изменяет формы воспроизводства культурных традиций. Особое значение в этом контексте имеют исследования Э. Гидденса и Дж. Томпсона, посвященные фено-

мену детрадиционализации [7] [2]. Отмечая, что традиции продолжают составлять один из элементов обществ высокого модерна, Э. Гидденс, вместе с тем, указывает, что в условиях поздней современности, для которой характерны неустойчивость, риск и рефлексивность, культурные традиции сохраняются лишь постольку, поскольку они доступны для дискурсивного оправдания и готовы к открытому диалогу не только с другими традициями, но и с альтернативными, нетрадиционными образами действия.

Литература и источники

1. O'Brien, R. *Global Financial Integration: The End of Geography* / Richard O'Brien. – London, 1992.
2. Thompson, J.B. *Media and Modernity: A Social Theory of the Media* / J.B. Thompson. – Cambridge, 1995.
3. Бауман, З. *Глобализация. Последствия для человека и общества* / З. Бауман; пер. с англ. – М., 2004.
4. Бодрийар, Ж. *Пароли. От фрагмента к фрагменту* / Ж. Бодрийар. – Екатеринбург, 2006.
5. Бурдьё, П. *О телевидении и журналистике*: пер. с фр. / Пьер Бурдьё; предисл. Н. А. Шматко. – М., 2002.
6. Гидденс, Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*: пер. с англ. / Э. Гидденс. – М., 2004.
7. Землянова, Л. М. *Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике* / Л. М. Землянова // Вестник Московского университета. – Серия 10. Журналистика. – 2002. – № 5. – С. 83–97.
8. Кастельс, М. *Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе*: перевод с английского / Мануэль Кастельс. – Екатеринбург, 2004.
9. Кириллова, Н. Б. *Медиакультура: от модерна к постмодерну* / Н. Б. Кириллова. – М., 2006.
10. Клушина, Н. И. *Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль* / Н. А. Клушина // Русская речь. – №1. – 2014. – С. 66–73.
11. Луман, Н. *Реальность массмедиа*: пер. с нем. / Никлас Луман; Российская академия наук, Институт философии. – М., 2012.
12. Фридман, Т. *Плоский мир: краткая история XXI века*: пер. с англ. / Томас Фридман. – М., 2007.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

А. П. Мядель

Важнейшей задачей системы образования как социального института является воспроизводство определенного типа духовности адекватного условиям существования социума. Детерминация социальной и духовной жизни, ранее идущая от общезначимых представлений о долге, чести и совести, от этических и эстетических регуляторов, все чаще сменяется технологической детерминацией, обусловленной процессом глобализации, выступающей, как правило, средством навязывания западной системы ценностей. Общечеловеческие ценности являются изначально релятивистским понятием, амбивалентность которых заложена как неоднозначности понятия «ценность», так и противоречивости понятия «общечеловеческой», что особенно отражается на попытке исследования духовных ценностей. Принципиальную угрозу созидательной духовности несет утилитаристская направленность современной глобализации, в которой идея свободного рынка не только превалирует, но и является своеобразным критерием цивилизованности. Личность духовная, детерминируемая духовной сферой общественной жизни, культурой, превращается в фрагментарный и несамостоятельный человеческий фактор, управляемый техникой. Взаимодействие людей с внешней средой и друг с другом становятся прерогативой техники и технологии. Завышенные притязания, характерные для эмансипирующейся личности глобального мира не могут быть удовлетворенными у всех без исключения. Очевидно, что личность, решившая поставить принцип гедонизма в центр своих жизненных стратегий, должна отказаться от таких качеств, как социальная ответственность, коллективная идентичность, гражданский долг. Более того, она прямо заинтересована в ослаблении социальных регуляторов и нормативов, обеспечивающих социально одобряемое поведение.

Современный опыт, связанный со стремлением использования глобализации в качестве инструмента реализации проектов мирового господства отдельно взятой страны, или группы стран,

попытка поставить информационные технологии, транснациональный капитал на службу замыслов превращения планеты в зону тех или иных «национальных интересов» свидетельствуют об амбивалентности процессов глобализации. Существующие условия культурно-цивилизационного роста позволяют с высокой степенью вероятности предполагать, что векторы культурной и цивилизационной эволюции далеко не совпадают и их соотношения варьирует в достаточно широком диапазоне различий, определяя важнейшие качественные характеристики общества.

Главным источником жизненных смыслов индивида выступает исторически сложившаяся национальная культура. Именно она формирует основу самосознания личности и определяет духовное содержание ее бытия. Утрата культурных корней несет угрозу психологической дезориентации, потери вектора духовного развития индивида. Ценностная деструкция и конструирование искусственной идентичности служат маркером кризиса социума и находят свое выражение в религиозном фундаментализме и радикальном национализме. В итоге возникает конфликт между выросшим самосознанием личности, культурной идентичностью и расширившимися международными коммуникациями. Предлагаемые стратегии его разрешения характеризуются полярностью суждений: от безоговорочного включения в процессы глобализации до обособления в границах национально-государственных или этническо-религиозных сообществ. Фиксируя тенденцию возникновения жестких, в том числе государственных, форм национализма нельзя не учитывать и конструктивный аспект этого явления. Он состоит в формировании противовеса дегуманизирующим и десоциализирующим последствиям глобализации. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема поиска новых форм сосуществования различных культур и традиций в глобализирующемся мире. Идентичность оказывается в центре стремительно меняющейся социокультурной реальности. Именно идентичность соединяет между собой звенья триады «личность – общество – культура». Вместе с тем, рассматривая поиск новой идентичности как один из определяющих векторов социокультурной динамики современного общества, следует скорее говорить о непрерывном процессе самоидентификации, в ходе которого социальный актор узнает себя, конструирует и меняет жизненные смыслы.

Национальная идентичность – это сложный многомерный, многогранный феномен, исследование которого включает социальные, социально-философские, психологические, культурологические, собственно этнические аспекты. Особенностью современных идентификационных процессов является столкновение дискурсов традиционного, современного и постмодерного обществ. Наслоение дискурсов как раз и порождает расколотость идентичности. Ключевой оказывается задача поиска такого дискурса, который придал бы социуму целостность и ценностную укорененность.

Разнообразие способов достижения и декларирования национальной идентичности существенно затрудняет ее точное определение. При ее конструировании имеют значение как примордиальные факторы или символы (исторические, территориальные, культурные, языковые), так и конструктивистские подходы, согласно которым национальная идентичность предстает как некий социальный конструкт, «воображаемая сущность»: то, что мы думаем о самих себе, то к чему стремимся. Ситуация осложняется тем, что нет не только единого алгоритма возникновения и функционирования национальных движений, современных наций и национальных государств, но и те нормы, которые существуют, пришли в движение и перестают «работать» в условиях глобализации.

Для определения национальной идентичности представляется целесообразным обращение к понятию нации. При этом существующие традиционные подходы (примордиализм, конструктивизм, инструментализм, либерализм), как показывает концептуальный анализ теоретических споров, не отражают всей сложности этого многогранного социального феномена. В первую очередь это связано с неопределенностью, неустойчивостью современного социального ландшафта, противоречивостью и разнонаправленностью тенденций развития современной цивилизации (национальное единство и мультикультурализм, глобализация и локализация, международная миграция населения). Данные процессы вносят свои коррективы в прежние трактовки понятия нации. В этой ситуации для адекватного вызова стремительно меняющейся социальной реальности описания феномена нации перспективным представляется обращение к категории национальной идентичности. Категория национальной идентичности в условиях глобализации может дополнить смысловым содержанием более привычные для традиционных подходов понятия национальное самосо-

знание, национальный характер и другие. Исследование проблем национально-культурной идентичности Беларуси в современном мире представляется актуальным и принципиально важным для понимания и прогноза дальнейшего развития и модернизации белорусского общества.

УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ

Г. Ж. Джуманова

Стратегической целью Казахстана является вхождение в 30-ку развитых государств мира, достижение экономического роста и благосостояния народа. Необходимое условие реализации данной цели – это формирование целостной гражданской общности, укрепление казахстанской идентичности, духовного, культурного, национального самоопределения.

Идентичность рассматривается как «самоотождествление себя с общностью, представление о ней, эмоциональное переживание этих представлений и готовность действовать» [1, с. 7]. Идентичность – это самосознание, самоопределение, ответы на вопросы: «Кто мы?», «Какие мы?». Идентичность многомерна, различают половую, возрастную, национальную, религиозную, государственную и другие ее виды. «Национальная идентичность – это показатель того, насколько граждане страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность» [1, с. 7]. В международной практике такая идентичность интерпретируется как гражданская идентичность.

В многонациональном и многоконфессиональном Казахстане гражданская идентичность также является надежным фундаментом устойчивого и успешного социально-экономического, политического, культурного развития государства. Народ Казахстана, или казахстанцы, рассматриваются не как этническая, а гражданская общность, состоящая из людей разных национальностей. Гражданская идентичность выдвигает в качестве приоритетных общеказахстанские, консолидирующие ценности, как: верховенство права, гражданское равенство; светская страна – страна толерантности; трудолюбие; честность; культ учености и образования [2]. При этом основополагающей, системообразующей национальной идеей Казахстана является идея Мәңгілік Ел (Вечная страна). По мнению Президента РК Н. А. Назарбаева, государство должно себя позиционировать в мире под определенным брендом и предложил дополнительное название для Казахстана – «Страна великой степи». Япония известна миру как «страна восходящего солнца», Корея – как «страна утренней свежести», Нидерланды – как «страна тюльпанов», Китай – как «Поднебесная» [3].

Основу идентичности составляет постижение народом собственной этнической уникальности и самобытности: истории, культуры, традиций, верований, языка, т. е. генетического кода нации. В условиях глобализирующегося, более открытого, кардинально изменяющегося, взаимозависимого мира, когда размывается национальная специфика, необходимо собирать, хранить культурное достояние, укреплять национальную культуру и традиции, ценности, язык, духовность во всем их многообразии и величии. Без культурных, духовно-нравственных ценностей, консолидирующих общество, невозможно создать эффективную экономику, модернизировать все сферы общества. Культурное разнообразие и взаимодействие обогащает культуры всех этносов, проживающих в республике, является гарантией дальнейшего прогресса Казахстана.

Важность опоры на собственные национально-культурные корни, традиционную идентичность при проведении системных реформ и модернизации свидетельствует опыт зарубежных стран. Так, предпосылки динамичного экономического развития, модернизации Японии находятся в ее национальной культуре, традиционных ценностях (синтоистских, буддийских, конфуцианских), этических добродетелях таких, как трудолюбие, прилежание, дисциплина, умеренность, аскетизм, бережливость, преданность, коллективизм, лояльность. Эти ценности пронизывали все японское общество и стали идеалом всех классов, внесли вклад в интеграцию социума, содействовали индустриализации и модернизации Страны восходящего солнца. Наряду с этими ценностями у японцев был развит интерес к индивидуальным достижениям, личному успеху. «Комбинация индивидуалистического желания преуспеть с коллективистскими целями в идеологии стала тем, что помогло ускорить темпы экономических и социальных изменений и в то же время включить индивидуальные усилия в структуру национальных целей» [4].

Духовным фундаментом социального порядка, экономических реформ и прогресса Китая также является его традиционное культурное наследие – этические нормы конфуцианства со всем его культом древности и консерватизмом, строгим повиновением старшим. Следует отметить «восемь почитаемых китайских ценностей: любовь к Родине, служение народу, стремление к науке, трудолюбие, взаимопомощь и единение, честность, настойчивость, соблюдение законов. Восемь презираемых качеств: нанесение ущерба Родине, измена народу, невежество, лень, эгоизм, нечестность, жизнь в свое удовольствие, нарушение законов» [5, с. 61]. Сегодня руководство Китая нацеливает страну на мировое лидерство на основе национальной идентичности, концепции «социализм с китайской спецификой».

Значимым фактором консолидации общества, укрепления национальной и гражданской идентичности, его модернизации и конкурентоспособности является язык. Как известно, язык выполняет две функции: символическую (базовая часть культуры народа) и инструментальную (инструмент для достижения каких-либо социальных целей и в первую очередь для максимизации шансов в имеющейся системе социальной мобильности в рамках данного общества) [1, с. 81, 83]. Роль языка в модернизации казахстанского общества также значима. *Статус языков конституционно четко определен. Так, казахский язык – это государственный язык, русский язык – это язык межнационального общения. Исходя из этнодемографической ситуации, сложился казахско-русский билингвизм. Эта традиция билингвизма является преимуществом нашей страны, которую необходимо сохранить и бережно передать будущему поколению казахстанцев. В то же время в республике на государственном уровне уделяется внимание английскому языку как международному языку, а также языку социальной мобильности и языку инвесторов. В условиях глобализации мира и модернизации страны ядром современной языковой политики является триединство языков – казахского, русского и английского. Именно принцип трехязычия – это сильный инструмент оптимизации, гармонизации межкультурного, межэтнического общения, ресурс успешной модернизации, конкурентоспособности Казахстана. Полиязычие не только оптимизирует межкультурное общение, но и дает определенные социально-экономические, культурные, интеллектуальные преимущества, возможности и перспективы отдельному человеку, обществу и государству. Перефразируя Людвига Витгенштейна, можно сказать, что границы языка расширяют границы мира.*

Основа национально-государственной идентичности – светский характер нашего государства. Конституция РК гарантирует свободу вероисповедания, отделение религии от государства и церкви от школы, что, однако, не означает умаление роли религии. Большинство населения Казахстана привержено двум традиционным конфессиям – суннитскому исламу ханафитского направления (70%) и православию (25%). Сегодня остро стоит вопрос распространения нетрадиционных для нашего народа религиозных и псевдорелигиозных течений, разрушающих национально-государственную идентичность. Деструктивными религиозными сектами вытесняется традиционная национально-культурная, государственная идентичность, духовно-нравственные ценности, нормы и навязывается новая нетрадиционная религиозная идентичность. Часть молодых людей слепо воспринимает чуждые идеи, образ жизни, в результате чего становится жертвой радикальной религиозной идеологии и практики, осознает себя только как члена религиозной общины.

Для укрепления традиционной национально-культурной идентичности необходимо прививать устойчивый духовный иммунитет против чужеродного, деструктивного идеологического воздействия. Сегодня, в век интернета и высоких технологий, когда информационный поток колоссален, внутри человека должен быть духовный иммунитет – защита, барьер, «фильтр». Внутренний «фильтр», критическое мышление должны защитить от слепого заимствования чужих идей, традиций, обычаев, образа жизни, побуждать «задавать вопросы: надо ли нам, чтобы наши матери, сестры, дочери носили одежды других народов, укутывались в платки? Не ели с нами за одним столом? Не водили автомобили? Все это – устоявшиеся традиции других народов, но таких нравов в нашей степи никогда не было. У наших женщин есть национальная гордость, свой традиционный стиль одежды, но она прикрыта скромностью, которыми мы, мужчины, часто злоупотребляем [6].

Как видим, национально-государственная идентичность является важным ресурсом консолидации, динамичного, конкурентоспособного развития, успешной модернизации страны.

Литература и литература

1. Гражданская, этническая, региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М., 2013.
2. Выступление Президента Республики Казахстан, Председателя партии «Нур Отан» Н. Назарбаева на XVI съезде партии, 11.03.2015. – Современное государство для всех: Пять институциональных реформ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inform.kz/rus/article/2754412>. – Дата доступа: 03.07.2015.
3. Президент предложил дополнительное название для Казахстана. – Режим доступа: <http://kapital.kz/gosudarstvo/41689/>. – Дата доступа: 03.07.2015.
4. Япония в сравнительных социокультурных исследованиях. Ч. II / Ред.-сост. и отв. ред. М. Н. Корнилов. – М., 1990. – С. 21–38.
5. Башмаков, А. Духовный уклад рыночной экономики / А. Башмаков // Analytic. – 2009. – № 4.
6. Послание Президента РК народу Казахстана «Стратегия «Казахстан–2050» – новый политический курс состоявшегося государства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inform.kz/rus/article/2436492>. – Дата доступа: 03.07.2015.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ: ПОИСК ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ

О. И. Давыдик

Культурно-исторический опыт Беларуси является непростым и, своего рода, уникальным явлением, исследование которого требует оформления синтетического подхода. Коль скоро речь идет именно о белорусском национальном самосознании, то следует отметить, что в процессе его конструирования участвуют элементы, которые находятся на разных уровнях оптики исследования: от индивидуальных историй, отраженных в дневниковых записях, литературных произведениях, политических инициативах и движениях до выбора политической, экономической и цивилизационной перспективы развития, которая в индивидуальном сознании представляется в качестве объективированного образования.

Белорусское национальное самосознание является относительно новым явлением в плане временного и культурно-исторического разрыва с тем наследием, которое существовало в границах ВКЛ и Речи Посполитой. Это состояние характерно и для Польши, и для Литвы. Восстановление этой исторической связи и модернизация нации с учетом этого пласта истории возможно на основе микроисторического и микрокультурного контекстов: включения локальных повествований в общее культурно-историческое повествование [1, с. 21].

В исследовании Ришарда Радика отмечается, что носителями «беларускости» общества XIX века были преимущественно шляхтичи католической веры, что в политическом смысле означало принадлежность к польской нации. В этой связи, важным методологическим аспектом представляется анализ и интерпретация процесса эволюционирования элит от политической идентичности к культурной. Социолог отмечает, что значительную роль в формировании нациотворческих тенденций на территории Беларуси, в частности, и по всей Европе в целом, сыграл переход «масс плебейскага насельніцтва... ад этнічнасці да мыслення ў нацыянальных катэгорыях» [1, с. 14]. В этом отношении необходимо актуализировать пласт индивидуальных историй, социальных преобразований на микроуровне, которые в процессе интерпретации должны выявить те фундаментальные процессы, которые лежат в основе нациотворчества. Так, Ришард Радик в рассуждениях о слабости или запоздалости развития национального самосознания и нациотворческого процесса, опирается на такие факторы, как: содержание культуры белорусского народа, его социальная структура, политика государственной власти в отношении белорусского населения (имеется в виду процесс, происходивший в XIX – нач. XX вв.). К тому же, уничтожение элит привело к формированию национального движения на базе народной культуры, для которой, по мнению исследователя, характерны низкий уровень исторического сознания, восприятие языка в качестве непригодного к литературному использованию, высокий уровень консерватизма, низкая мобильность, закрытость, пассивность. Эти и огромный ряд других особенностей и аспектов при их анализе отражают общую тенденцию в развитии и становлении нации и национального самосознания, отвечают на вопросы о нашем геополитическом положении и его особенностях, а также о возможных путях

модернизации общества и его институтов.

Модернизация имеет связь с национализмом, несмотря на те обстоятельства, что теория модернизации не может дать объяснительной модели успехов и неудач национального движения. Важными факторами в рассмотрении этого вопроса являются аспекты идеологии, демократизации, СМИ, урбанизации, образования, роста населения, индустриализации.

Методологический аспект исследования национального самосознания – микроистория. Практически, микроистория – это уменьшение масштаба исследования документального материала. Таким образом, вся социальная деятельность представляется в качестве перманентных манипуляций, выбора и решений индивида в условиях нормативной реальности, проявлений свободной воли и индивидуальной интерпретации свободы [2, с. 150].

Таким образом, принимается во внимание, что даже обыденный, незначительный поступок индивида затрагивает собой более глобальную систему. Достоверность процесса исследования объекта реальности определяется продуктивностью и эффективностью описания разных комбинаций масштаба в разных социальных организациях, измерением их роли в разных сферах жизни. Так, принцип микроисторического исследования представляется в качестве эффективной оптики, которая позволит выявить закономерности, ранее не замеченные и не принятые во внимание.

Таким образом, метод микроистории позволяет выявить важные элементы конструирования социальной жизни, которым ранее не придавалось значение. Так, повседневный опыт индивида является источником интерпретации символической ткани культуры, поиск значений, определяющих события в более крупном масштабе. Следовательно, продуктивным представляется применение такой исследовательской оптики, при которой возможно исследование традиции и новации в преломлении индивидуального сознания, индивидуального опыта [2, с. 153–154]. Общая теория в этом смысле служит частью конструкции, в которую включается подробным образом описанный эмпирический материал с целью контекстуализации и расширения человеческого дискурса. Исходя из метода микроистории, культура интерпретируется не в качестве некой внешней среды, а является внутренним, неотъемлемым содержанием индивидуальной истории. Культура выступает в качестве традиции (в том смысле, в котором подает это понятие Ян Паточка в «Еретических эссе...»), символического Другого внутри субъективных познавательных практик. Новация (модернизация) индивидуальной истории, следовательно, представляется в качестве авторского нарратива, структур и понятий, которые превращают пассивное, невольное участие в воспроизводстве культуры в процесс выстраивания индивидуальной истории, делает возможным осуществление индивидуального действия, имеющего авторский подчёрк [3].

Культура, выступающая в качестве над-индивидуальной, внеисторической тотальности обретает человеческое измерение благодаря нарративу, возможности аналитики и совершения индивидуального действия. Метод микроистории в этом отношении призван выявить те субъективные аспекты, которые влияют на формирование общеисторического контекста в данный конкретный момент времени. Так, к примеру, миф, ритуал и искусство, представляемые в качестве наиндивидуальных тотальных структур в силу своей удаленности во временной перспективе, в процессе интерпретации их элементов дают нам представление о социальных моделях отношений. В частности, миф является символическим присутствием Другого в субъективном сознании. Герменевтическое значение мысли заключается в том, чтобы, не разрушив это символическое место Другого в себе, дать возможность проявиться индивидуальной истории. Это индивидуальное высвечивание, в частности, возможно в поэтическом языке (М. Хайдеггер, К. Гирц), в котором представлены символические модели эмоций – важные познавательные элементы для индивида.

В этом плане понятие национального самосознания можно интерпретировать в русле категорий взаимодополняемости традиции (культуры) и нарратива (индивидуального исторического процесса).

Исследование феномена национального самосознания необходимо производить, исходя из синтеза исследовательских оптик. В первом случае мы получаем интерпретацию широкого пласта эмпирического материала (документы, дневники, описание повседневного индивидуального опыта), который обуславливает возникновение более широких и общих понятий, структур и конструкторов. Методология конструктивизма позволяет создавать объяснительные модели того, как и каким образом функционирует пространство социального, исходя из позиции конкретного субъекта исторического процесса.

Литература и источники

1. Радзiк, Р. Вытокі сучаснай беларускасці. Беларусы на фоне нацыятворчых працэсаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе XIX ст. / Р. Радзiк. – Мiнск, 2012.
2. Левi, Дж. Пра мiкрагiсторыю / Дж. Левi // Беларускi гiстарычны агляд. – Мiнск, 2001. – Т.8. – Сш. 1–2 (14–15). – С. 145–173.
3. Патачка, Я. Ерэтычныя эсэi па фiласофii гiсторыi / Ян Патачка; перакл. з чэс. П. Прылуцкага; пад рэд. В. Шпарагi. – Мiнск, 2008.

ПАРАМЕТРЫ ИЗМЕРЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Бася Никифорова

Параметры измерения культурного пространства являются важной задачей философско-культурологического анализа. Специфичность параметров и культурных констант представляет собой сложную исследовательскую задачу. Изменение границ, переход культурных феноменов в другую государственную юрисдикцию сопровождается обретением новых культурных смыслов. Границы разделяют пространства, территории, языки и людей, однако «Другой», выступающий как носитель иных ценностей, языка и ментальности, присутствует постоянно в культурном ландшафте пограничья. Отношения между «мы» и «они», как между носителями объективно различных культур, так и взаимно субъективированных образов «Другого», приобретают повседневный и рутинный характер. Постоянство инаковости и порождаемые таким постоянством практики взаимодействия этносов определяют саму структуру культурного пространства пограничья. Пограничье значительно плотнее, чем иные культурные пространства, насыщено культурными артефактами. Изучение и анализ культурных объектов, феноменов и персоналий пограничья способствуют поиску новых смыслов и разрушению стереотипов. Совместное научное сотрудничество является ничем иным как преодолением дистанции, каковой выступает культурная граница.

Культурное пространство: параметры измерения

Культурное пространство воспринимается как система ценностно-регулятивных оснований человеческой деятельности, знаков и символов, воплощенных в продуктах культурной практики, обеспечивая и раскрывая связь времен через прошлое, настоящее и будущее. Формируя культурное пространство, человек осуществляет свой способ видения мира, постоянно находясь в процессе его «сотворения». Культурному пространству присуща одномоментность и параллельность существования культурных феноменов, их взаимодействие и столкновение.

Анализ научной литературы по проблеме культурного пространства позволяет выделить следующие параметры: целостность, культурную осведомленность, накопительность, информативность, коммуникативность, диалогичность, дистанцированность, презентативность и контекстуальность. Анализ конкретного культурного пространства пограничья позволяет выявить степень значимости тех или иных параметров для конкретных регионов, их и изменчивости в контексте времени.

Для Дмитрия Лихачева важнейшим параметром культуры выступает ее целостность. «Поэтому “среда культуры”, или “пространство культуры”, представляет собой нерасторжимое целое и отставание одной стороны неизбежно должно привести к отставанию культуры в целом» [1, с. 8]. Под культурной осведомленностью он понимает среду, владеющую знанием не только о собственных культурных ценностях, но и о ценностях других культур. Отсюда проистекает значимость знания языков, как условие культурной осведомленности. Параметр накопительности культуры Лихачев считает жизненно важным, так как через утрату отдельных ее составляющих и целостности постепенно “умирает” само культурное пространство.

Юрий Лотман относит информативность к числу важных параметров культурного пространства: «Культура есть устройство, вырабатывающее информацию». [2, т. 1, с. 9]. Коммуникативность, по Лотману, является тем параметром, который неразрывно связан с диалогичностью. «Нуждаясь в партнере, культура постоянно создает собственными усилиями этого “чужого”, носителя другого сознания». . . , она «требует наличия другого сознания, которое, самоотрицаясь, перестает быть “другим”

в такой же мере, в какой культурный субъект в процессе столкновения с “другим”, перестает быть собой» [2, т. 1, с. 118].

Параметры диалогизма и коммуникативности выступают системообразующим фактором культурной идентичности пограничья. Культурная идентичность, как и пространство пограничья, модифицируясь под влиянием факторов локального и глобального характера, остается «выразителем культурной самобытности и исторической преемственности народов региона». [3, т. 2, с. 11]. По мнению Игоря Бобкова, «культурный диалог есть только одна, и не самая распространенная, форма смысловых отношений между культурами». Транскультурность выступает как «проблемное поле» и «обозначение факта», что сегодняшняя ситуация в культуре – это скорее «динамическое равновесие» или даже «динамический хаос» различных и неравных культур, «знаки которых беспрестанно странствуют». [4, с. 131].

Анатолий Ахутин, говоря о дистанцированности как культурообразующем параметре границы, уточняет, что не наличие чужой культуры превращает ее в таковую, а наша попытка ее осмыслить, герменевтически допустив возможность иного образа понимания и чувствования. «Мы впервые допускаем (конститулируем) этот феномен: чужая культура. Парадокс: культура может быть чужой только вместе с нашей» [5, с. 43]. В силу этого обстоятельства культуре пограничья свойственны такие особенности как оборонительный характер, стремление конкурировать с соседствующими локальными феноменами и их центрами. Как результат высокая концентрация талантов, известных имен, их уникальный взгляд на бытие пограничья. Биографичность их творчества – это попытка деконструировать собственное и коллективное прошлое (Бруно Шульц, Пауль Целан, Чеслава Милош, Ингеборг Бахман).

Категория культурной дистанции, как препятствия культурным контактам в условиях пограничья, повсеместно играет роль и соединительного моста различных национальных культур, служит местом перехода из одного культурного пространства в другое. Поэтому при исследовании культурного пространства пограничья большинство исследователей рассматривает его как межкультурное пространство, то есть пространство постоянного воспроизведения культурной идентификации личности. К числу основных методов исследования относятся дифференциация, реконструкция и феноменологический анализ культурного пространства пограничья.

Презентативность или представленность по Мартину Хайдеггеру является важным элементом образа мира и, в частности, пограничья. «Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» [6, с. 57].

Эдвард Холл вводит такой параметр межкультурной коммуникации как контекст или контекстуальность. Контекст является одним из параметров, по которому возможно сравнение культурных пространств и процессов коммуникации. Культуры различаются степенью осмысления контекста, то есть использованием скрытой информации, которую заключает в себе каждое передаваемое сообщение [7].

Представленность межкультурного пространства пограничья нуждается в презентации своего культурного образа. Нахождение культурного наследия на чужой территории требует, чтобы «чужая» вместе с «нашей» исследовательские практики находили консенсус. Только при этом условии культурные объекты пограничья могут быть представлены во всей своей аутентичности. Сама же культурная идентичность не нуждается в подчеркнутой репрезентации. Как подчеркивает Джоан Скотт, «идентичности создаются не в лабораториях или аудиториях, но конструируются в конкретных социальных практиках, они всегда являются взаимодействием смыслов, которые мы вкладываем в социальные действия» [8, с. 8].

Феноменологический образ пограничья

Феноменологический подход в исследовании литовско-белорусского пограничья отвечает основным критериям пограничья как такового: существует в реальном пространстве двух или более культурных ареалов (пространственное измерение), распространено во времени, необходимом для формирования устойчивости феномена (историческое измерение). В тоже время, как исследовательский феномен, он обладает рядом специфических характеристик. Данный регион полностью отвечает как территориальным, так и социокультурным критериям пограничья. Располагаясь вдоль государственной границы Беларуси с Польшей и Литвой, этот регион на протяжении длительного времени был и остается местом взаимодействия белорусского, польского, литовского, еврейского, русского и других этносов. Важным представляется и то обстоятельство, что процесс формирования этносов происходил

на цивилизационном пограничье, в котором постоянно имело место взаимное наложение этнических, языковых, религиозных, политических и иных границ. Феноменологический подход к проблеме пограничья обнаруживает его условный и символический характер. Сама область пограничья представляет собой противоречивое образование, выступая как пространство ещё не раскрытых смыслов. Слова Мишеля Фуко о «разуме и неразумии», бесконечно меняющихся местами, вполне применимы к пограничью [9]. По Хайдеггеру, «максима феноменологического исследования» раскрывается в двух основных значениях слова «феномен» как «открытого, показывающего себя самое» и как лишь видимости – «выдающего себя за таковое» [10, с. 88–89].

Анализ литовско-белорусского пограничья методом феноменологической реконструкции невозможен без таких дефиниций как «очевидность», «интенциональность», «рефлексия», «интерсубъективность», «вчувствование», которые служат инструментом исследования жизни на границе: ее «бытийности», «жизненного мира» и «поля ее предметных данностей», в которых повседневность периодически «размыкается», нарушая привычный порядок вещей. «Интенциональность» рассказа респондента направлена на описание своей жизни на границе сквозь призму субъективного опыта и часто им не осознаваема. Задача исследователя уловить эту интенцию, вычленив из нее все разнообразие конкретных ситуаций, деталей и подробностей, часто на первый взгляд почти не связанных с задачами исследования. «Поле предметных данностей» литовско-белорусского пограничья предстает в специфике языка, незавершенности идентичности, в отношении к времени и локальной истории. Сквозь призму времени пограничье выступает как незавершенный культурный проект, в котором одновременность создала, по выражению Бенямина, представление о «гомогенном, пустом времени» [11]. Метафора Бенямина о «перпендикулярности времени» дополняется метафорой Ричарда Мейра о «перпендикулярности границ» в условиях пограничья, которые он определяет как вертикальные соприкосновения разных государственных суверенитетов, рассекающие на части земную поверхность [12]. «Ситуативность предполагает постоянный и непрерывный процесс вхождения, выхода и повторного вхождения в универсум описываемых событий» [13, с. 30]. История литовско-белорусского пограничья представляет собой именно этот непрерывный процесс, в результате которого происходило межкультурное взаимодействие, сопровождавшееся, по выражению Хоми Бхабха, «временными зазорами» или «запаздываниями».

Таким образом, специфичность измерения параметров и констант культуры представляется сложной исследовательской задачей в силу того, что ее объектом является такой сложный и многоуровневый феномен как культурное пространство. Из числа перечисленных выше параметров для литовско-белорусского пограничья как культурного пространства наиболее значимыми являются целостность, культурная осведомленность, коммуникативность, диалогичность, дистанцированность, контекстуальность и представленность.

Литература и источники

1. Лихачев, Д. Культура как целостная среда / Д. Лихачев // Новый мир. – 1994. – № 8. – С. 3–8.
2. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи в трех томах. – Т. 1. – Таллинн, 1992.
3. Беспмятных, Н. Н. Культурная идентичность белорусско-польско-литовского пограничья / Н. Н. Беспмятных // Духовные основы сучаснай культуры: праблемы захавання культурнай спадчыны (Мінск, 26–28 мая 2010 г.). Матэрыялы чытаньняў у 2 т. Бел. дзярж. ў-нт культуры і мастацтваў. – Мінск, 2011. – Т. 1. – С. 11–18.
4. Бобков, И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт / И. Бобков // Перекрестки. – 2005. – № 3–4. – С. 127–136.
5. Ахутин, А. В. Парадоксы культурологии. В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество / А. В. Ахутин. – Москва, 2005. – С. 10–47.
6. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – Москва, 1993.
7. Hall, E. T. 1976. Beyond Culture / E. T. Hall. – New York, 1976.
8. Scott, J.W. Multiculturalism and Politics of Identity / J.W. Scott; edited by Rajchman J. The Identity in Question. – New York, 1995.
9. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Санкт Петербург, 2004.
10. Хайдеггер, М. Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. – Томск, 1998.
11. Benjamin, W. Illuminations / W. Benjamin. – London, 1973.
12. Muir, R. Modern Political Geography / R. Muir. – New York, 1975.

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: КОНТЕКСТ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

М. А. Слемнев

Белорусско-российское приграничное сотрудничество активно развивается. Но оно пока что носит преимущественно характер обычных деловых отношений и не выходит за утилитарно-прагматические рамки. Есть опасность, по крайней мере, гипотетическая, что подчинение белорусско-российских отношений экономической, торговой и технико-технологической целесообразности при усилении западного внешнеэкономического вектора может привести не к ожидаемому единению братских народов, а к их постепенному политическому и духовному удалению друг от друга. Чтобы такое не произошло, парадигму экономцентризма нужно если и не заменить, то, хотя бы дополнить равновеликой парадигмой культурцентризма. Формирование идеологических, политических и духовно-нравственных основ социокультурного пространства, релевантного разработанному проекту Союзного государства следует расценивать как необходимое условие его успешной реализации и магистральным направлением интеграционной стратегии. Приграничье же, как передний край союзного строительства должно стать образцом и притягательным примером не только для остальных регионов Беларуси и России, но и всего Евразийского Экономического Союза. К сожалению, создание системы социокультурного и, прежде всего, идеологического обеспечения союзного строительства не входит в число его первоочередных задач [1, с. 11–13].

Цель исследования – раскрыть роль исторического сознания населения белорусско-российского приграничья для наполнения региональных интеграционных процессов идейно-политическим и духовно-нравственным содержанием. Историческое сознание можно определить как систему знаний, традиций, обрядов, с помощью которых у индивидов, социальных групп, классов, народов, наций складываются представления об их происхождении, важнейших событиях собственной истории и ее соотношении с историей других народов и всего человеческого сообщества.

Источником формирования исторического сознания, особенно его ядра – исторической памяти являются устные предания, широкий круг нарративных материалов (учебники истории, мемуары, художественная литература, историография и др.), коммеморации (праздники, посвященные различным историческим событиям, юбилеи, дни памяти и др.), монументальные памятники, аудиовизуальные средства передачи информации (кино, радио, телевидение, Интернет) и т. п.

Историческое сознание и на его низшем, житейско-опытном, и высшем, понятийно-смысловом уровне выполняет ряд социальных функций. Основная среди них – формирование базовых ценностных ориентаций (политических, нравственных, эстетических, религиозных) личности, народа, этноса, конструирование схем их жизнедеятельности и поведения и, что очень важно для обсуждаемой темы, выстраивание отношений с соседями, живущими по другую сторону границы. На то, какими они будут – дружелюбными, нейтрально-холодными или, вообще, враждебными влияет множество факторов. Одним из них, и весьма существенным, является концептуальное содержание и идеологическая направленность системы школьного, средне-профессионального и вузовского исторического образования. События в соседней Украине показали, как с помощью переписанных учебников истории (разумеется, не только их одних) за короткое время в умах молодежи удалось создать в лице России образ врага украинского народа во все исторические времена его существования.

В данной связи отметим, что в рамках реализации совместного белорусско-российского научно-исследовательского проекта «Образы России и Беларуси в контексте приграничья как специфической социокультурной реальности» (2012–2014 г., поддержка РГНФ и БРФФИ), по итогам которого издана коллективная монография [2], нами проводился контент-анализ белорусских и российских школьных и вузовских учебников по истории. Российские эксперты с удовлетворением отметили, что в белорусских учебниках, которые отражают точку зрения официальной историографии и государственной идеологии, во-первых, «очевидно отсутствие националистической истерии и антироссийской риторики в изложении и интерпретации основных исторических периодов

и событий [2, с. 47], а, во-вторых, «большинство событий с участием России оценивается либо положительно, либо нейтрально» [2, с. 47]. То же самое можно сказать и о российских учебниках истории: они способствуют не разъединению, а сближению братских народов.

При экспертной оценке белорусских учебников истории российские коллеги обратили внимание на один интересный с их точки зрения нюанс. Он связан с позиционированием государств, частью которых до 1991 года являлись белорусские земли, на «свои» и «чужие». Подмечено, что история Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой изучается в курсе истории Беларуси («свои» государства), а вот история Российской империи и СССР – в курсе всемирной истории («чужие» государства). Делать, однако, на этом основании вывод о том, что в белорусских учебниках присутствует скрытая «прозападная» ориентация вряд ли уместно. Но если даже и скрыта, то очень надежно. Около 70% молодых белорусских респондентов приграничья на вопрос анкеты: «С историей какой страны, на Ваш взгляд, переплетается история Беларуси в наибольшей степени?» ответили – с Россией [2, с. 53]. Это можно объяснить плохим знанием истории Беларуси. Но факт остается фактом.

Можно констатировать, что благодаря сложившимся, хотя и далеко не совершенным системам исторического образования, существующим межгосударственным отношениям, возможности приграничного населения в условиях прозрачности государственной границы, которая лишь условно является таковой, свободно общаться друг с другом, доминирующей укорененности православной культуры, генной памяти поколений, обладающей неистребимой жизненной силой и стойкостью, отсутствию языковых барьеров и иным благоприятным факторам в белорусско-российском приграничье сформировался, а точнее сказать сохранился, тип человека, «который психологически, социокультурно, этноконфессионально, лингвистически в равной степени адаптирован к Белоруссии и России...» [2, с. 135]. Подобная комплиментарность населения может стать хорошей основой для межгосударственной «сшивки» и своеобразным катализатором «интеграции интеграций», эффективного включения создаваемого Союзного государства в структуру Евразийского Экономического Союза.

Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что как показывают социологические исследования, свыше 60% респондентов оценивают живущих по другую сторону границы просто как хороших зарубежных соседей и выгодных торгово-экономических партнеров, но не более того. И это вполне соответствует сложившимся схемам белорусско-российского сотрудничества вообще и пограничного, в частности. Как справедливо замечает И. Я. Левяш, концептуальная риторика проекта Союзного государства далеко не релеванта «системной практике и, за исключением некоторых позитивных направлений сотрудничества, в целом партнеры ведут себя как иностранные государства» [3, с. 89].

Если бы речь шла о создании очередного регионального экономического объединения, такое положение дел можно было бы считать вполне нормальным. Но замысел Проекта состоит в другом: реанимировать все ценное в нашем общем культурно-историческом наследии, «срастить» разорванное после распада СССР, а затем осуществить «его модернизацию как авангардный прецедент для всех народов и стран СНГ» [3, с. 91]. По крайней мере тех, которые стали членами Евразийского Экономического Союза или намерены вступить в него. При надлежащем историко-идеологическом обеспечении экономических интеграционных процессов (плавном введении института «союзного гражданства», разработке и реализации концепции «союзного патриотизма» и др.) такая задача представляется вполне выполнимой. Роль белорусско-российского приграничья как места хранения коллективной исторической памяти двух народов для осуществления, если воспользоваться экзистенциалистской терминологией, «броска в будущее» путем диалектического повторения исторического прошлого чрезвычайно велика.

Литература и источники

1. Рапота, Григорий. Союзное строительство: взгляд в будущее / Григорий Рапота // Белорусская думка. – 2015. – № 9. – С. 11–13.
2. Образы России и Белоруссии в контексте приграничья: монография / Под ред. В. Ю. Пименова – Смоленск, 2013.
3. Левяш, Илья. Потенциал взаимодействия. Белорусско-российское приграничье в перспективе СНГ и Союзного государства Беларуси и России / Илья Левяш // Белорусская думка. – 2011. – № 11. – С. 85–92.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ КАК ЧАСТЬ МЕНТАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И СЕРБСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. М. Салимов, Ю. В. Пайгунова, Н. А. Пайгунов

В современном многонациональном, многоконфессиональном и полиэтничном мире проблема сохранения историко-культурного наследия в менталитете носителей национальной культуры является чрезвычайно острой, связанной не только с культурологическими аспектами бытования этносов и наций, но и с ситуацией формирования политических альянсов государств, все чаще объединяющихся по принципу близости ценностно-смысловых установок, социальных представлений, способов восприятия и интерпретации мира, систем истины.

Идеи единства славянских народов волнуют умы ученых, политиков, писателей и поэтов различных стран уже не одно столетие. Вновь актуальной эта проблематика стала на рубеже нового тысячелетия. Что является мерилем реальности этого единства или его отсутствия? Близость современных политических позиций стран и народов, общность исторического происхождения, языка, религии, психолого-ментальные ощущения и восприятия?

В качестве инструментария для исследования данного вопроса предлагается изучение общности менталитета современных славян на примере представителей двух народов – русских и сербов. Выбор данных национальных групп не случаен. Сербия представляет собой страну европейского региона, наиболее тесно связанную с Россией историческими, экономическими и политическими связями. Например, в Сербии в настоящее время ведет активную работу «Руска Странка» – партия про-русских энтузиастов, выступающая за Евразийский Союз и за вступление Сербии в ОДКБ, за международное сотрудничество России, Беларуси и Сербии и инициацию смешанных браков между гражданами названных стран.

Современная ситуация политической напряженности в связи с событиями на Украине серьезно отразилась на имиджевых характеристиках России в странах Европейского Союза. В этой связи представляется достаточно интересным оценить общность менталитета в среде европейской молодежи, в ситуации, когда мир перестает быть однополярным, и славянским партнерам России в Европейском регионе, ранее поддерживающим политику нейтралитета, приходится выбирать между Западом и Востоком.

Современные подходы к ментальности представлены кросс-культурным подходом (К. А. Абульханова–Славская, Р. А. Додонов, Н. М. Лебедева, Л. Г. Почебут, Е. Н. Резников, А. Н. Татарко) и социокультурным подходом (А. С. Панарин, А. В. Лубский, Г. В. Митина, З. В. Сикевич) [4, с. 6]. Известный российский исследователь З. В. Сикевич относит ментальность к социокультурным феноменам, представляет его в виде социально-психологического ядра самосознания любой общности, способствующего культурно-исторической преемственности [6, с. 149]. С позиции социокультурного подхода ментальность представляет собой «застывшую культуру» [1, с. 56]. Отсюда следует, что историко – культурное наследие составляет ядро ментальности, хотя полностью и не исчерпывает это понятие.

Ментальность приобретает своё содержание в контексте культурно-исторической эпохи. Особый интерес представляет трансформация ментальности различных поколений, принадлежащих к одной социокультурной системе. «Поколение выступает как коллективный субъект, объединенный отношением к определенному культурно – историческому событию, атрибутом которого является ментальность» [4, с. 8].

Эмпирический материал исследования был собран авторами статьи в течение 2014–2015 годов, в России и во время служебной командировки, в Университете г. Нови Сад (Сербия). Совокупно в опросах приняло участие 165 – граждан Сербии, наибольшую часть из них составила студенческая молодежь в возрасте от 17–28 лет, и 165 человек – российские студенты того же возраста.

Вниманию респондентов было предложено по 20 вопросов об истории, государствах, столицах, династиях, языках, религии, событиях, фактах, людях и явлениях, вошедших в историю России и Сербии, или являющихся их символами. Вопросы были составлены в объеме знаний программы средней общеобразовательной школы по истории, географии и вузовских знаний по культурологии (истории культуры) [2] [3] [5] [7] [8].

Согласно данным проведенного анкетирования, абсолютное большинство респондентов-сербов (99%) никогда не были в России, и 100% русских студентов не посещали Сербию.

Анкета подразумевала выявление качественных критериев, с которыми ассоциируется Россия у сербских студентов, их осведомленность в истории, географии и символах нашей страны, а также выявление их готовности посетить Россию в качестве туристов или в рамках проектов академической мобильности. Аналогичная анкета была разработана для российской стороны. Ключевыми вопросами, выделенными нами в компаративном исследовании, явились вопросы, связанные с историко – культурным наследием славянских народов: время становления российской и сербской государственности, религиозное исповедание названных народов, их групповая языковая принадлежность, исторические места и события, имеющие символическое значение для славянской общности.

Результаты проведенного исследования показали следующие результаты:

Мнения респондентов из Сербии разделились относительно вопроса о становлении сербской государственности. 46% студентов считают таковым началом формирование протогосударственных племенных объединений сербов в VI веке, 32% – XII век, – время образования первого сербского государства, 12% – затруднились с ответом. Относительно становления российской государственности сербы разделились на три группы – 33% считают, что Древнерусское государство возникло в VI веке, – это время формирования союзов восточнославянских племен, 33% назвали IX век, – это время объединения Древнего Новгорода и Киевского княжеств, 17% затруднились с ответом, и 13% сочли датой основания российской государственности 1991 год, – время распада Советского союза. Российские студенты (50%) относят основание российского государства к IX веку, по 10% к VI и XV веку, и 5% затруднились с ответом.

Сербы ощущают этноязыковую близость с россиянами, 95% опрошенных указали, что и русский и сербский язык относятся к группе славянских языков. А большинство – (70%) российских студентов отнесли сербский язык к романской языковой группе.

Важнейшим объединяющим фактором для русских и сербов является православная религиозная культура. Практически 100% (и сербских и российских студентов) опрошенных совершенно точно определили принадлежность сербов и русских к православию.

В ответе на вопрос к какой империи принадлежала Сербия как страна до Первой мировой войны – лишь половина опрошенных сербов ответили, что она входила в Австро-Венгерскую империю, другая половина (46%) считает, что Сербия была независимым государством.

Интересны факты осведомленности сербов в российской истории, так 72% указали как одну из российских монархических династий Романовых, и никто не указал на правившую на Руси более 700 лет династию Рюриковичей.

Проведя анализ результатов опроса, можно сделать вывод, что для многих опрошенных студентов Россия является привлекательной братской страной.

Для выявления качественных характеристик России студентам было предложено выбрать антитипы из девяти пар критериев: безопасная – опасная, богатая – бедная, дружелюбная – враждебная, красивая – некрасивая, интересная – неинтересная, чистая – грязная, разнообразная – однообразная. В целом иностранные студенты воспринимают Россию положительно. Так, страна описывается как «красивая», «богатая», «интересная», «дружелюбная». Самый низкий показатель в паре качественных критериев получила Россия за «чистоту». Что касается исторических событий, с которыми символизируется Россия у сербских студентов, то большая их часть, – более 80% – затруднились с ответом, а остальные чаще отвечали: Вторая мировая война, победа в ней, Сталинградская битва, запуск человека в космос, развал СССР (от 3 до 5% ответов), а также Олимпиада в Сочи, причем этот ответ встречается даже чаще (10%) так как событие имело место как самое позднее (за год до проведенных опросов).

Более 60% студентов из России наиболее важными событиями в истории страны считают Великую отечественную войну и победу в ней, на втором месте по частоте упоминаний является полет Юрия Гагарина в космос (15%) и на третьем – Олимпийские игры в Сочи 12%.

Наиболее часто Россия ассоциируется с такими ее географическими регионами как Сибирь и Урал, с такими городами как Москва, Санкт – Петербург и Сочи, реками – Волгой и Амуром, Байкальским озером и Каспием. Отмечены также и географическо – политические ассоциации – СССР, Кремль, Красная площадь. Никто из иностранных студентов не указал на причастность России к европейскому региону, несколько студентов выделили ассоциацию «Россия – Азия».

Среди персоналий россиян безусловным лидером по известности является президент страны – Владимир Путин (68% опрошенных указали его как наиболее известного россиянина). Но надо отметить, что сербским студентам хорошо известны и представители российской культуры и спорта – рус-

ские писатели, ученые, спортсмены. В список выдающихся россиян сербские студенты самостоятельно включали, как правило (от 10 до 20%) имена А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. И. Достоевского, изредка (до 10%) Петра Великого, В. И. Ленина, И. В. Сталина, Ивана Грозного.

Подводя итоги компактного исследования, отметим следующие моменты. Российских и сербских студентов многое объединяет в своих ответах на поставленные вопросы анкеты. Большинство из них знает или понимают, что создание государственности у славянских народов происходило со времени образования племенных союзов до формирования собственно ранних государств (VI–X века), хотя время формирования таких государств у славян южных и восточных несколько различаются по времени. И русские и сербские студенты понимают, что объединяет эти народы православная религия, язык, относящийся к славянской группе (хотя сербы знают это лучше – 95% против 30% российских студентов).

Интересны были различия в оценках исторических личностей. Так, 50% российских студентов не знает имени сербского студента начала XX века Гаврилы Принципа, чей смертельный выстрел в австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 года явился поводом для начала Первой мировой войны. Оставшиеся 30% считают его террористом, и 20% – достойным сожаления молодым человеком, выбравшим неверный путь. И практически никто не назвал его героем. Мнения сербских студентов разделились следующим образом: 42% считают Гаврилу Принципа героем, 28% – выбравшим неверный путь молодым человеком. Около 10% – террористом. И около 20% затруднились с ответом.

На наш взгляд, мы имеем налицо разрушенные идеологемы периода социализма, когда всем учащимся и студентам внушалась одна точка зрения о героях-революционерах, какие бы смертные грехи и убийства они не совершали. Вместе с тем, для менталитета части сербов тема борьбы за национальную свободу является по-прежнему актуальной.

Абсолютное большинство опрошенных сербов (87%) хотели бы лучше узнать Россию, и выразили согласие на поездку в Россию. Среди свободных ассоциаций с Россией в ответах респондентов преобладали позитивные субъективные оценки нашей страны, что является высоким показателем толерантного отношения к имиджу страны. В ответе на вопрос «С чем у Вас ассоциируется Россия?» сербские студенты отметили «мощь», «богатство», «культуру», «процветание», «красоту природы».

Литература и источники

1. Баткин, Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления / Л. М. Баткин. – М., 1978.
2. История южных и западных славян / Под ред. Г. Ф. Матвеева, З. С. Ненашевой. – М., 2001.
3. Писарев, Ю. А. Образование Югославского государства. Освободительная борьба югославских народов против Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов / Ю. А. Писарев. – М., 1975.
4. Пищик, В. И. Психология трансформации ментальности поколений: автореф. дис. ... доктора психологических наук: 19.00.01 / В. И. Пищик; Ин-т образоват. Технологий. – Ростов-на-Дону, 2010.
5. Раннефеодальные государства и народности. Южные и западные славяне. VI–XII вв. – М., 1991.
6. Сикевич, З. И. Социология и психология межнациональных отношений / З. И. Сикевич. – СПб, 1999.
7. Станојевић С. Историја Српскога Народа. – Београд, 1989.
8. Ћоровић, В. Историја српског народа / В. Ћоровић. – Београд, 1981.

ФЕНОМЕН ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СНИЖЕНИЕ ПАССИОНАРНОСТИ РУССКОГО ЭТНОСА В СОВРЕМЕННОМ ЭСТОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Анжелика Ленсмент

Мы живем в мире глобальных общественных трансформаций, где скорость, с которой происходят изменения, постоянно возрастает. Одна из самых актуальных проблем, связанных с социодинамикой глобализирующихся обществ состоит в том, что лавинообразно нарастает также и состояние нестабильности, как в экономической, так и в социально-политической сферах. Одно из следствий динамического процесса нестабильности и глобальных общественных трансформаций – обострение проблемы этнокультурной идентичности. Дж. Шварцмантель [1], М. Штигер [2],

Д. Харви [3] в своих исследованиях указывают на то, что в настоящий момент новую идеологическую структуру на мировом уровне определяет преобладание глобального неолиберализма и противодействие ему. «Глобализм стал доминирующей системой политических «верований» нашего времени, в соответствии с которой должны определиться все те, кто бросает ей вызов» [2, с. 12], в том числе представители движений, отстаивающих сохранение и усиление этнокультурной идентичности.

В связи с этим представляется весьма актуальной задачей проанализировать специфику состояния процессов социокультурной и этнонациональной идентификации в условиях постсовременности и выявить основные векторы динамики этнонациональной идентичности русской диаспоры в современном эстонском обществе, испытывающем давление вызовов глобализации.

Как показывают результаты проведенных автором исследований влияния глобализации на динамику процессов этнической и социокультурной идентификации, этнокультурная идентичность представляет собой сложный психологический и социокультурный феномен, содержание которого определяет комплексное чувственно-эмоциональное и когнитивно-рациональное осознание (и переживание) общности, единства своей локальной, этнонациональной группы на основе близости психического склада, этно- и этологических потребностей, культурных особенностей (языка, традиций, религиозных верований и культов и др.), а также устойчивых социальных стереотипов, совокупно определяющих специфические социокультурные и поведенческие формы ее манифестации [4] [5] [6] [7] [8].

Этнокультурная идентификация обусловлена экзистенциально-психологическими потребностями человека, нуждающегося в создании «своей» группы, в упорядочении представлений о себе и своих отношениях с окружающей социокультурной средой, подсознательным стремлением к преодолению разрыва синкретиза, к обретению единства, которое достигается в замещенных формах культуры и социальной жизни посредством интеграции в систему деятельности и институциональное пространство социума.

Содержание этнокультурной идентичности определяет синтез синхронических и диахронических структурных компонентов. Устойчивую синхроническую «горизонталь» структуры образует совокупность когнитивно-психологических элементов идентичности: чувственно-эмоциональных (комплекс чувств и переживаний индивидов по поводу принадлежности к «своей» этнокультурной общности), рациональных (совокупность разворачивающихся во времени рефлексивных процессов, образующих основные различия «Я – Мы», «Я – Другой», «Мы – Они», «Свои – Чужие») и ментальных (совокупность латентных установок деятельности, поведения и восприятия действительности, обусловленных как спецификой этнокультурной традиции, так и скрытым воздействием архетипов коллективного бессознательного, манифестирующих посредством побуждающих к действию изначальных образов особенности родовой идентичности и сплавленные с ними глубинные слои исторической памяти этноса).

Диахроническую «вертикаль» в структуре этнокультурной идентичности формирует взаимодействие нескольких темпорально различных слоев: родовая идентичность, этническая идентичность, национальная идентичность. При этом выделенные диахронические пласты этнокультурной идентичности можно рассматривать как ее последовательные исторические формы, которые в процессе эволюции этноса наслаивались, взаимно проникая и опосредуя друг друга.

Изменения этнокультурной идентичности русской диаспоры в современной Эстонии осуществляется под воздействием целого комплекса объективных и субъективных факторов. К числу объективных факторов мы можем отнести такие векторы развития современного эстонского общества, которые были связаны с его посткоммунистической трансформацией в условиях формирования суверенного государства и попытки интеграции в экономическое, политическое и социокультурное пространства западного мира.

Среди объективных факторов динамики идентификационных процессов, прежде всего, выделим следующие: обретение Эстонией национального суверенитета и рост значимости титульной нации в социальном пространстве постсоветского эстонского общества; правовое закрепление эстонского языка в качестве государственного; объективные социально-экономические трудности переходного периода, выражающиеся в падении уровня жизни, сокращении производства в связи с его реструктуризацией и последующей модернизацией; обусловленный процессом модернизации рост безработицы, неизбежно сопровождающий начальные стадии структурных экономических

реформ; реформы институтов вторичной социализации, позволяющие интегрировать национальную систему образования в европейскую с присущими ей современными формами академической мобильности, а также развитие национальной эстонской школы; развитие националистических элит, мобилизующих различные этнонациональные группы мультикультурного эстонского общества на защиту своих интересов в условиях трансформации социально-политических и правовых институтов; разрыв родственных связей и привычных форм социальной коммуникации многих русских в Эстонии, частично обусловленным установлением границ и визового режима между Россией и эстонским государством; стратегический цивилизационный выбор Эстонией западноевропейского вектора модернизации и вхождение страны в Европейский Союз.

Субъективными факторами динамики этнокультурной идентичности русского населения Эстонии можно считать: реактивный рост национального самосознания в условиях перемены статуса титульной нации, социальную и психологическую дезадаптацию русского населения, не знающего эстонского языка, в условиях производства новых форм социокультурной реальности; низкий / высокий уровень образованности и квалификации, влияющие на способность найти работу, соответствующую склонностям и компетенциям, а также личным статусным предпочтениям; сегрегированность русского населения в урбанизированных районах; стиль и образ жизни, а также особенности менталитета и повседневного жизненного мира, укорененного в иной этнокультурной традиции.

Исходя из истории происхождения русской диаспоры, естественно предположить, что этнокультурная принадлежность все еще должна являться важной детерминантой, влияющей на выборы стратегии социально-политического поведения русских в Эстонии [6] [8]. В связи с этим интерес вызывает феномен снижения социально-политической активности значительной части русских в Эстонии в качестве представителей своей диаспоры. Несмотря на обострившуюся проблему идентичности, представители русской диаспоры в Эстонии не демонстрируют одновременно с этим более высоких форм организованной активности. Так, на выборах в парламент 2011 г. русская партия набрала менее одного процента голосов, при том, что русских в Эстонии около 30% и большая часть из них имеет эстонское гражданство, а на выборах в 2015 году эта партия вообще не участвовала. Таким образом, попытки создания «русской партии» потерпели неудачу, а этнически русские избиратели активно голосуют за «эстонские» партии.

Анализ современных исследований, направленных на реконструкцию особенностей менталитета и поведения русских в Эстонии, а также собственное эмпирическое исследование, проведенное автором, дали возможность определить следующие причины снижения пассионарности русских в Эстонии: во-первых, это маргинализация и формирование негативной этнической идентичности русского населения; во-вторых, влияние территориальной идентичности на этнокультурную и формирование нового субэтноса – «еврорусские»; в-третьих, усиление личностной идентичности и уход наиболее пассионарных представителей в транзитивные структуры современного общества.

Литература и источники

1. Шварцмантель, Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков, 2009.
2. Steger, Manfred B. Ideologies of globalization / Manfred B. Steger // *Journal of Political Ideologies*. – 2005. – 10(1). – P. 11–30.
3. Harvey, D. A Brief History of Neoliberalism / D. Harvey. – Oxford, 2005.
4. Ленсмент, А. Особенности территориальной и гендерной идентичности русских в Эстонии и русских в России / Анжелика Ленсмент // *Збірник наукових праць «Гілея: науковий вісник»*. – 2013. – № 78. – С. 196–199.
5. Ленсмент, А. Особенности идентичности русских в Эстонии / А. Ленсмент, И. Ахмет // *Национальная философия в контексте современных глобальных процессов: материалы международной научной конференции г. Минск, 16–17 декабря 2010 года / под ред. В. Г. Гавриленко*. – Минск, 2011. – С. 191–193.
6. Улыбина, Е. Объективные и субъективные факторы отношения этнического меньшинства к этническому большинству / Е. Улыбина, А. Ленсмент, И. Ахмет // *Журнал Высшей Школы Экономики*. – 2010. – 6(4). – С. 94–102.
7. Улыбина, Е. Связь базовых убеждений с отношением к представителям аутгруппы на примере отношения русских к эстонцам / Е. Улыбина, А. Ленсмент, И. Ахмет // *Человеческий фактор: Социальный психолог*. – 2009. – 2(18). – С. 138–151.

8. Lensment, A., Ahmet, I., Rodins, M. (2010). The Comparative Analysis of Fundamental Assumption of the Russians in Estonia and Russia. The Proceedings of the Institute for European Studies. Tallinn University of Technology, 7, – P. 152–167.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ГАГАУЗОВ

О. К. Радова

Современные интеграционные процессы затрагивают ряд важнейших аспектов, касающихся этнической истории гагаузского народа, его права на культурное наследие, религии и, как результат, влияющие на геополитику Европы и Евразийского пространства. Такие процессы являются надгосударственными и наднациональными по своей сути, для них границы различных государств являются «формальным явлением», так как капитал, не признавая границ, проникает в сферу деятельности структур любого государства, используя различные рычаги воздействия.

В общетюркской и мировой науке гагаузоведение представляет собой особую область научных знаний. В современный период научный интерес к гагаузскому этносу все более усиливается, так как исследования в области гагаузоведения затрагивают геополитические интересы ряда стран Юго-Восточной Европы.

Гагаузы – православный тюркский народ – как этнос сформировался на территории Юго-Восточной Европы, а его субэтноты – на территориях, где их предки расселялись в средневековый период по пути следования из Алтая на Балканы. В XVIII–XIX вв. часть гагаузов Балканского полуострова, будучи уже сформированными в самостоятельный этнос, переселилась в Буджак и воссоединилась с местными гагаузами и другими народами.

В современный период гагаузское население компактно проживает на своей этнической территории, в Буджаке, южной части Бессарабии, в юго-западных районах Одесской области Украины и южных районах Молдовы. Предки современных гагаузов являются автохтонным населением Юго-Восточной Европы и проживали на этой территории уже более двух с половиной тысяч лет назад и они, как компоненты, входят в этногенез гагаузов. Другие предки гагаузов заселились в Юго-Восточной Европе (на Балканском полуострове, в Буджаке и других исторических территориях) еще в раннее средневековье. Проживая в пределах Византийской империи, затем и Османской, гагаузы не были разделены какими-либо государственными границами, что способствовало их свободному передвижению на Балканах, а также по всей территории Юго-Восточной Европы и формированию, впоследствии, гагаузского этноса. По данным исторических документов видно, что к XVI веку предки гагаузов уже сложились в гагаузскую народность.

В XIX столетии, с образованием новых государств, на гагаузов оказывают влияние греки, болгары, румыны, составляющие этническое большинство в своих национальных государствах. Влияние это не всегда было следствием естественных процессов. В каждом из новых балканских государств проводились специальные культурно-языковые и социально-экономические мероприятия, направленные на изменение этнического сознания национальных меньшинств, в том числе и гагаузов. В результате такой политики у части гагаузов сформировалось двойственное этническое сознание: гагаузы-болгары, гагаузы-греки, гагаузы-турки, гагаузы-румыны. Большинство гагаузов полностью ассимилировались, и только их меньшая часть, в основном старшее поколение, сохранило свою родовую и генетическую память о принадлежности к гагаузскому этносу.

В Молдавии на территории АТО Гагаузия на сегодняшний день действуют три официальных языка: гагаузский, молдавский, русский. Кроме того, в селах с компактным проживанием этнических болгар и украинцев, изучаются их родные языки. Это показывает, что в АТО Гагаузия для консолидации общества языкового барьера не существует. Каждый житель по своему волеизъявлению изучает свой язык. На постсоветском пространстве это, пожалуй, единственный случай, когда конфликт региона с центром удалось урегулировать мирным путем. Мудрость принятых решений привела к мирному урегулированию конфликта на юге Молдавии.

Для гагаузского народа сохранение его культурного наследия, включающего в себя этническую историю и территорию, обычаи и обряды, фольклор, материальные и духовные ценности, является основным условием для его дальнейшего развития.

Важным аспектом является сохранение традиционного христианского вероисповедания гагаузского этноса, явившегося базисом, фундаментом в формировании его культуры и менталитета. С появлением кириллического алфавита и церковно-славянской письменности, часть предков гагаузов, впоследствии и сами гагаузы, будучи тюркским народом, продолжили молиться Богу по христианским канонам, уже на церковно-славянском языке. В определенный исторический период, гагаузы молились также и на тюркском языке, по церковным книгам, составленные на базе карманлийской письменности.

В современный период Гагаузия служит гарантом национальной безопасности и сохранения суверенитета Республики Молдова. Гагаузская автономия является образцом мирного урегулирования назревших политических вопросов, а уровень поликультурного общения может послужить образцом для всех стран Юго-Восточной Европы и других регионов.

Литература и источники

1. Dr. Olga Radova-Karanastas. Güneydoğu Avrupa gagauzların tarihini ve kültürünü korumak – etnosun gelişmesinde bir şart temeldir // 38.ICANAS 10–15/ 09/ 2007/.Bildiri özetlerin Kitabı ABSTRACTS. – Ankara. 2007. – S. 829–830.
2. Каранастас-Радова, О. К. Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII – первая четверть XIX вв.) / О. К. Каранастас-Радова. – Кишинев-Комрат, 2001.
3. Dr. Olga Radova-Karanastas. Güneydoğu Avrupa gagauzların tarihini ve kültürünü korumak – etnosun gelişmesinde bir şart temeldir // 38.ICANAS 10–15/ 09/ 2007/.Bildiri özetlerin Kitabı ABSTRACTS. – Ankara. 2007. – S. 829–830.

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР М. МИД

Н. А. Никонович

Развитие современной теории культуры расширяет свои горизонты самопонимания и самопрезентации путем актуализации неевропейского опыта оперирования с бытием, универсумом, личностью. Возникает вопрос о необходимости сохранения локальных культур, которые в глобализирующемся мире по объективным причинам теряют свой вес и могут исчезнуть полностью. Современный многополярный мир может утратить культурные ландшафты вследствие игнорирования автохтонных культур, обладающих собственной неповторимостью. Мир становится плюральным, и XXI век открывает возможности для смены западноцентристского взгляда на культуру и человека на поликультурный и вариативный.

В этом контексте важно отметить, что именно в рамках культурной антропологии (К. Клакхон, Б. Малиновский, Л. Уайт, А. Радклифф-Браун, Ф. Боас, М. Мид) зарождается новый взгляд на культуру как на вариативность комбинаций культурных смыслов, приводящий к элиминированию идеи высших и низших культур. Несомненно, это является наиболее значимым достижением культурной антропологии, открывающим возможность диалога западных и не-западных, автохтонных культур. Отличительной особенностью многих антропологических направлений стало признание схожести ментальных структур западной и традиционной культур, что способствовало снятию дихотомии различных культурных миров и открывало возможность кросскультурного диалога.

Образец исследования автохтонных культур дает фундаментальное исследование М. Мид «Культура и мир детства» [2], посвященное исследованию народностей Самоа и Новой Гвинеи. Квинтэссенцией данного исследования можно считать следующее высказывание известного полевого этнолога: «Каждый народ состоит из полноценных человеческих существ, ведущих образ жизни, сопоставимый с нашим собственным, людей, обладающих культурой, сравнимой с культурой любого другого народа» [2, с. 9]. Эта мысль фундирует отсутствие дифференциации культур на «высшие» и «низшие».

М. Мид наиболее известна как создатель модели кофигуративных, постфигуративных и префигуративных культур. Что вкладывается в эти понятия? Прежде всего, в них акцентируются способы социализации в разных обществах. Традиционные общества относятся к постфигуративному типу и доминантой социализации здесь выступает прошлое. Это – почти тотальное воспроизведение прошлого. В сущности, в данной культуре существует «вечное возвращение» ритмов

жизни. Можно говорить о том, что такая модель культуры фундирована типом мировоззрения, который М. Элиаде обозначил как «вечное возвращение». Элементы постфигуративности могут быть присущи и современным обществам. М. Мид замечает, что «но и очень сложные культуры по своему стилю могут быть постфигуративны и тем самым обнаруживать все свойства других постфигуративных культур: неосознанность изменений, успешную передачу из поколения в поколение каждому ребенку неистребимых штампов определенных культурных форм» [3, с. 324]. Безусловно, такой тип культуры имеет как отрицательные, так и положительные стороны.

Консервация прошлого позволяет сохранять глубокие, сакральные и архетипические, основания культуры. Однако современный мир изменился, и возникает вопрос, необходимы ли подобные консервационные механизмы в современном обществе, значительно отличающемся от традиционного, и обладающего иной исторической памятью. Позитивной стороной такой культуры можно считать отсутствие чувства отчужденности и разобщенности, столь присущие западному обществу и о чем так глубоко писал Ж.-П. Сартр. Поиск самосознания в постфигуративной культуре, как ее обозначила М. Мид, связан прежде всего с самосознанием культуры и культурной памятью. М. Мид пишет о «свойстве вневременности» [3, с. 329], присущем культурам Бали, Океании и в целом традиционным культурам. Нам представляется, что это важное свойство, посредством которого протекают процессы внутренней идентификации. Такое же свойство мы можем обнаружить и в древнеегипетской культуре.

Предметом философского анализа может быть установление баланса между модернизмом и традицией. Что есть традиция для современного глобализирующегося социума? Очевидно, что она выполняет иную роль, чем в традиционных культурах. Инокультурный опыт в этом смысле позволяет прояснить базовые основания современной «мир-системы», позволяет сравнить идентификационные модели.

Другая культура в типологии М. Мид – это кофигуративная культура, доминантным ядром которой является настоящее. Здесь уже не преобладают модели прошлого, как в предыдущем типе. Однако можно не согласиться с тезисом М. Мид о том, что «Кофигурация начинается там, где наступает кризис постфигуративной системы» [3, с. 343]. Культурные типы могут трансформироваться не только в связи с кризисом, но вследствие собственных имманентных изменений, изживая себя и теряя удельный вес. В то же время М. Мид права в том, что смена указанных ею типов культур происходит под влиянием цивилизационного развития. В понятии кофигуративной культуры заложен разрыв поколений и выработка новых поведенческих моделей. Кофигуративная культура – это также и эмигрантская культура.

В контексте современного цивилизационного развития кофигуративная культура является более презентативной, чем другие типы культур, представленные М. Мид. Однако с точки зрения аксиологического анализа трудно сказать, какая культура предпочтительна. Эти типы культур связаны с разными историческими периодами, и для каждого из них характерно преобладание того или иного типа.

Материал подготовлен при поддержке БРФФИ, проект № Г14-068

Литература и источники

1. Белик, А. А. Культурная (социальная) антропология / А. А. Белик. – М., 2009.
2. Мид, М. Культура и мир детства: избранные произведения / М. Мид. – М., 1988.
3. Мид, М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями / М. Мид // Культура и мир детства: избранные произведения. – М., 1988. – С. 322–361.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЗНАНИЯ И ИНТЕЛЛЕКТА В ТРАДИЦИИ ПАЛОМНИЧЕСТВА

Д. М. Зайцев

В настоящее время особую популярность, в том числе и в нашей стране, вновь обретает такое явление как паломничество. Тысячелетиями путешествие к святым местам являлось ответом на зов сердца человека. Наивно было бы полагать, что странник ставит своей целью простое посещение культового объекта. Скорее, он бросает вызов обыденности, им движет идея обретения себя,

ведь истинное паломничество – это путешествие внутрь себя. Паломничество – это работа над душой, путь духовного очищения. Искусство путешествия состоит в умении разглядеть. А святое странствие – это особое путешествие к обретению разума, мудрости, высоты духа.

Сложно согласиться с теми, кто советует при посещении культового объекта все забыть, отключить разум и погрузиться в медитацию. Не стоит уничтожать свой интеллект, уверен, что путешествовать и не исследовать подходит лишь для людей бездуховных. Ведь именно образованные странники создали традицию интеллектуальной культуры паломничества. И об этом прекрасно знали в древности. На санскрите слово, обозначающее игрока в шахматы, обозначало также и паломника. В Японии верили, что все тяготы путешествия надо не просто преодолеть, а переплавлять их в стихи и песни, что под силу было лишь образованным одаренным пилигримам. Мусульмане, перед тем как отправиться в путь к святыням, обязательно размышляют над священными текстами. Всемирно признаваемые паломниками Авраам, Басе, Блаженный Иероним, Чосер, Данте оставили нам свои знаменитые хроники с глубокими мыслями о предпринятых путешествиях [1].

Известные ученые-христиане не забывали при посещении Святой Земли заниматься научными изысканиями. Нахождение в Палестине помогало им постигнуть то, что представлялось неясным в Священном Писании. Наиболее грамотным странникам первых веков христианства поручалось нести определенные задания церковным общинам. В их обязанности входило оповещение о новых распоряжениях Церкви, о созываемых соборах. Они распространяли послания апостолов среди населения.

Большинство восточнославянских святых являлись паломниками, почти все они жили в юности подобно Серафиму Саровскому, но к зрелым годам шли на поклонение к святым местам, шли для того, чтобы заимствовать оттуда силу, знание и святость. Судя по письменным источникам, паломники были представлены в основном высшим слоем древнерусского общества, князьями, боярами, людьми духовного звания, то есть теми, кто обладал грамотой. Именно они поведали о далекой стране Палестине, которая воспринималась нашими предками как место, где соединяется земное и небесное, совершаются чудеса, а Бог как раз там ближе всего к человеку. Доказательством этого могут служить сюжеты и идеи написанных книг: «Хождение Агапия в рай», «Беседа трех святителей», «Голубиная книга», «Беседа Иерусалимская», «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим» и др. [2, с. 362]

Также о значении и популярности духовных путешествий свидетельствуют древнерусские былины, где легко обнаруживается смекалка и интеллект странников. Паломничество в Святую землю и деятельность паломников подробно описаны в былинах «Сорок калик со каликою», «Об Идолище Поганом», «О Василии Буслаеве». В образе путешественников представлены даже богатыри Илья Муромец и Никита Добрынич. Последнему приписывают припевки «От Царьграда, с Еросолима». О хорошем отношении и даже почитании знаменитых паломников свидетельствует тот факт, что автор популярного «Хождения» игумен Даниил со временем превращается в былинного персонажа. Б.А. Рыбаков детально исследовал былинку «О Данииле Игнатъевиче», в которой прототипом главного героя и выступает именно игумен Даниил, выделявшийся своей грамотностью и мудростью [3, с. 489].

В Древней Руси существовал целый институт, имеющий свои юридические права, так называемых «калик перехожих», среди которых попадались высокообразованные личности. Это паломники-профессионалы, всю жизнь свою посвятившие хождениям с поклонением к святым местам и общению со святыми старцами. Они собирали свидетельства о чудесах, приносили из святых мест мощи, камни от Гроба Господня. И их за это благодарили, им устраивали особые пиры, сажали на почетные места на празднествах. Некоторые из таких паломников осуществляли сбор сведений, включая разведывательную информацию по заданию своих властей, либо по собственной инициативе. Они прекрасно знали греческий и латинский языки, читали итинерарии и проскинитарии, использовали сведения из этих произведений для написания своих.

Хождения складывались на основе устных рассказов, песен «калик перехожих» и письменных источников как литературная форма. Описания паломнических путешествий занимали достойное место в библиотеках патриарха, митрополитов, великих князей. Бояре и посадские люди передавали эти рукописи своим близким по наследству как ценнейшую вещь. Хождения предназначались не только как практическая помощь будущим паломникам, они создавали художественный образ святыни, становясь выражением личного, индивидуального переживания приобщения к ней. Паломники-писатели пытались передать реальное ощущение божественного во время своего

путешествия. При этом они подчеркивали, что хождение как деятельность и хождение как литературное произведение тесно взаимосвязаны, являются двумя ипостасями одного целого.

Образованные пилигримы характеризовались как вольные люди со своим миропониманием. Зачастую такой паломник пользовался огромным доверием и непререкаемым авторитетом со стороны жителей какого-нибудь поселения даже на фоне местного священника, так как знал и видел значительно больше последнего. У паломника почти всегда наличествовала книга, для ее хранения имелось специальное место в одежде. Встречая на пути столь же начитанных путешественников из других земель, паломники часто дискутировали, излагали друг другу оригинальные идеи, нередко взятые из апокрифической литературы. В итоге они глубже проникались христианской мудростью, но в то же время могли стать носителями еретических идей, например, богомильской, широко распространенной в Европе и на Ближнем Востоке.

На белорусских землях институт паломничества также существовал и имел глубокие корни. Но если литературная традиция описания священных мест напрямую связана с христианским влиянием и подражанием письменному наследию западноевропейских пилигримов, то нельзя не отметить, что сама культура паломничества на белорусских землях зародилось еще в языческое время. В дохристианскую эпоху уже существовали центры поклонения, куда направлялись на богомолье в большом количестве наши предки. Это Святая Горка недалеко от Смилевич, источники под Слуцком, у Ракова, камни около Новогрудка, в районе Червеня (бывшего Игумена). [4, с. 23] Не исключено, что в языческие времена наши предки уже предпринимали попытки отправиться в далекий путь на восток. Согласно поверьям именно там можно было найти истинное знание, а через него - бессмертие. Восток идеализировался и притягивал еще и потому, что там находился Эдем, о расположении которого уже тогда было известно: из рая вытекают реки Нил, Евфрат, Фисон и Иордан.

Свидетельства о белорусских христианских паломниках в Палестину и святые места Византии известны еще с начала XII века. Традиция посещения сакральных объектов сохранялась даже в советское время, пока в 30-х годах власти не начали тотальную войну против паломничества. Среди путешественников встречались довольно образованные люди, которые оставили своим потомкам описание загадочных стран, впечатления от общения с духовными лицами. Практически все паломники знали духовные стихи, многие из них могли по памяти рассказать жития святых или спеть священные гимны. Хорошая интеллектуальная подготовка необходима была паломникам не только, чтобы суметь понять идеи христианских подвижников, но и точно пересказать их своим соотечественникам. По сути, этим знанием они и зарабатывали. Об этом писал в своем классическом труде «Белорусы» Е.Ф. Карский. [5, с. 489] Паломников четко отделяли от побирающихся нищих, воспринимали наподобие кобзарей в Украине или бардов во Франции, из их уст можно было услышать легенды апокрифического и мифологического характера. Белорусские селяне с уважением относились к пилигримам, щедро платили им за исполнение духовных песен и яркие рассказы о таинственном Востоке. Паломники были желанными гостями в каждом доме. Их с радостью принимали, предлагая ночлег и пищу, расспрашивали о пройденном пути, просили помолиться за себя и своих близких.

Одна из самых почитаемых белорусских просветительниц, Евфросиния Полоцкая, также в конце своей жизни совершила паломничество. Преподобная Евфросиния отправилась в Константинополь и Иерусалим. Выполнив свою земную миссию в просвещении людей, она решила «дойти святого града Иерусалима и поклониться гробу Господню и всемъ святымъ местомъ, видети и целовати, и тамо живот свои скончати» [6, с. 428].

Если бы ни обширные знания и интеллект белорусских странников, мы могли бы остаться без богатого наследия паломнической литературы. Так, вслед за «Хождением Игнатия Смолянина», корпус паломнических текстов обогатился хождением белоруса Арсения Селунского («Слово о бытии Иерусалимском»). К 1595 году относят появление рукописи, известной под названиями «Переграція, или путь до Иерусалиму Даниила Архимандрыты Корсуньского з Белой Росіі». На белорусских землях, входивших в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, ощущалось значительное интеллектуальное влияние западноевропейских культур, что способствовало использованию в паломнических произведениях латинского и польского языков. Пронуниатскую направленность имеет паломнический текст «Апология переграциации» Мелетия Смотрицкого, католическую направленность имеет «Переграциация в страны Востока» Николая Кристофа Радзивилла. Одновременно с традиционным, каноническим образцом жанра хождения

особой популярностью пользовались тексты «путники», имевшие справочный характер. Такие произведения с XVI в. оказываются востребованными уже на территории всех восточных славян.

Продолжением письменной традиции паломничества сегодня могут служить так называемые краеведческие паломничества, имеющие помимо духовных целей и иные. Паломники изучают родной край, собирают информацию о малоизвестных храмах, интересуются почитаемыми святынями, осваивают жития местно-чтимых святых. Эти паломничества помимо духовной пользы дают возможность применить в настоящем полезном деле свои знания, творчество, энергию.

В результате следует отметить, что значение знания и интеллекта паломника довольно велико не только для него самого, но и для формирования того наследия, которое, несомненно, поможет новым пилигримам обогатить свою духовную жизнь или даже изменить мировоззрение.

Литература и источники

1. Кузино, Ф. Искусство странствия к святыням / Ф. Кузино. – Ростов н/Д., 2009.
2. Гаранін, С. Л. Шляхамі даўніх вандраванняў / С. Л. Гаранін. – Мінск, 1999.
3. Рыбаков, Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи / Б. А. Рыбаков – М., 1963.
4. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно, 1895.
5. Карский, Е. Ф. Белорусы: в 3 т. / Е. Ф. Карский. – М., 1916. – Т. III: Очерки словесности белорусского племени. – Вып. 1: Народная поэзия. 6. Житие Евфросинии Полоцкой // БЛДР. – Т. 12. – СПб., 2003.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

А. С. Цмыг

Интерес к исследованию старообрядчества на территории Беларуси во многом связан с сохранением, развитием, возрождением, а также трансформацией культурных и духовных традиций изучаемой этно-культурной группы. Этапы изучения старообрядчества, в зависимости от использованных методологических стратегий, можно выделить следующим образом.

1. Начало XVIII – вторая половина XIX вв. Первоначальные исследования старообрядчества проводились только в рамках двух подходов: апологетического и обличительного. Методология изучения старообрядчества на данном этапе строится на изучении исторических источников старообрядчества, интерпретациях отдельных локальных историй, и при помощи сравнительно-исторических методов ведется построение общей исторической картины.

2. Последняя четверть XIX – середина XX вв. Старообрядчество выступает как феномен культуры и как объект конкретной научной отрасли. Наряду с историческими исследованиями старообрядчества появляются этнографические и демографические исследования, изучение фольклора и этнографии старообрядцев. Появляются в печати публикации старообрядческих авторов, показывающих другую сторону старообрядчества. В методологию исследования добавляются частнонаучные методы этнографии, фольклористики, статистические методы исследования.

3. Середина XX в. – по настоящее время. В методологическом плане это время перехода к комплексным и междисциплинарным исследованиям старообрядчества, которые синтезируют проблемные поля истории, лингвистики и изучения памятников старообрядческой письменности, фольклористики и культурологии. Это период, когда старообрядчество изучается не как объект конкретной научной отрасли, а как феномен, которому присуща своя история, свой язык, своя культура и попытка объяснения и раскрытия этого феномена комплексно. Наиболее разработанные в методологическом плане исследования - «Старообрядчество в России» (Москва, 1999), составитель Е. М. Юхименко, «Старообрядчество в Беларуси» (Минск, 1992) коллектива авторов в составе Т. П. Короткой, Е. С. Прокошиной, А. А. Чудниковой, «Староверие в Литве, вторая половина XVII – начало XIX вв.» (Вильнюс, 2006) авторства Г. Поташенко; «Куреневское Тримонастырье: история русского старообрядческого центра в Украине: 1675–1935» (Киев, 1999), С. Таранца.

Детально следует рассмотреть *комплексные исследования старообрядчества*. Комплексные исследования наиболее полно описывают феномен старообрядчества, заимствуя частнонауч-

ную методологию и формируя наиболее полный, постоянно развивающийся и дополняемый методологический аппарат.

В России изучение старообрядчества ведется с помощью междисциплинарного подхода в методологии исследования. Начиная с 60-х годов XX века проводятся более детальные, и с методологической точки зрения, более продвинутое исследования старообрядчества, которые касались уже не столько истории раскола, а делался упор на исследовании основных процессов, происходящих в старообрядческой среде. Можно выделить такого исследователя как В. Ф. Миловидов, который проводил и конкретные социологические исследования старообрядческих общин, и экспедиции по Прибалтике, Белорусской ССР, Бурятской АССР, Коми АССР, Горьковской, Рязанской, Томской областям. Он собрал и опубликовал немало брошюр, очерков, статей, дополняющих экспедиционные материалы. На основании анализа накопленного фактологического материала, полученного в экспедициях, им были выявлены тенденции, характерные для современного старообрядчества [1]. Начиная с 1973 года, разворачиваются комплексные исследования традиционной культуры в старообрядческом регионе в верховьях реки Камы – «Верхокамья». Работы в Верхокамье включают археографические, исторические, филологические, музыковедческие, социологические исследования [2].

На данный момент изучение старообрядчества в России имеет несколько отличительных особенностей. В России сложилась старая школа изучения старообрядчества; создано несколько крупных научных центров, занимающихся этой проблемой; развита междисциплинарная научная деятельность в регионах; регулярно проводятся конференции и выпускаются сборники статей.

В Беларуси становление современных научных исследований в области религии приходится на 90-е годы прошлого века, когда происходит изменение отношения к религии и церкви в обществе, а также обособление академической сферы Беларуси от единого советского академического пространства. В системе научного знания Беларуси исследования религии имеют давнюю историю, идущую от становления учреждений советской науки в двадцатые годы XX века. Институт философии НАН Беларуси сформировал собственное научное направление исследования религии, мировоззренческой и методологической основой которого до 90-х годов служили диалектико-материалистическая философия и научный атеизм [3, с. 280]. С конца 90-х годов религиоведы Беларуси начинают использовать новейшие методы социогуманитарного знания – герменевтический, семиотический, феноменологический. В это же время начинается глубокое и обстоятельное изучение старообрядчества в Беларуси. Исследования опирались на анализ социокультурного контекста функционирования конфессии.

Старообрядчество – одна из первых конфессий, в исследовании которой были опробованы современные методологические подходы религиоведения в Беларуси, развитие получил и комплексный подход. По результатам коллективных полевых исследований в период 1984–1987 гг., проводившихся коллективом ученых Института философии НАНБ в составе Т. П. Короткой, Е. С. Прокошиной, А. А. Чудниковой была опубликована монография «Старообрядчество в Беларуси» [4]. В данной работе четко прослеживается комплексный подход к исследованию, где наряду со сравнительно-историческим методом, при помощи которого дается представление о становлении, развитии и современном состоянии старообрядчества, полевыми исследованиями, предоставляющими материалы для казуального и структурно-функционального анализа, используются культурологический способ описания, статистический метод. Комплексное исследование, осуществленное авторами, подразумевает проведение междисциплинарного исследования на стыке истории, этнографии, культурной антропологии, лингвокультурологии, этносоциологии, этнопсихологии, призванное не просто описать старообрядчество как явление и дать оценку его современному состоянию, а раскрыть определенную картину мира, присущую старообрядчеству.

Как показывают исследования старообрядчества, проводимые в соседних государствах, важным в данном вопросе является, прежде всего, методологическая база. В современном религиоведении разработаны основные методологические подходы, которыми пользуются исследователи разных стран, однако с течением времени методы и подходы совершенствуются, уточняются, дополняются методами из смежных социогуманитарных дисциплин.

Литература и источники

1. Миловидов, В. Ф. Современное старообрядчество / В. Ф. Миловидов. – Москва, 1979.

2. Старообрядчество в России (17–20 вв.): [сб. науч. тр.] / Гос. ист. музей; отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. – Москва, 1999.
3. Короткая, Т. П. Становление религиозно-исследовательской традиции в современной Беларуси / Т. П. Короткая // Раздел 7. Беларускае рэлігізнаўства: вынікі дваццацігадовай гісторыі і перспектывы развіцця / Другі Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі. Працоўныя матэрыялы, 2013. – С. 280–284.
4. Короткая, Т. П. Старообрядчество в Беларуси / Т. П. Короткая, Е. С. Прокошина, А. А. Чудникова; под ред. А. С. Майхровича. – Минск, 1992.

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ АВТОХТОННОГО РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА МАРИ В XVIII–XXI вв.

Р. А. Саберов, Р. В. Шижженский

Изучение порядка отправления автохтонного религиозного культа марийского этноса в отечественной науке берет своё начало в XVIII столетии. Описывая проводимые ежегодно большие моления черемис, исследователь Г. Ф. Миллер сообщает: «По приводе скота на жертвенное место, Черемисской Юктуч (служитель культа) приказывает особливому человеку (вероятно, Миллер имеет в виду «учо» – лицо, отвечающее за непосредственное принесение животного в жертву) оной скот бить» [1, с. 56]. После приготовления ритуальной пищи варёное мясо выкладывается на стол, расположенный посредине рощи, перед совершением ритуальной трапезы служитель культа (у Миллера – «Юктуч»), встав лицом к востоку, читает молитвы [1, с. 58]. Остальные участники моления располагаются позади священнослужителя. Исследователь фиксирует процесс принесения в дар богам частей жертвенного животного: «Прежде ядения, от сваренного мяса все мелкие части обрезают, а именно уши, глаза, ноги и прочая, и бросают оныя в огонь, також сердце, кишки и прочую внутреннюю» [1, с. 60].

Сведения, приводимые Г. Ф. Миллером, дополняются исследователями Н. П. Рычковым и И. Г. Георги. Фиксация процесса отправления культа в работах данных учёных во многом аналогична. В священной роще разводятся костры для приготовления ритуальной пищи и принесения в дар богам частей жертвенного животного [2, с. 33] [3, с. 81]. В отличие от Н. П. Рычкова, И. Г. Георги указывает на семь огней, «которые в один ряд простираются от северо-запада к юго-востоку». Отмечается также, что огонь, расположенный на северо-западе, посвящён богу «Юмо» (высшее божество языческого пантеона – «бог неба», «божество» [4, с. 142–145] [5, с. 71]), далее «Юмон Аве» (Юмын Аве – Матери Юмо) [2, с. 33].

Участники моления располагаются в особом порядке. Перед каждым костром впереди стоит служитель культа, возле него помощник «удше» (учо), находящийся вместе с жертвенным животным (в жертву Юмо приносили жеребца, Юман-Аве – корову, а прочим богам – мелких животных или птиц). Остальные верующие располагаются позади. Как отмечает И. Г. Георги, люди стоят «простоволосы» (с непокрытой головой) [2, с. 33].

После завершения необходимых приготовлений начинается сам процесс моления. Вначале служитель культа возносит молитву «Юмо» и другим богам. Во время её произнесения верующие совершают поклоны. Г. Ф. Миллер пишет, что во время молитвы карт и верующие обращены лицом к востоку и поклоны совершаются «даже до земли» [1, с. 58]. Далее следует процесс «проверки» жертвенного животного на угодность богу: «По окончанию мольбы обливают всякий Удше (учо – прим. Р. С.) скотину холодной водой; ежели она вздрогнет, то почитается сие добрым знаком» [1, с. 58]. И. Г. Георги отмечает, что при непосредственном умерщвлении животного отправители культа стараются, чтобы часть его крови попала в огонь [2, с. 33]. Принесённое в жертву животное разделяется вне священной рощи. Затем мясо и внутренности варятся в котлах в качестве ритуальной пищи (кости сжигаются в костре) [2, с. 33]. Шкура жертвы (у И. Г. Георги кожа жеребца, принесенного в жертву «Юмо») вывешивается «в знак своего благоговения» на главное по пантеону богов (Юмо) священное дерево [1, с. 58–60] [3, с. 81] [2, с. 34] [6, с. 40]. В настоящее время на священном дереве располагается официальный герб Марийской традиционной религии (МТР), он «несёт в себе символы изобилия, благополучия и сохранения» [7].

После готовности пищи вновь совершается коллективная молитва. Верующие приступают

к трапезе, по окончании которой собравшиеся расходятся по домам [1, с. 58–60] [2, с. 33–34] [3, с. 81].

Сравнивая порядок отправления культа с современными религиозными практиками мари, можно прийти к выводу, что ключевые моменты моления и общая схема ритуальных действий практически не подверглась изменению [7] [8] [9] [10].

В качестве примера обратимся к описанию одной из наиболее массовых ритуальных практик мари – Всемарийскому молению (состоявшемуся 6 октября 2013 года в роще «Ош Куэр» д. Нурсола Куженерского района республики Марий Эл). Общее количество участников моления составило около двух тысяч человек из разных регионов России. Верующие принесли богам различные жертвы, в том числе кровные, в основном – водоплавающие (утки, гуси) в количестве 530 голов. Посредниками между верующими и сакральным миром выступили священнослужители традиционной религии мари – 37 «картов» (служителей культа).

Условно весь ход обряда можно разделить на несколько этапов. Первый – подготовительный. В роще у священного дерева устанавливается ритуальный стол, определяется место для кострищ, обработки жертвенных животных и птиц перед варкой, утверждается территория, где будут располагаться верующие, заготавливаются дрова, вода и т. п. Священнослужитель Марийской Традиционной Религии А. И. Рукавишников подчеркивает, что с недавнего времени при определении места расположения верующих, основных элементов, необходимых для совершения обряда, в качестве ориентира используется схема марийского моления (на Урале), зафиксированная исследователем 30-х гг. XX века Н. Маториным [11, с. 52–53]. Положение каждого элемента моления, по мнению респондента, имеет сакральное объяснение: «Священное дерево всегда направлено к восходу солнца. Костры также расположены по этому ориентиру, к полярной звезде. Огонь, полярная звезда и солнце составляют единое целое. Это также свидетельствует о наличии культа огня у марийцев. Участники моления стоят лицом к священному дереву, то есть также ориентированы на небесные светила. Таким образом осуществляется связь с богами» [7].

Второй этап ознаменован началом сакрального действия: в совместной работе служителей культа и помощников «учо» совершается проверка приносимых в жертву животных и птиц на удобность богам (в свою очередь, он состоит из трёх ступеней: очищение дымом, звуком, испытание жертвы при помощи воды), обработка жертвы, деление её на части (для «трапезы» богов и верующих), приготовление ритуальной пищи в котлах на кострах.

Третий этап включает в себя произнесение молитвы, ритуальное сожжение частей жертвы. На этом этапе участники моления обращаются лицом к священному дереву. Служители культа располагаются впереди, а масса верующих позади них, стоя на коленях. Все адепты имеют головные уборы, которые во время отправления культа снимаются при совершении поклонов, затем вновь надеваются на головы. В заключение следует общая трапеза участников моления [7].

Таким образом, сравнительный анализ первых сведений, описывающих процесс отправления автохтонного религиозного культа мари, полученных отечественной наукой в XVIII столетии, с современными данными – полевыми материалами, позволяет прийти к выводу, что порядок отправления культа как в XVIII веке, так и в начале XXI века остался неизменным. Данный факт еще раз свидетельствует о тенденции к сохранению древних верований мари в современной России.

Литература и источники

1. Миллер, Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков / Г. Ф. Миллер. – СПб., 1791.
2. Георги, И. Г. Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей / И. Г. Георги. – СПб., 1795. – Ч. I.
3. Рычков, Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году / Н. П. Рычков. – СПб., 1770.
4. Золотницкий, Н. И. Корневой чувашско-русский словарь / Н. И. Золотницкий. – Казань, 1875.
5. Шкалина, Г. Е. Традиционная культура народа мари / Г. Е. Шкалина. – Йошкар-Ола, 2003.
6. Паллас, П. С. Путешествие по разным местам Российского государства: в 3 т. / П. С. Паллас. – СПб., 1788. – Т. 3. – Ч. 2.
7. Полевые материалы экспедиции Р. А. Саберова в посёлок Куженер Куженерского района республики Марий Эл, 24 ноября 2012 г., 5–6 октября 2013 г. (информант: А. И. Рукавишников, 1950 г. р.).

8. Иванов, А. Г. Всемарийское языческое моление 1827 года и действия властей / А. Г. Иванов // Марийский археографический вестник. – 1998. – №8. – С. 48–75.
9. Попов, Н. С. К истории возрождения марийских традиционных молений в конце XX века / Н. С. Попов // Этническая культура марийцев (традиции и современность). – Йошкар-Ола. – 2002. – С. 92–121.
10. Кусото. Святая роща. – Йошкар-Ола, 2012.
11. Маторин, Н. Религия у народов волжско-камского края прежде и теперь. Язычество – ислам – православие – сектантство / Н. Маторин. – М., 1929.

4.2 Интеллектуальная культура в зеркале истории философской мысли Запада и Востока

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ МОДЕРНА

А. В. Филиппович

Масштабные перемены, произошедшие на исходе XX в., рассматриваются в философии как «конец Модерна», завершение трехсотлетнего периода господства идей и ценностей, которые привели к формированию современного мира. Модерн связан с философией Просвещения и политическими идеологиями, которые ставили перед собой задачу фундаментального преобразования человека и общества. Сущность Модерна наиболее отчетливо отражена в трех важнейших политических идеологиях, определивших облик современного мира – либерализме, коммунизме и фашизме [1, с. 11]. Провал или безнадежная незавершенность проектов этих идеологий является тем важнейшим критерием, который позволяет говорить о конце Модерна и наступлении Постмодерна. Неудача идеологий свидетельствует в целом и о неудаче всего Модерна, который так и не смог реализовать ни одну из своих важнейших задач. Прежде всего, эта неудача касается проектов совершенного общества – царства разума и свободы либерализма, бесклассового общества коммунизма и тысячелетней империи фашизма. Выступая под прикрытием рационализма или научных теорий, классические идеологии лишь эксплуатировали древний миф «золотого века». Кроме того, важнейшие ценности Модерна, отраженные в либерализме – свобода и равенство – остались формальными лозунгами, резко контрастирующими с реальным состоянием современных обществ. Под лозунгами свободы утвердились новые формы контроля, а отмена сословного и кастового неравенства привела к формированию откровенно иррациональных и абсурдных форм экономического и социального неравенства капитализма.

Философская критика Модерна имеет давнюю историю и может быть обнаружена уже в работах мыслителей XIX в, включая столь крупные фигуры как Г. Гегель, К. Маркс и Ф. Ницше. Мировые войны, тоталитаризм, эксплуатация, колониализм и экологические проблемы лишь способствовали усилению критики Модерна в философии XX в. Французский философ Ален де Бенуа вкратце обобщил некоторые итоги Модерна [2]. Во-первых, это распространение индивидуализма за счет разрушения старых форм общинной организации. Сообщества, составлявшие основу социальной организации традиционных цивилизаций, были полностью уничтожены, породив атомарного индивида и лишенное самоорганизации массовое общество, находящееся под постоянным давлением со стороны политических, экономических и технических механизмов. Индивидуализация разрушила социальные связи и способствовала утверждению отчуждения, подробно исследованного в марксизме и неомарксизме. Во-вторых, произошла унификация образа жизни и поведения, уничтожившая различия между людьми. Вместо нового разумного и просвещенного человека, о котором мечтали философы 18 в., Модерн произвел универсальный примитивный тип потребителя, которого Г. Маркузе назвал «одномерным человеком» [3, с. 275]. В-третьих, развитие Модерна сопровождалось десакрализацией, заменившей разнообразные мифологические и религиозные способы восприятия мира единой научной интерпретацией реальности, претендовавшей на окончательное объяснение мира. Однако философия XX в. раскрыла неустранимые мифологические элементы научной картины мира, а сама наука к концу Модерна превратилась в придаток техники и промышленного производства. В-четвертых, в духе идей Просвещения, Модерн стремился к тотальной рационализации человека, общества и природы с использованием «инструментального разума», негативные аспекты которого были раскрыты представителями Франкфуртской школы.

Средствами рационализации мира стали рыночная экономика и техническая эффективность, которые самого человека превратили в часть механизмов производства, наполнив даже его внутренний мир примитивными стандартными схемами мышления и поведения. В-пятых, Модерн породил универсализацию, распространившую в планетарном масштабе единую модель общества. Эта модель, возникшая на Западе под влиянием философии Просвещения и революций Нового времени, претендует на статус наиболее рациональной и, следовательно, обладающей превосходством над всеми остальными. Результатом универсализации стало исчезновение политического, социального и культурного многообразия, которое еще повсеместно существовало накануне Первой мировой войны, и утверждение «Планетарной Америки», «мира Макдональдса», черты которого бросаются в глаза в любом сегодняшнем крупном городе. Мир, который формировался Модерном под лозунгами создания совершенного общества, где царят свобода, равенство и братство, оказался тем, что Р. Генон назвал «царством количества», в котором исчезают и стираются качественные характеристики людей и вещей [4, с. 50].

Идеология прогресса, изобретенная философией Просвещения, позволила трактовать практику Модерна как постоянные изменения к лучшему. Прогрессистское восприятие мира, которое изначально привлекло интерес к истории, привело к появлению современного массового мировоззрения, целиком сконцентрированного на сиюминутном настоящем. В потоке меняющихся событий моментально устаревает даже то, что происходило несколько дней назад, а выродившийся историцизм превращает прошлое лишь в архив, куда за ненадобностью складываются все, выходящее за узкие рамки «текущей современности». Сознание человека лишается памяти, центральной точки ориентации, и приобретает характеристики «*tabula rasa*», которая заполняется шизофреническим хламом продукции масс-медиа. Текучесть и изменчивость Модерна резко контрастирует с традиционными цивилизациями, которые, как указывает Ю. Эвола, обладали необычайной способностью к фундаментальности и неизменности, позволяющей и сегодня говорить о них не в прошедшем, а в настоящем времени [5, с. 39]. Модерн уничтожает не только прошлое, но и рождает постоянную неуверенность в будущем, которое приобретает все более неопределенный характер перед лицом постоянных изменений. С окончанием Модерна и провалом идеологических проектов совершенного общества «пустое будущее» становится постоянным спутником современной цивилизации, которая еще несколько десятилетий назад строила грандиозные планы покорения природы во вселенском масштабе. Одной из реакций на негативные черты Модерна стало охватившее западные страны в 80-е годы движение Нью-эйдж, которое, в стремлении наполнить смыслом пустоту прогресса, попросту отменяет все результаты Модерна и связанного с ним христианства, провозглашая начало новой эры, основанной на совершенно иных принципах [6, с. 331–355]. Но «новая эра» пока не наступила. Глобальные политические, социальные и культурные механизмы Модерна продолжают сегодня функционировать при полном отсутствии осмысленных целей, имитируя практики, язык и ситуацию середины прошлого века. Навязчивое использование в любых контекстах понятия «модернизации» поддерживает впечатление продолжения глобальных проектов Модерна по созданию нового общества и нового человека. Однако модернизация не означает сегодня ничего, кроме воспроизведения доказавших свою разрушительность и несостоятельность моделей рыночного капитализма. Вопрос о конечных целях модернизации, которая изначально была частью провалившихся идеологий Модерна, в эпоху Постмодерна полностью снят. Любая модернизация предполагает общественный идеал, которого у современной цивилизации больше нет.

Идею модернизации продолжает эксплуатировать либерализм, исторически первая и одновременно последняя идеология Модерна. Либерализм, предавший классические идеалы свободы, равенства и братства, является сегодня синонимом капитализма и хранителем злосчастного наследия Модерна, используя «тотальную мобилизацию» классических идеологий для поддержания бешеных темпов функционирования экономики. В этом смысле либерализм Постмодерна вобрал в себя практические наработки своих исчезнувших врагов – коммунизма и фашизма – рабский труд, тонкий тоталитаризм и изощренная манипуляция сознанием. С точки зрения де Бенуа, либерализм является главным препятствием для выхода за пределы «руин» Модерна. Открытым остается вопрос, есть ли еще у современной глобальной цивилизации возможность совершить подобный шаг.

Литература и источники

1. Бенуа, А. де. Против либерализма: (к Четвертой политической теории) / А. де Бенуа. – СПб., 2009.

2. Manifesto of the French New Right In The Year 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4pt.su/ru/node/95>. – Дата доступа: 07.10.2015.
3. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М., 2003.
4. Генон, Р. Царство количества и знаменья времени / Р. Генон. – М., 1994.
5. Эвола, Ю. Лук и булава / Ю. Эвола. – СПб., 2009.
6. Hanegraaf, W. New Age Religion and Western Culture/ W. Hanegraaf. – Leiden, 1996.

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО КОСМИЗМА

А. В. Барковская

На фоне интенсивной современной глобализационной динамики рельефнее и острее выглядит проблема сохранения многообразия цивилизационных проектов, подчеркивающих значимость национально-культурной специфики, когда у культуры есть собственный облик, а у ее творцов – уникальный опыт созидания ценностных координат, определяющих их смысл жизни и свободный выбор путей личного развития. В этом контексте, чем агрессивнее ведет себя глобализация, когда, как утверждает З. Бжезинский, всего лишь за одно столетие Америка превратилась из страны, изолированной в западном полушарии, в державу, беспрецедентную по своему влиянию и масштабам, тем больше не только попыток задуматься о своей национально-культурной идентичности, но и доказать свое право на культ самобытности и историю его становления. Ярким примером здесь является так называемая славянская цивилизация, о которой сегодня так много говорят, исследуют, реконструируют ее истоки и эксплицируют разного рода ценности – восточного славянства, национального славянства и т. п. Отсюда и вопрос: действительно ли так мудра славянская цивилизация и на каких основаниях она строит свой мир и что предлагает другому – не славянскому – миру?

И первое, с чего хотелось бы начать, так это с акцентации внимания на том, что философская мысль Руси в наибольшей мере стремилась сформировать всеобъемлющее христианское мировоззрение, истолковать в его духе весь мир, раскрыть сокровенный смысл вселенского существования, наметить пути единения природы и человека. Уже «Повесть временных лет» задает образец синкретичного мышления и мудрость представляет как знание «о бытии всего мира, и о первем человеце, и яже суть была по нем и по потопе, и о смешеньи язык...» [1, с. 66]. И философ – это ни кто иной, как христианский проповедник, сказавший «Речь философа» перед князем Владимиром. В древней Руси, как считает В. В. Зеньковский, в ее христианском сознании присутствует примат морального и социального начала, который проявится в философии XIX. Идеи православного христианства преодолевали западный дуализм духа и тела и утверждали триединство духа, души и тела, а пример русского аскетизма «восходит не к отвержению мира, не к презрению к плоти, а... к яркому видению небесной правды и красоты, которое своим сиянием делает неотразимо ясной неправду, царящую в мире... Он есть средство и путь к преображению и освящению мира». Отсюда становится понятным, почему так излюблен в русском церковном сознании образ «света», символизирующего веру народа, которую он называет «пресветлое Православие». «Мир воспринимается как весь озаренный и пронизанный светом Божиим» [2, с. 37–38].

Поэтому в русской философской традиции присутствует интенция на создание синтетической философии, которая должна была показать, как человек совместно с Богом должен гуманистически преобразовать мир, т. е. придти к Богочеловечеству. На пути всеединства можно достичь восстановления связи реальности с Абсолютом, при котором целое не подавляет части, а, наоборот, создает условия и должный простор для развития каждой индивидуальности. Человек здесь связующее звено между Богом и миром, ибо его назначение видится в том, чтобы познать скрытую в мире Божественную Премудрость и воплотить ее собственным действием через самопреобразование. Как скажет В. Розанов: «Я пришел в мир, чтобы *видеть*, а не *совершить*» [3, с. 9].

В этом плане особый интерес представляет феномен русского космизма, который исходил из презумпции базовых установок православия для поддержания божественной гармонии человека и природы. Осознание того факта, что развитие цивилизации связано с технизацией и машинизацией культуры, вследствие чего разрушается гармония человека с природой, с необходимостью инициировало разнообразие подходов устранения причин возможной ситуации. Так, В. И. Вернад-

ский проводит идею о закономерной связи всех процессов Вселенной и одним из основных ее компонентов является живое вещество. Человечество как живое вещество неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее биосферой. Человек благодаря разуму создает вокруг планеты новую оболочку – ноосферу, которая рассматривается в качестве гаранта разумной деятельности человека во Вселенной. Вместе с тем человек, как считал К. Циолковский, нравственно несовершенен, т. к. животные наклонности сильнее и ум не может их одолеть, что предполагает разработку основ научной и земной этики. Последняя была призвана сохранить Вселенную и все ее разнообразие – от низших до высших существ и в 1934 г. он создает своеобразный кодекс прав материи и низших существ и обязанностей высших (например, права животных не подвергаться мукам и насильственной смерти, права неорганической материи возникать в образе высших счастливых существ и др.). В частности, сегодня проблема прав животных активно обсуждается в рамках эко- и биоэтики. В естественнонаучном проекте русского космизма принцип антропокосмизма стал основополагающим.

Религиозный космизм предполагал Бога внутри человека, что актуализировало представления о соборности, симфонической личности, идеале органического и гармонического устройства мира, восходя к известному принципу В. Соловьева «положительного (истинного) всеединства». Введением понятия «симфоническая личность» Л. Карсавин показывает, что индивидуальный человек есть несовершенная личность, включенная в единую личность космоса, он лишен индивидуальной неповторимости и поэтому является некоторым «моментом» в иерархии симфонических личностей. Симфоническая личность становится условием для обожения. Особый выход из порочного круга отрыва человека от природы Н. Бердяев видит в свободе духа как начале личности, а не в слепом подчинении власти космически-органического мира. В религиозной версии космос – мистичен, экзистенциально-антропологичен, божественен. Нравственное самоопределение человека, его способность задуматься о смысле своего временного существования, осуществить свое приобщение к единой духовной сущности, заложенной в каждом из нас, является гарантом преодоления любых катастроф. В синтетической триаде Н. Федорова – Бог, человек, природа – человек рассматривается как орудие божественного разума и в силу этого влияния становится разумом Вселенной. В регуляции же естественного процесса природы он видит «истинное отношение разумного существа к неразумной силе», тем более, что «регуляция природы – не барство (т. е. не подчинение природы капризу, произволу) и не своеволие (эксплуатация), а внесение в природу воли и разума. Человек и будет управлять природою, когда между людьми не будет розни, когда не своелюбие, а доброволие они будут вносить в мир...» [4] [1] [3] [21] [22]. Нельзя оставить без внимания и художественно-эстетический проект космизма, стремившегося (Ф. Достоевский, Н. Рерих, Д. Андреев и др.) представить космическое всеединство как сферу радости, счастья, красоты и совершенства, что делает его самобытным явлением. «Философизированное» искусство ориентировано на эстетический способ поддержания гармонии человеческого и природного миров, используя для этого разные литературные жанры: романы, поэмы, стихи, публицистику, трактаты и др. К сожалению, здесь актуализирована лишь малая толика огромного пласта русской религиозной философии, не рассмотрен конфессиональный и духовный опыт белорусов и других славянских народов, что, несомненно, позволило бы представить славянский мир еще более репрезентативным в мировом пространстве.

В современном достаточно нестабильном мире ценности славянских культур воспринимаются в качестве комплементарных для иных культур, не случаен интерес к их философии, не разделявших идею прогресса как единственного смысла человеческой истории. Вместе с тем стереотипность и догматизм мышления приводит порой к сознательному противопоставлению вне всякой целесообразности системы ценностей одной культуры другой, что, скорее, отдаляет народы, чем их сближает. И диалог становится формальным, если он в такой ситуации в принципе возможен. Важнее исходить из презумпции, что мир глобален, но он же и многолик, что делает его интересным и необходимым для всех.

Литература и источники

1. Повесть временных лет. – Ч. 1. – М.; Л., 1950.
2. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – Л., 1991. – Т.1. – Ч.1.
3. Розанов, В. В. Опавшие листья: Избранные страницы / В. В. Розанов. – СПб., 1999.
4. Федоров, Н. Ф. Из «Философии общего дела» / Н. Ф. Федоров. – Новосибирск, 1993.

НАЦИОНАЛЬНОЕ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ЛЬВОВСКО-ВАРШАВСКОЙ ШКОЛЫ ФИЛОСОФИИ)

Е. А. Тимощук

Феноменология культуры, в основе которой лежит анализ генезиса социокультурных объектов, представляет собой разновидность философского реализма. Социокультурная реальность рассматривается здесь как совокупность овеществлённых общественных явлений, имеющих разные модусы существования. Феноменология культуры позволяет нейтрально, незаинтересованно рассматривать любые социокультурных объекты, независимо от их порождения мифологическими, научными, идеологическими и обыденными сферами. Она также позволяет описывать смысловые структуры сознания как генераторы социокультурных объектов.

Национальное выступает в феноменологии культуры как форма конкретизации жизненного мира. Интерсубъективные «умвелты» национального подобны коду ДНК, который функционирует в массиве пула всего мирового культурного генофонда. При этом национальное может предложить универсальное ценностно-смысловое наполнение, если решает фундаментальные вопросы на локальном уровне. Примером такой социокультурной модели может стать львовско-варшавская школа философии, расцвет которой пришёлся на конец XIX века.

Её визитной карточкой стало развитие в русле когнитивизма или межотраслевое обсуждение вопросов логики, этики, эстетики, теории познания, метафизики, математики, психологии, социологии, лингвистики, литературоведения. При этом полёт мысли сопровождался яркостью и точностью экспликации философских проблем. Казимир Твардовский, основатель школы, привлекал студентов методологией своего дискурса. Не случайно, главные представители школы стали известными именно в разработке логических систем: Ян Лукаевич, Казимеж Айдукевич, Тадеуш Котарбиньский, Альфред Тарский, Станислав Лесьневский. В этой школе начинал своё обучение всемирно известный философ Роман Ингарден. Национальная львовско-варшавская школа доминировала не только в Польше, но и вышла на уровень выдвижения международных стандартов в логике.

Автореферентным автором, разработавшим теорию конкретизации национального и вместе с тем самостоятельно ставшим символом польской мысли в мировой философии, стал Роман Ингарден, который поступил в Львовский университет Иоанн Казимира в 1911 г. Он выбрал философию в качестве своего увлечения, а математику и естественные науки для того, чтобы иметь возможность зарабатывать преподаванием. Первым учителем философии Ингардена стал Казимир Твардовский, выдающийся польский методолог и педагог того времени.

Для того, чтобы преподавать в университете, нужно было защищать габилитационное сочинение, которое Ингарден написал летом 1923 г. и посвятил анализу сущностей вещей [1]. Защита прошла 27 июня 1924 на специально собранном совете философского факультета университета во Львове. Он по-прежнему оставался на позициях феноменологии, которая, по его убеждению, представляла программу интуитивного постижения сущности.

4 марта 1925 г. пришло подтверждение из Министерства религии и общего образования, которое присуждало ему звание приват-доцента философии львовского университета. В 1933 г. К. Твардовский, заведующий кафедры философии Львовского университета, выходит на пенсию и Ингарден получает эту должность [2].

Профессорская должность предоставляет Ингардену с 1933 г. больше внимания уделять академическим замыслам. Он ведет только 5 часов лекционных и 2 часа семинарских в неделю. Главными темами для лекций в это время были проблемы этики и теории познания.

В 1935 г. Ингарден приступает к исследованию «Спор о существовании мира», надеясь представить этот труд Гуссерлю, для которого он, главным образом, и создавался, так как учение Гуссерля наводило на мысль нереальности воспринимаемого мира. В феноменологическом методе отправной точкой выступает сознание, поэтому в нём нет возможности обосновать внеположенный мир. Замысел Ингардена заключался в том, чтобы показать онтологическое многообразие с позиций метафизики.

В 1940 Львов перешел к СССР и советское правительство назначило Ингардена деканом отделения германской филологии Львовского университета им. И. Франко. Р. Ингарден находился

на этом посту вплоть до нападения Германии на СССР. С началом войны высшие учебные заведения были закрыты. Ингарден продолжил преподавание в химическом колледже, ведя подготовительные курсы. Во время войны он нелегально проводил лекции в университете, рискуя собственной жизнью. В 1944 г. в дом Ингардена попала бомба. Вся семья была вынуждена переехать в Песковы Скалы, где Ингарден тайно преподавал математику ученикам, оставшимся без родителей. В последние годы войны Ингарден завершает работу над исследованием «Спор о существовании мира». Это очень важная работа для понимания онтологических оснований философии Р. Ингардена [3, р. 791]. Философский труд в 1200 страниц был написан в отсутствие доступа к библиотеке и возможности вести научные дискуссии [4, р. 96]. Ингарден рассматривал свой труд как польское движение сопротивления [5, р. 15].

С 1956 г. коммунистическая партия Польши стала более открытой к интеллектуальным диссидентам, особенно, к идеологически нейтральным – феноменологам, последователям львовско-варшавской школы (основные дебаты в то время велись между марксистами и католиками). Феноменологи не занимали политических позиций, они не возражали ни против католицизма, ни против марксизма. Польские марксисты могли критиковать Ингардена только за отстраненность от социальных вопросов.

Р. Ингарден впервые за историю эстетической мысли применял многослойное прочтение к произведениям кинематографа и искусства в целом. Рассматривая польские классические произведения, он интерпретировал их в терминах интенциональности, ярусности, конкретизации и пустотности (проективности). На своих семинарах во Львове и в книгах, Ингарден развивал учение о том, что социокультурный мир – это смысловая репрезентация, содержащая множество незаполненных мест, подлежащих конкретизации участниками межкультурного диалога. Национальное, как и эстетическое и все остальные социокультурные стратегемы – представляют собой «схематическую формацию» с точками неопределенности, которые заполняются во время индивидуального прочтения социокультурного объекта.

Литература и источники

1. Ingarden, R. Essentiale Fragen. Ein Beitrag zum Wesensproblem. Habilitationsschrift / R. Ingarden. – Halle, 1925.
2. Домбровский, Б. Т. Львовско-варшавская философская школа (1895–1939) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.philosophy2.ru/library/dombrovski/01.html#_ftnref49. – Дата доступа: 16.10.2015.
3. Stepien, A. B. Ingarden, Roman Witold (1893–1970) / A. B. Stepien // Routledge Encyclopedia of Philosophy. – London; New York, 1999.
4. Łubnicki, N. Sylwetka filozoficzna Romana Ingardena / N. Łubnicki // Fenomenologia Romana Ingardena. – Warszawa, 1972.
5. Michejda, H. Whitehead i Ingarden / H. Michejda // Szkice filozoficzne Romanowi Ingardenowi w darze. – Warsaw-Cracow, 1964.

АКСИОЛОГИЯ «ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ» ХАЙДЕГГЕРА В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИКИ КАТЕГОРИЙ БЫТИЯ И НЕБЫТИЯ

Д. В. Малахов

Исконная философская проблематика ставит вопрос не только о реальном существовании предметов и явлений в мире, но также (и в основном) – вопрос о существовании мира в целом: причинах, идеях и сущностях, формах и их реализуемости, элементах и их взаимопревращениях, целеполагании и его логической завершаемости. В связи с этим вопрос о значении категорий бытия и небытия следует рассматривать как один из особо значимых в формировании философской и научной картин мира и зарождении ценностных интенций, предназначенных определять императивный и нормативный характер мышления и познания в будущем.

В соответствии с тематикой доклада отметим решающее значение, которое у Мартина Хайдеггера имеет монистическое понимание бытия и отказ от понятия небытия в пользу *принадлежащего* самому бытию, но не тождественному ему и онтологически не однопорядковому с ним «Ничто». Ничто указывает на властвующую связь бытия с сущим и экзистенциальную связь бытия с особым (вопрошающим и понимающим) сущим – Dasein. Рассмотрим указанные положения

хайдеггеровской философии на предмет аксиологической эвристики, предоставляемой прояснением связки бытие-небытие.

1. Исследуя метафизические аспекты взаимодействия этих понятий, философы согласно приходят к мнению, что их со-присутствие является определяющим (если не сказать предельным) фактором для понимания истории философии, сверхценностных (общечеловеческих и религиозных) смыслов и судеб, личностно-экзистенциальных действенных проектов и выборов, а также общечеловеческих культурных форм и норм взаимодействия. Действительно, в философских исследованиях вряд ли существуют иные понятия, столь непосредственно и полно относящиеся к смыслу жизни и смерти, целеполаганию и эсхатологии, духовному возрождению или угасанию. Можно сказать, что в категориях бытия и небытия эксплицируется данность особого рода: драматическая *гетерогенность* бытийной полноты, не заданной фактически и существующей в виде возможности.

Гетерогенность в данном случае не подразумевает ни структуру внутренней иерархии или иерархических комплексов (регионов) бытия на фоне небытия, ни необходимость диалектического снятия противоречий внутри самого бытия, ни напоминающую адорновскую «конstellацию» игру бытия и небытия на сцене мира, подобного агональному космосу Гераклита. Речь может идти, скорее, о замысле или энергии такого замысла – *телосе бытия*, относимого к небытию как к возможности становления, наращивания, трансформаций смысла самого бытия как *бытия сущего*. В конечном счёте, телос бытия, исходящий из соотносимости бытия и небытия в *бытии сущего* может и, пожалуй, должен традиционно определиться как Благо – начало и завершение всякого действия.

2. В одной из своих статей [1] мы рассматривали благо как свободу от «не-сущего» в направленном действии неоплатонического Единого вовнутрь и вовне вертикальной триады, совместив его со смыслом освобождающего действия бытия у Хайдеггера. Однако завершающей оценки это рассмотрение не получило, поскольку соединение учения о Логосе как онтологической дифференции с учением о благодати бытия казалось нам преждевременным в связи с не прояснённым характером взаимосвязи «Логоса» и «Нужды».

Следует отметить, что сам Хайдеггер весьма недвусмысленно указывал на связь, существующую между онтологической дифференцией, онтологической негативностью и отношением человека к бытию, оговаривая при этом, что в классической западной метафизике сам характер и проблемная острота связи остались без должного внимания: «... Что ... означает метафизическая безвопросность негативности как безвопросность сущности мышления и его роли? Она означает, что нет решения: 1) в том, что касается отношения человека к бытию; 2) в том, что касается различия между бытием и сущим. Это двойное различие становится единым в единственном вопросе: из чего – если никогда нельзя сказать, что из сущего – бытие когда-то получает свою истину и где искать её основание? ... Спрашивать об «энергии» безусловного метафизического мышления значит выносить решение по поводу этого нерешённого. Вынести это решение на повестку дня, сделать его зримым и переживаемым на опыте, т. е. сделать необходимым – такова единственная мысль того мышления, которое поднимает вопрос о бытии» [2, с. 84–85].

3. Метафизика Хайдеггера основывается на трёхчастной структуре Бытие – Логос – Сущее и определяет критические интенции в отношении традиционного строения Бытие – Сущее, в котором бытие выступает в качестве субстанциального основания сущего и фактически отличается от него только объёмом, приписываемом ему как понятию. Хайдеггер же располагает в основании сущего не бытие, а Логос, в котором онтология и теология оказываются со-размерными друг другу [3, с. 47]. Данное соотнесение зачастую понимается (превратно или нет – не представляет сейчас для нас существенного интереса) как прямое указание на богословские истоки его метафизики.

Показательна позиция современного французского феноменолога и теолога Жан-Люка Мариона, оспаривающего положения Хайдеггера о Логосе как онтологической дифференции и усматривающего идолатрический характер этой метафизики в предпосылочном характере структуры Бытие – Логос – Сущее. Согласно Мариону, бытие Хайдеггера претендует на равнозначное соотнесение с Богом религии, чему предшествует содержание его метафизики, переносящей центр тяжести с бытия на процесс субстантивации сущего бытием. Субстантивированное сущее мыслится «действительным местом присутствия бытия» [4, с. 28], т. е. онтологического различия между бытием и сущим не происходит. Субстантивация сущего видится Мариону как привнесение онтологического содержания в сущее самим бытием, что ведёт к *созданию* «высшего сущего» – Логоса, где Логос выступает производной, вторичной структурой непосредственной связи бытия с сущим.

Марион исходит из того, что Логос у Хайдеггера бытийствует как высшее сущее, не являясь в действительности бытием сущего («действительно» в сущем присутствует бытие). Между тем, в онто-теологической структуре метафизики Хайдеггера дистанция между бытием и сущим образуется самим Логосом. Выступая в качестве дистанции и обозначая сосредотачивающее собрание сущего, Логос эксплицирует принцип *лада* онтологической дифференции – меры *изначальной* гармонии различения бытия и сущего [3, с. 50–51].

Существенным отличием метафизической структуры Хайдеггера, не замеченной, как представляется, Марионом, является положение о Логосе как нужде бытия в человеке и сущем и человека и сущего в бытии. Фактически, Хайдеггер фиксирует не способ *религиозного усилия*, в котором человек уподобляется Божественному бытию и выдерживает его в предстоянии священному как собственную экзистенцию, а *онтологию опыта*, в котором человек выступает средоточием бытия сущего – хранит бытие в его собственной нужде в «сосредоточенном сущем» и в «человеке-хранителе» [5, с. 457]. Рассмотрим это интересное и мало исследованное положение о *собственной нужде бытия*.

4. Термин «нужда» значительно проясняет употребление Хайдеггером понятия Ничто, столь обширно и смело применяемого сегодня к самым разным проблемам – от теологии и психиатрии до социологии и космологии, где оно, как правило, признаётся тождественным понятию небытия. Однако на деле хайдеггеровское Ничто указывает не на небытие, а на особую форму участия (точнее – преодоления), которое само бытие принимает в сущем и в человеческой экзистенции. Обратим внимание, что употребление термина «Ничто» связывается у Хайдеггера как раз с вопросом об упомянутой выше «нужде»: мыслить Ничто означает у него мыслить не небытие (что, естественно, невозможно для трезвого философского подхода), но нужду или нищету в нужде, которые испытывает сущее в целом в свете истины бытия [2, с. 38]. Фактически, мышление Ничто предполагает внятное осознание ситуации сущего, остающегося как бы в потёмках для конечного мышления и именованного – в призрачном существовании непрояснённости и непродуманности, и предполагает формулировку и исполнение скрытого требования сущего о предоставлении ему «свободы» (*das Freie*) «оберегания» (*Behüten*):

«...Свободное есть неповреждённое, пощажённое, то, что не берут в использование. «Давать свободу» в изначальном и подлинном смысле означает: щадить, оставлять нечто покоиться в его собственном существе, оберегая его. Оберегание же (*Behüten*) означает: удерживать существо в сохранности, а в сохранности оно остаётся только тогда, когда ему будет позволено покоиться, возвратившись к собственной сущности. Оберегать – это значит: неизменно помогать обрести этот покой, ожидая своего. Только в этом – событийная сущность щадящего сберегания, которое совсем не исчерпывает себя в негативности простого отказа от расходования и использования. В подлинном щажении состоит дарение свободы. О-свобождённое (*das Befreite*) – это отпущенное к своей сущности и избавленное от принуждения нужды. Освобождающее [начало] свободы прежде всего отвращает или преодолевает нужду» [6, с. 350].

Таким образом, бытие (само изначальное метафизически свободное от Ничто – вспомним *изначальный лад* бытия и сущего) становится у Хайдеггера *освобождающим от власти Ничто* (выражаясь точнее, от *ничтожения* Ничто) и в этом освобождении – возвышающим сущее началом. В метафизике (и в особенности метафизике Нового времени) ситуация складывается иная: истинная свобода есть принуждение к долгу ради самого долга. Как полагает Хайдеггер, метафизическая сущность свободы в Новое время находит своё завершение в том, что свобода становится «выражением необходимости, из которой воля к власти волит самое себя как единственную действительность и как жизнь» [6, с. 350–351].

5. Теперь мы можем констатировать, что драматическая гетерогенность монистического бытия означает не примитивно понимаемый монизм – гомогенную однородность, неразличимость уровней, – но монизм направленного действия бытия на сущее. Иными словами, внутренняя структура самого бытия определяется не включённостью в него метафизически однопорядкового небытия, но вовлечённостью самого бытия в дело охранения и возвышения сущего и в первую очередь особого сущего – *Dasein* (в метафизическом же мышлении «негативность проглатывается позитивностью; ничто есть безосновное *противостояние* бытию (*Sein*), но из *его же* существа» [2, с. 38]). Структурой этого вовлечения выступает Логос, *производящий* онтологическую дифференцию и в аксиологическом смысле содержащий Ничто как исток онтологического требования, исходящего из нужды и восходящего в бытийном телесе к благу свободы.

Возвышающее человека отношение с самим бытием представляется не метафизической свобо-

дой от сущего, но нуждой в прагматически и эпистемологически *не нужном* ему – покоящейся сущности сущего. Быть берегающим сущее средоточием не представляется для человека необходимым в плане удовлетворения своих насущных потребностей и открытия новых, обещающих новую «полноту» жизни, и поэтому является делом свободы. Аксиология, таким образом, предстаёт как узнавание и исполнение онтологического требования, или, правильнее сказать, – Зова, с которым бытие и сущее обращаются к человеку.

Литература и источники

1. Малахов, Д. В. Онтология и аксиология: современность истоков вопроса о «Логосе» у Хайдеггера и Плотина / Д. В. Малахов // Известия ГГУ им. Ф. Скорины (Гуманитарные науки). – 2015. – № 1(88). – С. 180–188.
2. Хайдеггер, М. Гегель / М. Хайдеггер. – СПб., 2015.
3. Хайдеггер, М. Онто-теологическое строение метафизики / М. Хайдеггер // Тожество и различие. – М., 1997. – С. 29–59.
4. Марион, Ж.-Л. Идол и дистанция / Ж.-Л. Марион // Символ. – 2009. – № 56. – 301 с.
5. Хайдеггер, М. Гераклит / М. Хайдеггер. – СПб., 2011.
6. Хайдеггер, М. Ниццета / М. Хайдеггер // Историко-философский ежегодник ' 95 / Отв. ред. Н. В. Мотрошилова. – М., 1996. – С. 347–353.

ОМОНИМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ТЕРМИНА «СМЫСЛ ЖИЗНИ» (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ТЕДДЕУСА МЕТСА)

Э. И. Чухрай

После публикации в 2004 г. «Европейского словаря философий» [7] оживились дискуссии об омонимии ключевых философских терминов, служащих обозначениями для весьма различных понятий. Единый термин создает иллюзию понятийного единства, по крайней мере – «переводимости», генетической преемственности диахронных и разноязычных философских миров. Однако внимательный анализ свидетельствует, что, по крайней мере, при переводе с одного языка на другой, понятийное содержание трансформируется, необходимо теряет непереволимую семантику оригинала и одновременно приобретает новые семантические пласты, обусловленные ресурсами нового языка. Лингвистическая и историческая непереволимости весьма часто дополняют друг на друга, вручая позднему мышлению по видимости надежный инструмент для препарирования прошлого и в то же время скрывая глубокие различия ментальных миров [1, с. 354].

В непосредственно интересующей нас области, традиционно называемой «проблемой смысла жизни», методология анализа непереволимости полностью оправдывается. Доказательства сущностной омонимии современного термина «смысл жизни», понимаемого как «вечная проблема», легко почерпнуть в элементарном историческом анализе.

1. Термин «смысл жизни» впервые был употреблен Новалисом и Ф. Шлегелем [6, с. 3], а затем популяризован Шопенгауэром в знаменитом учении о «бессмысленности» жизни. Термин стал весьма популярен в Европе уже с середины XIX в., причем как среди носителей религиозных или квазирелигиозных взглядов, так и среди нерелигиозной публики, включая атеистов. В чем причина принятия термина представителями столь различных мировоззрений? На наш взгляд, ключевую роль здесь сыграла мировоззренческая ситуация Нового времени, породившая уникальную, отсутствовавшую ранее в западной культуре альтернативу целиком внесакрального объяснения мира. Между «Исповеданиями» Августина и Толстого – пропасть, поскольку в состоянии внутреннего кризиса первый «жадно стремился» познать истинную суть вещей (V, III, 3), второй же не ищет вообще никакой сути, поскольку не имеет ответа на вопрос «зачем?», а потому и «таких желаний, удовлетворение которых [...] находил бы разумным» [3, с. 116–117]. Живой опыт бессмыслицы существования доступен всем современным людям. Посему общее содержание, вкладываемое и православными проповедниками, и марксистскими агитаторами 2-й пол. XIX в. в понятие «смысл жизни», прежде всего негативно: это есть нечто, преодолевающее растворенную в «духе времени» всеобщую бессмыслицу.

2. Отражением этого единства является распространенная убежденность в том, что «смысл

жизни» человек искал всегда и его эквивалентами, прямыми «предшественниками» и аналогами, являлись понятия «цели жизни», «предназначения человека», «высшего блага» и т. д. Показательны попытки увидеть смысло-жизненный поиск уже в поэме о Гильгамеше и в книге Иова [2].

3. Однако сходство негативного опыта отнюдь не свидетельствует об общности его преодоления. В этой связи особого рассмотрения заслуживает концепция Теддеуса Метса [5], современного представителя аналитической традиции. Отвергая применимость понятия «смысл» по отношению и ко всей жизни отдельного индивидуума, и к жизни как таковой, Метс аксиоматически постулирует бесспорное наличие т.н. «смысла в жизни» (*meaning in life*), достигаемого не соответствием высоким идеалам, а убежденностью индивидов в непременной «значимости» некоторых их действий. Речь идет о т. н. смысле *on the balance*, т. е. «в среднем», «более-менее». Религиозному «тезису совершенства» Метс противопоставляет натуралистический «тезис несовершенства», опирающийся на самоценные аспекты жизни в условиях сугубо естественного существования, т. е. без всякой связи с т. н. «духовной сферой», существование которой рационально недоказуемо. Основу этих типологически многочисленных аспектов он усматривает в «человеческой природе» как сугубо естественном объекте, существенно отличном от «животной природы». Итак, самоценность жизни сугубо естественна, смысл «в ней» наличен безотносительно к сверхъестественным идеалам. Одновременно Метс считает, что натурализм и сюрнатурализм являются различными подходами к проблеме «смысла в жизни», причем подходами исторически универсальными. Например, Фома Аквинский является, по его мнению, одним из представителей сюрнатурализма. Ведь мыслители прошлого, хоть и не использовали современную терминологию, но, несомненно, пытались определить те «конечные цели, которые должен осуществлять человек, чтобы иметь значимую жизнь» [4].

4. Подобный вывод, полученный путем очевидной рациональной реконструкции (термин Р. Рорти), тем не менее, претендует на историческую значимость, что, на наш взгляд, является методологической ошибкой. Речь идет о ретроспективном проецировании современных представлений на мышление более древних эпох, имевших совершенно специфическую логику. Иллюзия убедительности здесь возникает в результате некорректного использования сходных терминов («жизнь», «цель» и т. д.) как тождественных, тогда как речь идет о явных омонимах. Ведь Метсов «смысл в жизни» 1) лишь частично имеет отношение к «счастью и морали»; 2) является сугубо «естественным», т. е. не предполагающим «духовной сферы»; 3) не касается жизни в целом и мира в целом; 4) наделяет «значимостью» вот-этот конкретный момент жизни, взятый безотносительно к контексту, включающему в себя жизнь как целое; 5) является «самоценным», т. е. не служит никаким другим целям.

5. Очевидно, что концепции Аквината и Метса настолько различны, что их нельзя рассматривать как два вида, принадлежащие одному роду. Тексты Фомы (главным образом «Компендиум теологии», I, 100–174; «Сумма против язычников», III, 25, 48, 147; IV, 70; «Сумма теологии», II, I, 1–3, 11, 19, 21, 34, 39, 70) очевидно противостоят всем ключевым пунктам Метса на структурном уровне: 1) благо и обретаемое в нем счастье являются единственной конечной целью, предписанной человеку его природой; 2) последняя неотделима от Бога, устанавливающего порядок целевых причин, собственно, и составляющих эту природу; 3) цели человека неотделимы от целей мира, от священной истории в целом; 4) сосредоточение на отдельных моментах жизни для Фомы немислимо, земная жизнь есть лишь средство достижения вечной жизни, иной регистр рассмотрения для него попросту невозможен; 5) никакая «значимость» жизни вне контекста спасения вообще не интересует Ангельского Доктора, любое предпочтение бесконечного конечному он счел бы лишь грехом и безумием. Этот анализ показывает, что Фому не мог бы заинтересовать никакой «смысл в жизни», точно так же, как Метс под природой вряд ли согласится понимать провиденциальный порядок целевых причин всякого сущего, в т. ч. и человека. Налицо не различие решений единой проблемы, а явная несоизмеримость подходов.

6. Следовательно, концепция Метса нуждается в существенной корректировке, поскольку предлагает слишком прямолинейные исторические обобщения, не отображающие, по выражению В. Ахутина, «онтологического различия умов». Но существует ли в принципе возможность обобщения в данной сфере (при условии более-менее корректной исторической реконструкции)? «Конечную цель жизни» (термин Фомы, см.: «Сумма теологии» II, I, q. I, a 4) и Метсов «смысл в жизни», на наш взгляд, можно было бы вполне непротиворечиво представить объектами единого исследо-

вательского поля, но только не через редукцию болем раннего к позднему. Впрочем, этот уровень обобщения обречен на слишком высокую абстрактность, несовместимую с глубоко практическим, мировоззренчески злободневным характером вопроса.

Литература и источники

1. Ахутин, А. В. «Омонимия» в переводе философских понятий / А. В. Ахутин // EINA: Проблемы философии и теологии. – Том I. – 2012. – № 1-2. – С. 351–358.
2. Рижский, М. И. Книга Экклезиаста. В поисках смысла жизни / М. И. Рижский. – Новосибирск, 1995.
3. Толстой, Л. Н. Исповедь / Л. Н. Толстой // Сочинения в 22 тт.: Т. 16. – Москва–Ленинград, 1983. – С. 106–165.
4. Metz, T. «TheMeaningofLife» // TheStanfordEncyclopediaofPhilosophy (03.06.2013 Edition), Edward N. Zalta (ed.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2013/entries/life-meaning/>. – Дата доступа: 29 сентября 2015 г.
5. Metz, T. Meaning in life: an analytic study / T. Metz. – Oxford, 2013.
6. Schwießelmann, Ch. Ludwig Wittgenstein und der Sinn des Lebens / Ch. Schwießelmann. – München, 2007.
7. *Vocabulaire européen des philosophies: dictionnaire des intraduisibles*. – Paris: LeSeuil/LeRobert, 2004.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ СТОРОННИКОВ МАРКСИЗМА XIX в. (К 195-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. ЭНГЕЛЬСА)

И. Д. Кулаков

Отметим, что, во-первых, социальные воззрения рассматриваются в рамках «социальной философии», которую точнее, на наш взгляд, называть *историко-логией*, если речь идет о категориальном, с научных позиций обобщении истории человеческого сообщества, с выходом на историческую перспективу.

Во-вторых, свои социальные воззрения основоположники марксизма называли историческим материализмом.

В-третьих, мы исходим из того, что сторонниками марксизма являлись: 1) сами Карл Маркс и Фридрих Энгельс как основоположники «научного коммунизма» и марксистской теории социализма, «ставшие идейными руководителями международного рабочего движения» [1, с. 585–590]; 2) их сторонники, впервые организованные в международном масштабе в 1847 г. в Союзе коммунистов (организации, провозгласившей марксистское учение своим идейным знаменем), в середине 1860-х – в рядах основанного Карлом Марксом [1, с. 461–472] Первого Интернационала, и позднее – на первых этапах Второго Интернационала (1889 г.) (в его образовании активнейшую роль сыграл уже Ф. Энгельс). Их сторонники были непосредственно связаны с коммунарами. В России на позиции марксизма безоговорочно стал молодой Владимир Ильич Ульянов-Ленин, конкретизировавший в 80–90-е гг. марксистские идеи применительно к российской действительности. Наиболее последовательными сторонниками марксизма в XX в. стали меньшевики во главе с Георгием Валентиновичем Плехановым, основавшим ранее группу «Освобождение труда», которая положила начало подготовке создания российской социал-демократической партии (РСДРП).

Основы исторического материализма, марксистской историологии были заложены в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Первостепенное значение имеет Предисловие «К критике политической экономии» К. Маркса [2, с. 5–9] (на цельность марксова видения в нем указывал В. И. Ленин [3, с. 39]), а именно, то место, где Маркс, опираясь на разрабатываемый вместе с Энгельсом диалектико-материалистический метод мышления, обосновывает формационный подход [2, с. 6–8].

Исходя из осмысления истории социально-экономического и – политического развития прежде всего Западной цивилизации, Маркс выделяет три «антогонистических» (с точки зрения непримиримости отношений между классами) общественно-экономических формации: рабовладельческую (отношения между рабовладельцами и рабами как их собственностью); феодальную (между феодалами и экономически, через земельные отношения, зависимыми от них крестьянами); капиталистическую (между капиталистами и пролетариями как наемными рабочими, в отличие от крестьян лишенными средств производства). Вся историю антогонистического общества сопровождает борьба классов.

В основании общественно-экономической формации лежит «способ производства материальной жизни», диалектически-противоречивое единство материальных производительных сил и производственных отношений, «обуславливающий социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [2, с. 7]. С углублением противоречия – опережающего развития производительных сил по сравнению с развитием производственных отношений (собственности, закрепляемой юридически, способа соединения работника со средствами производства, производительного потребления, распределения и обмена, которые из «форм развития производительных сил превращаются в их оковы), наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы («реального базиса» общества) происходит переворот во всей надстройке [2, с. 7].

Но так происходило до капитализма, поскольку все «до сих пор происходившие движения были движениями ... в интересах меньшинства» [4, с. 35], с исторической сцены не уходящего добровольно, Производительные силы, находящиеся в распоряжении общества, «не служат более развитию буржуазных отношений собственности; ... буржуазные отношения задерживают их развитие» [4, с. 430]. Пролетариат, как могильщик буржуазии, увеличивающийся в процессе развития производительных сил и созревающий в ходе классовой борьбы, в результате социалистического переворота устанавливает диктатуру пролетариата, пролетарскую демократию, уничтожает «существующий до сих пор способ присвоения в целом», частную собственность и «все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность» [4, с. 434], т. е. всю буржуазную надстройку, вводя общественную собственность на средства производства.

Обращаясь к вопросу о государстве, Ф. Энгельс писал: «Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим» [5, с. 221], для господствующего социально-экономического и политического положения одного из них и отсутствия хаоса в условиях классово-антогонистических отношений. После взятия политической и экономической власти рабочим классом, вследствие отсутствия классового антогонизма, государство отмирает [6, с. 291–292].

В основе марксистского учения лежит гуманистическое начало. «Пролетарское движение, – читаем в «Манифесте», – есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства» [4, с. 37]. И все же, не отрицая общественной собственности на средства производства, положение об уничтожении частной собственности не выдерживает проверки временем и в перспективе, поскольку в ее рамках между субъектами хозяйствования могут устанавливаться цивилизованные отношения, на паритетных началах [7, с. 357]. Во времена Маркса и Энгельса трудно было ожидать другого отношения к ней того, кто был глубоко не безразличен к нещадной эксплуатации рабочего. Такой, вынужденный, вариант развития событий, признают даже некоторые адепты буржуазного строя. «В общем-то, – читаем у А. Дж. Тойнби, имея в виду и пример Парижской коммуны, – не вызывает удивления это глубокое стремление к переменам и решимость добиться их тем или иным способом, возникающие в ряде угнетенных классов» [8, с. 278]. Учение о государстве носит явно зародышевый, ограниченный характер. По существу отсутствует его общее определение. Вышеприведенное, скорее, относится к трем указанным Марксом общественно-экономическим формациям. Противоречивыми в «Анти-Дюринге» (и не только) являются суждения об «отмирании». В условиях действительно цивилизованного общества, названного автором «цивилизованным» [7, с. 357], государство станет гарантом и учителем цивилизованных отношений между людьми. Окончательные *выводы для себя* делать самим сторонникам социальной теории марксизма.

Литература и источники

1. Карл Маркс. Биография / П. Н. Федосеев, И. А. Бах, Л. И. Гольман и др. – 3-е изд., доп. и испр. – М., 1989.
2. Маркс, К. Критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 13. – М., 1959.
3. Ленин, В. И. Карл Маркс / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 тт. – Т. 26. – М., 1973.
4. Маркс, К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – М., 1955.
5. Энгельс, Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 22. – М., 1960.
6. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – М., 1961.
7. Кулаков, И. Д. Гуманизм и мировоззрение / И. Д. Кулаков // Духовное наследие народов Центральной и Восточной Европы в контексте современного межкультурного диалога: материалы международной научной конференции, г. Минск, 17–18 ноября 2005 г. – Минск, 2005.
8. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. – 2-е изд. – М., 2003.

МАРКСИСТСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ КРИТИКИ КАПИТАЛИЗМА В ФИЛОСОФИИ Ж. ДЕЛЕЗА И Ф. ГВАТТАРИ

Ю. О. Азарова

В одном из своих последних интервью Жиль Делез заявил, что он пишет книгу «Величие Маркса» («Grandeur de Marx») [4, с. 50]. Признание Делеза хорошо иллюстрирует его позитивное отношение к философии Маркса. Несмотря на критику ряда идей марксизма, Делез очень высоко оценивает «Капитал» Маркса.

«Мы, Феликс Гваттари и я, – отмечает Делез в беседе с Тони Негри, – всегда оставались марксистами. Возможно, по-разному, но оба. Дело в том, что мы не верим в возможность политической философии, которая не была бы сосредоточена на анализе капитализма и его развития» [3, с. 218].

Делез и Гваттари принимают тезис Маркса, что любое политическое мышление опирается на экономический базис, а современная политика – на капитализм. Соответственно, изучение государства, социальных институтов, структур и механизмов управления сегодня невозможно без анализа проблем капитализма.

«То, что нас интересует больше всего у Маркса – это анализ капитализма как имманентной системы, которая постоянно переходит свои границы и которая всегда обнаруживает данные границы расширяющимися, потому, что граница – это и есть сам капитал» [3, с. 218].

Детальную и масштабную критику капитализма Делез и Гваттари излагают в книге «Капитализм и шизофрения» (Том I: «Анти-Эдип», 1972; Том II: «Тысяча Плато», 1980) [1] [2]. Поскольку политика выступает дизайном экономики, то именно последняя дает ключ к пониманию социальных трансформаций.

Делез и Гваттари выдвигают тезис, что общество – это совокупность различных потоков (финансовых, информационных, технологических, энергетических, миграционных, *etc.*). Движение потоков регулируется двумя операциями – *кодирования* и *декодирования* (см.: [2, с. 69]).

Распределение материальных благ и ресурсов, циркуляция товаров и услуг, а также законодательные акты, решения администрации, информационная риторика СМИ, которые сопровождают данный процесс, тесно связаны с тем, что Делез и Гваттари называют «кодированием».

Режим кодирования обеспечивает жизненные потребности человека. Он создает такие структуры, как семья, община, государство, которые существуют в каждую историческую эпоху. Эти структуры формируют базис, т. е. физическое основание культуры. Режим кодирования носит *имманентный* характер.

Данный режим часто образует глобальный уровень или макросистему. В рамках систем экономики, политики, права, государственного аппарата есть также «феномены центрирования, унификации, тотализации, интеграции, иерархизации и целеполагания, которые формируют сверх-кодирование» [2, с. 69].

Режим декодирования производит идеологию, символическое значение. Он создает идеи, образы, высказывания, которые формируют надстройку, т. е. духовное основание культуры. Режим декодирования носит *трансцендентный* характер. Он детерминирует наше мышление.

Между тем, современный капитализм серьезно модифицирует подобную схему, предлагая иное видение общества. Капитализм полностью переворачивает прежнюю социальную онтологию. Делез и Гваттари выделяют *пять параметров*, указывающих на парадоксальный статус капитализма.

Во-первых, капитализм является универсальным элементом любого общества в его негативном смысле. «Если капитализм обладает всеобщей истинностью, то лишь в том смысле, что он является негативом всех общественных формаций» [1, с. 21]. Капитализм – это то, чего прежние исторические формации стремятся предотвратить или избежать.

Капитализм трансформирует политическую власть в экономическую власть. «Здесь знаки власти перестают быть тем, чем они являются с точки зрения кода: они становятся прямыми экономическими коэффициентами. <...> Вместо того, чтобы выражать неэкономические факторы, власть принимает непосредственно экономический характер» [1, с. 33].

Во-вторых, вместо кодирования потоков, капитализм осуществляет их декодирование. Если традиционное общество опирается на кодирование, то капитализм – на декодирование. «Аксиоматика капитализма – это аксиоматика социальной машины, замещающей древнее кодирование» [1, с. 30].

Капитализм не рассчитывает на какой-либо код. Проблемы капитализма *a priori* не ставятся в терминах кода. Аксиоматика капитализма – это «полная противоположность кода. Она разрушает саму основу кода» [1, с. 33]. «При капитализме есть только одна вещь, которая могла бы быть универсальной, это рынок» [3, с. 220].

Например, традиционное общество кодирует потоки желания, трансформируя их в брак. Однако в капитализме кодирование сексуальных отношений путем заключения брака, церковного венчания, введения имущественных и правовых обязательств между супругами, отходит на другой план.

Привычное кодирование, которое локализует сексуальную практику в определенных контекстах – брак, проституция, молодежные сообщества – в капитализме оказывается декодированным. Капитализм превращает секс в «товар», делая его частью экономики, формой накопления богатства.

Капитализм лишает потоки желания того значения, которое они имеют в прежнем, кодированном контексте (секс как органичная часть брака, ключевое звено семейных уз), декодируя их так, что они приобретают монетарную ценность, согласно закону всеобщего эквивалента.

Таким образом, капитализм – это способ кодировать не-кодируемое, кодифицировать то, что ускользает от кода. Однако иногда декодирование имеет положительный эффект, инициируя новый тип отношений, которые были невозможны или исключены в прежних режимах кодирования.

В-третьих, обобщение и аксиоматизация декодированных потоков. «Капитализм – это не просто декодированные потоки, а обобщение декодированных потоков» [1, с. 30]. Обобщение происходит при встрече – слиянии или конъюнкции – различных потоков (скажем, элементов производства и не-производства).

Капиталистическая аксиоматика подчиняет различные потоки общей изоморфии – например, такому элементу, как субъект, который производит товары или услуги для рынка. Здесь субъект (голый труд) и объект (прибыль) сопрягаются в единое целое (богатство). Это основная теоретическая формула капитала.

В-четвертых, открытость и безграничность аксиоматики капитализма. Еще Маркс аргументировано доказал, что аксиоматизация не имеет четких границ или пределов. «Капиталистическая аксиоматика так богата, что к наличным аксиомам всегда добавляет еще одну» [1, с. 32].

Действительно, «сила капитализма состоит в том, что его аксиоматика не насыщаема, что он всегда способен добавить новую аксиому к числу существующих аксиом» [1, с. 33]. Это объясняет стремление капитализма к постоянной новизне (инновациям в сфере рекламы, маркетинга, производства услуг).

Превращая всё в товар, капитализм расширяет сферу бизнеса. «Он имеет предел и не имеет его: предел заключается в специфических условиях капиталистического производства и обращения, т. е. в условиях самого капитала; он функционирует, лишь воспроизводя и расширяя эти пределы во всё большем масштабе» [1, с. 33].

В-пятых, не-тотализируемый характер аксиоматики капитализма. Тот факт, что аксиоматика капитализма не имеет границ, однако не означает, что традиционное кодирование в ней отсутствует. Конечно, правительство и семья по-прежнему присутствуют в капиталистическом обществе, хотя их авторитет значительно ограничен.

В частности, нуклеарная семья, как механизм, регулирующий процессы кодирования и декодирования, остается стабильным звеном общества, но в то же время она служит удивительным примером миниатюризации государства, где отец занимает позицию деспота или правителя.

Поэтому, с одной стороны, в капиталистическом обществе «код сохраняется, пусть даже в качестве архаизма, приспособившегося к ситуации персонифицированного капитала», а с другой стороны, «обобщенное декодирование потоков разрушает сам код» [1, с. 30], преобразуя социальные отношения.

Итак, анализируя главные параметры капитализма, Делез и Гваттари опираются на труды Маркса. Хотя капиталистическое общество функционирует совершенно иначе, чем традиционное, у нас, – подчеркивают исследователи, – нет оснований провозглашать триумф капитализма, утверждать его эмансипаторный эффект.

Настоящая свобода, – считают Делез и Гваттари, – невозможна в мире капитализма и ценностей монетарной экономики. Осуществляя декодирование традиционных форм бытия, капитализм не освобождает индивида, а напротив, производит новый, более сложный, скрытый и коварный тип несвободы.

Литература

1. Делез, Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург, 2007.
2. Делез, Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург; М., 2010.
3. Делез, Ж. Контроль и становление: беседа с Тони Негри // Ж. Делез. Переговоры (1972–1990). – СПб., 2004. – С. 215–225
4. Deleuze, G. «Je me souvense»: interview avec Didier Eribon / G. Deleuze // Le Nouvel Observateur. – 1995. – № 1619. – (16–22 Novembre). – P. 50–51.

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ

А. М. Цвер

Армия является одним из старейших институтов государства, и ее существование – неотъемлемый атрибут любой государственной организации. При этом армия, как известно, чрезвычайно формализованный институт, имеющий свои собственные внутренние правила. Ее сила и боевая эффективность, наряду с другими факторами, такими как снаряжение, управление, связь, в значительной степени зависят от качества обучения и воспитания солдат, от их высокого уровня профессионализма и морального духа. Образовательная деятельность в армии имеет, поэтому, свои специфические характеристики, в связи с чем обучению и воспитанию в армии всегда предъявлялись самые высокие требования.

Геополитическое положение Польши во все времена было таково, что существование государства зависело от наличия сильных, хорошо обученных и снаряженных вооруженных сил. Поэтому польское военное образование тесно связано с историей польской государственности и имеет уходящие в далекое прошлое богатые традиции. Оно играло важную роль в истории национальных вооруженных сил, внося большой вклад в развитие польской и европейской военно-педагогической мысли.

История военного образования в Речи Посполитой является одним из самых интересных направлений польской науки. Однако, несмотря на свое богатое прошлое, родословная польской военной школы не в полной мере исследована историками. Тема военного образования раскрывается лишь в самых общих чертах и фрагментарно при обсуждении общих вопросов образования и развития польской педагогической мысли. Кроме того, в своих исследованиях военные историки касаются проблем военно-учебных заведений не самих по себе, а, как правило, в более широком контексте - при рассмотрении истории военного стратегического искусства. Особенно остро чувствуется отсутствие серьезных исторических исследований взглядов тех сторонников военного образования, которые выступали за необходимость подготовки профессионально обученного кадрового состава вооруженных сил на основе военно-учебных заведений, являвшихся одновременно важным звеном в оборонительной политике польского государства.

Анализ имеющихся источников показывает, что в течение более чем двухсотлетней истории польского военного образования был разработан ряд интересных организационных и образовательных моделей. На их основе была создана эффективная система профессионального обучения будущих военных для обеспечения надлежащей подготовки кадровых офицеров различного уровня командования. Кстати, из военных школ вышло впечатляющее количество талантливых и идейных выпускников-военачальников, которые в каждый период польской истории были основой национальной армии и обеспечивали способность солдат выполнять свои основные функции в соответствии с поставленными задачами.

В Польше, как сама армия, так и вся система военного обучения выступали важной образовательной средой, последовательно формирующей *граждан – патриотов - солдат*. Первые конкретные идеи о необходимости военной подготовки и создания военно-учебных заведений родились еще в эпоху Возрождения. Они появились из чувства ответственности за судьбу государства и народа, из опасений за состояние безопасности страны. Высказывались требования налаживания

систематических военных курсов для представителей дворянства и других сословий. Выразителями этих идей был, среди прочих, каштелян Познани Ян Остроруг, который уже в 1467 г. в своем труде „*Monumentum pro comitiis generalibus regni sub rege Casimiro pro Reipublicae ordinatione congestum*”, написанном по просьбе короля Казимира Ягелончика, выступал за необходимость подготовки молодых людей дворянского сословия к несению военной службы и воспитания их в духе патриотизма. С этой целью он предлагал создание трех лагерей, или военных школ для детей шляхты, где они получали бы необходимые военные знания [1]. В том же духе, в 1573 г. неизвестный автор брошюры «Реставрация прав, свобод и свободы наших» („*Naprawa praw, swobod i wolności naszych*”) требовал, чтобы «Рыцарская школа для обучения молодых людей основана была» [2].

Однако только 7 сентября 1764 г. король Станислав Август Понятовский подписал закон о создании первой в истории польских вооруженных сил государственной институции - Рыцарской школы в Варшаве [3]. Учреждение Рыцарской школы было для общества и государства исторической необходимостью, поскольку преследовало двойную цель - обеспечивать армию высококвалифицированными офицерами, а также воспитывать граждан в духе патриотизма и прогресса. Так, командно-преподавательский состав Корпуса кадетов привносил в школьные стены новые образовательные и воспитательные идеи Просвещения. Тридцатилетняя плодотворная деятельность Рыцарской школы (1765–1794) оставила большой след в польской истории и культуре. С ее стен вышли такие образованные офицеры и политические деятели, как Тадеуш Костюшко, Якуб Ясиньский, Кароль Сераковский, Мауриций Гауке, Казимеж Нестор Сапега, Юлиан Урсын Немцевич и многие другие.

Образовательные модели, разработанные в стенах первого в истории польского военного училища, были продолжены и обогащены в польском образовании XIX века, а некоторые из них сохранились, особенно в сфере военного образования, и до наших дней как достойные образцы для подражания.

Вслед за королем и другие польские магнаты пытались создавать аналогичные региональные военные школы. Уже в 1767 г. Кароль Радзивилл основал в Несвиже две такие школы: кадетский корпус артиллерийско-технического направления и первую в стране Морскую школу, причем оба училища просуществовали до 1784 г. Литовский подскарбий (казначей) Антоний Тизенгауз в 1774 г. организовал кадетскую школу в Гродно, которая после ее перенесения в 1782 г. в Вильно была значительно расширена и стала называться Корпусом кадетов Его Королевского Величества кадетов виленских. В 1780–1781 гг. в Варшаве открылись Главная артиллерийская школа и тесно с ней связанная Инженерная школа. Оба учреждения финансировались за счет государственных средств, а их попечителем по поручению короля стал известный генерал Алоизий Брюль. В 1789 г. в Вильно возникла Школа инженерного корпуса, задачей которой было воспитание и подготовка военно-технического персонала для нужд польской армии того времени. Большинство этих учреждений можно рассматривать как учебные центры, организованные по образцу Рыцарской школы, однако их отличало то, что они были созданы для быстрого обучения будущего кадрового состава, и в их стенах получало образование лишь небольшое количество молодого поколения шляхты.

Следует отметить, что качественная и последовательная реконструкция этапов возникновения и развития польского военного образования не является простой задачей. Это связано с тем, что необходимый для этого эмпирический материал рассредоточен по многим архивам и библиотекам не только Польши, но также России, Литвы, Беларуси. Необходимо также принимать во внимание тот важный факт, что история польских военных школ и осуществляемого в их стенах образования сама по себе является крайне сложной, поскольку польское просвещение и образование, в том числе образование военное, возникли и функционировали в очень непростой политической и социальной обстановке, что также не облегчает научных исследований. Поэтому крайне важным и целесообразным представляется продолжение кропотливого изучения и широкой презентации научному сообществу Польши и сопредельных стран взглядов и идей выдающихся польских мыслителей, педагогов, писателей, военных деятелей на проблему институционализированного обучения профессиональных кадровых военных в Речи Посполитой.

Литература и источники

1. Ostroróg, J. Monumentum pro comitiis generalibus regni sub rege Casimiro pro Reipublicae ordinatione congestum / J. Ostroróg // Biblioteka Uniwersyteku Jagiellońskiego w Krakowie, rkps. pol. 653.

2. Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku, rkps. Nr 736, k. 4.
3. Cwer, A. Edukacja młodzieży w Szkole Rycerskiej / A. Cwer., op. cit., – S. 41–42.

ОСМЫСЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВ РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ А. А. ЗИНОВЬЕВА

М. А. Сонгаль

Период реформ в постсоветских государствах в 1990-х гг. сопровождался рядом негативных экономических и социокультурных факторов: падением жизненного уровня, глубоким социальным расслоением, массовой безработицей, утратой социальной идентичности. В сущности, период трансформации на постсоветском пространстве еще не завершен. Актуальными остаются вопросы определения стратегий устойчивого развития [1]. Ситуация осложняется тем, что в настоящее время не только постсоветские, но и все глобальное общество в целом является транзитивным, то есть осуществляющим переход к новой стадии своего развития. Оно сталкивается с ситуацией непредсказуемости исторического процесса.

Однако каким будет новый этап, во многом определяется формулируемыми целями и задачами, а также той парадигмой социального знания, на которую будут опираться исследования, и, соответственно, программы преобразования и развития современного мира. Необходимо осознать возможные последствия, с которыми придется столкнуться человеку, в случае если не будет осмыслена опасность инерционного пути развития техногенного общества, а отношение к экологии останется прежним. Современная история и социальная реальность постсоветского пространства, в том числе и Беларуси, во многом определяется историей советской эпохи. Социально-философский анализ достижений, успехов и неудач общественных преобразований в Советском Союзе является важным шагом на пути определения дальнейшего устойчивого социального и экономического развития тех государств, которые были непосредственными участниками данных преобразований. Особую актуальность данная проблематика имеет в настоящее время, в период стремительной глобализации, социально-экономических преобразований и определения мировым сообществом стратегий своего долгосрочного развития, поскольку феномен советского государства стал своего рода проверкой возможностей социалистических преобразований, существования нерыночной экономики.

Немаловажную роль в изучении опыта создания, развития и распада СССР играют работы выдающегося философа А. А. Зиновьева.

Сложная творческая эволюция, особенности личной биографии позволили А. А. Зиновьеву отразить в своих работах весь спектр методологических подходов к анализу феномена СССР. Необходимо отметить, что А. А. Зиновьев, проживший много лет на Западе и тщательно изучив изъяны его политической и социальной системы, еще задолго до распада СССР предупреждал советских реформаторов об опасности слепого копирования этой системы.

Оценка феномена СССР в его социально-философских концепциях претерпела радикальную трансформацию. В работах 1970–1980-х гг., рассматривая противоречия советского общества, А. А. Зиновьев ставил перед собой задачу развенчать саму идею коммунизма [2]. В процессе ее решения он фактически отождествлял понятие «коммунизм» и социальную реальность советского общества, пытаясь показать, что воплощение в жизнь идеалов коммунизма приводит к противоположным результатам [3]. Концепции А. А. Зиновьева о советских социальных преобразованиях во многом были обусловлены противоречиями методологии его социально-философской концепции и своеобразно сочетали в себе как позиции либерального, так и консервативного подходов.

На заключительных этапах своего творческого пути А. А. Зиновьев пришел к выводу, что негативные черты советского общества и распад государства, являлись не следствием воплощения идеалов коммунизма в реальность, а результатом взаимодействия как субъективных исторических факторов, так объективных предпосылок: неблагоприятных внешнеполитических условий существования СССР. Теоретическая значимость работ А. А. Зиновьева 1990-х – начала 2000 гг. обусловлена тем, что он одним из первых показал необходимость изучения советского общества в контексте мировой истории.

Причинам распада СССР уделяется значительное внимание в современной исторической и социально-философской мысли. Сам факт распада СССР, поражения социализма в Центральной и Восточной Европе многими философами неоллиберального и консервативного направления воспринимается как закономерный итог несостоятельности социалистического проекта модернизации, который противоречит законам экономики и самой природе человека

Широкий диапазон концепций, призванных объяснить распад страны, обусловлен основными подходами к изучению феномена СССР. Либеральный и консервативный подходы связывают основные причины с внутренними проблемами, существовавшими в советском обществе и государстве, а также с принципиальной невозможностью реализации социалистической идеи (как и А. А. Зиновьев на третьем этапе своего творчества), делая акцент на объективных предпосылках распада. Социалистический радикальный подход исходит из того, что главной причиной распада СССР было предательство советских руководителей и действия внешних сил, то есть абсолютизирует действие субъективных факторов в данном процессе. Исследуя причины распада СССР, в результате трансформации своих социально-философских идей А. А. Зиновьев пришел к выводу, что необходимость постоянной борьбы против экспансионизма западной системы повлекла как объективные предпосылки, так и субъективные факторы распада Советского Союза и всей социалистической системы. Анализируя состояние постсоветского общества, он подчеркивал его зависимость и имитационный характер экономики, социальной структуры, политической организации и духовной жизни [4]. Поэтому с точки зрения А. А. Зиновьева, необходимо ориентироваться на преобразование современной мировой системы, как наиболее перспективный путь развития России и других стран постсоветского пространства.

В целом, выводы А. А. Зиновьева по проблеме альтернатив развития постсоветского общества носят пессимистичный характер. Он утверждал, что внешняя политика современных западных стран демонстрирует экспансионистский характер по отношению к России. А. А. Зиновьев показал, что сформировавшаяся постсоветская социальная система имеет гибридный, а потому неперспективный характер. По мнению философа, воплощение альтернативных проектов развития общества требует реализации стратегий личностного совершенствования людей, развивающихся интеллектуально и способных критически осмысливать окружающую социальную реальность. Кроме того необходима свобода исторического творчества, идеи для которого могут быть почерпнуты в том числе и из опыта социальных преобразований в СССР. Социальная философия А. А. Зиновьева, несмотря на ее противоречия, во многом опережала свое время, предлагая нетривиальные идеи для анализа современных мировых тенденций.

Литература и источники

1. Данилов, А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов – Минск, 1998.
2. Зиновьев, А. А. Зияющие высоты / А. А. Зиновьев // Собр. соч.: в 10 т. – М., 2000. – Т. 1.
3. Зиновьев, А. А. Коммунизм как реальность / А. А. Зиновьев. – Lausanne, L'age D'home. – 1981.
4. Зиновьев, А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. – М., 2006.

4.3 Актуальные проблемы историко-философских исследований в Республике Беларусь

МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ АСПЕКТЫ ВІВУЧЭННЯ ПРАБЛЕМЫ РЭЦЭПЦЫІ ФІЛАСОФСКІХ ІДЭЙ АНТЫЧНАСЦІ Ў ПІСЬМОВЫХ КРЫНІЦАХ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

А. А. Падалінская

Да даследуемай тэмы маюць дачыненне метады інтэрпрэтацыі і рэінтэрпрэтацыі антычнай філасофскай спадчыны. Інтэрпрэтацыя – працэс вытлумачэння, пераклад на больш зразумелую мову таго ці іншага тэксту, цэласнасць якога захоўваецца. Рэінтэрпрэтацыя ў выніку ўдакладнення і змены сэнсу і значэння першапачаткова інтэрпрэтуемай інфармацыі, з непазбежнасцю параджае

новае культурнае цэлае. Рэінтэрпрэтацыя выступае як узнаўленне, праламленне, пераўтварэнне, пераасэнсаванне старой традыцыі з мэтай стварэння нечага новага і арыгінальнага. І калі ў эпоху Сярэднявечча ўсё ж збольшага пераважала тэхніка інтэрпрэтацыі антычных тэкстаў, падвядзенне іх пад рэлігійную сістэму каардынат, то ў эпоху Рэнэсанса цалкам панаваў метада рэінтэрпрэтацыі, калі на аснове антычных і сярэдневечных тэкстаў ствараліся цалкам новыя рэнэсансныя трактаты і палемічныя творы, якія не зводзіліся да выкарыстаных крыніц і мелі новае гучанне і новы змест. На думку В. Налімава, “калі мы зараз звернемся да філасофскіх і рэлігійна-філасофскіх тэкстаў, то заўважым, што яны важны для нас не проста як некаторыя факты гісторыі, а як вузлавыя кропкі чалавечай думкі, якія можна бясконца рэінтэрпрэтаваць. Можа быць, уся філасофская думка ёсць не больш чым нейкі працэс бясконцай рэінтэрпрэтацыі таго, што ўжо было раней сказана – а хто першы сказаў штосьці вельмі важнае, мы не ведаем” [1, с. 126].

Аўтар ставіў перад сабой задачу вывучыць крэатыўныя магчымасці рэінтэрпрэтацыйнай стратэгіі ў станаўленні дыялога эпох, часоў і культур, актуалізуемага на прыкладзе рэцэпцый антычнай спадчыны ў філасофскай думцы эпох Сярэднявечча і Адраджэння. Дадзеная стратэгія дазваляе выявіць моманты агульнасці і адрознення паміж тэкстамі першакрыніц і тэкстамі, створанымі на іх аснове ў наступныя эпохі. Рэінтэрпрэтацыя актуалізуе дыялог як паміж рознымі культурамі, так і паміж рознымі эпохамі. Што тычыцца нашай тэмы, то ў канструктыўны дыялог уступаюць розныя філасофскія сістэмы – антычная, сярэднявечная і рэнэсансная. Прычым гаворка ідзе не пра ўзаемны абмен ідэямі, а пра наслідаванне кожнай наступнай эпохай дасягненняў эпох папярэдніх, пра пераемнасць у праблематыцы і ў яе паняццйна-катэгарыяльным напаяўненні, у зместавай інтэрпрэтацыі паняццяў і катэгорый, у падыходах да пастаноўкі і вырашэння праблем, што з’яўляецца істотнай прыкметай і асноўным канстытутыўным элементам любой нацыянальнай філасофіі.

Філасофскае мысленне эпохі Адраджэння з’яўлялася прыкладам складанага дыялогу рознага роду філасофскіх ідэй, канцэптаў, тэорый і вучэнняў. Складанасць міжкультурнага дыялогу заключалася ў разнастайнасці канфесійных традыцый, філасофскіх практык і цывілізацыйных пераваг. У межах адзінага інтэлектуальнага поля адбывалася міжкультурная камунікацыя прадстаўнікоў розных рэлігійных традыцый і накірункаў. І ў гэтай камунікацыі ўсе ідэйныя накірункі мелі роўны статус і аднолькавае значэнне. Трэба адзначыць, што філасофскі дыялог адбываўся як у межах адзінай гуманістычнай прасторы ў форме палемікі паміж прадстаўнікамі розных канфесійных накірункаў, так і ў межах кожнага твора. Кожны рэнэсансны трактат – гэта прыклад дыялогу розных філасофскіх сістэм і накірункаў.

Блізкім да рэінтэрпрэтацыі, калі адбываецца кампаратыўны аналіз класічнага тэкста і тэкста, створанага на аснове спасылкаў, рэмінісцэнцый, запазычванняў з класічнага тэкста, з’яўляецца інтэртэкстуальны метада. Падабенства метада рэінтэрпрэтацыі і інтэртэкстуальнага метада заключаецца ў актыўным выкарыстанні цытат, рэмінісцэнцый і да т. п. Кананічную фармулёўку паняццяў інтэртэкстуальнасць і “інтэртэкст” даў Р. Барт: “Кожны тэкст з’яўляецца інтэртэкстам; іншыя тэксты прысутнічаюць у ім на розных узроўнях у больш ці менш пазнавальных формах: тэксты папярэдняй культуры і тэксты навакольнай культуры. Кожны тэкст уяўляе сабой новую тканіну, сатканую са старых цытат...” [2, с. 78].

Інтэртэкстуальная метадалогія вельмі добра стасуецца з абранай намі тэматыкай даследавання, дзе ўся філасофская думка Рэнэсанса можа разглядацца як адзін культурна-гістарычны інтэртэкст, у якім праламляліся і перапрацоўваліся тэксты розных эпох і народаў. Што тычыцца кожнага ўзятага паасобку тэксту ці твора, то інтэртэкстуальнасць у ім разглядаецца як “суіснаванне” ў адным тэксце двух ці болей тэкстаў (цытата, запазычванне, плагіят, перапрацоўка тэм і сюжэтаў, яўная і прыхаваная цытацыя, пераклад).

Інтэртэкстуальная метадалогія дапамагае выяўленню розных форм дыялагічнай суаднесенасці гетэрагенных і розначасавых філасофска-рэлігійных тэкстаў. У гэтым выпадку філасофская думка як цэлае выступае як інтэртэкст, які складваецца з метафар, алюзій, стылізацый, відавочнай ці прыхаванай палемікі, рэінтэрпрэтацыі тэкстаў, калажа шматстайнасці тэкстаў у адным, іх шматлікага адлюстравання адзін у адным. Адбываецца свайго рода “інтэрферэнцыя” розных культурных тыпаў у адзінайсэнсавай прасторы. Так, яўная і прыхаваная палеміка розных рэлігійных канфесій, філасофскіх канцэпцый і накірункаў, палітычных праектаў і эстэтычных плыняў узаемадзейнічаюць паміж сабой і цесна пераплятаюцца ў адным культурна-гістарычным інтэртэксце.

Такім чынам, прымяненне ў даследаванні новых метадаў гісторыка-філасофскага даследавання дазваляе нам вычленіць і дыферэнцыяваць ідэі і канцэпцыі, якія належылі антычным філосафам і знаходзілі сваё ўвасабленне ў творчасці наступных пакаленняў мысліцеляў.

Літаратура і крыніцы

1. Налимов, В. Спонтанность сознания / В. Налимов. – Москва, 1989.
2. Барт, Р. Удовольствие от текста (1973) / Р. Барт; перевод Г. К. Косикова – Москва, 1989.

СЛАВ. SVĚTŮ 1) 'LUX', 2) 'MUNDUS' У СВЯТЛЕ АРХАІЧНЫХ УЯЎЛЕННЯЎ АБ ПРЫРОДЗЕ ЗРОКУ

С. І. Санько

Не выклікае сумневаў, што значэнне 'свет' (рус. *мир*, лац. *mundus*) у слова *světŮ* (блр. *святло*, рус. *свет*, лац. *lux*) з'явілася ўжо ў праславянскую эпоху. Як адзначыла С. М. Талстая ў спецыяльна прысвечанай гэтаму працы: «... для *světŮ* значэнні 'lux' і 'mundus' можна з пэўнасцю ўважаць за праславянскія, а семантычная сувязь паміж імі ўяўляецца *празрыстай і кагнітыўна і культурна абумоўленай* [курсіў мой. – С. С.] (свет як святло жыцця ў процілегласць цемры смерці)...» [5, с. 60]. Усе ж суадносіны паміж двума значэннямі ўяўляюцца некалькі больш нетрывіяльнымі, чым гэта пададзена вядомай даследчыцай.

Падставай для тагога сцвярджэння з'яўляецца тое, што што слова *свет* адсылае не толькі да вонкавых умоў магчымасці бачыць (асветленасць або ўласнае свячэнне нечага), але і да самой чалавечай здольнасці бачыць. Гэта добра прасочваецца ў такім значэнні слова свет, як 'зрок' («Чалавек быў пры нагах, пры свеце чалавек [бачыў]») [3, с. 388], і такіх выразах, як *вочы не (дрэнна, слаба) свецяць* – 'слепнуць', 'губляць здольнасць бачыць'. У рускіх гаворках (пераважна Сібіры) гэтая здольнасць проста азначаецца словам *свет*: *Топерь уж свет плохой стал, ниче не вижу; Вылечили, у ей стало сорок процентов свету; Слышит он хорошо, а вот свету-то нет совсем, худо видит* і да г. пад. [4, с. 253]. Гэтая здольнасць бачыць нездарма таксама абазначаецца словам *зрок*, рус. *зрение*, а асноўная частка органа зроку – словам *зрэнка*, рус. *зрачок*, якія самі паходзіць ад дзеяслова з першасным значэннем 'свяціць, ззяць' (параўн. *зорка, зара*; < і.-е. **gher-* 3 'свяціць, ззяць', да якога літ. *žerėti* 'свяціць, ззяць', сrb.-хрв. *zrâk* 'святло'), напрыклад, *сіня-белы свет зірае* ў беларускай песні са Смаленшчыны пра сіня-белае свячэнне, якое суправаджае з'яўленне аднаго з персанажаў з-за свету (= іншасвету). Абодва значэнні – 'свяціць' і 'бачыць' – аб'яднаныя ў блр. *зеркі* 'вочы', але і 'іскры', 'зоркі' (Нас.). Параўн. таксама блр. *лялы* 'вочы', *лялечка* 'зрэнка ў воку' пры *лялець* 'ззяць, зіхаець', параўн. літ. *lėlytė, lėliūkė* 'зрэнка'. Аналагічныя семантычныя суадносіны і ў іншых індаеўрапейскіх мовах, напрыклад, ст.-гр. *φῶς* 'святло, ззянне', але таксама і 'вока', ням. *blicken* 'бліскаць', 'прасвечваць', 'віднецца', але і 'глядзец' і інш. У сваю чаргу, снскр. *lokā-* 'свет' суадносіцца з дзеясловам *lok* 'бачыць', а з іншага боку, *loc* 'глядзец', спазіраць' суадносіцца з *locana* 'які асвятляе', але таксама і 'вока'.

У падмурку гэтых семантычных дычынненняў, імаверна, ляжыць архаічная тэорыя зроку, найлепей выказаная ў дыялозе Платона «Тымей» (*Tim.* 45b–d, прыводзіцца па выданні [13], тут і далей пераклады са старагрэчаскай мовы і санскрыту мое. – С. С.): «З органаў яны [багі. – С. С.] найперш змайстравалі светланосныя вочы, прымацаваўшы (іх на твары), і вось па якой прычыне: яны задумалі, каб з'явілася цела, здольнае так запальваць агонь, каб ён не апякаў, а даваў мягкае ззянне, роднаснае святлу дня. Рэч у тым, што ўнутры нас ёсць агонь, роднасны святлу ўсякага дня, які яны прымусілі вельмі спакойна і часта струмяніцца праз вочы, асабліва ўшчыльніўшы вочы ў сярэдзіне, каб затрымліваць усё надта грубае, і прапускаць толькі самае чыстае. І як толькі паўдзённае святло абыймае гэтае струменне органа зроку, то падобнае імкнецца да падобнага, яны зліваюцца, утварыўшы адно аднароднае цела ў простым кірунку ад вачэй, акурат там, дзе струменне, што зыходзіць знутры, сутыкаецца з сустрэчным струменнем знадворку. Дык вось як толькі гэтае (спазоравае) цела, аднастайна рэагуючы дзеля сваёй аднароднасці на ўсё, што здараецца, чагосьці кранаецца ці, наадварот, ад яго зазнае дотык, то распаўсюджвае рухі ад гэтых [дотыкаў] цалкам праз ўсё цела аж да душы і выклікае тое пачуццё, якое мы называем бачаннем».

Арахаічнасць такіх уяўленняў пацвярджаецца адпаведнымі месцамі ў паэмах Гамера (*Il.*

V. 4–6, Ш. 277, XIV. 344, I. 104, XIX. 365; *Od.* XI. 109, XIX. 446), дзе зрок звязваецца з струмяненнем агністых прамянёў з вачэй. Іх рэканструкцыі прысвечаны цэлы шэраг даследаванняў Ш. Муглера [10] [11] [12]. Гэтыя ўяўленні былі развітыя ў вучэннях Эмпедокла, які дапоўніў гамераўскае ўяўленне ўяўленнем пра струмяненне суродных агністых прамянёў ад сузіранага прадмета (так што першы тып выпраменьвання звязваецца з перыядамі нянавісці, варажнечы, тады як другі – з перыядамі прыязнасці, любові [10, р. 33] [11, р. 52]), і Дэмакрыта (гл.: [12, р. 23] [6] [14]), тэорыя зроку якога пэўна перагукаецца з тэорыяй Платона (разбор якой гл. у [2, с. 496] і далей).

Пра сувязь зроку з наяўнасцю ўнутранага агня яшчэ да Платона пісаў Алкмеён, якога нават уважалі за папярэдніка Гіпакрата (гл. заўвагу ў [9, р. 549]), пра што вядома з трактату Тэафраста «Аб пачуццях» (DS 26): «Вочы бачаць праз вільгаць вакол іх. А што [ў воку] ёсць агонь – відавочна, бо, калі [па яму] ударыць, то з’яўляюцца зеркі¹. Бачаць дзякуючы бліскучаму і празрыстаму [цельцу] усякі раз, як яно адсвечвае ў адказ, і чым больш яно чыстае, тым лепей». З кантэксту вельмі сціслага паведамлення Тэафраста можна выснаваць, што гэты ўнутраны агонь запальваецца толькі пры наяўнасці стымулу звонку, а не сам сабой, як у Платона.

Каментатарамі XX ст. было заўважана, што ідэя ўнутранага агня як умовы магчымасці зроку ў Алкмеёна і Платона перагукаецца з некаторымі ідэямі старажытнай індыйскай філасофіі. Так, Г. Бюлер (G. Bühler) у сваім часе звярнуў увагу Т. Гомперца на падабенства тэорыі зроку Алкмеёна да ідэй, развітых індыйскай школай Ньяя-Вайшэшыка (*Nyāya-Vaiśeṣika*), згодна якой орган зроку складаецца з светланога агня (*téjas*), які, выходзячы з вока ў выглядзе промня (*raśmī*), спалучаецца з аб’ектам, прымае яго форму, успрыманую ўнутраным органам (*manas*), які транслюе ўражанне ўласна душы (*ātman*) [8, р. 91–96; 9, р. 549; 16, р. 36]. Падабенства індыйскай і грэчаскай версій кідаецца ў вочы, што правакавала з’яўленне сцвярджэнняў пра залежнасць другой ад першай [7, р. 236].

У індыйскай традыцыі ўяўленні пра ўнутраны агонь як аснову зрокавага ўспрымання не былі вылучнай асаблівасцю Ньяя-Вайшэшыкі. Ж. Філіяза прыводзіць паралель з «*Suśruta sūtra*» Аюрведы, дзе апісваецца агністая форма жоўці, называная *ālocaka*, якая знаходзіцца ў воку і забяспечвае здольнасць да зроку [7, р. 235]. У «*Suśruta Saṃhita*» (XXI. 7) знаходзім: «*Pittam* [адмыслова я жоўцападобная секрэторная вадкасць. – С. С.], якая месціцца ў зрэнках вачэй, называецца *Ālochakāgni* (*Pittam* або агонь зроку), бо яе функцыя – захопліваць вобраз любога вонкавага аб’екта, які знаходзіцца перад вачыма» [15, р. 197–198].

Вучэнне Ньяя-Вайшэшыкі і «Сашрута-сутры» прыблізна сінхронныя тэкстам Алкмеёна і Платона, аднак, здаецца, дагэтуль не была звернута ўвага на адзін пасаж з больш старажытнага (на некалькі стагоддзяў) індыйскага тэксту – «Шатапатха-брахмана», у якім сцвярджаецца (SB 1.6.3.41): «Тое, што глядзіць, падобнае да агня (Агні), бо вочы таго, хто глядзіць, сухія, а акурат сухое стасуецца з агнём (Агні). Тое ж, што спіць, падобнае да сомы (Сомы), бо вочы таго, хто спіць, вільготныя, а сома (Сома) як раз вільготны». А далей падкрэсліваецца неабходнасць сачыць за захаваннем належнай гармоніі паміж двума пачаткамі – вільготнага і сухога, бо: «Хто ж ведае такім чынам, што дзве долі ахвярнага масла² – гэта пара вачэй, той відушчым дажыве да глыбокай старасці на гэтым свеце і будзе відушчым на тым». Гэты пасаж вельмі нагадвае вучэнне Эмпедокла аб спамерным змешванні сухога і вільготнага, гарачага і халоднага, а таксама тэорыю зроку Алкмеёна пра ролю вадкасці і агня ў забеспячэнні функцыянавання органа зроку.

Выходзячы з гэтых прыкладаў можна меркаваць, што маем справу не з уплывамі адной традыцыі на другую, а з развіццём успадкаванага з пракрыніцы рэпертуару тэм, ідэй і канцэптаў. Яе ўсякі раз ажыўляюць прамоўленыя амаль не свядома фразы, накшталт *вочы гараць, агонь вачэй, польмя вачэй* і да іх пад. (тое самае і ў іншых мовах, напрыклад, англ. *fire of eyes*, ням. *das Feuer der Augen*, літ. *akys tryksta ugnimi, ugnis pilasi iš akių*).

Характарызуючы ключавы момант тэорыі зроку Платона А. Ф. Лосеў пісаў: «паводле Платона, працэс бачання здзяйсняецца дзякуючы адначаснаму струмяненню светлавых прамянёў як з відушчага вака, так і з бачнага прадмета, прычым абодва гэтыя прамяні зліваюцца ў нешта адно суцэльнае і непадзельнае, што не знаходзіцца ні ў воку, ні ў бачным прадмеце і ўтварае сабою тое, што Платон называе *спазоравым целам*³» [2, с. 496]. Гэтае спазоравае цела ўяўляе «нейкі трэці від

¹ Параўн. іскры (з вачэй) ляцяць (сыплюцца).

² Для абодвух бостваў – для Агні і для Сомы.

³ У А. Ф. Лосева тут ужыта *зрительное тело*. Блр. *спазоравае цела* лепей перадае сутнасць працэсу, у

быцця, які не зводзіцца ні да суб'ектыўных процэсаў успрымання, ні да аб'ектыўных карцін бачнай рэчаіснасці» [2, с. 498]. Але «гэтакае адзінства відушчага і бачнага само ўжо не можа абмяжоўвацца не толькі відушчым (таму што тады відушчае згубіла б бачны прадмет), не толькі бачным (таму што бачнае ўжо нікім і нічым не бачылася б, перастала б быць бачным)» [2, с. 499].

Характэрна, што, паводле Платона, акурат узаемаасветленасць суграмадзян, робіць зграмаджанне індывідаў грамадой – *светам*, дзяржаву – ідэальнай, а чальцоў грамады – шанаванымі грамадзянамі. Платон у «Законах» піша (*Legg. V 738e*): «Дзе ўва ўзаемапаводзінах няма **святла** (*φῶς*), але пануе цемра, там ніхто не змог бы па справядлівасці атрымаць належнай пашаны, дзяржаўных пасадаў і законных праў, бо ўва ўсіх дзяржавах кожнаму чалавеку трэба імкнуцца трымацца з іншымі так, каб ніколі не **выглядаць** (*φανεῖται*) фальшывым, а заўсёды быць простым і праўдзівым, а будучы такім, [сачыць], каб і іншы не падмануў».

Платон, відаць, не здарма двойчы тут ужывае два аднакарэнныя словы са светлавой семантыкай, бо ў абодвух выпадках у іх актуалізуюцца канатацыі, не толькі звязаныя са святлом, але і са зрокам, бо *φῶς* – гэта, вядома, 'святло, ззянне', але і 'вока', а *φαίνω* (ад якога *φανεῖται*) значыць 'святціць', але і 'з'яўляцца, паказвацца' і, нарэшце, 'здавацца, выглядаць'. Так што ідэальнае грамадскае ўладкаванне само ёсць «спазоравае цела», канстытуяванае чыннасцю ўсіх чальцоў *на вачах* (у *святле*) адны адных. Аднак праз гэтае самаасвятленне чалавечае грамадства канстытууюецца як адмысловы асацыяваны суб'ект – *свет*, які сам спрычыняецца да феноменальнай успрымальнасці навакольнага *свету*. У Платона гэты тэзіс не знайшоў далейшага развіцця, аднак яго не цяжка заўважыць у наступным прыкладзе ўжывання слова *свет*: *Шэ такога світ ны бачыв, на такое шэ й сонцэ ны свытыло* (драгіч. р-н) [3, с. 388] – пра нешта незвычайнае, небывалае, дзе маем яўныя алюзіі на дзве крыніцы святла: унутраную – вочы і вонкавую – Сонца (параўн. Сонца як крыніца святла *par excellence* у Платона). Параўн. выказ гэтай асацыяванай суб'ектнасці ў кнізе «Казаньне двое» Л. Карповіча (Еўе, 1615): тыхъ скар^бвввъ и клейнотв^с **свѣтъ** в^с насъ **не видитъ** [1, с. 113].

Літаратура і крыніцы

- 1 Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Склад. І. У. Будзько [і інш.]; Рэд. А. М. Булыка. – Мінск, 2011. – Вып. 31. Рушаючы – смушэньне.
- 2 Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм / А. Ф. Лосев. – Харьков; Москва, 2000.
- 3 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. / Уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч і інш.; рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск, 1984. – Т. 4. П–С.
- 4 Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов, ред. О. Д. Кузнецова; сост. О. Д. Кузнецова [и др.]. – Санкт-Петербург, 2002. – Вып. 36. С – Святковать.
- 5 Толстая, С. М. К семантической истории слав. **mirъ* и **svěť* / С. М. Толстая // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. – Москва, 2012. – С. 58–74.
- 6 Baldes, R. W. Democritus on Visual Perception: Two Theories or One? / Richard W. Baldes // Phronesis. – 1975. – Vol. 20. – No. 2. – P. 93–105.
- 7 Filliozat, J. The Classical Doctrine of Indian Medicine: Its Origins and Its Greek Parallels / J. Filliozat. – Delhi, 1964. – xxii.
- 8 The Nyāya-Sūtra of Gotama / Gautama; Transl. by M. M. Satisa Chandra Vidyābhūṣana; Revised and edited by Nandalal Sinha. – Delhi, 1990. – vi, x, xxx.
- 9 Gomperz, T. Greek Thinkers: A History of Ancient Philosophy / Theodor Gomperz; Transl. by Laurie Magnus. – London: John Murray, 1901. – Vol. I. – xiv, 610.
- 10 Mugler, Ch. Sur quelques fragments d'Empédocle / Charles Mugler // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. – 1951. – Т. XXV. – С. 33–65.
- 11 Mugler, Ch. Deux thèmes de la cosmologie grecque: devenir cyclique et pluralité des mondes / Charles Mugler. – Paris, 1953.
- 12 Mugler, Ch. Les théories de la vie et de la conscience chez Démocrite / Charles Mugler // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. – 1959. – Т. XXXIII. – P. 7–38.
- 13 Plato. Platonis opera / Plato; Recognovit brevique adnotatione critica instruxit Ioannes Burnet. – Oxonii, 1902. – [xii].

якім гэтае цела ўтвараецца, бо прыстаўка *сна-* азначае аб'яднанне, спалучэнне таго, што абазначана ко-ранем *зор-*, які ў дадзеным выпадку адсылае і да выпраменьвання святла і да яго ўспрымання (гл. вышэй).

14 Rudolph, K. Democritus' Perspectival Theory of Vision / Kelli Rudolph // The Journal of Hellenic Studies. – 2011. – Vol. 131. – P. 67–83.

15 An English Translation of the Sashruta Samhita Based on Original Sanskrit Text: In 3 vols. / Edited and published by Kaviraj Kunja Lal Bhishagratna. – Calcutta, 1907. – Vol. I. Sutrasthanam. – lxxvi, xii.

16 Shastri, Dh. N. Critique of Indian Realism / Dharmendra Nath Shastri. – Agra University, 1964.

ПАЛЕМІКА ВАКОЛ ПЫТАННЯ АДУКАЦЫІ Ў ПАЛЕМІЧНАЙ ЛІТАРАТУРЫ БЕЛАРУСІ КАНЦА XVI – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XVII ст.

Д. А. Смалякоў

Разглядаючы міжрэлігійную палеміку на Беларусі канца XVI – першай паловы XVII ст. лёгка сцвердзіць, што яна разгортваецца ў пэўным накірунку, ад аналізу тэалогіі да аналізу права [3]. Праз падобную монавектарнасць цяжка разгледзіць істотныя для палемікі пытанні, якія хаваюцца за тэалагічнымі і праўнымі аргументамі. Для даследчыка ствараецца хібнае ўражанне, што апроч палемікі вакол тэалогіі і права ў гэтай інтэлектуальнай традыцыі нічога няма. Між тым, пытанне адукацыі з'яўляецца ледзь не асновапаложным, так як на першасным узроўні стварае водападзел паміж канфесійнымі традыцыямі мыслення.

Разбіраючы набыткі ўніятаў ад аб'яднання з каталіцтвам, знакаміты ўніяцкі палеміст Л.Крэўза падкрэслівае, што менавіта адукацыя і павышэнне інтэлектуальнага ўзроўню святароў з'яўляліся найбольшай выгодай Берасцейскай уніі. Аб'яднанне паміж канфесіямі трэба разумець не толькі ў адміністрацыйным плане, але, у першую чаргу, інтэлектуальным, як далучэнне праваслаўнай супольнасці да «лацінскай мудрасці» і інтэрнацыянальнай сістэмы адукацыі каталіцкай царквы. Другі званы ўніяцкі палеміст І. Поцей, цытуючы артыкулы, якія належала выканаць каталіцкай і праваслаўнай цэрквам па аб'яднанню ў Брэсце, засяроджваецца на адукацыі: «Аб закладанні школ духоўных і навук вольных, перш-найперш для практыкаванняў духоўным пільная патрэба, каб былі адукаваныя прысвітары і казначэі добрыя: бо ўжо і навук няма, вялікая грубасць сярод нашых духоўных памножылася» [5, с. 587].

Інтэрпрэтуючы разарванне царкоўнай еднасці заходняга і ўсходняга хрысціянства, Л. Крэўза пералічвае тры найбольш жахлівыя страты, якія абрушыў Бог на грэкаў. Калі першым пакараннем, было страта дзяржаўнасці, то другое і трэцяе пакаранні ўяўляюць сабой выключна адукацыйныя і інтэлектуальныя страты.

Нястача інтэлектуальнага развіцця і страта першых пазіцый у навуцы і філасофіі інтэрпрэтаваліся Л. Крэўзам як жудаснае боскае пакаранне за схізму. Раней моцная і развітая краіна, куды па навуку ездзілі людзі з усяго старажытнага свету, пазбавілася свайго інтэлектуальнага патэнцыялу: «Калі святло пацямнела, якая ж будзе цемра? На што спадзявацца свецкім, да якіх святло праз духоўных прыходзіць, калі тыя духоўныя ў цемры? Што гэта, калі не пакаранне Бога?» [2, с. 216].

Большай карай для грэкаў, з пункту гледжання каталіцтва, быў факт узяцця Канстанцінопаля крыжакамі 1204 года. Л. Крэўза так апісвае нарабаванае крыжакамі: «Пабралі пры тым і ўсе скарбы царкоўныя, кнігі і ўставы, і начынне святое, адзенне святое і абразы чудатворныя і нерукатворны абраз прысвятой Багародзіцы, шаты і пас і шматлікіх святых» [2, с. 215]. Такое разарэнне Канстанцінопаля разумелася ў цывілізацыйным плане. Скарбы Рымскай імперыі ўзбагацілі еўрапейскія народы Захаду, але такое ўзбагачэнне было заснавана на разарэнні грэчаскай дзяржавы. Кара Бога для адных, выявілася культурным уздымам для іншых хрысціян, якія прытрымліваліся царкоўнай еднасці. Учынак крыжакоў разумеўся як адкрыццё інтэлектуальнай скарбніцы, якая была схаваная і замкнутая ў Канстанцінопалі. Здабыўшы духоўныя скарбы, Запад выцягнуў іх з нябыту, тым самым, пераняўшы інтэлектуальную эстафету ад Візантыі.

Праваслаўныя мысліцелі інтэрпрэтавалі разарванне хрысціянства на заходняе і ўсходняе ў тым жа дусе, што і ўніяты, разглядаючы такі разрыў як цывілізацыйную варыяцыю агульнай хрысціянскай прасторы. Пярэчачы Л. Крэўзе, З. Капустэньскі звяртае ўвагу, што менавіта Каталіцкі Касцёл адрокся ад еднасці з Канстанцінопалем, а значыць менавіта ён пакараны, а не грэкі. Кара разумеецца праваслаўем таксама ў інтэлектуальным і культурным ключы.

З.Капустэньскі так апісвае боскае пакаранне, якое атрымаў Каталіцкі Касцёл за парушэнне

царкоўнай еднасці: «Вялікая кара Божая на краіны заходнія, пасля адарвання касцёла Лацінскага ад царквы ўсходняй наступіла, бо адышоўшы ад крыніцы веры, адышлі і ад правай мудрасці, адкінулі правыя дагматы, а ўзяліся за гэтага свету прыкладныя навукі; ад чаго ў ерасі розныя ўпалі, і самі паміж сабою да вялікай нязгоды прыйшлі і адзін з іншым у пісьмах адзін аднаму супрацьстаяць» [1, с. 898]. Калі лацінскае інтэлектуальнае развіццё праваслаўныя бачылі ў арыентацыі на матэрыяльны свет і на матэрыяльныя выгоды, то візантыйскі ўзор навукі палягаў на духоўным выхаванні асобы. Калі лацінская мудрасць будавалася на палемічным вынаходніцтве ісціны, альбо пошуку рашэння ў дэбатах, то праваслаўныя разумелі дэбаты, як спакуслівы шлях, які спрыяе развіццю рытарычных прыёмаў, а не сапраўднай мудрасці.

У якасці крыніцы навукі як заходняй, так і ўсходняй праваслаўныя разумеюць старажытную Грэцыю. Менавіта Грэцыя ўсталявала навуковыя і адукацыйныя стандарты на доўгія гады. У гэтым сэнсе, праваслаўе лічыць лацінскую навуку другаснай. З.Капустэньскі даводзіць: «А што рымляне хваляцца навукаю гэтага свету – «чужым пер'ем хваляцца», «у чужым плашчы выхваляюцца!» Грэцкія гэта мудрасці – Платонава і Арыстотылева і іншых філосафаў Грэцкіх мудрасць, часткова ім адасобленая!» [1, с. 900] Гэтым самым прызнаючы агульны генезіс лацінскай і грэчаскай навукі, праваслаўныя мысліцелі даводзяць, што менавіта візантыйскае развіццё апынулася верным, а лацінскае аблудным.

Пратэстантызм таксама выпрацаваў асаблівую пазіцыю на праблему адукацыі і навукі. Улічваючы факт, што большасць уніяцкіх і праваслаўных палемістаў скончылі пратэстанцкія універсітэты ў Вітэнбергу, ці Каралёўцы, слухна было б сцвердзіць, што феномен палемічнага мыслення мае пратэстанцкія карані. Цытуючы К. Астрожскага, які меў вялікі сантымент да пратэстантызму, І. Поцій інфармуе: «А што тычыцца з'ездаў, каб бы былі гэтакія ў нас, як у тых, якіх мы завём людзьмі нехрышчонамі: арыянамі, навакрышчонцамі, ерытыкамі, якія, калі з'едуцца ўсё пастанаўляюць і прымаюць; вядома не ездзяць на банкеты, ані на п'янства, ні на фальшы, ні на здрады, але, каб да skutku прамоваў святалюбівых і пабожных прыйсці: таму ў іх і школы, друкарні і шпіталі паўсюль, казнадзяя мноства, без лічбы» [5, с. 599].

Не глядзячы на тое, што пратэстанты не мелі ані акадэміі, ані ўніверсітэту на тэрыторыі Рэчы Паспалітай, тым не менш актыўна развівалі школы. Адукацыя палягала на вывучэнні Святога Пісання, што дазваляла кожнаму чалавеку крытычна ставіцца да тэалогіі, як да навукі, якая паўстала па-за святым Пісьмом. Уважлівасць да крыніцаў і крытычны падыход да чужых выказванняў С. Будны лічыў за аснову пратэстанцкай навукі [4, с. 123].

Такім чынам, пытанне вакол адукацыі было асноўным для палемічнай літаратуры Беларусі канца XVI – першай паловы XVII ст. Канфесійная пазіцыя ў дачыненні адукацыі фіксавала не толькі інтэлектуальнае, але і цывілізацыйнае адрозненне паміж канфесіямі як такімі.

Літаратура і крыніцы

1. Капустэньскій, З. Палінодія / З. Капустэньскій // Русская Историческая Библиотека. – СПб., 1878. – Т. 4. – С. 313–1200.
2. Кревза, Л. Оборона унии. Сочинение Виленского архимандрита Льва Кревзы 1617 г. / Л. Кревза // Русская Историческая Библиотека. – СПб., 1878. – Т. 4. – С. 157–312.
3. Смалякоў, Д. А. Права як кантэкст і змест мыслення рэлігійнай палемікі Беларусі канца XVI – сярэдзіны XVII ст. / Д. А. Смалякоў // Философия и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 36–41.
4. Budny, S. O Urzędzie miecza używającym. Wyznanie Zboru Pana Chrystusowego, który w Lit'wie, z Pisma Świętego krótko spisane. Przy tem tegoż urzędu Obrona przeciw wszem jego sprzeciwnikom przez Simona Budnego napisana... Roku od narodzenia Pana Chrystusowego / S. Budny // Zabytki Literatury z doby Reformacji. – Warszawa, 1932.
5. Pocij, I. АНТИРИСИΣ abo apologia przeciwko Krzysofowi Filaletowi / I.Pocij // Русская Историческая Библиотека. – СПб., 1903. – Т. 19. – С. 477–1122.

ФИЛОСОФСКАЯ КУЛЬТУРА XVII СТОЛЕТИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

В. К. Игнатов

Символом общеевропейского культурного процесса в XVII в. стал рожденный в лоне западной цивилизации мировоззренческий стиль Барокко, снискавший признание не только в латинском мире, но и далеко за его пределами. Барокко по своей природе многолико и полиморфно. Для славянского мира, который усваивал и развивал идеи и стилистические формы нового типа миропонимания в условиях его продвижения на Восток Европы на волне Контрреформации, более всего характерно то, что в его кругу крайности Барокко особенно контрастны, а их приведение к единству особенно парадоксально.

Под стать эпохе были ее персонажи. Монах Виталий, Игнатий Иевлевич, Мелетий Смотрицкий, Афанасий Филиппович, Иосиф Рутский, Симеон Полоцкий и множество других деятелей этого времени поражают многоцветьем своей творческой палитры, многосторонностью своих религиозных, общественных и политических устремлений, противоречивостью этических взглядов и жизненных поступков. В пантеоне отечественных творцов монаху Виталию, Игнатию Иевлевичу и Симеону Полоцкому принадлежит почетное место инициаторов сближения восточно-христианского и западно-христианского миров эпохи Барокко, идейных вдохновителей диалога восточнославянских культурных традиций и западноевропейского мироощущения, адептов созидания универсальной архитектуры европейского христианства.

В историю белорусской культуры монах Виталий вошел как искусный переводчик «Диоптры» и автор стихотворных фрагментов, изящно вплетенных в ткань прозаического текста этого памятника аскетической мысли. Однако Виталий, живописуя свое «умозрение в стихах», выступает оригинальным продолжателем «традиционалистской новизны» паламизма, завещанного восточно-христианскому миру клонящейся к исторической гибели Византийской державой. В этой перспективе Виталий – это мыслитель, чье творчество символизирует начало «переходного века», едва наметившийся поворот православной духовности к новой эпохе, ознаменованной возникновением идеи религиозного и культурного компромисса, обаянной своим рождением Петру Могилю, его сподвижникам и их духовному детищу – Киево-Могилянской коллегии, впоследствии блистательно развитой одним из выдающихся ее выпускников – Симеоном Полоцким. Путь Виталия – это путь служителя восточно-христианской традиции, ориентированной на Слово, это путь человека, стоящего у истоков переоценки духовных ценностей православия, это путь вхождения в общеевропейскую историю, в Новое время. В духе евангельских текстов, где проповедники или учителя названы земледельцами, а паства – возделываемой землей, Виталий представляет подвижника восприимчиком апостольских функций, который сеет Божественную истину на душевных нивах слушателей.

Творчество Игнатия Иевлевича, автора стихотворных панегириков и приветственных «ораций», написанных в честь российского венценосца, зиждется на доктрине соединения двух начал – государственной мощи Московской державы и европейской традиции разума, знаний, просвещенного интеллекта. Возвышая идею «пророческой» харизмы подвижника-просветителя, Игнатий Иевлевич и его ученики мировую миссию Беларуси, самоценность ее духа и культуры усматривали в ее призвании быть хранительницей культурного диалога между двумя ветвями христианского древа, примирителем европейских противоречий, врачом духовных недугов христианской цивилизации.

Главная тема всей жизни и творчества Мелетия Смотрицкого – идея религиозного союза христианской Европы, идея универсальной церкви, объединяющей народы, веры и культуры, идея всевропейской духовной «симфонии». Мелетий Смотрицкий – один из первых белорусско-украинских «архитекторов» «общеевропейского дома». Однако его проект оказался лишенным жизненных перспектив – в нем утрачен образ христианского Востока, нет мистической глубины православной духовности, канули в Лету традиции «греческой веры». Трагедией Мелетия Смотрицкого стала его личная невозможность прорыва в будущее, к универсальному европейскому мировоззренческому синтезу.

Закат Средневековья в отечественной истории породил новую волну культурного подъема,

связанного с эволюцией исихазма, все более естественно сочетавшего в себе духовное самоуглубление, мистическую созерцательность и идеалы аскезы с активным социальным служением, с апостольской миссией учительства, спасения и помощи.

Афанасий Филиппович – одна из центральных фигур этого процесса. Конфликт Афанасия Филипповича с окружающим миром и трагический финал этого конфликта – скорбный символ драмы культурного эсхатологизма восточнославянского православия XVII в. История указала на невозможность привести мироздание к Богу на основе православия как вселенской и даже панъевропейской идеи.

Но и католицизму не суждено было сыграть роль мирозерцания всего человечества. Воскрешая в эпоху Барокко идею церковного единства в традиционном духе, римская курия стремилась вновь возвести на пьедестал общеевропейской картины мира доктрину универсальной теократии латинского первосвященника. Идея церковной унии стала альфой и омегой иезуитского движения в белорусско-украинских землях.

У колыбели базилианства стояли три униатских вождя – митрополиты Ипатий Потей и Иосиф Рутский и «святой апостол» унии Иосафат Кунцевич. В лице нового церковного союза эпоха Барокко породила один из самых гениальных своих парадоксов. «Совмещение несовместного» – идейно-организационных основ римского католицизма и греко-восточной обрядности – навсегда придало образу унии колеблющийся, двойственный характер. Его проявления мы видим и в личности основателя базилианского ордена Иосифа Рутского, и в самом облике базилианства.

Но эпоха Барокко преподнесла христианскому миру не только урок ложного пути церковного единения, но и подарила перспективу истинного экуменизма. Заслуга в ее создании принадлежит не униатскому митрополиту Иосифу Рутскому, а православному митрополиту Петру Могиле и его последователям.

Противопоставляясь в своей религиозно-философской доктрине и практике католицизму контрреформационных веяний, киевские теоретики в то же время переосмысливают одну из центральных тем гуманистической деятельности мыслителей отечественного Возрождения и Реформации – Франциска Скорины, Симона Будного, Анджея Волана – преодоление разобщения с латинским миром. Однако в творческой лаборатории киевских книжников предоставление гостеприимства ценностям западной цивилизации, приверженность «латинству» и полонофильству отнюдь не означали вступления в открытый конфликт с национально-православной традицией. Это был процесс систематизированного компромисса на основе общих христианских ценностей, развивавшийся в русле стремления разномысленных христианских конфессий Запада и Востока к диалогу, к взаимопроникновению национальных и культурно-исторических традиций народов Европы и славянской общности, к упрочению тенденции всевропейского христианского универсализма.

Блестящим апофеозом духовных свершений киево-могилянских мыслителей эпохи Барокко стал жизненный и творческий путь Симеона Полоцкого. Мировоззренческий синтез культурного достояния Запада и Востока Европы, осуществленный мыслителем, способствовал кристаллизации таких черт белорусского менталитета, как терпимость к разномыслию, религиозно-конфессиональная и этнически-культурная толерантность, стремление к сохранению гражданского мира и социальной стабильности путем достижения компромиссов, не подавляя при этом чувство национального и личностного достоинства и не нивелируя самоценность, своеобразие и самобытность различных общественных «страт», этносов и индивидуумов.

Так духовные апостолы Беларуси эпохи Барокко возвращали свой идеальный «мысленный сад» – прообраз грядущего «земного рая» всевропейского христианского универсализма.

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

И. И. Лецинская

Эпоха Просвещения выступила в качестве коренного культурно-исторического переворота, осуществленного как в сфере общественного сознания, так и общественной практики. Этот пере-

ворот отличался не только глубиной, но и носил универсальный характер. Он затронул большинство стран европейского континента. «Декларацией независимости» и «Конституцией» он также ознаменовал новый этап в развитии североамериканского континента. В разных странах он характеризовался своеобразием форм своего проявления, но при этом сохранял типологические черты, определившие его сущность.

Это единство специфического и типологического аспектов обнаружило себя в процессе реализации проекта Просвещения в странах Восточной Европы, и, в частности, в интеллектуальном пространстве Беларуси. Своеобразные социально-политические и экономические условия развития белорусских земель, исполненная драматизма история белорусского народа, запечатленная в различных формах его культурного наследия, оказали влияние как на процесс обоснования в XVIII веке основных стратегий просветительской деятельности, так и на способы и средства их воплощения.

В качестве таковых стратегий на территории Беларуси принято выделять, прежде всего, антисхоластическую, антиклерикальную и социально-критическую. Однако, эта дифференциация, не исключает их единства, поскольку они являлись неразрывно взаимосвязанными способами деструктивной деятельности, направленной на искоренение определенного типа мышления и связанных с ним разнообразных социальных практик. Подобная деятельность с необходимостью сопровождалась не менее напряженной работой по поиску и наработке новых форм воплощения духовного и практического социального опыта. Основными стратегиями конструктивной деятельности, наиболее значимыми для белорусского контекста, явились рационализация, секуляризация и гуманизация. Они также обладали способностью рефлексировать друг в друга благодаря своей сущностной взаимосвязи. В белорусской культуре процесс реализации этих стратегий был прочными узами связан с западноевропейским Просвещением, многие фундаментальные интенции которого получили мощный резонанс в ней.

Просветительское движение восточнославянских народов в силу своей специфики не носило столь революционного характера как французское Просвещение. Оно, в первую очередь, было связано с национально-освободительными интенциями этих народов и с идеями возрождения национальных культур. Его хронологические рамки также несколько отличаются от западноевропейского Просвещения. Вместе с тем все это никоим образом не умаляет его значимости и не лишает его оригинальности и глубины.

Фундаментальным принципом просветительской идеологии явился рационализм, воплотивший в себе безграничную веру в возможности человеческого разума. Соответственно, рационализация сознания социума в противовес его догматизации выступила в качестве одной из важнейших конструктивных стратегий этой эпохи. Вместо схоластического, по своему характеру авторитарно-догматического способа мышления, в ожесточенной борьбе с теологами постепенно утверждается культ разума, освобожденного от всякого рода предрассудков и авторитетов. Идея необходимости познания и последующего освобождения разума от всевозможных «призраков», сковывающих его, явилась заслугой философов XVII века. Философия Просвещения не только поддержала эту программу, но внесла свой вклад в ее развитие и со всей остротой поставила вопрос о незамедлительной ее реализации.

Оформление антисхоластического типа мировоззрения в Беларуси явилось во многом результатом сдвигов в социально-экономической и политической сферах, но вместе с тем, оно также потребовало колоссальных усилий по преобразованию духовной культуры. Одним из первых шагов в этом процессе было разрушение традиционной структуры схоластической философии и инкорпорирование в ее состав разделов и тем, связанных с новейшими философскими и естественнонаучными поисками. Первоначально это были попытки согласовать теологию и новую философию, сопровождавшиеся стремлением модернизировать первую и удостовериться в степени обоснованности достижений второй.

Предпринятые в этом направлении усилия способствовали расширению интеллектуального пространства посредством усвоения новаторских идей и серьезной критической их переработки. Работы таких мыслителей, как «Комментарий философии» (1755), А. Скорульского, «Взгляды новых философов» (1774) Б. Добшевича демонстрируют глубокое владение философской традицией и новейшими исследованиями в области философии и науки [1]. Весьма показательным в этом отношении явилось творчество С. Шадурского, который по завершению Виленской иезуитской академии продолжил свое образование во Франции, где наряду с теологией достаточно продуктивно

занимался изучением логики и натурфилософии. Результатом этих штудий явились такие его труды, как «Начала рассуждений в различных диалогах и упражнениях по логике, этике и метафизике» (1760), «Философские основания общей физики, высказанные автором публично» (1761), «Физика, или Философия природы». Их автор проявил себя в качестве талантливого последователя новоевропейских мыслителей, в особенности Р. Декарта [2, с. 469].

Острополюемический характер работ этих мыслителей свидетельствует о напряженном интеллектуальном диалоге и формировании нового стиля философствования в культурном пространстве Беларуси второй половины XVIII века. Наряду с этой компромиссной версией имело место и более последовательное антисхоластическое движение, полагающее своей целью низложение догматической философии и пропаганду разума как единственного авторитета. Эти интенции нашли свое отражение в рукописях авторов гродненских философских курсов. Наиболее яркими в этом отношении явились лекции по философии в «Курсе общей физики» (1787) М. Домашевича, трактат «Философия разума» (1790) Ю. Мышковского, «Лекции по экспериментальной физике...» (1792) И. Стирпейко [3]. Еще более значительный прогресс в этом направлении ознаменовали труды представителя раннего белорусского Просвещения К. Нарбута. Его широко известный учебник «Логика, или Наука рассуждения...» (1769) и курс «Эклектической философии» (1764–1765) явились наглядным доказательством принципиальных изменений в трактовке предмета философии и назначении логики [1, с. 293].

Если рационализация общественного сознания и секуляризация культуры восточно-европейских народов, прежде всего, были связаны с антисхоластической и антиклерикальной направленностью их просветительской деятельности, то его гуманизация находилась в имманентной связи в первую очередь с социально-критической стратегией. Достижение гуманистического идеала не мыслилось без борьбы за свободу и социальное равенство. Последняя была невозможна без острой критики существующей системы социально-политического устройства, основанной на сословной иерархии. Борьба с «призраками» просветителями была перенесена в практическую плоскость и приняла в ней форму критики социальных «идолов» и их порядков. Для белорусских просветителей среди многочисленных социальных «идолов» главнейшим было крепостничество. Оно противоречило просветительским представлениям о природе человека и подлинном его предназначении и подлежало искоренению.

Одним из ярких мыслителей, положившим начало традиции критики крепостничества, стал выдающийся политический деятель и просветитель М. Карпович (1744–1803). В своих работах, изданных на территории Беларуси, он изобличал несправедливые законы и бесчеловечные порядки, настоятельно требуя социальных реформ. Антигуманную сущность крепостничества подвергли выдающиеся деятели эпохи Просвещения – Д. Пильховский (1732–1803), И. Еленский (1756–1813). Антикрепостнические идеи, антиклерикальная настроенность и радикально-утопические идеалы составили смысл и содержание устремлений большинства белорусских мыслителей этой эпохи.

Таким образом, западноевропейские просветительские идеи в интеллектуальном пространстве Беларуси обрели культурно-историческое своеобразие и творческое развитие. Они положили начало глубокому по своему характеру и многовекторному по своей направленности процессу преобразования общественного сознания и связанных с ним социальных практик.

Литература и источники

1. Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / В. В. Дубровский, М. В. Кашуба, С. А. Подокшин и др. – Минск, 1991.
2. Асветнікі зямлі Беларускай: X – пачатак XX ст. Энцыкл. даведнік / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Минск, 2006.
3. Дорошевич, Э. К. Философия эпохи Просвещения в Белоруссии / Э. К. Дорошевич. – Минск, 1971.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БССР В 1920–30-е гг. КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА: ОБЗОР БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1950–80-е гг.)

Э. Л. Малиновская

Изучение интеллигенции и ее формирования в 1920–30-е гг. на территории БССР является одной из центральных проблем в понимании становления и развития интеллектуальной истории. Комплексное исследование данного вопроса в республике началось в конце 1950-х – начале 1960-х гг. как и в целом в СССР. И хотя вектор научных исследований был ограничен господствующей единой марксистско-ленинской методологией интеллектуальная жизнь не находилась в состоянии стагнации. На базе всеобщей культурной революции средствами формирования интеллигенции в 1920–30-е гг. выступали: вовлечение и идеологическое перевоспитание буржуазной интеллигенции; выдвижение передовых рабочих и крестьян на руководящие должности; подготовка высококвалифицированных специалистов из числа рабочих и крестьян. Однако в БССР это осуществлялось на фоне белорусизации и коренизации.

В рамках проблемы вовлечения и идеологического перевоспитания исследователями обозначенного периода признавалось, что в целом «старая интеллигенция плодотворно работала на государство пролетарской диктатуры. Но этим фактом проблема интеллигенции далеко еще была не решена. Мало привлечь интеллигенцию к конкретному делу, получить в ее лице полезного сотрудника. Необходимо было изменить ее мировоззрение, принципы и идеалы, перевоспитать в духе марксистско-ленинской идеологии» [1, с. 238]. Данная проблематика была отражена в трудах белорусских ученых, таких как П. П. Силиванчик [2], Ю. С. Кузнецов [3], А. А. Цобкало [4].

Вопросы формирования интеллигенции в 1920–30-е гг. затрагиваются в работах, посвященных культурному строительству в БССР [5] [6] [7]. Процесс формирования непосредственно связан со становлением системы образования и подготовкой специалистов. Прежде всего, акцент ставился на социальном составе студенчества и учебных программах как по спецпредметам, так и по общественным наукам. Определенный вклад в изучение интеллигенции в 1940–50-х гг. сделали исследователи – П. В. Саевич [8], В. М. Хрипков [9], В. Н. Антошин [10], Н. С. Шавельская [11]. Репрезентативный фактологический материал о деятельности высших учебных заведений, о мероприятиях в области подготовки студентов концентрировался в юбилейных изданиях вузов [12] и др.

В 1960–70-х гг. проблема подготовки высококвалифицированных специалистов из числа рабочих и крестьян нашла отражение в трудах И. М. Ильюшина, С. А. Умрейко [13], Р. Я. Киселева [14], Н. И. Красовского [15], рабочие факультеты изучались М. Ф. Чудаевым [16], инженерные кадры – А. И. Лутченко [17]. В целом в данных работах был применен структурно-системный подход и количественные методы. В силу господствующей марксистской методологии одну из ключевых ролей придавали идеологической работе и участию комсомола в учебном процессе и формировании интеллигенции. Это работы И. А. Ковалева [18], В. И. Новицкого [19], С. И. Альшевской [20]. Вопросы просветительской работы в области печатного дела были освещены ученым С.В. Марцелевым [21]. В 1920–30-е гг. шел процесс создания и сельской интеллигенции, исследования которого нашли отражение в советской историографии [22] и др. В период в 1960–70-х гг. выходили юбилейные и коллективные работы по истории образования, как ключевого элемента формирования интеллигенции [23] и др.

До середины 1980-х гг. продолжал применяться традиционный марксистский подход в исследованиях. Ученые Н. В. Каменская [24], Е. К. Новик [25], А. А. Первачук [26], Н. В. Василевская [27] и др. в своей научной деятельности изучали различные аспекты системы образования, формы подготовки высококвалифицированных кадров, идеологическое воспитание, степень участия в этом процессе партийных органов БССР, формирования отдельных групп интеллигенции. К середине 1980-х гг. под влиянием социальных перемен в советском обществе намечались новые тенденции в науке в целом и в осмысление интеллигенции 1920–30-х гг. в частности. Был обозначен отход от понимания интеллигенции как строго монолитной общности, выявлялась после революции политическая несогласованность среди интеллигенции в плане культурных преобразований, что показывало неоднородность самой интеллигенции. Отмечался быстрый рост интеллектуального потенциала страны [28].

В целом интеллигентоведческая тематика исследований 1950–80-х гг. была представлена

выявлением сути интеллигенции и ее места в советском обществе и коммунистическом строительстве; изучением социального состава, как элемента корректирующего процесс формирования интеллигенции; идейно-просветительного воспитания молодых специалистов; слияния социальных групп рабочих, крестьян и интеллигенции, декламирующей их интересы. В указанный период в силу господствующей методологии результаты научных исследований имели ряд особенностей: в монополизации и абсолютизации советской системы ценностей и мировоззренческих ориентаций; в идеализации роли партии в процессе формирования интеллигенции; в упрощении понимания как структуры самого общества, так и внутренней организации интеллигенции; в малом внимании к религиозным и этническим вопросам, что приводило к отсутствию исследований в данном направлении.

Литература и источники

1. Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры: 1917–1927 / Отв. ред. М. П. Ким. – Москва, 1985.
2. Силиванчик, П. П. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по осуществлению культурной революции в республике 1919–1937 гг. / П. П. Силиванчик; научн. ред. К. П. Буслов. – Минск, 1961.
3. Кузнецов, Ю. С. Вовлечение интеллигенции в социалистическое строительство (1917–1925 гг.): На материалах парт. орг. Беларуси / Ю. С. Кузнецов. – Минск, 1982.
4. Цобкало, А. А. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по идейно-политическому воспитанию сельской интеллигенции в период построения и упрочнения социалистического общества (1933–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / А. А. Цобкало; Минский гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. – Минск, 1984.
5. Журов, А. Е. Великая культурная революция / А. Е. Журов. – Минск, 1964.
6. Ешин, С. З. Развитие культуры в БССР за годы Советской власти. / С. З. Ешин. – Минск, 1970.
7. Залесский, А. И. Достижение белорусского народа в развитии социалистической культуры / А. И. Залесский // Развитие социалистической культуры в союзных республиках: сб. ст. / Под ред. Г. Г. Карпова. – Москва, 1962.
8. Саевич, П. В. Народное образование БССР за 30 лет: стеногр. публич. лекции, прочит. в дек. 1948 г. в г. Минске / П. В. Саевич. – Минск, 1948.
9. Хрипков, В. М. Развитие высшего технического образования в БССР: автореф. дис. ... кан. пед. наук / В. М. Хрипков; 1-й Московский гос. пед. ин-т ин. яз. – Москва, 1955.
10. Антонишин, В. Н. Марксистско-ленинское воспитание советской интеллигенции в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму в предвоенные годы (1938 г. – июнь 1941 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Н. Антонишин; АН БССР, Ин-т ист. – Минск, 1956.
11. Шавельская, Н. С. Народная інтэлігенцыя Беларусі / Н. С. Шавельская. – Мінск, 1959.
12. Двадцать лет Белорусского политехнического института. Юбилейный сборник. – Минск, 1954.
13. Ильюшин, И. М. Народное образование в БССР / И. М. Ильюшин, С. А. Умрейко. – Минск, 1961.
14. Кислялёў, Р. Я. Школа Савецкай Беларусі / Р. Я. Кісялёў. – Мінск, 1968.
15. Красовский, Н. И. Высшая школа Советской Белоруссии (исторический очерк) / Н. И. Красовский. – Минск, 1963.
16. Чудаеў, М. Ф. Рабочыя факультэты Беларусі ў гады рэканструкцыі народнай гаспадаркі і першых пяцігодак: (1926–1938 гг.) // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя, філасофія, навук. камунізм, эканоміка, права. – Мінск, 1976. – С. 25–29.
17. Лутченко, А. И. Создание инженерно-технических кадров в годы построения социализма в СССР (1926–1958 гг.) / А. И. Лутченко. – Минск, 1973.
18. Ковалев, И. А. Идеологическая работа КПБ в период создания фундамента социализма / И. А. Ковалев. – Минск, 1970.
19. Новицкий, В. И. Участие комсомола Белоруссии в осуществлении культурной революции (1928–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. И. Новицкий; АН БССР, Институт истории. – Минск, 1975.
20. Альшевская, С. И. Комсомол Белоруссии – активный помощник партии в культурном строительстве республики в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / С. И. Альшевская. – Минск, 1978.
21. Марцелев, С. В. На путях строительства социализма: Печать Белоруссии в 1926–1937 гг. / С. В. Марцелев. – Минск, 1972.
22. Иванисов, А. М. Общественно-политическая активность сельской интеллигенции Белоруссии в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. М. Иванисов; АН БССР. – Минск, 1974.
23. Белорусский Ордена Трудового красного знамени Белорусский государственный университет имени Ленина (50 лет БГУ). – Минск, 1971.
24. Каменская, Н. В. Становление народного образования в Белоруссии (1917–1920 гг.) / Н. В. Каменская. – Минск, 1980.

25. Новик, Е. К. Формирование кадров народного образования Белоруссии (1917–1941) / Е. К. Новик; науч. ред. П. Г. Петриков. – Минск, 1981.
26. Первачук, А. А. Великая Октябрьская Социалистическая революция и учительская интеллигенция (на материалах Белоруссии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Первачук; АН БССР, Ин-т ист. – Минск, 1985.
27. Василевская, Н. В. Формирование производственно-технической интеллигенции БССР. 1921–1941 гг. / Н. В. Василевская; АН БССР, Ин-т ист. – Минск, 1986.
28. Великий октябрь и социалистическая структура советского общества: Интеллигенция / Л. А. Агеева, Т. И. Адуло, Е. М. Бабосов и др. – Минск, 1988.

ДОКУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВНОГО ФОНДА БЕЛАРУСИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОБЩЕСТВА

В. В. Надольская

В XXI веке, веке усиления мировых глобализационных процессов и ускорения темпов научно-технического прогресса, изменяются факторы развития стран и регионов, все большее значение среди них приобретают факторы информационного обеспечения общества, развития и распространения знаний. С позиции философской категории, система знаний, базирующаяся на системном характере человеческого мышления, оперирующего ими диалектически, как взаимосвязанными, подвижными, противоречивыми, переходящими друг в друга или обобщающимися, выкристаллизовывающимися, рассматривается как интеллектуальный капитал. Интеллектуальна способность к мышлению, познанию, особенно его высших теоретических уровней. По отношению к капиталу, в этом случае, интеллектуальный капитал рассматривается как накопление научных, теоретических и практических знаний человечества, общества об определенных действиях, процессах, проблемах и способах их решения. Это категориальная структура мышления, которая формируется на базе общественного познания в процессе усовершенствования, поиска нового на основе универсальных форм мышления и познания.

Формирование интеллектуального капитала стало закономерным результатом развития науки и технологий, решительного подъема роли и значения человеческого разума, науки, информации и знаний в развитии общества в целом. В современном мире интеллектуальный капитал становится основой богатства, выступает ключевым ресурсом развития общества. Способность создавать и эффективно использовать интеллектуальный капитал все в большей степени определяет силу нации, ее благосостояние. Сегодня уже нет сомнений в том, что интеллектуальный капитал есть не только самым мощным самостоятельным активом, но и необходимым условием эффективного использования всех рычагов поступательного движения вперед.

Как сложно структурированная система интеллектуальный капитал состоит из целого ряда элементов, характеризующихся своими особенностями, выполняемыми функциями, уровнем востребованности обществом и влиянием на его последующее развитие. Одной из важных составляющих интеллектуального капитала любой страны, Беларуси в частности, выступает Национальный архивный фонд (НАФ) – исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность документов, имеющих историческую, научную, социальную, экономическую, политическую или культурную ценность, отражающая материальную и духовную жизнь белорусского народа [1]. Документы НАФ являются достоянием народа, находятся под охраной государства, служат для удовлетворения потребностей общества и реализации законных прав и интересов граждан.

Государственные архивы Республики Беларусь обладают огромными информационными ресурсами. Документы НАФ освещают историю Беларуси с XIV века и до наших дней и являются национальным и мировым достоянием. Самые ранние из документов относятся к XIV–XVII в. Многие фонды имеют международное значение как уникальные исторические памятники и как информационный ресурс. Например, фонд князей Радзивиллов в Национальном историческом архиве Беларуси и др. По состоянию на 1 января 2015 г. в госархивах страны хранилось: 49 197 фондов; 12 624 458 ед. хр. на бумажной основе; 40 364 ед. хр. кинодокументов; 254 249 ед. хр. фотодокументов; 17 994 ед. хр. фонодокументов; 4 017 ед. хр. видеодокументов; 13 электронных фондов, 602 ед. уч. электронных документов; 700 музейных предметов [2]. Степень востребованности архивных документов велика, и она постоянно возрастает.

Как специфическая информационная система, архивы: постоянно пополняются документами, хранят не тиражированные единицы информации, осуществляют отбор высокоинформативных документов, на базе генетически родственных комплексов документов формируют информационную среду. Именно через архивы документы, возникшие в процессе жизнедеятельности общества, становятся частью его культурного достояния, остаются на века в его информационном наследии. Обращение к ретроспективной информации архивов является неотъемлемой составляющей хозяйственной и общественной деятельности человека. Информация, заключенная в архивных документах, используется в научных, политических, экономических, социально-культурных, управленческих целях.

Отбирая и сохраняя аутентичные документы, архивы выполняют важную функцию формирования интеллектуального капитала. Расширяя доступ к архивным документам, пытаясь с помощью профессионально подготовленного научно-справочного аппарата, информационных технологий всесторонне информировать общество о существующих фондах и коллекциях, содержащих ретроспективную информацию, архивисты способствуют его эффективному использованию.

Архивы стали основным источником научных и технических знаний, памяти, а также источником идентификации людей и семей, социальных групп, предприятий. Они обеспечивают надежную основу социальной памяти, в частности индивидуальной памяти, через аккумулированные в информации фондов личного происхождения истории жизни отдельных лиц, или зафиксированные в памяти индивидов воспоминания об исторических событиях – в фондах «устной истории». Кардинально важным при этом в деятельности архивов является принцип аполитичности, заключающийся в незаангажированности, абстрагировании от политической и идеологической направленности для воспроизведения истинной сути фактов и событий.

Как учреждения памяти архивы способствуют реализации одной из функций интеллектуального капитала, заключающейся в трансляции накопленного человечеством опыта и идей во времени и пространстве, и предназначены для хранения его задокументированных (разными способами) образов. Современные философы и социологи наряду с такими типами памяти как персональная (индивидуальная), социальная (коллективная), историческая выделяют новый тип – «архивная память» [3]. Сохранение документального наследия и социальной памяти человечества, несение ответственности хранителей фондов и коллекций перед будущими поколениями является сущностью миссии архивов.

По мнению российского исследователя К. В. Гельмана-Виноградова, системы функционирования документов в процессе общественно-исторической практики должны рассматриваться и сквозь призму развития других макросистем, в частности такой, как сфера разума – ноосфера [4, с. 29]. Для определения фиксированных пространственных результатов глобального распространения документов ученый ввел термин «документная среда ноосферы», под которым понимал пространство, включающее все множество существующих и создаваемых документов, являющееся основой утверждения документальной памяти в глобальном масштабе. Введенное К. В. Гельманом-Виноградовым понятие «документальная память ноосферы» охватило совокупную информацию, сосредоточенную в документной среде ноосферы. В пределах «ноосферной» концепции ученый рассматривал архив как информационную метасистему ретроспективного уровня, утверждая, что создание настоящего портрета земной цивилизации много в чем зависит от реального состояния архивов и осознания их как планетарного явления, базы для мегаглобального научного познания. Рассмотрение места и роли архивов сквозь призму синергетики – науки о самоорганизации сложных систем – раскрывает их непосредственную взаимосвязь с разумом как основой интеллектуального капитала.

Процесс формирования интеллектуального капитала на уровне общества является очень сложным, требует в современных условиях активизации и привлечения значительных ресурсов, имеет глобальный характер, поскольку конкретный индивид не может эффективно осуществлять интеллектуальную деятельность при отсутствии для этого в стране соответствующих условий. В этом процессе важная роль принадлежит архивам – институциям, сохраняющим документальное наследие страны.

Литература и источники

1. Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь. Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г., № 323-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 26.09.2015.
2. Об итогах работы органов архивного дела и делопроизводства и государственных архивных учреждений Республики Беларусь в 2014 г. // Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 10.10.2015.

3. Подорога, В.К философии архива // Индекс. – 2001. – № 14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://index.org.ru/journal/14/podoroga1401.html>. –Дата доступа: 17.09.2015.
4. Гельман-Виноградов, К. Б. Документальная память ноосферы как новый объект познания (к постановке проблемы) / К. Б. Гельман-Виноградов // Международный форум по информации и документации: Научн. журн. международн. федерации по информации и документации. – 1992. – Т. 17 – № 1. – С. 8–10.

4.4 Политико-правовые и экономические аспекты динамики интеллектуального капитала

ДУХОВНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК

Ч. С. Кирвель

Сегодня мы живем в эпоху тотального обмана и информационных войн. В условиях глобальной конкуренции за ресурсы, территории, финансовое могущество главными целями информационных войн являются разрушение духовного самостояния, сознания и самосознания народов, их смысложизненных ценностей, идеалов и ориентиров. Причем наиболее значимым объектом данных войн выступают прежде всего ценностно-мировоззренческие установки и ориентации молодежи.

Несоциализированная или плохо социализированная, недостаточно интегрированная в жизнь общества молодежь всегда выступала в качестве спускового механизма всякого рода смут, бунтов и революций. Стоит только присмотреться к тому, что происходит сегодня в странах Большого Ближнего Востока, а так же к событиям на Украине, чтобы понять все это.

Факты свидетельствуют о том, что самой уязвимой сферой национально-государственной безопасности любого общества является духовная сфера – сознание и ценностные ориентации граждан. Всякие социальные трансформации, социальные катаклизмы, революции, в том числе и «цветные», подготавливаются постепенными изменениями в общественном сознании.

Эта особенность исторического процесса хорошо была понята в США. После Второй мировой войны США сосредоточили у себя две трети антропологов (обществоведов) от их общего на тот момент количества во всем мире. И они развернули исследования во всех уголках нашей планеты. Был собран колоссальный объем знания о духовной сфере человека самых разных культур и в самых разных ситуациях. Его соединили затем с новым знанием о сложных системах – синергетикой, моделирующей закономерности перехода «порядка в хаос» и наоборот. На основе новых представлений и массива эмпирических данных были созданы поразительные по эффективности технологии управления поведением больших масс людей [1]. Иначе говоря, было создано мощное организационное оружие, которое обеспечивало победу без прямого применения военной силы. Это оружие получило название концентрированного информационно-смыслового сверхоружия.

Эти новые технологии, используемые в качестве оружия для дезорганизации и развала человеческих сообществ, эффективнее ядерного заряда. Опыт современной истории свидетельствует, что с помощью новейших форм оргоруужия легко можно парализовать даже крупные государства, идеологически запрограммировать поведение элит, посеять смуту и неразбериху в системе государственного управления.

Следует подчеркнуть, что практически все постсоветские общества и государства не готовы к противодействию новейшему концентрированному информационно-смысловому сверхоружию – не хватает соответствующих обществоведческих разработок. Вся проблема в том, что, проникнутое эгоцентризмом, современное обществоведение, господствующее ныне в постсоветских странах, неспособно дать ответ на эти вызовы времени. Гуманитарным технологиям, с помощью которых дестабилизируются и разрушаются многие современные общества, могут противостоять только гуманитарные технологии, но более высокого уровня. Народам мира, если они хотят сохранить себя в истории, необходимо формировать новое знание, способное конкурировать с западными гуманитарными технологиями, по-новому переосмыслить роль духовной сферы в жизни об-

щества, проникнуть в сложную мозаику общественного сознания, духовных устремлений современного человека. Поэтому модернизация социогуманитарного цикла наук – императив для всех постсоветских государств, прежде всего восточнославянских стран, поскольку их дестабилизация – главная задача современного глобального управляющего класса.

На переднем крае борьбы за сознание и мысли людей естественным образом (в силу специфики объекта изучения) находится социогуманитарное знание. Именно поэтому социогуманитарное образование становится *важнейшим фактором национально-государственной безопасности*. Что бы мы теперь ни говорили, реально одно из первых мест в формировании ценностей нации принадлежит именно социогуманитарному образованию. Отсюда, кстати сказать, и заинтересованность олигархического интернационала в сокращении гуманитарной интеллигенции и гуманитарного образования.

Сегодня ситуация с социогуманитарным знанием вообще приобретает драматический характер. Практически во всех постсоветских странах идет процесс интенсивного сокращения финансирования всяких исследовательских программ социогуманитарной направленности. В лучшем случае оно осуществляется по остаточному принципу. При этом такая же тенденция набирает силу и в системе высшего образования: с неумолимой последовательностью в последнее время в структуре учебной нагрузки идет сокращение ее социогуманитарной составляющей. Это весьма опасный, можно даже сказать, разрушительный для социума процесс.

К чему это может привести? Чтобы сформировать у молодежи негативистские, антигосударственные, деструктивно-разрушительной направленности настроения и ориентации, достаточно двух-трех лекций. Молодежь в силу своих возрастных характеристик склонна к критицизму и негативизму. Сокращение учебной нагрузки по социогуманитарным дисциплинам – это большой подарок всем оппозиционно-разрушительным силам в нашем обществе. А вот чтобы сформировать позитивные, конструктивно-патриотические, государственно-ценностные установки у студенческой молодежи в условиях современных информационных войн, необходимо работать долго, постоянно, терпеливо, кропотливо-подвижнически. Здесь тремя-пятью лекциями не обойдешься.

Не сокращать, а скорее, наоборот, нужно усиливать в высшей школе систему социогуманитарного образования. Но при этом нужно основательно позаботиться о качественных характеристиках преподавательского состава социогуманитарных дисциплин. Необходимо, чтобы преподаватели были хорошо подготовлены, обладали не местечковым, а государственно-стратегическим уровнем мышления, являлись хорошими идеологами-теоретиками, способными нести в студенческую среду позитивные, интегрирующие и жизнеутверждающие ценности и идеалы.

В контексте данных размышлений чрезвычайно важно иметь в виду ситуацию, сложившуюся на Украине. Украина на редкость зримо и рельефно продемонстрировала миру роль и значение социогуманитарного образования в политической жизни общества, его способность глубинным образом воздействовать на сознание людей, особенно молодежи.

В данной стране последовательно и системно в течение длительного времени, формировали электорат будущего, для которого исключительно Запад выступал бы ценностным ориентиром. Факты таковы – на Украине действовало 400 фондов с международным статусом, более 350 международных организаций, работающих в гуманитарной сфере, 180 структурных подразделений иностранных «негосударственных» организаций [2]. При этом Сорос щедро финансировал издание различного рода учебников социогуманитарного профиля. Была написана новая история, искусственно создана галерея исторических личностей и т. п. Буквально за короткое время удалось сформировать у целого поколения молодых украинцев абсолютно прозападное, антирусское мировоззрение. Внедрить в их сознание убеждение в том, что в мире нет более страшного врага для Украины, чем Россия и русские. И теперь их трудно остановить. Стремясь реализовать, вложенные в их головы, идеи, они готовы идти до конца, сокрушая все на своем пути. В этом процессе формирования у населения руссофобских настроений исключительную роль сыграла информационная политика и содержание школьных учебников. В последних утверждалось, что Украина была превращена российским государством в колонию, насильственно и жестко интегрирована им в свой состав и т. п. Здесь все было перевернуто: ведь украинцы, по существу, были вторым (после русских) государствообразующим народом как во времена Российской империи, так и во времена Советского Союза.

Но могло быть все иначе, если бы Министерства информации, образования и культуры занимали бы другую позицию. Если бы, например, пропагандировались идеи и взгляды о том, что Украина

только в союзе с Россией и Беларусью может стать значимым субъектом мировой политики, что она вне традиционного союза трех братских народов рискует превратиться в глухую окраину Европы и изгоя Евразии, что восточнославянские народы, учитывая общность исторического пути их развития, культурно-цивилизационную близость, теснейшие научные и промышленно-технические связи, являются естественными союзниками высшей степени – если бы все это осуществлялось, то украинское общество, наверняка избежало бы той страшной смуты, свидетелями которой мы являемся сегодня.

Литература и источники

1. Батчиков, С. За флажками! / С. Батчиков // «Завтра». – 2009. – № 36 (824).
2. Фатуллаев, Э. Всеобщий Майдан приходит из Америки / Э. Фатуллаев // «Литературная газета». – 2014. – 7–13 мая. – № 18 (6461).

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ КАК ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ ГОСУДАРСТВА: БЕЛОРУССКИЙ КОНФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

В. Н. Ватыль

Тема доклада обусловлена актуализацией вопроса о стабильности и эффективности белорусского государства в условиях растущих вызовов и угроз, рождаемых глобализацией. Основным противоречием нынешнего столетия выступает нарастающая асимметрия и дисбаланс коммуникаций между глобализационно-интеграционными процессами и национальными государствами. Имеющая место дисгармония в этих взаимоотношениях вызывает объективную необходимость в переосмыслении структуры и функций современного государства.

В политико-аналитическом дискурсе на сегодня имеют место два исследовательских подхода, которые условно можно обозначить как «транснациональный» и «национальный». Первый отражает опыт неолиберальной глобализации, где главный рефрен – интересы ТНК и некоторых ведущих государств; второй – нацелен на осмысление устремлений молодых независимых государств сохранить и усилить национально ориентированный путь развития.

Беларусь, как суверенное государство, способна в эпоху глобализационных трендов не только отстоять, но и продолжить свой национально ориентированный путь развития. Для этого необходимо наличие сильного и эффективного государства, способного к продуктивному встраиванию в мировой глобализационный процесс и успешному обновлению всех сфер общественной жизни во имя усиления международного статуса страны и повышения благосостояния ее граждан.

Подобные стратегические параметры государства обозначены в ежегодном послании Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Парламенту. [1] Построение сильного и эффективного государства, использующего знания и инновации, является основным приоритетом в реализации Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [2]

Одним из эффективных источников для создания системного концепта «сильное и эффективное государство» является политико-аналитическое знание. Его значимость обусловлена необходимостью решения конкретных задач в сфере политики, поиска наиболее приемлемых для людей способов и технологий достижения целей. Оно предполагает и особый подход к пониманию и изучению политических явлений. В отличие от подходов, свойственных теоретической политологии, стремящейся выявить сущностные черты и характеристики политических явлений, вскрыть их наиболее принципиальные связи и отношения, обосновать тенденции и закономерности развития, этот подход нацелен на решение практических вопросов и имеет свою специфику.

В самом общем плане «технологически» ориентированные формы и разновидности политических представлений направлены не на создание теорий или производство знаний, систематизирующих представления о сходстве и различиях политических явлений, а на прикладное использование имеющегося научно-теоретического потенциала при решении практических и вполне конкретных задач в политическом пространстве. Не менее важным компонентом оценки и понимания последних, наряду с теоретическими идеями, являются также накопленный людьми практический опыт, навыки и умения решать аналогичные задачи, интуиция и иные дологические представления человека. Строго говоря,

свои выводы прикладные дисциплины могут делать и на базе сложившегося практического опыта, не прибегая к использованию каких-либо широких теоретических обобщений. Имея в виду такую сугубо практическую ориентацию прикладного политологического знания, можно сказать, что именно оно задает тот особый ракурс в понимании политической жизни, который заставляет относиться к осуществляемой в ней деятельности человека как к разновидности «искусства».

Применяемые в прикладном знании приемы и методы исследования политических явлений формируют особую отрасль политической науки, которая направлена на изучение реального политического процесса, поведения различных субъектов, их действий и взаимоотношений. По сути дела весь круг прикладных политологических дисциплин описывает разнообразные стороны и грани политической деятельности людей, обладающих разными навыками, умениями, технологической оснащенностью и стремящихся достичь разных практически значимых целей [3, с. 430–431].

В этом смысле их предметная область уже, чем у теоретической, фундаментальной науки, поскольку прикладные дисциплины интересуют, к примеру, не сущность власти или государства, а их конкретные проявления и влияние на поведение людей в той или иной ситуации. И, тем не менее, результаты такого «приземленного» анализа данных явлений становятся неременной предпосылкой обогащения фундаментальных теорий, создания новых гипотез, парадигм, подходов [4, с. 10–14].

Прикладные исследования политики затрагивают не все ее пространство, а лишь те ее аспекты и темы, которые имеют важнейшее практическое значение для всего процесса функционирования государственной власти. В настоящее время к числу подобных тем, в частности, относятся функционирование политических систем и развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Экспертно-аналитическую основу обозначенных тем составляют материалы Международных научно-практических конференций «Белорусская политология: многообразие в единстве». Конференции проводятся раз в два года на базе Гродненского Государственного университета имени Янки Купалы. Начиная с 2004 года, состоялось 6 конференций, издано 10 объемных томов, в которых опубликовалось более 1000 отечественных и зарубежных политологов. По составу, структуре направлений, широте и глубине анализа и экспертизы гродненские конференции являются единственными, которые представляют разносторонний формат белорусского политологического сообщества. На пленарных, секционных заседаниях, круглых столах они подводят итоги развития национальной и мировой теоретической и прикладной политической науки, обсуждают проблемы, определяют перспективы ее дальнейшего развития. Среди них и указанные выше темы. Для их аксиологического рассмотрения нами созданы два аналитических концепта – «транзитологии» и «европейской интеграции».

Концепт «демократического транзита» течение 1990-х годов играл в посткоммунистическом мире роль интеллектуальной компенсации за крушение идеалов социализма. Она давала ее адептам надежду на то, что общества, отказавшиеся от социалистической идеи всеобщего благоденствия, получают шанс приобщиться к ее капиталистической версии при условии следования неолиберальным рецептам. В действительности же оказалось, что их практический смысл состоял в обеспечении максимальной открытости постсоциалистических экономик и их включении в систему мирового капиталистического разделения труда на «вторых» ролях – с одной стороны, поставщиков дешевой, но квалифицированной рабочей силы, сырья и энергоносителей; с другой – рынка сбыта для западных товаров и пространством для складирования отходов вредного производства. Поэтому в начале нового века все чаще отмечалось, что концепция «транзита», мобилизованная в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. для анализа событий в мире и обоснования американской политики «мировой демократической революции», устарела и требует серьезного пересмотра. Исследователи вполне обоснованно критикуют современную реальность в большинстве стран «третьей волны» как не соответствующую даже минимальным критериям либеральной демократии. Сегодня транзитология как субдисциплина, как справедливо подчеркивает В. А. Ачкасов, изучающая тенденции многообразных политических трансформаций рубежа XX–XIX веков, уже не ставит своей целью построение универсальной модели демократизации. Транзит понимается как «проект с открытым финалом», предполагающим множественность путей и тем – как перехода, так и его результатов [5, с. 30].

Одна из подобных тем – авторитаризм развития. В отечественной политологии усиливается понимание того, что происходящие на постсоветском пространстве политические перемены не

укладываются во внешне привлекательные схемы западного демократического транзита. Становится очевидным, что эти перемены приводят к вполне самостоятельным результатам – консолидации существующих политических режимов, являющих не только стабильность и устойчивость, но и динамизм, неоднозначный эффект включения в мировой контекст.

Перед политологами – «западниками» и «почвенниками» встает задача преодолеть недостатки прежних подходов – политико-идеологическую нормативность («предзаданность») в осмыслении противоречивых явлений современного социума, политико-методологическую одномерность и упрощенность в понимании политической действительности, линейную интерпретацию разнонаправленной динамики политических процессов. Для ее решения требуется, во-первых, по-новому обобщить фактуру, а, во-вторых, разработать адекватную объяснительную модель этих процессов. Систематичность и сравнимость первичных описаний обеспечат основу для создания открытой (т. е. поддающейся дополнению и уточнению) классификации существующих политических институтов и процессов, а также для оценки уровня их современности и демократичности, основанной на эмпирическом компаративном анализе конкретных параметров и показателей, эволюционной зрелости. По сути дела, речь идет о качественно новой методологии комплексного анализа современных политий, предназначенной для выявления альтернативности политического развития и оценки не только степени развитости отдельных политических систем и режимов, но и их способности решать практические задачи, связанные с реализацией интересов соответствующих стран. В конечном счете выработка и использование подобного инструментария предполагают создание гибких поисковых систем, позволяющих интерпретировать и ранжировать собранную информацию, давать ей обоснованные нормативные оценки в зависимости от запросов тех или иных пользователей – политиков, управленцев, граждан и их организаций.

Тема, предлагаемая к обсуждению, несомненно, способствует созданию обозначенной методологии. Впервые широко она обсуждалась в 70–80-е годы прошлого столетия. Возрождается интерес к ней и теперь. На постсоветском пространстве появилось немало стран, которые пытаются использовать опыт авторитарных модернизаций ряда государств Востока, Азии и Латинской Америки для решения задач развития. Естественно, в контексте глобализационных процессов.

В современных условиях, прежде всего, встает вопрос об ограничителях при проведении авторитарных модернизаций. Например, насколько возможны эти модернизации в индустриальных обществах на стадии их перехода в постиндустриальные? Подобная постановка вопроса заставляет нас обратиться к проблеме выявления типологических черт авторитаризмов развития.

Характерными признаками авторитаризма развития являются следующие:

1. Наличие жесткой, но эффективно действующей исполнительной власти.
2. Подчинение всей политики, идеологии, общественной жизни достижению целей (цели) развития (по принципу «сначала экономика, потом политика»).
3. Проведение промышленной политики, которая одновременно предполагает и ускоренный экономический рост, и качественное структурное развитие экономики, предполагающее ее органическую встроенность в мировой контекст.
4. Региональная политика, направленная на выравнивание диспропорций в развитии тех или иных районов страны.
5. Ускорение развития сферы образования и науки как одного из основных направлений модернизации.
6. Рост благосостояния если не всех социальных групп, то, во всяком случае, большинства или, по крайней мере, значительной части общества: проведение активной социальной политики, направленной на улучшение качества человеческих ресурсов.
7. Повышение социальной мобильности широких слоев населения, расширение возможностей сделать карьеру благодаря способностям и усердию, продвигаться по социальной лестнице.
8. Создание эффективной рыночной инфраструктуры.
9. Формирование институтов власти, соответствующих задаче ускоренного развития страны.
10. Развитие качества национальной культуры.
11. Наличие определенной идеологии осуществляющихся преобразований.

Заметим, что этот перечень далеко не полон. Он зависит от конкретного опыта, ситуации и целей развития страны [6, с.46–48].

Концепт «евразийская интеграция» сегодня имеет множество дискурсов, начиная от соци-

ально-экономического и завершая этнокультурным [7, с. 414–457]. Последний представлен мультикультурализмом, который в концентрированном виде характеризует реальную культурную политику Евросоюза, а также выражает интеллектуальные предпочтения европейцев в вопросе взаимоотношений различных культур [8, с. 429–441]. В самом общем виде мультикультурализм мы определяем как особую форму интегративной либеральной идеологии, посредством которой полиэтнические, поликультурные национальные общества реализуют стратегию социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни [9, с. 45]. Нас в данном случае интересует мультикультурализм как дискурс идейно-символического пространства в системе европейской интеграции. Новейшие исследования показывают, что идейно-символическое пространство политики представляет собой многомерное, реально-политическое и ценностно-смысловое измерение [10, с. 15–17] [11, с. 5–21]. Соглашаясь с подобными оценками, мы также в анализе дискурса идейно-символического пространства политики в системе европейской интеграции будем учитывать не только изменения среды, в которой эти идеи и смыслы производятся, распространяются и соперничают друг с другом, но и конфигурации политических идей и символов, во взаимосвязи с институциональными и дискурсивными условиями, определяющими правила игры и стратегии акторов, которые эти идеи и смыслы производят, и с политическими коммуникациями, обеспечивающими обращения последних. Предметом нашего дискурсивного рассмотрения станет монография профессора политической теории Лондонской школы экономики Чандрана Кукатаса «Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы».

«Либеральный архипелаг» Кукатаса, наряду с «Теорией справедливости» Дж. Ролза, претендует на роль светской «Библии» современного мультикультурализма. Английский политолог в развернутой форме предлагает в ней ответ на один из центральных вопросов европейской интеграционной политики: как политическая система должна реагировать на наличие в одном обществе множества культур; как должно быть организовано их сосуществование, чтобы не допускать конфликтов? Полемизируя со своим знаменитым предшественником – Дж. Ролзом – Кукатас в своем подходе объединяет принципы классического либерализма с парадигмальными константами культур-философской антропологии.

Ключевое понятие теории Кукатаса – толерантность: наилучший способ обращения с различными культурными и другими группами, как составляющими большинство, так и с меньшинствами, это требовать от них, чтобы они оставляли друг друга в покое. Вместо того, чтобы пытаться рассудить по справедливости, в качестве главного регулятивного принципа следует избрать свободу объединения в сочетании со свободой выхода из объединения. Именно последнее является «единственным фундаментальным правом индивидуума, поскольку все остальные права либо вытекают из него, либо даруются индивидууму сообществом» [12, с. 172].

Исходный тезис Кукатаса стал следствием анализа реального социально-политического и этнокультурного положения мигрантов в европейских странах на рубеже XX–XXI веков. К этому времени в них развернулась настоящая борьба за право на отличие, за право быть другим и не испытывать при этом давления (дискриминации) со стороны общества. Для мигрантов противоречивость ситуации состояла в том, что, с одной стороны, инструментально, для процветания в стране им требовалось влиться как можно полнее и быстрее в новую культуру. С другой стороны, деконструкция старой идентичности мигрантов, помимо социальных факторов, ограничивалась и тем, что для достижения определенного психологического комфорта им необходимо сохранять что-то из своей родной культуры. Своеобразным компромиссом между требованием единых идентичности и системы ценностей (как основ для сохранения государства) и требованием права на отличие и стал мультикультурализм как одна из форм демократического противодействия опасной тенденции роста нетерпимости к мигрантам.

Поиск новых форм взаимодействия начали страны, которые называются «иммигрантскими», но в которых теория «плавильного котла» не сработали ни в отношении мигрантов, ни в отношении аборигенного, этнически или расово отличающегося населения. Необходимость интеграции именно этой части населения, представители которой, в силу существующих в либерализме идей о справедливости, должны бы ощущать себя равноправными гражданами страны, потребовала перехода к политике «признания различий» или мультикультурализма. В отличие от ставки на ассимиляцию, мультикультурализм исходит из возможности, и даже полезности, параллельного существования этнических общин, представляющих различные культуры. Задача общественных

институтов состоит в том, чтобы максимально облегчить возможность такого существования, создав для этого благоприятные материальные и правовые условия.

Однако, как справедливо отмечает Кукатас, ассимиляцию трудно навязать силой, но ее не просто и избежать. «В любом обществе, где существует достаточная степень свободы, люди будут общаться и подражать друг другу, тенденцию к единообразию искоренить также трудно, как и стремление некоторых людей идти по жизни своим, особым путем. По соображениям целесообразности или здравого смысла новоприбывшие и меньшинства в любом обществе будут стараться следовать преобладающим нормам, поскольку это облегчает жизнь, делает ее приятнее и сокращает издержки» [12, с. 224]. В качестве вариантов реакции на проблему культурного многообразия в противовес изоляционизму, ассимиляторству и апартеиду Кукатас выделяет две модели мультикультурализма: «жесткий» и «мягкий». «Мягкая» модель отличается тем, что степень ассимиляции определяется желанием и способностью каждого отдельного индивида разделять или не разделять образ жизни большинства, при этом принимающая сторона спокойно относится к тому, что меньшинства остаются неинтегрированными. «Одна из характеристик мягкой мультикультуралистской политики заключается в том, что в ее рамках возможна ассимиляция людей не столько потому, что они сами этого хотят, сколько потому, что у них нет особого выбора. В результате представители культурных меньшинств в обществе либо неспособны поддерживать свою особую идентичность потому, что это связано с чрезмерными издержками, либо не могут полностью участвовать в жизни общества из-за своих культурных представлений и традиций [12, с. 313]. «Жесткий» мультикультуралистский подход заключается в том, что общество должно принимать активные меры для обеспечения таким людям не только полноценного участия в жизни общества, но и максимальных возможностей для сохранения особой идентичности и традиций. К разнообразию следует не просто относиться толерантно – его нужно укреплять, поощрять и поддерживать, как финансовыми средствами (при необходимости), так и путем предоставления культурным меньшинствам особых прав [12, с. 315].

Кукатас считает, что обе модели уходят корнями в либеральную политическую теорию: жесткий мультикультурализм отражает идеи современного либерализма, а мягкий – классического. Являясь сторонником мягкой модели мультикультурализма, Кукатас выделяет его основной принцип: толерантное отношение к укладу и особенностям жизни меньшинств, даже если этот образ жизни не одобряется большей частью общества. «Присутствие иных культур и традиций воспринимается толерантно, даже если эти традиции не согласуются с либерализмом и либеральными ценностями. Мультикультурное общество, построенное по принципам классического либерализма, может содержать и ряд нелиберальных составляющих. Тем не менее, оно не будет пытаться ни изгнать, ни ассимилировать эти элементы – оно просто будет относиться к ним терпимо» [12, с. 316]. В соответствии с этой либеральной доктриной, при наличии разногласий и противоречий возможен один путь – к мирному сосуществованию. Признавая классический либеральный мультикультурализм последовательной теорией, автор, тем не менее признает, что эта концепция представляет собой стандарт, которому не может соответствовать ни один реально существующий режим. [13, с. 82–85]

Литература и источники

1. Послание к белорусскому народу и Национальному Собранию. Официальный сайт Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] – режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301. – Дата доступа: 01.02.2016.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.(проект). Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс] – режим доступа: www.economy.gov.by. – Дата доступа: 01.02.2016.
3. Соловьев, А. И. Политология: политическая теория, политические технологии / А. И. Соловьев. – М., 2000.
4. Симонов, К. В. Политологический прогноз: уч. пос. / К. В. Симонов. – М., 2002.
5. Ачкасов, В. А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? / В. А. Ачкасов // Полис. – 2015. – №1.
6. Ватиль, В. Н. Авторитаризм развития как способ структурной адаптации к процессам глобализации / В. Н. Ватиль // Белорусская политология: многообразие в единстве-II: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., 25–26 мая 2006 г. Гродно / Под ред. д-ра полит. наук, проф. В. Н. Ватилья. – Гродно, 2006. – С. 46–48

7. Позняков, В. В. Мультикультура в странах Евросоюза: опыт и уроки для Беларуси / В. В. Позняков // Республика Беларусь – Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства / А. А. Коваленя [и др.]; под ред. Л. Ф. Евменова; Нац. Акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск, 2013. – С. 414–457.
8. Водопьянова, Е. В. Европейская культура: XXI век / Е. В. Водопьянова; под ред. Е. В. Водопьяновой. – М.; СПб., 2013.
9. Ватьль, В. Н. Мультикультурализм как интегративная форма либеральной идеологии / В. Н. Ватьль // Весн. Брэсц. Ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – №2 / 2013.
10. Малинова, О. Ю. Символическая политика: Сб. научн. тр. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / О. Ю. Малинова; отв. ред.: О. Ю. Малинова. – М., 2013.
11. Малинова, О. Ю. Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / О. Ю. Малинова; под ред. О. Ю. Малиновой. – М., 2013.
12. Кукатас, Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы / Чандрэн Кутакас. – М., 2011.
13. Ватьль, В. Н. Мультикультурализм как идейно-символический дискурс европейской интеграционной политики // Современные интеграционные процессы и Республика Беларусь: европейский и евразийский контекст. Белорусская политология: многообразие в единстве: мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф., 15–16 мая 2014 г., г. Гродно. В 2ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: В. Н. Ватьль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2014. – С. 82–85.

DINAMICA INTEGRARII EUROPENE: CERCETARI SOCIO-ECONOMICE

Daniela Baleanu, Marina Badileanu

Tendința corporațiilor de a acționa în interesul managerilor sau al acționarilor, în special al celor majoritari, și în dezavantajul celorlalte părți implicate, precum și în detrimentul intereselor sociale și ecologice, a condus la apariția conceptului guvernantei corporatiste.

Apariția conceptului de guvernanta corporatistă își are începutul în anii de după Criza din 1929 de pe Wall Street, în care, cercetători precum Augustus Adolf Berle, Edwin Dodd și Gardiner C. Means, au fost considerați „vinovați” de schimbarea modului de a privi „rolul companiilor moderne în societate”. În 1937, fondatorul economiei costurilor de tranzacție Ronald Coase a introdus conceptul de guvernanta corporativă explicând care este rațiunea existenței firmei, cum funcționează aceasta și cum sunt integrate activitățile în cadrul firmei prin „costul utilizării sistemului de prețuri”. Mai târziu, la începutul anilor 60, H. G. Manne, Means și Berle, Jensen și Meckling, aduc importante contribuții la înțelegerea sistemului guvernantei corporatiste.

În Uniunea Europeană (UE), la sfârșitul lui 1997, în urma falimentelor unor companii britanice cotate la bursă, s-a impus adoptarea unor Coduri de guvernanta cu caracter opțional, iar majoritatea firmelor, din nevoia reformării manageriale, le-au acceptat. În România, conceptul a apărut și s-a dezvoltat la începutul anilor 2000.

Organizația pentru Cooperare și Dezvoltare Economică (OCDE) definește guvernanta corporatistă ca un „sistem prin care companiile sunt conduse și controlate”, identificând două laturi importante ale conceptului: o latură comportamentală, în care se analizează modul cum interacționează părțile interesate în cadrul strategiei firmei, și o altă latură, normativă, care se referă la legi și reglementări ce susțin relațiile din cea comportamentală.

În accepțiunea Băncii Mondiale, guvernanta corporatistă este „un set de legi, norme, regulamente și coduri de conduită adoptate în mod voluntar, care permit unei firme să atragă resursele umane și materiale necesare activității sale și-i oferă, totodată, posibilitatea de a desfășura o activitate eficientă, care să genereze plusvaloare pe termen lung pentru acționari, grupuri de interes și pentru societate în ansamblu”.

Componentele guvernantei corporatiste sunt: responsabilitatea, integritatea, deschiderea, competența, auditul intern, transparența auditului intern și a celui extern, evaluarea riscului și controlul.

Codurile de guvernanta corporatistă sunt documente ce propun principii de management elaborate de mai multe instituții, cele mai cunoscute fiind CalPERS (California Public Employees Retirement System) și OCDE (Organizația de Cooperare și Dezvoltare Economică). « Principiile OCDE » este singurul cod acceptat pe plan mondial și adoptat de Banca Mondială, recunoscut și aprobat de către Forumul de Stabilitate Financiară.

Principiile OCDE se referă la: asigurarea bazei pentru un cadru efectiv de guvernanta corporatistă; respectarea drepturilor acționarilor și protejarea acestora; asigurarea tratamentului echitabil al tuturor acționarilor, inclusiv al celor minoritari și străini; respectarea rolului și drepturilor grupurilor de interes (stakeholders); asigurarea transparenței informațiilor și diseminarea lor promptă; definirea clară a responsabilităților Consiliului de Administrație. Principiile au o formulare generală, ele trebuind adaptate de la

o țară la alta, în funcție de specificul, nevoile și cultura fiecăreia. Principiile nu au un caracter obligatoriu.

În urma discuțiilor pentru îmbunătățirea guvernancei corporațiilor în Europa de Sud-Est avute la București, Turcia, Zagreb și Sarajevo în perioada septembrie 2001 – martie 2003, având la bază principiile OCDE, în anul 2003, a fost publicat Pactul de Stabilitate pentru Europa de Sud – Est – Cartea Albă a administrării corporațiilor în Sud – Estul Europei.

Responsabilitatea socială corporatistă (RSC) este componentă a guvernancei corporatiste, fiind privită atât din perspectiva economică, cât și din cea a filozofiei morale.

RSC este liantul dintre mediul de afaceri, comunitate și stat. Acceptată global, este un obiectiv important în strategia de dezvoltare a unei companii, beneficiind de standarde internaționale stabilite de ONU, linii de conduită elaborate de OCDE și convenții ale Organizației Internaționale a Muncii. UE, prin obiectivele propuse în cadrul Strategiei Lisabona (2000), acordă o atenție deosebită dezvoltării și implementării conceptului. Forumul European pe Probleme de Responsabilitate Socială Corporatistă în Europa definește RSC drept „un concept prin care companiile integrează, în mod voluntar, aspectele de ordin social și ecologic în operațiunile lor de afaceri și în interacțiunile cu grupurile de interes”.

H. R. Bowen a introdus, în 1953, termenul de Social Responsibilities of the Businessman în care apare pentru prima dată conceptul Corporate Social Responsivness (CSR), ca fiind o “serie de obligații ce conduc la politici, decizii și linii de conduită compatibile cu obiectivele și valorile societății. « În urma evoluției RSC, se identifică apariția noțiunii de responsabilitate socială și este definită prin « capacitatea unei firme de a răspunde la presiunile sociale ». De asemenea, responsabilitatea socială « poate fi definită de acțiunile unei întreprinderi în privința promovării unor interese sociale înaintea unor elemente de interes strict economic și în afara solicitărilor legislative » (McWilliams, Siegel, 2000).

În viziunea lui William C. Frederick (1960), responsabilitatea socială înseamnă « utilizarea factorilor de producție ai economiei în așa fel încât producția și distribuția să crească bunăstarea socio-economică ».

Începând cu anii 70, în întreaga lume, tot mai multe companii și organizații de toate tipurile au pus în centrul preocupărilor sale ideea că, pentru o creștere a performanței unei companii, nu este de ajuns a se da atenție numai responsabilității sociale în sectorul afacerilor, ci, trebuie avut în vedere totodată, gradul de dezvoltare a comunității în care compania activează și nu în ultimul rând impactul activității firmei asupra mediului înconjurător.

M. Friedman ([1970]2007) publică în The New York Times, un articol cu titlul: „Responsabilitatea socială a unei afaceri este să-și crească profitul”. Opinia autorului este că „mediul de afaceri” poate avea responsabilități, ci doar oamenii. Managerul este un angajat cu responsabilități față de proprietari. În momentul în care managerul implică compania în programe sociale, atunci el nu acționează în interesul agajatorului, ci nu face decât să cheltuiască banii acționarilor, adică le micșorează profiturile. Proprietarii, acționarii, angajații pot participa la programe sociale pe banii lor oricând doresc. Ideile lui Friedman se bazează pe „teoria clasică a agenției în definirea corporației”.

Borțun (2010) regăsește ideea lui Friedman și la Henderson (2001) unde « RSC nu este decât o doctrină subversivă la adresa pieței libere, care promovează un fel de salvaționism global ».

T. Donaldson (1983) consideră „responsabilitatea socială drept o obligație pe care companiile o au față de societate”. Compania ocupă un rol central în societate prin folosirea resurselor naturale și umane, pentru a-și realiza obiectivele și a ocupa o poziție bună pe piață. Prin urmare, societatea își poate exprima dreptul de a “monitoriza” felul în care sunt folosite aceste resurse.

P. Drucker (1984) a fost primul care a văzut mai departe decât simpla incompatibilitate dintre profit și responsabilitate socială. Până la acest moment responsabilitatea socială era trecută la capitolul costuri, fără a fi privită ca sursă de venituri. El a sugerat că oportunitățile sociale ar putea fi transformate în oportunități de afaceri, propunând „transformarea unei probleme sociale în oportunitate economică și beneficiile economice în capacitate de producție, în competență umană, în locuri de muncă bine plătite și în bogăție”.

Kotler și Lee (2005) iau în considerare responsabilitatea socială corporatistă ca fiind “un angajament corporativ pentru a îmbunătăți bunăstarea comunității prin practici de afaceri discreționare și de alocare a resurselor corporatiste”.

Ținând seama de definiția grupurilor de interes dată de Freeman (1984) ca fiind „orice grup sau individ care poate afecta sau este afectat în realizarea obiectivelor companiei”, Reynolds, Schultz și Hekman (2006) includ conceptul responsabilității sociale corporatiste în “teoria generală a grupurilor de interes”.

O altă definiție a RSC, publicată de Comisia Comunității Europene într-un comunicat din octombrie 2011, este următoarea: „un concept prin intermediul căruia o companie integrează în mod voluntar preocupările față de problemele sociale, de mediu, în operațiunile de afaceri, în strânsă colaborare cu stakeholder-ii și cu

obiectivul de a maximiza profitul pentru acționari și societate în ansamblu, precum și pentru a identifica, preveni și rezolva posibilele consecințe negative pe care acestea le-ar putea avea”.

Dahlsrud (2006) pornește de la ideea modelului prezentat de Carroll (1979, 1999) și identifică cinci dimensiuni ale responsabilității sociale corporatiste: *ecologică, socială, economică, a stakeholder-ilor și cea voluntară*.

Pentru a veni în sprijinul companiilor în implementarea RSC, Uniunea Europeană privește relația dintre companii și comunitate sub aspectul a doua dimensiuni: internă și externă.

Comisia Europeană (2001) se referă la dimensiunea internă din punct de vedere al managementului resurselor umane, urmărind “adoptarea de practici responsabile în relația cu angajații, aspecte legate de « investițiile în capitalul uman, la siguranța în timpul activității », precum și “utilizarea unor bune practici de mediu, la gestionarea responsabilă a resurselor naturale utilizate în producție”.

Dimensiunea externă a responsabilității sociale corporatiste, vizează în plus față de acționari și angajați, « o gamă largă de părți interesate, parteneri de afaceri – furnizori, consumatori, creditori, autorități publice – și ONG-uri care reprezintă comunitățile locale și de mediu”. De asemenea, dimensiunea externă cuprinde aspecte legate de drepturile omului, în special pentru operațiunile internaționale și lanțurile de aprovizionare la nivel mondial. Uniunea Europeană are obligația aplicării unor politici coerente pentru asigurarea standardelor de muncă, a protecției mediului și a drepturilor omului, a unor politici comerciale și de dezvoltare a sectorului privat prin promovarea investițiilor europene. Obiectivele globale de mediu, privite ca dimensiune externă a responsabilității sociale, se referă la efectul transfrontalier pe care marile companii îl au asupra mediului prin consumul de resurse din întreaga lume. Prin urmare, prin practici de responsabilitate socială, se are în vedere încurajarea « performanței de mediu de-a lungul lanțului de aprovizionare în cadrul abordării politicii produsului integrat ».

Bibliografie

1. Berle, A. A., Means G. C. The modern corporation and private property / A. A. Berle, G. C. Means. –New York, 1968
2. Borțun, D. Responsabilitatea socială corporativă [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ro.scribd.com>. – Date of acces: 25.07.2015.
3. Bowen, H. R. Social Responsibilities of the Businessman / H. R. Bowen. – New York, 1953.
4. Carroll, A. B. A Three-Dimensional Conceptual Model of Corporate Performance / A. B. Carroll // The Academy of Management Review. – New York, USA, 1979. – Vol. 4. – No. 4.
5. Carroll, A. B. Corporate Social Performance as a Bottom Line for Consumers / A. B. Carroll // Business and Society. – 1999.
6. Coase, R. H. The nature of the firm / R. H. Coase // Economica. – Londra, 1937. – Vol. 4. – nr. 16.
7. Cosneanu, M. S. Sistemul guvernantei corporatiste în România- prezent și perspective, Teză de doctorat, Academia Română, INCE. – București, 2014.
8. Dahlsrud, A., (2006), How Corporate Social Responsibility is Defined: an Analysis of 37 Definitions, Corporate Social Responsibility and Environmental Management [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.interscience.wiley.com>. – Date of acces: 25.07.2015.
9. Donaldson, T. Constructing a social contract for business // T. Donaldson and Werhane Ph (eds) // Ethical Issues in Business. – Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1983.
10. Drucker, P. The new meaning of corporate social responsibility / P. Drucker // California Management Review. – 1984. – № 26(2). – P. 53–63.
11. Frederick, W. C. The Growing Concern Over Business Responsibility / W. C. Frederick // California Management Review. – 1960. – Summer 60. – Vol. 2. – Issue 4.
12. Friedman, M. The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits / M. Friedman // Corporate Ethics and Corporate Governance / W. Zimmerli, K. Richter și M. Holzinger (eds.). – Berlin, 2007.
13. Freeman, R. E., (1984), Strategic Management: A Stakeholder Approach / R. E. Freeman. – Boston, MA.
14. Henderson, D. Misguided Virtue: False Notions of Corporate Social Responsibility / D. Henderson // Zealand Business Roundtable. – Wellington: New Zealand Business, 2001.
15. Jensen, M. C., Meckling W. Theory of the firm: managerial behaviour, agency costs and ownership structure / M. C. Jensen, W. Meckling // Journal of Financial Economics. – 1979. – October. – No. 3.
16. Kotler Ph., Lee, Nancy. Corporate Social Responsibility: Doing the Most Good for Your Company and Your Cause, Best practices from Hewlett-Packard, Ben & Jerry’s, and other leading companies, John Wiley & Sons, Inc. / Ph. Kotler, Lee, Nancy. – New Jersey, USA, 2005.
17. Manne, H. G. Mergers and the market for corporate control / H. G. Manne // Journal of Political Economy. – Chicago, 1965. – April. – Vol. 73. – No. 2.

18. McWilliams, A., Siegel D., Corporate social responsibility and financial performance: correlation or misspecification? // *Strategic Manage.* – 2000J. – 21(5). – P. 603–609.
19. Reynolds, S. J., Schultz F. C., și Hekman D. R. Stakeholder Theory and Managerial Decision-Making: Constraints and Implications of Balancing Stakeholder Interest // *Journal of Business Ethics.* – 2006. – Vol. 64. – nr.3.
20. Analiza: Comisia Europeana a publica o noua Comunicare referitoare la CSR [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.responsabilitatesociala.ro/stiri-csr>. – Date of acces: 01.12.2015.
21. Principles of Corporate Governance / OECD/ – Paris: OECD Council., 1998.
22. The Business Environment and Corporate Governance [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.worldbank.org>. – Date of acces: 25.07.2015.
23. Promoting a European framework for corporate social responsibility // *Industrial relations and industrial change / Euk. Commission* [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.corporatejustice.org /IMG/pdf/greenpaper_en.pdf. – Date of acces: 25.07.2015.

APPLIED ASPECTS OF RESOLVING THE GEOPOLITICAL CONFLICTS

Victor Juc

The disintegration of the Soviet Union resulted in the emergence not only with new, independent states, but also with conflicts, later called “frozen” because of the perpetuation and lack of sustainable solutions and commitments. These conflicts are different by nature and size, but that their origin is clearly a political one, but being based on different aspects – linguistic, ethnic, confessional, social and economic. The conflicts have been caused, fueled and supported by union center, and after disappearance of the Soviet Union received different dose of internationalization. Lack of viable solutions and assumed by all participants in their regulation processes transformed the post-Soviet space in a region of insecurity and instability, with although adverse effects that they may cause.

In general, in the history of the state of Moldova is often attested the rule of foreign policy issues on domestic policy issues, given that prove to be very few problems whose rule was possible independent from the international circumstances: placing the foreign policy issues in the top of hierarchy priorities, especially regarding the placing of the country, the natural order of things upside down and caused a particularity of its historical evolution. Certainly, the Republic of Moldova can not become a state is truly viably as long as there exist the transnistrian conflict, the reintegration opportunities assuming the favorable international circumstances, but that be framed in a boarder context, accompanied and reinforced by the efforts and specific sections from national character.

Propose applying the concept of cooperative security, which involves the exercise of soft policy, and cooperation between leader consensualitate world powers, using peaceful means to reduce conflict and active engagement in the negotiations for seeking mutually acceptable solutions, aiming to establish and maintaining dialogue between the parties, even if periodically interrupted, openness, transparency and predictability. Namely the concept of cooperative security is a formula for future international security, being able to respond effectively to contemporary challenges by promoting partnership and trust between leaders and denied to powers and violence.

Bibliography

1. Juc, Victor. Oportunități și alternative de consolidare a securității naționale a Republicii Moldova. În: *Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice / Victor Juc.* – 2010, nr.3. – P. 11–19.
2. Козер, Л. Завершение конфликта / Л. Козер // *Социальный конфликт: современные исследования. Реферативный сборник.* – Москва, 1991. – С. 78–93.

ПОПЫТКИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЯ ВОЗМОЖНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И ТЕОРИИ ПРАВА

А. Б. Демидов

В организации современных обществ решающую роль играют государства и устанавливаемые ими правовые нормы. Эти социальные институты могут выполнять свою регулирующую роль безотносительно к тому, знают ли члены общества, что такое право. Знание о праве в качестве отчётливо сформулированного научного понятия не представляется проблематичным с точки зрения прикладного правоведения. Поэтому в какой-то мере правы те правоведы, кто полагает, что нет нужды в строгом определении общего понятия права, и что те, кто настаивает на необходимости такого определения, занимаются бесплодной схоластикой. Однако в теоретическом правоведении уже давно назрела и требует разрешения задача общего определения понятия права. Скорее, эта задача относится к компетенции философии права, которая призвана заниматься отладкой понятийного аппарата и «исправлением имён».

То, что разные исследователи обозначают в своих дефинициях словом «право», характеризуется тем или иным основным предикатом. Например, для одних право – это система норм/правил поведения (Алексеев С. С., Байтин М. И., Гусейнов А. И., Дубовицкий В. Н., Залеский В. Ф., Раянов Ф. М., Фридман Л. и др.). Для других право – это свобода (Гоббс Т., Чичерин Б. Н., Нерсесянц В. С. и др.). Для третьих право – это материализация государственной воли (Расолов М. М.). Для четвёртых право – это защищенные государством интересы (Иеринг Р.). В данном сообщении предметом рассмотрения являются попытки определить право посредством понятия возможности. С такой трактовкой выступал, в частности, Н. М. Коркунов, известный русский учёный-юрист, философ права.

Некоторые современные исследователи полагают, что понятие возможности призвано играть какую-то весьма значимую роль в правовом мышлении. Так, авторы одной статьи отмечают, что «посредством категории “возможность” определяются понятия “правоспособность”, “субъективное право”, “правомочие”, “притязание” и ряд других» [1, с. 181].

Вместе с тем, отмечается и недостаточная определённости термина «возможность», неудовлетворённость тем, что «уровень научной разработки данной категории далеко не соответствует её подлинной роли и статусу в правоведении. ... До сих пор не сложилось сколько-нибудь определённого и общепризнанного научного понимания категории “возможность в праве”» [2, с. 300]. И ещё одна подобная констатация: «Категория “возможность в праве” в правовой литературе пока не разработана. Нет её развёрнутых определений, она не обрела еще четких контуров» [3, с. 125].

В современных обсуждениях понятия «возможности в праве» нередко ссылаются на работы Д. А. Керимова и Н. И. Матузова. Д. А. Керимов применил понятие возможности для объяснения генезиса правовых норм. Он сформулировал тезис о том, что правовая возможность как предпосылка действительного права является продуктом развивающейся социальной действительности. Назначение этого тезиса, видимо, заключается в том, что он противостоит упомянутому автором воззрению, будто право – выражение «должного» [4, с. 348]. Тем самым здесь отвергается идеалистическая трактовка происхождения норм права.

Н. И. Матузов обращается к понятию возможности в связи с исследованием проблемы неоднозначности термина «права», омонимии и целого ряда дуализмов в его употреблении. В фокусе его внимания находится понятие «субъективное право», характеризующееся как одна из центральных узловых категорий в юридической науке [5, с. 26]. Определяя это понятие, автор, как и многие другие, опирается на понятие «возможность». Он сформулировал несколько дефиниций субъективного права, одна из них гласит: «Субъективное право – это гарантированная государством мера возможного (дозволенного, допустимого, разрешенного) поведения личности...» [5, с. 263] Таким образом, понятие возможности здесь используется как атрибутивная характеристика права в субъективном смысле, которое рассматривается как одна из двух сторон права «в целом».

Итак, понятие возможности является востребованным в теории и философии права. На первый взгляд, представляются уместными попытки уяснения понятия возможности с помощью работ философов прошлого и современности (Аристотель, Лейбниц, Гегель, Энгельс и др.). Но при ближайшем рассмотрении известные философские трактовки понятия возможности оказываются неприменимыми непосредственно к целям и задачам теории права.

Понятию возможности отведено немало места в «Метафизике» и «Физике» Аристотеля. Он ввёл различие понятий сущего в возможности и сущего в действительности, чтобы объяснить, как возможно движение и изменение. Сообразно своей задаче он и определил понятие возможности: «Способностью, или возможностью (*dynamis*), называется начало движения или изменения вещи...» [6, с. 162].

Николай Кузанский в противовес последователям Аристотеля, а также платоникам и стоикам, которые отождествляли возможность с материей, обуславливал наличие возможностей существованием Бога. Само бытие материи, по представлениям Кузанца, обусловлено бытием Бога, которое характеризуется парадоксальным выражением «возможность-бытие» [7, с. 144–145]. Рассуждая о возможности, Николай Кузанский имел в виду главным образом «мочь», или «можеествование» – творческое могущество Бога.

И. Кант включил понятие возможности в свою таблицу категорий. Они «суть лишь чистые формы применения рассудка», с их помощью «нельзя ни мыслить, ни определить какой бы то ни было объект» [8, с. 141]. Если у античных и средневековых авторов «возможность» некоторым образом соотносится с бытием, то у Канта она не более чем логическая функция рассудка.

Гегель счёл неудовлетворительной «субъективистскую» трактовку Кантом категории «возможность». По Гегелю возможность существенна для действительности, и она «есть лишь внутреннее действительности» [9, с. 318]. Таким образом, у Гегеля «возможность» вновь объективируется.

Весьма своеобразную трактовку понятия возможности предложил М. Хайдеггер. По его словам, возможность – это «исходнейшая и последняя позитивная онтологическая определенность присутствия» [10, с. 144]. Возможность у Хайдеггера связывается не с бытием вообще, а с особым существованием «присутствия» (*Dasein*), которое есть «мы сами».

Среди недавних работ о понятии возможности выделяется своей обширностью труд Михаила Эпштейна «Философия возможного». В нём утверждается, что «в расхождении действительного и возможного и образуется категория смысла», и «вообще реальность, исследуемая гуманитарными науками, сплошь состоит из смыслообразующих возможностей» [11, с. 67–68]. Автор указал на применимость его концепции и к юриспруденции, правда, без дальнейшей конкретизации.

Приведённых примеров достаточно, чтобы сделать вывод, что за словом «возможность» стоят разные значения, меняющиеся в зависимости от философских принципов и исследовательских задач авторов. Поэтому те, кто стремятся к конкретизации понятия возможности в правовой науке, не могут рассчитывать на простое заимствование у философов однозначно общезначимого понятия, какового просто нет. Таким образом, вопрос о содержании понятия возможности в философии и теории права остаётся открытым и требует дальнейшего исследования.

Литература и источники

1. Баранов, В. М. О соотношении действительности и возможности в праве / В. М. Баранов, В. Б. Першин, И. В. Першина // Проблемы философии права. — 2004. — Том II. — С. 181–186.
2. Евлампиева, Т. Б. Концепции категории «возможность в праве» / Т. Б. Евлампиева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2010. — № 2. — С. 300–302.
3. Виссаров, А. В. Преювенность законодательства и категория «возможность в праве» / А. В. Виссаров // Юридическая техника. — 2011. — № 5. — С. 124–129.
4. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. — М., 1972.
5. Матузов, Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. — Саратов, 2004.
6. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 1 / Аристотель; ред. В. Ф. Асмус. — М., 1976.
7. Николай Кузанский. Сочинения: в 2 т. / Николай Кузанский. — М., 1979–1980. — Т. 2. — 1980.
8. Кант, И. Сочинения: в 8-ми т. / И. Кант. — М., 1994. — Т. 3: Критика чистого разума.
9. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1974. — Т. 1: Наука логики.
10. Хайдеггер, М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер. — М., 1997.
11. Эпштейн, М. Философия возможного / Михаил Эпштейн. — СПб., 2001.

ЮРИДИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ В ЭПОХУ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ ПРАВА

Е. В. Перепелица

Настоящее время характеризуется вытеснением христианских начал из различных сфер жизни общества. Право не является здесь каким-то большим или малым исключением. Подчас оно может способствовать легитимации самых разных мировоззренческих убеждений и ценностей, автономных по отношению к духовно-нравственным нормам. Секуляризация – далеко не новое явление. «Ни один из трех процессов секуляризации права в странах Запада – римского классического периода, Нового времени, Просвещения – не предполагал отвержения религии как таковой, а состоял в пересмотре ее места в публичной жизни, в частности, в правовой системе» [1, с. 24]. Специфика нынешнего этапа секуляризации видится в том, что она осуществляется под видом демократизации и при помощи демократических процедур, гарантируя признание и равную защиту почти любых ценностей.

Было бы необоснованным считать, что секуляризация затрагивает право лишь тех стран, в которых легализованы однополые браки, однополым парам разрешено усыновлять детей, расширяется перечень прав представителей сексуальных меньшинств и что она не затрагивает те страны, где данные явления не получили законодательного закрепления.

Современная юридическая методология не располагает инструментарием, достаточным для идентификации правовых явлений, ценностных установок, архетипов и идей, которые входят в противоречие с традиционными устоями общества. Правовые системы светских государств и государств, имеющих глубокие христианские традиции, являются открытыми, слабо защищенными и легко уязвимыми в плане трансляции и включения в них различных ценностных влияний и представлений. Говоря в этой связи об отечественном юридическом образовании, следует отметить его постепенную переориентацию, связанную с преодолением так называемых устаревших гендерных стереотипов и воплощением новых – основанных на идеях феминизма и женской эмансипации. Серьезная опасность и разрушающее воздействие подобных идей для таких конституционных ценностей, как семья, отцовство, материнство, детство пока остается неочевидным и малорефлексируемым в юридической теории.

Интеллектуальные традиции современной юриспруденции формируются не в изоляции от общего контекста развития гуманитарного знания. Как и другие науки, право нуждается в расширении своего познавательного инструментария: «мы слишком долго детерминировали право экономическими решениями. Разумеется, от этого невозможно отказаться. Но эффективность правовой системы зависит от обретения ею целостности прежде всего с духовным измерением жизни» [2, с. 268]. Характерными чертами общенаучного развития являются взаимопроникновение курсов, межнаучные интеграционные процессы. Правоведение модернизируется и обретает актуальные точки роста, отходя от парадигмы классической рациональности и вступая в диалог с другими научными дисциплинами. «Как показывает история науки, многие истины со временем подвергаются уточнению и опровергаются. Возникают новые направления научной мысли и целые дисциплины, открывающие перед нами не известные ранее явления, объекты и закономерности» [3, с. 35]. В числе современных подходов и методов познания, получающих распространение в юридической науке, назовем феноменологический, антропологический, когнитивный, аксиологический. Они способствуют преодолению известной методологической одномерности правопознания и изменению эпистемологической ситуации в праве – «все науки временами испытывают критические ситуации, когда необходимо пересматривать существующие гипотезы или теории в соответствии с новыми фактами, идеями» [3, с. 42]. Но существует некоторое противоречие. Беря на вооружение новые подходы, право в некоторых случаях использует их для познания уже познанного. Таким примером может послужить ценностный подход. Он призван инвестировать содержательно новое – аксиологическое – видение и измерение оснований права [4, с. 35] и процесса правообразования [5]. Данный подход приносит немало полезного для развития интеллектуальной юридической культуры. Однако наряду с этим он способствует, с одной стороны, искусственной аксиологизации конституционных принципов и привычных правовых институтов и явлений, а с другой стороны, обходит вниманием истинные ценностные эрозии и реальные ценностные девальвации юридической действительности. И тогда мы, по слову А. Фергюсона, «скользим по поверхности, гоняемся за тенью, не замечая главного» [6, с. 21].

В правовой аксиологии, как сравнительно обособленном теоретическом направлении, по слову Н. Неновски, «тесно связанном с философско-правовым направлением и представляющим собой его часть» [7, с. 4], получают подробное рассмотрение правовые ценности и их социокультурная природа. Но важно отметить, что эти явления анализируются преимущественно с помощью познавательных средств, взятых и позаимствованных из прежней рационалистической парадигмы. «Научная рациональность продуктивна там, где изучаются факты, предметы, материальные объекты, но на практически ничего не дает, когда речь идет о постижении норм, ценностей, идеальных объектов» [8, с. 38].

Аксиология способствует выходу на качественно новый уровень осмысления сущности, природы и оснований права [9, с. 4]. Но право мало эволюционирует в аксиологическом плане, если аксиология используется для его секуляризации, обоснования ее доказательных критериев и конструирования такой юридической реальности, в которую легко реципируются онтологически разные ценности. В таком случае мы имеем дело с обратным воздействием аксиологии и основанных на ней подходов на само право.

Можно сделать вывод о перегруженности современного права такими ценностями как гуманизм, равенство, свобода, справедливость, права человека, неприкосновенность личности, законность и т. д. Эти общезначимые и универсальные понятия, пристально изучающиеся юридической аксиологией, отличаются своей содержательной и смысловой размытостью и эластичностью. С одинаковой степенью успешности и эффективности этот набор понятий сегодня используется для наполнения права самыми разнообразными ценностями. В таком контексте новые идеи и убеждения, облеченные в привлекательную оболочку плюрализма и демократизации, оказываются некритически воспринятыми и воплощенными в правовой реальности, тогда как христианские – низверженными и смещаемыми на ее периферию. Создается новая, перевернутая и искаженная иерархия ценностей, в которой защищать христианские убеждения и даже ставить вопрос об их защите принято считать нетолерантным и недемократичным. Но даже в эпоху секуляризации права «многие политические сообщества на конституционном уровне декларируют религиозные ценности или традиции как часть своей идентичности в условиях недопустимости навязывания принадлежности к какой-либо конкретной религии» [1, с. 26].

Сегодня вопрос об этической составляющей правового регулирования и защите христианских ценностей выдвигается для интеллектуальной правовой культуры в число критически важных. Требуется поиск и обоснование познавательных средств юридической науки, которые облегчали бы решение этого непростого в теоретическом и практическом плане вопроса. Это инновационное научное направление, нуждающееся в развитии. Аксиология, занимающаяся поиском аргументов для освобождения юридической действительности от христианских ценностей, имеет эффект, противоположный предполагаемому. Она призвана в том числе восстанавливать связь права с его христианскими корнями и источниками и способствовать защите и утверждению в правовой действительности христианских ценностей.

Литература и источники

1. Доминго, Р. Право на религиозную и нравственную свободу / Р. Доминго // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 3. – С. 11–29.
2. Синюков, В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М., 2014.
3. Баландин, Р. К. Солигорск и наша планета / Р. К. Баландин. – Минск, 1975.
4. Ветюнцев, Ю. Ю. Аксиология правовой формы: монография / Ю.Ю. Ветюнцев. – М., 2013.
5. Мурашко, Л. О. Аксиологическое измерение процесса правообразования: история и современность / Л. О. Мурашко: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 2015.
6. Фергюсон, А. Опыт построения гражданского общества / А. Фергюсон. – М., 2000.
7. Неновски, Н. Право и ценности / Н. Неновски; пер. с болг. – М., 1987.
8. Денисенко, В. В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию: монография / В. В. Денисенко. – М., 2014.
9. Бабенко, А. И. Правовые ценности и освоение их личностью / А. И. Бабенко: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 2002.

РЕФЛЕКСИВНАЯ МОДЕЛЬ АРГУМЕНТИРОВАНИЯ В СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ

А. Н. Шуман

Судебный процесс можно моделировать с помощью теории игр. При этом главные действующие лица судебного процесса (судья, обвинитель, защитник, обвиняемый, свидетель) будут игроками, а их стратегии доказывания и аргументирования – игровыми стратегиями. Главная проблема при таком моделировании определить, насколько приемлема классическая теория игр в теоретико-игровой формализации судебного процесса.

В классической теории игр поведение человека понимается как взаимодействие лиц, принимающих решение для собственных выигрышей. Предполагается, что каждый игрок преследует определенную цель, названную выплатой, и предпринимает меры сознательно достигнуть эту цель. Для данной цели каждый игрок принимает во внимание знание или математические ожидания других лиц, принимающих решение, потому что выплаты различных игроков могут вступать в конфликт. Так, основным элементом теории игр является игрок, который может интерпретироваться как человек или как группа людей. Игрок – все, кто оказывает эффект на выплаты других. Заметим, что мы можем предположить, что игрок участвует в символическом взаимодействии с другими, и затем его поведение может быть оценено в рамках рефлексивной игры бесконечного уровня.

Если мы используем *рефлексивные игры* [2] [3] [4] [5] [6] [7] [8] [9] [10], мы можем обратиться к иным теоретико-игровым допущениям (для деталей, см.: [8] [9] [10]):

(i) Каждая *игра* может быть *бесконечной*, потому что ее правила могут измениться.

(ii) У игроков могут быть *разные уровни рефлексии*: один игрок может знать все о другом, но второй может знать только ложные объявления первого.

(iii) У некоторых утилит могут быть *символические значения*. Эти значения – результаты принятия символических значений некоторыми игроками. Более высокая символика выплат, более высокий уровень рефлексии соответствующих игроков. На нулевом уровне рефлексии у выплат нет символических значений вообще. Для согласия игроки ищут совместные символические значения.

(iv) Точки сопротивления для игроков выполняются к выплатам нулевого уровня рефлексии.

(v) *Совместные символические значения могут измениться* в ходе игры, если игрок увеличивает его уровень рефлексии.

(vi) Для любой игры есть *перформативная эффективность*, когда все символические значения одного игрока разделены другими игроками.

В случае этих новых допущений мы можем вычислить некоторые аспекты символических взаимодействий вероятностными инструментами в неархимедовых числах [8] [9]. Для данных допущений не действует теорема о согласии Амана.

Теорема о согласии Аумана [1] фактически говорит, что два агента, действующие рационально (согласно Байесовым формулам) и с общим знанием друг друга, не могут прийти к несогласию. Более точно, если два человека разделяют общие посылки и имеют общее знание текущих распределений вероятности (их следствие для данного случая A – общее знание), то у них должны быть равные распределения вероятности (следствия должны быть одинаковыми). Это одна из самых важных теорем теории игр и эпистемической логики. Например, согласно этому утверждению, каждый рациональный игрок должен вести себя в той же самой манере при тех же самых обстоятельствах. У рациональных игроков всегда есть общее знание, они знают все параметры игры и должны убедиться, что их противники знают, что они знают параметры игры, что они знают, что знают и так далее до бесконечности.

Однако мы знаем, что каждый рациональный агент способен на намеренный обман и особенно в суде. Игры, где возможен обман, называются рефлексивными. Впервые предположения, противоречащие идеям Аумана были сформулированы Владимиром Лефевром в его понятии «рефлексивные игры» в 1965 [4]. Игру называют рефлексивной, если при выборе действия агент должен смоделировать (предсказать) действия его/ее противников, например, он может попытаться управлять ими или обмануть их. Ранний Лефевр сформулировал рефлексивные игры, имеющие много уровней [4] [6]. На нулевом уровне я игнорирую верования противников, на первом уровне,

я принимаю во внимание их верования, на втором уровне, я принимаю во внимание, что они пытаются предсказать мои верования, на третьем уровне, я предвижу их верования, в которых мои верования предсказаны ими, и т. д. Теоретико-игровую математику для идей раннего Лefевра разработали Д. А. Новиков и А. Г. Чхартишвили [2] [3] [7]. Альтернативный подход предложен в работах: [8] [9] [10].

Более поздний Лefевр попытался смоделировать принятие решения в рефлексивных играх посредством булевых функций [5]. Основные неудобства подхода, предложенного поздним Лefевром, состоят в том, что игнорируются рефлексивные уровни, и агенты представлены как автоматы. Однако самооценка в рефлексии является величиной переменной. Уровни рефлексии меняются в зависимости от речевых ситуаций и эмоциональности наших собеседников. Таким образом, моделирование принятия решения в рефлексивных играх посредством булевых функций является слишком спекулятивным и не может помочь в анализе каждодневных ситуаций. В пределах этого подхода мы предполагаем, что реакции и оценки того же самого агента остаются теми же самым навсегда. Однако, это не так. Данный подход может быть полезным только в объяснении некоторых основных характеристик рефлексивного управления [5].

Итак, в теоретико-игровой формализации судебного процесса мы планируем использовать рефлексивные игры.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект «Формальные модели и когнитивные механизмы в праве», договор № Г15Р-025 от 04.05.2015 г.

Литература и источники

1. Aumann, R. J. Agreeing to Disagree / R. J. Aumann // The Annals of Statistics. – 1976. – № 4 (6). – P. 1236–1239.
2. Chkhartishvili, A. G., Novikov D. A. Models of Reflexive Decision-Making / A. G. Chkhartishvili, D. A. Novikov // Systems Science. – 2004. – № 30 (2). – P. 45–59.
3. Chkhartishvili, A. G. Reflexive Games: Transformation of Awareness Structure / A. G. Chkhartishvili // Automation and Remote Control. – 2010. – № 71 (6). – P. 1208–1216.
4. Lefebvre, V. The Structure of Awareness: Toward a Symbolic Language of Human Reflexion / V. Lefebvre. – New York, 1977.
5. Lefebvre, V. A. Algebra of Conscience / V. A. Lefebvre. – D. Reidel, 1982.
6. Lefebvre, V. A. Lectures on Reflexive Game Theory / V. A. Lefebvre. – Los Angeles, 2010.
7. Novikov, D. A., Chkhartishvili, A. G. Stability of Information Equilibrium in Reflexive Games / D. A. Novikov, A. G. Chkhartishvili // Automation and Remote Control. – 2005. – № 66 (3). – P. 441–448.
8. Schumann, A. Reflexive Games and Non-Archimedean Probabilities / A. Schumann // p-Adic Numbers, Ultrametric Analysis and Applications. – 2014. – № 6 (1). – P. 66–79.
9. Schumann, A. Probabilities on streams and reflexive games / A. Schumann // Operations Research and Decisions. – 2014. – № 24 (1). – P. 71–96.
10. Schumann, A. Payoff Cellular Automata and Reflexive Games / A. Schumann // Journal of Cellular Automata. – 2014. – № 9 (4). – P. 287–313.

FENOMENUL DE POLITICĂ AR FI SPECTACOL MEDIA

Victor Moraru

Simplificarea problemelor, tratarea mediatică superficială a complexității reale a situațiilor și fenomenelor abordate are semnificația unei abstrageri din real, a unei neimplicări sau a unei implicări jucate, ce aduce deservicii procesului în sine, societății în ansamblu.

Unul din păcatele capitale ale sferei politico-mediatică este spectacularizarea politicii, susținerea vedetismului politic. Or, politica-spectacol, în realitate, nu poate spori anvergura efortului politic și eficiența acțiunii politice, ci contribuie doar la proliferarea crizei democrației.

În aceste circumstanțe, media ignoră sau tratează simplist-reducționist ori superficial probleme importante ale actualității, ca: securitatea și stabilitatea națională și socială, integritatea statală, lupta pentru democratizarea societății, realitatea din zonele tensionate și de conflict etc. Avem exemplul unor evenimente, de unde media aduce doar imaginea brutală a atentatelor, a conjurațiilor, a militarilor uciși în

ambuscade, ca elemente de spectaculozitate, fără a se produce însă pătrunderea în rădăcina acestor evenimente și procese destul de controversate: conflictele etnice sau religioase, corupția endemică, traficul de droguri, nepotismul, sărăcia, interesele politice divergente, sistemul juridic nefuncțional.

Interpretările și dezbaterile desfășurate în mass-media cu aceste ocazii nu reușesc să depășească condiția superficialității, tratării lipsite de adâncime, propunând analize abstracte, tributare afilierii (deschise ori ascunse) politice. În fond, tot mai des, în scrierile jurnalistice politica apare drept teatru.

Comunicarea politică modernă manifestă o predispoziție evidentă pentru *spectacularizarea politicii*, exploatând, prin urmare, la maximum, resursele dramaturgice ale politicii, în vreme ce adevărurile fruste, din arealul noii configurații strategice a zonelor tensionate, inclusiv zona transnistreană, care se bucură de prea puțin interes din partea unei părți a politicului, sunt, pur și simplu, ignorate sau abordate de o manie ră simplistă.

Analiza mass-media denotă o sporire a volumului informației politice, realizate în așa-zisa noua formă de *infotainment* (derivare de la *information* și *entertainment*), în care informația este prezentată cu o ușoară doză de ironie, relevând, în primul rând, aspectele de fapt divers ale evenimentului.

Nu de puține ori, media din Republica Moldova și din România prezintă un spectacol gratuit, care produce în public ilaritate. Redactorii de la unele televiziuni private, în special, etalează ca acțiuni incriminabile ale politicului elemente care s-ar situa, chipurile, în zona informațiilor clasificate, ce țin de securitate, de siguranța națională, dar, de fapt, sunt lucruri comune, lipsite de importanță. Necunoașterea domeniului se răzbuună, astfel, pe media, afectându-i prestanța.

Este nevoie de mult profesionalism și dăruire în acest domeniu, iar când politica se intersectează cu zonele interesului național și social, al securității, abordarea cu superficialitate a comunicării și acțiunii politice poate fi sinonimă, pentru politicieni, cu sinuciderea politică, iar pentru jurnaliști, cu pierderea treptată a credibilității.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ЗНАНИЯ О ПРОШЛОМ В КОНСТРУИРОВАНИИ БУДУЩЕГО

Т. А. Капитонова, В. А. Белокрылова, Ю. Ф. Никитина

Исследования исторической памяти (в англоязычной интерпретации «memory studies») претендуют на одно из ведущих мест в повестке дня современного социогуманитарного знания, не ограничиваясь сугубо академической сферой, но вызывая также значительный интерес на уровне общественно-политической жизни, будучи предметом широких обсуждений и дискуссий.

Философско-методологический инструментарий, наработанный в современной западной гуманитаристике для изучения феномена исторической памяти, представлен в трудах М. Хальвабкса, Ж. Ле Гоффа, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, П. Рикера, Я. Ассмана, П. Нора и др. В русскоязычном пространстве систематические исследования этой проблематики проводят И. М. Савельева, А. В. Полетаев, Л. П. Репина, О. Б. Леонтьева, Н. Е. Копосов, А. И. Филюшкин.

Изучение различных форм присутствия прошлого в настоящем прошло свой эволюционный путь от соответствующих представлений социальной мифологии, от категорий «традиция» и «наследие» до «памяти» и сопряженных с ней «забвения» и «воспоминания» как ключевых концептов современного социогуманитарного знания. Так, немецкий культуролог Я. Ассман в своей книге «Культурная память», заявляя о рождении новой парадигмы наук о культуре, отмечает: «Все говорит о том, что вокруг понятия воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре; что различные явления и сферы культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – могут быть рассмотрены в новой связи» [1].

Актуальные формы институционализации «memory studies», трактуя историчность как неотъемлемую антропологическую универсалию, неуклонно расширяют сферу затрагиваемой проблематики: от исследований нации и национальной идентичности до изучения различных социальных общностей и организаций. Подобный широкий охват проблемного поля «memory studies» свидетельствует о возникновении новой трансдисциплинарной парадигмы современного социогуманитарного знания.

Термин «историческая память» традиционно определяется через систему представлений, осно-

ванных на субъективно интерпретируемой и ценностно маркируемой рефлексии о ключевых для этноса, народа, нации событиях прошлого. Так, Л. П. Репина дает дефиницию исторической памяти как «набора передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексией о событиях прошлого» [2, с. 10]. В свою очередь, А. Васильев расширяет привычную трактовку исторической памяти до «трансдисциплинарной области знания историко-культурологического характера, обладающей своим предметом, то есть позволяющей под определенным углом зрения рассмотреть всю совокупность явлений человеческой культуры, увидев их взаимосвязь с точки зрения того, как "образы-воспоминания" сохранялись, передавались, актуализировались, вытеснялись и использовались в той или иной культуре» [3].

В исследованиях исторической памяти можно выделить два основных подхода, – зачастую противопоставляемых, и в то же время, диалектически дополняющих друг друга. Один из этих подходов, условно назовем его историографическим, делает акцент на восстановлении содержательно-фактической канвы событий прошлого. Его приверженцы (М. Хальбвакс, П. Нора и др.) постулируют, что историография призвана корректировать, сужать «слишком широкую» историческую память, отбрасывая «лишнее» и оставляя в ней лишь наиболее ценные, объективно-фактические компоненты, позволяющие построить относительно непротиворечивую картину исторического прошлого.

В то время как альтернативный – биографический подход включает в себя помимо объективного, содержательно-фактического каркаса, выступающего таким базовым фоном для разворачивания ленты личностных событий, также и субъективные, экзистенциально-смысловые компоненты. Так, наиболее влиятельная парадигма биографического подхода, обозначаемая как «устная история» или «oral history» подразумевает сбор научно организованной информации от непосредственных свидетелей исторических событий. Отличительной чертой биографического подхода является акцент на реконструкции исторических событий сквозь призму индивидуального опыта и субъективных смыслов очевидцев, что способствует обогащению знания о прошлом различными оттенками его личностного понимания. Таким образом, биографический подход к формированию исторической памяти позволяет «увидеть» эпоху глазами ее очевидцев и участников; вводит в научный оборот экзистенциальные установки респондентов, их жизненную философию.

Взаимодополняющий характер двух обозначенных подходов связан с тем важным обстоятельством, что историческая память как комплексный, многоуровневый феномен существует и развивается в единстве своих содержательно-фактических и экзистенциально-смысловых компонентов, оформляющих поток внешнего и внутреннего опыта исторического субъекта. С этой точки зрения историография, ориентированная на восстановление содержательно-фактической канвы событий прошлого, не дополненная возможностями биографического подхода, служит лишь одномерным, фактуально редуцированным отражением исторической памяти, оставляя за скобками проблематизацию смысловых, субъективно-экзистенциальных факторов ее формирования и воспроизводства.

Исследование того, каким образом различные социальные институты работают со своим прошлым, как перерабатываются и реактуализируются нарративы о прошлом для реализации текущих целей общества и целей его будущего развития – является одной из ключевых тем в изучении процессов формирования исторической памяти. Особенно стоит отметить процессуально-конструктивный характер подобного рода коллективной деятельности. Память об историческом явлении представляет собой конструируемый контекстуальный феномен; это процесс, мобилизующий разнообразные социальные дискурсы и практики в репрезентации исторического события и служащий выражением солидарности группы. Это означает, что многочисленные данные, сохраненные различными способами на разных носителях информации, сами по себе, без соответствующей работы социальных акторов, не являются исторической памятью, но становятся ею лишь тогда, когда извлекаются из хранилища и становятся предметом коммуникаций в рамках определенной нации, группы, сообщества.

Таким образом, историческая память как способ переосмысления и актуализации прошлого для решения задач настоящего и реализации целей будущего развития – выполняет две важные взаимосвязанные социальные функции: идентификации и легитимации. Как отмечает Ш. Линд, функция идентификации используется для конструирования стабильного нарратива идентичности общества, т.е. позволяет показать, что «то, какие мы есть, и то, как мы существуем сейчас, находится в соответствии с тем, какими мы были всегда» [4, р. 3]. Обеспечивая ориентацию в историческом времени и социальном пространстве, знания о прошлом становятся основой культурной преемственности поколений и национально-гражданской идентичности.

В свою очередь, функция легитимации позволяет политикам использовать память для обоснования своего права на власть, для оправдания своих внутри и внешнеполитических действий. Используемые ими исторические аналогии зачастую выступают в качестве неких прототипов, или моделей принятия политического решения, не только предлагая спектр возможных вариантов действия в данной ситуации, но также и обосновывая тот или иной политический порядок через отсылку к прошлому. Историческая память, очерчивая контуры внешней и внутренней политики, выступает важным элементом политической культуры социума.

Конструктивно-процессуальный характер формирования исторической памяти находит свое проявление и в том обстоятельстве, что историческая память может выступать не только как фактор стабильности и интеграции общества, но и как средство социальных изменений, как движущая сила давно назревших общественных перемен и трансформационных процессов. Пересматривая ценности и установки прошлого, историческая память способна задавать новые горизонты смыслов и возможностей для будущего.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант БРФФИ № Г15–106).

Литература и источники

1. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004.
2. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания. – М., 2003.
3. Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2640>. – Дата доступа 29.09.2015.
4. Linde, Ch. Working the Past: Narrative and Institutional Memory. – N.Y., 2009.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА СВОБОДУ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н. П. Шатохина

В наше время технологических трансформаций и глобальной виртуализации социальные коммуникации являются неотъемлемым элементом жизни современного человека. Роль коммуникаций трудно переоценить ещё с древности, и потому столько сколько существует общество, столько процесс общения будет представлять из себя обмен знаковыми символами, использование вербальных и невербальных средств. Однако, сейчас все более забывается истинное значение термина «коммуникация», который первоначально подразумевал под собой взаимное доверие между субъектами, обменивающимися информацией. Коммуникация теперь предстает скорее как необходимое условие жизнедеятельности, которое неуклонно совершенствуется и постепенно приобретает автоматические навыки. Социальные коммуникации нельзя назвать материальным фактором в работе организаций, однако их уровень подчас характеризует эффективность всех организационных предприятий, их функционирование. Но самое основное заключается в том, что коммуникации ограничивают свободу современного человека, необратимо влияют на его общение и взаимоотношения с окружающим миром.

Среди ученых занимающихся проблемой социальных коммуникаций в русле социальной философии можно выделить А. Алешина, Г. Блумера, Г. Гарфинкеля, А. Зверинцева, В. Конечкой, Н. Лумана, Дж. Мида, Л. Невзлина, Ю. Палехи, А. Панфилова, Г. Почепцова, П. Сорокина, Ю. Хабермаса, Дж. Хоманса, А. Шюца, И. Яковлева. Такое большое разнообразие теорий и взглядов свидетельствует о том, что социальные коммуникации - достаточно новый аспект в научной картине мира, и о нем ещё не сложилось единого мнения. Для того, чтобы четко представить какую роль в отношении свободы современного человека играет данная проблема, нужно сначала рассмотреть её более детально.

Социальные коммуникации есть одна из разновидностей социального взаимодействия. Они могут осуществляться как на макро-, так и микроуровнях. Не секрет, что от того, как будет выстроена коммуникационная модель, таким будет и личностное взаимодействие между субъектами об-

щения как по горизонтали, так и по вертикали, а также это существенно повлияет на их мотивационную сферу, отношения в группе, коллективе. Нынешняя реальность требует от индивидов постоянной мобилизации творческих способностей, креативности и лабильности в конфликтных ситуациях, при принятии нестандартных решений. Построение эффективной коммуникационной модели, учет роли коммуникационного фактора в личностном развитии – это первый шаг к созидательной деятельности, творческому росту. Основным нюансом понимания современных коммуникаций заключается в том, что они стали полилинейными и ориентированными на большое количество интерпретаторов. Именно поэтому работа с источниками массовых коммуникаций стала так актуальна и важна во всех сферах деятельности. «Сам принцип формирования культуры и общественного сознания – от зарождения идей до их общественного утверждения – невозможен вне социальной коммуникации» [2, с. 16]. С развитием прогресса значительно видоизменяются и коммуникативные образования. «Для человеческой цивилизации характерно постоянное освоение новых видов знаков и знаковых (семиотических) систем, используемых для общения и взаимодействия» [1, с. 7]. В психологии изучение массовых коммуникаций представляет отдельную сферу, связывающую все процессы коммуникации, трансформации информационного вакуума и каналов его передачи. Политологи же акцентируют свое внимание на механизмах зарождения общественного мнения. Социологические теории рассматривают социальные коммуникации в границах социологии коммуникаций. В анализе управленческих теорий социальные коммуникации представлены как значимый фактор, способствующий развитию бизнеса. Для более эффективного социального взаимодействия разработаны три универсальные технологии.

Первая технология – модульная. Она достаточно широко распространена в сфере образования. Модульный подход заключается в том, что он наиболее всесторонне обеспечивает процесс социализации, разрешает противоречие между социумом и конкретным потребителем, специалистом, управленцем, менеджером, интегрирует внутренние ресурсы, борется со стихийностью и непредусмотренными обстоятельствами.

Второй технологией эффективности можно считать интегрированную, которая применима практически во всех жизненных сферах. Интегрированная модель социального взаимодействия открыта и многолинейна. Она предполагает инновационные решения и нестандартные подходы.

Третья технология эффективного социального взаимодействия – регламентирующая. Благодаря урегулированному влиянию социальных ресурсов на общественность, вовремя предотвращаются конфликты и спорные вопросы, которые могут возникать в процессе интерпретации информации поступающей из социальных сетей.

Каждая из вышеперечисленных технологий по-своему определяет то, какими будут элементы коммуникационного процесса, его вариативность и роль в социальных системах. Самые основные функции любого коммуникативного процесса – это прежде всего передача информации, регуляция общения, создание определенного эмоционального фона. В современном обществе получение необходимой информации стало делом не только необходимейшим, но и сложным из-за наличия слишком разнообразных ее источников. Как верно замечает Э. А. Азроянц, «накопление цивилизационных ресурсов увеличивает социальный потенциал, умножает разнообразие и делает более гибким и многослойным механизм адаптации» [3, с. 58]. От того, насколько качественной будет информация, зависит подчас и то, насколько индивид сможет самоутвердиться, найти свою нишу как в профессиональной, так и в других сферах.

Специфика современного социума по отношению к коммуникативной сфере состоит в том, что взаимодействие его разнородных элементов осуществляется по информационным каналам. И в этом узловом моменте очень своевременно вспомнить о смысловом значении термина «коммуникация» синонимичном «пониманию», «результативности» в процессе обмена информацией. С помощью социальных коммуникаций человек должен координировать свою деятельность и взаимодействовать с другими, а не ограничивать себя информационными рамками. В процессе коммуникации всегда задействованы четыре элемента: сам отправитель, лицо которое получает информацию, информация и сетевой канал. Существует и единая модель коммуникационного процесса. И тут важно уметь фильтровать одни сообщения и отбирать другие, делать акцент на определенных моментах. Имеет место и чересчур потребительское отношение руководителей информационных проектов или сетевых компаний к использованию социальных коммуникаций. Это не только наносит существенный вред экологии, но и отягчает моральную сферу отношений между произведе-

лями и потребителями. Так, погоня за конкурентными преимуществами снижает уровень социальной ответственности и одновременно увеличивает объемы использования природных ресурсов. Глобализация не должна восприниматься как нечто негативное даже на подсознательном уровне и потому, следует отходить от прошлых моделей коммуникативного обмена. В этом аспекте стоит прислушаться к В. М. Березину: «Конкретный человек является «ценностным центром», но для получения объективной ценностной реальности необходимо дать возможность создания «ценностным центром» диалогических отношений с опорой на систему основных ценностей» [4, с. 15].

Таким образом, можно заключить, что несмотря на необходимость и безусловную значимость массовых социальных коммуникаций в современном социуме, существуют все же некоторые проблемы, препятствующие успешности протекания информационных процессов. Это и отсутствие единой универсальной модели коммуникаций, и использование их только в корыстных целях без оглядки на возникающие при этом проблемы, а также этическая сторона вопроса, включающая духовно-эмоциональную сферу общения, полностью вытесняемую в настоящее время. Все это ограничивает информационную свободу человека, вводит его в жесткие рамки виртуальной реальности. Только своевременное решение данных узловых моментов может обеспечить успешность использования социальных коммуникаций в современной информационной структуре.

Литература и источники

1. Адальянц, Т. З. Социальные коммуникации / Т. З. Адальянц. – М., 2009.
2. Азроянц, Э. А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции / Э. А. Азроянц. – М., 2002.
3. Березин, В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / В. М. Березин. – М., 2003. (Серия: Практическая журналистика).
4. Богомолова, Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации / Н. Н. Богомолова. – М., 2008.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Л. Пушкин

Процесс глобализации детерминирует динамику социально-политического, экономического развития современного общества, порождает проблемы социальной идентичности вследствие ускорения темпов развития всех сфер деятельности (экономической, социальной, информационной), когда в течение жизни одного поколения происходит радикальное изменение образа жизни, культуры, ценностных ориентаций, повсеместного внедрения массовой культуры с ее одинаковостью во всех странах, всех социальных группах.

Современные информационные технологии объединили страны, континенты в единую «глобальную деревню», в которой происходят интенсивные миграционные процессы с перемещением громадных масс населения, в основном, в развитые страны, что обуславливает проблемы адаптации для многих миллионов экономических, экологических и военных беженцев. Особую актуальность данный процесс приобрёл в последние годы в связи с резким ухудшением экономического положения и военными действиями в Сирии, Афганистане, Ираке. Только за 2015 год в Европу прибыло более 1,1 млн мигрантов. Происходит кризис идентичности, когда личность не может определиться по важнейшим социальным характеристикам ввиду фрагментарности его социальных отношений с окружающим его миром.

Данная ситуация усугубляется для жителей Беларуси, которые после разрушения СССР утратили основания для социальной общности «советский народ», хотя значительное число респондентов старшего поколения долгое время сохраняли данную идентичность. Однако без своего материального конструкта эта идентичность приобретала виртуальный, фиктивный характер. Очевидно, что большинство белорусов болезненно переживали разрушение СССР, так как республика вследствие своего исторического развития и регионального положения (полонизация, Кривская и Люблинская унии, русификация) была в лидерах по формированию новой социальной общности «советский народ».

Само понятие «гражданская идентичность» имеет многозначный, неопределенный характер. Данное понятие входит в сферу интересов философов, социологов, психологов, политологов, юристов, которые по-разному определяют его содержание, уровни и функции в обществе. Существуют два основных методологических подхода к изучению гражданской идентичности: редукционизм (метод сведения) и антиредукционизм. Большинство исследователей придерживаются первого подхода, для которого характерно сведение гражданской идентичности, прежде всего, к национально-государственной идентичности, иногда в рамках данного подхода происходит сведение гражданской идентичности к этнической. В то же время, следует учитывать, что в рамках единого государства существует одна гражданская идентичность и, как правило, множество этнических идентичностей (в Беларуси насчитывается более 100 народностей).

Основное различие данных методологических подходов заключается в том, что понятие «гражданская идентичность» в рамках первого подхода связана с понятием гражданства, гражданина определенной политической структуры. В рамках второго подхода гражданская идентичность привязана, прежде всего, к структурам гражданского общества. Учитывая специфику белорусского общества, его исторические традиции и менталитет, мы придерживаемся в изучении гражданской идентичности первого методологического подхода, или редукционизма.

Основой построения структурной модели гражданской идентичности являются положения Г. Тэджфелла о единстве когнитивного, эмоционального и ценностного элементов социальной, то есть любой идентичности. Гражданская идентичность выступает как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл, основанное на признаке (качестве) гражданской общности, характеризующем ее как коллективного субъекта. Гражданская идентичность является компонентом социальной идентичности, то есть индивидуального знания о том, что «персона» принадлежит некоторой социальной группе вместе с эмоциональным и ценностным персональным смыслом группового членства.

Функциями гражданской идентичности являются интеграция в единую общность, самореализация и само актуализация личности в социально значимых и социально оцениваемых видах деятельности, функция, реализующая аффилиативную потребность в принадлежности к группе. Чувство «Мы», объединяющее человека с общностью, позволяет преодолеть страх и тревогу и обеспечивает уверенность и стабильность личности в изменяющихся социальных условиях, фиксирует единство интересов индивида с данной социальной общностью, позволяет оказывать влияние на гражданское сообщество, которое проявляется в политической и гражданской активности личности. Таким образом, гражданская идентичность выполняет защитную функцию и функцию самореализации и самоактуализации.

По нашему мнению, понятие гражданской идентичности неразрывно связано с понятием национальной идентичности. В структуре национальной идентичности всегда присутствует гражданский и этнический компонент, соотношение данных компонентов детерминирует состояние определенного этноса на определенной территории. На сегодняшний день результаты научных исследований позволяют говорить о доминировании среди респондентов гражданской идентичности, далее по значимости следуют этническая, региональная и религиозная идентичности.

На современном этапе развития специфика современной белорусской идентичности заключается в ее плюрализации, при явном доминировании гражданской идентичности. Данное утверждение находит подтверждение в полученных данных республиканского исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2014 г.

Представленные данные указывают на определенную тенденцию, которая заключается в консолидации социальной общности государства на основе общебелорусской, гражданской идентичности. По мере становления независимого государства гражданская идентичность приобрела доминирующее значение, существенным образом опережая национальную, региональную и религиозную идентичности.

Анализ демографических групп выявил тенденцию повышения уровня гражданской идентичности по мере увеличения возраста респондентов. Так, например, среди респондентов 60–69 лет почти три четверти (74,6%), в полной мере осознают себя гражданами Беларуси. Среди молодежи до 30 лет гражданская идентичность также является доминирующей и соответствует среднестатистическим данным. Так, среди респондентов до 20 лет в полной мере осознают себя гражданами Беларуси 66,3%, среди следующей возрастной категории - 20–29 лет – 66,9%.

Развитие самосознания гражданской общности регулируется двумя, в определенном

смысле противоположными тенденциями – дифференциацией и интеграцией. Дифференциация и обособление гражданской общности как однородного сообщества от «других», не входящих в нее, определяют границы общности. Интеграция основывается на внутригрупповой общности по значимым признакам. К таким признакам относятся: 1) общее историческое прошлое (общая судьба), укореняющее и легитимизирующее существование данной общности, воспроизводящееся в мифах, легендах и символах; 2) самоназвание гражданской общности; 3) общий язык, являющийся средством коммуникации и условием выработки разделяемых смыслов и ценностей; 4) общая культура (политическая, правовая, экономическая), построенная на определенном опыте совместной жизни, фиксирующая основные принципы взаимоотношений внутри общности и ее институционального устройства; 5) переживание данным сообществом совместных эмоциональных состояний, особенно связанных с реальными политическими действиями.

Итак, существующая тесная взаимосвязь между уровнем национально-гражданской идентичности и степенью консолидации государства, перспективой его исторического развития обуславливает жизненную потребность в его формировании, укреплении и развитии. Только сформированная национально-гражданская идентичность является гарантом существования независимого государства Республика Беларусь.

О СТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Ц. Ц. Чойропов, Т. Ц. Чойропова

В эпохи социальных переломов у людей пробуждается массовый и стойкий интерес к общественному устройству собственной страны, ее прошлому и вероятному будущему. Именно этот интерес определил не только успешное вхождение социологии в систему образования и укрепление в академическом мире, но и растущий спрос на социологическую информацию. Появились новые периодические издания. Устойчиво сложился мощный поток социологической литературы. Одна струя в нем – исследования нашего общества и всевозможных его проблем, следствий и ближайших перспектив реорганизации. Эмпирики-социологи торопятся, ибо сама жизнь на их глазах проводит удивительный эксперимент реформ. Идет лихорадочный сбор данных, на ближайшей повестке дня – вторичный анализ обширных данных, как официальных, собранных различными государственными комитетами статистики, так и лично-исследовательских. Многие проблемы, бывшие закрытыми в советское время, – бюрократизм, бедность, бездомные, проституция, милитаризация общества, социальные болезни, дисфункциональность систем здравоохранения и образования и т. п., – стали объектами социологического анализа. «... Для работы по серьезным, актуальным проблемам нужно собрать фундаментальный эмпирический материал, на что необходимы деньги, – отмечает А. О. Бороноев. – Деньги на науку есть, но чтобы их добиться, нужно пройти через очень сложную бюрократическую систему» [1].

В 1992–1996 гг. были проведены социологические обследования среди городского и сельского населения Республики Бурятия с целью выявления характера и уровня социальной перестройки людей, их адаптации к условиям идущего спада производства, сопровождающегося закрытием ряда предприятий, и начавшейся безработицы. Одновременно было осуществлено исследование тенденций и перспектив становления и развития малого и среднего предпринимательства в Бурятии. Вышеперечисленные позитивные сдвиги в образовании и подготовке кадров способствовали созданию в республике нормальной институциональной среды для становления новых поколений ученых, развития научных исследований и социологического образования.

Следует отметить, что социологическая наука в республике более интенсивно развивалась в вузах, что отражается в подготовке кадров высшей квалификации – докторов и кандидатов наук, направлениях и широте проблематики исследований, в их результативности в форме научных публикаций. Среди причин – имевшиеся к началу 1990-х гг. в вузовской среде кадры специалистов, обладавшие опытом социологических исследований, потребность в новых специалистах в вузах из-за усиленного развития социальных и гуманитарных специальностей, молодость вновь созданных социологических кафедр, не имеющих давних и прочных традиций. В то же время и в академической среде, в частности Отделе истории, этнологии и социологии Бурятского научного центра

(БНЦ), был накоплен необходимый опыт проведения серьезных прикладных исследований по социологии, отработаны методики массовых репрезентативных опросов населения, освоены различные методы сбора социологической информации, реализуются актуальные проекты.

Социологические исследования в Бурятии ведутся по нескольким основным направлениям. Наиболее многочисленную группу составляют ученые, специализирующиеся в области этнической социологии. Они рассматривают формирование и уровень этнического самосознания и национальной культуры народов республики, функционирование национальных языков, динамику межнациональных отношений, этническую идентичность и толерантность. Значительный вклад в характеристику современных этнических процессов и в выработку научно-обоснованных подходов национальной политики в условиях многонационального и поликонфессионального общества сделан учеными БНЦ. Были разработаны проекты нескольких комплексных целевых социальных программ по развитию этносов и совершенствованию межнациональных отношений, среди которых проект концепции этносоциальной стратификации и социального самочувствия сельского населения Республики Бурятия в современный период.

В круг научных интересов группы ученых входят вопросы регулирования занятости населения в условиях регионального рынка труда, социальной адаптации людей в условиях кризиса, качества жизни разных социальных слоев в трансформирующемся обществе. Ряд социологов занимается исследованием проблем малого бизнеса и предпринимательства в регионе. Социально-демографические процессы в Бурятии, их специфика по сравнению с другими регионами России рассматривались в работах другой группы социологов. Новое для российской социологии направление – гендерные исследования – развивается в работах некоторых молодых ученых, в которых анализируется специфика некоторых региональных гендерных процессов.

Теоретические и прикладные вопросы социального управления также в сфере интересов бурятских исследователей – проблемы собственности и самоуправления на предприятиях в условиях изменяющегося общества, социальных и информационно-коммуникативных технологий управления, управления социальными процессами на рынке труда, и др. Социология девиантного поведения представлена публикациями ряда ученых. Примыкают к данной группе работы аспирантов и докторантов, занимающихся анализом девиантных форм поведения, прежде всего, преступности. Проблематика политической социологии, социологии СМИ, электоральной социологии, такие ее аспекты, как электоральные предпочтения и поведение избирателей республики в периоды избирательных кампаний по выборам в российские, республиканские и местные органы власти отражены в монографиях и статьях, авторами которых являются местные политологи и политические социологи.

Развитие социологической науки невозможно без анализа проблем ее становления и развития. На смену социологам-энтузиастам, вербовавшимся из философии, политической экономии, истории, филологии и многих других дисциплин, ныне приходят люди, получившие систематизированное профессиональное образование. Деятельность диссертационного совета при Бурятском государственном университете оказала благотворное влияние на повышение качественного состава философских и социологических кадров и развитие науки не только Республики Бурятия, но и огромной территории Сибири и Дальнего Востока – 14 регионов.

Подытоживая опыт развития социологической науки в Бурятии, следует отметить, что при преобладании положительных тенденций, имеют место и неразрешенные проблемы, касающиеся как содержания проводимых исследований, так и их методологического, методического и организационного обеспечения, комплектования персонала. В значительной мере они отражают тенденции, характерные для всей отечественной социологии и социологии в российских регионах. При преобладании конкретно-социологических исследований, проведенных за последние 20 лет, многие из них не носили системного характера, были раздроблены, многие являлись самостоятельными авторскими исследованиями, которые не имели достаточного финансирования, что сказывалось на их качестве. В контексте методологии следует указать, что практически не освоенными остаются качественные методология и методы; они ведь создают новые возможности в сборе и интерпретации данных. Известно, что качественные методы (фокус группа, исследование случая – «кейс стади», этнографические исследования, неструктурированные интервью) позволяют социологу понять суть какого-либо социального явления. В данное время преобладающей продолжает оставаться количественная методология. Остается актуальной проблема специализации социоло-

гических исследований, проводимых местными авторами, привлечения в академическую науку молодых дипломированных специалистов высокой квалификации. Дело в том что и сегодня остается противоречивой ситуация для прихода в науку талантливой молодежи. Сокращается приток новых интеллектуальных сил в область социологических исследований.

Однако несмотря существующие противоречия и трудности, можно с уверенностью смотреть в будущее социологической науки Бурятии.

Литература и источники

1. Бороноев, А. О. Будущее социологии – будущее общества / А. О. Бороноев // Санкт-Петербургский Университет. – 2012. – № 14.

4.5 Эстетические основания и принципы современной интеллектуальной культуры

ДУХОЎНА-САЦЫЯЛЬНЫЯ КАШТОЎНАСЦІ БЕЛАРУСАЎ У ПАЭЗІИ МАКСІМА ТАНКА

М. У. Мікуліч

Паэзія Максіма Танка добра выявляецца, бадай, вядучай, надзвычай ярка і пераканаўча выяўленай на сучасным этапе яе развіцця «мастацкай канцэпцыяй» – услаўленнем народных першакаштоўнасцей, паглыблена-філасофскім роздумам над духоўна-маральнымі набыткамі і стратамі чалавека ў эпоху бурнага развіцця грамадска-сацыяльных адносін, вялікіх адкрыццяў у галіне навукі і тэхнікі. «Адна з найбольш эстэтычна важных і каштоўных тэндэнцый, усталяваных трывала Максімам Танкам у сучаснай беларускай паэзіі, – адзначыў М. Ароўка ў адказах на пытанні нашай анкеты, – гэта паэтызацыя вялікага прыцягнення першародных зямных асноў чалавечага быцця, адкрыццё непаслабных сувязей з бацькоўскай зямлёй (што дужа істотна ў наш час «адцэнтрабежных» імкненняў і цяганняў)» (Цыт. па матэрыялах, якія захоўваюцца ў аўтара). І сапраўды, талент паэта ад народзін трывала базаваўся на жыццядайных пластах народнага жыцця, шматлікімі ніцямі быў звязаны з жыватворнымі каранямі народнай самасвядомасці, этыкі і маралі.

М. Танк падвяргаў гуманістычнай выверцы-аналізу зменлівыя з’явы і працэсы навакольнай рэчаіснасці, удумліва асэнсоўваў найноўшыя навукова-тэхнічныя здабыткі людской супольнасці з пункту погляду іх адпаведнасці чалавечай прыродзе і кожны раз пераконваўся ў недасканаласці грамадска-сацыяльнага жыцця, акцэнтаваў неабходнасць шанаваць і памнажаць спаконвечнае, багацце духоўнага свету насельніка зямлі: справядлівасць і дабрыню, чуласць і спагаду, шчырасць і інш. Якраз у кантэксце гэтых істотна важных думак і ідэй прачытваюцца вершы «Дрэвы паміраюць...», «Нерастуе ў рэчцы рыба...», «Пытаюся: куды падзеўся лес?..», «Роздум аб касмічных палётах», «Усё больш і больш у небе...», «На зары нашага крылатага веку...»

Відаць, усёй сваёй паэзіяй апошніх дзесяцігоддзяў М.Танк акцэнтаваў тую дужа важную акалічнасць, што чалавек не толькі варты свету, у якім жыве, ён павінен быць варты і адвечнай сваёй стваральнай, творчай ролі, якая зрабіла з яго мастака і творцу, – свет трэба змяняць, але не цаною пагібелі чалавечага ў чалавеку, не цаною страты адухоўленага характава. Адсюль становіцца зразумелай тая дадатковая трывога, якая працінала сэрца паэта: вузела кола выпрабаваных на цяжкіх рэвалюцыйных і ваенных, жыццёвых шляхах-дарогах таварышаў, людзей высокай маральнай чысціні – шчырых, добрасумленных, духоўна актыўных («Спадзяваўся сустрэцца...», «Столькі, столькі год дружылі...» і інш.). Творы М. Танка наскрозь прасякнуты ўслаўленнем чалавека, яго стваральнай місіі, заўсёдным адчуваннем хісткасці той рысы, за якой чалавечыя каштоўнасці маглі раптам набыць «мінусавае» значэнне: духоўнасць стаць бездухоўнасцю, разумнае цяргненне – пасіўнасцю і абьякавасцю і г. д.

М. Танка з поўнымі на тое падставамі можна назваць адным з самых «памятлівых» у сучаснай беларускай літаратуры. Паэт лічыў, што неабходна адрадіць вартасную сутнасць зямных першаасноў быцця, спаконвечных маральных норм і звычаяў, невычэрпных духоўных скарбаў

нацыянальнага фальклору, багаццяў мовы, павярнуць беларуса да адвеку характэрнага яму пераважна земляробчага ўкладу жыццядзейнасці. Якраз ва ўсім гэтым бяруць свае вытокі «і хлеб, і сумленне, і песня» («Перапіска з зямлёй», «Бібліятэка», «Я – не з тых...», «Вывучэнне мовы» і інш.). Жывілі, натхнялі яго талент любяга сэрцу нарчанскія прасторы, дзе заўсёды «сэрца званчэйшыя песні вядзе», – «верасавішчы, пагоркі, лясы», «маланкамі скрэманя валуны», сад, які «трапяткімі вуснамі лісця з рога вясёлкі п’е весною свежасць», «закалыханая жытам», «зарослая ўспамінамі, зашыфраваная дзятламі, замаскіраваная лістападам» палявая дарога («Зноў я на тых сцежках...»), «Ёсць у сусвеце планета Зямля...», «Глухая партызанская дарога...» і г. д.).

М. Танк сцвярджаў, што яму «не трэба шукаць Слоў для песень... Пра зямлю, што спрадвеку Радзімай завецца, Бо да самага краю Зіхаценнямі іх, Перазвонамі іх Перапоўнена сэрца» («Мне не трэба заводзіць...»).

Любоў да жыцця, роднай зямлі і прыроды, гісторыі народа, шмат у чым азмрочаны драматызмам чарнобыльскай бяды «культ зямнога шчасця» (А. Рагуля) выяўляліся не ў гучных дэкларатывных прызнаннях паэта, а праз глыбокі філасофскі роздум, асэнсаванне сваёй шчымліва-балючай далучанасці да шматлікіх праблем рэчаіснасці, усведамленне арганічнай паяднанасці з усім жывым.

У сваіх творах М. Танк паэтызаваў родны дом, бацькоўскае котлішча з усім яго шматстайным гаспадарчым начыннем, асэнсоўваў свой паступовы адыход ад звыклага вясковага ўкладу жыцця, згадваў пачатак пісьменніцкага шляху, нялёгка, без апекі блізкіх, самастойныя рашэнні і высілкі і, канечне ж, любы і дарагі вобраз клапатлівай працаўніцы-маці – невычэрпнай крыніцы душэўнай цеплыні і спагады, дабырні і чуласці. Маці і бацька – гэтыя вобразы спадарожнічалі паэту цягам усяго яго нялёгкага жыццёвага шляху.

У апошнім прыжыццёвым зборніку М. Танка «Мой каўчэг», які выйшаў у 1994 годзе, знаходзім верш «Мне пагаварыць бы». Ён з’яўляецца сведчаннем глыбокай заангажаванасці лірычнага героя паэта ў асновы народнага быцця, усведамлення яго адвечных першакаштоўнасных дамінант. Верш прасякнуты засяроджаным роздумам над экзістэнцыяльнымі праблемамі жыцця і часу, над тымі зменамі і пераўтварэннямі, якія адбываліся ў грамадстве, асэнсаваннем самой прыроды чалавека, сутнасці яго духоўна-грамадзянскай місіі на зямлі. З часам, паступовым і няўхільным аддаленнем ад дзіцячых і юнацкіх гадоў, па меры ўсведамлення духоўна-экалагічных выдаткаў цывілізацыйнага прагрэсу ў М. Танка абвастралася імкненне вярнуцца ў мінулае, дзе ўсё было такім зразумелым і блізкім, грунтавалася на штодзённай фізічнай працы і душэўна-чалавечым клопаце, цеплыні і спагадзе. У яго абвастралася імкненне пагаварыць «З бацькам, з маці...» – самымі дарагімі і роднымі людзьмі, якім ён быў абавязаны не толькі нараджэннем, а і ўсімі жыццёвымі дасягненнямі, творчымі здабыткамі і поспехамі.

Балюча і соладка кранаюць сэрца лірычнага героя звычайныя сялянскія рэчы, прылады і прыстасаванні – маўклівыя і ў той жа час красамойныя сведкі даўно мінулых дзён. З імі паэт адчуваў сваю цесную светапоглядную і духоўна-эмацыянальную сувязь, пачуццёвую сумяшчальнасць. Яны ўспрымаліся ім як своеасаблівыя генетычныя коды яго родавай сутнасці, спаконвечнага земляробчага занятку дзеда Хведара Маркавіча і бабкі Улянны, бацькі Івана Хведаравіча і маці Домны, дзядзькі Фадзея, шматлікіх аднавяскоўцаў, разглядаліся як вызначальныя ва ўсім навакольным светапарадку. У цесных стасунках і ўзаемадчынненнях з гаспадарчым рыштункам, у цяжкой сялянскай працы адбывалася самасвядомаснае вызначэнне паэта, выпельвалася яго пачуццё чалавечай і грамадзянска-патрыятычнай годнасці, закладваліся асновы першаверы ў дабро і людскасць, праўду і сумленне. Высокай настаўніцкай сіле ўздзеяння, духоўнаму магнетызму звычайнага вяскова-побытавага начыння, якое заключала ў сабе сэнсатворны змест паўнакроўнага існавання чалавека, вучыла любіць працу і адпачынак, сваю зямлю і ўсё звязанае з ёю, народны паэт заставаўся падуладны на працягу ўсяго жыцця, аж да свайго назаўсёднага адыходу.

М. Танк факусаваў сваю ўвагу, здаецца, на ўсім багацці і шматстайнасці з’яў і працэсаў навакольнай рэчаіснасці, жыцця на зямлі, яго спаконвечных і хуткацечных праблемах і супярэчнасцях. Касмічнасць мыслення паэта, планетарны кантэкст бачання і асэнсавання той ці іншай праблемы дзівосным чынам сумяшчаюцца ў яго творах з пластыкай прадметнага аналізу, апеляцыйнай да шматлікіх і характарыстычных акалічнасных дэталаў. Падкрэсленая грамадзянска-патрыятычная заангажаванасць многіх вершаў, іх прамоўніцка-публіцыстычны пафас не толькі не адмаўляюць, а, наадварот, прадугледжваюць наяўнасць гэтак званай прыватнай канкрэтыкі рэчаў,

глыбокае выяўленне складанага і супярэчлівага свету асобы чалавека, раскрыццё яе найтанчэйшых душэўных перажыванняў. Пры гэтым працэс засяроджанага роздуму М. Танка, спасціжэння важных метадалагічных ісцін, філасофска-аналітычная развага арыгінальна сінтэзуюцца з традыцыйнай для яго канстатацыяй пералічэння, сцвярджаннем даўно вывераных ідэй і прынцыпаў, унутрана адмабілізаванай фармулёўкай пэўных вывадаў. Сілагічнае мысленне, аўталогія ацэнак і заключэнняў паэта хораша дапаўняюцца і адцяняюцца яркімі метафарычнымі карцінамі і накідамі, узорами падкрэсленага ўмоўна-асацыятыўнага пісьма. Унутрана сабраны, традыцыйны верш арганічна ўзаемадзейнічае ў яго з адкрыццямі мадэрнісцкага характару як у змесце, так і ў форме, пошукамі цікавых і арыгінальных спосабаў і прыёмаў версіфікацыі, смелым абнаўленнем паэтыкі. “Індывідуальны стыль М. Танка, – абгрунтавана падкрэслівае акадэмік У. Гніломёдаў у артыкуле “Я – сейбіт даўні”, – адзін з самых магутных і яркіх у сучаснай паэзіі. Яго рэалізм адухоўлены ўзвышаным рамантызмам, філасофская думка аплоднена выразнай пластыкай, верлібр насычаны – сацыяльна і псіхалагічна. Пра яго кнігі можна гаварыць, як пра значныя лірычныя паэмы, у якіх вершы – своеасаблівыя глаўкі – моцна звязаны паміж сабой адзіным светаадчуваннем, эмоцыяй, рытмам, стылем...” [1, с. 72].

Літаратура і крыніцы

1. Гніломедов, В. «Я – сеятель давний» / В. Гніломедов // Коммунист Белоруссии. – 1987. – № 9.

ПОЛЬСКАМОЎНАЯ ПРОЗА БЕЛАРУСІ ХІХ СТАГОДДЗЯ Ў СУЧАСНАЙ НАВУКОВА-АДУКАЦЫЙНАЙ ПРАСТОРЫ

Н. Л. Бахановіч

На працягу некалькіх апошніх дзесяцігоддзяў у беларускую культурную прастору вярнуліся прысутныя ў ёй некалі, а затым выкінутыя з рэцэптыўнага пласта творы, напісаныя, па зразумелых абставінах, не на беларускай, а на іншых, у прыватнасці рускай і польскай мовах. Актуалізацыя польскамоўнай беларускай літаратуры ХІХ ст. і дагэтуль часам сустракае супраціўленне ў навуковых колах: выказваюцца сумненні ў неабходнасці замацавання гэтых твораў у гісторыі беларускага мастацтва слова. Тым часам, напрыклад, польскамоўная проза Беларусі ХІХ ст. не толькі ўзбагачае нацыянальную культуру, і мастацтва ў прыватнасці, але і садзейнічае пазбаўленню ад асобных нацыянальных “стэрэатыпаў”. Адным з іх выступае ўяўленне аб “сялянскай” аснове беларускай літаратуры, што часта азначае вядзенне адліку яе гісторыі ад часу Адраджэння і недаацэнку значнасці папярэдніх дасягненняў мастацкай думкі.

Разуменне генеалогіі айчынай літаратуры як “сялянскай” у сваю чаргу дазваляе лічыць, што самым трагічным увасабленнем пакут краіны і народа з’яўляецца постаць селяніна. У гэтай сувязі недаравальная ацэнка і безапеляцыйны прысуд штораз выносіліся шляхецкаму саслоўю: вобраз землеўладальніка як прадстаўніка ўлады звычайна падаецца ў вельмі непрыглядным ключы з мэтай фарміравання адназначна негатыўных адносінаў да яго з боку чытача. У польскім інтэлектуальным асяроддзі такая жорсткая расстаноўка выклікае, перадусім, непаразуменне, пра што сведчаць, напрыклад, артыкулы гісторыка Р. Радзіка, прысвечаныя літаратурным пытанням [1]. Сапраўды, у беларускім мастацтве слова пачатку ХХ ст. вельмі рэдка, калі не сказаць “ніколі”, аўтарская думка сягае ў прастору таго, наколькі складаным быў лёс беларускай, а таксама польскай, расійскай, украінскай, літоўскай, шляхты, кожная з якіх спраўлялася з гістарычнымі нягодамі пасвойму. Знікненне гэтага саслоўя ва ўсходнеславянскай гісторыі, пачынаючы з савецкіх часоў, прынята трактаваць у якасці, хоць і даволі крутога, але заканамернага і цалкам справядлівага “віражу” гісторыі. За літаратурным увасабленнем у пачатку мінулага стагоддзя і адпаведна навуковым аналізам “мужыцкіх” асноў беларускай нацыі, за распаўсюджаннем культы пралетарыяту шляхецкае саслоўе як такое было забытае, разам з яго праблемамі і, самае галоўнае, яго крызісамі. Адпаведна ў гісторыі літаратуры да апошняга часу адсутнічалі творы, прысвечаныя апісанню жыцця вышэйшага саслоўя, так грунтоўна выяўленага ў мастацтве слова, напрыклад, рускага (І. Тургенеў, А. Пушкін і інш.), польскага (Б. Прус, С. Жэромскі і інш.) і іншых славянскіх і еўрапейскіх народаў.

Стэрэатып “земляробчай” нацыі грунтуецца пераважна на некалькіх пазіцыях: сацыяльным паходжанні “нашаніўцаў” і іх схільнасці выказвацца ад імя селяніна. Пры фарміраванні такой думкі недаравальна не бралася пад увагу тое, што, па-першае, напрыклад, польская літаратура пачатку XX ст. таксама неаднастайная. Дастаткова ўзагадаць сялянскае паходжанне Я. Каспровіча, У. Оркана і нобелеўскага лаўрэата У. Рэйманта, дробнамяшчанскае – У. Берэнта, Л. Стафа, С. Выспяньскага і г. д. Па другое, пры бліжэйшым разглядзе “сялянскага” радаводу нашай літаратуры пачатку мінулага стагоддзя, становяцца бачнымі “высакародныя” карані шэрагу аўтараў (М. Багдановіч, З. Бядуля, Я. купала і інш.). Улічваючы колькасць шляхецкага саслоўя на беларускіх землях і небезвыніковыя захады расійскай улады ў кірунку яго змяншэння, варта мець на ўвазе, што, не пацверджанае дакументальна, усведамленне ўласнай саслоўнай адметнасці прысутнічала ў светапоглядзе многіх беларусаў.

Гісторыя і літаратуры, і літаратуразнаўчай думкі набыла б якасна іншае аблічча, калі б у свой час не быў выкінуты цэлы рэцэптыўны пласт польскамоўнай літаратуры Беларусі XIX ст. Аднак у разглядаемы перыяд далёка не кожны жанр ці твор паказваюць жыццё высакароднага саслоўя і выяўляюць свядомасць нацыянальнай эліты. Так, У. Казбярук пры аналізе паэтычнай спадчыны В. Дуніна-Марцінкевіча адзначае наступнае: “Апавядальнікам у быліцы выступае селянін, і ўсе падзеі паказваюцца такімі, якімі іх успрымае мужык. У яго словах, поглядах, у адметнасцях асвятлення легендарных ці побытавых гісторый увасабляецца народны жыццёвы вопыт, мудрасць, эстэтычны ідэал” [2, с. 194]. Я. Гарадніцкі пры аналізе паэзіі Новага часу адзначае размежаванасць аўтара і героя ў Ф. Багушэвіча, што і спрыяе пазіцыянаванню твораў як напісаных селянінам пра сялянства і для сялян [3]. Затое польскамоўная проза Беларусі XIX ст. ва ўсіх адносінах шляхецкая: створаная прадстаўнікамі шляхты, поўная павагі да сваіх шляхетных продкаў, якія паўстаюць як высакародныя апекуны свайго народа. Гэтая літаратурная плынь прадстаўляе сабой сапраўдную скарбніцу, таму што дазваляе атрымаць ўяўленне аб айчынным інтэлігенцыі, якая была носьбітам нашай нацыянальнай ідэі.

Радавод многіх сучасных беларусаў “высакародны”, таму што, у параўнанні з іншымі еўрапейскімі краінамі, у прыватнасці Расійскай імперыяй, колькасць шляхты на нашай зямлі ў працэнтных адносінах была, як мінімум, у дзесяць разоў большай. Хоць, канешне, размова ідзе пра непараўнальныя саслоўі: шляхта і дваранства выступаюць сацыяльнымі групамі розных дзяржаў з адметным грамадска-палітычным ладам. Айчынная шляхта была асобным – выключна нацыянальным – саслоўем, са сваім спецыфічным, але вельмі дакладным кодэксам паводзінаў, а таксама прывілеямі, свядомасцю і самасвядомасцю. Магчыма, таму такі розгалас сёння атрымоўваюць кнігі А. Статкевіча-Чабаганавы, што ўзнаўляе старонкі жыцця старажытных беларускіх шляхецкіх родаў. У водгуку на адно з гэтых выданняў У. Гніламёдаў прызнаецца: “Беларуская шляхта... Калі шчыра, мы пра яе не надта шмат і ведаем” [4, с. 26]. Між тым магчымасці авалодання такімі ведамі штодзень павялічваюцца: пабачылі свет тры тамы “Гербоўніка беларускай шляхты” (на літары А, Б, В), і вядзецца праца па зборы і апрацоўцы матэрыялаў для наступных кніг. Інтэрнэт-прастора багатая на віртуальныя таварыствы беларускай шляхты, прадстаўнікі якой аб’ядноўваюцца, каб аказаць дапамогу адзін аднаму ў пошуку каранёў. На працягу некалькіх гадоў працуе “Мінскае згуртаванне нашчадкаў шляхты і дваранства”, мэтай якога выступае аб’яднанне нашчадкаў шляхецкіх родаў, адраджэнне маральна-этычных традыцый арыстакратыі, узмацненне цікавасці да айчыннага мінулага. Літаратуразнаўству таксама належыць вялікі гонар узнаўлення памяці аб старадаўнасці, захавання аблічча нашых продкаў у гісторыі сусветнай культуры і мастацтва. Важны крок у гэтым працэсе – абуджэнне цікавасці ў айчыннага чытача да плыні польскамоўнай прозы Беларусі XIX ст.: твораў Я. Баршчэўскага, А. Плуга, І. Ходзькі, Э. Масальскага, І. Яцкоўскага, Г. Жавускага, В. Савіча-Заблоцкага і многіх іншых аўтараў. Заглыбленне ў мастацка-вобразную структуру іх мастацкіх тэкстаў дазволіць пашырыць уяўленне аб нашых шляхетных прашчурках і зрабіць гэтыя веды пазачасавым здабыткам і духоўным арыенцірам беларусаў.

Сёння на постсавецкай прасторы назіраецца актуалізацыя цікавасці да сваёй генеалогіі: адчуванне сябе ў цэнтры роду ці на скрыжаванні некалькіх родаў накладвае на чалавека адказнасць высокага ўзроўню, прымушае інакш глядзець на многія нават будзённые, побытавыя з’явы. Індывідуальна-родавая спадчына кожнага выступае часткай агульнай нацыянальнай гісторыі, уваходзіць у вялікі агульнадзяржаўны радавод. Карпатлівая ўвага кожнага да прыватнай “гісторыі” дапамагае паўней асэнсаваць глыбіню сваіх каранёў на “тутэйшай” зямлі і абсалютнае права на яе.

Пашырэнне дыскурсу польскамоўнай мастацкай прозы Беларусі XIX ст. ў культурнай і адукацыйнай прасторы краіны дазволіць не толькі ліквідаваць успрыманне радавodu нашай духоўнай спадчыны як “сялянскага” па паходжанні, але і наблізіцца да ладу жыцця нашых прашчураў, іх высакароднага спосабу мыслення і ўзаемадзеяння са светам.

Літаратура і крыніцы

1. Радзiк, Р. “Новая зямля”: вобраз грамадства ў паэме Якуба Коласа / Р. Радзiк // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе / Пад. рэд. С. Запрудскага, А. Фядуты, З. Шыбекі. – Мiнск, 2007. – С. 291–296.
2. Казберук, В. М. Польский романтизм и развитие белорусской литературы первой половины XIX века / В. М. Казберук // Польский романтизм и восточнославянские литературы. – М., 1973. – С. 191–197.
3. Гараднiцкi, Я. Прадметны свет беларускай лiтаратуры XIX стагоддзя / Я.І. Гараднiцкi // Беларуская пiсьмовая спадчына ў кантэксце еўрапейскага культурна-гiстарычнага працэсу XI–XIX стагоддзяў: вытокі, традыцыi, уплывы: матэр. рэсп. навук.-практ. канф., Мiнск, 24 мая 2010 г. / Инст. мовы і лiт. ім. Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Мiнск, 2010. – С. 13–20.
4. Гнiламёдаў, У. Пра мiнулае – з сучасных пазiцый. Летапiс беларускай шляхты Анатоля Статкевіча-Чабаганавы / У. Гнiламёдаў // Роднае слова. – 2012. – № 9. – С. 26–29.

НАВАТАРСТВА Ў СУЧАСНЫХ БЕЛАРУСКІХ ЦВЁРДЫХ ФОРМАХ І ВІДАХ ВЕРША

Т. П. Барысюк

Інавацыі – заканамерны вынік творчай дзейнасці чалавека. Для стымулявання наватарскіх пошукаў апошнім часам навукоўцы раяць звяртацца да метадалогіі сінэргетыкі, якая вывучае дынаміку складаных сістэм. Вялікі поспех адбываецца і на шляху выкарыстання міждысцыплінарных метадаў. Згадаем, што М. М. Бахцін перанёс некаторыя тэрміны ў літаратуразнаўства з іншых навук (“поліфанію” – з музыказнаўства, а “хранатоп” – з фізіялагічных даследаванняў). Можна вылучыць прыклады канцэптualaнага наватарства, сінтэтычнага і пераносу жанраў з іншых відаў мастацтва ў паэзію і перанос жанраў з іншанацыянальнай традыцыі на беларускую глебу. Інавацыйную стратэгію можна разглядаць і як пераадоленне паэтамі жанравых зададзенасцей, удасканаленне фармальных ці змястоўных характарыстык верша, і як самапераадоленне, імкненне выйсці за межы традыцыі, не пабаяцца абнавіць сваё света- і вершаўспрыманне. Пра мадэрнізацыю паэзіі як выйсце за рамкі зададзеных змястоўна-фармальных схем і шаблонаў афарыстына гаворыць Алесь Разанаў: “Жанр плённы тым, што ў яго ёсць мяжа – мяжа лука. І што ёсць пераўзыходжанне гэтай мяжы – палёт стралы” [1, с. 221].

Якраз творчасць Алеся Разанава можна разглядаць як праяву канцэптualaнага наватарства. Не толькі на Беларусі, але і далёка за яе межамі ў перакладах вядома яго паэзія як аднаго з самых яскравых аўтараў філасофскай лірыкі. Ён стварыў наступныя паэтычныя жанры: квантэмы, вершаказы, зномы і пункціры. Апошнім часам з’явіліся злэсы – у кнізе 2011-га года. Гэта творы-ўспаміны, або аўтабіяграфічныя творы. У прынцыпе, аўтабіяграфічныя творы, без заяўкі на аўтарскую жанравую назву, існавалі ў беларускай (і не толькі) паэзіі. Т. А. Ціхановіч (Аляшкевіч) у сваёй кандыдацкай дысертацыі разглядае гэтыя творы (без злэсаў) адназначна як новыя жанры. Хоць пры дэталёвым разглядзе вершаказы і зномы нам больш нагадваюць вершы ў прозе (з дабаўленнем гукапісу), а квантэмы і пункціры – лірычныя мініяцюры. Якраз апошнія – лірычныя мініяцюры, з іх выяўленнем “...адзінкавага, асабовага, індывідуальнага...” [2, с. 117] – у вершах многіх паэтаў мелі назву, нават блізкую да жанравай (звычайна ў адно слова – адзор’і Казіміра Камейшы, ясачкі (трохрадкоўі) Рыгора Барадуліна, эспромты і пацеркі Сяргея Грахоўскага, бліскавінкі і шрацінкі Міхася Пазнякова і інш.), аднак іх ніхто асобным жанрам не лічыў.

Пачалі таксама з’яўляцца вершы-формулы (у кнізе “Сцяблінка на лязе” Ірыны Дарафейчук, пасля – у Таццяны Барысюк) – як спроба паказаць з’яву, якая складаецца з некалькіх кампанентаў. З’яўляюцца таксама вершы-адлюстраванні (у А. Мінкіна, Э. Акуліна, Т. Барысюк), калі схема паўтору радкоў адпавядае таму, як быццам пасярэдзіне верша паставілі люстэрка. З’яўляюцца ў беларускай паэзіі антыжанры і аўтажанры. Эпітафіі “Тульгаю”, “Лавеласу”, “П’яніцы” А. Зэкава з кнігі “Кругі ў галаве” (2007) і “Лагічна” Р. Барадуліна з кнігі “У неба пехатою” (2014) – сатырычныя, г. зн. супрацьлеглыя паводле пафасу традыцыйным (жалобным), г. зн. іх можна лічыць

антыэпітафіямі. З аўтажанраў, якія адрасатам робяць не старонняга чытача, а самога аўтара, можна назваць “Аўтаэпіграму” і “Аўтарэцэнзію” – пародыю на някляеўскія радкі Анатоля Зэкава, “Аўтаэпіграму” Ніла Гілевіча, “Аўтаэпіграму” Міколы Татура, “Эпіграму на самога сябе” Станіслава Шушкевіча і “Аўтапрысвячэнне” Алеся Жыгунова.

Прыкладамі фармальна-сінтэтычнага наватарства можна назваць “Акрасанет” (акраверш + санет), “Акрамадрыгал” (акраверш + мадрыгал), “Акраліст” (акраверш + ліст) і “Акранавагодняе” (акраверш + віншаванне) Рыгора Барадуліна, “Рок-санет” Алеся Звонака, “Паводле прароцтва” (акратэлеверш фігурны) Анатоля Кудласевіча, газелі-туюгі, лімэрыкі-туюгі, “І шал і сум і бур” (“скразны санет з аплікацыяй, двойной газеллю і чатырма залюстраванымі туюгамі”) Сержа Мінскевіча, “Эпікурэйства” (санет-газель-туюг) і “Шчадрыца” (санет-брахікалан) Юрася Пацюпы, “Вяртанне” (паэма-трыялет) Генадзя Аўласенкі, хоку-паэма Аксаны Спрычан, паліндрамічная паэма “Рогі гор” Віктара Жыбуля, “Трыялет” – пародыя на радкі Сержука Сокалава-Воюша і “Лічылка” – пародыя на радкі Нэлі Тулупавай Анатоля Зэкава, “Вянок парадыйных санетаў” (вянок санетаў + пародыі-прысвячэнні розным аўтарам, дзе мадрыгалам з’яўляецца аўтапародыя) Міхася Пазнякова, “Парадыйная балада” (пародыя на балады В. Шніпа) Юрася Нератка, “Элегічны рытурнель-манарым” Міколы Віняцкага і інш. У сінтэтычных жанравых формах мы заўважылі наступную заканамернасць. Чым больш кампанентаў – жанраў у складзе сінтэтычнага мастацкага твора, тым цяжэй кожнаму са складнікаў захоўваць сваё жанравае аблічча. Тады ў складзе сінтэтычнага цэлага цвёрдыя формы і віды верша “ідуць на кампраміс” і ахвяруюць некаторымі сваімі ўласцівасцямі.

Наватарствам паэтэсы Т. Барысюк можна лічыць стварэнне жанра “верш-аўтатрэнінг” (“Формула веры”), у якім аўтар, у адрозненне ад аўтараў сугестыўнай лірыкі, жадаючых унушыць настрой чытачам, настройвае на лепшае сябе (падобнага кшталту вершы пазней з’явіліся ў Таццяны Будовіч, Адама Шостака і інш.). Да 70-гадовага юбілею прафесара БДУ І. С. Скарапанавай Т. Барысюк напісала верш формы “залатое сячэнне”, якой яшчэ не было ў айчыннай і сусветнай паэзіі і які быў надрукаваны ў “Настаўніцкай газеце” за 25 красавіка 2015 года. Гэты верш мае 13 радкоў (5-радкоўе з яго самай распаўсюджанай схемай рыфмоўкі *абааб* і 8-радкоўе са схемай рыфмоўкі *взвг дедэ*), што адпавядае прапорцыям залатога сячэння. Адчуваецца ўплыў на гэтую форму – санетнай, бо падобная схема рыфмоўкі катрэнаў у складзе васьмірадкоўя, аўтар імкнулася пазбягаць паўтору самастойных часцін мовы ў межах твора, у апошнім сказе падводзяцца высновы, асаблівы семантычны акцэнт зроблены на апошнім слове – “Асоба” як найістотнай характарыстыцы гэтага вельмішаноўнага лірычнага адрасата. Яшчэ Т. Барысюк з’яўляецца аўтарам наступных сінтэтычных жанраў: фігурных хоку і адной фігурнай танкі (іх яшчэ можна назваць графічнымі – бо створаны пры дапамозе сродкаў камп’ютарнай графікі), якія надрукаваны ў газеце “Літаратура і мастацтва” за 30 красавіка 2004 г. З сінтэтычных жанраў яна яшчэ напісала “Акраліст” – сінтэз акраверша і эпістальнага жанру, “Акрапраклён” – сінтэз акраверша і фальклорнага жанру кленічаў, “Акраэлегію” – сінтэз акраверша і элегіі, твор “Спі, мой цар...” – сінтэз калыханкі і брахікалана. Як перанос кінематаграфічнага жанра ў паэзію ў Т. Барысюк ёсць верш пад загаловам “Містычны трылер”, дзе апісаны час разбурэння яе другой сям’і і непрыемныя падзеі, якія пры гэтым ёй давялося назіраць. З рэдкіх жанраў у яе ёсць элегічны двуверш, вянок паўсанетаў, трайны санет, брахікалан, таўтаграма, газель і актава. Не жанравым, а моўным наватарствам, было тое, што Т. Барысюк напісала два вершы на англійскай мове, а адзін трыялет сама пераклала на англійскую мову, усе гэтыя творы былі надрукаваны ў яе кнізе “Аўтапартрэт” (2002). Бо арыгінальная англамоўная творчасць на Беларусі нам дагэтуль не сустракалася.

Наватарскім можна лічыць і перанос жанраў з іншых відаў мастацтва і сфер дзейнасці ў паэзію як праява міждысцыплінарнага ўзаемадзеяння. Так, напрыклад, з маўленчых жанраў у паэзію прыйшлі “парады” (“Парады для Ліліт”, “Боскія парады” Т. Барысюк, “Парада” (“Не спяшайся ў рай...”) Р. Барадуліна, “Не бойцеся!” А. Чобата), з дакументальнага эпістальнага жанру – жанр “ліст” (“Ліст да каханага”, “Акраліст” Т. Барысюк, пазнейшы па часе напісання “Акраліст” Р. Барадуліна). Як перанос маўленчага жанру палілогу – верш “Чалавек – чалавеку...” (размова з класікамі: спроба аплікацыі) Т. Барысюк – яе палілог з Плаўтам, Ф. Дастаеўскім, Статыем і М. Багдановічам. Перанос маўленчых жанраў віншавання і зычэння ў паэзію – “Акранавагодняе” (акраверш + віншаванне), “Vivat!” (Акрэзычэнне), “Акравітаньне”, “Акрачалом праз акіян” (акраверш + вітанне) Р. Барадуліна. Перанос жанра навуковага даследавання кшталту манаграфіі ў паэзію нарадзіў верш-“супермінілекцыю” “Роля жанчыны ў гісторыі філасофіі”, “Эпіграму на

паэтаў” Т. Барысюк і “Кароткі крос-культурны аналіз эмацыянальнай парадыгмы” Ірыны Хадарэнка. Перанос малітвы як царкоўна-рэлігійнага жанру ў сферу паэзіі – гэта “Малітва ратавання душы” Т. Барысюк, прысвечаная памяці Яўгеніі Янішчыц, а таксама малітвы, створаныя паэтамі Р. Барадуліным, Д. Бічэль і А. Чобатам. Запазычаннем са сферы кінамастацтва выглядае “Дыяфільм пра мора” (вершы-кадрыкі) Міколы Маляўкі (“Прыбой”, “Буёк”, “Матылёк”, “Каменьчыкі-праменьчыкі” і інш.). Як перанос жанраў з жывапісу, музыкі і танца ў сучаснай беларускай паэзіі мы сустракалі вершы-эцюды, эскізы, акварэлі, партрэты, накцюрны, серэнады, санаты, вальсы, фугі, полькі.

Прыкладам пераносу жанраў, якія існуюць у іншанацыянальнай традыцыі, на беларускую глебу, можна назваць з’яўленне ў Андрэя Хадановіча лімэрыкаў, узятых з англійскай паэзіі. Эдуард Дубянецкі творча засвоіў шмат формаў з персідскай паэзіі (з самых рэдкіх – мураба, мусаба, мухамас, шаіры і інш.).

Такім чынам, у сучаснай беларускай паэзіі мы можам назіраць прыклады канцэптуальнага і сінтэтычнага наватарства, пераносу жанраў з іншых відаў мастацтва ў паэзію і перанос жанраў з іншанацыянальнай традыцыі на беларускую глебу.

Літаратура і крыніцы

1. Разанаў, А. Паляванне ў райскай даліне: Версэты, паэмы, пункціры, вершаказы, з Вяліміра Хлебнікава, зномы / А. Разанаў. – Мінск, 1995.
2. Кісліцына, Г. М. Лірычная мініяцюра як жанр беларускай літаратуры / Г. М. Кісліцына. – Мінск, 2000.

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ АФОРИСТИЧЕСКИХ ИЗО-ТЕКСТОВЫХ КОМПОЗИЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ БЕЛОРУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ)

И. Н. Неццет

Изучение философских аспектов человеческого общения невозможно без исследования междисциплинарных или диалогических художественных практик. Одной из таких практик является визуальная поэзия. На наш взгляд часто используемый исследователями термин «визуальная поэзия» в большей степени представляет собой самоназвание вида литературной практики, которая включает в себя изобразительные элементы. Мы предлагаем для исследования произведений, в которых представлены и визуальное и литературное начала, использовать термин «изо-текстовая композиция», который указывает на два равных самостоятельных источника вдохновения и позволяет говорить о принадлежности произведения к отдельному виду искусства.

Традиция синтезировать изобразительные и текстовые элементы в едином произведении восходит еще к античности. К первым образцам таких произведений относятся два спиралеобразных текста, расположенных на обеих сторонах диска, найденного на острове Крит и датированного приблизительно XVII в. до н. э. Следующие из известных дошедших до нас образцов изо-текстовых композиций относятся к IV–III вв. до н. э. Это стихи в форме распротёртых крыльев, топора и яйца и других визуальных образов, созданные поэтами Симиасом Родосским, Каллимахом Александрийским и Теокрытом. В восточнославянских литературах начиная с XVII в. н. э. первые образцы изотекстов мы находим у авторов, творчество которых относят к белорусской барочной традиции.

В задачи данного краткого исследования не входит детальное рассмотрение истории, текстовой и графической семантики изо-текстовых композиций, созданных белорусскими творцами. Мы ограничимся лишь кратким перечнем авторов, творчество которых образует условный каркас-схему для дальнейшей работы по изучению таких произведений со второй половины XVII в. по настоящее время.

Первым известным нам автором, который работал на стыке литературы и визуальных искусств, был Симеон Полоцкий. Его изобразительно-текстовые произведения относятся к 1661–1676 гг.

Этот изо-текст представляет собой серию пожеланий отцу по имени Алексей, у которого родился сын. Некоторые фрагменты выражают авторскую философию и могут прочитываться как отдельные афористические высказывания. Например – «Бог – жизнь моя есть». Кроме того, для прочтения текста необходимо многократно развернуть оттиск, что создает новый телесно-игровой опыт взаимодействия с произведением.

В искусстве XX века особое место занимает витебская школа Шагала-Малевича-Лисицкого. Эль Лисицкий в работе «Клином красным бей белых» показывает изотекст, имеющий несколько планов.

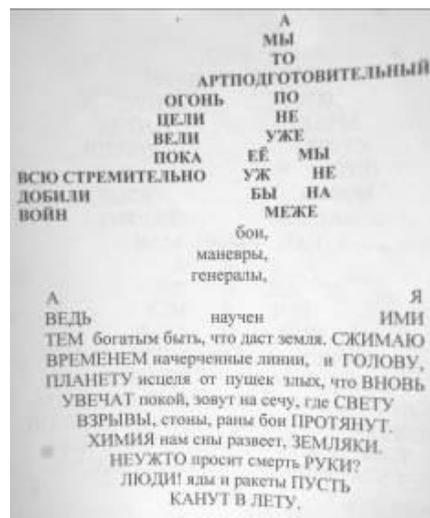
Первый план агитационно-революционный – здесь символически представлен конфронтационный сценарий человеческого общения. Но за фасадом произведения есть и несколько дополнительных планов. Это – философия взаимодействия стихий огня (красное) и воздуха (белое), свойств (острое и мягкое), философия композиционной напряженности и динамики в своей крайней форме. В книге «Супрематический сказ про два квадрата», развивающей стилистику показанной работы, автор показывает изобразительно-текстовую сюжетную историю о квадратах – черном и красном, прилетевших на землю и сменивших ситуацию «черно-тревожно» на ситуацию «красно-ясно». Сюжет разворачивается в пяти картинах-действиях, в которых повествование ведется при помощи визуальных, и вербальных средств, причем героями выступают простейшие геометрические фигуры, а декорациями – архитектурные композиции.

Среди современных белорусских авторов в жанре изо-текстовых композиций работают Александр Сильванович, Валентина Шоба, Петр Семинский, Татьяна Борисюк, Павел Семченко. В работе «Ночь», которая представляет собой авторское размышление о темном времени суток, Александр Сильванович, член союза художников Беларуси, чередует текстовые и изобразительные фрагменты. Уникальность этого произведения состоит в том, что его можно «прочитывать-просматривать» несколькими способами – линейным чтением справа налево, столбцовым чтением, разнонаправленным ступенчатым чтением, и, наконец, распространенным в древности «бустрофедоном» – чтением попеременно слева-направо и справа налево.

Множественность способов контакта зрителя с произведением позволяет каждый раз при его просмотре вычерпывать новые смыслы, наглядно иллюстрирует различные способы взаимодействия сфер осознаваемого и неосознаваемого в человеческом сознании и является внятной метафорой многовариантности сценариев диалога.

Пётр Семинский, член союза писателей Беларуси в сборнике «Серебряная сватья» представил серию изо-текстовых композиций. Самое значимое с философской точки зрения в этом сборнике произведение «Памятник». Оно представляет собой изображенную/написанную пушку, стоящую в профиль на пьедестале.

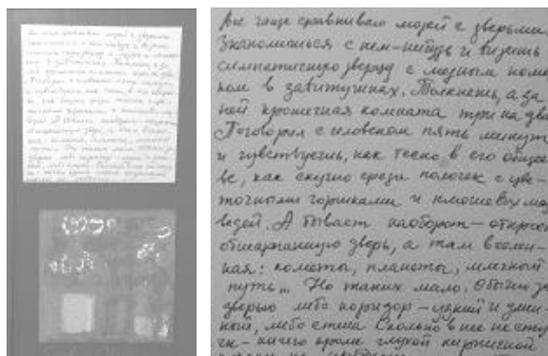

Как и произведение А. Сильвановича, «Памятник» можно читать-смотреть разными способами и траекториями – линейным прочтением, ассоциативным блуждающим чтением, чтением акростиха, который образует основание фигуры-пьедестала. Некоторые текстовые фрагменты могут быть прочитаны и как самостоятельные афористические высказывания – например «Люди! Яды и ракеты пусть канут в лету».

Татьяна Борисюк, поэтесса и литературовед, создала изотекст об острой извилистости и непредсказуемости жизненного пути, обрывающегося смертью. Павел Семченко, каллиграф и дизайнер, представил серию работ «Болдинская осень» о вдохновении как светописи.

Валентина Шоба, член союза художников Беларуси, комментирует свои живописные полотна авторскими текстовыми включениями, где она развивает свою авторскую философию. В представленном тексте она сравнивает людей с дверьми и общение с ними представляет как вход во внутренне пространство комнаты, коридора или целой вселенной.

Таким образом, мы считаем, что белорусская традиция изо-текстовых композиций представляет собой интересное поле для исследования и может рассматриваться как особый художественный феномен. Во всех представленных произведениях осуществляется особый авторский диалог визуальных и литературных средств выражения. Эффект от созерцания таких произведений в ходе их синергетического «просматривания-прочитывания-интерпретирования-понимания» является уникальным для зрителя и позволяет обогатить современную интеллектуальную культуру. Кроме того, работы, представляющие этот редкий специфический вид искусства, служат своего рода философским портретом современного «мерцающего» homo sapiens, существующего с недавних пор в двух реальностях – природной и виртуальной.

Литература и источники

1. Симеон Полоцкий. Вирши / С. Полоцкий. – М., 1999.
2. Лисицкий, Э. Супрематический сказ про два квадрата / Э. Лисицкий. – Лейпциг, 1922.
3. Сильванович, А. Ночь / А. Сильванович // Земля под белыми крылами. Материалы выставки. – Гродно, 2010.
4. Семинский, П. Серебряная сватья / П. Семинский. – Гродно, 2012.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА МОДЫ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Е. В. Скалацкая

Процесс получения научного знания, поиски методов, его доказуемость и теоретическое обоснование, представляет актуальный вопрос для современной науки. В последние десятилетия дифференциация наук приводит к появлению ряда новых областей знания, которые требуют собственной комплексной теоретической базы, и разработки специальных методов исследования. Появляются и междисциплинарные категории, требующие своей экспликации и уточнения (например, конфликт, имидж, ментальность). Одним из таких социальных феноменов, который требует научного обоснования, является мода во всем многообразии ее проявлений. У некоторых теоретиков (Ж. Липовецкий, Л. Свендсен) вызывает удивление отсутствие интереса философии к теоретическому осмыслению данного феномена. В обыденном сознании мода воспринимается исключительно на повседневном уровне, потребительском. Этому так же способствуют материалы средств массовой информации, популяризирующие и создающие стереотип в массовом сознании о неумении большинства населения выбрать одежду и следить за модными тенденциями. Вышеперечисленные предпосылки создают основу для социально-философского обоснования феномена моды.

Феномен моды представляет собой неоднозначное и многогранное явление, которое, несмотря на существующий теоретический и практический материал, не имеет единого научного определения. Интересу к теоретическому обоснованию данного феномена предшествовал богатый эмпирический материал, включающий в себя ряд сфер жизнедеятельности человека (обыденная жизнь, изобразительное искусство). Вопрос о первичности теоретического или практического осмысления моды является сложным и требует определенных знаний.

Мода, как важная составляющая деятельности человека, на протяжении истории исследовалась в различных областях знания: философии, истории, культурологии, эстетике и других науках. Несмотря на существующие в современном научном дискурсе плюрализм различных вариаций теоретического объяснения феномена моды, его сущность и специфика динамики остается нераскрытой. Все существующие подходы можно разделить на несколько основных центров, при этом, центры могут находиться в определенном взаимодействии друг с другом и эмпирической стороной исследования. Данные научные разведки достигли определенных смысловых конструкций, опирающихся на эмпирический материал. Многообразие полученных знаний, позволило создать классификации научных подходов к изучению проблемы моды (М. И. Килошенко, М. Мельник, О. В. Чурсина).

Философская мысль на протяжении своей истории неоднократно обращалась к различным аспектам моды. Необходимо отметить работы: Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Т. Веблена, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, А. Кребера, Г. Тарда, Г. Спенсера и других. У вышеупомянутых авторов мода рассматривалась как искусство, творчество, код, ритуал, обычай, подражание, знак, символ; ее связывали с процессом идентификации, индивидуализации индивида. В работах западных ученых, появившихся в последнее время: Х.Г. Гумбрехт, Ж. Липовецкий мода рассматривается в условиях современных общественных трансформаций.

Именно в философской мысли на стыке культурологии и антропологии были впервые приняты попытки обосновать значение первобытных ритуалов и стремления людей украшать себя при помощи красок на теле и шкур и зубов зверей. Помимо ритуального и мимического значения здесь начинает формироваться и социальный контекст одежды как защитного механизма человека. С эволюцией сакрализация одежды трансформируется в дифференциацию, а в последствии и в имидж. Определенные предпосылки зарождения визуального восприятия образа, как представителя своего племени, так и чужака в архаичных культурах можно найти в работах представителей культурной антропологии (А. Кребер, А. Клакхон, Э. Тайлор).

Философский анализ одежды как составляющей моды актуализируется в XX веке. Основой данного теоретического дискурса являются социальные трансформации: снятие классового различия между населением и доступность моды для широкого потребления; увеличение количества производства, в результате чего появляются новые ткани и фурнитура для пошива одежды и создание аксессуаров; открытие магазинов одежды и масс-маркетов; влияние на выбор потребителей

различных средств массовой информации; возникновения специалистов (имиджмейкеры, стилисты), которые предоставляют населению помощь при выборе одежды и создании собственного образа (имиджа).

В рамках философского исследования мы принимаем утверждение, что в исследовании моды можно выделить два уровня. Первый уровень занимает мода как феномен, который охватывает пространство социального бытия. Второй уровень представляют смоделированные исследования данного пространства с помощью смысловых конструкций.

Построение философской теоретической концепции требует анализа эмпирического материала индустрии моды европейских стран, творческий материал дизайнеров. К анализу практической стороны моды также обращается новая теоретико-прикладная наука имиджелогия, которая исследует вопросы создания имиджа. Первое место, в большинстве практических рекомендаций, при создании имиджа, играют внешние данные человека, внутренние свойства занимают второстепенное значение. Построение привлекательного визуального образа невозможно без учета последних модных тенденций, но здесь важно грамотно совместить внутренние особенности человека, его физиологические данные и модные тенденции. Особый интерес вызывают работы имидеологов, стремящихся синтезировать внутреннюю и внешнюю сторону индивидуума (В. Волков, А. Панасюк, В. Шепель).

Социально-философский анализ существующих гуманитарных научных разведок в раскрытии сущности феномена моды способствует интеграции и классификации полученных научных знаний, а также формированию культуры потребления и восприятия моды (и одежды в частности) у широких слоев населения.